Н. В.
ГОГОЛЬ

VI

Н. Гоголь

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Н. В. ГОГОЛЬ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1951

Н. В. ГОГОЛЬ

ТОМ ШЕСТОЙ

МЕРТВЫЕ ДУШИ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1951

Н. В. Гоголь.

Рисунок художника К. Мазера. 1840 г.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

МЕРТВЫЕ ДУШИ

I

ГЛАВА I

В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки: отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян, словом, все те, которых называют господами средней руки. В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод. Въезд его не произвел в городе совершенно никакого шума и не был сопровожден ничем особенным; только два русские мужика, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к экипажу, чем к сидевшему в нем. «Вишь ты», сказал один другому, «вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось в Москву, или не доедет?» — «Доедет», отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» — «В Казань не доедет», отвечал другой. — Этим разговор и кончился. Да еще, когда бричка подъехала к гостинице, встретился молодой человек в белых канифасовых панталонах, весьма узких и коротких, во фраке с покушеньями на моду, из-под которого видна была манишка, застегнутая тульскою булавкою с бронзовым пистолетом. Молодой человек оборотился назад, посмотрел экипаж, придержал рукою картуз, чуть не слетевший от ветра, и пошел своей дорогой.

Когда экипаж въехал на двор, господин был встречен трактирным слугою, или половым, как их называют в русских трактирах, живым и вертлявым до такой степени, что даже нельзя было рассмотреть, какое у него было лицо. Он выбежал проворно с салфеткой в руке, весь длинный и в длинном демикотонном сюртуке со спинкою чуть не на самом затылке, встряхнул волосами и повел проворно господина вверх по всей деревянной галдарее показывать ниспосланный ему богом покой. — Покой был известного рода; ибо гостиница была тоже известного рода, то-есть именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах, где за два рубля в сутки проезжающие получают покойную комнату с тараканами, выглядывающими, как чернослив, из всех углов, и дверью в соседнее помещение, всегда заставленною комодом, где устроивается сосед, молчаливый и спокойный человек, но чрезвычайно любопытный, интересующийся знать о всех подробностях проезжающего. Наружный фасад гостиницы отвечал ее внутренности: она была очень длинна, в два этажа; нижний не был выщекатурен и оставался в темнокрасных кирпичиках, еще более потемневших от лихих погодных перемен и грязноватых уже самих по себе; верхний был выкрашен вечною желтою краскою; внизу были лавочки с хомутами, веревками и баранками. В угольной из этих лавочек, или, лучше, в окне, помещался сбитенщик с самоваром из красной меди и лицом так же красным, как самовар, так что издали можно бы подумать, что на окне стояло два самовара, если б один самовар не был с черною, как смоль, бородою.

Пока приезжий господин осматривал свою комнату, внесены были его пожитки: прежде всего чемодан из белой кожи, несколько поистасканный, показывавший, что был не в первый раз в дороге. Чемодан внесли кучер Селифан, низенькой человек в тулупчике, и лакей Петрушка, малый лет тридцати, в просторном подержаном сюртуке, как видно с барского плеча, малый немного суровый на взгляд, с очень крупными губами и носом. Вслед за чемоданом внесен был небольшой ларчик красного дерева, с штучными выкладками из карельской березы, сапожные колодки и завернутая в синюю бумагу жареная курица. Когда всё это было внесено, кучер Селифан отправился на конюшню возиться около лошадей, а лакей Петрушка стал

устроиваться в маленькой передней, очень темной конурке, куда уже успел притащить свою шинель и вместе с нею какой-то свой собственный запах, который был сообщен и принесенному вслед за тем мешку с разным лакейским туалетом. В этой конурке он приладил к стене узенькую трехногую кровать, накрыв ее небольшим подобием тюфяка, убитым и плоским, как блин, и, может быть, так же замаслившимся, как блин, который удалось ему вытребовать у хозяина гостиницы.

Покамест слуги управлялись и возились, господин отправился в общую залу. Какие бывают эти общие залы — всякой проезжающий знает очень хорошо: те же стены, выкрашенные масляной краской, потемневшие вверху от трубочного дыма и залосненные снизу спинами разных проезжающих, а еще более туземными купеческими, ибо купцы по торговым дням приходили сюда сам-шест и сам-сём испивать свою известную пару чаю; тот же закопченный потолок, та же копченая люстра со множеством висящих стеклышек, которые прыгали и звенели всякий раз, когда половой бегал по истертым клеенкам, помахивая бойко подносом, на котором сидела такая же бездна чайных чашек, как птиц на морском берегу; те же картины во всю стену, писанные масляными красками; словом, всё то же, что и везде; только и разницы, что на одной картине изображена была нимфа с такими огромными грудями, каких читатель, верно, никогда не видывал. Подобная игра природы, впрочем, случается на разных исторических картинах, неизвестно в какое время, откуда и кем привезенных к нам в Россию, иной раз даже нашими вельможами, любителями искусств, накупившими их в Италии, по совету везших их курьеров. Господин скинул с себя картуз и размотал с шеи шерстяную, радужных цветов косынку, какую женатым приготовляет своими руками супруга, снабжая приличными наставлениями, как закутываться, а холостым, наверное не могу сказать, кто делает, бог их знает: я никогда не носил таких косынок. Размотавши косынку, господин велел подать себе обед. Покамест ему подавались разные обычные в трактирах блюда, как-то: щи с слоеным пирожком, нарочно сберегаемым для проезжающих в течение нескольких неделей, мозги с горошком, сосиски с капустой, пулярку жареную, огурец соленый и вечный слоеный сладкий пирожок, всегда готовый

к услугам; покамест ему всё это подавалось, и разогретое и просто холодное, он заставил слугу, или полового, рассказывать всякий вздор о том, кто содержал прежде трактир и кто теперь, и много ли дает дохода, и большой ли подлец их хозяин; на что половой по обыкновению отвечал: «О, большой, сударь, мошенник». Как в просвещенной Европе, так и в просвещенной России есть теперь весьма много почтенных людей, которые без того не могут покушать в трактире, чтоб не поговорить с слугою, а иногда даже забавно пошутить над ним. Впрочем, приезжий делал не всё пустые вопросы; он с чрезвычайною точностию расспросил, кто в городе губернатор, кто председатель палаты, кто прокурор, словом — не пропустил ни одного значительного чиновника; но еще с большею точностию, если даже не с участием, расспросил обо всех значительных помещиках, сколько кто имеет душ крестьян, как далеко живет от города, какого даже характера и как часто приезжает в город; расспросил внимательно о состоянии края: не было ли каких болезней в их губернии, повальных горячек, убийственных каких-нибудь лихорадок, оспы и тому подобного, и всё так обстоятельно и с такою точностию, которая показывала более, чем одно простое любопытство. В приемах своих господин имел что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко. Неизвестно, как он это делал, но только нос его звучал, как труба. Это, повидимому, совершенно невинное достоинство приобрело, однако ж, ему много уважения со стороны трактирного слуги, так что он всякий раз, когда слышал этот звук, встряхивал волосами, выпрямливался почтительнее и, нагнувши с вышины свою голову, спрашивал: не нужно ли чего? После обеда господин выкушал чашку кофею и сел на диван, подложивши себе за спину подушку, которую в русских трактирах вместо эластической шерсти набивают чем-то чрезвычайно похожим на кирпич и булыжник. Тут начал он зевать и приказал отвести себя в свой нумер, где, прилегши, заснул два часа. Отдохнувши, он написал на лоскутке бумажки, по просьбе трактирного слуги, чин, имя и фамилию, для сообщения, куда следует, в полицию. На бумажке половой, спускаясь с лестницы, прочитал по складам следующее: Коллежский советник Павел Иванович Чичиков, помещик, по своим надобностям. Когда половой всё еще разбирал по складам записку, сам Павел

Иванович Чичиков отправился посмотреть город, которым был, как казалось удовлетворен, ибо нашел, что город никак не уступал другим губернским городам: сильно била в глаза желтая краска на каменных домах и скромно темнела серая на деревянных. Домы были в один, два и полтора этажа, с вечным мезонином, очень красивым, по мнению губернских архитекторов. Местами эти дома казались затерянными среди широкой, как поле, улицы и нескончаемых деревянных заборов; местами сбивались в кучу, и здесь было заметно более движения народа и живописи. Попадались почти смытые дождем вывески с кренделями и сапогами, кое-где с нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавского портного; где магазин с картузами, фуражками и надписью: «Иностранец Василий Федоров»; где нарисован был билиярт с двумя игроками во фраках, в какие одеваются у нас на театрах гости, входящие в последнем акте на сцену. Игроки были изображены с прицелившимися киями, несколько выворочеными назад руками и косыми ногами, только что сделавшими на воздухе антраша. Под всем этим было написано: «И вот заведение». Кое-где просто на улице стояли столы с орехами, мылом и пряниками, похожими на мыло; где харчевня с нарисованною толстою рыбою и воткнутою в нее вилкою. Чаще же всего заметно было потемневших двуглавых государственных орлов, которые теперь уже заменены лаконическою надписью: «Питейный дом». Мостовая везде была плоховата. Он заглянул и в городской сад, который состоял из тоненьких дерев, дурно принявшихся, с подпорками внизу в виде треугольников, очень красиво выкрашенных зеленою масляною краскою. Впрочем, хотя эти деревца были не выше тростника, о них было сказано в газетах при описании иллюминации, что город наш украсился, благодаря попечению гражданского правителя, садом, состоящим из тенистых, широковетвистых дерев, дающих прохладу в знойный день, и что при этом было очень умилительно глядеть, как сердца граждан трепетали в избытке благодарности и струили потоки слез в знак признательности к господину градоначальнику. Расспросивши подробно буточника, куда можно пройти ближе, если понадобится к собору, к присутственным местам, к губернатору, он отправился взглянуть на реку, протекавшую посредине города, дорогою оторвал

прибитую к столбу афишу с тем, чтобы, пришедши домой, прочитать ее хорошенько, посмотрел пристально на проходившую по деревянному тротуару даму недурной наружности, за которой следовал мальчик в военной ливрее, с узелком в руке, и, еще раз окинувши всё глазами, как бы с тем, чтобы хорошо припомнить положение места, отправился домой прямо в свой нумер, поддерживаемый слегка на лестнице трактирным слугою. Накушавшись чаю, он уселся перед столом, велел подать себе свечу, вынул из кармана афишу, поднес ее к свече и стал читать, прищуря немного правый глаз. Впрочем, замечательного немного было в афишке: давалась драма г. Коцебу, в которой Ролла играл г. Поплёвин, Кору — девица Зяблова, прочие лица были и того менее замечательны; однако же он прочел их всех, добрался даже до цены партера и узнал, что афиша была напечатана в типографии губернского правления, потом переворотил на другую сторону узнать, нет ли и там чего-нибудь, но, не нашедши ничего, протер глаза, свернул опрятно и положил в свой ларчик, куда имел обыкновение складывать всё, что ни попадалось. День, кажется, был заключен порцией холодной телятины, бутылкою кислых щей и крепким сном во всю насосную завертку, как выражаются в иных местах обширного русского государства.

Весь следующий день посвящен был визитам; приезжий отправился делать визиты всем городским сановникам. Был с почтением у губернатора, который, как оказалось, подобно Чичикову, был ни толст, ни тонок собой, имел на шее Анну, и поговаривали даже, что был представлен к звезде; впрочем, был большой добряк и даже сам вышивал иногда по тюлю. Потом отправился к вице-губернатору, потом был у прокурора, у председателя палаты, у полицеймейстера, у откупщика, у начальника над казенными фабриками... жаль, что несколько трудно упомнить всех сильных мира сего; но довольно сказать, что приезжий оказал необыкновенную деятельность насчет визитов: он явился даже засвидетельствовать почтение инспектору врачебной управы и городскому архитектору. И потом еще долго сидел в бричке, придумывая, кому бы еще отдать визит, да уж больше в городе не нашлось чиновников. В разговорах с сими властителями он очень искусно умел польстить каждому. Губер-

натору намекнул как-то вскользь, что в его губернию въезжаешь как в рай, дороги везде бархатные, и что те правительства, которые назначают мудрых сановников, достойны большой похвалы. Полицеймейстеру сказал что-то очень лестное насчет городских буточников; а в разговорах с вице-губернатором и председателем палаты, которые были еще только статские советники, сказал даже ошибкою два раза ваше превосходительство, что очень им понравилось. Следствием этого было то, что губернатор сделал ему приглашение пожаловать к нему того же дня на домашнюю вечеринку, прочие чиновники тоже, с своей стороны, кто на обед, кто на бостончик, кто на чашку чаю.

О себе приезжий, как казалось, избегал много говорить; если же говорил, то какими-то общими местами, с заметною скромностию, и разговор его в таких случаях принимал несколько книжные обороты: что он незначащий червь мира сего и не достоин того, чтобы много о нем заботились, что испытал много на веку своем, претерпел на службе за правду, имел много неприятелей, покушавшихся даже на жизнь его, и что теперь, желая успокоиться, ищет избрать наконец место для жительства, и что, прибывши в этот город, почел за непременный долг засвидетельствовать свое почтение первым его сановникам. — Вот всё, что узнали в городе об этом новом лице, которое очень скоро не преминуло показать себя на губернаторской вечеринке. Приготовление к этой вечеринке заняло с лишком два часа времени, и здесь в приезжем оказалась такая внимательность к туалету, какой даже не везде видывано. После небольшого послеобеденного сна он приказал подать умыться и чрезвычайно долго тер мылом обе щеки, подперши их извнутри языком; потом, взявши с плеча трактирного слуги полотенцо, вытер им со всех сторон полное свое лицо, начав из-за ушей и фыркнув прежде раза два в самое лицо трактирного слуги. Потом надел перед зеркалом манишку, выщипнул вылезшие из носу два волоска и непосредственно за тем очутился во фраке брусничного цвета с искрой. Таким образом одевшись, покатился он в собственном экипаже по бесконечно широким улицам, озаренным тощим освещением из кое-где мелькавших окон. Впрочем, губернаторский дом был так освещен, хоть бы и для бала; коляски с фонарями, перед подъездом два жандарма, форейторские крики

вдали — словом, всё как нужно. Вошедши в зал, Чичиков должен был на минуту зажмурить глаза, потому что блеск от свечей, ламп и дамских платьев был страшный. Всё было залито светом. Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами там и там, как носятся мухи на белом сияющем рафинаде в пору жаркого июльского лета, когда старая клюшница рубит и делит его на сверкающие обломки перед открытым окном; дети все глядят, собравшись вокруг, следя любопытно за движениями жестких рук ее, подымающих молот, а воздушные эскадроны мух, поднятые легким воздухом, влетают смело, как полные хозяева, и, пользуясь подслеповатостию старухи и солнцем, беспокоящим глаза ее, обсыпают лакомые куски, где вразбитную, где густыми кучами. Насыщенные богатым летом, и без того на всяком шагу расставляющим лакомые блюда, они влетели вовсе не с тем, чтобы есть, но чтобы только показать себя, пройтись взад и вперед по сахарной куче, потереть одна о другую задние или передние ножки, или почесать ими у себя под крылышками, или, протянувши обе передние лапки, потереть ими у себя над головою, повернуться и опять улететь и опять прилететь с новыми докучными эскадронами.

Не успел Чичиков осмотреться, как уже был схвачен под руку губернатором, который представил его тут же губернаторше. Приезжий гость и тут не уронил себя: он сказал какой-то комплимент, весьма приличный для человека средних лет, имеющего чин не слишком большой и не слишком малый. Когда установившиеся пары танцующих притиснули всех к стене, он, заложивши руки назад, глядел на них минуты две очень внимательно. Многие дамы были хорошо одеты и по моде, другие оделись во что бог послал в губернский город. Мужчины здесь, как и везде, были двух родов: одни тоненькие, которые всё увивались около дам; некоторые из них были такого рода, что с трудом можно было отличить их от петербургских: имели так же весьма чисто, обдуманно и со вкусом зачесанные бакенбарды, или просто благовидные, весьма гладко выбритые овалы лиц, так же небрежно подседали к дамам, так же говорили по-французски и смешили дам так же, как и в Петербурге. Другой род мужчин составляли толстые или такие же, как Чичиков, то-есть не так чтобы слишком толстые, однако ж и не тонкие. Эти, напро-

тив того, косились и пятились от дам и посматривали только по сторонам, не расставлял ли где губернаторский слуга зеленого стола для виста. Лица у них были полные и круглые, на иных даже были бородавки, кое-кто был и рябоват; волос они на голове не носили ни хохлами, ни буклями, ни на манер чорт меня побери, как говорят французы; волосы у них были или низко подстрижены, или прилизаны, а черты лица больше закругленные и крепкие. Это были почетные чиновники в городе. Увы! толстые умеют лучше на этом свете обделывать дела свои, нежели тоненькие. Тоненькие служат больше по особенным поручениям или только числятся и виляют туда и сюда; их существование как-то слишком легко, воздушно и совсем ненадежно Толстые же никогда не занимают косвенных мест, а всё прямые и уж если сядут где, то сядут надежно и крепко, так что скорей место затрещит и угнется под ними, а уж они не слетят. Наружного блеска они не любят; на них фрак не так ловко скроен, как у тоненьких, зато в шкатулках благодать божия. У тоненького в три года не остается ни одной души, не заложенной в ломбард; у толстого спокойно, глядь, и явился где-нибудь в конце города дом, купленный на имя жены, потом в другом конце другой дом, потом близ города деревенька, потом и село со всеми угодьями. Наконец толстый, послуживши богу и государю, заслуживши всеобщее уважение, оставляет службу, перебирается и делается помещиком, славным русским барином, хлебосолом, и живет, и хорошо живет. А после него опять тоненькие наследники спускают, по русскому обычаю, на курьерских всё отцовское добро. Нельзя утаить, что почти такого рода размышления занимали Чичикова в то время, когда он рассматривал общество, и следствием этого было то, что он наконец присоединился к толстым, где встретил почти всё знакомые лица: прокурора с весьма черными густыми бровями и несколько подмигивавшим левым глазом, так, как будто бы говорил: «пойдем, брат, в другую комнату, там я тебе что-то скажу», — человека, впрочем, серьезного и молчаливого; почтмейстера, низенького человека, но остряка и философа; председателя палаты, весьма рассудительного и любезного человека, которые все приветствовали его как старинного знакомого, на что Чичиков раскланивался, несколько набок, впрочем не без приятности. Тут же познакомился он с весьма

обходительным и учтивым помещиком Маниловым и несколько неуклюжим на взгляд Собакевичем, который с первого раза ему наступил на ногу, сказавши: «прошу прощения». Тут же ему всунули карту на вист, которую он принял с таким же вежливым поклоном. Они сели за зеленый стол и не вставали уже до ужина. Все разговоры совершенно прекратились, как случается всегда, когда наконец предаются занятию дельному. Хотя почтмейстер был очень речист, но и тот, взявши в руки карты, тот же час выразил на лице своем мыслящую физиономию, покрыл нижнею губою верхнюю и сохранил такое положение во всё время игры. Выходя с фигуры, он ударял по столу крепко рукою, приговаривая, если была дама: «Пошла, старая попадья!», если же король: «Пошел, тамбовский мужик!» А председатель приговаривал: «А я его по усам! А я ее по усам!» Иногда при ударе карт по столу вырывались выражения: «А! была не была, не с чего, так с бубен!», или же просто восклицания: «черви! червоточина! пикенция!», или «пикендрас! пичурущух! пичура!» и даже просто: «пичук!» — названия, которыми перекрестили они масти в своем обществе. По окончании игры спорили, как водится, довольно громко. Приезжий наш гость также спорил, но как-то чрезвычайно искусно, так что все видели, что он спорил, а между тем приятно спорил. Никогда он не говорил: «вы пошли», но «вы изволили пойти, я имел честь покрыть вашу двойку», и тому подобное. Чтобы еще более согласить в чем-нибудь своих противников, он всякий раз подносил им всем свою серебряную с финифтью табакерку, на дне которой заметили две фиялки, положенные туда для запаха. Внимание приезжего особенно заняли помещики Манилов и Собакевич, о которых было упомянуто выше. Он тотчас же осведомился о них, отозвавши тут же несколько в сторону председателя и почтмейстера. Несколько вопросов, им сделанных, показали в госте не только любознательность, но и основательность; ибо прежде всего расспросил он, сколько у каждого из них душ крестьян и в каком положении находятся их имения, а потом уже осведомился, как имя и отчество. В немного времени он совершенно успел очаровать их. Помещик Манилов, еще вовсе человек не пожилой, имевший глаза сладкие, как сахар, и щуривший их всякий раз, когда смеялся, был от него без

Обложка первого издания «Мертвых душ». По рисунку Н. В. Гоголя (уменьшено).

памяти. Он очень долго жал ему руку и просил убедительно сделать ему честь своим приездом в деревню, к которой, по его словам, было только пятнадцать верст от городской заставы. На что Чичиков с весьма вежливым наклонением головы и искренним пожатием руки отвечал, что он не только с большою охотою готов это исполнить, но даже почтет за священнейший долг. Собакевич тоже сказал несколько лаконически: «и ко мне прошу», шаркнувши ногою, обутою в сапог такого исполинского размера, которому вряд ли где можно найти отвечающую ногу, особливо в нынешнее время, когда и на Руси начинают уже выводиться богатыри.

На другой день Чичиков отправился на обед и вечер к полицеймейстеру, где с трех часов после обеда засели в вист и играли до двух часов ночи. Там, между прочим, он познакомился с помещиком Ноздревым, человеком лет тридцати, разбитным малым, который ему после трех-четырех слов начал говорить ты. С полицеймейстером и прокурором Ноздрев тоже был на ты и обращался по-дружески; но когда сели играть в большую игру, полицеймейстер и прокурор чрезвычайно внимательно рассматривали его взятки и следили почти за всякою картою, с которой он ходил. На другой день Чичиков провел вечер у председателя палаты, который принимал гостей своих в халате, несколько замасленном, и в том числе двух каких-то дам. Потом был на вечере у вице-губернатора, на большом обеде у откупщика, на небольшом обеде у прокурора, который, впрочем, стоил большого, на закуске после обедни, данной городским главою, которая тоже стоила обеда. Словом, ни одного часу не приходилось ему оставаться дома, и в гостиницу приезжал он с тем только, чтобы заснуть. Приезжий во всем как-то умел найтиться и показал в себе опытного светского человека. О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его: шла ли речь о лошадином заводе, он говорил и о лошадином заводе; говорили ли о хороших собаках, и здесь он сообщал очень дельные замечания; трактовали ли касательно следствия, произведенного казенною палатою, — он показал, что ему небезызвестны и судейские проделки; было ли рассуждение о билиартной игре — и в билиартной игре не давал он промаха; говорили ли о добродетели, и о добродетели рассуждал он очень хорошо, даже со слезами на глазах; об

выделке горячего вина, и в горячем вине знал он прок; о таможенных надсмотрщиках и чиновниках — и о них он судил так, как будто бы сам был и чиновником и надсмотрщиком. — Но замечательно, что он всё это умел облекать какою-то степенностью, умел хорошо держать себя. Говорил ни громко, ни тихо, а совершенно так, как следует. Словом, куда ни повороти, был очень порядочный человек. Все чиновники были довольны приездом нового лица. Губернатор об нем изъяснился, что он благонамеренный человек; прокурор, что он дельный человек; жандармский полковник говорил, что он ученый человек; председатель палаты, что он знающий и почтенный человек; полицеймейстер, что он почтенный и любезный человек; жена полицеймейстера, что он любезнейший и обходительнейший человек. Даже сам Собакевич, который редко отзывался о ком-нибудь с хорошей стороны, приехавши довольно поздно из города и уже совершенно раздевшись и легши на кровать возле худощавой жены своей, сказал ей: «Я, душенька, был у губернатора на вечере, и у полицеймейстера обедал, и познакомился с коллежским советником Павлом Ивановичем Чичиковым: преприятный человек!» На что супруга отвечала: «Гм!» и толкнула его ногою.

Такое мнение, весьма лестное для гостя, составилось о нем в городе, и оно держалось до тех пор, покамест одно странное свойство гостя и предприятие, или, как говорят в провинциях, пассаж, о котором читатель скоро узнает, не привело в совершенное недоумение почти весь город.

ГЛАВА II

Уже более недели приезжий господин жил в городе, разъезжая по вечеринкам и обедам и таким образом проводя, как говорится, очень приятно время. Наконец он решился перенести свои визиты за город и навестить помещиков Манилова и Собакевича, которым дал слово. — Может быть, к сему побудила его другая, более существенная причина, дело более сурьезное, близшее к сердцу... Но обо всем этом читатель узнает постепенно и в свое время, если только будет иметь терпение прочесть предлагаемую повесть, очень длинную, имеющую после раздвинуться шире и просторнее по мере приближения к концу, венчающему дело. Кучеру Селифану отдано было приказание рано поутру заложить лошадей в известную бричку; Петрушке приказано было оставаться дома, смотреть за комнатой и чемоданом. Для читателя будет не лишним познакомиться с сими двумя крепостными людьми нашего героя. Хотя, конечно, они лица не так заметные, и то, что называют, второстепенные или даже третьестепенные, хотя главные ходы и пружины поэмы не на них утверждены и разве кое-где касаются и легко зацепляют их, — но автор любит чрезвычайно быть обстоятельным во всем, и с этой стороны, несмотря на то, что сам человек русский, хочет быть аккуратен, как немец. Это займет, впрочем, не много времени и места, потому что не много нужно прибавить к тому, что уже читатель знает, то-есть что Петрушка ходил в несколько широком коричневом сюртуке с барского плеча и имел, по

обычаю людей своего звания, крупный нос и губы. Характера он был больше молчаливого, чем разговорчивого; имел даже благородное побуждение к просвещению, т.-е. чтению книг, содержанием которых не затруднялся: ему было совершенно всё равно, похождение ли влюбленного героя, просто букварь или молитвенник, — он всё читал с равным вниманием; если бы ему подвернули химию, он и от нее бы не отказался. Ему нравилось не то, о чем читал он, но больше самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз чорт знает что и значит. Это чтение совершалось более в лежачем положении в передней, на кровати и на тюфяке, сделавшемся от такого обстоятельства убитым и тоненьким, как лепешка. Кроме страсти к чтению, он имел еще два обыкновения, составлявшие две другие его характерические черты: спать не раздеваясь, так, как есть, в том же сюртуке, и носить всегда с собою какой-то свой особенный воздух, своего собственного запаха, отзывавшийся несколько жилым покоем, так что достаточно было ему только пристроить где-нибудь свою кровать, хоть даже в необитаемой дотоле комнате, да перетащить туда шинель и пожитки, и уже казалось, что в этой комнате лет десять жили люди. Чичиков, будучи человек весьма щекотливый и даже в некоторых случаях привередливый, потянувши к себе воздух на свежий нос поутру, только помарщивался да встряхивал головою, приговаривая: «ты, брат, чорт тебя знает, потеешь, что ли. Сходил бы ты хоть в баню». На что Петрушка ничего не отвечал и старался тут же заняться каким-нибудь делом: или подходил с щеткой к висевшему барскому фраку, или просто прибирал что-нибудь. Что думал он в то время, когда молчал, — может быть, он говорил про себя: «И ты, однако ж, хорош; не надоело тебе сорок раз повторять одно и то же», — бог ведает, трудно знать, что думает дворовый крепостной человек в то время, когда барин ему дает наставление. Итак, вот что на первый раз можно сказать о Петрушке. Кучер Селифан был совершенно другой человек... Но автор весьма совестится занимать так долго читателей людьми низкого класса, зная по опыту, как неохотно они знакомятся с низкими сословиями. Таков уже русский человек: страсть сильная зазнаться с тем, который бы хотя одним чином был его повыше,

и шапошное знакомство с графом или князем для него лучше всяких тесных дружеских отношений. Автор даже опасается за своего героя, который только коллежский советник. Надворные советники, может быть, и познакомятся с ним, но те, которые подобрались уже к чинам генеральским, те, бог весть, может быть, даже бросят один из тех презрительных взглядов, которые бросаются гордо человеком на всё, что ни пресмыкается у ног его, или, что еще хуже, может быть, пройдут убийственным для автора невниманием. Но как ни прискорбно то и другое, а всё, однако ж, нужно возвратиться к герою. Итак, отдавши нужные приказания еще с вечера, проснувшись поутру очень рано, вымывшись, вытершись с ног до головы мокрой губкой, что делалось только по воскресным дням, а в тот день случись воскресенье, выбрившись таким образом, что щеки сделались настоящий атлас в рассуждении гладкости и лоска, надевши фрак брусничного цвета с искрой и потом шинель на больших медведях, он сошел с лестницы, поддерживаемый под руку то с одной, то с другой стороны трактирным слугою, и сел в бричку. С громом выехала бричка из-под ворот гостиницы на улицу. Проходивший поп снял шляпу, несколько мальчишек в замаранных рубашках протянули руки, приговаривая: «барин, подай сиротиньке!» Кучер, заметивши, что один из них был большой охотник становиться на запятки, хлыснул его кнутом, и бричка пошла прыгать по камням. Не без радости был вдали узрет полосатый шлахбаум, дававший знать, что мостовой, как и всякой другой муке, будет скоро конец; и, еще несколько раз ударившись довольно крепко головою в кузов, Чичиков понесся наконец по мягкой земле. Едва только ушел назад город, как уже пошли писать по нашему обычаю чушь и дичь по обеим сторонам дороги: кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен, обгорелые стволы старых, дикой вереск и тому подобный вздор. Попадались вытянутые по шнурку деревни, постройкою похожие на старые складенные дрова, покрытые серыми крышами с резными деревянными под ними украшениями в виде висячих, шитых узорами утиральников. Несколько мужиков по обыкновению зевали, сидя на лавках перед воротами в своих овчинных тулупах. Бабы с толстыми лицами и перевязанными грудями смотрели из верхних окон; из нижних глядел

теленок или высовывала слепую морду свою свинья. Словом, виды известные. Проехавши пятнадцатую версту, он вспомнил, что здесь, по словам Манилова, должна быть его деревня, но и шестнадцатая верста пролетела мимо, а деревни всё не было видно, и если бы не два мужика, попавшиеся навстречу, то вряд ли бы довелось им потрафить на лад. На вопрос, далеко ли деревня Заманиловка, мужики сняли шляпы, и один из них, бывший поумнее и носивший бороду клином, отвечал: «Маниловка, может быть, а не Заманиловка?»

«Ну да, Маниловка».

«Маниловка! а как проедешь еще одну версту, так вот тебе, то-есть, так прямо направо».

«Направо?» отозвался кучер.

«Направо», сказал мужик. «Это будет тебе дорога в Маниловку; а Заманиловки никакой нет. Она зовется так, то-есть ее прозвание Маниловка, а Заманиловки тут вовсе нет. Там прямо на горе увидишь дом, каменный, в два этажа, господский дом, в котором, то-есть, живет сам господин. Вот это тебе и есть Маниловка, а Заманиловки совсем нет никакой здесь, и не было».

Поехали отыскивать Маниловку. Проехавши две версты, встретили поворот на проселочную дорогу, но уже и две, и три, и четыре версты, кажется, сделали, а каменного дома в два этажа всё еще не было видно. Тут Чичиков вспомнил, что если приятель приглашает к себе в деревню за пятнадцать верст, то значит, что к ней есть верных тридцать. Деревня Маниловка немногих могла заманить своим местоположением. Дом господский стоял одиночкой на юру, то-есть на возвышении, открытом всем ветрам, каким только вздумается подуть; покатость горы, на которой он стоял, была одета подстриженным дерном. На ней были разбросаны по-английски две-три клумбы с кустами сиреней и желтых акаций; пять-шесть берез небольшими купами кое-где возносили свои мелколистные жиденькие вершины. Под двумя из них видна была беседка с плоским зеленым куполом, деревянными голубыми колоннами и надписью «храм уединенного размышления»; пониже пруд, покрытый зеленью, что, впрочем, не в диковинку в аглицких садах русских помещиков. У подошвы этого возвышения, и частию по самому

скату, темнели вдоль и поперек серенькие бревенчатые избы, которые герой наш, неизвестно по каким причинам, в ту ж минуту принялся считать и насчитал более двух сот; нигде между ними растущего деревца или какой-нибудь зелени; везде глядело только одно бревно. Вид оживляли две бабы, которые, картинно подобравши платья и подтыкавшись со всех сторон, брели по колени в пруде, влача за два деревянные кляча изорванный бредень, где видны были два запутавшиеся рака и блестела попавшаяся плотва; бабы, казалось, были между собою в ссоре и за что-то перебранивались. Поодаль, в стороне, темнел каким-то скучно-синеватым цветом сосновый лес. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светлосерого цвета, какой бывает только на старых мундирах гарнизонных солдат, этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням. Для пополнения картины не было недостатка в петухе, предвозвестнике переменчивой погоды, который, несмотря на то, что голова продолблена была до самого мозгу носами других петухов по известным делам волокитства, горланил очень громко и даже похлопывал крыльями, обдерганными, как старые рогожки. Подъезжая ко двору, Чичиков заметил на крыльце самого хозяина, который стоял в зеленом шалоновом сюртуке, приставив руку ко лбу в виде зонтика над глазами, чтобы рассмотреть получше подъезжавший экипаж. По мере того как бричка близилась к крыльцу, глаза его делались веселее и улыбка раздвигалась более и более.

«Павел Иванович!» вскричал он наконец, когда Чичиков вылезал из брички. «Насилу вы таки нас вспомнили!»

Оба приятеля очень крепко поцеловались, и Манилов увел своего гостя в комнату. Хотя время, в продолжение которого они будут проходить сени, переднюю и столовую, несколько коротковато, но попробуем, не успеем ли как-нибудь им воспользоваться и сказать кое-что о хозяине дома. Но тут автор должен признаться, что подобное предприятие очень трудно. Гораздо легче изображать характеры большого размера: там просто бросай краски со всей руки на полотно, черные палящие глаза, нависшие брови, перерезанный морщиною лоб, перекинутый через плечо черный или алый, как огонь, плащ, — и портрет

готов; но вот эти все господа, которых много на свете, которые с вида очень похожи между собою, а между тем, как приглядишься, увидишь много самых неуловимых особенностей, — эти господа страшно трудны для портретов. Тут придется сильно напрягать внимание, пока заставишь перед собою выступить все тонкие, почти невидимые черты, и вообще далеко придется углублять уже изощренный в науке выпытывания взгляд.

Один бог разве мог сказать, какой был характер Манилова. Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то, ни сё, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан, по словам пословицы. Может быть, к ним следует примкнуть и Манилова. На взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару; в приемах и оборотах его было что-то, заискивающее расположения и знакомства. Он улыбался заманчиво, был белокур, с голубыми глазами. В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: какой приятный и добрый человек! В следующую за тем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: чорт знает, что такое! и отойдешь подальше; если же не отойдешь, почувствуешь скуку смертельную. От него не дождешься никакого живого или хоть даже заносчивого слова, какое можешь услышать почти от всякого, если коснешься задирающего его предмета. У всякого есть свой задор: у одного задор обратился на борзых собак; другому кажется, что он сильный любитель музыки и удивительно чувствует все глубокие места в ней; третий мастер лихо пообедать; четвертый сыграть роль хоть одним вершком повыше той, которая ему назначена; пятый, с желанием более ограниченным, спит и грезит о том, как бы пройтиться на гуляньи с флигель-адъютантом, напоказ своим приятелям, знакомым и даже незнакомым; шестой уже одарен такою рукою, которая чувствует желание сверхъестественное заломить угол какому-нибудь бубновому тузу или двойке, тогда как рука седьмого так и лезет произвести где-нибудь порядок, подобраться поближе к личности станционного смотрителя или ямщиков, — словом, у всякого есть свое, но у Манилова ничего не было. Дома он говорил очень мало и большею частию размышлял и думал, но о чем он думал, тоже разве богу было известно. — Хозяйством нельзя сказать, чтобы

он занимался, он даже никогда не ездил на поля, хозяйство шло как-то само собою. Когда приказчик говорил: «хорошо бы, барин, то и то сделать», «да, недурно», отвечал он обыкновенно, куря трубку, которую курить сделал привычку, когда еще служил в армии, где считался скромнейшим, деликатнейшим и образованнейшим офицером: «да, именно недурно», повторял он. Когда приходил к нему мужик и, почесавши рукою затылок, говорил: «Барин, позволь отлучиться на работу, пóдать заработать», «ступай», говорил он, куря трубку, и ему даже в голову не приходило, что мужик шел пьянствовать. Иногда, глядя с крыльца на двор и на пруд, говорил он о том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома провести подземный ход или чрез пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян. — При этом глаза его делались чрезвычайно сладкими и лицо принимало самое довольное выражение, впрочем, все эти прожекты так и оканчивались только одними словами. В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на 14 странице, которую он постоянно читал уже два года. В доме его чего-нибудь вечно недоставало: в гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой материей, которая, верно, стоила весьма недешево; но на два кресла ее недостало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею; впрочем, хозяин в продолжение нескольких лет всякий раз предостерегал своего гостя словами: «Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы». В иной комнате и вовсе не было мебели, хотя и было говорено в первые дни после женитьбы: «Душенька, нужно будет завтра похлопотать, чтобы в эту комнату хоть на время поставить мебель». Ввечеру подавался на стол очень щегольской подсвечник из темной бронзы с тремя античными грациями, с перламутным щегольским щитом, и рядом с ним ставился какой-то просто медный инвалид, хромой, свернувшийся на сторону и весь в сале, хотя этого не замечал ни хозяин, ни хозяйка, ни слуги. Жена его... впрочем, они были совершенно довольны друг другом. Несмотря на то, что минуло более восьми лет их супружеству, из них всё еще каждый приносил другому или кусочек яблочка, или конфетку, или орешек и говорил трогательно-нежным голосом,

выражавшим совершенную любовь: «Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек». — Само собою разумеется, что ротик раскрывался при этом случае очень грациозно. Ко дню рождения приготовляемы были сюрпризы: какой-нибудь бисерный чехольчик на зубочистку. И весьма часто, сидя на диване, вдруг, совершенно неизвестно из каких причин, один оставивши свою трубку, а другая работу, если только она держалась на ту пору в руках, они напечатлевали друг другу такой томный и длинный поцелуй, что в продолжение его можно бы легко выкурить маленькую соломенную сигарку. Словом, они были то, что говорится счастливы. Конечно, можно бы заметить, что в доме есть много других занятий, кроме продолжительных поцелуев и сюрпризов, и много бы можно сделать разных запросов. Зачем, например, глупо и бестолку готовится на кухне? зачем довольно пусто в кладовой? зачем воровка ключница? зачем нечистоплотны и пьяницы слуги? зачем вся дворня спит немилосердым образом и повесничает всё остальное время? Но всё это предметы низкие, а Манилова воспитана хорошо. А хорошее воспитание, как известно, получается в пансионах. А в пансионах, как известно, три главные предмета составляют основу человеческих добродетелей: французский язык, необходимый для счастия семейственной жизни, фортепьяно, для доставления приятных минут супругу, и, наконец, собственно хозяйственная часть: вязание кошельков и других сюрпризов. Впрочем, бывают разные усовершенствования и изменения в методах, особенно в нынешнее время; всё это более зависит от благоразумия и способностей самих содержательниц пансиона. В других пансионах бывает таким образом, что прежде фортепьяно, потом французский язык, а там уже хозяйственная часть. А иногда бывает и так, что прежде хозяйственная часть, т.-е. вязание сюрпризов, потом французский язык, а там уже фортепьяно. Разные бывают методы. Не мешает сделать еще замечание, что Манилова... но признаюсь, о дамах я очень боюсь говорить, да притом мне пора возвратиться к нашим героям, которые стояли уже несколько минут перед дверями гостиной, взаимно упрашивая друг друга пройти вперед.

«Сделайте милость, не беспокойтесь так для меня, я пройду после», говорил Чичиков.

«Нет, Павел Иванович, нет, вы гость», говорил Манилов, показывая ему рукою на дверь.

«Не затрудняйтесь, пожалуйста, не затрудняйтесь. Пожалуйста, проходите», говорил Чичиков.

«Нет уж извините, не допущу пройти позади такому приятному, образованному гостю».

«Почему ж образованному? .. Пожалуйста, проходите».

«Ну, да уж извольте проходить вы».

«Да отчего ж?»

«Ну, да уж оттого!» сказал с приятною улыбкою Манилов.

Наконец оба приятеля вошли в дверь боком и несколько притиснули друг друга.

«Позвольте мне вам представить жену мою», сказал Манилов. «Душенька, Павел Иванович!»

Чичиков, точно, увидел даму, которую он совершенно было не приметил, раскланиваясь в дверях с Маниловым. Она была недурна, одета к лицу. На ней хорошо сидел матерчатый шелковый капот бледного цвета. тонкая небольшая кисть руки ее что-то бросила поспешно на стол и сжала батистовый платок с вышитыми уголками. Она поднялась с дивана, на котором сидела; Чичиков не без удовольствия подошел к ее ручке. Манилова проговорила, несколько даже картавя, что он очень обрадовал их своим приездом и что муж ее, не проходило дня, чтобы не вспоминал о нем.

«Да», примолвил Манилов: «уж она бывало всё спрашивает меня: «Да что же твой приятель не едет?» «Погоди, душенька, приедет». А вот вы наконец и удостоили нас своим посещением. Уж такое, право, доставили наслаждение, майский день, именины сердца. . .»

Чичиков, услышавши, что дело уже дошло до именин сердца, несколько даже смутился и отвечал скромно, что ни громкого имени не имеет, ни даже ранга заметного.

«Вы всё имеете», прервал Манилов с тою же приятною улыбкою: «всё имеете, даже еще более».

«Как вам показался наш город?» примолвила Манилова. «Приятно ли провели там время?»

«Очень хороший город, прекрасный город», отвечал Чичиков· «и время провел очень приятно: общество самое обходительное».

«А как вы нашли нашего губернатора?» сказала Манилова.

«Не правда ли, что препочтеннейший и прелюбезнейший человек?» прибавил Манилов.

«Совершенная правда», сказал Чичиков: «препочтеннейший человек. И как он вошел в свою должность, как понимает ее! Нужно желать побольше таких людей».

«Как он может этак, знаете, принять всякого, наблюсти деликатес в своих поступках», присовокупил Манилов с улыбкою и от удовольствия почти совсем зажмурил глаза, как кот, у которого слегка пощекотали за ушами пальцем.

«Очень обходительный и приятный человек», продолжал Чичиков: «и какой искусник! я даже никак не мог предполагать этого. Как хорошо вышивает разные домашние узоры. Он мне показывал своей работы кошелек· редкая дама может так искусно вышить».

«А вице-губернатор, не правда ли, какой милый человек?» сказал Манилов, опять несколько прищурив глаза.

«Очень, очень достойный человек», отвечал Чичиков.

«Ну позвольте, а как вам показался полицеймейстер? Не правда ли, что очень приятный человек?»

«Чрезвычайно приятный, и какой умный, какой начитанный человек! Мы у него проиграли в вист вместе с прокурором и председателем палаты до самых поздних петухов. Очень, очень достойный человек!»

«Ну, а какого вы мнения о жене полицеймейстера?» прибавила Манилова. «Не правда ли, прелюбезная женщина?»

«О, это одна из достойнейших женщин, каких только я знаю», отвечал Чичиков.

Засим не пропустили председателя палаты, почтмейстера и таким образом перебрали почти всех чиновников города, которые все оказались самыми достойными людьми.

«Вы всегда в деревне проводите время?» сделал наконец, в свою очередь, вопрос Чичиков.

«Больше в деревне», отвечал Манилов. «Иногда, впрочем, приезжаем в город для того только, чтобы увидеться с образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь всё время жить взаперти».

«Правда, правда», сказал Чичиков.

«Конечно», продолжал Манилов: «другое дело, если бы соседство было хорошее, если бы, например, такой человек, с которым бы в некотором роде можно было поговорить о любезности, о хорошем обращении, следить какую-нибудь этакую науку, чтобы этак расшевелило душу, дало бы, так сказать, паренье этакое...» Здесь он еще что-то хотел выразить, но, заметивши, что несколько зарапортовался, ковырнул только рукою в воздухе и продолжал: «тогда, конечно, деревня и уединение имели бы очень много приятностей. Но решительно нет никого... Вот только иногда почитаешь „Сын Отечества“».

Чичиков согласился с этим совершенно, прибавивши, что ничего не может быть приятнее, как жить в уединеньи, наслаждаться зрелищем природы и почитать иногда какую-нибудь книгу...

«Но знаете ли», прибавил Манилов; «всё, если нет друга, с которым бы можно поделиться...»

«О, это справедливо, это совершенно справедливо!» прервал Чичиков; «что́ все сокровища тогда в мире! Не имей денег, имей хороших людей для обращения, сказал один мудрец».

«И знаете, Павел Иванович», сказал Манилов, явя в лице своем выражение не только сладкое, но даже приторное, подобно той микстуре, которую ловкий светский доктор засластил немилосердно, воображая ею обрадовать пациента: «тогда чувствуешь какое-то, в некотором роде, духовное наслаждение... Вот как, например, теперь, когда случай мне доставил счастие, можно сказать образцовое, говорить с вами и наслаждаться приятным вашим разговором...»

«Помилуйте, что ж за приятный разговор?.. Ничтожный человек, и больше ничего», отвечал Чичиков.

«О! Павел Иванович, позвольте мне быть откровенным: я бы с радостию отдал половину всего моего состояния, чтобы иметь часть тех достоинств, которые имеете вы!..»

«Напротив, я бы почел с своей стороны за величайшее...»

Неизвестно, до чего бы дошло взаимное излияние чувств обоих приятелей, если бы вошедший слуга не доложил, что кушанье готово.

«Прошу покорнейше», сказал Манилов.

«Вы извините, если у нас нет такого обеда, какой на паркетах и в столицах; у нас просто, по русскому обычаю, щи, но от чистого сердца. Покорнейше прошу».

Тут они еще несколько времени поспорили о том, кому первому войти, и наконец Чичиков вошел боком в столовую.

В столовой уже стояли два мальчика, сыновья Манилова, которые были в тех летах, когда сажают уже детей за стол, но еще на высоких стульях. При них стоял учитель, поклонившийся вежливо и с улыбкою. Хозяйка села за свою суповую чашку; гость был посажен между хозяином и хозяйкою, слуга завязал детям на шею салфетки.

«Какие миленькие дети», сказал Чичиков, посмотрев на них: «а который год?»

«Старшему осьмой, а меньшему вчера только минуло шесть», сказала Манилова.

«Фемистоклюс!» сказал Манилов, обратившись к старшему, который старался высвободить свой подбородок, завязанный лакеем в салфетку. Чичиков поднял несколько бровь, услышав такое отчасти греческое имя, которому, неизвестно почему, Манилов дал окончание на юс, но постарался тот же час привесть лицо в обыкновенное положение.

«Фемистоклюс, скажи мне, какой лучший город во Франции?»

Здесь учитель обратил всё внимание на Фемистоклюса и, казалось, хотел ему вскочить в глаза, но наконец совершенно успокоился и кивнул головою, когда Фемистоклюс сказал: «Париж».

«А у нас какой лучший город?» спросил опять Манилов.

Учитель опять настроил внимание.

«Петербург», отвечал Фемистоклюс.

«А еще какой?»

«Москва», отвечал Фемистоклюс.

«Умница, душенька!» сказал на это Чичиков. «Скажите, однако ж...» продолжал он, обратившись тут же с некоторым видом изумления к Маниловым. «Я должен вам сказать, что в этом ребенке будут большие способности».

«О, вы еще не знаете его!» отвечал Манилов: «У него чрезвычайно много остроумия. Вот меньшой, Алкид, тот не так быстр, а этот сейчас, если что-нибудь встретит, букашку, козявку,

так уж у него вдруг глазенки и забегают; побежит за ней следом и тотчас обратит внимание. Я его прочу по дипломатической части. Фемистоклюс!» продолжал он, снова обратясь к нему: «хочешь быть посланником?»

«Хочу», отвечал Фемистоклюс, жуя хлеб и болтая головой направо и налево.

В это время стоявший позади лакей утер посланнику нос и очень хорошо сделал, иначе бы канула в суп препорядочная посторонняя капля. Разговор начался за столом об удовольствии спокойной жизни, прерываемый замечаниями хозяйки о городском театре и об актерах. Учитель очень внимательно глядел на разговаривающих и, как только замечал, что они были готовы усмехнуться, в же минуту открывал рот и смеялся с усердием. Вероятно, он был человек признательный и хотел заплатить этим хозяину за хорошее обращение. Один раз, впрочем, лицо его приняло суровый вид, и он строго застучал вилкою по столу, устремив глаза на сидевших насупротив его детей. Это было у места, потому что Фемистоклюс укусил за ухо Алкида, и Алкид, зажмурив глаза и открыв рот, готов был зарыдать самым жалким образом, но, почувствовав, что за это легко можно было лишиться блюда, привел рот в прежнее положение и начал со слезами грызть баранью кость, от которой у него обе щеки лоснились жиром. Хозяйка очень часто обращалась к Чичикову с словами: «Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли». На что Чичиков отвечал всякий раз: «Покорнейше благодарю, я сыт, приятный разговор лучше всякого блюда».

Уже встали из-за стола. Манилов был доволен чрезвычайно и, поддерживая рукою спину своего гостя, готовился таким образом препроводить его в гостиную, как вдруг гость объявил с весьма значительным видом, что он намерен с ним поговорить об одном очень нужном деле.

«В таком случае позвольте мне вас попросить в мой кабинет», сказал Манилов и повел в небольшую комнату, обращенную окном на синевший лес. «Вот мой уголок», сказал Манилов.

«Приятная комнатка», сказал Чичиков, окинувши ее глазами. Комната была, точно, не без приятности: стены были выкрашены какой-то голубенькой краской в роде серенькой; четыре стула, одно кресло, стол, на котором лежала книжка с заложенною

закладкою, о которой мы уже имели случай упомянуть: несколько исписанных бумаг; но больше всего было табаку. Он был в разных видах: в картузах и в табашнице, и наконец насыпан был просто кучею на столе. На обоих окнах тоже помещены были горки выбитой из трубки золы, расставленные не без старания очень красивыми рядками. Заметно было, что это иногда доставляло хозяину препровождение времени.

«Позвольте вас попросить расположиться в этих креслах», сказал Манилов. «Здесь вам будет попокойнее».

«Позвольте, я сяду на стуле».

«Позвольте вам этого не позволить», сказал Манилов с улыбкою. «Это кресло у меня уж ассигновано для гостя: ради или не ради, но должны сесть».

Чичиков сел.

«Позвольте мне вас попотчевать трубочкою».

«Нет, не курю», отвечал Чичиков ласково и как бы с видом сожаления.

«Отчего?» сказал Манилов тоже ласково и с видом сожаления.

«Не сделал привычки, боюсь; говорят, трубка сушит».

«Позвольте мне вам заметить, что это предубеждение. Я полагаю даже, что курить трубку гораздо здоровее, нежели нюхать табак. В нашем полку был поручик, прекраснейший и образованнейший человек, который не выпускал изо рта трубки не только за столом, но даже, с позволения сказать, во всех прочих местах. И вот ему теперь уже сорок с лишком лет, но благодаря бога до сих пор так здоров, как нельзя лучше».

Чичиков заметил, что это, точно, случается и что в натуре находится много вещей, неизъяснимых даже для обширного ума.

«Но позвольте прежде одну просьбу. . .» проговорил он голосом, в котором отдалось какое-то странное, или почти странное, выражение, и вслед за тем, неизвестно отчего, оглянулся назад. Манилов тоже, неизвестно отчего, оглянулся назад. «Как давно вы изволили подавать ревизскую сказку?»

«Да уж давно; а лучше сказать — не припомню».

«Как с того времени, много у вас умерло крестьян?»

«А не могу знать: об этом, я полагаю, нужно спросить приказчика. Эй, человек, позови приказчика, он должен быть сегодня здесь».

Приказчик явился. Это был человек лет под сорок, бривший бороду, ходивший в сюртуке и, повидимому, проводивший очень покойную жизнь, потому что лицо его глядело какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвет кожи и маленькие глаза показывали, что он знал слишком хорошо, что такое пуховики и перины. Можно было видеть тотчас, что он совершил свое поприще, как совершают его все господские приказчики: был прежде просто грамотным мальчишкой в доме, потом женился на какой-нибудь Агашке-ключнице, барыниной фаворитке, сделался сам ключником, а там и приказчиком. А сделавшись приказчиком, поступал, разумеется, как все приказчики: водился и кумился с теми, которые на деревне были побогаче, подбавлял на тягла победнее, проснувшись в девятом часу утра, поджидал самовара и пил чай.

«Послушай, любезный! сколько у нас умерло крестьян с тех пор, как подавали ревизию?»

«Да как сколько? Многие умирали с тех пор», сказал приказчик и при этом икнул, заслонив рот слегка рукою наподобие щитка.

«Да, признаюсь, я сам так думал», подхватил Манилов: «именно очень многие умирали!» Тут он оборотился к Чичикову и прибавил еще: «точно, очень многие».

«А как, например, числом?» спросил Чичиков.

«Да, сколько числом?» подхватил Манилов.

«Да как сказать числом? Ведь неизвестно, сколько умирало: их никто не считал».

«Да, именно», сказал Манилов, обратясь к Чичикову: «я тоже предполагал, большая смертность; совсем неизвестно, сколько умерло».

«Ты, пожалуйста, их перечти», сказал Чичиков; «и сделай подробный реестрик всех поименно».

«Да, всех поименно», сказал Манилов.

Приказчик сказал: «слушаю!» и ушел.

«А для каких причин вам это нужно?» спросил по уходе приказчика Манилов.

Этот вопрос, казалось, затруднил гостя, в лице его показалось какое-то напряженное выражение, от которого он даже покраснел, напряжение что-то выразить, не совсем покорное

словам. И в самом деле, Манилов наконец услышал такие странные и необыкновенные вещи, каких еще никогда не слыхали человеческие уши.

«Вы спрашиваете, для каких причин? причины вот какие: я хотел бы купить крестьян...» сказал Чичиков, заикнулся и не кончил речи.

«Но позвольте спросить вас», сказал Манилов: «как желаете вы купить крестьян, с землею, или просто на вывод, то-есть без земли?»

«Нет, я не то, чтобы совершенно крестьян», сказал Чичиков: «я желаю иметь мертвых...»

«Как-с? извините... я несколько туг на ухо, мне послышалось престранное слово...»

«Я полагаю приобресть мертвых, которые, впрочем, значились бы по ревизии, как живые», сказал Чичиков.

Манилов выронил тут же чубук с трубкою на пол, и как разинул рот, так и остался с разинутым ртом в продолжение нескольких минут. Оба приятеля, рассуждавшие о приятностях дружеской жизни, остались недвижимы, вперя друг в друга глаза, как те портреты, которые вешались в старину один против другого по обеим сторонам зеркала. Наконец Манилов поднял трубку с чубуком и поглядел снизу ему в лицо, стараясь высмотреть, не видно ли какой усмешки на губах его, не пошутил ли он; но ничего не было видно такого; напротив, лицо даже казалось степеннее обыкновенного; потом подумал, не спятил ли гость как-нибудь невзначай с ума, и со страхом посмотрел на него пристально; но глаза гостя были совершенно ясны, не было в них дикого, беспокойного огня, какой бегает в глазах сумасшедшего человека, всё было прилично и в порядке. Как ни придумывал Манилов, как ему быть и что ему сделать, но ничего другого не мог придумать, как только выпустить изо рта оставшийся дым очень тонкою струею.

«Итак, я бы желал знать, можете ли вы мне таковых, не живых в действительности, но живых относительно законной формы, передать, уступить, или как вам заблагорассудится лучше?»

Но Манилов так сконфузился и смешался, что только смотрел на него.

«Мне кажется, вы затрудняетесь?..» заметил Чичиков.

«Я?.. нет, я не то», сказал Манилов: «но я не могу постичь... извините... я, конечно, не мог получить такого блестящего образования, какое, так сказать, видно во всяком вашем движении; не имею высокого искусства выражаться... Может быть, здесь... в этом, вами сейчас выраженном изъяснении... скрыто другое... Может быть, вы изволили выразиться так для красоты слога?»

«Нет», подхватил Чичиков: «нет, я разумею предмет таков, как есть, то-есть те души, которые точно уже умерли».

Манилов совершенно растерялся. Он чувствовал, что ему нужно что-то сделать, предложить вопрос, а какой вопрос — чорт его знает. Кончил он наконец тем, что выпустил опять дым, но только уже не ртом, а через носовые ноздри.

«Итак, если нет препятствий, то с богом, можно бы приступить к совершению купчей крепости», сказал Чичиков.

«Как, на мертвые души купчую?»

«А, нет!» сказал Чичиков. «Мы напишем, что они живые, так, как стоит действительно в ревизской сказке. Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов, хотя за это и потерпел на службе, но уж извините: обязанность для меня дело священное, закон — я немею пред законом».

Последние слова понравились Манилову, но в толк самого дела он все-таки никак не вник и вместо ответа принялся насасывать свой чубук так сильно, что тот начал наконец хрипеть, как фагот. Казалось, как будто он хотел вытянуть из него мнение относительно такого неслыханного обстоятельства; но чубук хрипел и больше ничего.

«Может быть, вы имеете какие-нибудь сомнения?»

«О! помилуйте, ничуть. Я не насчет того говорю, чтобы имел какое-нибудь, то-есть критическое предосуждение о вас. Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие, или, чтоб еще более, так сказать, выразиться, негоция, так не будет ли эта негоция не соответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России».

Здесь Манилов, сделавши некоторое движение головою, посмотрел очень значительно в лицо Чичикова, показав во всех чертах лица своего и в сжатых губах такое глубокое выражение,

какого, может быть, и не видано было на человеческом лице, разве только у какого-нибудь слишком умного министра, да и то в минуту самого головоломного дела.

Но Чичиков сказал просто, что подобное предприятие, или негоция, никак не будет не соответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России, а чрез минуту потом прибавил, что казна получит даже выгоду, ибо получит законные пошлины.

«Так вы полагаете? . .»

«Я полагаю, что это будет хорошо».

«А если хорошо, это другое дело: я против этого ничего», сказал Манилов и совершенно успокоился.

«Теперь остается условиться в цене. . .»

«Как в цене?», сказал опять Манилов и остановился. «Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которые в некотором роде окончили свое существование? Если уж вам пришло этакое, так сказать, фантастическое желание, то, с своей стороны, я предаю их вам безынтересно и купчую беру на себя».

Великий упрек был бы историку предлагаемых событий, если бы он упустил сказать, что удовольствие одолело гостя после таких слов, произнесенных Маниловым. Как он ни был степенен и рассудителен, но тут чуть не произвел даже скачок по образцу козла, что, как известно, производится только в самых сильных порывах радости. Он поворотился так сильно в креслах, что лопнула шерстяная материя, обтягивавшая подушку; сам Манилов посмотрел на него в некотором недоумении. Побужденный признательностью, он наговорил тут же столько благодарностей, что тот смешался, весь покраснел, производил головою отрицательный жест и наконец уже выразился, что это сущее ничего, что он, точно, хотел бы доказать чем-нибудь сердечное влечение, магнетизм души, а умершие души в некотором роде совершенная дрянь.

«Очень не дрянь», сказал Чичиков, пожав ему руку. Здесь был испущен очень глубокий вздох. Казалось, он был настроен к сердечным излияниям; не без чувства и выражения произнес он наконец следующие слова:

«Если б вы знали, какую услугу оказали сей, повидимому, дрянью человеку без племени и роду! Да и действительно, чего

не потерпел я? как барка какая-нибудь среди свирепых волн... Каких гонений, каких преследований не испытал, какого горя не вкусил, а за что? за то, что соблюдал правду, что был чист на своей совести, что подавал руку и вдовице беспомощной и сироте горемыке!..» Тут даже он отер платком выкатившуюся слезу.

Манилов был совершенно растроган. Оба приятеля долго жали друг другу руку и долго смотрели молча один другому в глаза, в которых видны были навернувшиеся слезы. Манилов никак не хотел выпустить руки нашего героя и продолжал жать ее так горячо, что тот уже не знал, как ее выручить. Наконец, выдернувши ее потихоньку, он сказал, что не худо бы купчую совершить поскорее и хорошо бы, если бы он сам понаведался в город. Потом взял шляпу и стал откланиваться.

«Как? вы уж хотите ехать?» сказал Манилов, вдруг очнувшись и почти испугавшись.

В это время вошла в кабинет Манилова.

«Лизанька», сказал Манилов с несколько жалостливым видом: «Павел Иванович оставляет нас!»

«Потому что мы надоели Павлу Ивановичу», отвечала Манилова.

«Сударыня! здесь», сказал Чичиков, «здесь, вот где», тут он положил руку на сердце: «да, здесь пребудет приятность времени, проведенного с вами! И, поверьте, не было бы для меня большего блаженства, как жить с вами, если не в одном доме, то, по крайней мере, в самом ближайшем соседстве».

«А знаете, Павел Иванович», сказал Манилов, которому очень понравилась такая мысль: «как было бы в самом деле хорошо, если бы жить этак вместе, под одною кровлею, или под тенью какого-нибудь вяза пофилософствовать о чем-нибудь, углубиться!..»

«О! это была бы райская жизнь!» сказал Чичиков, вздохнувши. «Прощайте, сударыня!» продолжал он, подходя к ручке Маниловой. «Прощайте, почтеннейший друг! Не позабудьте просьбы!»

«О, будьте уверены!» отвечал Манилов. «Я с вами расстаюсь не долее как на два дни».

Все вышли в столовую.

«Прощайте, миленькие малютки!» сказал Чичиков, увидевши Алкида и Фемистоклюса, которые занимались каким-то деревянным гусаром, у которого уже не было ни руки, ни носа. «Прощайте, мои крошки. Вы извините меня, что я не привез вам гостинца, потому что, признаюсь, не знал даже, живете ли вы на свете; но теперь, как приеду, непременно привезу. Тебе привезу саблю; хочешь саблю?»

«Хочу», отвечал Фемистоклюс.

«А тебе барабан; не правда ли, тебе барабан?» продолжал он, наклонившись к Алкиду.

«Парапан», отвечал шопотом и потупив голову Алкид.

«Хорошо, я тебе привезу барабан. Такой славный барабан!.. Этак всё будет: туррр... ру... тра-та-та, та-та-та... Прощай, душенька! Прощай!» Тут поцеловал он его в голову и обратился к Манилову и его супруге с небольшим смехом, с каким обыкновенно обращаются к родителям, давая им знать о невинности желаний их детей.

«Право, останьтесь, Павел Иванович!» сказал Манилов, когда уже все вышли на крыльцо. «Посмотрите, какие тучи».

«Это маленькие тучки», отвечал Чичиков.

«Да знаете ли вы дорогу к Собакевичу?»

«Об этом хочу спросить вас».

«Позвольте, я сейчас расскажу вашему кучеру». Тут Манилов с такою же любезностию рассказал дело кучеру, и сказал ему даже один раз: вы.

Кучер, услышав, что нужно пропустить два поворота и поворотить на третий, сказал: «Потрафим, ваше благородие», и Чичиков уехал, сопровождаемый долго поклонами и маханьями платка приподымавшихся на цыпочках хозяев.

Манилов долго стоял на крыльце, провожая глазами удалявшуюся бричку, и когда она уже совершенно стала не видна, он всё еще стоял, куря трубку. Наконец вошел он в комнату, сел на стуле и предался размышлению, душевно радуясь, что доставил гостю своему небольшое удовольствие. Потом мысли его перенеслись незаметно к другим предметам и наконец занеслись бог знает куда. Он думал о благополучии дружеской жизни, о том, как бы хорошо было жить с другом на берегу какой-нибудь реки, потом чрез эту реку начал строиться у него мост, потом огром-

нейший дом с таким высоким бельведером, что можно оттуда видеть даже Москву, и там пить вечером чай на открытом воздухе и рассуждать о каких-нибудь приятных предметах. — Потом, что они вместе с Чичиковым приехали в какое-то общество, в хороших каретах, где обворожают всех приятностию обращения, и что будто бы государь, узнавши о такой их дружбе, пожаловал их генералами, и далее наконец бог знает что такое, чего уже он и сам никак не мог разобрать. Странная просьба Чичикова прервала вдруг все его мечтания. Мысль о ней как-то особенно не варилась в его голове: как ни переворачивал он ее, но никак не мог изъяснить себе, и всё время сидел он и курил трубку, что тянулось до самого ужина.

ГЛАВА III

А Чичиков в довольном расположении духа сидел в своей бричке, катившейся давно по столбовой дороге. Из предыдущей главы уже видно, в чем состоял главный предмет его вкуса и склонностей, а потому не диво, что он скоро погрузился весь в него и телом и душою. Предположения, сметы и соображения, блуждавшие по лицу его, видно, были очень приятны, ибо ежеминутно оставляли после себя следы довольной усмешки. Занятый ими, он не обращал никакого внимания на то, как его кучер, довольный приемом дворовых людей Манилова, делал весьма дельные замечания чубарому пристяжному коню, запряженному с правой стороны. Этот чубарый конь был сильно лукав и показывал только для вида, будто бы везет, тогда как коренной гнедой и пристяжной каурой масти, называвшийся Заседателем, потому что был приобретен от какого-то заседателя, трудилися от всего сердца, так что даже в глазах их было заметно получаемое ими от того удовольствие. «Хитри, хитри! вот я тебя перехитрю!» говорил Селифан, приподнявшись и хлыснув кнутом ленивца. «Ты знай свое дело, панталонник ты немецкой! Гнедой почтенный конь, он сполняет свой долг, я ему дам с охотою лишнюю меру, потому что он почтенный конь, и Заседатель — тож хороший конь... Ну, ну! что потряхиваешь ушами? Ты, дурак, слушай, коли говорят! я тебя, невежа, не стану дурному учить! Ишь, куда ползет!» Здесь он опять хлыснул его кнутом, примолвив: «У, варвар! Бонапарт ты прокля-

той! . .» Потом прикрикнул на всех: «Эй вы, любезные!» и стегнул по всем по трем уже не в виде наказания, но чтобы показать, что был ими доволен. Доставив такое удовольствие, он опять обратил речь к чубарому: «Ты думаешь, что ты скроешь свое поведение. Нет, ты живи по правде, когда хочешь, чтобы тебе оказывали почтение. Вот у помещика, что мы были, хорошие люди. Я с удовольствием поговорю, коли хороший человек; с человеком хорошим мы всегда свои други, тонкие приятели: выпить ли чаю или закусить — с охотою, коли хороший человек. Хорошему человеку всякой отдаст почтение. Вот барина нашего всякой уважает, потому что он, слышь ты, сполнял службу государскую, он сколеской советник. . .»

Так рассуждая, Селифан забрался наконец в самые отдаленные отвлеченности. Если бы Чичиков прислушался, то узнал бы много подробностей, относившихся лично к нему; но мысли его так были заняты своим предметом, что один только сильный удар грома заставил его очнуться и посмотреть вокруг себя: всё небо было совершенно обложено тучами, и пыльная почтовая дорога опрыскалась каплями дождя. Наконец громовый удар раздался в другой раз громче и ближе, и дождь хлынул вдруг, как из ведра. Сначала, принявши косое направление, хлестал он в одну сторону кузова кибитки, потом в другую, потом, изменивши образ нападения и сделавшись совершенно прямым, барабанил прямо в верх его кузова; брызги наконец стали долетать ему в лицо. Это заставило его задернуться кожаными занавесками с двумя круглыми окошечками, определенными на рассматривание дорожных видов, и приказать Селифану ехать скорее. Селифан, прерванный тоже на самой середине речи, смекнул, что, точно, не нужно мешкать, вытащил тут же из-под козел какую-то дрянь из серого сукна, надел ее в рукава, схватил в руки вожжи и прикрикнул на свою тройку, которая чуть-чуть переступала ногами, ибо чувствовала приятное расслабление от поучительных речей. Но Селифан никак не мог припомнить, два или три поворота проехал. Сообразив и припоминая несколько дорогу, он догадался, что много было поворотов, которые все пропустил он мимо. Так как русской человек в решительные минуты найдется, что сделать, не вдаваясь в дальние рассуждения, то, поворотивши направо, на первую перекрестную

дорогу, прикрикнул он: «Эй вы, други почтенные!» и пустился вскачь, мало помышляя о том, куда приведет взятая дорога.

Дождь, однако же, казалось, зарядил надолго. Лежавшая на дороге пыль быстро замесилась в грязь, и лошадям ежеминутно становилось тяжеле тащить бричку. Чичиков уже начинал сильно беспокоиться, не видя так долго деревни Собакевича. По расчету его, давно бы пора было приехать. Он высматривал по сторонам, но темнота была такая, хоть глаз выколи.

«Селифан!» сказал он наконец, высунувшись из брички.

«Что, барин?» отвечал Селифан.

«Погляди-ка, не видно ли деревни?»

«Нет, барин, нигде не видно!» После чего Селифан, помахивая кнутом, затянул песню не песню, но что-то такое длинное, чему и конца не было. Туда всё вошло: все ободрительные и понудительные крики, которыми потчевают лошадей по всей России от одного конца до другого; прилагательные всех родов и качеств без дальнейшего разбора, как что первое попалось на язык. Таким образом дошло до того, что он начал называть их наконец секретарями.

Между тем Чичиков стал примечать, что бричка качалась на все стороны и наделяла его пресильными толчками; это дало ему почувствовать, что они своротили с дороги и, вероятно, тащились по взбороненному полю. Селифан, казалось, сам смекнул, но не говорил ни слова.

«Что, мошенник, по какой ты дороге едешь?» сказал Чичиков.

«Да что ж, барин, делать, время-то такое; кнута не видишь, такая потьма!» Сказавши это, он так покосил бричку, что Чичиков принужден был держаться обеими руками. Тут только заметил он, что Селифан подгулял.

«Держи, держи, опрокинешь!» кричал он ему.

«Нет, барин, как можно, чтоб я опрокинул», говорил Селифан. «Это нехорошо опрокинуть, я уж сам знаю; уж я никак не опрокину». Засим начал он слегка поворачивать бричку, поворачивал, поворачивал и наконец выворотил ее совершенно на бок. Чичиков и руками и ногами шлепнулся в грязь. Селифан лошадей, однако ж, остановил; впрочем, они остановились бы и сами, потому что были сильно изнурены. Такой непредвиденный случай совершенно изумил его. Слезши с козел, он стал перед

бричкою, подперся в бока обеими руками, в то время как барин барахтался в грязи, силясь оттуда вылезть, и сказал после некоторого размышления: «Вишь ты, и перекинулась!»

«Ты пьян, как сапожник!» сказал Чичиков.

«Нет, барин, как можно, чтоб я был пьян! Я знаю, что это нехорошее дело быть пьяным. С приятелем поговорил, потому что с хорошим человеком можно поговорить, в том нет худого; и закусили вместе. Закуска не обидное дело; с хорошим человеком можно закусить».

«А что я тебе сказал последний раз, когда ты напился? а? забыл?» произнес Чичиков.

«Нет, ваше благородие, как можно, чтобы я позабыл. Я уже дело свое знаю. Я знаю, что нехорошо быть пьяным. С хорошим человеком поговорил, потому что...»

«Вот я тебя как высеку, так ты у меня будешь знать, как говорить с хорошим человеком».

«Как милости вашей будет завгодно», отвечал на все согласный Селифан: «коли высечь, то и высечь; я ничуть не прочь от того. Почему ж не посечь, коли за дело? на то воля господская. Оно нужно посечь потому, что мужик балуется, порядок нужно наблюдать. Коли за дело, то и посеки; почему ж не посечь?»

На такое рассуждение барин совершенно не нашелся что отвечать. Но в это время, казалось, как будто сама судьба решилась над ним сжалиться. Издали послышался собачий лай. Обрадованный Чичиков дал приказание погонять лошадей. Русский возница имеет доброе чутье вместо глаз, от этого случается, что он, зажмуря глаза, качает иногда во весь дух и всегда куда-нибудь да приезжает. Селифан, не видя ни зги, направил лошадей так прямо на деревню, что остановился тогда только, когда бричка ударилася оглоблями в забор и когда решительно уже некуда было ехать. Чичиков только заметил сквозь густое покрывало лившего дождя что-то похожее на крышу. Он послал Селифана отыскивать ворота, что, без сомнения, продолжалось бы долго, если бы на Руси не было вместо швейцаров лихих собак, которые доложили о нем так звонко, что он поднес пальцы к ушам своим. Свет мелькнул в одном окошке и досягнул туманною струею до забора, указавши нашим

дорожним ворота. Селифан принялся стучать, и скоро, отворив калитку, высунулась какая-то фигура, покрытая армяком, и барин со слугою услышали хриплый бабий голос: «Кто стучит? чего расходились?»

«Приезжие, матушка, пусти переночевать», произнес Чичиков.

«Вишь ты какой востроногой», сказала старуха: «приехал в какое время! Здесь тебе не постоялый двор, помещица живет».

«Что ж делать, матушка: видишь, с дороги сбились. Не ночевать же в такое время в степи».

«Да, время темное, нехорошее время», прибавил Селифан.

«Молчи, дурак», сказал Чичиков.

«Да кто вы такой?» сказала старуха.

«Дворянин, матушка».

Слово дворянин заставило старуху как будто несколько подумать. «Погодите, я скажу барыне», произнесла она и минуты через две уже возвратилась с фонарем в руке. Ворота отперлись. Огонек мелькнул и в другом окне. Бричка, въехавши на двор, остановилась перед небольшим домиком, который за темнотою трудно было рассмотреть. Только одна половина его была озарена светом, исходившим из окон; видна была еще лужа перед домом, на которую прямо ударял тот же свет. Дождь стучал звучно по деревянной крыше и журчащими ручьями стекал в подставленную бочку. Между тем псы заливались всеми возможными голосами: один, забросивши вверх голову, выводил так протяжно и с таким старанием, как будто за это получал бог знает какое жалованье; другой отхватывал наскоро, как пономарь; промеж них звенел, как почтовый звонок, неугомонный дискант, вероятно молодого щенка, и все это наконец повершал бас, может быть старик или просто наделенный дюжею собачьей натурой, потому что хрипел, как хрипит певческий контрабас, когда концерт в полном разливе, тенора поднимаются на цыпочки от сильного желания вывести высокую ноту, и всё, что ни есть, порывается кверху, закидывая голову, а он один, засунувши небритый подбородок в галстук, присев и опустившись почти до земли, пропускает оттуда свою ноту, от которой трясутся и дребезжат стекла. Уже по одному собачьему лаю, составленному из таких музыкантов, можно было предположить, что деревушка была порядочная; но промокший и озябший герой

наш ни о чем не думал, как только о постели. Не успела бричка совершенно остановиться, как он уже соскочил на крыльцо, пошатнулся и чуть не упал. На крыльцо вышла опять какая-то женщина, помоложе прежней, но очень на нее похожая. Она проводила его в комнату. Чичиков кинул вскользь два взгляда: комната была обвешана старенькими полосатыми обоями; картины с какими-то птицами; между окон старинные маленькие зеркала с темными рамками в виде свернувшихся листьев, и за всяким зеркалом заложены были или письмо, или старая колода карт, или чулок; стенные часы с нарисованными цветами на циферблате... невмочь было ничего более заметить. Он чувствовал, что глаза его липнули, как будто их кто-нибудь вымазал медом. Минуту спустя вошла хозяйка, женщина пожилых лет, в каком-то спальном чепце, надетом наскоро, с фланелью на шее, одна из тех матушек, небольших помещиц, которые плачутся на неурожаи, убытки и держат голову несколько набок, а между тем набирают понемногу деньжонок в пестрядевые мешочки, размещенные по ящикам комодов. В один мешочек отбирают всё целковики, в другой полтиннички, в третий четвертачки, хотя с виду и кажется, будто бы в комоде ничего нет, кроме белья, да ночных кофточек, да нитяных моточков, да распоротого салопа, имеющего потом обратиться в платье, если старое как-нибудь прогорит во время печения праздничных лепешек со всякими пряженцами или поизотрется само собою. Но не сгорит платье и не изотрется само собою; бережлива старушка, и салопу суждено пролежать долго в распоротом виде, а потом достаться по духовному завещанию племяннице внучатной сестры вместе со всяким другим хламом.

Чичиков извинился, что побеспокоил неожиданным приездом. «Ничего, ничего», сказала хозяйка. «В какое это время вас бог принес! Сумятица и вьюга такая, с дороги бы следовало поесть чего-нибудь, да пора-то ночная, приготовить нельзя».

Слова хозяйки были прерваны странным шипением, так что гость было испугался; шум очень походил на то, как бы вся комната наполнилась змеями; но, взглянувши вверх, он успокоился, ибо смекнул, что стенным часам пришла охота бить. За шипеньем тотчас же последовало хрипенье, и наконец, понатужась всеми силами, они пробили два часа таким звуком, как бы кто

колотил палкой по разбитому горшку, после чего маятник пошел опять покойно щелкать направо и налево.

Чичиков поблагодарил хозяйку, сказавши, что ему не нужно ничего, чтобы она не беспокоилась ни о чем, что, кроме постели, он ничего не требует, и полюбопытствовал только знать, в какие места заехал он и далеко ли отсюда пути к помещику Собакевичу, на что старуха сказала, что и не слыхивала такого имени и что такого помещика вовсе нет.

«По крайней мере, знаете Манилова?» сказал Чичиков.

«А кто таков Манилов?»

«Помещик, матушка».

«Нет, не слыхивала, нет такого помещика».

«Какие же есть?»

«Бобров, Свиньин, Канапатьев, Харпакин, Трепакин, Плешаков».

«Богатые люди или нет?»

«Нет, отец, богатых слишком нет. У кого двадцать душ, у кого тридцать, а таких, чтоб по сотне, таких нет».

Чичиков заметил, что он заехал в порядочную глушь.

«Далеко ли по крайней мере до города?»

«А верст шестьдесят будет. Как жаль мне, что нечего вам покушать; не хотите ли, батюшка, выпить чаю?»

«Благодарю, матушка. Ничего не нужно, кроме постели».

«Правда, с такой дороги и очень нужно отдохнуть. Вот здесь и расположитесь, батюшка, на этом диване. Эй, Фетинья, принеси перину, подушки и простыню. Какое-то время наслал бог: гром такой — у меня всю ночь горела свеча перед образом. Эх, отец мой, да у тебя-то, как у борова, вся спина и бок в грязи! где так изволил засалиться?»

«Еще слава богу, что только засалился; нужно благодарить, что не отломал совсем боков».

«Святители, какие страсти! Да не нужно ли чем потереть спину?»

«Спасибо, спасибо. Не беспокойтесь, а прикажите только вашей девке повысушить и вычистить мое платье».

«Слышишь, Фетинья!» сказала хозяйка, обратясь к женщине, выходившей на крыльцо со свечою, которая успела уже притащить перину и, взбивши ее с обоих боков руками, напу-

стила целый потоп перьев по всей комнате. «Ты возьми ихний-то кафтан вместе с исподним и прежде просуши их перед огнем, как делывали покойнику барину, а после перетри и выколоти хорошенько».

«Слушаю, сударыня!» говорила Фетинья, постилая сверх перины простыню и кладя подушки.

«Ну, вот тебе постель готова», сказала хозяйка. «Прощай, батюшка, желаю покойной ночи. Да не нужно ли еще чего? Может, ты привык, отец мой, чтобы кто-нибудь почесал на ночь пятки. Покойник мой без этого никак не засыпал».

Но гость отказался и от почесывания пяток. Хозяйка вышла, и он тот же час поспешил раздеться, отдав Фетинье всю снятую с себя сбрую, как верхнюю, так и нижнюю, и Фетинья, пожелав также с своей стороны покойной ночи, утащила эти мокрые доспехи. Оставшись один, он не без удовольствия взглянул на свою постель, которая была почти до потолка. Фетинья, как видно, была мастерица взбивать перины. Когда, подставивши стул, взобрался он на постель, она опустилась под ним почти до самого пола, и перья, вытесненные им из пределов, разлетелись во все углы комнаты. Погасив свечу, он накрылся ситцевым одеялом и, свернувшись под ним кренделем, заснул в ту же минуту. Проснулся на другой день он уже довольно поздним утром. Солнце сквозь окно блистало ему прямо в глаза, и мухи, которые вчера спали спокойно на стенах и на потолке, все обратились к нему: одна села ему на губу, другая на ухо, третья норовила как бы усесться на самый глаз, ту же, которая имела неосторожность подсесть близко к носовой ноздре, он потянул впросонках в самый нос, что заставило его очень крепко чихнуть — обстоятельство, бывшее причиною его пробуждения. Окинувши взглядом комнату, он теперь заметил, что на картинах не всё были птицы: между ними висел портрет Кутузова и писанный масляными красками какой-то старик с красными обшлагами на мундире, как нашивали при Павле Петровиче. Часы опять испустили шипение и пробили десять; в дверь выглянуло женское лицо и в ту же минуту спряталось, ибо Чичиков, желая получше заснуть, скинул с себя совершенно всё. Выглянувшее лицо показалось ему как будто несколько знакомо. Он стал припоминать себе: кто бы это был, и наконец вспомнил,

что это была хозяйка. Он надел рубаху; платье, уже высушенное и вычищенное, лежало подле него. Одевшись, подошел он к зеркалу и чихнул опять так громко, что подошедший в это время к окну индейский петух, окно же было очень близко от земли, заболтал ему что-то вдруг и весьма скоро на своем странном языке, вероятно «желаю здравствовать», на что Чичиков сказал ему дурака. Подошедши к окну, он начал рассматривать бывшие перед ним виды: окно глядело едва ли не в курятник; по крайней мере, находившийся перед ним узенький дворик весь был наполнен птицами и всякой домашней тварью. Индейкам и курам не было числа; промеж них расхаживал петух мерным шагом, потряхивая гребнем и поворачивая голову набок, как будто к чему-то прислушиваясь; свинья с семейством очутилась тут же; тут же, разгребая кучу сора, съела она мимоходом цыпленка и, не замечая этого, продолжала уписывать арбузные корки своим порядком. Этот небольшой дворик, или курятник, переграждал досчатый забор, за которым тянулись просторные огороды с капустой, луком, картофелем, свеклой и прочим хозяйственным овощем. По огороду были разбросаны кое-где яблони и другие фруктовые деревья, накрытые сетями для защиты от сорок и воробьев, из которых последние целыми косвенными тучами переносились с одного места на другое. Для этой же самой причины водружено было несколько чучел на длинных шестах с растопыренными руками; на одном из них надет был чепец самой хозяйки. За огородами следовали крестьянские избы, которые хотя были выстроены врассыпную и не заключены в правильные улицы, но, по замечанию, сделанному Чичиковым, показывали довольство обитателей, ибо были поддерживаемы как следует: изветшавший тес на крышах везде был заменен новым; вороты нигде не покосились; а в обращенных к нему крестьянских крытых сараях заметил он где стоявшую запасную, почти новую телегу, а где и две. «Да у ней деревушка не маленька», сказал он и положил тут же разговориться и познакомиться с хозяйкой покороче. Он заглянул в щелочку двери, из которой она было высунула голову, и, увидев ее, сидящую за чайным столиком, вошел к ней с веселым и ласковым видом.

«Здравствуйте, батюшка. Каково почивали?» сказала хозяйка, приподнимаясь с места. Она была одета лучше, нежели

вчера, — в темном платье, и уже не в спальном чепце, но на шее все-таки было что-то навязано.

«Хорошо, хорошо», говорил Чичиков, садясь в кресла. «Вы как, матушка?»

«Плохо, отец мой».

«Как так?»

«Бессонница. Всё поясница болит, и нога, что повыше косточки, так вот и ломит».

«Пройдет, пройдет, матушка. На это нечего глядеть».

«Дай бог, чтобы прошло. Я то мазала свиным салом и скипидаром тоже смачивала. А с чем прихлебнете чайку? Во фляжке фруктовая.

«Недурно, матушка, хлебнем и фруктовой».

Читатель, я думаю, уже заметил, что Чичиков, несмотря на ласковый вид, говорил, однако же, с большею свободою, нежели с Маниловым, и вовсе не церемонился. Надобно сказать, что у нас на Руси если не угнались еще кой в чем другом за иностранцами, то далеко перегнали их в умении обращаться. Пересчитать нельзя всех оттенков и тонкостей нашего обращения. Француз или немец век не смекнет и не поймет всех его особенностей и различий; он почти тем же голосом и тем же языком станет говорить и с миллионщиком и с мелким табачным торгашом, хотя, конечно, в душе поподличает в меру перед первым. У нас не то: у нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста, а с тем, у которого их триста, будут говорить опять не так, как с тем, у которого их пятьсот, а с тем, у которого их пятьсот, опять не так, как с тем, у которого их восемьсот; словом, хоть восходи до миллиона, всё найдутся оттенки. Положим, например, существует канцелярия, не здесь, а в тридевятом государстве, а в канцелярии, положим, существует правитель канцелярии. Прошу посмотреть на него, когда он сидит среди своих подчиненных, — да просто от страха и слова не выговоришь! гордость и благородство, и уж чего не выражает лицо его? просто бери кисть да и рисуй: Прометей, решительный Прометей! Высматривает орлом, выступает плавно, мерно. Тот же самый орел, как только вышел из комнаты и приближается к кабинету своего начальника, куропаткой

такой спешит с бумагами подмышкой, что мочи нет. В обществе и на вечеринке, будь все небольшого чина, Прометей так и останется Прометеем, а чуть немного повыше его, с Прометеем сделается такое превращение, какого и Овидий не выдумает: муха, меньше даже мухи, уничтожился в песчинку! «Да это не Иван Петрович», говоришь, глядя на него. «Иван Петрович выше ростом, а этот и низенький и худенький, тот говорит громко, басит и никогда не смеется, а этот чорт знает что: пищит птицей и всё смеется». Подходишь ближе, глядишь, точно Иван Петрович! «Эхе, хе!» думаешь себе... Но, однако ж, обратимся к действующим лицам. Чичиков, как уж мы видели, решился вовсе не церемониться и потому, взявши в руки чашку с чаем и вливши туда фруктовой, повел такие речи:

«У вас, матушка, хорошая деревенька. Сколько в ней душ?»

«Душ-то в ней, отец мой, без малого 80-т», сказала хозяйка; «да беда, времена плохи, вот и прошлый год был такой неурожай, что боже храни».

«Однако ж мужички на вид дюжие, избенки крепкие. А позвольте узнать фамилию вашу. Я так рассеялся... приехал в ночное время...»

«Коробочка, коллежская секретарша».

«Покорнейше благодарю. А имя и отчество?»

«Настасья Петровна».

«Настасья Петровна? хорошее имя Настасья Петровна. У меня тетка родная, сестра моей матери, Настасья Петровна».

«А ваше имя как?» спросила помещица. «Ведь вы, я чай, заседатель?»

«Нет, матушка», отвечал Чичиков усмехнувшись; «чай не заседатель, а так ездим по своим делишкам».

«А, так вы покупщик! Как же жаль, право, что я продала мед купцам так дешево, а вот ты бы, отец мой, у меня, верно, его купил».

«А вот меду и не купил бы».

«Что ж другое? Разве пеньку? Да вить и пеньки у меня теперь маловато: полпуда всего».

«Нет, матушка, другого рода товарец: скажите, у вас умирали крестьяне?»

«Ох, батюшка, осьмнадцать человек!» сказала старуха вздох-

нувши. «И умер такой всё славный народ, всё работники. После того, правда, народилось, да что в них, всё такая мелюзга, а заседатель подъехал, подать, говорит, уплачивать с души. Народ мертвый, а плати как за живого. На прошлой недели сгорел у меня кузнец, такой искусный кузнец и слесарное мастерство знал».

«Разве у вас был пожар, матушка?»

«Бог приберег от такой беды, пожар бы еще хуже; сам сгорел, отец мой. Внутри у него как-то загорелось, чересчур выпил; только синий огонек пошел от него, весь истлел, истлел и почернел, как уголь; а такой был преискусный кузнец! и теперь мне выехать не на чем, некому лошадей подковать».

«На всё воля божья, матушка!» сказал Чичиков вздохнувши: «Против мудрости божией ничего нельзя сказать... Уступите-ка их мне, Настасья Петровна?»

«Кого, батюшка?»

«Да вот этих-то всех, что умерли».

«Да как же уступить их?»

«Да так просто. Или, пожалуй, продайте. Я вам за них дам деньги».

«Да как же, я, право, в толк-то не возьму? Нешто хочешь ты их откапывать из земли?»

Чичиков увидел, что старуха хватила далеко и что необходимо ей нужно растолковать, в чем дело. В немногих словах объяснил он ей, что перевод или покупка будет значиться только на бумаге и души будут прописаны как бы живые.

«Да на что ж они тебе?» сказала старуха, выпучив на него глаза.

«Это уж мое дело».

«Да ведь они ж мертвые».

«Да кто же говорит, что они живые? Потому-то и в убыток вам, что мертвые: вы за них платите, а теперь я вас избавлю от хлопот и платежа. Понимаете? Да не только избавлю, да еще сверх того дам вам пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?»

«Право, не знаю», произнесла хозяйка с расстановкой. «Ведь я мертвых никогда еще не продавала».

«Еще бы! Это бы скорей походило на диво, если бы вы их кому-нибудь продали. Или вы думаете, что в них есть в самом деле какой-нибудь прок?»

«Нет, этого-то я не думаю. Что ж в них за прок, проку никакого нет. Меня только то и затрудняет, что они уже мертвые».

«Ну, баба, кажется, крепколобая!» подумал про себя Чичиков. «Послушайте, матушка. Да вы рассудите только хорошенько: ведь вы разоряетесь, платите за него подать как за живого...»

«Ох, отец мой, и не говори об этом!» подхватила помещица «Еще третью неделю взнесла больше полутораста, да заседателя подмаслила».

«Ну, видите, матушка. А теперь примите только в соображение то, что заседателя вам подмасливать больше не нужно, потому что теперь я плачу за них, я, а не вы; я принимаю на себя все повинности. Я совершу даже крепость на свои деньги, понимаете ли вы это?»

Старуха задумалась. Она видела, что дело, точно, как будто выгодно, да только уж слишком новое и небывалое; а потому начала сильно побаиваться, чтобы как-нибудь не надул ее этот покупщик; приехал же бог знает откуда, да еще и в ночное время.

«Так что ж, матушка, по рукам, что ли?» говорил Чичиков.

«Право, отец мой, никогда еще не случалось мне продавать покойников. — Живых-то я уступила, вот и третьего года протопопу двух девок по сту рублей каждую, и очень благодарил, такие вышли славные работницы: сами салфетки ткут».

«Ну, да не о живых дело; бог с ними. Я спрашиваю мертвых».

«Право, я боюсь на первых-то порах, чтобы как-нибудь не понести убытку. Может быть, ты, отец мой, меня обманываешь, а они того... они больше как-нибудь стоят».

«Послушайте, матушка... эх какие вы! что ж они могут стоить? Рассмотрите: ведь это прах. Понимаете ли? это просто прах. Вы возьмите всякую негодную, последнюю вещь, например даже простую тряпку, и тряпке есть цена: ее хоть, по крайней мере, купят на бумажную фабрику, а ведь это ни на что не нужно. Ну, скажите сами, на что оно нужно?»

«Уж это, точно, правда. Уж совсем ни на что не нужно; да ведь меня одно только и останавливает, что ведь они уже мертвые».

«Эк ее, дубинно-головая какая!» сказал про себя Чичиков, уже начиная выходить из терпения. «Пойди ты, сладь с нею!

В пот бросила, проклятая старуха!» Тут он, вынувши из кармана платок, начал отирать пот, в самом деле выступивший на лбу. Впрочем, Чичиков напрасно сердился: иной и почтенный, и государственный даже человек, а на деле выходит совершенная Коробочка. Как зарубил что себе в голову, то уж ничем его не пересилишь; сколько ни представляй ему доводов, ясных, как день, всё отскакивает от него, как резинный мяч отскакивает от стены. Отерши пот, Чичиков решился попробовать, нельзя ли ее навести на путь какою-нибудь иною стороною. «Вы, матушка», сказал он: «или не хотите понимать слов моих, или так нарочно говорите, лишь бы что-нибудь говорить... Я вам даю деньги: пятнадцать рублей ассигнациями. Понимаете ли? Ведь это деньги. Вы их не сыщете на улице. Ну, признайтесь, почем продали мед?»

«По 12-ти руб. пуд».

«Хватили немножко греха на душу, матушка. По двенадцати не продали».

«Ей-богу, продала».

«Ну, видите ль? Так зато же это мед. Вы собирали его, может быть, около года с заботами, со старанием, хлопотами; ездили, морили пчел, кормили их в погребе целую зиму, а мертвые души — дело не от мира сего. Тут вы с своей стороны никакого не прилагали старания: на то была воля божия, чтоб они оставили мир сей, нанеся ущерб вашему хозяйству. Там вы получили за труд, за старание двенадцать рублей, а тут вы берете ни за что, даром, да и не двенадцать, а пятнадцать, да и не серебром, а всё синими ассигнациями». После таких сильных убеждений Чичиков почти уже не сомневался, что старуха наконец подастся.

«Право», отвечала помещица: «мое такое неопытное вдовье дело! лучше ж я маненько повременю, авось понаедут купцы, да применюсь к ценам».

Страм, страм, матушка! просто, страм! Ну, что вы это говорите, подумайте сами! Кто ж станет покупать их! На что они им? Ну, какое употребление он может из них сделать?»

«А может, в хозяйстве-то как-нибудь под случай понадобятся...» возразила старуха, да и не кончила речи, открыла рот и смотрела на него почти со страхом, желая знать, что он на это скажет.

«Мертвые в хозяйстве! Эк куда хватили! Воробьев разве пугать по ночам в вашем огороде, что ли?»

«С нами крестная сила! Какие ты страсти говоришь!» проговорила старуха, крестясь.

«Куда ж еще вы их хотели пристроить? Да, впрочем, ведь кости и могилы, всё вам остается: перевод только на бумаге. Ну, так что же? Как же? отвечайте, по крайней мере!»

Старуха вновь задумалась.

«О чем же вы думаете, Настасья Петровна?»

«Право, я всё не приберу, как мне быть; лучше я вам пеньку продам».

«Да что ж пенька? Помилуйте, я вас прошу совсем о другом, а вы мне пеньку суете! Пенька пенькою, в другой раз приеду, заберу и пеньку. Так как же, Настасья Петровна?»

«Ей-богу, товар такой странный, совсем небывалый!»

Здесь Чичиков вышел совершенно из границ всякого терпения, хватил всердцах стулом об пол и посулил ей чорта.

Чорта помещица испугалась необыкновенно. «Ох, не припоминай его, бог с ним!» вскрикнула она, вся побледнев. «Еще третьего дня всю ночь мне снился окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картах после молитвы, да, видно, в наказание-то бог и наслал его. Такой гадкий привиделся; а рога-то длиннее бычачьих».

«Я дивлюсь, как они вам десятками не снятся. Из одного христианского человеколюбия хотел: вижу, бедная вдова убивается, терпит нужду... да пропади они и околей со всей вашей деревней! . .»

«Ах, какие ты забранки пригинаешь!» сказала старуха, глядя на него со страхом.

«Да не найдешь слов с вами! Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворняжка, что лежит на сене: и сама не ест сена и другим не дает. Я хотел было закупать у вас хозяйственные продукты разные, потому что я и казенные подряды тоже веду. . .» Здесь он прилгнул, хоть и вскользь и без всякого дальнейшего размышления, но неожиданно-удачно. Казенные подряды подействовали сильно на Настасью Петровну; по крайней мере, она произнесла уже почти просительным голосом: «Да чего ж ты рассердился так горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсем тебе и не прекословила».

«Есть из чего сердиться! Дело яйца выеденного не стоит, а я стану из-за него сердиться!»

«Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнацией! только смотри, отец мой, насчет подрядов-то: если случится муки брать ржаной, или гречневой, или круп, или скотины битой, так уж, пожалуйста, не обидь меня».

«Нет, матушка, не обижу», говорил он, а между тем отирал рукою пот, который в три ручья катился по лицу его. Он расспросил ее, не имеет ли она в городе какого-нибудь поверенного или знакомого, которого бы могла уполномочить на совершение крепости и всего, что следует. «Как же, протопопа, отца Кирила, сын служит в палате», сказала Коробочка. Чичиков попросил ее написать к нему доверенное письмо и, чтобы избавить от лишних затруднений, сам даже взялся сочинить.

«Хорошо бы было», подумала между тем про себя Коробочка: «если бы он забирал у меня в казну муку и скотину, нужно его задобрить: теста со вчерашнего вечера еще осталось, так пойти сказать Фетинье, чтоб спекла блинов; хорошо бы также загнуть пирог пресный с яйцом, у меня его славно загибают, да и времени берет немного». Хозяйка вышла с тем, чтобы привести в исполненье мысль насчет загнутия пирога и, вероятно, пополнить ее другими произведениями домашней пекарни и стряпни; а Чичиков вышел тоже в гостиную, где провел ночь, с тем, чтобы вынуть нужные бумаги из своей шкатулки. В гостиной давно уже было всё прибрано, роскошные перины вынесены вон, перед диваном стоял накрытый стол. Поставив на него шкатулку, он несколько отдохнул, ибо чувствовал, что был весь в поту, как в реке: всё, что ни было на нем, начиная от рубашки до чулок, всё было мокро. «Эк уморила как, проклятая старуха!» сказал он, немного отдохнувши, и отпер шкатулку. Автор уверен, что есть читатели такие любопытные, которые пожелают даже узнать план и внутреннее расположение шкатулки. Пожалуй, почему же не удовлетворить! Вот оно, внутреннее расположение: в самой средине мыльница, за мыльницею шесть-семь узеньких перегородок для бритв; потом квадратные закоулки для песочницы и чернильницы с выдолбленною между ними лодочкою для перьев, сургучей и всего, что подлиннее; потом всякие перегородки с крышечками и без крышечек,

для того, что покороче, наполненные билетами визитными, похоронными, театральными и другими, которые складывались на память. Весь верхний ящик со всеми перегородками вынимался, и под ним находилось пространство, занятое кипами бумаг в лист, потом следовал маленький потаенный ящик для денег, выдвигавшийся незаметно сбоку шкатулки. Он всегда так поспешно выдвигался и задвигался в ту же минуту хозяином, что наверно нельзя сказать, сколько было там денег. Чичиков тут же занялся и, очинив перо, начал писать. В это время вошла хозяйка.

«Хорош у тебя ящичек, отец мой», сказала она, подсевши к нему. «Чай, в Москве купил его?»

«В Москве», отвечал Чичиков, продолжая писать.

«Я уж знала это: там всё хорошая работа. Третьего года сестра моя привезла оттуда теплые сапожки для детей: такой прочный товар, до сих пор носится. Ахти, сколько у тебя тут гербовой бумаги!» продолжала она, заглянувши к нему в шкатулку. И в самом деле, гербовой бумаги было там немало. «Хоть бы мне листик подарил! а у меня такой недостаток; случится в суд просьбу подать, а и не на чем».

Чичиков объяснил ей, что эта бумага не такого рода, что она назначена для совершения крепостей, а не для просьб. Впрочем, чтобы успокоить ее, он дал ей какой-то лист в рубль ценою. Написавши письмо, дал он ей подписаться и попросил маленький списочек мужиков. Оказалось, что помещица не вела никаких записок, ни списков, а знала почти всех наизусть; он заставил ее тут же продиктовать их. Некоторые крестьяне несколько изумили его своими фамилиями, а еще более прозвищами, так что он всякой раз, слыша их, прежде останавливался, а потом уже начинал писать. Особенно поразил его какой-то Петр Савельев Неуважай-корыто, так что он не мог не сказать: «экой длинный!» Другой имел прицепленный к имени Коровий кирпич, иной оказался просто: Колесо Иван. Оканчивая писать, он потянул несколько к себе носом воздух и услышал завлекательный запах чего-то горячего в масле.

«Прошу покорно закусить», сказала хозяйка. Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припё-

ками: припёкой с лучком, припёкой с маком, припёкой с творогом, припёкой со сняточками, и нивесть чего не было.

«Пресный пирог с яйцом!» сказала хозяйка.

Чичиков подвинулся к пресному пирогу с яйцом и, съевши тут же с небольшим половину, похвалил его. И в самом деле, пирог сам по себе был вкусен, а после всей возни и проделок со старухой показался еще вкуснее.

«А блинков?» сказала хозяйка.

В ответ на это Чичиков свернул три блина вместе и, обмакнувши их в растопленное масло, отправил в рот, а губы и руки вытер салфеткой. Повторивши это раза три, он попросил хозяйку приказать заложить его бричку. Настасья Петровна тут же послала Фетинью, приказавши в то же время принести еще горячих блинков.

«У вас, матушка, блинцы очень вкусны», сказал Чичиков, принимаясь за принесенные горячие.

«Да у меня-то их хорошо пекут», сказала хозяйка: «да вот беда: урожай плох, мука уж такая не авантажная... Да что же, батюшка, вы так спешите?» проговорила она, увидя, что Чичиков взял в руки картуз. «Ведь и бричка еще не заложена».

«Заложат, матушка, заложат. У меня скоро закладывают».

«Так уж пожалуйста, не позабудьте насчет подрядов».

«Не забуду, не забуду», говорил Чичиков, выходя в сени.

«А свиного сала не покупаете?» сказала хозяйка, следуя за ним.

«Почему не покупать? Покупаю, только после».

«У меня о святках и свиное сало будет».

«Купим, купим, всего купим, и свиного сала купим».

«Может быть, понадобится еще птичьих перьев. У меня к Филиппову посту будут и птичьи перья».

«Хорошо, хорошо», говорил Чичиков.

«Вот видишь, отец мой, и бричка твоя еще не готова», сказала хозяйка, когда они вышли на крыльцо.

«Будет, будет готова. Расскажите только мне, как добраться до большой дороги».

«Как же бы это сделать?» сказала хозяйка. «Рассказать-то мудрено, поворотов много; разве я тебе дам девчонку, чтобы проводила. Ведь у тебя, чай, место есть на козлах, где бы присесть ей».

«Как не быть».

«Пожалуй, я тебе дам девчонку; она у меня знает дорогу; только ты, смотри! не завези ее, у меня уже одну завезли купцы».

Чичиков уверил ее, что не завезет, и Коробочка, успокоившись, уже стала рассматривать всё, что было во дворе ее; вперила глаза на ключницу, выносившую из кладовой деревянную побратиму с медом, на мужика, показавшегося в воротах, и мало-помалу вся переселилась в хозяйственную жизнь. Но зачем так долго заниматься Коробочкой? Коробочка ли, Манилова ли, хозяйственная ли жизнь или нехозяйственная — мимо их! Не то на свете дивно устроено: веселое мигом обратится в печальное, если только долго застоишься перед ним, и тогда бог знает что взбредет в голову. Может быть, станешь даже думать: да полно, точно ли Коробочка стоит так низко на бесконечной лестнице человеческого совершенствования? Точно ли так велика пропасть, отделяющая ее от сестры ее, недосягаемо огражденной стенами аристократического дома с благовонными чугунными лестницами, сияющей медью, красным деревом и коврами, зевающей за недочитанной книгой в ожидании остроумно-светского визита, где ей предстанет поле блеснуть умом и высказать вытверженные мысли, мысли, занимающие, по законам моды, на целую неделю город, мысли не о том, что делается в ее доме и в ее поместьях, запутанных и расстроенных, благодаря незнанию хозяйственного дела, а о том, какой политический переворот готовится во Франции, какое направление принял модный католицизм. Но мимо, мимо! зачем говорить об этом? Но зачем же среди недумающих, веселых, беспечных минут, сама собою, вдруг пронесется иная чудная струя? Еще смех не успел совершенно сбежать с лица, а уже стал другим среди тех же людей, и уже другим светом осветилось лицо...

«А вот бричка, вот бричка!» вскричал Чичиков, увидя наконец подъезжавшую свою бричку. «Что ты, болван, так долго копался? Видно, вчерашний хмель у тебя не весь еще выветрило».

Селифан на это ничего не отвечал.

«Прощайте, матушка! А что же, где ваша девчонка?»

«Эй, Пелагея!» сказала помещица стоявшей около крыльца девчонке лет одиннадцати, в платье из домашней крашенины и с босыми ногами, которые издали можно было принять за

сапоги, так они были облеплены свежею грязью. «Покажи-ка барину дорогу».

Селифан помог взлезть девчонке на козлы, которая, ставши одной ногой на барскую ступеньку, сначала запачкала ее грязью, а потом уже взобралась на верхушку и поместилась возле него. Вслед за нею и сам Чичиков занес ногу на ступеньку и, понагнувши бричку на правую сторону, потому что был тяжеленек, наконец поместился, сказавши: «А! теперь хорошо! Прощайте, матушка!» Кони тронулись.

Селифан был во всю дорогу суров и с тем вместе очень внимателен к своему делу, что случалося с ним всегда после того, когда либо в чем провинился, либо был пьян. Лошади были удивительно как вычищены. Хомут на одной из них, надевавшийся дотоле почти всегда в разодранном виде, так что из-под кожи выглядывала пакля, был искусно зашит. Во всю дорогу был он молчалив, только похлестывал кнутом и не обращал никакой поучительной речи к лошадям, хотя чубарому коню, конечно, хотелось бы выслушать что-нибудь наставительное, ибо в это время вожжи всегда как-то лениво держались в руках словоохотного возницы, и кнут только для формы гулял поверх спин. Но из угрюмых уст слышны были на сей раз одни однообразно-неприятные восклицания: «Ну же, ну, ворона! зевай! зевай!» и больше ничего. Даже сам гнедой и Заседатель были недовольны, не услышавши ни разу ни любезные, ни почтенные. Чубарый чувствовал пренеприятные удары по своим полным и широким частям. «Вишь ты, как разнесло его!» думал он сам про себя, несколько припрядывая ушами. «Небось, знает, где бить! Не хлыснет прямо по спине, а так и выбирает место, где поживее: по ушам зацепит или под брюхо захлыснет».

«Направо, что ли?» с таким сухим вопросом обратился Селифан к сидевшей возле него девчонке, показывая ей кнутом на почерневшую от дождя дорогу между яркозелеными, освеженными полями.

«Нет, нет, я уж покажу», отвечала девчонка.

«Куда ж?» сказал Селифан, когда подъехали поближе.

«Вот куды», отвечала девчонка, показавши рукою.

«Эх ты!» сказал Селифан. «Да это и есть направо: не знает, где право, где лево!»

Хотя день был очень хорош, но земля до такой степени загрязнилась, что колеса брички, захватывая ее, сделались скоро покрытыми ею как войлоком, что значительно отяжелило экипаж; к тому же почва была глиниста и цепка необыкновенно. То и другое было причиною, что они не могли выбраться из проселков раньше полудня. Без девчонки было бы трудно сделать и это, потому что дороги расползались во все стороны, как пойманные раки, когда их высыпят из мешка, и Селифану довелось бы поколесить уже не по своей вине. Скоро девчонка показала рукою на черневшее вдали строение, сказавши: «Вон столбовая дорога!»

«А строение?» спросил Селифан.

«Трактир», сказала девчонка.

«Ну, теперь мы сами доедем», сказал Селифан: «ступай себе домой».

Он остановился и помог ей сойти, проговорив сквозь зубы: «Эх ты, черноногая!»

Чичиков дал ей медный грош, и она побрела восвояси, уже довольная тем, что посидела на козлах.

ГЛАВА IV

Подъехавши к трактиру, Чичиков велел остановиться по двум причинам: с одной стороны, чтоб дать отдохнуть лошадям, а с другой стороны, чтоб и самому несколько закусить и подкрепиться. Автор должен признаться, что весьма завидует аппетиту и желудку такого рода людей. Для него решительно ничего не значат все господа большой руки, живущие в Петербурге и Москве, проводящие время в обдумывании, что бы такое поесть завтра и какой бы обед сочинить на послезавтра, и принимающиеся за этот обед не иначе, как отправивши прежде в рот пилюлю, глотающие устерс, морских пауков и прочих чуд, а потом отправляющиеся в Карлсбад или на Кавказ. Нет, эти господа никогда не возбуждали в нем зависти. Но господа средней руки, что на одной станции потребуют ветчины, на другой поросенка, на третьей ломоть осетра или какую-нибудь запеканную колбасу с луком и потом как ни в чем не бывало садятся за стол, в какое хочешь время, и стерляжья уха с налимами и молоками шипит и ворчит у них меж зубами, заедаемая расстегаем или кулебякой с сомовьим плёсом, так что вчуже пронимает аппетит, — вот эти господа, точно, пользуются завидным даянием неба! Не один господин большой руки пожертвовал бы сию же минуту половину душ крестьян и половину имений, заложенных и незаложенных, со всеми улучшениями на иностранную и русскую ногу, с тем только, чтобы иметь такой желудок, какой имеет господин средней руки, но то беда, что ни за какие деньги,

ниже́ имения, с улучшениями и без улучшений, нельзя приобресть такого желудка, какой бывает у господина средней руки.

Деревянный, потемневший трактир принял Чичикова под свой узенький гостеприимный навес на деревянных выточенных столбиках, похожих на старинные церковные подсвечники. Трактир был что-то вроде русской избы, несколько в большем размере. Резные узорочные карнизы из свежего дерева вокруг окон и под крышей резко и живо пестрили темные его стены; на ставнях были нарисованы кувшины с цветами.

Взобравшись узенькою деревянною лестницею наверх, в широкие сени, он встретил отворившуюся со скрипом дверь и вместе с нею исходивший свет и толстую старуху в пестрых ситцах, проговорившую: «Сюда пожалуйте!» В комнате попались всё старые приятели, попадающиеся всякому в небольших деревянных трактирах, каких немало повыстроено по дорогам, а именно: заиндевевший самовар, выскобленные гладко сосновые стены, трехугольный шкаф с чайниками и чашками в углу, фарфоровые вызолоченные яички пред образами, висевшие на голубых и красных ленточках, окотившаяся недавно кошка, зеркало, показывавшее вместо двух четыре глаза, а вместо лица какую-то лепешку; наконец натыканные пучками душистые травы и гвоздики у образов, высохшие до такой степени, что желавший понюхать их только чихал и больше ничего.

«Поросенок есть?» с таким вопросом обратился Чичиков к стоявшей бабе.

«Есть».

«С хреном и со сметаною?»

«С хреном и со сметаною».

«Давай его сюда!»

Старуха пошла копаться и принесла тарелку, салфетку, накрахмаленную до того, что дыбилась, как засохшая кора, потом нож с пожелтевшею костяною колодочкою, тоненький, как перочинный, двузубую вилку и солонку, которую никак нельзя было поставить прямо на стол.

Герой наш по обыкновению сейчас вступил с нею в разговор и расспросил, сама ли она держит трактир или есть хозяин, и сколько дает доходу трактир, и с ними ли живут сыновья, и что старший сын — холостой или женатый человек, и какую взял

жену, с большим ли приданым или нет, и доволен ли был тесть, и не сердился ли, что мало подарков получил на свадьбе; словом, не пропустил ничего. Само собою разумеется, что полюбопытствовал узнать, какие в окружности находятся у них помещики, и узнал, что всякие есть помещики: Блохин, Почитаев, Мыльной, Чепраков полковник, Собакевич. «А! Собакевича знаешь?» спросил он и тут же услышал, что старуха знает не только Собакевича, но и Манилова, и что Манилов будет повеликатней Собакевича: велит тотчас сварить курицу, спросит и телятинки; коли есть баранья печенка, то и бараньей печенки спросит, и всего только что попробует, а Собакевич одного чего-нибудь спросит, да уж зато всё съест, даже и подбавки потребует за ту же цену.

Когда он таким образом разговаривал, кушая поросенка, которого оставался уже последний кусок, послышался стук колес подъехавшего экипажа. Выглянувши в окно, увидел он остановившуюся перед трактиром легонькую бричку, запряженную тройкою добрых лошадей. Из брички вылезали двое каких-то мужчин. Один белокурый, высокого роста; другой немного пониже, чернявый. Белокурый был в темносиней венгерке, чернявый просто в полосатом архалуке. Издали тащилась еще колясчонка, пустая, влекомая какой-то длинношерстной четверней с изорванными хомутами и веревочной упряжью. Белокурый тотчас же отправился по лестнице наверх, между тем как черномазый еще оставался и щупал что-то в бричке, разговаривая тут же со слугою и махая в то же время ехавшей за ними коляске. Голос его показался Чичикову как будто несколько знакомым. Пока он его рассматривал, белокурый успел уже нащупать дверь и отворить ее. Это был мужчина высокого роста, лицом худощавый, или, что называют, издержанный, с рыжими усиками. По загоревшему лицу его можно было заключить, что он знал, что такое дым, если не пороховой, то по крайней мере табачный. Он вежливо поклонился Чичикову, на что последний ответил тем же. В продолжение немногих минут они, вероятно бы, разговорились и хорошо познакомились между собою, потому что уже начало было сделано, и оба почти в одно и то же время изъявили удовольствие, что пыль по дороге была совершенно прибита вчерашним дождем, и теперь ехать и

прохладно и приятно, как вошел чернявый его товарищ, сбросив с головы на стол картуз свой, молодцевато взъерошив рукой свои черные густые волосы. Это был среднего роста, очень недурно сложенный молодец с полными румяными щеками, с белыми, как снег, зубами и черными, как смоль, бакенбардами. Свеж он был, как кровь с молоком; здоровье, казалось, так и прыскало с лица его.

«Ба, ба, ба!» вскричал он вдруг, расставив обе руки при виде Чичикова. «Какими судьбами?»

Чичиков узнал Ноздрева, того самого, с которым он вместе обедал у прокурора и который с ним в несколько минут сошелся на такую короткую ногу, что начал уже говорить *ты*, хотя, впрочем, он с своей стороны не подал к тому никакого повода.

«Куда ездил?» говорил Ноздрев и, не дождавшись ответа, продолжал далее: «А я, брат, с ярмарки. Поздравь: продулся в пух! Веришь ли, что никогда в жизни так не продувался. Ведь я на обывательских приехал! Вот посмотри нарочно в окно!» Здесь он нагнул сам голову Чичикова, так что тот чуть не ударился ею об рамку. «Видишь, какая дрянь! насилу дотащили проклятые; я уже пересел вот в его бричку». Говоря это, Ноздрев указал пальцем на своего товарища. «А вы еще не знакомы? Зять мой Мижуев! Мы с ним всё утро говорили о тебе. «Ну, смотри, говорю, если мы не встретим Чичикова». Ну, брат, если б ты знал, как я продулся! Поверишь ли, что не только убухал четырех рысаков — просто всё спустил. Ведь на мне нет ни цепочки, ни часов. . .» Чичиков взглянул и увидел точно, что на нем не было ни цепочки, ни часов. Ему даже показалось, что и один бакенбард был у него меньше и не так густ, как другой. «А ведь будь только двадцать рублей в кармане», продолжал Ноздрев: «именно не больше, как двадцать, я отыграл бы всё, то-есть, кроме того, что отыграл бы, вот, как честный человек, тридцать тысяч сейчас положил бы в бумажник».

«Ты, однако ж, и тогда так говорил», отвечал белокурый: а когда я тебе дал пятьдесят рублей, тут же просадил их».

«И не просадил бы! ей-богу, не просадил бы! Не сделай я сам глупость, право, не просадил бы. Не загни я после пароле на проклятой семерке утку, я бы мог сорвать весь банк».

«Однако ж не сорвал», сказал белокурый.

«Не сорвал, потому что загнул утку не во-время. А ты думаешь, маиор твой хорошо играет?»

«Хорошо или не хорошо, однако ж он тебя обыграл».

«Эка важность!» сказал Ноздрев. «Этак и я его обыграю. Нет, вот попробуй он играть дублетом, так вот тогда я посмотрю, я посмотрю тогда, какой он игрок! Зато, брат Чичиков, как покутили мы в первые дни! Правда, ярмарка была отличнейшая. Сами купцы говорят, что никогда не было такого съезда. У меня всё, что ни привезли из деревни, продали по самой выгоднейшей цене. Эх, братец! как покутили! Теперь даже, как вспомнишь... чорт возьми! то-есть как жаль, что ты не был! Вообрази, что в трех верстах от города стоял драгунский полк. Веришь ли, что офицеры, сколько их ни было, сорок человек одних офицеров было в городе; как начали мы, братец, пить... Штабс-ротмистр Поцелуев... такой славный! усы, братец, такие! Бордо называет просто бурдашкой. «Принеси-ка, брат, говорит, бурдашки!» Поручик Кувшинников... Ах, братец, какой премилый человек! вот уж, можно сказать, во всей форме кутила. Мы всё были с ним вместе. Какого вина отпустил нам Пономарев! Нужно тебе знать, что он мошенник и в его лавке ничего нельзя брать: в вино мешает всякую дрянь: сандал, жженую пробку, и даже бузиной, подлец, затирает, но зато уж если вытащит из дальней комнатки, которая называется у него особенной, какую-нибудь бутылочку, ну просто, брат, находишься в эмпиреях. Шампанское у нас было такое, — что пред ним губернаторское? просто квас. Вообрази, не клико, а какое-то клико матрадура; это значит двойное клико. И еще достал одну бутылочку французского под названием: бонбон. Запах? — розетка и всё, что хочешь. Уж так покутили!.. После нас приехал какой-то князь, послал в лавку за шампанским, нет ни одной бутылки во всем городе, всё офицеры выпили. Веришь ли, что я один в продолжение обеда выпил семнадцать бутылок шампанского!»

«Ну, семнадцать бутылок ты не выпьешь», заметил белокурый.

«Как честный человек говорю, что выпил», отвечал Ноздрев.

«Ты можешь себе говорить, что хочешь, а я тебе говорю, что и десяти не выпьешь».

«Ну, хочешь об заклад, что выпью?»

«К чему же об заклад?»

«Ну, поставь свое ружье, которое купил в городе».

«Не хочу».

«Ну, да поставь, попробуй!»

«И пробовать не хочу».

«Да, был бы ты без ружья, как без шапки. Эх, брат Чичиков, то-есть как я жалел, что тебя не было! Я знаю, что ты бы не расстался с поручиком Кувшинниковым. Уж как бы вы с ним хорошо сошлись! Это не то, что прокурор и все губернские скряги в нашем городе, которые так и трясутся за каждую копейку. Этот, братец, и в гальбик, и в банчишку, и во всё, что хочешь. Эх, Чичиков, ну что бы тебе стоило приехать? Право, свинтус ты за это, скотовод эдакой! поцелуй меня, душа, смерть люблю тебя! Мижуев, смотри: вот судьба свела: ну что он мне или я ему? он приехал бог знает откуда, я тоже здесь живу... А сколько, брат, было карет, и всё это en gros. В фортунку крутнул, выиграл две банки помады, фарфоровую чашку и гитару; потом опять поставил один раз и прокрутил, канальство, еще сверх шесть целковых. А какой, если б ты знал, волокита Кувшинников! Мы с ним были на всех почти балах. Одна была такая разодетая, рюши на ней, и трюши, и чорт знает чего не было... я думаю себе только: «чорт возьми!» А Кувшинников, то-есть это такая бестия, подсел к ней и на французском языке подпускает ей такие комплименты... Поверишь ли, простых баб не пропустил. Это он называет: попользоваться насчет клубнички. Рыб и балыков навезли чудных. Я таки привез с собою один, хорошо, что догадался купить, когда были еще деньги. Ты куда теперь едешь?»

«А я к человечку к одному», сказал Чичиков.

«Ну, что человечек, брось его! поедем ко мне!»

«Нет, нельзя, есть дело».

«Ну, вот уж и дело! уж и выдумал! ах ты Оподелдок Иванович!»

«Право, дело, да еще и нужное».

«Пари держу, врешь! Ну, скажи только, к кому едешь?»

«Ну, к Собакевичу».

Здесь Ноздрев захохотал тем звонким смехом, каким зали-

вается только свежий, здоровый человек, у которого все до последнего выказываются белые, как сахар, зубы, дрожат и прыгают щеки, и сосед за двумя дверями, в третьей комнате, вскидывается со сна, вытаращив очи и произнося: «Эк его разобрало!»

«Что ж тут смешного?» сказал Чичиков, отчасти недовольный таким смехом.

Но Ноздрев продолжал хохотать во все горло, приговаривая: «Ой, пощади! право, тресну со смеху!»

«Ничего нет смешного: я дал ему слово», сказал Чичиков.

«Да ведь ты жизни не будешь рад, когда приедешь к нему, это просто жидомор! Ведь я знаю твой характер, ты жестоко опешишься, если думаешь найти там банчишку и добрую бутылку какого-нибудь бонбона. Послушай, братец: ну к чорту Собакевича, поедем-ка сейчас ко мне! каким балыком попотчую! Пономарев, бестия, так раскланивался, говорит: для вас только; всю ярмарку, говорит, обыщите, не найдете такого. Плут, однако ж, ужасный. Я ему в глаза это говорил: «Вы, говорю, с нашим откупщиком первые мошенники!» Смеется, бестия, поглаживая бороду. Мы с Кувшинниковым каждый день завтракали в его лавке. Ах, брат, вот позабыл тебе сказать: знаю, что ты теперь не отстанешь, но за десять тысяч не отдам, наперед говорю. Эй, Порфирий!» закричал он, подошедши к окну, на своего человека, который держал в одной руке ножик, а в другой корку хлеба с куском балыка, который посчастливилось ему мимоходом отрезать, вынимая что-то из брички. «Эй, Порфирий!» кричал Ноздрев: «принеси-ка щенка! Каков щенок!» продолжал он, обращаясь к Чичикову. «Краденый, ни за самого себя не отдавал хозяин. Я ему сулил каурую кобылу, которую, помнишь, выменял у Хвостырева...» Чичиков, впрочем, отроду не видал ни каурой кобылы, ни Хвостырева.

«Барин! ничего не хотите закусить?» сказала в это время, подходя к нему, старуха.

«Ничего. Эх, брат, как покутили! Впрочем, давай рюмку водки, какая у тебя есть?»

«Анисовая», отвечала старуха.

«Ну, давай анисовой», сказал Ноздрев.

«Давай уж и мне рюмку!» сказал белокурый.

«В театре одна актриса так, каналья, пела, как канарейка!

Кувшинников, который сидел возле меня, «вот, говорит, брат, попользоваться бы насчет клубнички!» Одних балаганов, я думаю, было пятьдесят. Фенарди четыре часа вертелся мельницею». Здесь он принял рюмку из рук старухи, которая ему за то низко поклонилась. «А, давай его сюда!» закричал он, увидевши Порфирия, вошедшего с щенком. Порфирий был одет так же, как и барин, в каком-то архалуке, стеганом на вате, но несколько позамаслянней.

«Давай его, клади сюда на пол!»

Порфирий положил щенка на пол, который, растянувшись на все четыре лапы, нюхал землю.

«Вот щенок!» сказал Ноздрев, взявши его за спинку и приподнявши рукою. Щенок испустил довольно жалобный вой.

«Ты, однако ж, не сделал того, что я тебе говорил», сказал Ноздрев, обратившись к Порфирию и рассматривая тщательно брюхо щенка: «и не подумал вычесать его?»

«Нет, я его вычесывал».

«А отчего же блохи?»

«Не могу знать. Статься может, как-нибудь из брички поналезли».

«Врешь, врешь, и не воображал чесать; я думаю, дурак, еще своих напустил. Вот посмотри-ка, Чичиков, посмотри, какие уши, на-ка пощупай рукою».

«Да зачем, я и так вижу: доброй породы!» отвечал Чичиков.

«Нет, возьми-ка нарочно, пощупай уши!»

Чичиков в угодность ему пощупал уши, примолвивши: «Да, хорошая будет собака».

«А нос, чувствуешь, какой холодный? возьми-ка рукою». Не желая обидеть его, Чичиков взял и за нос, сказавши: «Хорошее чутье».

«Настоящий мордаш», продолжал Ноздрев. «Я, признаюсь, давно острил зубы на мордаша. На, Порфирий, отнеси его!»

Порфирий, взявши щенка под брюхо, унес его в бричку.

«Послушай, Чичиков, ты должен непременно теперь ехать ко мне; пять верст всего, духом домчимся, а там, пожалуй, можешь и к Собакевичу».

«А что ж», подумал про себя Чичиков: «заеду я в самом деле к Ноздреву. Чем же он хуже других? такой же человек, да

еще и проигрался. Горазд он, как видно, на всё; стало быть, у него даром можно кое-что выпросить». «Изволь, едем», сказал он, «но, чур, не задержать, мне время дорого».

«Ну, душа, вот это так! Вот это хорошо! Постой же! я тебя поцелую за это». Здесь Ноздрев и Чичиков поцеловались. «И славно: втроем и покатим!»

«Нет, ты уж, пожалуйста, меня-то отпусти», говорил белокурый: «мне нужно домой».

«Пустяки, пустяки, брат, не пущу».

«Право, жена будет сердиться, теперь же ты можешь пересесть вот в ихнюю бричку».

«Ни, ни, ни! И не думай!»

Белокурый был один из тех людей, в характере которых на первый взгляд есть какое-то упорство. Еще не успеешь открыть рта, как они уже готовы спорить и, кажется, никогда не согласятся на то, что явно противуположно их образу мыслей, что никогда не назовут глупого умным и что в особенности не согласятся плясать по чужой дудке; а кончится всегда тем, что в характере их окажется мягкость, что они согласятся именно на то, что отвергали, глупое назовут умным и пойдут потом поплясывать как нельзя лучше под чужую дудку, словом, начнут гладью, а кончат гадью.

«Вздор!» сказал Ноздрев в ответ на какое-то представление белокурого, надел ему на голову картуз, и — белокурый отправился вслед за ними.

«За водочку, барин, не заплатили. . .» сказала старуха.

«А, хорошо, хорошо, матушка. Послушай, зятек! заплати, пожалуйста. У меня нет ни копейки в кармане».

«Сколько тебе?» сказал зятек.

«Да что, батюшка, двугривенник всего», отвечала старуха.

«Врешь, врешь. Дай ей полтину, предовольно с нее».

«Маловато, барин», сказала старуха, однако ж взяла деньги с благодарностию и еще побежала впопыхах отворять им дверь. Она была не в убытке, потому что запросила вчетверо против того, что́ стоила водка.

Приезжие уселись. Бричка Чичикова ехала рядом с бричкой, в которой сидели Ноздрев и его зять, и потому они все трое могли очень свободно между собою разговаривать в продолжение

дороги. За ними следовала, беспрестанно отставая, небольшая колясчонка Ноздрева на тощих обывательских лошадях. В ней сидел Порфирий с щенком.

Так как разговор, который путешественники вели между собою, был не очень интересен для читателя, то сделаем лучше, если скажем что-нибудь о самом Ноздреве, которому, может быть, доведется сыграть не вовсе последнюю роль в нашей поэме.

Лицо Ноздрева, верно, уже сколько-нибудь знакомо читателю. Таких людей приходилось всякому встречать не мало. Они называются разбитными малыми, слывут еще в детстве и в школе за хороших товарищей и при всем том бывают весьма больно поколачиваемы. В их лицах всегда видно что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успеешь оглянуться, как уже говорят тебе: ты. Дружбу заведут, кажется, навек; но всегда почти так случается, что подружившийся подерется с ними того же вечера на дружеской пирушке. Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народ видный. Ноздрев в тридцать пять лет был таков же совершенно, каким был в осьмнадцать и в двадцать: охотник погулять. Женитьба его ничуть не переменила, тем более что жена скоро отправилась на тот свет, оставивши двух ребятишек, которые решительно были ему не нужны. За детьми, однако ж, присматривала смазливая нянька. Дома он больше дня никак не мог усидеть. Чуткой нос его слышал за несколько десятков верст, где была ярмарка со всякими съездами и балами; он уж в одно мгновенье ока был там, спорил и заводил сумятицу за зеленым столом, ибо имел, подобно всем таковым, страстишку к картишкам. В картишки, как мы уже видели из первой главы, играл он не совсем безгрешно и чисто, зная много разных передержек и других тонкостей, и потому игра весьма часто оканчивалась другою игрою: или поколачивали его сапогами, или же задавали передержку его густым и очень хорошим бакенбардам, так что возвращался домой он иногда с одной только бакенбардой, и то довольно жидкой. Но здоровые и полные щеки его так хорошо были сотворены и вмещали в себе столько растительной силы, что бакенбарды скоро вырастали вновь, еще даже лучше прежних. И, что всего страннее, что может только на одной Руси случиться, он чрез несколько времени уже встречался опять с теми

приятелями, которые его тузили, и встречался как ни в чем не бывало, и он, как говорится, ничего, и они ничего.

Ноздрев был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории. Какая-нибудь история непременно происходила: или выведут его под руки из зала жандармы, или принуждены бывают вытолкать свои же приятели. Если же этого не случится, то всё-таки что-нибудь да будет такое, чего с другим никак не будет: или нарежется в буфете таким образом, что только смеется, или проврется самым жестоким образом, так что наконец самому сделается совестно. И наврет совершенно без всякой нужды: вдруг расскажет, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти и тому подобную чепуху, так что слушающие наконец все отходят, произнесши: «Ну, брат, ты, кажется, уж начал пули лить». Есть люди, имеющие страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе без всякой причины. Иной, например, даже человек в чинах, с благородною наружностью, со звездой на груди, будет вам жать руку, разговорится с вами о предметах глубоких, вызывающих на размышления, а потом, смотришь, тут же, пред вашими глазами и нагадит вам. И нагадит так, как простой коллежский регистратор, а вовсе не так, как человек со звездой на груди, разговаривающий о предметах высоких и предметах, вызывающих на размышление; так что стоишь только да дивишься, пожимая плечами, да и ничего более. Такую же странную страсть имел и Ноздрев. Чем кто ближе с ним сходился, тому он скорее всех насаливал: распускал небылицу, глупее которой трудно выдумать, расстроивал свадьбу, торговую сделку и вовсе не почитал себя вашим неприятелем; напротив, если случай приводил его опять встретиться с вами, он обходился вновь по-дружески и даже говорил: «Ведь ты такой подлец, никогда ко мне не заедешь». Ноздрев во многих отношениях был многосторонний человек, то-есть человек на все руки. В ту же минуту он предлагал вам ехать куда угодно, хоть на край света, войти в какое хотите предприятие, менять всё, что ни есть, на всё, что хотите. Ружье, собака, лошадь — всё было предметом мены, но вовсе не с тем, чтобы выиграть, это происходило просто от какой-то неугомонной юркости и бойкости характера. Если ему на ярмарке посчастливилось

напасть на простака и обыграть его, он накупал кучу всего, что прежде попадалось ему на глаза в лавках: хомутов, курительных смолок, ситцев, свечей, платков для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомойник, голландского холста, крупичатой муки, табаку, пистолетов, селедок, картин, точильный инструмент, горшков, сапогов, фаянсовую посуду — насколько хватало денег. Впрочем, редко случалось, чтобы это было довезено домой; почти в тот же день спускалось оно всё другому, счастливейшему игроку, иногда даже прибавлялась собственная трубка с кисетом и мундштуком, а в другой раз и вся четверня со всем: с коляской и кучером, так что сам хозяин отправлялся в коротеньком сюртучке или архалуке искать какого-нибудь приятеля, чтобы попользоваться его экипажем. Вот какой был Ноздрев! Может быть, назовут его характером избитым, станут говорить, что теперь нет уже Ноздрева. Увы! несправедливы будут те, которые станут говорить так. Ноздрев долго еще не выведется из мира. Он везде между нами и, может быть, только ходит в другом кафтане; но легкомысленно-непроницательны люди, и человек в другом кафтане кажется им другим человеком.

Между тем три экипажа подкатили уже к крыльцу дома Ноздрева. В доме не было никакого приготовления к их принятию. Посередине столовой стояли деревянные козлы, и два мужика, стоя на них, белили стены, затягивая какую-то бесконечную песню; пол весь был обрызган белилами. Ноздрев приказал тот же час мужиков и козлы вон и выбежал в другую комнату отдавать повеления. Гости слышали, как он заказывал повару обед; сообразив это, Чичиков, начинавший уже несколько чувствовать аппетит, увидел, что раньше пяти часов они не сядут за стол. Ноздрев, возвратившись, повел гостей осматривать всё, что ни было у него на деревне, и, в два часа с небольшим, показал решительно всё, так что ничего уж больше не осталось показывать. Прежде всего пошли они обсматривать конюшню, где видели двух кобыл, одну серую в яблоках, другую каурую, потом гнедого жеребца, на вид и неказистого, но за которого Ноздрев божился, что заплатил десять тысяч.

«Десяти тысяч ты за него не дал», заметил зять. «Он и одной не сто́ит».

«Ей-богу, дал десять тысяч», сказал Ноздрев.

«Ты себе можешь божиться, сколько хочешь», отвечал зять.

«Ну, хочешь, побьемся об заклад!» сказал Ноздрев.

Об заклад зять не захотел биться.

Потом Ноздрев показал пустые стойла, где были прежде тоже очень хорошие лошади. В этой же конюшне видели козла, которого, по старому поверью, почитали необходимым держать при лошадях, который, как казалось, был с ними в ладу, гулял под их брюхами, как у себя дома. Потом Ноздрев повел их глядеть волчонка, бывшего на привязи. «Вот волчонок!» сказал он: «я его нарочно кормлю сырым мясом. Мне хочется, чтобы он был совершенным зверем!» Пошли смотреть пруд, в котором, по словам Ноздрева, водилась рыба такой величины, что два человека с трудом вытаскивали штуку, в чем, однако ж, родственник не преминул усумниться. «Я тебе, Чичиков», сказал Ноздрев, «покажу отличнейшую пару собак: крепость черных мясов просто наводит изумление, щиток — игла!» и повел их к выстроенному очень красиво маленькому домику, окруженному большим, загороженным со всех сторон двором. Вошедши на двор, увидели там всяких собак, и густо-псовых, и чисто-псовых, всех возможных цветов и мастей: муругих, черных с подпалинами, полво-пегих, муруго-пегих, красно-пегих, черноухих, сероухих... Тут были все клички, все повелительные наклонения: стреляй, обругай, порхай, пожар, скосырь, черкай, допекай, припекай, северга, касатка, награда, попечительница. Ноздрев был среди их совершенно как отец среди семейства: все они, тут же пустивши вверх хвосты, зовомые у собачеев правилами, полетели прямо навстречу гостям и стали с ними здороваться. Штук десять из них положили свои лапы Ноздреву на плеча. Обругай оказал такую же дружбу Чичикову и, поднявшись на задние ноги, лизнул его языком в самые губы, так что Чичиков тут же выплюнул. Осмотрели собак, наводивших изумление крепостью черных мясов, — хорошие были собаки. Потом пошли осматривать крымскую суку, которая была уже слепая и, по словам Ноздрева, должна была скоро издохнуть, но, года два тому назад, была очень хорошая сука. Осмотрели и суку — сука, точно, была слепая. Потом пошли осматривать водяную мельницу, где недоставало порхлицы, в которую утверждается верхний камень, быстро вращающийся на веретене, порхающий, по чудному выражению

русского мужика. «А вот тут скоро будет и кузница!» сказал Ноздрев. Немного прошедши, они увидели, точно, кузницу, осмотрели и кузницу.

«Вот на этом поле», сказал Ноздрев, указывая пальцем на поле: «русаков такая гибель, что земли не видно; я сам своими руками поймал одного за задние ноги».

«Ну, русака ты не поймаешь рукою!» заметил зять.

«А вот же поймал, нарочно поймал!» отвечал Ноздрев. «Теперь я поведу тебя посмотреть», продолжал он, обращаясь к Чичикову: «границу, где оканчивается моя земля».

Ноздрев повел своих гостей полем, которое во многих местах состояло из кочек. Гости должны были пробираться между перелогами и взбороненными нивами. Чичиков начинал чувствовать усталость. Во многих местах ноги их выдавливали под собою воду, до такой степени место было низко. Сначала они было береглись и переступали осторожно, но потом, увидя, что это ни к чему не служит, брели прямо, не разбирая, где большая, а где меньшая грязь. Прошедши порядочное расстояние, увидели, точно, границу, состоявшую из деревянного столбика и узенького рва.

«Вот граница!» сказал Ноздрев: «всё, что ни видишь по эту сторону, всё это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синеет, и всё, что за лесом, всё это мое».

«Да когда же этот лес сделался твоим?» спросил зять. «Разве ты недавно купил его? Ведь он не был твой».

«Да, я купил его недавно», отвечал Ноздрев.

«Когда же ты успел его, так скоро, купить?»

«Как же, я еще третьего дня купил, и дорого, чорт возьми, дал».

«Да ведь ты был в то время на ярмарке».

«Эх ты Софрон! Разве нельзя быть в одно время и на ярмарке и купить землю? Ну, я был на ярмарке, а приказчик мой тут без меня и купил».

«Да, ну разве приказчик!» сказал зять, но и тут усумнился и покачал головою. Гости воротились тою же гадкою дорогою к дому. Ноздрев повел их в свой кабинет, в котором, впрочем, не было заметно следов того, что бывает в кабинетах, то-есть книг или бумаги; висели только сабли и два ружья, одно в три-

ста, а другое в восемьсот рублей. Зять, осмотревши, покачал только головою. Потом были показаны турецкие кинжалы, на одном из которых по ошибке было вырезано: Мастер Савелий Сибиряков. Вслед за тем показалась гостям шарманка. Ноздрев, тут же, провертел пред ними кое-что. Шарманка играла не без приятности, но в средине ее, кажется, что-то случилось: ибо мазурка окончивалась песнею, «Мальбруг в поход поехал»; а «Мальбруг в поход поехал» неожиданно завершался каким-то давно знакомым вальсом. Уже Ноздрев давно перестал вертеть, но в шарманке была одна дудка, очень бойкая, никак не хотевшая угомониться, и долго еще потом свистела она одна. Потом показались трубки деревянные, глиняные, пенковые, обкуренные и необкуренные, обтянутые замшею и необтянутые, чубук с янтарным мундштуком, недавно выигранный, и кисет, вышитый какою-то графинею, где-то на почтовой станции влюбившеюся в него по уши, у которой ручки, по словам его, были самой субтильной сюперфлю, — слово, вероятно, означавшее у него высочайшую точку совершенства. Закусивши балыком, они сели за стол близ пяти часов. Обед, как видно, не составлял у Ноздрева главного в жизни; блюда не играли большой роли: кое-что и пригорело, кое-что и вовсе не сварилось. Видно, что повар руководствовался более каким-то вдохновеньем и клал первое, что попадалось под руку: стоял ли возле него перец — он сыпал перец, капуста ли попалась — совал капусту, пичкал молоко, ветчину, горох, словом, катай-валяй, было бы горячо, а вкус какой-нибудь, верно, выдет. Зато Ноздрев налег на вина: еще не подавали супа, он уже налил гостям по большому стакану портвейна и по другому госотерна, потому что в губернских и уездных городах не бывает простого сотерна. Потом Ноздрев велел принести бутылку мадеры, лучше которой не пивал сам фельдмаршал. Мадера, точно, даже горела во рту, ибо купцы, зная уже вкус помещиков, любивших добрую мадеру, заправляли ее беспощадно ромом, а иной раз вливали туда и царской водки, в надежде, что всё вынесут русские желудки. Потом Ноздрев велел еще принесть какую-то особенную бутылку, которая, по словам его, была и бургоньон и шампаньон вместе. Он наливал очень усердно в оба стакана, и направо и налево, и зятю и Чичикову; Чичиков заметил, однако же, как-то вскользь, что самому

себе он не много прибавлял. Это заставило его быть осторожным, и как только Ноздрев как-нибудь заговаривался или наливал зятю, он опрокидывал в ту же минуту свой стакан в тарелку. В непродолжительном времени была принесена на стол рябиновка, имевшая, по словам Ноздрева, совершенный вкус сливок, но в которой, к изумлению, слышна была сивушища во всей своей силе. Потом пили какой-то бальзам, носивший такое имя, какое даже трудно было припомнить, да и сам хозяин в другой раз назвал его уже другим именем. Обед давно уже кончился, и вины были перепробованы, но гости всё еще сидели за столом. Чичиков никак не хотел заговорить с Ноздревым при зяте насчет главного предмета. Все-таки зять был человек посторонний, а предмет требовал уединенного и дружеского разговора. Впрочем, зять вряд ли мог быть человеком опасным, потому что нагрузился, кажется, вдоволь и, сидя на стуле, ежеминутно клевался носом. Заметив и сам, что находился не в надежном состоянии, он стал наконец отпрашиваться домой, но таким ленивым и вялым голосом, как будто бы, по русскому выражению, натаскивал клещами на лошадь хомут.

«И ни-ни! не пущу!» сказал Ноздрев.

«Нет, не обижай меня, друг мой, право, поеду», говорил зять: «ты меня очень обидишь».

«Пустяки, пустяки! мы соорудим сию минуту банчишку».

«Нет, сооружай, брат, сам, а я не могу, жена будет в большой претензии, право; я должен ей рассказать о ярмарке. Нужно, брат, право, нужно доставить ей удовольствие. Нет, ты не держи меня!»

«Ну ее, жену, к...! важное в самом деле дело станете делать вместе!»

«Нет, брат! она такая почтенная и верная! Услуги оказывает такие... поверишь, у меня слезы на глазах. Нет, ты не держи меня; как честный человек, поеду. Я тебя в этом уверяю по истинной совести».

«Пусть его едет: что в нем проку!» сказал тихо Чичиков Ноздреву.

«А и вправду!» сказал Ноздрев: «смерть не люблю таких растепелей!» и прибавил вслух: «Ну, чорт с тобою, поезжай бабиться с женою, фетюк!»

«Нет, брат, ты не ругай меня фетюком *», отвечал зять: «я ей жизнью обязан. Такая, право, добрая, милая, такие ласки оказывает... до слез разбирает, спросит, что видел на ярмарке, нужно всё рассказать, такая, право, милая».

«Ну, поезжай, ври ей чепуху! Вот картуз твой».

«Нет, брат, тебе совсем не следует о ней так отзываться; этим ты, можно сказать, меня самого обижаешь, она такая милая».

«Ну, так и убирайся к ней скорее!»

«Да, брат, поеду, извини, что не могу остаться. Душой рад бы был, но не могу». Зять еще долго повторял свои извинения, не замечая, что сам уже давно сидел в бричке, давно выехал за ворота и перед ним давно были одни пустые поля. Должно думать, что жена не много слышала подробностей о ярмарке.

«Такая дрянь!» говорил Ноздрев, стоя перед окном и глядя на уезжавший экипаж. «Вон как потащился! конек пристяжной не дурен, я давно хотел подцепить его. Да ведь такой... с ним нельзя никак сойтиться. Фетюк, просто фетюк!»

Засим вошли они в комнату. Порфирий подал свечи, и Чичиков заметил в руках хозяина неизвестно откуда взявшуюся колоду карт.

«А что, брат», говорил Ноздрев, прижавши бока колоды пальцами и несколько погнувши ее, так что треснула и отскочила бумажка. «Ну, для препровождения времени, держу триста рублей банку!»

Но Чичиков прикинулся, как будто и не слышал, о чем речь, и сказал, как бы вдруг припомнив: «А! чтоб не позабыть: у меня к тебе просьба».

«Какая?»

«Дай прежде слово, что исполнишь».

«Да какая просьба?»

«Ну, да уж дай слово!»

«Изволь».

«Честное слово?»

«Честное слово».

«Вот какая просьба: у тебя есть, чай, много умерших крестьян, которые еще не вычеркнуты из ревизии?»

* Фетюк слово обидное для мужчины, происходит от θ, буквы, почитаемой неприличною буквою.

«Ну, есть; а что?»

«Переведи их на меня, на мое имя».

«А на что тебе?»

«Ну, да мне нужно».

«Да на что?»

«Ну, да уж нужно... уж это мое дело, словом нужно».

«Ну, уж, верно, что-нибудь затеял. Признайся, что?»

«Да что ж затеял? из этакого пустяка и затеять ничего нельзя».

«Да зачем же они тебе?»

«Ох, какой любопытный! ему всякую дрянь хотелось бы пощупать рукой, да еще и понюхать!»

«Да к чему ж ты не хочешь сказать?»

«Да что же тебе за прибыль знать? ну, просто так, пришла фантазия».

«Так вот же: до тех пор, пока не скажешь, не сделаю!»

«Ну вот видишь, вот уж и нечестно с твоей стороны: слово дал, да и на попятный двор».

«Ну, как ты себе хочешь, а не сделаю, пока не скажешь, на что».

«Что бы такое сказать ему?» подумал Чичиков и после минутного размышления объявил, что мертвые души нужны ему для приобретения весу в обществе, что он поместьев больших не имеет, так до того времени хоть бы какие-нибудь душонки.

«Врешь, врешь!» сказал Ноздрев, не давши окончить ему. «Врешь, брат!»

Чичиков и сам заметил, что придумал не очень ловко и предлог довольно слаб. «Ну, так я ж тебе скажу, прямее», сказал он, поправившись: «только, пожалуйста, не проговорись никому. Я задумал жениться; но нужно тебе знать, что отец и мать невесты преамбиционные люди. Такая, право, комиссия: не рад, что связался; хотят непременно, чтобы у жениха было никак не меньше трех сот душ, а так как у меня целых почти полутораста крестьян недостает...»

«Ну врешь! врешь!» закричал опять Ноздрев.

«Ну вот уж здесь», сказал Чичиков: «ни вот на столько не солгал», и показал большим пальцем на своем мизинце самую маленькую часть.

«Езуит, езуит. Голову ставлю, что врешь!»

«Однако ж это обидно! что же я такое в самом деле! почему я непременно лгу?»

«Ну да ведь я знаю тебя: ведь ты большой мошенник, позволь мне это сказать тебе по дружбе! Если бы я был твоим начальником, я бы тебя повесил на первом дереве».

Чичиков оскорбился таким замечанием. Уже всякое выражение, сколько-нибудь грубое или оскорбляющее благопристойность, было ему неприятно. Он даже не любил допускать с собой ни в каком случае фамильярного обращения, разве только если особа была слишком высокого звания. И потому теперь он совершенно обиделся.

«Ей-богу, повесил бы», повторил Ноздрев: «я тебе говорю это откровенно, не с тем, чтобы тебя обидеть, а просто по-дружески говорю».

«Всему есть границы», сказал Чичиков с чувством достоинства. «Если хочешь пощеголять подобными речами, так ступай в казармы», и потом присовокупил: «не хочешь подарить, так продай».

«Продать! Да ведь я знаю тебя, ведь ты подлец, ведь ты дорого не дашь за них?»

«Эх, да ты ведь тоже хорош! Смотри ты! Что они у тебя, бриллиантовые, что ли?»

«Ну, так и есть. Я уж тебя знал».

«Помилуй, брат, что ж у тебя за жидовское побуждение! Ты бы должен просто отдать мне их».

«Ну, послушай, чтоб доказать тебе, что я вовсе не какой-нибудь скалдырник, я не возьму за них ничего. Купи у меня жеребца, я тебе дам их в придачу».

«Помилуй, на что ж мне жеребец?» сказал Чичиков, изумленный в самом деле таким предложением.

«Как на что? да ведь я за него заплатил десять тысяч, а тебе отдаю за четыре».

«Да на что мне жеребец? Завода я не держу».

«Да послушай, ты не понимаешь: ведь я с тебя возьму теперь всего только три тысячи, а остальную тысячу ты можешь заплатить мне после».

«Да не нужен мне жеребец, бог с ним!»

«Ну, купи каурую кобылу».

«И кобылы не нужно».

«За кобылу и за серого коня, которого ты у меня видел, возьму я с тебя только две тысячи».

«Да не нужны мне лошади».

«Ты их продашь: тебе на первой ярмарке дадут за них втрое больше».

«Так лучше ж ты их сам продай, когда уверен, что выиграешь втрое».

«Я знаю, что выиграю, да мне хочется, чтобы и ты получил выгоду».

Чичиков поблагодарил за расположение и напрямик отказался и от серого коня и от каурой кобылы.

«Ну, так купи собак. Я тебе продам такую пару, просто, мороз по коже подирает! брудастая с усами, шерсть стоит вверх, как щетина. Бочковатость ребр уму непостижимая, лапа вся в комке, земли не зацепит!»

«Да зачем мне собаки? я не охотник».

«Да мне хочется, чтобы у тебя были собаки. Послушай, если уж не хочешь собак, так купи у меня шарманку, чудная шарманка; самому, как честный человек, обошлась в полторы тысячи; тебе отдаю за 900 рублей».

«Да зачем же мне шарманка? Ведь я не немец, чтобы, тащася с ней по дорогам, выпрашивать деньги».

«Да ведь это не такая шарманка, как носят немцы. Это орган; посмотри нарочно: вся из красного дерева. Вот я тебе покажу ее еще!» Здесь Ноздрев, схвативши за руку Чичикова, стал тащить его в другую комнату, и как тот ни упирался ногами в пол и ни уверял, что он знает уже, какая шарманка, но должен был услышать еще раз, каким образом поехал в поход Мальбруг. «Когда ты не хочешь на деньги, так вот что, слушай: я тебе дам шарманку и все, сколько ни есть у меня, мертвые души, а ты мне дай свою бричку и триста рублей придачи».

«Ну вот еще, а я-то в чем поеду?»

«Я тебе дам другую бричку. Вот пойдем в сарай, я тебе покажу ее! Ты ее только перекрасишь, и будет чудо бричка».

«Эх, его неугомонный бес как обуял!» подумал про себя Чичиков и решился во что бы ни стало отделаться от всяких

бричек, шарманок и всех возможных собак, несмотря на непостижимую уму бочковатость ребр и комкость лап.

«Да ведь бричка, шарманка и мертвые души, всё вместе!»

«Не хочу», сказал еще раз Чичиков.

«Отчего ж ты не хочешь?»

«Оттого, что просто не хочу, да и полно».

«Экой ты такой, право! С тобой, как я вижу, нельзя, как водится между хорошими друзьями и товарищами, такой, право!.. Сейчас видно, что двуличный человек!»

«Да что же я, дурак, что ли? Ты посуди сам: зачем же мне приобретать вещь, решительно для меня ненужную?»

«Ну, уж, пожалуйста, не говори. Теперь я очень хорошо тебя знаю. Такая, право, ракалия! Ну, послушай, хочешь, метнем банчик. Я поставлю всех умерших на карту, шарманку тоже».

«Ну, решаться в банк, значит подвергаться неизвестности», говорил Чичиков и между тем взглянул искоса на бывшие в руках у него карты. Обе талии ему показались очень похожими на искусственные, и самый крап глядел весьма подозрительно.

«Отчего ж неизвестности?» сказал Ноздрев. «Никакой неизвестности! Будь только на твоей стороне счастие, ты можешь выиграть чортову пропасть. Вон она! экое счастье!» говорил он, начиная метать для возбуждения задору. «Экое счастье! экое счастье! вон: так и колотит! вот та проклятая девятка, на которой я всё просадил! Чувствовал, что продаст, да уже, зажмурив глаза, думаю себе: „Чорт тебя побери, продавай, проклятая!“»

Когда Ноздрев это говорил, Порфирий принес бутылку. Но Чичиков отказался решительно как играть, так и пить.

«Отчего ж ты не хочешь играть?» сказал Ноздрев.

«Ну оттого, что не расположен. Да признаться сказать, я вовсе не охотник играть».

«Отчего ж не охотник?»

Чичиков пожал плечами и прибавил: «Потому что не охотник».

«Дрянь же ты!»

«Что ж делать? так бог создал».

«Фетюк, просто! Я думал было прежде, что ты хоть сколько-нибудь порядочный человек, а ты никакого не понимаешь обращения. С тобой никак нельзя говорить, как с человеком

близким... никакого прямодушия, ни искренности! совершенный Собакевич, такой подлец!»

«Да за что же ты бранишь меня? Виноват разве я, что не играю? Продай мне душ одних, если уж ты такой человек, что дрожишь из-за этакого вздору».

«Чорта лысого получишь! хотел было, даром хотел отдать, но теперь вот не получишь же! Хоть три царства давай, не отдам. Такой шильник, печник гадкой! С этих пор с тобою никакого дела не хочу иметь. Порфирий, ступай, поди скажи конюху, чтобы не давал овса лошадям его, пусть их едят одно сено».

Последнего заключения Чичиков никак не ожидал.

«Лучше б ты мне просто на глаза не показывался!» сказал Ноздрев.

Несмотря, однако ж, на такую размолвку, гость и хозяин поужинали вместе, хотя на этот раз не стояло на столе никаких вин с затейливыми именами. Торчала одна только бутылка с каким-то кипрским, которое было то, что называют кислятина во всех отношениях. После ужина Ноздрев сказал Чичикову, отведя его в боковую комнату, где была приготовлена для него постель: «Вот тебе твоя постель! Не хочу и доброй ночи желать тебе!»

Чичиков остался по уходе Ноздрева в самом неприятном расположении духа. Он внутренно досадовал на себя, бранил себя за то, что к нему заехал и потерял даром время. Но еще более бранил себя за то, что заговорил с ним о деле и поступил неосторожно, как ребенок, как дурак: ибо дело совсем не такого роду, чтобы быть вверену Ноздреву; Ноздрев, человек-дрянь, Ноздрев может наврать, прибавить, распустить чорт знает что, выйдут еще какие-нибудь сплетни — не хорошо, не хорошо. «Просто, дурак я!» говорил он сам себе. Ночь спал он очень дурно. Какие-то маленькие пребойкие насекомые кусали его нестерпимо больно, так что он всей горстью скреб по уязвленному месту, приговаривая: «А, чтоб вас чорт побрал вместе с Ноздревым!» Проснулся он ранним утром. Первым делом его было, надевши халат и сапоги, отправиться чрез двор в конюшню, чтобы приказать Селифану сей же час закладывать бричку. Возвращаясь через двор, он встретился с Ноздревым, который был также в халате, с трубкою в зубах.

Ноздрев приветствовал его по-дружески и спросил: каково ему спалось.

«Так себе», отвечал Чичиков весьма сухо.

«А я, брат», говорил Ноздрев: «такая мерзость лезла всю ночь, что гнусно рассказывать; и во рту после вчерашнего точно эскадрон переночевал. Представь: снилось, что меня высекли, ей-ей! И вообрази, кто? Вот ни за что не угадаешь: штабс-ротмистр Поцелуев вместе с Кувшинниковым».

«Да», подумал про себя Чичиков: «хорошо бы, если б тебя отодрали наяву».

«Ей-богу! Да пребольно! Проснулся, чорт возьми, в самом деле что-то почесывается, верно, ведьмы блохи. Ну, ты ступай теперь, одевайся; я к тебе сейчас приду. Нужно только ругнуть подлеца приказчика».

Чичиков ушел в комнату одеться и умыться. Когда после того вышел он в столовую, там уже стоял на столе чайный прибор с бутылкою рома. В комнате были следы вчерашнего обеда и ужина; кажется, половая щетка не притрагивалась вовсе. На полу валялись хлебные крохи, а табачная зола видна была даже на скатерти. Сам хозяин, не замедливший скоро войти, ничего не имел у себя под халатом, кроме открытой груди, на которой росла какая-то борода. Держа в руке чубук и прихлебывая из чашки, он был очень хорош для живописца, не любящего страх господ прилизанных и завитых, подобно цирульным вывескам, или выстриженных под гребенку.

«Ну, так как же думаешь?» сказал Ноздрев, немного помолчавши. «Не хочешь играть на души?»

«Я уже сказал тебе, брат, что не играю; купить, изволь, куплю».

«Продать я не хочу, это будет не по-приятельски. Я не стану снимать плевы с чорт знает чего. В банчик — другое дело. А? Прокинем хоть талию!»

«Я уж сказал, что нет».

«А меняться не хочешь?»

«Не хочу».

«Ну, послушай, сыграем в шашки; выиграешь — твои все. Ведь у меня много таких, которых нужно вычеркнуть из ревизии. Эй, Порфирий, принеси-ка сюда шашечницу».

«Напрасен труд: я не буду играть».

«Да ведь это не в банк; тут никакого не может быть счастия или фальши: всё ведь от искусства; я даже тебя предваряю, что я совсем не умею играть, разве что-нибудь мне дашь вперед».

«Сем-ка я», подумал про себя Чичиков: «сыграю с ним в шашки. В шашки игрывал я недурно, а на штуки ему здесь трудно подняться».

«Изволь, так и быть, в шашки сыграю», сказал Чичиков.

«Души идут в ста рублях!»

«Зачем же? довольно, если пойдут в пятидесяти».

«Нет, что ж за куш пятьдесят? Лучше ж в эту сумму я включу тебе какого-нибудь щенка средней руки или золотую печатку к часам».

«Ну, изволь!» сказал Чичиков.

«Сколько же ты мне дашь вперед?» сказал Ноздрев

«Это с какой стати? конечно, ничего».

«По крайней мере, пусть будут мои два хода».

«Не хочу, я сам плохо играю».

«Знаем мы вас, как вы плохо играете!» сказал Ноздрев, выступая шашкой.

«Давненько не брал я в руки шашек!» говорил Чичиков, подвигая тоже шашку.

«Знаем мы вас, как вы плохо играете!» сказал Ноздрев, выступая шашкой.

«Давненько не брал я в руки шашек!» говорил Чичиков, подвигая шашку.

«Знаем мы вас, как вы плохо играете!» сказал Ноздрев, подвигая шашку, да в то же самое время подвинув обшлагом рукава и другую шашку.

«Давненько не брал я в руки!.. Э, э! это, брат, что? отсади-ка ее назад!» говорил Чичиков.

«Кого?»

«Да шашку-то», — сказал Чичиков и в то же время увидел почти перед самым носом своим и другую, которая, как казалось, пробиралась в дамки; откуда она взялась, это один только бог знал. «Нет», сказал Чичиков, вставши из-за стола: «с тобой нет никакой возможности играть! Этак не ходят, по три шашки вдруг!»

«Отчего ж по три? Это по ошибке. Одна подвинулась нечаянно, я ее отодвину, изволь».

«А другая-то откуда взялась?»

«Какая другая?»

«А вот эта, что пробирается в дамки?»

«Вот тебе на, будто не помнишь!»

«Нет, брат, я все ходы считал и всё помню; ты ее только теперь пристроил; ей место вон где!»

«Как, где место?» сказал Ноздрев, покрасневши. «Да ты, брат, как я вижу, сочинитель!»

«Нет, брат, это, кажется, ты сочинитель, да только неудачно».

«За кого ж ты меня почитаешь?» говорил Ноздрев. «Стану я разве плутовать?»

«Я тебя ни за кого не почитаю, но только играть с этих пор никогда не буду».

«Нет, ты не можешь отказаться», говорил Ноздрев, горячась: «игра начата!»

«Я имею право отказаться, потому что ты не так играешь, как прилично честному человеку».

«Нет, врешь, ты этого не можешь сказать!»

«Нет, брат, сам ты врешь!»

«Я не плутовал, а ты отказаться не можешь, ты должен кончить партию!»

«Этого ты меня не заставишь сделать», сказал Чичиков хладнокровно и, подошедши к доске, смешал шашки.

Ноздрев вспыхнул и подошел к Чичикову так близко, что тот отступил шага на два назад.

«Я тебя заставлю играть! Это ничего, что ты смешал шашки, я помню все ходы. Мы их поставим опять так, как были».

«Нет, брат, дело кончено, я с тобою не стану играть».

«Так ты не хочешь играть?»

«Ты сам видишь, что с тобою нет возможности играть».

«Нет, скажи напрямик, ты не хочешь играть?» говорил Ноздрев, подступая еще ближе.

«Не хочу!» сказал Чичиков и поднес, однако ж, обе руки на всякий случай поближе к лицу, ибо дело становилось в самом деле жарко. Эта предосторожность была весьма у места, потому что Ноздрев размахнулся рукой... и очень бы могло статься, что

одна из приятных и полных щек нашего героя покрылась бы несмываемым бесчестием; но, счастливо отведши удар, он схватил Ноздрева за обе задорные его руки и держал его крепко.

«Порфирий, Павлушка!» кричал Ноздрев в бешенстве, порываясь вырваться.

Услыша эти слова, Чичиков, чтобы не сделать дворовых людей свидетелями соблазнительной сцены, и вместе с тем чувствуя, что держать Ноздрева было бесполезно, выпустил его руки. В это же самое время вошел Порфирий и за ним Павлушка, парень дюжий, с которым иметь дело было совсем невыгодно.

«Так ты не хочешь окончивать партии?» говорил Ноздрев. «Отвечай мне напрямик!»

«Партии нет возможности оканчивать», говорил Чичиков и заглянул в окно. Он увидел свою бричку, которая стояла совсем готовая, а Селифан ожидал, казалось, мановения, чтобы подкатить под крыльцо, но из комнаты не было никакой возможности выбраться: в дверях стояли два дюжих крепостных дурака.

«Так ты не хочешь доканчивать партии?» повторил Ноздрев с лицом, горевшим, как в огне.

«Если б ты играл, как прилично честному человеку. Но теперь не могу».

«А! так ты не можешь, подлец! когда увидел, что не твоя берет, так и не можешь! Бейте его!» кричал он исступленно, обратившись к Порфирию и Павлушке, а сам схватил в руку черешневый чубук. Чичиков стал бледен, как полотно. Он хотел что-то сказать, но чувствовал, что губы его шевелились без звука.

«Бейте его!» кричал Ноздрев, порываясь вперед с черешневым чубуком, весь в жару, в поту, как будто подступал под неприступную крепость. «Бейте его!» кричал он таким же голосом, как во время великого приступа кричит своему взводу: «Ребята, вперед!» какой-нибудь отчаянный поручик, которого взбалмошная храбрость уже приобрела такую известность, что дается нарочный приказ держать его за руки во время горячих дел. Но поручик уже почувствовал бранный задор, всё пошло кругом в голове его; перед ним носится Суворов, он лезет на великое дело. «Ребята, вперед!» кричит он, порываясь, не помышляя, что

вредит уже обдуманному плану общего приступа, что миллионы ружейных дул выставились в амбразуры неприступных, уходящих за облака крепостных стен, что взлетит, как пух, на воздух его бессильный взвод и что уже свищет роковая пуля, готовясь захлопнуть его крикливую глотку. Но если Ноздрев выразил собою подступившего под крепость отчаянного, потерявшегося поручика, то крепость, на которую он шел, никак не была похожа на неприступную. Напротив, крепость чувствовала такой страх, что душа ее спряталась в самые пятки. Уже стул, которым он вздумал было защищаться, был вырван крепостными людьми из рук его, уже, зажмурив глаза, ни жив ни мертв, он готовился отведать черкесского чубука своего хозяина и, бог знает, чего бы ни случилось с ним; но судьбам угодно было спасти бока, плеча и все благовоспитанные части нашего героя. Неожиданным образом звякнули вдруг как с облаков задребезжавшие звуки колокольчика, раздался ясно стук колес подлетевшей к крыльцу телеги, и отозвались даже в самой комнате тяжелый храп и тяжкая одышка разгоряченных коней остановившейся тройки. Все невольно глянули в окно: кто-то с усами, в полувоенном сюртуке, вылезал из телеги. Осведомившись в передней, вошел он в ту самую минуту, когда Чичиков не успел еще опомниться от своего страха и был в самом жалком положении, в каком когда-либо находился смертный.

«Позвольте узнать, кто здесь г. Ноздрев?» сказал незнакомец, посмотревши в некотором недоумении на Ноздрева, который стоял с чубуком в руке, и на Чичикова, который едва начинал оправляться от своего невыгодного положения.

«Позвольте прежде узнать, с кем имею честь говорить?» сказал Ноздрев, подходя к нему ближе.

«Капитан-исправник».

«А что вам угодно?»

«Я приехал вам объявить сообщенное мне извещение, что вы находитесь под судом до времени окончания решения по вашему делу».

«Что за вздор, по какому делу?» сказал Ноздрев.

«Вы были замешаны в историю по случаю нанесения помещику Максимову личной обиды розгами в пьяном виде».

«Вы врете, я и в глаза не видал помещика Максимова!»

«Милостивый государь! позвольте вам доложить, что я офицер. Вы можете это сказать вашему слуге, а не мне!»

Здесь Чичиков, не дожидаясь, что будет отвечать на это Ноздрев, скорее за шапку, да по-за спиною капитана-исправника выскользнул на крыльцо, сел в бричку и велел Селифану погонять лошадей во весь дух.

ГЛАВА V

Герой наш трухнул, однако ж, порядком. Хотя бричка мчалась во всю пропалую и деревня Ноздрева давно унеслась из вида, закрывшись полями, отлогостями и пригорками, но он всё еще поглядывал назад со страхом, как бы ожидая, что вот-вот налетит погоня. Дыхание его переводилось с трудом, и когда он попробовал приложить руку к сердцу, то почувствовал, что оно билось, как перепелка в клетке. «Эк, какую баню задал! смотри ты какой!» Тут много было посулено Ноздреву всяких нелегких и сильных желаний; попались даже и нехорошие слова. Что ж делать? Русской человек, да еще и в сердцах. К тому ж дело было совсем нешуточное. «Что ни говори», сказал он сам в себе: «а не подоспей капитан-исправник, мне, может быть, не далось бы более и на свет божий взглянуть! Пропал бы, как волдырь на воде, без всякого следа, не оставивши потомков, не доставив будущим детям ни состояния, ни честного имени!» Герой наш очень заботился о своих потомках.

«Экой скверной барин!» думал про себя Селифан: «Я еще никогда не видал такого барина. То-есть плюнуть бы ему за это! Ты лучше человеку не дай есть, а коня ты должен накормить, потому что конь любит овес. Это его продовольство: что примером нам кошт, то для него овес, он его продовольство».

Кони тоже, казалось, думали невыгодно об Ноздреве: не только гнедой и Заседатель, но и сам чубарый был не в духе. Хотя ему на часть и доставался всегда овес похуже, и Селифан

не иначе всыпал ему в корыто, как сказавши прежде: «Эх ты, подлец!», но, однако ж, это всё-таки был овес, а не простое сено, он жевал его с удовольствием и часто засовывал длинную морду свою в корытца к товарищам, поотведать, какое у них было продовольство, особливо когда Селифана не было в конюшне; но теперь одно сено... не хорошо; все были недовольны.

Но скоро все недовольные были прерваны среди излияний своих внезапным и совсем неожиданным образом. Все, не исключая и самого кучера, опомнились и очнулись только тогда, когда на них наскакала коляска с шестериком коней, и почти над головами их раздалися крик сидевших в коляске дам, брань и угрозы чужого кучера: «Ах ты, мошенник эдакой; ведь я тебе кричал в голос: „Сворачивай, ворона, направо!“ Пьян ты, что ли?» Селифан почувствовал свою оплошность, но так как русской человек не любит сознаться перед другим, что он виноват, то тут же вымолвил он, приосанясь: «А ты что так расскакался? глаза-то свои в кабаке заложил, что ли?» Вслед за сим он принялся осаживать назад бричку, чтобы высвободиться таким образом из чужой упряжи, но не тут-то было, всё перепуталось. Чубарый с любопытством обнюхивал новых своих приятелей, которые очутились по обеим сторонам его. Между тем сидевшие в коляске дамы глядели на всё это с выражением страха в глазах и во всем лице. Одна была уже старуха, другая молоденькая, шестнадцатилетняя, с золотистыми волосами, весьма ловко и мило приглаженными на небольшой головке. Хорошенький овал лица ее круглился, как свеженькое яичко, и, подобно ему, белел какою-то прозрачною белизною, когда, свежее, только что снесенное, оно держится против света в смуглых руках испытующей его ключницы и пропускает сквозь себя лучи сияющего солнца; ее тоненькие ушки также сквозили, рдея проникавшим их теплым светом. При этом испуг в открытых, остановившихся устах, на глазах слезы — всё это в ней было так мило, что герой наш глядел на нее несколько минут, не обращая никакого внимания на происшедшую кутерьму между лошадьми и кучерами. «Отсаживай, что ли, нижегородская ворона!» кричал чужой кучер. Селифан потянул поводья назад, чужой кучер сделал то же, лошади несколько попятились назад и потом опять сшиблись, переступивши постромки. При этом обстоятельстве

чубарому коню так понравилось новое знакомство, что он никак не хотел выходить из колеи, в которую попал непредвиденными судьбами, и, положивши свою морду на шею своего нового приятеля, казалось, что-то нашептывал ему в самое ухо, вероятно, чепуху страшную, потому что приезжий беспрестанно встряхивал ушами.

На такую сумятицу успели, однако ж, собраться мужики из деревни, которая была, к счастию, неподалеку. Так как подобное зрелище для мужика сущая благодать, всё равно что для немца газеты или клуб, то скоро около экипажа накопилась их бездна, и в деревне остались только старые бабы да малые ребята. Постромки отвязали; несколько тычков чубарому коню в морду заставили его попятиться; словом, их разрознили и развели. Но досада ли, которую почувствовали приезжие кони за то, что разлучили их с приятелями, или, просто, дурь, только, сколько ни хлыстал их кучер, они не двигались и стояли как вкопанные. Участие мужиков возросло до невероятной степени. Каждый наперерыв совался с советом: «Ступай, Андрюшка, проведи-ка ты пристяжного, что с правой стороны, а дядя Митяй пусть сядет верхом на коренного! Садись, дядя Митяй!» Сухощавый и длинный дядя Митяй с рыжей бородой взобрался на коренного коня и сделался похожим на деревенскую колокольню или лучше на крючок, которым достают воду в колодцах. Кучер ударил по лошадям, но не тут-то было, ничего не пособил дядя Митяй. «Стой, стой!» кричали мужики. «Садись-ка ты, дядя Митяй, на пристяжного, а на коренного пусть сядет дядя Миняй!» Дядя Миняй, широкоплечий мужик с черною, как уголь, бородою и брюхом, похожим на тот исполинский самовар, в котором варится сбитень для всего прозябнувшего рынка, с охотою сел на коренного, который чуть не пригнулся под ним до земли. «Теперь дело пойдет!» кричали мужики. «Накаливай, накаливай его! пришпандорь кнутом вон того-то солового, что он корячится, как корамора! *» Но, увидевши, что дело не шло и не помогло никакое накаливанье, дядя Митяй и дядя

---

* Корамора — большой длинный, вялый комар; иногда залетает в комнату и торчит где-нибудь одиночкой на стене. К нему спокойно можно подойти и ухватить его за ногу, в ответ на что он только топырится или корячится, как говорит народ. *(Примечание Гоголя.)*

Миняй сели оба на пристяжного, потом дядя Митяй и дядя Миняй сели оба на коренного, а на пристяжного посадили Андрюшку. Наконец кучер, потерявши терпение, прогнал и дядю Митяя и дядю Миняя; и хорошо сделал, потому что от лошадей пошел такой пар, как будто бы они отхватили не переводя духа станцию. Он дал им минуту отдохнуть, после чего они пошли сами собою. Во всё продолжение этой проделки Чичиков глядел очень внимательно на молоденькую незнакомку. Он пытался несколько раз с нею заговорить, но как-то не пришлось так. А между тем дамы уехали, хорошенькая головка с тоненькими чертами лица и тоненьким станом скрылась, как что-то похожее на виденье, и опять осталась дорога, бричка, тройка знакомых читателю лошадей, Селифан, Чичиков, гладь и пустота окрестных полей. Везде, где бы ни было в жизни, среди ли черствых, шероховато-бедных и неопрятно-плеснеющих низменных рядов ее, или среди однообразно-хладных и скучно-опрятных сословий высших, везде хоть раз встретится на пути человеку явленье, не похожее на всё то, что случалось ему видеть дотоле, которое хоть раз пробудит в нем чувство, не похожее на те, которые суждено ему чувствовать всю жизнь. Везде, поперек каким бы ни было печалям, из которых плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, как иногда блестящий экипаж с золотой упряжью, картинными конями и сверкающим блеском стекол вдруг неожиданно пронесется мимо какой-нибудь заглохнувшей бедной деревушки, не видавшей ничего, кроме сельской телеги, и долго мужики стоят, зевая, с открытыми ртами, не надевая шапок, хотя давно уже унесся и пропал из виду дивный экипаж. Так и блондинка тоже вдруг совершенно неожиданным образом показалась в нашей повести и так же скрылась. Попадись на ту пору вместо Чичикова какой-нибудь двадцатилетний юноша, гусар ли он, студент ли он или просто только что начавший жизненное поприще, и боже! чего бы не проснулось, не зашевелилось, не заговорило в нем! Долго бы стоял он бесчувственно на одном месте, вперивши бессмысленно очи в даль, позабыв и дорогу, и все ожидающие впереди выговоры, и распеканья за промедление, позабыв и себя, и службу, и мир, и всё, что ни есть в мире.

Но герой наш уже был средних лет и осмотрительно-охлаж

денного характера. Он тоже задумался и думал, но положительнее, не так безотчетны и даже отчасти очень основательны были его мысли. «Славная бабенка!» сказал он, открывши табакерку и понюхавши табаку. «Но ведь что, главное, в ней хорошо? Хорошо то, что она сейчас только, как видно, выпущена из какого-нибудь пансиона или института; что в ней, как говорится, нет еще ничего бабьего, то-есть именно того, что у них есть самого неприятного. Она теперь как дитя, всё в ней просто: она скажет, что ей вздумается, засмеется, где захочет засмеяться. Из нее всё можно сделать, она может быть чудо, а может выйти и дрянь, и выйдет дрянь! Вот пусть-ка только за нее примутся теперь маменьки и тетушки. В один год так ее наполнят всяким бабьем, что сам родной отец не узнает. Откуда возьмется и надутость, и чопорность; станет ворочаться по вытверженным наставлениям, станет ломать голову и придумывать, с кем, и как, и сколько нужно говорить, как на кого смотреть; всякую минуту будет бояться, чтобы не сказать больше, чем нужно; запутается наконец сама, и кончится тем, что станет наконец врать всю жизнь, и выйдет, просто, чорт знает что!» Здесь он несколько времени помолчал и потом прибавил: «А любопытно бы знать, чьих она? что, как ее отец? богатый ли помещик почтенного нрава или просто благомыслящий человек с капиталом, приобретенным на службе? Ведь если, положим, этой девушке да придать тысячонок двести приданого, из нее бы мог выдти очень, очень лакомый кусочек. Это бы могло составить, так сказать, счастье порядочного человека». Двести тысячонок так привлекательно стали рисоваться в голове его, что он внутренно начал досадовать на самого себя, зачем в продолжение хлопотни около экипажей не разведал от форейтора или кучера, кто такие были проезжающие. Скоро, однако ж, показавшаяся деревня Собакевича рассеяла его мысли и заставила их обратиться к своему постоянному предмету.

Деревня показалась ему довольно велика; два леса, березовый и сосновый, как два крыла, одно темнее, другое светлее, были у ней справа и слева; посреди виднелся деревянный дом с мезонином, красной крышей и темносерыми или, лучше, дикими стенами, дом в роде тех, какие у нас строят для военных поселений и немецких колонистов. Было заметно, что при

постройке его зодчий беспрестанно боролся со вкусом хозяина. Зодчий был педант и хотел симметрии, хозяин — удобства и, как видно, вследствие того заколотил на одной стороне все отвечающие окна и провертел на место их одно, маленькое, вероятно понадобившееся для темного чулана. Фронтон тоже никак не пришелся посреди дома, как ни бился архитектор, потому что хозяин приказал одну колонну сбоку выкинуть, и оттого очутилось не четыре колонны, как было назначено, а только три. Двор окружен был крепкою и непомерно толстою деревянною решеткой. Помещик, казалось, хлопотал много о прочности. На конюшни, сараи и кухни были употреблены полновесные и толстые бревна, определенные на вековое стояние. Деревенские избы мужиков тож срублены были на диво: не было кирченых стен, резных узоров и прочих затей, но всё было пригнано плотно и как следует. Даже колодец был обделан в такой крепкий дуб, какой идет только на мельницы да на корабли. Словом, всё, на что ни глядел он, было упористо, без пошатки, в каком-то крепком и неуклюжем порядке. Подъезжая к крыльцу, заметил он выглянувшие из окна почти в одно время два лица: женское в чепце, узкое, длинное, как огурец, и мужское, круглое, широкое, как молдаванские тыквы, называемые горлянками, из которых делают на Руси балалайки, двухструнные, легкие балалайки, красу и потеху ухватливого двадцатилетнего парня, мигача и щеголя, и подмигивающего, и посвистывающего на белогрудых и белошейных девиц, собравшихся послушать его тихострунного треньканья. Выглянувши, оба лица в ту же минуту спрятались. На крыльцо вышел лакей в серой куртке с голубым стоячим воротником и ввел Чичикова в сени, куда вышел уже сам хозяин. Увидев гостя, он сказал отрывисто: «Прошу!» и повел его во внутренние жилья.

Когда Чичиков взглянул искоса на Собакевича, он ему на этот раз показался весьма похожим на средней величины медведя. Для довершения сходства фрак на нем был совершенно медвежьего цвета, рукава длинны, панталоны длинны, ступнями ступал он и вкривь и вкось и наступал беспрестанно на чужие ноги. Цвет лица имел каленый, горячий, какой бывает на медном пятаке. Известно, что есть много на свете таких лиц, над отделкою которых натура недолго мудрила, не употребляла никаких

мелких инструментов, как-то: напильников, буравчиков и прочего, но просто рубила со всего плеча, хватила топором раз — вышел нос, хватила в другой — вышли губы, большим сверлом ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свет, сказавши: «живет!» Такой же самый крепкий и на диво стаченный образ был у Собакевича: держал он его более вниз, чем вверх, шеей не ворочал вовсе и, в силу такого неповорота, редко глядел на того, с которым говорил, но всегда или на угол печки, или на дверь. Чичиков еще раз взглянул на него искоса, когда проходили они столовую: медведь! совершенный медведь! Нужно же такое странное сближение: его даже звали Михайлом Семеновичем. Зная привычку его наступать на ноги, он очень осторожно передвигал своими и давал ему дорогу вперед. Хозяин, казалось, сам чувствовал за собою этот грех и тот же час спросил: «Не побеспокоил ли я вас?» Но Чичиков поблагодарил, сказав, что еще не произошло никакого беспокойства.

Вошед в гостиную, Собакевич показал на кресла, сказавши опять: «Прошу!» Садясь, Чичиков взглянул на стены и на висевшие на них картины. На картинах всё были молодцы, всё греческие полководцы, гравированные во весь рост: Маврокордато в красных панталонах и мундире, с очками на носу, Колокотрони, Миаули, Канари. Все эти герои были с такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по телу. Между крепкими греками, неизвестно каким образом и для чего, поместился Багратион, тощий, худенький, с маленькими знаменами и пушками внизу и в самых узеньких рамках. Потом опять следовала героиня греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тех щеголей, которые наполняют нынешние гостиные. Хозяин, будучи сам человек здоровый и крепкий, казалось, хотел, чтобы и комнату его украшали тоже люди крепкие и здоровые. Возле Бобелины, у самого окна, висела клетка, из которой глядел дрозд темного цвета с белыми крапинками, очень похожий тоже на Собакевича. Гость и хозяин не успели помолчать двух минут, как дверь в гостиной отворилась и вошла хозяйка, дама весьма высокая, в чепце с лентами, перекрашенными домашнею краскою. Вошла она степенно, держа голову прямо, как пальма.

«Это моя Феодулия Ивановна!» сказал Собакевич.

Чичиков подошел к ручке Феодулии Ивановны, которую она почти впихнула ему в губы, причем он имел случай заметить, что руки были вымыты огуречным рассолом.

«Душенька, рекомендую тебе», продолжал Собакевич: «Павел Иванович Чичиков! У губернатора и почтмейстера имел честь познакомиться».

Феодулия Ивановна попросила садиться, сказавши тоже: «Прошу!» и сделав движение головою, подобно актрисам, представляющим королев. Затем она уселась на диване, накрылась своим мериносовым платком и уже не двигнула более ни глазом, ни бровью, ни носом.

Чичиков опять поднял глаза вверх и опять увидел Канари с толстыми ляжками и нескончаемыми усами, Бобелину и дрозда в клетке.

Почти в течение целых пяти минут все хранили молчание; раздавался только стук, производимый носом дрозда о дерево деревянной клетки, на дне которой удил он хлебные зернышки. Чичиков еще раз окинул комнату и всё, что в ней ни было, — всё было прочно, неуклюже в высочайшей степени и имело какое-то странное сходство с самим хозяином дома: в углу гостиной стояло пузатое ореховое бюро на пренелепых четырех ногах: совершенный медведь. Стол, креслы, стулья — всё было самого тяжелого и беспокойного свойства; словом, каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: и я тоже Собакевич! или: и я тоже очень похож на Собакевича!

«Мы об вас вспоминали у председателя палаты, у Ивана Григорьевича», сказал наконец Чичиков, видя, что никто не располагается начинать разговора: «в прошедший четверг. Очень приятно провели там время».

«Да, я не был тогда у председателя», отвечал Собакевич.

«А прекрасный человек!»

«Кто такой?» сказал Собакевич, глядя на угол печи.

«Председатель».

«Ну, может быть, это вам так показалось: он только что масон, а такой дурак, какого свет не производил».

Чичиков немного озадачился таким отчасти резким определением, но потом, поправившись, продолжал: «Конечно, всякой

человек не без слабостей, но зато губернатор, какой превосходный человек!»

«Губернатор превосходный человек?»

«Да, не правда ли?»

«Первый разбойник в мире!»

«Как, губернатор разбойник?» сказал Чичиков и совершенно не мог понять, как губернатор мог попасть в разбойники. «Признаюсь, этого я бы никак не подумал», продолжал он. «Но позвольте, однако же, заметить: поступки его совершенно не такие; напротив, скорее даже мягкости в нем много». Тут он привел в доказательство даже кошельки, вышитые его собственными руками, и отозвался с похвалою об ласковом выражении лица его.

«И лицо разбойничье!» сказал Собакевич. «Дайте ему только нож да выпустите его на большую дорогу, зарежет, за копейку зарежет! Он да еще вице-губернатор — это Гога и Магога».

«Нет, он с ними не в ладах», подумал про себя Чичиков. «А вот заговорю я с ним о полицеймейстере? он, кажется, друг его». — «Впрочем, что до меня», сказал он: «мне, признаюсь, более всех нравится полицеймейстер. Какой-то этакой характер прямой, открытый; в лице видно что-то простосердечное».

«Мошенник!» сказал Собакевич очень хладнокровно: «продаст, обманет, еще и пообедает с вами! Я их знаю всех: это всё мошенники; весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все христопродавцы. Один там только и есть порядочный человек: прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья».

После таких похвальных, хотя несколько кратких биографий Чичиков увидел, что о других чиновниках нечего упоминать, и вспомнил, что Собакевич не любил ни о ком хорошо отзываться.

«Что ж, душенька, пойдем обедать», сказала Собакевичу его супруга.

«Прошу!» сказал Собакевич. Засим, подошедши к столику, где была закуска, гость и хозяин выпили, как следует, по рюмке водки, закусили, как закусывает вся пространная Россия по городам и деревням, то-есть всякими соленостями и иными возбуждающими благодатями, и потекли все в столовую; впереди их, как плавный гусь, понеслась хозяйка. Небольшой стол был накрыт на четыре прибора. На четвертое место явилась очень

скоро, трудно сказать утвердительно, кто такая, дама или девица, родственница, домоводка или просто проживающая в доме; что-то без чепца, около тридцати лет, в пестром платке. Есть лица, которые существуют на свете не как предмет, а как посторонние крапинки или пятнышки на предмете. Сидят они на том же месте, одинаково держат голову, их почти готов принять за мебель и думаешь, что от роду еще не выходило слово из таких уст; а где-нибудь в девичей или в кладовой окажется просто: ого-го!

«Щи, моя душа, сегодня очень хороши!» сказал Собакевич, хлебнувши щей и отваливши себе с блюда огромный кусок няни, известного блюда, которое подается к щам и состоит из бараньего желудка, начиненного гречневой кашей, мозгом и ножками. «Эдакой няни», продолжал он, обратившись к Чичикову: «вы не будете есть в городе, там вам чорт знает что подадут!»

«У губернатора, однако ж, недурен стол», сказал Чичиков.

«Да знаете ли, из чего всё это готовится? вы есть не станете, когда узнаете».

«Не знаю, как приготовляется, об этом я не могу судить, но свиные котлеты и разварная рыба были превосходны».

«Это вам так показалось. Ведь я знаю, что они на рынке покупают. Купит вон тот каналья повар, что выучился у француза, кота, обдерет его, да и подает на стол вместо зайца».

«Фу! какую ты неприятность говоришь!» сказала супруга Собакевича.

«А что ж, душенька, так у них делается; я не виноват, так у них у всех делается. Всё, что ни есть ненужного, что Акулька у нас бросает, с позволения сказать, в помойную лохань, они его в суп! да в суп! туда его!»

«Ты за столом всегда эдакое расскажешь!» возразила опять супруга Собакевича.

«Что ж, душа моя», сказал Собакевич: «если б я сам это делал, но я тебе прямо в глаза скажу, что я гадостей не стану есть. Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа. Возьмите барана», продолжал он, обращаясь к Чичикову: «это бараний бок с кашей! Это не те фрикасе, что делаются на барских кухнях из баранины, какая суток по четыре на рынке валяется! Это всё выдумали доктора немцы да французы; я бы

их перевешал за это! Выдумали диэту, лечить голодом! Что у них немецкая жидкокостая натура, так они воображают, что и с русским желудком сладят! Нет, это всё не то, это всё выдумки, это всё...» Здесь Собакевич даже сердито покачал головою. «Толкуют — просвещенье, просвещенье, а это просвещенье — фук! Сказал бы и другое слово, да вот только что за столом неприлично. У меня не так. У меня когда свинина, всю свинью давай на стол; баранина — всего барана тащи, гусь — всего гуся! Лучше я съем двух блюд, да съем в меру, как душа требует». Собакевич подтвердил это делом: он опрокинул половину бараньего бока к себе на тарелку, съел всё, обгрыз, обсосал до последней косточки.

«Да», подумал Чичиков: «у этого губа не дура».

«У меня не так», говорил Собакевич, вытирая салфеткою руки: «у меня не так, как у какого-нибудь Плюшкина: 800 душ имеет, а живет и обедает хуже моего пастуха!»

«Кто такой этот Плюшкин?» спросил Чичиков.

«Мошенник», отвечал Собакевич. «Такой скряга, какого вообразить трудно. В тюрьме колодники лучше живут, чем он: всех людей переморил голодом».

«Вправду!» подхватил с участием Чичиков. «И вы говорите, что у него, точно, люди умирают в большом количестве?»

«Как мухи мрут».

«Неужели как мухи? А позвольте спросить: как далеко живет он от вас?»

«В пяти верстах».

«В пяти верстах!» вскликнул Чичиков и даже почувствовал небольшое сердечное биение. «Но если выехать из ваших ворот, это будет направо или налево?»

«Я вам даже не советую и дороги знать к этой собаке!» сказал Собакевич. «Извинительней сходить в какое-нибудь непристойное место, чем к нему».

«Нет, я спросил не для каких-либо, а потому только, что интересуюсь познанием всякого рода мест», отвечал на это Чичиков.

За бараньим боком последовали ватрушки, из которых каждая была гораздо больше тарелки, потом индюк ростом в теленка, набитый всяким добром: яйцами, рисом, печенками и ни

весть чем, что всё ложилось комом в желудке. Этим обед и кончился; но когда встали из-за стола, Чичиков почувствовал в себе тяжести на целый пуд больше. Пошли в гостиную, где уже очутилось на блюдечке варенье, ни груша, ни слива, ни иная ягода, до которого, впрочем, не дотронулись ни гость, ни хозяин. Хозяйка вышла с тем, чтобы накласть его и на другие блюдечки. Воспользовавшись ее отсутствием, Чичиков обратился к Собакевичу, который, лежа в креслах, только покряхтывал после такого сытного обеда и издавал ртом какие-то невнятные звуки, крестясь и закрывая поминутно его рукою. Чичиков обратился к нему с такими словами:

«Я хотел было поговорить с вами об одном дельце».

«Вот еще варенье!» сказала хозяйка, возвращаясь с блюдечком: «редька, вареная в меду!»

«А вот мы его после!» сказал Собакевич. «Ты ступай теперь в свою комнату, мы с Павлом Ивановичем скинем фраки, маленечко приотдохнем!»

Хозяйка уже изъявила было готовность послать за пуховиками и подушками, но хозяин сказал: «Ничего, мы отдохнем в креслах», и хозяйка ушла.

Собакевич слегка принагнул голову, приготовляясь слышать, в чем было дельце.

Чичиков начал как-то очень отдаленно, коснулся вообще всего русского государства и отозвался с большою похвалою об его пространстве, сказал, что даже самая древняя римская монархия не была так велика, и иностранцы справедливо удивляются... Собакевич всё слушал, наклонивши голову. И что по существующим положениям этого государства, в славе которому нет равного, ревизские души, окончившие жизненное поприще, числятся, однако ж, до подачи новой ревизской сказки наравне с живыми, чтоб таким образом не обременить присутственные места множеством мелочных и бесполезных справок и не увеличить сложность, и без того уже весьма сложного, государственного механизма... Собакевич всё слушал, наклонивши голову — и что, однако же, при всей справедливости этой меры, она бывает отчасти тягостна для многих владельцев, обязывая их взносить подати так, как бы за живой предмет, и что он, чувствуя уважение личное к нему, готов бы даже отчасти принять на себя

эту действительно тяжелую обязанность. Насчет главного предмета Чичиков выразился очень осторожно: никак не назвал душ умершими, а только несуществующими.

Собакевич слушал, всё попрежнему нагнувши голову, и хоть бы что-нибудь похожее на выражение показалось в лице его. Казалось, в этом теле совсем не было души, или она у него была, но вовсе не там, где следует, а, как у бессмертного кощея, где-то за горами и закрыта такою толстою скорлупою, что всё, что ни ворочалось на дне ее, не производило решительно никакого потрясения на поверхности.

«Итак?..» сказал Чичиков, ожидая не без некоторого волненья ответа.

«Вам нужно мертвых душ?» спросил Собакевич очень просто, без малейшего удивления, как бы речь шла о хлебе.

«Да», отвечал Чичиков, и опять смягчил выражение, прибавивши: «несуществующих».

«Найдутся, почему не быть...» сказал Собакевич.

«А если найдутся, то вам, без сомнения... будет приятно от них избавиться?»

«Извольте, я готов продать», сказал Собакевич, уже несколько приподнявши голову и смекнувши, что покупщик, верно, должен иметь здесь какую-нибудь выгоду.

«Чорт возьми», подумал Чичиков про себя: «этот уж продает еще прежде, чем я заикнулся!» и проговорил вслух: «А, например, как же цена, хотя, впрочем, конечно, это такой предмет... что о цене даже странно...»

«Да чтобы не запрашивать с вас лишнего, по сту рублей за штуку!» сказал Собакевич.

«По сту!» вскричал Чичиков, разинув рот и поглядевши ему в самые глаза, не зная, сам ли он ослышался или язык Собакевича, по своей тяжелой натуре не так поворотившись, брякнул, вместо одного, другое слово.

«Что ж, разве это для вас дорого?» произнес Собакевич и потом прибавил: «А какая бы, однако ж, ваша цена?»

«Моя цена! Мы, верно, как-нибудь ошиблись или не понимаем друг друга, позабыли, в чем состоит предмет. Я полагаю с своей стороны, положа руку на сердце: по восьми гривен за душу, это самая красная цена!»

«Эк куда хватили, по восьми гривенок!»

«Что ж, по моему суждению, как я думаю, больше нельзя».

«Ведь я продаю не лапти».

«Однако ж, согласитесь сами: ведь это тоже и не люди».

«Так вы думаете, сыщете такого дурака, который бы вам продал по двугривенному ревизскую душу?»

«Но позвольте: зачем вы их называете ревизскими, ведь души-то самые давно уже умерли, остался один не осязаемый чувствами звук. Впрочем, чтобы не входить в дальнейшие разговоры по этой части, по полтора рубли, извольте, дам, а больше не могу».

«Стыдно вам и говорить такую сумму! вы торгуйтесь, говорите настоящую цену!»

«Не могу, Михаил Семенович, поверьте моей совести, не могу: чего уж невозможно сделать, того невозможно сделать», говорил Чичиков, однако ж по полтинке еще прибавил.

«Да чего вы скупитесь?» сказал Собакевич: «право, недорого! Другой мошенник обманет вас, продаст вам дрянь, а не души; а у меня что ядреный орех, все на отбор: не мастеровой, так иной какой-нибудь здоровый мужик. Вы рассмотрите: вот, например, каретник Михеев! ведь больше никаких экипажей и не делал, как только рессорные. И не то, как бывает московская работа, что на один час, прочность такая, сам и обобьет и лаком покроет!»

Чичиков открыл рот с тем, чтобы заметить, что Михеева, однако же, давно нет на свете; но Собакевич вошел, как говорится, в самую силу речи, откуда взялась рысь и дар слова:

«А Пробка Степан, плотник? Я голову прозакладую, если вы где сыщете такого мужика. Ведь что за силища была! Служи он в гвардии, ему бы бог знает что дали, трех аршин с вершком ростом!»

Чичиков опять хотел заметить, что и Пробки нет на свете; но Собакевича, как видно, пронесло; полились такие потоки речей, что только нужно было слушать:

«Милушкин, кирпичник! мог поставить печь в каком угодно доме. Максим Телятников, сапожник: что шилом кольнет, то и сапоги, что сапоги, то и спасибо, и хоть бы в рот хмельного! А Еремей Сорокоплёхин! да этот мужик один станет за всех, в Москве торговал, одного оброку приносил по пятисот рублей.

Ведь вот какой народ! Это не то, что вам продаст какой-нибудь Плюшкин».

«Но позвольте», сказал наконец Чичиков, изумленный таким обильным наводнением речей, которым, казалось, и конца не было: «зачем вы исчисляете все их качества, ведь в них толку теперь нет никакого, ведь это всё народ мертвый. Мертвым телом хоть забор подпирай, говорит пословица».

«Да, конечно, мертвые», сказал Собакевич, как бы одумавшись и припомнив, что они в самом деле были уже мертвые, а потом прибавил: «впрочем, и то сказать: что из этих людей, которые числятся теперь живущими? Что это за люди? мухи, а не люди».

«Да всё же они существуют, а это ведь мечта».

«Ну нет, не мечта! Я вам доложу, каков был Михеев, так вы таких людей не сыщете: машинища такая, что в эту комнату не войдет: нет, это не мечта! А в плечищах у него была такая силища, какой нет у лошади; хотел бы я знать, где бы вы в другом месте нашли такую мечту!» Последние слова он уже сказал, обратившись к висевшим по стене портретам Багратиона и Колокотрони, как обыкновенно случается с разговаривающими, когда один из них вдруг, неизвестно почему, обратится не к тому лицу, к которому относятся слова, а к какому-нибудь нечаянно пришедшему третьему, даже вовсе незнакомому, от которого, знает, что не услышит ни ответа, ни мнения, ни подтверждения, но на которого, однако ж, так устремит взгляд, как будто призывает его в посредники; и несколько смешавшийся в первую минуту незнакомец не знает, отвечать ли ему на то дело, о котором ничего не слышал, или так постоять, соблюдши надлежащее приличие, и потом уже уйти прочь.

«Нет, больше двух рублей я не могу дать», сказал Чичиков.

«Извольте, чтоб не претендовали на меня, что дорого запрашиваю и не хочу сделать вам никакого одолжения, извольте — по семидесяти пяти рублей за душу, только ассигнациями, право, только для знакомства!»

«Что он, в самом деле», подумал про себя Чичиков: «за дурака, что ли, принимает меня», и прибавил потом вслух: «Мне странно, право: кажется, между нами происходит какое-то театральное представление, или комедия; иначе я не могу себе

объяснить... Вы, кажется, человек довольно умный, владеете сведениями образованности. Ведь предмет просто: фу-фу. Что ж он сто́ит? кому нужен?»

«Да, вот, вы же покупаете; стало быть, нужен».

Здесь Чичиков закусил губу и не нашелся, что отвечать. Он стал было говорить про какие-то обстоятельства фамильные и семейственные, но Собакевич отвечал просто:

«Мне не нужно знать, какие у вас отношения: я в дела фамильные не мешаюсь, это ваше дело. Вам понадобились души, я и продаю вам, и будете раскаиваться, что не купили».

«Два рублика», сказал Чичиков.

«Эк, право, затвердила сорока Якова одно про всякого, как говорит пословица; как наладили на два, так не хотите с них и съехать. Вы давайте настоящую цену!»

«Ну, уж чорт его побери!» подумал про себя Чичиков: «по полтине ему прибавлю, собаке, на орехи!» — «Извольте, по полтине прибавлю»,

«Ну, извольте, и я вам скажу тоже мое последнее слово: пятьдесят рублей! право, убыток себе, дешевле нигде не купите такого хорошего народа!»

«Экой кулак!» сказал про себя Чичиков и потом продолжал вслух с некоторою досадою: «Да что, в самом деле... как будто точно сурьезное дело; да я в другом месте нипочем возьму. Еще мне всякой с охотой сбудет их, чтобы только поскорей избавиться. Дурак разве станет держать их при себе и платить за них подати!»

«Но знаете ли, что такого рода покупки, я это говорю между нами, по дружбе, не всегда позволительны, и расскажи я или кто иной, — такому человеку не будет никакой доверенности относительно контрактов или вступления в какие-нибудь выгодные обязательства».

«Вишь куды метит, подлец!» подумал Чичиков и тут же произнес с самым хладнокровным видом: «Как вы себе хотите, я покупаю не для какой-либо надобности, как вы думаете, а так, по наклонности собственных мыслей. Два с полтиною не хотите — прощайте!»

«Его не собьешь, неподатлив!» подумал Собакевич. «Ну, бог с вами, давайте по тридцати и берите их себе!»

«Нет, я вижу, вы не хотите продать; прощайте!»

«Позвольте, позвольте!» сказал Собакевич, взявши его за руку и ведя в гостиную. «Прошу, я вам что-то скажу».

«К чему беспокойство, я сказал всё».

«Позвольте, позвольте!» сказал Собакевич, не выпуская его руки и наступив ему на ногу, ибо герой наш позабыл поберечься, в наказанье за что должен был зашипеть и подскочить на одной ноге.

«Прошу прощенья! я, кажется, вас побеспокоил. Пожалуйте, садитесь сюда! Прошу!» Здесь он усадил его в кресла, с некоторою даже ловкостию, как такой медведь, который уже побывал в руках, умеет и перевертываться и делать разные штуки на вопросы: «А покажи, миша, как бабы парятся?» или: «А как, миша, малые ребята горох крадут?»

«Право, я напрасно время трачу, мне нужно спешить».

«Посидите одну минуточку, я вам сейчас скажу одно приятное для вас слово». Тут Собакевич подсел поближе и сказал ему тихо на ухо, как будто секрет: «Хотите угол?»

«То-есть двадцать пять рублей? Ни, ни, ни, даже четверти угла не дам, копейки не прибавлю».

Собакевич замолчал. Чичиков тоже замолчал. Минуты две длилось молчание. Багратион с орлиным носом глядел со стены чрезвычайно внимательно на эту покупку.

«Какая ж будет ваша последняя цена?» сказал наконец Собакевич.

«Два с полтиною».

«Право, у вас душа человеческая всё равно, что пареная репа. Уж хоть по три рубли дайте!»

«Не могу».

«Ну, нечего с вами делать, извольте! Убыток, да уж нрав такой собачий: не могу не доставить удовольствия ближнему. Ведь, я чай, нужно и купчую совершить, чтоб всё было в порядке».

«Разумеется».

«Ну, вот то-то же, нужно будет ехать в город».

Так совершилось дело. Оба решили, чтобы завтра же быть в городе и управиться с купчей крепостью. Чичиков попросил списочка крестьян. Собакевич согласился охотно и тут же,

подошед к бюро, собственноручно принялся выписывать всех не только поименно, но даже с означением похвальных качеств.

А Чичиков, от нечего делать, занялся, находясь позади, рассматриваньем всего просторного его оклада. Как взглянул он на его спину, широкую, как у вятских, приземистых лошадей, и на ноги его, походившие на чугунные тумбы, которые ставят на тротуарах, не мог не воскликнуть внутренно: «Эк наградил-то тебя бог! вот уж, точно, как говорят, неладно скроен, да крепко сшит!.. Родился ли ты уж так медведем или омедведила тебя захолустная жизнь, хлебные посевы, возня с мужиками, и ты чрез них сделался то, что называют человек-кулак? Но нет: я думаю, ты всё был бы тот же, хотя бы даже воспитали тебя по моде, пустили бы в ход и жил бы ты в Петербурге, а не в захолустьи. Вся разница в том, что теперь ты упишешь полбараньего бока с кашей, закусивши ватрушкою в тарелку, а тогда бы ты ел какие-нибудь котлетки с трюфелями. Да вот теперь у тебя под властью мужики: ты с ними в ладу и, конечно, их не обидишь, потому что они твои, тебе же будет хуже; а тогда бы у тебя были чиновники, которых бы ты сильно пощелкивал, смекнувши, что ведь они не твои же крепостные, или грабил бы ты казну! Нет, кто уж кулак, тому не разогнуться в ладонь! А разогни кулаку один или два пальца, выдет еще хуже. Попробуй он слегка верхушек какой-нибудь науки, даст он знать потом, занявши место повиднее, всем тем, которые в самом деле узнали какую-нибудь науку. Да еще, пожалуй, скажет потом: «Дай-ка себя покажу!» Да такое выдумает мудрое постановление, что многим придется солоно... Эх, если бы все кулаки!..»

«Готова записка», сказал Собакевич оборотившись.

«Готова? пожалуйте ее сюда!» Он пробежал ее глазами и подивился аккуратности и точности: не только было обстоятельно прописано ремесло, звание, лета и семейное состояние, но даже на полях находились особенные отметки насчет поведения, трезвости, словом, любо было глядеть.

«Теперь пожалуйте же задаточек!» сказал Собакевич.

«К чему же вам задаточек? Вы получите в городе за одним разом все деньги».

«Всё, знаете, так уж водится», возразил Собакевич.

«Не знаю, как вам дать, я не взял с собою денег. Да, вот, десять рублей есть».

«Что ж десять! Дайте, по крайней мере, хоть пятьдесят!»

Чичиков стал было отговариваться, что нет; но Собакевич так сказал утвердительно, что у него есть деньги, что он вынул еще бумажку, сказавши:

«Пожалуй, вот вам еще пятнадцать, итого двадцать пять. Пожалуйте только расписочку».

«Да на что ж вам расписка?»

«Всё, знаете, лучше расписочку. Неровен час, всё может случиться».

«Хорошо, дайте же сюда деньги!»

«На что ж деньги? У меня вот они в руке! как только напишете расписку, в ту же минуту их возьмете».

«Да позвольте, как же мне писать расписку? прежде нужно видеть деньги».

Чичиков выпустил из рук бумажки Собакевичу, который, приблизившись к столу и накрывши их пальцами левой руки, другою написал на лоскутке бумаги, что задаток двадцать пять рублей государственными ассигнациями за проданные ревижские души получил сполна. Написавши записку, он пересмотрел еще раз ассигнации.

«Бумажка-то старенькая!» произнес он, рассматривая одну из них на свете: «немножко разорвана, ну да между приятелями нечего на это глядеть».

«Кулак, кулак!» подумал про себя Чичиков: «да еще и бестия в придачу!»

«А женского пола не хотите?»

«Нет, благодарю».

«Я бы недорого и взял. Для знакомства по рублику за штуку».

«Нет, в женском поле не нуждаюсь».

«Ну, когда не нуждаетесь, так нечего и говорить. На вкусы нет закона: кто любит попа, а кто попадью, говорит пословица».

«Еще я хотел вас попросить, чтобы эта сделка осталась между нами», говорил Чичиков прощаясь.

«Да уж само собою разумеется. Третьего сюда нечего мешать; что по искренности происходит между короткими друзьями, то

должно остаться во взаимной их дружбе. Прощайте! Благодарю, что посетили; прошу и вперед не забывать: коли выберется свободный часик, приезжайте пообедать, время провести. Может быть, опять случится услужить чем-нибудь друг другу».

«Да, как бы не так!» думал про себя Чичиков, садясь в бричку. «По два с полтиною содрал за мертвую душу, чортов кулак!»

Он был недоволен поведением Собакевича. Все-таки, как бы то ни было, человек знакомый, и у губернатора и у полицеймейстера видались, а поступил как бы совершенно чужой, за дрянь взял деньги! Когда бричка выехала со двора, он оглянулся назад и увидел, что Собакевич всё еще стоял на крыльце и, как казалось, приглядывался, желая знать, куда гость поедет.

«Подлец, до сих пор еще стоит!» проговорил он сквозь зубы и велел Селифану, поворотивши к крестьянским избам, отъехать таким образом, чтобы нельзя было видеть экипажа со стороны господского двора. Ему хотелось заехать к Плюшкину, у которого, по словам Собакевича, люди умирали, как мухи, но не хотелось, чтобы Собакевич знал про это. Когда бричка уже была на конце деревни, он подозвал к себе первого мужика, который, поднявши где-то на дороге претолстое бревно, тащил его на плече, подобно неутомимому муравью, к себе в избу.

«Эй, борода! а как проехать отсюда к Плюшкину, так, чтоб не мимо господского дома?»

Мужик, казалось, затруднился таким вопросом.

«Что ж, не знаешь?»

«Нет, барин, не знаю».

«Эх ты! А и седым волосом еще подернуло! скрягу Плюшкина не знаешь, того, что плохо кормит людей?»

«А! заплатанной, заплатанной!» вскрикнул мужик. Было им прибавлено и существительное к слову заплатанной, очень удачное, но не употребительное в светском разговоре, а потому мы его пропустим. Впрочем, можно догадываться, что оно выражено было очень метко, потому что Чичиков, хотя мужик давно уже пропал из виду и много уехали вперед, однако ж всё еще усмехался, сидя в бричке. Выражается сильно российский народ! и если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург,

и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во всё свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица. Произнесенное метко, всё равно что писанное, не вырубливается топором. А уж куды бывает метко всё то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племен, а всё сам-самородок, живой и бойкой русской ум, что не лезет за словом в карман, не высиживает его, как наседка цыплят, а влепливает сразу, как пашпорт на вечную носку, и нечего прибавлять уже потом, какой у тебя нос или губы — одной чертой обрисован ты с ног до головы!

Как несметное множество церквей, монастырей с куполами, главами, крестами рассыпано по святой благочестивой Руси, так несметное множество племен, поколений, народов толпится, построет и мечется по лицу земли. И всякой народ, носящий в себе залог сил, полный творящих способностей души, своей яркой особенности и других даров бога, своеобразно отличился каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выраженьи его часть собственного своего характера. Сердцеведением и мудрым познаньем жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное умно-художавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово.

ГЛАВА VI

Прежде, давно, в лета моей юности, в лета невозвратно мелькнувшего моего детства, мне было весело подъезжать в первый раз к незнакомому месту: всё равно, была ли то деревушка, бедный уездный городишка, село ли, слободка, любопытного много открывал в нем детский любопытный взгляд. Всякое строение, всё, что носило только на себе напечатленье какой-нибудь заметной особенности, всё останавливало меня и поражало. Каменный ли, казенный дом, известной архитектуры с половиною фальшивых окон, один-одинешенек торчавший среди бревенчатой тесаной кучи одноэтажных мещанских, обывательских домиков, круглый ли, правильный купол, весь обитый листовым белым железом, вознесенный над выбеленною, как снег, новою церковью, рынок ли, франт ли уездный, попавшийся среди города, — ничто не ускользало от свежего, тонкого вниманья, и, высунувши нос из походной телеги своей, я глядел и на невиданный дотоле покрой какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики с гвоздями, с серой, желтевшей вдали, с изюмом и мылом, мелькавшие из дверей овощной лавки вместе с банками высохших московских конфект, глядел и на шедшего в стороне пехотного офицера, занесенного бог знает из какой губернии, на уездную скуку, и на купца, мелькнувшего в сибирке на беговых дрожках, и уносился мысленно за ними в бедную жизнь их. Уездный чиновник пройди мимо — я уже и задумывался: куда он идет, на вечер ли к какому-нибудь своему брату или прямо к себе домой, чтобы,

посидевши с полчаса на крыльце, пока не совсем еще сгустились сумерки, сесть за ранний ужин с матушкой, с женой, с сестрой жены и всей семьей, и о чем будет веден разговор у них в то время, когда дворовая девка в монистах или мальчик в толстой куртке принесет, уже после супа, сальную свечу в долговечном домашнем подсвечнике. Подъезжая к деревне какого-нибудь помещика, я любопытно смотрел на высокую, узкую деревянную колокольню или широкую, темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мне издали, сквозь древесную зелень, красная крыша и белые трубы помещичьего дома, и я ждал нетерпеливо, пока разойдутся на обе стороны заступавшие его сады и он покажется весь с своею, тогда, увы! вовсе не пошлою наружностью, и по нем старался я угадать, кто таков сам помещик, толст ли он, и сыновья ли у него или целых шестеро дочерей с звонким девическим смехом, играми и вечною красавицей меньшею сестрицей, и черноглазы ли они, и весельчак ли он сам или хмурен, как сентябрь в последних числах, глядит в календарь да говорит про скучную для юности рожь и пшеницу.

Теперь равнодушно подъезжаю ко всякой незнакомой деревне и равнодушно гляжу на ее пошлую наружность; моему охлажденному взору неприютно, мне не смешно, и то, что пробудило бы в прежние годы живое движенье в лице, смех и немолчные речи, то скользит теперь мимо, и безучастное молчание хранят мои недвижные уста. О моя юность! о моя свежесть!

Покамест Чичиков думал и внутренно посмеивался над прозвищем, отпущенным мужиками Плюшкину, он не заметил, как въехал в средину обширного села, со множеством изб и улиц. Скоро, однако же, дал заметить ему это препорядочный толчок, произведенный бревенчатою мостовою, пред которою городская каменная была ничто. Эти бревна, как фортепьянные клавиши, подымались то вверх, то вниз, и необерегшийся ездок приобретал или шишку на затылок, или синее пятно на лоб, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостик собственного же языка. Какую-то особенную ветхость заметил он на всех деревенских строениях: бревно на избах было темно и старо; многие крыши сквозили, как решето; на иных оставался только конек вверху да жерди по сторонам в виде ребр. Кажется, сами хозяева снесли с них дранье и тёс, рассуждая, и, конечно,

справедливо, что в дождь избы не кроют, а в вёдро и сама не каплет, бабиться же в ней незачем, когда есть простор и в кабаке и на большой дороге: словом, где хочешь. Окна в избенках были без стекол, иные были заткнуты тряпкой или зипуном; балкончики под крышами с перилами, неизвестно для каких причин делаемые в иных русских избах, покосились и почернели даже не живописно. Из-за изб тянулись во многих местах рядами огромные клади хлеба, застоявшиеся, как видно, долго; цветом походили они на старый, плохо выжженный кирпич, на верхушке их росла всякая дрянь, и даже прицепился сбоку кустарник. Хлеб, как видно, был господский. Из-за хлебных кладей и ветхих избяных крыш возносились и мелькали на чистом воздухе, то справа, то слева, по мере того как бричка делала повороты, две сельские церкви, одна возле другой: опустевшая деревянная и каменная, с желтенькими стенами, испятнанная, истрескавшаяся. Частями стал выказываться господский дом и наконец глянул весь в том месте, где цепь изб прервалась и на место их остался пустырем огород или капустник, обнесенный низкою, местами изломанною городьбою. Каким-то дряхлым инвалидом глядел сей странный за́мок, длинный, длинный непомерно. Местами был он в один этаж, местами в два; на темной крыше, не везде надежно защищавшей его старость, торчали два бельведера один против другого, оба уже пошатнувшиеся, лишенные когда-то покрывавшей их краски. Стены дома ощеливали местами нагую штукатурную решетку и, как видно, много потерпели от всяких непогод, дождей, вихрей и осенних перемен. Из окон только два были открыты, прочие были заставлены ставнями или даже забиты досками. Эти два окна, с своей стороны, были тоже подслеповаты; на одном из них темнел наклеенный треугольник из синей сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшийся позади дома сад, выходивший за село и потом пропадавший в поле, заросший и заглохлый, казалось, один освежал эту обширную деревню и один был вполне живописен в своем картинном опустении. Зелеными облаками и неправильными, трепетолистными куполами лежали на небесном горизонте соединенные вершины разросшихся на свободе дерев. Белый колоссальный ствол березы, лишенный верхушки, отломленной бурею или грозою, подымался из этой зеленой гущи

и круглился на воздухе, как правильная мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный излом его, которым он оканчивался к верху вместо капители, темнел на снежной белизне его, как шапка или черная птица. Хмель, глушивший внизу кусты бузины, рябины и лесного орешника и пробежавший потом по верхушке всего частокола, взбегал наконец вверх и обвивал до половины сломленную березу. Достигнув середины ее, он оттуда свешивался вниз и начинал уже цеплять вершины других дерев или же висел на воздухе, завязавши кольцами свои тонкие, цепкие крючья, легко колеблемые воздухом. Местами расходились зеленые чащи, озаренные солнцем, и показывали неосвещенное между них углубление, зиявшее, как темная пасть; оно было всё окинуто тенью, и чуть-чуть мелькали в черной глубине его: бежавшая узкая дорожка, обрушенные перилы, пошатнувшаяся беседка, дуплистый дряхлый ствол ивы, седой чапыжник, густой щетиною вытыкавший из-за ивы иссохшие от страшной глушины, перепутавшиеся и скрестившиеся листья и сучья, и, наконец, молодая ветвь клена, протянувшая сбоку свои зеленые лапы-листы, под один из которых забравшись, бог весть каким образом, солнце превращало его вдруг в прозрачный и огненный, чудно сиявший в этой густой темноте. В стороне, у самого края сада, несколько высокорослых, не вровень другим, осин подымали огромные вороньи гнезда на трепетные свои вершины. У иных из них отдернутые и не вполне отделенные ветви висели вниз вместе с иссохшими листьями. Словом, всё было как-то пустынно-хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству, но как бывает только тогда, когда они соединятся вместе, когда по нагроможденному, часто без толку, труду человека пройдет окончательным резцом своим природа, облегчит тяжелые массы, уничтожит грубоощутительную правильность и нищенские прорехи, сквозь которые проглядывает нескрытый, нагой план, и даст чудную теплоту всему, что создалось в хладе размеренной чистоты и опрятности.

Сделав один или два поворота, герой наш очутился наконец перед самым домом, который показался теперь еще печальнее. Зеленая плесень уже покрыла ветхое дерево на ограде и воротах. Толпа строений: людских, амбаров, погребов, видимо ветшавших, наполняла двор; возле них направо и налево видны были ворота

в другие дворы. Всё говорило, что здесь когда-то хозяйство текло в обширном размере, и всё глядело ныне пасмурно. Ничего не заметно было оживляющего картину, ни отворявшихся дверей, ни выходивших откуда-нибудь людей, никаких живых хлопот и забот дома! Только одни главные вороты были растворены, и то потому, что въехал мужик с нагруженною телегою, покрытою рогожею, показавшийся как бы нарочно для оживления сего вымершего места: в другое время и они были заперты наглухо, ибо в железной петле висел замок-исполин. У одного из строений Чичиков скоро заметил какую-то фигуру, которая начала вздорить с мужиком, приехавшим на телеге. Долго он не мог распознать, какого пола была фигура: баба или мужик. Платье на ней было совершенно неопределенное, похожее очень на женский капот; на голове колпак, какой носят деревенские дворовые бабы; только один голос показался ему несколько сиплым для женщины. «Ой, баба!» подумал он про себя и тут же прибавил: «Ой, нет!» «Конечно, баба!» наконец сказал он, рассмотрев попристальнее. Фигура, с своей стороны, глядела на него тоже пристально. Казалось, гость был для нее в диковинку, потому что она обсмотрела не только его, но и Селифана и лошадей, начиная с хвоста и до морды. По висевшим у ней за поясом ключам и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиков заключил, что это, верно, ключница.

«Послушай, матушка», сказал он, выходя из брички: «что барин? . . »

«Нет дома», прервала ключница, не дожидаясь окончания вопроса, и потом, спустя минуту, прибавила: «а что вам нужно?»

«Есть дело».

«Идите в комнаты!» сказала ключница, отворотившись и показав ему спину, запачканную мукою, с большой прорехою пониже.

Он вступил в темные, широкие сени, от которых подуло холодом, как из погреба. Из сеней он попал в комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную светом, выходившим из-под широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, он наконец очутился в свету и был поражен представшим беспорядком. Казалось, как будто в доме происходило мытье полов и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одном столе стоял даже сломанный

стул и, рядом с ним, часы с остановившимся маятником, к которому паук уже приладил паутину. Тут же стоял прислоненный боком к стене шкап с старинным серебром, графинчиками и китайским фарфором. На бюре, выложенном перламутною мозаикой, которая местами уже выпала и оставила после себя одни желтенькие желобки, наполненные клеем, лежало множество всякой всячины: куча исписанных мелко бумажек, накрытых мраморным позеленевшим прессом с яичком наверху, какая-то старинная книга в кожаном переплете с красным обрезом, лимон, весь высохший, ростом не более лесного ореха, отломленная ручка кресел, рюмка с какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом, кусочек сургучика, кусочек где-то поднятой тряпки, два пера, запачканные чернилами, высохшие как в чахотке, зубочистка, совершенно пожелтевшая, которою хозяин, может быть, ковырял в зубах своих еще до нашествия на Москву французов.

По стенам навешано было весьма тесно и бестолково несколько картин: длинный, пожелтевший гравюр какого-то сражения, с огромными барабанами, кричащими солдатами в трехугольных шляпах и тонущими конями, без стекла, вставленный в раму красного дерева с тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по углам. В ряд с ними занимала полстены огромная почерневшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цветы, фрукты, разрезанный арбуз, кабанью морду и висевшую головою вниз утку. С середины потолка висела люстра в холстяном мешке, от пыли сделавшаяся похожею на шелковый кокон, в котором сидит червяк. В углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубее и что недостойно лежать на столах. Что именно находилось в куче, решить было трудно, ибо пыли на ней было в таком изобилии, что руки всякого касавшегося становились похожими на перчатки; заметнее прочего высовывался оттуда отломленный кусок деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никак бы нельзя было сказать, чтобы в комнате сей обитало живое существо, если бы не возвещал его пребыванье старый, поношенный колпак, лежавший на столе. Пока он рассматривал всё странное убранство, отворилась боковая дверь, и взошла та же самая ключница, которую встретил он на дворе. Но тут увидел он, что это был скорее ключник, чем ключница: ключница, по крайней мере, не бреет бороды, а этот,

напротив того, брил, и, казалось, довольно редко, потому что весь подбородок с нижней частью щеки походил у него на скребницу из железной проволоки, какою чистят на конюшне лошадей. Чичиков, давши вопросительное выражение лицу своему, ожидал с нетерпеньем, что хочет сказать ему ключник. Ключник тоже с своей стороны ожидал, что хочет ему сказать Чичиков. Наконец последний, удивленный таким странным недоумением, решился спросить:

«Что ж барин? у себя, что ли?»

«Здесь хозяин», сказал ключник.

«Где же?» повторил Чичиков.

«Что, батюшка, слепы-то, что ли?» сказал ключник. «Эхва! А вить хозяин-то я!»

Здесь герой наш поневоле отступил назад и поглядел на него пристально. Ему случалось видеть не мало всякого рода людей, даже таких, каких нам с читателем, может быть, никогда не придется увидать; но такого он еще не видывал. Лицо его не представляло ничего особенного; оно было почти такое же, как у многих худощавых стариков, один подбородок только выступал очень далеко вперед, так что он должен был всякой раз закрывать его платком, чтобы не заплевать; маленькие глазки еще не потухнули и бегали из-под высоко выросших бровей, как мыши, когда, высунувши из темных нор остренькие морды, насторожа уши и моргая усом, они высматривают, не затаился ли где кот или шалун мальчишка, и нюхают подозрительно самый воздух. Гораздо замечательнее был наряд его: никакими средствами и стараньями нельзя бы докопаться, из чего состряпан был его халат: рукава и верхние полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идет на сапоги; назади вместо двух болталось четыре полы, из которых охлопьями лезла хлопчатая бумага. На шее у него тоже было повязано что-то такое, которого нельзя было разобрать: чулок ли, подвязка ли, или набрюшник, только никак не галстук. Словом, если бы Чичиков встретил его, так принаряженного, где-нибудь у церковных дверей, то, вероятно, дал бы ему медный грош. Ибо к чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно и он не мог никак удержаться, чтобы не подать бедному человеку медного гроша. Но пред ним стоял не нищий, пред ним стоял помещик. У этого

помещика была тысяча с лишком душ, и попробовал бы кто найти у кого другого столько хлеба, зерном, мукою и просто в кладях, у кого бы кладовые, амбары и сушилы загромождены были таким множеством холстов, сукон, овчин выделанных и сыромятных, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной. Заглянул бы кто-нибудь к нему на рабочий двор, где наготовлено было на запас всякого дерева и посуды, никогда не употреблявшейся, — ему бы показалось, уж не попал ли он как-нибудь в Москву на щепной двор, куда ежеденно отправляются расторопные тещи и свекрухи, с кухарками позади, делать свои хозяйственные запасы, и где горами белеет всякое дерево, шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересеки, ушаты, лагуны, жбаны с рыльцами и без рылец, побратимы, лукошки, мыкольники, куда бабы кладут свои мочки и прочий дрязг, коробья́ из тонкой гнутой осины, бураки из плетеной берестки и много всего, что идет на потребу богатой и бедной Руси. На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобных изделий? во всю жизнь не пришлось бы их употребить даже на два таких имения, какие были у него, — но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь сим, он ходил еще каждый день по улицам своей деревни, заглядывал под мостики, под перекладины, и всё, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, железный гвоздь, глиняный черепок, — всё тащил к себе и складывал в ту кучу, которую Чичиков заметил в углу комнаты. «Вон, уже рыболов пошел на охоту!» говорили мужики, когда видели его, идущего на добычу. И в самом деле, после него незачем было мести улицу: случилось проезжавшему офицеру потерять шпору, шпора эта мигом отправилась в известную кучу; если баба, как-нибудь зазевавшись у колодца, позабывала ведро, он утаскивал и ведро. Впрочем, когда приметивший мужик уличал его тут же, он не спорил и отдавал похищенную вещь; но если только она попадала в кучу, тогда всё кончено: он божился, что вещь его, куплена им тогда-то, у того-то или досталась от деда. В комнате своей он подымал с пола всё, что ни видел: сургучик, лоскуток бумажки, перышко, и всё это клал на бюро или на окошко.

А ведь было время, когда он только был бережливым хозяином! был женат и семьянин, и сосед заезжал к нему сытно пообедать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой

скупости. Всё текло живо и совершалось размеренным ходом: двигались мельницы, валяльни, работали суконные фабрики, столярные станки, прядильни; везде, во всё входил зоркий взгляд хозяина и, как трудолюбивый паук, бегал, хлопотливо, но расторопно, по всем концам своей хозяйственной паутины. Слишком сильные чувства не отражались в чертах лица его, но в глазах был виден ум; опытностию и познанием света была проникнута речь его, и гостю было приятно его слушать; приветливая и говорливая хозяйка славилась хлебосольством; навстречу выходили две миловидные дочки, обе белокурые и свежие, как розы; выбегал сын, разбитной мальчишка, и целовался со всеми, мало обращая внимания на то, рад ли или не рад был этому гость. В доме были открыты все окна, антресоли были заняты квартирою учителя-француза, который славно брился и был большой стрелок: приносил всегда к обеду тетерек или уток, а иногда и одни воробьиные яйца, из которых заказывал себе яичницу, потому что больше в целом доме никто ее не ел. На антресолях жила также его конпатриотка, наставница двух девиц. Сам хозяин являлся к столу в сертуке, хотя несколько поношенном, но опрятном, локти были в порядке: нигде никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а с ними мелких забот, перешла к нему. Плюшкин стал беспокойнее и, как все вдовцы, подозрительнее и скупее. На старшую дочь Александру Степановну он не мог во всем положиться, да и был прав, потому что Александра Степановна скоро убежала с штабс-ротмистром, бог весть какого кавалерийского полка, и обвенчалась с ним где-то наскоро, в деревенской церкви, зная, что отец не любит офицеров по странному предубеждению, будто бы все военные картежники и мотишки. Отец послал ей на дорогу проклятие, а преследовать не заботился. В доме стало еще пустее. Во владельце стала заметнее обнаруживаться скупость; сверкнувшая в жестких волосах его седина, верная подруга ее, помогла ей еще более развиться; учитель-француз был отпущен, потому что сыну пришла пора на службу; мадам была прогнана, потому что оказалась не безгрешною в похищении Александры Степановны; сын, будучи отправлен в губернский город с тем, чтобы узнать в палате, по мнению отца, службу существенную, определился вместо того в полк и написал к отцу уже по своем

определении, прося денег на обмундировку; весьма естественно, что он получил на это то, что называется в простонародии шиш. Наконец последняя дочь, остававшаяся с ним в доме, умерла, и старик очутился один сторожем, хранителем и владетелем своих богатств. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, как известно, имеет волчий голод и чем более пожирает, тем становится ненасытнее; человеческие чувства, которые и без того не были в нем глубоки, мелели ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось в этой изношенной развалине. Случись же под такую минуту, как будто нарочно в подтверждение его мнения о военных, что сын его проигрался в карты; он послал ему от души свое отцовское проклятие и никогда уже не интересовался знать, существует ли он на свете или нет. С каждым годом притворялись окна в его доме, наконец остались только два, из которых одно, как уже видел читатель, было заклеено бумагою; с каждым годом уходили из вида, более и более, главные части хозяйства, и мелкий взгляд его обращался к бумажкам и перышкам, которые он собирал в своей комнате; неуступчивее становился он к покупщикам, которые приезжали забирать у него хозяйственные произведения, покупщики торговались, торговались и наконец бросили его вовсе, сказавши, что это бес, а не человек; сено и хлеб гнили, клади и стоги обращались в чистый навоз, хоть разводи на них капусту, мука в подвалах превратилась в камень, и нужно было ее рубить, к сукнам, к холстам и домашним материям страшно было притронуться: они обращались в пыль. Он уже позабывал сам, сколько у него было чего, и помнил только, в каком месте стоял у него в шкапу графинчик с остатком какой-нибудь настойки, на котором он сам сделал наметку, чтобы никто воровским образом ее не выпил, да где лежало перышко или сургучик. А между тем в хозяйстве доход собирался попрежнему: столько же оброку должен был принесть мужик, таким же приносом орехов обложена была всякая баба, столько же поставов холста должна была наткать ткачиха, — всё это сваливалось в кладовые, и всё становилось гниль и прореха, и сам он обратился наконец в какую-то прореху на человечестве. Александра Степановна как-то приезжала раза два с маленьким сынком пытаясь, нельзя ли чего-нибудь получить; видно, походная жизнь

с штабс-ротмистром не была так привлекательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкин, однако же, ее простил и даже дал маленькому внучку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столе, но денег ничего не дал. В другой раз Александра Степановна приехала с двумя малютками и привезла ему кулич к чаю и новый халат, потому что у батюшки был такой халат, на который глядеть не только было совестно, но даже стыдно. Плюшкин приласкал обоих внучков и, посадивши их к себе одного на правое колено, а другого на левое, покачал их совершенно таким образом, как будто они ехали на лошадях, кулич и халат взял, но дочери решительно ничего не дал; с тем и уехала Александра Степановна.

Итак, вот какого рода помещик стоял перед Чичиковым! Должно сказать, что подобное явление редко попадается на Руси, где всё любит скорее развернуться, нежели съежиться, и тем разительнее бывает оно, что тут же в соседстве подвернется помещик, кутящий во всю ширину русской удали и барства, прожигающий, как говорится, насквозь жизнь. Небывалый проезжий остановится с изумлением при виде его жилища, недоумевая, какой владетельный принц очутился внезапно среди маленьких, темных владельцев: дворцами глядят его белые каменные домы с бесчисленным множеством труб, бельведеров, флюгеров, окруженные стадом флигелей и всякими помещеньями для приезжих гостей. Чего нет у него? Театры, балы; всю ночь сияет убранный огнями и плошками, оглашенный громом музыки сад. Полгубернии разодето и весело гуляет под деревьями, и никому не является дикое и грозящее в сем насильственном освещении, когда театрально выскакивает из древесной гущи озаренная поддельным светом ветвь, лишенная своей яркой зелени, а вверху темнее, и суровее, и в двадцать раз грознее является чрез то ночное небо, и, далеко трепеща листьями в вышине, уходя глубже в непробудный мрак, негодуют суровые вершины дерев на сей мишурный блеск, осветивший снизу их корни.

Уже несколько минут стоял Плюшкин, не говоря ни слова, а Чичиков всё еще не мог начать разговора, развлеченный как видом самого хозяина, так и всего того, что было в его комнате. Долго не мог он придумать, в каких бы словах изъяснить причину своего посещения. Он уже хотел было выразиться в таком

духе, что, наслышась о добродетели и редких свойствах души его, почел долгом принести лично дань уважения, но спохватился и почувствовал, что это слишком. Искоса бросив еще один взгляд на всё, что было в комнате, он почувствовал, что слово добродетель и редкие свойства души можно с успехом заменить словами: экономия и порядок; и потому, преобразивши таким образом речь, он сказал, что, наслышась об экономии его и редком управлении имениями, он почел за долг познакомиться и принести лично свое почтение. Конечно, можно бы было привести иную, лучшую причину, но ничего иного не взбрело тогда на ум.

На это Плюшкин что-то пробормотал сквозь губы, ибо зубов не было, что именно, неизвестно, но, вероятно, смысл был таков: «А побрал бы тебя чорт с твоим почтением!» Но так как гостеприимство у нас в таком ходу, что и скряга не в силах преступить его законов, то он прибавил тут же несколько внятнее: «Прошу покорнейше садиться!»

«Я давненько не вижу гостей», сказал он: «да, признаться сказать, в них мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ездить друг к другу, а в хозяйстве-то упущения... да и лошадей их корми сеном! Я давно уж отобедал, а кухня у меня такая прескверная, и труба-то совсем развалилась, начнешь топить, еще пожару наделаешь».

«Вон оно как!» подумал про себя Чичиков. «Хорошо же, что я у Собакевича перехватил ватрушку да ломоть бараньего бока».

«И такой скверный анекдот, что сена хоть бы клок в целом хозяйстве!» продолжал Плюшкин. «Да и в самом деле, как прибережешь его? землишка маленькая, мужик ленив, работать не любит, думает, как бы в кабак... того и гляди, пойдешь на старости лет по миру!»

«Мне, однако же, сказывали», скромно заметил Чичиков: «что у вас более тысячи душ».

«А кто это сказывал? А вы бы, батюшка, наплевали в глаза тому, который это сказывал! Он, пересмешник, видно, хотел пошутить над вами. Вот бают, тысячи душ, а подитка сосчитай, а и ничего не начтешь! Последние три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный куш мужиков».

«Скажите! и много выморила?» воскликнул Чичиков с участием.

«Да, снесли многих».

«А позвольте узнать: сколько числом?»

«Душ восемьдесят».

«Нет?»

«Не стану лгать, батюшка».

«Позвольте еще спросить: ведь эти души, я полагаю, вы считаете со дня подачи последней ревизии?»

«Это бы еще слава богу», сказал Плюшкин: «да лих-то, что с того времени до ста двадцати наберется».

«Вправду? Целых сто двадцать?» воскликнул Чичиков и даже разинул несколько рот от изумления.

«Стар я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десяток живу!» сказал Плюшкин. Он, казалось, обиделся таким, почти радостным, восклицанием. Чичиков заметил, что в самом деле неприлично подобное безучастие к чужому горю, и потому вздохнул тут же и сказал, что соболезнует.

«Да ведь соболезнование в карман не положишь», сказал Плюшкин. «Вот возле меня живет капитан, чорт знает его откуда взялся, говорит, родственник: «Дядюшка, дядюшка!» и в руку целует, а как начнет соболезновать, вой такой подымет, что уши береги. С лица весь красный: пеннику, чай, насмерть придерживается. Верно, спустил денежки, служа в офицерах, или театральная актриса выманила, так вот он теперь и соболезнует!»

Чичиков постарался объяснить, что его соболезнование совсем не такого рода, как капитанское, и что он не пустыми словами, а делом готов доказать его, и, не откладывая дела далее, без всяких обиняков, тут же изъявил готовность принять на себя обязанность платить подати за всех крестьян, умерших такими несчастными случаями. Предложение, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Он вытаращил глаза, долго смотрел на него и наконец спросил: «Да вы, батюшка, не служили ли в военной службе?»

«Нет», отвечал Чичиков довольно лукаво: «служил по статской».

«По статской?» повторил Плюшкин и стал жевать губами,

как будто что-нибудь кушал. «Да ведь как же? Ведь это вам-то самим в убыток?»

«Для удовольствия вашего готов и на убыток».

«Ах, батюшка! ах, благодетель ты мой!» вскрикнул Плюшкин, не замечая от радости, что у него из носа выглянул весьма некартинно табак, на образец густого кофея, и полы халата, раскрывшись, показали платье, не весьма приличное для рассматриванья. «Вот утешили старика! Ах, господи ты мой! ах, святители вы мои!..» Далее Плюшкин и говорить не мог. Но не прошло и минуты, как эта радость, так мгновенно показавшаяся на деревянном лице его, так же мгновенно и пропала, будто ее вовсе не бывало, и лицо его вновь приняло заботливое выражение. Он даже утерся платком и, свернувши его в комок, стал им возить себя по верхней губе.

«Как же, с позволения вашего, чтобы не рассердить вас, вы за всякой год беретесь платить за них, что ли? и деньги будете выдавать мне или в казну?»

«Да мы вот как сделаем: мы совершим на них купчую крепость, как бы они были живые и как бы вы их мне продали».

«Да, купчую крепость...» сказал Плюшкин, задумался и стал опять кушать губами. «Ведь вот купчую крепость — всё издержки. Приказные такие бессовестные! Прежде бывало полтиной меди отделаешься да мешком муки, а теперь пошли целую подводу круп, да и красную бумажку прибавь, такое сребролюбие! Я не знаю, как священники-то не обращают на это внимание, сказал бы какое-нибудь поучение, ведь что ни говори, а против слова-то божия не устоишь».

«Ну, ты, я думаю, устоишь!» подумал про себя Чичиков и произнес тут же, что, из уважения к нему, он готов принять даже издержки по купчей на свой счет.

Услыша, что даже издержки по купчей он принимает на себя, Плюшкин заключил, что гость должен быть совершенно глуп и только прикидывается, будто служил по статской, а, верно, был в офицерах и волочился за актерками. При всем том он, однако ж, не мог скрыть своей радости и пожелал всяких утешений не только ему, но даже и деткам его, не спросив, были ли они у него или нет. Подошед к окну, постучал он пальцами в стекло и закричал: «Эй, Прошка!» Чрез минуту было

слышно, кто-то вбежал впопыхах в сени, долго возился там и стучал сапогами, наконец дверь отворилась, и вошел Прошка, мальчик лет тринадцати, в таких больших сапогах, что, ступая, едва не вынул из них ноги. Почему у Прошки были такие большие сапоги, это можно узнать сейчас же: у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ее в доме, были одни только сапоги, которые должны были всегда находиться в сенях. Всякой призываемый в барские покои обыкновенно отплясывал через весь двор босиком, но, входя в сени, надевал сапоги и таким уже образом являлся в комнату. Выходя из комнаты, он оставлял сапоги опять в сенях и отправлялся вновь на собственной подошве. Если бы кто взглянул на это из окошка в осеннее время и особенно когда по утрам начинаются маленькие изморози, то бы увидел, что вся дворня делала такие высокие скачки, какие вряд ли удастся выделать на театрах самому бойкому танцовщику.

«Вот посмотрите, батюшка, какая рожа!» сказал Плюшкин Чичикову, указывая пальцем на лицо Прошки. «Глуп ведь, как дерево, а попробуй что-нибудь положить, мигом украдет! Ну, чего ты пришел, дурак, скажи, чего?» Тут он произвел небольшое молчание, на которое Прошка отвечал тоже молчанием. «Поставь самовар, слышишь, да вот возьми ключ, да отдай Мавре, чтобы пошла в кладовую: там на полке есть сухарь из кулича, который привезла Александра Степановна, чтобы подали его к чаю!.. Постой, куда же ты? Дурачина! Эхва, дурачина! О, какой же ты дурачина!.. чего улепетываешь? Бес у тебя в ногах, что ли, чешется?.. ты выслушай прежде: сухарь-то сверху, чай, поиспортился, так пусть соскоблит его ножом, да крох не бросает, а снесет в курятник. Да смотри ты, ты не входи, брат, в кладовую, не то я тебя, знаешь! березовым-то веником, чтобы для вкуса-то! Вот у тебя теперь славный аппетит, так чтобы еще был получше! Вот попробуй-ка пойди в кладовую, а я тем временем из окна стану глядеть. Им ни в чем нельзя доверять», продолжал он, обратившись к Чичикову, после того как Прошка убрался вместе с своими сапогами. Вслед за тем он начал и на Чичикова посматривать подозрительно. Черты такого необыкновенного великодушия стали ему казаться невероятными, и он подумал про себя: «Ведь чорт его знает; может

быть, он просто хвастун, как все эти мотишки: наврет, наврет, чтобы поговорить да напиться чаю, а потом и уедет!» И потому из предосторожности, и вместе желая несколько поиспытать его, сказал он, что недурно бы совершить купчую поскорее, потому что-де в человеке не уверен: сегодня жив, а завтра и бог весть.

Чичиков изъявил готовность совершить ее хоть сию же минуту и потребовал только списочка всем крестьянам.

Это успокоило Плюшкина. Заметно было, что он придумывал что-то сделать, и точно, взявши ключи, приблизился к шкафу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и наконец произнес: «Ведь вот не сыщешь, а у меня был славный ликерчик, если только не выпили! народ, такие воры! А вот разве не это ли он?» Чичиков увидел в руках его графинчик; который был весь в пыли, как в фуфайке. «Еще покойница делала», продолжал Плюшкин: «мошенница-ключница совсем было его забросила и даже не закупорила, каналья! Козявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь сор-то повынул, и теперь вот чистенькой я вам налью рюмочку».

Но Чичиков постарался отказаться от такого ликерчика, сказавши, что он уже и пил и ел.

«Пили уже и ели!» сказал Плюшкин. «Да, конечно, хорошего общества человека хоть где узнаешь: он и не ест, а сыт; а как эдакой какой-нибудь воришка, да его сколько ни корми... Ведь вот капитан: приедет: «Дядюшка, говорит, дайте чего-нибудь поесть!» А я ему такой же дядюшка, как он мне дедушка. У себя дома есть, верно, нечего, так вот он и шатается! Да, ведь вам нужен реестрик всех этих тунеядцев? Как же, я, как знал, всех их списал на особую бумажку, чтобы при первой подаче ревизии всех их вычеркнуть». Плюшкин надел очки и стал рыться в бумагах. Развязывая всякие связки, он попотчевал своего гостя такою пылью, что тот чихнул. Наконец вытащил бумажку, всю исписанную кругом. Крестьянские имена усыпали ее тесно, как мошки. Были там всякие: и Парамонов, и Пименов, и Пантелеймонов, и даже выглянул какой-то Григорий Доезжай-не-доедешь; всех было сто двадцать с лишком. Чичиков улыбнулся при виде такой многочисленности. Спрятав ее в карман, он заметил Плюшкину, что ему нужно будет для совершения крепости приехать в город.

«В город? Да как же? .. а дом-то как оставить? Ведь у меня народ или вор, или мошенник: в день так оберут, что и кафтана не на чем будет повесить».

«Так не имеете ли кого-нибудь знакомого?»

«Да кого же знакомого? Все мои знакомые перемерли или раззнакомились. Ах, батюшки! как не иметь, имею!» вскрикнул он. «Ведь знаком сам председатель, езжал даже в старые годы ко мне, как не знать! однокорытниками были, вместе по заборам лазили! как не знакомый? уж такой знакомый! так уж не к нему ли написать?»

«И конечно, к нему».

«Как же, уж такой знакомый! в школе были приятели».

И на этом деревянном лице вдруг скользнул какой-то теплый луч, выразилось не чувство, а какое-то бледное отражение чувства, явление, подобное неожиданному появлению на поверхности вод утопающего, произведшему радостный крик в толпе, обступившей берег. Но напрасно обрадовавшиеся братья и сестры кидают с берега веревку и ждут, не мелькнет ли вновь спина или утомленные бореньем руки, — появление было последнее. Глухо всё, и еще страшнее и пустыннее становится после того затихнувшая поверхность безответной стихии. Так и лицо Плюшкина вслед за мгновенно скользнувшим на нем чувством стало еще бесчувственней и еще пошлее.

«Лежала на столе четвертка чистой бумаги», сказал он: «да не знаю, куда запропастилась: люди у меня такие негодные!» Тут стал он заглядывать и под стол и на стол, шарил везде и наконец закричал: «Мавра! а Мавра!» На зов явилась женщина с тарелкой в руках, на которой лежал сухарь, уже знакомый читателю. И между ними произошел такой разговор:

«Куда ты дела, разбойница, бумагу?»

«Ей-богу, барин, не видывала, опричь небольшого лоскутка, которым изволили прикрыть рюмку».

«А вот я по глазам вижу, что подтибрила».

«Да на что ж бы я подтибрила? Ведь мне проку с ней никакого; я грамоте не знаю».

«Врешь, ты снесла пономаренку: он маракует, так ты ему и снесла».

«Да пономаренок, если захочет, так достанет себе бумаги. Не видал он вашего лоскутка!»

«Вот погоди-ка: на страшном суде черти припекут тебя за это железными рогатками! вот посмотришь, как припекут!»

«Да за что же припекут, коли я не брала и в руки четвертки? Уж скорее в другой какой бабьей слабости, а воровством меня еще никто не попрекал».

«А вот черти-то тебя и припекут! скажут: «А вот тебе, мошенница, за то, что барина-то обманывала!», да горячими-то тебя и припекут!»

«А я скажу: не за что! ей-богу, не за что, не брала я... Да вон она лежит на столе. Всегда понапраслиной попрекаете!»

Плюшкин увидел, точно, четвертку и на минуту остановился, пожевал губами и произнес: «Ну, что ж ты расходилась так? Экая занозистая! Ей скажи только одно слово, а она уж в ответ десяток! Поди-ка принеси огоньку запечатать письмо. Да стой, ты схватишь сальную свечу, сало дело топкое: сгорит — да и нет, только убыток; а ты принеси-ка мне лучинку!»

Мавра ушла, а Плюшкин, севши в кресла и взявши в руку перо, долго еще ворочал на все стороны четвертку, придумывая: нельзя ли отделить от нее еще осьмушку, но наконец убедился, что никак нельзя; всунул перо в чернильницу с какою-то заплесневшею жидкостью и множеством мух на дне и стал писать, выставляя буквы, похожие на музыкальные ноты, придерживая поминутно прыть руки, которая расскакивалась по всей бумаге, лепя скупо строка на строку, и не без сожаления подумывая о том, что всё еще останется много чистого пробела.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек! мог так измениться! И похоже это на правду? Всё похоже на правду, всё может статься с человеком. Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости. Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге: не подымете потом! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдает назад и обратно! Могила милосерднее ее, на могиле напишется: здесь погребен человек! но ничего не прочитаешь в хладных, бесчувственных чертах бесчеловечной старости.

«А не знаете ли вы какого-нибудь вашего приятеля», сказал Плюшкин, складывая письмо: «которому бы понадобились беглые души?»

«А у вас есть и беглые?» быстро спросил Чичиков очнувшись.

«В том-то и дело, что есть. Зять делал выправки: говорит, будто и след простыл, но ведь он человек военный: мастер притопывать шпорой, а если бы похлопотать по судам...»

«А сколько их будет числом?»

«Да десятков до семи тоже наберется».

«Нет?»

«А, ей-богу, так! Ведь у меня что год, то бегут. Народ-то больно прожорлив, от праздности завел привычку трескать, а у меня есть и самому нечего... А уж я бы за них что ни дай, взял бы. Так посоветуйте вашему приятелю-то: отыщись ведь только десяток, так вот уж у него славная деньга. Ведь ревизская душа стоит в пятистах рублях».

«Нет, этого мы приятелю и понюхать не дадим», сказал про себя Чичиков и потом объяснил, что такого приятеля никак не найдется, что одни издержки по этому делу будут стоить более; ибо от судов нужно отрезать полы собственного кафтана, да уходить подалее; но что если он уже действительно так стиснут, то, будучи подвигнут участием, он готов дать... но что это такая безделица, о которой даже не стоит и говорить».

«А сколько бы вы дали?» спросил Плюшкин и сам ожидовел; руки его задрожали, как ртуть.

«Я бы дал по двадцати пяти копеек за душу».

«А как вы покупаете, на чистые?»

«Да, сейчас деньги».

«Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уже дали бы по сорока копеек».

«Почтеннейший!» сказал Чичиков: «не только по сорока копеек, по пятисот рублей заплатил бы! с удовольствием заплатил бы, потому что вижу — почтенный, добрый старик терпит по причине собственного добродушия».

«А, ей-богу, так! ей-богу, правда!» сказал Плюшкин, свесив голову вниз и сокрушительно покачав ее. «Всё от добродушия».

«Ну, видите ли, я вдруг постигнул ваш характер. Итак, почему ж не дать бы мне по пятисот рублей за душу, но... со-

стоянья нет; по пяти копеек, извольте, готов прибавить, чтобы каждая душа обошлась таким образом в тридцать копеек».

«Ну, батюшка, воля ваша, хоть по две копеечки пристегните».

«По две копеечки пристегну, извольте. Сколько их у вас? Вы, кажется, говорили семьдесят?»

«Нет. Всего наберется семьдесят восемь».

«Семьдесят восемь, семьдесят восемь, по тридцати копеек за душу, это будет...» здесь герой наш одну секунду, не более, подумал и сказал вдруг: «это будет двадцать четыре рубля девяносто шесть копеек!» Он был в арифметике силен. Тут же заставил он Плюшкина написать расписку и выдал ему деньги, которые тот принял в обе руки и понес их к бюро с такою же осторожностью, как будто бы нес какую-нибудь жидкость, ежеминутно боясь расхлестать ее. Подошедши к бюро, он переглядел их еще раз и уложил тоже чрезвычайно осторожно в один из ящиков, где, верно, им суждено быть погребенными до тех пор, покамест отец Карп и отец Поликарп, два священника его деревни, не погребут его самого, к неописанной радости зятя и дочери, а может быть, и капитана, приписавшегося ему в родню. Спрятавши деньги, Плюшкин сел в кресла и уже, казалось, больше не мог найти материи, о чем говорить.

«А что, вы уж собираетесь ехать?» сказал он, заметив небольшое движение, которое сделал Чичиков для того только, чтобы достать из кармана платок.

Этот вопрос напомнил ему, что в самом деле незачем более мешкать. «Да, мне пора!» произнес он, взявшись за шляпу.

«А чайку?»

«Нет, уж чайку пусть лучше когда-нибудь в другое время».

«Как же, а я приказал самовар. Я, признаться сказать, не охотник до чаю: напиток дорогой, да и цена на сахар поднялась немилосердная. Прошка! не нужно самовара! Сухарь отнеси Мавре, слышишь: пусть его положит на то же место, или нет, подай его сюда, я ужо снесу его сам. Прощайте, батюшка, да благословит вас бог! А письмо-то председателю вы отдайте. Да! пусть прочтет, он мой старый знакомый. Как же! были с ним однокорытниками!»

Засим это странное явление, этот съежившийся старичишка проводил его со двора, после чего велел ворота тот же час запереть, потом обошел кладовые, с тем чтобы осмотреть, на своих ли местах сторожа, которые стояли на всех углах, колотя деревянными лопатками в пустой бочонок, наместо чугунной доски; после того заглянул в кухню, где под видом того, чтобы попробовать, хорошо ли едят люди, наелся препорядочно щей с кашею и, выбранивши всех до последнего за воровство и дурное поведение, возвратился в свою комнату. Оставшись один, он даже подумал о том, как бы и чем возблагодарить гостя за такое, в самом деле, беспримерное великодушие. «Я ему подарю», подумал он про себя: «карманные часы: они ведь хорошие, серебряные часы, а не то чтобы какие-нибудь томпаковые или бронзовые, немножко поиспорчены, да ведь он себе переправит; он человек еще молодой, так ему нужны карманные часы, чтобы понравиться своей невесте! Или нет», прибавил он, после некоторого размышления: «лучше я оставлю их ему после моей смерти, в духовной, чтобы вспоминал обо мне».

Но герой наш и без часов был в самом веселом расположении духа. Такое неожиданное приобретение было сущий подарок. В самом деле, что ни говори, не только одни мертвые души, но еще и беглые, и всего двести с лишком человек! Конечно, еще подъезжая к деревне Плюшкина, он уже предчувствовал, что будет кое-какая нажива, но такой прибыточной никак не ожидал. Всю дорогу он был весел необыкновенно, посвистывал, наигрывал губами, приставивши ко рту кулак, как будто играл на трубе, и наконец затянул какую-то песню, до такой степени необыкновенную, что сам Селифан слушал, слушал и потом, покачав слегка головой, сказал: «Вишь ты, как барин поет!» Были уже густые сумерки, когда подъехали они к городу. Тень со светом перемешалась совершенно, и, казалось, самые предметы перемешалися тоже. Пестрый шлагбаум принял какой-то неопределенный цвет; усы у стоявшего на-часах солдата казались на лбу и гораздо выше глаз, а носа как будто не было вовсе. Гром и прыжки дали заметить, что бричка взъехала на мостовую. Фонари еще не зажигались, кое-где только начинались освещаться окна домов, а в переулках и закоулках происходили сцены и разговоры, неразлучные с этим временем во

всех городах, где много солдат, извозчиков, работников и особенного рода существ, в виде дам в красных шалях и башмаках без чулок, которые, как летучие мыши, шныряют по перекресткам. Чичиков не замечал их и даже не заметил многих тоненьких чиновников с тросточками, которые, вероятно, сделавши прогулку за городом, возвращались домой. Изредка доходили до слуха его какие-то, казалось, женские восклицания: «Врешь, пьяница! я никогда не позволяла ему такого грубиянства!» или: «Ты не дерись, невежа, а ступай в часть, там я тебе докажу!..» Словом, те слова, которые вдруг обдадут как варом какого-нибудь замечтавшегося двадцатилетнего юношу, когда, возвращаясь из театра, несет он в голове испанскую улицу, ночь, чудный женский образ с гитарой и чу́дными кудрями. Чего нет и что не грезится в голове его? он в небесах и к Шиллеру заехал в гости — и вдруг раздаются над ним, как гром, роковые слова, и видит он, что вновь очутился на земле, и даже на Сенной площади, и даже близ кабака, и вновь пошла по-будничному щеголять перед ним жизнь.

Наконец бричка, сделавши порядочный скачок, опустилась, как будто в яму, в ворота гостиницы, и Чичиков был встречен Петрушкою, который одною рукою придерживал полу своего сертука, ибо не любил, чтобы расходились полы, а другою стал помогать ему вылезать из брички. Половой тоже выбежал, со свечою в руке и салфеткою на плече. Обрадовался ли Петрушка приезду барина, неизвестно, по крайней мере, они перемигнулись с Селифаном, и обыкновенно суровая его наружность на этот раз как будто несколько прояснилась.

«Долго изволили погулять», сказал половой, освещая лестницу.

«Да», сказал Чичиков, когда взошел на лестницу. «Ну, а ты что?»

«Слава богу», отвечал половой, кланяясь. «Вчера приехал поручик какой-то военный, занял шестнадцатый номер».

«Поручик?»

«Неизвестно какой, из Рязани, гнедые лошади».

«Хорошо, хорошо, веди себя и вперед хорошо!» сказал Чичиков и вошел в свою комнату. Проходя переднюю, он покрутил носом и сказал Петрушке: «Ты бы, по крайней мере, хоть окна отпер!»

«Да я их отпирал», сказал Петрушка, да и соврал. Впрочем, барин и сам знал, что он соврал, но уж не хотел ничего возражать. После сделанной поездки он чувствовал сильную усталость. Потребовавши самый легкий ужин, состоявший только в поросенке, он тот же час разделся и, забравшись под одеяло, заснул сильно, крепко, заснул чудным образом, как спят одни только те счастливцы, которые не ведают ни геморроя, ни блох, ни слишком сильных умственных способностей.

ГЛАВА VII

Счастлив путник, который после длинной, скучной дороги, с ее холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися станционными смотрителями, бряканьями колокольчиков, починками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякого рода дорожными подлецами, видит наконец знакомую крышу с несущимися навстречу огоньками, и предстанут пред ним знакомые комнаты, радостный крик выбежавших навстречу людей, шум и беготня детей и успокоительные тихие речи, прерываемые пылающими лобзаниями, властными истребить всё печальное из памяти. Счастлив семьянин, у кого есть такой угол, но горе холостяку!

Счастлив писатель, который мимо характеров скучных, противных, поражающих печальною своей действительностью, приближается к характерам, являющим высокое достоинство человека, который из великого омута ежедневно вращающихся образов избрал одни немногие исключения, который не изменял ни разу возвышенного строя своей лиры, не ниспускался с вершины своей к бедным, ничтожным своим собратьям и, не касаясь земли, весь повергался в свои далеко отторгнутые от нее и возвеличенные образы. Вдвойне завиден прекрасный удел его: он среди их, как в родной семье; а между тем далеко и громко разносится его слава. Он окурил упоительным куревом людские очи; он чудно польстил им, сокрыв печальное в жизни, показав им прекрасного человека. Всё, рукоплеща, несется за ним и мчится вслед за торжественной его колесницей. Великим всемирным

поэтом именуют его, парящим высоко над всеми другими гениями мира, как парит орел над другими высоколетающими. При одном имени его уже объемлются трепетом молодые пылкие сердца, ответные слезы ему блещут во всех очах... Нет равного ему в силе — он бог! Но не таков удел, и другая судьба писателя, дерзнувшего вызвать наружу всё, что ежеминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подчас горькая и скучная дорога, и крепкою силою неумолимого резца дерзнувшего выставить их выпукло и ярко на всенародные очи! Ему не собрать народных рукоплесканий, ему не зреть признательных слез и единодушного восторга взволнованных им душ; к нему не полетит навстречу шестнадцатилетняя девушка с закружившеюся головою и геройским увлеченьем; ему не позабыться в сладком обаянье им же исторгнутых звуков; ему не избежать наконец от современного суда, лицемерно-бесчувственного современного суда, который назовет ничтожными и низкими им лелеянные созданья, отведет ему презренный угол в ряду писателей, оскорбляющих человечество, придаст ему качества им же изображенных героев, отнимет от него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта. Ибо не признаёт современный суд, что равно чудны стекла, озирающие солнцы и передающие движенья незамеченных насекомых; ибо не признаёт современный суд, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую из презренной жизни, и возвести ее в перл созданья; ибо не признаёт современный суд, что высокой восторженный смех достоин стать рядом с высоким лирическим движеньем и что целая пропасть между ним и кривляньем балаганного скомороха! Не признаёт сего современный суд и всё обратит в упрек и поношенье непризнанному писателю; без разделенья, без ответа, без участья, как бессемейный путник, останется он один посреди дороги. Сурово его поприще, и горько почувствует он свое одиночество.

И долго еще определено мне чудной властью итти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы! И далеко еще то время, когда иным ключом

грозная вьюга вдохновенья подымется из облеченной в святый ужас и в блистанье главы, и почуют в смущенном трепете величавый гром других речей...

В дорогу! в дорогу! прочь набежавшая на чело морщина и строгий сумрак лица! Разом и вдруг окунемся в жизнь, со всей ее беззвучной трескотней и бубенчиками, и посмотрим, что делает Чичиков.

Чичиков проснулся, потянул руки и ноги и почувствовал, что выспался хорошо. Полежав минуты две на спине, он щелкнул рукою и вспомнил с просиявшим лицом, что у него теперь без малого четыреста душ. Тут же вскочил он с постели, не посмотрел даже на свое лицо, которое любил искренно и в котором, как кажется, привлекательнее всего находил подбородок, ибо весьма часто хвалился им пред кем-нибудь из приятелей, особливо если это происходило во время бритья. «Вот, посмотри», говорил он обыкновенно, поглаживая его рукою: «какой у меня подбородок: совсем круглый!» Но теперь он не взглянул ни на подбородок, ни на лицо, а прямо, так, как был, надел сафьянные сапоги с резными выкладками всяких цветов, какими бойко торгует город Торжок, благодаря халатным побужденьям русской натуры, и, по-шотландски, в одной короткой рубашке, позабыв свою степенность и приличные средние лета, произвел по комнате два прыжка, пришлепнув себя весьма ловко пяткой ноги. Потом в ту же минуту приступил к делу: перед шкатулкой потер руки с таким же удовольствием, как потирает их выехавший на следствие неподкупный земский суд, подходящий к закуске, и тот же час вынул из нее бумаги. Ему хотелось поскорее кончить всё, не откладывая в долгий ящик. Сам решился он сочинить крепости, написать и переписать, чтоб не платить ничего подьячим. Форменный порядок был ему совершенно известен; бойко выставил он большими буквами: тысяча восемьсот такого-то года, потом вслед за тем мелкими: я, помещик такой-то, и всё, что следует. В два часа готово было всё. Когда взглянул он потом на эти листики, на мужиков, которые, точно, были когда-то мужиками, работали, пахали, пьянствовали, извозничали, обманывали бар, а может быть, и просто были хорошими мужиками, то какое-то странное, непонятное ему самому чувство овладело им. Каждая из записочек как будто имела какой-то особенный

характер, и чрез то как будто бы самые мужики получали свой собственный характер. Мужики, принадлежавшие Коробочке, все почти были с придатками и прозвищами. Записка Плюшкина отличалась краткостию в слоге: часто были выставлены только начальные слова имен и отчеств, и потом две точки. Реестр Собакевича поражал необыкновенною полнотою и обстоятельностию: ни одно из похвальных качеств мужика не было пропущено: об одном было сказано «хороший столяр», к другому приписано было «смыслит и хмельного не берет». Означено было также обстоятельно, кто отец, и кто мать, и какого оба были поведения; у одного только какого-то Федотова было написано: «отец неизвестно кто, а родился от дворовой девки Капитолины, но хорошего нрава и не вор». Все сии подробности придавали какой-то особенный вид свежести: казалось, как будто мужики еще вчера были живы. Смотря долго на имена их, он умилился духом и, вздохнувши, произнес: «Батюшки мои, сколько вас здесь напичкано! что вы, сердечные мои, поделывали на веку своем? как перебивались?» И глаза его невольно остановились на одной фамилии, это был известный Петр Савельев Неуважай-корыто, принадлежавший когда-то помещице Коробочке. Он опять не утерпел, чтоб не сказать: «Эх какой длинный, во всю строку разъехался! Мастер ли ты был или просто мужик, и какою смертью тебя прибрало? в кабаке ли или середи дороги переехал тебя сонного неуклюжий обоз? Пробка Степан, плотник, трезвости примерной. А! вот он, Степан Пробка, вот тот богатырь, что в гвардию годился бы! Чай, все губернии исходил с топором за поясом и сапогами на плечах, съедал на грош хлеба да на два сушеной рыбы, а в мошне, чай, притаскивал всякой раз домой целковиков по сту, а может, и государственную зашивал в холстяные штаны или затыкал в сапог, — где тебя прибрало? Взмостился ли ты для большого прибытку под церковный купол, а может быть, и на крест потащился и, поскользнувшись оттуда с перекладины, шлепнулся оземь, и только какой-нибудь стоявший возле тебя дядя Михей, почесав рукою в затылке, примолвил: «Эх, Ваня, угораздило тебя!», а сам, подвязавшись веревкой, полез на твое место. Максим Телятников, сапожник. Хе, сапожник! пьян, как сапожник, говорит пословица. Знаю, знаю тебя, голубчик; если хочешь, всю историю твою расскажу: учился

ты у немца, который кормил вас всех вместе, бил по спине ремнем за неаккуратность и не выпускал на улицу повесничать, и был ты чудо, а не сапожник, и не нахвалился тобою немец, гогоря с женой или с камрадом. А как кончилось твое ученье: «А вот теперь я заведусь своим домком», сказал ты, «да не так, как немец, что из копейки тянется, а вдруг разбогатею». И вот, давши барину порядочный оброк, завел ты лавчонку, набрав заказов кучу, и пошел работать. Достал где-то в три-дешева гнилушки кожи и выиграл, точно, вдвое на всяком сапоге, да через недели две перелопались твои сапоги, и выбранили тебя подлейшим образом. И вот лавчонка твоя запустела, и ты пошел попивать да валяться по улицам, приговаривая: «Нет, плохо на свете! Нет житья русскому человеку: всё немцы мешают». Это что за мужик: Елизавета Воробей? Фу ты пропасть: баба! она как сюда затесалась? Подлец Собакевич, и здесь надул!» Чичиков был прав: это была, точно, баба. Как она забралась туда, неизвестно, но так искусно была прописана, что издали можно было принять ее за мужика, и даже имя оканчивалось на букву ъ, то-есть не Елизавета, а Елизаветъ. Однако же он это не принял в уваженье и тут же ее вычеркнул. «Григорий Доезжай-не-доедешь! Ты что был за человек? Извозом ли промышлял и, заведши тройку и рогожную кибитку, отрекся навеки от дому, от родной берлоги, и пошел тащиться с купцами на ярмарку. На дороге ли ты отдал душу богу, или уходили тебя твои же приятели за какую-нибудь толстую и краснощекую солдатку, или пригляделись лесному бродяге ременные твои рукавицы и тройка приземистых, но крепких коньков, или, может быть, и сам, лежа на полатях, думал, думал, да ни с того, ни с другого заворотил в кабак, а потом прямо в прорубь, и поминай, как звали. Эх, русской народец! не любит умирать своею смертью! А вы что, мои голубчики?» продолжал он, переводя глаза на бумажку, где были помечены беглые души Плюшкина: «вы хоть и в живых еще, а что в вас толку! то же, что и мертвые, и где-то носят вас теперь ваши быстрые ноги? Плохо ли вам было у Плюшкина или, просто, по своей охоте гуляете по лесам да дерете проезжих? По тюрьмам ли сидите или пристали к другим господам и пашете землю? Еремей Карякин, Никита Волокита, сын его Антон Волокита — эти, и по прозвищу видно, что хорошие бегуны. Попов, дворовый

человек, должен быть грамотей: ножа, я чай, не взял в руки, а проворовался благородным образом. Но вот уж тебя, беспашпортного, поймал капитан-исправник. Ты стоишь бодро на очной ставке. «Чей ты?» говорит капитан-исправник, ввернувши тебе при сей верной оказии кое-какое крепкое словцо. «Такого-то и такого-то помещика», отвечаешь ты бойко. «Зачем ты здесь?» говорит капитан-исправник. «Отпущен на оброк», отвечаешь ты без запинки. «Где твой пашпорт?» — «У хозяина, мещанина Пименова». — «Позвать Пименова! Ты Пименов?» — «Я Пименов». — «Давал он тебе пашпорт свой?» — «Нет, не давал он мне никакого пашпорта». — «Что ж ты врешь?» говорит капитан-исправник с прибавкою кое-какого крепкого словца. «Так точно», отвечаешь ты бойко: «я не давал ему, потому что пришел домой поздно, а отдал на подержание Антипу Прохорову, звонарю». — «Позвать звонаря! Давал он тебе пашпорт?» — «Нет, не получал я от него пашпорта». — «Что ж ты опять врешь!» говорит капитан-исправник, скрепивши речь кое-каким крепким словцом. «Где ж твой пашпорт?» — «Он у меня был», говоришь ты проворно: «да, статься может, видно, как-нибудь дорогой пообронил его». — «А солдатскую шинель», говорит капитан-исправник, загвоздивши тебе опять в придачу кое-какое крепкое словцо: «зачем стащил? и у священника тоже сундук с медными деньгами?» — «Никак нет», говоришь ты, не сдвинувшись: «в воровском деле никогда еще не оказывался». — «А почему же шинель нашли у тебя?» — «Не могу знать: верно, кто-нибудь другой принес ее». — «Ах, ты, бестия, бестия!» говорит капитан-исправник, покачивая головою и взявшись под бока. «А набейте ему на ноги колодки, да сведите в тюрьму». — «Извольте! я с удовольствием», отвечаешь ты. И вот, вынувши из кармана табакерку, ты потчеваешь дружелюбно каких-то двух инвалидов, набивающих на тебя колодки, и расспрашиваешь их, давно ли они в отставке и в какой войне бывали. И вот ты себе живешь в тюрьме, покамест в суде производится твое дело. И пишет суд: препроводить тебя из Царевококшайска в тюрьму такого-то города, а тот суд пишет опять: препроводить тебя в какой-нибудь Весьегонск, и ты переезжаешь себе из тюрьмы в тюрьму и говоришь, осматривая новое обиталище: «Нет, вот весьегонская тюрьма будет почище: там хоть и в бабки, так есть

место, да и общества больше!» — «Абакум Фыров! ты, брат, что? где, в каких местах шатаешься? Занесло ли тебя на Волгу, и взлюбил ты вольную жизнь, приставши к бурлакам? . .» Тут Чичиков остановился и слегка задумался. Над чем он задумался? Задумался ли он над участью Абакума Фырова или задумался так, сам собою, как задумывается всякой русской, каких бы ни был лет, чина и состояния, когда замыслит об разгуле широкой жизни. И в самом деле, где теперь Фыров? Гуляет шумно и весело на хлебной пристани, порядившись с купцами. Цветы и ленты на шляпе, вся веселится бурлацкая ватага, прощаясь с любовницами и женами, высокими, стройными, в монистах и лентах; хороводы, песни, кипит вся площадь, а носильщики между тем при криках, бранях и понуканьях, зацепляя крючком по девяти пудов себе на спину, с шумом сыплют горох и пшеницу в глубокие суда, валят кули с овсом и крупой, и далече виднеют по всей площади кучи наваленных в пирамиду, как ядра, мешков, и громадно выглядывает весь хлебный арсенал, пока не перегрузится весь в глубокие суда-суряки и не понесется гусем вместе с весенними льдами бесконечный флот. Там-то вы наработаетесь, бурлаки! и дружно, как прежде гуляли и бесились, приметесь за труд и пот, таща лямку под одну бесконечную, как Русь, песню.

«Эхе, хе! двенадцать часов!» сказал наконец Чичиков, взглянув на часы. «Что ж я так закопался? Да еще пусть бы дело делал, а то, ни с того ни с другого, сначала загородил околесину, а потом задумался. Экой я дурак в самом деле!» Сказавши это, он переменил свой шотландский костюм на европейский, стянул покрепче пряжкой свой полный живот, вспрыснул себя одеколоном, взял в руки теплый картуз и с бумагами подмышкой отправился в гражданскую палату совершать купчую. Он спешил не потому, что боялся опоздать, опоздать он не боялся, ибо председатель был человек знакомый и мог продлить и укоротить по его желанию присутствие, подобно древнему Зевесу Гомера, длившему дни и насылавшему быстрые ночи, когда нужно было прекратить брань любезных ему героев или дать им средство додраться; но он сам в себе чувствовал желание скорее как можно привести дела к концу; до тех пор ему казалось всё неспокойно и неловко; все-таки приходила мысль: что души не

совсем настоящие и что в подобных случаях такую обузу всегда нужно поскорее с плеч. Не успел он выйти на улицу, размышляя обо всем этом и в то же время таща на плечах медведя, крытого коричневым сукном, как на самом повороте в переулок столкнулся с господином тоже в медведях, крытых коричневым сукном, и в теплом картузе с ушами. Господин вскрикнул, это был Манилов. Они заключили тут же друг друга в объятия и минут пять оставались на улице в таком положении. Поцелуи с обеих сторон так были сильны, что у обоих весь день почти болели передние зубы. У Манилова от радости остались только нос да губы на лице, глаза совершенно исчезли. С четверть часа держал он обеими руками руку Чичикова и нагрел ее страшно. В оборотах самых тонких и приятных он рассказал, как летел обнять Павла Ивановича; речь была заключена таким комплиментом, какой разве только приличен одной девице, с которой идут танцовать. Чичиков открыл рот, еще не зная сам, как благодарить, как вдруг Манилов вынул из-под шубы бумагу, свернутую в трубочку и связанную розовою ленточкой, и подал очень ловко двумя пальцами.

«Это что?»

«Мужички».

«А!» Он тут же развернул ее, пробежал глазами и подивился чистоте и красоте почерка: «Славно написано», сказал он: «не нужно и переписывать. Еще и каемка вокруг! кто это так искусно сделал каемку?»

«Ну, уж не спрашивайте», сказал Манилов.

«Вы?»

«Жена».

«Ах боже мой! мне, право, совестно, что нанес столько затруднений».

«Для Павла Ивановича не существует затруднений».

Чичиков поклонился с признательностью. Узнавши, что он шел в палату за совершением купчей, Манилов изъявил готовность ему сопутствовать. Приятели взялись под руку и пошли вместе. При всяком небольшом возвышении, или горке, или ступеньке Манилов поддерживал Чичикова и почти приподнимал его рукою, присовокупляя с приятною улыбкою, что он не допустит никак Павла Ивановича зашибить свои ножки. Чичиков совестился, не зная, как благодарить, ибо чувствовал, что несколько

был тяжеленек. В подобных взаимных услугах они дошли наконец до площади, где находились присутственные места; большой трехэтажный каменный дом, весь белый, как мел, вероятно для изображения чистоты душ помещавшихся в нем должностей; прочие здания на площади не отвечали огромностию каменному дому. Это были: караульная будка, у которой стоял солдат с ружьем, две-три извозчичьи биржи и наконец длинные заборы с известными заборными надписями и рисунками, нацарапанными углем и мелом; более не находилось ничего на сей уединенной, или, как у нас выражаются, красивой площади. Из окон второго и третьего этажа иногда высовывались неподкупные головы жрецов Фемиды и в ту ж минуту прятались опять: вероятно, в то время входил в комнату начальник. Приятели не взошли, а взбежали по лестнице, потому что Чичиков, стараясь избегнуть поддерживанья под руки со стороны Манилова, ускорял шаг, а Манилов тоже, с своей стороны, летел вперед, стараясь не позволить Чичикову устать, и потому оба запыхались весьма сильно, когда вступили в темный коридор. Ни в коридорах, ни в комнатах взор их не был поражен чистотою. Тогда еще не заботились о ней; и то, что было грязно, так и оставалось грязным, не принимая привлекательной наружности. Фемида просто, какова есть, в неглиже и халате принимала гостей. Следовало бы описать канцелярские комнаты, которыми проходили наши герои, но автор питает сильную робость ко всем присутственным местам. Если и случалось ему проходить их даже в блистательном и облагороженном виде, с лакированными полами и столами, он старался пробежать как можно скорее, смиренно опустив и потупив глаза в землю, а потому совершенно не знает, как там всё благоденствует и процветает. Герои наши видели много бумаги и черновой и белой, наклонившиеся головы, широкие затылки, фраки, сертуки губернского покроя и даже просто какую-то светлосерую куртку, отделившуюся весьма резко, которая, своротив голову набок и положив ее почти на самую бумагу, выписывала бойко и замашисто какой-нибудь протокол об оттяганьи земли или описке имения, захваченного каким-нибудь мирным помещиком, покойно доживающим век свой под судом, нажившим себе и детей и внуков под его покровом, да слышались урывками короткие выражения, произносимые хриплым голосом: «Одолжите, Федосей

Федосеевич, дельцо за № 368!» «Вы всегда куда-нибудь затаскаете пробку с казенной чернильницы!» Иногда голос более величавый, без сомнения одного из начальников, раздавался повелительно: «На, перепиши! а не то снимут сапоги и просидишь ты у меня шесть суток не евши». Шум от перьев был большой и походил на то, как будто бы несколько телег с хворостом проезжали лес, заваленный на четверть аршина иссохшими листьями.

Чичиков и Манилов подошли к первому столу, где сидели два чиновника еще юных лет, и спросили: «Позвольте узнать, где здесь дела по крепостям?»

«А что вам нужно?» сказали оба чиновника, оборотившись.

«А мне нужно подать просьбу».

«А вы что купили такое?»

«Я бы хотел прежде знать, где крепостной стол, здесь или в другом месте?»

«Да скажите прежде, что купили и в какую цену, так мы вам тогда и скажем где, а так нельзя знать».

Чичиков тотчас увидел, что чиновники были просто любопытны, подобно всем молодым чиновникам, и хотели придать более весу и значения себе и своим занятиям.

«Послушайте, любезные», сказал он: «я очень хорошо знаю, что все дела по крепостям, в какую бы ни было цену, находятся в одном месте, а потому прошу вас показать нам стол, а если вы не знаете, что у вас делается, так мы спросим у других». Чиновники на это ничего не отвечали, один из них только тыкнул пальцем в угол комнаты, где сидел за столом какой-то старик, перемечавший какие-то бумаги. Чичиков и Манилов прошли промеж столами прямо к нему. Старик занимался очень внимательно.

«Позвольте узнать», сказал Чичиков с поклоном: «здесь дела по крепостям?»

Старик поднял глаза и произнес с расстановкою: «Здесь нет дел по крепостям».

«А где же?»

«Это в крепостной экспедиции».

«А где же крепостная экспедиция?»

«Это у Ивана Антоновича».

«А где же Иван Антонович?»

Старик тыкнул пальцем в другой угол комнаты. Чичиков и

Манилов отправились к Ивану Антоновичу. Иван Антонович уже запустил один глаз назад и оглянул их искоса, но в ту же минуту погрузился еще внимательнее в писание.

«Позвольте узнать», сказал Чичиков с поклоном: «здесь крепостной стол?»

Иван Антонович как будто бы и не слыхал и углубился совершенно в бумаги, не отвечая ничего. Видно было вдруг, что это был уже человек благоразумных лет, не то что молодой болтун и вертопляс. Иван Антонович, казалось, имел уже далеко за сорок лет; волос на нем был черный, густой; вся середина лица выступала у него вперед и пошла в нос, словом, это было то лицо, которое называют в общежитьи кувшинным рылом.

«Позвольте узнать, здесь крепостная экспедиция?» сказал Чичиков.

«Здесь», сказал Иван Антонович, поворотил свое кувшинное рыло и приложился опять писать.

«А у меня дело вот какое: куплены мною у разных владельцев здешнего уезда крестьяне на вывод: купчая есть, остается совершить».

«А продавцы налицо?»

«Некоторые здесь, а от других доверенность».

«А просьбу принесли?»

«Принес и просьбу. Я бы хотел... мне нужно поторопиться... так нельзя ли, например, кончить дело сегодня?»

«Да, сегодня! сегодня нельзя», сказал Иван Антонович. «Нужно навести еще справки, нет ли еще запрещений».

«Впрочем, что до того, чтоб ускорить дело, так Иван Григорьевич, председатель, мне большой друг...»

«Да ведь Иван Григорьевич не один; бывают и другие», сказал сурово Иван Антонович.

Чичиков понял заковыку, которую завернул Иван Антонович, и сказал: «Другие тоже не будут в обиде, я сам служил, дело знаю...»

«Идите к Ивану Григорьевичу», сказал Иван Антонович голосом несколько поласковее: «пусть он даст приказ, кому следует, а за нами дело не постоит».

Чичиков, вынув из кармана бумажку, положил ее перед Иваном Антоновичем, которую тот совершенно не заметил и накрыл

тотчас ее книгою. Чичиков хотел было указать ему ее, но Иван Антонович движением головы дал знать, что не нужно показывать.

«Вот, он вас проведет в присутствие!» сказал Иван Антонович, кивнув головою, и один из священнодействующих, тут же находившихся, приносивший с таким усердием жертвы Фемиде, что оба рукава лопнули на локтях и давно лезла оттуда подкладка, за что и получил в свое время коллежского регистратора, прислужился нашим приятелям, как некогда Виргилий прислужился Данту, и провел их в комнату присутствия, где стояли одни только широкие кресла, и в них перед столом за зерцалом и двумя толстыми книгами сидел один, как солнце, председатель. В этом месте новый Виргилий почувствовал такое благоговение, что никак не осмелился занести туда ногу и поворотил назад, показав свою спину, вытертую как рогожка, с прилипнувшим где-то куриным пером. Вошедши в залу присутствия, они увидели, что председатель был не один, подле него сидел Собакевич, совершенно заслоненный зерцалом. Приход гостей произвел восклицание, правительственные кресла были отодвинуты с шумом. Собакевич тоже привстал со стула и стал виден со всех сторон с длинными своими рукавами. Председатель принял Чичикова в объятия, и комната присутствия огласилась поцелуями; спросили друг друга о здоровье; оказалось, что у обоих побаливает поясница, что тут же было отнесено к сидячей жизни. Председатель, казалось, уже был уведомлен Собакевичем о покупке, потому что принялся поздравлять, что сначала несколько было смешало нашего героя, особливо когда он увидел, что и Собакевич и Манилов, оба продавцы, с которыми дело было улажено келейно, теперь стояли вместе лицом друг к другу. Однако же он поблагодарил председателя и, обратившись тут же к Собакевичу, спросил:

«А ваше как здоровье?»

«Слава богу, не пожалуюсь», сказал Собакевич. И точно, не на что было жаловаться: скорее железо могло простудиться и кашлять, чем этот на диво сформованный помещик.

«Да вы всегда славились здоровьем», сказал председатель: «и покойный ваш батюшка был также крепкий человек».

«Да, на медведя один хаживал», отвечал Собакевич.

«Мне кажется, однако ж», сказал председатель: «вы бы тоже повалили медведя, если бы захотели выйти против него».

«Нет, не повалю», отвечал Собакевич: «покойник был меня покрепче». И, вздохнувши, продолжал: «Нет, теперь не те люди; вот хоть и моя жизнь, что за жизнь? так как-то себе...»

«Чем же ваша жизнь не красна?» сказал председатель.

«Нехорошо, нехорошо», сказал Собакевич, покачав головою. «Вы посудите, Иван Григорьевич: пятый десяток живу, ни разу не был болен; хоть бы горло заболело, веред или чирей выскочил... Нет, не к добру! когда-нибудь придется поплатиться за это». Тут Собакевич погрузился в меланхолию.

«Эк его!» подумали в одно время и Чичиков и председатель: «на что вздумал пенять!»

«К вам у меня есть письмецо», сказал Чичиков, вынув из кармана письмо Плюшкина.

«От кого?» сказал председатель и, распечатавши, воскликнул: «А! от Плюшкина. Он еще до сих пор прозябает на свете. Вот судьба! Ведь какой был умнейший, богатейший человек! А теперь...»

«Собака», сказал Собакевич: «мошенник, всех людей переморил голодом».

«Извольте, извольте», сказал председатель, прочитав письмо: «я готов быть поверенным. Когда вы хотите совершить купчую, теперь или после?»

«Теперь», сказал Чичиков: «я буду просить даже вас, если можно, сегодня; потому что мне завтра хотелось бы выехать из города: я принес и крепости и просьбу».

«Всё это хорошо, только уж как хотите, мы вас не выпустим так рано. Крепости будут совершены сегодня, а вы всё-таки с нами поживите. Вот я сейчас отдам приказ», сказал он и отворил дверь в канцелярскую комнату, всю наполненную чиновниками, которые уподобились трудолюбивым пчелам, рассыпавшимся по сотам, если только соты можно уподобить канцелярским делам. «Иван Антонович здесь?»

«Здесь», отозвался голос извнутри.

«Позовите его сюда!»

Уже известный читателям Иван Антонович кувшинное рыло показался в зале присутствия и почтительно поклонился.

«Вот возьмите, Иван Антонович, все эти крепости. . .»

«Да не позабудьте, Иван Григорьевич», подхватил Собакевич: «нужно будет свидетелей, хотя по два с каждой стороны. Пошлите теперь же к прокурору, он человек праздный и, верно, сидит дома: за него всё делает стряпчий Золотуха, первейший хапуга в мире. Инспектор врачебной управы, он также человек праздный и, верно, дома, если не поехал куда-нибудь играть в карты; да еще тут много есть, кто поближе: Трухачевский, Бегушкин — они все даром бременят землю!»

«Именно, именно!» сказал председатель и тот же час отрядил за ними всеми канцелярского.

«Еще я попрошу вас», сказал Чичиков: «пошлите за поверенным одной помещицы, с которой я тоже совершил сделку, — сыном протопопа отца Кирила; он служит у вас же».

«Как же, пошлем и за ним!» сказал председатель. «Всё будет сделано, а чиновным вы никому не давайте ничего, об этом я вас прошу. Приятели мои не должны платить». Сказавши это, он тут же дал какое-то приказанье Ивану Антоновичу, как видно, ему не понравившееся. Крепости произвели, кажется, хорошее действие на председателя, особливо когда он увидел, что всех покупок было почти на сто тысяч рублей. Несколько минут он смотрел в глаза Чичикову с выраженьем большого удовольствия и наконец сказал: «Так вот как! Этаким-то образом, Павел Иванович! так вот вы приобрели».

«Приобрел», отвечал Чичиков.

«Благое дело! Право, благое дело!»

«Да я вижу сам, что более благого дела не мог бы предпринять. Как бы то ни было, цель человека всё еще не определена, если он не стал наконец твердой стопою на прочное основание, а не на какую-нибудь вольнодумную химеру юности». Тут он весьма кстати выбранил за либерализм, и поделом, всех молодых людей. Но замечательно, что в словах его была всё какая-то нетвердость, как будто бы тут же сказал он сам себе: «Эх, брат, врешь ты, да еще и сильно!» Он даже не взглянул на Собакевича и Манилова, из боязни встретить что-нибудь на их лицах. Но напрасно боялся он: лицо Собакевича не шевельнулось, а Манилов, обвороженный фразою, от удовольствия только потряхивал одобрительно головою, погрузясь в такое положение, в каком

находится любитель музыки, когда певица перещеголяла самую скрыпку и пискнула такую тонкую ноту, какая не в мочь и птичьему горлу.

«Да что ж вы не скажете Ивану Григорьевичу», отозвался Собакевич: «что̀ такое именно вы приобрели; а вы, Иван Григорьевич, что вы не спросите, какое приобретение они сделали? Ведь какой народ! просто золото. Ведь я им продал и каретника Михеева».

«Нет, будто и Михеева продали?» сказал председатель. «Я знаю каретника Михеева: славный мастер; он мне дрожки переделал. Только позвольте, как же... Ведь вы мне сказывали, что он умер...»

«Кто, Михеев умер?» сказал Собакевич, ничуть не смешавшись. «Это его брат умер, а он преживехонькой и стал здоровее прежнего. На-днях такую бричку наладил, что и в Москве не сделать. Ему по-настоящему только на одного государя и работать».

«Да, Михеев славный мастер», сказал председатель: «и я дивлюсь даже, как вы могли с ним расстаться».

«Да будто один Михеев! А Пробка Степан, плотник, Милушкин, кирпичник, Телятников Максим, сапожник, — ведь все пошли, всех продал!» А когда председатель спросил, зачем же они пошли, будучи людьми необходимыми для дому и мастеровыми, Собакевич отвечал, махнувши рукой: «А! так просто нашла дурь: дай, говорю, продам, да и продал сдуру!» Засим он повесил голову так, как будто сам раскаивался в этом деле, и прибавил: «Вот и седой человек, а до сих пор не набрался ума».

«Но позвольте, Павел Иванович», сказал председатель: «как же вы покупаете крестьян, без земли? разве на вывод?»

«На вывод».

«Ну, на вывод другое дело. А в какие места?»

«В места... в Херсонскую губернию».

«О, там отличные земли, не заселено только», сказал председатель и отозвался с большою похвалою насчет рослости тамошних трав. «А земли в достаточном количестве?»

«В достаточно̀м, столько, сколько нужно для купленных крестьян».

«Река или пруд?»

«Река. Впрочем, и пруд есть». Сказав это, Чичиков взглянул ненароком на Собакевича, и хотя Собакевич был попрежнему неподвижен, но ему казалось, будто бы было написано на лице его: «Ой, врешь ты! вряд ли есть река и пруд, да и вся земля!»

Пока продолжались разговоры, начали мало-помалу появляться свидетели: знакомый читателю прокурор-моргун, инспектор врачебной управы, Трухачевский, Бегушкин и прочие, по словам Собакевича, даром бременящие землю. Многие из них были совсем незнакомы Чичикову: недостававшие и лишние набраны были тут же из палатских чиновников. Привели также не только сына протопопа отца Кирила, но даже и самого протопопа. Каждый из свидетелей поместил себя со всеми своими достоинствами и чинами, кто оборотным шрифтом, кто косяками, кто, просто, чуть не вверх ногами, помещая такие буквы, каких даже и не видано было в русском алфавите. Известный Иван Антонович управился весьма проворно, крепости были записаны, помечены, занесены в книгу и куда следует, с принятием полупроцентовых и за припечатку в Ведомостях, и Чичикову пришлось заплатить самую малость. Даже председатель дал приказание из пошлинных денег взять с него только половину, а другая неизвестно каким образом отнесена была на счет какого-то другого просителя.

«Итак», сказал председатель, когда всё было кончено: «остается теперь только вспрыснуть покупочку».

«Я готов», сказал Чичиков. «От вас зависит только назначить время. Был бы грех с моей стороны, если бы для эдакого приятного общества да не раскупорить другую-третью бутылочку шипучего».

«Нет, вы не так приняли дело: шипучего мы сами поставим», сказал председатель: «это наша обязанность, наш долг. Вы у нас гость: нам должно угощать. Знаете ли что, господа! Покамест что, а мы вот как сделаем: отправимтесь-ка все, так, как есть, к полицеймейстеру; он у нас чудотворец: ему стоит только мигнуть, проходя мимо рыбного ряда или погреба, так мы, знаете ли, как закусим! да при этой оказии и в вистишку».

От такого предложения никто не мог отказаться. Свидетели уже при одном наименовании рыбного ряда почувствовали аппетит; взялись все тот же час за картузы и шапки, и присутствие

кончилось. Когда проходили они канцелярию, Иван Антонович кувшинное рыло, учтиво поклонившись, сказал потихоньку Чичикову: «Крестьян накупили на сто тысяч, а за труды дали только одну беленькую».

«Да ведь какие крестьяне», отвечал ему на это тоже шопотом Чичиков: «препустой и преничтожный народ, и половины не стоит». Иван Антонович понял, что посетитель был характера твердого и больше не даст.

«А почем купили душу у Плюшкина?» шепнул ему на другое ухо Собакевич.

«А Воробья зачем приписали?» сказал ему в ответ на это Чичиков.

«Какого Воробья?» сказал Собакевич.

«Да бабу, Елисавету Воробья, еще и букву ъ поставили на конце».

«Нет, никакого Воробья я не приписывал», сказал Собакевич и отошел к другим гостям.

Гости добрались наконец гурьбой к дому полицеймейстера. Полицеймейстер, точно, был чудотворец: как только услышал он, в чем дело, в ту ж минуту кликнул квартального, бойкого малого в лакированных ботфортах, и, кажется, всего два слова шепнул ему на ухо, да прибавил только: «понимаешь!», а уж там в другой комнате, в продолжение того времени, как гости резалися в вист, появилась на столе белуга, осетры, семга, икра паюсная, икра свежепросольная, селедки, севрюжки, сыры, копченые языки и балыки, это всё было со стороны рыбного ряда. Потом появились прибавления с хозяйской стороны, изделия кухни: пирог с головизною, куда вошли хрящ и щеки 9-пудового осетра, другой пирог с груздями, пряженцы, маслянцы, взваренцы. Полицеймейстер был некоторым образом отец и благотворитель в городе. Он был среди граждан совершенно как в родной семье, а в лавки и в гостиный двор наведывался, как в собственную кладовую. Вообще он сидел, как говорится, на своем месте и должность свою постигнул в совершенстве. Трудно было даже и решить, он ли был создан для места или место для него. Дело было так поведено умно, что он получал вдвое больше доходов противу всех своих предшественников, а между тем заслужил любовь всего города. Купцы первые его очень любили, именно за то, что не

горд; и точно, он крестил у них детей, кумился с ними и хоть драл подчас с них сильно, но как-то чрезвычайно ловко: и по плечу потреплет, и засмеется, и чаем напоит, пообещается и сам притти поиграть в шашки, расспросит обо всем: как делишки, что и как. Если узнает, что детёныш как-нибудь прихворнул, и лекарство присоветует; словом, молодец! Поедет на дрожках, даст порядок, а между тем и словцо промолвит тому-другому: «Что, Михеич! нужно бы нам с тобою доиграть когда-нибудь в горку». «Да, Алексей Иванович», отвечал тот, снимая шапку: «нужно бы». «Ну, брат, Илья Парамоныч, приходи ко мне поглядеть рысака: в обгон с твоим пойдет, да и своего заложи в беговые; попробуем». Купец, который на рысаке был помешан, улыбался на это с особенною, как говорится, охотою и, поглаживая бороду, говорил: «Попробуем, Алексей Иванович!» Даже все сидельцы, обыкновенно в это время снявши шапки, с удовольствием посматривали друг на друга и как будто бы хотели сказать: «Алексей Иванович хороший человек!» Словом, он успел приобресть совершенную народность, и мнение купцов было такое, что Алексей Иванович «хоть оно и возьмет, но зато уж никак тебя не выдаст».

Заметив, что закуска была готова, полицеймейстер предложил гостям окончить вист после завтрака, и все пошли в ту комнату, откуда несшийся запах давно начинал приятным образом щекотать ноздри гостей и куда уже Собакевич давно заглядывал в дверь, наметив издали осетра, лежавшего в сторонке на большом блюде. Гости, выпивши по рюмке водки темного, оливкового цвета, какой бывает только на сибирских прозрачных камнях, из которых режут на Руси печати, приступили со всех сторон с вилками к столу и стали обнаруживать, как говорится, каждый свой характер и склонности, налегая кто на икру, кто на семгу, кто на сыр. Собакевич, оставив без всякого внимания все эти мелочи, пристроился к осетру, и покамест те пили, разговаривали и ели, он в четверть часа с небольшим доехал его всего, так что, когда полицеймейстер вспомнил было о нем и, сказавши: «А каково вам, господа, покажется вот это произведенье природы?», подошел было к нему с вилкою вместе с другими, то увидел, что от произведенья природы оставался всего один хвост; а Собакевич пришипился так, как будто и не он, и, подошедши к тарелке, ко-

торая была подальше прочих, тыкал вилкою в какую-то сушеную маленькую рыбку. Отделавши осетра, Собакевич сел в кресла и уж более не ел, не пил, а только жмурил и хлопал глазами. Полицеймейстер, кажется, не любил жалеть вина; тостам не было числа. Первый тост был выпит, как читатели, может быть, и сами догадаются, за здоровье нового херсонского помещика, потом за благоденствие крестьян его и счастливое их переселение, потом за здоровье будущей жены его, красавицы, что сорвало приятную улыбку с уст нашего героя. Приступили к нему со всех сторон и стали упрашивать убедительно остаться хоть на две недели в городе: «Нет, Павел Иванович! как вы себе хотите, это выходит, избу только выхолаживать: на порог, да и назад! нет, вы проведите время с нами! Вот мы вас женим: не правда ли, Иван Григорьевич, женим его?»

«Женим, женим!» подхватил председатель. «Уж как ни упирайтесь руками и ногами, мы вас женим! Нет, батюшка, попали сюда, так не жалуйтесь. Мы шутить не любим».

«Что ж? зачем упираться руками и ногами», сказал, усмехнувшись, Чичиков: «женитьба еще не такая вещь, чтобы того, была бы невеста».

«Будет и невеста, как не быть? всё будет, всё, что хотите! . .»

«А коли будет. . .»

«Браво, остается!» закричали все: «Виват, ура, Павел Иванович! ура!» И все подошли к нему чокаться с бокалами в руках. Чичиков перечокался со всеми. «Нет, нет, еще!» говорили те, которые были позадорнее, и вновь перечокались; потом полезли в третий раз чокаться, перечокались и в третий раз. В непродолжительное время всем сделалось весело необыкновенно. Председатель, который был премилый человек, когда развеселялся, обнимал несколько раз Чичикова, произнеся в излиянии сердечном: «Душа ты моя! маменька моя!», и даже, щелкнув пальцами, пошел приплясывать вокруг него, припевая известную песню: «Ах ты такой и эдакой камаринский мужик». После шампанского раскупорили венгерское, которое придало еще более духу и развеселило общество. Об висте решительно позабыли; спорили, кричали, говорили обо всем, об политике, об военном даже деле, излагали вольные мысли, за которые в другое время сами бы высекли своих детей. Решили тут же множество самых затруднительных

вопросов. Чичиков никогда не чувствовал себя в таком веселом расположении, воображал себя уже настоящим херсонским помещиком, говорил об разных улучшениях: о трехпольном хозяйстве, о счастии и блаженстве двух душ, и стал читать Собакевичу послание в стихах Вертера к Шарлотте, на которое тот хлопал только глазами, сидя в креслах, ибо после осетра чувствовал большой позыв ко сну. Чичиков смекнул и сам, что начал уже слишком развязываться, попросил экипажа и воспользовался прокурорскими дрожками. Прокурорский кучер, как оказалось в дороге, был малый опытный, потому что правил одной только рукой, а другую засунув назад, придерживал ею барина. Таким образом уже на прокурорских дрожках доехал он к себе в гостиницу, где долго еще у него вертелся на языке всякой вздор: белокурая невеста с румянцем и ямочкой на правой щеке, херсонские деревни, капиталы. Селифану даже были даны кое-какие хозяйственные приказания собрать всех вновь переселившихся мужиков, чтобы сделать всем лично поголовную перекличку. Селифан молча слушал очень долго и потом вышел из комнаты, сказавши Петрушке: «Ступай раздевать барина!» Петрушка принялся снимать с него сапоги и чуть не стащил вместе с ними на пол и самого барина. Но наконец сапоги были сняты, барин разделся как следует и, поворочавшись несколько времени на постеле, которая скрипела немилосердно, заснул решительно херсонским помещиком. А Петрушка между тем вынес на коридор панталоны и фрак брусничного цвета с искрой, который, растопыривши на деревянную вешалку, начал бить хлыстом и щеткой, напустивши пыли на весь коридор. Готовясь уже снять их, он взглянул с галлереи вниз и увидел Селифана, возвращавшегося из конюшни. Они встретились взглядами и чутьем поняли друг друга: барин-де завалился спать, можно и заглянуть кое-куда. Тот же час, отнесши в комнату фрак и панталоны, Петрушка сошел вниз, и оба пошли вместе, не говоря друг другу ничего о цели путешествия и балагуря дорогою совершенно о постороннем. Прогулку сделали они недалекую: именно перешли только на другую сторону улицы, к дому, бывшему насупротив гостиницы, и вошли в низенькую, стеклянную, закоптившуюся дверь, приводившую почти в подвал, где уже сидело за деревянными столами много всяких: и бривших, и не бривших бороды, и в на-

гольных тулупах, и просто в рубахе, а кое-кто и во фризовой шинели. Что делали там Петрушка с Селифаном, бог их ведает. но вышли они оттуда через час, взявшись за руки, сохраняя совершенное молчание, оказывая друг другу большое внимание и предостерегая взаимно от всяких углов. Рука в руку, не выпуская друг друга, они целые четверть часа взбирались на лестницу, наконец одолели ее и взошли. Петрушка остановился с минуту перед низенькою своею кроватью, придумывая, как бы лечь приличнее, и лег совершенно поперек, так что ноги его упирались в пол. Селифан лег и сам на той же кровати, поместив голову у Петрушки на брюхе и позабыв о том, что ему следовало спать вовсе не здесь, а может быть, в людской, если не в конюшне близ лошадей. Оба заснули в ту же минуту, поднявши храп неслыханной густоты, на который барин из другой комнаты отвечал тонким, носовым свистом. Скоро вслед за ними всё угомонилось, и гостиница объялась непробудным сном; только в одном окошечке виден еще был свет, где жил какой-то приехавший из Рязани поручик, большой, повидимому, охотник до сапогов, потому что заказал уже четыре пары и беспрестанно примеривал пятую. Несколько раз подходил он к постели с тем, чтобы их скинуть и лечь, но никак не мог: сапоги, точно, были хорошо сшиты, и долго еще поднимал он ногу и обсматривал бойко и на диво стачанный каблук.

ГЛАВА VIII

Покупки Чичикова сделались предметом разговоров в городе. Пошли толки, мнения, рассуждения о том, выгодно ли покупать на вывод крестьян. Из прений многие отзывались совершенным познанием предмета. «Конечно, — говорили иные, — это так, против этого и спору нет: земли в южных губерниях, точно, хороши и плодородны; но каково будет крестьянам Чичикова без воды? реки ведь нет никакой». — «Это бы еще ничего, что нет воды, это бы ничего, Степан Дмитриевич; но переселение-то ненадежная вещь. Дело известное, что мужик: на новой земле, да заняться еще хлебопашеством, да ничего у него нет, ни избы, ни двора, убежит, как дважды два, навострит так лыжи, что и следа не отыщешь». — «Нет, Алексей Иванович, позвольте, позвольте, я не согласен с тем, что вы говорите, что мужик Чичикова убежит. Русской человек способен ко всему и привыкает во всякому климату. Пошли его хоть в Камчатку да дай только теплые рукавицы, он похлопает руками, топор в руки, и пошел рубить себе новую избу». — «Но, Иван Григорьевич, ты упустил из виду важное дело: ты не спросил, каков еще мужик у Чичикова. Позабыл ты, что ведь хорошего человека не продаст помещик; я готов голову положить, если мужик Чичикова не вор и не пьяница в последней степени, праздношатайка и буйного поведения». — «Так, так, на это я согласен, это правда, никто не продаст хороших людей, и мужики Чичикова пьяницы; но нужно принять во внимание, что вот тут-то и есть мораль, тут-то и заключена

мораль: они теперь негодяи, а, переселившись на новую землю, вдруг могут сделаться отличными подданными. Уж было не мало таких примеров: просто в мире, да и по истории тоже». — «Никогда, никогда», говорил управляющий казенными фабриками: «поверьте, никогда это не может быть. Ибо у крестьян Чичикова будут теперь два сильные врага. Первый враг есть близость губерний малороссийских, где, как известно, свободная продажа вина. Я вас уверяю: в две недели они изопьются и будут стельки. Другой враг есть уже самая привычка к бродяжнической жизни, которая необходимо приобретется крестьянами во время переселения. Нужно разве, чтобы они вечно были пред глазами Чичикова и чтоб он держал их в ежовых рукавицах, гонял бы их за всякий вздор, да и не то чтобы полагаясь на другого, а чтобы сам-таки лично, где следует, дал бы и зуботычину и подзатыльника». — «Зачем же Чичикову возиться самому и давать подзатыльники? Он может найти и управителя». — «Да, найдете управителя: все мошенники!» — «Мошенники потому, что господа не занимаются делом». — «Это правда», подхватили многие. «Знай господин сам хотя сколько-нибудь толку в хозяйстве да умей различать людей, у него будет всегда хороший управитель». Но управляющий сказал, что меньше, как за 5000, нельзя найти хорошего управителя. Но председатель сказал, что можно и за 3000 сыскать. Но управляющий сказал: «Где же вы его сыщете? разве у себя в носу?» Но председатель сказал: «Нет, не в носу, а в здешнем же уезде, именно: Петр Петрович Самойлов: вот управитель, какой нужен для мужиков Чичикова!» Многие сильно входили в положение Чичикова, и трудность переселения такого огромного количества крестьян их чрезвычайно устрашала; стали сильно опасаться, чтобы не произошло даже бунта между таким беспокойным народом, каковы крестьяне Чичикова. На это полицеймейстер заметил, что бунта нечего опасаться, что в отвращение его существует власть капитан-исправника, что капитан-исправник, хоть сам и не езди, а пошли только на место себя один картуз свой, то один этот картуз погонит крестьян до самого места их жительства. Многие предложили свои мнения насчет того, как искоренить буйный дух, обуревавший крестьян Чичикова. Мнения были всякого рода: были такие, которые уже чересчур отзывались военною жестокостью и

строгостию, едва ли не излишнею; были, однако же, и такие, которые дышали кротостию. Почтмейстер заметил, что Чичикову предстоит священная обязанность, что он может сделаться среди своих крестьян некоторого рода отцом, по его выражению; ввести даже благодетельное просвещение, и при этом случае отозвался с большою похвалою об Ланкастеровой школе взаимного обученья.

Таким образом рассуждали и говорили в городе, и многие, побуждаемые участием, сообщали даже Чичикову лично некоторые из сих советов, предлагали даже конвой для безопасного препровожденья крестьян до места жительства. За советы Чичиков благодарил, говоря, что при случае не преминет ими воспользоваться, а от конвоя отказался решительно, говоря, что он совершенно не нужен, что купленные им крестьяне отменно смирного характера, чувствуют сами добровольное расположение к переселению и что бунта ни в каком случае между ними быть не может.

Все эти толки и рассуждения произвели, однако ж, самые благоприятные следствия, каких только мог ожидать Чичиков. Именно пронесли слухи, что он ни более ни менее как миллионщик. Жители города и без того, как уже мы видели в первой главе, душевно полюбили Чичикова, а теперь, после таких слухов, полюбили еще душевнее. Впрочем, если сказать правду, они всё были народ добрый, жили между собою в ладу, обращались совершенно по-приятельски, и беседы их носили печать какого-то особенного простодушия и короткости: «Любезный друг, Илья Ильич! Послушай, брат Антипатор Захарьевич!» «Ты заврался, мамочка, Иван Григорьевич». К почтмейстеру, которого звали Иван Андреевич, всегда прибавляли: шпрехен зи дейч, Иван Андрейч? Словом, всё было очень семейственно. Многие были не без образования: председатель палаты знал наизусть «Людмилу» Жуковского, которая еще была тогда непростывшею новостию, и мастерски читал многие места, особенно: «Бор заснул, долина спит» и слово: «чу!» так, что в самом деле виделось, как будто долина спит; для большего сходства, он даже в это время зажмуривал глаза. Почтмейстер вдался более в философию и читал весьма прилежно, даже по ночам, Юнговы «Ночи» и «Ключ к таинствам натуры» Эккартс-

гаузена, из которых делал весьма длинные выписки по целым листам, и в чем состояли эти выписки и какого рода они были, это никому не было известно. Впрочем, он был остряк, цветист в словах и любил, как сам выражался, уснастить речь. А уснащивал он речь множеством разных частиц, как-то: «судырь ты мой, эдакой какой-нибудь, знаете, понимаете, можете себе представить, относительно, так сказать, некоторым образом», и прочими, которые сыпал он мешками; уснащивал он речь тоже довольно удачно подмаргиванием, прищуриванием одного глаза, что всё придавало весьма едкое выражение многим его сатирическим намекам. Прочие тоже были, более или менее, люди просвещенные: кто читал Карамзина, кто «Московские Ведомости», кто даже и совсем ничего не читал. Кто был то, что называют тюрюк, то-есть человек, которого нужно было подымать пинком на что-нибудь; кто был просто байбак, лежавший, как говорится, весь век на боку, которого даже напрасно было подымать: не встанет ни в каком случае. Насчет благовидности, уже известно, все они были люди надежные, чахоточного между ними никого не было. Все были такого рода, которым жены в нежных разговорах, происходящих в уединении, давали названия: кубышки, толстунчика, пузантика, чернушки, кики, жужу и проч. Но вообще они были народ добрый, полны гостеприимства, и человек, вкусивший с ними хлеба-соли или просидевший вечер за вистом, уже становился чем-то близким, тем более Чичиков с своими обворожительными качествами и приемами, знавший в самом деле великую тайну нравиться. Они так полюбили его, что он не видел средств, как вырваться из города; только и слышал он: «Ну, недельку, еще одну недельку поживите с нами, Павел Иванович!» — словом, он был носим, как говорится, на руках. Но несравненно замечательнее было впечатление (совершенный предмет изумления!), которое произвел Чичиков на дам. Чтоб это сколько-нибудь изъяснить, следовало бы сказать многое о самих дамах, об их обществе, описать, как говорится, живыми красками их душевные качества; но для автора это очень трудно. С одной стороны, останавливает его неограниченное почтение к супругам сановников, а с другой стороны... с другой стороны, просто трудно. Дамы города N. были... нет, никаким образом не могу; чувствуется точно робость. В дамах

города N. больше всего замечательно было то... Даже странно, совсем не подымается перо, точно будто свинец какой-нибудь сидит в нем. Так и быть: о характерах их, видно, нужно предоставить сказать тому, у которого поживее краски и побольше их на палитре, а нам придется разве слова два о наружности да о том, что поповерхностней. Дамы города N. были то, что называют, презентабельны, и в этом отношении их можно было смело поставить в пример всем другим. Что до того, как вести себя, соблюсти тон, поддержать этикет, множество приличий самых тонких, и особенно наблюсти моду в самых последних мелочах, то в этом они опередили даже дам петербургских и московских. Одевались они с большим вкусом, разъезжали по городу в колясках, как предписывала последняя мода, сзади покачивался лакей, и ливрея в золотых позументах. Визитная карточка, будь она писана хоть на трефовой двойке или бубновом тузе, но вещь была очень священная. Из-за нее две дамы, большие приятельницы и даже родственницы, перессорились совершенно, именно за то, что одна из них как-то манкировала контр-визитом. И уж как ни старались потом мужья и родственники примирить их, но нет, оказалось, что всё можно сделать на свете, одного только нельзя: примирить двух дам, поссорившихся за манкировку визита. Так обе дамы и остались во взаимном нерасположении, по выражению городского света. Насчет занятия первых мест происходило тоже множество весьма сильных сцен, внушавших мужьям иногда совершенно рыцарские великодушные понятия о заступничестве. Дуэли, конечно, между ними не происходило, потому что все были гражданские чиновники, но зато один другому старался напакостить, где было можно, что, как известно, подчас бывает тяжелее всякой дуэли. В нравах своих дамы города N. были строги, исполнены благородного негодования противу всего порочного и всяких соблазнов, казнили без всякой пощады всякие слабости. Если же между ними и происходило какое-нибудь то, что называют *другое-третье*, то оно происходило втайне, так что не было подаваемо никакого вида, что происходило; сохранялось всё достоинство, и самый муж так был приготовлен, что если и видел *другое-третье* или слышал о нем, то отвечал коротко и благоразумно пословицею: кому какое дело, что кума с кумом сидела. Еще нужно сказать, что дамы города

N. отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: «я высморкалась, я вспотела, я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос, я обошлась посредством платка». Ни в каком случае нельзя было сказать: «этот стакан или эта тарелка воняет». И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намек на это, а говорили вместо того: «этот стакан нехорошо ведет себя» или что-нибудь вроде этого. Чтоб еще более облагородить русский язык, половина почти слов была выброшена вовсе из разговора, и потому весьма часто было нужно прибегать к французскому языку, зато уж там, по-французски, другое дело: там позволялись такие слова, которые были гораздо пожестче упомянутых. Итак, вот что можно сказать о дамах города N., говоря поповерхностней. Но если заглянуть поглубже, то, конечно, откроется много иных вещей; но весьма опасно заглядывать поглубже в дамские сердца. Итак, ограничась поверхностью, будем продолжать. До сих пор все дамы как-то мало говорили о Чичикове, отдавая, впрочем, ему полную справедливость в приятности светского обращения; но с тех пор, как пронеслись слухи об его миллионстве, отыскались и другие качества. Впрочем, дамы были вовсе не интересанки; виною всему слово: миллионщик, не сам миллионщик, а именно одно слово; ибо в одном звуке этого слова, мимо всякого денежного мешка, заключается что-то такое, которое действует и на людей подлецов, и на людей ни сё ни то, и на людей хороших, словом на всех действует. Миллионщик имеет ту выгоду, что может видеть подлость совершенно бескорыстную, чистую подлость, не основанную ни на каких расчетах: многие очень хорошо знают, что ничего не получат от него и не имеют никакого права получить, но непременно хоть забегут ему вперед, хоть засмеются, хоть снимут шляпу, хоть напросятся насильно на тот обед, куда узнают, что приглашен миллионщик. Нельзя сказать, чтобы это нежное расположение к подлости было почувствовано дамами; однако же в многих гостиных стали говорить явно, что, конечно, Чичиков не первый красавец, но зато таков, как следует быть мужчине, что будь он немного толще или полнее, уж это было бы не хорошо. При этом было сказано как-то даже несколько обидно насчет тоненького мужчины, что он больше

ничего, как что-то вроде зубочистки, а не человека. В дамских нарядах оказались многие разные прибавления. В гостином дворе сделалась толкотня, чуть не давка; образовалось даже гулянье, до такой степени наехало экипажей. Купцы изумились, увидя, как несколько кусков материй, привезенных ими с ярмарки и не сходивших с рук по причине цены, показавшейся высокою, пошли вдруг в ход и были раскуплены нарасхват. Во время обедни у одной из дам заметили внизу платья такое руло, которое растопырило его на полцеркви, так что частный пристав, находившийся тут же, дал приказание подвинуться народу подалее, то-есть поближе к паперти, чтоб как-нибудь не измялся туалет ее высокоблагородия. Сам даже Чичиков не мог отчасти не заметить такого необыкновенного внимания. Один раз, возвратясь к себе домой, он нашел на столе у себя письмо: откуда и кто принес его, ничего нельзя было узнать; трактирный слуга отозвался, что принесли-де и не велели сказывать, от кого. Письмо начиналось очень решительно, именно так: «Нет, я должна к тебе писать!» Потом говорено было о том, что есть тайное сочувствие между душами; эта истина скреплена была несколькими точками, занявшими почти полстроки; потом следовало несколько мыслей, весьма замечательных по своей справедливости, так что считаем почти необходимым их выписать: «Что жизнь наша? Долина, где поселились горести. Что свет? Толпа людей, которая не чувствует». Затем писавшая упоминала, что омочает слезами строки нежной матери, которая, протекло двадцать пять лет, как уже не существует на свете; приглашали Чичикова в пустыню, оставить навсегда город, где люди в душных оградах не пользуются воздухом; окончание письма отзывалось даже решительным отчаяньем и заключалось такими стихами:

Две горлицы покажут
Тебе мой хладный прах,
Воркуя, томно скажут,
Что она умерла во слезах.

В последней строке не было размера, но это, впрочем, ничего: письмо было написано в духе тогдашнего времени. Никакой подписи тоже не было: ни имени, ни фамилии, ни даже месяца

и числа. В postscriptum было только прибавлено, что его собственное сердце должно отгадать писавшую и что на бале у губернатора, имеющем быть завтра, будет присутствовать сам оригинал.

Это очень его заинтересовало. В анониме было так много заманчивого и подстрекающего любопытство, что он перечел и в другой и в третий раз письмо и наконец сказал: «Любопытно бы, однако ж, знать, кто бы такая была писавшая!» Словом, дело, как видно, сделалось сурьезно; более часу он всё думал об этом, наконец, расставив руки и наклоня голову, сказал: «А письмо очень, очень кудряво написано!» Потом, само собою разумеется, письмо было свернуто и уложено в шкатулку, в соседстве с какою-то афишею и пригласительным свадебным билетом, семь лет сохранявшимся в том же положении и на том же месте. Немного спустя, принесли к нему, точно, приглашенье на бал к губернатору — дело весьма обыкновенное в губернских городах: где губернатор, там и бал, иначе никак не будет надлежащей любви и уважения со стороны дворянства.

Всё постороннее было в ту ж минуту оставлено и отстранено прочь, и всё было устремлено на приготовление к балу; ибо, точно, было много побудительных и задирающих причин. Зато, может быть, от самого созданья света не было употреблено столько времени на туалет. Целый час был посвящен только на одно рассматривание лица в зеркале. Пробовалось сообщить ему множество разных выражений: то важное и степенное, то почтительное, но с некоторою улыбкою, то просто почтительное без улыбки; отпущено было в зеркало несколько поклонов в сопровождении неясных звуков, отчасти похожих на французские, хотя по-французски Чичиков не знал вовсе. Он сделал даже самому себе множество приятных сюрпризов, подмигнул бровью и губами и сделал кое-что даже языком; словом, мало ли чего не делаешь, оставшись один, чувствуя притом, что хорош, да к тому же будучи уверен, что никто не заглядывает в щелку. Наконец он слегка трепнул себя по подбородку, сказавши: «Ах ты, мордашка эдакой!», и стал одеваться. Самое довольное расположение сопровождало его во всё время одевания; надевая подтяжки или повязывая галстук, он расшаркивался и кланялся с особенною ловкостию, и хотя никогда не танцовал, но сделал

антраша. Это антраша произвело маленькое невинное следствие: задрожал комод и упала со стола щетка.

Появление его на бале произвело необыкновенное действие. Всё, что ни было, обратилось к нему навстречу, кто с картами в руках, кто на самом интересном пункте разговора, произнесши: «а нижний земский суд отвечает за это...» Но что такое отвечает земский суд, уж это он бросил в сторону и спешил с приветствием к нашему герою. «Павел Иванович! Ах, боже мой, Павел Иванович! Любезнейший Павел Иванович! Почтеннейший Павел Иванович! Душа моя Павел Иванович! Вот вы где, Павел Иванович! Вот он, наш Павел Иванович! Позвольте прижать вас, Павел Иванович! Давайте-ка его сюда, вот я его поцалую покрепче, моего дорогого Павла Ивановича!» Чичиков разом почувствовал себя в нескольких объятиях. Не успел совершенно выкарабкаться из объятий председателя, как очутился уже в объятиях полицеймейстера; полицеймейстер сдал его инспектору врачебной управы; инспектор врачебной управы — откупщику, откупщик — архитектору... Губернатор, который в то время стоял возле дам и держал в одной руке конфектный билет и болонку, увидя его, бросил на пол и билет и болонку, — только завизжала собачонка; словом, распространил он радость и веселье необыкновенное. Не было лица, на котором бы не выразилось удовольствие или по крайней мере отражение всеобщего удовольствия. Так бывает на лицах чиновников во время осмотра приехавшим начальником вверенных управлению их мест: после того, как уже первый страх прошел, они увидели, что многое ему нравится, и он сам изволил наконец пошутить, то-есть произнести с приятною усмешкой несколько слов. Смеются вдвое в ответ на это обступившие его приближенные чиновники; смеются от души те, которые от него подалее и которые, впрочем, несколько плохо услышали произнесенные им слова, и наконец стоящий далеко у дверей, у самого выхода, какой-нибудь полицейский, отроду не смеявшийся во всю жизнь свою и только что показавший перед тем народу кулак, и тот, по неизменным законам отражения, выражает на лице своем какую-то улыбку, хотя эта улыбка более похожа на то, как бы кто-нибудь собирался чихнуть после крепкого табаку. Герой наш отвечал всем и каждому и чувствовал какую-то ловкость необыкновенную:

раскланивался направо и налево, по обыкновению своему, несколько набок, но совершенно свободно, так что очаровал всех. Дамы тут же обступили его блистающею гирляндою и нанесли с собой целые облака всякого рода благоуханий: одна дышала розами, от другой несло весной и фиалками, третья вся насквозь была продушена резедой; Чичиков подымал только нос кверху да нюхал. В нарядах их вкусу было пропасть: муслины, атласы, кисеи были таких бледных, бледных модных цветов, каким даже и названья нельзя было прибрать (до такой степени дошла тонкость вкуса). Ленточные банты и цветочные букеты порхали там и там по платьям в самом картинном беспорядке, хотя над этим беспорядком трудилась много порядочная голова. Легкий головной убор держался только на одних ушах и, казалось, говорил: «Эй, улечу, жаль только, что не подыму с собой красавицу!» Талии были обтянуты и имели самые крепкие и приятные для глаз формы (нужно заметить, что вообще все дамы города N. были несколько полны, но шнуровались так искусно и имели такое приятное обращение, что толщины никак нельзя было приметить). Всё было у них придумано и предусмотрено с необыкновенною осмотрительностию; шея, плечи были открыты именно настолько, насколько нужно, и никак не дальше; каждая обнажила свои владения до тех пор, пока чувствовала, по собственному убеждению, что они способны погубить человека; остальное всё было припрятано с необыкновенным вкусом: или какой-нибудь легонький галстучек из ленты или шарф легче пирожного, известного под именем поцалуя, эфирно обнимал и обвивал шею, или выпущены были из-за плеч, из-под платья, маленькие зубчатые стенки из тонкого батиста, известные под именем скромностей. Эти скромности скрывали напереди и сзади то, что уже не могло нанести гибели человеку, а между тем заставляли подозревать, что там-то именно и была самая погибель. Длинные перчатки были надеты не вплоть до рукавов, но обдуманно оставляли обнаженными возбудительные части рук повыше локтя, которые у многих дышали завидною свежестью и полнотою; у иных даже лопнули лайковые перчатки, побужденные надвинуться далее, словом, кажется, как будто на всем было написано: «Нет, это не губерния, это столица, это сам Париж!» Только местами вдруг высовывался какой-нибудь невиданный

землею чепец или даже какое-то чуть не павлиное перо, в противность всем модам, по собственному вкусу. Но уж без этого нельзя, таково свойство губернского города: где-нибудь уж он непременно оборвется. Чичиков, стоя перед ними, думал: «Которая, однако же, сочинительница письма?» и высунул было вперед нос; но по самому носу дернул его целый ряд локтей, обшлагов, рукавов, концов лент, душистых шемизеток и платьев. Галопад летел во всю пропалую: почтмейстерша, капитан-исправник, дама с голубым пером, дама с белым пером, грузинский князь Чипхайхилидзев, чиновник из Петербурга, чиновник из Москвы, француз Куку, Перхуновский, Беребендовский — всё поднялось и понеслось...

«Вона! пошла писать губерния!» проговорил Чичиков, попятившись назад, и как только дамы расселись по местам, он вновь начал выглядывать, нельзя ли по выражению в лице и в глазах узнать, которая была сочинительница; но никак нельзя было узнать ни по выражению в лице, ни по выражению в глазах, которая была сочинительница. Везде было заметно такое чуть-чуть обнаруженное, такое неуловимо-тонкое, у! какое тонкое!.. «Нет!», сказал сам в себе Чичиков: «женщины, это такой предмет...» Здесь он и рукой махнул: «просто и говорить нечего! Поди-ка попробуй рассказать или передать всё то, что бегает на их лицах, все те излучинки, намеки, а вот, просто, ничего не передашь. Одни глаза их такое бесконечное государство, в которое заехал человек — и поминай как звали! Уж его оттуда ни крючком, ничем не вытащишь. Ну, попробуй, например, рассказать один блеск их: влажный, бархатный, сахарный: бог их знает, какого нет еще! и жесткий, и мягкий, и даже совсем томный, или, как иные говорят, в неге, или без неги, но пуще нежели в неге, так вот зацепит за сердце, да и поведет по всей душе, как будто смычком. Нет, просто не приберешь слова: галантёрная половина человеческого рода, да и ничего больше!»

Виноват! Кажется, из уст нашего героя излетело словцо, подмеченное на улице. Что ж делать? Таково на Руси положение писателя! Впрочем, если слово из улицы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели и прежде всего читатели высшего общества: от них первых не услышишь ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и англий-

скими они, пожалуй, наделят в таком количестве, что и не захочешь, и наделят даже с сохранением всех возможных произношений: по-французски в нос и картавя, по-английски произнесут, как следует птице, и даже физиономию сделают птичью, и даже посмеются над тем, кто не сумеет сделать птичьей физиономии. А вот только русским ничем не наделят, разве из патриотизма выстроят для себя на даче избу в русском вкусе. Вот каковы читатели высшего сословия, а за ними и все причитающие себя к высшему сословию! А между тем какая взыскательность! Хотят непременно, чтобы всё было написано языком самым строгим, очищенным и благородным, словом, хотят, чтобы русский язык сам собою опустился вдруг с облаков, обработанный, как следует, и сел бы им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рот да выставить его. Конечно, мудрена женская половина человеческого рода; но почтенные читатели, надо признаться, бывают еще мудренее.

А Чичиков приходил между тем в совершенное недоумение решить, которая из дам была сочинительницей письма. Попробовавши устремить внимательнее взор, он увидел, что с дамской стороны тоже выражалось что-то такое, ниспосылающее вместе и надежду и сладкие муки в сердце бедного смертного, что он наконец сказал: «Нет, никак нельзя угадать!» Это, однако же, никак не уменьшило веселого расположения духа, в котором он находился. Он непринужденно и ловко разменялся с некоторыми из дам приятными словами, подходил к той и другой дробным, мелким шагом, или, как говорят, семенил ножками, как обыкновенно делают маленькие старички-щеголи на высоких каблуках, называемые мышиными жеребчиками, забегающие весьма проворно около дам. Посеменивши с довольно ловкими поворотами направо и налево, он подшаркнул тут же ножкой, в виде коротенького хвостика или наподобие запятой. Дамы были очень довольны и не только отыскали в нем кучу приятностей и любезностей, но даже стали находить величественное выражение в лице, что-то даже марсовское и военное, что, как известно, очень нравится женщинам. Даже из-за него уже начинали несколько ссориться: заметивши, что он становился обыкновенно около дверей, некоторые наперерыв спешили занять стул поближе к дверям, и когда одной посчастливилось сделать это прежде,

то едва не произошла пренеприятная история, и многим, желавшим себе сделать то же, показалась уже чересчур отвратительною подобная наглость.

Чичиков так занялся разговорами с дамами, или, лучше, дамы так заняли и закружили его своими разговорами, подсыпая кучу самых замысловатых и тонких аллегорий, которые все нужно было разгадывать, отчего даже выступил у него на лбу пот, — что он позабыл исполнить долг приличия и подойти прежде всего к хозяйке. Вспомнил он об этом уже тогда, когда услышал голос самой губернаторши, стоявшей перед ним уже несколько минут. Губернаторша произнесла ласковым и несколько даже лукавым голосом с приятным потряхиванием головы: «А, Павел Иванович, так вот как вы!..» В точности не могу передать слов губернаторши, но было сказано что-то, исполненное большой любезности, в том духе, в котором изъясняются дамы и кавалеры в повестях наших светских писателей, охотников описывать гостиные и похвалиться знанием высшего тона, в духе того, что неужели овладели так вашим сердцем, что в нем нет более ни места, ни самого тесного уголка для безжалостно позабытых вами. Герой наш поворотился в ту ж минуту к губернаторше и уже готов был отпустить ей ответ, вероятно, ничем не хуже тех, какие отпускают в модных повестях Звонские, Линские, Лидины, Гремины и всякие ловкие военные люди, как, невзначай поднявши глаза, остановился вдруг, будто оглушенный ударом.

Перед ним стояла не одна губернаторша: она держала под руку молоденькую шестнадцатилетнюю девицу, свеженькую блондинку, с тоненькими, стройными чертами лица, с остреньким подбородком, с очаровательно круглившимся овалом лица, какое художник взял бы в образец для мадонны и какое только редким случаем попадается на Руси, где любит всё оказаться в широком размере, всё, что ни есть: и горы, и леса, и степи, и лица, и губы, и ноги, — ту самую блондинку, которую он встретил на дороге, ехавши от Ноздрева, когда, по глупости кучеров или лошадей, их экипажи так странно столкнулись, перепутавшись упряжью, и дядя Митяй с дядею Миняем взялись распутывать дело. Чичиков так смешался, что не мог произнести ни одного толкового слова и пробормотал чорт знает что такое.

чего бы уж никак не сказал ни Гремин, ни Звонский, ни Лидин.

«Вы не знаете еще моей дочери?» сказала губернаторша. «Институтка, только что выпущена».

Он отвечал, что уже имел счастие нечаянным образом познакомиться; попробовал еще кое-что прибавить, но кое-что совсем не вышло. Губернаторша, сказав два-три слова, наконец отошла с дочерью в другой конец залы к другим гостям; а Чичиков всё еще стоял неподвижно на одном и том же месте, как человек, который весело вышел на улицу с тем, чтобы прогуляться, с глазами, расположенными глядеть на всё, и вдруг неподвижно остановился, вспомнив, что он позабыл что-то, и уж тогда глупее ничего не может быть такого человека; вмиг беззаботное выражение слетает с лица его; он силится припомнить, что позабыл он: не платок ли, но платок в кармане; не деньги ли, но деньги тоже в кармане; всё, кажется, при нем, а между тем какой-то неведомый дух шепчет ему в уши, что он позабыл что-то. И вот уже глядит он растерянно и смутно на движущуюся толпу перед ним, на летающие экипажи, на кивера и ружья проходящего полка, на вывеску, и ничего хорошо не видит. Так и Чичиков вдруг сделался чуждым всему, что ни происходило вокруг него. В это время из дамских благовонных уст к нему устремилось множество намеков и вопросов, проникнутых насквозь тонкостию и любезностию: «Позволено ли нам, бедным жителям земли, быть так дерзкими, чтобы спросить вас, о чем мечтаете?», «Где находятся те счастливые места, в которых порхает мысль ваша?», «Можно ли знать имя той, которая погрузила вас в эту сладкую долину задумчивости?» Но он отвечал на всё решительным невниманием, и приятные фразы канули, как в воду. Он даже до того был неучтив, что скоро ушел от них в другую сторону, желая повысмотреть, куда ушла губернаторша с своей дочкой. Но дамы, кажется, не хотели оставить его так скоро; каждая внутренно решилась употребить все возможные орудия, столь опасные для сердец наших, и пустить в ход всё, что было лучшего. Нужно заметить, что у некоторых дам, я говорю, у некоторых, это не то, что у всех, есть маленькая слабость: если они заметят у себя что-нибудь особенно хорошее, лоб ли, рот ли, руки ли, то уже думают, что лучшая часть лица их так первая и бросится всем в глаза, и все вдруг заговорят в один голос: «посмотрите,

посмотрите, какой у ней прекрасный греческий нос!» или «какой правильный, очаровательный лоб!» У которой же хороши плечи, та уверена заранее, что все молодые люди будут совершенно восхищены и то и дело станут повторять в то время, когда она будет проходить мимо: «ах, какие чудесные у этой плечи!», а на лицо, волосы, нос, лоб даже не взглянут, если же и взглянут, то как на что-то постороннее. Таким образом думают иные дамы. Каждая дама дала себе внутренний обет быть как можно очаровательней в танцах и показать во всем блеске превосходство того, что у нее было самого превосходного. Почтмейстерша, вальсируя, с такой томностию опустила набок голову, что слышалось в самом деле что-то неземное. Одна очень любезная дама, — которая приехала вовсе не с тем, чтобы танцовать, по причине приключившегося, как сама выразилась, небольшого инкомодите в виде горошинки на правой ноге, вследствие чего должна была даже надеть плисовые сапоги, — не вытерпела, однако же, и сделала несколько кругов в плисовых сапогах, для того именно, чтобы почтмейстерша не забрала в самом деле слишком много себе в голову.

Но всё это никак не произвело предполагаемого действия на Чичикова. Он даже не смотрел на круги, производимые дамами, но беспрестанно подымался на цыпочки выглядывать поверх голов, куда бы могла забраться занимательная блондинка; приседал и вниз тоже, высматривая промеж плечей и спин, наконец доискался и увидел ее, сидящую вместе с матерью, над которою величаво колебалась какая-то восточная чалма с пером. Казалось, как будто он хотел взять их приступом; весеннее ли расположение подействовало на него или толкал его кто сзади, только он протеснялся решительно вперед, несмотря ни на что; откупщик получил от него такой толчок, что пошатнулся и чуть-чуть удержался на одной ноге, не то бы, конечно, повалил за собой целый ряд; почтмейстер тоже отступился и посмотрел на него с изумлением, смешанным с довольно тонкой иронией, но он на них не поглядел; он видел только вдали блондинку, надевавшую длинную перчатку и, без сомнения, сгоравшую желанием пуститься летать по паркету. А уж там в стороне четыре пары откалывали мазурку; каблуки ломали пол, и армейский штабс-капитан работал и душою и телом, и руками и ногами, отвертывая такие па, какие и во сне никому не случалось отвертывать. Чичиков про-

шмыгнул мимо мазурки почти по самым каблукам и прямо к тому месту, где сидела губернаторша с дочкой. Однако ж он подступил к ним очень робко, не семенил так бойко и франтовски ногами, даже несколько замялся, и во всех движениях оказалась какая-то неловкость.

Нельзя сказать наверно, точно ли пробудилось в нашем герое чувство любви, даже сомнительно, чтобы господа такого рода, то-есть не так чтобы толстые, однако ж и не то чтобы тонкие, способны были к любви; но при всем том здесь было что-то такое странное, что-то в таком роде, чего он сам не мог себе объяснить: ему показалось, как сам он потом сознавался, что весь бал, со всем своим говором и шумом, стал на несколько минут как будто где-то вдали; скрыпки и трубы нарезывали где-то за горами, и всё подернулось туманом, похожим на небрежно замалеванное поле на картине. И из этого мглистого, кое-как набросанного поля выходили ясно и оконченно только одни тонкие черты увлекательной блондинки: ее овально-круглившееся личико, ее тоненький, тоненький стан, какой бывает у институтки в первые месяцы после выпуска, ее белое, почти простое платьице, легко и ловко обхватившее во всех местах молоденькие стройные члены, которые означались в каких-то чистых линиях. Казалось, она вся походила на какую-то игрушку, отчетливо выточенную из слоновой кости; она только одна белела и выходила прозрачною и светлою из мутной и непрозрачной толпы.

Видно, так уж бывает на свете, видно, и Чичиковы, на несколько минут в жизни, обращаются в поэтов; но слово поэт будет уже слишком. По крайней мере, он почувствовал себя совершенно чем-то вроде молодого человека, чуть-чуть не гусаром. Увидевши возле них пустой стул, он тот же час его занял. Разговор сначала не клеился, но после дело пошло, и он начал даже получать форс, но... здесь, к величайшему прискорбию, надобно заметить, что люди степенные и занимающие важные должности как-то немного тяжеловаты в разговорах с дамами; на это мастера господа поручики, и никак не далее капитанских чинов. Как они делают, бог их ведает: кажется, и не очень мудреные вещи говорят, а девица то и дело качается на стуле от смеха; статский же советник бог знает что расскажет: или

поведет речь о том, что Россия очень пространное государство, или отпустит комплимент, который, конечно, выдуман не без остроумия, но от него ужасно пахнет книгою; если же скажет что-нибудь смешное, то сам несравненно больше смеется, чем та, которая его слушает. Здесь это замечено для того, чтобы читатели видели, почему блондинка стала зевать во время рассказов нашего героя. Герой, однако же, совсем этого не замечал, рассказывая множество приятных вещей, которые уже случалось ему произносить в подобных случаях в разных местах, именно: в Симбирской губернии, у Софрона Ивановича Беспечного, где были тогда дочь его Аделаида Софроновна с тремя золовками: Марьей Гавриловной, Александрой Гавриловной и Адельгейдой Гавриловной; у Федора Федоровича Перекроева, в Рязанской губернии; у Флора Васильевича Победоносного, в Пензенской губернии, и у брата его Петра Васильевича, где были: свояченица его Катерина Михайловна и внучатные сестры ее Роза Федоровна и Эмилия Федоровна; в Вятской губернии, у Петра Варсонофьевича, где была сестра невестки его Пелагея Егоровна с племянницей Софией Ростиславной и двумя сводными сестрами: Софией Александровной и Маклатурой Александровной.

Всем дамам совершенно не понравилось такое обхождение Чичикова. Одна из них нарочно прошла мимо его, чтобы дать ему это заметить, и даже задела блондинку довольно небрежно толстым руло своего платья, а шарфом, который порхал вокруг плеч ее, распорядилась так, что он махнул концом своим ее по самому лицу; в то же самое время позади его из одних дамских уст изнеслось, вместе с запахом фиялок, довольно колкое и язвительное замечание. Но, или он не услышал в самом деле, или прикинулся, что не услышал, только это было нехорошо; ибо мнением дам нужно дорожить: в этом он и раскаялся, но уже после, стало быть поздно.

Негодование, во всех отношениях справедливое, изобразилось во многих лицах. Как ни велик был в обществе вес Чичикова, хотя он и миллионщик и в лице его выражалось величие и даже что-то марсовское и военное, но есть вещи, которых дамы не простят никому, будь он кто бы ни было, и тогда прямо пиши пропало! Есть случаи, где женщина, как ни слаба

и бессильна характером в сравнении с мужчиною, но становится вдруг тверже не только мужчины, но и всего, что ни есть на свете. Пренебрежение, оказанное Чичиковым, почти неумышленное, восстановило между дамами даже некоторое согласие, бывшее было на краю погибели после наглого завладения стулом. В произнесенных им невзначай каких-то сухих и обыкновенных словах нашли колкие намеки. В довершение бед какой-то из молодых людей сочинил тут же сатирические стихи на танцовавшее общество, без чего, как известно, никогда почти не обходится на губернских балах. Эти стихи были приписаны тут же Чичикову. Негодованье росло, и дамы стали говорить о нем в разных углах самым неблагоприятным образом; а бедная институтка была уничтожена совершенно, и приговор ее уже был подписан.

А между тем герою нашему готовилась пренеприятнейшая неожиданность: в то время, когда блондинка зевала, а он рассказывал ей кое-какие в разные времена случившиеся историйки и даже коснулся было греческого философа Диогена, показался из последней комнаты Ноздрев. Из буфета ли он вырвался или из небольшой зеленой гостиной, где производилась игра посильнее, чем в обыкновенный вист, своей ли волею или вытолкали его, только он явился веселый, радостный, ухвативши под руку прокурора, которого, вероятно, уже таскал несколько времени, потому что бедный прокурор поворачивал на все стороны свои густые брови, как бы придумывая средство выбраться из этого дружеского подручного путешествия. В самом деле, оно было невыносимо. Ноздрев, захлебнув куражу в двух чашках чаю, конечно, не без рома, врал немилосердно. Завидев еще издали его, Чичиков решился даже на пожертвование, то-есть оставить свое завидное место и сколько можно поспешнее удалиться; ничего хорошего не предвещала ему эта встреча. Но, как на беду, в это время подвернулся губернатор, изъявивший необыкновенную радость, что нашел Павла Ивановича, и остановил его, прося быть судиею в споре его с двумя дамами насчет того, продолжительна ли женская любовь или нет; а между тем Ноздрев уже увидал его и шел прямо навстречу.

«А, херсонский помещик, херсонский помещик!» кричал он, подходя и заливаясь смехом, от которого дрожали его свежие,

румяные, как весенняя роза, щеки. «Что? много наторговал мертвых? Ведь вы не знаете, ваше превосходительство», горланил он тут же, обратившись к губернатору: «он торгует мертвыми душами! Ей-богу! Послушай, Чичиков! ведь ты, я тебе говорю по дружбе, вот мы все здесь твои друзья, вот и его превосходительство здесь, — я бы тебя повесил, ей-богу, повесил!»

Чичиков просто не знал, где сидел.

«Поверите ли, ваше превосходительство», продолжал Ноздрев: «как сказал он мне: «продай мертвых душ», я так и лопнул со смеха. Приезжаю сюда, мне говорят, что накупил на три миллиона крестьян на вывод. Каких на вывод! Да он торговал у меня мертвых. Послушай, Чичиков, да ты скотина, ей-богу, скотина, вот и его превосходительство здесь, не правда ли, прокурор?»

Но прокурор, и Чичиков, и сам губернатор пришли в такое замешательство, что не нашлись совершенно, что́ отвечать, а между тем Ноздрев, нимало не обращая внимания, нес полутрезвую речь: «Уж ты, брат, ты, ты... я не отойду от тебя, пока не узнаю, зачем ты покупал мертвые души. Послушай, Чичиков, ведь тебе, право, стыдно, у тебя, ты сам знаешь, нет лучшего друга, как я. Вот и его превосходительство здесь, не правда ли, прокурор? Вы не поверите, ваше превосходительство, как мы друг к другу привязаны, то-есть, просто, если бы вы сказали, вот, я тут стою, а вы бы сказали: «Ноздрев! скажи по совести, кто тебе дороже, отец родной или Чичиков?» скажу: «Чичиков», ей-богу... Позволь, душа, я тебе влеплю один безе. Уж вы позвольте, ваше превосходительство, поцеловать мне его. Да, Чичиков, уж ты не противься, одну безешку позволь напечатлеть тебе в белоснежную щеку твою!» Ноздрев был так оттолкнут со своими безе, что чуть не полетел на землю: от него все отступились и не слушали больше; но всё же слова его о покупке мертвых душ были произнесены во всю глотку и сопровождены таким громким смехом, что привлекли внимание даже тех, которые находились в самых дальних углах комнаты. Эта новость так показалась странною, что все остановились с каким-то деревянным, глупо-вопросительным выражением. Минуты на две настала какая-то непонятная тишина, Чичиков заметил, что многие дамы перемигнулись между собою с какою-то

злобною, едкою усмешкою, и в выражении некоторых лиц показалось что-то такое двусмысленное, которое еще более увеличило это смущение. Что Ноздрев лгун отъявленный, это было известно всем, и вовсе не было в диковинку слышать от него решительную бессмыслицу; но смертный, право, трудно даже понять, как устроен этот смертный: как бы ни была пóшла новость, но лишь бы она была новость, он непременно сообщит ее другому смертному, хотя бы именно для того только, чтобы сказать: «Посмотрите, какую ложь распустили!», а другой смертный с удовольствием преклонит ухо, хотя после скажет сам: «Да, это совершенно пошлая ложь, не стоящая никакого внимания!» и вслед за тем сей же час отправится искать третьего смертного, чтобы, рассказавши ему, после вместе с ним воскликнуть с благородным негодованием: «Какая пошлая ложь!» И это непременно обойдет весь город, и все смертные, сколько их ни есть, наговорятся непременно досыта и потом признают, что это не стóит внимания и не достойно, чтобы о нем говорить.

Это вздорное, повидимому, происшествие заметно расстроило нашего героя. Как ни глупы слова дурака, а иногда бывают они достаточны, чтобы смутить умного человека. Он стал чувствовать себя неловко, неладно: точь-в-точь как будто прекрасно вычищенным сапогом вступил вдруг в грязную, вонючую лужу; словом, нехорошо, совсем нехорошо! Он пробовал об этом не думать, старался рассеяться, развлечься, присел в вист, но всё пошло, как кривое колесо: два раза сходил он в чужую масть и, позабыв, что по третьей не бьют, размахнулся со всей руки и хватил сдуру свою же. Председатель никак не мог понять, как Павел Иванович, так хорошо и, можно сказать, тонко разумевший игру, мог сделать подобные ошибки и подвел даже под обух его пикового короля, на которого он, по собственному выражению, надеялся, как на бога. Конечно, почтмейстер, и председатель, и даже сам полицеймейстер, как водится, подшучивали над нашим героем, что уж не влюблен ли он, и что мы знаем, дискать, что у Павла Ивановича сердечишко прихрамывает, знаем, кем и подстрелено; но всё это никак его не утешало, как он ни пробовал усмехаться и отшучиваться. За ужином тоже он никак не был в состоянии развернуться, несмотря на то, что общество за столом было приятное и что Ноздрева давно уже

вывели; ибо сами даже дамы наконец заметили, что поведение его чересчур становилось скандалёзно. Посреди котильона он сел на пол и стал хватать за полы танцующих, что уже было ни на что не похоже, по выражению дам. Ужин был очень весел: все лица, мелькавшие перед тройными подсвечниками, цветами, конфектами и бутылками, были озарены самым непринужденным довольством. Офицеры, дамы, фраки — всё сделалось любезно, даже до приторности. Мужчины вскакивали со стульев и бежали отнимать у слуг блюда, чтобы с необыкновенною ловкостию предложить их дамам. Один полковник подал даме тарелку с соусом на конце обнаженной шпаги. Мужчины почтенных лет, между которыми сидел Чичиков, спорили громко, заедая дельное слово рыбой или говядиной, обмакнутой нещадным образом в горчицу, и спорили о тех предметах, в которых он даже всегда принимал участие; но он был похож на какого-то человека, уставшего или разбитого дальней дорогой, которому ничто не лезет на ум и который не в силах войти ни во что. Даже не дождался он окончания ужина и уехал к себе несравненно раньше, чем имел обыкновение уезжать.

Там, в этой комнатке, так знакомой читателю, с дверью, заставленной комодом, и выглядывавшими иногда из углов тараканами, положение мыслей и духа его было так же неспокойно, как неспокойны те кресла, в которых он сидел. Неприятно, смутно было у него на сердце, какая-то тягостная пустота оставалась там. «Чтоб вас чорт побрал всех, кто выдумал эти балы!» говорил он в сердцах. «Ну, чему сдуру обрадовались? В губернии неурожаи, дороговизна, так вот они за балы! Эк штука: разрядились в бабьи тряпки! Невидаль: что иная навертела на себя тысячу рублей! А ведь на счет же крестьянских оброков или, что еще хуже, на счет совести нашего брата. Ведь известно, зачем берешь взятку и покривишь душой: для того, чтобы жене достать на шаль или на разные роброны, провал их возьми, как их называют. А из чего? чтобы не сказала какая-нибудь подстёга Сидоровна, что на почтмейстерше лучше было платье, да из-за нее бух тысячу рублей. Кричат: «бал, бал, веселость!» Просто, дрянь бал, не в русском духе, не в русской натуре, чорт знает что такое: взрослый, совершеннолетний вдруг выскочит весь в черном, общипанный, обтянутый, как чортик, и

давай месить ногами. Иной даже, стоя в паре, переговаривается с другим об важном деле, а ногами в то же самое время, как козленок, вензеля направо и налево... Всё из обезьянства, всё из обезьянства! Что француз в сорок лет такой же ребенок, каким был и в пятнадцать, так вот давай же и мы! Нет, право... после всякого бала, точно, как будто какой грех сделал; и вспомнить даже о нем не хочется. В голове, просто, ничего, как после разговора с светским человеком: всего он наговорит, всего слегка коснется, всё скажет, что понадергал из книжек, пестро, красно, а в голове хоть бы что-нибудь из того вынес, и видишь потом, как даже разговор с простым купцом, знающим одно свое дело, но знающим его твердо и опытно, лучше всех этих побрякушек. Ну что из него выжмешь, из этого бала? Ну, если бы, положим, какой-нибудь писатель вздумал описывать всю эту сцену так, как она есть? Ну, и в книге, и там была бы она так же бестолкова, как в натуре. Что она такое: нравственная ли, безнравственная ли? просто, чорт знает что такое! Плюнешь, да и книгу потом закроешь». Так отзывался неблагоприятно Чичиков о балах вообще; но, кажется, сюда вмешалась другая причина негодованья. Главная досада была не на бал, а на то, что случилось ему оборваться, что он вдруг показался пред всеми бог знает в каком виде, что сыграл какую-то странную, двусмысленную роль. Конечно, взглянувши оком благоразумного человека, он видел, что всё это вздор, что глупое слово ничего не значит, особливо теперь, когда главное дело уже обделано как следует. Но странен человек: его огорчало сильно нерасположенье тех самых, которых он не уважал и насчет которых отзывался резко, понося их суетность и наряды. Это тем более было ему досадно, что, разобравши дело ясно, он видел, как причиной этого был отчасти сам. На себя, однако же, он не рассердился, и в том, конечно, был прав. Все мы имеем маленькую слабость немножко пощадить себя, а постараемся лучше приискать какого-нибудь ближнего, на ком бы выместить свою досаду, например на слуге, на чиновнике, нам подведомственном, который в пору подвернулся, на жене, или, наконец, на стуле, который швырнется чорт знает куда, к самым дверям, так что отлетит от него ручка и спинка, пусть, мол, его знает, что такое гнев. Так и Чичиков скоро нашел ближнего, который потащил на плечах своих

всё, что только могла внушить ему досада. Ближний этот был Ноздрев, и, нечего сказать, он был так отделан со всех боков и сторон, как разве только какой-нибудь плут староста или ямщик бывает отделан каким-нибудь езжалым, опытным капитаном, а иногда и генералом, который, сверх многих выражений, сделавшихся классическими, прибавляет еще много неизвестных, которых изобретение принадлежит ему собственно. Вся родословная Ноздрева была разобрана, и многие из членов его фамилии в восходящей линии сильно потерпели.

Но в продолжение того, как он сидел в жестких своих креслах, тревожимый мыслями и бессонницей, угощая усердно Ноздрева и всю родню его, и перед ним теплилась сальная свечка, которой светильня давно уже накрылась нагоревшею черною шапкою, ежеминутно грозя погаснуть, и глядела ему в окна слепая, темная ночь, готовая посинеть от приближавшегося рассвета, и пересвистывались вдали отдаленные петухи, и в совершенно заснувшем городе, может быть, плелась где-нибудь фризовая шинель, горемыка неизвестно какого класса и чина, знающая одну только (увы!) слишком протертую русским забубенным народом дорогу, — в это время на другом конце города происходило событие, которое готовилось увеличить неприятность положения нашего героя. Именно в отдаленных улицах и закоулках города дребезжал весьма странный экипаж, наводивший недоумение насчет своего названия. Он не был похож ни на тарантас, ни на коляску, ни на бричку, а был скорее похож на толстощекий выпуклый арбуз, поставленный на колеса. Щеки этого арбуза, то-есть дверцы, носившие следы желтой краски, затворялись очень плохо по причине плохого состояния ручек и замков, кое-как связанных веревками. Арбуз был наполнен ситцевыми подушками в виде кисетов, валиков и просто подушек, напичкан мешками с хлебами, калачами, кокурками, скородумками и кренделями из заварного теста. Пирог-курник и пирог-рассольник выглядывали даже наверх. Запятки были заняты лицом лакейского происхождения, в куртке из домашней пеструшки, с небритой бородою, подернутою легкой проседью, лицо, известное под именем малого. Шум и визг от железных скобок и ржавых винтов разбудили на другом конце города будочника, который, подняв свою алебарду, закричал спросонья

что стало мочи: «кто идет?», но, увидев, что никто не шел, а слышалось только издали дребезжанье, поймал у себя на воротнике какого-то зверя и, подошед к фонарю, казнил его тут же у себя на ногте, после чего, отставивши алебарду, опять заснул, по уставам своего рыцарства. Лошади то и дело падали на передние коленки, потому что не были подкованы, и притом, как видно, покойная городская мостовая была им мало знакома. Колымага, сделавши несколько поворотов из улицы в улицу, наконец поворотила в темный переулок мимо небольшой приходской церкви Николы на Недотычках и остановилась пред воротами дома протопопши. Из брички вылезла девка с платком на голове, в телогрейке, и хватила обоими кулаками в ворота так сильно, хоть бы и мужчине (малый в куртке из пеструшки был уже потом стащен за ноги, ибо спал мертвецки). Собаки залаяли, и ворота, разинувшись, наконец проглотили, хотя с большим трудом, это неуклюжее дорожное произведение. Экипаж въехал в тесный двор, заваленный дровами, курятниками и всякими клетухами; из экипажа вылезла барыня: эта барыня была помещица, коллежская секретарша Коробочка. Старушка, вскоре после отъезда нашего героя, в такое пришла беспокойство насчет могущего произойти со стороны его обмана, что, не поспавши три ночи сряду, решилась ехать в город, несмотря на то, что лошади не были подкованы, и там узнать наверно, почем ходят мертвые души и уж не промахнулась ли она, боже сохрани, продав их, может быть, в три-дешева. Какое произвело следствие это прибытие, читатель может узнать из одного разговора, который произошел между одними двумя дамами. Разговор сей... но пусть лучше сей разговор будет в следующей главе.

ГЛАВА IX

Поутру, ранее даже того времени, которое назначено в городе N. для визитов, из дверей оранжевого деревянного дома с мезонином и голубыми колоннами выпорхнула дама в клетчатом щегольском клоке, сопровождаемая лакеем в шинели с несколькими воротниками и золотым галуном на круглой лощеной шляпе. Дама вспорхнула в тот же час с необыкновенною поспешностью по откинутым ступенькам в стоявшую у подъезда коляску. Лакей тут же захлопнул даму дверцами, закидал ступеньками и, ухватясь за ремни сзади коляски, закричал кучеру: «Пошел!» Дама везла только что услышанную новость и чувствовала побуждение непреодолимое скорее сообщить ее. Всякую минуту выглядывала она из окна и видела, к несказанной досаде, что всё еще остается полдороги. Всякий дом казался ей длиннее обыкновенного; белая каменная богадельня с узенькими окнами тянулась нестерпимо долго, так что она наконец не вытерпела не сказать: «Проклятое строение, и конца нет!» Кучер уже два раза получал приказание: «Поскорее, поскорее, Андрюшка! Ты сегодня несносно долго едешь!» Наконец цель была достигнута. Коляска остановилась перед деревянным же одноэтажным домом темносерого цвета, с белыми деревянными барельефчиками над окнами, с высокою деревянною решеткою перед самыми окнами и узеньким палисадником, за решеткою которого находившиеся тоненькие деревца побелели от никогда не сходившей с них городской пыли. В окнах мелькали горшки с цветами, попугай,

качавшийся в клетке, уцепясь носом за кольцо, и две собачонки, спавшие перед солнцем. В этом доме жила искренняя приятельница приехавшей дамы. Автор чрезвычайно затрудняется, как назвать ему обеих дам таким образом, чтобы опять не рассердились на него, как серживались встарь. Назвать выдуманною фамилией опасно. Какое ни придумай имя, уж непременно найдется в каком-нибудь углу нашего государства, благо велико, кто-нибудь носящий его, и непременно рассердится не на живот, а на смерть, станет говорить, что автор нарочно приезжал секретно с тем, чтобы выведать всё, что он такое сам, и в каком тулупчике ходит, и к какой Аграфене Ивановне наведывается, и что любит покушать. Назови же по чинам, боже сохрани, и того опасней. Теперь у нас все чины и сословия так раздражены, что всё, что ни есть в печатной книге, уже кажется им личностью: таково уж, видно, расположенье в воздухе. Достаточно сказать только, что есть в одном городе глупый человек, это уже и личность: вдруг выскочит господин почтенной наружности и закричит: «Ведь я тоже человек, стало быть я тоже глуп»; словом, вмиг смекнет, в чем дело. А потому, для избежания всего этого, будем называть даму, к которой приехала гостья, так, как она называлась почти единогласно в городе N., именно дамою приятною во всех отношениях. Это название она приобрела законным образом, ибо, точно, ничего не пожалела, чтобы сделаться любезною в последней степени. Хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась ух какая юркая прыть женского характера! и хотя подчас в каждом приятном слове ее торчала ух какая булавка! а уж не приведи бог, что кипело в сердце против той, которая бы пролезла как-нибудь и чем-нибудь в первые. Но всё это было облечено самою тонкою светскостью, какая только бывает в губернском городе. Всякое движение производила она со вкусом, даже любила стихи, даже иногда мечтательно умела держать голову, и все согласились, что она, точно, дама приятная во всех отношениях. Другая же дама, то-есть приехавшая, не имела такой многосторонности в характере, и потому будем называть ее: просто приятная дама. Приезд гостьи разбудил собачонок, спавших на солнце: мохнатую Адель, беспрестанно путавшуюся в собственной шерсти, и кобелька Попури на тоненьких ножках. Тот и другая с лаем понесли кольцами хвосты свои в переднюю, где гостья

освобождалась от своего клока и очутилась в платье модного узора и цвета и в длинных хвостах на шее; жасмины понеслись по всей комнате. Едва только во всех отношениях приятная дама узнала о приезде просто приятной дамы, как уже выбежала в переднюю. Дамы ухватились за руки, поцеловались и вскрикнули, как вскрикивают институтки, встретившиеся вскоре после выпуска, когда маменьки еще не успели объяснить им, что отец у одной беднее и ниже чином, нежели у другой. Поцелуй совершился звонко, потому что собачонки залаяли снова, за что были хлопнуты платком, и обе дамы отправились в гостиную, разумеется, голубую, с диваном, овальным столом и даже ширмочками, обвитыми плющом; вслед за ними побежали ворча мохнатая Адель и высокий Попури на тоненьких ножках. «Сюда, сюда, вот в этот уголочек!» говорила хозяйка, усаживая гостью в угол дивана. «Вот так! вот так! вот вам и подушка!» Сказавши это, она запихнула ей за спину подушку, на которой был вышит шерстью рыцарь таким образом, как их всегда вышивают по канве: нос вышел лестницею, а губы четвероугольником. «Как же я рада, что вы... Я слышу, кто-то подъехал, да думаю себе, кто бы мог так рано. Параша говорит: «вице-губернаторша», а я говорю: «ну, вот опять приехала дура надоедать», и уж хотела сказать, что меня нет дома...»

Гостья уже хотела было приступить к делу и сообщить новость. Но восклицание, которое издала в это время дама приятная во всех отношениях, вдруг дало другое направление разговору.

«Какой веселенький ситец!» воскликнула во всех отношениях приятная дама, глядя на платье просто приятной дамы.

«Да, очень веселенький. Прасковья Федоровна, однако же, находит, что лучше, если бы клеточки были помельче и чтобы не коричневые были крапинки, а голубые. Сестре ее прислали материйку: это такое очарованье, которого, просто, нельзя выразить словами; вообразите себе: полосочки узенькие, узенькие, какие только может представить воображение человеческое, фон голубой и через полоску всё глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки... Словом, бесподобно! Можно сказать решительно, что ничего еще не было подобного на свете».

«Милая, это пестро».

«Ах, нет, не пестро!»

«Ах, пестро!»

Нужно заметить, что во всех отношениях приятная дама была отчасти материалистка, склонная к отрицанию и сомнению, и отвергала весьма многое в жизни.

Здесь просто приятная дама объяснила, что это отнюдь не пестро, и вскрикнула... «Да, поздравляю вас: оборок более не носят».

«Как не носят?»

«На место их фестончики».

«Ах, это нехорошо, фестончики!»

«Фестончики, всё фестончики: пелеринка из фестончиков, на рукавах фестончики, эполетцы из фестончиков, внизу фестончики, везде фестончики».

«Нехорошо, Софья Ивановна, если всё фестончики».

«Мило, Анна Григорьевна, до невероятности; шьется в два рубчика: широкие проймы и сверху... Но вот, вот когда вы изумитесь, вот уж когда скажете, что... Ну, изумляйтесь: вообразите, лифчики пошли еще длиннее, впереди мыском, и передняя косточка совсем выходит из границ; юбка вся собирается вокруг, как бывало в старину фижмы, даже сзади немножко подкладывают ваты, чтобы была совершенная бель-фам».

«Ну уж это просто: признаюсь!» сказала дама приятная во всех отношениях, сделавши движенье головою с чувством достоинства.

«Именно, это уж, точно, признаюсь!» отвечала просто приятная дама.

«Уж как вы хотите, я ни за что не стану подражать этому».

«Я сама тоже... Право, как вообразишь, до чего иногда доходит мода... ни на что не похоже! Я выпросила у сестры выкройку нарочно для смеху; Меланья моя принялась шить».

«Так у вас разве есть выкройка?» вскрикнула во всех отношениях приятная дама не без заметного сердечного движенья.

«Как же, сестра привезла».

«Душа моя, дайте ее мне, ради всего святого».

«Ах, я уж дала слово Прасковье Федоровне. Разве после нее».

«Кто ж станет носить после Прасковьи Федоровны? Это уже слишком странно будет с вашей стороны, если вы чужих предпочтете своим».

«Да ведь она тоже мне двоюродная тетка».

«Она вам тетка еще бог знает какая: с мужниной стороны... Нет, Софья Ивановна, я и слышать не хочу; это выходит: вы мне хотите нанесть такое оскорбленье... Видно, я вам наскучила уже; видно, вы хотите прекратить со мною всякое знакомство».

Бедная Софья Ивановна не знала совершенно, что ей делать. Она чувствовала сама, между каких сильных огней себя поставила. Вот тебе и похвасталась! Она бы готова была исколоть за это иголками глупый язык свой.

«Ну, что ж наш прелестник?» сказала между тем дама приятная во всех отношениях.

«Ах, боже мой! что ж я так сижу перед вами! вот хорошо! Ведь вы не знаете, Анна Григорьевна, с чем я приехала к вам?» Тут дыхание гостьи сперлось, слова, как ястребы, готовы были пуститься в погоню одно за другим, и только нужно было до такой степени быть бесчеловечной, какова была искренняя приятельница, чтобы решиться остановить ее.

«Как вы ни выхваляйте и ни превозносите его», говорила она с живостью, более нежели обыкновенною, «а я скажу прямо, и ему в глаза скажу, что он негодный человек, негодный, негодный, негодный».

«Да послушайте только, что я вам открою...»

«Распустили слухи, что он хорош, а он совсем не хорош, совсем не хорош, и нос у него... самый неприятный нос...»

«Позвольте же, позвольте же только рассказать вам... душенька, Анна Григорьевна, позвольте рассказать! Ведь это история, понимаете ли: история, сконапель истоар», говорила гостья с выражением почти отчаяния и совершенно умоляющим голосом. Не мешает заметить, что в разговор обеих дам вмешивалось очень много иностранных слов и целиком иногда длинные французские фразы. Но как ни исполнен автор благоговения к тем спасительным пользам, которые приносит французский язык России, как ни исполнен благоговения к похвальному обычаю нашего высшего общества, изъясняющегося на нем во все часы дня, конечно, из глубокого чувства любви к отчизне, но

при всем том никак не решается внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму. Итак, станем продолжать по-русски.

«Какая же история?»

«Ах, жизнь моя, Анна Григорьевна, если бы вы могли только представить то положение, в котором я находилась! Вообразите: приходит ко мне сегодня протопопша, протопопша, отца Кирилы жена, и что бы вы думали: наш-то смиренник, приезжий-то наш, каков, а?»

«Как, неужели он и протопопше строил куры?»

«Ах, Анна Григорьевна, пусть бы еще куры, это бы еще ничего; слушайте только, что рассказала протопопша. Приехала, говорит, к ней помещица Коробочка, перепуганная и бледная, как смерть, и рассказывает, и как рассказывает, послушайте только, совершенный роман: вдруг в глухую полночь, когда всё уже спало в доме, раздается в ворота стук, ужаснейший, какой только можно себе представить; кричат: «Отворите, отворите, не то будут выломаны ворота...» Каково вам это покажется? Каков же после этого прелестник?»

«Да что Коробочка? разве молода и хороша собою?»

«Ничуть, старуха».

«Ах, прелести! Так он за старуху принялся. Ну, хорош же после этого вкус наших дам, нашли в кого влюбиться».

«Да ведь нет, Анна Григорьевна, совсем не то, что вы полагаете. Вообразите себе только то, что является вооруженный с ног до головы вроде Ринальда Ринальдина и требует: «Продайте», говорит, «все души, которые умерли». Коробочка отвечает очень резонно, говорит: «Я не могу продать, потому что они мертвые». — «Нет, говорит, они не мертвые; это мое, говорит, дело знать, мертвые ли они или нет; они не мертвые, не мертвые, кричит, не мертвые!» Словом, скандальозу наделал ужасного: вся деревня сбежалась, ребенки плачут, всё кричит, никто никого не понимает, — ну, просто, оррёр, оррёр, оррёр!.. Но вы себе представить не можете, Анна Григорьевна, как я перетревожилась, когда услышала всё это. «Голубушка барыня, говорит мне Машка: посмотрите в зеркало: вы бледны». — «Не до зеркала, говорю, мне: я должна ехать рассказать Анне Григорьевне». В ту ж минуту приказываю заложить коляску; кучер

Андрюшка спрашивает меня, куда ехать, а я ничего не могу и говорить, гляжу просто ему в глаза, как дура; я думаю, что он подумал, что я сумасшедшая. Ах, Анна Григорьевна! если б вы только могли себе представить, как я перетревожилась!»

«Это, однако ж, странно», сказала во всех отношениях приятная дама: «что бы такое могли значить эти мертвые души? Я, признаюсь, тут ровно ничего не понимаю. Вот уже во второй раз я всё слышу про эти мертвые души; а муж мой еще говорит, что Ноздрев врет: что-нибудь, верно же, есть».

«Но представьте же, Анна Григорьевна, каково мое было положение, когда я услышала это. «И теперь», говорит Коробочка, «я не знаю, говорит, что мне делать. Заставил, говорит, подписать меня какую-то фальшивую бумагу, бросил пятнадцать рублей ассигнациями; я, говорит, неопытная, беспомощная вдова, я ничего не знаю. . .» Так вот происшествия! Но только если бы вы могли сколько-нибудь себе представить, как я вся перетревожилась».

«Но только, воля ваша, здесь не мертвые души, здесь скрывается что-то другое».

«Я, признаюсь, тоже», произнесла не без удивления просто приятная дама и почувствовала тут же сильное желание узнать, что бы такое могло здесь скрываться. Она даже произнесла с расстановкой: «А что ж, вы полагаете, здесь скрывается?»

«Ну, а как вы думаете?»

«Как я думаю? . . Я, признаюсь, совершенно потрясена».

«Но, однако ж, я бы всё хотела знать, какие ваши насчет этого мысли?»

Но приятная дама ничего не нашлась сказать. Она умела только тревожиться, но чтобы составить какое-нибудь сметливое предположение, для этого никак ее не ставало, и оттого, более нежели всякая другая, она имела потребность в нежной дружбе и советах.

«Ну, слушайте же, что такое эти мертвые души», сказала дама приятная во всех отношениях, и гостья при таких словах вся обратилась в слух: ушки ее вытянулись сами собою, она приподнялась, почти не сидя и не держась на диване, и, несмотря на то, что была отчасти тяжеловата, сделалась вдруг тонее, стала похожа на легкий пух, который вот так и полетит на воздух от дуновенья.

Так русский барин, собачей и иора-охотник, подъезжая к лесу, из которого вот-вот выскочит оттопанный доезжачими заяц, обращается весь с своим конем и поднятым арапником в один застывший миг, в порох, к которому вот-вот поднесут огонь. Весь впился он очами в мутный воздух и уж настигнет зверя, уж допечет его неотбойный, как ни воздымайся против него вся мятущая снеговая степь, пускающая серебряные звезды ему в уста, в усы, в очи, в брови и в бобровую его шапку.

«Мертвые души. . .» произнесла во всех отношениях приятная дама.

«Что, что?» подхватила гостья, вся в волненьи.

«Мертвые души! . .»

«Ах, говорите ради бога!»

«Это, просто, выдумано только для прикрытья, а дело вот в чем: он хочет увезти губернаторскую дочку».

Это заключение, точно, было никак неожиданно и во всех отношениях необыкновенно. Приятная дама, услышав это, так и окаменела на месте, побледнела, побледнела, как смерть, и, точно, перетревожилась не на шутку. «Ах, боже мой!» вскрикнула она, всплеснув руками: «уж этого я бы никак не могла предполагать».

«А я, признаюсь, как только вы открыли рот, я уже смекнула, в чем дело», отвечала дама приятная во всех отношениях.

«Но каково же после этого, Анна Григорьевна, институтское воспитание! ведь вот невинность!»

«Какая невинность! Я слышала, как она говорила такие речи, что, признаюсь, у меня не станет духа произнести их».

«Знаете, Анна Григорьевна, ведь это, просто, раздирает сердце, когда видишь, до чего достигла наконец безнравственность».

«А мужчины от нее без ума. А по мне, так я, признаюсь, ничего не нахожу в ней. . .»

«Манерна нестерпимо».

«Ах, жизнь моя, Анна Григорьевна, она статуя, и хоть бы какое-нибудь выраженье в лице».

«Ах, как манерна! ах, как манерна! Боже, как манерна! Кто выучил ее, я не знаю, но я еще не видывала женщины, в которой бы было столько жеманства».

«Душенька! она статуя и бледна, как смерть».

«Ах, не говорите, Софья Ивановна: румянится безбожно».

«Ах, что это вы, Анна Григорьевна: она мел, мел, чистейший мел».

«Милая, я сидела возле нее: румянец в палец толщиной и отваливается, как штукатурка, кусками. Мать выучила. сама кокетка, а дочка еще превзойдет матушку».

«Ну, позвольте, ну, положите сами клятву, какую хотите, я готова сей же час лишиться детей, мужа, всего именья, если у ней есть хоть одна капелька, хоть частица, хоть тень какого-нибудь румянца!»

«Ах, что это вы говорите, Софья Ивановна!» сказала дама приятная во всех отношениях и всплеснула руками.

«Ах, какие же вы, право, Анна Григорьевна! я с изумленьем на вас гляжу!» сказала приятная дама и всплеснула тоже руками.

Да не покажется читателю странным, что обе дамы были несогласны между собою в том, что видели почти в одно и то же время. Есть, точно, на свете много таких вещей, которые имеют уже такое свойство: если на них взглянет одна дама, они выйдут совершенно белые, а взглянет другая, выйдут красные, красные, как брусника.

«Ну, вот вам еще доказательство, что она бледна», продолжала приятная дама: «я помню, как теперь, что я сижу возле Манилова и говорю ему: «Посмотрите, какая она бледная!» Право, нужно быть до такой степени бестолковыми, как наши мужчины, чтобы восхищаться ею. А наш-то прелестник... Ах, как он мне показался противным! Вы не можете себе представить, Анна Григорьевна, до какой степени он мне показался противным».

«Да, однако же, нашлись некоторые дамы, которые были неравнодушны к нему».

«Я, Анна Григорьевна? Вот уж никогда вы не можете сказать этого, никогда, никогда!»

«Да я не говорю об вас, как будто, кроме вас, никого нет».

«Никогда, никогда, Анна Григорьевна! Позвольте мне вам заметить, что я очень хорошо себя знаю; а разве со стороны каких-нибудь иных дам, которые играют роль недоступных».

«Уж извините, Софья Ивановна! Уж позвольте вам сказать, что за мной подобных скандальозностей никогда еще не водилось. За кем другим разве, а уж за мной нет, уж позвольте мне вам это заметить».

«Отчего же вы обиделись? ведь там были и другие дамы, были даже такие, которые первые захватили стул у дверей, чтобы сидеть к нему поближе».

Ну, уж после таких слов, произнесенных приятною дамою, должна была неминуемо последовать буря; но, к величайшему изумлению, обе дамы вдруг приутихли, и совершенно ничего не последовало. Во всех отношениях приятная дама вспомнила, что выкройка для модного платья еще не находится в ее руках, а просто приятная дама смекнула, что она еще не успела выведать никаких подробностей насчет открытия, сделанного ее искреннею приятельницею, и потому мир последовал очень скоро. Впрочем, обе дамы, нельзя сказать, чтобы имели в своей натуре потребность наносить неприятность, и вообще в характерах их ничего не было злого, а так, нечувствительно, в разговоре рождалось само собою маленькое желание кольнуть друг друга; просто, одна другой из небольшого наслаждения при случае всунет иное живое словцо: вот, мол, тебе! на, возьми! съешь! Разного рода бывают потребности в сердцах как мужеского, так и женского пола.

«Я не могу, однако же, понять только того», сказала просто приятная дама: «как Чичиков, будучи человек заезжий, мог решиться на такой отважный пассаж. Не может быть, чтобы тут не было участников».

«А вы думаете, нет их?»

«А кто же бы, полагаете, мог помогать ему?»

«Ну да хоть и Ноздрев».

«Неужели Ноздрев?»

«А что ж? ведь его на это станет. Вы знаете: он родного отца готов продать или, еще лучше, проиграть в карты».

«Ах, боже мой, какие интересные новости я узнаю от вас! Я бы никак не могла предполагать, чтобы и Ноздрев был замешан в эту историю!»

«А я всегда предполагала».

«Как подумаешь, право, чего ни происходит на свете: ну, можно ли было предполагать, когда, помните, Чичиков только

что приехал к нам в город, что он произведет такой странный марш в свете. Ах, Анна Григорьевна, если бы вы знали, как я перетревожилась! Если бы не ваша благосклонность и дружба... вот уже, точно, на краю погибели... куда ж? Машка моя видит, что я бледна, как смерть: «Душечка барыня», говорит мне, «вы бледны, как смерть». — «Машка, говорю, мне не до того теперь». Так вот какой случай! Так и Ноздрев здесь, прошу покорно!»

Приятной даме очень хотелось выведать дальнейшие подробности насчет похищения, то-есть в котором часу и прочее, но многого захотела. Во всех отношениях приятная дама прямо отозвалась незнанием. Она не умела лгать: предположить что-нибудь, — это другое дело, но и то в таком случае, когда предположение основывалось на внутреннем убеждении; если ж было почувствовано внутреннее убеждение, тогда умела она постоять за себя, и попробовал бы какой-нибудь дока-адвокат, славящийся даром побеждать чужие мнения, попробовал бы он состязаться здесь: увидел бы он, что значит внутреннее убеждение.

Что обе дамы наконец решительно убедились в том, что прежде предположили только, как одно предположение, в этом ничего нет необыкновенного. Наша братья, народ умный, как мы называем себя, поступает почти так же, и доказательством служат наши ученые рассуждения. Сперва ученый подъезжает в них необыкновенным подлецом, начинает робко, умеренно, начинает самым смиренным запросом: не оттуда ли? не из того ли угла получила имя такая-то страна? или: не принадлежит ли этот документ к другому, позднейшему времени? или: не нужно ли под этим народом разуметь вот какой народ? Цитует немедленно тех и других древних писателей и чуть только видит какой-нибудь намек или, просто, показалось ему намеком, уж он получает рысь и бодрится, разговаривает с древними писателями запросто, задает им запросы и сам даже отвечает на них, позабывая вовсе о том, что начал робким предположением; ему уже кажется, что он это видит, что это ясно — и рассуждение заключено словами: так это вот как было, так вот какой народ нужно разуметь, так вот с какой точки нужно смотреть на предмет! Потом во всеуслышанье с кафедры, — и новооткрытая истина пошла гулять по свету, набирая себе последователей и поклонников.

В то время, когда обе дамы так удачно и остроумно решили такое запутанное обстоятельство, вошел в гостиную прокурор с вечно неподвижною своей физиономией, густыми бровями и моргавшим глазом. Дамы наперерыв принялись сообщать ему все события, рассказали о покупке мертвых душ, о намерении увезти губернаторскую дочку и сбили его совершенно с толку, так что, сколько ни продолжал он стоять на одном и том же месте, хлопать левым глазом и бить себя платком по бороде, сметая оттуда табак, но ничего решительно не мог понять. Так на том и оставили его обе дамы и отправились каждая в свою сторону бунтовать город. Это предприятие удалось произвести им с небольшим в полчаса. Город был решительно взбунтован; всё пришло в брожение, и хоть бы кто-нибудь мог что-либо понять. Дамы умели напустить такого тумана в глаза всем, что все, а особенно чиновники, несколько времени оставались ошеломленными. Положение их в первую минуту было похоже на положение школьника, которому сонному товарищи, вставшие поранее, засунули в нос гусара, то-есть бумажку, наполненную табаком. Потянувши впросонках весь табак к себе со всем усердием спящего, он пробуждается, вскакивает, глядит как дурак, выпучив глаза во все стороны, и не может понять, где он, что он, что с ним было, и потом уже различает озаренные косвенным лучом солнца стены, смех товарищей, скрывшихся по углам, и глядящее в окно наступившее утро, с проснувшимся лесом, звучащим тысячами птичьих голосов, и с осветившеюся речкою, там и там пропадающею блещущими загогулинами между тонких тростников, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье, и потом уже наконец чувствует, что в носу у него сидит гусар. Таково совершенно было в первую минуту положение обитателей и чиновников города. Всякой, как баран, остановился, выпучив глаза. Мертвые души, губернаторская дочка и Чичиков сбились и смешались в головах их необыкновенно странно; и потом уже, после первого одурения, они как будто бы стали различать их порознь и отделять одно от другого, стали требовать отчета и сердиться, видя, что дело никак не хочет объясниться. Что ж за притча, в самом деле, что за притча эти мертвые души? Логики нет никакой в мертвых душах, как же покупать мертвые души? где ж дурак такой возьмется? и на какие слепые деньги

станет он покупать их? и на какой конец, к какому делу можно приткнуть эти мертвые души? и зачем вмешалась сюда губернаторская дочка? Если же он хотел увезти ее, так зачем для этого покупать мертвые души? Если же покупать мертвые души, так зачем увозить губернаторскую дочку? Подарить, что ли, он хотел ей эти мертвые души? Что ж за вздор, в самом деле, разнесли по городу? Что ж за направленье такое, что не успеешь поворотиться, а тут уж и выпустят историю, и хоть бы какой-нибудь смысл был... Однако ж разнесли, стало быть, была же какая-нибудь причина? Какая же причина в мертвых душах? даже и причины нет. Это выходит, просто: Андроны едут, чепуха, белиберда, сапоги всмятку! это, просто, чорт побери!.. Словом, пошли толки, толки, и весь город заговорил про мертвые души и губернаторскую дочку, про Чичикова и мертвые души, про губернаторскую дочку и Чичикова, и всё, что ни есть, поднялось. Как вихорь взметнулся дотоле, казалось, дремавший город! Вылезли из нор все тюрюки и байбаки, которые позалеживались в халатах по нескольку лет дома, сваливая вину то на сапожника, сшившего узкие сапоги, то на портного, то на пьяницу кучера. Все те, которые прекратили давно уже всякие знакомства и знались только, как выражаются, с помещиками Завалишиным да Полежаевым (знаменитые термины, произведенные от глаголов полежать и завалиться, которые в большом ходу у нас на Руси, всё равно как фраза: заехать к Сопикову и Храповицкому, означающая всякие мертвецкие сны на боку, на спине и во всех иных положениях, с захрапами, носовыми свистами и прочими принадлежностями); все те, которых нельзя было выманить из дому даже зазывом на расхлебку пятисотрублевой ухи, с двух-аршинными стерлядями и всякими тающими во рту кулебяками; словом, оказалось, что город и люден, и велик, и населен как следует. Показался какой-то Сысой Пафнутьевич и Макдональд Карлович, о которых и не слышно было никогда; в гостиных заторчал какой-то длинный, длинный с простреленною рукою, такого высокого роста, какого даже и не видано было. На улицах показались крытые дрожки, неведомые линейки, дребезжалки, колесосвистки — и заварилась каша. В другое время и при других обстоятельствах подобные слухи, может быть, не обратили бы на себя никакого внимания; но

город N. уже давно не получал никаких совершенно вестей. Даже не происходило в продолжение трех месяцев ничего такого, что называют в столицах комеражами, что, как известно, для города то же, что своевременный подвоз съестных припасов. В городской толковне оказалось вдруг два совершенно противоположных мнения и образовалися вдруг две противоположные партии: мужская и женская. Мужская партия, самая бестолковая, обратила внимание на мертвые души. Женская занялась исключительно похищением губернаторской дочки. В этой партии, надо заметить к чести дам, было несравненно более порядка и осмотрительности. Таково уже, видно, самое назначение их быть хорошими хозяйками и распорядительницами. Всё у них скоро приняло самый определительный вид, облеклось в ясные и очевидные формы, объяснилось, очистилось, одним словом, вышла оконченная картинка. Оказалось, что Чичиков давно уже был влюблен, и виделись они в саду при лунном свете, что губернатор давно бы отдал за него дочку, потому что Чичиков богат, как жид, если бы причиною не была жена его, которую он бросил (откуда они узнали, что Чичиков женат, — это никому не было ведомо), и что жена, которая страдает от безнадежной любви, написала письмо к губернатору самое трогательное, и что Чичиков, видя, что отец и мать никогда не согласятся, решился на похищение. В других домах рассказывалось это несколько иначе: что у Чичикова нет вовсе никакой жены, но что он, как человек тонкий и действующий наверняка, предпринял с тем, чтобы получить руку дочери, начать дело с матери и имел с нею сердечную тайную связь, и что потом сделал декларацию насчет руки дочери; но мать, испугавшись, чтобы не совершилось преступление, противное религии, и чувствуя в душе угрызение совести, отказала наотрез, и что вот потому Чичиков решился на похищение. Ко всему этому присоединялись многие объяснения и поправки по мере того, как слухи проникали наконец в самые глухие переулки. На Руси же общества низшие очень любят поговорить о сплетнях, бывающих в обществах высших, а потому начали обо всем этом говорить в таких домишках, где даже в глаза не видывали и не знали Чичикова, пошли прибавления и еще бо́льшие пояснения. Сюжет становился ежеминутно занимательнее, принимал с каждым днем более окончательные формы

и наконец так, как есть, во всей своей окончательности, доставлен был в собственные уши губернаторши. Губернаторша, как мать семейства, как первая в городе дама, наконец как дама, не подозревавшая ничего подобного, была совершенно оскорблена подобными историями и пришла в негодование, во всех отношениях справедливое. Бедная блондинка выдержала самый неприятный tête-à-tête, какой только когда-либо случалось иметь шестнадцатилетней девушке. Полились целые потоки расспросов, допросов, выговоров, угроз, упреков, увещаний, так что девушка бросилась в слезы, рыдала и не могла понять ни одного слова; швейцару дан был строжайший приказ не принимать ни в какое время и ни под каким видом Чичикова.

Сделавши свое дело относительно губернаторши, дамы насели было на мужскую партию, пытаясь склонить их на свою сторону и утверждая, что мертвые души выдумка и употреблена только для того, чтобы отвлечь всякое подозрение и успешнее произвесть похищение. Многие даже из мужчин были совращены и пристали к их партии, несмотря на то, что подвергнулись сильным нареканиям от своих же товарищей, обругавших их бабами и юбками, именами, как известно, очень обидными для мужеского пола.

Но как ни вооружались и ни противились мужчины, а в их партии совсем не было такого порядка, как в женской. Всё у них было как-то черство, неотесанно, неладно, негожо, нестройно, нехорошо; в голове кутерьма, сутолока, сбивчивость, неопрятность в мыслях — одним словом, так и вызначилась во всем пустая природа мужчины, природа грубая, тяжелая, неспособная ни к домостроительству, ни к сердечным убеждениям, маловерная, ленивая, исполненная беспрерывных сомнений и вечной боязни. Они говорили, что всё это вздор, что похищенье губернаторской дочки более дело гусарское, нежели гражданское, что Чичиков не сделает этого, что бабы врут, что баба, что мешок, что положат, то несет; что главный предмет, на который нужно обратить внимание, есть мертвые души, которые, впрочем, чорт его знает, что значат, но в них заключено, однако ж, весьма скверное, нехорошее. Почему казалось мужчинам, что в них заключалось скверное и нехорошее, сию минуту узнаем: в губернию назначен был новый генерал-губернатор, событие, как изве-

стно, приводящее чиновников в тревожное состояние: пойдут переборки, распеканья, взбутетениванья и всякие должностные похлебки, которыми угощает начальник своих подчиненных! «Ну что», думали чиновники, «если он узнает только, просто, что в городе их вот-де какие глупые слухи, да за это одно может вскипятить не на жизнь, а на самую смерть». Инспектор врачебной управы вдруг побледнел: ему представилось бог знает что, что под словом *мертвые души* не разумеются ли больные, умершие в значительном количестве в лазаретах и в других местах от повальной горячки, против которой не было взято надлежащих мер, и что Чичиков не есть ли подосланный чиновник из канцелярии генерал-губернатора для произведения тайного следствия. Он сообщил об этом председателю. Председатель отвечал, что это вздор, и потом вдруг побледнел сам, задав себе вопрос: а что, если души, купленные Чичиковым, в самом деле мертвые? а он допустил совершить на них крепость, да еще сам сыграл роль поверенного Плюшкина, и дойдет это до сведения генерал-губернатора, что тогда? Он об этом больше ничего, как только сказал тому и другому, и вдруг побледнели и тот и другой; страх прилипчивее чумы и сообщается вмиг. Все вдруг отыскали в себе такие грехи, каких даже не было. Слово *мертвые души* так раздалось неопределенно, что стали подозревать даже, нет ли здесь какого намека на скоропостижно погребенные тела, вследствие двух не так давно случившихся событий. Первое событие было с какими-то сольвычегодскими купцами, приехавшими в город на ярмарку и задавшими после торгов пирушку приятелям своим устьсысольским купцам, пирушку на русскую ногу, с немецкими затеями: аршадами, пуншами, бальзамами и проч. Пирушка, как водится, кончилась дракой. Сольвычегодские уходили на смерть устьсысольских, хотя и от них понесли крепкую ссадку на бока, под микитки и в подсочельник, свидетельствовавшую о непомерной величине кулаков, которыми были снабжены покойники. У одного из восторжествовавших даже был вплоть сколот носос, по выражению бойцов, то-есть весь размозжен нос, так что не оставалось его на лице и на полпальца. В деле своем купцы повинились, изъясняясь, что немного пошалили; носились слухи, будто при повинной голове они приложили по четыре государственные каждый; впрочем, дело слишком

темное; из учиненных выправок и следствий оказалось, что усть-сысольские ребята умерли от угара, а потому так их и похоронили, как угоревших. Другое происшествие, недавно случившееся, было следующее: казенные крестьяне сельца Вшивая-спесь, соединившись с таковыми же крестьянами сельца Боровки, Задирайлово-тож, снесли с лица земли будто бы земскую полицию, в лице заседателя, какого-то Дробяжкина; что будто земская полиция, то-есть заседатель Дробяжкин, повадился уж чересчур часто ездить в их деревню, что, в иных случаях, стóит повальной горячки, а причина-де та, что земская полиция, имея кое-какие слабости со стороны сердечной, приглядывался на баб и деревенских девок. Наверное, впрочем, неизвестно, хотя в показаниях крестьяне выразились прямо, что земская полиция был-де блудлив, как кошка, и что уже не раз они его оберегали и один раз даже выгнали нагишом из какой-то избы, куда он было забрался. Конечно, земская полиция достоин был наказания за сердечные слабости, но мужиков как Вшивой-спеси, так и Задирайлова-тож нельзя было также оправдать за самоуправство, если они только действительно участвовали в убиении. Но дело было темно, земскую полицию нашли на дороге, мундир или сертук на земской полиции был хуже тряпки, а уж физиогномии и распознать нельзя было. Дело ходило по судам и поступило наконец в палату, где было рассужено сначала наедине в таком смысле: так как неизвестно, кто из крестьян именно участвовал, а всех их много, Дробяжкин же человек мертвый, стало быть ему немного в том проку, если бы даже он и выиграл дело, а мужики были еще живы, стало быть для них весьма важно решение в их пользу; то вследствие того решено было так: что заседатель Дробяжкин был сам причиною, оказывая несправедливые притеснения мужикам Вшивой-спеси и Задирайлова-тож, а умер-де он, возвращаясь в санях, от апоплексического удара. Дело, казалось бы, обделано было кругло, но чиновники, однако ж, неизвестно почему, стали думать, что, верно, об этих мертвых душах идет теперь дело. Случись же так, что, как нарочно, в то время, когда господа чиновники и без того находились в затруднительном положении, пришли к губернатору разом две бумаги. В одной из них содержалось, что по дошедшим показаниям и донесениям находится в их губернии делатель фальшивых ассигнаций, скрывающийся

под разными именами, и чтобы немедленно было учинено строжайшее розыскание. Другая бумага содержала в себе отношение губернатора соседственной губернии о убежавшем от законного преследования разбойнике, и что буде окажется в их губернии какой подозрительный человек, не предъявящий никаких свидетельств и пашпортов, то задержать его немедленно. Эти две бумаги так и ошеломили всех. Прежние заключения и догадки совсем были сбиты с толку. Конечно, никак нельзя было предполагать, чтобы тут относилось что-нибудь к Чичикову, однако ж все, как поразмыслили каждый с своей стороны, как припомнили, что они еще не знают, кто таков на самом деле есть Чичиков, что он сам весьма неясно отзывался насчет собственного лица, говорил, правда, что потерпел по службе за правду, да ведь всё это как-то темно, и когда вспомнили при этом, что он даже выразился, будто имел много неприятелей, покушавшихся на жизнь его, то задумались еще более: стало быть, жизнь его была в опасности; стало быть, его преследовали; стало быть, он ведь сделал же что-нибудь такое... Да кто же он в самом деле такой? Конечно, нельзя думать, чтобы он мог делать фальшивые бумажки, а тем более быть разбойником, наружность благонамеренна; но при всем том, кто же бы, однако ж, он был такой на самом деле? И вот господа чиновники задали себе теперь вопрос, который должны были задать себе вначале, то-есть в первой главе нашей поэмы. Решено было еще сделать несколько расспросов тем, у которых были куплены души, чтобы, по крайней мере, узнать, что за покупка, и что именно нужно разуметь под этими мертвыми душами, и не объяснил ли он кому, хоть, может быть, невзначай, хоть вскользь как-нибудь, настоящих своих намерений, и не сказал ли он кому-нибудь о том, кто он такой. Прежде всего отнеслись к Коробочке, но тут почерпнули не много: купил-де за пятнадцать рублей, и птичьи перья тоже покупает, и много всего обещался накупить, в казну сало тоже ставит, и потому наверно плут, ибо уж был один такой, который покупал птичьи перья и в казну сало поставлял, да обманул всех и протопопшу надул более чем на сто рублей. Всё, что ни говорила она далее, было повторение почти одного и того же, и чиновники увидели только, что Коробочка была просто глупая старуха. Манилов отвечал, что́ за Павла Ивановича всегда он готов

ручаться, как за самого себя, что он бы пожертвовал всем своим имением, чтобы иметь сотую долю качеств Павла Ивановича, и отозвался о нем вообще в самых лестных выражениях, присовокупив несколько мыслей насчет дружбы и симпатии уже с зажмуренными глазами. Эти мысли, конечно, удовлетворительно объяснили нежное движение его сердца, но не объяснили чиновникам настоящего дела. Собакевич отвечал, что Чичиков, по его мнению, человек хороший, а что крестьян он ему продал на выбор и народ во всех отношениях живой; но что он не ручается за то, что случится вперед, что если они попримрут во время трудностей переселения в дороге, то не его вина, и в том властен бог, а горячек и разных смертоносных болезней есть на свете не мало, и бывают примеры, что вымирают-де целые деревни. Господа чиновники прибегнули еще к одному средству, не весьма благородному, но которое, однако же, иногда употребляется, то-есть стороною, посредством разных лакейских знакомств, расспросить людей Чичикова, не знают ли они каких подробностей насчет прежней жизни и обстоятельств барина, но услышали тоже не много. От Петрушки услышали только запах жилого покоя, а от Селифана, что сполнял службу государскую, да служил прежде по таможне, и ничего более. У этого класса людей есть весьма странный обычай. Если его спросить прямо о чем-нибудь, он никогда не вспомнит, не приберет всего в голову и даже, просто, ответит, что не знает, а если спросить о чем другом, тут-то он и приплетет его, и расскажет с такими подробностями, которых и знать не захочешь. Все поиски, произведенные чиновниками, открыли им только то, что они наверное никак не знают, что такое Чичиков, а что, однако же, Чичиков что-нибудь да должен быть непременно. Они положили наконец потолковать окончательно об этом предмете и решить по крайней мере, что и как им делать, и какие меры предпринять, и что такое он именно: такой ли человек, которого нужно задержать и схватить как неблагонамеренного, или же он такой человек, который может сам схватить и задержать их всех как неблагонамеренных. Для всего этого предположено было собраться нарочно у полицеймейстера, уже известного читателям отца и благодетеля города.

ГЛАВА X

Собравшись у полицеймейстера, уже известного читателям отца и благодетеля города, чиновники имели случай заметить друг другу, что они даже похудели от этих забот и тревог. В самом деле, назначение нового генерал-губернатора, и эти полученные бумаги такого сурьезного содержания, и эти бог знает какие слухи, всё это оставило заметные следы в их лицах, и фраки на многих сделались заметно просторней. Всё подалось: и председатель похудел, и инспектор врачебной управы похудел, и прокурор похудел, и какой-то Семен Иванович, никогда не называвшийся по фамилии, носивший на указательном пальце перстень, который давал рассматривать дамам, даже и тот похудел. Конечно, нашлись, как и везде бывает, кое-кто неробкого десятка, которые не потеряли присутствия духа, но их было весьма немного: почтмейстер один только. Он один не изменялся в постоянно ровном характере и всегда в подобных случаях имел обыкновение говорить: «Знаем мы вас, генерал-губернаторов! Вас, может быть, три-четыре переменится, а я вот уже тридцать лет, судырь мой, сижу на одном месте». На это обыкновенно замечали другие чиновники: «Хорошо тебе, шпрехен зи дейч Иван Андрейч; у тебя дело почтовое: принять да отправить экспедицию; разве только надуешь, заперши присутствие получасом раньше, да возьмешь с опоздавшего купца за прием письма в неуказанное время, или перешлешь иную посылку, которую не следует пересылать, тут, конечно, всякой будет святой. А вот

пусть к тебе повадится чорт подвертываться всякой день под руку, так что вот и не хочешь брать, а он сам сует. Тебе, разумеется, с пола-горя: у тебя один сынишка; а тут, брат, Прасковью Федоровну наделил бог такою благодатию — что год, то несет: либо Праскушку, либо Петрушу; тут, брат, другое запоешь». Так говорили чиновники, а можно ли в самом деле устоять против чорта, об этом судить не авторское дело. В собравшемся на сей раз совете очень заметно было отсутствие той необходимой вещи, которую в простонародьи называют толком. Вообще мы как-то не создались для представительных заседаний. Во всех наших собраниях, начиная от крестьянской мирской сходки до всяких возможных ученых и прочих комитетов, если в них нет одной главы, управляющей всем, присутствует препорядочная путаница. Трудно даже и сказать, почему это; видно, уже народ такой, только и удаются те совещания, которые составляются для того, чтобы покутить или пообедать, как-то: клубы и всякие воксалы на немецкую ногу. А готовность всякую минуту есть, пожалуй, на всё. Мы вдруг, как ветер повеет, заведем общества благотворительные, поощрительные и нивесть какие. Цель будет прекрасна, а при всем том ничего не выйдет. Может быть, это происходит оттого, что мы вдруг удовлетворяемся в самом начале и уже почитаем, что всё сделано. Например, затеявши какое-нибудь благотворительное общество для бедных и пожертвовавши значительные суммы, мы тотчас, в ознаменование такого похвального поступка, задаем обед всем первым сановникам города, разумеется, на половину всех пожертвованных сумм; на остальные нанимается тут же для комитета великолепная квартира, с отоплением и сторожами; а затем и остается всей суммы для бедных пять рублей с полтиною, да и тут в распределении этой суммы еще не все члены согласны между собою, и всякий сует какую-нибудь свою куму. Впрочем, собравшееся ныне совещание было совершенно другого рода: оно образовалось вследствие необходимости. Не о каких-либо бедных или посторонних шло дело, дело касалось всякого чиновника лично, дело касалось беды, всем равно грозившей, стало быть поневоле тут должно быть единодушнее, теснее. Но при всем том вышло чорт знает что такое. Не говоря уже о разногласиях, свойственных всем советам, во мнении собравшихся обнаружилась какая-то даже

непостижимая нерешительность: один говорил, что Чичиков делатель государственных ассигнаций, и потом сам прибавлял: а может быть, и не делатель; другой утверждал, что он чиновник генерал-губернаторской канцелярии, и тут же присовокуплял: а, впрочем, чорт его знает, на лбу ведь не прочтешь. Против догадки, не переодетый ли разбойник, вооружились все; нашли, что сверх наружности, которая сама по себе была уже благонамеренна, в разговорах его ничего не было такого, которое бы показывало человека с буйными поступками. Вдруг почтмейстер, остававшийся несколько минут погруженным в какое-то размышление, вследствие ли внезапного вдохновения, осенившего его, или чего иного, вскрикнул неожиданно: «Знаете ли, господа, кто это?» Голос, которым он произнес это, заключал в себе что-то потрясающее, так что заставил вскрикнуть всех в одно слово: «А кто?» — «Это, господа, судырь мой, не кто другой, как капитан Копейкин!» А когда все тут же в один голос спросили: «Кто таков этот капитан Копейкин?» почтмейстер сказал: «Так вы не знаете, кто такой капитан Копейкин?»

Все отвечали, что никак не знают, кто таков капитан Копейкин.

«Капитан Копейкин», сказал почтмейстер, открывший свою табакерку только вполовину, из боязни, чтобы кто-нибудь из соседей не запустил туда своих пальцев, в чистоту которых он плохо верил и даже имел обыкновение приговаривать: «Знаем, батюшка: вы пальцами своими, может быть, нивесть в какие места наведываетесь, а табак — вещь, требующая чистоты». — «Капитан Копейкин», повторил он, уже понюхавши табаку: «да ведь это, впрочем, если рассказать, выйдет презанимательная для какого-нибудь писателя, в некотором роде, целая поэма».

Все присутствующие изъявили желание узнать эту историю, или, как выразился почтмейстер, презанимательную для писателя, в некотором роде, целую поэму, и он начал так:

ПОВЕСТЬ О КАПИТАНЕ КОПЕЙКИНЕ

«После кампании двенадцатого года, судырь ты мой», так начал почтмейстер, несмотря на то что в комнате сидел не один сударь, а целых шестеро: «после кампании двенадцатого года,

вместе с ранеными прислан был и капитан Копейкин. Под Красным ли или под Лейпцигом, только, можете вообразить, ему оторвало руку и ногу. Ну, тогда еще не сделано было насчет раненых никаких, знаете, эдаких распоряжений; этот какой-нибудь инвалидный капитал был уже заведен, можете представить себе, в некотором роде, гораздо после. Капитан Копейкин видит: нужно работать бы, только рука-то у него, понимаете, левая. Наведался было домой к отцу; отец говорит: «Мне нечем тебя кормить, я, можете представить себе, сам едва достаю хлеб». Вот мой капитан Копейкин решился отправиться, судырь мой, в Петербург, чтобы просить государя, не будет ли какой монаршей милости: «что вот-де, так и так, в некотором роде, так сказать, жизнию жертвовал, проливал кровь. . .» Ну, как-то там, знаете, с обозами или фурами казенными, словом, судырь мой, дотащился он кое-как до Петербурга. Ну, можете представить себе, эдакой какой-нибудь, то-есть, капитан Копейкин и очутился вдруг в столице, которой подобной, так сказать, нет в мире! Вдруг перед ним свет, так сказать, некоторое поле жизни, сказочная Шехерезада. Вдруг какой-нибудь эдакой, можете представить себе, Невский проспект, или там, знаете, какая-нибудь Гороховая, чорт возьми! или там эдакая какая-нибудь Литейная; там шпиц эдакой какой-нибудь в воздухе; мосты там висят эдаким чортом, можете представить себе, без всякого, то-есть, прикосновения, — словом, Семирамида, судырь, да и полно! Понатолкался было нанять квартиры, только всё это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое, понимаете, ковры — Персия целиком: ногой, так сказать, попираешь капиталы. Ну, просто, то-есть, идешь по улице, а уж нос твой так и слышит, что пахнет тысячами; а у моего капитана Копейкина весь ассигнационный банк, понимаете, состоит из каких-нибудь десяти синюх. Ну, как-то там приютился в Ревельском трактире, за рубль в сутки; обед — щи, кусок битой говядины... Видит, заживаться нечего. Расспросил, куда обратиться. Говорят, есть, в некотором роде, высшая комиссия, правленье, понимаете, эдакое, и начальником генерал-аншеф такой-то. А государя, нужно вам знать, в то время не было еще в столице; войска, можете себе представить, еще не возвращались из Парижа, всё было за границей. Копейкин мой, вставший поранее, поскреб себе левой рукой

бороду, — потому что платить цырюльнику — это составит, в некотором роде, счет, — натащил на себя мундиришку и на деревяшке своей, можете вообразить, отправился к самому начальнику, к вельможе. Расспросил квартиру. «Вон», говорят, указав ему дом на Дворцовой набережной. Избенка, понимаете, мужичья: стеклушки в окнах, можете себе представить, полутора-саженные зеркала, так что вазы и всё, что там ни есть в комнатах, кажутся как бы внаруже: мог бы, в некотором роде, достать с улицы рукой; драгоценные марморы на стенах, металлические галантереи, какая-нибудь ручка у дверей, так что нужно, знаете, забежать наперед в мелочную лавочку, да купить на грош мыла, да прежде часа два тереть им руки, да потом уже решишься ухватиться за нее — словом: лаки на всем такие — в некотором роде ума помрачение. Один швейцар уже смотрит генералиссимусом: вызолоченная булава, графская физиогномия, как откормленный жирный мопс какой-нибудь; батистовые воротнички, канальство! . . Копейкин мой встащился кое-как с своей деревяшкой в приемную, прижался там в уголку себе, чтобы не толкнуть локтем, можете себе представить, какую-нибудь Америку или Индию — раззолоченную, понимаете, фарфоровую вазу эдакую. Ну, разумеется, что он настоялся там вдоволь, потому что, можете представить себе, пришел еще в такое время, когда генерал, в некотором роде, едва поднялся с постели и камердинер, может быть, поднес ему какую-нибудь серебряную лоханку для разных, понимаете, умываний эдаких. Ждет мой Копейкин часа четыре, как вот входит, наконец, адъютант или там другой дежурный чиновник. «Генерал», говорит, «сейчас выйдет в приемную». А в приемной уж народу, как бобов на тарелке. Всё это не то, что наш брат холоп, всё четвертого или пятого класса, полковники, а кое-где и толстый макарон блестит на эполете — генералитет, словом, такой. Вдруг в комнате, понимаете, пронеслась чуть заметная суета, как эфир какой-нибудь тонкой. Раздалось там и там: «шу, шу», и наконец тишина настала страшная. Вельможа входит. Ну. . . можете представить себе: государственный человек! В лице, так сказать. . . ну, сообразно с званием, понимаете. . . с высоким чином. . . такое и выраженье, понимаете. Всё, что ни было в передней, разумеется, в ту же минуту в струнку, ожидает, дрожит, ждет решенья, в некотором роде, судьбы.

Министр или вельможа подходит к одному, к другому: «Зачем вы? зачем вы? что вам угодно? какое ваше дело?» Наконец, судырь мой, к Копейкину. Копейкин, собравшись с духом: «Так и так, ваше превосходительство: проливал кровь, лишился, в некотором роде, руки и ноги, работать не могу, осмеливаюсь просить монаршей милости». Министр видит: человек на деревяшке и правый рукав пустой пристегнут к мундиру. «Хорошо», говорит: «понаведайтесь на-днях». Копейкин мой выходит чуть не в восторге: одно то, что удостоился аудиенции, так сказать, с первостатейным вельможею; а другое то, что вот теперь наконец решится, в некотором роде, насчет пенсиона. В духе, понимаете, таком, подпрыгивает по тротуару. Зашел в Палкинский трактир выпить рюмку водки, пообедал, судырь мой, в «Лондоне», приказал подать себе котлетку с каперсами, пулярку спросил с разными финтерлеями; спросил бутылку вина, ввечеру отправился в театр, одним словом, понимаете, кутнул. На тротуаре, видит, идет какая-то стройная англичанка, как лебедь, можете себе представить, эдакой. Мой Копейкин, кровь-то, знаете, разыгралась в нем, побежал было за ней на своей деревяшке, трюх-трюх следом; «да нет», подумал, «пусть после, когда получу пенсион; теперь уж я что-то расходился слишком». Вот, судырь мой, каких-нибудь через три-четыре дня является Копейкин мой снова к министру, дождался выходу. «Так и так», говорит, «пришел», говорит, «услышать приказ вашего высокопревосходительства по одержимым болезням и за ранами...» и тому подобное, понимаете, в должностном слоге. Вельможа, можете вообразить, тотчас его узнал: «А», говорит, «хорошо», говорит: «на этот раз ничего не могу сказать вам более, как только то, что вам нужно будет ожидать приезда государя; тогда, без сомнения, будут сделаны распоряжения насчет раненых, а без монаршей, так сказать, воли я ничего не могу сделать». Поклон, понимаете, и — прощайте. Копейкин, можете вообразить себе, вышел в положении самом неопределенном. Он-то уже думал, что вот ему завтра так и выдадут деньги: «На тебе, голубчик, пей да веселись»; а вместо того ему приказано ждать, да и время не назначено. Вот он совой такой вышел с крыльца, как пудель, понимаете, которого повар облил водой: и хвост у него между ног, и уши повесил. «Ну, нет», думает себе: «пойду в другой раз,

объясню, что последний кусок доедаю — не поможете, должен умереть, в некотором роде, с голода». Словом, приходит он, сударь мой, опять на Дворцовую набережную, говорят: «Нельзя, не принимает, приходите завтра». На другой день — тоже; а швейцар на него, просто, и смотреть не хочет. А между тем у него из синюх-то, понимаете, уж остается только одна в кармане. То бывало едал щи, говядины кусок; а теперь в лавочке возьмет какую-нибудь селедку или огурец соленый да хлеба на два гроша, — словом, голодает бедняга, а между тем аппетит, просто, волчий. Проходит мимо эдакого какого-нибудь ресторана — повар там, можете себе представить, иностранец, француз эдакой с открытой физиогномией, белье на нем голландское, фартук, белизною равный снегам, работает там фензерв какой-нибудь, котлетки с трюфелями, — словом, рассупе деликатес такой, что, просто, себя, то-есть, съел бы от аппетита. Пройдет ли мимо Милютинских лавок: там из окна выглядывает, в некотором роде, семга эдакая, вишенки по пяти рублей штучка, арбуз-громадище, дилижанс эдакой, высунулся из окна и, так сказать, ищет дурака, который бы заплатил сто рублей, — словом, на всяком шагу соблазн такой, слюнки текут, а он слышит, между тем, всё: «завтра». Так, можете вообразить себе, каково его положение: тут, с одной стороны, так сказать, семга и арбуз, а с другой-то ему подносят всё одно и то же блюдо: «завтра». Наконец сделалось бедняге, в некотором роде, невтерпеж, решился во что бы то ни стало пролезть штурмом, понимаете. Дождался у подъезда, не пройдет ли еще какой проситель, и там с каким-то генералом, понимаете, проскользнул с своей деревяшкой в приемную. Вельможа, по обыкновению, выходит: «Зачем вы? Зачем вы? А!», говорит, увидевши Копейкина: «ведь я уже объявил вам, что вы должны ожидать решения». — «Помилуйте, ваше высокопревосходительство, не имею, так сказать, куска хлеба...» — «Что же делать? Я для вас ничего не могу сделать; старайтесь покамест помочь себе сами, ищите сами средств». — «Но, ваше высокопревосходительство, сами можете, в некотором роде, судить, какие средства могу сыскать, не имея ни руки, ни ноги». — «Но», говорит сановник: «согласитесь: я не могу вас содержать, в некотором роде, на свой счет; у меня много раненых, все они имеют равное право... Вооружитесь терпением.

Приедет государь, я могу вам дать честное слово, что его монаршая милость вас не оставит». — «Но, ваше высокопревосходительство, я не могу ждать», говорит Копейкин, и говорит, в некотором отношении, грубо. Вельможе, понимаете, сделалось уже досадно. В самом деле: тут со всех сторон генералы ожидают решений, приказаний; дела, так сказать, важные, государственные, требующие самоскорейшего исполнения, — минута упущения может быть важна, — а тут еще привязался сбоку неотвязчивый чорт. «Извините», говорит: «мне некогда... меня ждут дела важнее ваших». Напоминает способом, в некотором роде, тонким, что пора, наконец, и выйти. А мой Копейкин, — голод-то, знаете, пришпорил его: «Как хотите, ваше высокопревосходительство», говорит, «не сойду с места до тех пор, пока не дадите резолюцию». Ну... можете представить: отвечать таким образом вельможе, которому стоит только слово, так вот уж и полетел вверх тарашки, так что и чорт тебя не отыщет... Тут если нашему брату скажет чиновник, одним чином поменьше, подобное, так уж и грубость. Ну, а там размер-то, размер каков: генерал-аншеф и какой-нибудь капитан Копейкин! 90 рублей и нуль! Генерал, понимаете, больше ничего, как только взглянул, а взгляд — огнестрельное оружие: души уж нет — уж она ушла в пятки. А мой Копейкин, можете вообразить, ни с места, стоит, как вкопанный. «Что же вы?» говорит генерал и принял его, как говорится, в лопатки. Впрочем, сказать правду, обошелся он еще довольно милостиво: иной бы пугнул так, что дня три вертелась бы после того улица вверх ногами, а он сказал только: «Хорошо», говорит: «если вам здесь дорого жить и вы не можете в столице покойно ожидать решенья вашей участи, так я вас вышлю на казенный счет. Позвать фельдъегеря! препроводить его на место жительства!» А фельдъегерь уж там, понимаете, и стоит: трехаршинный мужичина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиков, — словом, дантист эдакой... Вот его, раба божия, схватили, судырь мой, да в тележку, с фельдъегерем. «Ну», Копейкин думает, «по крайней мере не нужно платить прогонов, спасибо и за то». Вот он, судырь мой, едет на фельдъегере, да, едучи на фельдъегере, в некотором роде, так сказать, рассуждает сам себе: «Когда генерал говорит, чтобы я поискал сам средств помочь себе, —

хорошо», говорит, «я», говорит, «найду средства!» Ну, уж как только его доставили на место и куда именно привезли, ничего этого неизвестно. Так, понимаете, и слухи о капитане Копейкине канули в реку забвения, в какую-нибудь эдакую Лету, как называют поэты. Но, позвольте, господа, вот тут-то и начинается, можно сказать, нить, завязка романа. Итак, куда делся Копейкин, неизвестно; но не прошло, можете представить себе, двух месяцев, как появилась в рязанских лесах шайка разбойников, и атаман-то этой шайки был, судырь мой, не кто другой. . .»

«Только позволь, Иван Андреевич», сказал вдруг, прервавши его, полицеймейстер: «ведь капитан Копейкин, ты сам сказал, без руки и ноги, а у Чичикова. . .»

Здесь почтмейстер вскрикнул и хлопнул со всего размаха рукой по своему лбу, назвавши себя публично при всех телятиной. Он не мог понять, как подобное обстоятельство не пришло ему в самом начале рассказа, и сознался, что совершенно справедлива поговорка: русский человек задним умом крепок. Однако ж, минуту спустя, он тут же стал хитрить и попробовал было вывернуться, говоря, что, впрочем, в Англии очень усовершенствована механика, что видно по газетам, как один изобрел деревянные ноги таким образом, что при одном прикосновении к незаметной пружинке уносили эти ноги человека бог знает в какие места, так что после нигде и отыскать его нельзя было.

Но все очень усумнились, чтобы Чичиков был капитан Копейкин, и нашли, что почтмейстер хватил уже слишком далеко. Впрочем, они, с своей стороны, тоже не ударили лицом в грязь и, наведенные остроумной догадкой почтмейстера, забрели едва ли не далее. Из числа многих, в своем роде, сметливых предположений наконец одно было, странно даже и сказать, что не есть ли Чичиков переодетый Наполеон, что англичанин издавна завидует, что, дескать, Россия так велика и обширна, что даже несколько раз выходили и карикатуры, где русский изображен разговаривающим с англичанином. Англичанин стоит и сзади держит на веревке собаку, и под собакой разумеется Наполеон. «Смотри, мол», говорит, «если что не так, так я на тебя сейчас выпущу эту собаку!» И вот теперь они, может быть, и

выпустили его с острова Елены, и вот он теперь и пробирается в Россию будто бы Чичиков, а в самом деле вовсе не Чичиков.

Конечно, поверить этому чиновники не поверили, а, впрочем, призадумались и, рассматривая это дело каждый про себя, нашли, что лицо Чичикова, если он поворотится и станет боком, очень сдает на портрет Наполеона. Полицеймейстер, который служил в кампанию 12 года и лично видел Наполеона, не мог тоже не сознаться, что ростом он никак не будет выше Чичикова и что складом своей фигуры Наполеон тоже, нельзя сказать, чтобы слишком толст, однако ж и не так чтобы тонок. Может быть, некоторые читатели назовут всё это невероятным, автор тоже в угоду им готов бы назвать всё это невероятным; но как на беду всё именно произошло так, как рассказывается, и тем еще изумительнее, что город был не в глуши, а, напротив, недалеко от обеих столиц. Впрочем, нужно помнить, что всё это происходило вскоре после достославного изгнания французов. В это время все наши помещики, чиновники, купцы, сидельцы и всякий грамотный и даже неграмотный народ сделались, по крайней мере на целые восемь лет, заклятыми политиками. «Московские Ведомости» и «Сын Отечества» зачитывались немилосердо и доходили к последнему чтецу в кусочках, не годных ни на какое употребление. Вместо вопросов: «Почем, батюшка, продали мерку овса? как воспользовались вчерашней порошей?» говорили: «А что пишут в газетах, не выпустили ли опять Наполеона из острова?» Купцы этого сильно опасались, ибо совершенно верили предсказанию одного пророка, уже три года сидевшего в остроге; пророк пришел неизвестно откуда, в лаптях и нагольном тулупе, страшно отзывавшемся тухлой рыбой, и возвестил, что Наполеон есть антихрист и держится на каменной цепи, за шестью стенами и семью морями, но после разорвет цепь и овладеет всем миром. Пророк за предсказание попал, как следует, в острог, но тем не менее дело свое сделал и смутил совершенно купцов. Долго еще, во время даже самых прибыточных сделок, купцы, отправляясь в трактир запивать их чаем, поговаривали об антихристе. Многие из чиновников и благородного дворянства тоже невольно подумывали об этом и, зараженные мистицизмом, который, как известно, был тогда в большой моде, видели в каждой букве, из которых было со-

ставлено слово Наполеон, какое-то особенное значение; многие открыли даже в нем апокалипсические цифры. Итак, ничего нет удивительного, что чиновники невольно задумались на этом пункте; скоро, однако же, спохватились, заметив, что воображение их уже чересчур рысисто и что всё это не то. Думали, думали, толковали, толковали и наконец решили, что не худо бы еще расспросить хорошенько Ноздрева. Так как он первый вынес историю о мертвых душах и был, как говорится, в каких-то тесных отношениях с Чичиковым, стало быть, без сомнения, знает кое-что из обстоятельств его жизни, то попробовать еще, что скажет Ноздрев.

Странные люди эти господа чиновники, а за ними и все прочие звания: ведь очень хорошо знали, что Ноздрев лгун, что ему нельзя верить ни в одном слове, ни в самой безделице, а между тем именно прибегнули к нему. Поди ты, сладь с человеком! не верит в бога, а верит, что если почешется переносье, то непременно умрет; пропустит мимо создание поэта, ясное, как день, всё проникнутое согласием и высокою мудростью простоты, а бросится именно на то, где какой-нибудь удалец напутает, наплетет, изломает, выворотит природу, и ему оно понравится, и он станет кричать: «Вот оно, вот настоящее знание тайн сердца!» Всю жизнь не ставит в грош докторов, а кончится тем, что обратится наконец к бабе, которая лечит зашептываньями и заплевками, или, еще лучше, выдумает сам какой-нибудь декохт из нивесть какой дряни, которая, бог знает почему, вообразится ему именно средством против его болезни. Конечно, можно отчасти извинить господ чиновников действительно затруднительным их положением. Утопающий, говорят, хватается и за маленькую щепку, и у него нет в то время рассудка подумать, что на щепке может разве прокатиться верхом муха, а в нем весу чуть не четыре пуда, если даже не целых пять; но не приходит ему в то время соображение в голову, и он хватается за щепку. Так и господа наши ухватились наконец и за Ноздрева. Полицеймейстер в ту же минуту написал к нему записочку пожаловать на вечер, и квартальный в ботфортах, с привлекательным румянцем на щеках, побежал в ту же минуту, придерживая шпагу, вприскочку на квартиру Ноздрева. Ноздрев был занят важным делом; целые четыре дня уже не выходил он из комнаты, не

впускал никого и получал обед в окошко, — словом, даже исхудал и позеленел. Дело требовало большой внимательности: оно состояло в подбирании из нескольких десятков дюжин карт одной талии, но самой меткой, на которую можно было бы понадеяться, как на вернейшего друга. Работы оставалось еще, по крайней мере, на две недели; во всё продолжение этого времени Порфирий должен был чистить меделянскому щенку пуп особенной щеточкой и мыть его три раза на день в мыле. Ноздрев был очень рассержен за то, что потревожили его уединение; прежде всего он отправил квартального к чорту; но когда прочитал в записке городничего, что может случиться пожива, потому что на вечер ожидают какого-то новичка, смягчился в ту ж минуту, запер комнату наскоро ключом, оделся как попало и отправился к ним. Показания, свидетельства и предположения Ноздрева представили такую резкую противоположность таковым же господ чиновников, что и последние их догадки были сбиты с толку. Это был решительно человек, для которого не существовало сомнений вовсе; и сколько у них заметно было шаткости и робости в предположениях, столько у него твердости и уверенности. Он отвечал на все пункты, даже не заикнувшись, объявил, что Чичиков накупил мертвых душ на несколько тысяч и что он сам продал ему, потому что не видит причины, почему не продать; на вопрос, не шпион ли он и не старается ли что-нибудь разведать, Ноздрев отвечал, что шпион, что еще в школе, где он с ним вместе учился, его называли фискалом и что за это товарищи, а в том числе и он, несколько его поизмяли, так что нужно было потом приставить к одним вискам 240 пьявок, то-есть он хотел было сказать 40, но 200 сказалось как-то само собою. На вопрос, не делатель ли он фальшивых бумажек, он отвечал, что делатель, и при этом случае рассказал анекдот о необыкновенной ловкости Чичикова: как, узнавши, что в его доме находилось на два миллиона фальшивых ассигнаций, опечатали дом его и приставили караул, на каждую дверь по два солдата, и как Чичиков переменил их все в одну ночь, так что на другой день, когда сняли печати, увидели, что всё были ассигнации настоящие. На вопрос, точно ли Чичиков имел намерение увезти губернаторскую дочку и правда ли, что он сам взялся помогать и участвовать в этом деле, Ноздрев отвечал, что помо-

гал и что если бы не он, то не вышло бы ничего. Тут он и спохватился было, видя, что солгал вовсе напрасно и мог таким образом накликать на себя беду, но языка никак уже не мог придержать. Впрочем, и трудно было, потому что представились сами собою такие интересные подробности, от которых никак нельзя было отказаться: даже названа была по имени деревня, где находилась та приходская церковь, в которой положено было венчаться, именно деревня Трухмачевка, поп отец Сидор, за венчание 75 рублей, и то не согласился бы, если бы он не припугнул его, обещаясь донести на него, что перевенчал лабазника Михайла на куме, что он уступил даже свою коляску и заготовил на всех станциях переменных лошадей. Подробности дошли до того, что уже начинал называть по именам ямщиков. Попробовали было заикнуться о Наполеоне, но и сами были не рады, что попробовали, потому что Ноздрев понес такую околесину, которая не только не имела никакого подобия правды, но даже, просто, ни на что не имела подобия, так что чиновники, вздохнувши, все отошли прочь; один только полицеймейстер долго еще слушал, думая, не будет ли, по крайней мере, чего-нибудь далее; но наконец и рукой махнул, сказавши: «Чорт знает, что такое!» И все согласились в том, что как с быком ни биться, а всё молока от него не добиться. И остались чиновники еще в худшем положении, чем были прежде, и решилось дело тем, что никак не могли узнать, что такое был Чичиков. И оказалось ясно, какого рода созданье человек: мудр, умен и толков он бывает во всем, что касается других, а не себя. Какими осмотрительными, твердыми советами снабдит он в трудных случаях жизни! «Экая расторопная голова!» кричит толпа: «Какой неколебимый характер!» А нанесись на эту расторопную голову какая-нибудь беда, и доведись ему самому быть поставлену в трудные случаи жизни, куды делся характер, весь растерялся неколебимый муж, и вышел из него жалкой трусишка, ничтожный, слабый ребенок, или, просто, фетюк, как называет Ноздрев.

Все эти толки, мнения и слухи неизвестно по какой причине больше всего подействовали на бедного прокурора. Они подействовали на него до такой степени, что он, пришедши домой, стал думать, думать и вдруг, как говорится, ни с того ни с другого, умер. Параличом ли его или чем другим прихватило, только он

как сидел, так и хлопнулся со стула навзничь. Вскрикнули, как водится, всплеснув руками: «Ах, боже мой!», послали за доктором, чтобы пустить кровь, но увидели, что прокурор был уже одно бездушное тело. Тогда только с соболезнованием узнали, что у покойника была, точно, душа, хотя он по скромности своей никогда ее не показывал. А между тем появленье смерти так же было страшно в малом, как страшно оно и в великом человеке: тот, кто еще не так давно ходил, двигался, играл в вист, подписывал разные бумаги и был так часто виден между чиновников с своими густыми бровями и мигающим глазом, теперь лежал на столе, левый глаз уже не мигал вовсе, но бровь одна всё еще была приподнята с каким-то вопросительным выражением. О чем покойник спрашивал, зачем он умер, или зачем жил, об этом один бог ведает.

«Но это, однако ж, несообразно! это несогласно ни с чем! это невозможно, чтобы чиновники так могли сами напугать себя, создать такой вздор, так отдалиться от истины, когда даже ребенку видно, в чем дело!» Так скажут многие читатели и укорят автора в несообразностях или назовут бедных чиновников дураками, потому что щедр человек на слово дурак и готов прислужиться им двадцать раз на день своему ближнему. Довольно из десяти сторон иметь одну глупую, чтобы быть признану дураком мимо девяти других хороших. Читателям легко судить, глядя из своего покойного угла и верхушки, откуда открыт весь горизонт на всё, что делается внизу, где человеку виден только близкий предмет. И во всемирной летописи человечества много есть целых столетий, которые, казалось бы, вычеркнул и уничтожил как ненужные. Много совершилось в мире заблуждений, которых бы, казалось, теперь не сделал и ребенок. Какие искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносящие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как перед ним весь был открыт прямой путь, подобный пути, ведущему к великолепной храмине, назначенной царю в чертоги! Всех других путей шире и роскошнее он, озаренный солнцем и освещенный всю ночь огнями; но мимо его, в глухой темноте, текли люди. И сколько раз, уже наведенные нисходившим с небес смыслом, они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону, умели среди бела дня попасть вновь в непроходимые

захолустья, умели напустить вновь слепой туман друг другу в очи и, влачась вслед за болотными огнями, умели-таки добраться до пропасти, чтобы потом с ужасом спросить друг друга: «Где выход, где дорога?» Видит теперь всё ясно текущее поколение, дивится заблужденьям, смеется над неразумием своих предков, не зря, что небесным огнем исчерчена сия летопись, что кричит в ней каждая буква, что отвсюду устремлен пронзительный перст, на него же, на него, на текущее поколение; но смеется текущее поколение и самонадеянно, гордо начинает ряд новых заблуждений, над которыми также потом посмеются потомки.

Чичиков ничего обо всем этом не знал совершенно. Как нарочно, в то время он получил легкую простуду, флюс и небольшое воспаление в горле, в раздаче которых чрезвычайно щедр климат многих наших губернских городов. Чтобы не прекратилась, боже сохрани, как-нибудь жизнь без потомков, он решился лучше посидеть денька три в комнате. В продолжение сих дней он полоскал беспрестанно горло молоком с фигой, которую потом съедал, и носил привязанную к щеке подушечку из ромашки и камфоры. Желая чем-нибудь занять время, он сделал несколько новых и подробных списков всем накупленным крестьянам, прочитал даже какой-то том герцогини Лавальер, отыскавшийся в чемодане, пересмотрел в ларце разные находившиеся там предметы и записочки, кое-что перечел и в другой раз, и всё это прискучило ему сильно. Никак не мог он понять, что бы значило, что ни один из городских чиновников не приехал к нему хоть бы раз наведаться о здоровье, тогда как еще недавно то и дело стояли перед гостиницей дрожки — то почтмейстерские, то прокурорские, то председательские. Он дивился этому не мало и пожимал только плечами, ходя по комнате. Наконец почувствовал он себя лучше и обрадовался бог знает как, когда увидел возможность выйти на свежий воздух. Не откладывая, принялся он немедленно за туалет, отпер свою шкатулку, налил в стакан горячей воды, вынул щетку и мыло и расположился бриться, чему, впрочем, давно была пора и время, потому что, пощупав бороду рукою и взглянув в зеркало, он уже произнес: «Эк его какие пошли писать леса!» И в самом деле, леса не леса, а по всей щеке и подбородку высыпал довольно густой посев. Выбрившись, принялся он за одеванье живо и скоро, так что

чуть не выпрыгнул из панталон. Наконец он был одет, вспрыснут одеколоном и, закутанный потеплее, выбрался на улицу, завязавши из предосторожности щеку. Выход его, как всякого выздоровевшего человека, был точно праздничный. Всё, что ни попадалось ему, приняло вид смеющийся, и домы, и проходившие мужики, довольно, впрочем, сурьезные, из которых иной уже успел съездить своего брата в ухо. Первый визит он намерен был сделать губернатору. Дорогою много приходило ему всяких мыслей на ум; вертелась в голове блондинка, воображенье начало даже слегка шалить, и он уже сам стал немного шутить и подсмеиваться над собою. В таком духе очутился он перед губернаторским подъездом. Уже стал он было в сенях поспешно сбрасывать с себя шинель, как швейцар поразил его совершенно неожиданными словами: «Не приказано принимать!»

«Как, что ты, ты, видно, не узнал меня? Ты всмотрись хорошенько в лицо!» говорил ему Чичиков.

«Как не узнать, ведь я вас не впервой вижу», сказал швейцар. «Да вас-то именно одних и не велено пускать, других всех можно».

«Вот тебе на! отчего? почему?»

«Такой приказ, так уж, видно, следует», сказал швейцар и прибавил к тому слово: да; после чего стал перед ним совершенно непринужденно, не сохраняя того ласкового вида, с каким прежде торопился снимать с него шинель. Казалось, он думал, глядя на него: «Эге! уж коли тебя бары гоняют с крыльца, так ты, видно, так себе, что ни попало, шушера какой-нибудь!»

«Непонятно!» подумал про себя Чичиков и отправился тут же к председателю палаты, но председатель палаты так смутился, увидя его, что не мог связать двух слов и наговорил ему такую дрянь, что даже им обоим сделалось совестно. Уходя от него, как ни старался Чичиков изъяснить дорогою и добраться, что такое разумел председатель и насчет чего могли относиться слова его, ничего не мог понять. Потом зашел к другим: к полицеймейстеру, к вице-губернатору, к почтмейстеру, но все или не приняли его, или приняли так странно, такой принужденный и непонятный вели разговор, так растерялись, и такая вышла бестолковщина изо всего, что он усумнился в здоровьи их мозга. Попробовал было еще зайти кое к кому, чтобы узнать, по крайней мере, при-

чину, и не добрался никакой причины. Как полусонный, бродил он без цели по городу, не будучи в состоянии решить, он ли сошел с ума, чиновники ли потеряли голову, во сне ли всё это делается или наяву заварилась дурь почище сна. Поздо уже, почти в сумерки, возвратился он к себе в гостиницу, из которой было вышел в таком хорошем расположении духа, и от скуки велел себе подать чаю. В задумчивости и в каком-то бессмысленном рассуждении о странности положения своего стал он разливать чай, как вдруг отворилась дверь его комнаты и предстал Ноздрев никак не ожиданным образом.

«Вот говорит пословица: для друга семь верст не околица!» говорил он, снимая картуз. «Прохожу мимо, вижу свет в окне, дай, думаю себе, зайду! верно, не спит. А! вот хорошо, что у тебя на столе чай, выпью с удовольствием чашечку: сегодня за обедом объелся всякой дряни, чувствую, что уж начинается в желудке возня. Прикажи-ка мне набить трубку! Где твоя трубка?»

«Да ведь я не курю трубки», сказал сухо Чичиков.

«Пустое, будто я не знаю, что ты куряка. Эй! как, бишь, зовут твоего человека? Эй, Вахрамей, послушай!»

«Да не Вахрамей, а Петрушка».

«Как же? да у тебя ведь прежде был Вахрамей».

«Никакого не было у меня Вахрамея».

«Да, точно, это у Деребина Вахрамей. Вообрази, Деребину какое счастье, тетка его поссорилась с сыном за то, что женился на крепостной; и теперь записала ему всё именье. Я думаю себе, вот если бы эдакую тетку иметь для дальнейших! Да что ты, брат, так отдалился от всех, нигде не бываешь? Конечно, я знаю, что ты занят иногда учеными предметами, любишь читать (уж почему Ноздрев заключил, что герой наш занимается учеными предметами и любит почитать, этого, признаемся, мы никак не можем сказать, а Чичиков и того менее). Ах, брат Чичиков, если бы ты только увидал... вот уж, точно, была бы пища твоему сатирическому уму (почему у Чичикова был сатирический ум, это тоже неизвестно). Вообрази, брат, у купца Лихачева играли в горку, вот уж где смех был! Перепендев, который был со мною: «Вот», говорит, «если бы теперь Чичиков, уж вот бы ему точно!..» (между тем Чичиков отроду не знал никакого

Перепендева). А ведь признайся, брат, ведь ты, право, преподло поступил тогда со мною, помнишь, как играли в шашки, ведь я выиграл... Да, брат, ты, просто, поддедюлил меня. Но ведь я, чорт меня знает, никак не могу сердиться. Намедни с председателем... Ах да! я ведь тебе должен сказать, что в городе все против тебя; они думают, что ты делаешь фальшивые бумажки, пристали ко мне, да я за тебя горой, наговорил им, что с тобой учился и отца знал; ну, и, уж нечего говорить, слил им пулю порядочную».

«Я делаю фальшивые бумажки?» вскрикнул Чичиков, приподнявшись со стула.

«Зачем ты, однако ж, так напугал их?» продолжал Ноздрев. «Они, чорт знает, с ума сошли со страху: нарядили тебя и зря в разбойники и в шпионы... А прокурор с испугу умер, завтра будет погребение. Ты не будешь? Они, сказать правду, боятся нового генерал-губернатора, чтобы из-за тебя чего-нибудь не вышло; а я насчет генерал-губернатора такого мнения, что если он подымет нос и заважничает, то с дворянством решительно ничего не сделает. Дворянство требует радушия, не правда ли? Конечно, можно запрятаться к себе в кабинет и не дать ни одного бала, да ведь этим что ж? Ведь этим ничего не выиграешь. А ведь ты, однако ж, Чичиков, рискованное дело затеял».

«Какое рискованное дело?» спросил беспокойно Чичиков.

«Да увезти губернаторскую дочку. Я, признаюсь, ждал этого, ей-богу ждал! В первый раз, как только увидел вас вместе на бале, ну уж, думаю себе, Чичиков, верно, недаром... Впрочем, напрасно ты сделал такой выбор, я ничего в ней не нахожу хорошего... А есть одна, родственница Бикусова, сестры его дочь, так вот уж девушка! можно сказать: чудо коленкор!»

«Да что ты, что ты путаешь? Как увезти губернаторскую дочку? что ты?» говорил Чичиков, выпуча глаза.

«Ну, полно, брат: экой скрытный человек! Я, признаюсь, к тебе с тем пришел: изволь, я готов тебе помогать. Так и быть: подержу венец тебе, коляска и переменные лошади будут мои, только с уговором: ты должен мне дать взаймы три тысячи. Нужны, брат, хоть зарежь!»

В продолжение всей болтовни Ноздрева Чичиков протирал несколько раз себе глаза, желая увериться, не во сне ли он всё

это слышит. Делатель фальшивых ассигнаций, увоз губернаторской дочки, смерть прокурора, которой причиною будто бы он, приезд генерал-губернатора, — всё это навело на него порядочный испуг. «Ну, уж коли пошло на то», подумал он сам в себе: «так мешкать более нечего, нужно отсюда убираться поскорей».

Он постарался сбыть поскорее с рук Ноздрева, призвал к себе тот же час Селифана и велел ему быть готовым на заре, с тем, чтобы завтра же в 6 часов утра выехать из города непременно, чтобы всё было пересмотрено, бричка подмазана и прочее и прочее. Селифан произнес: «Слушаю, Павел Иванович», и остановился, однако ж, несколько времени у дверей, не двигаясь с места. Барин тут же велел Петрушке выдвинуть из-под кровати чемодан, покрывшийся уже порядочною пылью, и принялся укладывать вместе с ним, без большого разбора, чулки, рубашки, белье мытое и немытое, сапожные колодки, календарь... Всё это укладывалось как попало; он хотел непременно быть готовым с вечера, чтобы назавтра не могло случиться никакой задержки. Селифан, постоявши минуты две у дверей, наконец очень медленно вышел из комнаты. Медленно, как только можно вообразить себе медленно, спускался он с лестницы, отпечатывая своими толстыми сапогами мокрые следы по сходившим вниз избитым ступеням, и долго почесывал у себя рукою в затылке. Что означало это почесыванье? и что, вообще, оно значит? Досада ли на то, что вот не удалась задуманная назавтра сходка с своим братом в неприглядном тулупе, опоясанном кушаком, где-нибудь во царевом кабаке, или уже завязалась в новом месте какая зазнобушка сердечная, и приходится оставлять вечернее стоянье у ворот и политичное держанье за белы ручки в тот час, как нахлобучиваются на город сумерки, детина в красной рубахе бренчит на балалайке перед дворовой челядью, и плетет тихие речи разночинный, отработавшийся народ? Или, просто, жаль оставлять отогретое уже место на людской кухне под тулупом, близ печи, да щей с городским мягким пирогом, с тем, чтобы вновь тащиться под дождь и слякоть и всякую дорожную невзгоду? Бог весть, не угадаешь. Многое разное значит у русского народа почесыванье в затылке.

ГЛАВА XI

Ничего, однако же, не случилось так, как предполагал Чичиков. Во-первых, проснулся он позже, нежели думал, — это была первая неприятность. Вставши, он послал тот же час узнать, заложена ли бричка и всё ли готово; но донесли, что бричка еще была не заложена и ничего не было готово. Это была вторая неприятность. Он рассердился, приготовился даже задать что-то вроде потасовки приятелю нашему Селифану и ожидал только с нетерпением, какую тот с своей стороны приведет причину в оправдание. Скоро Селифан показался в дверях, и барин имел удовольствие услышать те же самые речи, какие обыкновенно слышатся от прислуги в таком случае, когда нужно скоро ехать.

«Да ведь, Павел Иванович, нужно будет лошадей ковать».

«Ах ты, чушка! чурбан! а прежде зачем об этом не сказал? Не было разве времени?»

«Да время-то было... Да вот и колесо тоже, Павел Иванович, шину нужно будет совсем перетянуть, потому что теперь дорога ухабиста, шибень такой везде пошел... Да если позволите доложить: перед у брички совсем расшатался, так что она, может быть, и двух станций не сделает».

«Подлец ты!» вскрикнул Чичиков, всплеснув руками, и подошел к нему так близко, что Селифан из боязни, чтобы не получить от барина подарка, попятился несколько назад и посторонился.

«Убить ты меня собрался? а? зарезать меня хочешь? На большой дороге меня собрался зарезать, разбойник, чушка ты проклятый, страшилище морское! а? а? Три недели сидели на месте, а? Хоть бы заикнулся, беспутный, — а вот теперь к последнему часу и пригнал! когда уж почти начеку: сесть бы да и ехать, а? а ты вот тут-то и напакостил, а? а? Ведь ты знал это прежде? Ведь ты знал это, а? а? Отвечай. Знал? А?»

«Знал», отвечал Селифан, потупивши голову.

«Ну так зачем же тогда не сказал, а?»

На этот вопрос Селифан ничего не отвечал, но, потупивши голову, казалось, говорил сам себе: «Вишь ты, как оно мудрено случилось: и знал ведь, да не сказал!»

«А вот теперь ступай, приведи кузнеца, да чтоб в два часа всё было сделано. Слышишь? непременно в два часа; а если не будет, так я тебя, я тебя... в рог согну и узлом завяжу!» Герой наш был сильно рассержен.

Селифан оборотился было к дверям с тем, чтоб итти выполнить приказание, но остановился и сказал:

«Да еще, сударь, чубарого коня, право, хоть бы продать, потому что он, Павел Иванович, совсем подлец; он такой конь, что просто не приведи бог, только помеха».

«Да! вот пойду, побегу на рынок продавать!»

«Ей-богу, Павел Иванович, он только что на вид казистый, а на деле самый лукавый конь; такого коня нигде...»

«Дурак! когда захочу продать, так продам. Еще пустился в рассужденья! Вот посмотрю я: если ты мне не приведешь сейчас кузнецов, да в два часа не будет всё готово, так я тебе такую дам потасовку... сам на себе лица не увидишь! Пошел! ступай!» Селифан вышел.

Чичиков сделался совершенно не в духе и швырнул на пол саблю, которая ездила с ним в дороге для внушения надлежащего страха кому следует. Около четверти часа с лишком провозился он с кузнецами, покамест сладил, потому что кузнецы, как водится, были отъявленные подлецы и, смекнув, что работа нужна к спеху, заломили ровно вшестеро. Как он ни горячился, называл их мошенниками, разбойниками, грабителями проезжающих, намекнул даже на страшный суд, но кузнецов ничем не пронял: они совершенно выдержали характер: не только не

отступились от цены, но даже провозились за работой вместо двух часов целых пять с половиною. В продолжение этого времени он имел удовольствие испытать приятные минуты, известные всякому путешественнику, когда в чемодане всё уложено и в комнате валяются только веревочки, бумажки да разный сор, когда человек не принадлежит ни к дороге, ни к сиденью на месте, видит из окна проходящих, плетущихся людей, толкующих об своих гривнах и с каким-то глупым любопытством поднимающих глаза, чтобы, взглянув на него, опять продолжать свою дорогу, что еще более растравляет нерасположение духа бедного неедущего путешественника. Всё, что ни есть, всё, что ни видит он: и лавчонка против его окон, и голова старухи, живущей в супротивном доме, подходящей к окну с коротенькими занавесками, — всё ему гадко, однако же он не отходит от окна. Стоит, то позабываясь, то обращая вновь какое-то притупленное внимание на всё, что перед ним движется и не движется, и душит с досады какую-нибудь муху, которая в это время жужжит и бьется об стекло под его пальцем. Но всему бывает конец, и желанная минута настала: всё было готово, перед у брички как следует был налажен, колесо было обтянуто новою шиною, кони приведены с водопоя, и разбойники-кузнецы отправились, пересчитав полученные целковые и пожелав благополучия. Наконец и бричка была заложена, и два горячие калача, только что купленные, положены туда, и Селифан уже засунул кое-что для себя в карман, бывший у кучерских козел, и сам герой наконец при взмахивании картузом полового, стоявшего в том же демикотоновом сюртуке, при трактирных и чужих лакеях и кучерах, собравшихся позевать, как выезжает чужой барин, и при всяких других обстоятельствах, сопровождающих выезд, сел в экипаж, — и бричка, в которой ездят холостяки, которая так долго застоялась в городе и так, может быть, даже надоела читателю, наконец выехала из ворот гостиницы. «Слава-те, господи!» подумал Чичиков и перекрестился. Селифан хлыснул кнутом, к нему подсел сперва повисевший несколько времени на подножке Петрушка, и герой наш, усевшись получше на грузинском коврике, заложил за спину себе кожаную подушку, притиснул два горячие калача, и экипаж пошел опять подплясывать и покачиваться, благодаря мостовой, которая, как известно, имела подкидывающую силу.

С каким-то неопределенным чувством глядел он на домы, стены, заборы и улицы, которые также с своей стороны, как будто подскакивая, медленно уходили назад и которые, бог знает, судила ли ему участь увидеть еще когда-либо в продолжение своей жизни. При повороте в одну из улиц бричка должна была остановиться, потому что во всю длину ее проходила бесконечная погребальная процессия. Чичиков, высунувшись, велел Петрушке спросить, кого хоронят, и узнал, что хоронят прокурора. Исполненный неприятных ощущений, он тот же час спрятался в угол, закрыл себя кожею и задернул занавески. В это время, когда экипаж был таким образом остановлен, Селифан и Петрушка, набожно снявши шляпу, рассматривали, кто, как, в чем и на чем ехал, считая числом, сколько было всех и пеших и ехавших, а барин, приказавши им не признаваться и не кланяться никому из знакомых лакеев, тоже принялся рассматривать робко сквозь стеклышка, находившиеся в кожаных занавесках: за гробом шли, снявши шляпы, все чиновники. Он начал было побаиваться, чтобы не узнали его экипажа, но им было не до того. Они даже не занялись разными житейскими разговорами, какие обыкновенно ведут между собою провожающие покойника. Все мысли их были сосредоточены в это время в самих себе: они думали, каков-то будет новый генерал-губернатор, как возьмется за дело и как примет их. За чиновниками, шедшими пешком, следовали кареты, из которых выглядывали дамы в траурных чепцах. По движениям губ и рук их видно было, что они были заняты живым разговором; может быть, они тоже говорили о приезде нового генерал-губернатора и делали предположения насчет балов, какие он даст, и хлопотали о вечных своих фестончиках и нашивочках. Наконец за каретами следовало несколько пустых дрожек, вытянувшихся гуськом, наконец и ничего уже не осталось, и герой наш мог ехать. Открывши кожаные занавески, он вздохнул, произнесши от души: «Вот, прокурор! жил, жил, а потом и умер! И вот напечатают в газетах, что скончался, к прискорбию подчиненных и всего человечества, почтенный гражданин, редкий отец, примерный супруг, и много напишут всякой всячины; прибавят, пожалуй, что был сопровождаем плачем вдов и сирот; а ведь если разобрать хорошенько дело, так, на поверку, у тебя всего только и было, что густые

брови». Тут он приказал Селифану ехать поскорее и между тем подумал про себя: «Это, однако ж, хорошо, что встретились похороны; говорят, значит счастие, если встретишь покойника».

Бричка между тем поворачивала в более пустынные улицы; скоро потянулись одни длинные деревянные заборы, предвещавшие конец города. Вот уже и мостовая кончилась, и шлагбаум, и город назади, и ничего нет, и опять в дороге. И опять по обеим сторонам столбового пути пошли вновь писать версты, станционные смотрители, колодцы, обозы, серые деревни с самоварами, бабами и бойким бородатым хозяином, бегущим из постоялого двора с овсом в руке, пешеход в протертых лаптях, плетущийся за 800 верст, городишки, выстроенные живьем, с деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядные, и по ту сторону, и по другую, помещичьи рыдваны, солдат верхом на лошади, везущий зеленый ящик с свинцовым горохом и подписью: такой-то артиллерийской батареи, зеленые, желтые и свеже-разрытые черные полосы, мелькающие по степям, затянутая вдали песня, сосновые верхушки в тумане, пропадающий далече колокольный звон, вороны, как мухи, и горизонт без конца... Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно, разбросанно и неприютно в тебе; не развеселят, не испугают взоров дерзкие дива природы, венчанные дерзкими дивами искусства, города с многооконными, высокими дворцами, вросшими в утесы, картинные дерева и плющи, вросшие в домы, в шуме и в вечной пыли водопадов; не опрокинется назад голова посмотреть на громоздящиеся без конца над нею и в вышине каменные глыбы; не блеснут сквозь наброшенные одна на другую темные арки, опутанные виноградными сучьями, плющом и несметными миллионами диких роз, не блеснут сквозь них вдали вечные линии сияющих гор, несущихся в серебряные, ясные небеса. Открыто-пустынно и ровно всё в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря и до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватает за

сердце? Какие звуки болезненно лобзают и стремятся в душу и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?.. И еще, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..

«Держи, держи, дурак!» кричал Чичиков Селифану.

«Вот я тебя палашом!» кричал скакавший навстречу фельдъегерь с усами в аршин. «Не видишь, леший дери твою душу: казенный экипаж!» И, как призрак, исчезнула с громом и пылью тройка.

Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога! и как чудна она сама, эта дорога: ясный день, осенние листья, холодный воздух... покрепче в дорожную шинель, шапку на уши, тесней и уютней прижмешься к углу! В последний раз пробежавшая дрожь прохватила члены, и уже сменила ее приятная теплота. Кони мчатся... как соблазнительно крадется дремота и смежаются очи, и уже сквозь сон слышатся: и «Не белы снеги», и сап лошадей, и шум колес, и уже храпишь, прижавши к углу своего соседа. Проснулся: пять станций убежало назад, луна, неведомый город, церкви с старинными деревянными куполами и чернеющими остроконечьями, темные бревенчатые и белые каменные дома. Сияние месяца там и там: будто белые полотняные платки развешались по стенам, по мостовой, по улицам; косяками пересекают их черные, как уголь, тени; подобно сверкающему металлу, блистают вкось озаренные деревянные крыши, и нигде ни души — всё спит. Один-одинешенек, разве где-нибудь в окошке брезжит огонек; мещанин ли городской тачает свою пару сапогов, пекарь ли возится в печурке — что до них? А ночь! небесные силы! какая ночь

совершается в вышине! А воздух, а небо, далекое, высокое, там, в недоступной глубине своей, так необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!.. Но дышит свежо в самые очи холодное ночное дыхание и убаюкивает тебя, и вот уже дремлешь и забываешься и храпишь, и ворочается сердито, почувствовав на себе тяжесть, бедный, притиснутый в углу сосед. Проснулся — и уже опять перед тобою поля и степи, нигде ничего — везде пустырь, всё открыто. Верста с цифрой летит тебе в очи; занимается утро; на побелевшем холодном небосклоне золотая бледная полоса; свежее и жестче становится ветер: покрепче в теплую шинель!.. какой славный холод! какой чудный вновь обнимающий тебя сон! Толчок — и опять проснулся. На вершине неба солнце. «Полегче! легче!» слышишь голос; телега спускается с кручи: внизу плотина широкая и широкий ясный пруд, сияющий, как медное дно, перед солнцем; деревня, избы рассыпались на косогоре; как звезда, блестит в стороне крест сельской церкви; болтовня мужиков, и невыносимый аппетит в желудке... Боже! как ты хороша подчас, далекая, далекая дорога! Сколько раз, как погибающий и тонущий, я хватался за тебя, и ты всякий раз меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось в тебе чудных замыслов, поэтических грез, сколько перечувствовалось дивных впечатлений!.. Но и друг наш Чичиков чувствовал в это время не вовсе прозаические грезы. А посмотрим, что он чувствовал. Сначала он не чувствовал ничего и поглядывал только изредка назад, желая увериться, точно ли выехал из города; но когда увидел, что город уже давно скрылся, ни кузниц, ни мельниц, ни всего того, что находится вокруг городов, не было видно, и даже белые верхушки каменных церквей давно ушли в землю, он занялся только одной дорогою, посматривал только направо и налево, и город N. как будто не бывал в его памяти, как будто проезжал он его когда-нибудь давно, в детстве. Наконец и дорога перестала занимать его, и он стал слегка закрывать глаза и склонять голову к подушке. Автор признается, этому даже рад, находя таким образом случай поговорить о своем герое; ибо доселе, как читатель видел, ему беспрестанно мешали то Ноздрев, то балы, то дамы, то городские сплетни, то, наконец, тысячи тех мелочей, которые кажутся только тогда мелочами, когда внесены в книгу, а покамест обращаются в свете,

почитаются за весьма важные дела. Но теперь отложим совершенно всё в сторону и прямо займемся делом.

Очень сомнительно, чтобы избранный нами герой понравился читателям. Дамам он не понравится, это можно сказать утвердительно, ибо дамы требуют, чтоб герой был решительное совершенство, и если какое-нибудь душевное или телесное пятнышко, тогда беда! Как глубоко ни загляни автор ему в душу, хоть отрази чище зеркала его образ, ему не дадут никакой цены. Самая полнота и средние лета Чичикова много повредят ему: полноты ни в каком случае не простят герою, и весьма многие дамы, отворотившись, скажут: «Фи, такой гадкой!» Увы! всё это известно автору, и при всем том он не может взять в герои добродетельного человека. Но... может быть, в сей же самой повести почуются иные, еще доселе небранные струны, предстанет несметное богатство русского духа, пройдет муж, одаренный божескими доблестями, или чудная русская девица, какой не сыскать нигде в мире, со всей дивной красотой женской души, вся из великодушного стремления и самоотвержения. И мертвыми покажутся пред ними все добродетельные люди других племен, как мертва книга пред живым словом! Подымутся русские движения... и увидят, как глубоко заронилось в славянскую природу то, что скользнуло только по природе других народов... Но к чему и зачем говорить о том, что впереди? Неприлично автору, будучи давно уже мужем, воспитанному суровой внутренней жизнью и свежительной трезвостью уединения, забываться подобно юноше. Всему свой черед, и место, и время! А добродетельный человек всё-таки не взят в герои. И можно даже сказать, почему не взят. Потому что пора наконец дать отдых бедному добродетельному человеку; потому что праздно вращается на устах слово: добродетельный человек; потому что обратили в рабочую лошадь добродетельного человека, и нет писателя, который бы не ездил на нем, понукая и кнутом и всем, чем попало; потому что изморили добродетельного человека до того, что теперь нет на нем и тени добродетели, и остались только ребра да кожа вместо тела; потому что лицемерно призывают добродетельного человека; потому что не уважают добродетельного человека. Нет, пора наконец припрячь и подлеца. Итак, припряжем подлеца!

Темно и скромно происхождение нашего героя. Родители были дворяне, но столбовые или личные — бог ведает. Лицом он на них не походил: по крайней мере, родственница, бывшая при его рождении, низенькая, коротенькая женщина, которых обыкновенно называют пиголицами, взявши в руки ребенка, вскрикнула: «Совсем вышел не такой, как я думала! Ему бы следовало пойти в бабку с матерней стороны, что было бы и лучше, а он родился, просто, как говорит пословица: ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца». Жизнь при начале взглянула на него как-то кисло-неприютно, сквозь какое-то мутное, занесенное снегом окошко: ни друга, ни товарища в детстве! Маленькая горенка с маленькими окнами, не отворявшимися ни в зиму, ни в лето, отец, больной человек, в длинном сюртуке на мерлушках и в вязаных хлопанцах, надетых на босую ногу, беспрестанно вздыхавший, ходя по комнате, и плевавший в стоявшую в углу песочницу, вечное сиденье на лавке, с пером в руках, чернилами на пальцах и даже на губах, вечная пропись перед глазами: «Не лги, послушествуй старшим и носи добродетель в сердце»; вечный шарк и шлепанье по комнате хлопанцев, знакомый, но всегда суровый голос: «опять задурил!», отзывавшийся в то время, когда ребенок, наскуча однообразием труда, приделывал к букве какую-нибудь кавыку или хвост; и вечно знакомое, всегда неприятное чувство, когда вслед за сими словами краюшка уха его скручивалась очень больно ногтями длинных, протянувшихся сзади пальцев: вот бедная картина первоначального его детства, о котором едва сохранил он бледную память. Но в жизни всё меняется быстро и живо: и в один день с первым весенним солнцем и разлившимися потоками отец, взявши сына, выехал с ним на тележке, которую потащила мухортая пегая лошадка, известная у лошадиных барышников под именем сороки; ею правил кучер, маленький горбунок, родоначальник единственной крепостной семьи, принадлежавшей отцу Чичикова, занимавший почти все должности в доме. На сороке тащились они полтора дни с лишком; на дороге ночевали, переправлялись через реку, закусывали холодным пирогом и жареною бараниною, и только на третий день утром добрались до города. Перед мальчиком блеснули нежданным великолепием городские улицы, заставившие его на несколько минут разинуть

рот. Потом сорока бултыхнула вместе с тележкою в яму, которою начинался узкий переулок, весь стремившийся вниз и запруженный грязью; долго работала она там всеми силами и месила ногами, подстрекаемая и горбуном и самим барином, и наконец втащила их в небольшой дворик, стоявший на косогоре с двумя расцветшими яблонями пред стареньким домиком и садиком позади его, низеньким, маленьким, состоявшим только из рябины, бузины и скрывавшейся во глубине ее деревянной будочки, крытой драньем, с узеньким матовым окошечком. Тут жила родственница их, дряблая старушонка, всё еще ходившая всякое утро на рынок и сушившая потом чулки свои у самовара, которая потрепала мальчика по щеке и полюбовалась его полнотою. Тут должен был он остаться и ходить ежедневно в классы городского училища. Отец, переночевавши, на другой же день выбрался в дорогу. При расставании слез не было пролито из родительских глаз; дана была полтина меди на расход и лакомства и, что гораздо важнее, умное наставление: «Смотри же, Павлуша, учись, не дури и не повесничай, а больше всего угождай учителям и начальникам. Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и в науке не успеешь и таланту бог не дал, всё пойдешь в ход и всех опередишь. С товарищами не водись, они тебя добру не научат; а если уж пошло на то, так водись с теми, которые побогаче, чтобы при случае могли быть тебе полезными. Не угощай и не потчевай никого, а веди себя лучше так, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копейку: эта вещь надежнее всего на свете. Товарищ или приятель тебя надует и в беде первый тебя выдаст, а копейка не выдаст, в какой бы беде ты ни был. Всё сделаешь и всё прошибешь на свете копейкой». Давши такое наставление, отец расстался с сыном и потащился вновь домой на своей сороке, и с тех пор уже никогда он больше его не видел, но слова и наставления заронились глубоко ему в душу.

Павлуша с другого же дни принялся ходить в классы. Особенных способностей к какой-нибудь науке в нем не оказалось; отличился он больше прилежанием и опрятностию; но зато оказался в нем большой ум с другой стороны, со стороны практической. Он вдруг смекнул и понял дело и повел себя в отношении к товарищам точно таким образом, что они его угощали,

а он их не только никогда, но даже иногда, припрятав полученное угощенье, потом продавал им же. Еще ребенком он умел уже отказать себе во всем. Из данной отцом полтины не издержал ни копейки, напротив, в тот же год уже сделал к ней приращения, показав оборотливость почти необыкновенную: слепил из воску снегиря, выкрасил его и продал очень выгодно. Потом в продолжение некоторого времени пустился на другие спекуляции, именно вот какие: накупивши на рынке съестного, садился в классе возле тех, которые были побогаче, и как только замечал, что товарища начинало тошнить, — признак подступающего голода, — он высовывал ему из-под скамьи будто невзначай угол пряника или булки и, раззадоривши его, брал деньги, соображаяся с аппетитом. Два месяца он провозился у себя на квартире без отдыха около мыши, которую засадил в маленькую деревянную клеточку, и добился наконец до того, что мышь становилась на задние лапки, ложилась и вставала по приказу, и продал потом ее тоже очень выгодно. Когда набралось денег до пяти рублей, он мешочек зашил и стал копить в другой. В отношении к начальству он повел себя еще умнее. Сидеть на лавке никто не умел так смирно. Надобно заметить, что учитель был большой любитель тишины и хорошего поведения и терпеть не мог умных и острых мальчиков; ему казалось, что они непременно должны над ним смеяться. Достаточно было тому, который уже попал на замечание со стороны остроумия, достаточно было ему только пошевельнуться или как-нибудь ненароком мигнуть бровью, чтобы подпасть вдруг под гнев. Он его гнал и наказывал немилосердно. «Я, брат, из тебя выгоню заносчивость и непокорность!» говорил он. «Я тебя знаю насквозь, как ты сам себя не знаешь. Вот ты у меня постоишь на коленях! ты у меня поголодаешь!» И бедный мальчишка, сам не зная за что, натирал себе колени и голодал по суткам. «Способности и дарования? это всё вздор», говаривал он: «я смотрю только на поведенье. Я поставлю полные баллы во всех науках тому, кто ни аза не знает, да ведет себя похвально; а в ком я вижу дурной дух да насмешливость, я тому нуль, хотя он Солона заткни за пояс!» Так говорил учитель, не любивший на смерть Крылова за то, что он сказал: «По мне, уж лучше пей, да дело разумей», и всегда рассказывавший с наслаждением в лице и в глазах,

как в том училище, где он преподавал прежде, такая была тишина, что слышно было, как муха летит, что ни один из учеников в течение круглого года не кашлянул и не высморкался в классе, и что до самого звонка нельзя было узнать, был ли кто там или нет. Чичиков вдруг постигнул дух начальника и в чем должно состоять поведение. Не шевельнул он ни глазом, ни бровью во всё время класса, как ни щипали его сзади; как только раздавался звонок, он бросался опрометью и подавал учителю прежде всех треух (учитель ходил в треухе); подавши треух, он выходил первый из класса и старался ему попасться раза три на дороге, беспрестанно снимая шапку. Дело имело совершенный успех. Во всё время пребывания в училище был он на отличном счету и при выпуске получил полное удостоение во всех науках, аттестат и книгу с золотыми буквами *за примерное прилежание и благонадежное поведение*. Вышед из училища, он очутился уже юношей довольно заманчивой наружности, с подбородком, потребовавшим бритвы. В это время умер отец его. В наследстве оказались четыре заношенные безвозвратно фуфайки, два старых сертука, подбитых мерлушками, и незначительная сумма денег. Отец, как видно, был сведущ только в совете копить копейку, а сам накопил ее немного. Чичиков продал тут же ветхой дворишка с ничтожной землицей за тысячу рублей, а семью людей перевел в город, располагаясь основаться в нем и заняться службой. В это же время был выгнан из училища за глупость или другую вину бедный учитель, любитель тишины и похвального поведения. Учитель с горя принялся пить, наконец и пить уже было ему не на что; больной, без куска хлеба и помощи, пропадал он где-то в нетопленой, забытой конурке. Бывшие ученики его, умники и остряки, в которых ему мерещилась беспрестанно непокорность и заносчивое поведение, узнавши об жалком его положении, собрали тут же для него деньги, продав даже многое нужное; один только Павлуша Чичиков отговорился неимением и дал какой-то пятак серебра, который тут же товарищи ему бросили, сказавши: «Эх ты, жила!» Закрыл лицо руками бедный учитель, когда услышал о таком поступке бывших учеников своих: слезы градом полились из погасавших очей, как у бессильного дитяти. «При смерти на одре привел бог заплакать», произнес он слабым голосом и

тяжело вздохнул, услышав о Чичикове, прибавя тут же: «Эх, Павлуша! вот как переменяется человек! Ведь какой был благонравный, ничего буйного, шелк! Надул, сильно надул...»

Нельзя, однако же, сказать, чтобы природа героя нашего была так сурова и черства, и чувства его были до того притуплены, чтобы он не знал ни жалости, ни сострадания; он чувствовал и то и другое, он бы даже хотел помочь, но только, чтобы не заключалось это в значительной сумме, чтобы не трогать уже тех денег, которых положено было не трогать, словом, отцовское наставление: «береги и копи копейку», пошло впрок. Но в нем не было привязанности собственно к деньгам для денег; им не владели скряжничество и скупость. Нет, не они двигали им, ему мерещилась впереди жизнь во всех довольствах, со всякими достатками, экипажи, дом, отлично устроенный, вкусные обеды, вот что беспрерывно носилось в голове его. Чтобы наконец, потом, со временем, вкусить непременно всё это, вот для чего береглась копейка, скупо отказываемая до времени и себе и другому. Когда проносился мимо его богач на пролетных красивых дрожках, на рысаках в богатой упряжи, он как вкопанный останавливался на месте и потом, очнувшись, как после долгого сна, говорил: «А ведь был конторщик, волосы носил в кружок!» И всё, что ни отзывалось богатством и довольством, производило на него впечатление, непостижимое им самим. Вышед из училища, он не хотел даже отдохнуть: так сильно было у него желанье скорее приняться за дело и службу. Однако же, несмотря на похвальные аттестаты, с большим трудом определился он в казенную палату. И в дальних захолустьях нужна протекция! Местечко досталось ему ничтожное, жалованья тридцать или сорок рублей в год. Но решился он жарко заняться службою, всё победить и преодолеть. И точно, самоотвержение, терпенье и ограничение нужд показал он неслыханное. С раннего утра до позднего вечера, не уставая ни душевными, ни телесными силами, писал он, погрязнув весь в канцелярские бумаги, не ходил домой, спал в канцелярских комнатах на столах, обедал подчас с сторожами и при всем том умел сохранить опрятность, порядочно одеться, сообщить лицу приятное выражение и даже что-то благородное в движениях. Надобно сказать, что палатские чиновники особенно отличались невзрачностию и неблагообразием. У иных

были лица точно дурно выпеченный хлеб: щеку раздуло в одну сторону, подбородок покосило в другую, верхнюю губу взнесло пузырем, которая в прибавку к тому еще и треснула; словом, совсем некрасиво. Говорили они все как-то сурово, таким голосом, как бы собирались кого прибить; приносили частые жертвы Вакху, показав таким образом, что в славянской природе есть еще много остатков язычества; приходили даже подчас в присутствие, как говорится, нализавшись, отчего в присутствии было нехорошо, и воздух был вовсе не ароматический. Между такими чиновниками не мог не быть замечен и отличен Чичиков, представляя во всем совершенную противоположность и взрачностью лица, и приветливостью голоса, и совершенным неупотребленьем никаких крепких напитков. Но при всем том трудна была его дорога: он попал под начальство уже престарелому повытчику, который был образ какой-то каменной бесчувственности и непотрясаемости; вечно тот же, неприступный, никогда в жизни не явивший на лице своем усмешки, не приветствовавший ни разу никого даже запросом о здоровье. Никто не видал, чтобы он хоть раз был не тем, чем всегда, хоть на улице, хоть у себя дома; хоть бы раз показал он в чем-нибудь участье, хоть бы напился пьян и в пьянстве рассмеялся бы; хоть бы даже предался дикому, искаженному веселью, какому предается разбойник в пьяную минуту, но даже тени не было в нем ничего такого. Ничего не было в нем ровно: ни злодейского, ни доброго, и что-то страшное являлось в сем отсутствии всего. Черство-мраморное лицо его, без всякой резкой неправильности, не намекало ни на какое сходство; в суровой соразмерности между собою были черты его. Одни только частые рябины и ухабины, истыкавшие их, причисляли его к числу тех лиц, на которых, по народному выражению, чорт приходил по ночам молотить горох. Казалось, не было сил человеческих подбиться к такому человеку и привлечь его расположение, но Чичиков попробовал. Сначала он принялся угождать во всяких незаметных мелочах: рассмотрел внимательно чинку перьев, какими писал он, и, приготовивши несколько по образцу их, клал ему всякой раз их под руку; сдувал и сметал со стола его песок и табак; завел новую тряпку для его чернильницы, отыскал где-то его шапку, прескверную шапку, какая когда-либо существовала в мире, и

всякой раз клал ее возле него за минуту до окончания присутствия; чистил ему спину, если тот запачкал ее мелом у стены, — но всё это осталось решительно без всякого замечания, так, как будто ничего этого не было и делано. Наконец он пронюхал его домашнюю, семейственную жизнь, узнал, что у него была зрелая дочь с лицом, тоже похожим на то, как будто бы на нем происходила по ночам молотьба гороху. С этой-то стороны придумал он навести приступ. Узнал, в какую церковь приходила она по воскресным дням, становился всякой раз насупротив ее чисто одетый, накрахмаливши сильно манишку, и дело возымело успех: пошатнулся суровый повытчик и зазвал его на чай! И в канцелярии не успели оглянуться, как устроилось дело так, что Чичиков переехал к нему в дом, сделался нужным и необходимым человеком, закупал и муку и сахар, с дочерью обращался как в невестой, повытчика звал папенькой и целовал его в руку; все положили в палате, что в конце февраля, перед великим постом, будет свадьба. Суровый повытчик стал даже хлопотать за него у начальства, и чрез несколько времени Чичиков сам сел повытчиком на одно открывшееся вакантное место. В этом, казалось, и заключалась главная цель связей его с старым повытчиком; потому что тут же сундук свой он отправил секретно домой и на другой день очутился уже на другой квартире. Повытчика перестал звать папенькой и не целовал больше его руки, а о свадьбе так дело и замялось, как будто вовсе ничего не происходило. Однако же, встречаясь с ним, он всякой раз ласково жал ему руку и приглашал к себе на чай, так что старый повытчик, несмотря на вечную неподвижность и черствое равнодушие, всякой раз встряхивал головою и произносил себе под нос: «Надул, надул, чортов сын!»

Это был самый трудный порог, через который перешагнул он. С этих пор всё пошло легче и успешнее. Он стал человеком заметным. Всё оказалось в нем, что нужно для этого мира: и приятность в оборотах и поступках и бойкость в деловых делах. С такими средствами добыл он в непродолжительное время то, что называют хлебное местечко, и воспользовался им отличным образом. Нужно знать, что в то же самое время начались строжайшие преследования всяких взяток; преследований он не испугался и обратил их тот же час в свою пользу, показав таким

образом прямо русскую изобретательность, являющуюся только во время прижимок. Дело устроено было вот как: как только приходил проситель и засовывал руку в карман с тем, чтобы вытащить оттуда известные рекомендательные письма за подписью князя Хованского, как выражаются у нас на Руси, «нет, нет», говорил он с улыбкой, удерживая его руки: «вы думаете, что я... нет, нет. Это наш долг, наша обязанность, без всяких возмездий мы должны сделать! С этой стороны уж будьте покойны: завтра же всё будет сделано. Позвольте узнать вашу квартиру, вам и заботиться не нужно самим, всё будет принесено к вам на дом». Очарованный проситель возвращался домой чуть не в восторге, думая: «Вот наконец человек, каких нужно побольше, это просто драгоценный алмаз!» Но ждет проситель день, другой — не приносят дела на дом; на третий тоже. Он в канцелярию, — дело и не начиналось; он к драгоценному алмазу. «Ах, извините!» говорил Чичиков очень учтиво, схвативши его за обе руки: «у нас было столько дел; но завтра же всё будет сделано, завтра непременно, право, мне даже совестно!» И всё это сопровождалось движениями обворожительными. Если при этом распахивалась как-нибудь пола халата, то рука в ту же минуту старалась дело поправить и придержать полу. Но ни завтра, ни послезавтра, ни на третий день не несут дела на дом. Проситель берется за ум: «Да полно, нет ли чего?» Выведывает, говорят: нужно дать писарям. «Почему ж не дать? я готов четвертак, другой». — «Нет, не четвертак, а по беленькой». — «По беленькой писарям!» вскрикивает проситель. «Да чего вы так горячитесь», отвечают ему: «оно так и выйдет: писарям и достанется по четвертаку, а остальное пойдет по начальству». Бьет себя по лбу недогадливый проситель и бранит на чем свет стоит новый порядок вещей, преследование взяток и вежливые, облагороженные обращения чиновников. «Прежде было знаешь, по крайней мере, что делать: принес правителю дел красную, да и дело в шляпе; а теперь по беленькой, да еще неделю провозишься, пока догадаешься; чорт бы побрал бескорыстие и чиновное благородство!» Проситель, конечно, прав, но зато теперь нет взяточников: все правители дел честнейшие и благороднейшие люди, секретари только да писаря мошенники. Скоро представилось Чичикову поле гораздо пространнее:

образовалась комиссия для построения какого-то казенного весьма капитального строения. В эту комиссию пристроился и он, и оказался одним из деятельнейших членов. Комиссия немедленно приступила к делу. Шесть лет возилась около здания; но климат, что ли, мешал, или материал уже был такой, только никак не шло казенное здание выше фундамента. А между тем в других концах города очутилось у каждого из членов по красивому дому гражданской архитектуры: видно, грунт земли был там получше. Члены уже начинали благоденствовать и стали заводиться семейством. Тут только и теперь только стал Чичиков понемногу выпутываться из-под суровых законов воздержанья и неумолимого своего самоотверженья. Тут только долговременный пост наконец был смягчен, и оказалось, что он всегда не был чужд разных наслаждений, от которых умел удержаться в лета пылкой молодости, когда ни один человек совершенно не властен над собою. Оказались кое-какие излишества: он завел довольно хорошего повара, тонкие голландские рубашки. Уже сукна купил он себе такого, какого не носила вся губерния, и с этих пор стал держаться более коричневых и красноватых цветов с искрою; уже приобрел он отличную пару и сам держал одну вожжу, заставляя пристяжную виться кольцом; уже завел он обычай вытираться губкой, намоченной в воде, смешанной с одеколоном; уже покупал он весьма недешево какое-то мыло для сообщения гладкости кожи; уже...

Но вдруг: на место прежнего тюфяка был прислан новый начальник, человек военный, строгий, враг взяточников и всего, что зовется неправдой. На другой же день пугнул он всех до одного, потребовал отчеты, увидел недочеты, на каждом шагу недостающие суммы, заметил в ту же минуту дома красивой гражданской архитектуры, и пошла переборка. Чиновники были отставлены от должности; дома гражданской архитектуры поступили в казну и обращены были на разные богоугодные заведения и школы для кантонистов; всё распушено было в пух, и Чичиков более других. Лицо его, вдруг, несмотря на приятность, не понравилось начальнику, почему именно, бог ведает: иногда даже, просто, не бывает на это причин, и он возненавидел его на смерть. Но, так как всё же он был человек военный, стало быть не знал всех тонкостей гражданских проделок, то чрез-

несколько времени, посредством правдивой наружности и уменья подделаться ко всему, втерлись к нему в милость другие чиновники, и генерал скоро очутился в руках еще бо́льших мошенников, которых он вовсе не почитал такими; даже был доволен, что выбрал наконец людей как следует, и хвастался не в шутку тонким уменьем различать способности. Чиновники вдруг постигнули дух его и характер. Всё, что ни было под начальством его, сделалось страшными гонителями неправды; везде, во всех делах они преследовали ее, как рыбак острогой преследует какую-нибудь мясистую белугу, и преследовали ее с таким успехом, что в скором времени у каждого очутилось по нескольку тысяч капиталу. В это время обратились на путь истины многие из прежних чиновников и были вновь приняты на службу. Но Чичиков уж никаким образом не мог втереться, как ни старался и ни стоял за него подстрекнутый письмами князя Хованского первый генеральский секретарь, постигнувший совершенно управленье генеральским носом, но тут он ничего решительно не мог сделать. Генерал был такого рода человек, которого хотя и водили за нос (впрочем, без его ведома), но зато уже, если в голову ему западала какая-нибудь мысль, то она там была всё равно, что железный гвоздь: ничем нельзя было ее оттуда вытеребить. Всё, что мог сделать умный секретарь, было уничтоженье запачканного послужного списка, и на то уже он подвинул начальника не иначе, как состраданием, изобразив ему в живых красках трогательную судьбу несчастного семейства Чичикова, которого, к счастью, у него не было.

«Ну, что ж!» сказал Чичиков: «зацепил — поволок, сорвалось — не спрашивай. Плачем горю не пособить, нужно дело делать». И вот решился он сызнова начать карьер, вновь вооружиться терпением, вновь ограничиться во всем, как ни привольно и ни хорошо было развернулся прежде. Нужно было переехать в другой город, там еще приводить себя в известность. Всё как-то не клеилось. Две, три должности должен он был переменить в самое короткое время. Должности как-то были грязны, низменны. Нужно знать, что Чичиков был самый благопристойный человек, какой когда-либо существовал в свете. Хотя он и должен был вначале протираться в грязном обществе, но в душе всегда сохранял чистоту, любил, чтобы в канцеляриях

были столы из лакированного дерева и всё бы было благородно. Никогда не позволял он себе в речи неблагопристойного слова и оскорблялся всегда, если в словах других видел отсутствие должного уважения к чину или званию. Читателю, я думаю, приятно будет узнать, что он всякие два дни переменял на себе белье, а летом во время жаров даже и всякой день: всякой сколько-нибудь неприятный запах уже оскорблял его. По этой причине он всякой раз, когда Петрушка приходил раздевать его и скидавать сапоги, клал себе в нос гвоздичку, и во многих случаях нервы у него были щекотливые, как у девушки; и потому тяжело ему было очутиться вновь в тех рядах, где всё отзывалось пенником и неприличьем в поступках. Как ни крепился он духом, однако же похудел и даже позеленел во время таких невзгод. Уже начинал было он полнеть и приходить в те круглые и приличные формы, в каких читатель застал его при заключении с ним знакомства, и уже не раз, поглядывая в зеркало, подумывал он о многом приятном: о бабенке, о детской, и улыбка следовала за такими мыслями; но теперь, когда он взглянул на себя как-то ненароком в зеркало, не мог не вскрикнуть: «Мать ты моя пресвятая! какой же я стал гадкой!» И после долго не хотел смотреться. Но переносил всё герой наш, переносил сильно, терпеливо переносил, и — перешел наконец в службу по таможне. Надобно сказать, что эта служба давно составляла тайный предмет его помышлений. Он видел, какими щегольскими заграничными вещицами заводились таможенные чиновники, какие фарфоры и батисты пересылали кумушкам, тетушкам и сестрам. Не раз давно уже он говорил со вздохом: «Вот бы куда перебраться: и граница близко, и просвещенные люди, а какими тонкими голландскими рубашками можно обзавестись!» Надобно прибавить, что при этом он подумывал еще об особенном сорте французского мыла, сообщавшего необыкновенную белизну коже и свежесть щекам; как оно называлось, бог ведает, но, по его предположениям, непременно находилось на границе. Итак, он давно бы хотел в таможню, но удерживали текущие разные выгоды по строительной комиссии, и он рассуждал справедливо, что таможня, как бы то ни было, всё еще не более как журавль в небе, а комиссия уже была синица в руках. Теперь же решился он во что бы то ни стало добраться

до таможни, и добрался. За службу свою принялся он с ревностью необыкновенною. Казалось, сама судьба определила ему быть таможенным чиновником. Подобной расторопности, проницательности и прозорливости было не только не видано, но даже не слыхано. В три-четыре недели он уже так набил руку в таможенном деле, что знал решительно всё: даже не весил, не мерял, а по фактуре узнавал, сколько в какой штуке аршин сукна или иной материи; взявши в руку сверток, он мог сказать вдруг, сколько в нем фунтов. Что же касается до обысков, то здесь, как выражались даже сами товарищи, у него просто было собачье чутье: нельзя было не изумиться, видя, как у него доставало столько терпения, чтобы ощупать всякую пуговку, и всё это производилось с убийственным хладнокровием, вежливым до невероятности. И в то время, когда обыскиваемые бесились, выходили из себя и чувствовали злобное побуждение избить щелчками приятную его наружность, он, не изменяясь ни мало ни в лице, ни в вежливых поступках, приговаривал только: «Не угодно ли вам будет немножко побеспокоиться и привстать?» или: «Не угодно ли вам будет, сударыня, пожаловать в другую комнату? там супруга одного из наших чиновников объяснится с вами», или: «Позвольте, вот я ножичком немного пораспорю подкладку вашей шинели», и, говоря это, он вытаскивал оттуда шали, платки, хладнокровно, как из собственного сундука. Даже начальство изъяснилось, что это был чорт, а не человек: он отыскивал в колесах, дышлах, лошадиных ушах и нивесть в каких местах, куда бы никакому автору не пришло в мысль забраться и куда позволяется забираться только одним таможенным чиновникам. Так что бедный путешественник, переехавший через границу, всё еще в продолжение нескольких минут не мог опомниться и, отирая пот, выступивший мелкою сыпью по всему телу, только крестился да приговаривал: «Ну, ну!» Положение его весьма походило на положение школьника, выбежавшего из секретной комнаты, куда начальник призвал его с тем, чтобы дать кое-какое наставление, но вместо того высек совершенно неожиданным образом. В непродолжительное время не было от него никакого житья контрабандистам. Это была гроза и отчаяние всего польского жидовства. Честность и неподкупность его были неодолимы, почти неестественны. Он даже не составил себе

небольшого капитальца из разных конфискованных товаров и отбираемых кое-каких вещиц, не поступающих в казну во избежание лишней переписки. Такая ревностно-бескорыстная служба не могла не сделаться предметом общего удивления и не дойти наконец до сведения начальства. Он получил чин и повышение и вслед за тем представил проект изловить всех контрабандистов, прося только средств исполнить его самому. Ему тот же час вручена была команда и неограниченное право производить всякие поиски. Этого только ему и хотелось. В то время образовалось сильное общество контрабандистов обдуманно-правильным образом; на миллионы сулило выгод дерзкое предприятие. Он давно уже имел сведение о нем и даже отказал подосланным подкупить, сказавши сухо: «Еще не время». Получив же в свое распоряжение всё, в ту же минуту дал знать обществу, сказавши: «Теперь пора». Расчет был слишком верен. Тут в один год он мог получить то, чего не выиграл бы в двадцать лет самой ревностной службы. Прежде он не хотел вступать ни в какие сношения с ними, потому что был не более, как простой пешкой, стало быть, немного получил бы; но теперь... теперь совсем другое дело: он мог предложить какие угодно условия. Чтобы дело шло беспрепятственней, он склонил и другого чиновника, своего товарища, который не устоял против соблазна, несмотря на то, что волосом был сед. Условия были заключены, и общество приступило к действиям. Действия начались блистательно: читатель, без всякого сомнения, слышал так часто повторяемую историю об остроумном путешествии испанских баранов, которые, совершив переход через границу в двойных тулупчиках, пронесли под тулупчиками на миллион брабантских кружев. Это происшествие случилось именно тогда, когда Чичиков служил при таможне. Не участвуй он сам в сем предприятии, никаким жидам в мире не удалось бы привести в исполнение подобного дела. После трех или четырех бараньих походов через границу у обоих чиновников очутилось по четыреста тысяч капиталу. У Чичикова, говорят, даже перевалило и за пятьсот, потому что был побойчее. Бог знает, до какой бы громадной цифры не возросли благодатные суммы, если бы какой-то нелегкий зверь не перебежал поперек всему. Чорт сбил с толку обоих чиновников: чиновники, говоря попросту, перебесились и поссорились ни за

что. Как-то в жарком разговоре, а может быть, несколько и выпивши, Чичиков назвал другого чиновника поповичем, а тот, хотя действительно был попович, неизвестно почему обиделся жестоко и ответил ему тут же сильно и необыкновенно резко, именно вот как: «Нет, врешь, я статский советник, а не попович, а вот ты так попович!» И потом еще прибавил ему в пику для большей досады: «Да вот, мол, что!» Хотя он отбрил таким образом его кругом, обратив на него им же приданное название, и хотя выражение «вот, мол, что!» могло быть сильно, но, недовольный сим, он послал еще на него тайный донос. Впрочем, говорят, что и без того была у них ссора за какую-то бабенку, свежую и крепкую, как ядреная репа, по выражению таможенных чиновников; что были даже подкуплены люди, чтобы под вечерок в темном переулке поизбить нашего героя; но что оба чиновника были в дураках, и бабенкой воспользовался какой-то штабс-капитан Шамшарев. Как было дело в самом деле, бог их ведает; пусть лучше читатель-охотник досочинит сам. Главное в том, что тайные сношения с контрабандистами сделались явными. Статский советник, хоть и сам пропал, но таки упек своего товарища. Чиновников взяли под суд, конфисковали, описали всё, что у них ни было, и всё это разрешилось вдруг, как гром, над головами их. Как после чаду опомнились они и увидели с ужасом, что наделали. Статский советник, по русскому обычаю, с горя запил, но коллежский устоял. Он умел затаить часть деньжонок, как ни чутко было обоняние наехавшего на следствие начальства. Употребил все тонкие извороты ума, уже слишком опытного, слишком знающего хорошо людей, где подействовал приятностью оборотов, где трогательною речью, где покурил лестью, ни в каком случае не портящею дела, где всунул деньжонку, — словом, обработал дело, по крайней мере, так, что отставлен был не с таким бесчестьем, как товарищ, и увернулся из-под уголовного суда. Но уже ни капитала, ни разных заграничных вещиц, ничего не осталось ему; на всё это нашлись другие охотники. Удержалось у него тысячонок десяток, запрятанных про черный день, да дюжины две голландских рубашек, да небольшая бричка, в какой ездят холостяки, да два крепостных человека: кучер Селифан и лакей Петрушка; да таможенные чиновники, движимые сердечною добротою, оставили ему пять или шесть кусков

мыла для сбережения свежести щек, вот и всё. Итак, вот в каком положении вновь очутился герой наш! Вот какая громада бедствий обрушилась ему на голову! Это называл он: потерпеть по службе за правду. Теперь можно бы заключить, что после таких бурь, испытаний, превратностей судьбы и жизненного горя он удалится с оставшимися кровными десятью тысячонками в какое-нибудь мирное захолустье уездного городишка и там заклёкнет навеки в ситцевом халате у окна низенького домика, разбирая по воскресным дням драку мужиков, возникшую пред окнами, или для освежения пройдясь в курятник пощупать лично курицу, назначенную в суп, и проведет таким образом нешумный, но в своем роде тоже небесполезный век. Но так не случилось. Надобно отдать справедливость неодолимой силе его характера. После всего того, что бы достаточно было если не убить, то охладить и усмирить навсегда человека, в нем не потухла непостижимая страсть. Он был в горе, в досаде, роптал на весь свет, сердился на несправедливость судьбы, негодовал на несправедливость людей и, однако же, не мог отказаться от новых попыток. Словом, он показал терпенье, пред которым ничто деревянное терпенье немца, заключенное уже в медленном, ленивом обращении крови его. Кровь Чичикова, напротив, играла сильно, и нужно было много разумной воли, чтоб набросить узду на всё то, что хотело бы выпрыгнуть и погулять на свободе. Он рассуждал, и в рассужденьях его видна была некоторая сторона справедливости: «Почему ж я? зачем на меня обрушилась беда? Кто ж зевает теперь на должности? — все приобретают. Несчастным я не сделал никого: я не ограбил вдову, я не пустил никого по миру, пользовался я от избытков, брал там, где всякой брал бы; не воспользуйся я, другие воспользовались бы. За что же другие благоденствуют, и почему должен я пропасть червем? И что я теперь? Куда я гожусь? какими глазами я стану смотреть теперь в глаза всякому почтенному отцу семейства? Как не чувствовать мне угрызения совести, зная, что даром бременю землю? И что скажут потом мои дети? „Вот", скажут, „отец, скотина, не оставил нам никакого состояния!"»

Уже известно, что Чичиков сильно заботился о своих потомках. Такой чувствительный предмет! Иной, может быть, и не так бы глубоко запустил руку, если бы не вопрос, который,

неизвестно почему, приходит сам собою: а что скажут дети? И вот будущий родоначальник, как осторожный кот, покося только одним глазом вбок, не глядит ли откуда хозяин, хватает поспешно всё, что к нему поближе: масло ли стоит, свечи ли, сало, канарейка ли попалась под лапу, — словом, не пропускает ничего. Так жаловался и плакал герой наш, а между тем деятельность никак не умирала в голове его; там всё хотело что-то строиться и ждало только плана. Вновь съежился он, вновь принялся вести трудную жизнь, вновь ограничил себя во всем, вновь из чистоты и приличного положения опустился в грязь и низменную жизнь. И в ожидании лучшего принужден был даже заняться званием поверенного, званием, еще не приобретшим у нас гражданства, толкаемым со всех сторон, плохо уважаемым мелкою приказною тварью и даже самими доверителями, осужденным на пресмыканье в передних, грубости и прочее, но нужда заставила решиться на всё. Из поручений досталось ему, между прочим, одно: похлопотать о заложении в опекунский совет нескольких сот крестьян. Имение было расстроено в последней степени. Расстроено оно было скотскими падежами, плутами-приказчиками, неурожаями, повальными болезнями, истребившими лучших работников, и наконец бестолковьем самого помещика, убиравшего себе в Москве дом в последнем вкусе и убившего на эту уборку всё состояние свое до последней копейки, так что уж не на что было есть. По этой-то причине понадобилось наконец заложить последнее остававшееся имение. Заклад в казну был тогда еще дело новое, на которое решались не без страха. Чичиков в качестве поверенного, прежде расположивши всех (без предварительного расположения, как известно, не может быть даже взята простая справка или выправка, всё же хоть по бутылке мадеры придется влить во всякую глотку), — итак, расположивши всех, кого следует, объяснил он, что вот какое, между прочим, обстоятельство: половина крестьян вымерла, так чтобы не было каких-нибудь потом привязок... «Да ведь они по ревизской сказке числятся?» сказал секретарь. «Числятся», отвечал Чичиков. «Ну, так чего же вы оробели?» сказал секретарь: «один умер, другой родится, а всё в дело годится». Секретарь, как видно, умел говорить и в рифму. А между тем героя нашего осенила вдохновеннейшая мысль.

какая когда-либо приходила в человеческую голову. «Эх я Аким-простота!» сказал он сам в себе: «ищу рукавиц, а обе за поясом! Да накупи я всех этих, которые вымерли, пока еще не подавали новых ревизских сказок, приобрети их, положим, тысячу, да, положим, опекунский совет даст по двести рублей на душу: вот уж двести тысяч капиталу! А теперь же время удобное: недавно была эпидемия, народу вымерло, славу богу, не мало. Помещики попроигрывались в карты, закутили и промотались как следует; всё полезло в Петербург служить: имения брошены, управляются как ни попало, подати уплачиваются с каждым годом труднее; так мне с радостью уступит их каждый, уже потому только, чтобы не платить за них подушных денег; может, в другой раз так случится, что с иного и я еще зашибу за это копейку. Конечно, трудно, хлопотливо, страшно, чтобы как-нибудь еще не досталось, чтобы не вывести из этого истории. Ну, да ведь дан же человеку на что-нибудь ум. А главное, то хорошо, что предмет-то покажется совсем невероятным, никто не поверит. Правда, без земли нельзя ни купить, ни заложить. Да ведь я куплю на вывод, на вывод; теперь земли в Таврической и Херсонской губерниях отдаются даром, только заселяй. Туда я их всех и переселю! в Херсонскую их! пусть их там живут! А переселение можно сделать законным образом, как следует по судам. Если захотят освидетельствовать крестьян: пожалуй, я и тут непрочь; почему же нет? Я представлю и свидетельство за собственноручным подписанием капитана-исправника. Деревню можно назвать Чичикова слободка, или по имени, данному при крещении: сельцо Павловское». И вот таким образом составился в голове нашего героя сей странный сюжет, за который, не знаю, будут ли благодарны ему читатели, а уж как благодарен автор, так и выразить трудно. Ибо, что ни говори, не приди в голову Чичикова эта мысль, не явилась бы на свет сия поэма.

Перекрестясь по русскому обычаю, приступил он к исполнению. Под видом избрания места для жительства и под другими предлогами предпринял он заглянуть в те и другие углы нашего государства, и преимущественно в те, которые более других пострадали от несчастных случаев, неурожаев, смертностей и прочего и прочего, словом — где бы можно удобнее и дешевле накупить потребного народа. Он не обращался наобум

ко всякому помещику, но избирал людей более по своему вкусу или таких, с которыми бы можно было с меньшими затруднениями делать подобные сделки, стараясь прежде познакомиться, расположить к себе, чтобы, если можно, более дружбою, а не покупкою приобрести мужиков. Итак, читатели не должны негодовать на автора, если лица, доныне являвшиеся, не пришлись по его вкусу; это вина Чичикова, здесь он полный хозяин, и куда ему вздумается, туда и мы должны тащиться. С нашей стороны, если, уж точно, падет обвинение за бледность и невзрачность лиц и характеров, скажем только то, что никогда вначале не видно всего широкого теченья и объема дела. Въезд в какой бы ни было город, хоть даже в столицу, всегда как-то бледен, сначала всё серо и однообразно: тянутся бесконечные заводы да фабрики, закопченные дымом, а потом уже выглянут углы шестиэтажных домов, магазины, вывески, громадные перспективы улиц, все в колокольнях, колоннах, статуях, башнях, с городским блеском, шумом и громом и всем, что на диво произвела рука и мысль человека. Как произвелись первые покупки, читатель уже видел; как пойдет дело далее, какие будут удачи и неудачи герою, как придется разрешить и преодолеть ему более трудные препятствия, как предстанут колоссальные образы, как двигнутся сокровенные рычаги широкой повести, раздастся далече ее горизонт, и вся она примет величавое лирическое течение, то увидит потом. Еще много пути предстоит совершить всему походному экипажу, состоящему из господина средних лет, брички, в которой ездят холостяки, лакея Петрушки, кучера Селифана и тройки коней, уже известных поимянно, от Заседателя до подлеца чубарого. Итак, вот весь налицо герой наш, каков он есть! Но потребуют, может быть, заключительного определения одной чертою: кто же он относительно качеств нравственных? Что он не герой, исполненный совершенств и добродетелей, это видно. Кто же он? стало быть, подлец? Почему ж подлец, зачем же быть так строгу к другим? Теперь у нас подлецов не бывает, есть люди благонамеренные. приятные, а таких, которые бы на всеобщий позор выставили свою физиогномию под публичную оплеуху, отыщется разве каких-нибудь два-три человека, да и те уже говорят теперь о добродетели. Справедливее всего назвать его: хозяин, приобретатель.

Приобретение — вина всего; из-за него произвелись дела, которым свет дает название *не очень чистых*. Правда, в таком характере есть уже что-то отталкивающее, и тот же читатель, который на жизненной своей дороге будет дружен с таким человеком, будет водить с ним хлеб-соль и проводить приятно время, станет глядеть на него косо, если он очутится героем драмы или поэмы. Но мудр тот, кто не гнушается никаким характером, но, вперя в него испытующий взгляд, изведывает его до первоначальных причин. Быстро все превращается в человеке; не успеешь оглянуться, как уже вырос внутри страшный червь, самовластно обративший к себе все жизненные соки. И не раз не только широкая страсть, но ничтожная страстишка к чему-нибудь мелкому разрасталась в рожденном на лучшие подвиги, заставляла его позабывать великие и святые обязанности и в ничтожных побрякушках видеть великое и святое. Бесчисленны, как морские пески, человеческие страсти, и все не похожи одна на другую, и все они, низкие и прекрасные, все вначале покорны человеку и потом уже становятся страшными властелинами его. Блажен избравший себе из всех прекраснейшую страсть; растет и десятерится с каждым часом и минутой безмерное его блаженство, и входит он глубже и глубже в бесконечный рай своей души Но есть страсти, которых избранье не от человека. Уже родились они с ним в минуту рождения его в свет, и не дано ему сил отклониться от них. Высшими начертаньями они ведутся, и есть в них что-то вечно зовущее, не умолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще суждено совершить им: всё равно, в мрачном ли образе или пронестись светлым явленьем, возрадующим мир, — одинаково вызваны они для неведомого человеком блага. И, может быть, в сем же самом Чичикове страсть, его влекущая, уже не от него, и в холодном его существовании заключено то, что потом повергнет в прах и на колени человека пред мудростью небес. И еще тайна, почему сей образ предстал в ныне являющейся на свет поэме.

Но не то тяжело, что будут недовольны героем, тяжело то, что живет в душе неотразимая уверенность, что тем же самым героем, тем же самым Чичиковым были бы довольны читатели. Не загляни автор поглубже ему в душу, не щевельни на дне ее того, что ускользает и прячется от света, не обнаружь сокро-

веннейших мыслей, которых никому другому не вверяет человек, а покажи его таким, каким он показался всему городу, Манилову и другим людям, — и все были бы радешеньки и приняли бы его за интересного человека. Нет нужды, что ни лицо, ни весь образ его не метался бы, как живой, пред глазами: зато, по окончании чтения, душа не встревожена ничем, и можно обратиться вновь к карточному столу, тешащему всю Россию. Да, мои добрые читатели, вам бы не хотелось видеть обнаруженную человеческую бедность. «Зачем», говорите вы, «к чему это? Разве мы не знаем сами, что есть много презренного и глупого в жизни? И без того случается нам часто видеть то, что вовсе неутешительно. Лучше же представляйте нам прекрасное, увлекательное. Пусть лучше позабудемся мы!» — «Зачем ты, брат, говоришь мне, что дела в хозяйстве идут скверно?» говорит помещик приказчику. «Я, брат, это знаю без тебя, да у тебя речей разве нет других, что ли? Ты дай мне позабыть это, не знать этого, я тогда счастлив». И вот те деньги, которые бы поправили сколько-нибудь дело, идут на разные средства для приведения себя в забвенье. Спит ум, может быть обретший бы внезапный родник великих средств; а там имение бух с аукциона, и пошел помещик забываться по-миру, с душою, от крайности готовою на низости, которых бы сам ужаснулся прежде.

Еще падет обвинение на автора со стороны так называемых патриотов, которые спокойно сидят себе по углам и занимаются совершенно посторонними делами, накопляют себе капитальцы, устроивая судьбу свою на счет других; но как только случится что-нибудь, по мненью их, оскорбительное для отечества, появится какая-нибудь книга, в которой скажется иногда горькая правда, они выбегут со всех углов, как пауки, увидевшие, что запуталась в паутину муха, и подымут вдруг крики: «Да хорошо ли выводить это на свет, провозглашать об этом? Ведь это всё, что ни описано здесь, это всё наше, — хорошо ли это? А что скажут иностранцы? Разве весело слышать дурное мнение о себе? Думают, разве это не больно? Думают, разве мы не патриоты?» На такие мудрые замечания, особенно насчет мнения иностранцев, признаюсь, ничего нельзя прибрать в ответ. А разве вот что: жили в одном отдаленном уголке России два обитателя. Один был отец семейства, по имени Кифа Мокиевич,

человек нрава кроткого, проводивший жизнь халатным образом. Семейством своим он не занимался; существованье его было обращено более в умозрительную сторону и занято следующим, как он называл, философическим вопросом: «Вот, например, зверь», говорил он, ходя по комнате: «зверь родится нагишом. Почему же именно нагишом? Почему не так, как птица, почему не вылупливается из яйца? Как, право, того: совсем не поймешь натуры, как побольше в нее углубишься!» Так мыслил обитатель Кифа Мокиевич. Но не в этом еще главное дело. Другой обитатель был Мокий Кифович, родной сын его. Был он то, что называют на Руси богатырь, и в то время, когда отец занимался рожденьем зверя, двадцатилетняя плечистая натура его так и порывалась развернуться. Ни за что не умел он взяться слегка: всё или рука у кого-нибудь затрещит, или волдырь вскочит на чьем-нибудь носу. В доме и в соседстве всё, от дворовой девки до дворовой собаки, бежало прочь, его завидя; даже собственную кровать в спальне изломал он в куски. Таков был Мокий Кифович, а впрочем, он был доброй души. Но не в этом еще главное дело. А главное дело вот в чем: «Помилуй, батюшка барин, Кифа Мокиевич», говорила отцу и своя и чужая дворня: «что это у тебя за Мокий Кифович? Никому нет от него покоя, такой припертень!» — «Да, шаловлив, шаловлив», говорил обыкновенно на это отец: «да ведь как быть: драться с ним поздо, да и меня же все обвинят в жестокости; а человек он честолюбивый: укори его при другом-третьем, он уймется, да ведь гласность-то — вот беда! город узнает, назовет его совсем собакой. Что, право, думают, мне разве не больно? разве я не отец? Что занимаюсь философией, да иной раз нет времени, так уж я и не отец? Ан вот нет же, отец! отец, чорт их побери, отец! У меня Мокий Кифович вот тут сидит, в сердце!» Тут Кифа Мокиевич бил себя весьма сильно в грудь кулаком и приходил в совершенный азарт. — «Уж если он и останется собакой, так пусть же не от меня об этом узнают, пусть не я выдал его». И, показав такое отеческое чувство, он оставлял Мокия Кифовича продолжать богатырские свои подвиги, а сам обращался вновь к любимому предмету, задав себе вдруг какой-нибудь подобный вопрос: «Ну, а если бы слон родился в яйце, ведь скорлупа, чай, сильно бы толста была, пушкой не прошибешь;

нужно какое-нибудь новое огнестрельное орудие выдумать». Так проводили жизнь два обитателя мирного уголка, которые нежданно, как из окошка, выглянули в конце нашей поэмы, выглянули для того, чтобы отвечать скромно за обвиненье со стороны некоторых горячих патриотов, до времени покойно занимающихся какой-нибудь философией или приращениями на счет сумм нежно любимого ими отечества, думающих не о том, чтобы не делать дурного, а о том, чтобы только не говорили, что они делают дурное. Но нет, не патриотизм и не первое чувство суть причины обвинений, другое скрывается под ними. К чему таить слово? Кто же, как не автор, должен сказать святую правду? Вы боитесь глубоко-устремленного взора, вы страшитесь сами устремить на что-нибудь глубокий взор, вы любите скользнуть по всему недумающими глазами. Вы посмеетесь даже от души над Чичиковым, может быть, даже похвалите автора, скажете: «Однако ж кое-что он ловко подметил, должен быть веселого нрава человек!» И после таких слов с удвоившеюся гордостию обратитесь к себе, самодовольная улыбка покажется на лице вашем, и вы прибавите: «А ведь должно согласиться, престранные и пресмешные бывают люди в некоторых провинциях, да и подлецы притом немалые!» А кто из вас, полный христианского смиренья, не гласно, а в тишине, один, в минуты уединенных бесед с самим собой, углубит во внутрь собственной души сей тяжелый запрос: «А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?» Да, как бы не так! А вот пройди в это время мимо его какой-нибудь его же знакомый, имеющий чин ни слишком большой, ни слишком малый, он в ту же минуту толкнет под руку своего соседа и скажет ему, чуть не фыркнув от смеха: «Смотри, смотри, вон Чичиков, Чичиков пошел!» И потом, как ребенок, позабыв всякое приличие, должное званию и летам, побежит за ним вдогонку, поддразнивая сзади и приговаривая: «Чичиков! Чичиков! Чичиков!»

Но мы стали говорить довольно громко, позабыв, что герой наш, спавший во всё время рассказа его повести, уже проснулся и легко может услышать так часто повторяемую свою фамилию. Он же человек обидчивый и недоволен, если о нем изъясняются неуважительно. Читателю с полугоря, рассердится ли на него Чичиков или нет, но что до автора, то он ни в каком случае

не должен ссориться с своим героем: еще не мало пути и дороги придется им пройти вдвоем рука в руку; две большие части впереди — это не безделица.

«Эхе-хе! что ж ты?» сказал Чичиков Селифану: «ты?»

«Что?» сказал Селифан медленным голосом.

«Как что? Гусь ты! как ты едешь? Ну же, потрогивай!»

И в самом деле Селифан давно уже ехал, зажмуря глаза, изредка только потряхивая впросонках вожжами по бокам дремавших тоже лошадей; а с Петрушки уже давно нивесть в каком месте слетел картуз, и он сам, опрокинувшись назад, уткнул свою голову в колено Чичикову, так что тот должен был дать ей щелчка. Селифан приободрился и, отшлепавши несколько раз по спине чубарого, после чего тот пустился рысцой, да помахнувши сверху кнутом на всех, примолвил тонким певучим голосом: «Не бойся!» Лошадки расшевелились и понесли как пух легонькую бричку. Селифан только помахивал да покрикивал: «Эх! эх! эх!», плавно подскакивая на козлах по мере того, как тройка то взлетала на пригорок, то неслась духом с пригорка, которыми была усеяна вся столбовая дорога, стремившаяся чуть заметным накатом вниз. Чичиков только улыбался, слегка подлетывая на своей кожаной подушке, ибо любил быструю езду. И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «чорт побери всё!» — его ли душе не любить ее? Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чудное? Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и всё летит: летят версты, летят навстречу купцы на облучках своих кибиток, летит с обеих сторон лес с темными строями елей и сосен, с топорным стуком и вороньим криком, летит вся дорога нивесть куда в пропадающую даль, и что-то страшное заключено в сем быстром мельканьи, где не успевает означиться пропадающий предмет, только небо над головою, да легкие тучи, да продирающийся месяц одни кажутся недвижны. Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьем,

с одним топором да долотом, снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит чорт знает на чем; а привстал, да замахнулся, да затянул песню — кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход! и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух.

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, всё отстает и остается позади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? Что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится, вся вдохновенная богом!.. Русь, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земли, и косясь посторaниваются и дают ей дорогу другие народы и государства.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

крепко головою в кузов, понесся, наконец, по мягкой земле. Едва только выехал он за город, как пошла писать по нашему русскому обычаю чушь и дичь по обеим сторонам дороги:[1] кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен и обгорелые стволы старых и тому подобный вздор. Попадались две три вытянутые по шнурку деревни, постройкою похожие на старые складенные дрова, покрытые серыми крышами, с резными украшениями, в виде висящих утиральников. Несколько мужиков по обыкновению зевали, сидя на лавках перед воротами в своих овчинных тулупах. Бабы с толстыми лицами и перевязанными грудями смотрели из верхних окон; из нижних глядел теленок, или высовывала слепую морду свою свинья. Виды известные.[2] Проехавши пятнадцатую версту, он вспомнил, что здесь, по словам Манилова, должна быть его деревня; но и шестнадцатая верста полетела[3] мимо, а деревни всё еще не было видно.[4] По сторонам было гладкое

---

[1] *Вместо* «как пошла ~ дороги»: как пошла по русскому обычаю по обеим сторонам дороги чушь и дичь: [2] *Вместо* «Виды известные»: *а*. На всё это Чичиков не глядел вовсе: [во-первых, потому, что таких видов на Руси не наберешься, а во-вторых,] потому, что он действительно был занят чем-то важным. Лицо его имело все признаки размышления, и часто приставляемая рука ко лбу давала знать, что дело требовало [большой] некоторой деятельности и увертливости ума. День, несмотря что лето было на исходе, был еще довольно жарок, и он должен был несколько раз утирать платком свой лоб, по которому проступали крупные капли пота, производимые двойным напряжением — наружным и внутренним; *б*. *Начато*. На всё это Чичиков, впрочем, не глядел, зная, что таких видов много на Руси — [3] верста мелькнула [4] *Далее начато:* и если бы не попались скоро навстречу два мужика, то он был бы в немалом затруднении

поле. Это заставило его, прищуря глаза, смотреть в даль, не попадется ли где прохожий. И точно, заметил он в конце дороги, которая казалась совершенно отрезанною, две движущиеся точки. Эти две точки мало-помалу, по мере приближения, обращались в двух мужиков и, наконец, сделались совершенными мужиками, когда поровнялись с бричкою. Мужики были в рубахах и несли на палках свои сапоги и тулупы. Мужики сняли шляпы и поклонились, и на вопрос Чичикова: «далеко ли еще деревня Заманиловка?», один из них, который был постарше и поумнее и бороду имел клином,[1] отвечал: «Маниловка, может быть, а не Заманиловка?»

«Ну, да, Маниловка».

«Маниловка? А как проедешь еще одну версту, так вот тебе то есть так направо».[2]

«Направо?» отозвался кучер.

«Направо», сказал мужик. «Это будет тебе прямо дорога в Маниловку, а Заманиловки никакой нет. Она зовется так, то есть ее прозванье Маниловка, а Заманиловки тут вовсе нет. Там прямо на горе увидишь дом каменный в два этажа, господский дом, в котором то есть живет сам господин. Вот это-то и есть Маниловка, а Заманиловки совсем нет никакой здесь и не было». Мужик может еще бы более пояснил, но кучер уже не слушал его и ехал далее.[3] Проехавши две[4] версты, он встретил, точно, поворот на проселочную дорогу; но уже он сделал[5] и три и четыре версты, а каменного дома в два этажа всё еще не было видно; наконец, когда проехали еще две версты, высунулось вместе с горою одиноко белевшее на ней строение,[6] тогда как самая деревня еще скрывалась за едва заметною возвышенностью. Тут Чичиков вспомнил, что когда приятель приглашает к себе в деревню за пятнадцать верст, то это значит, что к ней есть верных

---

[1] в виде клина [2] Маниловка? Как проедешь еще одну версту, да потом еще одну версту, будет тебе дорога направо, сейчас за столбом... [3] *Вместо* «Мужик ~ далее»: *а.* Может быть мужик и более еще бы пояснил, но Чичиков уже не слушал и ехал далее; *б.* Мужик бы вероятно еще более *и т. д. как в тексте.* [4] Проехавши еще две [5] *Вместо* «Проехавши две ~ сделал» *начато исправление:* Проехавши две версты встретился точно поворот на проселочную дорогу, но уже сделали [6] наконец, проехавши еще две версты, он увидел одиноко белевший на горе дом

двадцать пять, если не целых тридцать. Деревня Маниловка вряд ли кого могла [сильно] заманить своим местоположением. Дом господской стоял одиночкой на возвышении, открытом со всех сторон.[1] Покатость горы, на которой он стоял, была одета[2] подстриженным дерном; два или три куста сирени, да береза[3] были раскинуты на ее небольшом пространстве. Пониже пруд, покрытый зеленью, что, впрочем, не в диковинку[4] в английских садах русских помещиков. У подошвы этого возвышения и частию по самому скату настроенные[5] вдоль и поперек серенькие[6] русские избы, которые неизвестно по каким причинам герой наш в ту же минуту сосчитал и нашел более[7] двухсот. Нигде ни деревца; всё бревна да бревна. У пруда были заметны три бабы, которые, стоя[8] на деревянной жердочке, шлепали по воде мокрым бельем. Двое мальчишек,[9] поднявши рубашки, брели по нем,[10] разбрызгивая ногами воду с таким спокойным видом, как будто занимались делом. Поодаль в стороне темнел сосновый лес. Погода в это время очень кстати прислужилась к пополненью этой картины. День был не то ясный, не то серый, облака убрали всё небо клоками, как хлопчатая бумага, кое-где оставив просвечивать синеву. Скоро им показалось и этого много и они [слились в одну] заволокли его совершенно. Кричащий петух, предвестник переменчивой погоды, еще более пополнил эту картину. Сам хозяин дома стоял на крыльце, в зеленом шалоновом сертуке, приставив руку[11] ко лбу в виде зонтика над глазами,

---

[1] *а.* Дом господской, по обыкновению многих русских помещиков, стоял на возвышении, но совершенно открытом со всех сторон, так что приделать только к нему крылья и он очень хорошо будет исполнять должность ветряной мельницы; *б.* Дом господской стоял один как дурак на возвышении, открытом со всех сторон [2] *а.* была покрыта; *б.* покрывалась [3] и одна береза [4] Пониже был пруд, покрытый зеленью, что не в диковинку [5] Внизу у подошвы этого возвышения были настроены [6] копченые [7] которых Чичиков насчитал более [8] *Вместо* «У пруда ~ стоя»: Внизу бежала по каменному дну тощая речка. Три бабы, стоя [9] Два мальчишка [10] по ней [11] *Вместо* «Поодаль ~ руку»: *а.* Лес сосновый темнел в стороне. [Солнце обливавшее ярким светом своим] Белые стены господского дома, облитые ярким светом солнца, производили яркую противоположность в сравнении с темными и закоп-

чтобы рассмотреть хорошенько экипаж. По мере того, как бричка подъезжала к крыльцу, глаза его[1] делались веселее и улыбка раздвигалась более и более.

«Павел Иванович!» — вскричал, наконец,[2] он, когда Чичиков вылезал из брички. «Насилу вы-таки вспомнили нас!»[3]

Оба приятеля очень крепко поцеловались, и Манилов увел своего гостя в комнату. Хотя время, в продолжение которого они будут проходить сени, переднюю и столовую, несколько коротковато, но попытаемся, не успеем ли[4] как-нибудь им воспользоваться[5] и сказать кое-что о хозяине дома. Но тут автор должен признаться, что это очень трудно. Гораздо легче изображать характеры большого размера. Там просто ляпай кистью со всей руки. Огненные глаза, нависшие брови, перерезанный морщиною лоб, закинутый на плеча черный или огненный плащ — и портрет готов; но вот эти все господа, которых много на свете, которые с виду очень похожи

ченными крестьянскими избами. Казалось солнце было здесь неуместно. Серенькое небо с влажной мокротой в воздухе, да кричащий петух, предвестник переменчивой погоды, были бы приличнее этой картине. Чичиков еще не въехавши в двор заметил хозяина, стоявшего на крыльце в зеленом шалоновом сертуке и приставившего руку; *б.* Лес сосновый темнел в стороне. Солнце ложилось на беленых стенах господского дома, которые чрез то представляли резкую противоположность в сравнении с темными и закопченными крестьянскими избами. Совсем бы казалось солнцу незачем здесь быть. Обыкновенное серенькое небо, похожее цветом на гарнизонный мундир, кричащий петух, предвестник переменчивой погоды, были бы приличнее этой картине. Чичиков еще не въехавши в двор заметил хозяина, стоявшего на крыльце в зеленом шалоновом сертуке и приставившего руку; *в.* Поодаль в стороне ~ этой картины. Небо несколько заволокло небольшими клочками облаков и цвет его сделался очень похожим на цвет мундиров наших гарнизонных солдат, этого живописного и мирного войска [наших] уездных городов, довольно ядущего кашу и в воскресные дни пьяного мертвецки. День был ~ эту картину. Подъезжая ко двору Чичиков заметил хозяина, стоявшего на крыльце в зеленом шалоновом сертуке и приставившего руку; *После слов* «цвет его сделался» *над строкой надписано:* таков, как бывает цвет гарнизонных мундиров, этого войска мирного

[1] глаза хозяина [2] сказал наконец [3] *Далее было:* Здесь автор просит у читателей извинения за свою непростительную рассеянность, он совершенно не помнит, сказал ли он, что Чичикова звали Павлом Ивановичем или нет. [4] *Далее начато: а.* чего; *б.* кое-что сказать [5] как-нибудь воспользоваться [этим] сим промежутком

между собою, а между тем, как приглядишься, увидишь много самых [то] неуловимых особенностей... О, это пытка для автора. Он должен над ними долго продумать, прежде чем примется за кисть.[1]

Один бог разве может сказать, какой был характер Манилова. На Руси, как и во всяком другом государстве, есть очень много таких [характеров] людей, которых обыкновенно называют ни рыба, ни мясо.[2] Может быть, к этому разряду принадлежал и Манилов. В выражении лица его было что-то чрезвычайно сладкое и во всех приемах что-то заискивающее расположения и знакомства. Улыбался он очень приятно и был недурен[3] собою: блондин с голубыми глазами. В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать:[4] Какой приятный и добрый человек! В следующую затем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: «Чорт знает, что такое!» и отойдешь подальше. Если ж не отойдешь, то почувствуешь скуку смертельную. От него не дождешься никакого живого или заносчивого слова, которое можешь услышать почти от всякого,[5] если коснешься его предмета. У всякого человека есть какой-нибудь конек. Один[6] влюблен в охоту, так что если бы деньги, то скупил бы казалось всех собак; другой мастер лихо пообедать; этому уже, кажется, от рожденья внушил бог страсть колотить ямщиков и[7] станционного смотрителя; у того рука чешется заломить угол бубновому тузу; но Манилов не имел решительно никакой страсти. Дома он говорил по обыкновению очень мало и большею частию размышлял и думал, но о чем он думал, тоже разве один только бог мог знать. Хозяйством тоже нельзя сказать, чтобы он очень занимался; он даже никогда не ездил на поля. Хозяйство как-то шло само собою. Когда приказчик говорил: «Хорошо бы, барин, то и то сделать», «Да, недурно», отвечал он обыкновенно куря трубку, которую курить сделал он привычку, когда еще служил в армии, где [тоже] считался скромнейшим, деликатнейшим и образо-

---

[1] Он долго должен над ними продумать, прежде чем решится приняться за перо. [2] ни рыбой, ни мясом [3] был очень недурен [4] В первую минуту разговора с ним скажешь [5] от всякого человека [6] *Далее начато:* любит до [7] ямщиков или

ваннейшим офицером. «Да, именно, недурно», повторял он. Когда приходил к нему мужик и, почесавши рукою в затылке, говорил: «Барин, позволь отлучиться на работу, подать заработать!» — «Ступай», говорил он, куря трубку, и ему даже в голову не приходило, что мужик шел пьянствовать. Иногда, глядя с крыльца на двор и на пруд, говорил он о том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома провести подземный ход или через пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян. При этом глаза его делались чрезвычайно сладкими, и лицо его принимало самое довольное выражение; впрочем, все эти прожекты так и оканчивались одними только словами. В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на 14 странице, которую он постоянно читал уже два года. В[1] доме его чего-нибудь вечно недоставало. В одной комнате была у него прекрасная мебель, стоившая, без сомнения, ему весьма не дешево. Зато в другой не было совершенно никакой, кроме разве какого-нибудь деревянного стула; вовсе не потому, чтобы он не считал нужным, но потому единственно, что не успел еще завестись, хотя уже более 10 лет, как жил он в своем доме. По этой же самой причине вместе с прекрасным бронзовым, вызолоченным и обделанным в перламутр канделябром подавался на стол какой-то гадкой, старый подсвечник. Его супруга, с своей стороны... но об дамах я очень боюсь говорить, да притом мне давно пора возвратиться к нашим героям, которые стояли перед дверью гостиной, взаимно упрашивая друг друга пройти вперед.

«Сделайте милость, не беспокойтесь так для меня, я пройду после», говорил Чичиков.

«Нет, Павел Иванович, вы гость, вы должны вперед идти», говорил Манилов, показывая ему рукою.

«Не затрудняйтесь, пожалуста, не затрудняйтесь.[2] Пожалуста проходите», говорил Чичиков.

«Нет, Павел Иванович, [Никак, никак] это обида.[3] Как

---

[1] *Далее начато:* одной [2] *Далее было:* Как можно для меня такое беспокойство [3] «Нет, Павел Иванович, вы нанесете мне чувствительнейшую обиду.

можно, чтобы я такому приятному гостю позволил пройти после себя».

«Ах, боже мой... Мне, право, совестно, проходите, сделайте милость, проходите, я после , говорил Чичиков.

«Нет, никак нельзя».

Наконец оба приятеля вошли в дверь боком и несколько притиснули друг друга.[1]

«Позвольте мне вам представить жену мою», сказал Манилов. «Душенька! Павел Иванович!» [прибавил он, обращаясь к ней.]

Чичиков увидел, точно, даму, которую он совершенно было не приметил, раскланиваясь в дверях с Маниловым, и которая приподнялась с своего места и оставила свою работу, бывшую[2] у ней в руках.[3] Чичиков подошел к ручке.

«Вы нас очень обрадовали своим приездом», сказала жена Манилова. «Сделайте милость, садитесь! Не проходило дня, чтобы муж мой не вспоминал о вас».

«Ваш муж, сударыня, очень далеко простирает доброту свою ко мне», сказал Чичиков.

Да», отвечал Манилов: «уж она, бывало, всё спрашивает меня: «Да что же твой приятель не едет?» — «Погоди, душенька, приедет». А вот вы, наконец, и удостоили нас своим посещением. Уж такое, право, доставили наслаждение, майский день»...[4]

О, никак не достоин такой чести. Ни громкого имени не имею, ни даже ранга заметного».[5]

«Вы всё имеете», прервал Манилов с тою же приятною улыбкою: «всё имеете, даже еще более».

---

[1] *Вместо* «Мне право ∾ друг друга»: Я не знаю, право, как отвечать мне», говорил Чичиков .. «Мне, право, и совестно», говорил Чичиков, выступая, наконец, вперед, но несколько боком, как бы желая хоть по крайней мере войти вместе. [2] работу, которая была [3] *Далее было:* Дама была лет двадцати семи; одета она была, как обыкновенно они одеваются: платок, чепец, ленты, словом, дама [4] *Вместо* «Уж такое ∾ день»: доставили нам наслаждение, приятнейший майский день. [5] *а.* «О, помилуйте. Никак не достоин такой чести. Как можно, чтобы я льстил себя надеждою, что мое посещение может доставить удовольствие. Другое дело, если б я что-нибудь значил в мире; но ни громкого имени не имею, ни ранга заметного, ни достоинств...»; *б.* «О, помилуйте, никак не достоин такой чести. Не могу льстить себя надеждою, что мое посещение ∾ ни достоинств .

«Как вам показался наш город?» промолвила Манилова. «Приятно ли провели там время?»

«Очень хороший город, прекрасный город, и время провел очень приятно. Общество такое обходительное».

«А как вы нашли нашего губернатора?» сказала Манилова.

«Не правда ли, что препочтеннейший и прелюбезнейший человек?» прибавил Манилов.

«О, препочтеннейший!» сказал Чичиков. «Это, можно сказать, мой благодетель. Как он[1] вошел в свою должность и как понимает ее! Истинно, нужно желать побольше таких людей».

«Как он может, этак, знаете, принять всякого, обворожить своим обращением», присовокупил Манилов с улыбкою и почти совсем зажмурив глаза, что означало, что он очень был доволен.

«Очень обходительный и приятный человек», продолжал Чичиков: «и какой искусник! Я даже никак не мог предполагать этого. Как хорошо вышивает разные дамские узоры. Он мне показывал своей работы кошелек: редкая дама может так искусно вышить».

«А вице-губернатор? Не правда ли, какой милый человек!», сказал Манилов, опять несколько прищурив глаза.

«Очень, очень достойный человек», отвечал Чичиков.

«А как вам показался полицмейстер? Не правда ли, что очень приятный человек?»

«О, чрезвычайно приятный. И какой ученый, какой начитанный человек! Мы у него проиграли в вист вместе с прокурором и председателем гражданской палаты [начиная от обеда и не вставая со стола] до самых [утренних] петухов. Очень, очень достойный человек!»

«А жена полицмейстера?» прибавила Манилова. «Не правда ли, какая препочтенная и прелюбезная женщина».

«О, это одна из достойнейших женщин, каких только я знал», отвечал Чичиков.

За сим Манилов не пропустил председателя палаты, почтмейстера, и таким образом перебрали почти всех чиновников города, которые, как нарочно, все были достойные люди.

«Вы [большею частию] всегда в деревне проводите время?» сделал, наконец, в свою очередь вопрос Чичиков.

---

[1] И как он

«Больше в деревне», отвечал Манилов. «Иногда, впрочем, приезжаем в город для ‹того› только, чтобы увидеться с образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь всё время жить взаперти».

«Правда, правда», сказал Чичиков.

«Конечно», продолжал Манилов: «другое дело, если бы соседство было хорошее, если бы, например, такой человек, с которым бы можно красноречиво поговорить[1] о любезности, о хорошем обращении, о какой-нибудь науке, чтобы этак расшевелило душу, дало питательность и, так сказать, парение этакое...› Здесь он еще что-то хотел выразить, но, заметивши, что несколько зарапортовался, ковырнул только рукою в воздухе и продолжал: «тогда бы, конечно, деревня и уединение имели бы очень много приятностей. Но ведь решительно нет никого... Вот только иногда прочитаешь „Сын Отечества“...»

«Это справедливо, совершенно справедливо», отвечал Чичиков. «Что может быть лучше [того], как жить в уединении, наслаждаться зрелищем природы, почитать иногда книгу».[2]

«Но знаете ли: всё, если нет друга, с которым бы можно поделиться...›

«О, это справедливо! это совершенно справедливо![3] Что все сокровища тогда в мире! Не имей денег, имей хороших людей для обращения, сказал один мудрец».

«И знаете, Павел Иванович», сказал Манилов, сделавши такую сладкую мину, что даже было несколько приторно, как натощак. «Тогда чувствуешь какое-то эдакое духовное наслаждение... Вот как, например, теперь случай доставил мне счастие говорить с вами и наслаждаться приятным вашим разговором...»

«О, помилуйте! Как можно, чтобы я льстил себя... ничтожный человек и больше ничего».[4]

«О, Павел Иванович! я бы с радостью отдал половину всего моего состояния, чтобы иметь часть тех достоинств, которые имеете вы...»

---

[1] можно поговорить [2] *Вместо* «почитать иногда книгу»: или упражнять ум в занятиях высоких, которые бы доставляли моральную пищу сердцу. Размышлять о чем-нибудь, или прочесть что-нибудь, господина Булгарина сочинения...» [3] это совершенная правда [4] Как можно, чтобы я льстил себя такою надеждою. Я ничтожный человек и не имею вовсе тех достоинств, которые бы могли мне приобресть расположение.

‹Напротив того, я бы почел с своей стороны за величайшее...»

Неизвестно, до чего бы дошли взаимные учтивства двух приятелей, если бы вошедший слуга не доложил, что кушанье готово.

«Прошу покорнейше›, сказал Манилов. ‹Вы извините, если у нас ‹нет› такого обеда, какой на паркетах и в столицах. У нас просто по русскому обычаю щи, но от [самого] чистого сердца. Прошу покорнейше!» Тут они еще несколько времени поспорили о том, кому первому войти, и наконец Чичиков вошел боком в столовую. В столовой уже стояли два мальчика, дети Манилова, которые [казалось] были в тех летах, когда сажают уже за стол, но еще на высоких[1] стульях. При них стоял учитель, который очень вежливо и с улыбкою поклонился. Хозяйка села за свою суповую чашку. Мужчины,[2] выпивши по рюмке водки, уселись таким образом, что Чичиков сел между хозяином и хозяйкою. Слуга завязал детям на шею салфетки.

‹Какие миленькие детки», сказал Чичиков, посмотрев на них: «а который [им] год?»

«Старшему осьмой, а меньшому вчера только минуло шесть», сказала Манилова.

«Менелай!» сказал Манилов, обратившись к старшему. Чичиков поднял несколько бровь, услышав такое странное имя, но постарался тот же час привесть лицо в обыкновенное положение. «Менелай, скажи мне, какой лучший город во Франции?»

Здесь учитель обратил всё внимание на Менелая и, казалось, хотел вскочить ему в глаза, но, наконец, совершенно успокоился и кивнул головою, когда Менелай сказал: «Париж».

«А у нас какой лучший город?» спросил опять Манилов.

Учитель опять насторожил свой слух и зрение.

«Петербург», отвечал Менелай.

«А еще какой?»

«Москва», отвечал Менелай.

«Умница, душенька»! прибавил с своей стороны Чичиков. ‹Скажите, однако ж», продолжал он, обратившись с некоторым видом изумления к Маниловым: «В такие лета и уже

---

[1] сажают уже их за стол на особых несколько высоких [2] *Далее начато:* тоже

такие сведения! Я должен вам сказать, что в этом ребенке будут большие способности».

«О, вы еще не знаете его», отвечал Манилов: «У него чрезвычайно много остроумия. Вот меньшой, Алкивиад, тот не так быстр, а этот сейчас, если что-нибудь встретит, букашку, козявку, тотчас обратит внимание.[1] Я его прочу по дипломатической части. Менелай!» продолжал он обратясь снова к нему: «хочешь быть посланником?»

«Хочу», отвечал Менелай, жуя хлеб и болтая головою направо и налево.

В это время стоявший позади лакей утер посланнику нос и очень хорошо сделал, иначе бы канула в суп препорядочная посторонняя капля. Разговор начался за столом об удовольствии спокойной жизни, прерываемый замечаниями хозяйки о городском театре и об актерах. Учитель очень внимательно глядел на разговаривающих и, как только замечал, что уста их готовы усмехнуться, в ту же минуту раздвигал рот и смеялся с величайшим усердием. Один раз только лицо его приняло суровый вид, и он, стукнув вилкою по столу устремил взгляд на сидевших против него детей. Это было весьма у места, потому что Менелай укусил за ухо Алкивиада,[2] и Алкивиад, зажмурив глаза и открыв рот, готов был зарыдать самым жалким образом, но, почувствовав, что за это легко можно было лишиться блюда, привел рот в прежнее положение и начал со слезами грызть баранью кость, от которой у него обе щеки лоснились жиром. Хозяйка очень часто обращалась к Чичикову с словами: «Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли». На что Чичиков отвечал: «Покорнейше благодарю, не беспокойтесь, я сыт, приятный разговор лучше всякого блюда».

Уже встали из-за стола. Манилов был доволен чрезвычайно, поддерживая рукою спину своего гостя,[3] готовился таким образом препроводить его в гостиную, как вдруг Чичиков объявил с весьма значительным видом, что он

---

[1] *а.* если что-нибудь заметит и обратит внимание. *б. Как в тексте; в.* если ∾ внимание, летит к ней взапуски; [удивительная] большая быстрота ума. [2] потому что Алкивиад укусил за ухо Менелая [3] *Вместо* «Манилов ∾ гостя»: и Манилов, поддерживая рукою своею спину своего гостя,

намерен с ним поговорить об одном очень нужном деле.

«В таком случае позвольте вас попросить в мой кабинет», сказал Манилов и повел Чичикова в небольшую боковую комнату, обращенную окнами на синевший лес.

«Вот мой уголок», сказал Манилов.

«Приятная комнатка!» сказал Чичиков, окинувши ее глазами. В комнате было мебели немного: стол и на нем книжка[1] с заложенною закладкою, о которой мы уже имели случай упомянуть, несколько исписанных бумаг, но больше всего было табаку. Он был в разных видах: в картузах и в табачнице и, наконец, насыпан был просто кучею на столе. На обоих окнах тоже помещены были горки выбитой из трубки золы, расставленные не без старания очень красивыми[2] рядками. Заметно было, что хозяин около этого несколько позанялся сам.

«Позвольте вас попросить расположиться в этих креслах», сказал Манилов. «Здесь вам попокойнее».

«[Нет] Позвольте, я сяду на [этом] стуле».

«[Нет] Позвольте вам этого не позволить», сказал Манилов с улыбкою. «Это кресло у меня уж ассигновано для гостя: ради или не ради, но [вы] должны сесть».

«Вы очень обязательны. Ох, боже, уж мне так право совестно».[3]

«Позвольте мне вас попотчевать трубочкою» [сказал Манилов].

«Нет не курю, не курю», отвечал Чичиков ласково и как бы с видом сожаления.[4]

«Отчего?» спросил Манилов тоже ласково и с видом сожаления.

«Не сделал привычки, боюсь», [сказал Чичиков:] «говорят, трубка сушит».

«Позвольте мне вам заметить, что это предубеждение» [сказал Манилов.] «Я нахожу даже, что курить трубку гораздо здоровее, нежели нюхать табак. В нашем полку был поручик,

---

[1] *Вместо* «В комнате ∾ книжка»: Между двумя окнами помещался письменный стол, покрытый сафьяном. На нем лежала какая-то книжка [2] весьма красивыми [3] «Вы очень обязательны», говорил Чичиков, садясь в кресла, «и мне, право, всё равно, даже еще лучше на стуле». [4] отвечал ласково и как бы с видом сожаления Чичиков.

прекраснейший и образованнейший человек, который не выпускал изо рта трубки не только за столом, но даже, с позволения сказать, во всех прочих местах. И вот ему теперь уже сорок с лишком лет, но, благодаря бога, до сих пор так здоров, как нельзя быть лучше».

«Это я вам скажу, действительно случай.[1] В натуре такое множество странных вещей. Но позвольте прежде одну просьбу...» При этом слове Чичиков огляделся вокруг, как бы желая знать, не глядит ли кто откуда-нибудь... «Как давно вы изволили подавать ревижскую сказку?».

«Да уже давно, а лучше сказать, не припомню».

«Как с того времени много у вас умерло крестьян?»

«А не могу знать; об этом нужно, я думаю, спросить приказчика. Ей, человек, позови приказчика».

Приказчик явился.

«Послушай, любезный! сколько у нас умерло крестьян с тех пор, как подавали ревизию?»

«Да как сколько? Многие умирали с тех пор».

«Да, признаюсь, я сам так думал», подхватил Манилов: «именно очень многие умирали». Тут он оборотился к Чичикову и прибавил еще: «Точно, очень многие».

«А как, например, числом?» спросил Чичиков.

«Да, сколько числом?» подхватил Манилов.

«Да как сказать числом. Число неизвестное. Человек до 80 будет».

«Да, именно», сказал Манилов, обратясь к Чичикову: «я тоже предполагал. Большая смертность».

«Ты, пожалуста, их перечти», сказал Чичиков: «подробный реестрик всех поименно».

«Да, всех», сказал Манилов.

Приказчик сказал: «слушаю» и ушел.

Тут Чичиков ездил и вертелся минуты четыре на стуле. Наконец достал из кармана платок, высморкался, потом опять положил его в карман. Потом снова вынул и высморкался очень звучно, что он делал весьма искусно; потом принялся складывать очень фигурно вроде бумажника или записной книжки, потом вновь в карман и начал, наконец, так:

---

[1] *В подлиннике:* случаях

«Не можете ли вы мне продать кое-каких», сказал Чичиков.

«Крестьян; да вы хотите с землей или без земли?»

«Нет, к чему ж земля, в земле не настоит необходимость».

«Скольких человек вы желаете иметь?» сказал Манилов, выпуская дым.

«Да всех тех, которые умерли».

«Как умерли?»

«Я разумею, то есть, чтобы вы мне продали умерших».

Манилов чуть не выронил из рук трубки и смотрел на Чичикова. Прежде всего в голове его пробежала мысль, не хочет ли гость пошутить; но лицо Чичикова было решительно сурьезно. Потом подумал он, не спятил ли он с ума, но и этого не было заметно: глаза Чичикова были ясны, и всё было как следует, довольно пристойно, да и сам он сидел с умеренностью и приятностью, как сидит благонамеренный чиновник. Находясь в таком затруднительном недоумении, он не нашел ничего другого сделать, как только выпустить изо рта дым чрезвычайно тонкою струею.

«Итак, можете ли вы уступить их?

Но Манилов так сконфузился и смешался, что только смотрел на него и не мог сказать ни одного слова.

«Итак, вы затрудняетесь?

«Я? нет, я ничуть , сказал Манилов: но я не могу постичь, извините моему неведению. Не имея ваших положительных сведений, или, как выражаются, объективных... я могу ошибаться. Вы извините, однако ж, меня — может быть всё это не то, может быть, вы это изволили выразиться так для красоты слога».

«Нет, я в существе своем разумею , сказал Чичиков.

Никак не нашелся на это ничего сказать Манилов и совершенно растерялся. Ему казалось еще необходимо сделать один вопрос, какой вопрос и как сделать его сообразно с приличием, и в каком роде. Кончил он, наконец, тем, что выпустил дым, но только уже не ртом, а чрез носовые ноздри.

«Так я бы с своей стороны уж и купчую совершил бы , сказал Чичиков.

«Как на мертвые души купчую?»

«А, нет», сказал Чичиков: «мы напишем так, как будто бы

это были живые. Я уж видите сам служил и привык делать по законам. Уж это мой нрав — от справедливости ни на шаг»[1].

Манилов в ответ принялся насасывать чубук так сильно, что он начал, наконец, хрипеть, как фагот. Казалось, как будто бы он желал вытянуть из него мнение относительно такого неслыханного обстоятельства.[2] Но чубук хрипел и больше ничего.

«Может быть вы имеете какие-нибудь сомнительные рассуждения насчет меня?›

«О, помилуйте, ничуть. Я не насчет этого говорю, чтобы имел какое-нибудь, т. е. критическое предосуждение о вас. Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие, или, чтоб еще более, так сказать выразиться, негоция, так не будет ли эта, так сказать, негоция, не соответствующею гражданским постановлениям России?»

Тут лицо Манилова приняло такое глубокое и значительное выражение, какого еще никогда и не видано было на свете, если ж и видано [было когда-нибудь], то очень редко.[3]

«Нет, не будет , отвечал на это довольно просто Чичиков: «Правительство в таких делах[4] совершенно благонамеренно и никаких с своей стороны притеснений, даже еще будет довольно, потому что получит казенные пошлины».

«А если будет довольно, это другое дело. Я против этого ничего», сказал Манилов и совершенно успокоился.

«Теперь нам остается только условиться в цене и...›

«Как, неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которые в некотором роде [так сказать] окончили свое существование? Если уж вам пришло этакое, так сказать, фантастическое желание, то я с большой охотой вам их всех уступаю безъинтересно и купчую принимаю на свой счет».

---

[1] [Так] Уж такой мой нрав. За правду и потерпел даже. [2] мнение насчет этого обстоятельства. [3] значительное выражение, что всякой в ту же минуту принял бы его за министра. [4] Правительство в отношении этого

«Благодетель мой!» сказал Чичиков, схвативши обеими своими руками руки Манилова и подпрыгнувши на стуле с живостью, почти несвойственною для человека средних лет, имеющего чин ни слишком большой, ни слишком малый.

«Решительно не стоит благодарности», отвечал Манилов. «Мне бы хотелось услужить в чем-нибудь, где бы можно точно доказать дружеское, этак сказать, влечение, магнетизм души... но умершие души — это, в некотором роде, совершенная дрянь».

«Очень не дрянь», сказал Чичиков с чем-то подобным даже на вздох: «Если б вы знали, какую вы этим услугу оказали человеку без племени и роду. Да, действительно, чего не натерпелся я. Каких гонений, каких преследований не испытал, какого горя не вкусил. А за что? За то, что соблюдаю правды, что был чист на своей совести, что[1] подавал руку и вдовице беспомощной, и сиротинке горемыке». Тут даже отер платком он выкатившуюся слезу.

Манилов был совершенно тронут.

«Так купчую вы уж, пожалуста, припасите поскорей, если можно», продолжал Чичиков: «да не дурно бы, если бы на-днях съездили в город, а до того времени я буду вас должен оставить, потому что у меня есть еще одно дельцо».

Тут Чичиков взял [свою] шапку и отправился по углам отыскивать свою палку с набалдашником в виде собачки.

«Как, вы уже хотите ехать?» сказал Манилов, почти испугавшись.

‹ГЛАВА III›

люди. Я с удовольствием поговорю, коли хороший человек. С человеком хорошим мы всегда свои[2] други, тонкие приятели. Выпить ли чаю, или закусить — с охотою, коли хороший человек. Хорошему человеку всякой отдаст почтение. Вот барина нашего всякой уважит, потому что он сполнял службу государскую, он надворный советник»... Таким образом рассуждая, лошадиный правитель вошел, наконец,

---

[1] *Далее начато:* рука моя [2] мы всегда большие

в чрезвычайные отвлеченности. Если бы Чичиков прислушивался, то он бы узнал много подробностей, относившихся лично к нему, но мысли его так глубоко погрузились в различные сметы и соображения по поводу странного своего прожекта, что он был глух и нечувствителен ко всему. Наконец, сильный удар грома заставил его очнуться и посмотреть вокруг себя: всё небо было совершенно обложено тучами, и пыльная почтовая дорога опрыскалась каплями дождя. Наконец, громовой удар раздался в другой раз громче и ближе, и дождь хлынул вдруг, как из ведра. Сначала, принявши косое направление, хлестал он в одну сторону кузова кибитки, потом в другую, потом, изменивши образ нападения [своего] и сделавшись совершенно прямым, барабанил прямо в верх его кузова; брызги [его] наконец стали долетать в лицо нашему герою. Это заставило его опустить сверху кожаные занавески с двумя круглыми окошечками для рассматривания видов по дороге и застегнуться кожею. Дождь продолжал ливмя.[1] Это показалось Чичикову очень неприятным, тем более, что становилось темно и время близилось к ночи.[2] Первым делом его было закричать Селифану ехать скорее. Селифан, который тоже на самой середине речи был прерван громом и дождем, смекнул, что, точно, не нужно было мешкать. Он вытащил из-под козел, на которых сидел, какую-то дрянь[3] из серого сукна, оделся в нее и, схвативши в руки вожжи, прикрикнул на свою тройку, которая так была убаюкана и такое почувствовала приятное расслабление от его рассказов, что едва переступала ногами. Лошади пустились на рысях. Но Селифан никак не мог припомнить, два ли, или три поворота

---

[1] *Вместо* «Это заставило ∾ ливмя»: Напрасно, опустивши сверху кожаные занавески с двумя круглыми окошечками для рассматривания видов по дороге, и застегнувшись кожею, думал он укрыться. Целая лужа набежала вдруг сверх кожи, и светлые дождевые волдыри спесиво плыли, сталкивая и уничтожая друг друга; вода стекала оттуда ему на ноги, между тем как брызги, прорывавшиеся в отверстие между занавесками и кожею, прохлаждали его живот в том месте, где оканчивался жилет и начинались панталоны. [2] *Далее начато: а.* Он закрича⟨л⟩; *б.* Первое, что он [3] *Далее начато:* на которой

проехал.[1] Сообразивши все обстоятельства и припомнивши несколько дорогу, он смекнул, что, кажется, много было поворотов, которые он все проехал мимо. Так как русской человек в решительные минуты всегда найдет, что сделать, не вдаваясь в дальние рассуждения, то он тот же час поворотил свою бричку на первую перекрестную дорогу направо и, прикрикнувши: «Ей, вы други почтенные!», пустился в галоп, мало помышляя о том, куда приведет взятая им дорога.

Дождь, однако ж, казалось, зарядил надолго. Лежавшая на дороге пыль мигом замесилась в грязь, и лошадям заметно становилось тяжелее тащить бричку. Колеса, обращаясь, захватывали на свои ободья, чем далее, более и более грязи и, наконец, сделались совершенно покрытыми ею, как будто толстым войлоком. Чичиков начинал беспокоиться, не видя так долго деревни Собакевича. По его расчету, ему давно бы была пора приехать. Он высматривал по сторонам,[2] но темнота была такая, хоть глаз выколи.

«Селифан!» сказал он наконец, высунувшись из брички.

«Что, барин?» отвечал Селифан.

«Погляди-ка, не видно ли деревни?»

«Нет, барин, нигде не видно». После чего Селифан, помахивая кнутом, затянул песню не песню,[3] но что-то такое длинное, чему и конца[4] не было. Начиналось оно почти таким образом: «Ей, вы сердечные! мои любимые. Ей, вывозите! Вывозите, вывозите! пых! пых! Забубенные вы! Пора, пора! хвать, хвать! Московские обыватели, толоконные приятели.[5] Ну, други. Ну разом, разутешники мои...» Много еще прилагательных и новых существительных придавал.

---

[1] *Вместо* «оделся ∾ проехал»: и одевшись в нее, схватил в руки вожжи и прикрикнул на четвероногих своих слушателей, которые так были убаюканы и такое почувствовали приятное расслабление от его рассказов, что едва переступали ногами. Услышавши крик, лошади пустились на рысях. Сам даже серый с широким задом начал подтягивать. Но сам речистый правитель никак не мог припомнить, два ли, или три поворота проехал он, до такой степени был он занят своими наставлениями. [2] *Далее было:* но решительно ничего не мог видеть [3] *Далее было:* а чорт знает, что такое [4] что и конца [5] *Вместо* «Пора ∾ приятели»: Ну, детки, ну разом! Ну-те еще, еще. Эх вы, сердечные, московские обыватели.

Это делалось без большого разбора, а что первое попадалось ему на язык. Таким образом дошло до того, что он начал, наконец, называть их секретарями. [А между тем дождь и не думал переставать, но еще, как казалось, более усиливался.]

[Чичиков вертелся [в своей бричке], переседая [беспрестанно] из угла в угол. Сидеть ему было страшно неловко: куда ни выбирал он поместить себя, везде было мокро. В ногах у него[1] сделалась совершенная ванна, так что ему стоило только раздеться, и он мог тут же выкупаться. Дождевые капли хлопали по козырьку его картуза и сливались вдали в [несносное] однообразное урчание. Колеса и копыта лошадиные чвакали медленнее в грязи.

«Что, Селифан, не видно ли где[2] какой-нибудь деревушки?» сказал нетерпеливо Чичиков.

«Не видно, барин», отвечал Селифан и, обратившись к коням, одолжил их довольно удачно кнутом,[3] от чего они сделали еще раз усилие пробежать на рысях.] Между тем Чичиков начал примечать, что бричка стала качаться на все стороны и наделять его[4] препорядочными толчками. Это дало ему почувствовать, что они своротили с дороги и, вероятно, тащились по взбороненному полю. Сам Селифан, как казалось, смекнул [это], но не говорил ни слова.

«Что, мошенник, по какой ты дороге едешь?» сказал Чичиков.

«Да что ж, барин, делать, время-то такое. [Потьма], кнута не видишь, такая потьма», отвечал Селифан и вслед за сим хлыстнул по всем по трем и покосил так бричку, что Чичиков принужден был держаться обеими руками. Тут только он заметил, что Селифан немножко подгулял.

«Держи, держи, опрокинешь!» кричал он ему.[5]

«Нет, барин, как можно, чтоб я опрокинул»,[6] отвечал Селифан. «Это не хорошо опрокинуть.[7] Я уж сам знаю, уж я никак».[8] Засим начал он слегка поворачивать бричку,

---

[1] *Далее начато:* беж‹ала?› [2] Что, Селифан, нет нигде [3] *Вместо* «одолжил ∾ кнутом»: хлыстнул их покрепче [4] и угощать его [5] «Держи, держи!» закричал он ему грозно: «опрокинешь бричку». [6] опрокинул бричку [7] опрокинуть бричку [8] уж я не опрокину.

поворачивал, поворачивал и, наконец, переворотил ее как раз на бок.[1] Чичиков и руками и ногами шлепнулся в грязь. Селифан лошадей, однако ж, остановил. Это было ему и не трудно, потому что иначе они бы сами остановились, так они были изнурены. Однако ж[2] непредвиденный им случай изумил его. Слезши с козел, он стал перед бричкою, подпершись в бока обеими руками, в то время как Чичиков барахтался в грязи и силился оттуда вылезть. «Ишь ты», сказал он по некотором размышлении:[3] «и перекинулась!».

«Ты пьян, как сапожник!» сказал Чичиков.

«Нет, барин, как можно, чтобы я был пьян!» отвечал Селифан: «я знаю, что это нехорошее дело быть пьяным. С приятелем поговорил и закусили вместе, — [в том нет ничего худого,] закуска не обидное дело: с хорошим человеком можно закусить».[4]

Чичиков увидел, что гораздо лучше вместо слов приниматься поднимать бричку.[5]

[«Погоди, я с тобою после расправлюсь», сказал промокший насквозь Чичиков: «Поднимай [дурак] бричку. Что, дурачина, стоишь». Сказавши это, он немедленно принялся, с своей стороны, сам поднимать ее.] Селифан тоже ухватился за нее обоими руками, и хотя бричка уже была совершенно поставлена, но он пёр ее так крепко, что чуть не переворотил ее на другую сторону. Так что барин должен был умерить его усердие порядочным ударом [по руке] в ухо, примолвивши: «переломаешь, скотина!»[6]

---

[1] наконец опрокинул ее на бок [2] сами остановились, будучи изнурены совершенно. Этот однако ж [3] сказал он наконец [4] «я знаю, что это нехорошо быть пьяным. Я такого дела не делаю. С приятелем поговорил, потому что с хорошим человеком можно поговорить, и закусили вместе, с хорошим человеком можно закусить. А я совсем не пьян. Я знаю, что это нехорошее дело быть пьяным». [5] «Чичиков ∾ поднимать» *вписано карандашом.* [6] *Вместо* «Селифан тоже ∾ скотина!»: Селифан с своей стороны уперся обеими руками так крепко, что чуть не [опрокинул] переворотил ее на другой бок. Это заставило Чичикова закричать: «Стой, стой! всё переломаешь, скотина!»

«Нет, барин, ничего не изломано. Бричка крепкая: чего ж бы ей из-

Положение героя нашего было[1] не завидно. На нем было всё мокро, в бричке было тоже мокро. И как на беду ничего нельзя было предпринять. Оставаться на одном месте было гадко; ехать тоже не было никакой возможности.[2] Одно только жалкое утешение ему оставалось: бранить [кучера] Селифана.

«Нарезался же, мерзавец!» говорил он, сжимаясь, как зяблик, которого проняло холодом. «Толком толковали тебе дорогу. Можно было, кажется, понять»...

«Да что ж, ваше благородие», отвечал Селифан.[3] «Ведь я [кажись] хорошо ехал.[4] Я уж разумею свое дело. Уж скоро будет шестой год, как я езжу с вашею милостью. Вы, вить, меня взяли на козлы о Покрова, я помню».

«А что я тебе сказал в последний раз, когда ты напился пьян? А, позабыл!» произнес Чичиков.

«Нет, ваше благородие, как можно, чтобы я позабыл. Я уж дело свое знаю. Я знаю, что нехорошо быть пьяным. С хорошим человеком поговорил. В этом я совсем не отпираюсь; поговорил, потому что с хорошим человеком можно...»

«Вот я тебя как высеку хорошенько, так ты у меня будешь знать», сказал Чичиков.

«Как милости вашей будет завгодно», отвечал на всё согласный Селифан. «Коли высечь, то и высечь; я ничуть не прочь от того. Почему ж не посечь, коли за дело. На то воля господская. Оно нужно посечь, потому что мужик балуется. Порядок нужно наблюдать. Коли за дело, то и посеки. Почему ж не посечь...»

На такое рассуждение барин совершенно не нашелся, что отвечать. Но в это время, казалось, как будто судьба, наконец, над ним сжалилась. Издали послышался собачий

ломаться. Она бричка [крепкая] хорошая, московская бричка. Ей не можно изломаться. Она в Москве делалась»...

«Вот ты у меня поговоришь», говорил Чичиков, стиснув от досады зубы.

[1] *Вместо* «было»: в самом деле [2] *Далее было:* Доставши из-под подушки небольшой коврик, который не помню кем-то был ему подарен, кажется, какой-то дамой, он разостлал его сверх подушки и [сел] [оставался] сидел несколько минут в нерешимости, слушая печальную музыку дождя. [3] отвечал кучер. [4] *Далее было:* Возьми, говорят, направо, ну я и взял направо. Я не поеду, куда не следует.

лай.[1] Он, точно, не обманулся: лай слышался,[2] наконец, явственнее, так что Селифан оборотился к нему с козел и сказал:

«Ваше благородие, а ваше благородие!»

«Что там?» сурово возразил Чичиков.

«Оно, верно, деревушка-то близко, потому...»

«Пошел, дурак. Я это и без тебя знаю».

Русской возница имеет доброе чутье вместо глаз. От этого случается, что он, зажмуря глаза, качает иногда во весь дух и всегда куда-нибудь да приезжает. Селифан, не видя ни зги, направил лошадей так прямо на деревню, что остановился тогда только, когда бричка ударилась[3] оглоблями в забор и когда решительно уже некуда было ехать. Чичиков мог только заметить сквозь густое покрывало лившего дождя что-то, похожее на крышу. Он послал Селифана отыскивать ворот, что, без сомнения, продолжилось бы [очень] долго, если бы на Руси не было вместо швейцаров лихих собак, которые доложили о нем так звонко, что он поднес пальцы к ушам своим. К этому присоединился еще и серый конь, испустивший самое дикое и неистовое ржание.[4]

Свет мелькнул в окошке и досягнул хотя туманною струею до забора, указавши нашим дорожным ворота. Селифан с своей стороны каким-то странным чутьем успел их нащупать[5] и принялся колотить в них обоими кулаками. На эту тревогу вышла какая-то фигура, накрывшись армяком, и барин с кучером услышали хрипливый[6] бабий голос: «Кто стучит? Чего расходились?»[7]

---

[1] *Вместо* «Но в это время ∾ собачий лай»: Ему сделалось совершенно нестерпимым оставаться на одном месте, и он, наконец, дал повеление полупьяному Селифану ехать. К этому побудил его послышавшийся издали собачий лай. [2] лай сделался [3] *Далее начато:* дыш⟨лом⟩ [4] *а.* которые доложили о нем таким звонким и оглушительным лаем, что он должен был, наконец, заткнуть себе пальцами уши. К этому присоединился еще и серый конь, который такое поднял ржание, как будто бы увидел целый табун лошадей; *б.* которые ∾ ржание, как будто бы увидел целый табун самых близких своих приятелей [5] указавши нашим дорожным бывшие перед ними ворота, которые Селифан каким-то чутьем успел уже нащупать [6] крикливый [7] *Вместо* «Кто ∾ расходились?»: Кто там стучит?

«Приезжий, матушка! Пусти переночевать», произнес Чичиков.

«Вишь ты какой востроногой», сказала старуха: «приехал в какое время! Здесь тебе не постоялой двор, здесь помещица живет».

«Что ж делать, матушка. Ты видишь, что мы заблудились», сказал Чичиков. «Не ночевать же в такое время на дороге».

«Да, время темное, нехорошее время», прибавил Селифан.

«Молчи, дурак!» сказал Чичиков.

«Да кто вы такой?» сказала старуха.

«Дворянин, матушка».

Слово дворянин заставило старуху как будто несколько подумать. «Погодите, я скажу барыне», произнесла она и минуты через две возвратилась уже с фонарем в руке. Ворота отперлись. Огонек мелькнул[1] и в другом окне. Бричка, въехавши в двор, остановилась перед небольшим домиком, которого за темнотою герой наш не мог хорошо рассмотреть. Одна только половина его была озарена[2] светом, исходившим из окон; видна была еще лужа перед домом, на которую прямо ударял тот же свет. Дождь стучал звучно по деревянной крыше и журчащими ручьями стекал в подставленную бочку. Собаки заливались всеми возможными голосами: один выл так усердно, как будто бы за это получал бог знает какое жалование; другой отхватывал наскоро,[3] как пономарь; за ним[4] слышен был дишкант, такой неугомонный,[5] что в голове звенело; всё это покрывал густой бас, видно уже старик, потому что лаял так хрипло,[6] как генерал перед фронтом. Наверное можно было сказать,[7] что в этом оркестре было более ста музыкантов. Это бы дало[8] заметить Чичикову, что[9] деревушка была порядочная. Но промокший и иззябший герой ни о чем

---

[1] в руке и отперла ворота. Свет мелькнул [2] была освещена [3] другой так скоро отхватывал [4] потом за ним [5] *а.* такой звонкой; *б.* такой меткой [6] *Вместо* «всё это ∾ хрипло»: потом один, верно уже старый, лаял хрипло и басом. [7] *Вместо* «Наверное ∾ сказать»: Не шутя можно было предположить [8] Это могло бы дать [9] *Далее начато:* он приехал

не думал, как только о постеле. Еще бричка не успела совершенно остановиться, как он уже соскочил на крыльцо. На крыльцо вышла опять какая-то женщина,[1] несколько помоложе прежней, но чрезвычайно на нее похожая. Она проводила его в комнату. Чичиков кинул вскользь взгляда два: комната была обклеена старенькими полосатыми обоями; картинки с какими-то птицами; между окнами[2] — маленькие зеркала, и за всяким зеркалом заложены были или письма, или старая колода карт, или чулок; стенные часы с цветами, нарисованными на циферблате... Не в мочь было больше ничего заметить. Чичиков чувствовал, что глаза его так липнули,[3] как будто бы их кто-нибудь намазал медом. Минуту спустя вошла хозяйка, женщина уже пожилых лет, в каком-то спальном чепце, надетом наскоро, с фланелью на шее, одна из тех матушек, небольших помещиц, которые плачутся на убытки и неурожаи и держат голову несколько на бок.

«Извините, матушка, что побеспокоил вас!» сказал Чичиков.

«Ничего, ничего», сказала хозяйка. «В какое-то время вас [батюшка] бог принес! Сумятица и вьюга какая! Вам бы с дороги, батюшка, я знаю, что прилично [бы] закусить чего-нибудь, да пора-то ночная, ничего и приготовить нельзя...»

Слова хозяйки были прерваны таким странным шипением, что Чичиков[4] испугался и посторонился. Шум очень походил на то, как бы вся комната[5] наполнилась змеями. Но, взглянувши в угол, он тот же час успокоился, смекнувши, что стенным часам[6] пришла охота бить. За шипением последовало скоро хрипение, и, наконец, натужась всеми силами, пробили они *три* таким звуком, как будто бы кто колотил палкой по глиняному горшку, после чего маятник опять пошел спокойно щелкать направо и налево.

«Благодарю, благодарю, матушка», отвечал Чичиков: «Пожалуста, ни об чем не беспокойтесь». Мне кроме

---

[1] На крыльце опять женщина [2] между двумя окнами [3] так липнут [4] что сам Чичиков [5] *Вместо* «Шум ∾ комната»: ему показалось, что вся комната [6] *Вместо* «смекнувши ∾ часам»: Он смекнул, что часам

постели[1] ничего больше не нужно. А вот вы меня разве обяжете, когда скажете,[2] далеко ли живет помещик Собакевич?»

«Нет, отец мой, не слышала такого имени. Такого здесь нет помещика».

«По крайней мере, я думаю, знаете Манилова?»

«А кто этот Манилов?» сказала старуха.

«Помещик, матушка».

«Нет, такого помещика здесь нет».

«Какие же есть?»

«Бобров, Свиньин, Конопатьев, Харпакин, Трепакин, Плешаков».

«Богатые люди, или нет?»

«Нет, отец, богатых слишком нет. У иного двадцать душ, у кого тридцать, а такие, чтобы по сотне, таких нет».

Тут Чичиков заметил, что он заехал в порядочную глушь.

«Далеко ли, по крайней мере, до города?» спросил он.

«До города будет верст 60, а может быть и больше... Я, право, так жалею, что ничего нет Вам покушать. Не хотите ли, батюшка, выпить чаю?»

«Благодарю, благодарю, матушка; приготовьте мне только постель, и больше ничего».

«Правда, что с такой дороги нужно отдохнуть. Вот тут себе, отец мой, и расположись на этом диване. Ей, Фетинья, принеси перину, подушки и простыню. Какое-то время наслал бог. Гром такой был, что у меня всю ночь горела свеча пред образом. Эх, отец мой, да у тебя-то, как у борова, вся спина и бок в грязи. Где это ты так изволил засалиться?»

«Эх, матушка, слава богу, что жив остался. Опрокинулся вместе с бричкой на проклятой дороге. Хорошо еще лошади не потаскали!»

«Святители, какие страсти! Да не нужно ли чем-нибудь потереть вам спину?»

---

[1] Мне больше постели [2] *Вместо* «А вот ∾ скажете»: Скажите

«Спасибо. Вы уж ни об чем не беспокойтесь. Прикажите только девке вашей, чтобы высушила и вычистила хорошенько мое платье».

«Слышишь, Фетинья», сказала хозяйка, обратившись к той самой женщине, выходившей[1] на крыльцо со свечою. Она успела[2] уже притащить перину и, взбивши ее с обоих боков руками, напустила целый потоп перьев по всей комнате. «Ты возьми ихний-то кафтан и исподнее[3] и прежде посуши их пред огнем, как делывала покойнику барину. Потом перетри и выколоти хорошенько».

«Слушаю, сударыня», говорила Фетинья, настилая сверх перины простыню и кладя подушки.

«Ну, вот тебе постель и готова!» сказала хозяйка: «Прощайте, батюшка! Желаю вам спокойной ночи. Да не нужно ли еще чего-нибудь? Может, ты привык, отец мой, чтобы кто-нибудь почесал на ночь пятки. Покойник мой без этого никак не засыпал».

«Благодарю, благодарю! Ничего не нужно. Прощайте, матушка, приятного сна вам желаю».

«Прощай, отец мой».

Хозяйка вышла; осталась только Фетинья. Чичиков поспешил разоблачиться и отдал верхнюю и нижнюю свою арматуру Фетинье, которая, пожелав ему, с своей стороны, спокойной ночи, потащила эти мокрые доспехи. Оставшись один, взглянул он не без удовольствия на свою постель, которая была почти до потолка. Фетинья была большая мастерица взбивать перины. Когда, подмостивши стул, взобрался он на[4] постель, она опустилась под ним почти до самого пола, только перья разлетелись во все стороны комнаты. Погасивши свечу, он накрылся ситцевым одеялом и, свернувшись под ним кренделем, заснул в ту же минуту. Проснулся он на другой день уже поздним утром. Солнце сквозь окна светило ему прямо в глаза, и мухи, которые вчера спали по стенам и потолкам, все обратились к нему: одна села ему на губу,[5] другая на ухо, третья

---

[1] которая выходила [2] которая успела [3] *Далее было:* продолжала хозяйка [4] *Далее начато: а.* пуховые *б.* подушки [5] на нос

на шею, четвертая выбирала место, как бы усесться[1] даже на самый глаз; ту же, которая имела неосторожность подсесть близко к ноздре, он потянул[2] в просонках в самый нос, что заставило его очень крепко чихнуть. Между тем как целый десяток мух жужжал над ним, высматривая где понаживнее места, окинувши взглядом комнату, он теперь заметил,[3] что на картинах не всё были птицы:[4] между ними висел портрет Кутузова, и еще масляными красками был напачкан какой-то старик с красными обшлагами на мундире, как нашивали при Павле Петровиче. Часы опять испустили шипение и проколотили десять. В дверь выглянуло женское лицо и в ту же минуту спряталось, потому что Чичиков, чтобы лучше заснуть, скинул даже с себя рубашку, которая была тоже мокра. Выглянувшее лицо показалось ему как будто несколько знакомо. Он начал себе припоминать и вспомнил, наконец, что это была хозяйка. Он надел рубаху. Платье уже лежало возле него, высушенное и вычищенное. Одевшись, подошел он к зеркалу и чихнул опять так громко, что подошедший в это время к окну индейской петух (окно было очень близко от земли), протянувши свою шею с красным монистом, заболтал что-то ему вдруг и весьма скоро на своем странном языке, вероятно: «желаю здравствовать», на что Чичиков сказал ему дурака. Взглянувши в окно, он заметил [очень], что крестьянских дворов было немало. «Э, да у ней деревенька порядочная!» сказал сам в себе: «право, порядочная!» повторил он и принялся считать пальцем дворы, которых оказалось более тридцати. Это открытие ему было очень приятно. Он тот же час заглянул в щелочку двери, из которой выглядывала хозяйка, и, увидевши ее сидевшею за чайным столиком, вошел к ней с веселым и довольно ласковым видом.

«Здравствуйте, батюшка! Каково почивали?» сказала хозяйка, приподнявшись с места. Она была одета лучше вчерашнего — в темном платье и уже не в спальном чепце, но на шее все-таки было что-то намотано.

---

[1] четвертая приготовлялась усесться [2] Чичиков потянул [3] он заметил теперь [4] что картины на стенах состояли не из одних пт< иц>

«Хорошо, хорошо [матушка]», говорил Чичиков, садясь в кресла. «А вы как, матушка?»

«Плохо, отец мой!»

«Как так?»

«Бессонница, отец мой. Всё поясница болит, и одна нога в месте, что пониже[1] косточки, так и ломит».

«Пройдет, пройдет, матушка, на это нечего глядеть».

«Дай-то бог, чтобы прошло; я-то мазала свиным салом и скипидаром тоже смачивала. А с чем прихлебнете[2] чайку? Вот в этой фляжке[-то] фруктовая, перегнанная на вишневые косточки».

«Не дурно, не дурно, матушка, хлебну и фруктовой».[3]

Читатель, я думаю, уже заметил, что Чичиков, несмотря на ласковый вид, говорил, однако ж, с большею свободою, чем с Маниловым, и вовсе не церемонился. Должно признаться, что если у нас на Руси поотстали кой в чем перед другими нациями, зато очень[4] превзошли их в умении обращаться. Невозможно исчислить всех оттенков и тонкостей нашего обращения. Француз или немец такой дурак: он говорит совершенно на тот же лад с миллионщиком и с мелким табачником торгашом.[5] У нас совсем другое: у нас есть такие мудрецы,[6] которые с помещиком, имеющим[7] двести душ, будут говорить совершенно другим образом, нежели с тем, у которого их триста, а с трехсотным опять не так, как с четырехсотным; с четырехсотным не так, как с пятисотным, и таким образом далее, восходя или нисходя до бесконечно великих или малых. Даже, например,[8] иной правитель канцелярии: поглядишь на него, когда он среди своих подчиненных, [то есть] в своей канцелярии: что за важный вид. Гордость и благородство такое в лице, что просто бери кисть, да и рисуй. Прометей! совершенный Прометей! Глядит [таким] орлом,[9] выступает плавно, мерно. Тот же самый орел, как только вышел из комнаты и при-

---

[1] и одна нога пониже [2] А с чем выкушаете [3] выпью фруктовой [4] зато гораздо [5] с миллионщиком и с каким-нибудь кучером [6] такие искусники и мудрецы [7] *Вместо*: «имеющим»: у которого [8] Выберется, например, [9] важный вид. Благородство такое в лице, какого кажется... Орел, совершенно орел

ближается к кабинету своего начальника, куропаткой такой спешит с бумагами под мышкой, что мочи нет. А попадись ему быть с теми, которые повыше его — бог знает, что сделается тогда с Прометеем:[1] узнать нельзя: муха! меньше даже мухи! уничтожился в песчинку. «Да это не Иван Петрович», говоришь глядя на него. «Иван Петрович гораздо выше ростом, а этот и низенькой, и худенькой; тот говорит громко, басит и никогда не смеется, а этот чорт знает что: пищит птицей и всё смеется». Подходишь ближе: точно, Иван Петрович! «Эх, хе», думаешь себе... Но, однако ж, обратимся к действующим лицам. Чичиков, как мы уже видели, решился вовсе не церемониться, и потому, взявши в руки чашку с чаем и вливши туда фруктовой водки, он обратился к хозяйке с такими словами:

«У вас, матушка, хорошая деревенька... Сколько в ней душ?»

«Душ-то в ней, отец мой, без малого 80», сказала хозяйка: «да то беда моя, что времена-то плохи. Вот и прошлый год был такой неурожай, что боже упаси...»

«Ну, однако ж, всё еще слава богу. Мужички на вид дюжие,[2] и избенки всё почти новые. Восемьдесят душ не лишняя вещь... А позвольте узнать фамилию вашу? Я, право, так захлопотался, приехал в такое время и позабыл совершенно спросить».

«Коробочка, коллежская секретарша».

[3] «Покорнейше благодарю. А имя и отчество как?»

«Настасия Петровна».

«Настасия Петровна! хорошее имя Настасия Петровна. У меня тетка, родная сестра моей матери, Настасия Петровна».

«А ваше имя как?» спросила помещица. «Ведь вы, я чай, заседатель?»

---

[1] спешит, что мочи нет. И таких мудрецов есть не мало. Иногда наткнешься на такого, что даже страх почувствуешь, особенно если при этом сам еще робкого десятка: Прометей, совершенный Прометей! Гордости столько в глазах, что возьми кисть, да и рисуй. Посмотришь на этого самого Прометея в другом месте [2] Мужички у вас на вид такие дюжие [3] *Перед этим было:* А, Коробочка!

«Нет, матушка», отвечал Чичиков: «я больше[1] езжу по своим надобностям по деревням. К вам тоже имею дельце».

«А, так вы покупщик! Как же жаль, что я продала мед купцам так дешево; а вот ты бы, отец мой, у меня[2] теперь, верно, купил».

«Нет, благодарю, матушка, меду мне покамест не нужно».[3]

«Что ж другое, разве пеньку? Только и пеньки-то у меня теперь маловато. Полпуда всего».

«Пеньки тоже не требуется.[4] [Я по другому случаю имею к вам дело».

«Что ж такое, право, я уж не могу придумать».]

«Много у вас, матушка, умерло крестьян, числящихся по ревизии?»

«Ох, батюшка, 18 душ», сказала старуха, вздохнувши: «Такое мое несчастие! и умерли-то почти всё люди взрослые, работники. Правда, хоть и народилось после того,[5] да что с них: народ еще малой. Такая, право, беда! А тут заседатель подъехал с повесткой, чтобы подушное уплачивать. Народ мертвый, а плати, как за живого человека. На прошлой неделе сгорел у меня кузнец, такой искусный[6] кузнец и слесарное мастерство знал».

«Разве у вас был пожар, матушка?»

«Нет, не пожар, бог приберег от такого горя. Сам сгорел, отец мой. Внутри у него как-то загорелось: чересчур выпил. Так только синий огонек пошел от него; весь истлел, истлел и почернел, как уголь. А такой был искусный[7] кузнец. И теперь такая беда моя: хотела было ехать в город — некому лошадей подковать».[8]

[9] «На всё воля божия, матушка. Против мудрости божией ничего мы не можем сказать. Уступите их мне, Настасия Петровна».

«Кого, батюшка?»

---

[1] *а.* я больше так себе; *б.* я больше приватный человек [2] а вот вы бы у меня [3] *Вместо* «меду ∾ нужно»: я вовсе не меду хочу купить [4] Ну, пеньки-то мне покамест тоже не нужно [5] после того больше [6] такой хороший [7] хороший [8] некому брички подчинить [9] *Перед этим было:* Это, подлинно, несчастие.

«Да этих-то, что умерли».

«Да как же уступить их, отец мой?»

«Так, просто. Или, пожалуй, продайте! Я вам что-нибудь дам за них».

«Да как же? Я, право, в толк-то не возьму. Нешто хочешь ты их откапывать из земли?»

«Вот боже сохрани! Что я за нехристь такой. Нет, вы только переведите их мне на бумаге так, как бы продали за живых».

«Да на что ж они тебе!» сказала старуха, выпучив [от из‹умления?›] на него глаза.

«Это уж мое дело».

«Да ведь они ж мертвые».

«Это я знаю, что мертвые, потому-то я и беру их, чтобы вместе с этим и вас избавить от хлопот. Я вам дам за них деньги: пятнадцать рублей ассигнациями. Что же, матушка, задумались?»

«Право, не знаю...» произнесла хозяйка с расстановкою: «никогда еще не продавала я мертвых душ».

«Эка беда, не продавали. Ну, а теперь продайте. Ведь вам они никуды уж не годятся».

«Это правда. Да ведь меня то и затрудняет, что они уж мертвые...»[1]

«Что ж тут затрудняться?[2] Ведь вам с них не доход собирать».

«Вестимо.[3] Что уж за доход с мертвого человека».

[4] «И подушное за него вы платите, как за живого».

«Ох, отец мой, и не говори об этом», сказала старуха. «Прошлого года внесла более полутораста, да заседателя подмаслила».

«Ну, видите, матушка, а теперь подумайте только хорошенько, теперь вы вдруг избавитесь от всех расходов. Заседателя вам подмасливать нечего, ибо я за всё отвечаю,[5]

---

[1] Да ведь всё как-то мне того... что того, что уж он мертвый [2] *Вместо* «Что ∾ затрудняться?»: Чего ж чудно [3] *Вместо* «Вестимо»: Какой с них доход, [4] *Перед этим было:* Ну, видите. [5] *Вместо* «Заседателя ∾ отвечаю»: Я уж теперь за всё отвечаю

крепость совершу на свой счет, убытки все, подушное и прочее... словом, всё уж я плачу».

Старуха несколько призадумалась.[1] Она видела точно,[2] что дело выгодное для нее, но, с другой стороны, опасалась, чтобы как-нибудь не обманул этот покупщик.

«Так что ж, матушка, по рукам, что ли?» говорил Чичиков.

«Право, отец мой, никогда еще не случалось мне продавать покойников.[3] Живых-то я продала вот и третьего года протопопу, двух девок по сту рублей каждую».

«Ну, тогда продавали живых, а теперь продайте мертвых».

«Право, я боюсь на первых-то порах, чтобы как не в убыточиться. Может быть, ты как-нибудь, отец мой, меня обманываешь: они больше стоят?»

«Что ж они стоят: они ничего не стоят! Ведь я вам даю за них деньги: пятнадцать рублей ассигнациями. Вы взгляните оком благоразумного человека, — это почти по рублю за человека. Что ни говори[те], а пятнадцать рублей вещь не пустая. На дороге вы их не сыщете.[4] Ну, признайтесь, почем вы продали мед?»

«По двенадцати рублей пуд».

«Хватили немножко грешка на душу, матушка! По двенадцати не продали».

«Ей богу продала».

«Ну, видите: так зато ж это мед. Вы собирали его, может быть, около года. А мертвые души дело не от мира сего. Вы здесь не прилагали с своей стороны, так сказать, никакого труда.[5] [Его] На то была божья воля, чтобы они оставили мир сей, нанеся ущерб вашему хозяйству. Там вы получили за труд, за старание двенадцать рублей, а тут вы берете ни за что, даром, да и не двенадцать, а пятнадцать; да и не серебром, а всё синими ассигнациями».

---

[1] Здесь старуха опять задумалась. [2] видела очень [3] продавать мертвых [4] На дороге вы не сыщете пятнадцати рублей [5] *Вместо* «А мертвые души ~ труда»: А мертвых душ вам бог сам послал. Его была на то божья воля. Вы ничуть не трудились для них.

«Право», отвечала старуха: «мое такое вдовье, неопытное дело. Лучше ж я маленько повременю, не наедут ли купцы, применюсь немного к ценам».

«Помилуйте, матушка, что это вы говорите. Кто же станет покупать их? Неужто вы думаете, что найдется такой дурак. Вы уж много продали всякой всячины; ну, скажите по совести, спрашивал ли у вас их кто-нибудь?»

«Нет, батюшка, никто не спрашивал, ты впервой затеял...»

«Это вам самое и говорит, что они решительно[1] никому не годятся».

«А может как-нибудь в хозяйстве под случай»,[2] возразила старуха, да и сама спохватилась, вспомнивши, что в самом деле проку с них мало.

«Мертвый в хозяйстве! Что это вы?» сказал Чичиков. «На что ж он?[3] Разве по ночам будет пугать воробьев в вашем огороде».

«С нами крестная сила! Какие ты страсти говоришь, отец мой!»

«На что же другое они годятся? Впрочем, я их ведь и не беру с собою. Бог с ними! Пусть они вам остаются с костями и со всем. Весь перевод ведь будет значиться только по бумаге. Так что ж, матушка?»

Старуха задумалась.

«О чем же, Настасия Петровна, вы думаете, или вновь затрудняетесь? Неужто в самом деле».[4]

---

[1] и говорит довольно ясно, что уж они решительно [2] под случай принадобятся [3] *Вместо* «да и сама ∾ На что ж он»: не прибравшая другими словами [прикрыть св] дать изъяснение своей нерешительности.

«Что с вами, матушка! Что это вы? Вы, верно, чего-нибудь покушали. На что ж он принадобится?

[4] *Вместо* «Так что ж, матушка? ∾ в самом деле»: Желал бы я знать, какую пользу в хозяйстве хотели вы получить от них *Далее было: а.* Да уж, конечно, какая с них польза», отвечала старуха.

«Так что ж? жаль вам их, что ли?»

«Да чего ж жалеть, ведь они уж мертвые».

«Так из чего ж вы стоите за них?»

«Да я ж и не стою [за них] ни мало. Чего ж стоять за них».

«Право ж, я не приберу-то, как мне быть... Лучше я вам пеньку продам».

«Да что пенька! Пенька пенькою. Пенька не уйдет. В другой раз приеду, заберу и пеньку и всё, что ни есть

«Ну так отдавайте!»

«Как же отдать! Я, право, не знаю. Дело-то такое...»

«Да что же за дело? Дело обыкновенное».

«Всё мне, право, сдается... А что ж вы переворотили чашку. Ведь это сквозник по 10 рублей фунт. Выкушайте, батюшка, чашечку. Я нарочно приготовила покрепче».

«Покорнейше благодарю. Я больше одной чашки не пью. Но мы, однако ж, отдалились от предмета. Помилуйте, матушка, рассудите хорошенько, к чему вам здесь напрасно только слова терять. В самом деле, как будто из чего-нибудь доброго бьемся. Это просто людям на смех об этакой дряни да столько толков».

«Да на что ж они вам нужны?»

«Да к чему вам это знать. Ну, просто хочется, чтобы всякой народ был у меня. Впрочем, это совершенно не идущая сюда статья. Да и какое вам дело? На то покупщик, чтобы покупать вещь. Пришла такая минута, что захотелось. Больше из человеколюбия... Отдавайте, матушка, да и концы в воду! Пятнадцать рублей положите в сундучок, и преславное будет дело».

«Ей богу ж не знаю, как мне быть», отвечала старуха: «товар-то такой странный...»

«Да бог с ним, какой бы ни был товар, да если выгодное дело, так что тут глядеть, по боку его, да и дело с концом. Подумайте только: ни хлопот, ничего. Заседатель приедет, а вы ему: „А зачем ты? пошел вон! Я знать ничего не знаю: я продала такому-то, ступай с ним возись!“ Вот он и поехал дурак с носом».

«Когда б то бог милосердный привел до этого», сказала старуха.

«Как не привесть: дело в ваших руках. Так давайте, матушка, по рукам».

Старуха опять задумалась.

«Когда бы то я сколько-нибудь была познающее. *б*. «Да уж, конечно, [*далее как вар. а*]. Дело обыкновенное».

«Всё мне сдается... Боюсь я, право, чтобы как-нибудь не проторговаться. А что ж [*далее как вар. а*], нарочно приготовила для вас покрепче».

«Покорнейше благодарю. [*далее как вар. а*] Помилуйте, матушка, что вы толкуете такое, на чем здесь проторговаться. Ведь это вещь уж вовсе ничего не значащая. Это дрянь, чтобы не сказать дурного слова. Сами посудите, для какого она употребления».

«А вы-то сами что будете с ними делать, как купите?» сказала старуха.

Так как же, матушка, отдавайте, что ли?

«Не знаю, как сказать тебе. Товар-то такой странный».

«Ну, матушка, я вижу, что с вами сам чорт не сладит», сказал Чичиков, выведенный из терпения.[1]

«Да что же с ними делать? Просто хочется, чтобы всякой народ был. Из человеколюбия больше... Впрочем, это [*далее как вар. а*] сказала старуха.

«Приведет, приведет, как не привесть. Дело в ваших руках. Так что ж, матушка, по рукам?»

[1] *Вместо* «Не знаю ∾ из терпения»: *а*. «Право ж ты, отец мой, [на меня] в такой расплох-то напал на меня».

«Помилуйте, матушка, я не разбойник. [Впрочем], не с ножем [же] к горлу пристал; я прошу вас по доброй воле: не хотите, бог с вами».

«Дай-то мне время хоть пообдумать сколько-нибудь. Может быть попадется добрый человек, чтобы посоветоваться».

«Да о чем же здесь советоваться, [как будто дело нивесть какое важное.] Ведь [дело идет] вы сами согласны, что самый-то предмет дрянь. Послушайте, матушка! [Ведь вы сами] право, вам должно даже быть совестно. Разве продажа-то эта вам не выгодна, что ли?»

«Продажа-то выгодная...» отвечала помещица.

«Ну, позвольте, позвольте, матушка, начнем по порядку. Предмет этот, о котором я говорю, то есть ревижские души, и не души, потому что бог их давно взял к себе в мир лучший, а можно сказать, одни только пустые имена. Ведь они вам в убыток, не так ли?»

«Ох, отец мой, да уж в какой убыток! Даже вспомнить страшно».

«Да, в убыток дело. Теперь далее: а толку вы от них никакого не имеете».

«Да уж, конечно, какой толк в мертвом человеке».

«Почему ж вы не [решаетесь] соглашаетесь поскорее сбыть их?»

«Ох, отец мой, рада бы и душою и телом рада».

«Так отдавайте ж, зачем же вы меня так долго водите».

«[Так как же-то] Да ведь сам ты посуди. Как же-то опять и сбыть их? Дело-то совсем новое».

«Чорт его знает, [матушка], какими словами и говорить с вами», сказал наконец Чичиков.

б. «Ей богу, меня раздумье берет, ведь дело-то совсем новое».

«Отчего ж новое, да и не новое всё; но стоит ли так затрудняться. Ничуть не новое, вовсе не новое».

«А вы-то сами что будете делать с ними?»

«Да что ж с ними делать», сказал Чичиков да и запнулся: «хочется просто, чтобы всякого рода был народ. Из человеколюбия больше... Впрочем, это вовсе не относится к делу. Так говорите, матушка, ваше последнее слово: продаете, или нет».

«Ох, не поминай его. Бог с ним».[1] Еще третьего дни он мне приснился, окаянной. Вздумала было после молитвы загадать на ночь на картах, да верно в наказание-то бог и наслал. Такой гадкой привиделся, а роги[2] больше бычачьих.

«Я дивлюсь еще, как вам они по целым десяткам не снятся.[3] Чорт побери, право».*

«Из одного христианского человеколюбия хотел. Вижу, бедная, беспомощная вдова убивается, терпит нужду... Но теперь богом клянусь, что нога моя не будет больше у вас, и если какой покупщик приедет к вам, то чтобы он околел, прежде чем взойдет в вашу комнату».

«Ах, какие побранки-то[4] гнешь ты, отец мой», сказала старуха, глядя на него почти со страхом.

«Да нельзя ж, матушка. Я не нахожусь, как с вами быть. Из короба не лезете, в короб не едете и короба не отдаете.[5] Хотел было заезжать к вам всегда покупать хозяйственные продукты:[6] мед, пеньку и прочее, потому что я подряды разные и с казною тоже... Но теперь, признаюсь, я в такое положение приведен...»[7]

Слова казна и подряды, сказанные Чичиковым вскользь, произвели над Настасией Петровной большое действие.

---

* [Известно, что после гаданья на ночь [всегда] многим помещицам снится чорт. Причина этого до сих пор еще не открыта; впрочем, [те] помещицы, [которые имеют] имеющие более ста душ, уже не видят его]. *Прим. Гоголя.*

«Боюсь я, право, чтобы как-нибудь не проторговать: товар такой странный».

«С вами один только чорт может сторговаться, Настасия Петровна, сказал Чичиков, потерявши терпение.

[1] Ох, отец мой, бог с ним! зачем ты его помянул! [2] *Далее начато:* похожи [3] *Вместо* «Я дивлюсь ∾ не снятся»: *а.* Поделом и приснился он вам. Я дивлюсь еще, что он вам один привиделся. *б.* Поделом и привиделся. Я дивлюсь *и т. д. как в тексте.* [4] какие ты побранки [5] *Вместо* «Да нельзя ∾ не отдаете»: Да мочи нет с вами [6] *Далее было*: Я и с казною имею подряды [7] *Вместо* «Но теперь ∾ приведен»: Да теперь, право, отложу всякое почтение. «Да что ж ты, отец мой, так рассердился?» сказала хозяйка. Она было

«Чего ж ты, отец мой, так осерчался!» сказала она голосом почти просительным.[1] «Если бы я знала, что ты такой сердитый, я бы никак не прекословила тебе».

«Есть из чего сердиться. Из какой-нибудь тряпки![2] Да если вам кто-нибудь половину даст той цены, которую я даю, то я сейчас же готов возвратить вам их. Нашли добро. Что, они золотые, что ли?..»

«Нечего с тобою делать. Я готова тебе отдать за пятнадцать ассигнациями. Только пожалуста уж смотри[3] насчет подрядов-то. Если случится муки брать ржаной или гречневой или круп или скотины битой, так уж пожалуста не обидь меня».

«Нет, нет, матушка, не обижу», говорил герой наш и между тем отирал рукою пот [который градом катился][4–5]

«Прошу покорно закушать грибков», сказала на это хозяйка.

Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже и грибки, и блинки, и пышки, и пирожки и еще что-то такое,

---

[1] *а.* Слова казна и подряды заставили старуху призадуматься. С одной стороны, она представляла выгоды, которые она могла получить от этого сношения с казной, с другой стороны, останавливало ее то, что бог его знает, какого сорта был этот покупщик и не думает ли он, пользуясь ее незнанием, выманить у нее товар, который, может быть, теперь в цене и в ходу. Боязнь однако ж утерять такого выгодного покупщика, который ведет подряды с казной, наконец, одержала верх. Она наконец сказала: «Да чего же ты, отец мой, так рассердился!» *б.* Слова казна и подряды, сказанные Чичиковым вскользь, произвели над Настасией Петровной большое действие. Хотя ее, с одной стороны, останавливала совершенная неизвестность дела, но, с другой стороны, перед ней стоял покупщик, который ведет подряды с казною. Это обстоятельство, наконец, одержало верх, и вот каким образом она сказала: «Да чего ж ты, отец мой, так осерчался!» [2] *Далее было:* я стану сердиться [3] *Далее начато:* как только [4] *Вместо* «Нечего с тобою ∾ катился»: «Да изволь, изволь, отец мой. Нечего с тобою делать. Так и быть, бери их себе. Только, ей богу, дело-то совсем новое. Я уж так только, чтобы тебя-то не гневить». Здесь герой наш отер пот, который в *На этом текст обрывается.* [5] *Следующий лист рукописи не сохранился.*

что и отгадать[1] было трудно. Он придвинулся к грибкам и нашел, что они были вкусны.[2]

«А блинков?» сказала хозяйка.

В ответ на это Чичиков свернул три блина вместе и, обмокнувши их в растопленное масло, отправил в рот и вытер рот и руки салфеткою. Повторивши это раза четыре, он сказал, наконец: «Теперь я вас прошу, Настасия Петровна, послать приказать моему кучеру, чтобы подавал бричку».

«Да ведь еще рано, отец мой», сказала хозяйка. «Может быть пообедал бы у меня?»[3]

«Нет, матушка, пора. Пожалуста прикажите».

Хозяйка тут же дала повеление девке,[4] принесшей еще тарелку с блинами, пойти на кухню и сказать, чтобы давали бричку.

«А в ожидании еще съем два блинчика горячих», сказал Чичиков. «У вас очень вкусные блины».

«Да у меня-то их хорошо пекут, да беда моя,[5] что урожай-то был дурной. Мука-то такая неавантажная. Ни дать, ни взять, как будто бы черненькие мошки по ней».

«Нет, блинцы хороши», говорил Чичиков, вытирая руки и принимаясь за картуз свой. «Итак, матушка, до свидания. Желаю вам счастливо оставаться!»

«Да еще ж не заложили».

«Заложат, матушка, заложат. У меня скоро закладывают».

«Прощайте, батюшка! Доброго пути вам!» говорила хозяйка, провожая его в сени. «Так уж, пожалуста, не позабудьте насчет подрядов».

---

[1] что и разобрать [2] *Вместо* «Прошу покорно ∾ вкусны» *сохранился текст, начало которого было на утраченном листе:* которого рисуют на картинах, когда он дует в [бок] спину какому-нибудь несчастному кораблю. «А что ж ты, отец мой, грибков-то?» сказала хозяйка. «Поедим и грибков, поедим, матушка», отвечал Чичиков: «грибки хорошая вещь». Засим придвинулся он к тарелке с грибками. Грибки точно были недурны и после написания деловой бумаги показались очень вкусными. [3] Может быть [ты] бы пообедал у меня? [4] Хозяйка приказала тут же девке [5] Да у меня-то их вкусно пекут, да вот-то беда моя

«Не позабуду, не позабуду», говорил Чичиков в сенях.[1]

«А свинного сала не покупаете?» сказала хозяйка.

«Почему не покупать, покупаю, только после».

«У меня о святках и свинное сало будет».

«Купим, купим, всего купим, и свинного сала купим», говорил Чичиков, выходя на крыльцо.

«Может быть понадобится еще птичьих перьев. У меня к духову дню будут и птичьи перья...»

«Хорошо, хорошо», говорил Чичиков.[2]

«Вот видишь, отец мой, и бричка твоя еще не готова», говорила хозяйка.

«Будет, будет готова. Расскажите[3] только мне, матушка, дорогу в город».

«Не знаю, как бы тебе рассказать, чтобы опять как-нибудь не заблудился».

«Мне бы только добраться до большой дороги».

«Как же бы это сделать так», сказала хозяйка. «Так-то рассказать мудрено, потому что много поворотов. Разве я тебе дам девчонку, чтобы проводила. Ведь у тебя, я чай, есть место на козлах, где бы сесть».

«О! поместится», сказал Чичиков.

«Пожалуй я тебе дам девчонку. Она у меня знает дорогу. Только ты, смотри, не завези ее. У меня уж одну завезли купцы».

«Не беспокойтесь, матушка, мне она не нужна».

В это время подъехала под крыльцо Чичикова бричка.

«Ей, Пелагея», сказала помещица стоявшей около крыльца девчонке лет одиннадцати, в пестром платье из домашней выбойки и босыми ногами, которых издали можно было

---

[1] *Вместо а.* «Так уж ∾ в сенях»: «Да не забудь меня, если что случится покупать, так пожалуста уж... Приезжайте».

«Приеду, приеду».

«Уж пожалуста не позабудьте».

«Не позабуду, не позабуду, матушка», говорил Чичиков, отпирая дверь, ведшую на крыльцо. *б.* Так уж ∾ говорил Чичиков, выходя на крыльцо. [2] «Может быть ∾ Чичиков» *вписано.* [3] Покажите

принять за сапоги, так они[1] были крепко облеплены свежею грязью. «Покажешь барину дорогу».

Селифан помог девчонке взлезть на козлы, которая, ставши одной ногой на барскую ступеньку, сначала запачкала ее грязью и потом уже взобралась на верхушку козел и села возле Селифана.

Селифан был во всю дорогу чрезвычайно сурьезен и необыкновенно ревностен и внимателен к своему делу, что всегда случалось с ним после того, когда что как-нибудь провинился или был пьян[2]

‹ГЛАВА V›

Чичиков тоже придвинулся с своими креслами несколько поближе и невольно кашлянул прежде начатия речи, отдавши таким образом дань старой привычке всех проповедников. «Нельзя сказать...» таким образом начал Чичиков, «чтобы то, о котором[3] я вам сейчас хочу предложить, было большой важности. Признаюсь, я даже опасаюсь, чтобы вы как-нибудь моей просьбы не почли даже безрассудной, потому что, точно, с некоторой стороны, она может показаться [отчасти] несколько странною... Дело вот в чем: в ревижских сказках, как вам не безызвестно,[4] числятся совершенно все души, составляющие недвижимость владения,[5] несмотря на то, что между ними есть такие, которые уже давно не существуют, но по существующим положениям нашего государства, равного которому в силе и славе, можно сказать, нет другого во всем мире, и иностранцы очень справедливо удивляются...[6] так по таковым положениям, до подачи новой ревижской сказки, подати за них взносятся как за существующих. Тогда, как они между тем с своей стороны[7] не только пользы, но даже убытки наносят владельцу.[8] Чтобы

---

[1] за сапоги, до такой степени они [2] *На этом текст обрывается.* [3] чтобы та вещь, о которой [4] как вам известно [5] *Далее начато:* хотя [6] нашего государства, в силе и славе равного с которым, можно сказать, нет во всем мире, [другого государства] другого [7] *Далее было:* [не только никакой пользы] больше ничего, как [один] только пустой звук и [8] не только никакой пользы, но даже наносят убытки

доставить [можно сказать] за одним разом и вам пользу, потому что я к достойным людям всегда[2] чувствовал истинное уважение... я прошу вас уступить этих несуществующих мне. То есть перевесть их на мое имя так, как бы вы их продали мне».

Собакевич слушал с тем же флегматическим видом и совершенным бесстрастием. Казалось, в этом теле вовсе не было души, или, лучше, она у него была, но[3] вовсе не там, где следует, а как у бессмертного Кощея где-то за горами и закрыта такою толстою скорлупою, что всё, что ни ворочалось на дне ее, не производило решительно никакого потрясения на поверхности его лица.

«Так можете ли вы меня удовлетворить в этом отношении?» сказал Чичиков, поглядывая на него с некоторою робостью.

«Вам нужно мертвых душ?» произнес обыкновенным своим голосом Собакевич.

«Да. Несуществующих», отвечал Чичиков. «Так есть ли у вас такие?»

«Найдутся; почему не быть», сказал Собакевич [опять] тем же бесстрастным голосом, но с некоторою расстановкою, как будто бы в это самое время он о чем-то размышлял.

«В таком случае, если вы мне решитесь их уступить, я говорю впрочем, несправедливо: *уступить*, потому что кто же будет делать предметом купли такое дело, так если вы решаетесь так меня несказанно одолжить, чтобы я всегда помнил ваши ласки... то в таком случае я, пожалуй, готов купчую на свой счет...»

«Да уж, конечно: купчая должна быть на счет покупщика», сказал Собакевич, смекнувший между тем, что покупщик без сомнения должен был иметь какую-нибудь выгоду, решаясь на такое приобретение.

«Извольте, я вам продам и, как с человека знакомого, я с вас, пожалуй, возьму недорого».

---

[1] *Далее начато:* и себе также кое-что, хотя [2] *Далее начато:* ime⟨л?⟩ [3] *Далее начато:* где-то

«Чорт бы тебя побрал», подумал Чичиков про себя: «со всего хочет содрать плеву! А по скольку вы бы взяли?» сказал он вслух.

«Чтобы не запрашивать с вас лишнего и напрасно не торговаться с вами, по сту рублей за штуку!» сказал Собакевич.

«По скольку вы изволили сказать?» произнес Чичиков, подумавший, что он ослышался.

«По сту рублей за штуку», сказал Собакевич:[1] «Пожалуй, я вам даже сделаю то уважение, что возьму серебром вместо ассигнаций».

«Как же...» сказал Чичиков, несколько смутившись, и остановился. «Я полагаю, впрочем, что[2] вам угодно было пошутить. Я не могу поверить, чтобы вы стали продавать, да еще и дорожиться».[3]

«Какая ж тут дороговизна?» прервал Собакевич.

«Помилуйте, как же можно запросить вдруг такую сумму».[4]

«Сумма умеренная», сказал Собакевич. «А по скольку вы хотели дать?»

«Я признаюсь», говорил Чичиков: «зная, что это вещь вовсе вышедшая из всякого употребления, никак не полагал, чтобы вы могли извлекать из нее какой-нибудь интерес, и в случае, если бы вы уже не захотели быть так ко мне добры и решились попользоваться профитом, — я предполагал, что по осьми гривен на душу очень достаточная цена».

«Как! по двухгривенному за душу!» вскричал Собакевич.

«Да. Я полагаю, что это весьма достаточная цена», сказал Чичиков.

«Ведь я вам продаю не лапти», сказал Собакевич.

«Однако ж, позвольте и мне тоже сказать», произнес Чичиков. «Рассмотрите и мое положение: с какой стати я буду платить за людей уже не существующих, которые мне принесут только расход и разорение».

---

[1] *Далее начато:* «Впрочем [2] *Далее было:* продолжал он [3] *Далее начато:* за такую вещь, которая...» [4] *Далее начато:* Я признаюсь...

«Так вы думаете, что я вам продам по двухгривенному ревижскую душу?»

«Помилуйте, какая ж она ревижская, она только по бумаге стоит ревижскою. Она в разоренье вам... Впрочем, чтобы с вами не спорить, даю по полтора рубли и больше, право, не могу ничего прибавить».[1]

«По скольку вы сказали?» сказал Собакевич.

«По полтора рубли», отвечал Чичиков.

«Стыдно вам и говорить такую сумму. Вы торгуйтесь, говорите настоящую цену».

«Что же мне давать вам! Ведь самый-то предмет уж решительно не стоит никакого уважения. По полтине прибавлю».[2]

«Да чего вы скупитесь?» сказал Собакевич. «Право, не дорого. Ведь иной мошенник обманет вас: продаст вам дрянь, а не души; а у меня уже всё, что называется, как один. И все:[3] то мастеровой, то другой какой-нибудь тоже здоровый мужик. Вы рассмотрите хорошенько. Например, каретник Михеев: больше никаких экипажей и не делал, как только рессорные. И не то, что как бывает московская работа, что на один час, прочность такая... сам и обобьет и лаком покроет».

«Да что ж из этого? Ведь его уж нет на свете».

«А Авдеев, [коров‹ье›] толстое брюхо, как прозвали его мужики!» продолжал Собакевич, не обращая внимания на слова Чичикова. «Я голову прозакладую, если вы где сыщете такого мужика. Ведь что за силище была! Служи он в гвардии, ему бы бог знает, что дали: трех аршин с половиною ростом!»

«Да [ведь] что ж из этого...»

---

[1] *Далее было:*

«Ой, дадите больше», сказал Собакевич.

«Ей богу, не могу», отвечал Чичиков.

«Дадите, дадите, я уж знаю, что дадите», сказал Собакевич.

«Я вам не шутя говорю, что больше не могу дать».

«Так поскольку

[2] *Вместо* «По полтине прибавлю»: Я и так вам даю столько, как не знаю, кто бы мог дать. По полтине прибавлю. Два рубли и больше ни копейки». [3] уже все что называется как один. И всё:

«А Парамон кирпичник?[1] Мог поставить печь в каком угодно доме. Максим Телятников, сапожник: что шилом кольнет, то и сапоги; что сапоги,[2] то и спасибо, и хоть бы в рот хмельного. А Миняй Протрухин? Да этот мужик один станет за всех; в Москве торговал. Одного оброку приносил по пятисот рублей. Вот какой народ! Это не то, что вам продаст какой-нибудь Плюшкин».

«Да что ж из этого? Ведь они мертвые», сказал Чичиков.

«Да. Конечно, мертвые...» сказал Собакевич, как бы немного опомнясь. «Впрочем и то сказать, что́ из этих людей, которые числятся теперь живущими: что это за люди? Мухи, а не люди».

«Да всё-таки, по крайней мере, существуют. А это ведь мечта».[3]

«Ну, нет, не мечта. Я вам доложу, каков[4] был Михеев, так вы таких людей не сыщете:[5] машинища такая, что в эту комнату не войдет. Нет, это не мечта! а в плечищах у него была такая силища, какой нет у лошади. Хотел бы я знать, где в другом месте найдете такую мечту».

«[Да], была силище, да [теперь] земля прибрала».

«Эх, какие вы право [стр‹анные›]. Да ведь потому-то я и прошу с вас так дешево, что земля прибрала, а будь они живы, так я бы по тысяче за душу не продал, ей богу, не продал бы!»

«По два рублика», сказал в ответ на это Чичиков.[6]

«Извольте, чтобы вы не претендовали на меня,[7] что дорого запрашиваю и не хочу сделать вам никакого одолжения, извольте: по семидесяти пяти рублей за душу, только ассигнациями. Право, только,[8] для знакомства».

---

[1] А Парамон Кирпичников? [2] *Вместо* «что шилом ∾ сапоги»: что [сделает сапоги] как бывало хватит, так и сапоги [3] *Вместо* «Впрочем и то сказать ∾ мечта»: «Всё, однако ж, не то, что у других. Ведь вы у других что купите? такое купите: будут мухи, а не люди; а здесь, что ни человек, то...»

«Да ведь из них же теперь никакого нельзя сделать употребления. Ведь это просто мечта и больше ничего».

[4] какой [5] с фонарем не сыщете [6] «Так по два рублика отдавайте!» сказал Чичиков. [7] *Далее было:* и не говорили [8] так только

«Я,[1] не понимаю», сказал Чичиков: «какое вам удовольствие заламливать такие цены? Вы знаете сами их ничтожность. На что они? Кому они нужны?»[2]

«Да вот вы же их покупаете: стало быть они нужны».[3]

«Ну я другое дело...» сказал Чичиков, да и остановился, несколько смешавшись. «Потому что мои особенные отношения, отношения семейственные...»[4]

«Мне не нужно знать, какие у вас отношения. Это ваше дело, а не мое. Вам понадобились души — я и продаю вам, и, право, будете раскаиваться, что не купили».[5]

«Воля ваша, два рубли и больше ниче‹го»›

«[Вы, право] Затвердила Сорока Якова одно про всякого. Как наладили на два, так не хотите с них[6] и съехать. Вы давайте настоящую цену!›

«Помилуйте, за что же давать? Впрочем,[7] полтину еще прибавляю».

«Ну, извольте, и я вам скажу тоже мое последнее слово: пятьдесят рублей! право, убыток себе,[8] дешевлее нигде не купите такого хорошего народа».

«Будьте[9] уверены, что куплю. Никто не станет даже брать цены за такой пустяк.[10] Напротив, даже рад будет от него отделаться».

---

[1] Я, право [2] *Вместо* «На что ∾ нужны»: Кто их у вас купит? Они у вас пропадут даром; правда, они уж и без того пропали. Посудите сами, кому они могут быть нужны?» [3] стало быть нужны» [4] дела семейственные...» [5] *Далее было:*

«Помилуйте, побойтесь бога», сказал Чичиков. «Как же можно запрашивать по семидесяти рублей, вы верно позабыли, что это мертвые».

«Потому-то я вам и продаю так дешево», сказал Собакевич, «что они уже мертвые, а будь они живые, я бы вам их по тысяче рублей не продал, ей богу, не продал! Ведь что за народ!»

[6] «Воля ваша, два рубли, это самая последняя цена, какую я только могу дать».

«Вы всё свое: как два, да два: как наладили на одно, так не хотите с него

[7] Впрочем, так и быть: [8] *Далее было:*

«Два с полтиною! больше ни копейки».

«Эй, будете раскаиваться».

[9] О, будьте [10] *а.* Никто не станет дорожиться из такого пустяка; *б.* Никто не станет заламливать какой-нибудь цены за такой пустяк

«Однако ж, знаете, что покупка такого рода не всегда позволительна, и если бы этак рассказал кто-нибудь, положим я, или кто другой, то эдакому человеку может даже неприятность случиться... и никакой не будет доверенности касательно заключения контрактов, ниже вступления в какие-нибудь выгодные обязательства».

«Подлец!» проговорил про себя, стиснув зубы, Чичиков, однако ж не показал вида, чтобы слова Собакевича произвели на него какое-нибудь впечатление, и отвечал равнодушно: «Как вы себе хотите, я этого ничего не боюсь... Я это покупал[1] вовсе не для какой[-нибудь] надобности, но единственно для удовольствия только...[2] Впрочем, за ваши души я даю по два с полтиною.[3] Не согласны — так прощайте».

«Тридцать пять ассигнациями и бог с вами, берите их себе».

«Нет, вы не хотите, как я вижу, продать», сказал Чичиков и взял в руки шляпу [однако ж, оборотившись, прибавил еще полтину].[4]

«Позвольте, позвольте», сказал Собакевич, взявши его за руку и ведя в гостиную: «Пожалуйте сюда, я вам что-то скажу».

«Зачем же вам из пустого беспокоиться? Я уже вам ‹сказал?› мое последнее слово».

«Позвольте, позвольте», говорил Собакевич, не выпуская его руки и наступив ему на ногу, потому что Чичиков позабыл поберечься.

«Прошу прощения! Я, кажется, вас побеспокоил», сказал Собакевич, заметивший свою неосторожность. «Пожалуйте,

---

[1] Я души покупал [2] но просто для собственного удовольствия... [3] по три рубли [4] *Далее было:*

«А вы не хотите купить. Право, будете жалеть».

«Прощайте!» сказал Чичиков, подавая ему руку и уходя в переднюю.

«Право, будете пенять на себя! хотите: двадцать пять!»

«Нет», сказал Чичиков: «Три рубли, больше ни ни. Я уже сказал раз и не хочу отступить от своего слова. Чтобы сделать, однако ж, последнее вам снисхождение, делаю надбавку по четверти, больше, хоть бы рад был, не могу».

садитесь сюда».[1] Здесь он усадил его на кресло с некоторою даже[2] ловкостью, как такой медведь, который уже побывал в искусных руках цыгана.

«Право, я напрасно только время трачу», говорил Чичиков. «Мне нужно спешить».

«Посидите одну минуточку», говорил Собакевич: «я вам сейчас скажу одно приятное для вас слово». Тут он приблизился к нему ближе и начал говорить так тихо, как будто по секрету: «Для вас по 20 рублей! Ей богу, из приязни. Пусть хоть сам потерплю, да вам, по крайней мере, докажу мое почтение».

«Два с полтиною!» сказал Чичиков.[3]

«По двадцати», сказал Собакевич.

«Не могу».[4]

Собакевич замолчал. Чичиков тоже замолчал. Минуты две[5] длилось молчание. Багратион с орлиным носом глядел со стены чрезвычайно внимательно на эту покупку.[6]

«Какая ж будет ваша последняя цена?» сказал наконец Собакевич.

«Два с полтиною».[7]

«Вы даете[8] как будто за горох или за грибы. Это даже стыдно с вашей стороны. Всё ж таки человек. А если хотите красненькую с синенькою?»[9]

«Ничего не могу дать больше двух с полтиною!»[10]

---

[1] *Далее было:* Он показал ему на кресло. [2] даже с некоторою [3] *Вместо* «Два ∾ Чичиков»: «Право, не могу. По три с четвертью [возьму] если хотите, возьму». [4] *Вместо* «Не могу»:

«По три с [четвертью] полтиною», сказал Чичиков.

«Так не даете по двадцати?»

«Не могу, ей богу, не могу!»

[5] Целые две минуты [6] *Далее было:* и, как казалось, терялся в догадках насчет этого в первый раз случившегося казуса [7] *Вместо* «Два с полтиною»: «Цена моя известна вам: по три с четвертью». [8] «Вы всё, право, даете [9] *Вместо* «А если ∾ с синенькою»: *а.* «Помилуйте, какой же он человек? Это вам стыдно называть людьми прах».

«Ну, пятнадцать, извольте, отдаю за пятнадцать». *б. Начато:* и если хотите пятнад<цать> [10] больше трех с четвертью.

«Да прибавьте хоть по полтине, по крайней мере, чтобы было ровно по три рубли».

«Не могу».[1]

«Ну, нечего с вами делать. Извольте, извольте! Так уж и быть, берите их себе»,[2] сказал Собакевич. «Убыток, ей богу, убыток, да что прикажешь делать; такой уже нрав: не могу, чтобы не доставить удовольствия ближнему. Купчую, однако же, ведь нужно будет[3] совершить в городе».

«Вы будете в городе?» спросил Чичиков.

«Пожалуй, могу побывать», сказал Собакевич. «По милости вышнего бричка есть, будет в чем приехать».

«А как скоро полагаете вы быть в городе?»

«Для удовольствия вашего могу даже приехать завтра».[4]

«Очень хорошо.[5] В таком случае мы завтра же и крепость совершим. Еще я хотел у вас попросить об одном: не можете ли вы мне дать небольшую выписочку, в которой были бы прописаны одни только имена душ?»

«С большою готовностью», сказал Собакевич. И, подошедши к какой-то неуклюжей мебели в виде бюра, которого Чичиков вначале было совсем не заметил, вынул оттуда лоскуток исписанной бумаги и приписал тут же карандашом много разных примечаний насчет звания и профессии умер-

---

[1] *Вместо* «Да прибавьте ∾ Не могу»: *а.* «С вами, как я вижу, нельзя сойтиться: я с своей стороны делаю всякую уступку, а вы не хотите ничего надбавить».

«Ну, четверть, пожалуй, еще прибавлю, чтобы было по три с полтиною».

«Да прибавьте что-нибудь посущественнее, кто ж прибавляет по четверти!»

«Не могу».

«Хоть бы по четыре дали для ровного счета».

«Что же делать, не могу».

б. «С вами ∾ уступку, а вы ничего не хотите. Прибавьте хоть по полтине по крайней мере, чтобы было по четыре ровно».

«Не могу».

[2] *Далее начато:* гово⟨рил⟩ совершим купчую? Нужно будет

[3] *Вместо* «Купчую ∾ будет»: Где же

[4] даже завтра приехать

[5] *Далее начато:* Так

ших лиц. После чего подал ее Чичикову, сказавши: «Да, за это приобретение [вы] будете всегда благодарить».

Чичиков поблагодарил сквозь зубы и спрятал записку в карман.

«Теперь пожалуйте же задаточек», сказал Собакевич.

«К чему же вам [теперь] задаточек? Вы получите в городе за одним разом все деньги».

«Всё, знаете, так уж водится!» возразил Собакевич.

«Не знаю, как вам дать, я не взял с собою денег; десятирублевая, впрочем, есть».

«Что ж десять! Дайте, по крайней мере, хоть пятьдесят».

«Я вас уверяю, что [не взял] нет».

«Как можно! Я знаю, что у вас денег больше, чем у доброй дворняги блох».[1]

«Ну, пожалуй, вот вам еще пятнадцать, итого двадцать пять. Пожалуйте только расписочку».

«Да на что вам расписка?»[2]

«Всё, знаете, лучше расписочку. Не ровен час: всё может случиться».

«Хорошо, дайте же сюда деньги!»

«На что ж деньги? у меня вот они в руке. [Сейчас] Как только напишете расписку, в ту же минуту их и возьмете».

«Да позвольте, как же мне писать расписку? Прежде нужно видеть деньги».

Чичиков выпустил из рук бумажки Собакевичу, который, приблизившись к столу и накрывши их пальцами левой руки[3] другою написал на лоскуточке бумаги, что задаток двадцать пять рублей государственными ассигнациями за проданные ревижские души получил сполна. Написавши расписку, он пересмотрел еще раз ассигнации.

«Бумажка-то старенькая», произнес он,[4] рассматривая одну из них на свет: «немножко разорвана, ну, да [уж] ничего: между приятелями нечего на это глядеть. Очень рад, что

---

[1] *а.* «Как можно! чтобы не было», произнес равнодушно Собакевич: «Деньги всегда есть у покупщика»; *б.* «Как можно! Я знаю, что у вас столько денег, как у собаки блох» [2] расписочка [3] и накрывши пальцем левой руки бумажки [4] сказал он

случай мне предоставил такое приятное знакомство. А женска пола не хотите?»

«Нет, покорнейше благодарю».

«Я бы не дорого и взял. Для знакомства по три рубли за штуку».

«Нет, благодарю. В женском поле я не нуждаюсь».

«Ну, когда не нуждаетесь, так нечего и говорить. На вкусы нет никакого закона. Кто любит попа, а кто попадью, говорит пословица».

«Еще я хотел вас попросить, чтобы эта сделка осталась между нами», сказал Чичиков.

«Да, уж само собою разумеется, третьего сюда нечего мешать: что по искренности происходит между короткими друзьями, то должно и остаться во взаимной их дружбе.[1] Прощайте! Прощайте! Благодарю, что посетили. Прошу и впредь не забывать. Если выберется свободный часик, приезжайте пообедать, время провесть. Может быть, опять случится услужить чем-нибудь друг другу».

«Да как бы не так», думал про себя Чичиков, севши в бричку. «По два с полтиною содрал за мертвую душу! Верно был, подлец, частным приставом, а после, я думаю, служил и в таможне и в казенной палате. Это наверно, это и по лицу видно. Да, должен быть бестия не последняя. Старого леса кочерга! Даже фрак его так [точно] пахнет, как в присутствии». Он привстал несколько, оглянулся назад. Дом барской был еще виден и на крыльце стоял Собакевич, как казалось, приглядывавшийся, куда гость поедет.

«Подлец, до сих пор еще стоит!» проговорил он с досадою и велел Селифану, поворотивши к крестьянским избам, отъехать таким образом, чтобы экипажа нельзя было увидать с господского двора. Ему хотелось расспросить о дороге к Плюшкину, но не хотелось об этом дать знать Собакевичу.

Он выглядывал, не попадется ли где мужик, и точно, скоро заметил мужика, который, попавши где-то претолстое бревно, тащил его на плече к себе в избу.

---

[1] в их взаимной дружбе

«Ей, борода! куда дорога к Плюшкину?»

Мужик, казалось, затруднился таким вопросом.

«Не знаешь?»

«Нет, барин, не знаю».

«Вот еще, как же ты Плюшкина-то не знаешь?»

«Ей богу, барин, не знаю».

«А скряга-то этот, Плюшкин-то, тот, что скуп-то».

«Знаю, знаю. Заплатанной... заплатанной!..» вскрикнул мужик. Было им произнесено и существительное к слову заплатанной, да мы уж лучше [не произнесем это] оставим в покое существительное. Всему свету известно, что русской народ охотник давать свои имена и прозвища, совершенно противоположные тем, которые дает при крещении поп. Они бывают метки, да в светском разговоре неупотребительны. Впрочем, всё зависит от привычки и от того, как какое имя обходится. Кому, например, неизвестно, что у нас люди, дослужившиеся первых мест, такие носят фамилии, что в первый раз было совестно произнесть их при дамах. Однако ж теперь и дамы произносят их — и ничего. А носильщики этих фамилий, как бы не о них речь, ничуть не конфузятся и производят их даже <?> от Рюрика, между тем как может быть их же крепостной человек им прислужился. Но последуем за героем нашим и посмотрим, как он поедет к Плюшкину.[1]

---

[1] *Вместо* «Да как бы не так ∾ к Плюшкину»:

а. Глава 6.

«Как бы не так! как раз приеду!» говорил Чичиков уже в бричке и выезжая со двора. «По три с полтиною содрать за душу! Бывают же эдакие бездельники! Пятьдесят раз три рубли, это будет полтораста, да пятьдесят полтин — двадцать пять, итого сто семьдесят пять рублей. О! это должна быть старого леса кочерга. Протянул, думаю, порядочную лямку на свете. Верно, служил и в казенных палатах и таскался по всем судам. Шутка ли: сто семьдесят пять рублей! Ведь это легко сказать; и за что ж? Добро бы было за что-нибудь существенное, а то за мечту...»

«А что, барин, куда прикажете ехать, — в город аль нет?» сказал в это время, оборотившись к нему, Селифан и тем самым заставил его прийти в себя.

«Куда ехать?» повторил Чичиков. «Постой, я тебе сейчас скажу». Тут он привстал и оглянулся назад: дом барской был еще виден весь,

‹ГЛАВА VI›

Прежде, в лета моей юности, мне было очень весело подъезжать в первый раз к незнакомой деревне. Кучу нового и чудес архитектурных видел я во всяком уездном городе: и казенный каменный дом [и], торчавший среди низеньких одноэтажных домиков обывателей и мещан, и пра-

---

на крыльце стоял Собакевич и, как казалось, приглядывался, куда гость поедет.

«Подлец, до сих пор еще стоит!» сказал Чичиков сам в себе и велел Селифану отъехать несколько подальше. Когда Селифан немного отъехал, Чичиков опять приподнялся поглядеть: от дома барского видна была одна только крыша да трубы. «Послушай-ка, Селифан!» сказал он: «поезжай-ка теперь к Плюшкину!»

«Куды ж к нему поворотить — направо или налево?» спросил Селифан.

«Будто не знаешь дороги?»

«Нет, барин, не знаю. В такой деревне еще никогда не был», сказал Селифан.

«Да ведь это не деревня; это помещик... Ведь ты к нему знаешь дорогу!»

«Как милости вашей будет завгодно», говорил Селифан. «Я бы то есть с большою охотою готов, как бы был с ним в знакомстве... да лих беда, что его милость-то совсем не видел».

Чичиков вспомнил, что Селифан точно не мог знать дороги. Да и ему самому тоже Собакевич не объявил ее. Поглядевши вокруг, он заметил мужика, который где-то попал претолстое бревно и тащил его на плече к себе в избу.

«Послушай-ка, борода!» сказал Чичиков, когда [он] мужик приблизился к нему и снял свою коричневую шляпу с таким перехватом на середине, как на песочных часах: «скажи-ка, куда дорога к Плюшкину?›

Мужик, казалось, очень затруднился таким вопросом.

«Что, не знаешь?»

«Нет, барин, не знаю».

«Как не знаешь: тот-то, что скуп».

«А! заплатанной... заплатанной!..» вскрикнул мужик. Было [к нему] им произнесено и существительное к слову заплатанной, да только оно такого рода, которое разве только одному-то русскому мужику позволяется произносить, в светском же разговоре вовсе не употребительно. [Впрочем все] Известно, что русской народ охотник давать свои имена и прозвища, совершенно противоположные тем, которые дает при крещении поп. Они бывают очень метки и удачны, но в светском разговоре вовсе неупотребительны. ∾ А сами носящие эти фамилии даже производят их теперь чуть не от Рюрика, между тем как может быть их же кре-

вильно круглый купол выбеленной каменной церкви, и рынок, и гостинный двор, и уездный франт, и поп, и странная колымага, гремящая по улицам, — всё привлекало мое свежее внимание, и я, высунувши нос из своей походной телеги, глядел и замечал всё: и античный покрой сертука, весьма необыкновенного, до[1] изюма и мыла, который[2] был выставлен в дверях овощенных лавок. Когда я подъезжал к какой-нибудь ‹деревне?› незнакомого помещика, я смотрел любопытно на выказывающие‹ся› ветряные мельницы,[3] деревянную узкую, высокую или широкую разъехавшуюся[4] почерневшую

постной человек им прислужился в этом. Так всё на свете наконец облагораживается!

«Этот-то звестно где живет», говорил мужик: «только вашей милости нужно будет маленько поворотить назад и проехать мимо господских покоев».

«А нельзя ли так, чтобы не мимо [барских] господских покоев?»

«Есть, пожалуй, другая дорога, немного будет повыше, только всё господских-то покоев будет немного видно».

«Ну, нечего делать. Возьми-ка ту дорогу, которая повыше», сказал Чичиков Селифану: «и поезжай пошибче».

Селифан не заставил себе повторять в другой раз этого приказания и, поворотивши назад, припустил лошадей во всю прыть. Дом точно был несколько виден. Он даже заметил, что Собакевич всё еще стоял на крыльце и, казалось, очень внимательно старался рассмотреть его бричку. Чичиков опять вспомнил о том, что дал по три с полтиною за душу, и внутренно потешил Собакевича мерзавцем.

Показавшаяся скоро деревня Плюшкина рассеяла его досаду. Изб было столько *и т. д. как в тексте.*

б. После слов Как бы не так [*далее как вар. а*] лямку на свете. О [служил, служил этот подлец-то, служил]. Служил, служил мерзавец в казенной палате, это видно. Я думаю, даже не был ли и в таможне. Шутка ли [*далее как вар. а*] никогда не был», сказал Селифан. Барин сказал кучеру, что он дурак, что это помещик, а не деревня, а дорогу он должен знать. Но скоро вспомнил сам, что Селифану [нельзя было знать] точно, неоткуда было проведать. Он выглядывал, не попадется ли где мужик ∾ прислужился в этом. Так все на свете [*далее как вар. а*] Возьми-ка ту дорогу, что повыше», сказал Чичиков [*далее как вар. а*] рассеяла его досаду.

[1] *Далее начато:* чепца [2] *Далее начато:* продают купеческие приказчики в длинных сертуках [3] *В подлиннике:* мельницу [4] *Далее начато:* на все ‹стороны?›

церковь. Я видел мелькавшие сквозь деревья трубы и крышу помещичья дома, и я[1] с нетерпением ожидал, чтобы он показался весь, чтобы рассмотреть его, впрочем, пошлую наружность.[2] Я старался угадать по нем и по всём имении, кто таков помещик и толст ли он, и сыновья ли у него или дочери, и сколько их, и черноглазы ли они, и весельчак ли он сам, или сурьезен, глядит в окно и читает один календарь. Теперь равнодушно подъезжаю к всякой незнакомой деревне и пошло гляжу на ее пошлую жизнь, и не смешно мне, и куча того, что возбудило и смех и замечательность когда-то, теперь скользит мимо. О моя юность! о моя свежесть!

Деревня Плюшкина, помещика, к которому ехал друг наш, была что-то похоже на запачканный стирок или тряпку, которою [сначала] прежде вытирали пол в комнатах, потом вышвырнули ее на кухню. Там повар сначала ею вытирал сковородки, потом свои сапоги; кидали ее в один угол, в другой и потом уже вышвырнули на улицу.[3] [Изб было столько, что не перечесть. Они были такие старье и ветхость, что можно было дивиться, как [они] не попали в тот музей древностей, который еще не так давно продавался в Петербурге с публичного торга, вместе с вещами, принадлежавшими Петру Первому, на которые однако ж покупатели глядели сомнительно.] Крыши на них просвечивали, как решето, и воробьи пролетали[4] их напролет; впрочем, дыры были такой величины, что, кажется,[5] и вороны могли пробраться. Кажется, сами хозяева разобрали с них драницы на разные свои потребности, рассуждая и весьма справедливо, что в дождь избы не кроют, а в вёдро и сама не каплет. Притом нечего в ней и бабиться,[6] когда есть простор и в кабаке, [и] на большой дороге,[7] словом, где хочешь. Окна в избенках были, как водится, без стекол, иные из них были заткнуты тряпкою или зипуном. Балкончики под кры-

---

[1] *Далее начато:* старался [2] впрочем пошлую архитектуру [3] «Прежде, в лета ∾ на улицу» *вписано карандашом.* [4] воробьи летали [5] что даже [6] весьма справедливо, что и без крыши в избе можно так же заснуть, забравшись на полати, а днем не бабиться же весь день [в избе] в ней [7] *Далее было:* и на улице и

шами, с перилами и резными украшениями, неизвестно для какой причины делающиеся в русских избах, были тоже в живописном разрушении. Огромный ряд скирд сена и хлеба стоял в стороне. По виду он казался очень лежалым, потому что цветом был похож больше на старый кирпич,[1] чем на сено, и на верхушках их росла всякая дрянь. Сено и хлеб были, без сомнения, господские, [потому что] у мужиков они бы не залежались так долго. Скоро и господской дом выглянул каким-то сутуловатым инвалидом с мезонином и высокою крышею. Одна труба уже развалилась.[2] Дождь и время[3] отвалили во многих местах с стен щекатурку и произвели на них множество больших пятен, из которых одно было несколько похоже на Европу;[4] кое-где торчала щекатурочная решетка. Из окон только два глядели на двор; прочие были заставлены ставнями. Эти два окна, с своей стороны, тоже были несколько подслеповаты.[5] На одном из них был наклеен треугольник из синей сахарной бумаги. Двор, однако ж, был обнесен довольно крепкою оградою, которая, может, когда-нибудь была выкрашена краскою, но[6] так как хозяин [повидимому] не думал вовсе об ее поновлении, то прислужился другой хозяин, который хозяйничает и распоряжается на этом свете с незапамятных времен. Хозяин этот[7] был — время. Оно покрыло ограду зеленою плесенью, какою обыкновенно[8] покрывает старое почерне‹вшее› дерево. Ворота, также в нескольких местах позеленевшие, были растворены, но [кажется] потому только, что в это время въезжала [какая-то] телега с грузом, накрытым рогожею. В другое время они должны были запираться наглухо; на них Чичиков заметил железной засов и замок в пуд весом.[9] Возле ряда кладовых, похожих на гостинный двор

---

[1] больше на навоз [2] *Далее начато:* Щекатурка [3] *Далее начато:* оббили щекату‹рку› [4] похоже на карту [5] тоже были не очень здоровы [6] *Далее начато:* на этот раз принялся расписывать сам [7] прислужился другой неугомонной живописец, который расписывает весь род человеческой и что ни есть на свете [не заботясь] и в том числе мужские и женские лица, нимало не заботясь о том, нужно ли это или нет и довольны ли его кистью или недовольны. Живописец этот [8] которою обыкновенно [9] засов и висящий замок около пуда весом

в уездном городке, стояла какая-то фигура,[1] вздорившая с мужиком, приехавшим на телеге. Чичиков долго не мог разобрать,[2] была ли это баба, или мужик. На ней было какое-то платье неведомой материи, весьма похожее на женской капот;[3] на голове колпак такой точно, как носят деревенские [и] дворовые бабы. Только голос ему показался несколько толстым. «Ой, баба!» произнес он про себя, всё еще сомневаясь.[4] «Ой, нет! Да баба, точно баба!» сказал он, рассмотревши поближе. Фигура, с своей стороны, остановилась тоже, глядя на него. Казалось, гость был для нее в диковинку, потому что она рассмотрела не только его, но и Селифана, и лошадей, начиная от хвоста до морды. По висевшим у ней за поясом ключам и по тому, что она бранила мужика[5] довольно поносными словами, Чичиков заключил, что это должна быть ключница.

[6]«Послушай, матушка», сказал он, выходя из брички: «что барин...»

«Нет дома», прервала ключница,[7] не дожидаясь окончания вопроса, и потом, спустя минуту, прибавила: «А что вам угодно?»

«Есть дело».

«Идите в комнату», сказала ключница и показала ему спину, запачканную мукою, а пониже ее большую прореху в своем капоте.

Герой наш вступил в сени и прежде всего ударился лбом довольно крепко о какой-то острый угол. Это заставило его итти[8] осторожнее и ощупывать всякую вещь.[9] Ноги его чувствовали под собою какие-то мягкие кучи золы ли, песку ли, он этого не мог разобрать, и рад был, как будто бог знает чему, когда, наконец, нашел дверь. Когда он отворил ее, ему показалось, что он вошел в мелочную лавочку. Против него стоял шкаф с графинчиками и другим стеклом, старыми бумагами, чашками, высохшим лимоном до такой степени,

---

[1] *Далее было:* неизвестно какого пола [2] *Далее начато:* баба ли [3] женской халат [4] про себя, подъезжая ближе [5] мужика бранила [6] *Перед этим начато:* Что барин [7] сказала ключница [8] итти ощупью и [9] *Далее начато:* Таким образом попал

что он больше был похож на лесной орех, нежели на лимон.[1] В этом же самом шкафе лежала ручка от кресел и молитвенник, всё это было за стеклом и заперто. Возле шкафа стояло бюро, на котором лежало несколько записок узеньких, исписанных очень часто[2] и накрытых каменным прессом с яичком. Около них лежали счеты, которые, казалось, одни только были в употреблении. Сбоку было окно, на котором валялось[3] несколько книг в старом[4] кожаном переплете с красным обрезом[5] и календарь в бумажной обвертке,[6] похожей на те обои, которыми обклеиваются перегородки в комнатах на станциях,[7] для скрытия жены станционного смотрителя от взоров проезжающих путешественников. Тут же стояла рюмочка с какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом. Тут же лежал небольшой кусочек сургучика, два пера,[8] запачканные чернилами, высохшие, как в чахотке, зубочистка, совершенно пожелтевшая, которою хозяин еще ковырял в зубах своих прежде нашествия на Москву французов. В углу лежала целая куча, но чего, этого Чичиков не мог разобрать.[9] На всем этом лежало пыли и паутины такое множество, что руки того, который притрогивался к ним, делались похожими на перчатки. Пауки бегали из угла в угол по всему этому добру и хлопотали так же свободно и непринужденно, как в собственном хозяйстве. Не успел Чичиков окинуть глазами[10] всего этого хламу, как отворилась боковая дверь и вошла та же самая ключница, которую он встретил на дворе. Но здесь герой наш заметил, что это, скорее, был ключник, чем ключница,[11] ибо ключница бороды не бреет, а этот, напротив того, брил, и притом, как казалось, довольно редко, потому что подбородок и часть щек были очень похожи на густую сапожную щетку. Чичиков, давши вопросительное выражение лицу своему, ожидал

---

[1] *Далее начато:* Возле шкафа стояло бюро, там же, [2] очень густо [3] лежало [4] в старом и старинном [5] с красным переплетом [6] *Далее начато:* такого же цвета и узора [7] перегородки в тех комнатах, где живут унтер-офицерские жены, или на станциях [8] *Вместо* «два пера»: перья [9] *Вместо* «В углу ∾ разобрать»: кусочек бумажки, поднятой на полу, и еще что-то, которого трудно даже разобрать. [10] взглядом [11] нежели ключница

с нетерпением, что хочет сказать ему этот ключник. Ключник тоже, с своей стороны, ожидал речи от Чичикова. Наконец, приезжий гость наш,[1] ожидая напрасно, решился, наконец, спросить такими словами:

«Что ж барин? у себя, что ли?»

«Здесь хозяин», сказал ключник.

«Где же?» повторил Чичиков.

«Что, батюшка, слепы-то, что ли?»[2] сказал ключник: «Эхва! А ведь хозяин-то я!»

Чичиков поневоле отступил несколько назад и поглядел на него пристально. Ему случалось видеть не мало всяких чуд, молодцов, но этакого он никогда еще не видывал. Лицо его имело в себе мало замечательного. В молодости оно было, может быть, такое же, как обыкновенно бывает у помещиков, живущих в дальних захолустьях Руси, куда раз в год приезжает разносчик, и то не с книгами, а с ситцем.[3] Впрочем, морщины начали уже несколько смягчать его грубое выражение.[4] Маленькие глаза глядели[5] из-под поседевших бровей, как мыши, когда, высунувшись до половины из нор,[6] они осторожно озираются, не сидит ли где [старый] вор кот, и нюхают подозрительно самый воздух. Глаза этого хозяина, которого Чичиков принял было сначала за ключника, открывались и закрывались поминутно, как будто бы их что-то дергало. Всего[7] замечательнее был его костюм.[8] Можно было догадываться, что на нем был халат, но из чего он был состряпан, из какого материала,[9] это была совершенная загадка. Еще на спине и на боках[10] видны были кое-какие приметы бумажной материи, но обшлага, отвороты и передние полы, казалось, были сделаны из юхты: до такой степени они были замаслены и залакированы.[11] И самый-то

---

[1] *Далее начато:* принужд<ен> [2] *Вместо* «Что, батюшка, ∾ что ли»: Я хозяин [3] *Далее было:* или выразиться другими словами, оно было одно из числа тех лиц, при обработке которых натура, как мы уже имели случай раз заметить, не употребляла никаких мелких инструментов, как-то: буравчиков и прочего [4] смягчать топорное выражение лица [5] глядели как мыши [6] когда высунувши головки из нор [7] Но всего [8] был на нем костюм. [9] из какой материи [10] *Далее начато:* можно было [11] но на обшлагах, отвороте и передних полах была совершенная юхта, до такой степени это было замаслено и залакировано.

халат как-то так странно был устроен, что сзади было не две, а четыре полы, из которых охлопьями висела хлопчатая бумага, сделавшаяся от пыли и времени серою. Правый[1] рукав был просто заплатан суконным лоскутком для [большей] крепости, а на шее был навязан — чулок ли, или подвязка, или набрюшник, только не галстух. — Одним словом, если бы Чичиков встретил этого молодца где-нибудь возле церкви или на улице, его бы первым движением было засунуть руку в карман с тем, чтобы вынуть[2] медный грош. Но [между тем] это был помещик, да и какой[3] помещик! Владетель 800 душ крестьян! Попробовал бы читатель поискать, у кого из помещиков в окружности было столько хлеба, сена и муки? у кого кладовые были больше набиты пенькою, холстом, медом и всеми домашними произведениями? Если бы кто заглянул на его рабочий двор, где под крытыми сараями лежали целые сотни колес, бочек, ведер и проч., которые никогда еще не употреблялись,[4] ему показалось, что он пришел на ярманку, или, по крайней мере, на рынок в большом городе. Этих всех произведений стало бы с излишком на пять таких имений, какое было Плюшкина.[5] Но человека трудно чем-нибудь накормить.[6] Не довольствуясь этим, Плюшкин ходил каждый день по улицам своей деревни, тщательно заглядывал под мостики, под перекладины и всё, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, железный гвоздь, глиняный черепок, всё это он тащил к себе и складывал в ту кучу, которую Чичиков заметил в углу комнаты. — «Вон уж рыболов пошел на охоту!»[7] говорил мужик, когда завидывал его, идущего на добычу. В самом деле, это был самый деятельный полицмейстер на деревне, и после него решительно уже ничего не оставалось на улицах.[8] Незачем было и месть их. Какой-то офицер Изюмского гусарского полка что ли потерял на дороге шпору, шпора

---

[1] *а.* а рукав; *б.* и один рукав [2] вытянуть [3] да еще какой [4] «которые никогда ни на что не употреблялись» *вписано.* [5] на пять таких экономий, какое у него было [6] *Вместо* «Но человека ∾ накормить»: *а.* Но чрезвычайно трудно совершенно чем-нибудь насытить человека; *б.* Но человека как ни корми, ему всё хочется больше. [7] отправился на охоту!» [8] решительно не оставалось уже на улицах ничего.

эта отправилась в известную кучу.[1] Если баба, как-нибудь зазевавшись, у колодца оставляла ведро, он утаскивал и ведро. Впрочем, если приметивший мужик тут же уличал его, он не спорил и отдавал похищенную вещь. Но когда эта вещь уже попала в кучу, он божился, что она его, куплена им[2] тогда-то, у того-то, или досталась от деда. В комнате своей он подымал с полу всё, что ни видел: сургучик, лоскуточек бумажки, перышко и всё это клал или на бюро, или на окошко.

А ведь было время, когда он был только бережливым хозяином! Был женат и семьянин, и сосед заезжал к нему сытно пообедать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости; приветливая и говорливая хозяйка славилась хлебосольством; на встречу выходили две миловидные дочки, обе белокурые, свежие, как розы; вбегал[3] сын, разбитной мальчишка, и целовался со всеми, мало обращая на то внимания, рад ли, или не рад был этому гость. В доме были открыты все окна. Антресоли были заняты квартирою учителя француза, который славно брился и был большой стрелок: почти к каждому обеду приносил уток или тетерек, а иногда и одни воробьиные яйца, из которых заказывал себе яичницу, потому что никто больше в целом доме ее не ел. На антресолях тоже жила его компатриотка, наставница двух девиц, которая, впрочем, несколько странно была устроена: была совершенно ровная с низу до верху, без всякой талии. Таких француженок нет во Франции; по крайней мере, мне не случалось видывать. За обед не садилось меньше десяти человек, и почти столько же подавалось блюд. Сам хозяин являлся к столу[4] в сертуке, хотя несколько поношенном, но опрятном; локти были в порядке: нигде никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а с ними и мелких забот[5] перешла к нему. Плюшкин стал беспокойнее и, как все вдовцы, подозрительнее и скупее. На старшую дочь Александру Степановну он не

---

[1] *Вместо* «В самом деле ∾ кучу»: Проезжал офицер и бросил на дороге шпору, шпора эта отправилась туда же, в ту же кучу [2] *Далее начато:* у таких [3] выбегал [4] *Далее начато:* хотя в несколько [5] часть ключей и забот

мог во всем положиться. Да и был прав, потому что Александра Степановна скоро убежала с штаб-ротмистром Конно-егерского полка и перевенчалась с ним где-то наскоро, в какой-то деревенской церкве, ибо Александра Степановна знала, что отец не любит офицеров по странному предубеждению, что будто военные должны быть картежники и мотишки. Папенька послал[1] ей на дорогу проклятие и уже не заботился о ней больше. В доме еще стало пуще. В владельце его стала заметнее обнаруживаться скупость. Сверкнувшая в жестких волосах его седина[2] — верная ее подруга, помогла ей еще более развиться. Учитель француз был отпущен, потому что сыну пора была на службу. Мадам была прогнана, потому что оказалась не безгрешною в похищении Александры Степановны. Сын, будучи отправлен в губернский город в палату с тем, чтобы там узнать существенную и дельную службу, вместо этого определился в полк и написал к отцу, уже по своем определении, прося у него денег на обмундировку. Очень[3] естественно, что он получил на это шиш. Наконец, последняя[4] дочь, остававшаяся с ним в доме, умерла. Старик остался совершенно один, сторожем, хранителем и владетелем своих богатств. Одинокая жизнь дала[5] сытную пищу скупости, которая, как известно, имеет волчий голод и, чем больше пожирает, тем становится ненасытнее; человеческие чувства,[6] которые и без того не были в нем очень крупны, мелели ежеминутно, и каждый день[7] что-нибудь да утрачивалось в этой[8] Случись же, что под такую минуту, как будто нарочно в подтверждение его мнения о военных, к нему дошел слух, что сын его проигрался в карты. Он послал ему от души свое отцовское проклятие и никогда уже не интересовался, существует ли он на свете, или нет.[9] С каждым годом притворялись окна[10] в его доме,

---

[1] Хозяин послал [2] В владельце стала заметнее обнаруживаться сверкнувшая в волосах его седина, п⟨одруга⟩ [3] Он очень [4] Наконец и последняя [5] представила [6] страсти человеческие [7] каждую минуту [8] *Далее пропуск для одного слова. Вероятно, Гоголь не нашел удовлетворявшего его определения. В следующей рукописи (РЛ) оно имеется:* в этой изношенной развалине. [9] *Далее было:* Да и [сам] в самом деле о нем уже никогда никаких слухов не было. [10] С каждым годом закрывалось более и более окон

наконец, осталось только двое, из которых одно, как уже видел читатель, было заклеено бумагою. С каждым годом уходили из вида его более и более главные части[1] хозяйства, и мелкий взгляд обращался к бумажкам и перышкам, которые он собирал в своей комнате; [и] неуступчивее становился он к покупщикам, которые приезжали забирать у него оптом хозяйственные произведения. Покупщики торговались [с ним], торговались и наконец бросили его вовсе, сказавши, что это бес, а не человек. Сено и хлеб гнили, на скирдах и копнах можно было смело разводить капусту, потому что это был чистый навоз.[2] Мука в подвалах обратилась в камень и ее нужно было рубить; к пеньке, холсту, коврам, сукнам, которыми нагружены были его кладовые, страшно было притронуться: они обращались в пыль. Он уже позабывал сам, сколько у него было чего, и помнил только, в каком месте стоял у него в шкафе графинчик с остатком прошлогодней настойки, которую он наметил небольшим значком, чтобы тотчас можно было узнать, если бы кто вздумал воровским образом выпить; или баночка с каким ‹-то› декоктом, который он иногда пил. В хозяйстве доход собирался попрежнему. Столько же оброку должен был принесть мужик, такое же количество ниток должна была напрясть баба, столько же полотна наткать ткачиха. Всё это помещалось прежним порядком в его кладовые и попрежнему всё это гибло. Всё равно, как бы[3] кто вздумал сыпать деньги в дырявый кошелек или натопить камином комнату. Но старый скряга скорее бы согласился отправиться в петлю, нежели дать что-нибудь из этого своим крестьянам или даже продать за меньшую цену. Александра Степановна как-то приезжала раза два с маленьким сынком, пытаясь, нельзя ли чего-нибудь получить, потому что хотя с штаб-ротмистром можно очень весело прожить первые две недели после брака, но потом уже не так[4] весело, особливо, если у штаб-ротмистра только и всего, что казенное жалованье, хотя

---

[1] мелкие части

[2] *Далее начато:* К холсту, пеньке, коврам и прочему, которыми были

[3] *а.* Всё бы равно; *б.* Всё равно бы как

[4] не так уже

где-то в водевиле и говорится, что русской муж, при том военный, есть клад или что-то другое ([право] уж не помню, что такое) для жены. Плюшкин, однако ж, ее[1] простил и даже дал маленькому внучку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столе, но дочери ничего не дал.[2] В другой раз Александра Степановна приехала уже с двумя малютками и привезла ему кулич к чаю и новый халат, потому что у батюшки был такой халат, на который глядеть было не только совестно, но даже стыдно. Плюшкин приласкал обеих внучков и, посадивши их к себе, одного на одно колено, а другого на другое, покачал их таким образом, как будто бы они ехали на лошадях. Кулич и халат взял, но дочери решительно ничего не дал. С тем и уехала Александра Степановна.

Итак, вот какого рода помещик стоял перед Чичиковым. Должно, однако ж, сказать, что такие кащеи попадаются на Руси довольно редко, и они бывают[3] тем разительнее, что возле них же в соседстве живет как-нибудь гусар-гуляка, который задает в своей деревне каждую неделю балы с музыкою или заводит домашний театр из крепостных актеров и танцовщиц.

Чичиков еще раз остановился, не зная, каким образом лучше приступить и какого рода разговор начать.[4] — «Я приехал», сказал он, минуту подумавши, «с тем, чтобы иметь честь с вами познакомиться лично. Наслышавшись об вашей...» Тут он остановился, не зная, о чем бы лучше сказать наслышался. Он хотел было сказать о вашей добродетели, но чувствовал, что это уже слишком, да и вряд ли было кстати, и потому решился вместо слова: добродетели употребить: экономию. «Наслышавшись об вашей экономии», продолжал он, «я приехал засвидетельствовать вам мое почтение лично».

На это Плюшкин пробормотал что-то сквозь губы, потому что зубов у него не было. Неизвестно, что пробормотал он:

---

[1] дочь [2] но дочери однако ж не дал ничего [3] *а.* и они быв⟨ают⟩; *б.* и существование их; *в.* они представляют [4] *Далее начато:* с этим

но должно думать, что смысл этих несвязных слов был следующий: «Чорт бы побрал тебя с твоим почтением!» Но так как гостеприимство у нас в такой сильной степени, что даже и скряга не в состоянии преступить его законов, то он прибавил тут же гораздо внятнее: «Прошу покорнейше садиться!»

«Я давненько не вижу гостей», продолжал он; «да, признаться сказать, в них мало[1] вижу проку. Уж такой неприличный обычай: ездят друг к другу, а в хозяйстве-то упущения, да, упущения... да, и лошадей-то их корми сеном!.. Я давно уж пообедал,[2] а кухня-то у меня такая, что, как начнешь топить, того и гляди пожару[3] наделаешь».

«Да», подумал про себя Чичиков, «хорошо, что я приехал пообедавши».[4]

«И такой скверный анекдот: что сена хоть бы клок в целом хозяйстве!» продолжал Плюшкин. «Да и в самом деле, как прибережешь его? Землишка-то маленькая, мужик ленив, работать не любит, думает, как бы в кабак. Того смотри, что на старости лет придется взвалить суму на плечи, да и пошел по миру».

«Мне, однако ж, сказывали», произнес Чичиков, «что у вас 800 душ».

«А кто это сказывал? А вы бы, батюшка, наплевали в глаза тому, который это сказывал. Он, пересмешник, хотел пошутить над вами! Вот бают 800 душ, а поди-тка, сосчитай — и пятисот не найдешь. В последние три года[5] проклятая-то горячка переморила у меня большой куш мужиков».

«Что вы говорите!» вскрикнул Чичиков, едва могший скрыть свою радость: «и ‹не› на шутку[6] у вас умерло[7] довольно народу?»

«Да, снесли многих».

«А позвольте узнать, сколько числом?»

«Душ восемьдесят!»

«Нет?»

«Не стану лгать, батюшка».

---

[1] *Далее начато:* то‹лку?› [2] *Далее было:* сегодня [3] гляди, что пожару [4] пообедавши приехал [5] *Далее было:* у меня шибко примёр народ [6] *Далее начато:* таки порядочное [7] *Далее начато: а.* большое число; *б.* мн‹ого›

«Позвольте еще спросить. Ведь эти души, я полагаю, вы считаете со дня подачи последней ревизии?»

«Это бы еще и слава богу!» сказал Плюшкин: «да лих-то, что с того-то времени до 120 наберется».

«Вправду?»

«Стар я, батюшка, чтобы лгать. Седьмой десяток живу».

«Какое, однако ж, беспримерное несчастие!» сказал Чичиков: «Я всем сердцем о вас соболезную».[1]

«Да.[2] Но ведь соболезнования-то в карман не положишь. Возле меня тоже с недавних пор живет какой-то капитан, чорт его знает, откуда он взялся. Называется родственником,[3] а всё родство — на десятом киселе вода. Говорит: «дядюшка, дядюшка»[4] и в руку целует. А как начнет соболезновать — вой такой подымет, что береги уши. И сам с лица такой красный, я думаю, что пеннику-то придерживается. Служил в офицерах; верно, продулся в картишки или театральная комедиантка выманила денежки».

«Мое соболезнование вовсе не такого рода», сказал Чичиков. «Я до такой степени сокрушен душою, видя такого почтенного человека, редкого, можно сказать, гражданина, в такой большой нужде, что готов лучше сам пострадать. Переведите на мое имя всех тех крестьян, которые у вас умерли: я буду за них платить все подати».

Плюшкин вытаращил глаза на Чичикова и не знал, как истолковать себе такое великодушие. «Да вы, батюшка, не служили ли в военной службе?» сказал он, наконец.

«Нет», отвечал Чичиков: «я служил по штатской».

«По штатской...» повторил Плюшкин. «Да ведь как же... ведь это вам-то самим в убыток».

«Для удовольствия вашего я готов потерпеть», отвечал Чичиков.

«Ах, батюшки! ах, благодетель ты мой!» вскрикнул Плюшкин, не замечая от радости, что из носа у него в виде кофия потек табак и что полы его халата раскрывшись показали исподнюю одежду, не весьма приличную для рассматривания

---

[1] *В рукописи:* о вас соболезнование [2] *Далее было:* однако ж
[3] Называет себя моим родственником [4] *Далее было:* Право

даже в новом и[1] крепком виде, а тем более в таком, в каком она находилась у Плюшкина. «Вот утешили старика! Ах, боже ты мой! Ведь это вы мне такое доставили одолжение... Вечно буду вашим богомольцем, батюшка...»

Тут он остановился. Радость, которая на время осенила было его деревянное лицо, исчезла; оно приняло опять заботливое выражение. Он даже утер платком табак и закрыл обеими полами своего халата неприличный спектакль.

«Всё это, однако ж, батюшка», начал он таким образом, «требует-то издержек. Нужно совершить купчую. Приказные такие бессовестные... прежде бывало, дашь полтину меди или мешок муки, а теперь пошлешь на целую подводу круп и овса, да еще и синей бумажкой не отделаешься. Такое сребролюбие! Я не знаю, батюшка, как священники-то наши не обращают на это никакого внимания. Сказал бы проповедь в церкви — может бы покаялись. Ведь что ни говори, а против слова-то божия не устоишь».

«Чтобы доказать вам мое почтение, я беру[2] на себя все издержки по купчей», сказал Чичиков.

Услышавши это, Плюшкин заключил, что гость его решительно глуп, что он только прикидывается, будто служил по штатской службе, но, верно, был в офицерах, задавал пирушки и волочился за комедианткам. При всем том он не мог скрыть своей радости. «Бог вас, батюшка, утешит за это[3] и детушкам вашим пошлет всякое добро», говорил он, не заботясь о том, что у Чичикова их не было: «да чтобы под старость-то вашу были вам в потеху. Ей, Прошка! Прошка!»[4] закричал ‹он› и, подошедши к окну, постучал в стекло пальцами. Чрез минуту было слышно, что кто-то вбежал впопыхах в сени, долго возился там и стучал сапогами. Наконец дверь отворилась и вошел Прошка, мальчик лет 13-ти, в таких больших сапогах, что ступая чуть не вынул из них ноги своей. Отчего у Прошки были такие большие сапоги, читатель узнает это сию минуту. У Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ее в доме, были одни только сапоги, которые должны были всегда находиться в сенях.

---

[1] *Далее начато:* прочно‹м› [2] я плачу, всё [3] *Далее было:* сказал он [4] Ей, Павлушка! Павлу‹шка!›

Всякой призываемый в барские покои обыкновенно отплясывал чрез весь двор босиком; но, входя в сени, надевал сапоги и таким уже образом являлся в комнату. Выходя из комнаты, он оставлял сапоги опять в сенях и отправлялся вновь на собственной подошве. Весьма любопытно было на это глядеть из окна, особенно во время мороза, когда вся дворня делала такие высокие скачки, какие вряд ли когда-нибудь удавалось выделывать самому бойкому балетному танцовщику.

«Вот посмотрите, батюшка, какая рожа!» сказал Плюшкин Чичикову, указывая пальцем на лицо Прошки. «Глуп ведь как дерево, а попробуй что-нибудь положить — мигом украдет.[1] Ну, чего ты пришел, дурак? скажи, чего?» — Здесь Плюшкин сделал паузу, на которую Прошка отвечал тоже молчанием. После этого Плюшкин прибавил: «Поставь самовар, слышь! да вот, возьми ключ да отдай Мавре, чтобы пошла в кладовую... Там на полке есть сухарь от кулича, который привезла Александра Степановна, чтобы подала его к чаю... Постой, куда же ты? Дурачина!.. Эхва, дурачина!.. Э, какой же ты дурачина!.. чего улепетываешь? Бес у тебя в ногах, что ли, чешется? Ты выслушай прежде; сухарь-то, я чай, сверху[-то] немного попортился, так пусть соскоблит его ножом, да не бросает крох, о снесет их в курятник. Да, смотри, не входи-то в кладовую; не то я тебя вспрысну, да и больно вспрысну березовым-то веником, знаешь! чтобы для вкуса-то, чтобы получший-то аппетит был. Вот ты теперь слишком скор[-то] на ноги, так чтобы прыть-то укоротить, чтобы не бегал так шибко. Вот попробуй-ка пойти в кладовую, а я тем временем буду из окна-то глядеть».

«Им никак нельзя доверять», продолжал Плюшкин, обратившись к Чичикову, после того как Прошка[2] убрался из комнаты вместе с своими сапогами. Засим [однако ж] он начал и на Чичикова посматривать подозрительно. Черты такого необыкновенного великодушия ему стали казаться очень сомнительными,[3] и он подумал про себя таким образом:

---

[1] духом украдет [2] *Далее было:* отправился отдавать приказания [3] *Вместо* «Черты ∾ сомнительными»: Ему взбрело на ум, что дело-то в самом деле [слишком] не очень [чистое] ясное! С какой стати этот гость

«Может быть, он, однако ж, только хвастун, как бывают все эти мотишки: наврет, наврет, чтобы только что-нибудь поговорить, а потом и уедет!» И потому из предосторожности и вместе желая несколько испытать его, он обратился к нему с сими словами: «Хорошо, батюшка, если бы нам купчую-то совершить поскорее. Ведь в человеке-то не уверен; бог располагает: сегодня жив, а завтра бог весть».

«О, конечно, гораздо лучше поскорее; если вам угодно, я готов сегодня же».

Такая готовность[1] несколько успокоила Плюшкина. «Здесь у меня где-то была», говорил он, приближаясь к шкапу с ключами, «настоечка из самой лучшей французской водки, если только кто не выпил: у меня народ такие воры. Вот она».

Чичиков увидел в руках его графинчик, который был весь в пыли, как в фуфайке. Старый скряга[2] подошел с этим графинчиком к окну и взял известную уже, полагаю,[3] читателю рюмку, накрытую пакетом письма. Долго выбирал он, куды бы слить[4] бывшую в ней жидкость. В какую[5] фляжку ни заглядывал он, везде[6] была на дне какая-нибудь дрянь, которую жаль было[7] выбросить за окно. Наконец он подошел к бывшей в угле куче и вытащил оттуда какой‹-то› черепок горшка. При этом действии пошел такой запах от старых сапогов и еще чего-то, которого покой Плюшкин нарушил, что Чичиков чихнул. Вытерши черепок, Плюшкин слил туда бывшую в рюмке жидкость. «Это очень хорошая настойка», говорил он: «проклятые мухи только, никак не отдирается. Видно, того... нужно всполоснуть. У меня был еще где-то кусок московской копченой колбасы...» Но Чичиков, догадываясь, какого рода была эта московская колбаса, поспешил [однако ж] заблаговременно отказаться, чем Плюшкин, как казалось, не оскорбился. «А водочки, батюшка, по крайней мере, водочки-то выпейте. Ведь это хорошая,

---

[1] *Далее начато:* со стороны Плюшки‹на› [2] Старый кащей [3] известную, я думаю, уже [4] Долго [Плюшкин] выбирал Плюшкин место, куды бы вылить [5] В которую [6] *Далее начато:* лежала какая [7] которую он жалел

право, еще покойница делала.[1] Мошенница моя ключница совсем было ее забросила и даже не закупорила, каналья. Козявки и всякая дрянь нападала было,[2] но я весь сор-то повынул, и теперь вот чистенькая. Я вам налью рюмочку».

«Нет, покорнейше благодарю! Пожалуста, не беспокойтесь», говорил Чичиков: «Я пил и ел сегодня[3] довольно».

«Пили[4] уж и ели!» сказал Плюшкин. «Да, конечно, хорошего общества человека хоть где, батюшка, можно узнать:[5] хороший человек и не ест, а сыт бывает. А как этакой-то... воришка... так ты его сколько ни корми, а он всё будет голоден. Вот хоть в пример-то взять и капитана, который называет себя моим родственником, а я ему совсем не родственник. «Дайте-ка, дядюшка», говорит, «чего-нибудь поесть». И такой прожорливый: я чай, ему-то у себя совсем нечего есть; в картишки, верно, всё спустил.[6] Да, батюшка, вот какова-то у меня плоха память, ведь вам[-то], я знаю, нужен маленький реестрик этих-то тунеядцев, которые у меня умерли».

«Да, не дурно», сказал Чичиков.

«Как же, я их всех записывал. У меня[7] здесь и записочка...»

Тут он подошел к бюру и показал ту же самую прореху в своем халате пониже спины, которую Чичиков мог рассматривать, сколько душе хотелось. Плюшкин рылся в своих записочках очень долго и, наконец, еще более поворотился к нему спиною,[8] как бы желая скрыть, чем был занят.[9] Чичиков, поднявшись на цыпочки, посмотрел ему через плечо и увидел, что он приписывал свежими чернилами еще несколько имен, которые, вероятно, были им прежде позабыты. «Подавай их сюда!» подумал про себя герой наш.

---

[1] покойница было делала [2] было нападала [3] *Далее начато:* очень [4] *Вместо* «Пили»: Не хотите. Пили [5] человека сейчас можно узнать [6] я думаю, в картишки всё спустил. [7] *Вместо* «У меня»: Они у меня [8] к нему *вписано; до того было написано* к Чичикову *и это осталось незачернутым.* [9] как бы желая от него скрыть то, чем был он в это время занят.

«Вот записочка», сказал Плюшкин, подавая маленькой лоскуточек бумажки, на котором были им уписаны имена 125 ревижских душ так тесно,[1] что едва можно было читать.

«Позвольте, батюшка», сказал Плюшкин: «Ведь вот еще одно обстоятельство, очень, как говорится, щекотливое: ведь я думаю, что купчую-то нужно заявить в городе».

«Да, вам нужно будет приехать[2] на несколь‹ко› часов», сказал Чичиков.

«В том-то и беда. Я, признаться сказать, уж давно не выезжал из дома. В городе-то квартиры так дороги. Да и дом-то как оставить. Хорошо, у вас люди хорошие: а ведь у меня[3] то вор, то мошенник. В день так обберут, что и кафтан[-то] не на чем будет повесить.

«В таком случае, если не хотите сами ехать, кому-нибудь поручите. Дайте мне доверенность, или не имеете ли кого-нибудь из знакомых в городе?»

«Ах, батюшки![4] как не иметь, имею. Ведь знаком сам председатель. Езжал даже в старые годы ко мне. Как не знать! однокорытниками были, вместе по заборам лазили. Как не знакомый. Уж такой знакомый![5] Так не лучше ли будет, как я к нему напишу письмо?»

«И прекрасно», сказал Чичиков.

«Как же хорошо, что вы мне напомнили-то!» сказал Плюшкин. «Как же!.. в школе были приятели». И на этом деревянном лице выразилось[6] не чувство, а какое-то бледное отражение[7] чувства: явление, подобное появлению на поверхности вод утопающего человека, который вынырнул и мелькнул спиною еще один раз, чтобы погрузиться уже навеки.

«У меня где-то была», говорил Плюшкин,[8] приближаясь к бюру и перерывая бумаги: «у меня где-то была четвертка чистой бумаги; люди у меня такие негодные... такие негодные... Да здесь ее нет». — Он вытащил несколько листов чистой бумаги и начал перелистывать и перещупывать каждый лист, желая знать, не запала ли туда каким-нибудь ‹обра-

---

[1] так густо [2] приехать в город [3] а ведь у меня-то, батюшка, [4] Ахти, батюшки [5] Уж так знаком [6] *Вместо* «выразилось» *было начато:* что-то [7] а какая-то бледная тень [8] говорил он

зом?› четвертка. Несколько раз уже хотел он отодрать новый поллист, но никак не мог на это решиться. Наконец начал он кричать громким голосом: «Мавра, Мавра!» На этот зов явилась женщина средних лет с тарелкою в руках, на которой лежал сухарь, о котором читатель уже знает. И между повелителем и его рабою произошел следующий разговор:

«Куда ты дела, разбойница, четвертку бумаги?»

«Ей богу, барин, не видывала, опричь небольшого лоскутка, которым изволили прикрыть рюмку».

«Украла, украла. Вот я по глазам-то твоим ‹вижу?›, что ты ее подтибрила».

«Да на что ж бы я подтибрила? Ведь мне проку с ней никакого: я грамоте не знаю».

«Врешь ты, я тебя знаю. Ты снесла своему пономаренку. Он читает псалтырь и маракает, так ты, верно, ему-то и снесла».

«Да пономаренок, если захочет, достанет себе бумаги. Не видал он вашего лоскутка. У него ее побольше вашего».

«Вот погоди-[то], как придет-то страшный суд, [уж], бог [-то] за всё тебя вспрыснет; да, воровка, больно [тебя] вспрыснет, да в огонь-то тебя засадят! Вот как припекут-то тебя черти, так ты покаешься, железными-то рогатками тебя припекут».

«А что ж, коли я неповинна в этом? Уж скорее в другой какой бабьей слабости,[1] а воровством меня еще никто не попрекал».

«А вот черти-то тебя и припекут. Скажут: «А вот тебе, мошенница, за то, что барина-то обманывала», да горячими-то клещами тебя и припекут».

«А я скажу: не за что, ей богу, не за что — не крала я четвертки».

«А сургуч-то из пакета зачем выдрала?»

«Да печатку, вы изволили сами своими же руками выдрать ее при мне и положили в ящичек-то, что в бюре».

Плюшкин выдвинул ящик, и Чичиков увидел множество лежавших там налепленных сургучом оттисков, которые он

---

[1] *Далее начато:* или

тщательно выдирал из каждого попадавшего ему в руки письменного конверта и складывал в особенную кучку.

«Да вот она лежит[-то] сверху» сказала Мавра: «Всегда [-то] напраслиной попрекаете».

«Ну вот уж и занозилась...[1] экая зубастая! Ей одно только слово скажи, — а она уж и десять. Поди-ка принеси[-ка] огоньку запечатать письмо! да постой, ты, я знаю, дура, схватишь тотчас сальную свечу; сало ведь дело слабое и топкое,[2] сгорит, да больше и ничего нет, только что убыток; а ты принеси мне лучину».

Мавра ушла. Плюшкин решился, наконец, отодрать поллиста бумаги. Когда поллист был отодран, он долго его еще рассматривал, поднося к окошку. Затем вытащил оловянную чернильницу с какою‹-то› заплесневелою жидкостью и множеством мух, обратившихся на дне чернильницы в совершенный «пломбудинг».[3] Сжавши губы накрепко, он начал писать. Ему, однако ж, было весьма трудно управиться с своею рукою, которая дрожала и ходила по бумаге, как ртуть. Он должен был ее беспрестанно придерживать, как доброго жеребца, закусивши [свою] губу губою же вместо зубов. Усмиривши немного прыть ее, он пошел писать шрифтом, более похожим на музыкальные ноты, нежели на буквы.

«Может быть, вы», сказал Плюшкин, когда довел, наконец, дело до конца: «знаете какого-нибудь своего приятеля, которому бы понадобились беглые души? У меня еще с восемьсотого года числятся в бегах. Правда, что когда зять делал выправку, оказалась большая часть умершею, а о других-то и слуха не было, но ведь он человек военный, мастер только рассказывать да притопывать шпорой, а если бы похлопотать по судам... Я, по бедности своей, не имею оказии, а на охотника так это и очень было бы заманчиво».

«Так у вас и беглые...» сказал Чичиков с участием и подвигая свой стул ближе к Плюшкину: «А сколько будет числом[4] таковых крестьян?»

---

[1] Ну, вот уж и того... [2] дело-то мягкое, топкое [3] *Далее начато:* Весьма тру‹дно?› [4] А сколько числом будет

«Тоже десятков до семи[1] наберется. .

«Нет?»

«Ей богу. У меня что год, то бегут несколько семей. Народ-то, знаете, негодный, да[и] к тому ж от праздности привычку-то завел такую,[2] чтобы только трескать[3] да трескать. А у меня-то есть, конечно, нечего: я и сам[-то] человек бедный... да, так вот он теперь гуляет по свету. Я бы за них и недорого взял: если бы кто дал за всех триста рублей, я бы с удовольствием ему уступил. А для доброго человека был бы и очень наживной-то кусочек. Отыщись [хоть] только десять душ, так вот уж у него в кармане почти[4] не пять тысяч. Потому что ведь теперь если покупать ревижскую душу, никак не заплотишь[5] менее пятка или четырех сотней. Так посоветуйте-то вашему приятелю, а?»

«Этим мы воспользуемся и сами», подумал про себя Чичиков, и потом сказал громко. «Я должен вам сказать,[6] что это будет совершенно напрасный труд,[7] потому что вряд ли где найдется такой человек, который бы решился взять даже даром ваши души, ибо одни издержки уже стоят более, нежели сами души. Но если бы[8] эти крестьяне, о которых вы изволили упомянуть, все находились[бы] в живых, и если бы даже отыскивание их не было сопряжено[9] ни с какими затруднениями, то и тогда никто бы[10] их у вас не купил, ибо известно, что такое беглый человек: какой прок с него! только разве что пьяница. Его поймают с великими издержками, а он на другой день опять дернет в поле. Если бы я был сколько-нибудь богат, я бы их купил, и то[11] с тем только, чтобы доказать вам мое почтение. Но, что ж, если я и могу что-нибудь дать, то это такая безделица, что не стоит и говорить».[12]

---

[1] Тоже душ до семи десятков [2] *Далее было:* что мерзкую [3] *только есть* [4] в кармане чуть [5] никак не *дашь* [6] *Вместо* «Этим ∾ сказать»: «Я должен вам сказать», произнес Чичиков [7] *Далее было начато:* Вряд ли где [8] *Далее начато:* они д [9] было не сопряжено [10] и тогда бы никто [11] *Далее начато:* для [12] что нечего и говорить».

«А сколько бы вы дали за них?» спросил Плюшкин, устремив на него пристально свои тускло-желтоватые глаза.

«Ну мне, признаюсь, совестно и говорить: это такая малость... впрочем, чем богат, тем и рад, говорит пословица. Я бы дал по тридцати копеек на душу».

«А как вы покупаете — на чистые?» спросил Плюшкин.

«Да, сейчас деньги».

«Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уж дали-бы хоть по тридцати пяти на душу, право, ведь это вам-то небольшой счет составит».

«Поверьте, почтеннейший, что если бы я был богат, я бы вам не только по пятисот на душу, по семи сот готов... что я говорю: по семи сот? по тысяче, не колеблясь ни мало, заплатил бы.[1] Вы бы сказали мне: я меньше[2] не могу взять за душу, как по пятисот, а я бы сказал:[3] нет, извольте тысячу, хотя эти души и не стоят;[4] но для того, чтобы вам доказать мое расположение, я готов; готов потерпеть, но доставить вам удовольствие, и тут же,[5] не сходя с места, вынул бы из кармана деньги и дал бы вам по тысяче и еще даже[6] бумажками. Но что ж делать, не могу, не имею достатков».

«Ну, батюшка, хоть по две копеечки-то прибавьте. Ведь это вам всего на всего, может быть, придется рубль с пятиалтынным».

«По две копеечки, извольте, готов», сказал Чичиков. «Сколько их у вас? Вы сказали, кажется, семьдесят?»

«Нет, батюшка, семьдесят пять», сказал Плюшкин.

«Да, или семьдесят пять. Тридцать два раза 75 это будет... это будет 22 рубли. Да, так и выходит: я вам дам[7] пятнадцать рублей бумажками, а семь серебром».

Плюшкин взял счеты и поверил сначала один раз, а потом и другой, а после того[8] еще долго поверял губами. «Так, батюшка, так. Только дайте уж бумажек на все двадцать, с меня-то все требуют бумажками».

---

[1] заплатил бы вам [2] мне, что я меньше [3] *Далее начато*: хотя [4] *Далее было*: по пяти сот [5] *Далее начато*: готов [6] и всё даже [7] *Вместо* «Да, так ∾ дам»: Я вам как раз так и дам [8] а после этого

«Извольте, извольте», говорил Чичиков: ‹Вам я всегда готов служить всем, чем могу».[1] Он вынул из кармана бумажник и дал Плюшкину две красные ассигнации и полтинник, которые ‹Плюшкин› взял в обе горсти[2] и нес их так же[3] осторожно, как человек благочестивый несет просвиру. Подошедши к бюру, он переглядел их еще раз и уложил тоже с чрезвычайною осторожностью[4] в один из ящиков его бюра, где, верно, им суждено быть погребенными до тех пор, покамест отец Карп и отец Поликарп,[5] два священника той деревни,[6] не погребут его самого,[7] к неописанной радости зятя[8] и дочери, а может быть, отчасти и [того] капитана, который приписывался к нему в родственники. Спрятавши деньги, Плюшкин сел в кресло и уже, казалось, больше не мог найти[9] материи, о чем говорить.

«А что, вы собираетесь ехать?» сказал он, заметив небольшое движение, которое сделал Чичиков для ‹того› только, чтобы достать из кармана платок и высморкаться.

Этот вопрос напомнил Чичикову, что, в самом деле, ему незачем было долее оставаться. «Да, мне [уже] пора», произнес он, взявшись за шляпу.

«А чайку-то?»

«Покорнейше благодарю. Пусть когда-нибудь в другой раз».

«Как же! А я приказал-то наставить самовар. Я, признаться сказать, сам[-то] не пью чаю. Напиток[-то, знаете,] дорогой, а цена на сахар поднялась немилосердная.[10] Эй, Прошка! не нужно самовара! сухарь отнеси Мавре, слышь, пусть опять его положит на то же место. Или нет, подай его сюда: я ужо отнесу сам. Прощайте, батюшка. Да

---

[1] *Далее начато*: Вот [2] *Вместо* «которые ∾ горсти»: который взял обеими руками [3] *а.* нес их так же; *б.* нес их держа; *в. Как в тексте.* [4] уложил тоже с такою предосторожностью, как укладывают слишком спелый персик [5] *а.* до тех пор покамест; *б.* до самого погребения; *в.* до тех пор, покамест отец к неописанной радости наследников [6] два деревенские священника [7] не погребут самого хозяина [8] его зятя [9] больше не находил [10] *Вместо* «Напиток ∾ немилосердная»: Куда мне употреблять такой дорогой напиток! и цена-то на сахар поднялась такая немилосердная.

благословит вас бог, а письмо-то к председателю вы отдайте, да пусть прочтет, он мой старый знакомый. Ведь мы с ним однокорытники были, по заборам лазили... Прощайте, батюшка! Век не забуду вашей услуги: порадовали старика».

Он проводил Чичикова на крыльцо и проводил глазами его экипаж за ворота. После чего велел ворота тот же час запереть. Потом обошел кладовые, с тем чтобы осмотреть, на своих ли местах сторожа, которые стояли на всех углах, хлопая[1] деревянными лопатками в пустой боченок, вместо чугунной доски,[2] после того заглянул в кухню, где под видом того, чтобы попробовать, хорошо ли едят его люди, наелся препорядочно щей с кашею и, выбранивши всех до последнего[3] за воровство и дурное поведение, возвратился в свою комнату. Здесь, оставшись один, он даже подумал о том, как бы [вознаградить] и чем бы возблагодарить гостя за такое, в самом деле, беспримерное великодушие. «Я ему подарю», подумал он про себя, «карманные часы. Они ведь хорошие, серебряные [часы], а не какие-нибудь томбаковые или бронзовые. Правда, [они] немножко[-то] попорчены и без стекла, но он ужо их себе поправит. Он человек еще молодой, так ему нужны карманные часы, чтобы понравиться своей невесте. Или нет», прибавил он после некоторого размышления, «лучше я оставлю их ему после моей смерти, в духовной-то, чтобы вспоминал обо мне».

Но герой наш и без часов был[4] в самом веселом расположении. Покупка ему казалась так выгодною, что он чуть не смеялся, хотя перед ним были только поля да дорога, в которых, как известно, ничего нет смешного.[5] Даже [самое] неприятное свидание с Ноздревым и отчасти жидовский поступок Собакевича вышли у него из памяти. Он всю почти дорогу свистал и наигрывал губами совершенно так, как будто бы играл на трубе. Наконец затянул какую-то песню, до такой степени необыкновенную, что сам Селифан

---

[1] углах и били [2] вместо чугунной доски в пустой боченок [3] всех до одного [4] *а.* был; *б.* возвращался [5] Покупка ему казалась очень выгодною, и он ехал глядя на весь мир весьма довольными глазами

слушал, слушал и, наконец, сказал сам в себе, покрутивши слегка головою: «Ишь ты, как барин поет!» Были уже густые сумерки, когда они подъехали к городу. Пестрый шлагбаум принял какой-то неопределенный цвет. Усы у стоявшего на часах солдата казались на лбу гораздо выше глаз, а носа как будто вовсе не было. Гром и прыжки дали Чичикову заметить, что он взъехал на мостовую. Фонари еще не зажигались, только кое-где начинались освещаться окна домов, а в переулках и закоулках происходили сцены и разговоры, неразлучные с этим временем во всех [значительных] городах, [особенно] где много[1] солдат, извозчиков, работников и особенного рода существ в виде дам в красных платках и башмаках без чулков, которые как летучие мыши шныряют по перекресткам. Чичикову было не до того, чтобы рассматривать эти группы. Он даже не замечал по временам попадавшихся тонких чиновников с тросточками, которые, вероятно, сделавши прогулку за городом, возвращались домой к своим хозяйкам, у которых имели квартиру со столом. Изредка только доходили до слуха какие-то, как казалось, женские восклицания: «Врешь, пьяница, я никогда не позволила ему такого грубиянства», или: «Ты не дерись, невежа, а ступай в часть, там я тебе докажу». — Впрочем, такие слова можно слышать и в столицах, [особливо] когда доведет случай проходить мимо мест,[2] в соседстве которых есть близко кабак.

Наконец, бричка, сделавши порядочный скачок, опустилась, как будто в яму, в ворота гостиницы, и трактирный слуга, [со свечой] тот самый, которого читатель видел в первой главе, вышел навстречу со свечой в руке и начал изъявлять свою радость частыми поклонами.

«Долго изволили погулять», сказал он, подсаживая его одною рукою под руку на лестницу, а другою освещая дорогу.

«Да», сказал Чичиков, когда взошел на лестницу. «Ну, а ты здоров?»

«Слава богу-с», отвечал половой, поклонившись за это шесть раз.[3]

---

[1] где больше [2] мимо таких мест [3] отвечал половой, отсчитавши за это чуть не пятнадцать поклонов разом.

«Ну, всё ли у вас благополучно?»

«Всё, слава богу. Вчера приехали два приезжие. Один поручик [из Ярославля] занял шестнадцатый номер...»

«Хорошо».

«Неизвестно какой-то из Рязани. Лошади гнедые и на кучере бобровая шапка».

«Хорошо, хорошо, веди себя и впредь хорошо», сказал Чичиков, вошедши в свой номер и кинувшись в кресла, которые так были устроены, что давали себя чувствовать решительно всем частям тела. Но герой наш так устал после своей поездки и такую чувствовал наклонность к дремоте, что если бы даже кто-нибудь подложил под него [несколько] железных гвоздей, он бы и тогда не решился встать с кресел.[1] Потребовавши себе самый легкой ужин, состоявший только из солонины и поросенка, он тот же час разделся и заснул таким же крепким сном, как спят все те[2] господа, которые не имеют ни гемороид, ни блох, ни [даже] слишком больших умственных способностей.

ГЛАВА VIII

Каким образом, известно одному богу, но только все до последнего в городе узнали, что Чичиков накупил кучу имений. В городе М., как и вообще в наших городах, не было ни клубов, ни кафе. Эту должность занимали или присутственные места, куда председатель иногда приказывал принести закуску из селедки, икры и бутылки вина и где, между прочим, было страшное множество блох; или почта, куда наведывались за деньгами и посылками, а чаще потому, что почтмейстер был словоохотлив и умел с таким искусством распространиться даже о том, как лечил себя от жабы сушеной фигой, что нельзя было его наслушаться; или, наконец, в воскресные дни соборная церковь, где богомольные супруги городских сановников любили подымать между собою страшный говор, приводивший в совершенное отчаяние дьячка, который, будучи человек чахоточный, к вели-

---

[1] *Далее начато:* Он пот<ребовал> [2] *Далее начато:* счас<тливые>

чайшему горю, осужден был[1] видеть ничтожность своих легких заглушить шопот их высокоблагородий. Предмет всех этих разговоров были сделанные героем нашим закупки. «Вот славное дело иметь денежки. Что захотел, то и есть», говорили такие, которые не были горазды сказать ничего другого. Другие говорили, что предприятие неверное, что покупать крестьян на вывод есть рыск, одно уже переселение влечет неминуемые издержки, ибо много значит перемена места, климата, привычек, что здоровье крестьян должно неминуемо подвергнуться опасности, ибо в губерниях южных водятся такие ужасные лихорадки, которые делаются совершенно неизлечимыми. На это председатель заметил, что русскому человеку подобное обстоятельство решительно ничего не значит, что, пошли его хоть в Камчатку, да дай только теплые рукавицы, он раза два-три ими похлопает, потом топор в руки и начнет ладить избу так, как бы и здесь. Другие [же] возразили и на это, и весьма дельно, сопровождая свое возражение желанием ухватить за пуговицу фрака или за петлю, что и доныне еще делается в некоторых губерниях: «Мужик-то, Иван Гаврилович! Мужик-то больно не надежен», говорили они. «Ведь за каждым из них водится какое-нибудь художество: то вор, то праздношатайка». — «Но, позвольте вам доложить», прибавлял другой: «губернии-то южные ведь будут получше северных. Ведь зерно-то сам десят, а мужику и трудиться нечего». Наконец, четвертые говорили просто: «Эк, Павел Иванович-то наш каков! Куш-то, куш какой сторговал!» Одно только было то, насчет чего говорили все согласно: т. е. что[2] Чичиков был ничуть не меньше, как *миллионщик*. Уважение к нашему другу возросло до нельзя. Встречаясь с ним, иначе и не говорили, как только: «Батюшка Павел Иванович, сколько лет, сколько зим мы с вами не видались», позабыв,[3] что накануне просидели до петухов за вистом. На улице, в которой он жил, начали беспрестанно попадаться квартальные благородной наружности и каждый день заставляли подметать под его

---

[1] *Вместо* «который будучи ∾ осужден был»: ибо дьячок был человек чахоточный и, к величайшему горю, должен б⟨ыл⟩ [2] это что. [3] *Вместо* «позабыв»: несмотря на то

окнами[1] пыль, так что герой наш даже кашлял от их услуг. Он такую приобрел с этих пор народность, что иначе и не называли его, как Павлом Ивановичем, как будто фамилии у него вовсе не было. И часто жандарм при разъезде,[2] провозгласивши...[3]

своим подбородком, который был совершенно круглый. Он говорил часто своим приятелям и знакомым: «Вот посмотрите, какой у меня подбородок, совсем круглый, как будто яблоко».[4] Скоро после бритья он имел также обыкновение гладить себя рукою по щеке, любуясь ее гладкостью и мягкостью. Мысль о том, что он сделал эти победы своею красотою, ему была не неприятна,[5] хотя он и находился в чрезвычайном беспокойстве от [всех этих] преследований, и потому очень естественно, что он, наконец, обратился совершенно[6] к туалету — как бы показаться более интересным на вечеринке. — Много поэтов, широких кистью, глубоких и великих, занимались описанием убранства и костюма своих героев. В старину Гомер, позже Сервантес, Вальтер-Скотт и Пушкин любили живописать туалеты. Очень знаю, что читателю хотелось бы страшно видеть, как Чичиков наденет фрак брусничного цвета с искрой и станет умываться. Но просто не хочу говорить об этом. Я теперь решительно без всяких чинов и церемоний. Было время, когда и я старался[7] угадывать желания тех, с которыми[8] мы привыкли быть до приторности учтивыми. А теперь, как унесло меня море из нашей просторной империи, всё благоговение, которое питалось в душе к разным правителям канцелярий и многим другим достойным людям,[9] испарилось совершенно. Теперь и кланяться не умею. [Я состарелся,] Нет той гибкости в костях, которую сохраняют в своем хребте до глубокой старости многие дельные и деловые люди. Я упрям, не хочу видеть тех физиогномий, которые мне

---

[1] под их окнами [2] Жандарм проезжая [3] *Конец страницы. Дальше обрыв текста.* [4] яблоки [5] ему была приятна, несмотря на всю [его] скуку этих преследований [6] что помышления его наконец обратились совершенно [7] и я, несмотря на неповоротливость, глядел в глаза и старался [8] перед которыми [9] *Вместо:* «правителям канцелярий ∾ людям»: правителям канцелярий и министрам

не нравятся.[1] Кому не говорю дружеского *ты*, тот не подходи ко мне! По этому самому читающий меня не должен обижаться, если я с ним запросто и скажу ему[2] *ты*. Первый приятель автора есть его читатель. Словом *вы* называют всех [подлецов], отправляют ли они должность низких доносчиков, или уже выбрались в люди и начинают даже производить [подлый] род свой от древних фамилий, — их всех называют *вы*. Но если рассмотреть это *вы* в микроскоп, то можно видеть, что это *вы* есть не что другое, как чистая оплеуха. Итак, будь лучше *ты*, нежели *вы*, веселый и прямодушный читатель мой. Я с тобою совершенно без чинов, и вместо того, чтобы рассказывать, как герой наш одевался, беру тебя за руку и веду прямо на бал к губернатору. Хотя, может быть, тебе и некогда, и давно уже пора итти в департамент, или ждут тебя на разводе, и бригадный командир распекает тебя заочно, или, может быть, любезный друг, ты и сам уже бригадный командир, завелся брюхом, величиною в самовар, в котором варят кадетам чай, и готовишься покрикивать перед фронтом так, что будут дребезжать окна на площади. Несмотря на всё это, беру тебя за руку и веду на бал. Что ж делать? Таковы преимущества автора. Конечно, тебя немножко пораспекут. Но автору всегда лестная честь, когда за него кого-нибудь пощелкают.

Очень хорошие бывают иногда ридикули у купчих, у многих помещиц,[3] живущих в разных уездах и губерниях. Они сшиваются из лоскутиков в виде треугольников. Купчиха шьет их из всех возможных ситцев,[4] какие только были проданы в лавке мужа купчихи. Помещица же достает у своих приятельниц и берет[5] с них заранее обещание прислать,

---

[1] *а.* физиогномий, на которые нужно плевать, несмотря на все их декорации, как бы они ловко ни шаркали ногою; *б.* физиогномий, при которых приходит мысль о плевательнице [2] ему даже [3] *а.* Очень хорошие бывали когда-то ридикули у купчих, и теперь даже бывают у многих помещиц тоже; *б.* Очень хорошие ∾ у купчих. Весьма недурные [еще] [тоже] и у многих помещиц [4] *Вместо*: «в виде ∾ ситцев»: в виде треугольников из всех возможных ситцев, [5] Помещицы ж достают у своих приятельниц и берут

когда те будут делать себе новое платье, лоскутик ситца. Из этих лоскутиков строится ридикуль. А на этот ридикуль был похож бал, особенно при первом на него взгляде. Рассматривать в первые полчаса появляющиеся на бале лица так же приятно, как перевертывать листки альбома: на каждой странице разнообразие. И в самом деле,[1] каких нет лиц на свете. Что ни рожа, то уж, верно, на другую не похожа. У того исправляет должность командира[2] нос, у другого губы, у третьего щеки, распространившие свои владения даже на счет глаз, ушей и самого даже носа, который через то кажется не больше жилетной пуговицы; у этого подбородок такой длинный, что он ежеминутно должен закрывать его платком, чтобы не оплевать. А сколько есть таких, которые похожи совсем не на людей. Этот — совершенная собака[3] во фраке, так что дивишься, зачем он носит в руке палку; кажется, что первый встречный выхва‹тит›

---

[1] *Вместо* «Рассматривать ∾ деле»: Не любил вообще никаких балов ни теперь, ни прежде этот автор, который пишет эти строки. Но рассматривать в первые полчаса [приезжа‹я›] новые лица — это всегда доставляло приятное занятие. Гораздо даже приятнее, чем перевертывать листки альбома. И в самом деле [2] играет роль ко‹мандира?› [3] *Вместо* «А сколько ∾ собака»: Этот весь похож на собаку

‹ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ›

Пока[1] приезжий господин осматривал свою комнату, внесены были его пожитки. [Большой] Чемодан из белой кожи несколько потемневший, который тащили[2] вдвоем кучер его Селифан, низенький, дюжий человек в тулупе и лакей Петрушка, малый лет тридцати, чрезвычайно[3] сурьезный в широком коричневом сертуке, как видно с барского плеча,[4] малый лет тридцати, очень сурьезный, с крупными губами и носом... После чемодана внесен был небольшой ларчик, портфель зеленого сафьяна, сапожные колодки и завернутая в синюю [сахарную] бумагу жареная курица. — Когда всё это было внесено и кучер Селифан принялся возиться около лошадей и в конюшне, а лакей Петрушка стал устроиваться в маленькой передней [очень] [совершенно] темной конурке, куды уже успел принести свою [душистую] шинель, которая имела свой особенный запах [узелок] и мешок с туалетом [который он] имевший тот же самый запах так что всякой нашедший без сомнения [сейчас бы его] доставил бы ему в собственные руки. Тут же он приладил трехногую кровать ‹с› тонким как лепешка и вовсе не эластичным ‹тюфяком?› А приезжий господин приказал проводить себя в общую[5]

---

[1] Между тем как [2] *Далее было*: кучер Сели‹фан› [3] Петрушка человек отчасти [4] *Далее было*: *а.* и с несколько крупными чертами лица, особенно губами и носом; *б.* с ‹*1 нрзб.*› несколько крупными [5] *Весь этот отрывок, относящийся к первой главе, написан на отдельном листке, вклеенном в начале рукописи.*

Вошедши Чичиков зажмурил глаза. Потому что блеск от свечей, ламп и дамских платьев был страшный, всё пахнуло, сверкало [и] блистало и тонуло в свете. Черные фраки [носи‹лись›] мелькали и носились там и там как мухи на белом [све‹ркающем›] сияющем рафинаде [в жаркое] порою жаркого июльского лета, когда [рубит] старая ключница в доме колет и рубит его на сверкающие обломки перед открытым окном; дети все столпились вокруг ее, внимательно[1] следят всякое движение загорелых темных‹?› рук ее, подымающих молоток, [глотая между тем слюнки,] а воздушные эскадроны мух [пользуясь подслеповатостью], поднятые легким воздухом, влетают смело как полные хозяева и пользуясь подслеповатостью и старухи и солнцем бьющим‹?› ее [прямо] жмурить глаза, обсыпают лакомые куски [то густою столпившеюся кучею] в одних местах, где в разбитную, где совершенно густою черною [кучей], в других в рассыпку и не столько для того, чтобы [поесть] наесться, но насыщенные богатым летом, и без того на всяком шагу представляющим им лакомые блюда, как чтобы показать себя, пройти взад и вперед по сахарной куче, потереть одну о другую тонкие‹?› задние или передние лапки, а иногда ими обеими повернуться и опять улететь и опять прилететь с новым докучливым эскадроном[2]

‹весе›лыми разговорами расположил к себе почти всех и оставил весьма приятное впечатление в сановниках города.

На другой день Чичиков отправился на обед и вечер к полицмейстеру, где с трех часов после обеда засели в вист и играли до двух часов ночи. Там между прочим он[3] познакомился с помещиком Ноздревым, человеком лет тридцати, разбитным малым, который ему после трех или четырех слов начал говорить: ты. С полицмейстером и прокурором Ноздрев тоже был на ты и обращался по-дружески, но когда сели играть в большую игру, полицмейстер и прокурор чрезвычайно внимательно рассматривали его взятки

---

[1] Дети вкруг внимательно [2] *Отрывок этот, относящийся к первой главе, также написан на отдельном листке, вшитом в начале рукописи.* [3] *Вместо* «он»: Чичиков

и следили почти за всякою картою,[1] с которой он ходил. На другой день Чичиков провел вечер у председателя палаты, который принимал гостей своих в халате несколько замасленном, и в том числе двух каких-то дам.[2] Потом был на вечере у вице-губернатора, на большом обеде у откупщика, на небольшом обеде у прокурора, который впрочем стоил большого, на закуске после обедни, данной городским главою, которая тоже стоила обеда. Словом ни одного часу не приходилось ему оставаться дома и в гостиницу приезжал он с тем только, чтобы засыпать.[3] Приезжий во всем как-то умел найтиться и показал в себе опытного и светского человека. О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его: шла ли речь о лошадином заводе — он говорил и о лошадином заводе; говорили ли о хороших собаках, — и здесь он сообщал очень дельные замечания; трактовали ли касательно следствия, произведенного казенною палатою, — он показал, что ему не безъизвестны и судейские проделки. Было ли рассуждение о биллиартной игре — и в биллиартной игре не давал он промаха; говорили ли о добродетели — и об добродетели рассуждал он очень хорошо, даже со слезами на глазах; об выделке горячего вина — и в горячем вине знал он прок; о таможенных надсмотрщиках и чиновниках[4] — и о них он судил так, как будто бы сам был и чиновником и надсмотрщиком.[5] Но[6] замечательнее, что он умел всё это облекать какою-то солидностью, умел хорошо держать себя. Говорил ни громко, ни тихо и совершенно так, как следует. Словом куды ни повороти, был очень порядочный человек. Все чиновники города были довольны приездом нового лица. Губернатор о нем изъяснился, что он

---

[1] *Вместо* «следили ∾ картою»: приглядывались к колоде карт [2] *Далее было:* одну в сателетюрковом, а другую в ситцевом платье [3] *Вместо* «на большом обеде у откупщика ∾ засыпать»: у прокурора и еще у кого-то, так что решительно ни одного часу не сидел он дома, и приезжал в гостиницу только заснуть. [4] *Вместо* «о таможенных ∾ чиновниках»: шло ли дело о винных объезчиках и таможенных надсмотрщиках [5] *Вместо* «и чиновником и надсмотрщиком»: и надсмотрщиком и объезчиком вместе. [6] *Далее было:* что

благонамеренный человек; прокурор, что он очень дельный человек, жандармский полковник[1] говорил, что он ученый человек; председатель палаты, что он знающий и почтенный человек; полицмейстер, что он почтенный и любезный человек; жена полицмейстера, что он любезнейший и обходительнейший человек. Даже сам Собакевич, который редко отзывался о ком-нибудь с хорошей стороны, приехавши довольно поздно из города и уже совершенно раздевшись и легши на кровать возле худощавой жены своей, сказал ей: «Я, душенька, был у губернатора на вечере и у полицмейстера обедал и познакомился с надворным советником Павлом Ивановичем Чичиковым; преприятный человек!», на что супруга сказала: «Гм» и толкнула его ногою.

Такое мнение, весьма лестное для гостя, составилось о нем в городе, и оно держалось до тех пор, покамест одно странное свойство гостя и предприятие, или как говорят в провинциях пассаж, о котором читатель скоро узнает, не привело в совершенное недоумение почти весь город.

ГЛАВА II

Уже более недели приезжий господин жил в городе, разъезжая по вечеринкам и обедам и таким образом проводя, как говорится, очень приятно время. Наконец он решился перенести свои визиты за город и навестить помещиков Манилова и Собакевича, которым дал слово. Может быть к сему побудила его и другая, более существенная причина, дело более сурьезное, такое, которое было несравненно ближе к его сердцу... Но обо всем этом читатель узнает постепенно и в свое время, если только будет иметь терпение прочесть предлагаемую повесть, очень длинную и раздвинущуюся[2] потом шире и просторнее по мере приближения к концу, венчающему дело.

Кучеру Селифану отдано было приказание с раннего утра заложить лошадей в известную бричку; Петрушке же

---

[1] *Далее было*: который проживал единственно из удовольствия в этом городе, [2] *Так в подлиннике.*

Глава II

Уже более недели прежний господин жил в городе, разъезжал по вечерам
ходил и обедал у знакомых обычной чрезвычайно, как говорится, очень
приятно время. Наконец он решился перенести свои вещи за город
и навестить помещиков Манилова и Собакевича, которым дал
слово. Может быть к сему побудила его и другая более существенная
причина, но была сурьезная, такая которой было бы стыдно и его сердцу
Но обо всем этом читатель узнает постепенно и в свое время:
если только будет нам терпение прочесть предлагаемую повесть
длинную и разовинувшуюся. Это тоже широко и пространно полагают
приближение к концу вызывающему зрелищу —
Кучер, Селифан, отдано было приказание с раннего утра заложить
лошадей в известную бричку; Петрушке же приказано
было оставаться дома и смотреть за комнатой и домашним
Для читателя будет лишнее познакомить с этими двумя
лицами, с которыми с самого начала нашего рассказа
лица и такие (замечание и то что начинает второе)
не сами дальнейшие лица, лавка, ходы и прочие
нашего романа, не утверждаем и равны кой-где хаотичны и
речью заменяют их. Но автор любит привычайно быть обстоятельным
он любит чтобы читатель его понял и в этом отношении
несмотря на то что сам человек русский он хочет быть аккуратен
хах. Кажется. Это дает прочим не много времени и места
но немного! остается прибавить к тому что уже читатель знает
то есть что Петрушка ходил в широкой коричневой куртке
с барского плеча и имел из одного лица своего два крупных подбородка
Характера он был больше молчаливого чем разговорчивого
любил даже благородное подражание к просвещению чтению
книг которых содержанием он впрочем мало затруднялся
ему было совершенно все равно: Похождение ли это какого нибудь вымышленного
героя, описанное на изящном или просто букварь он все читал
равным вниманием. Если бы ему подвернулся Лифлянд и этот не мог
отказался. Ему нравилось не что очень читать он по больше сапоги чтение
или лучше нравился самый процесс чтения что вот де из буквы выходит такой
нибудь слово которое иной раз горит знает что и значит. Это чтение

Начало второй главы. Автограф второй редакции.

Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

приказано было оставаться дома смотреть за комнатой и чемоданом. Для читателя будет не лишне познакомиться с этими двумя крепостными человеками нашего героя. Хотя конечно они лица не так заметные и то, что называют [лица] второстепенные, если даже ‹не› третьестепенные, хотя главные ходы и пружины нашего романа на них не утверждены и разве кое-где касаются и легко зацепляют их — но автор любит чрезвычайно быть обстояте‹льным› во всем, что ни есть в его поэме, и в этом отношении, несмотря на то, что сам человек русской, [но] он хочет быть аккуратен, как немец. Это займет [*однако ж*] *впрочем немного* времени и места, ибо немного останется прибавить к тому, что уже читатель знает, то есть что Петрушка ходил в несколько широком коричневом сертуке с барского плеча и имел по обычаю людей своего звания крупный нос и губы. Характера он был больше молчаливого, чем разговорчивого, имел даже благородное побуждение к просвещению, т. е. чтению книг,[1] содержанием которых он впрочем вовсе не затруднялся. Ему было совершенно все равно: похождение ли это какого-нибудь влюбленного героя, [описание ил‹и›] молитвенник, или просто букварь — он всё читал с равным вниманьем. Если бы ему подвернули химию, он и от нее бы не отказался. Ему нравилось не то, [что он] о чем читал он, но больше самое чтение, или лучше процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз чорт знает что и значит. Это чтение совершалось более в лежачем положении в передней на кровати и на тюфяке, сделавшемся от этого убитым, тонким,[2] как лепешка. [И потому] И так, оставаться где-нибудь одному ему вовсе не было скучно, напротив, даже поучительно. Кроме страсти к чтению он имел еще два обыкновения, составлявшие две другие его характеристические черты: спать всегда не раздеваясь, так, как есть, в том же сертуке и носить всегда с собою какой-то свой особенный воздух особенного запаха, отзывавшегося несколько жилым покоем; так что достаточно было

---

[1] *Далее начато*: которых впрочем содержание он

[2] тоненьким

ему только пристроить свою кровать где-нибудь, хоть в необитаемой дотоле комнате, да перетащить туда свою шинель и пожитки, и уже казалось в этой комнате лет десять жили люди. Чичиков, будучи человек весьма деликатный, иной раз поутру на свежий нос потянувши к себе воздух, только поморщивался да встряхивал головою и произносил: «Ты, брат, чорт тебя знает, потеешь что ли. Сходил бы ты хоть в баню». На что Петрушка ничего не отвечал, а старался заняться тут же каким-нибудь делом: или подходил с щеткой к висевшему барскому фраку, или просто прибирал что-нибудь в комнате. Может быть он что-нибудь и думал в это время, когда молчал, может быть он говорил про себя: «и ты, однако ж, хорош: не надоело же тебе сорок раз повторять одно и то же». Бог знает, трудно знать, что думает дворовый крепостной человек в то время, когда барин дает ему наставление. Итак, вот что на первый раз можно сказать о Петрушке. Кучер Селифан, напротив... Но, признаться, автор очень совестится[1] занимать так долго крепостными людьми: лучше[2] Селифана оставить на после. У нас[3] читатели очень неохотно знакомятся с низшими сословиями. Да и вообще у русского человека неодолимая[4] страсть: познакомиться с человеком, который бы хоть одним чином был его повыше, а уж никак не ниже. И приведи только ему судьба столкнуться[5] где-нибудь ‹с› графом или князем, и говорить нечего, там просто рай. По этой-то самой причине автор очень опасается за своего героя, который только надворный советник. Конечно, колежские асессоры еще может быть решатся познакомиться с ним. Но те, которые подбираются к чинам генеральским,[6] те, бог весть, может быть даже бросят один из тех презрительных взглядов, которые бросаются гордо человеком на всё, что

---

[1] Но [лучше остави‹м›] признаюсь мне уж и совестно [2] *Далее было*: уже [3] *Далее начато*: вообще к [4] такая [5] *Далее начато:* где-нибудь с генералом, он уж сам не свой, радость такая; он приедет домой в духе удивительном — будет и развязней и молодцеватей, как-то свободнее станет размахивать руками при жене и детях любезничает‹?› ‹*нрзб.*› внутреннего удовольствия. А уж о знакомстве с какими графами и князьями [6] *Далее было:* а может быть состоят уже в чинах.

ни пресмыкается у него[1] под ногами, а может быть еще хуже, может быть пройдут убийственным для автора невниманьем. Как бы то ни было, но мы однако ж возвратимся к герою. Итак, отдавши нужные приказания еще с вечера и проснувшись поутру очень рано, вымывшись, вытершись с ног до головы мокрою губкою, что делал он всегда по воскресным дням, а тогда было воскресение, выбрившись таким образом, что щеки его сделались гладки, нежны и залоснились как атлас, надевши фрак брусничного цвета с искрой и сверх его шинель на больших медведях, он сошел[2] с лестницы, поддерживаемый под руку то с одной, то с другой стороны бегавшим очень проворно трактирным слугою, и сел в бричку, которая с громом выехала из-под ворот[3]

---

[1] у них [2] *Далее было:* наконец [3] *Вместо* «Уже более ∞ из-под ворот»: Уже две недели приезжий господин жил в городе, ездил по вечерам, вечеринкам и обедам, и таким образом перекидывался из дома в дом, как все те счастливцы, которые привыкли почитать свой угол только за ночлег. Но в одно утро знакомая читателям бричка стояла пред подъездом гостиницы, заложенная тройкой тоже знакомых лошадей. Кучер низенький, кругленький, которого, впрочем, звали Селифан Высокоростов, был на этот раз еще круглее, потому что под свой армяк заправил какой-то полушубок. В бричку внесли чемодан и узелок. Всё это давало знать, что владетель всего этого собирался ехать куда-то за город, что было между прочим совершенная правда. Чичиков решился наконец исполнить обещание, данное помещикам Манилову и Собакевичу, навестить их в собственных деревнях; пришлось это, кажется, в воскресение. Именно в воскресение, потому что Чичиков имел обыкновение по воскресным дням вытираться снизу до верху мокрою губкою, окунутою в холодную воду, что всё исполнил он очень аккуратно в тот день. Минуты три спустя увидели героя нашего уже закутанного и спускавшего‹ся› по лестнице. Демикотонный сюртук бежал очень проворно впереди с салфеткой и подсаживал его то с одной стороны, то с другой. Герой наш был чрезвычайно чисто одет. Нигде ни пылинки, ни перышка, ни пушинки; фрак брусничного цвета давал самый богатый отлив, так что Чичиков не утерпел, чтобы не высунуть руки из-под шинели и не посмотреть на сукно немного к свету. Щеки его были так гладки и хорошо выбриты и блеснули такою белизною, что казалось, что он весь помолодел пятью годами и был бы даже похож на херувима, если бы не слишком синий подбородок. С какой-то чрезвычайно приличною и вместе солидною важностию влез в бричку, в шинели на медведях, и бричка с громом выехала из-под ворот

гостиницы на улицу. Проходивший поп снял шляпу; несколько мальчишек в замараных рубашках протянули руки, приговаривая: «барин, подай сиротиньке!» Кучер, заметивши, что один из них был большой охотник становиться на запятки, хлыснул его кнутом — и бричка пошла прыгать по камням. Не без радости увидел Чичиков [что] полосатый шлагбаум, дававший знать, что мостовой, как и всякой другой муке, будет скоро конец; и еще несколько раз ударившись довольно крепко головою в кузов, он понесся, наконец, по мягкой земле. Едва только минул город, как пошла писать по нашему[1] обычаю чушь и дичь по обеим сторонам дороги. Кочки, ельник, низенькие, жидкие кусты молодых сосен и обгорелые стволы старых и тому подобный вздор. Попадались[2] вытянутые по снурку деревни, постройкою похожие на старые складеные дрова, покрытые серыми крышами с резными деревянными под ними украшеньями в виде висящих утиральников. Несколько мужиков по обыкновению зевали, сидя на лавках перед воротами, в своих овчиных тулупах. Бабы с толстыми лицами и перевязаными ‹грудями› смотрели из верхних окон; из нижних глядел теленок, или высовывала слепую морду свою свинья. Словом,[3] виды известные. Проехавши пятнадцатую версту, он вспомнил, что здесь, по словам Манилова, должна быть его деревня, но и шестнадцатая верста пролетела мимо, а деревни всё не было видно, и если бы не два мужика, попавшиеся на встречу, то он бы был в немалом затруднении. На вопрос, далеко ли деревня Заманиловка, мужики сняли шляпы и один из них, который был постарше и поумнее, а бороду носил клином, отвечал: «Маниловка, может быть, а не Заманиловка».

«Ну да, Маниловка».

«Маниловка! а как проедешь еще одну версту, так вот тебе, то есть так прямо направо».

«Направо?» отозвался кучер.

«Направо», сказал мужик. «Это будет тебе дорога в Маниловку, а Заманиловки никакой нет. Она зовется так, то есть

---

[1] *Вместо* «по нашему»: по русскому [2] *Далее было*: две, три [3] «Словом» *вписано*.

ее прозвание Маниловка, а Заманиловки тут вовсе нет. Там прямо на горе увидишь дом каменный, в два этажа, господский дом, в котором то есть живет сам господин. Вот это-то и есть Маниловка, а Заманиловки совсем нет никакой здесь и не было».

Мужика не слушали и поехали отыскивать Маниловку.[1] Проехавши две версты, встретили поворот на проселочную дорогу, но уже и две, и три, и четыре версты пронеслись мимо, а каменного дома в два этажа всё еще не было видно. Наконец, когда проехали еще две версты, высунулось вместе с горою одиноко белевшее на ней строение, тогда как самая деревня еще скрывалась за едва заметною возвышеностию. Тут Чичиков вспомнил, что когда приятель приглашает к себе в деревню за 15 верст, то это значит, что к ней есть верных 25 или же целых 30. Деревня Маниловка не многих[2] могла заманить своим местоположением. Дом господский стоял одиночкой на возвышении, открытом со всех сторон; покатость горы, на которой он стоял, была одета подстриженным дерном. На ней были разбросаны по-аглицки две-три клумбы с кустами сирени и желтых акаций. Пять-шесть берез небольшими группами кое-где возносили свои узколистные жиденькие вершины. Под двумя из них видна была беседка с плоским зеленым куполом, деревянными голубыми колоннами и надписью: «храм уединенного размышленья».[3] Пониже пруд, покрытый зеленью, что, впрочем, не в диковинку в английских садах русских помещиков. У подошвы этого возвышения и частию по самому скату темнели вдоль и поперек серенькие бревенчатые[4] избы, которые герой наш, неизвестно по каким причинам, в ту же минуту принялся считать и насчитал более двух сот. Нигде [впрочем] между ними растущего деревца, или какой-нибудь зелени. Везде гляде‹ло› только одно бревно. Вид оживляли только разве три бабы, шлепавшие,

---

[1] не слушали и ехали далее. [2] *Вместо* «не многих»: едва ли кого [3] *Вместо* «На ней были ∾ размышленья»: два или три куста ∾ пространстве (*РМ*, стр. 253) [4] *Вместо* «бревенчатые»: русские; *а. Начато:* руб‹ленные›

стоя на деревяной жердочке, мокрым бельем по воде и перебранивавшиеся издалека между собою, да двое мальчишек, которые,[1] поднявши рубашенки, брели по пруду,[2] разбрызгивая ногами воду с таким спокойным видом, как будто занимались делом. Поодаль в стороне темнел каким-то скучно-синеватым цветом сосновый лес. Даже самая погода в это время очень кстати прислужилась. День был не то ясный,[3] не то мрачный, а какого-то светло-серого цвета, какой бывает на мундирах гарнизонных солдат,[4] этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого[5] по воскресным дням. Для пополненья картины не было недостатка в петухе, предвозвестнике переменчивой погоды, который, несмотря на то, что голова его продолблена была до самого мозгу носами других петухов по известным делам волокитства, горланил очень громко и даже похлопывал крыльями, обдерганными, как старые рогожки. Подъезжая ко двору, Чичиков заметил, что на крыльце стоял сам хозяин в зеленом шалоновом сюртуке, приставив руку ко лбу в виде зонтика над глазами, чтобы рассмотреть хорошенько[6] подъезжавший экипаж. По мере того, как бричка близилась к крыльцу, глаза его делались веселее и улыбка раздвигалась более и более.

«Павел Иванович!» вскричал он наконец, когда Чичиков вылезал из брички: «насилу вы-таки нас вспомнили».

Оба приятеля очень крепко поцеловались, и Манилов увел своего гостя в комнату. Хотя время, в продолжение которого они будут проходить сени, переднюю и столовую, несколько коротковато, но попытаемся, не успеем ли как-нибудь им воспользоваться и сказать кое-что о хозяине дома. Но тут автор должен признаться, что это очень трудно. Гораздо легче изображать характеры большого раз-

---

[1] *Вместо* «между ними ∾ которые»: ни деревца ~ Двое мальчишек (*РМ*, стр. 253); *а.* ни деревца, всё бревна да бревна. У пруда видны были три бабы, шлепавшие, стоя на деревянной жердочке, мокрым бельем по воде и несколько мальчишек, которые [2] брели по нем [3] не то серый [4] *а.* а просто цвету мундира гарнизонных солдат [5] *а.* но мертвецки пьяного [6] *Далее начато*: *а.* приб‹лижающийся›; *б.* по мере того

мера. Там просто бросай краски со всей руки на полотно:[1] черные палящие глаза,[2] нависшие брови, перерезанный морщиною лоб, перекинутый через плечо черный или алый как огонь плащ[3] — и портрет готов; но вот эти все господа, которых много на свете, которые с вида очень похожи между собою, а между тем, как приглядишься, увидишь много самых неуловимых особенностей — эти господа страшно трудны для портретов. Тут придется сильно напрягать внимание, пока заставишь перед собой выступить все тонкие, почти невидимые черты, и вообще далеко придется углублять уже изощренный в науке выпытывать взгляд.[4]

Один бог разве может сказать, какой был характер Манилова. Есть род людей, известных под именем: «люди так себе, ни то, ни сё, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан», как говорит пословица. Может быть к ним [нужно] следует присоединить и Манилова. Он был на взгляд человек [очень] видный; в выражении лица его было что-то приятное, но уж слишком сладкое; во всех приемах его видно было что-то снискивающее расположения и знакомства. Он приятно улыбался, лицом был вовсе не дурен:[5] блондин с голубыми глазами. В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: какой приятный и добрый человек! в следующую затем минуту ничего не скажешь; а в третью скажешь: «чорт знает, что такое!» и отойдешь подальше. Если ж не отойдешь, то почувствуешь скуку смертельную. От него не дождешься никакого живого или хоть даже заносчивого слова, которое можешь услышать почти от всякого, если коснешься его предмета. У всякого есть какое-нибудь

---

[1] Там просто ляпай кистью со всей руки [2] *Вместо* «черные ~ глаза»: огненные глаза [3] закинутый на плечо черный или огненный плащ [4] *Вместо* «эти господа ∾ взгляд»: О, это пытка для автора. Он [долго] должен над ним долго продумать, прежде чем приняться за кисть; *а. Начато:* О здесь много работы; *б. Начато:* О здесь должно сильно напрягать зрение и [много] далеко углублять; *в. Начато:* Эти господа страшно трудны для портретов. Тут придется сильно напрягать внимание [пока заставишь выйти] и далеко углублять уже изощренный в науке выпытывать. [5] *Вместо* «Есть род ∾ не дурен»: «На Руси ∾ не дурен собою (*РМ*, стр. 255); *а. Начато:* Есть род людей, которых называют на Руси: так себе

влечение: один имеет влечение к борзым собакам;[1] другой мастер лихо пообедать; третий охотник сыграть роль, хоть одним вершком повыше той, которая ему назначена; четвертый [просто спит] с желаньем более ограниченным, спит и грезит о том, как бы пройтиться на гуляньи с каким-нибудь [камергером или] флигель-адъютантом, и чтоб увидели это его знакомые; пятый имеет уже такую руку, которая чувствует влечение непреодолимое заломить угол какому-нибудь бубновому тузу или двойке; тогда как рука шестого так и лезет произвести где-нибудь порядок, подобраться поближе к личности станционного смотрителя или ямщиков. Словом, у всякого есть свое; но у Манилова ничего не было.[2] Дома он говорил[3] очень мало и большею частию размышлял и думал, но о чем он думал, тоже разве только одному богу было известно.[4] Хозяйством он нельзя сказать чтобы занимался:[5] он даже никогда не ездил на поля; хозяйство шло как-то само собою. Когда прикащик говорил: «Хорошо бы, барин, то и то сделать», «Да, не дурно», отвечал он обыкновенно куря трубку, которую курить сделал [он] привычку, когда еще служил в армии, где считался скромнейшим, деликатнейшим и образованнейшим офицером. «Да, именно, не дурно», повторял он. Когда приходил к нему мужик и, почесавши рукою в затылок, говорил: «Барин, позволь отлучиться на работу, подать заработать!» «Ступай», говорил он, куря трубку, и ему даже в голову не приходило, что мужик шел пьянствовать. Иногда, глядя с крыльца на двор и на пруд, говорил он о том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома провести подземный ход или чрез пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки и чтобы в них сидели

---

[1] *Вместо:* «У всякого ∾ собакам»: У всякого ∾ всех собак (*РМ*, стр. 255) [2] *Вместо* «третий охотник ∾ не было»: этому уже ∾ никакой страсти (*РМ*, стр. 255); *а. Начато:* Третий ∾ его знакомые. Тот не знает, что делать с своей рукой, которая чувствует зуд непреодолимый; у того рука чешется заломить угол бубновому тузу или двойке, тогда как рука какого-нибудь иного [3] говорил по обыкновению [4] разве один бог мог знать [5] Хозяйством тоже нельзя сказать, чтобы он очень занимался

купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян. При этом глаза его делались чрезвычайно сладкими и лицо его принимало самое довольное выражение; впрочем, все эти прожекты так и оканчивались одними только словами. В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на 14 странице, которую он постоянно читал уже два года. В доме его чего-нибудь вечно недоставало. В гостиной стояла у него прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой материей, которая, верно, стоила весьма не дешево, но одно кресло было сломано и только для вида были приставлены к нему ручка и ножка, и хозяин всякой раз предостерегал своего гостя словами: «Не садитесь на это кресло, оно худо», а предостережение это делалось постоянно в продолжение шести лет, то есть с того времени, как сломалось кресло. В иной комнате и вовсе не было мебели, хотя он и говорил в первые дни после женитьбы своей: «Душенька, нужно будет завтра похлопотать, чтобы в эту комнату на время хоть какую-нибудь мебель поставить». Ввечеру подавался на стол тоже очень щегольской [высокой] подсвешник из темной бронзы с тремя античными грациями и перламутным зонтиком, и рядом с ним ставился какой-то просто медный инвалид, хромой, [и весь] свернувшийся на сторону и весь в сале, хотя этого не замечал ни хозяин, ни хозяйка, ни слуги. Жена его... впрочем, они совершенно были довольны друг другом. Несмотря на то, что минуло более 8 лет их супружеству, из них всё еще каждый приносил друг другу или кусочек яблочка, или конфетку, или орешек, и говорил трогательно-нежным голосом,[1] выражавшим совершенную любовь: «Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек».[2] Само собою разумеется, что ротик раскрывался при этом случае очень грациозно. Ко дню рожденья приготовляемы были сюрпризы: какой-нибудь бисерный чехольчик на зубочистку. И весьма часто сидя на диване, вдруг, и совершенно неизвестно из каких причин, один, оставивши свою трубку, а другая работу, если только она держалась в то

---

[1] *а.* нежно-трогательным [2] *Далее начато:* Натурально

время в руках, они напечатлевали друг другу такой томный и длинный поцелуй, что в продолжение его можно было прочесть небольшой листок[1] газеты. Словом, они были то, что говорится счастливы. Конечно, можно бы заметить, что в доме есть много других занятий и обязанностей, кроме продолжительных поцелуев и сюрпризов, и много бы можно сделать разных запросов: зачем, например, не весьма опрятно на кухне, зачем довольно пусто в кладовой, зачем воровка ключница, зачем нечистоплотны слуги, зачем вся дворня спит немилосердым образом и повесничает в остальное время. Но, впрочем, как же и заниматься такими низкими предметами? Манилова хорошо воспитана. А хорошее воспитание, как известно, получается в пансионах. А в пансионах, как известно, три главные предмета составляют основу человеческих добродетелей: французский язык, необходимый для счастия семейственной жизни, фортепиано для доставления приятных минут супругу и наконец собственно хозяйственная часть: вязание кошельков и других сюрпризов. Впрочем, бывают разные усовершенствования и изменения в методах, особенно в нынешнее время; всё это [впрочем] более зависит от благоразумия и способностей самих содержательниц пансиона. В других пансионах бывает таким образом, что прежде фортепиано, потом французской язык, а там уже хозяйственная часть. А иногда бывает и так, что прежде хозяйственная часть, то есть вязание кошельков, потом французской язык, а там уже фортепьяно. Разные бывают методы. Не мешает сделать еще замечание, что Манилова... но, признаюсь, о дамах я очень боюсь говорить, да притом мне пора возвратиться к нашим героям, которые стояли уже несколько минут перед дверями гостиной, взаимно упрашивая друг друга пройти вперед.[2]

---

[1] *а.* номер [2] *Вместо* «В гостиной ∾ вперед»: В одной комнате ∾ вперед (*РМ*, стр. 256); *а.* В одной комнате была у него прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой материей, что, вероятно, стоило ему недешево. Но зато одно [кресло] из кресел было без ручки [и ножки который только] и без одной ножки, которые были только приставлены, и хозяин всякой раз предостерегал своего гостя: «Не садитесь на это кресло, оно сломано», и это предостережение он делал всякой раз постоянно в продолжение шести лет, т. е. с того времени, как оно сломалось,

«Сделайте милость, не беспокойтесь так для меня, я пройду потом»,[1] говорил Чичиков.

«Нет, Павел Иванович, нет, вы — гость»,[2] говорил Манилов, показывая ему рукою на дверь.

«Не затрудняйтесь, пожалуста не затрудняйтесь. Пожалуста проходите», говорил Чичиков.

«Нет, Павел Иванович, это обида. Вы хотите,[3] чтобы я такому приятному гостю позволил пройти после себя».

«Ах, боже мой... Мне право совестно. Проходите, сделайте милость, проходите, я после», говорил Чичиков.

«Нет, никак нельзя».

Наконец оба приятеля вошли в дверь боком и несколько притиснули друг друга.

«Позвольте мне вам представить жену мою», сказал Манилов. «Душенька! Павел Иванович».

Чичиков увидел точно даму, которую он совершенно было не приметил, раскланиваясь в дверях с Маниловым. Она была недурна; одета [очень] к лицу. На ней хорошо сидел[4] матерчатый шелковый капот бледного цвета. Тонкая, небольшая

а в иной комнате и вовсе не было мебели, хотя он и говорил в первые дни после замужества: «Душенька, нужно будет завтра похлопотать, чтобы в эту комнату на время хоть какую-нибудь мебель поставить». Ввечеру тоже подавался весьма недурной [бронзовый] темный бронзовый подсвечник с античными тремя грациями и перламутным зонтиком и рядом с ним какой-то просто медный [кривой] нагнувшийся на сторону и весь в сале, хотя этого не замечал ни хозяин, ни хозяйка, ни слуги!

Жена его... Они совершенно были довольны ‹друг› другом. Несмотря на то, что прошло более шести лет после замужества, но всё [если случалось кому есть яблочко] еще один другому приносил или кусочек яблочка, или конфекту, или орешек и клал собственными руками в рот, который другая или другой очень грациозно открывал. Сюрпризы были приготовляемы ко дню рожденья: какой-нибудь бисерный чехольчик [для] на зубочистку, и весьма часто, сидя на диване, один, оставивши свою трубку, а другая работу, напечатлевали друг другу такой томный и длинный поцелуй, что в продолжение его можно бы даже прочесть небольшой журнал. Словом, они были то, что говорится счастливы. Конечно можно бы здесь кое что сказать... но признаюсь *и т. д. как в тексте.*

[1] после [2] Нет, Павел Иванович, вы — гость, вы должны вперед идти [3] Как можно [4] *а.* На ней был хорошо сидевший

кисть[1] руки ее что-то бросила поспешно на стол и сжала батистовый платок с вышитыми угликами. Она поднялась с [своего] дивана, на котором сидела. Чичиков не без удовольствия подошел к ее ручке. Манилова проговорила, несколько даже картавя,[2] что он очень обрадовал их своим приездом и что муж ее, не проходило дня, чтобы не вспоминал о нем. На что Чичиков ответствовал, поворотивши голову несколько на бок, с свойственною ему приятностью, что муж ее далеко простирает доброту свою к нему.[3]

«Да», примолвил[4] Манилов. «Уж она бывало всё спрашивает меня: «Да что же твой приятель не едет?» — Погоди, душенька, приедет. А вот вы, наконец, и удостоили нас своим посещением. Уж такое, право, доставили наслаждение, майский день, именины сердца. . .»

Чичиков, услышавши, что дело уже даже дошло до именин сердца, несколько даже смутился и отвечал скромно, что ни громкого имени не имеет,[5] ни даже ранга заметного...

«Вы всё имеете», прервал Манилов с тою же приятною улыбкою, «всё имеете, даже еще более».

«Как вам показался наш город?» примолвила Манилова. «Приятно ли провели там время?»

«Очень хороший город, прекрасный город», отвечал Чичиков. «И время провел очень приятно. Общество самое[6] обходительное».

«А как вы нашли нашего губернатора?» сказала Манилова.

«Не правда ли, что препочтеннейший и прелюбезнейший человек?» прибавил Манилов.

«Совершенная правда», сказал Чичиков, «самый почтенный. И как он вошел в свою должность, как понимает ее! Нужно[7] желать побольше таких людей».

---

[1] *а. Начато:* тонкие небольшие молочного цвета каз⟨авшиеся?⟩; *б.* тонкие небольшие руки [2] *а.* Манилова заметила [3] *Вместо* «Она была недурна ∾ к нему»: и которая ∾ сказал Чичиков (*РМ*, стр. 257) [4] отвечал; *а.* сказа⟨л⟩ [5] *Вместо* «именины сердца ∾ не имеет»: «О никак не достоин такой чести. Что ж я... ни громкого имени не имею [6] прекрасный город и время провел приятно. Общество такое [7] *Вместо* «Совершенная ∾ Нужно»: «О, препочтеннейший! ∾ Истинно нужно (*РМ*, стр. 258)

«Как он может этак, знаете, принять всякого, обворожить своим обращением», присовокупил Манилов с улыбкою и от удовольствия почти совсем зажмурив глаза, как кот, у которого слегка пощекотали за ушами пальцем.[1]

«Очень обходительный и приятный человек», продолжал Чичиков, «и какой искусник! Я даже никак не мог предполагать этого. Как хорошо вышивает разные домашние узоры. Он мне показывал своей работы кошелек: редкая дама может так искусно вышить».

«А вице-губернатор? Не правда ли, какой милый человек!» сказал Манилов, опять несколько прищурив глаза.

«Очень, очень достойный человек», отвечал Чичиков.

«Ну, позвольте, а как[2] вам показался полицмейстер? Не правда ли, что очень приятный человек?»

«Чрезвычайно[3] приятный. И какой ученый, какой начитанный человек! Мы у него проиграли в вист вместе с прокурором и председателем гражданской палаты до самых поздних петухов.[4] Очень, очень достойный человек!»

«Ну, а какого вы мнения об жене полицмейстера»,[5] прибавила Манилова. «Не правда ли, прелюбезная[6] женщина».

«О, это одна из достойнейших женщин, каких только я знал», отвечал Чичиков.

За сим не пропустили[7] председателя палаты, почтмейстера, и таким образом перебрали почти всех чиновников города, которые все оказались самые[8] достойные люди.

«Вы всегда в деревне проводите время?» сделал, наконец, в свою очередь, вопрос Чичиков.

«Больше в деревне», отвечал Манилов. «Иногда, впрочем, приезжаем в город для того только, чтобы увидеться с образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь всё время жить взаперти».

«Правда, правда», сказал Чичиков.

---

[1] *Вместо* «и от удовольствия ∾ пальцем»: и почти ∾ был доволен (*РМ*, стр. 258) [2] *Вместо:* «Ну, позвольте, а как»: А как [3] О, чрезвычайно [4] до самых петухов [5] *Вместо* «Ну, а какого ∾ полицмейстера»: А жена полицмейстера [6] Не правда ли, какая препочтенная и прелюбезная [7] За сим Манилов не пропустил [8] которые, как нарочно, все были

«Конечно», продолжал Манилов, «другое дело, если бы соседство было хорошее, если бы, например, такой человек, с которым бы, в некотором роде, можно было поговорить[1] о любезности, о хорошем обращении, о какой-нибудь науке, чтобы этак расшевелило душу, дало бы, так сказать, паренье[2] эдакое...» Здесь он еще что-то хотел [прибавить] выразить, но заметивши, что несколько зарапортовался, ковырнул только рукою в воздухе и продолжал: «тогда, конечно, деревня и уединение имели бы очень много приятностей. Но решительно нет никого... Вот только иногда почитаешь „Сын Отечества“».

Чичиков согласился с этим совершенно, прибавивши, что ничего не может быть приятнее, как[3] жить в уединении, наслаждаться зрелищем природы и почитать иногда какую-нибудь книгу.[4]

«Но знаете ли», прибавил Манилов:[5] «всё если нет друга, с которым бы можно поделиться...»

«О, это справедливо, это совершенно справедливо», прервал Чичиков:[6] «Что все сокровища тогда в мире! Не имей денег, имей хороших людей для обращения, сказал один мудрец».

«И знаете, Павел Иванович!» сказал Манилов, сделавши такую сладкую мину, что уж даже было[7] несколько приторно, как натощак, «тогда чувствуешь какое-то, в некотором роде,[8] духовное наслаждение... Вот как, например, теперь, когда случай мне доставил счастие, можно сказать, редкое, которого я даже, в некотором роде, недостоин: то есть говорить с вами и наслаждаться приятным вашим разговором...»

«Помилуйте,[9] как можно, чтобы я льстил себя... Ничтожный человек и больше ничего», отвечал Чичиков.[10]

«О! Павел Иванович! Я бы с радостию отдал половину всего моего состояния, чтобы иметь часть тех достоинств, которые имеете вы!..»

---

[1] *а.* поговорить красноречиво эдак [2] *а.* дало бы паренье [3] *Вместо* «Чичиков ∾ как»: «Это справедливо ∾ лучше, как (*РМ*, стр. 259) [4] природы, почитать иногда книгу [5] «прибавил Манилов» *вписано.* [6] «прервал Чичиков» *вписано.* [7] что даже сделалось [8] какое-то эдакое [9] О, помилуйте [10] «отвечал Чичиков» *вписано.*

«Напротив того, я бы почел с своей стороны за величайшеее...»

Неизвестно, до чего бы дошло взаимное излияние чувств обоих[1] приятелей, если бы вошедший слуга не доложил, что кушанье готово.

«Прошу покорнейше», сказал Манилов. «Вы извините, если у нас нет такого обеда, какой на паркетах и в столицах. У нас просто по русскому обычаю щи, но от чистого сердца. Покорнейше прошу».[2]

Тут они еще несколько времени поспорили о том, кому первому войти, и наконец, Чичиков вошел боком в столовую.

В столовой уже стояли два мальчика, дети Манилова, которые были в тех летах, когда сажают уже за стол, но еще на высоких стульях. При них стоял учитель, который очень вежливо и с улыбкою поклонился. Хозяйка села за свою суповую чашку. Гость был посажен между[3] хозяином и хозяйкою. Слуга завязал детям на шею салфетки.

«Какие миленькие дети», сказал Чичиков, посмотрев на них, «а который год?»

«Старшему осьмой, а меньшому вчера только минуло шесть», сказала Манилова.

«Менелай!» сказал Манилов, обратившись к старшему. Чичиков поднял несколько бровь, услышав такое совершенно неожиданное имя,[4] но постарался тот же час привесть лицо в обыкновенное положение. «Менелай, скажи мне, какой лучший город во Франции?»

Здесь учитель обратил всё внимание на Менелая и, казалось, хотел вскочить ему в глаза, но наконец совершенно успокоился и кивнул головою, когда Менелай сказал: «Париж».

«А у нас какой лучший город?» спросил опять Манилов.

Учитель опять...[5]

«Петербург», отвечал Менелай.

«А еще какой?»

---

[1] до чего бы дошли взаимные учтивства двух [2] Прошу покорнейше [3] *Вместо* «Гость ∾ между»: Мужчины ∾ между (*РМ*, стр. 260) [4] такое странное имя [5] *Фраза не дописана.*

«Москва», отвечал Менелай.

«Умница, душенька!» прибавил с своей стороны Чичиков. «Скажите, однако ж», продолжал он, обратившись с некоторым видом изумления к Маниловым. «В такие лета и уже такие сведения. Я должен вам сказать, что в этом ребенке будут большие способности».

«О, вы еще не знаете его», отвечал Манилов, «у него чрезвычайно много остроумия. Вот меньшой, Алкивиад, тот не так быстр, а этот сейчас, если что-нибудь встретит: букашку, козявку — тотчас обратит внимание. Я его прочу по дипломатической части. Менелай!» продолжал он обратясь снова к нему: «хочешь быть посланником?»

«Хочу», отвечал Менелай, жуя хлеб и болтая головою направо и налево.

В это время стоявший позади лакей утер посланнику нос, и очень хорошо сделал, иначе бы канула в суп препорядочная посторонняя капля. Разговор начался за столом об удовольствии спокойной жизни, прерываемый замечаниями хозяйки о городском театре и об актерах. Учитель очень внимательно глядел на разговаривающих и, как только замечал, что они были готовы[1] усмехнуться, в ту же минуту раздвигал рот и смеялся с величайшим усердием. Один раз только лицо его приняло суровый вид, и он, стукнув вилкою по столу, устремил взгляд на сидевших насупротив его[2] детей. Это было весьма у места, потому что Менелай укусил за ухо Алкивиада, и Алкивиад, зажмурив глаза и открыв рот, готов был зарыдать самым жалким образом, но почувствовав, что за это легко можно было лишиться блюда, привел рот в прежнее положение и начал со слезами грызть баранью кость, от которой у него обе щеки лоснились жиром. Хозяйка очень часто обращалась к Чичикову с словами: «Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли». На что Чичиков отвечал: «Покорнейше благодарю, не беспокойтесь, я сыт, приятный разговор лучше всякого блюда».

Уже встали из-за стола. Манилов был доволен чрезвычайно и, поддерживая рукою спину своего гостя, готовился

---

[1] что уста их готовы [2] против него

таким образом препроводить его в гостиную, как вдруг Чичиков объявил с весьма значительным видом, что он намерен с ним поговорить об одном очень нужном деле.

«В таком случае позвольте мне вас попросить в мой кабинет», сказал Манилов и повел Чичикова в небольшую боковую комнату, обращенную окном на синевший лес.

«Вот мой уголок», сказал Манилов.

«Приятная комната», сказал Чичиков, окинувши ее глазами. Комнатка была точно не без приятности: стены были выкрашены какой-то голубенькой краской в роде серенькой, четыре стула, одно кресло и стол, на котором[1] книжка с заложенною закладкою, о которой мы уже имели случай упомянуть, несколько исписанных бумаг, но больше всего[2] табаку. Он был в разных видах: в картузах и в табачнице, и, наконец, насыпан был просто кучею на столе. На обоих окнах тоже помещены были горки выбитой из трубки золы, расставленные не без старания очень красивыми рядками. Заметно было, что это доставляло хозяину препровождение времени.

«Позвольте вас попросить расположиться в этих креслах», сказал Манилов, «здесь вам попокойнее».

«Позвольте, я сяду на стуле».

«Позвольте вам этого не позволить», сказал Манилов с улыбкою. «Это кресло у меня уж ассигновано для гостя. Ради или не ради, но должны сесть».

Чичиков сел.

«Позвольте мне вас попотчевать трубочкою».

«Нет, не курю», отвечал Чичиков ласково и как бы с видом сожаления.

«Отчего?» сказал Манилов тоже ласково и с видом сожаления.

«Не сделал привычки, боюсь, говорят, трубка сушит».

«Позвольте мне вам заметить, что это предубеждение! Я полагаю[3] даже, что курить трубку гораздо здоровее, нежели нюхать табак. В нашем полку был поручик,

---

[1] *Вместо* «Комнатка ∾ на котором»: В комнате было мебели не много: стол, на столе<?> [2] но больше всего было [3] Я нахожу

прекраснейший и образованнейший человек, который не выпускал изо рта трубки не только за столом, но даже с позволения сказать во всех прочих местах. И вот ему теперь уже сорок с лишком лет, но благодаря бога до сих пор так здоров, как нельзя лучше».[1]

Чичиков заметил, что это действительно случается и что в натуре есть много вещей, которые даже неизъяснимы какому бы то ни было обширному уму.[2] «Но позвольте прежде одну просьбу...» при этом снова Чичиков огляделся вокруг, как бы желая знать, не глядит ли кто откуда-нибудь... «Как давно вы изволили подавать ревижскую сказку?»

«Да уж давно, а лучше сказать, не припомню».

«Как с того времени, много у вас умерло крестьян?»

«А не могу знать. Об этом, я полагаю, нужно спросить[3] приказчика. Ей, человек, позови приказчика, он должен быть сегодня здесь».[4]

Приказчик явился. Это был человек лет под сорок, бривший бороду, ходивший в сертуке и, повидимому, проводивший очень покойную жизнь, потому что[5] лицо его глядело какою-то пухлою полнотою, а цвет и мягкость кожи и маленькие глаза показывали, что он знал, что такое пуховики и перины. Видно было по всему, что он совершил свое поприще, как совершают его вообще все господские приказчики: сначала был просто грамотным мальчишкой в доме, потом женился на какой-нибудь Акулине ключнице, барыниной фаворитке, [потом] и сам сделался ключником, а там и приказчиком. А сделавшись приказчиком натурально поступал так, как все приказчики: водился и кумился с теми мужиками, которые на деревне побогаче, подбавлял тягла тем, которые победнее и, проснувшись в 9-м часу утра,[6] поджидал самовара и пил чай.[7]

---

[1] как нельзя быть лучше. Это я вам скажу действительно слу‹чается› [2] *Вместо* «Чичиков ∾ уму»: Это действительно случается. В натуре такое множество странных вещей. [3] Об этом нужно, я думаю, спросить [4] «он должен ∾ здесь› *вписано.* [5] *а. Далее начато:* в лице его заметны [6] в 9-м часу поутру [7] Это был человек ∾ пил чай› *вставка на полях.*

«Послушай, любезный», сказал Манилов:[1] «сколько у нас умерло крестьян с тех пор, как подавали ревизию?»

«Да как сколько? Многие умирали с тех пор», сказал приказчик и при этом икнул, заслонивши рот слегка рукою на подобие щитка.[2]

«Да, признаюсь, я сам так думал», подхватил Манилов. «Именно очень многие умирали!» Тут он оборотился к Чичикову и прибавил еще: «точно, очень многие».

«А как например числом?» спросил Чичиков.

«Да, сколько числом?» подхватил Манилов.

«Да как сказать числом? Число неизвестное, человек до 80 будет».

«Да, именно», сказал Манилов, обратясь к Чичикову, «я тоже предполагал. Большая смертность».

«Ты, пожалуста, их перечти», сказал Чичиков, «подробней реестрик всех по имени».

«Да, всех», сказал Манилов. Приказчик сказал: «слушаю» и ушел.

«А для каких причин вам это нужно?» спросил[3] по уходе приказчика Манилов Чичикова.

Чичиков минуты три оставался молча, не отвечая ни слова на сделанный запрос. Казалось, как будто ему необыкновенно тяжело было произнести какое-нибудь слово. В лице его выразилось такое затруднительное положение, и во всех чертах его отразилось что-то беспокойно ищущее чего-то, что всякий, который бы в эту минуту поглядел на него, исполнился бы по неволе ожиданием чего-то не совсем обыкновенного и невольно отразил[4] бы в лице своем почти то же самое затруднение. Казалось, как будто дело было точно головоломное. И в самом деле,[5] Манилов наконец услышал такие странные и необыкновенные вещи, каких, без всякого сомнения, никогда еще не слыхали человеческие уши от самого создания мира.

---

[1] «сказал Манилов» *вписано.* [2] «сказал приказчик ∾ щитка» *вписано.* [3] *а.* сказал Манилов [4] *а. Вместо* «что всякий ∾ отразил»: Казалось, что поневоле наполнило бы всякого, который бы в это время поглядел на него, ожиданием чего-то не совсем обыкновенного и он бы нечувствительно отразил [5] *а. Далее начато:* не прошло четыр<?>

Я хотел вам предложить... не можете ли вы мне продать [эдаких] крестьян...», сказал Чичиков, да и не кончил речи.

«А вы разве покупаете крестьян?»[1] сказал Манилов, «но позвольте вас спросить: как и какого рода вы хотите купить крестьян, с имением ли, то есть с землею или просто на вывод, т. е. без земли?»

«Нет, я разумею не то, чтобы совершенно крестьян», сказал Чичиков, «а собственно, так сказать, мертвых душ, то есть таких, которые уже умерли и только по ревизии считаются живыми».

Манилов остолбенел, выронивши тут же чубук вместе с трубкой на пол и с минуту смотрел ему в лицо, выпучив глаза. Наконец он[2] подумал: «Да полно, не шутит ли он» и, поднявши трубку с чубуком, посмотрел снизу ему в лицо несколько в профиль, как ‹бы› [желая] стараясь приметить, не видно ли какой усмешки на губах его, или, по крайней мере, небольшого движения или желания удержать усмешку. Но в лице Чичикова, напротив, оказывалось, такое[3] сурьезное выражение, какое даже в нем редко было видно в обыкновенном положении. Он подумал, уж не сошел ли он как-нибудь вдруг и внезапно с ума, и со страхом посмотрел на него пристально. Но глаза его были совершенно ясны, ничего в них не было заметно [блудящего] мутного или дикого или этого беспокойно вращаемого беглого огня, который бегает в глазах сумасшедшего человека. Напротив, всё в нем было как следует, прилично и в порядке, как у всякого благонамеренного человека, и сидел он в креслах ничего, хорошо, как сидит всякой хороший человек. Словом, ничего не было в нем необыкновенного. Правда, в лице только не замечалось более[4] того чистосердечного простодушия и приятной улыбки,[5] произведших такое благоприятное впечатление на всех чиновников в городе. Вместо

---

[1] *а.* А вы разве хотите купить крестьян? [2] *а. Далее начато:* поднял чубук с трубкою [3] *а.* Но лицо Чичикова напротив сохраняло такое [4] *а.* не было за‹метно› [5] *Далее начато: а.* сопровождаемых наклонением головы несколько; *б.* которые приобрели ему совершенно

его было заметно что-то похожее на некоторую робость, на боязливое и даже заботливое ожидание, но всё прочее решительно было на своих местах, как было и прежде. Как ни придумывал Манилов, как ему быть и что такое сделать, но ничего другого не мог придумать, как только выпустить изо рта оставшийся дым самою тонкою струею.

«Так как же вы?..» спросил Чичиков.[1]

Но Манилов так сконфузился и смешался, что только смотрел на него и не в состоянии был пошевелить язык.[2]

«Я как вижу, вы затрудняетесь?» робко заметил Чичиков.[3]

«Я?.. нет, я не то...»[4] сказал Манилов: «но я не могу постичь... извините... Я, конечно, не мог получить такого блестящего образования, какое, так сказать, видно во всяком вашем движении, не имею, так сказать, высокого искусства выражаться. Может быть, здесь... в этом, вами сейчас выраженном изъяснении... скрыто другое...[5] Может быть, вы это изволили выразиться так для красоты слога».

«Нет, я в существе своем разумею предмет так, как есть. То есть те души, которые уже умерли», отвечал Чичиков.[6]

Никак не нашелся на это ничего сказать Манилов и совершенно растерялся. Он чувствовал, что ему нужно сделать какой-нибудь вопрос, а какой вопрос — чорт его знает.[7] Кончил он наконец тем, что выпустил опять[8] дым, но только уже не ртом, а чрез носовые ноздри.

«Итак, если с вашей стороны препятствия никакого, то я

---

[1] *Вместо* «А для каких ∾ спросил Чичиков»: Тут Чичиков ездил ∾ уступить их (*РМ*, стр. 263—264). [2] смотрел на него и не мог сказать ни одного слова [3] *Вместо:* «Я как ∾ Чичиков»: «Итак, вы затрудняетесь...» [4] нет, я ничуть [5] *Вместо* «извините ∾ другое»: извините моему неведению. Не имея ваших, так сказать, выразиться, положительных сведений, объективных... Я могу ошибаться. Вы извините, однако ж, меня, может быть всё это не то [6] *Вместо* «предмет ∾ Чичиков»: сказал Чичиков [7] *Вместо* «Он чувствовал ∾ знает»: Ему казалось ∾ в каком роде (*РМ*, стр. 264). [8] опять *вписано*.

бы мог приступить к совершению купчей крепости»,[1] сказал Чичиков.

«Как, на мертвые души купчую?»

«А нет», сказал Чичиков, «мы напишем так, как будто бы это были живые. Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов; исполнение обязанности всегда было для меня священно. Хотя за это я и потерпел по службе, но уж у меня такой характер».[2]

Манилов в ответ принялся насасывать свой чубук так сильно, что он начал наконец хрипеть как фагот. Казалось, как будто бы он желал вытянуть из него мнение относительно такого неслыханного обстоятельства. Но чубук хрипел, и больше ничего.

«Может быть, вы имеете какие-нибудь сомнения?»

«О, помилуйте, ничуть. Я не насчет этого говорю, чтобы имел какое-нибудь, т. е. критическое предосуждение о вас; но позвольте доложить, не будет ли это предприятие, или чтоб еще более так сказать, выразиться, негоция, так не будет ли эта, так сказать, негоция несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России».[3]

Здесь Манилов, сделавши некоторое движение головою, посмотрел очень значительно в лицо Чичикова, выразив во всех чертах лица своего и в сжатых губах такое глубокое выражение, какого, может быть, и не видано было на человеческом лице, разве только у какого-нибудь слишком умного министра, да и то в его кабинете, да и то [в том только случае] когда дело касалось решения участи миллионов людей.

Но Чичиков, однако ж, постарался объяснить, что эта негоция никак не будет несоответствующею, и что правительство даже в некотором отношении останется довольно,

---

[1] *Вместо* «Итак ∾ крепости»: «Так я бы с своей стороны уже и купчую совершил бы» [2] *Вместо* «Я привык ∾ характер»: Я уж, видите, сам служил и привык делать по законам. Уж это, признаюсь, мой нрав. От справедливости отступать никаким образом не могу. За это, признаюсь, потерпел и по службе, но... нечего делать. *а.* Я привык ∾ законов. Постановления государственные всегда были для меня святы. Хотя *и т. д. как в тексте.* [3] постановлениям России

ибо получит сполна все следуемые за совершение купчей пошлины.[1]

«А если будет довольно, это другое дело, я против этого ничего», сказал Манилов и совершенно успокоился.

«Теперь нам остается только условиться в цене...»

«Но неужели[2] вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которые, в некотором роде, окончили свое существование? Если уж вам пришло этакое, так сказать, фантастическое желание, то я с большой охотой вам их всех уступаю безъинтересно и купчую принимаю на свой счет .

Здесь автор, как верный историк, должен сказать, что после сих слов, произнесенных Маниловым, Чичиков [почувствовал] показал такую радость, которая даже была отчасти неприлична его несколько степенной наружности, умеренным летам и соразмерному чину. Едва ли он даже, позабывши умение хорошо держать себя, не подскочил в креслах, при каком обстоятельстве лопнула обтягивавшая подушку шерстяная материя, так что Манилов посмотрел на него в совершенном изумлении. Побужденный признательностью, он насказал таких благодарностей Манилову, что тот опять смешался, весь покраснел, очень долго производил головою какой-то отрицательный жест и наконец уже сказал, что это решительно не стоит благодарности, что он бы хотел, точно, доказать чем-нибудь сердечное влечение,[3] магнетизм души, но что умершие души в некотором роде[4] совершенная дрянь.

«Очень не дрянь», сказал Чичиков, пожавши руку Манилову и испустивши душевный вздох. Казалось, он был совершенно в это время настроен к сердечным излияниям; по крайней мере он произнес очень выразительно и с большим чувством следующие слова:[5] «Если б вы знали, какую этим[6] услугу, — продолжал он,[7] — оказали человеку без племени

---

[1] *Вместо* «Здесь ∾ пошлины»: Тут лицо ∾ пошлины (*РМ*, стр. 265). [2] Как, неужели [3] *Вместо* «Здесь автор ∾ влечение»: «Благодетель мой!» ∾ влечение (*РМ*, стр. 266) [4] но умершие души — это в некотором роде [5] *Вместо* «пожавши ∾ слова»: с чем-то подобным даже на вздох; *а.* пожавши ∾ излияниям, и очень выразительно произнес следующие слова: [6] какую вы этим [7] «продолжал он» *вписано.*

и роду. Да, действительно, чего не потерпел я, каких гонений, каких преследований не испытал, какого горя не вкусил, а за что? за то, что соблюдал правду, что был чист на своей совести, что подавал руку и вдовице беспомощной, и сиротине горемыке...» и тут даже отер платком он выкатившуюся слезу.

Манилов был совершенно растроган. Оба приятели долго жали друг другу руку и смотрели долго молча один другому[1] в глаза, в которых видны были навернувшиеся слезы. Манилов[2] никак не хотел выпустить руки нашего героя и продолжал жать ее так горячо, что тот[3] просто не знал, как ее выручить. Наконец, выдернувши ее потихоньку, он сказал, что не худо бы купчую совершить поскорее, да для этого не мешало бы и ему самому съездить в город. После чего, взявши в руку шляпу, [он] стал откланиваться.[4]

«Как, вы уж хотите ехать?» сказал Манилов, почти испугавши‹сь›.

В это время вошла в кабинет Манилова.

«Лизанька», сказал Манилов с несколько жалостливым видом: «Павел Иванович оставляет нас!»

«Потому что мы надоели Павлу Ивановичу», отвечала Манилова.

«Поверьте, сударыня», сказал Чичиков: «что приятность времени, проведенного с вами, пребудет в глубине моего сердца и что для меня не было бы большего блаженства, как жить с вами, если не в одном доме, то, по крайней мере, в самом ближайшем соседстве».

«А знаете, Павел Иванович», сказал Манилов, которому очень понравилась такая мысль: «как бы было в самом деле хорошо, если бы жить этак вместе, под одною кровлею или под сенью какого-нибудь вяза, пофилософствовать о чем-нибудь, углубиться!..»

«О, это была бы райская жизнь!» сказал Чичиков, вздохнувши. «Прощайте, сударыня!» продолжал он, подходя

---

[1] смотрели молча друг другу [2] *Далее начато:* так [3] так горячо, что тому даже и надоело и он [4] *Вместо* «Манилов был ∾ откланиваться»: Манилов был ∾ в виде собачки (*РМ*, стр. 266).

к ручке Маниловой. «Прощайте, почтеннейший друг!!. Не позабудьте просьбы!!! . .»

«О, будьте уверены!» отвечал Манилов: «Я с вами не расстаюсь как на два дни».

Все вышли в столовую.

«Прощайте, миленькие малютки!» сказал Чичиков, увидевши Алкивиада и Менелая, которые занимались какими-то деревянными кусочками: «прощайте, мои крошки. Вы извините меня, что я не привез вам гостинца, потому что, признаюсь, не знал[1] даже, есть ли вы на свете; но теперь как приеду, то непременно привезу. Тебе привезу саблю: хочешь саблю?»

«Хочу», отвечал Менелай.

«А тебе барабан; не правда ли тебе барабан», продолжал Чичиков, наклонившись к Алкивиаду.

«Парапан», отвечал шопотом и потупив голову Алкивиад.

«Хорошо, я тебе привезу барабан. Такой славный барабан. Там только всё будет: бу, бу, бу... Прощай, душенька!» Тут поцеловал он его в головку и обратился к Манилову и его супруге с небольшим смехом, с каким обыкновенно обращаются к родителям, давая им знать о невинности желаний их детей.

«Право, останьтесь, Павел Иванович», сказал Манилов, когда уже все вышли на крыльцо: «Посмотрите, какие тучи».

«Это маленькие тучки», отвечал Чичиков.

«Да знаете ли вы дорогу к Собакевичу?»

«Об этом хотел спросить вас».

«Позвольте, я сейчас расскажу вашему кучеру». Тут Манилов с такою же любезностию рассказал дело кучеру и сказал ему даже один раз вы.

Кучер, услышавши, что нужно пропустить два поворота и поворотить на третий, сказал: «Потрафим, ваше благородие», и Чичиков уехал, сопровождаемый долго поклонами и маханьями платка приподымавшихся на цыпочки хозяев.[2]

Манилов долго стоял на крыльце, провожая глазами удалившуюся бричку, и когда она совершенно стала не видна,

---

[1] потому что не знал [2] «сопровождаемый ∾ хозяев» *вписано.*

он всё еще стоял, куря трубку. Наконец, вошел он в комнату, сел на стуле и предался размышлению, душевно радуясь, что доставил гостю своему небольшое удовольствие. Потом мысли его перешли незаметно к другим предметам и, наконец, зашли бог знает куда. Он думал о благополучии дружеской жизни, о том, как бы хорошо было жить с другом на берегу какой-нибудь реки, потом через эту реку начал у него строиться мост, потом огромнейший дом с таким высоким бельведером, что можно оттуда видеть даже Петербург и Москву вдруг, и там пить вечером чай на открытом воздухе и рассуждать о каких-нибудь приятных предметах. Потом, что они вместе с Чичиковым приехали в какое-то общество в хороших каретах, где обворожают всех приятностью обращения, и что будто бы сам государь, узнавши о такой их дружбе, пожаловал их генералами, и далее, наконец, бог знает что такое, что уже он и сам никак не мог разобрать. Странная просьба Чичикова часто прерывала вдруг все его мечтания. Мысль о ней как-то особенно не варилась в голове его: как ни переворачивал он ее, но никак не мог изъяснить себе и всё время сидел он и курил трубку, что тянулось до самого ужина.

‹ГЛАВА III›

[1] речи был прерван громом и дождем, смекнул, что точно не нужно было мешкать. Он вытащил из-под козел, на которых сидел, какую-то дрянь из серого сукна, оделся в нее и, схватив в руки вожжи, прикрикнул на свою тройку, которая так была убаюкана и такое чувствовала приятное расслабление от его рассказов, что едва переступала ногами. Лошади пустились на рысях. Но Селифан никак не мог припомнить, два или три поворота проехал. Сообразивши все обстоятельства и припомнивши несколько дорогу, он смекнул, что, кажется, много было поворотов, которые он все проехал мимо. Так как русской человек в решительные минуты всегда найдет, что сделать, не вдаваясь в дальние рассуждения, то он в тот же час поворотил свою бричку на первую пере-

---

[1] *Начало главы (один лист?) утрачено.*

крестную дорогу направо и, прикрикнувши: «Ей вы, други почтенные!», пустился в галоп, мало помышляя о том, куда приведет взятая им дорога.

Дождь однако ж казалось зарядил надолго; лежавшая на дороге пыль мигом замесилась в грязь, и лошадям заметно становилось тяжелее тащить бричку.[1] Чичиков начинал беспокоиться, не видя так долго деревни Собакевича. По его расчету, ему давно бы было пора приехать. Он высматривал по сторонам, но темнота была такая, хоть глаз выколи.

«Селифан!» сказал он наконец, высунувшись из брички.

«Что, барин?» отвечал Селифан.

«Погляди, не видно ли деревни?»

«Нет, барин, нигде не видно». После чего Селифан, помахивая кнутом, затянул песню не песню, но что-то такое длинное, чему и конца не было. Туда всё вошло: все ободрительные и понудительные крики, которыми потчевают лошадей по всей России, от одного бесконечного конца ее до другого. Он называл их и сердечными, и почтенными, и московскими обывателями, толокёнными приятелями, и много придавал всяких прилагательных[2] без большого разбора, а что первое попадалось на язык.[3] Таким образом дошел до того, что он начал, наконец, называть их секретарями.

Между тем Чичиков начал примечать, что бричка стала качаться на все стороны и наделять его препорядочными толчками. Это дало ему почувствовать, что они своротили с дороги и, вероятно, тащились по взбороненному полю. Сам Селифан, как казалось, смекнул, но не говорил ни слова.

«Что, мошенник, по какой ты дороге едешь?» сказал Чичиков.

«Да что ж, барин, делать, время-то такое; кнута не видишь, такая потьма», отвечал Селифан и вслед за сим хлыснул по всем по трем и покосил так бричку, что Чичиков

---

[1] *Далее было:* Колеса, обращаясь ∾ войлоком (*РМ*, стр. 268).

[2] *Вместо* «Туда всё ∾ прилагательных»: *а*. Начиналось оно почти таким образом: «Ей вы, сердечные! мои любимые, ей, вывозите. Вывозите, вывозите, пых, пых! Забубенные московские обыватели, толокённые приятели. Ну, други, ну, разом, ну, разутешники мои...» Много еще придавал он им прилагательных и существительных, что делалось

[3] *а*. ему на ум

принужден был держаться обеими руками. Тут только он заметил, что Селифан немножко подгулял.

«Держи, держи, опрокинешь», кричал он ему.

«Нет, барин, как можно, чтоб я опрокинул», отвечал Селифан: «Это не хорошо опрокинуть. Я уж сам знаю. Уж я никак не опрокину». За сим начал он слегка поворачивать бричку, поворачивал, поворачивал, и, наконец, переворотил ее совсем на бок.[1] Чичиков и руками и ногами шлепнулся в грязь. Селифан лошадей, однако ж, остановил; это было ему и не трудно, потому что иначе они бы сами остановились, так они были изнурены. Однако ж, непредвиденный им случай изумил его. Слезши с козел, он стал перед бричкою, подпершись в бока обеими руками, в то время как барин[2] барахтался в грязи и силился оттуда вылезть. «Ишь ты», сказал Селифан по некотором размышлении: «и перекинулась!»

«Ты пьян, как сапожник!» сказал Чичиков.

«Нет, барин, как можно, чтобы я был пьян!» отвечал Селифан: «я знаю, что это нехорошее дело быть пьяным. С приятелем поговорил, потому что с хорошим человеком можно поговорить, в том нет худого, и закусили вместе. Закуска не обидное дело; с хорошим человеком можно закусить».

«А что я тебе сказал последний раз, когда ты напился пьян? А? [что] забыл?» произнес Чичиков.

«Нет, ваше благородие, как можно, чтобы я позабыл. Я уже дело свое знаю. Я знаю, что не хорошо быть пьяным. С хорошим человеком поговорил, потому что...»

«Вот я тебя как высеку хорошенько, так ты у меня будешь знать», сказал Чичиков.

«Как милости вашей будет завгодно», отвечал на всё согласный Селифан. «Коли высечь, то и высечь. Я ничуть не прочь от того. Почему ж не посечь, коли за дело. На то воля господская. Оно нужно посечь, потому что мужик балуется. Порядок нужно наблюдать. Коли за дело, то и посеки. Почему ж не посечь».

---

[1] ее как раз на бок [2] в то время как Чичиков

На такое рассуждение барин совершенно не нашелся что отвечать. Но в это время, казалось, как будто сама судьба решилась над ним сжалиться. Издали послышался собачий лай. Обрадованный Чичиков дал приказание погонять лошадей. Русский возница имеет доброе чутье вместо глаз. От это‹го› случается, что он, зажмуря глаза, качает иногда во весь дух и всегда куда-нибудь да приезжает. Селифан, не видя ни зги, направил лошадей так прямо на деревню, что остановился тогда только, когда бричка ударилась оглоблями в забор и когда решительно уже некуда было ехать. Чичиков мог только заметить сквозь густое покрывало лившего дождя что-то похожее на крышу. Он послал Селифана отыскивать ворот, что без сомнения продолжалось бы долго, если бы на Руси не было вместо швейцаров лихих собак, которые доложили о нем так звонко, что он поднес пальцы к ушам своим. Свет мелькнул в окошке и досягнул туманною струею до забора, указавши нашим дорожним ворота. Селифан принялся стучать, и скоро на тревогу вышла какая-то фигура, накрытая армяком, и барин с кучером услышали хрипливый бабий голос: «Кто стучит? Чего расходились?»

«Приезжий, матушка! Пусти переночевать», произнес Чичиков.

«Вишь ты какой востроногой», сказала старуха. «Приехал в какое время! Здесь тебе не постоялой двор, здесь помещица живет».

«Что ж делать, матушка, ты видишь, с дороги сбились»,[1] сказал Чичиков. «Не ночевать же в такое время в степи».[2]

«Да, время темное, нехорошее время», прибавил Селифан.

«Молчи, дурак!» сказал Чичиков.

«Да кто вы такой?» сказала старуха.

«Дворянин, матушка».

Слово дворянин заставило старуху как-будто несколько подумать. «Погодите, я скажу барыне», произнесла она и минуты через две возвратилась уже с фонарем в руке. Ворота отперлись. Огонек мелькнул и в другом окне. Бричка, въехавши в двор, остановилась перед небольшим домиком,

---

[1] ты видишь, что мы заблудились [2] в такое время на дороге.

которого за темнотою герой наш не мог хорошо рассмотреть, одна только половина его была озарена светом, исходившим из окон; видна бы‹ла› еще лужа перед домом, на которую прямо ударял тот же свет. Дождь стучал звучно по деревянной крыше и журчащими ручьями стекал в подставленную бочку. Собаки заливались всеми возможными голосами: один, забросивши вверх голову, заливался так протяжно и с таким стараньем,[1] как будто бы за это получал бог знает какое жалование. Другой отхватывал наскоро, как пономарь; промеж ними звенел, как почтовый звонок [неутомимый] неугомонный дискант, [вероятно, какого-нибудь] вероятно молодого щенка, и всё это, наконец, повершал [хриплый] бас, вероятно, старик или просто наделенный дюжей собачьей натурой, потому хрипел, как в певческой контрабас, когда, между тем как тенора подымаются на цыпочки от сильного желанья[2] вывести высокую ноту и всё, что ни есть, подымается [более] и закидывает голову, а он один, засунувши подбородок в галстух и присевши и опустившись почти до земли, пропускает свою ноту, от которой трясутся стекла.[3] Наверное можно бы предполагать в этом оркестре более ста музыкантов. Это бы дало заметить Чичикову, что деревушка была порядочная. Но промокший и озябший герой ни о чем не думал, как только о постели. Еще бричка не успела совершенно остановиться, как он уже соскочил на крыльцо. На крыльцо вышла опять какая-то женщина несколько помоложе прежней, но чрезвычайно на нее похожая. Она проводила его в комнату. Чичиков кинул вскользь взгляда два: комната была обклеена старенькими полосатыми обоями; картины с какими-то птицами; между окнами маленькие зеркала и за всяким зеркалом заложены были или письмо, или старая колода карт, или чулок; стенные часы с цветами, нарисованными на циферблате... Не в мочь было больше ничего заметить. Чичиков чувствовал, что глаза его так липнули, как будто бы их

---

[1] один выл так усердно [2] *а.* от старанья [3] *Вместо* «промеж них ∾ стекла»: за ним был слышен дискант такой неугомонной, что в голове звенело. Всё это покрывал бас, видно уже старик, потому что лаял так хрипло, как генерал перед фрунтом.

кто-нибудь намазал медом. Минуту спустя вошла хозяйка, женщина уже пожилых лет, в каком-то спальном чепце, надетом наскоро, с фланелью на шее, одна из тех матушек, небольших помещиц, которые плачутся на убытки и неурожаи и держат голову несколько на бок, а между тем набирают понемногу в пестрядевые мешечки, размещенные по ящикам комодов, в один всё целковики, в другой полтиннички, в третий четвертачки, хотя и кажется с виду, будто бы в комоде ничего нет, кроме белья да разных ночных кофточек, да ниток, да распоротого салопа, имеющего потом обратиться в платье, когда старое как-нибудь прожжется во время печенья куличей к пасхе, или запачкается слишком в краску по случаю крашения шерсти.[1]

«Извините, матушка, что побеспокоил вас», сказал Чичиков.

«Ничего, ничего», сказала хозяйка. «В какое-то время вас бог принес! Сумятица и вьюга такая! Вам бы с дороги, батюшка, я знаю что прилично закусить чего-нибудь, да пора-то ночная, ничего и приготовить нельзя...»

Слова хозяйки были прерваны таким странным шипением, что Чичиков испугался и посторонился. Шум походил на то, как бы вся комната наполнилась змеями. Но, взглянувши, что стенным часам пришла охота бить. За шипением последовало скоро хрипение и, наконец, звуком как будто бы кто колотил палкой по глиняному горшку.[2] После чего маятник опять пошел покойно щелкать направо и налево.

«Благодарю, благодарю, матушка», отвечал Чичиков, «пожалуста, ни об чем не беспокойтесь! мне кроме постели ничего больше не нужно. А вот вы меня обяжете, когда скажете мне, где я, куда заехал и далеко ли живет помещик Собакевич?»

«Нет, отец мой, не слышала такого имени. Такого здесь нет помещика».

«По крайней мере, я думаю, знаете Манилова».

«А кто этот Манилов?» сказала старуха.

---

[1] «а между тем ~ шерсти» *вписано.* [2] *Здесь переписчик пропустил две строки* (сравни *РМ*, стр. 274 и Варианты к стр. 45).

Помещик, матушка».

«Нет, такого помещика здесь нет».

«Какие же есть?»

«Бобров, Свиньин, Конопатьев, Харпахин, Трепакин, Плешаков».

«Богатые люди, или нет?»

«Нет, отец, богатых слишком нет. У иного двадцать душ, у иного тридцать, а такие, чтобы по сотне, таких нет».

Тут заметил Чичиков, что он заехал в порядочную глушь. «Далеко ли, по крайней мере, до города?» спросил он.

«До города будет верст 60, а может быть и более. Я, право, так жалею, что ничего нет вам покушать. Не хотите ли, батюшка, выпить чаю?»

«Благодарю, благодарю, матушка, приготовьте мне только постель и больше ничего».

«Правда, что с такой дороги нужно отдохнуть. Вот тут себе, отец мой, и расположись на этом диване. Ей, Фетинья, принеси перину, подушки, простыню. Какое-то время наслал бог. Гром такой был, что у меня всю ночь горела свеча пред образом. Эх, отец мой, да у тебя-то, как у борова, вся спина и бок в грязи. Где это ты так изволил засалиться?»

«Эх, матушка, сла‹ва› богу, что жив остался. Опрокинулся вместе с бричкой на проклятой дороге. Хорошо еще, что лошади не потащили!»

«Святители, какие страсти! Да не нужно ли чем-нибудь потереть вам спину?»

«Спасибо. Вы уж ни об чем не беспокойтесь. Прикажите только девке вашей, чтобы высушила и вычистила хорошенько мое платье».

«Слышишь, Фетинья», сказала хозяйка, обратившись к той самой женщине, выходившей на крыльцо со свечею, которая уже успела притащить перину и, взбивши ее с обеих боков руками, напустила целый поток перьев по всей комнате. «Ты возьми ихний-то кафтан и исподнее и прежде просуши их пред огнем, как делывала покойнику барину. Потом перетри и выколоти хорошенько».

«Слушаю, сударыня», говорила Фетинья, настилая сверх перины простыню и кладя подушки.

«Ну, вот тебе постель и готова!» сказала хозяйка: «Прощайте, батюшка! Желаю вам спокойной ночи. Да не нужно ли еще чего-нибудь? Может, ты привык, отец мой, чтобы кто-нибудь почесал на ночь пятки; покойник мой без этого никак не засыпал».

«Благодарю, благодарю! ничего не нужно. Прощайте, матушка, приятного сна вам желаю».

«Прощай, отец мой!»

Хозяйка вышла; осталась только Фетинья. Чичиков поспешил разоблачиться и отдал верхнюю и нижнюю свою арматуру Фетинье, которая, пожелав ему, с своей стороны, спокойной ночи, потащила эти мокрые доспехи. Оставшись один, взглянул он не без удовольствия на свою постель, которая была почти до потолка. Фетинья, казалось, была мастерица[1] взбивать перины. Когда, подставивши[2] стул, взобрался он на постель, она опустилась под ним почти до самого полу, только перья разлетелись во все стороны комнаты. Погасивши свечу, он накрылся ситцевым одеялом, и, свернувшись под ним кренделем, заснул в ту же минуту. Проснулся он на другой день уже поздним утром. Солнце сквозь окна блистало[3] ему прямо в глаза, обливши лучами всю кровать его,[4] и мухи, которые вчера спали по стенам и потолкам, все обратились к нему: одна села ему на губу, другая на ухо, третья норовила как бы усесться ему на самый глаз.[5] Ту же, которая имела неосторожность подсесть близко к носовой ноздре его,[6] он потянул в просонках в самый нос, что заставило его крепко чихнуть, обстоятельство, бывшее отчасти причиною его пробуждения.[7] Окинувши взглядом комнату, он теперь заметил, что на картинах не всё были птицы: между ними висел портрет Кутузова и еще масляными красками был напачкан какой-то старик с красными обшлагами на мундире, как нашивали при Павле Петровиче. Часы опять испустили шипение и проколотили 10. В дверь взглянуло женское лицо, и в ту же минуту спряталось,

---

[1] Фетинья была большая мастерица [2] когда подмостивши [3] Солнце сквозь окна светило [4] «обливши ∾ его» *вписано.* [5] третья на шею, четвертая выбирала место как бы усесться даже на самый глаз [6] близко к ноздре [7] «обстоятельство ∾ пробуждения» *вписано.*

потому что Чичиков, чтобы лучше заснуть, скинул с себя совершенно всё.[1] Выглянувшее лицо ему показалось как будто несколько знакомо. Он начал себе припоминать и вспомнил наконец, что это была хозяйка. Он надел рубаху. Платье уже лежало возле него высушенное и вычищенное. Одевшись подошел он к зеркалу и чихнул так громко, что подошедший в это время к окну индейский петух (окно же было[2] очень близко от земли), протянувши свою шею с красным монистом, заболтал ему что-то[3] вдруг и весьма скоро на своем странном языке, вероятно: «желаю здравствовать», на что Чичиков сказал ему дурака. Взглянувши в окно, он заметил, что едва ли это окно не глядело в самый курятник, по крайней мере узенькой находившийся перед ним дворик был весь наполнен птицей и домашней тварью. Индеек и кур пищало и двигалось несметное множество. Меж ними ходил и петух очень размеренным шагом, потряхивая гребнем и поворачивая голову набок, как будто к чему-нибудь прислушиваясь. Свинья с семейством очутилась тут же, которая тут же, разгребая кучу, съела мимоходом цыпленка и, не замечая этого, продолжала уписывать арбузные корки. Этот небольшой дворик или курятник переграждал досчатый забор, за которым тянулись просторные огороды с капустой, луком, картофелем, свеклой и прочими грядами хозяйственной овощи. По огороду было разбросано немало яблонь и других фруктовых дерев, накрытых сетями для защиты от сорок и воробьев, из которых последние целыми косвенными тучами переносились с одного места на другое. Для этой же самой причины водружено было [местами] на длинных шестах несколько соломеных чучел с растопыренными руками, на одном из которых надет был чепчик[4] самой хозяйки. За огородами всё шли крестьянские [избы] дворы, которые хоть были врассыпную и не заключены в правильные улицы, но по замечанию, сделанному Чичиковым, показывали довольство обитателей, ибо были хорошо уснащены и поддержаны как следует: прогнившее

---

[1] скинул даже с себя рубашку, которая была тоже мокра. [2] окно было [3] заболтал что-то ему [4] чепец

дерево заплатано было новым, ворота нигде не покосились, и в обращенных к нему крестьянских крытых сараях заметил он где стоявшую запасную почти новую телегу, а где и две. «Да у ней деревушка впрочем не маленька!» сказал он, рассматривая избы, и тут же решил с ней познакомиться и разговориться покороче.[1] Он тот же час заглянул в щелочку дверей, из которой выглядывала хозяйка, и, увидевши ее сидевшею за чайным столиком, вошел к ней с веселым и весьма ласковым[2] видом.

«Здравствуйте, батюшка! Каково почивали?» сказала хозяйка, приподнявшись с места. Она была одета лучше вчерашнего, в темном платье, и уже не в спальном чепце, но на шее всё также было что-то намотано.

«Хорошо, хорошо», говорил Чичиков, садясь в кресла. «А вы как, матушка?»

«Плохо, отец мой!»

«Как так?»

«Бессонница, отец [мой]. Всё поясница болит и [одна] нога в месте, что пониже косточки, так и ломит».

«Пройдет, пройдет, матушка. На это нечего глядеть».

«Дай-то бог, чтобы прошла. Я-то смазывала свиным салом и скипидаром тоже смачивала. А с чем прихлебнете чайку? Вот в этой фляжке фруктовая [перегнанная на вишневые косточки]».

«Недурно, недурно, матушка, хлебну и фруктовой». Читатель, я думаю, уже заметил, что Чичиков, несмотря на ласковый вид, говорил, однако ж, с большею свободою, чем с Маниловым, и вовсе не церемонился. Должно признаться, что если у нас на Руси не угнались еще во всем за иностранцами, то зато в умении обращаться [чуть ли не] далеко их оставили за собою: и пересчитать нельзя[3] всех оттенков и тонкостей нашего обращения. Француз или немец как-то вовсе не умеет взяться и не понимает [можно сказать] разницы в обхождении, почти тем же голосом и тем же языком

---

[1] *Вместо* «Взглянувши ∾ покороче»: Взглянувши ∾ приятно (*РМ*, стр. 276) [2] с веселым и довольно ласковым [3] *Вместо* «не угнались ∾ нельзя»: поотстали ∾ исчислить (*РМ*, стр. 277).

станет он говорить и с миллионщиком[1] и с мелким табачным торгашем. У нас не то:[2] у нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совершенно иначе,[3] нежели с тем, у которого их триста. А с тем, у которого их триста, будут говорить опять не так, как с тем, у которого их пятьсот. Итак, пожалуй, хоть восходи до миллиона, а всё найдутся оттенки. Вот, положим, например, существует канцелярия, а в канцелярии, положим, [например] существует правитель канцелярии. Прошу, например, взглянуть на него в канцелярии, когда он среди своих подчиненных, да просто от страху и слова не выговоришь. Вид такой: гордость, благородство и ни весть чего в нем нет, просто[4] бери кисть да и рисуй. Прометей, решительный Прометей![5] Глядит орлом, выступает плавно, мерно. Тот же самый орел, как только вышел из комнаты и приближается к кабинету своего начальника, куропаткой такой спешит с бумагами под мышкой, что мочи нет. В обществе и на вечеринке то же самое: будь все не очень далекого чина, Прометей так и останется Прометеем. А будь все выше его, с Прометеем сделается такая метаморфоза, что и [сам] Овидий не выдумает:[6] муха, меньше даже мухи! уничтожился в песчинку. «Да это не Иван Петрович», говоришь, глядя на него: «Иван Петрович гораздо выше ростом, а этот и низенькой и худенькой; тот говорит громко, басит и никогда не смеется, а этот, чорт знает что: пищит птицей и всё смеется». Подходишь ближе, глядишь: точно[7] Иван Петро-

---

[1] *Вместо* «Француз ∾ миллионщиком»: Француз ∾ с миллионщиком (*РМ*, стр. 277); *а.* Француз или немец в этом отношении совершенный дурак: он как-то вовсе не умеет взяться и не понимает совершенно разницы в обхождении с миллионщиком [2] У нас совсем другое. [3] которые с помещиком ∾ другим образом (*РМ*, стр. 277); *а. Начато:* которые будут говорить; *б.* которые с помещиком, у которого есть двести душ, будут совсем иначе говорить. [4] *Вместо* «А с тем, у которого их триста ∾ просто»: а с трех-сотным опять ∾ что просто (*РМ*, стр. 277) [5] совершенный Прометей [6] *Вместо* «В обществе ∾ не выдумает»: А попадись ∾ узнать нельзя (*РМ*, стр. 278); *а.* В обществе ли или на вечеринке тоже самое: будь все пониже чином, Прометей так и останется Прометеем. А будь все выше его, с Прометеем тогда престранная сделается история, так что его вовсе узнать нельзя: [7] Подходишь ближе: точно

вич! «Эхе, хе», думаешь себе... Но, однако ж, обратимся к действующим лицам. Чичиков, как мы уже видели, решился вовсе не церемониться и потому, взявши в руки чашку с чаем и вливши туда фруктовой водки, он обратился к хозяйке с такими словами.

«У вас, матушка, хорошая деревенька. Сколько в ней душ?»

«Душ-то в ней, отец мой, без малого 80», сказала хозяйка: «да то беда моя, что времена-то плохи. Вот и прошлой год был такой неурожай, что боже упаси...»

«Ну, однако ж, всё еще слава богу. Мужички на вид дюжие и избенки всё почти новые. Восемьдесят душ не лишняя вещь... А позвольте узнать фамилию вашу. Я право так захлопотался, приехал в такое время и позабыл совершенно спросить».

«Коробочка, коллежская секретарша».

«Покорнейше благодарю. А имя и отчество как?»

«Настасия Петровна».

«Настасия Петровна! Хорошее имя: Настасия Петровна. У меня тетка, родная сестра моей матери, Настасия Петровна».

«А ваше имя как?» спросила помещица. «Ведь вы, я чай, заседатель?»

«Нет, матушка,» отвечал Чичиков, улыбнувшись: «[я] чай, не заседатель, а так ездим по своим делишкам».[1]

«А, так вы покупщик![2]
что я продала мед купцам[2]
а вот ты бы, отец[2],
верно купил[2]
чтобы подать с души уплачивать.[3] Народ мертвый, а плати, как за живого человека. На прошлой неделе сгорел у меня кузнец, такой искусный кузнец, и слесарное мастерство знал».

«Разве у вас был пожар, матушка?»

---

[1] Нет, матушка ∾ имею дельце (*РМ*, стр. 279); *а.* «Нет, матушка», отвечал Чичиков улыбнувшись. «Я не заседатель, а имею кое-какие свои надобности. Запасаюсь кое-чем *далее лист оторван и утрачено одно(?)* слово приобретаю [2] *Дальше текст утрачен; нижняя часть листа оборвана и сохранились лишь начала трех строк. Соответствующим образом утрачен текст на обороте этого листа. См. прим. 7 и 9 на след. странице.* [3] чтобы подушную уплачивать

«Бог приберег от такого горя; пожар бы еще хуже,[1] сам сгорел, отец мой. Внутри у него как-то загорелось, чрес-чур выпил, так только синий огонек пошел от него; весь истлел, истлел и почернел,[2] как уголь; а такой был пре-искусный кузнец.[3] И теперь [такое мне горе] мне выехать не в чем:[4] некому лошадей подковать».

«На всё воля божия, матушка», сказал Чичиков вздох-нувши.[5] Против мудрости божией ничего мы не можем сказать. Уступите-ка их[6] мне, Настасия Петровна.

«Кого, батюшка?»

[7]вот этих-то всех, что[8] умерли
[7]уступить их, отец мой?»
[7]Или пожалуй продайте![9]

‹ГЛАВА IV›

Иной, например, человек уже в чинах с благородной наружностью, со звездой на груди, будет вам жать руку, разговорится с вами о материях [самых] высоких, предметах истинных, глубоких и призывающих на размышление, а потом, смотришь, тут же пред вашими глазами и нагадит вам, и при-том нагадит таким образом и в таком размере, как коллеж-ской регистратор, а не как человек со звездой на груди, разговаривающий о предметах высоких и предметах вызыва-ющих на размышление; так что стоишь только, да дивишься, разинув рот, да и ничего более.[10] Такую же странную страсть имел и Ноздрев. Чем кто ближе с ним сходился, тому он скорее всех насаливал, наделивши обыкновенно его какою-нибудь такою небылицею, что просто уши

---

[1] «Нет не пожар. Бог приберег от такого горя. [2] весь истлел и почернел [3] был искусный кузнец [4] теперь такая беда моя. Хотела было ехать в город, [5] «сказал ∾ вздохнувши» *вписано.* [6] Уступите их [7] *Начало текста оборвано.* [8] *Вместо* «вот ∾ что»: этих-то что [9] *Далее оборвана нижняя часть листа. Окончание главы III и начало гл. IV не сохранились.* [10] *Вместо* «Иной ∾ более»: но даже и между государственными людьми. Иной, например, и руку вам жмет и так хорошо и приятно рассуждает с вами об разных уче-ных предметах, потом, смотришь, тут же сейчас перед вашими глазами и нагадит, так что стоишь только и дивишься.

вянули.[1] Но так как исстари[2] замечено, что чем глупее и нелепее дичь, тем более на нее бывает стрелков, то подобная небылица всегда имела успех.[3] Если он узнавал, что приятель его женится, то за день до свадьбы[4] успевал родственникам невесты наболтать про жениха столько про его неспособности и разные небывалые связи, что те захлопывали дверь под нос изумленному искателю, никак не могшему постичь причины такой внезапной перемены. Если же узнавал, что приятель его готов совершить выгодную покупку, то являлся как снег на голову, набавлял цену и сам не покупал и расстраивал дело. И это вовсе не происходило от того, чтобы он был какой-нибудь демон и смотрел на всё черными глазами. Ничуть не бывало. Он смотрел на мир довольно веселыми глазами и сделанная им пакость никак не доставляла ему радости, но просто было что-то необходимое, как хлеб, без которого нельзя жить. Сделавши такое дело, он вовсе не почитал себя вашим неприятелем, напротив, если случай приводил его опять встретиться с вами, он обходился вновь по-дружески и даже говорил: «ведь ты такой подлец, никогда ко мне не заедешь». В поступках его много было завоевательного. Начнет склонять так настойчиво, что, наконец, сам не зная, каким образом, наконец, соглашаешься на его просьбу. И не только люди в существе слабые, похожие характером на белокурого его зятя,[5] но даже коротко знавшие его, называвшие его армейским, но удовлетворительным словом «черняк», упорно отвергавшие все его просьбы, эти же самые чрез несколько минут садились вновь играть с ним и потом чрез[6] несколько минут, само собою разумеется, опять угощали[7] его сапогами. Ноздрев

---

[1] скорее всех насаливал. Или рассказывал про приятеля своего такую небылицу, что просто уши вянут. [2] Но уж исстари [3] стрелков, и потому такие небывальщины всегда почти имели успех. [4] за день пред свадьбой [5] не только люди смирные, похожие характером на белобрысого его зятя [6] *Вместо* «коротко ∾ чрез»: люди очень коротко его знающие, которые называют его одним словом: черняк (слово, употребляющееся в армейском мире), которые очень упорно отвергают его просьбы, смотришь, чрез несколько минут уже играют с ним вместе, а потом чрез [7] опять угощают

во многих отношениях был многосторонний человек, или по-просту: человек на все руки. — Познакомившись с вами, он вам предлагал всё, что угодно: ехать, куда желаете, а прежде всего меняться[1] всё, что ни есть, на всё, что хотите. Ружье, собака, лошадь, всё было предметом мены. Но вовсе не с тем, чтобы выиграть что-нибудь: это происходило просто от какой-то неугомонной деятельности и живости характера. Если ему на ярмарке посчастливилось иногда, и он нападал на такого молодца, которого мог обчистить кругом, оставивши ему одну только рубашку, тогда он накупал кучу всего, что прежде попадалось ему на глаза в лавках: хомутов, курительных смолок, ситцев, платков для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомойник, голландского холста, крупичатой муки, табаку, пистолетов, картин, точильный инструмент, горшков, сапогов, поповских риз, фаянсовую посуду — на сколько хватало денег. Две или три телеги едва вмещали всю его покупку. Однако ж, редко, очень редко случалось, чтобы всё это довозил он в целости домой, но в тот же самый день спускал он их гораздо счастливейшему игроку, прибавив даже собственную трубку с кисетом и мундштуком, а иногда и всю четверку, на которой приехал, с хомутами, коляской, кучером, со всем, и отправлялся в коротеньком сюртучке искать какого-нибудь приятеля, чтобы попользоваться его экипажем и доехать с ним вместе. Вот каков был Ноздрев! Еще бы можно кое-что прибавить, но, впрочем, мы с ним встретимся еще не один раз.[2]

Между тем три экипажа достигнули его деревни. Было три часа, когда они вступили в господские комнаты. В доме решительно не было никакого приготовления. Посредине столовой стояли деревянные козлы, и два мужика, стоя на них, белили стены, затягивая какую-то бесконечную

---

[1] Познакомившись с вами, он уже вам предлагал меняться
[2] *Вместо* «еще бы можно ∾ один раз»: *а.* Можно бы еще кое-что прибавить к этому описанию, но лучше оставить до другого времени, когда случится еще с ним встретиться; *б.* Можно бы еще кое-что сказать, но впрочем мы с ним, я полагаю, встретимся не в одном месте нашей поэмы и наговоримся еще вдоволь.

песню, состоявшую из двух гласных: *а* и *о*. Пол весь был обрызган белилами. Ноздрев приказал тот же час[1] мужиков и козлов вон[2] и выбежал в другую комнату отдавать повеления.[3] Гости слышали, как он заказывал повару обед. Сообразивши эти обстоятельства, Чичиков, уже начинавший несколько чувствовать аппетит, увидел ясно, что раньше пяти часов он никак не мог обедать. Ноздрев, возвратившись, тот же час повел гостей своих осматривать всё, что ни было у него на деревне, и в 2 часа с небольшим показал решительно всё, так что ничего уже больше[4] не осталось показывать. Прежде всего пошли они обсматривать конюшню, где видели [гнедого коня,] двух кобыл, одну серую в яблоках, другую чалую, потом [опять какого-то] гнедого жеребца на вид и не казистого, но за которого Ноздрев божился, что заплатил десять тысяч. «Десяти тысяч ты за него не дал», заметил зять: «он и одной тысячи не стоит».

«Ей богу дал 10 тысяч», сказал Ноздрев.

«Ты себе можешь божиться сколько хочешь», отвечал зять.

«Ну, хочешь, побьемся в заклад», сказал Ноздрев. В заклад зять не хотел биться.

Потом Ноздрев показал пустые стойла, где были прежде тоже очень хорошие лошади. В этой же конюшне видели [они] козла, которого, по старому поверью, почитали необходимым держать при лошадях и который, как казалось, был с ними в ладу, ибо гулял[5] под их брюхами, как будто у себя дома. Потом Ноздрев повел их глядеть волченка, бывшего на привязи. «Вот волченок!» сказал он своим гостям: «я его нарочно кормлю сырым мясом. Мне хочется, чтобы он был совершенным зверем». После этого повел он их в амбар показывать одеяло, сшитое из натравленных им зайцев. Обсмотревши одеяло, пошли смотреть пруд, в котором, по словам Ноздрева, водилась рыба такой

---

[1] *а*. Ноздрев дал тотчас приказание; *б*. Ноздрев дал тотчас повеление [2] мужиков и козлов к чорту [3] отдавать приказания [4] так что уж совершенно ничего [5] был с ними в большой дружбе и гулял

величины, что 2 человека с трудом вытаскивали штуку, в чем, однако ж, родственник не преминул усумниться. «Я тебе, Чичиков, покажу теперь пару щенков самой чистой псовой породы», сказал Ноздрев и повел их к низенькому домику, окруженному большим, загороженным со всех сторон двором. Вошедши в этот двор, увидели там Разбоя, Разора, Налетку, Красотку, Птицу, Змейку, которые, пустивши мельницами хвосты, побежали во весь галоп к ним на встречу и начали здороваться с ними совершенно без всякой церемонии. Штук десять из них положили свои лапы Ноздреву на плечи. Разбой оказал такую же дружбу Чичикову и, поднявшись на задние [лапы] ноги, лизнул его языком в самые губы, так что Чичиков тут же выплюнул. Осмотрели щенков: хорошие были щенки. Потом пошли осматривать суку, которая была уже слепая и, по словам Ноздрева, должна была скоро сдохнуть, но года два тому назад была очень хорошая сука. Осмотрели суку: сука точно была слепая. Потом пошли осматривать водяную мельницу с изломанным колесом,[1] осмотрели и мельницу. «А вот тут скоро будет кузница», сказал Ноздрев. Немного прошедши, они увидели, точно, кузницу. Осмотрели и кузницу.

«Вот на этом поле», сказал Ноздрев, указывая пальцем на поле: «зайцев такое множество, что просто земли не видно. Я сам своими руками поймал одного из них за задние ноги».

«Ну, зайца ты руками не поймаешь», заметил зять.

«Ей богу, поймал», отвечал Ноздрев: «хочешь я тебе даже покажу, пришедши домой, с него шкурку. Теперь я поведу тебя посмотреть», продолжал он, обращаясь к Чичикову: «границу, где оканчивается моя земля». Ноздрев повел своих гостей полем, которое во многих местах состояло из кочек. Гости должны были пробираться между перелогами и взбороненными нивами. Чичиков начинал чувствовать усталость. Во многих местах ноги их выдавливали под собою воду, до такой степени место было низко. Чичи-

---

[1] водяную мельницу, в которой не было одного колеса

ков, который ступал сначала осторожно, чтобы не загрязнить своих сапогов, наконец, увидел, что это ни к чему не служит, и брел прямо. Прошедши порядочное расстояние, увидели, точно, границу, состоявшую из деревянного столбика и узенького рва. «Вот граница», сказал Ноздрев: «всё, что ни видишь по эту сторону — всё это мое и даже по ту сторону весь этот лес, который, видишь ты, там синеет, и всё, что за лесом, всё это мое».

«Да когда же этот лес сделался твоим?» спросил зять. «Разве ты недавно купил его? Ведь он не был твой».

«Да, я купил его недавно», отвечал Ноздрев.

«Когда же ты успел его так скоро купить?»

«Как же! Я еще третьего дня купил, и дорого, чорт возьми, дал».

«Да ведь ты был в это время на ярмарке».

«Ну, да, без меня тут мой приказчик и купил».

Гости возвратились тою же гадкою дорогою к дому. Ноздрев повел их в свой кабинет и небольшую в соседстве с ним комнатку, где показал им ружья, тоже с виду не очень казистые, но из которых одно стоило триста, а другое восемьсот рублей. Зять, обсмотревши, покачал только головою. Потом показал турецкие кинжалы, на одном из которых по ошибке было вырезано: [Тула, а на другом] мастер Савелий Сибиряков. За сим показал Ноздрев своим гостям шарманку и проиграл тут же перед ними несколько разных штук. Шарманка эта играла очень хорошо и имела весьма приятный голос, но в середине ее тоже случилось что-то особенное, ибо мазурка оканчивалась песнью: «Мальбруг в поход поехал», а «Мальбруг в поход поехал», в свою очередь, оканчивался тоже каким-то давно знакомым вальсом. Уже Ноздрев давно перестал вертеть, но в шарманке была одна дудка чрезвычайно бойкая, которая никак не хотела перестать и долго еще после того свистела одна.[1] Потом показались гостям трубки, не так давно выигранный янтарный мундштук и кисет, вышитый ему какою-то графинею,

---

[1] дудка чрезвычайно бойкая и свистела очень еще долго после того, как перестали играть. «Уже Ноздрев ∾ свистела одна» *вписано.*

где-то на почтовой станции влюбившей‹ся› в него по уши, и у которой ручки, по словам его, были: самый рассубтильный деликатес.[1] Потом Ноздрев велел подать привезенного им балыка. Закусивши балыком, они сели за стол близ пяти часов.

Блюда за столом не играли важной роли, и сам хозяин мало на них обращал внимания, зато очень заботился о винах. Еще не подавали супа, он уже налил гостям по большому стакану портвейна и по другому Го-Сотерну, потому что в губернских и уездных городах не бывает простого сотерну [но всегда Го]. Потом Ноздрев велел принести бутылку мадеры, лучше которой не пивал сам фельдмаршал. Эта мадера была нестерпимо крепка, ибо купцы, зная уже вкус обитателей того округа, заправляли ее нещадно ромом и крепкою водкою.[2] Потом Ноздрев велел еще принесть какую-то особенную бутылку, которая была, по словам его, и бургоньон и шампаньон вместе. Он подливал [ее] очень усердно в оба стакана, и направо и налево, и зятю и Чичикову, но сам показывал только для виду, будто наливает и пьет. Это Чичиков заметил и решился быть осторожным. Как только Ноздрев как-нибудь[3] заговаривался или наливал зятю, он опрокидывал[4] свой стакан в тарелку. Ноздрев велел подать еще какую-то рябиновку,[5] которая, по словам его, имела совершенный вкус[6] сливок,

---

[1] *Далее было*: Гости набили трубки и выкурили какого-то табаку ‹*1нрзб.*› прямо из Лондона. Чичиков взял одну трубку, для того только, чтобы держать ее во рту, не желая ссорить‹ся› с хозяином [2] была нестерпимо крепка, потому что в губернских городах заправляют ее нещадно ромом и крепкою водкою, зная, что чиновники и окружные помещики любят добрую мадеру. [3] *Вместо* «Он подливал ∾ как-нибудь»: Ноздрев наливал гостям чрезвычайно щедро и упрашивал пить с большими заклинаниями: «Ты мне не друг и не товарищ, и не знайся со мною, и не езди ко мне, если не выпьешь». Зять, несмотря на то, что оказывал большое сопротивление, к концу всегда почти выпивал. Чичиков однако ж заметил, что сам хозяин почти вовсе не пил и показывал только для виду, что наливал в свой стакан. Это заставило его быть осторожным, и потому как только замечал, что Ноздрев [4] в тот же час он опрокидывал [5] *Вместо* «Ноздрев велел ∾ рябиновку»: После пирожного Ноздрев велел подать рябиновку [6] имела совершенно вкус

но в которой кроме сильного запаха водки ничего [особенного] не было. Потом пили какой-то бальзам, носивший такое имя, которое трудно было припомнить,[1] да и сам хозяин в другой раз назвал его другим именем. Хотя обед давно окончился, но гости всё еще сидели за столом. Чичиков давно бы хотел[2] заговорить с Ноздревым насчет предмета,[3] о котором читатель уже знает, и разведать, что и как у него и в каком числе.[4] Но казалось ему как-то неловко[5] заговорить об этом при зяте, который все-таки здесь посторонний человек, хотя он[6] уже давно был в таком положении, что только зевал да клал[7] себе на локоть голову. Наконец, встали из-за стола. Зять почувствовал, что загулялся, и стал отпрашиваться домой, но так[8] лениво и вяло, как будто бы надевал на лошадь клещами хомут.[9]

«Не пущу, не пущу!»[10] говорил Ноздрев: «право, не пущу!»

«Нет, поеду, мой друг, право, поеду», говорил зять: «не обижай меня таким образом, ты меня очень обидишь».

«Пустяки, пустяки! Мы соорудим сию минуту банчишку».[11]

«Нет, брат, ей богу, не могу. Жена будет в большой претензии, право будет в претензии, я ей должен еще рассказать о ярмарке. Нужно, брат, право нужно доставить ей удовольствие. Нет, ты не держи меня. Право поеду, как честный человек поеду».

«Вздор, вздор жена. Важное дело вы станете с ней делать!»[12]

---

[1] но в которой однако ж был слышен один только вкус водки. Еще пили какой-то бальзам, которого названия уж никак нельзя припомнить [2] *а.* Чичиков несколько раз уже хотел было [3] *Далее начато*: близкого к [4] *а.* и [расспросить] разведать, что и как у него мертвые души, в каком количестве внутренно, и если б можно, так и кончить бы всё скорее. [5] *Далее начато*: при постороннем человеке [6] хотя зять [7] *Далее начато*: на стол [8] *а.* но таким [9] *Вместо* «Чичиков давно ∾ хомут»: Зять почувствовал такую зевоту, что, зевнувши, целый час не мог закрыть своего рта. Чичиков имел дух встать из-за стола и освежиться стаканом воды. Зять, несмотря на шумевший в голове задор, смекнул тоже, что он слишком загулялся, и стал отпрашиваться домой чрезвычайно ленивым и расслабленным языком. [10] Не пущу, не пущу! и не думай себе этого! [11] Мы сейчас состроим банчишку и гальбек. [12] Вздор, вздор! Нашел отговорку: жена. Очень важное дело будешь с ней делать!

«Нельзя, брат, право, нельзя! Она такая, право, добрая жена. Уж, точно, примерная, такая почтенная и верная! Услуги оказывает такие... что даже, поверишь, у меня слезы на глазах. Нет, ты не держи меня; как честный человек, поеду. Я тебя в этом уверяю по истинной совести».

«Да отпусти его»,[1] сказал Чичиков, и потом прибавил Ноздреву на ухо: «что в нем толку?»[2]

«А и в правду»,[3] сказал Ноздрев: «Смерть не люблю таких нюнь. Ну [ступай], чорт с тобой, поезжай[4] бабиться с женою. Я тебя не держу».[5]

«Нет, брат, ты не говори так», отвечал зять. «Я ей, можно сказать, жизнью своею обязан. Такая, право, добрая, милая, такие ласки оказывает... до слез разбирает... Спросит, что видел на ярмарке, нужно всё подробно рассказать, чтобы ее утешить; такая, право, милая».

«Ну, поезжай, ври ей чепуху,[6] вот картуз твой».

«Нет, брат, ты не отзывайся так о ней: этим ты, можно сказать, меня самого обижаешь. Она такая милая».

«Ну, так и убирайся к ней скорее!»

«Да, брат, поеду, извини, что не могу остаться.[7] Душой рад бы был, но не могу». Зять еще долго повторял свои извинения, уже сидя в бричке, и раскланивался, не замечая, что уже давно перед ним были одни пустые поля.[8] Должно думать, что жена не много слышала от него подробностей о ярмарке.

«Такая дрянь!» говорил Ноздрев, стоя перед окном и глядя на уезжавший экипаж.[9] «Вишь [ты], как потащился!

---

[1] *Вместо* «Да отпусти его»: В самом деле, если нужно ехать, [2] Отпусти его, что в нем толку [3] «Ты прав, Чичиков» [4] *Вместо* «Ну, чорт ∾ поезжай»: Пожалуй, поезжай себе [5] «Я тебя не держу» *вписано.* [6] «Поезжай, поезжай. Рассказывай ей чепуху, [7] остаться с тобою. [8] *Вместо* «Зять еще ∾ поля»: Чичиков и Ноздрев проводили зятя к бричке. Он взлез и, поместившись, очень учтиво извинился, что не мог провести с ним вечера. Эти извинения повторял он еще очень долго, не замечая, что гостей пред ним не было, и что бричка выехала давно со двора. [9] говорил Ноздрев, глядя вслед удалявшейся бричке.

Пристяжной не дурен;[1] я давно хотел подцепить его. Да ведь такая жила; с ним никак нельзя сойтиться».[2]

За сим вошли они в комнату. Порфирий подал свечи, и Чичиков[3] заметил в руках хозяина неизвестно откуда взявшуюся колоду карт.

«А что, брат», говорил Ноздрев, прижавши бока колоды пальцами и несколько погнувши ее, так что треснула и отскочила бумажка.[4] «Чорт возьми, для препровождения времени, держу триста рублей банку».[5]

Но Чичиков вовсе не был расположен ни пунтировать, ни держать банку. Ему хотелось скорее кончить дело, за которым приехал, и потому он тут же сказал: «Прежде [всего] позволь, у меня есть к тебе маленькая просьба».

«Какая?»

«Дай мне слово,[6] что ты сделаешь то, о чем тебя стану просить».

«Да что ж ты хочешь просить?»

«Ну, да уж дай слово».

«Изволь».

«Честное слово?»

«Честное слово!»

«Послушай, ведь у тебя, я чай, есть довольно умерших крестьян, таких, которые не вычеркнуты из ревизии».

«Ну, есть, а что?..»

---

[1] Вороной конёк на пристяжке не дурен, [2] *Далее было*: как водится между хорошими товарищами. Чорт с ним. Не правда ли, брат, лучше, что он убрался. Мы без него можем поспокойнее в банчишку или в другую какую-нибудь игорку». [3] Вместо «Порфирий ∾ Чичиков»: Ноздрев велел подать свечи, потому что были уже совершенные сумерки. Порфирий поставил перед ними опять бутылку с каким-то прекрепким вином. Когда стаканы были наполнены, Чичиков [4] «А что, брат, не обновить ли ее», говорил Ноздрев тасуя [5] «для препровождения времени. Так уж и быть, держу триста рублей банку. Чтобы не разориться слишком, потому что я знаю, что с тобою опасно играть». [6] *а*. Но Чичиков вовсе не был расположен играть в банк, даже хотя бы на место Ноздрева был и другой игрок. «Ну банк можно и ‹*1 нрзб.*›» сказал он. «[Я теперь] [Мне давно хотелось.] А вот знаешь что, душа? мне давно хотелось у тебя попросить об одном».

«О чем?» сказал Ноздрев

«Дай мне слово

«Переведи их на меня, на мое имя».

«А на что тебе?»

«Ну, да мне нужно».

«Да на что?»

«Ну, да уж это мой секрет».

«Ну, уж, верно, что-нибудь затеял. Ведь я знаю тебя. Признайся, что такое затеял».

«Вот уж и затеял. Совсем ничего, даже просто и не предполагал ничего, а так».

«Да почему ж ты не хочешь сказать?»

«Да что ж тебе сказать. Здесь и сказать нечего».[1]

«Так вот же, до тех пор,[2] покамест — не скажешь на что, не сделаю».

«Ну вот видишь, душа, ну, вот уж и не честно с твоей стороны».

«Ну, как ты себе хочешь, а не сделаю, пока не скажешь, на что».

«Что бы такое [придумать мне] мне выдумать сказать ему?»[3] подумал про себя Чичиков и на несколько минут остановился. Он вообще затруднялся, если дело клонилось к тому, чтобы изъяснить причины сей еще никем доселе не предпринимаемой покупки, тем более, что самый предмет был точно несколько странен.[4] Подумавши несколько, он сказал Ноздреву,[5] что умершие души нужны ему для приобретения весу в обществе, что он поместьев больших не имеет, так до того времени[6] хоть какие-нибудь душонки...[7]

---

[1] *Вместо* «Ну, да уж это мой секрет ∾ сказать нечего»: *а.* «Ну, да уж довольно того, что мне нужно».

«Да я хочу знать, на что?»

«Ну, просто это каприз мой».

«Да почему же ты не хочешь сказать?»

«Ну, да [уж] это уж мое дело. Ты мне дал честное слово

[2] *а.* Нет, до тех пор [3] *Далее начато: а.* подумал, [нем⟨ного⟩] остановившись, Чичиков. Надобно заметить, что он на несколько; *б.* подумал про себя Чичиков и на несколько минут остановился. Надобно заметить, что он вообще несколько затруднялся [4] *а.* самый предмет в самом деле был отчасти несколько странен. [5] *Далее начато: а.* что это нужно; *б.* что они нужны [6] *Далее начато: а.* ему нужно, чтобы хоть на бумаге... [7] *Вместо* «Но Чичиков вовсе ∾ душонки»: В гла-

«Врешь, врешь!» сказал Ноздрев, не давши окончить ему: «Врешь, брат».

Чичиков и сам[1] заметил, что придумал не очень ловко, и что приведенный им предлог отчасти слаб. «Ну, так я ж тебе скажу прямее», произнес он поправившись: «[скрываться перед тобой не стану] только, пожалуста, не проговорись никому. Я задумал жениться, но нужно тебе знать, что отец и мать невесты преамбиционные люди, хотят непременно, чтобы у жениха было никак не меньше трех сот, а так как у меня целых почти полутораста крестьян недостает...»[2]

«Ну, врешь, врешь!» закричал опять Ноздрев.

«Ну, ей-же ей, правда», сказал Чичиков: «уж здесь-то ни на волос не солгал».

зах Чичикова совсем не было заметно желания играть, напротив того, видно было, что с своей стороны имел тоже кое-что предложить.

«Ну, мы можем это и после», сказал он Ноздреву. «А теперь я хочу тебя о другом попросить. Послушай, душа! ты меня очень обяжешь, если сделаешь мне одну дружбу, я знаю, что ты один из искреннейших моих друзей...»

«Ну, говори, посмотрим, что там такое? Бьюсь об заклад, что уж задумал что-нибудь».

«О ничуть, это безделица, на которую тебе ничего не стоит согласиться».

«Говори, говори!»

«У тебя, душа моя, ведь, верно, есть умершие души, которые еще числятся по ревизии?»

«Ну, есть довольно. Что ж из этого будет?»

«Послушай, жизнь моя, переведи их на меня так, как будто бы я и купил их у тебя».

«Да на что тебе?»

«Мне они нужны».

«Да на что?»

«Да так, надобность встретилась... Ты меня очень обяжешь, душа моя, если исполнишь это».

«Нет, скажи прежде, на что. До тех пор не сделаю, покамест не скажешь».

«Да что ж тебе говорить? Ну, просто хочется иметь, если будут хоть на бумаге числиться за мною. Иной подумает, что живые, больше почтения будет оказывать».

[1] *а.* Герой наш и сам [2] *а.* так как у меня трехсот недостает

«Ну, я просто голову свою ставлю, что врешь», сказал Ноздрев.[1]

«Ну, да почему ж тебе кажется, что я лгу?» сказал Чичиков.

«Ну, да уж так. Ведь я знаю хорошо тебя: ведь ты такой[2] мошенник, позволь мне это сказать тебе по дружбе. Если бы я был твоим начальником, я бы тебя повесил на первом дереве».

[Заметно было, что] Чичиков оскорбился таким замечанием.[3] Уже всякое выражение сколько-нибудь грубое или оскорблявшее благопристойность, было ему [очень] неприятно, а тем более бранное слово и притом еще устремленное лично к нему. Он даже не любил ни в каком случае слишком фамилиарного с собою обращения,[4] разве в таком

---

[1] *В рукописи ошибочно вместо:* Ноздрев *Гоголь написал:* Чичиков [2] *Вместо* «Врешь, врешь!» сказал Ноздрев ∾ ты такой»:

«Врешь, врешь. Верно что-нибудь затеваешь?»

«Что ж тут затевать? Из мертвых душ ничего не затеешь».

«Нет, нет, брат. Я знаю твой характер: ты из пустого не станешь хлопотать. Божусь, что до тех, покамест не скажешь, ничего не сделаю».

«Что ж тебе говорить? Я сказал уже... Я тебе тоже с своей стороны прислужусь, потому что, признаться сказать, я тебя очень люблю, и чувствую влечение очень большое».

«Это всё так, но признайся прежде, на что тебе умершие души!»

«В чем же тут признаваться, просто понадобились, чтобы больше весу в обществе... у меня уж такой характер странный, если что-нибудь вздумается, хоть и вздорное, то уж никак не могу... Ты меня, душа моя, очень обяжешь».

«Почему ж ты не хочешь сказать?»

«Ну, я не знаю, что уж тебе говорить. Ты вообразил себе непременно что-то важное».

«Ей богу, братец, ты такой;

а. «Врешь, врешь!» сказал Ноздрев, не давши окончить ему. «Врешь, брат».

«Ну, так я ж тебе скажу прямее», сказал Чичиков, почувствовав, что в самом деле приведенный им предлог был слаб и сочинением своим не весьма *<1 нрзб.>*. «Я же не буду скрываться пред тобою. Я задумал *и т. д. как и в тексте.* [3] *а. Далее начато:* Будучи человеком [4] *а.* Он даже не любил совершенно фамилиарного с собою обращения

только [случае] разе, когда особа была слишком высокого звания.[1] И потому он оскорбился замечанием Ноздрева.[2]

«Ей богу повесил бы», повторял Ноздрев»: «я тебе говорю это откровенно[3] не с тем, чтобы тебя обидеть, а просто по-дружески говорю».[4]

«Полно, оставь глупые шутки», произнес Чичиков обиженным голосом: «Не хочешь подарить, так продай!»[5]

«Продать? Да ведь я знаю тебя, ведь ты подлец, ведь ты дорого не дашь за них».

«Еще бы! Как будто это брилиант какой-нибудь, что ли».[6]

«Ну так и есть. Я уж тебя знал».

«Помилуй, братец. Что ж у тебя за жидовское побуждение. Ты бы должен был подарить мне их».[7]

«Ну, послушай, чтобы доказать тебе, что я не такой как ты, я не возьму[8] за них ничего. Купи у меня жеребца,[9] я тебе дам[10] их в придачу».

«Помилуй! на что ж мне жеребец?» сказал Чичиков, изумленный в самом деле таким предложением.

«Как на что? Да ведь я за него заплатил 10 тысяч, а тебе отдаю за четыре».

«Да на что мне жеребец? Завода я не держу».

«Да послушай, ты не понимаешь, ведь я с тебя возьму теперь всего только три тысячи, а остальную тысячу ты можешь заплатить мне после».[11]

---

[1] *а.* разве уж особа была слишком высокого звания. [2] *Вместо* «Чичиков оскорбился ∾ замечанием Ноздрева»: Такое замечание очень не понравилось Чичикову. [3] *Далее было:* Я тебя с первых двух слов угадал; [4] не с тем, чтобы тебя обидеть, а говоря по-дружески; имей я над тобою власть, я бы тебя сейчас повесил, я закладую свою голову, если ты чего-нибудь не затеваешь». [5] «Ну, полно, оставь твои шутки. Ежели ты не хочешь подарить мне этого вздора, так продай!» [6] Еще бы! за что ж тут давать дорого, как будто в самом деле вещь чего-нибудь стоящая». [7] «Помилуй, братец, за что ж я буду сыпать на воздух деньги. Ты бы по-настоящему должен был их мне даром отдать». [8] я не беру [9] гнедого жеребца [10] я тебе просто дам [11] *Вместо* «Помилуй ∾ после»:

«На что ж мне жеребец? С меня предовольно своей тройки».

«Я с тебя недорого возьму: сам дал 10 тысяч, с тебя только всего четыре тысячи, а души даром пойдут».

«Да не нужен мне жеребец. Бог с ним!»[1]

«Ну, купи чалую кобылу».

«И кобылы не нужно».

«За кобылу и за серого коня, которого ты у меня видел, возьму с тебя только 2 тысячи».

«Да не нужны мне лошади».[2]

«Ты их продашь: тебе на первой ярмарке дадут за них втрое больше».

«Так лучше ж ты сам продай, когда уверен, что выиграешь втрое»[3].

«Я знаю, что выиграю, да мне хочется, чтобы и ты получил выгоду».

Чичиков поблагодарил за расположение и напрямик отказался и от гнедого коня, и от чалой кобылы.

«Ну, так купи собак. Я тебе продам таких собак,[4] что просто мороз по коже подирает».

«Зачем же мне собаки?» сказал Чичиков: «я не охотник».[5]

«Мне хочется, чтобы у тебя были собаки. Послушай, ну, если не хочешь собак, так купи у меня шарманку. Чудная шарманка. Самому, как честный человек, обошлась в полторы тысячи, а тебе отдаю за 900 рублей. Тебе часовой мастер вставит только вздорную пружинку, и она на всю жизнь тебе станет».

«Помилуй, что мне делать с жеребцом? Завода я не держу. У меня и денег нет столько».

«Я с тебя возьму теперь половину, а остальные подожду».

[1] *Вместо* «Бог с ним!»: Право, не нужен. [2] *Вместо* «Да не нужны мне лошади»: «Пожалуста, брат, не беспокойся. Лошади у тебя хорошие, тебе самому пригодятся. Что же касается до меня, то я не вижу в них для себя никакой выгоды». [3] Продай. Ты чрез это больше выиграешь. [4] *Вместо* «Чичиков поблагодарил ∾ собак»: «За расположение благодарю, а купить не куплю, потому что не нужно». — «Ну так купи собак. Я тебе продам чудную пару, до 15 тысяч мне стоили. То-есть такие собаки [5] *Вместо* «Зачем же ∾ охотник»:

«Собак мне тоже не нужно, я не охотник».

«Да ведь получишь вместе и души».

«Души я готов получить даже с большою благодарностью, а собак не возьму, потому что не охотник».

«Да ведь редкостные собаки».

«Очень верю».

«Да зачем же мне шарманка? Ведь я не немец, чтобы идти [мне] с ней по дорогам да выпрашивать деньги».

«Да ведь это не такая шарманка, как носят немцы. Это орга̀н, посмотри нарочно: [ведь она] вся из красного дерева. Вот я тебе покажу ее еще». Здесь Ноздрев, схвативши за руку Чичикова, стал тащить его в другую комнату, и как тот ни упирался ногами в пол и не уверял, что он знает уже, какая шарманка, но должен был услышать еще раз, каким образом поехал в поход Мальбруг.

«Когда ты не хочешь на деньги, так вот что слушай: я тебе дам шарманку, и все, сколько ни есть у меня, умершие души, а ты мне дай свою бричку и триста рублей придачи».[1]

«Ну вот еще! А я-то в чем приеду?»

«Я тебе дам другую бричку. Вот пойдем в сарай, я тебе покажу ее. Ты ее только перекрасишь,[2] и будет чудо-бричка».

«Эк его неугомонной бес как обуял», сказал про себя Чичиков [и прибавил затем полным голосом: «не хочу, бог с ней, твоей бричкой»,] и отказался решительно от брички.

«Да ведь бричка, шарманка и мертвые души всё вместе».

«Не хочу», сказал еще раз Чичиков.

«Отчего ж ты не хочешь?»[3]

«Оттого, что просто не хочу, да и полно».

«Дрянь же ты; с тобой нельзя, как я вижу, как водится

---

[1] *Вместо* «Послушай ∾ придачи»: «Собаки должны достаться в руки охотника».

«Такой, право, ты дрянной, с тобой никак нельзя обходиться по-дружески. Ну, купи у меня шарманку, если не хочешь собак».

«Шарманка-[то] тоже вещь хорошая, но больше для музыканта».

«Я тебе дешево отдам. Самому стоила 900, тебе отдаю за 600. Ты только дай к часовому мастеру, вставить вздорную пружинку, и она, уверяю, на всю жизнь тебе станет».

«Она для меня то же, что пятое колесо к телеге».

«Да ведь посмотри, ведь это красное дерево».

«Вижу, дерево хорошее, но для музыканта, а для меня решительно не имеет никакого значения».

«Ну, так поменяемся на твою бричку, что дашь придачи?»

[2] покажу ее. Немножко только поправишь [3] *Вместо* «Эк его ∾ не хочешь»: «Это выходит больше ничего, как только переливанье из пустого в порожнее».

«Шарманку даю в придачу, отчего ж ты не хочешь?»

между хорошими друзьями и товарищами, такой, право! сейчас видно,[1] что двуличный человек».

«И ты, однако ж, хорош. Зачем мне приобретать[2] ненужную вещь».

«Ну уж, пожалуста, не говори. Теперь я очень хорошо тебя знаю. Такая право, ракалия...[3] Ну, послушай, хочешь, метнем банчик. Я поставлю все мертвые души на карту, если хочешь, то и живых еще к ним прибавлю. Метнем! Выиграешь — ведь нипочем придутся».[4].

«Ну, решаться в банк, значит подвергаться неизвестности», говорил Чичиков, и между тем взглянул искоса на бывшие в руках у него карты. Обе талии ему показались очень похожими на искусственные, и самый крап глядел весьма подозрительно.[5]

«Отчего ж неизвестности», сказал Ноздрев, «ты можешь чорт знает сколько выиграть.[6] Чорт возьми, какое ему счастие!» говорил Ноздрев, начиная метать для возбуждения задора.[7] «Эдакого просто я еще никогда не видывал. Еще, еще, так и колотит![8] Вот та проклятая девятка, на которой я всё просадил; веришь ли: сам[9] чувствовал, что продаст каналья, ей богу чувствовал! что прикажешь делать: зажмурив глаза,[10] поставил, а! думаю себе: пропадай, уж чорт тебя побери».[11] Когда Ноздрев это говорил, Порфирий принес бутылку. Но Чичиков отказался решительно как играть, так и пить.[12]

---

[1] Дрянь же ты, как я теперь вижу. Тотчас видно, [2] *Вместо* «Зачем мне приобретать»: Посуди сам с своей стороны. Зачем мне покупать или выменивать [3] Такая жила... [4] Метнем, чорт возьми, ведь выиграешь, тебе нипочем придутся. [5] *Вместо* «Обе талии ∾ подозрительно»: Обрез их показался ему очень неровным, и на одной из них было заметно что-то похожее на крапинку. [6] ты можешь сию минуту их выиграть. Так, чорт возьми, прокинем! а? Ей Порфирий, принеси толстую бутылку, что завернута в бумагу. Каким, брат, я тебя уконтантую венгерским! [7] говорил Ноздрев, продолжая метать. [8] так, право, и колотит [9] веришь ли, что сам [10] зажмуривши глаза [11] пропадай, чорт возьми. [12] *Вместо* «Но Чичиков ∾ пить»: «Давай его сюда», продолжал Ноздрев. «Эх, брат, какое винцо! Дернем с горя!»

«Нет, я не буду пить», отвечал Чичиков довольно сухо.

«Выпьем! голову ставлю, если не выпьешь», говорил Ноздрев, наливая ему стакан. «Метнем, а?»

«Время только напрасно тратишь: я сказал уже, что не хочу».

«Отчего ж ты не хочешь играть?» сказал Ноздрев.

«Ну, оттого, что не расположен.[1] Да признаться сказать, я вовсе не охотник[2] играть».

«Отчего ж не охотник?»

Чичиков пожал плечами и прибавил: «Потому что не охотник».[3]

«Дрянь же ты!»

Чичиков и здесь пожал плечами и сказал, что так уж его бог создал.[4]

«Колпак эдакой![5] Я думал, право, что ты хоть сколько-нибудь порядочный человек, а ты, как я вижу, никакого не понимаешь обращения. С тобой никогда нельзя поговорить, как с человеком близким...[6] Никакого прямодушия, ни искренности. Совершенный Собакевич, такой подлец!»[7]

«Да ты, брат, тоже изрядный чудак! Что ж делать, если не играю.[8] Продай мне душ одних, если ты уж такой человек, что жалеешь подарить такую безделицу».

«Чорта лысого получишь. Хотел было подарить, даром, без всего, право, хотел,[9] но теперь ни за что не получишь. Хоть мильон давай — не продам.[10] Такой печник гадкой! С этих пор с тобою[11] никакого дела не хочу иметь. Порфирий, ступай, поди, скажи конюху, чтобы не давал овса лошадям его,[12] пусть их едят одно сено».

---

[1] *Вместо* «Ну оттого ∾ расположен»: не расположен, потому и не хочу; *а.* Просто не расположен [2] я и не охотник [3] *Вместо* «Чичиков ∾ охотник»: «Так просто, оттого, что не охотник». [4] *Вместо* «Чичиков ∾ создал»: «Что ж делать, так меня бог создал». [5] Колпак, право, такой! [6] что ты порядочный сколько-нибудь человек, а ты... по-дружески с тобою никак нельзя говорить. [7] *Далее было*: Не понимаешь никакого приятельского обращения. Тебя никак нельзя ввести в круг хороших товарищей. [8] Что ж делать, когда не играю. [9] Хотел было подарить, право, хотел [10] *Далее было*: и другим скажу, чтоб тебе не продавали. «Пожалуй, как себе хочешь». [11] *а.* Такой печник гадкой. Я думал, что он в самом деле хороший товарищ, с которым можно приятно время провесть, повеселиться, а он... С этих пор ей богу с тобою; *б.* Такой печник гадкой. Я думаю, что он товарищ [точно товарищ, как следует] точно товарищ, с которым можно повеселиться, а он... С этих пор, ей богу, с тобою [12] не давал овса его лошадям,

«Ты себе волен делать, что хочешь», сказал Чичиков.[1]

«Лучше бы ты мне, просто, на глаза не показывался», сказал Ноздрев.[2]

Несмотря однако ж на эту размолвку, гость и хозяин поужинали вместе, хотя на этот раз не стояло на столе никаких вин, с затейливыми именами. Торчала одна только бутылка с каким-то кипрским: до такой степени кислым, что они должны были не иначе пить его, как с водою.[3] После ужина Ноздрев сказал Чичикову, отведя его в боковую комнату, где была приготовлена для него постель: «Вот тебе твоя постель. И доброй ночи не хочу тебе желать!»[4]

Чичиков оставался несколько минут по уходе Ноздрева в самом неприятном[5] расположении духа. Он внутренно досадовал на себя за то, что заехал к нему[6] и потерял даром время.[7] Еще более раскаивался он в том, что заговорил[8] с ним об деле, которое вовсе не было такого рода, чтоб быть разглашенным, а тем более сделаться предметом каких бы то ни было толков.[9] Ночь спал он весьма дурно. Какие-то маленькие, пребойкие насекомые кусали его нестерпимо больно, так[10] что он всей горстью скреб по уязвленному месту, приговаривая: «А, чтоб вас чорт побрал вместе с Ноздревым!» Проснулся он ранним утром.[11]

---

[1] *Вместо* «сказал Чичиков»: говорил Ноздрев *ошибка переписч.* [2] «сказал Ноздрев» *вписано.* [3] *а.* каким-то кипрским; кислятина страшная. Они не иначе должны были его пить, как с водою; *б.* каким-то кипрским: кислятина страшная. Так что они не иначе должны были его пить, как с водою. [4] *Далее было*: Такая ты, право, дрянь. [5] По уходе Ноздрева Чичиков оставался несколько минут в весьма неприятном [6] *а.* заехал к Ноздреву [7] *а.* и потерял время решительно даром. [8] *а.* что заикнулся [9] *а.* каких бы то ни было разговоров [10] *Вместо* «Он внутренно ∾ так»: Сначала он выбранил Ноздрева, и выбранил хорошенько, — как говорится, на чем свет стоит. Потом начал бранить себя за то, что заехал к нему, потерял время, чорт знает для чего. «Лучше бы уже мне и не заикаться было о душах», проговорил он почти вслух: «я уверен, что этот человек непременно мне нагадит». За сим [пожелал] послал он своему хозяину такое желание на сон грядущий, что нужно было Ноздреву иметь слишком здоровую натуру, чтобы после него хорошо выспаться. Однако ж, герой наш и сам спал премерзко: всю ночь его кусали какие-то маленькие насекомые: блохи не блохи, клопы не клопы, но так больно, [11] Проснулся поутру он очень рано.

Первым делом его было, надевши халат и сапоги, отправиться через двор в конюшню, чтобы приказать Селифану сей же час закладывать бричку. Возвращаясь через двор, Чичиков встретился с Ноздревым, который был также в халате с трубкою в зубах.

Ноздрев приветствовал его по-дружески и спросил, каково ему спалось.

«Так себе», отвечал Чичиков весьма сухо.[1]

«А я, брат», говорил Ноздрев, «такая мерзость лезла всю ночь, что гнусно рассказывать, и во рту после вчерашнего совершенно как будто эскадрон ночевал. Снилось, что меня высекли, ей, ей. И вообрази, кто? Вот ни за что не угадаешь: штаб-ротмистр Поцелуев вместе с Кувшинниковым».[2]

«Да», подумал про себя Чичиков: «хорошо бы, если б тебя отодрали на самом деле».[3]

«Ей богу! Да пребольно.[4] Проснулся, чорт возьми, в самом деле что-то почесывается, верно, ведьмы блохи. Ну, ты ступай теперь одевайся![5] Я к тебе сейчас приду, вместе позавтракаем. На минутку нужно, только ругнуть[6] подлеца приказчика».

Чичиков ушел ‹в› комнату одеться и умыться. Когда он после этого вышел в столовую, там уже стоял на столе чайный прибор с бутылкою рома. В комнате были следы

---

[1] *Вместо* «Так себе ∾ сухо»: «Да», отвечал Чичиков, «ни хорошо, ни дурно». *а.* «Так себе», отвечал Чичиков очень холодно. [2] и во рту, брат, после вчерашнего так скверно, что ты себе вообразить не можешь. Снилось, брат, что меня высекли. Ей богу, и как ты думаешь, кто? Вот ни за что не угадаешь: — поручик Кувшинников, ей-богу. [3] хорошо было бы, если бы сон пришелся в руку. [4] *Вместо* «Ей-богу. Да пребольно»: «И как бы ты думал, за что? Чорт знает, какая дрянь. Вообрази: будто Кувшинников женился, и на ком же женился: на собаке моей, Налетке. А я будто бы говорю: да это собака, а не жена. А он будто бы: а, держите его, мошенника! и как начали меня драть да пошлепывать. [5] *Вместо* «Ну ты ∾ одевайся»:

«Да, всякого рода бывают сны», отвечал хладнокровно Чичиков.

«Ты ступай теперь, одевайся», продолжал Ноздрев,

[6] вместе позавтракаем. У меня, брат, есть еще одна бутылочка: такой уж деликатес, что просто за ушами даже почувствуешь вкус. До свиданья. Нужно еще ругнуть

вчерашнего обеда и ужина, кажется, половая щетка вовсе не притрагивалась, потому что на полу валялись крохи хлеба и табачная зола видна была даже на скатерти. Сам хозяин, не замедливший скоро войти, кажется ничего не имел под своим халатом, кроме открытой груди, на которой росла какая-то борода. Держа в руке чубук и прихлёбывая из чашки, он был очень хорош для живописца, которые обыкновенно не любят господ прилизанных и завитых, как цирульная вывеска, или общипанных и выстриженных под гребенку[1] [равным образом как и тех которые [обтянуты и выскоблены] обстрижены и выскоблены на подобие выщипанной курицы]

«Ну, так как же думаешь?» сказал Ноздрев немного помолчавши: «не хочешь играть на души?»[2]

«Я уж сказал тебе, брат, что не играю. Купить, изволь куплю».

«Продать я не хочу, это будет не по-приятельски. Я не стану снимать плевы с чорт знает чего. В банчик — другое дело, ведь одну только талию прокинем».

«Я уж сказал, что нет».

«А меняться не хочешь?»

«Не хочу».

«Ну, послушай. Сыграем в шашки;[3] выиграл — будут твои души, все сколько их ни есть. Ведь у меня душ 70 будет таких, что нужно вычеркнуть из ревизии.[4] Эй, Порфирий, принеси-ка сюда шашечницу».

---

[1] не любят господ, прибранных как цирульная вывеска.

«Я, брат», говорил он, «никак не могу выпить по утру чаю без рому, чувствуешь гнусность по всему телу, и тебе советую тоже. Чудный ром. Выпей-ка его одного стаканчик».

«Благодарю», отвечал Чичиков.

а. не любят господ прилизанных или завитых [по цирульной], как цирульная вывеска [или выщипанных] [или выстриженных со всех сторон и затянутых до того, что лицо становится похожим на красный очищенный картофель] выстриженных под гребенку или затянутых и выскобленных как выщипанная курица.

[2] *Вместо* «не хочешь играть на души»: метнем на души, что ли, а?

[3] Ну, послушай, ну сыграем хоть в шашки

[4] Выиграл — твои души, все сколько их ни есть, душ до 70 будет. Ведь ты меня верно обыграешь; я уж тебя знаю.

«Напрасен труд,[1] я не буду играть».

«Да ведь это не в банк, тут никакого не может быть счастия или фальши; всё ведь от искусства;[2] я даже тебя предваряю, что я совсем не умею играть, разве что-нибудь мне дашь вперед».

«Сем-ка я», подумал про себя Чичиков, «съиграю я с ним в самом деле, в шашки.[3] В шашки я игрывал не дурно, а на штуки ему здесь трудно подняться.

«Изволь, так и быть, в шашки сыграю», сказал Чичиков.

«Души идут в ста рублях!» сказал Ноздрев: «выиграешь — твои, проиграешь — мои сто рублей».

«Зачем же сто?[4] Довольно, если пойдут в 50 р.»

«Нет, что ж за куш 50! Лучше ж в эту сумму я включу[5] тебе какого-нибудь щенка средней руки или золотую печатку к часам».[6]

«Ну, изволь»,[7] сказал Чичиков.

«Сколько ж ты мне дашь вперед?» сказал Ноздрев.

«Это с какой стати? Конечно, ничего».[8]

«По крайней мере, пусть будут мои два хода».

«Не хочу, я сам плохо играю».

«Знаем мы вас, как вы плохо играете», сказал Ноздрев, выступая шашкой.

«Давненько не брал в руки шашек», говорил Чичиков, подвигая тоже шашку.

«Знаем мы вас, как вы плохо играете!» сказал Ноздрев, выступая шашкой.

«Давненько не брал в руки шашек», говорил Чичиков, подвигая шашку.

«Знаем мы вас, как вы плохо играете», сказал Ноздрев, подвигая шашкой, да в то же самое время подвинул обшлагом рукава и другую шашку.

---

[1] Напрасно только затрудняешься [2] дело всё зависит от искусства [3] сыграю, в самом деле с ним шашки, авось посчастливится [4] *Вместо* «Зачем же сто?»: К чему ж такая непомерная сумма, [5] Нет, брат, мне не выгодно. Ведь с тобой-то, я знаю, опасно играть. Я уж лучше в эту сумму включу [6] или печатку к часам в золотой оправе [7] Так и быть, изволь [8] С какой стати? Разумеется, ничего.

«Давненько не брал в руки... э, э! Это, брат, что? Отсади-ка ее назад», говорил Чичиков.

«Кого?»

«Да шашку-то», сказал Чичиков и в то же время увидел почти перед самым носом своим и другую, которая, как казалось, пробиралась в дамки. Откуда она вдруг взялась, это один только бог знает. «Нет», сказал Чичиков, вставши из-за стола: «с тобой нет никакой возможности играть. Этак не ходят: по три шашки вдруг».

«Отчего ж по три? Это по ошибке, одна подвинулась нечаянно; я ее отодвину, изволь».

«А другая-то откуда взялась?»

«Какая другая?»

«А вот эта, что пробирается в дамки».

«Вот тебе на, будто не помнишь».

«Нет, брат, я все ходы считал, и всё помню, ты ее только теперь пристроил. Ей место вон где!»

«Как где место?..» сказал Ноздрев, покрасневши: «Да ты, брат, как я вижу, сочинитель».

«Нет, брат, это, кажется, ты сочинитель, да только неудачно».

«За кого ж ты меня почитаешь?» говорил Ноздрев: «стану я разве плутовать!»

«Я тебя ни за кого не почитаю, но только играть с этих пор никогда не буду».

«Нет, ты не можешь отказаться», говорил Ноздрев, горячась: «игра начата».

«Я имею право отказаться, потому что ты не так играешь, как прилично честному человеку».

«Нет, врешь, ты этого не можешь сказать».

«Нет, брат, сам ты врешь».

«Я не плутовал, и ты отказаться не можешь; ты должен кончить партию».

«Этого ты меня не заставишь сделать», сказал Чичиков хладнокровно и, подошедши к доске, смешал шашки.

Ноздрев вспыхнул и подошел к Чичикову так близко, что тот отступил шага 2 назад.[1]

---

[1] *Далее было:* и принял даже некоторые предосторожности, на счет

«Я тебя заставлю играть. Это ничего,[1] что ты смешал шашки. Я помню все ходы.[2] Мы их поставим опять так, как были».

«Нет, брат, дело кончено; я с тобою не стану играть», сказал Чичиков.

«Так ты не хочешь играть?» сказал Ноздрев.

«Ты сам видишь, что с тобою нельзя играть!»

«Нет, скажи напрямик, ты не хочешь играть?» говорил Ноздрев, подступая еще ближе.

«Не хочу», сказал Чичиков и поднес, однако ж, обе руки на всякой случай поближе к лицу,[3] ибо дело становилось, в самом деле, жарко. Эта предосторожность бы‹ла› весьма у места, потому что Ноздрев размахнулся рукой... и очень бы могло статься, что одна из приятных и полных щек нашего героя покрылась бы несмываемым бесчестьем. Но счастливо отведши удар, он схватил Ноздрева за обе[4]

‹ГЛАВА V›

Митяя, и дядю Миняя, и хорошо сделал, потому что от лошадей пошел такой пар, как будто бы они отхватали, не переводя духу, станцию. Он дал им минуту отдохнуть, после чего они пошли сами собою. — Во всё продолжение этой проделки, Чичиков глядел очень внимательно на молоденькую незнакомку. Он пытался несколько раз с нею заговорить, но как-то не пришлось так.[5] А между тем дамы уехали. Хорошенькая головка с тоненькими чертами лица и тоненьким станом скрылась, как что-то похожее на виденье, и опять осталась дорога, бричка, тройка знакомых читателю

безопасности собственного лица, а именно, правую руку поднес к своему галстуху, как будто бы для того, чтобы поправить свой шейный платок.

[1] «Нет, я тебя заставлю», говорил Ноздрев, подвигаясь ближе. «Это вздор [2] Я помню всё. Этим ты меня не проведешь. [3] на всякой случай к самим щекам [4] *Вместо* «размахнулся ∾ за обе»: размахнувшись, хлопнул его со всей силы по правой руке, которая, пострадавши невинно, спасла, однако ж, часть щеки. Отведши этот ро овой удар, Чичиков схватил обеими руками Ноздрева *Окон ание гл. IV и начало гл. V утрачены.* [5] *Далее было:* Когда дамы уеха и, он от рыл табакерку и, понюхавши табаку, сказал: «Да, хорошенькая девчонка!»

лошадей, Селифан кучер, Чичиков и пустота окрестных полей. Везде, где бы ни было в жизни, среди ли черствых, шероховато-бедных и неопрятно плеснеющих низменных рядов ее,[1] или среди однообразно-хладных[2] и скучно-опрятных сословий высших, везде хоть раз [на жизненном пути] встретится на пути человеку [светлое прекрасное] явленье [и] не похожее на всё то,[3] что случалось ему видеть дотоле, явление, которое хоть раз пробудит в нем[4] чувство, не похожее на те, которые суждено ему чувствовать всю жизнь. Везде, в поперек каким бы ни было горечам, из которых плетется иногда жизнь, промчится весело блистающая радость, как иногда блестящий экипаж с золотой упряжью, картинными конями и сверкающим блеском стекол вдруг, неожиданно пронесется мимо какой-нибудь заглохнувшей бедной деревушки, не видавшей ничего, кроме сельской телеги, и долго мужики стоят, зевая, с открытыми ртами, [и] не надевая шапок, хотя давно уже унесся и пропал вдали дивный экипаж. Так и блондинка тоже вдруг, совершенно неожиданным образом, показалась в нашей повести и так же скрылась. Попадись вместо Чичикова при этом обстоятельстве какой-нибудь 20-летний юноша, гусар ли он, студенг ли он, или просто только что начавший жизненное поприще, и боже, чего бы не проснулось, не зашевелилось, не заговорило в нем. Долго бы[5] стоял он бесчувственно на одном месте, вперивши бессмысленно очи в пожирающую всё, что ни есть на земле, даль, и властительно объятый пронесшимся явленьем он бы [на] полдороги, по крайней мере [не думал ни о чем другом не принадле], не мог не обратиться к себе, к[6]

Но герой наш уже был средних лет и осмотрительно охлажденного характера.[7] Он тоже задумался и думал, но

---

[1] *а.* ни было, среди ли даже самой черствой и скучной и грязной жизни низменных рядов человеческих состояний [2] *а.* холодно-однообразных [3] *а.* на всё это [4] *а. Далее начато:* какое-то дивное стр⟨емление⟩ [5] *а. Далее начато:* глядел [6] *Фраза осталась незаконченной. В рукописи оставлено полторы строчки. Очевидно, фраза не удавалась. Гоголь пробовал исправлять ее:* Он долго бы ни к чему был неспособен *затем и этот текст Гоголь зачеркнул* [7] *а.* и особенного характера

больше положительнее;[1] не так безотчетны и даже отчасти очень основательны были его мысли. «Славная бабенка!» сказал он, открывши табакерку и понюхавши табаку. «Но ведь, что главное в ней хорошо. Хорошо то, что она сейчас только, как видно, выпущена из какого-нибудь пансиона или института, что [всё] в ней, как говорится [чистая природа] нет еще ничего бабьего, т. е. именно того, что у них есть самого неприятного. Она теперь как дитя, всё в ней просто. Она скажет, что ей вздумается, засмеется, где захочет засмеяться. Из нее [теперь] всё можно сделать. Она может быть чудо, а может выйти [однако ж] и дрянь. И она непременно будет дрянь. Вот пусть-ка только за нее примутся теперь тетушки. В один год так ее наполнят всяким бабьем, что просто ни сам родной брат не узнает.[2] В ней возьмется[3] и надутость; она уже будет думать по вытверженным наставлениям,[4] с кем, как и сколько нужно говорить и как на кого смотреть. Всякую минуту будет бояться, чтобы не сказать кому чего-нибудь лишнего. Запутается, наконец, сама, и кончится тем, что станет, наконец, врать всю жизнь и выйдет просто чорт знает что». — Здесь он несколько времени помолчал и потом прибавил: «А любопытно бы знать, чьих она; что, как ее отец. Находится ли на службе государственной, или не занимает места, а живет помещиком в собственных поместьях? Ведь, если, положим, этой девушке да еще придать тысячонок двести приданного, из нее бы мог выйти очень, очень лакомый кусочек. Ведь это бы могло бы составить, так сказать, счастье порядочного человека». Двести тысячонок так стали привлекательно рисоваться в голове его, что он[5] несколько раз досадовал на себя за то, что в продолжении

---

[1] *а.* Он думал тоже, но мысли *б.* Он думал тоже, но положительны
[2] *Далее начато: а.* Она будет и обдумывать; *б.* Она будет заикаться; *в.* В ней покажется и надутость [3] *а.* В ней покажется [4] *а.* и надутость и разные кое-как вытверженные наставления *Вместо* «и разные кое-как» *Гоголь вписал* «она уже будет думать по» *последние два слова остались в рукописи несогласованными с измененным вариантом.*
[5] *Вместо* «А между тем ∾ что он»: Но кто она? чьих она; богата или нет? и кто отец ее? занимает ли выгодное место, и какого рода? все эти вопросы, которые обыкновенно задает благоразумный человек, представились его мыслям, и

того, как хлопотали около экипажей, не разведал от форейтора или кучера, кто такие были проезжающие.[1] Скоро, однако ж, показавшаяся деревня Собакевича рассеяла его мысли и заставила их обратиться к предмету, постоянно их занимавшему. Деревня показалась ему довольно велика, два леса, березовый и сосновый, как два крыла, одно темнее, другое светлее, были у ней с права и лева, посреди виднел деревянный дом с мезонином, красной крышею и темносерыми или, лучше, дикими стенами, дом в роде тех, какие у нас строят для военных поселений и немецких колонистов. Очень было заметно, что при постройке его архитектор должен был беспрестанно бороться со вкусом хозяина. Портик состоял из четырех непомерно толстых колонн. Дверь, бывшая по середине, между двумя средними колоннами, была заколочена, а на место ее была прорублена, по приказанию хозяина, другая сбоку. По одну сторону портика было шесть окон, по другую на такой же стене три, из которых одно маленькое,[2] в виде отдушничка, на самом почти углу, потому что хозяину с этой стороны понадобился темный чуланчик. Двор окружен был прочною и непомерно толстою деревянною решеткою. Хозяин, сам будучи сострен очень прочно, казалось, хотел, чтоб и в хозяйстве всё было прочно. На конюшни, сараи и кухни были употреблены такие толстые бревна, что, казалось, не сгнить им во веки. Деревенские избы, строенья хозяйственные, всё это было крепко, солидно и в порядке.[3] Когда Чичиков подкатил к крыльцу, он заметил выглянувшие из окна разом два лица: одно женское в чепце, узкое и длинное, как огурец, другое мужское, круглое, широкое, несколько красноватое, как бывают хорошие молдаванские тыквы. Выглянувши, они тот же час вслед за тем спрятались. На крыльцо вышел лакей, в какой-то необыкновенной куртке с голубым военным воротником[4] и ввел Чичикова в сени, в которые

---

[1] *Вместо* «не разведал ∾ проезжающие»: не расспросил форейтора или кучера. [2] было 3 окна, по другую на такой же стене только одно, и то маленькое [3] «Деревенские ∾ в порядке» *вписано на полях, без указания в тексте места вставки; вставлено по смыслу.* [4] «с голубым ∾ воротником» *вписано.*

уже вышел сам хозяин. Собакевич, увидевши гостя, не затруднился никакими вопросами о здоровьи, а сказал только: «Прошу покорнейше» и повел его во внутренние жилья.

Когда Чичиков взглянул искоса на Собакевича, он ему на этот раз показался очень похожим на среднего роста медведя. Для довершения сходства фрак на нем был совершенно медвежьего цвета, а обшлага рукавов так длинны, что он должен был их поднимать поминутно, когда хотел высунуть оттуда руку. Панталоны на нем тоже были очень широки и страшно длинны; ступни его захватывали такое большое пространство, что чужим ногам всегда становилось тесно. Цвет лица его был очень похож на цвет недавно выбитого медного пятака. Да и вообще всё лицо его несколько сдавало на эту монету, такое же было сдавленное, неуклюжее; только и разницы, что вместо двухглавого орла были губы да нос. Я думаю, читателю не безъизвестно, что есть много на свете таких лиц и физиогномий, над отделкою которых натура недолго мудрила, не употребляла никаких мелких инструментов, как-то: напильников, буравчиков и прочего; но просто рубила со всего плеча, хватила топором раз — вышел нос, хватила в другой — вышли губы, большим сверлом ковырнула глаза, и, не обскобливши, пустила на свет, сказавши: живет. Такое же самое лицо было у Собакевича. Голову он держал более вниз, нежели вверх; шея не ворочалась вовсе, от этого случилось, что он редко глядел на того, с которым говорил, но всегда или на угол печки, или на дверь. Чичиков еще раз взглянул на него искоса, когда проходили они столовую. «Медведь! совершенный медведь!» Нужно же такое странное сближение: его даже звали Михаилом Семеновичем. Зная привычку его наступать на ноги, Чичиков очень осторожно передвигал своими и давал ему дорогу вперед. Хозяин, казалось, сам чувствовал за собою этот грех и потому спросил Чичикова: «Не побеспокоил ли я вас?» «Нет, покорнейше благодарю», отвечал Чичиков: «хотя бы и случилось какое беспокойство, то это совершенно ничего не значит», на что Собакевич ничего не отвечал и повел гостя далее. Когда вошли они в гостиную, Собакевич сказал гостю: «Прошу садиться».

Садясь в кресла, Чичиков глянул на стены и на висевшие на них картины. На картинах всё были молодцы, всё почти греческие полководцы, гравированные во весь рост: Маврокордато в красных панталонах и мундире, с очками на носу, Колокотрони, Миаули, Канари. Все эти герои были с такими толстыми ляшками и неслыханными усами, что просто дрожь проходила по телу. Между этими крепкими греками, неизвестно каким образом и для чего поместился Багратион, тощий, худенькой, с маленькими знаменами и пушками внизу и в самых узеньких рамках. За ним опять следовала героиня греческая Бобелина, такой богатырской величины и роста, что все эти господа, которые ходят по Невскому проспекту в узеньких сюртучках и тросточках, казалось бы, не управились с ее пальцем. Хозяин, кажется, будучи сам крепкой и здоровый человек, хотел, чтобы и его комнату украшали люди крепкие и здоровые. Возле Бобелины у самого окна висела клетка, из которой глядел дрозд темного цвета с белыми крапинками, очень похожий тоже на Собакевича. Гость и хозяин не успели помолчать двух минут, как дверь в гостиной отворилась и вошла хозяйка дома, очень высокая дама в чепце с лентами, вероятно, перекрашенными какою-то домашнею краскою; вошла она необыкновенно[1] важно и солидно и голову держала совершенно прямо, как бы боясь уронить ее.

«Это моя Феодулия Ивановна», сказал Собакевич.

Чичиков подошел к ручке Феодулии Ивановны, которую она почти всунула ему в губы, причем он имел случай заметить, что руки были вымыты огуречным рассолом.[2]

«Душенька, рекомендую тебе», продолжал Собакевич: «Павел Иванович Чичиков. У губернатора и почтмейстера имел честь познакомиться».

«Прошу покорнейше садиться», сказала Феодулия Ивановна очень коротко[3] и сделавши головою движение, весьма похожее на то, какое делают актрисы, представляющие на

---

[1] вошла она таким образом, как ходят гуси с небольшим раскатом направо и налево, но впрочем [2] «Феодулии Ивановны ∾ рассолом» *вписано.* [3] «Прошу садиться», сказала Феодулия Ивановна коротко

сцене королев и принцесс.[1] Сделавши такое предложение, она села на диван, [несколько] довольно неуклюжий, который был обтянут материей домашней выделки, цвету очень неопределенного, да и узора тоже никак нельзя было разобрать.[2] Севши на диван, она накрылась [очень чинно] большим[3] мериносовым платком, с широкою пестрою каймою, очень чинно, как рисуют на портретах, и не сдвинула во всё время[4] ни глазом, ни бровью, ни носом.

Чичиков опять поднял глаза вверх и опять увидел Канари с толстыми ляжками и нескончаемыми усами, Бобелину и дрозда в клетке.

Все трое почти около шести минут с лишком хранили совершенное молчание;[5] раздавался только стук, производимый носом дрозда[6] об дерево деревянной клетки, на дне которой удил он хлебные зернышки. Чичиков еще несколько взглядов бросил на комнату и на то, что в ней находилось. Всё [это было] на что ни глядел он, было прочно и неуклюже в величайшей степени. [Какое-то] Широкое тяжелое бюро стояло в углу комнаты и занимало почти осьмую часть ее. Видно было, что хозяин тут же и занимался. Оно было наполнено множеством ящиков и покоилось пренелепым образом на четырех претолстых ногах, как медведь. Словом, казалось, как будто бы всякое кресло и стул говорили: «И я тоже Собакевич», или по крайней мере: «И я тоже очень похож на Собакевича».

Видя, что никто из хозяев, как казалось, не располагал прервать молчание, он решился начать первый.[7]

«Мы об вас вспоминали у председателя палаты», сказал он, обращаясь к Собакевичу: «в прошедший четверг;[8] очень приятно провели там время».

---

[1] сделавши головою движение ничуть не хуже тех, которые делают на театрах графини. [2] *а.* да и узора тоже весьма неясного [3] *Вместо* «она села ∾ большим»: она села на диван, обитый материей домашней выделки светло-табачного цвета и накрылась [4] *Вместо* «очень чинно ∾ во всё время»: словом, села так, как рисуют на портретах, чинно не двинувши [5] Все три персонажа пребывали несколько минут в совершенном безмолвии, [6] производимый носом дрозда в клетке [7] *Вместо* «Чичиков еще несколько ∾ первый»: Наконец Чичиков первый прервал его. [8] Это было в четверг

«Да, я не был тогда у председателя»,[1] отвечал Собакевич.

«А прекрасный человек!»

«Кто такой?» сказал Собакевич, глядя на угол печки.

«Председатель».

«Это вам так показалось: он только что масон, а такой дурак, какого свет не производил».

«А я, право, не предполагал»,[2] сказал Чичиков, сначала несколько озадаченный такою отчасти резкою характеристикою; но потом, поправившись, продолжал: «но зато губернатор [прибавил он [вслед] далее] какой превосходный человек».[3]

«Вы говорите, губернатор превосходный человек?» сказал Собакевич.

«Да, не правда ли?...»

«Это первый разбойник в мире!»

«Как, губернатор!» сказал Чичиков, который уж никак не мог предполагать, чтобы губернатор мог когда-либо попасть в разбойники.[4]

«У! варвар. Вы поглядите ему в лицо, в лице видно разбойничье».

«Помилуйте», сказал Чичиков и напомнил, что поступки гражданского правителя совершенно мирные, привел в доказательство даже кошельки [и] вышиванье [произведенные] его собственными руками, и [прибавил] даже, что самое лицо его необыкновенно ласковое.

«И лицо разбойничье!» сказал Собакевич: «Дайте ему[5] только нож да выпустите его на большую дорогу — зарежет, ей богу зарежет. Он, да еще вице-губернатор — это Гога и Магога».

Чичиков вспомнил,[6] что Собакевич чаще всего бывал у полицмейстера, и потому подумал,[7] что если упомянет он

---

[1] у председателя палаты [2] право, никак не предполагал [3] *Вместо* «сначала ∾ человек»: «Он мне показался таким приятным, конечно, это не то, что губернатор. Какой, право, можно сказать, у вас превосходный человек губернатор!» [4] *Вместо* «Как, губернатор ∾ разбойники»: «Скажите, как странно! а он ведь такой обходительный и добродушный». [5] *Вместо* «Помилуйте ∾ Дайте ему»:

«Лицо у него, однако ж, довольно ласковое».

«Напротив, совершенно разбойничье! Дайте ему

[6] *а.* Герой наш вспомнил [7] *а.* и потому никак не сомневался

о нем и похвалит его, то этим уж, верно, доставит ему удовольствие. «Что касается до меня», сказал он: «то, признаюсь, мне больше всех нравится полицмейстер. Какой-то этакой характер прямой, открытый. В лице видно что-то простосердечное. . .»[1]

«Мошенник», сказал Собакевич очень хладнокровно:[2] «продаст, обманет, еще и пообедает с вами. Я их знаю всех: это всё мошенники. Весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все христопродавцы. Один только и есть там порядочный человек: прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья».

После таких похвальных, хотя и несколько коротких биографий, Чичиков увидел, что о других чиновниках нечего упоминать.

«Что ж, душенька, пойдем обедать», сказала Собакевичу супруга Собакевича.

«Прошу покорнейше», сказал Собакевич. За сим, приблизившись к столику, где была закуска, гость и хозяин выпили, как следует, по рюмке водки, и, закусив какой-то копченой рыбой, отправились в столовую, куда опять, как плавный гусь, поплыла вперед хозяйка. Небольшой стол был накрыт на четыре прибора. На четвертое место явилась очень скоро, трудно сказать утвердительно, кто такая: дама или девица, компаньонка или родственница, домоводка или просто проживающая в доме; что-то без чепца, лет тридцати пяти, в пестром платье, поклонилось очень скоро и уместилось на свое место и, казалось, больше ни до чего ему не было нужды. Есть лица, которые существуют на свете не так, как какой-нибудь предмет, а так, как посторонние крапинки или пятнышки на каком-нибудь предмете. На них если и остановишь взгляд, то уж верно глупо и не нарочно, как иногда вдруг, неизвестно по какой причине, станешь глядеть пристально на муху, лазящую на стене.

---

[1] *Вместо* «Чичиков вспомнил ∾ простосердечное»: «А ведь как одна ко ж странно, если например сравнить этих двух, о которых вы сейчас изволили упомянуть, с полицмейстером: сколько те люди двуличные, столько этот простосердечен. Какая добрейшая, право, душа». [2] «очень хладнокровно» *вписано.*

В их лицах одно и то же никогда не [изменяющееся] исчезающее выражение. Сидят они на том же месте, на том же стуле, тем же образом сложены у них руки, тот же всегда поворот головы. Их готов причислить к числу мебелей в комнате, и только где-нибудь в девичей или кладовой окажется, что у них есть и речи и даже кое-какие страстишки.[1]

«Щи, моя душа, сегодня очень хороши», сказал Собакевич, хлебнувши две ложки и засучив рукава своего фрака: «Вы эдаких щей не будете есть в городе», сказал он, обращаясь к Чичикову: «там вам чорт знает чего подадут».

«У губернатора, впрочем, не дурен стол», сказал Чичиков.[2]

«Да знаете ли, из чего всё это готовится? Вы есть не станете, когда узнаете. Право, я вам это не шутя говорю».

«Я не знаю, как они там приготовлены, но на вкус [мне показа‹лось›] были очень хороши».[3]

«Это вам так показалось», сказал Собакевич: «где быть им хорошим? Я знаю, что̀ они на рынке покупают. Купит вот тот каналья повар, что выучился у французов,[4] кота, обдерет его, да и подает на стол вместо зайца».

«Фу! какую ты неприятность говоришь», сказала супруга Собакевича.

«А что ж, душенька, так у них делается, я не виноват. Так у них у всех делается. Всё, что ни есть ненужного, что Акулька у нас бросает, с позволения сказать, в помойную лохань, они всё в суп, да в суп! туда его».

«Ты за столом всегда эдакое расскажешь», возразила опять супруга Собакевича.

«Что ж, душа моя», сказал Собакевич: «если б я сам это делал, но я тебе прямо в глаза скажу, что я гадостей

---

[1] «Есть лица ∾ страстишки» *вписано.* [2] *Вместо* «У губернатора ∾ Чичиков»: «Да, это правда, в городах обыкновенно уж не то», отвечал Чичиков. «Впрочем, у губернатора я ел прекрасный стол, видно, что повар у него очень хорош». [3] *Вместо* «Я не знаю ∾ хороши»: «Конечно, у него больше французская кухня. Статься может, что иное не так приготовлено, как бы желалось сообразно с нашими обычаями и нравами», отвечал Чичиков, и потом, минуту помолчавши, прибавил: «впрочем, многие блюда приготовлены очень вкусно». [4] повар, что у французов учился

не стану есть.[1] Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот, что ты там себе ни говори.[2] Возьмите барана», продолжал он, обращаясь к Чичикову: «это бараний бок с кашей. Это не те фрикасе, что делаются на барских кухнях из баранины, что может быть[3] суток по три на рынке валяется. Я вам скажу, что это заговор![4] Это секта такая; нарочно для того сговорились, чтобы переморить голодом. Вот и доктора, все эти французы и немцы — я бы их всех перевешал. Посмотрите, как едят все эти, что побывали в том Петербурге. Выдумали какой-то модный стол:[5] налепят лепешку, величиною с пуговицу, даст тебе одну[6] на тарелочку, да и ешь ее; а спрашивается, что есть? нечем по губам помазать. Нет, это всё выдумки, это всё...» Здесь Собакевич даже сердито покачал головою,[7] что делал очень редко, потому что шея его, как уже читатель видел, почти никогда не двигалась. «Толкуют: просвещение, просвещение, а это просвещение... просто: фук; сказал бы и другое слово, да вот только что за столом неприлично.[8] У меня не так. У меня когда свинина — всю свинью давай на стол; баранина — всего барана тащи; гусь — всего гуся. Лучше я съем двух блюд, да съем столько, сколько душа желает». Собакевич подтвердил это делом. Он опрокинул половину бараньего бока к себе на тарелку, съел всё, обгрыз и обсосал до последней косточки.

«Да», подумал Чичиков: «этот себе на уме».

«У меня не так», говорил Собакевич, вытирая салфеткою руки: «у меня не так, как у какого-нибудь Плюшкина: 800 душ имеет, а живет и обедает хуже моего пастуха».

«Кто такой этот Плюшкин?» спросил Чичиков.

---

[1] если б я сам это делал, или был бы такой человек, который.. тогда другое дело. Но ты сама, душенька, знаешь, что я гадостей не ем и не буду есть, это я тебе прямо в глаза говорю. [2] сахаром облепи, а я ее не стану есть, что ты себе ни говори. [3] из такой баранины, которая [4] скажу, что это просто заговор! да, я вам говорю это не шутя. Заговор, заговор! [5] *Вместо* «Вот и доктора ∾ стол»: Вы посмотрите, что они вам подают: [6] положат одну *а.* дадут тебе одну [7] Здесь Собакевич несколько покрутил головою [8] а это просвещение... и нечего и говорить». Тут Собакевич махнул

«Мошенник», отвечал Собакевич: «Такой скряга, какого вообразить трудно: в тюрьме колодники лучше живут. Всех людей переморил голодом».

«В правду!» подхватил с участием Чичиков: «и вы говорите, что у него, точно, люди умирают в большом количестве?»

«Как мухи мрут».

«Скажите, как странно! А позвольте спросить, как далеко живет он от вас?»

«В пяти верстах».

«В пяти верстах!» Здесь автор должен сказать, что у героя его забилось слегка сердечко.[1] «Вот уж я никаким образом не могу понять такого рода жизни. Когда сам не хочешь пользоваться состоянием, в таком случае доставь оным удовольствие ближним, дай бедным, чтобы за тебя молились и были вечно благодарны... Как же, например, если выехать из ваших ворот, нужно будет взять к нему, направо или налево?»

«Я вам даже не советую и дороги знать к этой собаке», сказал Собакевич: «гораздо извинительнее сходить в какое-нибудь непристойное место, нежели к нему».

Чичиков извинился и сказал, что ему всё равно, а что он о дороге спросил только, потому что интересуется вообще познанием всякого рода мест.[2]

За бараньим боком последовали ватрушки, из которых каждая была величиною больше тарелки. Этим обед и кончился; но Чичиков, вставши из-за стола, почувствовал в своем животе тяжести на целый пуд. Пошли в гостиную, где было поставлено на столе варенье двух сортов. Из чего состояло это варенье, нельзя было знать; с виду же оно было ни груша, ни слива, драло жестоким образом горло, и приготовлялось[3] руками самой хозяйки. Хозяйка на минуту

---

[1] «Здесь ∾ сердечко» *вписано.* [2] *Вместо* «Чичиков ∾ мест»: «О, я ничуть не имею этого намерения; я спросил только потому, что вообще интересуюсь познанием мест», сказал Чичиков. [3] Из чего состояло это варенье, вряд ли бы какой химик добрался, оно было ни груша, ни слива, и приготовлялось

вышла с тем, чтобы наложить еще[1] и на третье блюдечко. Воспользовавшись этим отсутствием ее, Чичиков обратился с такими словами к Собакевичу, который, сидя в креслах, только покряхтывал после такого сытного обеда и издавал звуки в роде икотки, закрывая поминутно рот рукою.

«Я хотел было поговорить с вами об одном очень нужном для меня деле».

«Вот еще варенье», сказала хозяйка, возвращаясь с какою-то редькою в сахаре.[2]

назначено быть после завтра. Чичиков попросил выписочку вкратце всех умерших, на что Собакевич согласился охотно и, подошедши тут же к бюру, собственноручно принялся выписывать всех не только поименно, но даже с означением похвальных качеств.

В продолжении того времени, как он писал, стоя у бюра, Чичиков от нечего делать занялся рассматриванием всего просторного его сзади оклада.[3]

---

[1] наложить его [2] сказала хозяйка, возвращаясь: «огурцы в сахаре, пополам с вымоченною редькою». *Дальше текст в РЛ прерывается, пагинация же идет последовательно (л. 37, л. 38). Лист 38 начинается с середины фразы.* [3] *Вместо* «назначено ∾ оклада»: «А как скоро ∾ в карман (*РМ*, стр. 298—299).

а. «А как скоро полагаете быть в городе?»

«Для удовольствия вашего могу даже приехать завтра».

«Очень хорошо, в таком случае мы завтра и крепость совершим. Еще я хотел у вас попросить об одном: не можете ли вы мне дать небольшую выписочку, в которой были бы прописаны имена душ».

«С большою готовностью», сказал Собакевич и подошедши к какой-то неуклюжей мебели, в виде бюра, которого Чичиков вначале было совсем не заметил. Затем он вынул лоскуток исписанной бумаги, на котором ‹*1 нрзб.*› очень обстоятельно было прописано, кто столяр, кто плотник. К иным было приписано: нраву хорошего и работящий, к другим просто хозяин, к третьим: хмельного в рот не берет. Он приписал еще кое-что тут же карандашем и подал Чичикову сказавши: «Да, за это приобретение будете всегда благодарить».

Чичиков поблагодарил сквозь зубы и спрятал записку в карман.

У этого текста на полях вписано карандашом и затем зачеркнуто: и даже не только одни имена, но и звания и ремесло и чем кто занимается, и скольку оброку. «Вы увидите сами, что за народ. Только, право, для знакомства, а то бы ни за что не отдал».

«Теперь пожалуйте же задаточек», сказал Собакевич.

«К чему же вам задаточек? Вы получите в городе за одним разом все деньги».

«Всё, знаете, так уж водится!» возразил Собакевич.

«Не знаю, как вам дать, я не взял с собою денег; десятирублевая, впрочем, есть».

«Что ж десять! дайте, по крайней мере, хоть пятьдесят».

Чичиков [отвечал] стал отговариваться, что больше нет у него с собой денег. Но Собакевич таким утвердительным тоном сказал, что у него есть деньги, что он, наконец, вынул еще бумажку, сказавши:[1]

«Ну, пожалуй, вот вам еще пятнадцать, итого двадцать пять. Пожалуйте только расписочку».

«Да на что вам расписка?»

«Всё, знаете, лучше расписочку. Неровен час... всё может случиться».

«Хорошо, дайте же сюда деньги».

«На что ж деньги! У меня вот они в руке: как только напишете расписку, в ту же минуту их возьмете».

«Да позвольте, как же мне писать расписку? Прежде нужно видеть деньги».

Чичиков выпустил из рук бумажки Собакевичу, который, приблизившись к столу и накрывши их пальцами левой руки, другою написал на лоскутке бумаги, что задаток двадцать пять рублей государственными ассигнациями за проданные ревижские души получил сполна. Написавши расписку, он пересмотрел еще раз ассигнации.

«Бумажка-то старенькая», произнес он, рассматривая одну из них на свете; «немножко разорвана, ну, да уж ничего. Между приятелями нечего на это глядеть. Очень рад, что случай мне предоставил такое приятное знакомство. А женского пола не хотите?»

«Нет, покорнейше благодарю».

---

[1] *Вместо* «Чичиков ~ сказавши»: «Я вас уверяю, ~ дворняги блох» (*РМ*, стр. 299)

«Я бы не дорого и взял. Для знакомства по рублику за штуку».[1]

«Нет, благодарю, в женском поле я не нуждаюсь».

«Ну, когда не нуждаетесь, так нечего и говорить. На вкусы нет закона.[2] Кто любит попа, а кто попадью, говорит пословица».

«Еще я хотел вас попросить, чтобы эта сделка осталась между нами», сказал Чичиков.

«Да, уж само собою разумеется, третьего сюда нечего мешать, что по искренности происходит между короткими друзьями, то должно остаться во взаимной их дружбе... Прощайте! прощайте! Благодарю, что посетили. Прошу и вперед не забывать. Если выберется свободный часик, приезжайте пообедать, время провесть. Может быть, опять случится услужить чем-нибудь друг другу».

«Да, как бы не так», думал про себя Чичиков, севши в бричку. «По два с полтиною содрал за мертвую душу!.. Поперхнулся бы ты осиновым клином! А ведь и в казенной палате не служил!»[3]

Он привстал несколько и оглянулся назад. Дом барский был еще виден и на крыльце стоял Собакевич, как казалось, приглядывавшийся, куда гость поедет.

«Подлец, до сих пор еще стоит!» проговорил он[4] и велел Селифану, поворотивши к крестьянским избам, отъехать таким образом, чтобы нельзя было видеть экипажа со стороны господского двора.[5] Ему хотелось порасспросить о дороге к Плюшкину, но не хотелось, чтобы об этом догадался Собакевич. Он выглядывал, не попадется ли где мужик, и, точно, скоро заметил мужика, который, попавши где‹-то› претолстое бревно, тащил его на плече к себе в избу. Он подозвал его к себе.

---

[1] по три рубли за штуку; *а.* по два рубли за штуку [2] нет никакого закона [3] *Вместо* «Поперхнулся ∾ не служил»: Это старого леса кочерга. Верно, был, подлец, частным приставом; а что в казенной палате понатолкался, то это наверно; это и по лицу видно. И даже от фрака его несет казенною палатою». [4] проговорил он с досадою [5] экипажа из господского двора

«Эй, борода! Куда дорога к Плюшкину?»

Мужик, казалось, затруднился таким вопросом.

«Что, не знаешь?»

«Нет, барин, не знаю».

«Эх ты, борода! А еще седым волосом подернуло.[1] Скрягу-то Плюшкина не знаешь, того, что скуп».

«А, заплатанной, заплатанной...» вскрикнул мужик.[2] Было им прибавлено[3] и существительное к слову заплатанной, очень удачное, но несколько неупотребительное в светском разговоре, а потому мы его пропустим. Впрочем, можно догадываться, что оно выражено[4] было очень метко, потому что Чичиков, хотя мужик давно уже пропал из виду, и много уехали вперед, однако ж, всё еще усмехался, сидя в бричке. Должно признаться, что русской народ мастер метко выражаться, и если наградит кого словцом,[5] то очень бывает не рад получивший его. Да уж от словца нельзя отвязаться. Оно пойдет ему в род, прозвище и фамилию и он утащит его с собою и в Петербург и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай эту свою фамилию, как ни вставляй в середину ерчики большие и малые, как ни прибавляй окончания на *в* и *н* — ничто не поможет. Конечно, потом,[6] если посчастливится [ему] выйти в люди, найдутся люди, которые станут производить фамилию[7] от древнего княжеского рода, печатать об этом брошюрки и трактовать об старинном происхождении, как об деле решенном, но всё это не поможет: роковая фамилия[8] постоит сама за себя и скажет ясно,[9] из какого гнезда вылетела птица. Произнесенное метко[10] всё равно, что писанное не выскабливается скобелем, не вырубливается топором;[11] его не выкуришь тоже

---

[1] *Вместо* «Эх ты ∾ подернуло»: Вот еще, как можно, чтобы не знал Плюшкина; *а.* Эх ты, борода! а в голове-то уж седой волос [2] «А, знаю, знаю, заплатанной...» вскрикнул мужик [3] Было им произнесено [4] *а.* Впрочем, оно верно выражено [5] *а. Вместо* «Должно признаться ∾ словцом»: *а.* Метко выразителен бывает иногда русской народ, и если подчас наградит кого-либо словцом [6] *а.* Даже потом [7] *а.* производить его фамилию [8] *а. Вместо* «но всё это ∾ фамилия»: а фамилия все-таки [9] *а.* скажет ясно сама собой [10] *а.* Сказанное метко [11] *а.* не выскабливается и не вырубливается топором

никаким куревом. А уж куды бывает весовато и сильно словце, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких племен, а всё сам-самородок, живой и бойкой русской ум,[1] что как влепил тебе его, то и носи его на здоровье с собой, как пашпорт, и уж нечего прибавлять, какой у тебя нос или губы:[2] одной чертой обрисован ты[3] с ног до головы.[4]

---

[1] *а.* сам-самородок русской и живой и бойкой ум [2] *а.* и уж ничего не нужно больше прибавлять [3] *а.* одной чертой обрисовал тебя всего [4] *Вместо* «очень удачное ∾ головы»: да мы уж лучше оставим в покое существительное. Известно, что русский народ охотник давать свои имена и прозвища, совершенно противоположные тем, которые дает при крещении поп. Они бывают очень метки, но в светском разговоре неупотребительны. Впрочем, все зависит от привычки и от того, как какое имя обходится. Кому, например, не известно, что у нас люди, дослужившиеся первых мест, носят такие фамилии, что в первый раз было бы совестно их произнести при дамах, а носильщики этих фамилий ничуть не конфузятся и производят их даже от Рюрика. И там, где, среди метущей и свищущей по улицам вьюги с тридцатиградусным морозом, мелькают в окнах цельные стекла ново нанятого аристократического дома, там в гостиной тонкого перлового цвета блещут кенкеты и лампы. Там, в кругу разубранных с обдуманною небрежностью дам и подобострастных вылощеных и выскобленых департаментских франтов, новоиспеченный государственный человек, поднявши кверху нос и лысину, сидит павлином и наклоняется своей тучной массою перед дамами, или, ставши в неподвижно величественном положении перед мужчинами, начинает почти всякую речь такими словами: «Князь такой-то, который приходится родоначальником нашей фамилии», или: «[кня] В то время, когда наша фамилия, князья такие-то, враждовали с таким-то царем» [между прочим]. Под час даже приносится и родословная, неизвестно откуда взявшаяся, и гости безмолвно дивятся древности рода, и благообразный чиновник, совершенный comme il faut, служащий под начальством величественного аристократа, [обратившись к] обращается тоже к благообразному чиновнику с такими словами: «Как древне происхождение Петра Николаевича!» «О, эта одна фамилия, один из самых старых столбов нашего дворянства», отвечает благообразный чиновник за № 2. «И как ведь что удивительно», прибавляет благообразный чиновник за № 1: «что ни одного из предков Петра Николаевича не было такого, который бы не оказал великих государственных услуг и который бы не был чем-нибудь замечателен». «И не правда ли», подхватывает третий, до того времени стоявший с заложенными назад руками, «что в фамилии Петра Николаевича есть что-то такое чрезвычайно благородное, что-то такое приятное для произношения». А между прочим этой фамилией, такой приятной для произношения, подарили

Как несметное множество церквей, монастырей с куполами, главами, крестами рассыпано по святой благочестивой Руси, так несметное множество племён, поколений, народов рассыпано, толпится, пестреет и мечется по лицу земли.[1] И всякой народ, носящий в себе залог сил, полный творящих способностей души, своей яркой особенности и других даров бога, своеобразно отличился каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выражении его часть[2] собственного своего характера. Сердцеведеньем и мудрым познаньем жизни отзовется слово британца, легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза, затейливо придумает[3] свое не всякому доступное, умно-худощавое слово немец, но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так сметливо бы вырвалось и вместе так бы кипело и живо трепетало, как метко сказанное русское слово.[4]

‹ГЛАВА VI›

[5]вместо капители, темнел на снежной белизне его,[6] как шапка или черная птица. Хмель, глушивший внизу невысокие верхушки тянувшихся около [забора] ограды кустов бузины, рябины и лесного орешника и побежавши потом по верхушке всего частокола, взбегал, наконец, наверх и обвивал до половины [эту] белую колону картинно сломленной березы. Достигнув середины ее, он оттуда спускался вниз и начинал

родителя Петра Николаевича крепостные мужики окружных деревень. Так случается в гостиной тонкого перлового цвета, где блещут лампы и кенкеты, мелькают фраки, юбки, шеи и бледные дамские руки, увешанные обручами браслетов.

А Чичиков между тем всё едет да едет.

[1] *а.* рассыпано и пестреет по лицу земли; *б.* рассыпано, пестреет, топчется и мечется по лицу земли [2] выразивши какой-нибудь предмет, в выражении его отразил и часть [3] затейливо выдумает [4] «Как несметное ∾ русское слово» *приписанное Гоголем новое окончание главы.* [5] *Начало главы не сохранилось. Отсюда до* «Ворота одни были» *автограф.* [6] *а.* темнел на ней

уже цеплять за зеленые вершины более низменные деревья,[1] или же висел на воздухе, завязавши кольцами свои тонкие, цепкие кручья, легко колеблемые воздухом. [Столетние] Двухсотлетние липы образовывали вверху одну сплошную зелено-облачную массу, виновницу вечной тени стремившихся между толстыми корнями аллей, выказывали мельком и урывками в местах, где расходилась лиственная гущина ветвей их, свои темно седые, искривленные шириною в обхват трем человекам дуплистые стволы, и неосвещенная[2] солнцем виднелась кое-где внизу дорожка, заросшая зеленью, и по ней краснели изредка кровяные пятна, места, свидетельствовавшие, что она когда-то была убита вся мелким кирпичем или усыпана песком. Внизу из гущины мрака между пнями, корнями и стволами ставших в аллею[3] лип, вытыкались густою щетиною седые, иссохшие вероятно от страшной глушины сучья кустарников. Ветвь клена протягивала откуда-нибудь сбоку, из-за пней свои[4] зеленые, распла‹с›танные лапы, и солнце, скользнувши небольшой искрой бог весть откуда и забравшись под какой-нибудь лист, превращало его вдруг в прозрачный и огненный, чудно сиявший в этой густой темноте. В других концах сада выглядыва‹ли› из зелени дерев где деревянная крышка какой-нибудь[5] старенькой беседки, где полуобрушенные перилы почерневшего мостика. Несколько высокорослых, не вровень другим, осин подымали на трепетные вершины свои огромные вороньи гнезда. У иных из них отстегнутые, но не вполне отделенные ветви висели вниз с иссохшими листами. Словом всё было как-то пустынно-хорошо,[6] как не выдумать ни природе, ни искусству, но как бывает только тогда, когда искусство и природа соединятся вместе, когда по нагроможденному, часто без

---

[1] *а.* более низменных дерев [2] *а.* зелено-облачную массу, занимавшие всю середину сада, хранительницу и виновницу вечной тени [внизу в аллеях] у толстых корней своих аллей, местами иногда выказывали нескрытые ветвями темные куски своих седых, искривленных [толст‹ых›] широких в обхват трем человекам, и дуплистых стволов, и неосвещенная [3] *а.* обступавших аллею [4] *а.* Ветвь клена откуда-нибудь сбоку протягивала свои [5] *а. Далее начато:* беседки, полуобрушенные [6] *а.* как-то пустынно-прелестно

толку, труду человека пройдет окончательным резцом своим природа, облегчит тяжелые массы, уничтожит грубоощутительную правильность и нищенские прорехи, сквозь которые проглядывает нескрытый, нагой план, и даст свою чудную теплоту тому, что создалось в хладе размеренной чистоты и опрятности.[1]

Сделавши еще один поворот в переулок,[2] где попадались какие-то длинные хозяйственные строения, вероятно, фабрики или запасные магазины,[3] Чичиков очутился, наконец, в широкой улице, в конце которой предстал, наконец, прямо ему в лицо описанный уже нами господской дом. Казалось, по мере приближения к нему, он еще становился печальнее. Высокая деревянная решетчатая ограда, окружившая двор, потемнела совершенно. Время, как будто видя, что никто не старался выкрасить и поновить ее, покрыло ее во многих местах зеленою плеснью, какою любит покрывать старое дерево. Двор был наполнен множеством амбаров и кладовых, флигелями для кухни, для людских, для бани, для погребов. Под боком находился другой двор, куда вели особые ворота, и который, казалось, назначен был служить рабочим двором.[4] Всё показывало, что [казалось] здесь когда-то текло хозяйство в обширном размере, но всё отзывалось теперь чем-то заглохлым. Трава и дикой бурьян росли по широкому двору, вместо когда-то бывших обделанных и[5] прочищенных дорог, приводивших в сообщение все строения, видны были другие узенькие, протоптанные напрямик ногами пешеходов. В середине двора верно был или цветник или [неб‹ольшой›] круглой палисадник, потому что местами до сих пор еще торчали низенькие столбики маленькой деревянной когда-то окру‹жавшей› его решетки и два-три изувеченные кустарника, еще не вовсе съеденные скотом. Все строения глядели как-то необыкновенно пасмурно. Нигде не видно было отворявшихся дверей, что оживляет картину[6] ни выходивших людей, ни

---

[1] *а.* что создалось в размеренном хладе чистоты и опрятности [2] *а.* Сделавши еще два поворота в улицы [3] *а.* фабрики или другие заведения, какие-нибудь складочные запасные магазины [4] *а.* назначен быть рабочим двором [5] *Далее начато:* вычищенных по нем как [6] картину; везде висел запор и замок. Ворота одни были растворены

живых хлопот и забот дома. Ворота одни были[1] растворены и то потому только, что въезжала[2] телега с грузом, накрытым рогожею. В другое время они, как казалось, запирались наглухо, потому что на них висел запор и железный огромный замок. Возле одного из хозяйственных строений Чичиков скоро заметил какую-то фигуру, которая начала довольно

---

[1] «вместо капители ∾ одни были» *вписано Гоголем вместо зачеркнутого, предварительно исправлявшегося отрывка. Начало зачеркнутого текста не сохранилось. Сохранившаяся часть:* <лежа>лым, потому что цветом был похож ∾ были растворены (*РМ*, стр. 305); *а. Начато:* <лежа>лым, потому что цветом был похож больше на старый кирпич, нежели на сено и на верхушках их росла всякая дрянь. Всё это было верно господское, у мужиков они бы не залежались так долго; *б.* выженный кирпич, нежели на сено, и на верхушках их росла всякая дрянь, между которою попадался даже кое-где небольшой кустарник. Сено и хлеб, казалось, были господские, или, как говорят, экономические; у мужиков бы они конечно не залежались так долго. — Вообще всё селение имело вид какой-то выгоревшей деревни; через избы, крыши и улицы мелькали то с левой, то с правой стороны брички, по мере того как она поворачивала в улицы, две сельские церкви, бывшие одна возле другой, каменная и деревянная. Деревянная была очень стара, каменная казалась старою. Ее желтые стены были в трещинах и пятнах и местами обнажены до кирпичей; верхушка колокольни казалась опаленною громом. — Через избы, крыши и улицы стал выказываться и господский дом и на несколько минут выказался весь в том месте, где уже избы прекратились и [оставался] виднелся [один] кусок какого-нибудь огорода, занятый капустой. Дом выглянул каким-то сутуловатым инвалидом, длинный, длинный, с мезонином, высокою крышею и [над нею] с какими-то бельведерами сверх крыши, которые [тоже покосились] пошатнулись уже несколько на сторону. Обветшавшие столбики давно уже потеряли покрывавшую их масляную краску. Дождь и время отвалили во многих местах стены щекатурку и произвели на них множество больших пятен, из которых одно было по странному случаю несколько похоже на Европу. Кое-где торчала щекатурочная решетка. Из окон только два были открыты; прочие были заставлены ставнями. Эти два окна с своей стороны тоже были несколько подслеповаты. На одном из них был наклеен треугольник из синей сахарной бумаги. Двор, однако ж, был обнесен довольно крепкою оградою, которая может когда-нибудь была выкрашена краскою, но так как хозяин не думал вовсе об ее поновлении, то прислужилось время: решилось хозяйничать само и покрыло ограду зеленою плесенью, какою обыкновенно покрывает старое дерево. Ворота одни были растворены [2] что в это время въезжала

сильно вздорить с мужиком, приехавшим на телеге. Он долго[1] не мог разобрать, какого роду была эта фигура: баба[2] или мужик. На ней было платье самое неопределенное. Отчасти оно было похоже[3] на женской капот, на голове колпак, какой носят[4] деревенские дворовые бабы. Только голос ему показался несколько сиплым.[5] «Ой, баба!» произнес он про себя, всё еще сомневаясь. «Ой, нет!» — «Баба, то-то баба!» наконец сказал[6] он, рассмотревши поближе. Фигура с своей стороны остановилась тоже глядя на него. Казалось, гость для нее был в диковинку, потому что она рассмотрела не только его, но и Селифана, и лошадей, начиная от хвоста до морды. По висевшим у ней за поясом ключам и по тому, что она бранила мужика довольно поносными[7] словами, Чичиков заключил, что это должна быть ключница.

«Послушай, матушка», сказал он, выходя из брички: «что барин?..»

«Нет дома», прервала ключница, не дожидаясь окончания вопроса, и потом, спустя минуту, прибавила: «а что вам угодно?»

«Есть дело».

«Идите в комнату», сказала ключница и показала ему спину, запачканную мукою, а пониже ее большую прореху в своем капоте.

Он вступил в темные[8] широкие сени, от которых пахнуло холодом как из погреба. Свет проходил узенькою тонкою струйкой сквозь ставни, закрывавшие два окна, обращенные на крыльцо. Слабое сиянье[9] этого бедного света давало заметить наваленные кучи какого-то хлама, что заставило его идти осторожно. Из сеней он прошел в узенькую переднюю, которая была тоже темна,[10] также имела окна, закрытые ставнями, и также слабо освещалась светом, выходившим из-

---

[1] *Вместо* «В другое ∾ долго»: В другое время ∾ Чичиков долго (*РМ*, стр. 305—306). [2] не мог разобрать, была ли это баба [3] На ней было ∾ весьма похожее (*РМ*, стр. 306). [4] колпак такой точно, как носят [5] несколько толстым [6] «Да, баба, то-то баба!» сказал [7] *а. Как в тексте; б.* довольно сильными; *в. Как в тексте.* [8] *а.* в просторные [9] *а.* Слабое освещение [10] *а. Далее начато:* и с заставленными окнами [но свет] в конце ее был

под порога дверей соседственной комнаты, ибо дверь была коротка и внизу образовалась большая дыра. Взошедши, наконец, в эту соседнюю комнату, откуда исходил свет и которую поэтому можно было назвать единственным[1] светильником всего дома, он был странно поражен необыкновенным открывшимся ему зрелищем. Ему показалось, что он пришел на аукцион или в магазин каких-нибудь старинных вещей и мебелей, всегда странно поражающ‹ий› взоры своею[2] темною наружностию, беспорядком среди [блестящих] светлых, сияющих чистотою и убранством магазинов. [Казалось как будто бы] Всё было в этой комнате скорее нагромождено, чем расставлено, казалось как будто бы во всем доме происходило или мытье полов или [поправка] перекраска стен и сюда снесли на время, как попало, все мебели. У стены стоял стол, перед которым стоял другой стол; на том и на другом столе были бронзовые часы, почти одинаких форм с остановившимися маятниками, к которым уже давно пауки приладили свои паутины [соединивши их таким образом с столбиками треугольниками в роде кренов‹?›]. Против дверей было бюро темного дерева, выложенное перламутной мозаикой, которая во многих местах выпала, и наместо ее остались одни только узенькие желобки свежего дерева, [залитые] наполненные клеем. На бюре лежало несколько узеньких записочек и бумажных лоскуточков, исписанных очень часто, и накрытых пожелтевшим каменным прессом с таким же яичком, [на верху щеты, одни, казалось, бывшие в употреблении] колокольчик с отломанной ручкой и счеты. Возле бюра, не сделавши никакого простенка, стоял шкаф со стеклами, за которыми были видны потемневшие серебряные стаканы и старинные бокалы и подносы, хрустальные графинчики и вместе с ними связки и кипы каких-то бумаг, повидимому облитых когда-то кофеем, китайские[3] фарфоровые чашки, отломленная ручка от кресел, молитвенник и лимон, высохший до такой степени, что казался похожим более на лесной

---

[1] *а.* Взошедши в комнату, откуда исходил свет и которая может быть поэтому была единственным [2] *Вместо* «всегда ∾ своею»: *а.* так странно иногда поражающем взоры прохожего своею [3] *а.* бумаг очень пожелтевших и китайские

орех, чем на лимон. Шкаф этот почти захватывал третью часть окна, на окне валялось[1] тоже несколько книг в старом кожаном переплете с красным обрезом и календарь в бумажной обвертке, похожей на те бумажные обои, которыми обклеивается на станциях перегородка, назначенная для скрытия жены станционного смотрителя от взоров проезжающих. Тут же на окне стояла рюмка с какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом. Тут же лежали небольшой кусочек сургучика, два пера, запачканные чернилами, высохшие как в чахотке, зубочистка, совершенно пожелтевшая, которою [вероятно] хозяин может быть ковырял в зубах своих еще до нашествия на Москву французов. В комнате не мало было стульев и кресел, по<крытых?> холстяными некогда белыми, но потом сделавшимися почти табачного цвета [2] В углу комнаты в узком длинном футляре [часто] видны были тоже остановившиеся <часы>; ибо нигде не был слышен стук маятника. Наконец, несколько картин, без толку и довольно тесно повешенных на стене, длинный пожелтевший гравюр какого-то сражения, с огромными барабанами, кричащими солдатами в треугольных шляпах и тонущими конями, без стекла в рамках красного дерева с тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по углам, и рядом с ним огромная почерневшая картина, писанная масляными красками, с цветами, фруктами, разрезанным арбузом, кабаньей мордой и висевшей вниз уткой. Среди комнаты висела люстра в холстяном мешке, от пыли сделавшаяся похожею на шелковый кокон, в котором сидит червяк. Наконец, в углу комнаты заметил Чичиков нагроможденную кучу, но чего — трудно было решить, ибо пыли[3] на ней было в таком изобилии, что руки всякого касавшегося [к ней] становились похожими на перчатки. Можно было заметить [только] впрочем торчавший угол какой-то рамы, вероятно сломленной, что-то похожее на большую вазу, старую подошву от сапога и даже отломленный кусок деревянной лопаты. Лежавший на столе старый очень поношенный и полинялый

---

[1] *а.* на котором валялось [2] *Фраза не закончена. Автором оставлено место для одного <?> слова* [3] *а.* потому что пыли

колпак показывал, что в этой комнате обитало живое существо. Пока Чичиков рассматривал с некоторым видом удивления всё убранство этой комнаты, отворилась[1] боковая дверь и вошла та же самая ключница, которую встретил он на дворе. Но здесь заметил он,[2] что это скорее был ключник, чем ключница, ибо ключницы, как известно, бороды не бреют,[3] а этот, напротив, брил и при том [как казалось] довольно редко, потому что подбородок и вся нижняя часть щеки были очень похожи на густую скребницу из железной проволоки, которою чистят на конюшнях лошадей.[4] Чичиков, давши вопросительное выражение лицу своему, ожидал с нетерпением, что хочет сказать ему этот ключник. Ключник тоже с своей стороны ожидал, что хочет сказать ему Чичиков.[5] Наконец, последний, удивленный таким странным недоумением, решился спросить:[6]

«Что ж барин? У себя, что ли?»

«Здесь хозяин», сказал ключник.

«Где же?» повторил Чичиков.

«Что, батюшка, слепы-то, что ли?» сказал ключник: «Эхва! А ведь хозяин-то я».

Здесь герой наш по неволе[7] отступил несколько назад и поглядел на него пристально. Ему случалось видеть не мало всякого рода людей, даже таких, каких нам с читателем, может быть, никогда не придется увидеть,[8] но этакого он никогда еще не видывал. В лице его, конечно, ничего не было особенного: оно было как [обыкновенно] бывает у всех почти стариков; один подбородок только выступал слишком далеко вперед, так что нужно было поминутно закрывать его платком, чтобы не заплевать. А прочее всё было решительно так же: рот с тонкими, цепко сжатыми[9] губами несколько

---

[1] *Вместо* «Он вступил ∾ отворилась»: Герой наш вступил ∾ отворилась (*РМ*, стр. 306—307); *а. Начато*: Герой наш вступил в нее и наклонился довольно крепко лбом о какой-то острый угол [2] Но здесь герой наш заметил [3] ключница бороды не бреет [4] подбородок ∾ сапожную щетку (*РМ*, стр. 307). [5] ожидал речи от Чичикова [6] наконец приезжий ∾ такими словами (*РМ*, стр. 308). [7] Чичиков поневоле [8] видеть не мало всяких молодцов [9] *а.* крепко сжатыми

провалился в середину, ибо извнутри нечем было подпереть его: оба ряда зубов, верхний и нижний, давно[1] убрались, оставив на место себя, в виде гарнизона, по одному зубу и то очень плохому. Какой-то беспокойный огонь бродил в его еще не вовсе потухнувших маленьких глазах: они бегали из-под высоко выросших бровей, как мыши, когда, высунув из темных нор [свои] остренькие морды, насторожа уши и моргая усом, они нюхают[2] подозрительно самый воздух.[3] Но замечательнее всего был костюм его:[4] можно было, конечно, догадываться, что на нем был халат, но из чего состряпан был халат, этого уже нельзя было догадаться:[5] еще на спине и [на] боках видны были кое-какие приметы бумажной материи, но обшлага, отвороты на груди и полы до того замаслились и залоснились, что походили на юхту, из которой шьют матросам сапоги, [притом] да и весь халат имел такое странное устройство, что сзади было не две полы, а четыре, откуда охлопьями лезла[6] хлопчатая бумага, сделавшаяся от пыли и времени серою. На шее у него повязано было что-то такое, которого тоже нельзя было разобрать:[7] чулок ли, подвязка[8] или набрюшник, только никак не галстух. Одним словом, если бы Чичиков встретил его, так приодетого, где-нибудь возле церкви, то, вероятно, дал бы ему медный грош, потому что, к чести нашего героя, нужно заметить, что сердце у него было устроено сострадательно, и он никак не мог отказать подать бедному человеку медный грош. Но пред ним стоял не нищий, пред ним стоял помещик,[9] да и какой помещик, владетель 800 душ крестьян.

---

[1] *Далее зачеркнуто:* может быть то даже было неблаговидной наружности [2] *Вместо* «В лице его ∾ они нюхают»: Лицо его имело ∾ и нюхают (*РМ*, стр. 308). [3] *Далее было:* Глаза этого хозяина ∾ дергало (*РМ*, стр. 308). [4] Замечательнее был его костюм [5] но из чего ∾ загадка (*РМ*, стр. 308). [6] отвороты и передние полы, ∾ висела (*РМ*, стр. 308—309). [7] *Вместо* «На шее ∾ разобрать»: Правый рукав ∾ был навязан (*РМ*, стр. 309); *а*. Правый рукав без всяких дальнейших рассмотрений был просто заплатан суконным лоскутком для крепости, а что у него навязано было на шее, того уж никак нельзя было разобрать: [8] чулок ли или подвязка [9] если бы Чичиков ∾ это был помещик (*РМ*, стр. 309); *а*. если бы Чичиков встретил его в таком костюме где-нибудь возле ∾ нужно заметить, что он был очень сострадательный и никогда не отказывался подать бедному человеку медный грош.

Попробовал бы кто поискать, где ‹у› помещиков в окружности было столько хлеба, сена и муки? у кого кладовые были так набиты сукнами, шерстью, пенькою,[1] холстом, медом и всеми домашними произведениями. Заглянул бы кто-нибудь[2] в его рабочий двор, где под крытыми сараями лежали целые сотни колес, бочек, ведер, которые были сделаны только на запас и никогда не употреблялись, ему бы показалось, что он пришел в ту широкую часть Москвы, где в воскресный день, начиная от Плющихи до Смоленского рынка, всё [завалено и] занято торгом деревянной посуды, навезенной мужиками [из] окружных деревень, где крашенное и некрашенное дерево темнеет и желтеет вплоть до самого Дорогомиловского моста, и еще долго выказывается потом урывками по всей дороге до заставы, желтея[3] издали между мужичьими зимними шапками, сухопарыми и бородатыми кляченками, пока наконец совершенно не кончится город и не покажется одна [необъятная] снежная равнина,[4] вся сверкающая в тонких искрах, перерезанная скрыпучей цепью обозов, то нагоняющей, то отстающей [и между ними, как легкий дымок, только вспыхивает и струится по морозному воздуху теплый пар, несущийся из уст бредущих мужиков и шажком плетущихся лошадок] и мужички подбегают, похлопывая рукавицами за ‹*1 нрзб.*› своими телегами, поспешая ‹?› изредка кричать ‹?› на лошаденок [посылая пар дыхания]. Как тонкий дымок, струится пар дыхания их в морозном воздухе, а в голове их грезится расчет, почем и как продать и где и в каком месте стать с своим деревом, приехавши на многолюдный московский рынок.[5] Этих всех произведений стало бы слишком на пять

---

[1] Попробовал бы читатель поискать у кого из помещиков ∾ кладовые были больше набиты пенькою [2] Если бы кто заглянул [3] *Далее начато: а.* свеже ‹крашенною?›; *б.* некрашенною [4] *а. Начато:* снежная равнина, сверкая тонкими блестками под хладно блистающим солнцем, вся покрытая скрыпущими обозами, между которыми как легкий дымок струится по морозному воздуху [дыхание] пар из уст [мужиков] бредущих [между ними] мужиков и тихо плетущихся лошадок; *б.* снежная равнина, вся сверкающая тонкими блестками пред хладно блистающим солнцем, вся во весь свой широкий поперек перерезанная; *в.* снежная равнина, вся сверкающая в тонких искрах, вся во весь поперек перерезанная [5] *Вместо* «в ту широкую ∾ рынок»: на ярманку или по крайней мере на рынок большого города.

таких имений, какое было Плюшкина, но человека трудно чем-нибудь накормить. Не довольствуясь этим, Плюшкин ходил каждый день по улицам своей деревни, [тщательно] заглядывал под мостики, под перекладины, и всё, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, железный гвоздь, глиняный черепок, всё это он тащил к себе и складывал в ту кучу, которую Чичиков заметил в углу комнаты. «Вон уж рыболов пошел на охоту!» говорил мужик, когда завидывал его, идущего на добычу. В самом деле, это был самый деятельный полицмейстер на деревне и после него решительно уже незачем было месть улицы. Какой-то проезжий офицер потерял шпору,[1] шпора эта отправилась в известную кучу. Если баба, как-нибудь зазевавшись у колодца, оставляла ведро, он утаскивал и ведро. Впрочем, если приметивший мужик тут же уличал его, он не спорил и отдавал похищенную вещь. Но чуть только[2] эта вещь попала в кучу, он божился, что она его, куплена им тогда-то, у того-то, или досталась от деда. В комнате своей он подымал с пола всё, что ни видел: сургучик, лоскуточек бумаги, перышко, и всё это клал или на бюро или на окошко.

А ведь было время, когда он был только бережливым хозяином! Был женат и семьянин, и сосед заезжал к нему сытно пообедать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Всё текло живо и совершалось размеренным ходом: двигались мельницы, валяльни, [прядильные] суконная фабрика, столярные станки, прядильни. Везде, во всё входил зоркий взгляд хозяина и, как трудолюбивый паук, бегал хлопотливо, но покойно, по всем концам своей хозяйственной паутины. Никакие слишком сильные чувства не отражались в чертах лица его, но в глазах был виден ум; опытностью и познанием света была проникнута речь его, и гостю было приятно слушать его.[3] Приветливая и говорливая хозяйка славилась хлебосольством; на встречу выходили две миловидные дочки, обе белокурые, свежие,

---

[1] решительно уже ничего не оставалось на улицах. Незачем было и месть их. Какой-то офицер, Изюмского гусарского полка что ли, потерял на дороге шпору, [2] Но когда уже [3] «Все текло ~ слушать его» *вписано*.

как розы, вбегал сын, разбитной мальчишка, и целовался со всеми, мало обращая на то внимания, рад ли или не рад был этому гость. В доме были открыты все окна, антресоли были заняты квартирою учителя француза, который славно брился и был большой стрелок: почти к каждому обеду приносил уток или тетерек, а иногда и одни воробьиные яйца, из которых заказывал себе яичницу, потому что никто больше в целом доме ее не ел. На антресолях тоже жила его компатриотка наставница двух девиц, которая, впрочем, несколько странно была устроена: была совершенно ровная снизу до верху, без всякой талии. Таких француженок нет во Франции. По крайней мере, мне не случалось видеть. За обед не садилось меньше десяти человек, и почти столько же подавалось блюд. Сам хозяин являлся к столу в сюртуке, хотя несколько поношенном, но опрятном, локти были в порядке; нигде никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а с ними и мелких забот[1] перешли к нему. Плюшкин стал беспокойнее и как все вдовцы подозрительнее и скупее. На старшую дочь Александру Степановну он не мог во всем положиться, да и был прав, потому что Александра Степановна скоро убежала с штаб-ротмистром какого-то бог весть кавалерийского полка[2] и перевенчалась с ним где-то наскоро, в какой-то деревенской церкви, ибо Александра Степановна знала, что отец не любит офицеров по странному предубеждению, [что] будто бы военные должны быть картежники или мотишки. Отец послал ей[3] на дорогу проклятие и уже не заботился о ней больше. В доме стало еще пуще. Во владельце [его] стала заметнее обнаруживаться скупость, сверкнувшая в жестких волосах его седина — верная подруга ее,[4] — помогала ей еще более развиться. Учитель француз был отпущен, потому что сыну пора была на службу; мадам была прогнана, потому что оказалась не безгрешною в похищении Александры Степановны. Сын, будучи отправлен в губернский город в Палату, с тем, чтобы там узнать существенную и дельную службу,

---

[1] и маленькие заботы [2] с штаб-ротмистром кононерского полка
[3] Папенька послал ей [4] верная ее подруга

вместо этого определился в полк и написал к отцу уже по своем определении, прося у него денег на обмундировку. Весьма естественно, что он получил на это то, что называют в простонародии: шиш.[1] Наконец, последняя дочь, оставшаяся с ним в доме, умерла. Старик остался совершенно один, сторожем, хранителем и владетелем своих богатств. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, как известно, имеет волчий голод и, чем больше пожирает, тем становится ненасытнее. Человеческие чувства, которые и без того не были в нем очень крупны, мелели ежеминутно, и каждый день что-нибудь да утрачивалось в этой изношенной развалине. Случись же, что под такую минуту, как будто нарочно в подтверждение его мнения о военных, к нему дошел слух, что сын его проигрался в карты. Он послал ему от души свое отцовское проклятие и никогда уже не интересовался, существует ли он на свете или нет. С каждым годом притворялись окна в его доме, наконец, осталось только двое, из которых одно, как уже видел читатель, было заклеено бумагою. С каждым годом уходили из вида его более и более главные части хозяйства, и мелкий взгляд обращался к бумажкам и перышкам, которые он собирал в своей комнате. Неуступчивее становился он к покупщикам, которые приезжали забирать у него летом хозяйственные произведения. Покупщики торговались, торговались, а наконец, бросили его вовсе, сказавши, что это бес, а не человек. Сено и хлеб гнили, на скирдах и копнах можно было смело разводить капусту, потому что это был чистый навоз. Мука в подвалах обратилась в камень, и ее нужно было рубить, к пеньке, холсту, коврам, сукнам, которыми были нагружены его кладовые, страшно было притронуться: они обращались в пыль. Он уже позабывал сам, сколько у него было чего, и помнил только, в каком месте стоял у него в шкапе графинчик с остатком какого-нибудь ликерчика, на котором он сам сделал наметку, дабы никто воровским образом не выпил его, да где лежало перышко или сургучик. А между тем в хозяйстве[2] доход собирался всё попрежнему:

---

[1] Очень естественно, что он получил на это шиш. [2] графинчик с остатком ∾ В хозяйстве (*РМ*, стр. 312).

столько же оброку должен был принесть мужик, такое же количество ниток должна была напрясть баба, столько же полотна наткать ткачиха. Всё это сваливалось в кладовые и гибло. Всё становилось гниль и прореха, и сам он обратился в какую-то прореху на человечестве.[1] Александра Степановна как-то приезжала раза два с маленьким сынком, пытаясь, нельзя ли чего-нибудь получить: видно походная жизнь с штаб-ротмистром [казалось] не была так привлекательна, как рисовалось до свадьбы.[2] Плюшкин, однако ж, ее простил и даже дал маленькому внучку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столе, но дочери ничего не дал. В другой раз Александра Степановна приехала уже с двумя малютками и привезла ему кулич к чаю и новый халат, потому что у батюшки был такой халат, на который глядеть было не только совестно, но даже стыдно. Плюшкин приласкал обоих внучков и, посадивши их к себе одного на одно колено, а другого на другое, покачал их таким образом, как будто бы они ехали на лошадях, кулич и халат взял, но дочери решительно ничего не дал. С тем и уехала Александра Степановна.

Итак, вот какого рода помещик стоял перед Чичиковым! Должно, однако ж, сказать, что такие кащеи попадаются редко на Руси, где всё любит скорее развернуться, чем съежиться, и появление их тем бывает изумительнее, что тут же в соседстве очутится помещик, который черпает жизнь широкой чашей, сколько захватила богатырская рука, и веселится во всю ширину русской удали и барства. Небывалый проезжий остановится, пораженный видом его жилища, и на губах его невольно пошевелится вопрос: «Какой владетельный принц очутился здесь почти волшебным образом среди маленьких и темных и почти разорившихся владельцев? Дворцами глядят его белые, каменные домы с бесчисленным множеством труб, бельведеров, флюгеров, окруженные целым городом флигелей и домиков для проезжих гостей,[3] соединенные великолепными аллеями тополей. Легкий беспрерывный

---

[1] *Вместо* «сваливалось ∾ на человечестве»: помещалось прежним ∾ за меньшую цену (*РМ*, стр. 312). [2] *Вместо* «видно ∾ свадьбы»: потому что ∾ для жены (*РМ*, стр. 312—313). [3] для проезжающих

стук по укатанным дорогам приезжающих экипажей возвещает вечный, незаходимый праздник, с театрами, балами, сияет всю ночь освещенный плошками сад, и громы музыки оглашают [во всех концах] до зари безвременно пробужденную рощу. Толпы гуляющих мущин, дам и девиц со всей сверкающей пестротой и роскошью [своих] убранств мелькают [группами и толпами] в сильном свету и быстро [переходящих] движущихся тенях, как ребенки радуясь, [тому] что прогнана так волшебно темная ночь. Речи, крики и радостный хохот несутся по саду и только тому, кто младенческой душой любит девственную чистоту природы и дрожит за ее нежные тайны, тому одному является что-то дикое в сем насильственном освещении: театрально выскакивает пред ним освещенная ветвь, лишенная своей яркой зелени, а вверху темнее, суровее и в двадцать раз грознее является чрез то ночное небо, и угрюмее облекаются в непробудный плащ мрака вершины дерев, негодующих в вышине на сей мишурный блеск, осветивший снизу их корни.

Чичиков долго не мог начать разговора, развлеченный как видом самого хозяина, так и всего того, что видел вокруг себя. Долго не мог он сообразить, как и в каких словах изъяснить причину своего посещения. Он уже хотел было выразиться в таком духе, что, наслышавшись о добродетели и редких свойствах души его, он почел долгом принести лично дань уважения, впрочем спохватился и почувствовал, что это уж слишком. Искоса бросивши взгляд на всё, что находилось в комнате, ему взбрело на мысль, что слово добродетель и редкие свойства души можно с успехом заменить словами экономия и порядок, и потому, оборотивши таким образом речь, он выразил, что, наслышавшись об экономии его и редком управлении [хозяйством] имениями, он почел за долг познакомиться и принести лично свое почтение. Конечно, можно было и лучше выразиться и приискать даже иную причину, но ничего другого не взбрело в то время на ум.[1]

---

[1] *Вместо* «Должно, однако же ∾ на ум»: Должно однако ж сказать, ∾ мое почтение лично (*РМ*, стр. 313).

а. Наброски на отдельном листе, вшитом в РЛ:

I. Должно однако ж признаться, что такие кащеи редко [яв‹ляются›]

На это Плюшкин пробормотал что-то сквозь губы, [потому что зубов у него не было] ибо зубов не было, — что̀ такое именно пробормотал он, неизвестно, но, вероятно, смысл был

встречаются на Руси, где [как известно, напротив всё любит развернуться пошире] все любят скорее развернуться, чем съежиться, и появление его тем более бывает изумительно, что тут же в соседстве может быть даже [под боком очутится] помещик, который черпает жизнь [такой широкой чашею] полной чашей сколько захватит рука, как и не снилось никому, и весь тонет в царском блеске. [Глядит] Дворцами глядят его белокаменные домы с бесчисленными флигелями и домами для приезжающих гостей. [То преогромный театр и труппа из своих собственных крепостных людей] античными портиками из своих собственных ведущими аллеями тополей. Театр, труппа крепостных людей Раздается гром стук от уезжающих и от приезжающих экипажей [музыка] Оркестр, балы и освещенные плошками и фонарями деревья, под которыми при раздающихся отдаленных [аккордах] музыкальных звуках [гуляют и только что-то дикое является в этом освещении того, что осудила ночь на [сильнейший] величественный мрак] и раздается беспечная веселость, звонкий смех и довольные речи, тогда как что-то дикое и видится <?> в этом освещении театрально *Дальше текст обрывается.* И только тот, [чье нежное сердце дрожит за] кто дрожит за тайные красы, за сокровенные тайны красы, только видит что-то дикое в этом безвре<менном> насильственном ее пробуждении. Когда всю обняли <?> между *Дальше текст обрывается.*

II. Сияет освещенный плошками сад. Громы му<зыки> Музыка [и гуляющие группы наезжих гостей веселятся] оглашает во всех концах, пробуждает и [мелькают и блещут *<2 нрзб.>* [и в быстро мелькающих] радуется *<1 нрзб.>* [как прогнана] [выгнана] изгнана темная ночь. [Смех] Речи, крики и радостный хохот... И только тому, кто любит [чудную чистоту] младенческой душой [чистоту] дивную <?> природы и дрожит за нежные ее тайны, тому одному является только что-то дикое в этом [искусственном] насильственно-искуственном освещении; театрально выскакивает перед ним освещенная ветвь, лишенная своей яркой не]

III. Дворцом глядит его белый каменный дом с бесчисленным множеством труб, бельведеров, флюгеров, окруженный целым городом флигелей и домиков для приезжающих, великолепными [рядами] аллеями тополей. Беспрерывно по укатанным дорогам приезжающих экипажей всё возвещает незаходимый праздник. Украшенные живыми картинами балы, театрами крепостных, плошки [Всю ночь сияет сияние]

IV. песнь и пропекает, как говорится, жизнь, кутит и заливается во

таков: «А побрал бы тебя чорт[1] с твоим почтением!» Но так как гостеприимство у нас в такой сильной степени, что даже и скряга не в состоянии преступить его законов, то он прибавил тут же гораздо внятнее: «Прошу покорнейше садиться!»

«Я давненько не вижу гостей», сказал он: «да, признаться сказать, в них мало вижу проку. Завели пренеприличный

всю ширину своей удали. Небывалый проезжий в изумлении остановится, пораженный видом его обители, и невольно движется на губах его вопрос: «кто владетельный принц и [роскошный] владетель цветущей обители, о которой он нигде не слышал вокруг, очутился почти волшебно с своим очарованием

V. [Это] что-то дикое является мне в этом, когда фонари и огни мелькают внизу между померкшими, облеченными ночною тенью деревьями, и театрально выскакивает освещенная ветвь, лишенная своей яркой жизни, а вверху [зато] темнее [и], суровее и в двадцать раз грознее является чрез это ночное небо и угрюмо [нахлобучиваются] облекается мраком в непробудимый в вершины освещенных дерев, темных, как уголь, как бы сурово негодующих с вышины на [этот] сей мишурный блеск, осветивший внизу их корни.

VI. Чичиков остановился [и долго не мог придумать], удивленный невольно как фигурою самого хозяина, так всем, что окружало; даже не мог сообразить и придумать, как [начать ему речь] и в каких словах начать речь и как изъяснить причину своего приезда. Он сначала хотел [начать] выразиться почти в таком духе, что, наслышавшись о его добродетели и редких свойствах души, он почел долгом принесть свою дань уважения. Да скоро впрочем спохватился и почувствовал, что это уж точно слишком. [Взглянувши еще раз на комнату, еще раз на всё, что было] Бросивши искоси взгляд на всё, что было в комнате, ему пришло в ум, что слово редкие качества души и добродетель можно с успехом заменить словом экономия и потому [он сказал] он тот же час, давши речи другое значение, сказал, что, наслышавшись об его экономии и об хорошем управлении [разным] хозяйством, он почел за долг познакомиться и принести лично свое почтение. Конечно, [он почувствовал, что] можно бы несколько иначе и отчасти лучше выразиться — это он чувствовал и сам, — но нечего делать: ничего другого под ту пору не подвернулось на ум. *Приписано:* Конечно, он чувствовал, что, подумавши, можно бы [сказать] выразить еще лучше и ближе, но слава богу, что и то подвернулось на язык.

[1] *Вместо* «что такое ~ чорт»: Неизвестно, что ~ «Чорт бы побрал тебя (*РМ*, стр. 313—314).

обычай[1] ездить друг к другу, а в хозяйстве упущения...[2] да и лошадей[-то] их корми сеном... Я давно уже пообедал, а кухня у меня такая прескверная: начнешь топить, еще пожару наделаешь».[3]

«Еге»,[4] подумал про себя Чичиков: «хорошо же, что я у Собакевича перехватил ватрушку».[5]

«И такой скверный анекдот: что сена хоть бы клок в целом хозяйстве!» продолжал Плюшкин. «Да и в самом деле, как прибережешь его? землишка[-то] маленькая, мужик ленив, работать не любит, думает как бы в кабак... Того и гляди, пойдешь на старости лет по миру».[6]

«Мне однако ж сказывали», произнес Чичиков: «что у вас 800 душ».

«А кто это сказывал? А вы бы, батюшка, наплевали в глаза тому, который это сказывал; он пересмешник, хотел пошутить над вами! Вот бают 800 душ, а поди-тка сосчитай — а и ничего не начтешь.[7] В последние три года проклятая [-то] горячка выморила[8] у меня большой куш мужиков».

‹Скажите! И не на шутку выморила?» вскрикнул Чичиков, почувствовав при этом небольшое сердечное движение.[9]

‹Да, снесли многих».

«А позвольте узнать, сколько числом?»

‹Душ восемьдесят!»

‹Нет?»

‹Не стану лгать, батюшка».

‹Позвольте еще спросить: ведь эти души, я полагаю, вы считаете со дня подачи последней ревизии?»

«Это бы еще слава богу!» сказал Плюшкин; «да лих-то, что с того[-то] времени до 120 наберется».

---

[1] Уж такой неприличный обычай [2] в хозяйстве-то упущения, да упущения... [3] а кухня ∾ пожару наделаешь» (*РМ*, стр. 314). [4] «Эх» [5] хорошо, что я приехал пообедавши [6] Того смотри, что на старости лет придется взвалить суму на плечи, да и пошел по миру.. [7] сосчитай — и пятисот не найдешь; *а.* сосчитай и пятисот не начтешь [8] горячка переморила [9] *Вместо* «Скажите ∾ движение»: «Что вы говорите». ∾ довольно народу? (*РМ*, стр. 314); *а.* «И точно, много у вас умерло мужиков?» почти вскрикнул Чичиков, потому что в самом деле даже почувствовал небольшое сердечное биение от радости.

‹Вправду? Целых сто двадцать?» воскликнул Чичиков и даже разинул несколько рот от изумления.[1]

‹Стар я, батюшка, чтобы лгать. Седьмой десяток живу», сказал Плюшкин, как казалось, обидевшийся таким довольно живым восклицанием. Чичиков заметил, что с его стороны, в самом деле, неприлично такое безучастье к чужому горю, и потому скоро поправил всё дело, вздохнувши и изъявивши свое душевное соболезнованье.[2]

«Да [Но] ведь соболезнования[-то] в карман не положишь», сказал Плюшкин: «Вот возле меня капитан, говорит, родственник: [а родственник, — на том же солнце онучки сушились]. «Дядюшка, дядюшка», и в руку целует, а как начнет соболезновать — вой такой подымет... В лице весь красный: пеннику-то чай придерживается на смерть.[3] Служивши в офицерах, спустил, верно, в картишки, да театральная комедиантка выманила, так вот он теперь и соболезнует».

Чичиков отвечал на это, что его соболезнование совсем не такого рода, что он не пустыми словами, а самим делом [чувствует готовность] готов доказать его и берется даже сам взносить подати за всех [тех] крестьян, умерших такими несчастными случаями. Это, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Он вытаращил глаза, долго смотрел на него и, наконец, спросил:[4] «Да вы, батюшка, не служили ли в военной службе?»[5]

Но Чичиков отвечал, что служил[6] по штатской.

‹По штатской...» повторил Плюшкин и стал шевелить ртом так, как будто бы что-нибудь кушал:[7] «да ведь как же... Ведь это вам-то самим в убыток».

---

[1] *Вместо* «В правду ∾ изумления»: *а.* «В правду?»; *б.* «В правду 120?»; *в.* «Вправду? целых сто двадцать?» [сказал] воскликнул Чичиков и чуть не засмеялся от сердечного удовольствия». [2] *Вместо* «сказал Плюшкин ∾ соболезнованье»: «Какое однако ж ∾ о вас соболезную» (*РМ*, стр. 315). [3] пеннику-то придерживается сильно [4] *Вместо* «не положишь ∾ спросил»: Возле меня ∾ великодушие (*РМ*, стр. 315). [5] *Далее было:* спросил он наконец [6] *Вместо* Но Чичиков ∾ служил»: «Нет», отвечал Чичиков: «я служил [7] «и стал ∾ кушал» *вписано.*

Но Чичиков отвечал, что для удовольствия его он готов и на убыток.[1]

«Ах, батюшка! ах, благодетель ты мой!» вскрикнул Плюшкин, не замечая от радости, что из носа у него весьма некартинно выглянул табак в виде густого кофея и полы халата, раскрывшись, показали тоже не весьма приличное для рассматриванья платье. «Вот утешили старика! Ах! Господи! Ах, ах!» Далее Плюшкин и говорить не мог [от радости]. Но не прошло минуты, как эта радость, так мгновенно показавшаяся на деревянном лице его, также мгновенно и пропала [вмиг], как не бывала, и лицо его вновь приняло заботливое выражение. Он даже утерся платком и, свернувши его в комок, стал очень долго возить им по верхней губе.

«Да ведь на всё это издержки», сказал он: «и купчую нужно...[2] Приказные такие бессовестные... Прежде бывало полтиной меди отделаешься,[3] а теперь пошлешь целую подводу круп, да и красную бумажку прибавь:[4] такое сребролюбие. Я не знаю, [батюшка] как священники-то [наши] не обращают на это [никакого] внимания; сказал бы какое-нибудь поучение.[5] Ведь что ни говори, а против слова-то божия не устоишь!!»

«Ну, ты, я думаю, устоишь», подумал про себя Чичиков и сказал, что из уважения к нему он готов принять даже издержки по купчей на свой счет.

Услыша, что даже издержки по купчей Чичиков принимает на себя, Плюшкин заключил, что он совсем глуп и прикидывается,[6] будто служил по штатской, а верно, был в офицерах,[7] волочился за комедианткам. При всем том он не мог скрыть своей радости. Он пожелал Чичикову всяких утешений,

---

[1] *Вместо* «Но Чичиков ∾ убыток»: «Для удовольствия вашего я готов потерпеть», отвечал Чичиков. [2] *Вместо* «что из носа ∾ купчую нужно»: что из носа ∾ совершить купчую (*РМ*, стр. 315—316). [3] Прежде бывало дашь полтину меди или мешок муки [4] подводу круп и овса, да еще синей бумажкой не отделаешься [5] сказал бы проповедь в церкви, может быть покаялись. [6] *Вместо* «Ну, ты, я думаю ∾ прикидывается»: «Чтобы доказать ∾ прикидывается (*РМ*, стр. 316). [7] по штатской службе, но, верно, был в офицерах, задавал пирушки

а также и деткам, не спросивши, были ли они у него или нет, и, подошедши к окну, постучал пальцами в стекло и закричал: «Прошка!»[1] Чрез минуту было слышно, что кто-то вбежал впопыхах в сени, долго возился там и стучал сапогами. Наконец, дверь отворилась, и вошел Прошка, мальчик лет 13-ти, в таких больших сапогах, что, ступая, едва не вынул[2] из них ноги своей. Отчего у Прошки были такие большие сапоги, читатель узнает это сию минуту. У Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ее в доме, были одни только сапоги, которые должны были всегда находиться в сенях. Всякой призываемый в барские покои обыкновенно отплясывал чрез весь двор босиком, но, входя в сени, надевал сапоги и таким уже образом являлся в комнату. Выходя из комнаты, он оставлял сапоги опять в сенях и отправлялся вновь на собственной подошве. Если бы кто взглянул на это из окошка в осеннее время, и особенно, когда по утрам начинаются маленькие изморози, то он бы увидел, что вся дворня делала такие[3] высокие скачки, какие вряд ли когда-нибудь удавалось выделывать самому бойкому балетному танцовщику.

«Вот, посмотрите, батюшка, какая рожа», сказал Плюшкин Чичикову, указывая пальцем на лицо Прошки: «Глуп, ведь, как дерево, а попробуй что-нибудь положить, мигом украдет. Ну, чего ты пришел, дурак? скажи, чего?» Здесь Плюшкин сделал паузу, на которую Прошка отвечал тоже молчанием. После этого Плюшкин прибавил: «Поставь самовар, слышь! да вот возьми ключ, да отдай Мавре, чтобы пошла в кладовую... там на полке есть сухарь от кулича, который привезла Александра Степановна, чтобы подала его к чаю... Постой, куда же ты! Дурачина!.. Эхва, дурачина!.. Бес у тебя в ногах что ли чешется!.. Ты выслушай прежде: сухарь-то [я] чай сверху поиспортился,[4] так пусть соскоблит его ножом, да крох не бросает, а снесет в курятник.

---

[1] *Вместо* «Он пожелал ∾ закричал «Прошка»: «Бог вас, батюшка, утешит ∾ постучал в стекло пальцами (*РМ*, стр. 316). [2] чуть не вынул [3] *Вместо* «Если бы кто ∾ такие»: Весьма любопытно ∾ делала такие (*РМ*, стр. 317). [4] сверху немного испортился

Да смотри, не входи ты в кладовую, не то я тебя, знаешь[1]

и капитана, приписывающегося ему в родню.[2] Спрятавши деньги, Плюшкин сел в кресло и уже, казалось, больше не мог найти материи о чем говорить. «А что? вы собираетесь ехать?» сказал он, заметив небольшое движение, которое сделал Чичиков для того только, чтобы достать из кармана платок.[3]

Этот вопрос напомнил ему,[4] что, в самом деле, не зачем более[5] оставаться. «Да, мне пора», произнес он, взявши‹сь› за шляпу.

«А чайку?»

«Нет, уж чайку пусть лучше когда-нибудь в другое время».[6]

«Как же! А я приказал самовар.[7] Я, признаться сказать, сам не пью чаю. Напиток дорогой, цена на сахар поднялась немилосердная. Эй, Прошка! не нужно самовара! Сухарь отнеси Мавре, слышь, пусть опять его положит на то же место, или нет, подай его сюда: я ужо отнесу сам. Прощайте, батюшка. Да благословит вас бог, а письмо-то председателю вы отдайте. Да, пусть прочтет. Он мой старый знакомый. Как же. Были с ним однокорытниками».[8]

За сим это странное явление, этот съежившийся старичишка проводил его,[9] после чего велел ворота тот же час запереть; потом обошел кладовые с тем, чтобы осмотреть, на своих ли местах сторожа, которые стояли на всех углах, хлопая деревянными лопатками в пустой боченок, наместо чугунной[10]

---

[1] не то я тебя вспрысну, да и *Дальше текст обрывается; в рукописи сохранился только верхний угол оборванного листа с обрывками фраз.* [2] и капитана, который приписывался к нему в родственники. [3] платок и высморкаться. [4] напомнил Чичикову [5] в самом деле ему не зачем было более [6] «А чайку-то?» «Покорнейше благодарю. Пусть когда-нибудь в другой раз». [7] приказал-то поставить самовар [8] *а.* старый знакомый. Ведь мы с ним однокорытниками были, по заборам лазили... Прощайте, батюшка! Век не забуду вашей услуги: порадовали старика». [9] *Вместо* «За сим ∾ его»: Он проводил ∾ за ворота (*РМ*, стр. 326). *а. Начато:* [Сказавши] За сим это странное явление, этот старикашка, так неожиданно и нечаянно появившийся среди разгульной [Руси] и живой Руси [10] вместо чугунной

доски; после того заглянул в кухню, где, под видом того, чтобы попробовать, хорошо ли едят его люди, наелся препорядочно щей с кашею и, выбранивши всех до последнего за воровство и дурное поведение, возвратился в свою комнату. [Здесь] Оставшись один, он даже подумал о том, как бы и чем возблагодарить гостя за такое в самом деле беспримерное великодушие. «Я ему подарю», подумал он про себя: «карманные часы. Они ведь хорошие, серебряные, а не какие-нибудь томпаковые или бронзовые. Немножко поиспорчены, да ведь он себе поправит.[1] Он человек еще молодой, так ему нужны карманные часы, чтобы понравиться своей невесте. Или нет», прибавил он после некоторого размышления: «лучше оставлю я их ему после моей смерти, в духовной-то, чтобы вспоминал обо мне».

Но герой наш и без часов был в самом веселом расположении. Такое неожиданное приобретение было сущий подарок. В самом деле, что ни говори, не только мертвые души, но еще и беглые — и всего двести с лишком человек [и это превзошло всякие ожидания]. Он, конечно, ожидал, что от Плюшкина будет добрая пожива, но одна‹ко ж›[2]

Он всю почти дорогу свистал и наигрывал губами совершенно так, как будто бы играл на трубе. Наконец, затянул какую-то песню, до такой степени необыкновенную, что сам Селифан слушал, слушал и, наконец, сказал сам себе, покрутивши слегка головою: «Ишь ты, как барин поет!» Были уже густые сумерки, когда они подъехали к городу. Пестрый шлагбаум принял какой-то неопределенный цвет. Усы стоявшего на часах солдата казались на лбу, гораздо выше глаз, а носа как будто вовсе не было. Гром и прыжки дали Чичикову заметить, что он въехал на мостовую. Фонари еще не

---

[1] *Вместо* «немножко ∾ поправит»: Правда, немножко попорчены и без стекла, но он ужо их себе поправит. [2] *Вместо* «такое неожиданное ∾ но одн‹ко ж›»: Покупка ему показалась так выгодною, что он чуть не смеялся, хотя перед ним были только поля да дороги, в которых, как известно, ничего нет смешного. Даже неприятное свидание с Ноздревым и отчасти жидовский поступок Собакевича вышли у него из памяти *Конец фразы в копии от слова* Ноздревым *очевидно ошибочно остался незачеркнутым. Вписанный взамен этого текст остался незаконченным, обрывается на слове;* одна‹ко ж›

зажигались, только кое-где начинались освещаться окна домов, а в переулках и закоулках происходили сцены и разговоры, неразлучные с этим временем во всех городах, где много солдат, извозчиков, работников и особого рода существ в виде дам в красных платках и башмаках без чулков, которые, как летучие мыши, шныряют по перекресткам. Чичикову было не до того, чтоб рассматривать эти группы. Он даже не замечал по временам попадавшихся тоненьких чиновников с тросточками, которые, вероятно, сделавши прогулку за городом, возвращались домой к своим хозяйкам, у которых имели квартиру со столом. Изредка только доходили до слуха какие-то, как казалось, жалкие восклицания: «Врешь, пьяница, я никогда не позволила ему такого грубиянства» или: «Ты не дерись, невежа, а ступай в часть, там я тебе докажу». Впрочем, такие слова можно слушать и в столицах, когда доведет случай проходить мимо мест, в соседстве которых есть близко кабак.

Наконец, бричка, сделавши порядочный скачок, опустилась, как будто в яму, в ворота гостиницы, и Чичиков был встречен Петрушкою, который одною рукою придерживал полу своего сертука, ибо не любил, чтобы[1] расходились полы, а другою помогал ему вылезать из брички, и половым, который выбежал со свечою в руке и салфеткой на плече и обрадовался необыкновенно. Неизвестно, много ли обрадовался Петрушка, по крайней мере, с Селифаном он перемигнулся и суровая обыкновенно его наружность на этот раз несколько как будто прояснилась.

«Долго изволили погулять», сказал половой, освещая лестницу.[2]

«Да», сказал Чичиков, когда взошел на лестницу: «Ну, а ты что?»[3]

«Слава богу», отвечал половой, кланяясь. «Вчера приехал военный поручик, занял шестнадцатый номер».

«Поручик?»[4]

---

[1] *Далее начато:* он расходился [2] *Вместо* «Чичиков был встречен ∾ лестницу»: трактирный слуга, ∾ освещая дорогу (*РМ*, стр. 327). [3] *Вместо* «Ну, а ты что?»: «А ты здоров?» [4] *Вместо* «кланяясь ∾ Поручик?»: поклонившись за это ∾ Хорошо. (*РМ*, стр. 327—328).

«Неизвестно какой-то из Рязани; гнедые лошади».[1]

«Хорошо, хорошо, веди себя и вперед хорошо», сказал Чичиков и вошел в свою комнату. Проходя переднюю, он закрутил носом и сказал Петрушке: «Ты бы, по крайней мере, хоть окна отпер».

«Да я их отпирал», сказал Петрушка, да и соврал. Да, впрочем, и сам барин знал, что он врет, но уж в таких случаях [не спорил] ничего не возражал.[2] После сделанной поездки Чичиков чувствовал сильную усталость. Потребовавши самый легкий ужин, состоявший только в поросенке и куске солонины, он разделся и, забравшись под одеяло, заснул чудным образом, как спят все те счастливцы, у которых нет[3] ни *геморроид*, ни блох, ни слишком больших умственных способностей.

ГЛАВА VII

[4]Весело после томительной длинной дороги, когда человек устал, бока его насиделись и натолклись вдоволь и вся фигура его приняла жалкое положение какого-то мокрого, нахохлившегося петуха, с слезою на глазах и непостижимою лению сходить в карман за платком; после холодов, слякоти и всяких гадостей, после холодных скучных станций, обклеенных бумажными обоями, за которыми гуляют стада разных станционных животных, после пошлого вида всех возможных сортов станционных смотрителей, надоевших нестерпимо, после оглушительных бряканий колокольчиков, перебранок,[5] починок, мазания колес, ямщиков и кузнецов и всякого рода дорожных подлецов,[6] — весело, когда после всего этого

---

[1] лошади гнедые и на кучере бобровая шапка. [2] *Далее начато:* Сделанная поездка давала однако ж сильно себя чувствовать бокам его. [3] *Вместо* «сказал Чичиков ∾ у которых нет»: сказал Чичиков, вошедши в свой номер ∾ не имеют (*РМ*, стр. 328). [4] *В начале зачеркнуто:* Весело после томительной, длинной дороги, когда человек устал, и бока его натряслись и натолклись вдоволь, и нет мочи выносить более приятность дорожного путешествия, когда фигура его приняла самое жалкое положение и в глазах навертываются слезы, как после доброго приза русского табаку *На этом текст обрывается.* [5] колокольчиков, морозов [6] «и всякого ∾ подлецов» *вписано.*

мелькнет знакомая крыша, под вечер, при посеревшем воздухе, при засыпающей умильно окрестности, и знакомый двор, и знакомые люди, при них же неслась наша жизнь, и ужин, и комната та же, та, с теми же часами, картинами тем же диваном, и веселый шум, и беготня детей, и тихие успокоительные речи, и та же самая старая нянька идет навстречу, и та же самая старая собака, уже с закрывшимся одним глазом, всё еще махающая хвостом! — Счастие тому, кого ждет такая радость, кто семьянин и которого целию впереди — родная крыша. Горе холостяку!

Счастлив писатель, который после характеров скучных, противных, поражающих печальною своею действительностию, приближается к явлениям и характерам, являющим высокое достоинство человека, к характерам, на встречу которым летишь с любовию, как будто к давним знакомым, почти родным, которых душа когда-то, в младенческие годы, не ведая сама где, в каких местах, во время святых своих отлучений от тела, встретила на пути. Боже, как живительно-свежо и полно отрады это чувство! и какие слезы! какие освежающие слезы! А писателю между тем слава. Он зажег энтузиазм, он заговорил прекрасными речами, он скрыл печальное, и увлеченные к нему несутся молодые души, страстные и нежные, и его имя произносят с огнем в очах и признательностию. Он бог. Его цель верна двояко: и сердечное наслаждение многолюдных его читателей, и сердечное наслаждение собственное. Но не та судьба и другой удел писателя, посягнувшего обнажить до глубины ничтожное и презренное в жизни, всю потрясающую пламенное сердце, всю противную страшную мелочь жизни. Ему не собрать рукоплесканий, не видеть благодарных слез и признательного восторга им взволнованных душ; к нему не полетит на встречу шестнадцатилетняя девушка с закружившеюся головою и геройским увлечением. А собственное, а душевное его состояние[1] — увы, он не отдохнет сердцем в своем создании, он не уйдет в него от света и от того, чего желал бы бежать, он не услышит отрад самозабвения,[2]

[1] А в душе его, а внутри, а его собственное состояние — [2] не услышит тех отрад прекрасного самозабвения

к которому так бы летела душа. Сурово его поприще и горько чувствует он свое одиночество.

А разве мне всегда весело бороться с ничтожным грузом мелких страстей, идти об руку с моими странными героями?[1] О, сколько раз хотел бы я ударить в возвышенные струны, увлечь гордо за собою поклонников и с торжеством приковать их к победной[2] своей колеснице. Какой бы ясной чистотой девственного пламени хотела[3] вспыхнуть душа. Но, стой, говорит мне суровый, неумолимый голос, пред кем бледнеет человек. На прекрасную сторону людей бросятся быстрее;[4] прекрасное увлекательно, и много грядущих юношей, объятые им, воспоют его. Но не много гордых душевными[5] движениями решатся опуститься в глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша презрительно-горько-обыкновенная жизнь . . . . . .[6]

В наружу весь позор ее! всю тину ничтожных мелочей! Ими же заплеснел современный мир наш. Резче и сильнее углубляй резец свой, да ярко предстанет всё низкое в очи. Нерадостный современный ждет тебя: ничтожным и низким назовут тебя; участия не будет к тебе современников; презренный угол отведут тебе и твои создания поместят в самый последний слой литературы.[7] Последний, нестройный, с не-

---

[1] с моими ничтожными героями? [2] приковать к победной [3] Каким бы чистым пламенем хотела [4] На прекрасную сторону человека бросаются быстрее; [5] гордых своими душевными [6] *Многоточие в подлиннике.* [7] *Вместо* «В наружу ∾ литературы»: Твой подвиг не менее почтен. Наружу весь позор ее! Весь мертвящий холод, весь запутанный мелочами мир. Оттолкни прочь раболепную просьбу, жажду людей самозабвения. Не окуривай головы; прочь желание лести человеческой гордости. Нет нужды, что поразят тебя крики.

Вот определенный тебе путь. Тебя назовут низким, ничтожным; участия не будет к тебе современников; напротив, тебе отведут самый презренный угол и твои создания поместят в самый низкий слой литературы; *а. Написанный карандашом между строк текст стерт, прочтению поддаются лишь отдельные слова; б.* Твой подвиг не менее почтен. В наружу весь позор ее! Весь мертвящий, холодный запутанный мелочами мир ее. Резче и сильнее углубляй резец свой да предстанет она вся ярко *Далее оставлено неисправленным.*

связным лирическим увлечением талант станет перед тобою и заслонит тебя и будет он казаться гигантом, но не всё еще.[1] От тебя отнимут и душу, и сердце, и не всё еще.[2] Тебя поставят в ряд грязных, бесчувственных, оскорбляющих человечество писателей и уравнят тебя с ними и не всё еще.[3] Все качества твоих героев придадут тебе самому, составят истории, и о тебе распустят истории, и это еще не всё. Самый смех, который вдохновенно удалось возбудить тебе, обрушится же на тебя, самый смех будет твой обличитель, — что смешно — то мелко и ничтожно. У [толпы] людей одно только суровое да произнесенное важным голосом величаво. Они не признают никогда, что можно быть велику в изображении не великих явлений, что телескоп[4], показывающий солнцы, и микроскоп, передающий движения незамеченных[5] насекомых, равно поразительны и чудны, что есть [глубокая] разница между высокой поэзией смеха и поясничеством балаганного кривляки. Не признают они этого и обратят всё в позор тебе. И весь позор сей понеся на плечи, ты иди, ибо громадно-необъятны дары неба: в сей толпе, которая шумит и волнуется ежедневно, может встретиться поэт, всевидец и самодержавный владетель мира, проходящий незамеченным пилигримом по земле, чье увлажненное слезою орлиное око и пробужденные твоею страницею неожиданные чувства может быть отзовутся... И вот уже при одной мысли о том дрожь и священный холод объемлют тебя,... пенится и несется прочь оглушительный современный водоворот и, боже, как бледными становятся ежедневные [хвалы и] пляски.[6]

---

[1] заслонит тебя, и он будет перед тобой гигантом [2] и это еще не всё [3] и это еще не всё. [4] *Вместо* «У людей ∾ телескоп»: Ибо людям не понять, что можно быть велику в малом, и телескоп; *а*. У людей ∾ величаво. Ими не признано, что можно быть велику [в изображении мелких явлений] в ежедневно незамечаемых глазом явлениях, что телескоп [5] передающий все движения незаметных [6] *Вместо* «Не признают ∾ пляски»: Всё это в позор тебе, но ты иди по этой дороге, потому что велики дары неба! Два-три могут найтиться в шумном омуте света величавые старцы в юношеском возрасте, которых устремленное орлиное око и встрепенувшееся чувство наполнят дрожью и священным трепетом твое сердце, которые заменят тебе крики

В дорогу! в дорогу![1] В сторону грустные элегии! Прочь с лица надвинувшаяся морщина и что-то похожее на слезу! Окунемся разом в свет и жизнь и посмотрим, что делает Чичиков.

Чичиков проснулся ни рано, ни поздно, а как раз в пору. Проснувшись он крякнул, прижал несколько плеча к голове, потянул ноги и усмехнулся, как человек, который чувствует сам, что выспался и хорошо и вдоволь. Надевши одни спальные сапоги и, набросив затем на плеча халат, он подошел прямо к своей шкатулке и сначала перед нею потер руки не без наслаждения, а потом отпер. Ему очень хотелось посмотреть на свои приобретения. Из-за этого желанья он даже позабыл поглядеться в зеркало, что делал он всегда после[2] пробуждения от сна, ибо был подобно весьма многим несколько неравнодушен[3] к своей физиогномии. В физиогномии же своей он находил[4] привлекательного в своем подбородке, которым весьма часто хвалился[5] пред кем-нибудь из приятелей, особливо если это было во время бритья. «Вот посмотри», говорил он обыкновенно, гладя его рукою, «какой у меня подбородок, совершенно круглый». Но теперь он не занялся ни подбородком, ни туалетом. В уме у него сидели мужики, ими была занята голова его. Он вынул со дна шкатулки бумаги, между которыми очень скоро отыскал[6] листочки, исписанные именами [и беглых и несуществующих душ]. Когда разложил он их перед собою, когда взглянул на имена всех этих мужиков, которые точно были когда-то мужиками, работали, пахали, пьянствовали,

---

толпы... *а.* Не признают они этого и обратят всё в позор тебе. И весь позор сей понеся на плечи, ибо громадны, необъятны дары неба ∾ может встретиться поэт, царь и самодержавный обладатель мира ∾ и пробужденные твоею незрелою страницею неожиданные чувства может быть отзовутся ответом тебе... И вот уже при одной мысли о том дрожь и священный холод объемлет тебя... пенится, уносится далеко от тебя мир и едва слышные тощие отголоски ежедневных криков

[1] В дорогу! в дорогу вновь. [2] делал обыкновенно герой наш всякий раз тотчас после [3] от сна, будучи измлада несколько неравнодушен [4] физиогномии. Кажется более всего он находил [5] подбородке и часто хвалился им [6] *Далее начато:* *а.* полученные записочки, содержавшие; *б.* исписанные листочки

извозничали, обманывали бар, а может быть [кончили] и жили по правде, считаясь ‹?›, какое-то странное, совершенно непонятное ему самому чувство обняло его. Каждая записочка как будто имела какой-то свой особенный характер и как будто самые мужики[1] получили чрез то какой-то свой особенный[2] Мужики, принадлежавшие Коробочке, все почти были с придомками. Записка Плюшкина отличалась краткостью в слоге. Часто были выставлены только одни начальные слоги имен и отчеств и две точки. Реестр Собакевича[3] поражал необыкновенной полнотой и обстоятельностью. Ни одно из похвальных качеств мужика не было пропущено. Об одном[4]

---

[1] *Далее начато:* имели [2] *Фраза осталась незаконченной.* [3] *Далее начато:* отли‹чался› [4] *На этом текст рукописи прерывается. Вместо* «Чичиков проснулся ∾ Об одном»: Очнувшись после весьма крепкого сна, герой наш довольно бодро вскочил с постели и первою мыслию его была сделанная покупка. Он не подошел даже к зеркалу и не подумал о своем туалете. Не мешает заметить, что герой наш очень любил свою физиономию, что, впрочем, водится за всяким и в чем натурально нет ничего удивительного, потому что своя рожа несравненно ближе, чем всякая другая: ее можно и потрепать и пр. Он особенно восхищался своим подбородком и очень часто хвастался им кому-нибудь из своих приятелей, особливо, если это было во время бритья. «Вот посмотри», говорил он обыкновенно, гладя его рукою, «какой у меня подбородок: совершенно круглый». Но на этот раз он не взглянул на свой подбородок, ни даже не погладил его рукою, а прямо так, как встал в короткой рубашке и спальных сапогах, подошел к столу, на котором лежал дорожный портфель его. Вынувши из него бумаги, он сложил их в кучку перед собою и, удовлетворивши нос свой, как водится, с обоих подъездов призом довольно крепкого табаку, он принялся за них с чувством тайного удовольствия. Когда он разложил перед собою все эти бумажки и забранные им записки о числе душ, где были написаны подробно имена всех мужиков, которые, точно, были когда-то мужиками, работали, пахали, пьянствовали, извозничали, то невозможно выразить, что почувствовал он в то время. Он почувствовал себя как бы отцом семейства, помещиком, хозяином, и занялся довольно сурьезно важностию своей обязанности. В уме его родились весьма неглупые солидные мысли и меры очень благоразумные. Но это заблуждение продолжалось весьма не долго: он вспомнил, что мужики были мертвые; *а.* Чичиков проснулся с весьма приятною усмешкою, как человек, который чувствует сам, что хорошо и вдоволь выспался. Надевши спальные сапоги и не надевая еще халата, он подошел прямо к своей шкатул-

«Что ж ты опять врешь», говорит капитан-исправник, скрепивши речь свою кое-каким крепким словцом.[1] — Где же твой пашпорт?» — «Он у меня был», говоришь ты проворно: «да, статься может, видно,[2] как-нибудь дорогой пообронил его». — «А солдатскую шинель», говорит капитан-исправник, загвоздивши опять тебе в придачу кое-какое крепкое словцо: «зачем стащил[3] и у священника сундук с медными деньгами?» — «Никак нет», говоришь ты, не сдвинувшись: «в воровском деле никогда еще не оказывался». — «А почему же шинель[4] нашли у тебя?» — «Не могу знать, верно, кто-нибудь другой принес ее». — «Ах, ты, бестия, бестия», говорит исправник, покачивая головою и взявшись под бока. «Набейте ему на ноги колодки и сведите в тюрьму». — «Извольте, я с удовольствием», отвечаешь ты. И вот, вынувши из кармана табакерку, ты потчиваешь дружелюбно каких-то двух инвалидов, надевающих на тебя колодки, и расспрашиваешь их, давно ли они в отставке и в какой войне бывали, и вот ты себе живешь в тюрьме, покамест в суде производится твое дело, и пишет суд: «Препроводить тебя из Царево-Кокшайска в тюрьму такого-то города», а тот суд пишет опять: «препроводить тебя в какой-нибудь Усть-Сысольск», и ты себе переезжаешь из тюрьмы в тюрьму и говоришь, обсматривая новое обиталище: «[И здесь не дурно] Нет, Усть-Сысольская тюрьма будет почище: там хоть и в бабки, так

ке и [потер приятно] перед нею потер приятно руки, а потом отпер. Ему очень хотелось посмотреть на свои приобретения. [Даже туалет был оставлен, который] Даже позабыто было посмотреть в зеркало. Тем более это было странно, что он вообще был неравнодушен к своей наружности, что впрочем водится за всяким и в чем натурально нет ничего удивительного, потому что свое лицо несравненно ближе, чем всякое другое; его и потреплешь, и пощиплешь, и пощупаешь, а с другим не всегда можно это сделать, и часто хвалился им пред кем-нибудь из своих приятелей *и т. д. как в тексте.* [1] говорит капитан-исправник, привинтивши кое-какое словцо; *а.* говорит капитан-исправник, наддавши тебе при сем *<1 нрзб.>* кое-какое крепкое словцо [2] да видно [3] «А солдатскую шинель зачем стащил?» говорит капитан-исправник, загвоздивши в придачу тебе прибаутку; *а.* «А солдатскую шинель зачем стащил?» говорит капитан-исправник, загвоздивши в придачу кое-какое известное словцо [4] А шинель зачем

есть место». — «Филипп Тепякин!..[1] Ты что за птица?..» Но здесь он взглянул на часы[2] и увидел, что было уже несколько поздно. Сложа бумаги свои, он поспешил одеться, потому что никак не хотел откладывать дела в долгий ящик и положил, если можно, хоть половину купчих крепостей совершить того же утра. В приятельском отношении председателя он был совершенно уверен, уверен был, что если дело паче чаянья и потребует долее времени, назначенного для присутствия, то[3] председатель прикажет продлить присутствие, так же у Гомера боги приказывают продлиться дню, чтобы дать возможность добраться своим любимцам. Но он поспешил в палату ранее [обыкновенного] для того, чтобы быть как-то [более] покойнее после совершенного окончания, да и к тому во всех делах своих, особенно важных, так и неважных, он был очень аккуратен. На улице он услышал позади себя произнесенное его имя, оглянулся, пред ним стоял Манилов, очутившийся вдруг и неожиданно, как будто с облаков.[4] Они заключили друг друга в объятия и минут пять оставались на улице в таком положении. Поцелуи с обеих сторон так были сильны, что у обоих весь день почти болели передние зубы. Манилов был решительно вне себя, от удовольствия зажмурил глаза совершенно,[5] и на лице его остался только нос да губы. Почти с четверть часа он держал обеими руками его руки и нагрел их страшно. В самых вежливых и приятных словах [он] рассказал ‹что› только приехал в город[6] и что никак не мог себе отказать в удовольствии увидеть и обнять Павла Ивановича. Ко всему

---

[1] Филипп Ховрякин!.. [2] Но здесь герой наш взглянул нечаянно на часы [3] *Далее начато:* одно уже слово председателя [4] *Вместо* «было уже ∾ облаков»: зарассуждался довольно долго и потому поспешил наскоро заняться изготовлением всего, что следует, с тем, чтобы сей же час идти в палату для совершения крепостей. Одевшись довольно наскоро, он схватил портфель подмышку и махнул пешком. Не успел он выйти на улицу, как навстречу Манилов. [5] от удовольствия так зажмурил глаза, что [6] *Вместо* «Почти ∾ в город»: Потом он держал почти с четверть часа обеими руками руку Чичикова и нагрел ее страшно. Он объявил, что сегодня поутру только приехал в город. *а.* Почти ∾ страшно. В продолжении этого времени он рассказал *и т. д. как в тексте.*

этому был прибавлен[1] такой комплимент, какой только разве в воскресный день где-нибудь на вечере какой-нибудь молодой помощник столоначальника скажет девице, с которою готовится танцовать. Чичиков уж никак[2] не нашелся ему на это ответить; всё, что ни прибирал[3] он, всё в сравнении с ним было мало. Узнавши, [зачем] за каким делом Чичиков шел в палату, он изъявил готовность ему сопутствовать.[4] Приятели взялись под руки и пошли вместе. Как только где на дороге встречалась горка[5] или маленькое возвышение или ступенька, Манилов его почти приподымал рукою и поддерживал при всяком разе, приговаривая с весьма приятною улыбкою, что он никак не допустит, чтобы Павел Иванович ушиб свои ножки. Натурально, что герой наш не находился как благодарить и очень совестился, потому что знал[6] и сам, что немножко тяжеленек. В таких приятных разговорах они наконец дошли до площади, где находились присутственные места, — большой трехэтажный каменный дом, весь белый, как мел, вероятно, для того, чтобы были заметнее все пятна и пачкания, которыми был он покрыт с нижнего этажа. Караульная бутка, солдат с ружьем и длинные заборы, с кое-какими необходимыми заборными надписями, нацарапанными углем или мелом школьниками или уличными шалунами, которые, вероятно, [в свое время] были за это посечены, если только дались поймать себя на месте злодеяния,[7] две-три извощичьи биржи — таков был вид этой уединенной или, как у нас говорят, красивой площади. Из окон второго и третьего этажа иногда высовывались головы жрецов Фемиды, но очень скоро прятались опять,[8] потому что, вероятно, в то время входил в комнату начальник. Оба приятеля должны были не идти, а бежать по лестнице, ибо Чичиков,

---

[1] обнять Павла Ивановича и при этом присовокупил [2] Так что наш Павел Иванович уж никак [3] *Вместо* «Всё, что ни прибирал»: что ни прибирал [4] Узнавши, что Чичиков отправлялся в палату с тем, чтобы окончить дела по купчим, Манилов предложил ему сопутствовать. [5] *Вместо* «Как только ∾ горка»: Если встречалась где-нибудь горка [6] не находился как благодарить, тем более что знал [7] длинные заборы с приписками и рисунками, которые пишутся с незапамятных времен на заборах [8] головы жрецов Фемиды, но скоро потом и прятались

стараясь [сколько можно] избежать, [того] чтобы Манилов не поддерживал его под руки, ускорял шаг, а Манилов с своей стороны тоже летел вперед, [желая] стараясь не позволить Павлу Ивановичу устать или утрудиться, и потому оба запыхались очень сильно, когда взобрались, наконец, по лестнице.[1] И в коридоре и на лестнице остановил их несколько сжатый воздух, бывающий вечно <?> в тех местах, где присутствуют сторожа. В комнатах и на стенах было как несколько *<1 нрзб.>*. Тогда еще не заботились так о чистоте,[2] и то, что было грязно, так и оставалось грязно, не принимая никакого привлекательного наружного вида.[3] Фемида, просто какова она у нас есть, в неглиже и халате, принимала гостей.[4] Следуя порядку вещей, долженствовало бы[5] заняться описанием канцелярий и комнат, которыми проходили наши герои; но автор должен признаться, что от рождения[6] питает сильную робость [в отношении] вообще ко всякого рода присутственны<м> мест<ам> [Уж такой странный [у него] характер у автора] или уже он чувствует в сокрушенной душе своей, что грешен, и от того боится как смерти правосудия.[7] Если же и случилось ему проходить когда-либо подобные места, даже в облагороженном виде,[8] с лакированными полами и столами из красного дерева, [то] он

---

[1] *Вместо* «Оба приятеля ∾ лестнице»: Приятели наши взбежали на лестницу, говорю взбежали, ибо Чичиков старался как можно взбежать скорее, чтобы Манилов не мог помогать ему, почти подсаживая на ступеньки, и потому оба запыхались довольно сильно. [2] *Вместо* «И в коридоре ∾ чистоте»: И на коридоре и на лестнице нашли не мало грязи и чернил, ибо в то время еще не заботились так о чистоте, как теперь; *а.* И в коридоре и на лестнице почувствовали какой-то странный запах, всегда бывающий там, где присутствуют сторожа, [3] не принимая нынешнего привлекательного вида, словом, всё, что ныне так красиво прячется в лакированные шкафы и получило такую благородную наружность, тогда было открыто во всей своей натуре. [4] *Далее было:* К тому же кстати тогда и вицмундиров еще не носили чиновники; *а.* Да и чиновники тогда еще не носили вицмундиров, а всякой надевал что ни попало на свои плечи. [5] Конечно, следуя порядку вещей, автору бы следовало [6] но автор от рождения [7] питает сильную <робость> касательно присутственных мест и всю жизнь свою боялся правосудия. [8] даже в нынешнем облагороженном их виде

всегда потуплял глаза в землю и старался пробежать их как можно скорее, и по этой-то самой причине никогда не мог[1] порядочно заметить, как там всё благоденствует и процветает. Герои наши видели только мельком чернильницы, бумаги, лица, множество разных темных верхних облачений, более или менее поношенных, и отделявшуюся[2] весьма резко какую-то серую куртку, которая, своротив голову на бок и положивши ее почти на самую бумагу, выписывала бойко и замашисто, вероятно, какое-нибудь очень убедительное,[3] да слышали[сь] урывками небольшие фразы, как-то: «Одолжите, Федосей Федосеевич, дельце за № 368». — «Вы всегда куды-нибудь затаскаете пробку с казенной чернильницы».[4] Иногда же голос более величавый, без сомнения, одного из начальников раздавался повелительно: «На, перепиши, а не то снимут сапоги, и просидишь ты у меня сорок дней не евши». Шум от перьев был страшный и походил на то, как будто бы[5] несколько телег в глубокую осень проезжали по лесу, заваленному на четверть аршина иссохшими листьями. Один из священнодействующих, тут же находившийся, который с таким усердием приносил жертвы Фемиде, что оба рукава лопнули на локтях и давно лезла оттуда подкладка, за что́ и получил в свое время[6] коллежского регистратора, прислужился нашим приятелям таким же образом, каким некогда Виргилий Данту, и провел их, наконец, в главную комнату присутствия, где стояли одни только широкие кресла, и в них перед столом с зерцалом и двумя толстыми книгами сидел один, как солнце, председатель.[7] В этом месте новый Виргилий[8] почувствовал такое благоговение, что никак не осмелился занести туды ногу, и поворотил назад, показав свою спину, которая вся была вытерта, как рогожка, и в до-

---

[1] как можно скорее; и потому никогда почти не мог [2] *Далее начато:* между ними очень [3] Герои наши видели только мельком чернильницы, бумаги, фраки и одного чиновника, который просто сидел в куртке из серого сукна [4] с моей чернильницы [5] Шум от перьев был такой страшный, как будто бы [6] и получил он [7] и в них как солнце сидел один председатель перед столом, зерцалом и двумя толстыми книгами. [8] В этом месте Виргилий

бавку торчало на ней еще куриное перо.[1] Вошедши в залу присутствия, Чичиков увидел, что председатель был не один: около него сидел Собакевич, который так закрылся стоявшим на столе зерцалом, что его вовсе было не заметили. Председатель, вставши со стула, обнял Чичикова, и оба поцеловались почти в засос. Казалось, он уже был предуведомлен Собакевичем, ибо тотчас же поздравил с выгодною покупкою крестьян, несколько раз повторивши, что благое дело произвели, и прибавивши, что вообще очень приятно видеть, как человек, что-нибудь приобретая, доставляет[2] таким образом своим потомкам возможность подвизаться на дела полезные отечеству. Потом взаимно осведомились о здоровье, оказалось, что у обоих побаливала поясница. Оба взаимно изъявили соболезнование и приписали это сидячей жизни. Чичиков обратился с вопросом о здоровье к Собакевичу.[3]

«Слава богу, не пожалуюсь», сказал Собакевич. И точно, не на что было жаловаться: скорее железо могло простудиться и кашлять, чем этот на диво сформованный помещик.

«Да, вы всегда славились здоровьем», сказал председатель: «и покойный ваш батюшка тоже был крепкий человек».

«Да, на медведя один хаживал», отвечал Собакевич.

«Мне кажется, однако же», сказал председатель, «что вы бы тоже повалили медведя, если бы захотели выйти против него».

---

[1] торчало на ней куриное перо [2] *В рукописи описка:* доставляя [3] *Вместо* «и оба ∾ Собакевичу»: сказавши: «Сколько зим-то мы с вами, Павел Иванович, не видались. Садитесь-ка, батюшка, знаем, всё знаем. Благое дело сделали: совершили покупочку. Похвально, похвально». Герой наш, хотя слова председателя, конечно, ничего не могли заключать в себе такого, однако ж, при слове покупочка, немножко как-то смутился, сказал «да» и спросил тотчас о здоровье; узнавши же, что у председателя побаливает только одна поясница, он пожалел душевно и обратился с тем же к Собакевичу; *а.* и оба поцеловались почти в засос. Председатель, казалось, был уже предуведомлен Собакевичем, потому что поздравил *и т. д. как в тексте.*

«Нет, не повалю», отвечал Собакевич: «покойник был меня покрепче».

Председатель, обратившись к Чичикову, опять произнес: «Этаким-то образом. Так вот вы, Павел Иванович, в наших местах сделали приобретение».[1]

«Да если б вы знали, Иван Григорьевич,[2] что́ за приобретение!» сказал Собакевич с тем же своим неподвижным видом: «всё мастеровой народ. Просто золото. Ведь я им продал и каретника Михеева».

«Нет? Будто и его продали? Я знаю каретника Михеева, славный мастер. Он мне дрожки переделал. Только, позвольте, как же... Ведь вы, мне кажется, сказывали, что он умер?»

«Кто, Михеев умер?» сказал Собакевич, ничуть не изменившись и не смешавшись.[3] «Это его брат умер, а он преживехонький и стал еще здоровее прежнего. На-днях такую бричку наладил, какой и в Москве[4] не сделать. Ему бы по-настоящему только на одного государя и работать».

«Да, Михеев славный мастер», отозвался председатель, «я даже удивляюсь,[5] как вы могли с ним расстаться».

«Да будто[6] один Михеев! Авдеев Толстое брюхо, Парамон Кирпичник, Телятников Максим, сапожник — ведь все пошли, всех продал».

А когда председатель спросил, зачем же они пошли, будучи людьми необходимыми[7] для дому мастеровых, Собакевич отвечал, махнувши рукой: «А так, просто, нашла дурь. Давай, говорю, продам, — и продал сдуру». За сим он повесил голову так, как бы сам раскаивался в этом деле, и прибавил: «Вот и седой человек, а до сих пор не набрался ума».

«Подлец!» подумал сам в себе Чичиков.

«А как дорого продали?» спросил председатель.

«А ни по чем», сказал Собакевич: «даром, можно сказать, продал, и по пятисот на душу не придет».

---

[1] обратившись к Чичикову, заговорил снова о покупке, сказавши, что всегда приятно слышать, как хороший человек что-нибудь приобретает. [2] знали, Дементий Игнатьевич [3] «ничуть ∾ смешавшись» *вписано.* [4] что и в Москве [5] *Вместо* «Да, Михеев ∾ удивляюсь»: Я признаюсь, даже удивляюсь [6] Как будто [7] зачем он продал самых необходимых

«Но как же вы, позвольте вас спросить, Павел Иванович, их покупаете без земли», сказал председатель: «разве на вывод?»

«Да, на вывод», отвечал Чичиков.

Председатель поинтересовался знать, в достаточном ли количестве имеется у него для этого земли. Чичиков отвечал, что и земли имеется в достаточном количестве. «А в какой губернии?» Герой наш назвал и губернию: именно в Херсонской губернии. «О, там славные земли», отвечал председатель и отозвался с большою похвалою о тамошних хлебах и сенокосах, а к герою нашему получил еще большее уважение, и не мог не сознаться внутренно, что он человек и степенный и благоразумный вместе.[1] Но когда Чичиков, вынувши тут же бумаги, просил о скреплении купчих и показал реестры купленных крестьян у Плюшкина, Манилова и Коробочки, что́ всего простиралось со всеми утайками цены для избежания пошлин почти на сто[2] тысяч рублей, то председатель получил к нему такое чувство даже смешанное с некоторою робостью, которое он и сам не мог изъяснить себе: стал бранить неудобство казенных стульев и сквозной ветер, проходивший, по мнению его, по комнате, и хотел даже усадить его за зерцало, от чего последний очень скромно уклонился, сказавши, что никак не осмелится занять место, уже самим начальством предназначенное избранному, которое чрез то уже некоторым образом и священно.[3] В ту ж минуту, отворивши дверь в канцелярскую комнату, которая показалась похожею на внутренность пчелиного улья дал приказание одному из чиновников, чтобы всё было сделано, вписано, списано, переписано, помечено, замечено, перемечено и в книгу внесено, так что героям нашим оставалось только приложить руки. Все бывающие в подобных случаях затруднения

---

[1] получил еще большее уважение и, придвинувши к нему кресла, начал глядеть ему в лицо и рассматривать с большим удовольствием его совершенно круглый подбородок, и нос, и рот, и щеки, как будто бы открыл в нем кое-что такое, которого прежде не знал вовсе

[2] почти до полтораста

[3] *Вместо* «получил ∾ священно»: получил эдакую к нему симпатию, даже неизъяснимую для самого себя, что пожимал то и дело его руки, то одну, то другую

были устранены: набрались недостававшие свидетели, послали тут же сейчас за поверенным Коробочки — протопопа отца Петра сыном и привели не только его, но даже и самого протопопа подписали, расписались, засвидетельствовали, приложили печати,[1] — словом, всё было готово в минуту, и за всё это пришлось Чичикову заплатить безделицу.

Так уже изстари всегда водилось на свете.[2] Богатому ничего не нужно платить, нужно только быть богату. Ему и место дадут славное, и в ход пустят, и деньги останутся в шкатулке; платит только тот, которому нечем платить.

В продолжении этого процесса, который весь совершился с небольшим в полчаса, Собакевич улучил время спросить на ухо у Чичикова: «Почем купили душу у Плюшкина? [Я никому не скажу]».

Чичикову хотелось бы[3] даже трепнуть рукой его по носу, но удовольствовался тем, что внутренно приголубил его чем-то в роде собачьего сына и прошептал ему на ухо довольно сухо: «Вдесятеро дешевле, чем у вас». А потом с своей стороны сделал запрос:[4] «А Воробья зачем приписали в записку?»

«Какого Воробья?» спросил Собакевич.

«Вот какого! Будто не знаете. Бабу-то: Елисавету Воробей; я ее вычеркнул».

«А нет», сказал Собакевич: «я не приписывал [никакой] Елисаветы Воробей».

«Да ведь там же стоит, я вам покажу».

«А нет, не стоит», отвечал Собакевич: «нет, не стоит. А между, как-нибудь по ошибке — это другое дело. По ошибке — так против этого и спорить нельзя, ибо человек так создан, чтобы ошибаться».

«Сегодня нет дождя», продолжал он уже вслух и подошедши к окну: «хорошее время для посевов».[5]

---

[1] «послали ∾ печати» *вписано.* [2] Так уже устроено на свете. [3] Чичикову хотелось бы в это время [4] *а.* а потом прибавил [5] *Вместо* «А потом ∾ посевов»: Собакевич в ответ на это оборотился к окну и сказал: «Сегодня нет дождя. Хорошее время для посевов». *Этот текст ошибочно остался незачеркнутым. На полях запись:* какую бабу Елисавету Воробья, — сказал Собакевич с таким видом, как будто впервой слышал это имя.

«Ну», сказал председатель, когда всё было кончено: «теперь остается только вспрыснуть покупочку».

«Я готов», сказал Чичиков: «Остается вам только назначить время.[1] Это был бы грех с моей стороны, если бы для этакого приятного общества да не раскупорить другую-третью бутылочку».[2]

«Нет, зачем вам тратиться»,[3] сказал председатель. «Это наша обязанность. Вы у нас гость. Нам должно угощать. Знаете ли что, господа: покамест что, а мы вот так, как есть, вчетвером, отправимтесь-ка к полицмейстеру. Он у нас чудотворец: ему стоит только мигнуть, проходя мимо рыбного ряда или винного погреба, так мы, знаете-ли как закусим! Да при этой оказии и в вистишку».

Гости совершенно согласились с председателем и все четверо отправились к полицмейстеру, и присутствие кончилось двумя часами ранее положенного времени, на что, кажется, ни один из чиновников не рассердился: ни начальники, ни подчиненные.[4] Полицмейстер точно был чудотворец: как только услышал в чем дело, в ту ж минуту кликнул квартального, бойкого малого в лакированных ботфортах и, кажется, не более, как два слова, шепнул ему на ухо, да прибавил только:[5] «понимаешь?» — А уж там, в другой комнате, в продолжении того времени как гости резалися в вист, появились на столе белуги, осетры, семги, балыки, икры: свеже просольная, паюсная, селедки, севрюжки, сыры и бог знает сколько всякой всячины. Полицмейстер был, можно сказать, некоторым образом, отец и благотворитель в городе. Среди граждан он был как в родной семье. В лавки и в гостиный двор наведывался как в собственную кладовую. Он получал вдвое более доходов, чем его предшественник, но при всем том заслужил любовь всего города. Купцы первые его очень любили, особенно за то, что не горд. И точно, он крестил у них детей, кумался и хоть драл бесчеловечно, но как-то чрезвычайно ловко:[6] и по плечу потреплет,

---

[1] назначить время, когда [2] одну-другую бутылочку [3] Нет, зачем же вам издерживаться [4] «на что ∾ ни подчиненные» *вписано.* [5] кажется всего каких-нибудь два слова шепнул только ему на ухо да прибавил [6] но как-то умел хорошо вести

и засмеется, и чаем напоит, пообещается и сам притти поиграть в шашки, расспросит обо всем: как делишки, что́ и как; если узнает, что детеныш как-нибудь заболел, и лекарство присоветует — словом, молодец. Поедет на дрожках, и порядок даст, а между тем и словцо промолвит тому-другому:[1] «Что Михеич — нужно бы нам с тобою доиграть когда-нибудь в горку». — «Да, Алексей Иваныч», отвечал тот, снимая шапку: «нужно бы». — «Ну, брат, Илья Парамоныч, приходи ко мне поглядеть рысака: в обгон с твоим пойдет, да и своего заложи в беговые, попробуем». Купец, который натурально, на рысаке был почти помешан, улыбался на это с особенною, как говорится, охотою и, поглаживая бороду, говорил: «Попробуем, Алексей Иваныч». Даже все сидельцы обыкновенно в это время, снявши шапки, с удовольствием посматривали друг на друга, как будто бы хотели сказать: Алексей Иванович хороший человек. Словом, он успел даже приобресть себе некоторую народность[2] и вообще мнение купцов было, что Алексей Иванович хоть оно и возьмет, но уж зато никак тебя не выдаст.[3]

Заметивши, что закуска была готова, полицмейстер предложил гостям окончить вист после, и все пошли в ту комнату, откуда несшийся запах начинал уже давно приятно щекотать ноздри гостей, и Собакевич, несмотря на свою неподвижную и неуклюжую наружность, весьма часто заглядывал в дверь и уже оттуда наметил осетра, лежавшего в сторонке на большом блюде. Гости, потирая руки, приблизились с выражением удовольствия и, выпивши по рюмке, начали каждый, как говорится, обнаруживать свой характер: кто на икру, кто на семгу, кто на сыр. Но Собакевич, оставив без внимания все эти мелочи, пристроился к осетру и, покамест те пили, разговаривали и ели, он в четверть часа с небольшим доехал всего осетра, так что гости, когда вспомнили об осетре и подошли к нему с вилками, то увидели, что на блюде лежали только голова да хвост. Отделавши осетра, Собакевич сел в кресла и уж больше не пил,

---

[1] и порядок даст, и тому-другому словцо [2] «Словом ∾ народность» *вписано.* [3] но уж зато, т. е. не выдаст он тебя.

не ел, а только жмурил и хлопал глазами. Городничий не любил жалеть вина. Первый тост был выпит, как читатели без сомнения догадаются, за здоровье нового херсонского помещика, на что Чичиков отвечал с выражением истинной признательности. Потом пили за процветание всегдашнее земель его и деревень, составленных из новых поселенцев. Потом за здоровье будущей жены его, красавицы, что сорвало приятную улыбку с уст нашего героя. В непродолжительное время всем сделалось весело необыкновенно. Председатель, который был премилый человек, когда развеселялся, обнимал несколько раз Чичикова, произнося в излиянии сердечном: «Душа ты моя! Маменька моя!» и даже, щелкнув пальцами, пошел приплясывать вокруг него, припевая известную песню: «Ах ты такой и эдакой Камаринской мужик». После шампанского раскупорили венгерское, которое еще более придало духу и развеселило общество. Об висте решительно позабыли. Спорили, кричали, не слушая один другого. Герой наш никогда не чувствовал себя в таком веселом расположении, воображал себя настоящим херсонским помещиком, приглашал к себе в деревни, даже начал читать Собакевичу какие-то любовные стихи, на которые тот хлопал только глазами, сидя в креслах, потому что вина хоть и не пил, но после осетра чувствовал сильный позыв ко сну. Чичиков смекнул сам, что начинал уже слишком развязываться, попросил экипажа и на прокурорских дрожках уже доехал к себе в гостиницу, где долго еще вертелись у него на языке херсонские деревни. Селифану собственноустно он дал приказание немедленно собрать налицо всех купленных крестьян для того, чтобы сделать лично всем поголовную перекличку. Селифан слушал, слушал долго и молча вышел из комнаты, сказавши Петрушке: «ступай раздевать барина». Петрушка тот же час принялся стаскивать с него сапоги и показал такое усердие, что чуть не стащил вместе с ними на пол и самого барина, но, однако ж, сапоги были, наконец, сняты, барин разделся, как следует, и поворочавшись[1] несколько времени на постели, которая скрыпела

[1] слушал долго и потом, раздевши барина, молча вышел из комнаты, а барин, поворочавшись

и рыпела немилосердо, заснул совершенно херсонским помещиком. А Петрушка между тем вынес на коридор панталоны и фрак брусничного цвета с искрой, который, растопыривши на деревянную вешалку, начал бить его хлыстом и щеткой и напустил пыли на весь коридор. Готовясь уже снять его, он взглянул с галлереи вниз и увидел Селифана, который возвращался из конюшни. Они встретились взглядами и как будто чутьем поняли друг друга.[1] Барин де храпеть теперь будет не на шутку, а потому им можно будет и пойти кое-куды. Петрушка тот же час, отнесши в комнату фрак и панталоны, сошел вниз, и оба пошли вместе, не говоря друг другу ни слова о цели путешествия и болтая совершенно о постороннем. Прогулку сделали они недалекую, именно перешли только на другую сторону улицы к дому, бывшему насупротив гостиницы, и вошли в потемневшую стеклянную дверь, ведшую почти в подвал, где уже сидело за деревянными столами много всяких, и бривших и не бривших бороды, и в нагольных тулупах, и просто в рубахе, а кое-кто и во фризовой шинели. Что[2] делали там Петрушка с Селифаном, бог их ведает; но вышли они оттуда через час, взявшись за руки, и молча оказывали друг другу большое внимание и участье, поминутно предостерегая и оберегая от всяких углов. Рука в руку[3] и не выпуская друг друга, они целые четверть часа взбирались на лестницу и, наконец, одолели ее и взошли. Петрушка тот же час лег на низенькую кровать свою и невздоль, а впоперег, так что ноги его упирались в пол. Селифан лег и себе тут же, таким образом, что голова его поместилась[4] у Петрушки на брюхе, позабывши о том,[5] что ему следовало спать вовсе не здесь, а в[6] людской, бывшей внизу, а может быть даже и в конюшне, близ лошадей. Оба заснули в ту же минуту и завели храпенье и пенье совершенно неслыханного рода,[7] на которые барин из другой

---

[1] «А Петрушка ∾ друг друга» *вписано. Дальше до конца гл. VII печатается по тексту, написанному на листе, хранящемся отдельно от РЛ.* [2] *Далее начато:* они там [3] *Вместо* «углов. Рука в руку»: углов, также рука в руку [4] голова его пришлась [5] позабывши вовсе о том [6] *Далее начато:* конюшне близ лошадей и [7] пение на все возможные ноты, какие без сомненья не употребляются ни в какой музыке

комнаты отвечал особенным[1] носовым свистом. Скоро вслед за ними угомонилось всё, и вся почти гостиница объялась непробудным сном; только в одном окошечке виден был еще свет, где жил какой-то приехавший из Рязани поручик, повидимому большой охотник до сапогов, потому что заказал уже четыре пары и беспрестанно примеривал пятую. Несколько раз он подходил к постеле с тем, чтобы их скинуть, но никак не мог: сапоги были очень увлекательны. И долго еще подымал он ногу и обсматривал весьма тщательно мастерски стачанный каблук. Наконец, и там погасла свечка, и всё уснуло.

ГЛАВА VIII

Совершенные Чичиковым покупки крестьян сделались на несколько дней единственным предметом[2] разговоров в городе. Все[3] занялись довольно сурьезно вопросом, действительно ли выгодно покупать крестьян на вывод. Это произвело множество весьма разногласных мнений, из которых многие, надо отдать справедливость, были очень дельны и основывались на совершенном знании предмета. Одни говорили вообще, что в южных губерниях земли весьма плодородные и очень удобны для поселения; другие, что воды мало, и крестьяне Чичикова непременно потерпят большой недостаток. Иные утверждали, что переселение ненадежная вещь, что мужики Чичикова разбегутся, потому что дело известное — мужик: убежит непременно. На новой земле, да заняться еще хлебопашеством, да ничего у него нет, ни избы, ни забора, убежит, как дважды два.[4] На это возражали и возражали, нужно отдать справедливость, совершенно основательно, что мужику русскому решительно всё равно, и что он весьма скоро привыкает ко всему, что пошли его хоть в Камчатку, да дай только теплые рукавицы — он похлопает руками, топор в руки и пошел рядить новую избу. Многие

---

[1] тоже отвечал каким-то особенным [2] Покупки, совершенные Чичиковым, на несколько дней сделались предметом [3] Все вообще [4] убежит непременно.

беспокоились сильно, и не без причины, за нравственность крестьян, говорили, что несбыточное дело, чтобы кто-нибудь решился продать порядочных крестьян да еще и на вывод, что мужики Чичикова непременно должны быть пьяницы, воры и весьма буйного поведения. На это возразил кто-то, и как кажется председатель палаты, что хотя действительно мужики Чичикова не могут быть хорошей нравственности, но, поселившись на новой земле, они весьма легко могут сделаться хорошими подданными, чему бывало уже не мало всяких примеров, что всё зависит ‹от› хорошего управления и благоразумно принятых мер. Управляющий казенными фабриками отозвался, что это, однако же, очень сомнительно, тем более, что у крестьян Чичикова теперь два сильные врага: первый враг есть близость губерний малороссийских, где, как известно, свободная продажа вина; второй враг есть уже самая привычка к бродяжнической жизни, которая необходимо приобретется крестьянами[1] во время переселения, и что нужно, чтобы Чичиков непременно оставался бы и жил среди их сам, иначе они все будут прегорькие пьяницы и никогда не заведутся тем, что нужно[2] для хозяйства. На это председатель отвечал, что Чичикову никакой нет надобности жить всегда среди мужиков своих, что он может найти хорошего управителя. Кто-то отозвался, что все управители мошенники; но управляющий отвечал, что управители потому мошенники, что господа не занимаются своим делом. С этим согласился и председатель, прибавив, что управителя очень можно найти хорошего, что для этого нужно только уметь различать людей и быть сведущим хоть сколько-нибудь самому. Но управляющий сказал, что меньше, как за пять тысяч в год, нельзя сыскать хорошего управителя. Но председатель сказал, что можно и за три тысячи, что он знает одного хорошего человека, именно Петра Петровича Самойлова, который совершенно такой управитель, как нужно для крестьян Чичикова. Многие сильно входили в положение Чичикова, и трудность пересе-

---

[1] *а.* привычка к бродяжнической жизни, приобретенная крестьянами [2] не заведутся всем, что нужно

ления такого огромного количества крестьян их устрашала необыкновенно, тем более когда они приняли в соображение, что отныне жизнь их должна потечь[1] другою дорогою и каких трудов будет стоить сбыть с меньшим убытком [всех] крестьянских лошадей, чтобы на место их ‹накупить?› быков, ибо земли, как известно, в южных землях пашутся волами, и что весьма можно[2] опасаться, чтобы не произошло даже бунта, особенно между таким беспокойным народом, каковы крестьяне Чичикова. На это полицмейстер заметил, что бунта нечего опасаться, что в отвращение его[3] существует власть капитан-исправника и земской полиции и что Чичиков, как человек основательный, вероятно, примет заблаговременно все нужные меры. Многие предложили свои мнения насчет того, как искоренить буйный дух, обуревавший крестьян Чичикова. Мнения были всякого рода. Были такие, которые уж чересчур отзывались военною жестокостью и строгостью, едва ли не излишнею, были, однако же, и такие, которые дышали кротостью. Почтмейстер заметил, что Чичикову предстоит священная обязанность, что он может быть [после] среди своих крестьян [совершенно] некоторым образом отцом, ввести даже благодетельное просвещение, и при этом случае отозвался с большой похвалой об Ланкастеровой системе взаимного обучения.

Таким образом рассуждали и говорили в городе, и многие, побуждаемые участием, сообщали даже лично Чичикову некоторые из этих советов, за которые он очень благодарил, примолвив, что не преминет при первом случае ими воспользоваться, насчет же изъявленных опасений при переселении крестьян изъяснился, что хотя, действительно, оно сопряжено с затруднениями, но [что] он надеется, что с божьей помощью оно совершится покойно [и без всяких потрясений] и по крайней мере без бунта. Следствие или заключение всех этих толков было очень полезно для нашего героя. Оно утвердило за ним одно из выгоднейших мнений, какое

---

[1] *а.* когда они соображали то, что вся жизнь должна принять совершенно другой оборот и потечь; [2] и что очень можно [3] в отвращение этого

только может получить в свете человек, именно: что он должен быть очень богатый человек. Пропустили даже слухи, что он миллионщик. Все жители города и без того, как мы видели уже в первой главе, душевно полюбили Чичикова, а теперь, само собою разумеется, что полюбили еще душевнее. Впрочем, сказать правду, они все были добрые люди, жили между собою в ладу, обращались совершенно по-приятельски, и всё [имело между ними вид] носило печать простодушия и патриархальности:[1] «Любезный друг, Илья Ильич», «Послушай, брат [Дементий Игнатиевич]», «Ты заврался, мамочка, Иван Григорьевич». К почтмейстеру, которого звали Иван Андреич, всегда прибавляли: «Шпрехен зи дейч, Иван Андрейч». Словом, очень дружественно и семейственно. Все они были люди нельзя сказать, чтобы без образованья.[2] Председатель палаты знал наизусть «Людмилу» Жуковского, которая была тогда еще животрепящею новостью,[3] и мастерски читал многие места, особенно: «Чу! бор заснул, долина спит», так что в самом деле виделось, как будто долина спит. Для большого сходства он даже в это время зажмуривал глаза. Почтмейстер вдался больше в философию и читал даже по ночам Юнговы ночи, из которых делал весьма длинные выписки по целым листам, но в чем состояли эти выписки и какого рода они были, это никому не было известно. Впрочем, он был остряк, очень цветист

---

[1] *Вместо* «На это возразил ∾ патриархальности»: Словом много рассуждали об этом предмете, а заключение было то, что Чичиков очень [хороший] достаточный человек. И в самом деле, как бы то ни было, но человек, делающий разом закупку почти на 150 тысяч — это не безделица; даже пронеслись слухи, что он [чуть ли] едва ли не миллионщик. Уже и прежде, как видели в первой главе, чиновники города душевно полюбили нашего героя, но теперь уважение их к нему возросло, как говорится, до нельзя. Это уважение стало обнаруживаться разными внимательными знаками, как-то: квартальные выгоняли людей с метлами мести под его окнами, так что Чичиков даже кашлял. Вообще все чиновники в городе N были очень добрые и приятные люди и между собой совершенно коротки и [какое-то] вообще между ними было какое-то милое, приятельское, почти патриархальное обращение: [2] люди довольно образованные [3] «которая ∾ новостью» *вписано.*

в словах[1] и любил, как сам выражался, уснастить речь. А уснащивал он речь множеством разных частиц, как-то:[2] сударь ты мой, эдакой какой-нибудь, знаете, понимаете, можете себе представить, так сказать, некоторым образом и проч., которые[3] он сыпал мешками. Уснащивал он речь тоже[4] довольно удачно подмаргиванием, прищуриванием одного глаза, что всё придавало весьма едкое[5] выражение многим его сатирическим намекам. Прочие тоже были более или менее люди просвещенные:[6] кто читал Карамзина, кто «Московские ведомости», кто даже и совсем ничего не читал. Насчет благовидности нечего и говорить. Читатель уже сам видел, что они были люди такие, как нужно для занятия хороших и надежных мест, т. е. люди полные и здоровые, чахоточного между ними никакого не было. Итак. расположение их к Чичикову было совершенно искреннее. Но если на них Чичиков подействовал сильно, то надобно признаться, что на супруг их и вообще на дам подействовал еще сильнее. Это впечатление тем было удивительнее и решительно произошло вдруг, едва только распространилось по городу всего одно мнение об Чичикове. Чтобы понять, почему это случилось вдруг, следовало бы сказать многое о самих дамах,[7] об их обществе, описать, как говорится, живыми красками их душевные качества, — но здесь автор должен признаться, что он находится в большом затруднении. С одной стороны останавливает его неограниченное

---

[1] Почтмейстер более напирал на философию и Юнговы ночи, но был остряк, речист [2] как напр⟨имер⟩ [3] можете себе представить, то-есть как говорят, как выражаются, и проч., которых [4] Уснащивал он еще речь [5] очень едкое [6] Прочие тоже были довольно просвещенные в своем роде: [7] Читатель видел, что между ними никого не было какого-нибудь худенького и чахоточного. Всё народ был взрачный и в теле, слава богу. Словом такие, какие нужны для занятия хороших и надежных мест. Если герой наш произвел выгодное на них впечатление, то на достойных супруг их и вообще на дам всего города и того более. Прежде, чем объяснить, какого рода было это впечатление, следовало бы сказать кое-что об них самих и; *а.* Читатель уже сам ∾ еще сильнее, и тем было удивительнее это, что совершилось совершенно вдруг, почти вслед за распространившимся по всему городу выгодным для него мнением *и т. д. как в тексте.*

почтение, которое он всегда чувствовал к супругам сановников всех решительно городов, как губернских, так и уездных;[1] с другой стороны и то, что эта сторона человеческого рода так образована непонятно,[2] что очень трудно что-нибудь сказать такое, которое совершенно бы их определило. Дамы города N были... нет, право, трудно, что-то вроде робости пробирает.[3] В дамах города N больше всего замечательно было то... нет, прошу великодушно извинения у читателя: просто не подымается никак перо. Так и быть[4] о характерах их, видно, нужно предоставить тому, у которого, точно, поживее краски и побольше их на палитре, а нам придется разве слегка слова два о наружности, да о том, что поповерхностней.[5] Дамы города N были очень, как говорится, презентабельны, и в этом отношении их можно было смело поставить в пример всем другим.[6] Что касается до того, чтобы держать себя, соблюсти тон, поддержать этикет и множество приличий самых тонких, которых даже приметить нельзя простым глазом, то в этом, надобно признаться, они опередили даже обе столицы и московскую и петербургскую. Одевались они, должно отдать им полную справедливость,[7] с большим вкусом, разъезжали по городу в колясках, как предписывала последняя мода,[8] сзади покачивался лакей, и ливрея в золотых позументах. Визитная карточка, будь она писана хоть на трефовой двойке или бубновом тузе, но вещь была очень священная. Из-за нее две дамы,[9] большие приятельницы и даже родственницы перессорились совершенно, именно за то, что одна из них как-то манкировала контр-визитом, и так сильно перессорились, что уж никак не могли потом примирить их. И как ни старались мужья и родственники как-нибудь загладить это,

---

[1] городов и губернских и уездных [2] так право образована [3] нет, право, не могу; чувствую точно робость. [4] Уж так и быть [5] а уж нам придется разве так слегка что-нибудь о наружности слова два, да так, что поповерхностней. [6] презентабельны, так что другим городам можно бы их точно поставить в пример. [7] множество довольно тонких приличий, то, признаюсь, и самая столица должна перед ними спрятаться куда-нибудь подальше. Одевались они — автор должен честь отдать [8] в колясках по модному [9] две почтенные чиновницы

но нашли, что рана была совершенно неизлечима. Так обе дамы и остались не в расположении, по выражению жителей города N. В нравах дамы города N, подобно многим петербургским[1] дамам, были очень строги, исполнены благородного негодования против всего порочного и всяких соблазнов,[2] казнили немилосердо и не прощали совершенно никаких[3] слабостей. Если же между ними и происходило какое-нибудь другое-третье, то оно происходило втайне, так что не было подаваемо никакого вида, что другое-третье происходило. Сохранялось всё достоинство, строгость самая суровая, и самый муж так был приготовлен, что если и видел другое-третье, или слышал о нем, то отвечал коротко и благоразумно[4] пословицею: «кому какое дело, что кума с кумом сидела». Итак, вот что можно сказать о дамах города N, говоря поповерхностней. Но если заглянуть поглубже, то, конечно, откроется много иных вещей. Но весьма опасно заглядывать поглубже в дамские сердца. И так, будем продолжать. До сих пор все дамы как-то[5] мало говорили о Чичикове, отдавая, впрочем, ему полную справедливость в приятности светского обращения, но они ничего не находили в нем слишком необыкновенного. Теперь же после того, как разнеслись слухи, что он миллионщик, они почти в один голос заговорили вдруг о нем,[6] [и вовсе] не потому, чтобы были интересанки, а потому, что уже миллионщик

---

[1] и уж никак не могли потом примириться, хотя и мужья и родственники старались об этом, но всё было кончено. В нравах они подобно даже петербургским [2] против многого порочного и разных кое-каких соблазнов [3] не прощали никаких [4] *Вместо* «Если же ∾ благоразумно»: И если между ними и происходило там какое-нибудь кое-что другое-третье, то это происходило втайне, так что не подавало никакого вида, что это происходило; так что при этом сохранялось всё достоинство и такая даже суровая строгость, что страшно было и подступить, и муж так уж был приучен, что если и видел какое-нибудь кое-что другое-третье, то отвечал весьма благоразумно [5] *Вместо* «Итак ∾ дамы как-то»: Вообще до сих пор дамы как-то; *а*. До сих пор все эти достойные чиновницы, к которым автор питает истинное почтение, как-то [6] но они не занимались им столько, сколько мужья, и ничего не находили в нем необыкновенного. Теперь же, когда узнали, что Чичиков принадлежит к тому счастливому сословию, которое называется миллионщиками, обратили на него внимание, какого не обращали прежде, и вовсе

заключает в одном звуке этого слова, именно, в звуке слова, а вовсе не в денежном мешке, что-то такое, которое действует и на хороших людей, и на людей — ни сё, ни то, и на людей мерзавцев, — словом, на всех людей действует. Миллионщик имеет ту выгоду, что может видеть подлость совершенно бескорыстную, чистую подлость, не основанную ни на каких расчетах:[1] многие знают, что ничего не получат от него и не имеют никакого права получить, но непременно[2] хоть забегут ему вперед, хоть засмеются, хоть снимут шляпу, хоть напросятся насильно на тот обед, куда узнают, что приглашен миллионщик. Нельзя[3] сказать, чтобы это нежное расположение к подлости было почувствовано дамами, но во многих гостиных стали, однако же, говорить, что, конечно, Чичиков не первый красавец, но таков, как следует быть мужчине, — совершенный мужчина, что будь он немного толще или тонее — уж это было бы нехорошо. Сказано было даже, что мужчина тоненькой есть что-то странное, скорее какая-то зубочистка, нежели мужчина. В дамских нарядах показались вдруг кое-какие прибавления. Купцы [очень] радостно изумились, при виде как в гостиный двор стало наезжать премножество экипажей, образовавших почти гулянье, и как несколько кусков материй, привезенных ими с ярманки и доселе не могших продаться по причине цены, показавшейся дамам очень высокою, теперь были совершенно расхватаны.

Во время обедни у одной из дам заметили внизу платья такое руло, которое растопырило его на полцеркви, так что полицмейстер немедленно дал приказание подвинуть народ далее, то есть поближе к паперти, чтобы[4] не мог как-нибудь измяться туалет.[5] Сам даже Чичиков стал замечать, что вни-

---

[1] а просто оттого, что уже миллионщик имеет в себе что-то такое, бог его знает, что такое, которое действует и на добродетельных, и на мерзавцев, и на твердых, и на слабых, словом, на всех действует. Он имеет ту выгоду, что имеет удовольствие видеть подлость совершенно бескорыстную, чистую. [2] никакого права, но непременно [3] снимут шляпу. Конечно никак нельзя [4] *Далее начато:* дать надлежащее место [5] расположение к подлости можно было применить к дамам, но все, однако же, они стали находить, что Чичиков мужчина совершенно таков, как должен быть настоящий мужчина, и что сложен он, как нужно,

Набросок к главе восьмой. Автограф.

Областной архив в г. Горьком.

мание к нему как-то сделалось гораздо нежнее. Один раз, возвратившись к себе домой, он нашел даже на столе у себя письмо. Откуда и кто принес его, он ничего не мог узнать об этом; слуга объявил только, что принесли и не велели сказывать, от кого. Письмо начиналось очень решительно, именно так: «Нет, я должна писать». Потом говорено было о том, что всегда есть[1] тайное сочувствие между душами; эта истина была скреплена множеством точек вряд.[2] Потом следовало несколько мыслей, весьма замечательных по своей справедливости, так что мы почитаем почти необходимым их выписать: «Что жизнь наша? — Долина, где поселились горести. Что свет? — Толпа людей, которая не чувствует». Писавшая упоминала, что весьма часто омочает слезами строки нежной матери, которой протекло 25 лет, как не существует на свете. Приглашали Чичикова в пустыню, оставить навсегда город, где люди в душных оградах не пользуются воздухом. Затем следовало что-то очень похожее на объяснение в сердечных чувствах; к концу угрожалось даже решительным отчаянием и заключалось такими стихами:

«Две горлицы покажут
Тебе мой слабый прах;
Воркуя томно, скажут,
Что она умерла во слезах».

В последней строке не было размера, да это, впрочем, ничего. Письмо было писано в духе тогдашнего времени. И никакой подписи не было: ни имени, ни фамилии, даже

но что если бы он хоть на волос был потонее, то уже это было бы ему в порок, потому что мужчина тоненький как-то, можно сказать, не выполняет назначения человека, как-то даже просто как будто не человек: больше похож на зубочистку, чем на человека. В нарядах почтенных чиновниц показалась какая-то изысканность и разные такие прибавления, которых прежде не было. Купцы изумились, что у них в лавках забрано было материи разом на семь или восемь пар платьев, а во время обедни у одной из дам, которую автор имеет причины не называть, показалось внизу платья такое руло, что растопырило его на полцеркви

[1] Потом много говорилось о том, что есть [2] *Вместо* «эта истина ∾ вряд»: и что-то такое эдакое, а что именно эдакое, этого и не было сказано, а вместо него были поставлены точки.

ни числа, ни месяца. В постскрипте[1] только было прибавлено, что его собственное сердце должно отгадать писавшую и что на бале у губернатора, имеющем быть завтра, будет присутствовать сам оригинал.[2]

Это его чрезвычайно заинтересовало. В анониме много было заманчивого и подстрекающего любопытство. Он перечел вновь письмо, прочел его потом и в третий раз, и всё никак не мог утвердить в голове своей ни одного предположения насчет того, кто бы была такая писавшая. Дело, как видно, сделалось сурьезно, ибо более часу он всё думал об этом. Наконец, по долгом размышлении сделал он небольшое движение рукою и, наклоня голову на бок, сказал: «А оно очень, очень кудряво написано». Затем свернул он письмо и положил его в ларчик. Уложенное очень аккуратно, оно поместилось там между афишкою и каким-то пригласительным билетом на свадьбу, несколько уже лет покоившимся на одном и том же месте. Немного спустя принесли, точно, приглашение на бал к губернатору — дело весьма обыкновенное в губернских городах: где губер-

---

[1] *Вместо* «Писавшая ∾ постскрипте»: Душа явится, требует души, а свет хлопочет об ничтожестве. Порок торжествует, добродетель страждет. Ах, сколько раз мое сердце обливалось слезами! Сколько раз мои слезы обмочили строки нежной моей матери, которая, увы, уже не существует на свете. Сколько раз осыпала я букетами цветов ее могилу в то самое время, когда задумчивая луна осеребряла природу по облакам и смеющиеся долины...» Потом следовали такие вещи, которые походили решительно на объяснение сердечных чувств, так что сначала еще было вы, а потом уже просто съехало на ты. Приглашали Чичикова в пустыню, оставить навсегда город, где люди в душных оградах не пользуются воздухом; в противном случае угрожалось даже отчаянием:

«Земля покроет мою могилу:
Две горлицы покажут
Тебе мой слабый прах;
Воркуя, томно скажут,
Что она умерла во слезах».

И ни имени, ни фамилии, даже ни числа, ни месяца. А в постскрипте

[2] отгадать писавшую это письмо, и что на бале у губернатора, который будет завтра, она будет лично.

натор, там и бал, эти два слова обратились в синоним, иначе никак не будет надлежащей любви и уважения со стороны дворянства.[1]

Он занялся немедленно приготовлением к балу, сгорая нетерпением знать, кто бы была такая, писавшая это письмо. Автор не должен пропустить, что при этом обстоятельстве особенное удовольствие распространилось на лице его и что он употребил весьма долгое время на рассматривание своей физиономии. Присевши к зеркалу, он обратил внимание порознь почти на каждый предмет ее, рассмотрел очень внимательно подбородок, погладил и по щеке, словом, никого не обидел. Он пробовал сообщить лицу своему разное выражение: иногда важное и сурьезное, иногда сурьезное и почтительное,[2] иногда почтительное с некоторою улыбкою, иногда просто почтительное без улыбки; отпущено было в зеркало[3] несколько поклонов и произнесены[4] какие-то неясные звуки, несколько похожие на французские, хотя он по-французски не знал вовсе, даже начинал он отчасти несколько высовывать язык и делать самому себе приятные сюрпризы каким-нибудь новым положением лица, какого и сам дотоле не видывал. Словом, мало ли чего не делаешь, оставшись один, чувствуя притом, что хорош, да к тому же будучи уверен, что никто не заглядывает в щелку. Наконец, полюбовавшись еще несколько минут своим,

---

[1] *Вместо* «Это его ∾ дворянства»: Герой наш несколько раз перечитывал письмо и несколько раз задавал себе вопрос: кто бы это была такая? Он был слишком заинтересован этим загадочным анонимом; очень, очень долго думал он и наконец сказал: «А оно написано этак даже со стилем. Очень, очень кудряво». После чего, свернувши, положил его в ларчик, который, кажется, уже несколько читателям знаком, и уложил его весьма аккуратно между афишкою и каким-то билетом, приглашавшим на свадьбу, который уже около семи лет лежал на одном и том же месте. Скоро вслед за этим принесли ему приглашение на бал к губернатору,— дело, как известно, весьма обыкновенное в губернских городах. Так уж заведено, и губернатор без бала кажется что-то странное, как будто каша без масла, никакой любви не будет к нему дворянства. [2] иногда важное и сурьезное, иногда важное и почтительное [3] отпустил в зеркало [4] *В подлиннике осталось несогласованным:* произносил

действительно, в своем роде, недурным лицом, он произнес, наконец: «Ах, ты мордашка эдакой»[1] и стал одеваться. Самое довольное[2] расположение сопровождало его во всё время одевания: надевая[3] подтяжки или повязывая галстух, он расшаркивался и кланялся с особенною[4] ловкостью и хотя никогда не танцовал, но сделал[5] перед зеркалом антраша. Это антраша произвело маленькое невинное следствие: задрожал комод и упала со стола щетка. Появление его на бале произвело необыкновенное действие. Всё, что ни было, обратилось навстречу к нему, кто с картою в руках, кто на самом интересном пункте разговора, произнесши: «А нижний земский суд отвечает на это...», но что такое отвечает земский суд, уж это он бросал в сторону, и спешил с приветствием к нашему герою. «Павел Иванович! Ах боже мой, Павел Иванович,[6] любезнейший Павел Иванович, почтеннейший Павел Иванович, душа моя Павел Иванович, вот вы, вот вы где, Павел Иванович. Вот он, наш Павел Иванович.[7] Позвольте прижать вас, Павел Иванович. Давайте-ка его сюды, вот я его поцелую покрепче, моего дорогого Павла Ивановича». И герой наш почти разом почувствовал себя в нескольких объятиях: не успел он совершенно выйти из объятий председателя, как очутился уже в объятиях[8] полицмейстера; полицмейстер сдал его инспектору врачебной управы; инспектор врачебной управы — откупщику; откупщик — архитектору,[9] губернатор, который в это время стоял около дам и держал в одной руке конфектный билет, а в другой болонку, бросил на пол и билет и болонку, только завизжала собаченка, — словом, распространил он[10] радость и веселие необыкновенное. [Казалось, все находились в совершенном блаженстве и] может быть, на

---

[1] Ах, ты мордашка [2] Веселое и решительно довольное [3] так что надевая [4] повязывая галстух, расшаркивался ногами и кланялся с какою-то особенною [5] но на этот раз еще до фрака сделал [6] Павел Иванович! Павел Иванович, [7] «Вот вы ∾ Павел Иванович» *вписано.* [8] *Вместо* «Давайте-ка его ∾ объятиях»: ах, боже мой, Павел Иванович» — герой наш в одну минуту попал в объятия к председателю, не успел оглянуться, как очутился в объятиях [9] инспектор врачебной управы — архитектору [10] распространил Чичиков

всем бале не было ни одного лица, на котором бы не выразилось если не удовольствие, то, по крайней мере, отражение всеобщего удовольствия. Такую радость иногда видят на лицах чиновников во время осмотра приехавшим начальником вверенных им управлений. После того, как уже первый страх прошел, они увидели, что многое ему нравится, и он сам[1] изволил, наконец, пошутить, то есть произнести с приятною усмешкою несколько слов. Смеются вдвое в ответ на это обступившие его приближенные чиновники; смеются от души те, которые от него подалее и которые, впрочем, несколько плохо услышали произнесенные им слова. И, наконец, стоящий далеко у дверей, у самого выхода какой-нибудь полицейский, от роду не смеявшийся во всю жизнь свою и только что перед тем показавший кулак[2] народу, и тот по неизменным законам отражения выражает в лице своем что-то похожее на улыбку, хотя эта улыбка более похожа на то, как бы кто-нибудь собирался чихнуть после крепкого приза табаку, и хотя малейший шум или беспорядок вмиг возвращают в лицо его прежнюю суровую власть и повелительное выражение.[3] Герой наш отвечал всем и каждому очень бегло и приятно и чувствовал сам на этот раз какую-то ловкость необыкновенную; раскланивался направо и налево, по обыкновению своему несколько на бок, но легко и свободно, так что очаровал совершенно всех. Дамы тут же обступили его блистающею очаровательною вереницею, нанесши с собой целые облака и потоки всякого рода благоуханий: одна веяла розами, от другой несло весной и фиалками; [третья] вся была насквозь продушена резедой, так что Чичиков купался и плавал по уши в жасминных и прочих

---

[1] *а.* управлений, когда уже первый страх прошел и они увидели, что многое ему нравится и что он сам [2] *а.* только что показавший кулак свой [3] *а.* по неизменным законам отражения, глядя на полные удовольствием лица, выражает невольно в лице своем что-то похожее на удовольствие, хотя малейший шум и шорох или что-нибудь похожее на беспорядок позади его заставляет в одно мгновение поворотить его голову, и в обращенном вновь на улицу лице его является вновь прежний суровый вид и грозная власть; *б. Начато исправление*: по неизменным ∾ позади его превращает его лицо в одно мгновение в прежнее

запахах. Казалось, в нарядах их не было пропущено ничего того, что споспешествует к решительной погибели сердец наших:[1] атлас и кисея самых неопределенно-бледных, модных цветов блистали сильно[2] в свету, оттененные и озаренные вместе кусками сверкающих лент и цветами. Легкий головной убор из блонды держался на ушах, на подобие воздушных мотыльков.[3] Талии были обтянуты, выгнуты и имели самые крепкие и приятные для глаз формы. Нужно заметить, что вообще все дамы и чиновницы города N были несколько полны, но шнуровались так искусно и имели такое приятное обращение,[4] что толщины никак нельзя было приметить. Всё было у них придумано и обдумано необыкновенно осмотрительно: шея, плечи были открыты[5] именно настолько, насколько нужно, и никак не дальше. Каждая обнажила свое добро [именно] до тех пор, пока чувствовала по собственному убеждению, что оно способно погубить человека; остальное всё было припрятано с самым обдуманным вкусом:[6] или какой-нибудь легонький галстучек из ленты, или шарф легче пирожного, известного под именем поцелуя, эфирно обнимал и обвивал[7] шею, или выпущены были из-за плеч, из-под платья маленькие, зубчатые оградки, известные в туалетном языке под именем скромностей. Эти скромности скрывали напереди и назади то, что уже не было так заманчиво, а между тем заставляли предполагать, что было еще заманчивей. Длинные перчатки были надеты не вплоть до рукавов, но обдуманно оставляли обнаженные аппетитные

---

[1] *а.* очаровал и дам и мужчин за одним разом. Дамы тут же обступили его блистающею, очаровательною оградою и нанесли с собою ужасное множество благоуханий. Одна веяла розами, другая вся насквозь пахнула весной и фиалками, от третьей несло резедой сильнейшим образом, так что Чичиков купался и плавал в жасминных и прочих морях. Казалось, в нарядах их ничего не было пощажено из того, что ведет к решительной погибели сердца наши. [2] *а.* выходили сильно [3] *а.* Легкие чепчики сидели на ушах, как мотыльки. [4] имели такие приятные манеры [5] шея, плечи, всё было открыто [6] *а.* по собственному убеждению оно может подействовать и ослепительно поразить всякого; остальное же всё было очень искусно припрятано и с большим вкусом; *б. Надписано и зачеркнуто*: [его поразить] [неотразимое могущество его поразить смертного] [7] обнимал или обвивал

части рук повыше локтя, которые у многих дышали завидною свежестью, а еще более полнотою, что во многих местах лопнули лайковые перчатки, побужденные подвинуться далее.[1] Словом, ничто не ушло от внимательного вкуса, которым тонко одарен прекрасный пол; всё было предусмотрено в совершенстве.[2] Чичиков, стоя перед ними, пытался, нельзя ли по какому-нибудь особенному выражению в глазах или в лице узнать, которая из них была сочинительница таинственного письма. Но никаким образом нельзя было узнать, ни по выражению в лице, ни по выражению в глазах, которая из них была сочинительница таинственного письма. В лице каждой почти из них он заметил такое неопределенно значительное, с таким чуть-чуть заметным лукавством, вскользь обнаруженное выражение, такое неуловимо тонкое... У! какое [плутовато-]тонкое! Уж пусть за это бог простит женщинам за все эти тон‹кости?›, а нам никакими словами нельзя рассказать, какие отдаленные намеки и необъясненные выражения появляются и исчезают в их лицах.[3] А что уж такое делается в глазах, просто не приведи бог. Один уже блеск их то влажный, то бархатный, то острый, то мягкой, и у каждого, у! какое значение! Ничего не придумаешь сказать, только разве потом, после долгого и вместе с тем довольно глупого молчания произнесешь, наконец: «Да, очень галантерейная половина человеческого рода!»[4] Сюда, кажется, вошло слово не весьма

---

[1] *а.* известные в туалетном языке и в русском переводе под именем скромностей, которые таким образом скрывали напереди и назади то, что уж не было так хорошо и заставляло между тем заманчиво предполагать, что там скрывалось еще лучшее, без сомнения еще лучшее. Длинные перчатки были надеты не вплоть до рукавов, но заманчиво оставляли возбуждающие взгляд куски рук повыше локтя, которые у иных дышали такою полнотою, что лопнули лайковые перчатки, вероятно побужденные подвинуться далее на руку. [2] *а.* всё было передумано и обдумано в совершенстве. [3] *а.* а нам никакими словами и никаким образом нельзя рассказать, какие отдаленно-плутоватые намеки промелькивают иногда, какие необъяснимые выражения скользят, проходят и пропадают мгновенно в их лицах. [4] *На полях записано:* ну, там такое бесконечное государство, которому просто [и конца] и границ нет. [Уже один блеск их столько имеет разных изменений,

приличное и отчасти подмеченное на улице — в этом автор просит извинения у читателя: его положение бывает иногда так затруднительно, что нельзя обойтись без словца, несколько дерущего уши. Впрочем, если сказать правду, не все слова, произносимые на улице, должны быть поражены презрением; что ни говори, они сказаны[1] нашим православным народом, а наш православный народ скажет спроста подчас и очень[2] определительное слово. В том же, что автор употребил его, виноваты, если вывести на чистую воду, сами читатели, и особенно читатели высшего общества. От них первых не услышишь ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и аглицкими они, пожалуй, наделят в таком количестве, что и не захочешь, и притом с сохранением[3] всех возможных произношений: по-французски — в нос и картавя, по-аглицки произнесет как следует птицей, и даже рожу сделает птичью, и даже посмеется над тем, кто не сумеет сделать птичьей рожи и пропустить, как нужно сквозь зубы. А вот только русским ничем не наделят, разве [только] из патриотизма выстроят для себя на даче избу в русском вкусе. [Вот какого рода бывают читатели высшего общества.] А между тем какая требовательность: хотят непременно, чтобы всё было написано языком самым строгим, очищенным и благородным, словом, хотят, чтобы русской язык сам собою опустился вдруг с облаков, обработанный как следует, и сел бы им прямо

что не придумаешь слов для этого, одно разве только] уже для одного только <*1 нрзб.*> блеска их со всеми изменениями не придумаешь слов. Попробуй, в самом деле, пересчитай какой блеск этот блеск. Уже [просто не наберешь слов] [слов не найдешь, что] не наберешь слов для того, чтобы выразить один блеск их. Томные в неге и без неги и у каждого не приведи бог какое значение — нет, просто, станешь втупик.

[1] *Вместо* «Сюда ∾ сказаны»: *а.* Автор, кажется, употребил не весьма приличное слово и подмеченное на улице. Он просит в этом великодушного извинения у читателя. Конечно, он с своей стороны виноват, но нужно однако ж рассмотреть и его положение: бывают иногда такие затруднительные обстоятельства, что никак нельзя обойтись без словца, несколько дерущего уши. Притом не все слова, произносимые на улице, достойны неуваженья. Как бы то ни было они сказаны

[2] спроста иногда очень [3] и все так, как следует, с сохранением

на язык, а им бы только разинуть рот да выставить его. Конечно, мудрена женская половина человеческого рода, но почтенные читатели, надобно признаться, еще мудреней.

Чем более Чичиков рассматривал дам, тем в большее приходил затруднение разрешить, которая из них была действительная сочинительница письма, исполненного и душевных и сердечных излияний. Попробовавши устремить еще внимательнее взор, он увидел, что и с их стороны прежде не совсем точные и определительные выражения обнаруживались яснее и становились значительнее. Выражалось что-то такое, подающее вместе и надежду, и в то же время наполняющее сладкими муками сердце бедного смертного, что он просто не знал, что придумать. Впрочем, он находил, что дамы были уж несколько слишком толсты, и вообразил себе, основываясь неизвестно на чем, что писавшая таинственное письмо непременно должна быть тонее. Всё это, однако, ничего не отняло из того счастливого расположения духа, в котором он находился. Он разменялся словами с дамами, весьма непринужденно, с большою ловкостью подходил к той и другой и, переменяя вдруг разговор и обращаясь к другой стороне, он сделал два очень удачные не то что бы совсем прыжка, а что-то в роде полупрыжка, подшаркнувши тут же ножкой, в виде коротенького хвостика, или на подобие запятой. Дамы очень были довольны им и отыскали в нем не только приятности и любезности целую кучу, но даже стали находить величественное выражение в лице, что-то даже марсовское и военное, которое, как известно, весьма нравится женщинам. Даже из-за него уже начинали ссориться.[1] Заметивши, что

---

[1] *Вместо* «Казалось ∾ ссориться»: Казалось, все находились в таком блаженстве, что и желать больше ничего не хотели, а только жмурили глаза от удовольствия. Такую непостижимую власть имеет тот, кто облечен в силу или снабжен тем, чем не все снабжены. Герой наш отвечал всем и чувствовал сам в этот раз какую-то ловкость необыкновенную, раскланивался направо и налево по обыкновению своему несколько на бок, но легко и свободно, так что очаровал не только дам, но и самих мужчин. К достойным супругам господ сановников он подошел очень непринужденно, сделал даже не то, чтобы совсем [антраша] прыжок, а что-то несколько вроде [него] маленького полупрыжка, при-

он стоял обыкновенно около дверей, некоторые наперерыв спешили занять[1] стул поближе к дверям, и когда одной из дам посчастливилось сделать это, то едва не произошла по этому поводу почти история,[2] и многим, которые себе[3] то же хотели сделать, показалась уж чересчур отвратительною[4] такая наглость.

Чичиков так занялся[5] разговорами с дамами, или лучше дамы так заняли и закружили его своими разговорами, подсыпая кучу самых замысловатых и тонких аллегорий, которые все нужно было разгадывать, отчего даже выступил у него на лбу пот, — что совершенно[6] позабыл долг приличия: подойти прежде всего к хозяйке. Вспомнил он об этом уже тогда, когда услышал голос[7] самой губернаторши, стоявшей перед ним уже несколько минут. Губернаторша

шаркнувши тут же ногою. Автор хотел бы передать читателям некоторые комплименты, сказанные нашим героем, но, к сожалению, никак не может припомнить, впрочем, он смеет уверить, что комплименты были хорошие. Разговаривая то с одной, то с другой, он старался по лицу и по выражению угадать, кто из них была сочинительница письма, исполненного таких сердечных излияний, но стал совершенно втупик: во всех почти без исключения дамах он встретил такое лестное внимание к себе и на лицах очень многих из них показалось такое значительное выражение, подающее надежду и вместе наполняющее сладкими муками сердце бедного смертного, что герой наш решительно не знал, на кого подумать. Казалось, как будто одна дама, именно супруга Г..., виноват, я хотел сказать просто: одна почтенная дама, которая была несколько пополнее других (все чиновницы города N были очень полны, но шнуровались так искусно и имели такие прекрасные манеры, что вовсе не было заметно толщины). Казалось, будто бы эта дама была сочинительница письма, хотя Чичиков, не знаю почему, вложил себе в голову, что она должна иметь менее полноты и более деликатности в чертах лица. Зато дамы с своей стороны никак не хотели, чтобы он утерял что-либо из своей наружности, находили даже какое-то величие в чертах его, что-то эдакое марсовское, военное, что обыкновенно весьма нравится женщинам. [Наконец дамы начали даже из-за него отчасти между собою ссориться.]

[1] около дверей, каждая наперерыв спешила занять [2] *а.* посчастливилось сесть прежде других на стул [3] *Вместо* «и когда ∾ себе»: Из-за этого едва не произошла история и многим дамам, которые впрочем и себе [4] показалась неприятною [5] Герой наш так занялся [6] что он совершенно [7] к хозяйке, и тогда только вспомнил он об этом, когда услышал наконец голос

сказала с приятным[1] потряхиванием головы: «А! Павел Иванович. Так вот как вы!..» Право, уж я не могу передать в точности слова губернаторши, но было сказано что-то такое, исполненное той светской любезности, в духе которой изъясняются[2] дамы и кавалеры в повестях наших светских писателей, любящих[3] описывать гостиные и похвастаться знанием высшего тона, в роде того,[4] что «неужели овладели так вашим сердцем, что в нем нет более ни места, ни самого тесного уголка для безжалостно позабытых вами». Герой наш поворотился в ту ж минуту к губернаторше, и уже готов[5] был отпустить ей ответ, вероятно, тоже ничем не хуже тех, какие отпускают в модных[6] повестях Звонские, Линские, Гремины и другие ловкие[7] военные люди, как, невзначай поднявши глаза, остановился вдруг, будто пораженный электрическим ударом.

Он увидел, что губернаторша стояла перед ним не одна: она держала под руку молоденькую шестнадцатилетнюю девицу, свеженькую блондинку, с тоненькими стройными чертами лица, с остреньким подбородком, с очаровательно кругливщимся овалом лица, какое бы художник взял в образец для мадонны и какое иногда только попадается на нашей Руси, где любит оказываться в широком размере всё, что ни есть:[8] и горы, и лѐса, и степи, и лица, и губы, и ноги, — ту самую блондинку, которую он встретил на дороге, ехавши от Ноздрева, когда по глупости кучеров или лошадей их экипажи так странно столкнулись, перепутавшись упряжьми,[9] и дядя Митяй с дядей Миняем взялись распутывать дело. Чичиков так смешался, что никак не мог договорить ответа, приготовленного без сомнения весьма удачно, и пробормотал вместо того чорт знает что такое, чего бы уж верно не сказал ни Гремин, ни Звонский.[10]

---

[1] сказала с весьма грациозным [2] любезности, как обыкновенно изъясняются [3] писателей, которые любят; *а.* писателей охотников; [4] что-то в роде того [5] поворотился весьма ловко к губернаторше с очень приятным поклоном несколько набок и уже готов [6] в разных модных [7] и другие очень ловкие [8] и какое ошибкою попадается на нашей Руси, где всё в широком размере: [9] экипажи столкнулись и запутались [10] чего бы уж никак не сказал какой-нибудь Гремин или Звонский.

«Вы не знаете еще моей дочери», сказала губернаторша: «институтка, только что выпущена».

Герой наш сказал, что уже имел честь нечаянным образом познакомиться или встретиться, что-то в роде этого, конечно, довольно удовлетворительно, но всё уже как-то чего-то как будто недоставало и[1] самые движения его как-то не так были развязны. Губернаторша, сказавши еще два-три весьма лестные для него выражения, наконец, отошла вместе с дочерью на другой конец залы к другим гостям, а Чичиков всё еще стоял неподвижно на одном и том же месте, как человек, который весело вышел на улицу [с тем, чтобы насладиться прогулкой] с глазами, расположенными глядеть на всё, и вдруг неподвижно остановился среди ее [неподвижно], вспомнив, что он позабыл что-то. Вмиг беззаботное выражение слетело с лица его, он силится припомнить, что́ позабыл он, не платок ли? — платок в кармане; не деньги ли? — [и] деньги тоже в кармане; всё, кажется, при нем, а между тем какой-то неведомый дух шепчет, что он позабыл что-то. И вот уже глядит он растерянно и смутно на вывески, на движущуюся толпу перед ним, на летающие экипажи, на будку перед самыми глазами, и ничего хорошо не видит, и всё стоит он неподвижно на одном и том же месте, весь исполненный полузабывшегося размышления, весь преданный [беззаботно] бестолково-заботному ожиданию. Таким самым образом и Чичиков остановился вдруг как прикованный, на одном и том же месте, и вдруг сделался чуждым всему, что ни происходило вокруг него. В это время из дамских благовонных уст к нему устремилось множество вопросов и намеков,[2] отличавшихся особенною тонкостию[3] и любезностию. «Позволено ли нам, бедным жителям земли, быть

---

[1] как-то не отзывалось тем, что бывает в модных повестях и уже

[2] *Вместо* «стоял неподвижно ∾ намеков»: стоял неподвижно и его положение несколько было похоже на положение человека, который вышел из дому и остановился на дороге, чувствуя, что он позабыл что-то, но что́ такое позабыл, этого никак не мог припомнить. В это время к нему устремилось множество вопросов и намеков самых грациозных, из уст весьма многих почтенных дам, намеков

[3] необыкновенною тонкостию

так дерзкими, чтобы спросить вас, о чем мечтаете?» — «Где находятся те счастливые места, в которых порхает мысль ваша?» — «Можно ли знать имя той, которая погрузила вас в эту сладкую долину задумчивости?» Но он отвечал на это решительным невниманием, и все приятные фразы канули как в воду, что несколько не понравилось дамам. Он даже так был неучтив, что весьма скоро[1] ушел от них в другую сторону, желая посмотреть, куда пошла губернаторша с своей дочкой. Но дамы, кажется, не хотели его оставить так скоро, и каждая внутренно решилась[2] употребить с своей стороны все возможные орудия,[3] так опасные для бедных сердец наших, чтобы привлечь и совершенно поразить его. Каждая[4] втайне решила пустить в дело то, что у нее было лучшего.[5] Нужно заметить, что у некоторых дам, я говорю, — у некоторых, это не то, что у всех — есть[6] маленькая слабость. Если они заметили у себя что-нибудь хорошее, лоб ли, рот ли, руки, то уже думают, что это прежде всего так всем и бросится в глаза, что как только она явится, [так] все заговорят вдруг в один голос: «Посмотрите, посмотрите, какой у ней прекрасный греческий нос, или какой правильный очаровательный лоб».[7] У которой же хороши плечи, та уверена заранее, что[8] все молодые люди будут совершенно восхищены и будут повторять только, когда она будет проходить мимо: «Какие чудесные у этой плечи!», а на прочее, то есть на лицо, волосы даже и не взглянут, если ж и взглянут, то разве [после и то] как на что-то прибавочное, что-то постороннее.[9] Каждая из дам

---

[1] что очень скоро [2] в другую сторону отыскивать ту, которая так сильно стала занимать его. Дамы между тем однако же решились [3] все возможные свои орудия. [4] поразить Чичикова и каждая [5] у ней есть лучшего. [6] Нужно заметить, что у дам есть [7] *а. Далее начато:* Та же, которая [8] *а.* плечи, убеждена твердо, что [9] у себя что-нибудь хорошее, то они думают, что весь свет должен заметить это хорошее. Если у одной, напр.‹имер›, *хорош нос, то она твердо уверена, что всякий не будет* глядеть на прочие ее части, а непременно на один нос; если почувствует, что у ней недурны плечи, то она убеждена, что плечи так первые и бросятся всякому в глаза, что никто не взглянет на лицо или волосы, а непременно будет повторять: «Ах, какие у этой чудные плечи!» Несколько, конечно, странно, а точно бывает так, — виноват, я хотел сказать: иногда случается.

внутренно положила себе в танцах быть как можно обворожительней и показать во всём блеске превосходство того, что у ней самого превосходного.[1] Почтмейстерша, вальсируя, с такой томностию опустила на бок голову, что слышалось, в самом деле, что-то неземное.[2] Одна очень любезная дама, которая приехала[3] вовсе не с тем, чтобы танцовать, по причине приключившегося, как сама выразилась, небольшого «инкомодите» на правой ноге в виде горошинки, вследствие чего должна была даже надеть[4] плисовые сапоги, но однако ж никак не вытерпела и сделала несколько кругов в плисовых сапогах, чтобы в самом деле почтмейстерша уж не слишком забрала себе в голову.

Но всё это никак не произвело предполагаемого действия на Чичикова. Он даже не смотрел на все те круги, которые производили дамы, а то и дело подымался на цыпочки выглядывать поверх голов, куда бы могла забраться занимательная блондинка; приседал и вниз тоже, высматривая промеж плечами и по за спинами, и, наконец-таки, доискался и увидел ее, сидящею вместе с матерью. Кажется, как будто бы он хотел взять ее приступом. Почувствовал ли он какое-то весеннее расположение, или кто-нибудь толкал сзади, только он выпирался решительно вперед, смело в ту сторону, несмотря ни на что. Откупщик получил от него такой толчек, что пошатнулся и чуть-чуть удержался на одной ноге, не то бы, конечно, повалил за собою целый ряд. Почтмейстер тоже отсторонился и посмотрел на него с изумлением. Но Чичиков не смотрел ни на кого и приближался к блондинке, надевавшей[5] длинную перчатку и, без сомнения, сгоравшую желанием пуститься летать по паркету. Не без некоторого, однако же, чувства робости он подступил к ним. Нельзя наверное сказать, точно ли пробудилось в Чичикове кое-что

---

[1] что у ней было превосходнее. [2] как будто что-то неземное. [3] Одна почтенная дама, которая даже приехала [4] почему должна была надеть [5] Но всё это никак не произвело предполагаемого действия над нашим героем. Он всё искал глазами интересную блондинку и увидел, наконец, их обеих сидевших вместе, т. е. губернаторшу и ее надевавшую

в роде любви. Даже почти сомнительно, чтобы господа[1] этого сорта, то есть, не так чтобы очень толстые, однако ж, и не то, чтобы тонкие, способны были влюбиться.[2] Однако ж, он чувствовал действительно что-то такое, которое несколько трудно рассказать[3] и которого даже он сам не мог бы себе объяснить: симпатия ли[4] или просто влечение, только весь бал, как он сам потом сознался, со всем своим говором и шумом ему показался на несколько минут, как будто бы был где-то вдали и подернулся чем-то в роде тумана [другими словами], иначе был похож на какое-то небрежно замалеванное поле на картине. И из этого мглистого и кое-как набросанного поля выходили ясно и оконченно только одни тонкие красы увлекательной блондинки: ее овально-круглившееся личико, ее тоненький,[5] тоненький стан, каков бывает у институтки в первые месяцы после выпуска из института, ее белое, почти простенькое платье, небрежно, легко и ловко схватившее везде ее молоденькие стройные члены, которые означались в каких-то чистых линиях. Казалось, она вся походила на какую-то игрушку, выточенную из слоновой кости. Одна только для него белела и казалась прозрачною среди мутной толпы. Бог знает, видно, на несколько минут в жизни и Чичиковы обращаются в поэтов.[6] Но [виноват], слово поэт может быть в самом деле будет уж слишком [для Чичикова]. Справедливее то, что он почувствовал себя совершенно чем-то в роде молодого человека, чуть-чуть не гусара.[7] Увидевши возле них пустой стул, он тот же час

---

[1] *Вместо* «Не без ∾ господа»: Он подошел к ним, однако ж, не без некоторого чувства робости. Автор никак не может сказать ∾ в роде любви. Он даже почти сомневается, чтобы люди [2] не то чтобы тонкие, чтобы эти господа были способны влюбиться. [3] которое даже очень трудно объяснить [4] симпатия ли это была [5] *Вместо* «весь бал ∾ тоненький»: в это время весь бал со всей толпой, люстрами, свечами, плечами, картами, прокуроршами, скрипками превратился для него во что-то незначущее и туманное, похожее на фон на картине, а из этого тумана и мглы ясно и чисто только выходило пред ним и круглилось овальное приятное личико; этот тоненький [6] *а.* и Чичиковы обращаются в поэтических людей. Но слово поэтический может быть для Чичикова будет несколько много. [7] *Вместо* «ее белое ∾ гусара»: и белое почти совершенно простенькое платье, почти с небреж-

занял его[1] и начал разговор, сначала несколько не клеившийся, но потом дело пошло: он начал мало-помалу развязываться и, как говорится, входить в роль. Здесь должно заметить, что люди степенные и занимающие важные должности как-то несколько тяжелы в разговоре с дамами. На это мастера гг. поручики, и никак не далее капитанского чина. Как они делают, бог их ведает ‹*1 нрзб.*› кажется и не [весьма] мудрые вещи говорятся,[2] и девица то и дело качается на стуле от смеха. Статский же советник бог знает, что расскажет, или поведет речь о том, что Россия очень пространное государство, или отпустит комплимент, который, кажется и остроумно выдуман, но от него сильно пахнет книгою;[3] если же скажет что-нибудь смешное, то сам несравненно больше смеется, чем та, которая его слушает. Здесь это замечено единственно потому, чтобы читатели несколько видели причину, отчего блондинка стала сильно зевать[4] во время рассказов нашего героя, который, впрочем, не замечал этого и приправлял их приятными[5] выражениями лица, помещая кое-где одну из тех действительно заманчивых улыбок, предварительно подмеченных в зеркале.[6] Всем дамам, бывшим на бале, совершенно не понравилось такое обхождение Чичикова. Одна из них[7] прошла нарочно мимо его, чтобы

ною легкостью обхватившее ее молоденькие, стройные, означавшиеся в каких-то чистых линиях формы. Словом, по крайней мере, на несколько минут Чичиков сделался чем-то в роде молодого человека, чуть-чуть не гусара.

[1] пустой стул, он постарался тот же час занять его [2] *Вместо* «Здесь ∾ говорятся»: Но к величайшему прискорбию, должно заметить, что люди, почитаемые дельными и способными к занятию хороших должностей, как-то не так ловки с дамами, а тем еще более с девицами, и разговор их всё как-то не с той стороны и не о том, что следует. Для этого уже созданы гг. поручики и вообще никак не выше капитана. Как они это делают, бог весть, но у них всё это живо [3] поведет речь о том, какое Россия пространное государство и тому подобное [4] стала наконец довольно сильно зевать [5] который, однако ж, решительно не замечал этого, а напротив того, еще более развивался, прикрашивая разговоры свои весьма приятными; *а. Начато:* который впрочем не замечал этого и казалось развивался еще более [6] улыбок, которые он предварительно рассмотрел в зеркале. [7] *Вместо* «Всем дамам ∾ Одна из них»: Прочим дамам, однако ж, это очень не понравилось. Одна очень почтенная дама

дать ему это заметить, и даже задела блондинку довольно небрежно толстым руло своего платья, а шарфом, который порхал вокруг плечей ее, распорядилась так, что он махнул концом своим ее по самому лицу.[1] И в то же самое время позади его из одних дамских уст изнеслось вместе с запахом фиялок довольно язвительное и колкое замечание. Но он или не услышал, в самом деле, или прикинулся, что не услышал, *только это было*[2] *не хорошо, ибо мнением дам* нужно дорожить. В этом он после и раскаялся, но поздно.[3]

Негодование, во всех отношениях справедливое, отразилось во многих глазах. Как ни велик был в обществе вес Чичикова, хоть он и миллионщик, и в лице его величие и разное прочее выражалось, но есть вещи, которых дамы не простят никому, будь[4] он кто бы ни был — и тогда прямо пиши пропало. Есть случаи, где женщина, как ни слаба и ни бессильна характером в сравнении с мужчиною, но становится вдруг тверже всего, что ни есть на свете, и тогда мужчина перед нею [ребенок] не более как ребенок со своим рассчитанным благоразумием и поддельною твердостию духа. Самого холодного в своих жестокостях, прикрывающего их личиною долга, можно как-нибудь преклонить, но женщину в некоторых случаях уж никак нельзя преклонить, хотя в характере нет жестокости и хотя сердце ее дрогнет произвести холодное, обдуманное злодейство.[5]

---

[1] концом своим по самому лицу [2] *а.* впрочем во всяком отношении это было [3] *Вместо* «И в то же самое ∾ поздно»: С другой стороны, именно сзади, услышал он прошепнутое ему некоторыми устами, от которых понеслось целое море фиялок, несколько язвительное и колкое замечание. Но или он прикинулся, что не дослышал, или имел в самом деле неблагоразумие не дослышать, только это было не хорошо, и герой наш на этот раз был просто дурак, ибо мнением почтенных дам, а особенно супруг сановников, как губернских, так и уездных городов, нужно очень дорожить. В этом, может быть, он после и раскаялся, но уж поздно. [4] хоть будь [5] *Вместо* «Есть случаи ∾ злодейство»: Ибо есть случаи, где женщина тверже не только мужчины, но и железа, и мрамора, и всего, что ни есть на свете. И если уже раз затворились перед нами двери рая, то всё кончено; бедный наш брат осужден весь век скитаться, как оборванный Иуда вокруг заветных стен, оглашая вечным плачем не весьма веселые пространства доставшегося ему на долю ада; пищею ему будет безнадежность, а райские двери не отопрутся;

Пренебрежение, оказанное Чичиковым, может быть даже совсем неумышленно восстановило между дамами некоторое согласие, готовое прежде разрушиться по причине наглого завладения стулом.[1] Теперь они стали говорить о нем между собою со стороны такой невыгодной, что не дай бог всякому, а бедная институтка была уничтожена совершенно,[2] и приговор ей был уже подписан.

А между тем герою нашему готовился совершенно неожиданно пренеприятнейший сюрприз. В то время, когда привлекательная блондинка зевала, а он, сидя около нее, рассказывал с весьма приятною улыбкою разные небольшие историйки,[3] даже коснулся несколько греческого философа Диогена, — показался из соседней комнаты Ноздрев. Из буфета ли он вырвался,[4] или из небольшой зеленой гостиной, где производилась игра посильнее, чем в вист, своей ли волей, или вытолкали его,[5] только он явился веселый, радостный, ухвативши под руку прокурора, которого уже, вероятно, таскал несколько времени, потому что бедный прокурор поворачивал на все стороны свои густые брови, как бы придумывая средство выбраться из этого дружеского подручного путешествия. В самом деле, оно было невыносимо, ибо Ноздрев,[6] захлебнувши куражу в двух чашках чаю, конечно, не без рому, врал немилосердно. Завидев еще издали его, Чичиков решился даже на пожертвование, т. е. оставить[7]

в этом он может быть уверен. Ибо нет такого плача и рыданий, и нельзя выдумать таких молений, которые могли бы умилостивить тогда женщину; *а*. Есть случаи, где женщина, как ни слаба, ни бессильна характером против мужчины, но даже становится в несколько раз тверже ∞ как-нибудь преклонить, но нельзя умолить <*1 нрзб.*> женщин [хотя бы даже в] несмотря на то, что [нет в характере ее] в характере ее нет жестокости, нет совершенно, решительным <?> образом злодейства.

[1] может быть неумышленное, восстановило даже между дамами некоторое согласие, которое прежде, казалось, готово было разрушиться, потому что одна дама никак не могла простить другой за то, что та захватила стул, на котором она сама хотела поместиться около Чичикова. [2] а бедная институтка пропала совершенно [3] *Далее было:* разные недавно случившиеся анекдоты, где [4] «он вырвался» *вписано.* [5] игра немножко посильнее, чем в обыкновенный вист, сам ли он вышел, или его выпустили [6] потому что Ноздрев [7] Увидевши еще его издали, Чичиков решился даже оставить

свое завидное место и, сколько можно поспешнее, удалиться: ничего хорошего не предвещала ему эта встреча.[1] Но, как на беду, в это время подвернулся губернатор, который изъявил большую радость, что нашел Павла Ивановича, и остановил его, прося быть судьею в споре его с двумя дамами на счет того, продолжительна ли женская любовь, или нет;[2] а между тем Ноздрев уже увидал[3] его и шел прямо на встречу.

«А, херсонский помещик, херсонский помещик!»[4] кричал он, подходя и заливаясь смехом, от которого дрожали его свежие и румяные, как весенняя роза, щеки. «Что, много мертвых душ накупил? Ведь вы знаете, ваше превосходительство», горланил он, тут же обратившись к губернатору: «ведь он покупает мертвые души. Послушай, душа Чичиков. Ведь ты, я тебе говорю по дружбе, вот мы все здесь твои друзья, вот и его превосходительство здесь, — я бы тебя повесил, ей-богу, повесил».

Чичиков просто не знал, где сидел.

«Поверите ли, ваше превосходительство», продолжал Ноздрев: «как сказал он мне: продай мертвых душ, — я так и лопнул со смеху. Приезжаю сюды — мне говорят, что накупил на три миллиона крестьян на вывод.[5] Каких на вывод?[6] Да он торговал у меня мертвых. Послушай, Чичиков, ведь ты скотина, ей-богу, скотина, — вот и его превосходительство здесь — не правда ли, прокурор?»

Но прокурор, и Чичиков, и сам губернатор все пришли в такое замешательство, что не нашлись совершенно, что отвечать, а между тем Ноздрев, ни мало не обращая внимания, нес полутрезвую речь.[7]

«Уж ты, брат, ты, ты... Я не отойду[8] от тебя, пока не узнаю, зачем ты покупал мертвые души. Послушай, Чичиков, ведь тебе, право, стыдно: у тебя, ты сам знаешь, нет лучшего друга, как я. Вот и его превосходительство

---

[1] удалиться, потому что встреча эта не предвещала ему ничего хорошего. [2] или чего-то подобного [3] уже увидел [4] А, помещик, помещик! [5] *Далее было:* в какую-то губернию [6] Каких, говорю, на вывод? [7] не обращая на всё это внимания, нес полутрезвую свою речь. [8] Уж ты, брат... я не отойду

здесь, не правда ли, прокурор? Вы не поверите, ваше превосходительство, как мы привязаны[1] друг к другу, т. е. просто, если б вы сказали — вот я тут стою, — а вы бы сказали: «Ноздрев, скажи по совести, кто тебе дороже:[2] отец родной или Чичиков?» — скажу: «Чичиков, ей богу...» Конечно, чепухи, которую далее понес Ноздрев, не слушали[3] и ушли от него подальше, но всё же слова его о покупке мертвых душ были произнесены во всю глотку и сопровождены таким громким смехом, что привлекли внимание даже тех, которые находились в самых дальних углах комнаты. Эта новость так показалась странною, что все остановились невольно с каким-то[4] деревянным, глуповопросительным выражением в лице, какое видится только на карнавальных масках, в то время когда молодежь, скрывшаяся под ними, [молодежь безотчетно] раз в год хочет [беззаботно] безотчетно завеселиться, закружиться и потеряться в беспричинном весельи, избегая и страшась всякого вопроса, а [они] неподвижно несясь ‹?›, маски на их лицах, озаренных движением, как будто смотрят каким-то восклицательным знаком и вопрошают,[5] к чему это, на что это. Почти такое же бесчувственное выражение и недоумевающее выражение отразилось на всех лицах. И вдруг во всей зале минуты на две по крайней мере восстановилась какая-то непонятная тишина. Чичиков заметил,[6] что многие дамы[7] перемигнулись между собою с какою-то злобною, едкою усмешкою, и в выражении лиц некоторых из них было заметно что-то такое двусмысленное, которое еще более увеличило его смущение.[8] Что Ноздрев лгун отъявленный, — это было известно всем, и вовсе не было диковинкой слышать от него решительную бессмыслицу, но смертный, право, я уж и понять не могу, как чудно устроен этот

---

[1] как мы издавна привязаны [2] «Ноздрев, кто тебе дороже [3] *Вместо* «Конечно ∾ не слушали»: Ноздрев нес далее болтовню с примесью всякой чепухи; его бросили [4] с каким-то странным [5] восклицательным знаком на своих [бум‹ажных›] [дерев‹янных›] бумажных чертах их и спрашивают [6] заметил даже [7] *Далее начато:* пересмехнулись [8] и вообще в выражении лиц их было что-то такое двусмысленное, что еще более увеличило и его смущение.

смертный: как бы ни была пошла новость, но лишь бы она была новость, он непременно сообщит ее другому смертному,[1] хоть именно для того только, чтобы сказать: «Посмотрите, какую ложь распустили». А другой смертный с удовольствием преклонит ухо, хотя после скажет сам:[2] «Да это совершенно пошлая ложь, не стоящая никакого внимания!» И вслед за тем сей же час отправится искать третьего смертного, чтобы, рассказавши ее, после вместе с ним воскликнуть[3] с благородным негодованием: «Какая пошлая ложь!» И непременно это обойдет весь город, и все смертные, сколько их ни есть, все наговорятся об этом в волю и потом единогласно признают, что решительно не стоит никакого внимания и не следует говорить о нем.

Это вздорное, повидимому, происшествие, однако же, расстроило нашего героя. [Казалось, что бы могло значить] Как ни пуста болтовня дурака, но [при всем том] иногда она бывает [очень] весьма достаточна, дабы смутить человека. Чичиков стал себя чувствовать как-то совсем неловко, ни движений тех, ни приятности уже не было. В мозгу как будто у него сидело что-то постороннее, как будто какой-нибудь злой дух проходил впоперек всему, к чему бы он не задумывал обратить мысли.[4] Он всячески старался себя рассеять: попробовал сесть в вист, но и тут дело шло не очень удачно: два раза он пошел в чужую масть и, позабыв, что по третьей не бьют, размахнулся со всей руки и хватил сдуру свою же. Председатель никак не мог понять, как Павел Иванович, так хорошо и, можно сказать, тонко

---

[1] *Вместо* «но смертный ∾ смертному»: но люди так устроены, что всякую новость, как бы она ни была пошла, непременно сообщат другим [2] А другие с удовольствием преклонят ∾ скажут сами [3] отправятся рассказать третьим, чтобы после вместе с ними воскликнуть [4] происшествие расстроило, однако же, весьма заметно нашего героя. Он старался, впрочем, приободриться, приподымать даже довольно свободно и открыто голову, как будто бы мертвые души и болтанье Ноздрева не значило ему ничего; но всё, однако же, в приемах его уже не было той свободы и тех грасов, которые он приобрел заблаговременно у себя в комнате. Он пробовал несколько раз пришаркнуть ногою попрежнему и подойти с приятностию, но оно вышло на этот раз несколько холодно и даже совершенно без приятности.

разумевший игру, мог сделать подобные ошибки и подвел даже под обух[1] его пикового короля, на которого он, по собственному его выражению, надеялся как на бога. Конечно, почтмейстер и председатель, и начальник полиции, как водится, подшучивали над нашим героем, что уж не влюблен ли он, и что мы знаем, дескать, что у Павла Ивановича сердечишко прихрамывает, знаем, кем и подстрелено, но всё это никак его не утешало, как он ни пробовал[2] на это усмехаться и отшучиваться. За ужином тоже он никак не мог развязаться, несмотря на то, что общество было приятное,[3] Ноздрева уже давно вывели, ибо сами дамы заметили, что поведение его чересчур становилось скандальозно:[4] посреди котильона он сел на пол и стал хватать за полы танцующих, что уж было ни на что не похоже, по выражению дам. Ужин был очень весел. Все лица, мелькавшие перед тройными подсвечниками, цветами, конфектами и бутылками, были озарены довольною непринужденностью. Офицеры, дамы, фрачники, всё сделалось любезно, даже до приторности. Мужчины вскакивали со стульев и бежали отнимать у слуг блюда, чтобы предложить их ‹с› необыкновенною ловкостью дамам. Один полковник подал даме тарелку с соусом на обнаженной шпаге. Мужчины почтенных лет, между которыми сидел Чичиков, спорили громко, заедая дельное слово рыбой или аппетитно приготовленной говядиной, и спорили о тех предметах, в которых он доселе всегда принимал участие. Но он был похож ‹на› какого-то человека, уставшего или разбитого дальнею дорогою, даже не дождался он ужина и уехал к себе несравненно раньше, чем имел обыкновение уезжать.

Там, в этой комнатке, так знакомой читателю,[5] положение мыслей и духа его было так же неспокойно, как неспо-

---

[1] и мог таким образом подвести под обух [2] его не утешало, хотя он пробовал [3] За ужином тоже, хотя общество было хорошее, ибо; *а*. За ужином тоже он не мог никак развязаться, хотя общество на том конце стола, где он сидел, было очень приятное [4] потому что даже сами дамы, наконец, заметили, что поведение его чересчур скандальозно [5] *Вместо* «за полы танцующих ∾ читателю»: за платье танцовавших дам. Но, несмотря на приятное общество,

койны те кресла, в которых он сидел. Взглянувши, как говорится, оком благоразумия на свое положение, он видел, что всё это вздор, глупое[1] слово ничего не значит, дело же по милости божией обделано как следует; но худо, что дамы были довольны. Это его огорчило, тем более что, разобравши дело, он увидел, что был причиною отчасти сам. На себя, однако ж, он не рассердился и в том отношении, конечно, был [несколько] отчасти прав, [ибо] все мы имеем маленькую слабость немножко пощадить себя, а постараемся лучше приискать какого-нибудь ближнего, на ком бы выместить свою досаду, например, на слуге, или на чиновнике нам подведомственном, который в пору подвернулся, [или] на жене, или, наконец, на стуле, который швырнется, чорт знает куды, к самым дверям, так что отлетит от него ручка и спинка. Так и Чичиков скоро нашел ближнего, который потащил, [наконец] на плечах своих всё, что только могла внушить ему досада. Ближний этот был Ноздрев, и, нечего сказать, он был так отделан со всех боков и сторон, как разве отделает только ямщика или кого другого какой-нибудь езжалый опытный капитан, который сверх многих выражений, сделавшихся классическими,[2] прибавляет еще много неизвестных, которых изобретение принадлежит ему собственно. Вся родословная Ноздрева была

Чичиков в силу высидел за столом и тотчас после ужина уехал домой. Селифану, который полез было к сапогам его, чтобы скинуть их, он сказал дурака и выслал вон.

[1] что глупое [2] *Вместо* «дело же ∾ классическими»: что если бы и поверил кто-нибудь ему, то и тогда ничего, потому что, по милости божьей, дело уж, кажется, обделано хорошо. Худо только, что дамы были отчего-то недовольны. Это, конечно, могло несколько огорчать его, ибо герой наш, подобно автору, чувствовал истинное почтение к супругам сановников. И точно, он этим сильно огорчился. Он видел, что был причиною отчасти сам, но так как мы, по свойственной нам слабости, имеем обыкновение немножко пощадить себя, а вместо того приискать какого-нибудь ближнего, на котором бы можно было выместить досаду, то Чичиков мысленно отнесся к Ноздреву, и уж нечего сказать — Ноздрев был так обделан и выруган на все стороны, как вряд ли какому ямщику случится быть отделану каким-нибудь опытным езжалым капитаном, который кроме разных выражений, уже совершенно известных и сделавшихся классическими,

разобрана и многие[1] из членов его фамилии в восходящей линии сильно[2] потерпели.

Но в продолжение того, как он сидел в жестких своих креслах, тревожимый мыслями и бессонницей и угощая [очень] усердно Ноздрева и всю родню его,[3] и перед ним топилась сальная свеча, которой светильня давно уже накрылась нагоревшею черною шапкою, и пламя[4] вяло раздваивалось под нею, ежеминутно грозя погаснуть,[5] и глядела ему в окна слепая темная ночь, готовая посинеть от приближавшегося рассвета, и отдаленные петухи пересвистывалися вдали, и в совершенно заснувшем городе, может быть, плелась где-нибудь одна фризовая шинель, горемыка неизвестно какого класса и чина, знающая одну только (увы) слишком протертую русским забубенным народом дорогу;[6] в это время на другом конце города происходило происшествие, готовившееся, как казалось, увеличить неприятность положения нашего героя. Именно, в отдаленных улицах и закоулках города дребезжал весьма странный экипаж, какой вряд ли где можно увидеть,[7] кроме как разве в обширной русской империи.[8] Он не был похож на бричку[9] или коляску; справедливее сказать, он ни на что не был похож.[10] Экипаж этот был наполнен перинами, подушками и узелками с хлебом, дорожными пирогами, и увешан вязанками каких-то [особенного рода] треугольных домашних кренделей.[11] Шум и визг от железных скобок и заржавых винтов разбудил на другом конце города бутошника, который, подняв свою алебарду, закричал спросонья, что стало мочи: «Кто идет!», но уви-

---

[1] *Вместо* «Вся ∾ многие»: Не скроем, что при этом случае была рассмотрена вся родословная Ноздрева и многие [2] очень сильно [3] «и угощая ∾ родню его» *вписано.* [4] так что пламя [5] как бы грозя ежеминутно погаснуть [6] «и в совершенно ∾ дорогу» *вписано. а.* и в совершенно ∾ протертую дорогу; *б.* и в совершенно ∾ протертую русским народом дорогу [7] какой вряд ли бы где-нибудь читатель увидел [8] в русской империи. [9] ни на бричку [10] *Далее было:* Кузов этого экипажа шатался точно так же, как шатается во время еды у старых людей нос, если только этот нос изрядно толст и если эти старые люди придерживаются, как говорится, стеклянной посуды. [11] Экипаж этот был увешан разного рода узелками с хлебом, дорожными пирогами и баранками.

девши, что никто не шел, а слышалось только издали дребезжание странного экипажа, достал из сапога тавлинку и потянул из нее табаку,[1] имевшего запах сгнившей кожи. Лошади, запряженные в это четвероколесие,[2] то и дело падали[3] на передние коленки, потому что не были подкованы, и притом, как видно, покойная городская мостовая[4] была им мало знакома. Колымага, сделавши несколько поворотов из улицы в улицу, наконец, поворотила в тесный переулок, мимо небольшой приходской церкви Никола на Недотычках и остановилась[5] перед воротами дома протопопши. Из брички вылезла[6] девка с платком на голове и в телогрейке и хватила обоими кулаками в ворота так сильно,[7] хоть бы и мужчине. Собаки залаяли, и ворота, разинувшись, наконец, проглотили, хотя с большим трудом, это неуклюжее дорожное произведение. Бричка въехала в тесный двор, заваленный дровами, курятниками и разными свинушника́ми. Из экипажа вылезла барыня. Эта барыня была помещица, коллежская секретарша Коробочка. Старушка скоро после отъезда нашего героя в такое пришла беспокойство насчет могущего произойти обмана со стороны покупщика, что, не поспавши три ночи сряду, решилась ехать в город, несмотря на то, что лошади не были подкованы,[8] и там узнать наверно, почем ходят мертвые души,[9] и уж не промахнулась ли она, боже сохрани, продав их, может быть, в три-дешева. Какое произвело следствие это прибытие, читатель может узнать из одного разговора,[10] который происходил между одними двумя дамами. Разговор сей... но пусть лучше сей разговор будет в следующей главе.[11]

---

[1] но увидевши, что никого не было, достал из сапога тавлинку и нюхнул табаку [2] *Далее было:* (иначе, право, трудно придумать ему название) [3] то и дело что падали [4] прекрасная городская мостовая [5] мимо церкви, которая называлась Никола на Недотычках. Здесь она остановилась [6] Из брички прежде вылезла [7] *Вместо* «и хватила ∾ сильно»: она так сильно хватила обоими кулаками в ворота [8] лошади были не подкованы [9] почем ходят мертвые души, т. е. в какой цене [10] из разговора [11] *Вместо* «между ∾ главе»: между некоторыми двумя очень почтенными дамами...

ГЛАВА IX

Поутру, довольно рано, ранее даже того времени, которое назначено для визитов в городе N, из дверей деревянного дома, выкрашенного оранжевой краской, с мезонином и голубыми колоннами,[1] выпорхнула дама в клетчатом щегольском[2] клоке, сопровождаемая лакеем в шинели с несколькими воротниками и золотым галуном на круглой лощенной шляпе. Дама вспорхнула тот же час с необыкновенною поспешностию по откинутым ступенькам в стоявшую у подъезда коляску. Лакей тут же закрыл даму дверцами, закидал ступеньками и, ухватясь за ремни сзади коляски, закричал кучеру: «Пошел». Сидевшая в коляске дама во всю дорогу не знала,[3] как сладить с собственным языком, чувствовавшим побуждение непреодолимое сообщить [другому] только что услышанную новость. Она поминутно выглядывала из окна и видела, что всё еще остается полдороги. Всякой дом, в котором было не более осьми окон в ряд, казался ей длиннее обыкновенного. Ослепительной белизны каменная богадельня с узенькими окнами тянулась нестерпимо долго, так что она, наконец, не вытерпела, чтобы не сказать: «Проклятое строение: и конца нет!» Кучер уже два раза получал приказание: «Поскорее, поскорее, Андрюшка. Ты сегодня бог знает как долго едешь». Наконец, цель ее была достигнута. Коляска остановилась перед деревянным же одноэтажным и просторным домом темно-серого цвета, с белыми деревянными барельефчиками над окнами, с высокой деревянной решеткой перед самыми окнами и узеньким палисадником, за решеткою которого деревца, казалось, были покрыты никогда не сходившей пылью. В окнах мелькали горшки с цветами, попугай с большим носом, и моськи, спавшие на солнце. В этом доме жила искренняя приятель-

---

[1] для делания визитов в городе N, из дверей одного деревянного дома с мезонином и деревянными колоннами, выкрашенными голубою краскою [2] в клетчатом весьма щегольском [3] *а.* дама совершенно не знала

ница приехавшей дамы.[1] Автор чрезвычайно затрудняется, как бы назвать обеих дам таким образом, чтобы опять не рассердились на него и не укорили бы в помещении каких-либо личностей. Назвать выдуманною[2] фамилией — опасно. Какое ни придумай имя, уж непременно найдется в каком-нибудь углу нашего государства, благо велико, кто-нибудь носящий его, и непременно рассердится не на жизнь, а на смерть, станет говорить,[3] что автор нарочно приезжал секретно с тем, чтобы выведать всё: что̀ он такое сам, и в каком тулупчике ходит, и к какой Аграфене Ивановне [под вечерок] наведывается, [*и какое даже блюдо особенно*] и что любит покушать.[4] По чинам назвать, и того хуже: скажи только автор Прокурорша, то непременно все прокурорши, сколько их ни есть со всех губернских городов, обидятся.[5] Такое уж обидчивое у нас государство. И потому во избежание личностей и разных могущих произойти тех и других следствий, мы станем называть даму, к которой приехала гостья, таким же образом, как она называлась почти единогласно в городе N, т. е. дама приятная во всех отношениях. Ибо, в самом деле, она употребляла всё, что

---

[1] *Вместо* «Сидевшая ∾ приехавшей дамы»: Внимание дамы, сидевшей в коляске, казалось, устремлено было, чтобы удержать язык свой, чувствовавший нестерпимый аппетит рассказать кое-какой секрет. Это простиралось до того, что несколько раз она начинала от нетерпения рассказывать себе самой. Скоро коляска, сделавши несколько поворотов из улицы в улицу, остановилась перед одним деревянным и тоже не очень большим домом. Этот дом принадлежал почтенной чиновнице г-же... *а.* Во всю дорогу сидевшая в коляске [не могла] дама казалось никак не могла сладить с языком своим, который чувствовал аппетит нестерпимый рассказать кое-что только что услышанное, такой аппетит, какого, точно, никогда еще никто не чувствовал. Она поминутно выглядывала из окна и всё еще видела, что почти остается полдороги. Каждый дом, в котором было не больше осьми окон в ряд, казался ей длиннее обыкновенного. Кучер несколько раз получал приказание: «Поскорее, поскорее; ты сегодня, Андрюшка, бог знает как долго едешь». *Текст не закончен.* [2] как называть ему обеих дам, чтобы опять не рассердились и не укорили его в помещении личностей. Назвать какою-нибудь выдуманною [3] будет говорить [4] что̀ он такое и в каком именно городе живет. [5] *Далее было:* Что ж делать?

только можно, чтобы сделаться в обществе самою любезною, какою только себе можно представить, и в том совершенно успела: сами дамы невольно чувствовали ее превосходство, мужчины подходили к ручке. Хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась часто сильная стремительность женского характера, и в иных случаях едкостью нескрытою вооружались ее наружно холодные речи, а уж не приведи бог, что кипело в сердце ее против той, которая бы пролезла как-нибудь и чем-нибудь в первые. Но всё это было прикрыто светскою [и] любезностью, тою же добротою и ласкою, какую [хорошо] кстати умеют показать столичные дамы, и таким образом, она сделалась во всех отношениях приятной дамой. Приехавшая дама,[1] хотя, конечно, была тоже не без достоинств, но не имела такой многосторонности в характере;[2] а потому мы станем называть ее: просто приятная дама. Приезд гостьи разбудил собаченок, спавших на солнце, которые с лаем понесли кольцами хвосты свои в переднюю, где гостья освобождалась от своего клока и очутилась в ситцевом платье модного цвета, натянутом без малейшей морщинки на роскошную шнуровку, выгнутую, как латы, и заключавшую в себе полную грудь ее, как в большом сундуке. Едва только во всех отношениях приятная дама узнала о приезде просто приятной дамы, как уже выбежала в переднюю. Обе дамы ухватились за руки и поцеловались, вскрикнувши таким радостным криком, как молодые институтки, встретившиеся между собою спустя несколько недель после выпуска, когда еще маменьки не успели объяснить им, что непринято кричать и слишком сильно радоваться при встречах [особенно] с теми, которых отец еще неизвестно какого чина и состояния посредственного. Обе дамы, назвавши одна другую по имени, поцеловались еще раз и, как казалось, довольно звонко, ибо собаченки, которые было уже притихли,[3] залаяли снова, за что были хлоп-

---

[1] *а.* Дама, приехавшая к ней [2] *а.* такого многостороннего характера
[3] *Вместо* «называть даму ∾ притихли»: называть приезжую даму просто почтенная дама, а та, ‹к› которой почтенная дама приехала, пусть будет... пусть будет тоже почтенная дама. Приезд почтенной дамы разбудил в доме мосек, спавших на окнах перед солнцем. Поднявши лай, они

нуты платком. Обе дамы отправились в гостиную, разумеется, голубую, с диваном, и даже с ширмочками и плющем.[1]

«Ну, как же я рада, что вы приехали», говорила во всех отношениях приятная дама. «Я слышу, что кто-то подъехал,[2] да думаю себе: кто бы это такой. Параша говорит: «вице-губернаторша»,[3] а я говорю себе: «Ну, вот[4] приехала опять дура надоедать», и уж хотела было сказать, что меня нет дома. Ну, как же я рада, право».[5]

«Ах, если бы вы знали, жизнь моя Анна Григорьевна, как я к вам спешила», сказала просто приятная дама и почувствовала, что у ней захватилось дыхание от нетерпения скорее приступить к делу. Но восклицание, которое издала в это время дама приятная во всех отношениях, дало вдруг другой поворот направлению, какое готовился было принять разговор.[6]

понесли кольцами хвосты свои в переднюю, где почтенная дама освобождалась от своего клока. Скинувши клок, она очутилась в пестром полосатом платье. Шнуровка ее была роскошна, на подобие крепких лат, также красиво выгнутых, и полная грудь ее покоилась в ней, как в большом сундуке. Как только о приезде почтенной дамы узнала тоже почтенная дама, то, не медля ни мало, побежала к ней на встречу. Обе дамы вскрикнули, как будто бы не виделись несколько лет, обнялись и поцеловались. Этот поцелуй совершился довольно звонко, так что моськи

[1] *Вместо* «Обе дамы ∾ плющем»: За сим почтенная дама и тоже почтенная дама отправились обе в гостиную. [2] [сказала] говорила тоже почтенная дама: «Я вижу, что кто-то приехал [3] Параша говорит: «губернаторша» [4] Вот [5] *Далее было:* что вас вижу. Садитесь, здоровы ли вы?» [6] *Вместо* «Ах, если бы ∾ разговор»: «Я бы к вам давно приехала, Анна Григорьевна», говорила почтенная дама, едва переводя дух. Ее дергало, как в лихорадке, и сердце билось так сильно, что слышно было даже по углам комнаты. Так велико было нетерпение ее сообщить привезенную новость. «Я бы давно к вам приехала, Анна Григорьевна, но вы не можете себе представить...» Тут, еще не докончивши фразы, она хотела было разом перейти к делу, которое приехала рассказать, но на половине речи была перебита [совершенно] никак неожиданным восклицанием [Анны Григорьевны,] тоже почтенной дамы, давшим совершенно другое направление разговору.

Среди рукописей, относящихся к «Тарасу Бульбе», находится листок с другим наброском этого же отрывка (автограф): я слышу, что кто-то подъехал, говорила хозяйка <*нрзб.*>

«Какой веселенькой ситец!» воскликнула во всех отношениях приятная дама, глядя на платье просто приятной дамы.

«Но представьте же, Анна Григорьевна, что бы вы теперь сказали, если бы увидали матерчатое, которое мне привезла сестра. Вообразите полосочки узенькие, как только может представить себе воображение человеческое, фон голубой, и всё глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки... при свечах такое волшебство! Ну бесподобная, бесподобная! Можно сказать решительно, что ничего еще не было подобного на свете».

«И всё глазки да лапки?»

«Всё глазки да лапки; но так распремило, что сказать нельзя».

«Только это, мне кажется, уж чересчур пестро. Я по крайней мере, не могу себе представить здесь ничего хорошего».

Нужно заметить, что во всех отношениях приятная дама была отчасти материалистка, склонна к отрицанию и сомнению и отвергала весьма многое в жизни.

«Ах, нет, Анна Григорьевна, это просто нужно видеть... Да, поздравляю вас: оборок больше не носят».

«Как не носят?»

«На место их фестончики».

«Ну как же я рада...» Окончанье не было договорено, она [схватила] усадила приятную даму тот же час на диван в самый угол и запихнула ей за спину подушку, на которой был вышит рыцарь таким образом, как вышивается он на канве: нос лестницей, а губы четвероугольником.

Приятная дама, поблагодарив за доброту, уже было открыла рот, с тем чтобы [рассказать] скорее начать новость, с которой она приехала, как вдруг дама приятная во всех отношениях издала восклицание, которое вдруг дало другое направление разговора [и он некоторое времени]

Но мне кажется... это пестро.

Ах нет, [Ах, нет] совсем не пестро <*3 нрзб.*>, нет, право, как вы ни говорите.

Глазки и лапки. Глазки и лапки. Потом голубой фон через полосочки. Право пестро.

Не думаю я и не могу именно сказать, что бы это могло быть *(текст не закончен)*.

«Как фестончики?»

«Фестончики, всё фестончики, и сзади фестончики, и на рукавах фестончики, и вокруг плеч фестончики, и внизу фестончики, везде фестончики».

«Да это ж прескверно выйдет, если всё фестончики».

«Ах, вы не можете поверить, как [хорошо] мило: шьется в два рубчика и сверху нашивочка».

«Зачем же [здесь] нашивочка?»

«А нашивочка-то и составляет главное очарованье. Но вот, Анна Григорьевна, вот уж когда вы испустите длинный *ах*, уж точно испустите длинный *ах*. Какой бы вы думали теперь самый модный покрой, которого еще и в Петербурге не все носят? Вообразите: лифчики длиннее, чем у мужчин».

«Не может быть?»

«Длинные, длинные, и юбка[1] собирается так, как прежде

---

[1] *Вместо* «Какой веселенькой ∾ юбка»: «Какой веселенький ситец!» сказала тоже почтенная дама, глядя на платье просто почтенной дамы. «Да, не правда ли очень веселенькой», сказала почтенная дама. «Ах, если б вы видели кисейку, которую привезла мне сестра! Вообразите: полоски узенькие и через клеточку всё глазки и лапки, глазки и лапки, т. е., вы ничего себе представить не можете, Анна Григорьевна, при свечах это такое обворожение. Бесподобная, бесподобная! Уж, точно, можно сказать, что никогда еще не было ничего подобного на свете».

«Только я не понимаю, Софья Ивановна, может ли этот узор быть хорош, когда всё глазки и лапки». (Тоже почтенная чиновница, не мешает заметить, была решительный материалист и отвергала весьма многое в жизни).

«Да, Анна Григорьевна, всё глазки и лапки. И вообразите, вместо оборки всё фестончики, и сзади фестончики и на рукавах фестончики».

«Но только я не полагаю, чтобы шли фестончики к кисейному платью.

«Ах, вы просто поверить себе не можете, как это распремило. Деликатно необыкновенно. И там еще что-то такое, трю-шу или шушу, — уж право, наверное не могу сказать, но бесподобно, а потом маленькие нашивочки».

«Ну, уж в нашивочках, я признаюсь, ничего не вижу».

«Да, Анна Григорьевна, нашивочки. А талии, Анна Григорьевна, уж так низки, вообразить себе не можете».

«Как же талии низки!»

«Да, Анна Григорьевна, низки, низки, сзади

бывало фижмы; даже[1] немножко подкладывают вату, чтобы была совершенная бельфам».

«Ну, уж как вы себе хотите, но я никак не стану подражать этому».

«Я сама тоже. Право, трудно даже вообразить, до чего иногда доходит мода. Подчас такие глупости выдумывают... Я однако же выпросила у сестры выкройку, посмотрю для смеха, как выйдет;[2] Маланья моя принялась уже шить».

«Так у вас разве есть выкройка?» вскрикнула во всех отношениях приятная дама не без заметного движения.[3]

«Как же, сестра привезла».

«Душа моя, дайте ее мне, я попробую тоже для смеха, как оно выйдет».

«Только после Прасковьи Федоровны, потому что я уже ей обещала».

«Кто ж станет носить после Прасковьи Федоровны! Это уж со стороны вашей будет такое оскорбление... Вы сами знаете, в каком мы с вами отношении».[4]

«Да ведь она тоже мне двоюродная тетка».[5]

«Она вам тетка еще бог знает какая: с мужниной стороны.[6] Нет, уж, пожалуйста, Софья Ивановна, я и слушать не хочу».

Бедная приятная дама не знала совершенно, что ей

---

[1] фижмы и даже [2] Я сама тоже. Только для одного курьезу выпросила у сестры выкройку, посмотрю, право, как выйдет. *а. Начато:* Я сама тоже. Ужасно странно! Я однако ж [3] «вскрикнула ∾ движения» *вписано.* [4] *Вместо* «Душа моя ∾ отношении»:

«Ну, так вы, пожалуйста, уж дайте ее потом мне».

«С большим удовольствием, только я уже обещала Прасковье Федоровне, а после нее уж непременно вам».

«Нет, Софья Ивановна, что ж после Прасковьи Федоровны. Ведь мы с вами в родстве». *а.* «Дайте ее мне; пожалуйста, после. Я попробую себе тоже для смеха».

«С большим удовольствием, Анна Григорьевна, только я прежде обещала Прасковье Федоровне, и после нее непременно вам».

«Нет, Софья Ивановна, что же после Прасковьи Федоровны. Кто может носить после Прасковьи Федоровны. Мне ‹*1 нрзб.*› [5] она тоже почти что не двоюродная тетка. [6] Она вам с мужниной стороны родня, а ведь мы только что не родные сестры.

делать: [в самом деле] услужи одной, а что на это скажет другая.[1] Вот тебе и похвасталась. Она бы даже готова была исколоть иголками свой глупый язык.

«Ну, что наш прелестник?» сказала между тем дама приятная во всех отношениях.[2]

«Ах, боже мой! Что ж я так сижу перед вами! Вот хорошо! Ведь вы не знаете, [жизнь моя] Анна Григорьевна, с чем я приехала к вам», вскричала просто приятная дама вся в волненьи;[3] дыхание ее сперлось и слова как ястребы готовы были пуститься в погоню одно за другим, и только нужно было до такой степени быть безжалостною, как дама приятная во всех отношениях,[4] чтобы решиться остановить ее.

«Как вы ни выхваляйте и ни превозносите его», говорила она с довольно сильными движеньями головы и живостью,[5] «а я скажу прямо, и ему даже в глаза скажу это, что он человек негодный, мерзкий человек, не знающий ни обращения, ни приличия... гадкой человек».[6]

«Да послушайте только, что я открою...» говорила просто приятная дама, от нетерпения едва могшая сидеть на месте, хотя всякое волнение было для ней вредно: она была нервическая дама.

Но во всех отношениях приятная дама была просто бесчеловечна, она решилась даже и тут прервать[7] ее, продолжая с прежнею силой и негодованием: «Распустили слухи,

---

[1] Бедная почтенная дама пришла в такое затруднительное положение, что сама не знала как быть, услужи одной, обидится другая. [2] сказала тоже почтенная дама: «я думаю вы тоже...» [3] *Вместо* «Что ж я ∾ в волнении»: Я приехала именно с тем, чтобы вам рассказать», — вскрикнула вдруг почтенная чиновница, встревожившись необыкновенным образом [4] и только нужно было так быть безжалостною, как тоже почтенная чиновница [5] «его ∾ живостью» *вписано.* [6] «гадкой человек» *вписано.* [7] «Да послушайте, Анна Григорьевна, ведь, я с тем, чтобы вам открыть», говорила почтенная дама, от избытка нетерпения, пришедшая в то положение, которое называется неусидением на месте, что было для нее, впрочем, вредно, ибо она была совершенно нервическая дама.

Но тоже почтенная чиновница была безжалостна до бесчеловечья и решилась даже и тут прервать

что он хорош, а он на урода даже не похож. Бог знает, что такое:[1] толст, как шкаф, нос — картофель...»

«Позвольте же, позвольте же[2] только рассказать мне... Душенька, Анна Григорьевна, позвольте рассказать. Ведь это история, понимаете ли: история, сконапель истоар, говорила бедная приятная дама[3] с выражением почти отчаяния и совершенно умоляющим голосом. Не мешает заметить, что почти половина разговора между дамами происходила на французском языке. Но как ни исполнен автор благоговения к тем спасительным пользам, которые приносит французской язык России, как ни исполнен [тоже] благоговения к похвальному обычаю нашего высшего общества, изъясняющегося на нем во все часы дня, конечно, из глубокого чувства любви к отчизне, но при всем том никак не решается впустить фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму. Итак, станем продолжать по-русски.[4]

«Что ж за история?» наконец сказала тоже почтенная[5] дама.

«Ах, милая моя, ах жизнь моя. Если бы когда-либо воображение человеческое могло себе представить то положение, в котором я находилась, как я перетревожилась вся. Вот уж точно происшествие, которого нельзя пером опис‹ать›. Вообразите: протопопша, протопопша, отца Петра жена, приходит ко мне, и что б вы думали?[6] Наш-то смиренник, приезжий-то наш, каков, а?»

---

[1] *Вместо* «а он ∾ что такое»: а он просто даже урод [2] Позвольте, позвольте же [3] *Вместо* «Душенька ∾ приятная дама»: Ах, Анна Григорьевна, какие вы, вы увидите сами, какая история», говорила бедная почтенная дама [4] «Не мешает ∾ по-русски» *вписано.* [5] «тоже почтенная» *осталось неисправленным.* [6] «Что же это за история?» наконец сказала тоже почтенная дама.

«Ах, боже мой, Анна Григорьевна, если бы вы только знали, как я перетревожилась сегодня поутру. Уж вот, точно раскрытие, превосходящее всякое описание. Вообразите: протопопша, вот протопопша отца Гавриила жена, приходит ко мне поутру рано, почти что не запыхавшись, и сказывает, что б вы думали? *а.* «Ах, милая моя Анна Григорьевна. Ах, душа моя, ах, если бы вы только могли себе представить, что со мной было, как я перетревожилась вся. Вот уж точно происшествие, которого до сих пор еще, понимаете, перо не описывало.

«Как же, неужели он и протопопше строил куры?»

«Ах, Анна Григорьевна, пусть бы еще куры; это бы еще ничего; слушайте, что рассказала мне протопопша. Уж вот точно-то.[1] Приехала, говорит, к ней помещица Коробочка, перепуганная[2] и бледная, как смерть, и говорит, что вдруг, в глухую полночь, когда всё уже в доме спало, раздается в ворота стук. Ужаснейший, какой только можно себе вообразить... [стук... Каково вам это покажется] Кричат: «Отворите, не то будут выломаны ворота...» Каково вам это покажется? Каков же после этого прелестник?»

«Да что, Коробочка разве еще молода и хороша собою?»

«Ничуть не бывало, старуха».

«Ах, прелести. Так он за старуху принялся. Ну, хорош же после этого вкус наших дам, нашли в кого влюбиться».

«Да ведь нет, Анна Григорьевна, совсем не то, что вы полагаете. Вообразите себе только то, что является вооруженный с ног до головы, в роде Ринальд-Ринальдина, и требует: «Продайте», говорит, «все души, которые умерли». Коробочка отвечает очень резонно, говорит: «Я не могу продать, потому что они мертвые». «Нет», говорит, «они живые, живые... это мое», говорит, «дело, они живые...» Словом, скандальозу наделал ужасного... Вся деревня сбежалась, ребенки плачут, всё кричит, никто ничего не понимает... словом, фурор, фурор, фурор... Но вы себе представить не можете, как я перетревожилась, слыша всё это.[3] «Голубушка, барыня», говорит мне Машка:[4] «посмотрите в зеркало: вы бледны». «Не до зеркала, говорю я, мне: я должна непременно ехать рассказать Анне Григорьевне». Ту ж минуту приказываю заложить коляску. Кучер Андрюшка спрашивает меня: «куда, барыня, прикажете ехать». А я

---

[1] Ах, боже мой, душенька Анна Григорьевна, это бы еще ничего куры, слушайте только, что рассказала мне протопопша. [2] Коробочка, вся, говорит, перепуганная [3] *Вместо* «вдруг ∾ всё это»: приезжает к ней этот прелестник-то ночью, вообразите, в двенадцать часов с пистолетами в руках; скандальозу наделал ужасного, кричит, говорит, чтобы она продала ему мертвых душ, заставил подписать фальшивую бумагу и там еще такое произвел, что говорится, что и слов нет, чтобы описать... Я перетревожилась ужасно... [4] Параша

ничего не могу говорить, гляжу просто ему в глаза как дура. Я думаю, что он подумал, что я сумасшедшая. Ах, Анна Григорьевна, если б вы только знали, как я потревожилась».

«Это, однако ж, странно», сказала во всех отношениях приятная дама: «что бы такое могли значить эти мертвые души? Я, признаюсь, тут ровно ничего не понимаю. Вот уж ведь во второй раз я всё слышу про эти мертвые души... А муж мой еще говорит, что Ноздрев врет. Что-нибудь же верно есть».[1]

«Но представьте же, Анна Григорьевна, каково же мое положение, когда я услышала это. И теперь, говорит Коробочка, я не знаю, говорит, что делать мне. Заставил, говорит, меня подписать какую-то фальшивую бумагу, бросил пятнадцать рублей ассигнациями; я, говорит, беспомощная, неопытная вдова, я ничего не знаю...[2] Так вот какие происшествия. Но только если бы вы могли себе представить, как я вся потревожилась...»

«Но только, воля ваша, здесь не мертвые души, здесь непременно скрывается что-то другое».

«Я, признаюсь, почти тоже... [думала]» произнесла не без удивления, однако же, приятная дама и почувствовала [при этом] сильное любопытство узнать, что бы такое могло здесь скрываться. Она даже произнесла: «А что ж, вы полагаете, здесь [может быть] должно разуметься?»

«А что бы вы однако ж думали?» спросила в свою очередь во всех отношениях приятная дама.

«Я, право, Анна Григорьевна... Я не знаю... это превышает всякое воображение».

«Но я всё бы, однако ж, хотела знать, какого рода ваши мысли?»[3]

---

[1] *Вместо* «Это, однако ж ∾ верно есть»: Представьте, какая история. Опять эти мертвые души, а муж мой говорит, что Ноздрев врет; *а.* Представьте! Вот какие... Ведь вот говорят, Ноздрев врет, и муж мой толкует, что глупые выдумки. Ведь вот опять мертвые души! [2] что делать мне; он дал мне пятнадцать рублей ассигнациями; может быть здесь обман какой; я вдова беспомощная [3] *Вместо* «Но только ∾ мысли»:

Но почтенная чиновница ничего не умела на это сказать. Она[1] умела только тревожиться в подобных случаях, но чтобы составить какое-нибудь сметливое предположение, для этого никак ее не ставало и от того[2] более, нежели всякая другая, она имела потребность в нежной дружбе и советах.[3]

«Ну, слушайте же, что такое эти мертвые души», сказала[4] Услыхавши эти слова, приятная дама вся обратилась, как говорится, в слух: ушки ее сами собою вытянулись и навострились, она приподнялась на своем диване и, несмотря на то, что была отчасти тяжеловата, обратилась[5] в легкий пух, который так вот и полетит сию минуту от дуновенья. Она чувствовала всеми жилками своими, что ‹сей?› час услышит что-то очень необыкновенное. Так охотник, подъезжая к лесу, из которого, знает, сию минуту выбежит заяц, обращается весь с своим конем и поднятым арапником в один застывший ‹миг›, в порох, к которому вот-вот поднесут огонь. Недвижен стоит он один ‹среди?› блистающей снежной равнины, сливающейся с горизонтом, а зимний суровый и упругий, как девичьи перси, холод дразнит и колет его молодую кровь, а ветер, поднявшись из лесу, метет ему вихри снежного пуха в усы, в очи, в брови и в бобровую его шапку.

«Мертвые души», произнесла ‹во› в‹сех› о‹тношениях› приятная дама: «есть больше ничего, как выдумка для прикрытия, а настоящее дело вот в чем: он хочет увезти губернаторскую дочку».

«Только что же, вы полагаете, значат эти мертвые души? Я полагаю, что здесь кроется что-нибудь другое».

«Я признаюсь, почти сама тоже думала».

«А что бы вы, однако ж, думали?»

«Я не знаю. Это так право...»

«Однако ж, как по вашему?»

а. Начато: «Гм! Мертвые души! произнесла между тем почтенная чиновница. «Это не мертвые души, здесь есть кое-что другое

[1] ничего не умела отвечать, ибо она [2] для этого никак не ставало ее и от того-то [3] потребность нежной дружбы и советов. [4] *Фраза не закончена.* [5] *Над строкой написано:* показалась

Это заключение, точно, было никак неожиданно и уж совершенно необыкновенно. Просто приятная дама,[1] услышав это, так и окаменела на месте. Побледнела, побледнела, как смерть, и точно, перетревожилась во всех отношениях. «Вот уж точно чрезвычайное раскрытие», вскрикнула она, всплеснув руками: «уж этого я бы никак не могла предполагать».

«А я, признаюсь, как только вы открыли рот, уже смекнула, в чем дело».

«Ах, боже мой, как же это, право, странно...»[2]

«Но каково же после этого институтское воспитание, Анна Григорьевна. Ведь вот невинность».

«Какая невинность! Я слышала собственными ушами, как она говорила такие речи, что, признаюсь, у меня не станет духа произнести их».

«А мужчины от нее без ума. А она, признаюсь, по мне...»

«Манерна нестерпимо».

«Ах, Анна Григорьевна, что вы говорите: она как статуя, и никакого выражения».

«Ах, как манерна! Боже, как манерна! У, как манерна! Кто выучил ее таким манерствам, я не знаю. Но до сих пор я не видела женщины, в которой было бы столько жеманства».

«Но я могу вас уверить, Анна Григорьевна, что она [как] статуя и бледна, как смерть».

«Не говорите, даже не бледна, а румянится безбожно».

«Уж этого-то нельзя никак сказать, чтобы она румяни-

---

[1] *Вместо* «Ну, слушайте же ∾ Просто приятная дама»:

«Поверьте мне, Софья Ивановна», произнесла тоже почтенная дама, почти в полголоса и с видом необыкновенной таинственности: «что мертвые души и Коробочка, это всё нарочно, только для прикрытия, а настоящее его намерение: он хочет увезти губернаторскую дочку и перевенчаться с нею в первой церкви».

Это никаким образом неожиданное заключение, сделанное тоже почтенною дамою, было, точно, уж и нельзя сказать как необыкновенно.

Почтенная дама

[2] «А я, Софья Ивановна, всегда это предполагала».

лась. Ах, Анна Григорьевна, помилуйте, это мел; мел, мел, чистейший мел».[1]

[2] «Ах, румянится [вы не можете себе представить] нестерпимо румянится. Я сидела возле нее: румянец в палец толщиной так и отваливается кусками, как щекатурка. Мать выучила; сама кокетка, а дочка кажется еще превзойдет матушку».

«Душенька Анна Григорьевна, жизнь моя Анна Григорьевна, она бледна. Клянусь вам всем, что только есть священного в сем мире, какую угодно выдумайте клятву, я готова сию же минуту лишить детей имения и всего, что хотите, если уж есть хоть капля, хоть частица, хоть песчинка какого-нибудь румянца».

«Милая, вы в заблуждении;[3] я это слишком хорошо знаю, потому что видела собственными глазами».

«Ах, боже мой, Анна Григорьевна, как мне, право, вам еще сказать».[4]

Читателю покажется, может быть, отчасти странным, что две дамы так были несогласны между собою в том, что видели обе в одно время. Может быть, он даже подумает, что они нарочно так говорили из охоты поспорить или просто из упрямства, но нужно защитить дам. Нет, они говорили потому, что каждая была уверена в справедливости своих слов, а это уж так бывает иногда в природе, что иной раз дама глядит на вещь так, что она выходит действительно[5] белая, как снег, а другая дама на ту же

---

[1] *Вместо* «Ах, Анна Григорьевна ∾ мел»: *а.* Право мне странно слышать от вас подобные слова. Это нужно видеть только, нужно взглянуть только: это мел, мел, мел, чистейший мел. [2] *На полях начато:* Не спорьте, моя [3] *Вместо* «Милая, вы в заблуждении»: *а.* Вы напрасно спорите, Софья Ивановна [4] *Вместо* «Ах, боже мой ∾ сказать»: *а.* Анна Григорьевна, я видела тоже собственными глазами. [5] *Вместо* «Ах, Анна Григорьевна, что вы говорите ∾ действительно»:

«Напротив, Анна Григорьевна, напротив...»

«Вся вертится как юла».

«Напротив, Анна Григорьевна, она совершенная статуя, и в лице никакого выражения».

«Юла, юла; всё жеманство, в каждом пальчике жеманство».

«Статуя, Анна Григорьевна».

вещь, но взглянет с такой стороны, что она становится совершенно красная, красная, красная, как брусника, и видишь потом, что обе правы.[1]

«Как же не бледная,[2] когда я стою возле Манилова и еще говорю ему: «Посмотрите, как бледна. Это нужно быть просто так бестолковыми, как наши мужчины,[3] а наш прелестник-то... Ах, как он мне показался тогда противным. Вы не можете себе представить, Анна Григорьевна, до какой степени он мне показался противным».[4]

«Однако ж, Софья Ивановна, признайтесь, вы были немножко неравнодушны к нему».[5]

«Я, Анна Григорьевна! Вот уж никогда вы не можете сказать этого. Никогда, никогда».

«Юла, юла; всё вертится и румянится к тому же .

«Ах, Анна Григорьевна, помилуйте, напротив, она бледна совершенно .

«Румянится, я сидела возле нее — румянец в палец, так что отваливается как штукатурка, и ей же совсем не шестнадцать лет, а целых девятнадцать; мать скрывает, чтобы только молодиться».

«Но, Анна Григорьевна, позвольте вам сказать, что она бледна».

Может быть, читатель несколько изумится, чтобы две дамы, видевшие одну и ту же вещь, были так несогласны между собою и говорили одна одно, другая другое. Но это действительно так бывает, и дамы совершенно правы. Случается, что одна дама, точно, смотрит на вещь и вещь это действительно

На полях вписаны и затем зачеркнуты две вставки:

I. «Мне странно даже, право, слышать, что вы так говорите. Уж насчет румянца-то я готова как вам угодно спорить».

«Вы можете себе спорить как хотите, но что она красна, красна совершенно, так это я вот также хорошо знаю, как то, что вы сидите передо мною».

II. Может быть он подумал, что они нарочно [для того только, чтобы поспорить] так говорили только из охоты поспорить или из упрямства. Но автор должен в этом случае защитить дам. Дамы говорили так потому, что действительно были уверены каждая в справедливости слов. А что это уж такой феномен и действительно случается в свете

[1] а другая смотрит на ту же самую вещь таким образом, что она ∾ брусника. А потом и сам видишь, что точно так. [2] Как же она не бледная [3] «Это нужно ∾ мужчины» *вписано.* [4] «А наш прелестник-то всё около ней, т. е. я не могу вам сказать, как он мне показался противным, и ведь нашлись же наши дамы...» [5] признайтесь, что и вы были немножко неравнодушны.

«Полно, Софья Ивановна, немножко было».

«Никогда, никогда, Анна Григорьевна. Позвольте мне вам заметить, что я очень хорошо себя знаю, а вот с вашей стороны может быть что-нибудь там было».

«Уж извините, Софья Ивановна. Уж позвольте мне вам сказать, что за мной подобных скандальозностей никогда не водится. За кем другим разве, а уж за мной нет. Уж позвольте мне вам это заметить».

«Однако ж, Анна Григорьевна, ведь вы первая захватили стул у дверей».

Ну, уж после таких слов, произнесенных просто приятной дамой, должно было неминуемо последовать что-то в роде бури, но, ‹к› величайшему изумлению, обе дамы вдруг приутихли, и совершенно ничего не последовало. Во всех отношениях приятная дама[1] вспомнила, что выкройка для модного платья еще не находится в ее руках, а просто приятная дама смекнула,[2] что она еще не успела выведать никаких подробностей этого чрезвычайного[3] открытия или, по ее словам, раскрытия, сделанного во всех отношениях приятною дамою,[4] и потому мир последовал очень скоро. Впрочем, обе дамы,[5] нельзя сказать, чтобы имели в своей натуре потребность[6] наносить неприятность, и, вообще в характерах их ничего не было злого, а так, в разговоре, нечувствительно[7] вдруг само собою, родится маленькое желание кольнуть друг друга; просто,[8] одна другой, из небольшого наслаждения, при случае ввернет что-нибудь, проговоря внутренно: «Так вот же, мол, тебе,[9] вот тебе! на, съешь!» Да, разного рода бывают потребности в сердцах как мужского, так и женского пола.

---

[1] после этих слов, произнесенных почтенной чиновницей, неминуемо должна была, как читатель сам может предположить, последовать не малая буря, но, к величайшему изумлению, и решительно неожиданному, обе дамы остановились и приутихли. Тоже почтенная чиновница [2] а почтенная чиновница смекнула с своей стороны тоже [3] выведать всех совершенно подробностей этого действительно чрезвычайного [4] сделанного тоже почтенною чиновницею [5] обе почтенные дамы [6] какую-нибудь потребность [7] а так нечувствительно в разговоре [8] так просто [9] *Вместо* «при случае ∾ тебе»: «Вот тебе, мол, на!»

«Я, однако же, не могу [в этом деле] здесь понять только того», сказала просто приятная дама:[1] «что как Чичиков, будучи человек заезжий и мог решиться[2] на такой отважный пассаж. Верно,[3] в этом деле нашлись такие, которые взялись помогать».

«Как не найтиться. Эдакие молодцы найдутся всегда», сказала тоже почтенная дама[4].

«А кто же бы, например, по вашему мнению?»

«Да хоть бы и Ноздрев».

«Неужели Ноздрев?»

«А что ж, ведь его на это станет. Вы знаете, какой он сорви-голова».

«Ах, боже мой, какие я интересные новости узнаю от вас. Я бы никак, признаюсь, не могла предполагать, чтобы и Ноздрев был замешан в эту историю».

«А я всегда предполагала».

«Ах, боже мой! Вот уж, точно, никак непредвиденное... Но скажите, однако ж, по совести, Анна Григорьевна, ну можно ли было, например, предполагать всё это прежде, когда, помните, Чичиков только что приехал в наш город, можно ли было предполагать, что в какую скандальозную историю...[5] Ах, Анна Григорьевна, если б вы знали, какое это действие произвело на меня. Клянусь вам, я никогда еще в жизни не была так потревожена. Если б вот не ваша благосклонность и дружба, я бы, признаюсь, я просто не знаю, что бы со мной было. Куды ж? Машка видит, что я бледна, как смерть: «Душечка барыня», говорит мне: «вы бледны, как мел». «Душа моя, Машка, не до того мне теперь». Так вот какой случай. Уж вот, точно, раскрытие, превосходящее всякое описание. Это точно, уж можно сказать, что никаким пером не[6]

---

[1] *Вместо* «Я однако же ∾ дама»: «Как же это», промолвила почтенная чиновница: «я не могу только понять в этом деле [2] да мог бы решиться [3] Ведь ему верно [4] *Ошибочно осталось неисправленным.* [5] *Вместо* «Вот уж ∾ историю»: Право, уж вот, точно, можно сказать, непредвиденное раскрытие. Кто бы мог подумать, чтобы Чичиков и в эдакой скандальозной истории... [6] «Это точно ∾ пером не» *вписано. Фраза в рукописи осталась неоконченной.*

Приятной даме хотелось выведать дальнейшие[1] подробности насчет похищения, т. е. в котором часу и пр., но многого захотела. Во всех отношениях приятная дама прямо отозвалась незнанием. Надобно сказать правду, она не умела лгать. Предположить что-нибудь — это другое дело,[2] но и то в таком случае, когда это предположение основывалось на внутреннем убеждении. Если ж она почувствовала в чем-либо внутреннее убеждение, тогда, точно,[3] умела постоять за себя, и пускай бы какой-нибудь дока-адвокат,[4] владеющий даром побеждать чужие мнения, попробовал победить здесь,[5] увидел бы он, что значит внутреннее убеждение.

Что обе дамы решительно убедились в том, что прежде только предположили себе, как предположение — в этом ничего нет необыкновенного: наша братья народ умный, как мы называем себя неизвестно[6] по какой причине, поступает иногда почти так, а доказательством наши ученые рассуждения: сначала ученый подъезжает в них необыкновенным подлецом, начинает робко, умеренно самым[7] смиренным запросом: «Не оттуда ли, не из того ли угла получила имя такая-то страна?» или «Не принадлежит ли этот документ к другому времени, позднейшему?» или «Не нужно ли под этим народом разуметь вот какой народ?» Цитует немедленно[8] тех и других древних писателей, и чуть только видит какой-нибудь намек или просто показалось ему намеком, уж он получает рысь и бодрится, разговаривает[9] с древними писателями запросто, задает им вопросы, и сам

---

[1] *Вместо* «Приятной ~ дальнейшие»: Почтенной чиновнице хотелось бы очень выведать все дальнейшие [2] в котором часу и пр. К величайшему сожалению ее, тоже почтенная дама отозвалась незнанием. Нужно сказать, что она вовсе не умела лгать. Прибавить кое-что, предположить — это другое дело, и если в чем было у ней внутреннее убеждение [3] А если она уже почувствовала внутреннее убеждение, тогда уж, точно, [4] и желательно бы, чтобы нашелся какой-нибудь дока-адвокат [5] *Вместо* «попробовал победить здесь»: и пускай бы он попробовал устоять хоть напр. против тоже в своем роде почтенной дамы [6] как мы любим называть себя, совершенно неизвестно [7] ученый подъезжает необыкновенным подлецом, робко, тихо, умеренно начинает [8] Цитует ту ж минуту [9] получает рысь, бодрится и входит в сильный форс и разговаривает

даже отвечает за них и позабывает[1] вовсе о том, что начал робким предположением; ему уже кажется, что он это видит, что это ясно и рассуждение заключено словами: «Так это вот как было, так вот какой народ нужно разуметь под этим, так вот с какой точки нужно смотреть на этот предмет». Конечно, при этом и прихвастнуть: мы-де первые набрели на это. Потом во всеуслышание с кафедры — и новооткрытая истина пошла гулять по свету, образуя последователей и поклонников.[2]

В то время,[3] когда обе дамы так удачно и остроумно решили отчасти запутанное[4] обстоятельство, вошел в гостиную прокурор, с вечно неподвижною своей физиономией, густыми бровями и мелькающим глазом. Дамы наперерыв[5] принялись сообщать ему все события, рассказали[6] о покупке мертвых душ, о намерении увезти губернаторскую дочку и сбили его совершенно с толку, так что, сколько ни продолжал он стоять на одном и том же месте и мигать[7] левым глазом, но ничего решительно не мог понять. Так на том и оставили его обе дамы и отправились, каждая в свою сторону, бунтовать город. Это предприятие им удалось произвести с небольшим в полчаса. Город был решительно взбунтован; всё пришло в брожение, и хоть бы что-нибудь мог кто-либо понять.[8] Дамы умели напустить такого туману в глаза всем, что все, и особенно чиновники, несколько минут оставались как ошеломленные, и положение их очень похоже было на положение школьника, которому сонному товарищи, вставшие поранее [утром], поднесли к носу целую горсть табаку. Потянувши ее в просонках всю к себе, со всем усердием спящего, он пробуждается, вскакивает, глядит, как дурак, выпучив глаза во все стороны, и не может понять никак, что это с ним было, и потом уже различает озарен-

---

[1] отвечает за них; наконец, позабывает [2] *Вместо* «Конечно ... поклонников»: Дело, конечно, не станет за тем, чтобы и прихвастнуть по нашему обычаю: мы-де первые набрели на это, а иногда чего доброго и крикнет во всеуслышание с кафедры, мигом сформируется толпа последователей — и новооткрытая истина пошла гулять по свету. [3] В это время [4] решили немножко запутанное [5] Дамы естественно наперерыв [6] рассказали ему [7] и мигать еще сильнее [8] *а.* и никто ничего не мог понять.

ные косвенным лучом солнца стены, смех товарищей, скрывшихся по углам, и глядящее в окно наступающее утро, с проснувшимся лесом, звучащим тысячами птичьих голосов, с освещенною речкой, зовущей на купанье, где, как в зеркале, тонко отразились обступившие ее тростники, и нагие ребятишки, с криком плеща руками по звонкой воде, пугают заснувших на дне ее карасей. И потом уже он, наконец, чувствует, что в носу у него сидит табак. Таково совершенно в первую минуту было положение[1] обитателей и чиновников города.[2] Мертвые души, губернаторская дочка и Чичиков, всё сбилось и перемешалось в головах их необыкновенно странно, и потом уже, после первого одуренья, они стали несколько различать порознь каждое из них, требовать отчета и сердиться, видя, что дело никак не хочет объясниться. «Что это в самом деле; что ж это толкуют нам, что за притча такая эти мертвые души, что же значит, чорт побери их, эти мертвые, почему же, [на что эти мертвые души] для чего, зачем же опять во второй раз кричат все: мертвые души. Почему же такие непонятные для ума человеческого выдумывать вещи?[3] Как же можно покупать мертвые души, [и] на какой конец могут послужить эти мертвые души, [и] статочное ли дело, чтобы нашелся кто-нибудь тратить деньги на мертвые души, когда и живых теперь не всякой купит. Да и к чему ж тут, с какого боку-припеку приплелась губернаторская дочка, зачем, для каких нужд и зачем же, решась покупать мертв‹ых?›, увозить губернаторскую дочку? Если же он хотел, точно, увезти губернаторскую дочку, то какая же надобность [была] торговать и приобретать мертвые души? Неужели он не мог увезти ее без мертвых душ? И какую помощь могли доставить ему мертвые души? Хотел ли он подарить ей, что ли, эти мертвые души?

---

[1] *Далее начато:* главных чиновников города, всё сбилось, перемешалось в го‹роде› [2] *Вместо* «всё пришло ∾ города»: всё пришло в беспокойное и тревожное состояние, а между тем никто не мог ничего понять. [3] *Вместо* «всё сбилось ∾ вещи»: сначала перемешались между собою необыкновенно странно, потом уже стали отделять и разбирать порознь каждое; и почему это всё, и что такое значит мертвые души, и почему во второй раз опять мертвые души?

И что же, в самом деле, какая же связь может быть между губернаторской дочкой и мертвыми душами? И не очевидный ли это вздор, нелепость, недостойная просвещения [и образованности] мерзость, гнусность, подлость, гадость?[1] Как же можно выдумывать и распускать это? Но почему ж однако ж распущено, почему распущено,[2] стало быть, была же какая-нибудь причина, стало быть, есть же что-нибудь, что-нибудь, видно, скрывается под этим. Что ж такое скрывается, что ж может скрываться, для чего же, почему, из каких причин скрывается, чорт побери?[3] Словом, это *повело толки, толки, и весь город заговорил*[4] *про* мертвые души и губернаторскую дочку, про Чичикова и мертвые души, про губернаторскую дочку и Чичикова. В другое время, при других обстоятельствах подобные слухи, может быть, не обратили бы внимания и никогда бы не сделались бы предметом долгих и общих разговоров. Но нужно войти в положение, в котором тогда находился город. В городе N уже в продолжение трех месяцев[5] не происходило ничего такого, что называют в столицах комеражами, а это, как известно, для города то же, что своевременный подвоз съестных припасов, без которого никакой город, ни губернский, ни столичный не может жить,[6] и вдруг после такого продолжительного поста, да на голодные зубы, ниспошли

---

[1] тратить деньги на мертвые души, и зачем же, увозя губернаторскую дочку, торговать мертвые души, и если уже точно, то зачем же, покупая мертвые души, увозить губернаторскую дочку, и неужели ей в подарок он хотел предложить мертвые души, и не очевидный ли это вздор и самая нелепая выдумка эти мертвые души? [2] *Вместо* «но почему ∾ распущено»: и отчего же, однако ж, выдумано и распущено [3] *Вместо* «Что ж такое ∾ чорт побери»: стало быть не даром... [4] город только заговорил [5] *Вместо* «про Чичикова ∾ месяцев»: Чичикова и мертвые души. Конечно, в другое время, при других обстоятельствах подобные слухи *не обратили бы никакого внимания, их бы назвали вздором и нелепицей*, и никогда бы не сделались предметом слишком долгого разговора, но, действительно, дела и ход вещей был именно такого рода, и читатель никак не должен винить счастливых обитателей страны, нами описываемой, не рассмотревши прежде, как говорится, сущности дела.

В самом деле нужно войти сурьезно в положение города. Действительно, в городе N в продолжение трех месяцев слишком [6] а это как известно то же самое для города, что хлеб, без которого нельзя жить

бог так жирно разговеться! [Дурак разве только] Кто же не бросится на такую еду.[1] Всеобщая толковня разделилась на два мнения, и это образовало две сильные партии:[2] мужская, на которую преимущественно подействовали мертвые души, но в которой не было никакого порядка и никто не мог добраться настоящего толку. Женская, которая занялась исключительно похищением губернаторской дочки. Здесь, к чести дам нужно сказать, было несравненно более порядка и осмотрительности. Так уже, видно, самое назначение их быть хорошими хозяйками и распорядительницами. Всё у них весьма скоро представилось в самом ясном виде, облеклось[3] в пластические и очевидные формы, всё объяснилось, очистилось и, словом, вышла [как следует] просто картинка:[4] что Чичиков давно уже был влюблен и виделись они в саду при лунном свете, что губернатор давно бы отдал за него дочку, потому что Чичиков богат, как жид, если бы не причиною этого была жена его, которую он бросил (уж откуда они узнали, что Чичиков женат — известно богу), и что жена, которая страдает от безнадежной любви, написала письмо к губернатору самое трогательное, и что Чичиков, видя, что отец и мать никогда не согласятся, решился на похищение. В других домах рассказывалось это несколько иначе: что Чичиков, как человек тонкий и действующий наверняка, предпринял с тем, чтобы получить руку дочери, начать дело с матерью и имел с нею сердечную тайную связь, и что потом сделал декларацию на счет руки дочери; но мать, испугавшись, чтобы не совершилось преступление, противное религии, и чувствуя в душе угрызение совести, отказала наотрез, и что вот почему Чичиков решился на похищение. Ко всему этому присоединялись многие другие объяснения и поправки по мере того, как слухи проникали, наконец, в самые глухие переулки. И так как у нас на Руси общества

---

[1] да на голодные зубы такая жирная масляница! Конечно, кто не бросится с открытою пастью. *а.* да на голодные зубы ниспошли бог такую масляницу. Дурак разве только не бросится на это с заостренными зубами. [2] и каждое из них образовало свою сильную партию [3] Всё у них облекалось [4] объяснилось, очистилось и предстало в самых ярких слепках:

низших особенно любят поговорить о сплетнях, бывающих в обществах высших, то очень ясно, что явились такие прибавления, которых совсем не думали те, которые распустили прежде.[1] Сюжет, как читатель видит, становился чрезвычайно занимателен, принимал мало-помалу совершенно окончательные формы и, наконец, так, как он есть, т. е. во всей своей окончательности, доставлен был в собственные уши губернаторши. Губернаторша, как мать семейства, как первая в городе дама и, наконец, как дама, никогда не подозревавшая ничего подобного, была, как всякий может представить себе, очень оскорблена подобными историями и ощутила в себе негодование, во всех отношениях справедливое. Бедная блондинка выдержала самый неприятнейший tête-à-tête, какой только когда-либо случалось иметь шестнадцатилетней девушке. Полились целые потоки расспросов, допросов, выговоров, угроз, упреков, увещаний, так что бедная девушка бросилась в слезы, рыдала и не могла понять ни одного слова. Швейцару дан был строжайший приказ не принимать ни в какое время и ни под каким видом Чичикова.[2]

Сделавши свое дело относительно губернаторши, дамы употребили всевозможные усилия, чтобы склонить на свою сторону мужскую партию, утверждая, что мертвые души[3] решительная выдумка и употреблена только для того, чтобы отвлечь всякое подозрение и успешнее совершить похищение. Чтобы представить это осязательней и очевидней, они

---

[1] «И так как ∾ прежде» *вписано на полях.* [2] *На отдельном листе, вшитом в рукопись, набросок:* Губернаторша, как мать семейства, как первая в городе дама и, наконец, как дама, никогда не подозревавшая ничего подобного, [была] [весьма естественно выведена] была, как можно себе легко представить, [оскорблена] очень оскорбилась подобными *<3 нрзб.>* больше и ощутила в себе негодование, во всех отношениях справедливое. Бедная блондинка [бы] выдержала самый неприятнейший tête-à-tête, какой только когда-либо случалось иметь шестнадцатилетней девушке. Полились целые потоки расспросов, допросов, выговоров, [увещаний,] угроз, упреков, увещаний. Так что бедная девушка рыдала и решительно не могла понять ни одного слова, к чему и зачем это. Швейцару дан был строжайший приказ не принимать ни под каким видом Чичикова ни в какое время. [3] *Вместо* «Сделавши ∾ души»: Партия дамская утверждала, что мертвые души

употребили какие-то особенные средства, им одним известные, против которых многие мужья никак не могли устоять, и пристали к их партии, несмотря на то, что подвергнулись сильным нареканиям со стороны своих же товарищей, обругавших их бабами и назвавших юбками, название, как известно, очень обидное для мужского пола.[1]

В толковне мужской партии, которая, однако ж, была не многочисленна, ибо немного нашлось мужей, которые могли устоять против убеждений и разных средств, употребленных их супругами, в толковне мужской партии не было заметно той окончательности, стройности и отчетливости, как у дам; напротив, всё у них было в каком-то тумане и самых неопределенных формах. Похищение губернаторской дочери они называли явной выдумкой, вымышленной только для прикрытия какого-нибудь дела важнейшего; утверждали, что невозможно, чтобы Чичиков отважился на такое рискованное дело, неприличное ни чину, ни званию, дело более военное, нежели штатское. Что именно мертвые души хоть совершенная глупость и недостойная просвещения, но именно это должно обратить внимание.[2] Нужно знать, что в это время все обитатели города, и в особенности те, которые находились на службе и занимали почетные места, находились в каком-то чутком и нервическом состоянии. В их губернию

---

[1] *Вместо* «и успешнее ∾ пола»: дабы успешнее совершить свое похищение. Дамы стали наступать очень решительно на мужей своих и, чтобы представить это осязательней и очевидней, употребили какие-то средства, им одним известные, так что некоторые мужья пристали тоже к их партии. Какие это средства, автор, сколько ни старался, никак не мог узнать, и убедился только в том, в чем давно уже убежден почти весь свет, т. е. что эта сторона человеческого рода — совершенная задача. И ему случалось видеть не мало мужчин очень не глупых и даже весьма бойких насчет проницательности и осмотрительности, но которые, однако ж, в этом случае пожимали только плечами и на лицах их выказывалось самое глупейшее выражение, какое когда-либо было видимо на человеческом лице. [2] *Вместо* «утверждали ∾ внимание»: что невозможно, чтобы Чичиков, будучи так осмотрителен и приобревши такую наружность и солидность, свойственную средним летам, отважился бы на такое рискованное дело, что это неприлично ни чину его, ни званию, и вообще дело вовсе не штатское.

назначен был новый генерал-губернатор, событие, как известно, приводящее губернию несколько в тревожное состояние. Совершенная неизвестность, каков-то будет новый начальник, будет ли он благонамерен к гг. чиновникам, и как он примет и каким образом возьмется — словом, редко кто в это время бывает совершенно покоен. И потому эти слухи,[1] уже единственно потому только, что просто слухи, многих потревожили при мысли, что скажет новый генерал-губернатор, что в городе их носятся вот-де какие глупые слухи.[2] Инспектор врачебной управы, неизвестно отчего, вдруг побледнел; ему представилось бог знает что, что под словом: мертвые души не разумеются ли больные, умершие в значительном количестве в лазаретах и других местах от повальной горячки, против которой не было взято надлежащих мер, и что Чичиков не есть ли нарочно подосланный чиновник из канцелярии генерал-губернатора для произведения тайного следствия. Он сообщил об этом председателю. Председатель отвечал, что это вздор и не может быть, но побледнел тоже при мысли, которая пришла внезапно сама собою в голову и выразилась таким вопросом:[3] «Ну, что, если души, купленные Чичиковым, в самом деле мертвые, а он допустил совершить на них крепость, и дойдет это до сведения генерал-губернатора, что тогда?» Председатель крепко задумался. Слово мертвые души так раздалось неясно и неопределенно, что некоторые из занимавших правительственные места тоже задумались, подозревая, что нет ли здесь какого намека на скоропостижно погибшие и несколько поспешно погребенные найденные тела вследствие двух не так давно случившихся событий. Первое событие было с какими-то сольвычегодскими что-ли купцами,[4] приехавшими в город на

---

[1] И потому одни эти слухи [2] *Вместо* «что просто ∾ слухи»: что слухи, должны были многих встревожить при одной мысли, что как покажется новому начальнику, что у них-де вот что в городе, вот какие слухи. [3] *а.* побледнел тоже при мысли, которая пришла ему совершенно внезапно и мысль эта была такого рода: [4] *Вместо* «что под словом ∾ купцами»: что Чичиков должен быть чиновник канцелярии генерал-губернатора, присланный для подробного разведывания, от каких случаев умерло в лазаретах и городских больницах столько лю-

ярманку и задавшими после торгов пирушку приятелям своим устьсысольским купцам, пирушку на русскую ногу, с немецкими затеями: аршадами,[1] разными пуншами, бальзамом и пр., на которой пирушке, от удовольствия ли сердечного, или просто спьяна, уходили на смерть приятелей своих, устьсысольских купцов, хотя сии[2] последние с своей стороны были также[3] мужики дюжие и были одарены такими объемистыми кулаками,[4] что устьсысольские приятели долго носили синяки на боках[5] и спинах. В деле своем купцы, впрочем, повинились, изъясняясь, что немного пошалили. Носились слухи, что будто бы при повинной голове они приложили каждый по пяти государственных; впрочем, дело слишком темное. Из учиненных следствий и выправок оказалось, что устьсысольские ребята умерли от угара, а потому так их и похоронили, как угоревших.[6] Другое происшествие, недавно случившееся, было следующее: казенные крестьяне сельца Вшивая-Спесь, соединившись с таковыми же крестьянами сельца Задирайлова тож, уконтропошили будто земскую полицию в лице заседателя какого-то Дробяжкина, что будто земская полиция, т. е. заседатель Дробяжкин, повадился уж чересчур часто ездить в их деревню, что в иных случаях стоит повальной горячки, а причина-де та, что земская полиция имел кое-какие слабости со стороны сердечной и поглядывал будто бы очень пристально на их баб и деревенских девок, наверное, впрочем, неизвестно, хотя в показаниях крестьяне выразились прямо, что земская полиция был-де

дей, и почему не были приняты надлежащие меры против оказавшейся в прошлом году повальной горячки. Он сообщил это председателю. Председатель отвечал, что это вздор и не может быть, но побледнел тоже, вспомнив, что ведь он сам помогал в совершении: в его присутствии была совершена крепость на души, может быть, мертвые, и что́ если это дойдет до генерал-губернатора. Слово мертвые души так было неясно, что правительствующие особы стали опасаться, чтобы не дошли как-нибудь до сведения два кое-какие небольшие происшествия. Первое с сольвычегодскими купцами,

[1] пирушку с аршадами [2] несмотря на то, что сии [3] были тоже [4] мужики дюжие и имели такие объемистые кулаки [5] на своих боках [6] оказалось, что умерли от угара, а потому похоронены, как угоревшие

блудлив, как кошка и что уже не раз они его оберегали и один раз даже выгнали нагишем из какой-то избы, куды он забрался.[1] Конечно, земская полиция достоин был наказания за сердечные слабости,[2] но мужиков как Вшивой-Спеси, так и Задирайлова тож нельзя было тоже оправдать за самоуправство,[3] если только они действительно участвовали в убиении. Но дело было темно. Земскую полицию нашли на дороге, мундир или сертук на земской полиции был хуже тряпки, а уж физиогномии и распознать нельзя. Дело ходило по судам и поступило, наконец, в палату, где было рассужено в таком смысле: так как неизвестно, кто из крестьян именно участвовал, а всех их много, Дробяжкин же человек мертвый, стало быть, ему немного было в том проку, если бы он и в самом деле выиграл это дело, а мужики были еще живы, стало быть, для них весьма важно решение в их пользу, то вследствие того решено было так, что заседатель Дробяжкин был сам причиною, оказывая несправедливые притеснения мужикам сельца Вшивой-Спеси и Задирайлова тож, а умер-де он, возвращаясь в санях, от апоплексического удара. Оно, конечно, и просто, и очевидно; однако ж, неизвестно почему, чиновники начали думать, что не эти ли мертвые души разумеются в оных обоих происшествиях. Случись же так, что, как нарочно, в то время, когда гг. чиновники и без того находились в затруднительном положении, пришли к губернатору разом две бумаги. В одной из них содержалось, что, по дошедшим показаниям и донесениям, находится в их губернии делатель фальшивых ассигнаций, скрывающийся под разными именами, и чтобы немедленно было учинено строжайшее разыскание. Другая бумага содержала в себе отношение губернатора соседственной губернии о убежавшем от законного преследования разбойнике, и что, буде окажется в их губернии какой подозрительный человек, не предъявивший никаких свидетельств и пашпор-

---

[1] слабости со стороны сердечной и подбирался, может быть, к женам и дочерям их, — наверное неизвестно, хотя в показаниях крестьян выражалось, что земская полиция был блудлив, как кошка. [2] за свои слабости [3] но мужики как Вшивой-Спеси, так и Задирайлова тож достойны были также наказания за самоуправство

тов, то задержать его. Эти две бумаги сбили с последнего толка гг. чиновников. Конечно, они не могли даже и подумать, чтобы что-нибудь из этого могло относиться к Чичикову; однако ж, всякий как поразмыслил с своей стороны внутренно об этом предмете, как припомнили, что они еще не знают, кто таков на самом деле этот Чичиков, что он сам весьма неясно отзывался насчет своей личности, говорил, правда, что потерпел в службе за правду, да ведь всё это как-то темно. [А когда] вспомнили, что он даже выразился, будто имел много неприятелей, покушавшихся на жизнь его, то задумались еще более: стало быть, жизнь его была в опасности; стало быть, его преследовали, стало быть, он же сделал что-нибудь такое... Да кто же он, в самом деле, такой? Конечно, нельзя думать, чтобы он мог делать фальшивые бумажки, а тем более разбойник: наружность он имеет весьма благородную и благонамеренную; поступки тоже с весом и осмотрительностию, ведет себя совершенно солидно и прилично и в обращении человек приятный во всех отношениях. Кто же бы, однако ж, он такой на самом деле? И вот, гг. чиновники задали себе теперь вопрос, который должны были задать вначале, т. е. в первой главе нашего романа. Они решились сделать еще несколько расспросов тем, у которых были куплены героем нашим души, чтобы хоть, по крайней мере, узнать, что это за покупка и что именно нужно разуметь под этими мертвыми душами, и не объяснил ли он кому, хоть, может быть, невзначай, хоть вскользь как-нибудь, настоящих своих намерений.[1] Прежде всего отнеслись к Коробочке, но тут почерпнули немного: купил-де за пятнадцать рублей, и птичьих перьев хочет тоже купить,[2] и много всего накупить, и в казну сало ставит, и потому наверно плут, ибо уже был такой, который покупал птичьи перья и в казну сало поставлял, да обманул всех, у кого покупал, и протопопшу. Всё, что ни говорила она далее,[3] было повторение

---

[1] куплены героем нашим души, какого рода действительно была эта покупка, и не объяснил ли он как-нибудь каких-нибудь своих намерений. [2] почерпнули немного: что купил-де за пятнадцать рублей, а что она сильно боится, не обманул ли он, потому что и птичьи перья хотел купить [3] в казну сало ставит, то уж верно плут, руку набил бой-

почти того же, и чиновники увидели только, что Коробочка была просто глупая старуха. Манилов отвечал, что за Павла Ивановича всегда он готов ручаться, как за самого себя, что он бы пожертвовал всем своим имением, чтобы иметь сотую долю качеств Павла Ивановича, и отозвался вообще о нем в самых лестных выражениях, присовокупив несколько мыслей насчет дружбы и симпатии, уже с зажмуренными глазами. Мысли, конечно, удовлетворительно[1] объяснили нежное движение его сердца, но не объяснили чиновникам настоящего дела. Собакевич отвечал, что Чичиков, по его мнению, человек хороший, а что крестьян он ему продал на выбор, и народ во всех отношениях живой;[2] но что он не ручается за то, что будет вперед, что если они поумирают во время трудностей переселения в дороге, то это не его воля, а в этом властен бог, а горячек и разных смертоносных болезней есть на свете не мало, и бывают примеры, что вымирают-де целые[3] деревни. Чиновники прибегнули еще к одному средству, не весьма благородному и чистому, но которое, однако ж, иногда употребляется, т. е. стороною, посредством разных лакейских знакомств, расспросить людей Чичикова, не знают ли они каких подробностей на счет прежней жизни и обстоятельств барина, но услышали тоже немного. От Петрушки услышали только запах жилого покоя, а от Селифана, что сполнял-де службу государскую, да надворный советник, да служил по таможне. У этого класса людей есть весьма странный обычай: если его прямо спросить о чем-нибудь, то он никак не вспомнит и не приберет всего в голову и даже просто ответит, что не знает. А вот если[4] о чем-нибудь другом спросить, так он ни с того, ни с другого и приплетет и расскажет даже много таких подробностей, которых и знать не захочешь. Все поиски, произведенные чиновниками, показали им только то, что они наверное никак не знают, что такое Чичиков, а что, однако же, Чичиков должен что-нибудь да быть непременно. Они поло-

---

ко и потому наверное обманул ее. Все, что далее ни говорила она

[1] в самых лестных выражениях, даже присовокупил к этому несколько мыслей ∾ глазами, которые может быть очень удовлетворительно [2] и народ совершенно здоров и жив [3] вымирают целые [4] А вот так если

жили потолковать сурьезно и окончательно об этом предмете и решить, по крайней мере, что и как им делать и какие меры предпринять. И для этого, чтобы решить всё это, предположено было собраться нарочно у полицмейстера,[1] уже известного читателям отца и благодетеля города.

ГЛАВА X

Собравшись у полицмейстера, уже известного читателям отца и благодетеля города, сановники имели случай заметить друг другу, что они даже похудели от этих забот и тревог. В самом деле, назначение нового генерал-губернатора, и эти полученные бумаги такого сурьезного содержания, и эти, бог знает какие, слухи, всё это оставило заметные следы в их лицах, и фраки на многих[2] сделались куды просторней. Всё подалось: и председатель похудел, и инспектор врачебной управы похудел, и прокурор похудел, и какой-то Семен Иванович, никогда не называвшийся по фамилии, но принимавший во всем живое участие и носивший на указательном пальце перстень, которой всякой раз давал рассматривать дамам, даже и тот похудел. Конечно, нашлись, как и везде бывает, люди не робкого десятка, которые не потеряли всегдашнего присутствия духа. Но их было всего один, два человека, да и здесь едва ли автор не обчелся. Почтмейстер один не терял почти никогда своего ровного и постоянного хладнокровного характера и в подобных случаях имел обыкновение говорить: «Знаем мы вас, генерал-губернаторов. Вас, может быть, три-четыре переменится. А я вот уже тридцать лет, судырь мой, сижу на одном месте». На это обыкновенно замечали чиновники: «Хорошо тебе, шпрехен зи дейч, Иван Андреевич, у тебя дело почтовое, хлопот немного: принял да отправил экспедицию. Только

---

[1] положили, наконец, потолковать дельно и основательно и вместе с тем окончательно, что такое в самом деле Чичиков и как поступить в отношении к нему, и для этого положено было собраться у полицмейстера [2] *а.* на них

разве что надуешь, заперши присутствие получасом раньше, да после возьмешь с опоздавшего купца за прием письма не в указанное ‹время›, да перешлешь, может быть, иную посылку даром. Тут, конечно, всякой будет святой. А вот, как у нас, как повадится чорт всякой день подвертываться тебе под руку,[1] да соблазнять всяким мирским соблазном, что вот и не хочешь, кажется, а он сам сует в руку. Тут поневоле подашься. Тебе, конечно, с полу горя:[2] у тебя один сынишка, да и тот, бог весть, проживет ли еще, а здесь Прасковью Федоровну сподобил бог такою благодатью,— что ни год, то несёт: либо[3] Ивана, либо Машутку. Тут, брат, другое скажешь». Так говорили чиновники; а можно ли, в самом деле, устоять против соблазна и чорта, об этом судить не авторское дело. В собравшемся на этот раз совете очевидно было заметно отсутствие той безделицы, которую в простонародьи называют толком. Вообще мы, русские, сказать правду, совсем не созданы ни для каких представительных заседаний. Во всех наших совещаниях, начиная от крестьянской мирской сходки до всех возможных ученых и других комитетов, пребывает препорядочная путаница, если только нет одного, который бы заправлял всем. [Право уж]. Право, и сказать трудно отчего это, бог знает, может быть, уж народ такой. Только и удаются те совещания, которые составляются для того, чтобы покутить или пообедать, как-то: клубы и всякие [куды как веселые] воксалы на немецкую ногу. А при всем том готовность есть всякую минуту, пожалуй, на всё. Мы составим вдруг общества благотворительные, поощрительные и нивесть какие. Цель будет прекрасная, а чего-то нет. Может быть, это происходит оттого, что мы вдруг удовлетворяемся в самом начале и уже почитаем, что всё сделано. Например, затеявши какое-нибудь благотворительное общество для бедных и пожертвовавши значительные суммы, мы тотчас, в ознаменование такого похвального поступка, делаем обед всем первым сановникам города, разумеется на половину пожертвованных

---

[1] как начнет всякой день подвертываться тебе под руку чорт
[2] Тебе хорошо говорить [3] *Далее начато*: сына, либо

сумм.[1] На остальные нанимается тут же для комитета великолепная квартира с отоплением и сторожами, а затем и остается всей суммы для бедных пять рублей с полтиною. Да и тут в распределении этой суммы еще не все члены согласны между собою, и всякой сует в получающие кандидаты какую-нибудь свою куму.[2] Впрочем, собравшееся[3] ныне совещание было совершенно другого рода: [во-первых] оно образовалось [уже] вследствие необходимости и дело касалось вовсе не каких-либо посторонних бедных и, напротив, лично особ каждого из членов.[4] Само собою разумеется, что участие сильнее. Но не говоря уже о разногласиях, свойственных вообще всем советам, во мнениях собравшихся обнаружилась какая-то особенная нерешительность. Один говорил, что Чичиков делатель государственных ассигнаций, и потом сам прибавлял: «а может быть и не делатель», другой утверждал, что Чичиков чиновник генерал-губернаторской канцелярии, и тут же присовокуплял «а, впрочем, чорт его знает, на лбу ведь не прочитаешь этого». Против догадки, [что] не переодетый ли он разбойник, вооружились все. Нашли, что сверх наружности, которая сама по себе была уже благонамеренна,[5] в разговорах его ничего не было такого, которое бы показывало человека с буйными поступками. Вдруг почтмейстер, который оставался несколько минут погруженный в какое-то размышление, вследствие ли внезапного вдохновения, осенившего его, или чего иного, вскрикнул вдруг совершенно неожиданно: «Знаете ли, господа, кто это?» Голос, которым он произнес это, заключал в себе что‹-то› такое[6] ‹твер?›дый и даже некоторым

---

[1] пожертвованных денег [2] *От начала главы до слов* «свою куму» — *автограф.* [3] Впрочем в собравшемся [4] *а. Вместо* «и дело касалось ∾ членов» *начато:* и члены его должны были действовать согласно и с равным рвением, потому что дело в равной степени было общее и в равной степени касалось каждого, казалось бы более здесь должно сохраниться согласия, более сохраниться [5] которая была совершенно благонамеренна [6] *Начало главы* «Собравшись ∾ в себе что-то такое» — *автограф, заменивший не сохранившиеся листы предыдущей редакции. Здесь автограф прерывается и продолжается основной текст рукописи, начало которого не согласовано с окончанием автографа.*

образом торжественный, произвел потрясение электрическое и заставил всех вскрикнуть в одно слово: а кто?

«Это, господа, сударь мой, никто другой, как капитан Копейкин». А когда все спросили, кто же такой этот капитан Копейкин, то почтмейстер выразился так: «Так вы не знаете, кто таков капитан Копейкин?»

Все отвечали отрицательно. — «Капитан Копейкин», сказал почтмейстер, открывши свою табакерку только в половину, из боязни, чтобы кто-нибудь из соседей не запустил туды своих пальцев, в чистоту которых он плохо верил, и даже приговаривал: «Знаем, батюшка, вы с пальцами своими наведываетесь в разные места, а табак вещь, требующая чистоты». — «Капитан Копейкин», повторил он, уже понюхавши табаку, встряхнувши рукой и потом щелкнувши пальцем:[1] «да вить это, если рассказывать вам, так это выдет т. е. презанимательная даже для писателя какого-нибудь эдакая, понимаете, поэма целая».

Все присутствующие изъявили желание узнать эту историю или, как выразился почтмейстер, презанимательную для писателя целую поэму, и почтмейстер начал так.[2]

ПОВЕСТЬ О КАПИТАНЕ КОПЕЙКИНЕ

«После кампании 12-го года, сударь ты мой», — так начал почтмейстер, несмотря на то, что в комнате сидел не один сударь, а целых шестеро, «после кампании двенадцатого года вместе с раненными прислан был и капитан Копейкин. Там под Красным, или под Лейпцигом что ли, только, сударь, вы можете себе представить, ему оторвало и руку и ногу. Ну, тогда еще не сделано было насчет раненных никаких знаете эдаких распоряжений. Этот какой-нибудь инвалидный капитал был уже заведен, можете вообразить себе, гораздо после. Капитан Копейкин видит: нужно работать бы — только рука-то у него, понимаете, левая. Наведался было домой к отцу: отец говорит: «мне нечем тебя

---

[1] понюхавши табаку и встряхнувши пальцами с небольшим прищелком [2] *Вместо* «презанимательную ∾ начал так»: для писателя целую поэму.

кормить; я, можете представить себе, сам едва достаю хлеб». Вот мой капитан Копейкин решился отправиться, сударь мой, в Петербург, чтобы просить государя, что не будет ли какой монаршей милости, что вот мол так и так, в некотором роде так сказать, жизнью жертвовал...[1] Ну, там как-то знаете с обозами или фурами казенными, — словом, сударь мой, дотащился он кое-как[2] до Петербурга. Ну, можете представить себе, эдакой, какой-нибудь, т. е., капитан Копейкин и очутился вдруг в столице,[3] подобной которой,[4] так сказать, нет в мире. Вдруг перед ним свет, эдакое, так сказать, некоторое поле жизни, и при том в таком большущем колиберу.[5] Как сказочная Шахеразада, понимаете, эдакая. Вдруг какой-нибудь эдакой, можете себе представить, Невский проспект, или там, знаете, какая-нибудь Гороховая, чорт возьми, или там эдакая какая-нибудь Литейная. Там шпиц эдакой какой-нибудь, понимаете, в воздухе; мосты там висят эдаким чортом, можете представить себе, без всякого т. е. прикосновения — словом,[6] Семирамида, сударь мой, да и полно. Понатолкался было насчет квартиры, только всё это кусается страшно: гардины, шторы, понимаете, ковры, Персия такая — ну просто,[7] идешь т. е. по улице, а уж нос твой так вот и слышит, что пахнет тысячами. А у моего капитана Копейкина весь ассигнационный банк, понимаете, состоит из каких-нибудь четырех синюх.[8] Ну как-то там приютился в Ревельском трактире за рубль в сутки; обед — щи эдакие, кусок[9] битой говядины. Ну, заживаться, видит, нечего,[10] на другой же день решился итти к министру.[11] А государя, нужно вам знать, в то время [можете представить

---

[1] что вот мол проливал кровь, не щадил жизни... [2] дотащился кое как [3] в эдакой столице [4] которой подобной [5] *Вместо* «Вдруг ∾ колиберу»: Свет, или поле жизни так сказать, некоторое вдруг перед ним такого большого колиберу. [6] «словом» *вписано.* [7] Понатолкался было там, где попроще, чтобы, понимаете, нет ли эдакой какой квартирки — только всё это кусается, так сказать, страшно: зеркала, можете себе представить, вдвое выше росту человечья, ковры — Персия такая словом, сударь мой, [8] А у моего капитана Копейкина всего капиталу какие-нибудь четыре синюхи, понимаете. [9] обед там: какие-нибудь эдакие щи, да кусок [10] Ну, заживаться нечего [11] итти к министру и просить лично

себе] еще не было в столице. Войска, [понимаете] можете себе представить, еще не возвращались из-за границы. Копейкин мой еще с утра поскреб кое-как левой рукой бороду — платить цирюльнику, [понимаете] всё это составит в некотором роде счет, — натянул мундиришку свою, на деревяжке[1] отправился, можете вообразить себе, к министру. Расспросил у будошника квартиру. «Вот», говорит, указал ему дом[2] на Дворцовой набережной — избенка, понимаете, мужичья. Стеклыща в окнах, можете себе представить, [двух] полторасаженные зеркала, бронзы, галантереи металлические.[3] Какая-нибудь ручка у дверей, что нужно забежать прежде в мелочную лавочку, да купить на грош мыла, да прежде часа два тереть руки, да потом уже разве решишься ухватиться за нее [рукою]. Гебены, лаки везде, сударь мой. Ну, в некотором роде, так сказать, просто ума помраченье.[4] Один швейцар уже смотрит генералиссимусом: вызолоченная булава, в лице графская физиогномия, как откормленный[5] жирный мопс какой-нибудь, батистовые воротнички канальство... Копейкин мой встащился кое-как, можете вообразить себе, с своею деревяжкою в приемную, прижался[6] кое-как в уголку; чтобы не толкнуть локтем, можете себе представить, какую-нибудь Америку или Индию, раззолоченную, понимаете, фарфоровую вазу [какую-нибудь]. Ну, можете представить сами, что он настоялся там вдо-

---

[1] Войска-то, знаете, и там всё прочее — это было еще в Париже. Копейкин мой чуть утро, присел, поскреб там эдак как-нибудь, понимаете, себе бороду, как мог, левою рукою, царапнул щеткою мундир и на костылях как был или на деревяжке [2] Расспросил квартиру. Дом там какой-нибудь эдакой [3] Стеклыща там в окнах, можете себе представить, оттопырились, всё это цельное, галантереи да бронзы. [4] разве решишься взяться за эту ручку. Гебены, лаки, можете вообразить себе, чорт возьми всё это такое; солнцы такие, сударь ты мой, что, просто, вот как сова т. е. похлопывает глазами. [5] *Вместо* «Один ∾ откормленный»: Швейцар это, чорт побери, генералиссимус какой-нибудь, булава-то у него вызолоченная, в добрый арбуз величиною. Физиономия эдакая графская как откормленный *а*. Швейцар это, чорт побери, генералиссимус какой-нибудь, булава-то у него вызолоченная, в добрый арбуз величиною, в физиономии у него идет целый граф, просто ‹?› откормленный [6] прижался, знаете

воль,[1] потому что пришел в такое время, когда министр, в некотором роде, едва поднялся, так сказать, с постели, и камердинер может быть поднес ему какую-нибудь серебряную лоханку для разных, понимаете, умываний эдаких.[2] Ждет мой Копейкин часа четыре,[3] как вот входит, наконец, адъютант или там другой, понимаете, чиновник: «Министр», говорит, «сейчас выйдет в приемную». А в приемной уж, понимаете, народу [битком набито] бездна, как бобов на тарелке, пятиклассные, а кое-где торчат даже и толстые золотые макароны, видны и эполеты. Генералитет. Наконец, министр выходит. Ну, подошел к одному, к другому:[4] «зачем вы, что вам угодно», наконец, к Копейкину. Копейкин, собравшись с силами: «так и так, ваше высокопревосходительство, проливал, в некотором роде, кровь, лишился, так сказать, руки и ноги,[5] работать не могу, осмелился просить монаршей милости». Министр видит, человек на деревяжке, и правый рукав пустой пристегнут к мундиру. «Хорошо, говорит, понаведайтесь на днях». Вот, сударь мой, не прошло четыре или пять дней, мой Копейкин является опять. «А», говорит министр: «я вам ничего не могу другого сказать, как только то, что вам нужно ожидать приезда государя. Тогда без сомнения будут сделаны какие-нибудь распоряжения насчет раненых, а без монаршей я, так сказать, воли ничего не могу сделать». Поклон, понимаете, и прощайте. Копейкин мой, [понимаете] можете вообразить себе, вышел в этаком в некотором роде в положении сомнительном. Не зная, так сказать, ожидать или не ожидать чего. Думает,

---

[1] *Над строкой надписано карандашом:* разумеется, что он там настоялся некоторым образом вдоволь [2] чтобы не толкнуть как-нибудь локтем какую-нибудь там Америку или Индию, эдакую, понимаете, раззолоченную фарфоровую вазу. Ну, он настоялся там себе вдоволь, потому что, может быть, пришел в такое время, что министр, можете представить себе, едва поднялся с постели, и камердинер еще, может быть, поднес только ему какую-нибудь серебряную лоханку. [3] *Над строкой надписано карандашом:* два [4] как вот адъютант министра говорит: «Сейчас министр выйдет в приемную», а в приемной уж народу: и пятиклассные, а у иных, понимаете, и эполеты с золотыми толстыми макаронами. Вот министр, наконец, выходит. К тому, к другому: [5] проливал кровь, лишился руки и ноги

хотя бы уж наверно что-нибудь. [Жить видит] Жить, можете представить, становится труднее, труднее. Ну, думает себе, что будет, то будет, пойду опять к министру: «Как хотите, ваше высокопревосходительство, последний кусок доедаю, не поможете, должен умереть в некотором роде с голода».[1] Говорят: «нельзя, приходите завтра; министр не принимает». На другой день тоже, а швейцар на него просто и смотреть не хочет. У моего Копейкина всего на всего остается какой-нибудь полтинник; то бывало едал щи, да говядины кусок, а теперь в лавочке возьмет какую-нибудь эдакую селедку или огурец соленый, да хлеба на два гроша — словом, можете представить себе, голодает бедняк,[2] а между тем аппетит просто волчий. Проходит мимо эдакого какого-нибудь ресторана, повар там, собака, можете себе представить, иностранец; белье на нем чистейшее голландское,[3] работает котлетки с трюфлями. Ну, [словом] разсупе деликасет такой, что вот просто себя, то-есть, съел ‹бы› от аппетита.[4] Пройдет ли мимо Милютинских лавок, там из окна выглядывает какая-нибудь эдакая семга, вишенки по пяти рублей штучка, арбуз громадище, просто карета какая-нибудь эдакая лежит и, так сказать, ищет, нет ли где дурака, который бы заплатил сто рублей. Словом, на всяком шагу соблазны такие. У моего кап‹итана› Копейкина текут слюнки, а он слышит между тем всё завтра. Так вот представьте положение-то, понимаете, его какое: тут с одной стороны, можете вообразить, у него семга[5] и арбуз, а ему подносят всё одно и то же блюдо — завтра. Наконец, сделалось бедняге, так сказать, в некотором роде не в терпеж. Решился: что-то будет, то

---

[1] «А, говорит министр ∾ с голода» *вписано на полях.* [2] словом голодает бедняк мой страшно [3] повар там, белье на нем, понимаете, эдакое чистое, [4] котлетки с трюфлями всё эдакое это разсупе деликасет, как говорится... [5] арбуз там эдакой; у него только, можете себе представить, текут слюнки, а он слышит между тем всё завтра. Тут, понимаете, семга; *а.* арбуз там эдакой страшилище, карета просто глядит из окна и в некотором роде как будто ищет, нет ли где дурака, который бы заплатил сто рублей. Словом, на всяком шагу это такие соблазны. У моего кап‹итана› Копейкина текут слюнки, а он слышит между тем всё завтра. Так положение-то понимаете его какое. Тут понимаете семга

будет, одним словом, итти еще раз к министру. Дождался у подъезда, не пройдет ли еще[1] какой проситель и там с каким-то, понимаете, генералом проскользнул со своей деревяжкой в приемную. Министр-то уж его узнал вдруг. «Ну, говорит, для вас теперь ничего нельзя сделать. Нужно ожидать приезда государя; тогда, говорит, без сомнения, составится какой-нибудь комитет насчет раненных». «Но, помилуйте, ваше высокопревосходительство, у меня нет куска хлеба; я проливал, можете себе представить, кровь, лишился руки и ноги...» Только министр, сударь мой, или был занят, или уж он точно надоел ему: «Ступайте, говорит; вас много, говорит, есть таких; ищите средства помочь себе сами». — «Помилуйте, говорит мой Копейкин, как же я могу помочь себе, не имея ни руки, ни ноги» он то хотел прибавить: «а носом и подавно ничего не сделаешь; только разве, что высморкаешься, да и для того нужно купить платок». Только министр, сударь мой, начал, можете себе представить, сердиться. «Ступайте же, говорит, или вас выведут!» А мой Копейкин, голод-то, знаете, пришпорил его: «Как хотите, ваше высокопревосходительство, не сойду, говорит, с места до тех пор, покамест не дадите надлежащей резолюции». И министр, сударь мой, вышел из себя ‹*1 нрзб.*›, можете себе представить, еще может быть ‹*1 нрзб.*› в летописях, так сказать, не было, чтобы какой-нибудь осмелился так говорить с министром;[2] чиновный там у него народ, можете себе представить, всё это на подобострастии. «Грубиян!» закричал он: «где фельдъегерь? позвать фельдъегеря. Препроводить его, говорит, с фельдъегерем на место жительства».[3] А фельдъегерь уж там, понимаете, и стоит: трех-

---

[1] *Вместо* «Наконец ∾ не пройдет ли еще»: Копейкин мой решился итти на пролом. Дождался у подъезда, не будет ли еще [2] вышел из себя. Противоречий он, знаете, почти не слыхал никогда [3] *На полях запись карандашом:* «Ну, говорит, ведь я вам сказал, что ожидать; зачем вы явились опять?» — «Помилуйте, ваше высокопревосходительство, не имея, так сказать, руки, некоторым ‹образом›, куска хлеба нет». Ну министр ‹*нрзб.*› ему говорит ‹*нрзб.*› он говорит ступайте, ступайте. Я не могу для вас ничего сделать. Не имею на этот счет никакого указания. Ожидайте ‹*нрзб.*›, а покамест ищите сами себе пом

аршинный мужичина какой-нибудь, ручища у него, понимаете, уж так натурой устроена для ямщиков, дантист эдакой. Вот его, раба божьего, схватили, сударь мой, да в тележку с фельдъегерем. Ну, Копейкин думает, по крайней мере, не нужно платить прогон, спасибо и за то. Вот он, сударь мой, едет на фельдъегере. Да едучи на фельдъегере, в некотором роде, так сказать, рассуждает сам себе:[1] «Хорошо, говорит, когда ты сам, говорит, советывал[2] поискать самому средств, хорошо, говорит, я, говорит, найду средства». Ну уж как только его доставили на место и куды именно привезли, ничего этого неизвестно. Так, понимаете, и слухи об капитане Капейкине канули в реку забвения, в какую-нибудь эдакую Лету, как называют поэты. Но только позвольте, господа, вот тут-то, можно сказать, и начинается, так сказать, нить романа. Итак, куда делся Копейкин неизвестно, но не прошло,[3] можете представить себе, двух месяцев, как появилась в Рязанских лесах шайка разбойников и атаман-то этой шайки был, сударь мой, никто другой, как наш капитан Копейкин. Набрал там из разных беглых солдат, некоторым образом, [можно сказать] банду целую.[4] Это было, можете себе представить, тотчас после войны: всё это привыкло, знаете, к распускной жизни, всякому жизнь — копейка, забубенная везде жизнь, хоть трава не расти; словом, сударь мой, у него просто армия [какая-нибудь].[5] По дорогам никакого проезда нет, и всё это, понимаете, собственно, так сказать, устремлено на одно только казенное.[6] Если проезжающий по какой-нибудь, т. е. своей надобности — ну, спросит только, зачем — да и ступай своей дорогой. А как только какой-нибудь фураж казенный, провиянт или деньги, словом, [можете себе представить] всё, что носит, так сказать, имя казенное, спуску никакого. Ну,

---

Но, ваше высокопревосходительство, можете представить себе в некотором роде сами, как мне помочь себе *Дальше несколько строк не поддаются прочтению.*

[1] «спасибо ∾ сам себе» *вписано карандашом на полях.* [2] *Над строкой карандашом:* Министр сам наконец *Далее не поддается прочтению.* [3] Вместо «Так, понимаете ∾ не прошло»: Только, сударь мой, не прошло [4] из разных беглых солдат шайку престрашную. [5] *Вместо* «копейка ∾ [какая-нибудь]»: копейка — словом ∾ просто полк целый [6] понимаете устремлено больше на казенное.

можете себе представить, казне изъян ужасный. Услышит ли, что в деревне какой-нибудь казенной близко уже платить[1] казенный оброк, он уж там. Требует тот же час к себе, в некотором роде, старосту:[2] «Подавай, брат, казенные оброки и подати». Ну, мужик видит, эдакой безногий чорт, на воротнике-то у него, понимаете: жар-птица,[3] красное сукно — пахнет,[4] чорт возьми, оплеухой. «На, батюшка, вот тебе, отвяжись только». Думает: уж верно какой-нибудь капитан-исправник, а может быть [еще] и того еще хуже.[5] Только, сударь мой, деньги он, понимаете, примет как следует и тут же крестьянину пишет расписку, чтоб некоторым образом их оправдать, чтобы крестьянину чего-нибудь не досталось, понимаете, что вот принял[6]-мол все казенные подати сполна такой-то капитан Копейкин, и еще приложит и печать свою. Словом, сударь мой, где только есть какой-нибудь казенный профит, он грабит, т. е. на пропалую. Посыланы были несколько раз команды изловить его, но Копейкин мой и в ус не дует.[7] Голодеры, понимаете, собрались всё такие.[8] Но, наконец, может быть, испугавшись сам, видя, что дело, так сказать, заварил не на шутку ‹?›, и что преследования ежеминутно усиливались, а, между ‹тем›, что деньжонок у него[9] капиталец набрался порядочный, он, сударь мой, за границу, и за границу прямо,[10] можете представить себе, в Соединенные Штаты, и пишет оттуда, сударь мой, письмо к государю красноречивейшее, какое только можете вообразить; в древности Платоны[11] и Демосфены какие-нибудь — всё это, можно сказать, тряпка,[12] дьячек в сравнении с ним. «Не подумай, государь, говорит, чтоб

---

[1] провиянт или деньги, казна — спуску никакого. Словом, казне изъян ужасный. Это еще не всё: как только услышит, что в деревне какой-нибудь казенной мужикам близко уже платить [2] *Вместо* «Требует ∾ старосту»: Где староста? [3] на воротнике-то у него жар-птица [4] это пахнет [5] Думает: уж какой-нибудь капитан-исправник. [6] пишет расписку, чтоб их оправдать, что вот принял [7] изловить его, только куды, батюшка, Копейкин мой ничего не боится. [8] Голодеры, понимаете, всё такие с ним. [9] испугавшись действительно усиленных преследований, а может быть, понимаете, и то, что денег у него [10] он вдруг ушел, сударь мой, за границу и прямо [11] в древности и Платоны [12] всё это тряпка

я того, и того, и того...» Круглоту периодов, понимаете, запустил такую... «Необходимость, говорит, была причиною моего поступка; проливал кровь, не щадил, некоторым образом, жизни,[1] и хлеба, как бы сказать для пропитания, нет теперь у меня. Не наказуй, говорит, моих сотоварищей, потому что они невинны, ибо вовлечены, так сказать, собственно[2] мною. А скажи лучше монаршую свою милость, чтобы впредь, т. е. если там[3] попадутся раненые, так чтобы, примером, за ними эдакое, можете себе представить, смотрение».[4] Словом, красноречиво необыкновенно. Ну, государь, понимаете, был, так сказать, тронут.[5] Действительно, его монаршему сердцу было прискорбно, что человек, так сказать, точно был доведен ‹до› последней крайности. Он дал[6] немедленно же повеление, чтобы больше не преследовать виновных, а строжайшее предписание составить комитет исключительно с тем, чтобы заняться улучшением участи всех, т. е. раненых, и вот это именно была причина, сударь мой, что таким образом положено основание инвалидному капиталу, обеспечившему, можно сказать, теперь раненых совершенно.[7] Так вот кто, сударь мой, этот капитан Копейкин. Теперь я полагаю, что он в Соединенных Штатах денежки прожил, да вот и воротился к нам, чтобы, понимаете, еще каким-нибудь образом попробовать, что не удастся ли какое-нибудь в некотором роде новое[8] предприятие».

«Только позволь, Иван Андреевич»,[9] сказал на это полицмейстер: «ведь капитан Копейкин, ты сам сказал, без руки и без ноги, а у...»

Почтмейстер вскрикнул и хлопнул[10] со всего размаху рукой по лбу, назвавши себя публично при всех телятиной. Он не мог понять, как подобное обстоятельство не пришло к нему в начале [речи] повести, и сознался, что совершенно справедлива пословица, говорящая, что русский человек

---

[1] Необходимость, говорит, причина; проливал кровь, жизни т. е. не щадил, [2] ибо вовлечены собственно [3] т. е. как там [4] так чтобы за ними эдакое какое-нибудь смотрение. [5] Ну, государь, т. е. вы можете себе представить, был, так сказать, тронут [6] было прискорбно. Он дал [7] «совершенно» *вписано.* [8] какое-нибудь, так сказать, новое [9] Иван Григорьевич [10] Почтмейстер хлопнул себя

задним умом крепок. Однако ж, минуту спустя он тут же начал хитрить и пробовал вывернуться, говоря, что, впрочем,[1] в Англии очень усовершенствован механизм и механика, что[2] видно по газетам, как изобрел один деревянные ноги такого роду, что при одном прикосновении к незаметной пружинке уносили эти ноги человека бог знает в какие места.

Все, однако же, очень усумнились, чтобы Чичиков был никто другой, как капитан Копейкин, и нашли, что почтмейстер хватил уже[3] слишком далеко. Впрочем, они с своей стороны тоже не ударили[4] лицом в грязь и, наведенные остроумною догадкой почтмейстера, заехали едва ли не далее.[5] Из числа многих в своем роде[6] сметливых предположений было, наконец, одно, странно даже и сказать, что не есть ли[7] Чичиков переодетый Наполеон, что англичанин издавна завидует, что, дескать, Россия так велика и обширна, что даже несколько раз и карикатуры выходили, где русский изображен разговаривающим с англичанином, а англичанин стоит и сзади держит на веревке собаку, и что под этой собакой разумеется Наполеон. Смотри, мол, говорит, вот только что-нибудь не так, так я на тебя сейчас выпущу эту собаку; и что вот теперь они, может быть, и выпустили его с острова Елены; так вот и пробрался теперь в Россию, представляя вид,[8] будто бы Чичиков, а в самом деле вовсе не Чичиков.

Конечно, поверить этому чиновники не поверили, а впрочем, однако ж, призадумались и, рассматривая это дело каждый про себя, нашли,[9] что лицо Чичикова, если он поворотится

---

[1] *Вместо* «назвавши ∾ впрочем»: и назвал себя при всех телятиной, но однако ж после небольшого размышления прибавил, что [2] и что [3] *Вместо* «Все ∾ уже»: Но во всем этом предположении, будто бы Чичиков был никто другой, как капитан Копейкин, чиновники очень усумнились, и нашли, что это уже было [4] Впрочем, нечего сказать, они с своей стороны не ударили [5] *Вместо* «заехали ∾ далее»: хватили даже еще подалее. [6] в своем роде, конечно, [7] было, наконец, одно такое, что, признаюсь, я думаю, не лучше ли будет не говорить о нем. Читатель без сомнения скажет, что автор солгал, но это было действительно так. Было предположение, что не есть ли [8] «представляя вид» *вписано.* [9] однако ж, так как будто бы и позадумались и как начали рассматривать это дело каждый про себя, то нашли

и станет боком, очень сдает на портрет Наполеона. Полицмейстер, который служил в кампании двенадцатого года и лично видел Наполеона, не мог тоже не сознаться, что ростом он никак не будет выше Чичикова и что окладом своей фигуры Наполеон тоже нельзя сказать, чтобы слишком толст, однако ж и не так, чтобы тонок. Автор должен обратиться к читателю: он, право, не знает, как ему быть, [он почти] и уверен, читатель назовет это невероятностью. Сказать откровенно,[1] он с своей стороны считает это невероятным, но, как нарочно, всё это была совершенная правда, и тем более еще изумительно,[2] что самый город был не так далеко от обеих столиц. Впрочем, нужно помнить, что это происходило не так давно после достославного изгнания французов. В это время все наши помещики, чиновники, сидельцы, купцы и всякой грамотный и даже неграмотный народ сделались, по крайней мере, на целые восемь лет политиками заклятыми. Московские ведомости и Сын Отечества зачитывались немилосердно, доходя к последнему чтецу в кусочках, негодных ни на какое употребление.[3] И вместо вопросов: «Почем, батюшка, продали мерку овса? как воспользовались[4] вчерашнею порошей?» говорили: «А что пишут в газетах, не выпустили ли опять Наполеона из острова св. Елены?» Купцы особенно этого сильно опасались, ибо верили совершенно в предсказание одного пророка, уже три года сидевшего в остроге. Пророк пришел неизвестно откуда в лаптях и нагольном тулупе, страшно отзывавшемся тухлою рыбой, и возвестил, что Наполеон есть антихрист и что теперь держится на каменной цепи, но после разорвет цепь[5] и должен, наконец, овладеть всем миром. Пророк за предсказанье попал, как следует, в острог, но,

---

[1] *Далее начато:* ему это казалось тоже [2] *Вместо* «Автор ∾ изумительно»: Автор вновь обращается к читателю и не знает сам, как изъяснить ему затруднительность собственного положения, чувствуя внутренно, что подает все причины почитать это за ложь, но, действительно, всё это была совершенная правда, и еще тем более ему самому кажется это удивительным [3] и доходили к последнему чтецу в таких кусочках, что даже нельзя было ни на что употребить их. [4] воспользовались ли вы [5] «и что теперь ∾ цепь» *вписано.*

тем не менее, дело сделал и смутил совершенно купцов. Долго еще, во время самых даже прибыточных сделок, купцы, отправляясь в трактир запивать их чаем, поговаривали об антихристе. Многие из чиновников и благородного дворянства невольно подумывали тоже об этом и, зараженные мистицизмом, который, как известно, был тогда в большой моде, видели в каждой букве, из которых было составлено слово Наполеон, какое-то особенное значение. Многие открыли даже в нем апокалипсические цифры. Итак, еще в этом не было слишком много удивительного, что чиновники задумались на время над этим пунктом.[1] Впрочем, господа[2] чиновники заметили скоро сами, что воображение их чересчур уже рысисто, что это уже слишком далеко, а нужно сурьезно подумать о том, что поближе. Думали, думали, толковали, толковали и, наконец, решили, что не худо бы еще расспросить хорошенько Ноздрева, так как он первый вынес историю о мертвых душах, и притом, как видно из его слов, был в тесных отношениях с Чичиковым; может быть, даже знает кое-что из обстоятельств его жизни, то попробовать еще, что скажет Ноздрев.

Странные люди эти господа чиновники, а вслед за ними вообще и все другие звания. Ведь очень хорошо знали, что Ноздрев лгун, что ему нельзя верить ни в одном слове, ни в самой безделице, а между тем, именно прибегнули к нему. Поди ты, сладь с человеком! Не верит в бога, а верит, что[3] если чешется переносье, то, верно, скоро умрет. Пропустит мимо создание поэта, ясное, стройное, всё проникнутое чудным согласием и высокою мудростию простоты,[4] а бросится именно на то, где какой-нибудь удалец напутает, наплетет,[5] выломает, изломает природу — это ему понравится, и он пойдет кричать: «Вот оно, вот настоящее знание тайн сердца!» Всю жизнь не ставит в грош докторов, а кончится тем, что обратится, наконец, к шарлатану или, еще лучше, выдумает сам какой-нибудь декокт из нивесть какой дряни, которая,

---

[1] «Пророк за предсказанье ∾ пунктом» *вписано на полях.* [2] Но господа [3] а верит в то, что [4] *Вместо* «пропустит ∾ простоты»: Стройное и ясное совершившееся в младенческой простоте создание поэта он пропускает мимо, [5] напутает, нагородит, наплетет,

бог знает почему, вообразится ему именно средством против его болезни. Конечно, можно отчасти извинить господ чиновников действительно затруднительным их положением. Утопающий, говорят, и за маленькую щепку хватается, и у него нет в это время рассудка подумать, что ведь на щепке может разве только прокатиться верхом муха, а в нем весу, слава богу, без малого четыре пуда.[1] Так и упомянутые нами господа ухватились, наконец, и за Ноздрева.[2] Полицмейстер в ту ж минуту написал к нему записочку пожаловать на вечер, и квартальный в ботфортах,[3] с привлекательным румянцем на щеках, побежал в ту ж минуту, придерживая шпагу, в прискочку, на квартиру Ноздрева. Ноздрев был занят важным[4] делом: целые четыре дни уже не выходил он из комнаты, не впускал никого и получал[5] обед из маленького окошка, словом, даже исхудал. Дело требовало [точно] большой внимательности: оно состояло в подбирании из нескольких десятков дюжин карт одной талии, но самой меткой, на которую бы можно было понадеяться, как на вернейшего друга. Работы оставалось еще, по крайней мере, на две недели. Во всё продолжение этого времени Порфирий[6] должен был чистить пуп меделянскому щенку особенной[7] щеточкой и мыть его беспрестанно три раза на день мылом.[8] Прежде всего Ноздрев отправил квартального к чорту, но когда начитал в записке городничего, что может быть даже для него пожива, потому что на вечер ожидают еще одного какого-то новичка, то смягчился. Запер комнату[9] ту же минуту на ключ и, одевшись как попало, отправился к ним. Показания и свидетельства Ноздрева оказались опять яркая противоположность пояснениям господ чиновников. Это был

---

[1] *Далее над строкой запись:* [так что куды-то ему поместить на щепке] вряд ли двух вершковая шестисаженная <?> доска <?>, однако и хватается и за щепку. [2] *Вместо* «Так ∾ Ноздрева»: Ухватились и за Ноздрева. [3] и квартальный в бакенбардах [4] занят в это время очень важным [5] не выходил из <комнаты> и получал [6] *Вместо* «Дело ∾ Порфирий»: Это важное дело состояло в подбирании карт из нескольких колод и должно было занять, по крайней мере, две недели, в продолжении которых Порфирий [7] небольшой [8] и мыть его в каком-то рассоле. [9] *Вместо* «то смягчился. Запер комнату»: Последнее так показалось ему заманчиво, что он комнату

решительно человек, для которого не существовало сомнения вовсе, и сколько у них было шаткости, [и робости] нерешительности, столько у этого уверенности и решительности. Он отвечал на все пункты, даже и не заикнувшись. Объявил,[1] что и мертвых душ он ему продал на несколько тысяч даже рублей. На вопрос, не шпион ли он какой-нибудь[2] и старается втайне кое-что разведывать, Ноздрев отвечал, что шпион, что и в школе, где он с ним вместе учился, его называли фискалом и что за это его товарищи, а в том числе и он, несколько его поизмяли, так что ему нужно было после того поставить около 400 пиявок к одним вискам, то есть, он хотел было сказать: около сорока, но уж четыреста как-то само собою.[3] На вопрос, не делатель ли он фальшивых бумажек, он отвечал, что делатель, и при этом случае рассказал анекдот[4] про необыкновенную ловкость Чичикова: как, узнавши, что в доме находилось на два миллиона фальшивых ассигнаций, опечатали и приставили караул на каждую дверь по два солдата и как он в одну ночь переменил их так, что на другой день, когда сняли печать, нашли, что все два миллиона были настоящие.[5] На вопрос: точно ли Чичиков имел намерение увезти губернаторскую дочку, и правда ли, что он взялся помогать и участвовать в этом деле, Ноздрев отвечал, помогал, и что не будь он, так ничего бы и не было.[6] Тут было и спохватился он, видя, что солгал[7] вовсе напрасно и мог таким образом сам накликать на себя беду, но языка уже никак не мог придержать. Впрочем, и трудно было,

---

[1] Показания и свидетельства Ноздрева не могли успокоить их уже потому, что сколько вообще с их стороны было нерешительности и сомнения, столько, напротив, у него уверенности и смелости. Он отвечал решительно на все совершенно пункты, ни один раз не заикнувшись. Он объявил [2] *Над строкой вписано после слов:* и мертвых душ: «он точно накупил Чичиков, несомненно, даже он ему точно продал, что он готов совершенно всё продать [3] «он хотел ∾ само собою» *вписано.* [4] и рассказал даже при этом случае анекдот [5] *Вместо* «как, узнавши ∾ настоящие»: как опечатали дом его, узнавши, что в нем находилось на два миллиона фальшивых ассигнаций, и как он в одну ночь заменил их настоящими. [6] Ноздрев и здесь отвечал утвердительно и даже, что не только помогал, но сам почти взял на себя распоряжение... [7] спохватился он, что солгал

потому что представились сами собою такие интересные подробности, от которых никак нельзя было отказаться: даже названа была деревня, где была приходская церковь, в которой положили венчаться, деревня Трухмачевка, поп отец Сидор, за венчание 75 рублей, и то бы не согласился, что он припугнул его, обещаясь донести на него, что перевенчал поп лабазника с кумой и что он дал даже свою коляску и заготовил везде переменных лошадей. Подробности дошли даже до имен ямщиков.[1] Попробовали было заикнуться о Наполеоне, но и сами были не рады, что попробовали, потому что Ноздрев понес такую околесину, в которой не только не было[2] никакого подобия на правду, но даже ни на что не было подобия,[3] так что чиновники, вздохнувши, отошли прочь. Один только полицмейстер, наклонивши голову, продолжал слушать, думая, не будет ли, по крайней мере, чего-нибудь дальше, да, наконец, и рукой махнул, сказавши: «Чорт знает, что такое».

Все эти толки, мнения и слухи, неизвестно по какой причине, больше всего подействовали на бедного прокурора, до такой степени, что он, пришедши домой, стал думать, думать и вдруг умер, как говорится, ни с того, ни с другого. Параличем ли его, или другим чем прихватило, только он так, как сидел, так и хлопнулся навзничь со стула. Вскрикнули, как водится: «Ах, боже мой», всплеснули руками, послали за доктором, чтобы пустить ему кровь, но увидели, что прокурор уже был одно бездушное тело. Тогда только с соболезнованием узнали, что у покойника была, точно, душа, хотя он, по скромности своей, никогда ее не показывал. Еще одна жизнь убежала из мира, и всё[4] совершилось в одну минуту. И тот, кто еще не так давно ходил, двигался, садился играть в вист, подписывал разные бумаги[5] и был виден так часто

---

[1] не мог придержать, который тут-то именно и почувствовал охоту погулять на свободном поле. Впрочем оно точно было трудно, ибо представились сами собою такие интересные подробности, что жаль было точно отказаться: в какой даже именно церкви положено быть венчанью, и какой поп, именно отец Сидор, за 75 рублей, и если бы он не предложил свою коляску и лошадей, то Чичиков никогда бы не успел сам и множество других при этом случае необходимых обстоятельств. [2] Ноздрев начал, наконец, такое вранье, что не только не имело [3] но просто ни на что не имело подобия [4] *Вместо* «Еще ∾ и всё»: Всё [5] разные решения

между чиновников со своими густыми бровями и мигающим глазом, теперь лежал на столе. Левый глаз уже не мигал вовсе, но бровь одна всё еще была приподнята с каким-то вопросительным выражением. О чем[1] покойник спрашивал: зачем он умер или зачем жил, об этом один бог ведает.[2]

И всё это могло случиться вдруг так быстро? И могли так спутаться, сбиться с толку и растеряться чиновники, могли так отдалиться от прямого дела, заехать в такую околесину, набредить, напутать сами себе такой вздор, когда ребенок даже видит, что это вздор — и всё это правда? И не выдумка это чересчур пересоленная? И много найдется умников, которые скажут: «нет, это невозможно», и раздастся и отдастся в дальних[3] рядах, невинно повторяющих чужие речи: «нет, это невозможно». И произведут бедных чиновников моих в пошлейших дураков, ибо люди от души щедры на слово дурак и готовы несколько раз на день прислужиться им своему ближнему. И будут довольны люди, что уничтожили несообразность и обличили автора, и похвалят за это себя — и поделом: хвала и честь [за это] их остроумию.

А разверните гремящую летопись человеческую, что в ней? Сколько предстоит в ней очам столетий, которые бы всё уничтожил и вычеркнул как ненужные. Сколько раз видят очи, как отшатнулось человечество и пошло по косвенной, неверной дороге, тогда как истина сияла светлее солнца, и, кажется, весь открыт был широкий, прямой и светлый путь, по которому бы должно было потечь оно. Но отшатнулось ослепленное человечество, не замечая само и, раз попавши на ложную дорогу, пошло столетьями блуждать, теряясь далее[4] и далее и очутилось вдруг в неведомой глуши, вопрошая испуганными очами: «Где выход, где дорога?» И родились незаконные, неслыханные следствия от незаконных причин, и произошли дела, которых бы не признали своими сами сотворившие их, от которых даже со страхом отвратились отдаленные отцы их, как отвращается мать от чудовища,

---

[1] Уже о чем [2] зачем жил, — это бог знает. [3] *Начато:* дальних закоулках: нет, это невозможно [4] Но отшатнулось, не замечая само всё человечество и, раз попавши на ложную дорогу, блуждало, терялось далее

подкинутого ей на место сына. И видит всё это текущее поколение, и видит ясно, и дивится, как можно было подобным образом заблуждаться, и смеется над неразумием своих предков, смеется, не видя, что огненными письменами начертаны сии страницы, что кричит в них всякая буква, что отвсюду устремлен их пронзительный перст на него же, на него, на текущее поколение. Но смеется текущее поколение и самонадеянно, гордо начинает ряд новых заблуждений, над которыми также посмеются потом потомки.[1]

Чичиков ничего обо всем этом не знал совершенно. Как нарочно, в это время он получил легкую простуду: флюс и небольшое воспаление в горле, в раздаче которых чрезвычайно щедр климат многих наших губернских городов. Чтобы не прекратилась, боже сохрани, как-нибудь жизнь без потомков, он решился лучше посидеть денька три в комнате. В продолжении сих дней он беспрестанно полоскал горло молоком с фигой, которую потом съедал, и носил привязанную к щеке подушечку из ромашки и конфоры. Он уже всё сделал, что ему следовало, переписал список вновь всем крестьянам, сделал потом другой в миньятюре, пересмотрел даже и в ларце своем разные находившиеся там предметы и записочки, кое-что перечел и в другой раз; изредка, ходя по комнате, посматривал в зеркало на свой совершенно круглый подбородок, и всё это, наконец, прискучило ему сильно, и потому обрадовался, как бог знает чему, когда почувствовал, наконец, возможность выйти из комнаты. Он не мог, однако же, понять, что бы это значило, что ни один из господ чиновников не приехал сделать ему никакого визита. Выход его, как всякого выздоровевшего человека, был очень радостен, точно праздник. Одевался он с удовольствием и еще с бо́льшим удовольствием расположился бриться, ибо очень любил это занятие. На этот раз, когда пощупал он свою бороду и посмотрел в зеркало, не мог удержаться, чтобы не вскрикнуть: «Эк его! леса-то пошли писать какие!» И в самом деле, леса не леса, а по всей щеке и подбородку высыпался очень густой посев. Выбрившись, вымывшись,

---

[1] «И всё это ∾ потомки» *вписано на отдельном листе.*

вытершись самым воскресным образом, надевши[1] совершенно чистое белье, фрак, всё это опрятно, нигде ни пушинки, отправился он прежде всего сделать визит губернатору. Идя дорогою, он невольно даже посмеивался, думая кое о чем приятном. Читатель может быть даже и догадывается, о чем. Но каково же было его изумление, когда швейцар встретил его весьма лаконическим ответом: «Не принимает». Чичиков объяснил ему, что он не проситель и чтобы он доложил просто, что вот, мол, Павел Иванович пришел. Но швейцар ответил, что он это хорошо знает, но что именно его-то и не велено принимать. Это озадачило нашего героя. Он отправился в ту же минуту к председателю палаты, к полицмейстеру, к вице-губернатору, к сему, к другому, но все приняли его так странно, такой принужденный, такой непонятный вели разговор, так смутились и потерялись и такую понесли бестолковщину, что герой наш тоже с своей стороны чуть не потерял голову. Он попробовал еще зайти кое к кому, чтобы узнать по крайней мере причину этого, но не добрался никакого толка. Без цели бродил он по городу и в сумерки возвратился домой. От скуки или просто с горя, он приказал подать себе чаю, хотя знал, что чай в трактирах запахом бывает несколько похож на табак. В задумчивости и в каком-то бессмысленном размышлении о странности положения своего, стал он разливать чай: хлебнул и чихнул вместе, потому что чай был чистейший табак. Вдруг в это время дверь его отворилась, и предстал Ноздрев, уж никак неожиданным образом.

«Здравствуй, брат, Чичиков», вскрикнул он: «а я, признаюсь, не думал тебя застать. Проходя дорогою, думаю себе: дай-ка зайду навестить приятеля; смотрю: в окошках огонь... Ну, здравствуй, душа, как поживаешь?»

Чичиков отвечал на это довольно сухо и показал ясно, что вовсе не обрадовался его приходу. Но Ноздрев подобных обстоятельств никогда не примечал.[2]

«Да что ты, право, так отдалился от всех», говорил Ноздрев: «нигде не бываешь. Конечно, я знаю, ты занят

---

[1] вытершись, надевши [2] Но, впрочем, Ноздрев никогда этого не замечал.

иногда учеными предметами, любишь читать...» Уж почему Ноздрев заключил, что герой наш занимается учеными предметами и охотник почитать, этого, признаемся, мы никак не можем сказать, а Чичиков и того еще менее. «Ах, брат Чичиков, т. е. если б ты только видел... вот уж, точно, можно сказать, была бы пища твоему сатирическому уму». Почему у Чичикова сатирический ум, это для нас тоже совершенно непонятно. «Вообрази, брат, у купца Лихачева мы играли в горку.[1] Карты, если бы ты увидел — просто блины; только, как говорит Кувшинников, шлепать ими крепостных людей по щекам. Ты себе не можешь представить, какая была умора. Перепендев, который был со мною: Вот, говорит, если б теперь Чичиков! уж вот бы ему точно...» Между тем Чичиков от роду не знал никакого Перепендева. «А ведь признайся, брат, ведь ты тогда, право, преподло поступил со мною, помнишь, в шашки. Ведь я было выиграл... Ну, да ведь я, чорт меня знает, не могу никак долго сердиться. Намедни с председателем... Ах да, ведь я тебе должен сказать, что в городе все против тебя. Они думают, что ты делаешь фальшивые бумажки; пристали ко мне, да я за тебя горой, наговорил им, что вместе с тобой учился в школе и отца твоего знал, словом, чорт знает, чего наговорил[2] и, сказать правду, пульку-таки им слил порядочную».

«Я? делаю фальшивые бумажки!» вскрикнул Чичиков и вскочил со стула.

«Зачем ты, однако же, так напугал их?» продолжал Ноздрев: «Ведь они, чорт их знает, с ума сошли от страху. Уж думали было, что ты[3] разбойником тебя и шпионом... А прокурор от страха умер, завтра будет погребение. Они ведь, если сказать правду, сильно боятся нового генерал-губернатора, чтобы за тебя им не досталось от него. А я насчет нового генерал-губернатора такого мнения, что если он подымет нос и заважничает, то ничего не сделает с дворянством, решительно ничего. Дворянство требует ласкового обхождения

---

[1] Вообрази, брат, были мы у купца Лихачева, дули в горку. [2] «и отца ∾ наговорил» *вписано.* [3] *Вместо* «Уж думали ∾ ты»: Ведь они чорт знает чего не передумали. Уж и *Дальше осталось не согласованным.*

и удовольствий. Конечно, можно запрятаться к себе в кабинет и не дать ни одного бала, да ведь этим любви не заслужишь. А ведь ты, однако ж, Чичиков, рискованное дело затеял увезти губернаторскую дочку. Я ждал этого, ей-богу ждал.[1] Я, признаюсь, в первый раз, как увидал вас на бале — ну, думаю себе, Чичиков недаром... Послушай, брат,[2] признаюсь, с тем к тебе пришел, я готов, чтоб тебе доказать дружбу... Уж так и быть венца тебе подержу, и коляска моя будет готова и переменные лошади, только с уговором: ты должен мне дать взаймы[3] две тысячи денег. Нужны, брат, вот хоть зарежь».

В продолжении всей болтовни Ноздрева Чичиков не знал, на яву ли или во сне он всё это слышит. Делатель фальшивых ассигнаций, увоз губернаторской дочки, смерть прокурора, которой причиною будто бы был он, приезд генерал-губернатора — всё это привело его в испуг не малый. Ну, уж коли пошло на это, думал он сам в себе, так нечего здесь долее мешкать, нужно отсюда убираться поскорее.

Сбывши кое-как с рук Ноздрева, он призвал к себе Селифана и велел ему быть готовым на заре, с тем, что[4] завтра в шесть часов утра непременно выехать[5] из города и чтобы с вечера всё, что нужно, было приготовлено: бричка подмазана и пр. и пр. Селифан произнес: «Слушаю, Павел Иванович», и остановился, однако же, на несколько времени у дверей, не двигаясь с места. Чичиков тут же велел Петрушке выдвинуть из-под кровати чемодан, покрывшийся уже порядочною пылью, и вместе с ним принялся укладывать без большого разбора: чулки, рубашки, белье даже не мытое, платяные щетки, сапожные колодки, календарь. Всё это укладывалось как попало, потому что он положил непременно быть готовым с вечера, чтобы завтра не могло быть никакой задержки. Селифан, постоявши минуты две у дверей, вышел, наконец, чрезвычайно медленно, медленно, как только можно

---

[1] «Я ждал этого, ей-богу ждал» *вписано.* [2] *Вместо* «Послушай, брат»: Я, брат, именно [3] доказать дружбу... и коляска моя будет готова; я уж подержу тебе венца, только ты дай мне теперь взаймы [4] готовым на заре, что [5] непременно нужно выехать

себе вообразить, медленно спускался он с лестницы,[1] отпечатывая своими толстыми сапогами мокрые следы по сходившим вниз избитым ступеням и почесывая долго рукою у себя в затылке. Что означало это почесывание? и что вообще оно значит? Досада ли на то, что вот не удалась[2] задуманная на завтра сходка с своим братом в неприглядном тулупе, опоясанном кушаком, где-нибудь в царевом кабаке. Или уже завязалась в новом месте какая зазнобушка сердечная и приходится оставлять вечернее стояние у ворот и политичное держание за белы ручки, когда нахлобучиваются на город сумерки, детина в красной рубахе бренчит на балалайке перед дворовой челядью и плетет тихие речи разночинный отработавшийся народ или, просто, жаль оставлять отогретое уже место на людской кухне под тулупом, близ печи, да щей с городским мягким пирогом, с тем, чтобы вновь тащиться под дождь и слякоть и всякую дорожную невзгоду. Бог весть, не угадаешь. Многое разное значит у русского народа почесывание в затылке.[3]

---

[1] чрезвычайно медленно и до такой степени медленно, как только можно себе вообразить, спускался с лестницы [2] что вот не выйдет [3] *На отдельном листе, вклеенном в РЛ, набросок рукой Гоголя:* Герой [тут] наш тут выдвинул чемодан, покрывшийся уже [немалою] порядочною пылью и начал укладываться спешно: чулки, рубашки, белье, даже не мытое, платяные щетки, сапожные колодки, календарь, всё укладывал, как попало, потому что он [положил] решился [чтобы с вечеру] быть готовым [и не было] с вечера, чтобы завтра не могло быть никакой задержки. Селифан, постоявши у порога минуту, [вышел мед‹ленно›] отворил чрезвычайно [медле‹нно›] лениво дверь и медленно, медленно, как только можно вообразить себе медленно, спускался с лестницы, [едва переступая как-то нерешительно по сходившим] чуть опустя ‹?› и напечатлев с большими [расстановками] толстыми своими сапогами мокрые следы по сходившим протертым ступеням и почесывая рукою долго в затылке. Что означало это почесывание, да и что означает это почесывание? Досада ли на то, что [может быть] вот не выйдет [условленный где-нибудь] задуманная на завтра сходка его с своим собратом в неприглядном тулупе [с кушаком] опоясанном кушаком где-нибудь в царевом кабаке. Или уж завелась какая зазнобушка сердца в новом месте и жаль сильно оставлять вечернее стоянье у ворот и политичное держанье за белы ручки в то время, когда нахлобучиваются на город сумерки, и 18 семнадцатилетний *[так в подлиннике]* детина в красной рубахе бренчит на балалайке пред дворовой челядью и плетет [деловые] тихие речи разночинной отработавший народ. Или просто жаль

ГЛАВА XI

Ничего, однако ж, не случилось так, как располагалось. Чичиков проснулся гораздо позже, нежели думал — это была первая неприятность. Вставши, он ту же минуту послал узнать, заложена ли бричка и всё ли готово; но донесли, что бричка была не заложена и не всё готово — это была вторая неприятность. Он приготовился принять не очень ласково нашего друга Селифана и, полный нетерпения, ожидал только, какую тот представит с своей стороны причину и оправдание. Скоро Селифан показался в дверях, и господин имел удовольствие услышать те же самые речи, какие обыкновенно слышатся всегда от прислуги, в таком случае, когда нужно скоро ехать.

«Да ведь, Павел Иванович, нужно будет лошадей ковать».

«Ах, ты!..» Здесь было вставлено выражение, в важных случаях необходимое, без которого у нас на Руси делается дело как-то лениво. «Зачем же ты прежде об этом не вздумал сказать? Не было времени, что ли?»

«Да время-то было... Да и колесо тоже, Павел Иванович, шину нужно будет совсем переменить, потому что оно теперь по милости вашей подгрязнило... А уж перед у брички совсем, Павел Иванович, расшатался, так что и двух станций не сделает».

«Ах ты, подлец эдакой! Какой урод тебя, дурака эдакого, на свет пустил. Да где у тебя-то глаза были до этих пор. Ведь три недели сидели на месте — хоть бы заикнулся. А вот к последнему часу и пригнал, чушка ты проклятая; именно к последнему часу: тут бы вот садиться да ехать, а он вот тут-то именно и нагадил. Ведь ты ж знал это всё? Отвечай. (Здесь герой наш назвал его кажется, рылом.) Знал? А?»

«Знал», отвечал Селифан, потупивши голову.

«Ну, так зачем же ты мне тогда не сказал?»

оставлять отогретые уже места под тулупом близ печи на людской кухне, щей с белым <?> городским сдобным пирогом, с тем, чтобы вновь под дождь и слякоть и всякую дорожную невзгоду. [Как сдается] Бог весть, не угадаешь; многое разное значит у русского народа почесыванье в затылке.

На этот вопрос Селифан ничего не отвечал, но, потупивши голову, казалось, как будто бы безмолвно говорил сам себе: «Вишь ты, как оно мудрено случилось: и знал ведь, да и не сказал».[1]

«А вот теперь ступай, приведи кузнеца, да чтобы в два часа всё было сделано! Слышишь?»

Селифан уже оборотился было к дверям, с тем, чтобы итти выполнять данное приказание, но остановился, и Чичиков услышал еще кое-какие извещения в прибавку к прежним.[2]

«Да еще, Павел Иванович, серого-то коня, право, хоть бы продать, потому что он, Павел Иванович, подлец; право, только, можно сказать, помеха другим».

«Да, как раз вот теперь его, небось, стану продавать».[3]

«Ей-богу, Павел Иванович, т. е. он только что на вид, а на деле-то он самый лукавый конь. Такого коня т. е. нигде не найдешь».

«Об этом будет время в другом месте подумать; ступай за кузнецами».

Герой наш сделался совершенно не в духе. Швырнул на пол саблю, которая ездила с ним в дороге для [страху] внушения надлежащего страху кому следует.[4] Около четверти часа[5] слишком провозился он с кузнецами, покамест сладил, потому что кузнецы, как водится, были[6] отъявленные подлецы и, смекнув, что работа нужна к спеху, заломили ровно вшестеро. Чичиков, как ни горячился, называл их и мошенниками, и разбойниками, грабящими проезжих, намекнул даже на страшный по смерти суд,[7] но кузнецов ничем не проняли: они[8] совершенно выдержали характер и не только не отступились от цены, но даже провозились около брички, вместо двух часов, целых пять.[9] В продолжении этого време-

---

[1] *Вместо* «Вишь ты ∾ не сказал»: Вишь как оно случилось. [2] *Вместо* «но остановился ∾ прежним»: как вдруг остановился неожиданно, и Чичиков имел удовольствие еще услышать кое-какие речи. [3] Да вот как раз я пойду теперь продавать его. [4] которая неизвестно для какой причины ездила с ним в дороге и лежала около него в бричке. [5] Четверть часа [6] потому что кузнецы были, как водится [7] называл их и подлецами, и разбойниками, которые грабят проезжающих, намекнул даже им и на будущую жизнь и на страшный суд [8] и они [9] провозились, вместо двух часов, с небольшим пять.

ни[1] Чичиков испытал приятные минуты, известные всякому путешественнику, когда в чемодане всё уложено и в комнате валяются только веревочки, бумажки,[2] да разный сор, когда человек не принадлежит ни к дороге, ни к сидению на месте, видит из окна плетущиеся фигуры, толкующие об своих гривнах и с каким-то глупым любопытством изредка подымающие глаза, чтобы, взглянувши на него, опять продолжать свою дорогу, и это равнодушие всякий раз[3] как будто растравляет сильнее нерасположение духа. Всё, что ни есть, что ни видит он: и лавчонка[4] против его окон, и вывеска, и голова старухи, живущей в супротивном доме, и подходящей в это время к окну с коротенькими занавесками, — всё ему гадко, однако ж он не отходит от окна. Стоит то позабываясь, то обращая вновь какое-то противовольное внимание на движущееся и недвижущееся в улице и не думая и не не думая, а между тем с досады душит какую-нибудь муху, которая в это время жужжит и бьется о стекло. Но желанная минута наконец настала.[5] Наконец всё было готово: и перед был как следует налажен, и колесо было обтянуто новою шиною, и кони приведены с кузницы, и разбойники-кузнецы отправились, считая полученные целковые и пожелавши всякого благополучия, и бричка, наконец, была заложена, и два горячие калачи, только что купленные, были внесены в бричку, и Селифан уже засунул кое-что для себя в карман, бывший у кучерских козел, и сам герой наш при взмахивании картузом, производимым беспрестанно половым в том же демикотонном сертуке и при желании его счастливой дороги, при трактирных и чужих кучерах и лакеях, собравшихся позевать на то, как выезжает чужой барин, и при других прочих, всегда сопровождающих выезд обстоятельствах, сел в экипаж, — и бричка, в которой ездят холостяки и помещики, имеющие около сотни душ крестьян, которая так долго[6] застоялась в городе и может быть так даже надоела читателю, наконец, выехала из ворот гостиницы. «Слава тебе, господи»,

---

[1] в продолжении которого времени [2] веревочки да бумажки [3] опять пойти своею дорогою, что всякий раз [4] Всё: и лавчонка [5] «Но желанная ∾ настала» *вписано.* [6] *В подлиннике описка:* дорого

подумал Чичиков и перекрестился.[1] Селифан хлыснул кнутом, к нему подсел сначала повисевший несколько времени на ступеньке Петрушка, и господин средних лет и благоприятной наружности, герой наш Чичиков, усевшись на грузинском коврике, покрывавшем поклажу, находившуюся в бричке, заложивши за спину себе кожаную подушку, притиснув совершенно два горячие калача, пошел опять подплясывать и покачиваться, потому что мостовая имела уже известную читателям подкидывающую силу.[2] С каким-то неопределенным чувством глядел он на домы, стены, заборы и улицы, которые тоже, с своей стороны, как будто подскакивая, медленно уходили назад, и которых, бог знает, сулит ли ему участь увидеть еще когда-нибудь в продолжении своей жизни. При повороте в одну из улиц, бричка должна была остановиться, потому что во всю длину улицы проходила бесконечная погребальная процессия. Чичиков высунулся,[3] чтобы рассмотреть, кого хоронят. Гроб был открыт и несен на траурном катафалке. С каким-то неизъяснимым, странным чувством и вместе с некоторого рода испугом узнал он прокурора, с теми же неподвижными чертами, какие всегда видны были на нем и при жизни; один нос только казался больше и острее; густые брови были также приподняты, хотя глаза уже давно смежились. Исполненный неприятных ощущений, он тот же час спрятался в угол, закрыл себя кожею и задернул занавески. В это время, когда экипаж был таким образом арестован, Селифан и Петрушка, набожно снявши шляпы, рассматривали, кто как, в чем и на чем ехал, и может быть внутренно считали, сколько числом шло пешком, а сколько ехало в карете. Он сам отчасти занялся рассматриванием в стеклышко, находившееся в кожаных занавесках. За гробом шли, снявши шляпы, все чиновники. Заметивши их, он начал побаиваться, чтобы не узнали его как-нибудь по экипажу. Но им было не до того: они даже не занялись разными житейскими разговорами, которые обыкновенно в это время занимают

---

[1] «Слава ∾ перекрестился» *вписано.* [2] потому что мостовая, как уже читатель знает, имела подкидывающую силу. [3] Герой наш высунулся было из брички

провожающих покойника. Все мысли их были в это время сосредоточены в самих себе. Они думали, каков-то будет новый генерал-губернатор, как он возьмется за дело, как примет всё. За чиновниками, шедшими пешком, следовали кареты, из которых выглядывали дамы в траурных чепцах. По движениям губ и рук их видно было, что они были заняты коекаким живым разговором. Может быть они тоже говорили о приезде нового генерал-губернатора и делали предположения насчет балов, которые он без сомнения даст, и говорили о вечных своих фестончиках и нашивочках. Наконец, за каретами следовали пустые дрожки, вытянувшиеся гуськом. Наконец, и ничего уже не осталось, и герой наш мог уже ехать. Открывши кожаные занавески, он вздохнул и от души произнес: «Вот прокурор жил, жил, а потом и умер! И вот, я думаю, напечатают в газетах, что скончался к всеобщему прискорбию подчиненных и всего человечества почтенный гражданин, редкий отец, примерный супруг... Много напишут всякой всячины; прибавят еще, что сопровождаем был плачем и рыданием вдов и сирот, а ведь если разобрать хорошенько дело, так у тебя, может быть, на поверку всего и было только, что густые брови». Тут он закричал Селифану: «ехать поскорее» и подумал тем временем про себя: «Это однако ж хорошо, что встретились похороны; говорят, значит счастие, если встретишь покойника».

Бричка между тем поворачивала в более пустынные улицы; наконец потянулись уже одни длинные деревянные заборы, предвещавшие приближавшийся конец города. Вот уже и мостовая кончилась; вот и шлахбаум; вот уже город назади, и вот уже ничего нет — и опять в дороге. И опять по обеим сторонам столбового пути вновь пошли писать версты, станционные смотрители, колодцы, обозы, серые деревни с самоварами, бабами, горшками, ребятишками. Мужик пешком в протертых лаптях, плетущийся за восемьсот верст, городишки, выстроенные живьем с деревянными лавчонками, мучными бочками, калачами, лаптями и прочею мелюзгой, рябые шлахбаумы, поля неоглядные и по ту сторону и по другую, рыдваны помещичьи, солдат верхом на лошади, везущий зеленый ящик с свинцовым горохом и надписью:

«такого-то артиллерийского полку», зеленые, желтые и свежеразрытые черные полосы, лентами мелькающие по степям, затянутая вдали песня, сосновые верхушки в тумане, пропадающий вдали колокольный звон, вороны, как мухи, и горизонт без конца... Русь! Моя пустынно [необъятно] раздольная родная Русь. Святым крестом своим осени тебя святой, [забубенная] звенящая [Русь] моя Русь... Что слышится мне в тоскливой твоей песне, несущейся по тебе от моря до моря. Что слышится в ней и зовет и хватает меня за сердце [Почему всё поет в тебе] какие лобзающие звуки несутся мне в душу и вьются около моего сердца... чего ты хочешь от меня, какая непостижимая связь, что глядишь ты мне в очи, и всё, что ни есть в тебе, вперило на меня очи... Еще недоуменно смотрят чуткие очи и уже главу мою осенило грозное облако движущееся и благотворно освежит и онемела мысль пред пространством, потерявшим конец и как ‹*1 нрзб.*› много дождя. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли в тебе не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца! Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему. Как грозно и мощно объемлет меня величавое пространство! и какой страшной силой отразилось в глубине моей, вмиг осветились[1] какую сверкающую чудную незнакомую земле даль. Русь![2]

---

[1] *Далее текст (2 строки) не поддается прочтению; читаются лишь отдельные слова.* [2] *Вместо* «Русь! Моя пустынно ∾ Русь!»: Эх ты Русь моя! Моя забубенная, разгульная, расприволь**ная**, расчудесная, расцелуй тебя бог святой, земля. Как не родиться в тебе беспредельной мысли, когда ты сама без конца! На твоем ли да на широком просторе не развернуться! Уж здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где пройтись ему. Где же развернулось столько божьего свету? Бездонная моя, глубина и ширина ты моя! Что же движет, что говорит во мне неслыханными речами, когда вонзаю очи в эти недвижимые, непоколебимые моря, в эти потерявшие конец степи? У! как грозно и мощно объемлет меня величавое пространство! Какая широкая сила и замашка заключилась во мне! Как несут меня могучие мысли. Силы святые, в какую даль, в какую сверкающую, чудную незнакомую земле даль! Что же я?

Эх, Русь!..

На отдельном листе, вклеенном между лл. 124 и 126 рукописи РЛ, набросок: Русь! Русь! вижу, вижу тебя из моего [дальнего] чудного пре-

«Держи, держи, дурак», кричал Чичиков Селифану.

«Вот я тебя палашом», кричал скакавший навстречу фельдъегерь, с усами в аршин: «Не видишь, леший дери твою душу,[1] казенный экипаж».[2]

Какое странное и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога, и как она чудна сама эта дорога. Чистый ясный день, осенние листья, холодный воздух... Покрепче в дорожную шинель,[3] шапку на уши! В последний раз пробежавшая дрожь прохватила тело, и уже сменила ее приятная теплота.[4] Кони мчатся. Как соблазнительно крадется дремота и смежаются очи, и уже сквозь сон слышатся «Не белы снеги», и сап лошадей, и быстрый шум колес, и уже храпишь, прижавши[5] совсем к углу соседа. Проснулся: пять[6] станций убежало назад; луна, неведомый город, ночь, церкви с старинными деревянными куполами и тонкими чернеющими

красного [заключенья] далека тебя вижу. Бедно [однообразно], разбросанно и неприютно в тебе. Не повеселят, не испугают взора дерзкие дива природы, венчанные дерзкими дивами искусства города с многооконными высокими дворцами, выпирающие <?> [среди водных пропастей и гор, уходящих [улетающих] в небо, ущельев и громадных] вросшие в утесы. Картинные дерева и плющи, вросшие [среди] [орошаемые] покрываемые шумом и пылью водопадов. Не *<1 нрзб.>* и далеко уходящие над головой вверху каменной глыбой устремленных вдаль вечные линии гор, сияющих, несущихся [ясно и легко] в серебряные ясные небеса.

[Дорога среди стремнин в] Открыто-пустынно и ровно всё, как точки, как значки [поставленные для чего-то] неприметно торчат в равнинах невысокие твои города [и кажись куда отстали *<2 нрзб.>* от западных разнообразных *<1 нрзб.>*] Но что влечет меня, [какая тайная] непостижимая тайная сила. Почему мне слышится и слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая несущаяся по всей ширине [твоей] и длине твоей *от моря до моря песня. Что в ней, в этой песне. Что <1 нрзб.> и зовет,* и рыдает, и хватает за сердце. Какие звуки болезненно лобзают и стремятся мне в душу и вьются около моего *Фраза не закончена.* Русь, чего же ты хочешь от меня? Какая [непостижимая тайная] необъятная непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты и зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня [очи] полные ожидания очи?

[1] не видишь, дери чорт твою душу [2] *Далее начато:* С громом и пылью пронес<лись> оба экипажа, один мимо другого, в разные стороны. Облако пыли осталось после исчезнувшей как призрак вдали тройки [3] Покрепче в шинель и в шубу [4] и сменила ее скоро приятная теплота; *а.* и скоро сменила ее приятная теплота. [5] прижавшись [6] восемь

остроконечьями;[1] темные и белокаменные домы. Сиянье месяца там и там: как белые полотняные платки развешались по стенам, по мостовой, по улицам;[2] косяками пересекают их черные, как уголь, тени, как сверкающий металл блестят озаренные деревянные крыши,[3] и нигде ни души: всё спит. Один одинешенек разве где-нибудь в окошке брезжит огонек: мещанин ли городской тачает свою пару сапогов, пекарь ли возится в печурке — что до них! А ночь! Небесные силы, какая ночь совершается в вышине![4] А воздух! А небо, далекое, высокое, там, в недоступной глубине своей раскинувшееся так необъятно, звучно-ясное... Но дышит свежо в самые очи холодное дыхание ночи и убаюкивает тебя, и вот уже дремлешь[5] и забываешься, и храпишь, и ворочается сердито, почувствовав на себе тяжесть, бедный прижавшийся в углу сосед. Проснулся — и уже опять[6] перед тобою поля и степи; нигде ничего, везде пустырь, всё открыто. Верста с цыфрой летит тебе в очи; занимается утро; на побелевшем холодном небосклоне[7] золотая полоса. Свежее и хлеще становится ветер,[8] покрепче в теплую шинель... Какой славный холод! Какой чудный обнимающий вновь тебя сон! Толчек — и опять проснулся: на вершине неба солнце. «Полегче, легче», слышишь голос; телега спускается с кручи; внизу плотина широкая и широкий ясный пруд, сияющий, как медное дно, перед солнцем, деревня, избы рассыпались на косогорье, как звезда блестит крест[9] сельской церкви в стороне, болтовня мужиков и желанный аппетит[10] в желудке. Боже, как ты хороша подчас далекая-далекая дорога! Сколько раз, как погибающий и тонущий я хватался за тебя, и ты всякий раз меня великодушно выносила и спасала. А сколько родилось в тебе чудных замыслов, поэтических грез,

---

[1] и тонкими остроконечьями [2] как белые полотняные платки разбросалось по ним [3] блестят деревянные крыши [4] А ночь! Какая ночь деется в вышине! [5] *Вместо* «раскинувшееся ∾ дремлешь»: так необъятно раскинувшееся, так почти звучно-ясное!.. Свежо дышит в лицо тебе дыхание ночи и убаюкивает тебя, и дремлешь ты [6] Проснулся — уже опять [7] на побледневшем небосклоне [8] Свежее и хлеще ветер [9] *Вместо* «как ∾ крест»: блестящей звездою крест [10] и чертовский аппетит

сколько перечувствовалось дивных впечатлений... Но и друг наш Чичиков чувствовал в это время не вовсе прозаические грезы. А посмотрим, что̀ он чувствовал. Сначала он не чувствовал ничего и поглядывал[1] только изредка назад, желая увериться, точно ли выехал[2] из города; но, когда[3] увидел, что город уже давно скрылся, что ни шлахбаума, ни кузниц, ни всего того, что находится вокруг городов, не было видно, и даже белые[4] верхушки каменных церквей давно спрятались, он занялся только своей ездою, посматривал покойнее направо и налево, и город N как будто бы не был вовсе или он проезжал его бог знает в какое давнее время.[5] Иногда только[6] в необъемной картине, в сжатых рамках и в уменьшенном виде представлялись ему городское общество, губернатор, бал, висты до петухов, осетрина, белуга, гостиница, странное смущение и конфузное свидание с чиновниками, но всё это становилось [всё] бледнее, бледнее,[7] подобно последним оттискам какой-нибудь яркой гравюры. Или тем ярким пятнам, которые [долго беспрестанно носятся перед нашими глазами] мерещатся в глазах наших после того, как мы глядели пристально [и долго] на понизившееся и утонувшее в [великолепном блеске] невыносимом блистании солнце. Долго еще отпечатываются горячо и ярко эти пятна[8] на всем, что ни видит глаз наш: на полях, озаренных вечерним блеском, с проснувшимся шумом насекомых, с приподнявшимися тоненькими стебельками, увенчанными яркими искрами полевых тонких цветов, на красноватой пыльной дороге, на старенькой крыше сельской лачуги, обросшей дикой полынью, на складывающейся скирде свежего сена, [издающего благоуханный запах на

---

[1] ничего; он поглядывал [2] назад, как бы желая увериться, действительно ли он выехал [3] но после, когда [4] и белые [5] как будто бы не был, как будто бы бог знает в какое давнее время он проезжал его и видел. [6] Иногда только в самых беглых чертах [7] губернатор и бал, остряк почтмейстер, медведь Собакевич, сахар Манилов [подлец], гостиница, вечные висты до петухов, осетрина, белуга, шампанское, Ноздрев, объятия и слова: почтеннейший Павел Иванович, но всё это отражалось в памяти его бледнее и бледнее [8] *Над строкой начато:* Эти пятна носятся перед нами

всё поле] и на мужиках, подымающих его на вилы, словом, на всем круглятся и носятся эти пятна, сначала раскаленные и яркие, потом бледнее и бледнее и, наконец, уже потухнувшие они всё еще носятся перед глазами нашими, темнея, как свинцовые пули. Но и их уже нет и стоит один ‹*2 нрзб.*› только свежеющий воздух да тонкий чудесный запах [свежего сена] скошенной [высохшей] травы, несущийся по всему полю. Наконец Чичиков перестал вовсе думать, стал слегка закрывать глаза и склонять голову к подушке. Автор признается, что этому даже отчасти рад, находя таким образом случай поговорить о своем герое, ибо доселе, как читатель видел, ему беспрестанно мешали то Ноздрев, то дамы, то чиновники, то балы, то городские сплетни, то, наконец, тысячи тех мелочей, которые кажутся только мелочами, когда ‹*1 нрзб.*› [А в свете] покамест обращаются в свете, почитаются за весьма важные дела. Итак, теперь всё, совершенно всё отложим в сторону и займемся исключительно нашим героем.

Прежде всего автор должен сказать, что он весьма сомневается, чтобы избранный герой его понравился читателю. Дамам он не понравится,[1] это можно сказать наверное, ибо дамы требуют, чтобы герой был совершенен во всех частях, чтоб это было такое совершенство, чтобы ни пятнышка, если только безделица какая-нибудь — как-нибудь нос не так[2] или что-нибудь не так хорошее к душевным качествам, так беда. Никакой цены не дастся автору, хоть как глубоко ни загляни он в душу,[3] хоть отрази чище зеркала образ человека. Самая полнота и средние лета героя тоже очень не понравятся; герою полноты ни в каком случае не простят, и весьма многие дамы, отворотившись, скажут: «фи, такой гадкой». Увы, всё это известно автору,[4] но что же делать. До сих пор как-то автору еще ничего не случилось произвести по внушению дамскому и даже он чувствовал какую-то странную робость и смущение, когда дама обло-

---

[1] *а.* Дамам не понравится наш герой [2] *а.* совершенен во всех частях, как только можно, что если только безделица какая-нибудь, как-нибудь нос не так, так уж беда [3] *а.* хоть загляни глубоко, как только возможно [4] *а.* Увы, всё это известно ему вперед

котится на письменное бюро его. Теперь, конечно, всё прошло, даже и смущения не чувствует он. Воспитанный уединением, суровой, внутренней жизнию, не имеет он обычая смотреть по сторонам, когда пишет, и только разве невольно сами собой остановятся изредка глаза только на висящие перед ним на стене портреты Шекспира, Ариоста, Фильдинга, Сервантеса, Пушкина, отразивших природу таковою, как она была, а не таковою, как угодно было кому-нибудь, чтобы она была. [Итак, в герое своем один автор господин]. И если не найдут причины в самом творении, почему избран [герой] ,такой-то герой, а не другой, [то автор не обязан пояснять ‹*2 нрзб.*›] ибо автор ничего не пояснит и не прибавит [и не даст ответа]. Но почему не избрал он в герои совершенного и добродетельного человека, это другое дело, это и можно сказать. А по весьма законной причине не выбран добродетельный человек. Потому что хоть на время нужно дать какой-нибудь роздых бедному добродетельному человеку, потому что бедного добродетельного человека обратили в какую-то почтовую или ломовую, и нет писателя, который бы не ездил на нем, потому что, обративши его в лошадь, то и дело хлещут его кнутом, понукают да пришпоривают, не имея ‹*1 нрзб.*› никакого и до того изморили, что теперь вышел он бог знает что, а не добродетельный человек. Одни только ребра да кожа видны на нем, а уж и тени нет никакой добродетели.[1] Нет, пора, наконец, припречь и подлеца.

---

[1] *Вместо* «Или тем ярким ∾ добродетели»: или, лучше, было похоже на те пятна, которые мы видим, поглядевши пристально на солнце и потом зажмурив глаза. Сначала[1] они круглятся горячо и ярко, потом понемногу темнеют и, наконец, становятся темными, как пули. Наконец, герой наш перестал думать и об этом, начал слегка закрывать глаза, наконец, склонил голову к подушке. Автор признается, что этому очень рад, ибо наконец может поговорить о своем герое, не опасаясь, чтобы ему помешали, как было доселе.

Прежде всего должно сказать, что он сомневается сильно, чтобы избранный им герой понравился читателям, а особенно дамам, ибо дамы требуют непременно, чтобы герой был совершенен во всех частях и во всех отношениях, и физически и нравственно, как говорится, без пятнышка. Автор предвидит уже зара-

Ни об отдаленном происхождении героя, ни о прародителях, ни о чем не упомянем; родословная его темна.[1] Говорят, родители были дворяне, но столбовые или личные — наверно неизвестно.[2] Лицом на них он, кажется, не походил: по крайней мере, какая-то родственница, находившаяся в их доме по случаю его рождения, выразилась пословицею: родился-де[3] ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца. Никаких тоже подробностей детства не осталось в его воспоминании.[4] Он помнил только неясно,[5] что отец его был какой-то высокой, худощавый и несколько чахоточный человек, который ходил по комнате в весьма длинном сертуке, плевал в песочницу, стоявшую в углу, глубоко вздыхал[6] и бил очень больно линейкою по рукам нашего героя за всякую ошибку, которую он делал, упражняясь в писании вечно

нее, что и самая наружность его героя, полнота и средние лета будут им очень не по вкусу и они даже скажут, отворотившись: «Фи, какой гадкой!» Но как бы ни хотелось быть вежливым, но никаким образом не может он на этот раз взять в герои добродетельного человека. Что ж делать — он должен признаться, что он невежа, и до сих пор ничего еще, где только входит чернила и бумага, не произвел по внушению дамскому. Он признается даже, что если дама облокотится на письменное бюро его, он уже чувствует маленькую неловкость; а впрочем, сказать правду, он не имеет обыкновения смотреть по сторонам, когда пишет; если же и подымет глаза, то разве только на висящие перед ним на стене портреты: Шекспира, Ариоста, Фильдинга, Сервантеса, Пушкина, отразивших природу таковою, как она была, а не таковою, как угодно было кому-нибудь, чтобы она была. Взять же в герои добродетельного человека нельзя, по весьма законной причине: в самом деле, нужно же ему, бедняжке, дать, наконец, отдых. Что ни говори, а ведь мы его запрягли, как какого-нибудь коня: «пошел да и пошел», только помахиваем кнутом, да и похлестываем. Не мудрено, что наконец изморили его до того, что он похож теперь бог знает на что — ребра да кожа, а уж нет и тени в нем добродетельного человека.

[1] *Вместо* «Ни об ∾ темна»: Следовало бы с самого начала упомянуть об отдаленном происхождении нашего героя, его прародителях и, наконец, родителях, но родословная его немного темна [2] наверно никак нельзя сказать [3] не походил, что подало повод какой-то родственнице его, находившейся в их ∾ рождения выразиться известною пословицею, что родился-де [4] подробностей его детства и почти никакого воспоминания о нем не сохранилось [5] только очень неясно [6] «глубоко вздыхал» *вписано.*

находившейся перед ним прописи: добродетель есть сама себе награда, всю пожелтевшую.[1] Как он учился в училище, об этом ничего неизвестно;[2] замечательно только то, что он[3] был один из тех, которых несколько трудно было надуть, и вел себя в отношении к товарищам таким образом, что они его угощали, а не он их [и замечательно еще то, что] Особенно нужно заметить, что он был поведения очень хорошего.[4] Ничего не было в нем буйного или непокорного начальству; [всё было в нем тихо и скромно] всё отзывалось какой-то особенною похвальною тихостью и скромностью. Не замечено было в нем никаких[5] беспорядочных или неуместных движений, как-то: перелезть на диво всем через забор, прочитать в скамейке роман во время скучной лекции,[6] издержать без толку[7] деньги в театр, словом, ничего такого, к чему влекутся молодые, слишком живые[8] души; никогда не являлся он неряхой[9] или растрепой, и баллы в поведении получал отличные. Но при всех этих похвальных качествах, он всё бы мог остаться не более как то, что называют в обширном смысле хороший человек, или весьма гладенько выточенный обыкновенный, опрятный человек, без всяких резких выпуклостей, если бы рано не обнаружилось в нем одно качество, выступавшее совершенно вперед из ряду других качеств и таким образом уничтожавшее видимую ровность его характера: это чувство мы назовем стремлением приобресть копейку, что, как известно, означает благоразумного и основательного человека. Еще в те годы, когда человек почти ребенок и думает только как ‹*нрзб.*› да устроить себе поуже талию в мундире или фраке, он уже

---

[1] всю пожелтевшую и испачканную немилосердо пятнами [2] *Вместо* «Как он ∾ неизвестно»: Потом находился он в уездном училище. Как он там себя вел и как учился неизвестно [3] что между товарищами он [4] *Вместо* «и вел себя ∾ хорошего»: и вел себя таким образом, что другие его угощали, а не он других. Потом был он и в губернской гимназии и тут оказалась очень заметно приятная сторона его характера. [5] *Вместо* «всё отзывалось ∾ никаких»: но все движения довольно кротки, ни в каких шалостях он не был никогда замешан, никаких [6] во время лекции несколько скучноватой [7] издержать неумеренно [8] слишком необузданные [9] не являлся неряхой

питал влечение ко всякого рода движимым и недвижимым имениям; владение имуществом значительным доставляло просто какую-то негу его чувствам.[1] Изо всего, что когда-либо случалось ему читать на веку своем, нравилась ему более всего читанная еще в детстве известная[2] историйка молочницы, несшей кувшин и замечтавшейся о том, как она распорядится с деньгами, вырученными за молоко, как сначала заведет она маленькую свинку, как эта свинка, сделавшись свиньей, наведет поросенков, как эти поросенки, сделавшись каждый с своей стороны опять свиньей, доставит столько денег, что можно будет купить корову, а потом кобылу, а потом пойдет целый завод лошадей и коров, а потом и дом с огородами, а там сады, деревни и прочее,[3] что далее, то лучше, как говаривал один помещик, начинавший есть спаржу с другого конца, и потом уже доходивший до верхушки. В этом постепенном возрастании было для него что-то необыкновенно радостное.[4] Зато он никак не мог слышать равнодушно окончания этой истории, то есть когда[5] молочница от радости прыгнула и разбила кувшин. Он бывал растроган до слез и никогда, как он [потом] сам сознавался, не трогала его так даже сама Герцогиня Лавальер, сочинение Жанлис. С такими чувствами, конечно, оставалось

---

[1] *Вместо* «Но при всех ∾ чувствам»: Но при всех этих качествах, конечно, в своем роде похвальных, ничего не было в нем заметно особенного и необыкновенного и он бы мог остаться на всю жизнь свою тем, что в обширном всеобщем смысле называется хороший человек. Но так как автору позволяется иногда заглянуть несколько поглубже в душу, чем глядят другие люди, то он не может утаить, что в характере его, повидимому совершенно ровном, было одно такое стремление, которое пересиливало всё прочее, — это было стремление приобретать копейку. Еще съизмала непонятно каким образом образовалось и существовало в нем это чувство. Он уже питал нежное влечение ко всякого рода движимым и особенно недвижимым имениям; владение имуществом обширным, великим доставляло ему такие радости, каких нельзя описать. [2] случалось читать ему в жизни, нравилась ему более всего известная [3] а потом целый дом с огородами и прочее, а там и пошло [4] *Вместо* «и потом ∾ радостное»: Эта постепенная прогрессия имела для него что-то такое утешительное в самых еще ребяческих летах. [5] истории, когда

только вступить в гражданскую службу. Он вступил в казенную палату какого-то губернского города. Надобно заметить, что до его вступления палата особенно не отличалась взрачностью своих чиновников. Отчего и по каким причинам они ‹*1 нрзб.*› сюда все ‹*далее нрзб.*›.[1] Тот глядел на всех волком и грубил и начальнику и подчиненному; другой и не грубил, но какое-нибудь лицо имел такой странной фигуры, как бывает точно один ‹?› дурно выпеченный хлеб: щеку раздуло в одну сторону, подбородок покосило в другую, губа треснула, словом, совсем не так, как хлеб, который удался, а скорее тот, который раздулся в сторону каким-то пузырем и в прибавку треснул.[2] Всё служащее сословие к тому же весьма плохо брилось, и подбородки в субботний день походили более на крупные железные напильники такого же самого железно-серого цвета.[3] Итак, среди таких товарищей немудрено, что новый чиновник много выиграл благообразием своей наружности и тою добродетелью, которую всякий отец рекомендует своему сыну и которая известна под именем искательности. Посредством этой благосклонной искательности.[4] Он очень скоро пробился к непосредственному

---

[1] *а. Вместо* «С такими чувствами, конечно ∾ сюда все»: Конечно, с такими качествами ∾ своих чиновников. Как-то неизвестно по каким причинам *и т. д. как в тексте.* [2] *а.* который сам вылез из печи, вздувшийся, наконец, в нарост и потом еще треснул в прибавку. [3] *а.* и подбородки их походили на крупные железные напильники, сохраняя даже [тот самый цвет] такой же серо-железный цвет. [4] *Вместо* «Он бывал ∾ искательности»: Это его тронуло до слез, и никогда, как он сам потом сознавался, ни одна чувствительная драма не трогала его, ни даже самая Герцогиня Лавальер, сочинение Жанлис, которое он прочитывал в скучное время. Такие сердечные увлечения, означавшие, впрочем, весьма основательного и благоразумного человека, побудили его, не отлагая времени, определить себе карьер или дорогу. Карьер, известное дело, один: государственная служба. Он вступил в казенную палату. Здесь скоро обратил он на себя внимание старанием, большою внимательностию к делу и благообразною наружностию, что, впрочем, было не мудрено, ибо в казенной палате все чиновники были как-то чересчур тяжелы и невзрачны. Тот глядел на всех волком и грубил и начальнику и подчиненному; у другого лицо было похоже на дурно выпеченный хлеб: щеку раздуло вдвое больше другой, подбородок покосило на сторону, нос в другую; тот издавал во всё время какой-то ло-

начальнику своему, какому-то повытчику, человеку весьма суровому, неразговорчивому и вовсе нерасположенному оказывать кому-либо благосклонность; но и повытчик не устоял, подался — и не успели оглянуться невзрачные чиновники, как взрачный уже переехал к нему на квартиру, стал жить с ним, совершенно как в семействе, даже[1] исправлял иногда должность домоводки, разливал[2] чай, принимал просителей и даже сек кухаркина сына, словом, совершенно, как у себя.[3] Хозяин сам был вдовец, но имел[4] зрелую дочь, наследницу благоприобретенного имения. Повидимому, казалось, он прочил ее в невесты Чичикову, и Чичиков, казалось, тоже был не прочь, обращался с ней как с невестой,[5] а повытчика называл папенькой и целовал в руку. Но как скоро получил место и сделался сам повытчиком, то переехал на другую квартиру, повытчика перестал звать папенькой и не целовал больше в руку, а дело о невесте так и прошло, как будто не бывало вовсе.[6] При всем том, однако же, весьма приветливо с ним раскланивался, когда встречался, просил к себе[7] на чай, так что престарелый чиновник, хотя очень сильно[8] потом почесывался в затылке, но не мог[9] не убедиться, что Чичиков, точно, приятный человек. С этих пор герой наш стал думать сурьезно, как подобно всякому

шадиный сап или потчивал всех дыханием, проникнутым спиртом. Всё служащее сословие не всегда было опрятно и плохо брилось, так что подбородки их были почти всегда похожи на крупные железные напильники такого же серо-железного цвета. Итак, весьма естественно, что такой человек, как Чичиков, с некоторыми тогда уже начинавшими оказываться приятными поступками, приличием во всем и, наконец, тою добродетелью, которую всякий отец рекомендует своему сыну и которая известна под именем искательности, он мог пробить себе дорогу.

[1] *Вместо* «но и повытчик ∾ в семействе, даже»: но, наконец, он так около него увивался, что повытчик не устоял, подался, и наконец, как уж это случилось, только герой наш переехал к нему на квартиру жить с ним и даже [2] и разливал [3] «принимал ∾ у себя» *вписано.* [4] вдовец, впрочем имел [5] имения, собиравшегося по целковым. Повытчик готовил ее в невесты Чичикову, так была сильна его привязанность, и сам Чичиков был, как казалось, не прочь, обращался с ней как с будущей невестой [6] не целовал больше в руку и о невесте не заикался вовсе. [7] просил даже к себе [8] чиновник сначала очень сильно [9] но однако же не мог

благоразумному человеку извлечь, как говорят, выгоду из службы. С помощию ли увлекательных преимуществ наружности и обхождения или чего иного, о котором знает[1] лучше всякий находящийся на службе, только ему удалось, наконец, получить то, что называют наживное местечко. Целые две недели [после] вследствие этого получения видно было в лице нашего героя самое праздничное выражение в лице. Он переменял даже беспрестанно чистые рубашки, и в глазах его было что‹-то› такое веселое, как у жениха. Радость эта была несколько уменьшена принятыми строгими мерами со стороны правительства противу всяких взятков. Но Чичиков и здесь нашелся и доказал старую истину: русской человек сметлив, и тогда-то именно и выкажет изобретательность, когда его хорошенько прижмут. Вскоре он из самого преследования извлек выгоды и возблагодарил даже бога за всякие меры, предпринимаемые противу взяток.[2] Если являлся к нему проситель, он принимал его очень вежливо, с самым приятным[3] и обворожительным обхождением, уверял, что всё будет сделано, что он не должен беспокоиться ни о чем, и если тот заикался как-нибудь о благодарности, то он обеими руками изъявлял совершенное отрицание. Следовали многие приятные слова и выражения: «помилуйте, как можно, неужели вы думаете, чтоб я имел в виду какую корысть; нет, сделайте милость, ничего, ничего не хочу; это наш долг, наша обязанность, будьте покойны совершенно, всё будет сделано самым скорейшим образом и завтра же поутру вы получите известие. Позвольте узнать вашу квартиру, вам беспокоиться нечего самим, всё будет принесено к вам на дом». Так что проситель, очарованный приятными поступками и учтивым

---

[1] наружности своей и обхождения, или чего другого, наверное сказать не умею, но это знает [2] *Вместо* «только ему ∾ взяток»: дело только в том, что, наконец, удалось ему получить то, что называют наживное местечко. Нельзя скрыть, что оно принесло ему радость, даже едва не вышедшую из границ. Но радость эта значительно уменьшилась, когда правительство приняло строгие меры противу всяких взятков. Но так как русской человек сметлив и показывает именно тогда изобретательность, когда его хорошенько прижмут, то в скором времени и герой наш так умел найтись, что извлек даже выгоду и внутренно возблагодарил бога за преследование взяток. [3] принимал его так вежливо, с таким приятным

обхождением, возвращался домой чуть не в восторге, приговаривая: «вот, наконец, человек, каких бы надо побольше на подобных местах! Как приятно встретить такого благородного и бескорыстного человека!» Только ожидает проситель день — не приносят ничего к нему на дом. «Ну, сегодня, верно, он занят, что-нибудь помешало». Но на другой день нет никакого известия, на третий — тоже. Проситель решается итти сам в канцелярию, расспрашивает писарей и разную мелюзгу и узнает, что дело и не начиналось. Он к начальнику: «Ах, извините», говаривал Чичиков, весьма приятно и дружественно схватив за руки просителя: «у нас было столько дел, но будьте покойны совершенно, завтра же будет сделано всё и принесено к вам прежде обеда». И всё это выражалось с самыми обворожительными движениями. Если при этом распахивалась как-нибудь пола халата, то рука в ту же минуту придерживала эту полу, словом, всё было в самом пристойнейшем виде. А между тем проситель у себя на дому ждал день, другой — известие не приносится на дом; он берется, наконец, за ум: «да полно, нет ли здесь чего?» Расспрашивать того, другого — говорят, нужно дать писарям. «Помилуйте, помилуйте, почему ж не дать: я готов,[1] из пустяков да стал бы я длить дело, почему ж не дать секретарям четвертак, другой». — «Нет, не четвертак, а беленькую», отвечают. «Как беленькую писарям! Да ведь тут всего писанных три строки». — «Да писарям-то», отвечают, «четвертак и придется, а остальное пойдет начальнику». — «Так вот что», говорит проситель, скребя рукой у себя в голове и давши себе от души название дурака: «так зачем же, чорт возьми, я даром сидел две недели». И ворчит он, полный нехорошего расположения духа, браня[2] на чем стоит свет изменившийся порядок вещей. Что прежде было, по крайней мере, известно, что принес-де правителю[3] красную — да и дело в шляпе; а теперь беленькую, да еще провозишься две недели, чорт бы побрал все облагороженные[4] обхождения и обращения чиновников. Впрочем,

---

[1] Помилуйте, я готов [2] бранит [3] *Вместо* «Что прежде ∾ правителю»: Прежде ∾ принес правителю [4] чорт бы побрал все эти благородные и облагороженные

в этом нечего винить Чичикова, он поступал сообразно с веком; не один он выиграл[1] чрез преследование взятков, ибо выгод все-таки предстоит ничуть не меньше, может быть даже и больше, а взяточником никто не назовет, напротив, всякой скажет: «О! он честнейший, благороднейший человек, но секретари мошенники», почти то же, что Мироны. Мироны в стороне, как сказал Крылов. Скоро представилось герою нашему новое поле для извлечения выгод:[2] составилась комиссия постройки храма божия. В эту комиссию пристроился и герой наш и оказался весьма скоро одним из самых деятельных членов. Комиссия, как водится, подвизаясь с ревностию и усердием, приступила к делу. Но климат что ли мешал или огромность храма была причиною,[3] только целые четыре года они ровняли всё еще одно только место[4] для фундамента, а всё еще ни один кирпич не был выведен, но зато явление случилось другого рода: фундамента не вывели, а в других частях города очутилось у каждого члена комиссии по каменному дому в три этажа, весьма недурной гражданской архитектуры. Чиновники уже начинали благоденствовать и многие заводиться семейством, как вдруг внезапно прежний начальник был сменен, а на место его прислан другой, человек военный, прямой и в душе, точно,[5] враг всякого интереса, взяток и всего, что называется в обширном смысле неправдой. Новый начальник принялся за всё, как водится, со всею надлежащею строгостию, потребовал отчеты, увидел запутанность, на каждом шагу недочеты, везде недостающие суммы, и не мог при этом не остановить внимания на новые здания приятной гражданской архитектуры, украшавшие город. Тут же произведено следствие по всей

---

[1] сообразно с веком; очень многие кроме ⟨н⟩его не только не потерпели, но значительно выиграли [2] *Вместо* «ибо выгод ∾ извлечения выгод»: ибо выгод-то настоящих не потеряли, а взяточниками их никто не назовет, напротив, они известны за честнейших и благороднейших людей, только что разве секретари мошенники, и выйдет: Мироны в стороне, как сказано Крыловым. Скоро судьба или, как говорится, счастие представила герою нашему новое гораздо обширнейшее поле и выгоднее и наживнее вместе. Именно [3] была тому причиною [4] четыре года ровняли они место [5] в душе своей действительно

строгости законов, члены попали под суд, красивые дома поступили в казну на разные богоугодные заведения и школы для кантонистов, всё прочее чиновничество было напугано, распугано, перепугано и распечено, выражаясь служебным слогом, на пропало. Многие, и в том числе наш герой, были отставлены с самыми запачканными аттестатами и предписаниями не принимать ни в какую службу. Но так как начальник был военный и, стало быть, не знал всех гражданских проделок, то мало-помалу посредством благовидной наружности, умения угождать и приобретенной наружной правдивости начали входить осторожно к нему в милость секретари и прочие чиновники. И генерал очутился скоро в руках мошенников еще хуже прежних, которых впрочем он[1] не подозревал никак мошенниками, напротив, даже радовался,[2] что выбрал[3] людей, как следует, и подчас[4] хвастался не на шутку прозорливостию, умением[5] различать людей и совершенным истреблением[6] всяких злоупотреблений. И на мысли его не входила тень подозрения, что может быть он невинно и без всякого намерения несравненно более наделал злоупотреблений, чем все его предшественники. Чиновники, присмотревшись несколько к новому начальнику и [рассмотревши] узнавши дух и мнения его, начали несколько оправляться. В это время и Чичиков, несколько встряхнувшись после сильного удара, стал помышлять сильно сколько-нибудь поправить дело. Он[7] употребил все старания войти в близкие сношения с одним из ближайших секретарей к его превосходительству. Может быть сей последний имел чин другой и назывался иначе, но мы лучше будем называть всех подчиненных чиновников секретарями. Итак Чичиков, с помощью кое-какой тысяченки, обратился к секретарю, чтобы обделать и поправить свое дело; но однако же как ни велика была привязанность генерала к своему секретарю, но он отказал наотрез.[8] Всё, что мог сделать секретарь, это было уничто-

---

[1] которых он однако же [2] а напротив, внутренно еще радовался [3] выбрал, наконец, [4] и даже подчас [5] прозорливостию и умением [6] и истреблением [7] *Вместо* «И на мысли ∾ Он»: не подозревая, что невинно и без всякого намерения несравненно более наделал злоупотреблений, чем его предшественники. Чичиков [8] отказал решительно и наотрез.

жение[1] замаранного послужного списка, и на это умный секретарь подвинул начальника состраданием, изобразив ему трогательную картину несчастного положения семейства Чичикова, которого у него[2] не было.

И так, герой наш возвратил только право подвизаться вновь на службе государственной, но уже не мог возвратить ни дома красивой гражданской архитектуры, ни прочих благоприобретенностей. За всеми надлежащими задабриваниями и подмасливаниями кого следует остался у него какой-то самый вздор. В продолжении сего печального времени он перестал совершенно заниматься своею наружностию, что случалося с ним всегда в обстоятельствах критических.[3] То уже было он совершенно начинал входить в те степенные, приличные формы,[4] в каких читатель нашел его при заключении с ним знакомства в первой главе. И уже не раз, заглядывая в зеркало, подумывал он о многом весьма приятном:[5] о бабенке, о детской, о кое-каких изменениях в доме, после чего долго сохранялась в лице его приятная усмешка.[6] Но после нами описанного печального события из него вышел совсем[7] другой человек: заботливое и грустное выражение означилось сильно на лице его,[8] и когда нечаянно случилося ему взглянуть в зеркало, он не утерпел, чтобы не сказать: «Какой[9] же я стал гадкий!» Нужно же однако ж было скрепиться духом и начать вновь поприще жизни. Не без затруднений он пристроился при

---

[1] было только уничтожение [2] которого однако же у него [3] В продолжении сего печального времени, как случалося с ним всегда в обстоятельствах критических, он перестал вовсе заниматься своей физиономией и похудел необыкновенно [4] формы тела [5] *Вместо* «И уже ∾ приятном»: Он чувствовал это сам и, взглядывая в зеркало, подумывал о многом очень приятном [6] *Вместо* «после чего ∾ усмешка»: и в ожидании дальнейших более существенных ласк награждал себя слегка легким потрепливанием по щеке и всегда уходил от зеркала с небольшою усмешкой; *а.* и всегда небольшая приятная усмешка долго сохранялась после того в лице его. [7] из него сделался совершенно [8] и грустное выражение стало заметно вызначаться в чертах лица его [9] чтобы не вскрикнуть: «Мать ты моя пресвятая, какой; *а.* чтобы не вскрикнуть: «Чорт знает что такое, какой

каких-то питейных[1] сборах, но скоро бросил по причине крайнего неблагородства службы. «Грязная должность, чорт побери», выразился[2] он, «ничего для души нет». Надобно заметить, что Чичиков любил службы благородные и был строгий блюститель всякого рода благопристойностей, чтобы не только были вежливы чиновники, но даже чтобы столы были непременно из[3] красного дерева. Всякий хотя немного дурной запах уже оскорблял его. С этой стороны нервы[4] его были так же чувствительны, как у девушки: когда Петрушка одевал или раздевал его, он почти всякий раз клал к себе в нос гвоздичку. Читателям без сомнения приятно будет узнать, что герой наш всякие два дни переменял чистую рубашку, а в летнее жаркое время даже два раза на день. Итак, служба по питейным сборам ему совершенно не понравилась, тем более что и выгод [ему] представлялось в ней весьма немного. В откупщики, конечно, он бы пошел, да для этого именно нужно было то, что у него было в плохом состоянии, то есть деньги.[5] Герой наш решился попытаться еще служить по таможне. Надобно знать, что сей род службы был издавна предметом тайных его желаний. Он видел,[6] какие редкие вещицы, фарфор, бронзы, материи и батисты получали родственницы и кумушки служивших по таможне чиновников. И весьма часто, служа еще в палате и в комиссии построения храма, устав от дел и забот, а иной раз, может быть, и от виста или другой вседневной суеты, произносил он

---

[1] *Вместо* «Нужно ∾ питейных»: Скрепившись духом и ободривши себя как мог, он решился вновь начать поприще жизни. Он определился не без затруднений при питейных [2] так выразился [3] были из [4] чувства и нервы [5] *Вместо* «Итак служба ∾ деньги»: Впрочем, может быть, и самая преобладавшая в нем страсть к приращениям быстрым, образующимся в непродолжительное время, была также одною из причин к увольнению от службы по питейным сборам. В откупщики, другое дело, он бы пошел, но другие не принимали его в собратья без предъявления по крайней мере пятидесяти тысяч наличных. Таким образом питейная часть, имеющая такое всеобщее у нас и важное значение, была оставлена; *а.* Итак служба по питейным сборам ему совершенно не понравилась. Впрочем и самая может быть страсть к приобретениям быстрым, а не тем, которых ожидают целые годы, была причиной, что он оставил ее. [6] Он видел не без особенного участия

почти со вздохом: «Вот бы куда определиться! Вот где настоящее местечко, и граница близка, и просвещенные люди».[1] Но что-нибудь всегда мешало удовлетворить тогда же такому побуждению: или представлявшиеся разные текущие тоже не вовсе ничтожные приращения, или благоразумная мысль, что таможня все-таки не более как журавль в небе, а комиссия уже синица в руках. Теперь же, когда ни палата, ни комиссия уже не останавливали, он предался совершенно одной мысли. С редкою аккуратностию и неслыханною отчетливостию он тут же расчислил, во сколько времени можно совершить процесс значительного приращения, и нашел, что, допустивши одни так называемые законные или позволенные доходы, можно в десять лет с небольшим получить порядочное значение в свете, не говоря уже [о том, что] о тончайших голландских рубашках, которыми можно было запастись на всю жизнь и об[2] и один сорт французского мыла, которое сообщало свежесть щекам и нежность коже, которого имени автор, право, не припомнит.[3] Новый чиновник едва успел определиться в должность, как уже был замечен с хорошей стороны начальством. Скоро увидели необыкновенные его способности. В самом деле, казалось, сама судьба определила быть ему таможенным чиновником. Подобной расторопности, проницательности и прозорливости было не только не видано, но даже не слыхано. В три недели не более он так набил руку в таможенном деле, что знал решительно всё, даже не весил, не мерил, а по фактуре узнавал, сколько в какой штуке аршин материи или сукна; взявши в руку сверток, он мог сказать

---

[1] и граница близка; с просвещенными людьми можешь провести время. [2] *Далее текст остался несогласованным.* [3] *Вместо* «не говоря ∾ не припомнит»: Надобно заметить, что при сем обстоятельстве представились даже ему тонкие голландские рубашки, которые он уже давно хотел иметь, так же как и один сорт мыла, название которого мне, право, неизвестно, но которое будто бы очень полезно было для щек, сообщая им свежесть и самую тонкую нежность коже; *а.* Голландские рубашки самые тончайшие начали тоже представляться [в уме] в голове и один сорт французского мыла, которое он давно знал и которое сообщало свежесть щекам и нежность коже.

вдруг, сколько в нем фунтов. Что же касается до обысков, то здесь, как выражались сами даже товарищи, было у него просто собачье чутье. Нельзя было не изумиться, видя, как у него доставало столько терпения и деятельности, чтобы ощупать всякую пуговицу, и всё это производилось с самым убийственным хладнокровием, вежливым до невероятности. И в то время, когда обыскиваемые бесились, выходили из себя и чувствовали злобное побуждение избить щелчками приятную его физиономию, он, не изменяясь ни мало ни в лице, ни в вежливых своих поступках, приговаривал только: «Не угодно ли вам немножко побеспокоиться и привстать» или: «Не угодно ли вам будет, сударыня, пожаловать в другую комнату; там супруга одного из наших чиновников осмотрит вас» или: «Позвольте, вот я ножичком немножко пораспорю подкладку вашей шинели». И, говоря это, он вытаскивал оттуда шали, платки так же хладнокровно, как будто бы из собственного сундука. Даже начальники изъяснялись, что это был чорт, а не человек, и что решительно ничего не могло от него укрыться. Он отыскивал в колесах, дышлах, в лошадиных ушах и нивесть в каких местах, куды бы никакому автору не пришла мысль забраться, а куда позволено забираться только таможенным чиновникам, так что бедный, переехавший через таможню, всё еще в продолжении нескольких минут не мог опомниться и, отирая пот, выступивший мелкою сыпью по всему телу после таковой проделки, только крестился да приговаривал с изумлением: «Ну, ну, ну!», и его положение очень похоже было на положение школьника, выбежавшего из секретной комнаты, куда начальник призвал его с тем, чтобы дать кое-какое наставление, но вместо того высек совершенно неожиданным образом. В непродолжительное[1] время не было никакого житья[2] контрабандистам. Это была решительная гроза и отчаяние всего польского жидовства. Распоряжаясь и служа таким образом, с помощию расторопности, разных конфискованных товаров и просто отобранных кое-каких вещей, не поступивших в казну во избежание излишней переписки и

---

[1] Словом, в непродолжительное [2] не было житья

прочего, и пр<очего>, словом, с помощью того и другого удалось ему составить опять капиталец, который мог доставить ему опять значение в обществе, если бы не попутал чорт, по выражению русского человека.[1] Приращение вышесказанным порядком показалось неизвестно почему несколько медленным. Говорят, что кто только начал немного входить во вкус в приобретениях, тому трудно остановиться, пока не съеден будет весь кусок. По этой самой причине герой наш решился войти[2] в секретные сношения с образовавшимся вновь обществом контрабандистов. Против соблазнов не устоял также и другой чиновник, его товарищ, несмотря на то, что волосом был сед. В самом деле, здесь представились такие выгоды в один год, каких в иной службе не представляются и в десять. Жиды прыгали от радости, что, наконец, перетащили на свою сторону самого неутомимейшего из своих гонителей. Читатель, без всякого сомнения, слышал так часто у нас повторяемую историю об остроумно придуманном путешествии испанских баранов, которые, совершив переход через границу в двойных тулупчиках, провезли под тулупчиками на несколько миллионов брабантских кружев. Это происшествие случилось именно тогда, когда Чичиков служил при таможне. Если бы он не участвовал в сем деле, жидам никогда бы не удалось привести в исполнение подобное предприятие. После трех или четырех разов бараньего похода через границу у обоих чиновников очутилось едва ли не по сту тысяч капитальцу. У Чичикова, говорят, даже немного и более, потому что был молодцеватее. Бог знает, до какой бы еще благословенной цифры возрос этот капиталец, если бы тот же друг человеческого рода не подвернулся весьма некстати и не сбил с толку обоих чиновников. Чиновники, как говорится, просто перебесились, поссорились ни за что. Как-то в жарком разговоре, а может

---

[1] значение в обществе, и, вероятно, значение это увеличивалось бы потом и более, если бы не подвернулся старый друг человеческого рода, известный под именем чорта. [2] Говорят, кто отведал хотя немного истинного вкуса в приобретениях, тому трудно остановиться, пока не съеден будет весь кусок. По этой самой причине герой наш решился войти

быть отчасти и выпивши, Чичиков назвал другого чиновника поповичем, а тот, хотя, действительно, был попович, но, неизвестно почему, обиделся чрезвычайно и ответил ему очень резко и сильно, именно вот как: «Нет, врешь, я статский советник, а не попович; а вот ты так попович». И потом еще прибавил: «Вот, мол, что!» Хотя он срезал и уничтожил его совершенно, обративши таким образом на него самого приданное название и хотя выражение «Вот, мол, что» могло иметь сильное значение, но, не удовольствуясь этим, он послал тот же час на него тайный донос. Впрочем, говорят, что и без того произошла у них сильная ссора за какую-то крепостную душу женского пола, крепкую бабенку с свежими щеками, как выражались таможенные чиновники, что будто даже были подкуплены люди несколько поизбить нашего героя под вечер в темном переулке, но что будто бы крепкою бабенкой не воспользовался ни Чичиков, ни другой чиновник, а воспользовалось лицо совершенно постороннее, какой-то штабс-капитан Пономарев. Автор признается, что не охотник вмешиваться в семейные дела, ниже в те, которые имеют вид семейных, и потому не может сказать наверно, как было дело. Впрочем, во всяком случае настоящего толку было бы весьма трудно добраться и потому он оставляет досочинить тем из читателей или читательниц, которые чувствуют уже к этому особенное влечение. Таким образом тайные сношения с контрабандистами сделались открытыми. Статский советник, хотя и сам пропал, но рад был, что упек хоть своего товарища. Обоих, как водится, взяли под суд и отставили от службы. Статский советник по русскому обычаю с горя запил, но надворный устоял; он пустил опять в ход оборотливость своего ума, ловкость и кое-какие запасные тысяченки, и так как люди слабы, а деньги хоть и мелкая вещица, но весу довольно, то ему удалось, по крайней мере, обработать так, что его не отставили с таким бесчестием, как товарища. Но уж ни капиталу, ни разных заграничных вещиц, словом, ничего не осталось нашему герою. На всё это нашлись другие охотники. Удержалось у него тысяченок десять кровных, которые он прятал на черный день в таком месте,

Наброски к главе одиннадцатой. Автограф.

Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина в Москве.

куда не могли докопаться, да дюжины две голландских рубашек, да небольшая бричка, в какой ездят холостяки, да два крепостных человека, кучер Селифан и лакей Петрушка, да таможенные чиновники, движимые сердечною добротою, оставили ему четыре или пять кусков мыла для сбережения свежести и белизны щек — вот и всё. Итак, вот какого рода было положение нашего героя. Это называл он «потерпеть по службе за правду». Читатель мог бы, конечно, подумать, что, после таких испытаний и превратностей судьбы, тревог и жизненного горя, он удалится в какое-нибудь мирное захолустье уездного городишки и кое-как своими кровными десятью тысяченками будет наслаждаться небольшими удовольствиями жизни: напиться чаю с каким-нибудь капитан-исправником да выглянуть в ситцевом халате подчас из окна низенького деревянного домика на какого проезжающего, которого нашлет бог раз в год для доставления разнообразия уездному жителю, и проведет таким образом век не шумный, но, в своем роде, может быть тоже не бесполезный. Но так не случилось. Надобно отдать справедливость, Чичиков был, точно, человек с характером. После всех этих неудач и неприятностей, которые достаточны охладить всякого, страсть к приобретению в нем не угасла ни мало. Он был в досаде, в горе, роптал на весь свет, сердился на несправедливость судьбы, негодовал на несправедливость людей, а всё, однако же, не мог никак оставить цели, к которой неслись его помышления. В этом отношении он был сущий немец и одарен щедро той добродетелью, которой недостает у русского человека, именно, терпением. Он рассуждал, и, в самом деле, в рассуждениях его видна была некоторая сторона справедливости: «Почему же», говорил он: «мне одному такое несчастие? Почему же другие, которые приобретают и наживаются тоже пополам с грехом, а иногда и совсем с грехом, почему же другие приобретают и вес и зна‹чительность›,[1] уважение, проводят остаток дней честно в кругу

[1] *На этом слове обрывается текст рукописи, написанной переписчиком. Далее вшиты десять листов (автограф), заменившие несохранившиеся листы.*

семейства, в совершенном изобилии и благополучии. Чем я хуже других, зачем же я несчастнее других, ведь я приобретал так же, как и другие, [конечно] может быть, разве только другими [средствами] способами. Но, однако ж, никому не причинил я вреда. Никого не сделал я несчастным, никто не пострадал от меня: я не ограбил вдову, я не пустил кого-либо по миру в одной рубашке, как делают весьма многие». (Герой наш пропустил кое-какие уроны, которые претерпела казна, но у нас, впрочем, составилось мнение, что казна богата.) «За что же я один должен пить горькую чашу, тогда как другие благоденствуют и наслаждаются всеми благами мира? И что же я теперь? Куда я гожусь теперь? На что может послужить жизнь моя, лишенная значения, приличного чину и летам и званию. Какими глазами я могу смотреть теперь в глаза всякому почтенному, пользующемуся уважением человеку? Как не чувствовать мне угрызения совести, чувствуя, что, так сказать, даром бременю землю, и что скажут потом мои дети? Вот, скажут, отец скотина, не оставил нам никакого состояния». Читатели, я думаю, и прежде имели случай заметить,[1] что герой наш чрезвычайно заботился о потомках. Так уж заведено на этом грешном свете. Это уже такая чувствительная струна. Иной бы может быть и не так глубоко запустил руку, если бы не вопрос, который, нивесть почему, приходит сам собою: «А что скажут дети?» И вот будущий родоначальник, как осторожный кот, покося только одним глазом, не глядит ли откуда-нибудь хозяин, хватает поспешно всё, что к нему поближе: масло, свечи, кенарейка ли попалась под лапу — словом, не пропускает ничего. Так плакал герой наш, такими жалобами и стенаньями оглашалось всё внутри его, а деятельность не умирала и в голове всё что-то хотело строиться и, казалось, ожидало только как-нибудь смелого плана. В ожидании [будущих] дальнейших видов, он решился покамест заняться званием поверенного по частным, звание еще не приобретшее у нас права гражданства, которого пихают и толкают со всех сторон, смотрят

---

[1] *а. Вместо* «Читатели ∾ заметить»: Нужно заметить

свысока на него и мелкая приказная тварь и сами поверившие дела, звание определенное на [жизнь] совершенное пресмыкание в передних, на грубые слова из уст их и развитие всех достойных пройдох, на которых бывает так же способен всё тот же чудный русский человек. Среди разных поручений досталось ему, между прочим, похлопотать о заложении в Опекунский совет нескольких сот крестьян. Имение было расстроено: разные скотские падежи, повальная болезнь, истребившая лучших работников, прикащики и, наконец, плохое управление самого хозяина побудили владельца для поправления как самого[1] имения, так и для удовлетворения кое-каких своих надобностей, в которых, натурально, не бывает никогда недостатка у русского человека, прибегнуть к залогу, который тогда был делом еще совершенно новым и на который решались не без страху. Чичиков, в качестве поверенного, прежде расположивши всех, кого следует, потому что без надлежащего расположения не только не может итти никакое дело, [не может итти даже] но даже не может быть взята простая справка или выправка, все-таки хоть[2] по бутылке мадеры влить во всякую глотку нужно непременно. Итак, расположивши всех, спросил не без боязни, что вот-де какая история случилась, что больше половины крестьян вымерло, так [нельзя ли так загладить, они де могут умереть и после] пожалуйста [дескать] чтобы какой-нибудь прид‹ирки?›. «Да ведь они же в ревизской сказке числятся?» сказал секретарь. — «Числятся», отвечал Чичиков. «Ну так что же вы?» сказал секретарь: «хоть бы и все вымерли. Один умер, другой родится, и всё в дело годится». Секретарь, как видно, умел говорить и в рифму. А между тем, героя нашего осенила самая вдохновеннейшая мысль, какая когда-либо приходила в человеческую голову. «Эх я, Аким Плошина», сказал он сам себе: «ищу рукавиц, а обе за поясом. Да накупи я всех этих душ, которые вымерли, покамест не подавали еще

---

[1] *а.* как собственного [2] *а.* потому что расположить нужно непременно: всё равно дело правое или неправое, важное или бездельное. По крайней мере хоть; *б. Начато:* потому что расположить нужно непременно: без этого ни одно

новых ревизских сказок, да приобрети хоть, например, их тысячу, да, положим, Опекунский совет даст по 250 на душу, вот уж у меня будет 250 капиталу. Теперь же время как нарочно удобное. Не так давно еще была эпидемия, народу вымерло, слава богу, не мало, помещики попроигрывались, закутились и прокутились, всё полезло в Петербург служить, имения брошены и управляются кем как ни попало, подати уплачиваются с каждым годом труднее, так мне с радостью всякой уступит уже потому только, чтобы не платить за них даром, а может быть и так случится, что с иного я еще зашибу копейку.[1] Вот беда, разве что без земли, но это не остановит: время теперь именно такое, какое в другой раз не случится. Теперь продаются земли от казны в Херсонской и Таврической губернии, говорят, по рублю десятину, туда их всех и переселю. А переселение можно сделать законным порядком, как следует по судам, это уж мое дело, я это сделаю. Если захотят освидетельствовать крестьян, пожалуй, я и тут не прочь, почему же нет. Я представлю и свидетельство за собственноручным подписанием капитана-исправника. Деревне, пожалуй, можно дать имя, или пусть будет просто Чичикова слободка, или можно даже назвать ее по имени, данному мне при крещении, то есть какое-нибудь село Павловское».

И вот каким образом образовался в голове нашего героя сей странный сюжет, отныне занявший исключитель‹но› все помышления его, за который, не знаю, будут ли благодарны ему читатели, а уж автор так благодарен, что и сказать нельзя. Как бы то ни было, но, не приди в голову Чичикову эта мысль, не явилась бы на свет сия поэма.

Перекрестясь и благословясь по русскому обычаю, герой наш принялся очень ревностно за исполнение задуманного плана. Под видом избрания места для жительства, а иногда и для собственного удовольствия и под разными другими предлогами он предпринял заглянуть в те и другие углы нашего обширного государства, и преимущественно в такие углы, которые особенно более других пострадали от каких-

---

[1] *а. Далее начато:* Копотливо, чорт возьми, да при этом

нибудь несчастных случаев: неурожаев, смертностей и прочего, прочего. Словом, где бы можно было и поудобнее и подешевле накупить потребного народу. Он никак не адресовался наобум ко всякому помещику, а, напротив, избирал людей более по своему вкусу, таких, с которыми бы можно было делать подобные сделки, которых уже он сколько-нибудь узнал. Итак, читатели [никак] не должны негодовать на автора, если лица, доселе являвшиеся, не пришлись по их вкусу: автор совершенно в стороне, виноват Чичиков; автору[1] очень хотелось бы избрать других, и он даже отчасти знает, какие характеры понравились[2] бы читателю, ну, да поди между прочим, сладь с Чичиковым: у него совершенно другие потребности. Здесь он[3] полный хозяин, куды ему вздумается[4] поехать, туда и мы должны тащиться. Автор, с своей стороны, если уж точно падет на него[5] сильное обвинение за невзрачность лиц и характеров, может привести одну причину. Никогда вначале не видно всего мужества развития и широкого течения. Въезд в какой бы ни было город, хоть даже в столицу, всегда как-то бледен, всё как-то сначала серо и однообразно: тянутся какие-нибудь бесконечные стены и заборы, да заводы, закопченные дымом, и потом уже выглянут углы шестиэтажных домов, магазины, вывески, громадные перспективы улиц с городским блеском, шумом и громом и всё, что на диво произвела рука и мысль человека. По крайней мере, читатель уже видел, как произвел первые покупки Чичиков, как пойдет дело далее и какие пойдут удачи потом и что произведет всё это, увидят потом. Еще много пути предстоит совершить всему походному экипажу, состоящему из господина средних лет, брички, в которой ездят холостяки, лакея Петрушки и кучера Селифана, с подведомственной ему, где красуется фаворит гнедой, подлец серый и обыкновенный пристяжной конь. Итак, вот, наконец, весь на лицо герой наш, таков, как есть. Может быть еще потребуют заключительного определения одной чертою: кто же он относительно

---

[1] *а. Вместо* «автору»: а ему бы [2] *а.* какие бы понравились [3] *а.* а к тому же он [4] *а.* куды он захочет [5] *а.* точно будет у него

качеств нравственных? Это видно, что он не герой, исполненный всех совершенств и добродетелей, — разве подлец? Почему же подлец. Зачем же быть так строгу? Теперь у нас подлецов не бывает; есть люди приятные, благонамеренные, а таких, которые бы на всеобщий позор выставили свою физиогномию под публичную оплеуху, отыщется разве каких-нибудь два-три человека, да и те уж говорят теперь о добродетели. Справедливее, полагаю, назвать героя нашего прожектером. У всякого есть свой прожект. Может быть, покажется только неприятным читателю, что этот прожект составил почти главное в характере. У кого же нет какого-нибудь одного стремления, оставляющего неотразимое свое выражение в характере и подобно холодному рассудительному деспоту,[1] истребляющему мало-помалу все другие потребности души. И не только одна сильная или смелая страсть, но не раз[2] не значущая страстишка к чему-нибудь мелкому разрасталась в человеке и заставляла позабывать его высокие и святые обязанности и в ничтожных побрякушках видеть высокое и святое. Безумно слепо мы все влечемся к какой-нибудь одной страсти и слепо жертвуем для нее всем; и есть что-то упоительное, восторженное, вечно зовущее[3] в сем влечении. И у автора, пишущего сии строки, есть страсть, — страсть заключать в ясные образы приходящие к нему мечты и явления в те чудные минуты, когда, вперивши очи в свой иной мир, несется он мимо земли и в оных чудесных минутах, нисходящих к нему в его бедный чердак, заключена вся жизнь его и, полный благодарных слез за свой небесный удел, не ищет он ничего в сем мире, но любит свою бедность сильно, пламенно, как любовник любит свою любовницу. Но читатель [и] сему не поверит, и в том он прав: всякой есть господин и властен верить и не верить. Разнообразны, бесчисленны возникают и образуются стремления в человеческих сердцах и чем они слепее, тем необходимо своеобразней и тем невероятней людям. Но почему не допустить Чичикову одной преобла-

---

[1] и как холодный рассудительный деспот, [2] но даже [3] упоительное, чудное

дающей страсти. Правда, в этом нельзя спорить, что в страсти к приобретениям есть что-то [такое] отталкивающее, то есть, конечно, если оно будет сообщено герою поэмы. В натуре — другое дело, в натуре ничего — и множество читателей оттолкнутся, и уже невольная грусть овладела душою автора. Не потому грустно, не потому тяжело, что будут недовольны Чичиковым, что не понравится герой поэмы нашей, но потому грустно и тяжело, что живет в душе такая верная, неизменяющаяся уверенность, что тем самым героем, тем же самым Чичиковым были бы довольны читатели. Не загляни автор поглубже в его душу, не шевельни на дне ее того, что ускользает невидимо и прячется от света [а что прячется под маску], не обнаружь сокровеннейших его мыслей, которых никакому другу не поверяет человек, а покажи его таким, каким он показался всему городу NN, Манилову и многим другим помещикам, — и все были бы радешеньки и приняли бы его за интересного человека. Нет нужды, что ни лицо ни фигура не остались отточенными в головах их, что он не мечется перед глазами, как живущий человек, зато по окончании чтения они не растревожены ничем, душа их была покойна и они могут обратиться вновь к мирным занятиям, то есть сесть за вист, побежать с неразвлеченным вниманием выбрать из принесенных магазинной девушкой коробов именно что гармонирует более всего с головным убором и цветом волос, и знает он вас много, мои почтенные читатели, вам бы хотелось чтоб вас убаюкивали ‹как› ребенка, вам бы не желалось, чтоб обнаруживали пред вами бедность жизни, ничтожные страстишки и много много того, чего так много на свете. Зачем, говорите вы, изображать всё это и обращать в неизгладимые строки, к чему это, разве мы не знаем сами, что есть много презренного и глупого в жизни. И без того случается нам часто видеть то, что[1] вовсе не утешительно видеть. Лучше нам представлять что-нибудь хорошее,[2] пусть лучше мы позабудемся и вы похожи с вашим[3] стремлением позабыться

---

[1] *а.* видеть то, что бы не хотелось видеть [2] *а.* что-нибудь утешительное [3] *а.* похожи с рассуждениями вашими

на помещика, которому пришел докладывать прикащик, что та и другая часть в хозяйстве идут совершенно плохо и что если он сам не обратит на это внимания и пожертвует на поправление хотя половину из принесенного оброка, так скоро и поправить нельзя будет. Да зачем, брат, ты говоришь мне это? — отвечает помещик, — ведь я и без тебя знаю, что всё идет дурно. Да дай мне по крайней мере позабыться, я по крайней мере тогда счастлив, я не слышу ничего этого. И вот те деньги, которые хоть сколько-нибудь поправили бы дело, идут на разные средства для приведения себя в забвение. А там вдруг неожиданным образом продают его именье с аукциона, и пошел помещик в одном легком сертучке забываться по миру с душою, готовой от крайности на все низости. Еще будет на автора одно обвинение[1] и найдутся так называемые патриоты, которые скажут: да ведь это всё наше, ведь это всё грехи русские, хорошо ли выставлять их, а что скажут и подумают о нас иностранцы. Ну, против подобного мудрого обвинения автор признается, что даже не находится и отвечать. Видно придется ему вместо ответа привести двух обитателей одного незаметного уголка России Писта Пистовича и сына его Феописта Пистовича. Пист Пистович был характера самого кроткого, какой когда-либо был видыван в человеке. [Всю] жизнь свою он провел то, что называется халатным образом, состоявшую в беспрерывном хождении по комнате, в курении трубки и в постоянном размышлении об одном предмете, хотя, конечно, несколько странном. Именно почему зверь родится нагишем, а не так, как птица, т. е. не вылупливается так, как птица из яйца. Феопист Пистович был, напротив, то, что по-русски называется богатырь, и двадцатилетняя плечистая натура его поминутно оказывала расположение разгуляться. Как-то ничего не мог он сделать слегка, но всё или спина у кого-нибудь трещит или кто-нибудь появится с болдырем в лице. В доме всё, начиная от ключницы до дворовой собаки, бежало[2] прочь, еще издали его завидев, даже собственную кровать изломал он в куски. — «Да»,

---

[1] *а. Далее начато:* и это обвинение бу<дет> [2] *а.* бежали от него

говаривал всегда Пист Пистович, когда доходили до[1] него жалобы на его сына. — «Нужно бы, нужно пожурить Феописта Пистовича, да ведь сделать-то как это? Наедине ведь его не пристыдишь, уж я пробовал, а человек он честолюбивый; если бы укорить его при другом, а при другом-третьем скажем — весь город узнает. Пусть уж так его остается собакой, ведь не он же один: у Степана Прохорыча похуже сынишка». И довольный таким умным решением отец отправлялся вновь по комнате рассуждать о странности рождения зверя, разнообразя свои рассуждения разными приходящими на ум сметливыми замечаниями и запросами, например: а любопытно бы знать, как бы толста была скорлупа яйца, если бы, положим, слон родился в яйце; ведь должна быть очень толста, пушкой не прошибешь; а лучше, я полагаю, выдумать какое-нибудь новое огнестрельное орудие. Так протекала жизнь сих двух[2] обитателей одного скромного уголка России, жизнь, конечно, не бесконечная, потому что прислужилась теперь автору ответом на мудрое обвинение, которое вероятно, будет со стороны так называемых патриотов. Но нет, не патриотизм и не первое чувство[3] причиною ваших обвинений; знаю я вас, мои некоторые почтенные читатели. Другое скрывается под тем и другим. Всё скажу я вам, ибо кто же скажет вам правду, как не автор. Вы боитесь глубоко устремленного взора, вы страшитесь сами устремить на что-нибудь глубокий взор. Вы любите по всему скользнуть недумающими глазами, вы посмеетесь может быть от души над Чичиковым, может быть даже, чего доброго, похвалите автора, скажете: а однако же плут кое-что верно схватил. И каждый из вас после этого с удвоившейся гордостью обратится к себе, самодовольная усмешка сохранится в лице его, и усмехнувшись он прибавит: а ведь в самом деле престранные и пресмешные бывают люди в некоторых провинциях, да и подлецы притом не малые. А кто из вас святого христианского смиренья углубит во внутрь собственной души сей тяжелый допрос: «А нет ли

---

[1] *В подлиннике:* на [2] *а.* жизнь этих двух [3] *а. Далее начато:* подвинуть

во мне какой-нибудь части Чичикова?» Как бы не так, а вот попробуй, пройди только в это время мимо вас какой-нибудь ваш же знакомый среднего росту, имеющий чин ни очень большой, ни очень малый, вы в ту же минуту толкнете под руку соседа, сказав ему, чуть не фыркнувши от смеха: «Смотри, вон Чичиков, Чичиков пошел», и потом как ребенок, позабыв всякое приличие,[1] должное вашим летам и званию, побежите за ним следом, поддразнивая его сзади как ребенок и произнося в полголоса: Чичиков, Чичиков, Чичиков.

Но мы стали, кажется, говорить довольно громко и позабыли, что герой наш, который спал во всё то время, как рассказывалась его повесть, уже давно проснулся и, стало быть легко статься, может услышать так часто повторяемую его фамилию. Автор должен предуведомить читателя, что герой наш человек очень обидчивый и всегда бывает недоволен, если о нем изъяснятся как-нибудь неуважительно или просто скажут что-нибудь такое, которое может уронить вес и значение его в свете. Читателю, конечно, с полугоря, рассердится ли он на него или нет, но что до автора, то он никак не должен ссориться с своим героем. Как бы то ни было, еще не мало пути и дороги нужно им пройти вместе рука об руку. Две части впереди, это не безделица.

«Эхxe хе! Что ж ты?» сказал Чичиков Селифану. «Ты!»

«Что?» сказал Селифан медленным голосом.

«Как, что? гусь ты! как ты едешь? Ну же, потрогивай!»

И в самом деле Селифан давно уже ехал, зажмурив[2] глаза, изредка только потряхивал он с просонков вожжами по бокам тоже, казалось, дремавших лошадей, а с Петрушки уже давно нивесть в каком месте слетел с головы картуз, и он со своих козел опустился весь совершенно назад, уткнувши свою голову в колено Чичикову, так что тот должен был дать ей щелчка. Селифан приободрился и, несколько отшлепавши по спине серого коня, после чего тот пустился рысцей, да помахнувши сверху кнутом на всех, примолвил тонким певучим голоском: «Не бойся». Лошадки

---

[1] *а. Далее начато:* свойств⟨енное⟩ [2] *а.* зажмуривая

расшевелились и понесли, как пух легонькую бричку. Селифан только помахивал да покрикивал: «Эх, эх, эх!», плавно подскакивая на козлах, по мере того как тройка то взлетала на пригорок, то неслася духом с пригорка, которыми была усеяна вся столбовая дорога, стремившаяся мягким чуть заметным накатом вниз. Чичиков только улыбался, слегка подлетывая на своей кожаной подушке, ибо любил быструю езду, и какой же русской не любит быстрой езды. Его ли душе, стремящейся закрутиться, загуляться и позабыться, не любить. Что восторженно-чудное[1] в ней слышится? Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь и всё летит: летят версты, летят навстречу купцы на облучках своих кибиток, летит с обеих сторон лес с темными строями елей и сосен, с топорным стуком и вороньим криком, летит вся дорога нивесть куда в пропадающую даль, и что-то страшное заключено в сем быстром мелькании всего, когда видишь, как не успевает означиться пропадающий предмет. Только над головой небо, далекие тучи да продирающийся месяц кажутся недвижимы. Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем гладнем разметнулась на полсвета да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи. И не хитрой, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьем отработал тебя с одного топора ярославский мужик не в немецких ботфортах. Ямщик только всего борода да тулуп да рукавицы и сидит чорт знает на чем, а привстал да замахнул рукой, да затянул песню — кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкой круг; только дрогнула дорога да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход, и вот она понеслась, понеслась, понеслась. И вот уже вдали видно только, что пылит и сверлит воздух. Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, всё отстает и остается назади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная

---

[1] *а.* Что чудное

с неба? Что значит это наводящее ужас движение и что за неведомая сила [заключена] в сих невиданных светом. Эх, кони, кони, что за кони, вихри ли сидят в ваших гривах, чуткое ухо горит в каждой мышце вашей и теле. Заслышали с вышины знакомую песню. Дружно напрягли разом медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и[1] мчится вся вдохновенная богом... Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ! Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик, гремит и становится ветром разорванный в куски воздух. Летит мимо всё, что есть на земле и полях, посторанивaются и дают тебе дорогу другие народы[2] и государства.

---

[1] *а.* и Русь [2] *а.* чужие народы

ПОВЕСТЬ О КАПИТАНЕ КОПЕЙКИНЕ

‹Цензурная редакция›

После кампании двенадцатого года, судырь ты мой, — так начал почтмейстер, несмотря на то, что в комнате сидел не один сударь, а целых шестеро, — после кампании двенадцатого года, вместе с ранеными прислан был и капитан Копейкин. Пролетная голова, привередлив как чорт, побывал и на гауптвахтах и под арестом, всего отведал.[1] Под Красным ли, или под Лейпцигом, только, можете вообразить: ему оторвало руку и ногу. Ну, тогда еще не успели сделать[2] насчет раненых никаких, знаете, эдаких распоряжений;[3] этот какой-нибудь инвалидный капитал был уже заведен, можете представить себе, в некотором роде после.[4] Капитан Копейкин видит: нужно работать бы, только рука-то у него, понимаете, левая. Наведался было домой к отцу, — отец говорит: мне нечем тебя кормить, я, можете представить себе, сам едва достаю хлеб. Вот мой капитан Копейкин решился отправиться, судырь мой, в Петербург, чтобы хлопотать по начальству, не будет ли какого вспоможенья...[5]

---

[1] *а.* Пролетная голова, привередлив как чорт. Побывал уж понимаете на веку своем и на гауптвахте и под арестом, уж давно бы его в некотором роде выключили от службы, но военное время, понимаете ‹*2 стерто*› эдакой сорванец; *б.* Пролетная ∾ чорт, уж и на гауптвахте побыл, всего отведал. [2] не сделано было *(зач. ценз.)* [3] никаких распоряжений [4] гораздо после *(зач. ценз.)* [5] *Далее зач. ценз.:* что вот-де так и так, в некотором роде так сказать, жизнью жертвовал, проливал кровь.

[Ну] как-то там, знаете, с обозами, или фурами казенными, словом, судырь мой, дотащился он кое-как до Петербурга. Ну, можете представить себе: эдакой, какой-нибудь то есть, капитан Копейкин, и очутился вдруг в столице, которой подобной, так сказать, нет в мире, вдруг перед ним свет, относительно сказать, некоторое поле жизни, сказочная Шехерезада, понимаете, эдакая. Вдруг какой-нибудь эдакой, можете представить себе, Невский прешпект, или там, знаете, какая-нибудь Гороховая, чорт возьми, или там эдакая какая-нибудь Литейная; там шпиц эдакой какой-нибудь в воздухе; мосты там висят эдаким чортом, можете представить себе, без всякого, то есть, прикосновения — словом, Семирамида, судырь, да и полно! Понатолкался было нанять квартиру, только всё это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое понимаете, ковры — Персия, судырь мой, такая... словом, относительно так сказать, ногой попираешь капиталы. Идешь по улице, а уж нос слышит, что пахнет тысячами; а у моего капитана Копейкина весь ассигнационный банк, понимаете,[1] из каких-нибудь десяти синюх, да серебра мелочь. Ну, деревни на это не купишь, то есть и купишь может быть, если приложишь тысяч сорок, да сорок-то тысяч нужно занять у французского короля. Ну, как-то там приютился в Ревельском трактире за рубль в сутки; обед, щи, кусок битой говядины... Видит: заживаться нечего. Расспросил, куда обратиться. Что ж, куда обратиться? Говорят, высшего начальства нет теперь в столице. Всё это, понимаете, в Париже, войска не возвращались,[2] а есть, говорят, временная комиссия. Попробуйте, может быть что-нибудь там могут. Пойду в комиссию, говорит Копейкин,[3] скажу: так и так, проливал в некотором роде кровь, относительно сказать, жизнию жертвовал... Вот, судырь мой, вставши поранее, поскреб он себе левой рукой бороду, потому что платить цирюльнику, — это составит в некотором роде счет, натащил на себя мундиришка, и на деревяшке своей, можете вообразить,

---

[1] понимаете, состоит [2] всё это, понимаете, не возвращалось еще из Парижа [3] *Вместо* «могут ∾ Копейкин»: могут сделать, по крайней мере в некотором роде получить осведомление эдакое насчет того, что как-то есть. Что ж, — думает капитан Копейкин, — пойду в комиссию

отправился[1] в комиссию. Расспросил, где живет начальник. Вон,[2] говорят, дом на набережной: избенка, понимаете, мужичья: стеклушки в окнах, можете себе представить, полутора-саженные зеркала, марморы, лаки, судырь ты мой... словом, ума помраченье! Металлическая ручка какая-нибудь у двери — конфорт первейшего свойства, так что прежде, понимаете, нужно забежать в лавочку, да купить на грош мыла, да часа с два в некотором роде тереть им руки, да уж после разве можно взяться за нее. Один швейцар на крыльце,[3] с булавой: графская эдакая физиогномия, батистовые воротнички, как откормленный жирный мопс какой-нибудь... Копейкин мой встащился кое-как с своей деревяшкой в приемную, прижался там в уголку себе, чтобы не толкнуть локтем, можете себе представить, какую-нибудь Америку, или Индию — раззолоченную, относительно сказать, фарфоровую вазу эдакую. Ну, разумеется, что он настоялся там вдоволь, потому что пришел еще в такое время, когда начальник в некотором роде едва поднялся[4] с постели и камердинер[5] поднес ему какую-нибудь серебряную лоханку для разных, понимаете, умываний эдаких. Ждет мой Копейкин часа четыре, как вот входит дежурный чиновник. Говорит: «сейчас начальник выдет», а в комнате уж и эполет и эксельбант, народу, как бобов на тарелке. Наконец, судырь мой, выходит начальник. Ну... можете представить себе: начальник! в лице, так сказать... ну, сообразно с званием, понимаете... с чином... такое и выраженье, понимаете. Во всем столичный поведенц; подходит к одному, к другому: зачем вы, зачем вы, что вам угодно, какое ваше дело? Наконец, судырь мой, к Копейкину. Копейкин: так и так, говорит, проливал кровь, лишился в некотором роде руки и ноги, работать не могу. Осмеливаюсь просить, не будет ли какого вспомоществования, каких-нибудь эдаких распоряжений насчет относительно, так сказать, вознаграждения, пенсиона что ли, понимаете... Начальник видит: человек на деревяшке и правый рукав

---

[1] отправился к самому начальнику *(зач. ценз.)* [2] Вот [3] на крыльце, понимаете [4] в некотором роде поднялся только что [5] камердинер, может быть

пустой пристегнут к мундиру: «хорошо, говорит, понаведайтесь на-днях». Копейкин мой в восторге: ну, думает, дело сделано. В духе, можете вообразить, таком подпрыгивает по тротуару. Зашел в Палкинской трактир выпить рюмку водки, пообедал, судырь мой, в «Лондоне», приказал себе подать котлетку с каперсами, пулярку с разными финтерлеями, спросил бутылку вина, ввечеру отправился в театр, — одним словом, кутнул во всю лопатку, так сказать. На тротуаре видит: идет какая-то стройная англичанка, как лебедь, можете себе представить, эдакой. Мой Копейкин, кровь-то, знаете разыгралась,[1] побежал было за ней на своей деревяшке: трюх-трюх следом, да нет, подумал, на время к чорту волокитство, пусть после, когда получу пенсион, теперь уж я что-то слишком расходился. А промотал он между тем, прошу заметить, в один день чуть не половину денег! Дня через три-четыре[2] является он, судырь ты мой, в комиссию, к начальнику. «Пришел, говорит, узнать: так и так, по одержимым болезням и за ранами... проливал в некотором роде кровь...» и тому подобное, понимаете, в должностном слоге. «А что, говорит начальник, прежде всего я должен вам сказать, что по делу вашему без разрешения высшего начальства ничего не можем сделать. Вы сами видите, какое теперь время. Военные действия, относительно так сказать, еще не кончились совершенно. Обождите приезда господина министра, потерпите. Тогда будьте уверены, вы не будете оставлены. А если вам нечем жить, так вот вам, говорит, сколько могу»... Ну и, понимаете, дал ему, конечно, немного, но с умеренностью стало бы протянуться до дальнейших там,[3] разрешений. Но Копейкину моему[4] не того хотелось. Он-то уже думал, что вот ему завтра так и выдадут тысячный какой-нибудь эдакой куш: нà тебе, голубчик, пей да веселись; а вместо того жди.[5] А уж у него, понимаете, в голове и англичанка и суплеты и котлеты всякие. Вот он совой такой вышел с крыльца как пудель,[6] которого повар облил

---

[1] кровь-то, знаете, молодая [2] Дня через четыре [3] до дальнейших там, понимаете [4] Но Копейкину моему, можете вообразить себе, [5] *Далее было:* да и время не назначено *(зач. ценз.)* [6] как пудель, понимаете,

водой, и хвост у него между ног и уши повисли.[1] Жизнь-то петербургская его уже поразобрала, кое-чего он уже и попробовал. А тут живи чорт знает как, сластей, понимаете, никаких.[2] Ну, а человек-то свежий, живой, аппетит просто волчий. Проходит мимо эдакого какого-нибудь ресторана: повар там, можете себе представить,[3] иностранец, француз эдакой с открытой физиогномией, белье на нем голландское, фартук белизною равный в некотором роде снегам, работает фензерв какой-нибудь эдакой, котлетки с трюфелями, — словом, разсупе-деликасет такой, что просто себя, то есть, съел бы от аппетита. Пройдет ли мимо Милютинских лавок: там из окна выглядывает в некотором роде семга эдакая, вишенки по пяти рублей штучка, арбуз-громадище, дилижанс эдакой высунулся из окна и, так сказать, ищет дурака, который бы заплатил сто рублей, — словом, на всяком шагу соблазн, относительно так сказать слюнки текут, а он жди. Так представьте себе его положение: тут с одной стороны, так сказать, семга и арбуз, а с другой стороны ему подносят горькое блюдо под названием: завтра. Ну уж, думает, как они там себе хотят, а я пойду, говорит, подыму всю комиссию, всех начальников, скажу: как хотите! И в самом деле: человек назойливый, наян эдакой, толку-то, понимаете, в голове нет, а рыси много. Приходит он в комиссию: ну что, говорят, зачем еще, ведь вам уж сказано. «Да что, говорит, я не могу, говорит, перебиваться кое-как. Мне нужно, говорит, съесть и котлетку, бутылку французского вина, поразвлечь тоже себя, в театр, понимаете». — «Ну уж, говорит начальник, извините. На счет этот есть, так сказать, в некотором роде терпенье. Вам даны пока средства[4] для прокормления, покамест выйдет резолюция, и без сомнения вы будете вознаграждены как следует;[5] ибо не было еще примера, чтобы у нас в России человек, приносивший, относительно так сказать, услуги отечеству, был оставлен без призрения.[6] Но если вы хотите теперь же лакомить себя

---

[1] И уши повесил [2] А тут чорт знает как питайся, [щами какими-нибудь, да огурцом или селедкой из лавочки] не бог знает какими сластями. [3] можете представить себе [4] Вам даны средства [5] вознаграждены великодушно [6] *Далее было:* в некотором роде

котлетками и в театр, понимаете, так уж тут извините. В таком случае ищите сами себе средств, старайтесь сами себе помочь». Но Копейкин мой, можете вообразить себе, и в ус не дует. Слова-то ему эти как горох к стене.[1] Шум поднялся[2] такой, — всех распушил! всех там этих, секретарей,[3] всех начал откалывать и гвоздить: да вы, говорит, то̀, говорит! да вы, говорит, это, говорит! да вы, говорит, обязанностей своих не знаете! да вы, говорит, законопродавцы, говорит! Всех отшлепал. Там какой-то чиновник,[4] понимаете, подвернулся из какого-то, даже вовсе постороннего ведомства — он судырь мой, и его! Бунт поднял такой. Что прикажешь делать с эдаким чортом? Начальник видит: нужно прибегнуть, относительно так сказать, к мерам строгости. «Хорошо, говорит, если вы не хотите довольствоваться тем, что дают вам, и ожидать спокойно в некотором роде здесь в столице решенья вашей участи, так я вас препровожу на место жительства. Позвать, говорит, фельдъегеря, препроводить его на место жительства!» А фельдъегерь уж там, понимаете, за дверью и стоит: трех-аршинный мужичина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиков — словом, дантист эдакой... Вот его раба божия в тележку, да с фельдъегерем. Ну, Копейкин думает, по крайней мере не нужно платить прогонов, спасибо и за то. Едет он, судырь мой, на фельдъегере, да, едучи на фельдъегере, в некотором роде, так сказать, рассуждает сам себе: «Хорошо, говорит, вот[5] ты мол говоришь, чтобы я сам себе поискал средств и помог бы,—хорошо, говорит, я, говорит, найду средства!» Ну уж как там[6] его доставили на место и куда именно привезли, ничего этого неизвестно. Так, понимаете, и слухи о капитане Копейкине канули в реку забвения, в какую-нибудь эдакую Лету, как называют поэты. Но позвольте, господа, вот тут-то и начинается, можно сказать, нить завязки романа. Итак, куда делся Копейкин, неизвестно; но не прошло, можете представить себе, двух месяцев, как появилась в рязанских лесах шайка разбойников, и атаман-то этой шайки был, судырь мой, никто другой...

---

[1] в стену [2] поднял [3] этих правителей *(зач. ценз.)* [4] *Вместо* «Там какой-то чиновник»: Генерал там *(ценз. испр.)* [5] Хорошо, вот [6] как только

«ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ»

К ЧИТАТЕЛЮ ОТ СОЧИНИТЕЛЯ

Кто бы ты ни был, мой читатель, на каком бы месте ни стоял, в каком бы звании ни находился, почтён ли ты высшим чином или человек простого сословия, но если тебя вразумил бог грамоте и попалась уже тебе в руки моя книга, я прошу тебя помочь мне.

В книге, которая перед тобой, которую, вероятно, ты уже прочел в ее первом издании, изображен человек, взятый из нашего же государства. Ездит он по нашей русской земле, встречается с людьми всяких сословий, от благородных до простых. Взят он больше затем, чтобы показать недостатки и пороки русского человека, а не его достоинства и добродетели, и все люди, которые окружают его, взяты также затем, чтобы показать наши слабости и недостатки; лучшие люди и характеры будут в других частях. В книге этой многое описано неверно, не так как есть, и как действительно происходит в русской земле, потому что я не мог узнать всего: мало жизни человека на то, чтобы узнать одному и сотую часть того, что̀ делается в нашей земле. Притом, от моей собственной оплошности, незрелости и поспешности произошло множество всяких ошибок и промахов, так, что на всякой странице есть, что̀ поправить: я прошу тебя, читатель, поправить меня. Не пренебреги таким делом. Какого бы ни был ты сам высокого образования и жизни

высокой, и какою бы ничтожною ни показалась в глазах твоих моя книга, и каким бы ни показалось тебе мелким делом ее исправлять и писать на нее замечания, — я прошу тебя это сделать. А ты, читатель невысокого образования и простого звания, не считай себя таким невежею, чтобы ты не мог меня чему-нибудь поучить. Всякой человек, кто жил и видел свет и встречался с людьми, заметил что-нибудь такое, чего другой не заметил, и узнал что-нибудь такое, чего другие не знают. А потому не лиши меня твоих замечаний: не может быть, чтобы ты не нашелся чего-нибудь сказать на какое-нибудь место во всей книге, если только внимательно прочтешь ее.

Как бы, например, хорошо было, если бы хотя один из тех, которые богаты опытом и познанием жизни и знают круг тех людей, которые мною описаны, сделал свои заметки сплошь на всю книгу, не пропуская ни одного листа ее, и принялся бы читать ее не иначе, как взявши в руки перо и положивши перед собою лист почтовой бумаги, и после прочтенья нескольких страниц припомнил бы себе всю жизнь свою и всех людей, с которыми встречался, и все происшествия, случившиеся перед его глазами, и всё, что видел сам или что слышал от других, подобного тому, что изображено в моей книге, или же противоположного тому, всё бы это описал в таком точно виде, в каком оно предстало его памяти, и посылал бы ко мне всякой лист по мере того, как он испишется, покуда таким образом не прочтется им вся книга. Какую бы кровную он оказал мне услугу! О слоге или красоте выражений здесь нечего заботиться; дело в *деле* и в *правде* дела, а не в слоге. Нечего ему также передо мною чиниться, если бы захотелось меня попрекнуть, или побранить, или указать мне вред, какой я произвел наместо пользы необдуманным и неверным изображеньем чего бы то ни было. За всё буду ему благодарен.

Хорошо бы также, если бы кто нашелся из сословия высшего, отдаленный всем и самой жизнью и образованьем от того круга людей, который изображен в моей книге, но знающий зато жизнь того сословия, середи которого живет, и решился бы таким же самым образом прочесть

съизнова мою книгу и мысленно припомнить себе всех людей сословия высшего, с которыми встречался на веку своем, и рассмотреть внимательно, нет ли какого сближения между этими сословиями и не повторяется ли иногда то же самое в круге высшем, что делается в низшем? и всё, что ни придет ему на ум по этому поводу, то есть всякое происшествие высшего круга, служащее в подтвержденье или в опровержение этого, описал бы, как оно случилось перед его глазами, не пропуская ни людей с их нравами, склонностями и привычками, ни бездушных вещей, их окружающих, от одежд до мебелей и стен домов, в которых живут они. Мне нужно знать это сословие, которое есть цвет народа. Я не могу выдать последних томов моего сочинения по тех пор, покуда сколько-нибудь не узнаю русскую жизнь со всех ее сторон, хотя в такой мере, в какой мне нужно ее знать для моего сочинения.

Не дурно также, если бы кто-нибудь такой, кто наделен способностью воображать, или живо представлять себе различные положения людей и преследовать их мысленно на разных поприщах, словом, кто способен углубляться в мысль всякого читаемого им автора, или развивать ее, проследил бы пристально всякое лицо, выведенное в моей книге, и сказал бы мне, как оно должно поступить в таких и таких случаях, что̀ с ним, судя по началу, должно случиться далее, какие могут ему представиться обстоятельства новые и что̀ было бы хорошо прибавить к тому, что̀ уже мной описано: всё это желал бы я принять в соображенье к тому времени, когда воспоследует издание новое этой книги, в другом и лучшем виде.

Об одном прошу крепко того, кто захотел бы наделить меня своими замечаньями: не думать в это время, как он будет писать, что пишет он их для человека ему равного по образованию, который одинаковых с ним вкусов и мыслей, и может уже многое смекнуть и сам без объяснения; но вместо того воображать себе, что перед ним стоит человек, несравненно его низший образованьем, ничему почти не учившийся. Лучше даже, если на место меня он себе представит какого-нибудь деревенского дикаря, которого вся жизнь

прошла в глуши, с которым нужно входить в подробнейшее объяснение всякого обстоятельства и быть просту в речах, как с ребенком, опасаясь ежеминутно, чтоб не употребить выражений свыше его понятия. Если это беспрерывно будет иметь в виду тот, кто станет делать замечанья на мою книгу, то его замечанья выйдут более значительны и любопытны, чем он думает сам, а мне принесут истинную пользу.

Итак, если бы случилось, что моя сердечная просьба была бы уважена моими читателями и нашлись бы из них действительно такие добрые души, которые захотели бы сделать всё так, как я хочу, то вот каким образом они могут мне переслать свои замечания: сделавши сначала пакет на мое имя, завернуть его потом в другой пакет, или на имя ректора С.-Петербургского университета его превосходит[ельства] Петра Александровича Плетнева, адресуя прямо в С.-Петербургский университет, или на имя профессора Московского университета его высокор[одия] Степана Петровича Шевырева, адресуя в Московский университет, смотря по тому, к кому какой город ближе.

А всех, как журналистов, так и вообще литераторов, благодаря искренно за все их прежние отзывы о моей книге, которые, несмотря на некоторую неумеренность и увлечения, свойственные человеку, принесли однако ж пользу большую как голове, так и душе моей, прошу не оставить и на этот раз меня своими замечаниями. Уверяю искренно, что всё, что̀ ни будет ими сказано на вразумленье или поученье мое, будет принято мною с благодарностью.

СОХРАНИВШИЕСЯ РАЗРОЗНЕННЫЕ ЧЕРНОВЫЕ ОТРЫВКИ К ОТДЕЛЬНЫМ ГЛАВАМ

К ГЛАВЕ II

Уж более недели приезжий господин жил в городе, разъезжая беспрерывно на обеды, висты, вечера, вечеринки, словом, проводя, как говорится, чрезвычайно весело время. Наконец он вспомнил, что пора поехать и за город, сделать [кое-какие] обещанные визиты Собакевичу и Манилову, а между тем и распорядиться насчет кое-какого дельца, о котором читатель скоро получит совершенно сведение, если только будет иметь терпение слушать со всем вниманием[1] нашу повесть. Он распорядился так,[2] чтобы ехать дня на два, на три, с собою взять только кучера, а лакея Петрушку оставить дома приберечь оставшиеся вещи. [Автор] виноват, что до сих пор о Петрушке сказал очень немного. Впрочем, кроме того, что уже читатель знает, о Петрушке остается немного сказать. Он ходил[3] в широком барском сертуке, в котором не только ходил, но и спал. Разве можно только прибавить, что он носил всегда с собою какой-то[4] особенный запах, отзывавшийся жилым покоем, так что где он ни располагался и устанавливал свою кровать

---

[1] иметь терпение читать внимательно [2] *Далее начато:* чтобы взять. [3] *Далее было: а.* в весьма; *б.* в несколько [4] *Далее было:* всегда

с каким-то потемневшим тюфяком, убитым, как твердая лепешка, то[1] уж казалось, что в этой комнате лет сто жили люди.

К ГЛАВЕ II

Уже более недели приезжий господин жил в городе, разъезжая по вечеринкам, обедам и проводя таким образом, как говорится в свете, очень приятно время. Наконец, он решился перенести[2] свои визиты за город, [именно], навестить помещиков Манилова и Собакевича, которым, как читатели видели, он дал уже слово.[3] Селифану отдан был приказ с раннего утра заложить лошадей в известный час и быть готовым ехать;[4] Петрушке же приказал оставаться дома и смотреть за комнатой и чемоданом. Для читателей будет нелишне познакомиться с этими[5] двумя крепостными человеками нашего героя, хотя, конечно, они лица не замечательные, как говорится, второстепенные или даже третьестепенные,[6] но автор уж любит страх как быть обстоятельным в своей поэме,[7] и несмотря на то, что сам человек русской, но в этом отношении аккуратен, как немец. Это займет времени очень немного, ибо очень немного можно прибавить к тому, что[8] Петрушка в коричневом [барском] сертуке[9] с ‹барского› плеча и имел по обычаю людей своего звания крупные черты лица.[10] Характера он был более молчаливого, чем разговорчивого. Имел даже благородное побуждение к просвещению, то есть чтению книг какого бы

---

[1] *Далее начато:* в этой комнате [2] он решился навестить [3] *Далее начато: а.* В первый воскресный; *б.* Он с вечера приказал еще Селифану быть готовым ехать [4] *Далее начато:* а лакея же Петрушку [5] *Вместо* «Для читателя ∾ этими»: Автор почитает нелишним для своей повести познакомить читателей с этими [6] *Вместо* «хотя, конечно, ∾ третьестепенные»: хотя, конечно, они не только второстепенные, но даже может быть третьестепенные [7] *Вместо* «но автор ∾ поэме»: *а.* но признаю, очень люб‹лю›; *б.* но автор, сказать правду, очень любит обстоятельность во всем [8] *Вместо* «Это займет ∾ к тому, что»: *а.* Притом же с ними на первый случай можно познакомиться мимоход‹ом›; *б.* Впрочем, всё это займет немного времени, да притом читатель уже почти знает их [9] *Далее начато:* разве только [10] крупные губы и нос.

ни было содержания. Сод‹ержанием› их он ‹не› затруднялся: всё равно будь[1] похождения какого-нибудь героя или рукописный сон пресвятыя богородицы, или, наконец, просто букварь. — Он читал всё с равным вниманием. Даже если бы ему подвернули химию, он и от нее бы не отказался. Ему доставляло удовольствие то, что вот он читает, что из букв вечно выходит какое-нибудь слово.[2] Это совершалось всё лежа на кровати в передней. И кроме любви к чтению он еще имел одну черту, составлявшую, так сказать, его характерность, а именно, он был окружен всегда особенным воздухом, отзывавшимся жилым покоем.[3] Так что достаточно было ему только[4] пристроить свою кровать да перетащить шинель и пожитки, и уж казалось,[5] в этой комнате жили несколько лет люди. Чичиков иной раз[6] поутру, на свежий нос, потянувши к себе воздух, покачивал слегка головою[7] и говорил ему: «Ты, брат, жестоко потеешь, сходил бы ты хоть в баню».[8] На что Петрушка ничего не отвечал,[9] а старался заняться тут же каким-нибудь делом: или подходил с щеткой к висевшему барскому фраку или, просто, прибирал в комнате.[10] Может быть, он что-нибудь думал в то время, когда молчал. Может быть, говорил: «и ты хорош, не надоело же тебе сорок раз твердить одно и то же». Бог знает, трудно знать, что думает[11] дворовый крепостной человек в то время, когда барин дает ему увещание.[12] Итак,

---

[1] какого бы ни было содержания для него всё равно, будь сон и [какой-нибудь] [четвертый] [третий]. [2] *Отдельная запись:* Ему нравилось не столько то, что он читал, но самое чтение или, лучше, механизм или процесс чтения. [3] *а.* [это] а именно он как-то лично [в своем] в себе заключал запах жилого покоя; *б.* а именно он носил вместе с собою всюду какой-то особенный; *в.* а именно он был окружен всегда особенным воздухом, имевшим запах жилого покоя; *г. Как в тексте*; *д. Гоголь начал вновь исправлять, вписав между строк вместо* «имел одну черту»: имел еще два обыковения *и далее после слова* «характерность»: спать всегда как есть в сертуке. [4] *Далее начато:* перебраться в какую-нибудь [5] то уж казалось [6] *Далее начато:* прос‹нувшись› [7] покачивал слегка головою, произнося: [8] *Далее начато:* Селифан, но признаюсь [9] ничего не говорил [10] или просто убирал комнату. *Далее начато:* Что он в это время делал [11] *Далее начато:* в то время к [12] *Далее начато:* Селифан

на первый раз вот что можно рассказать о Петрушке. Кучер Селифан... но, признаю, мне уж совестно. У нас читатели очень неохотно знакомятся с низшими сословиями, да и вообще у нас,[1] русских, уж такая страсть: если знакомить, так непременно с высшими чинами. И когда приведет случай[2] познакомиться с генералом, так, господи боже, какая радость, если с графом или князем, ну, тогда уж и рассказать нельзя, что такое... просто рай.[3] По этой-то самой[4] причине автор [сказать правду] очень опасается даже за своего героя, который всего только надворный советник. Конечно, коллежские асессоры, может быть, еще решатся познакомиться,[5] что же касается до тех, которые находятся в генеральском чине, те, бог знает, может быть, бросят один из тех презрительных взглядов, которые гордо бросаются человеком на всё, что пресмыкается у него под ногами, или, еще хуже, может просто[6] пройдут с убийственным для автора невниманьем,[7] как будто не было. Но возвратимся к нему. Давши приказание[8] с вечера Селифану быть готову ехать, а Петрушке остаться, проснувшись поутру очень рано, вымывшись, вытершись с ног[9] до головы мокрою губкою, что делал он по воскресным дням, а тогда был воскресный день, выбрившись отличным образом, так что щеки его сделались гладки и блестящи, как атлас, надевши фрак брусничного цвета и потом шинель на волосатых и пушистых медведях, Чичиков сошел с лестницы, поддерживаемый то с одной, то с другой стороны бегавшим очень проворно трактирным слугою, [и] сел в экипаж.

---

[1] *В рукописи:* у нашего [2] *Вместо* «И когда ∾ случай»: Если доведется [3] *а.* и рассказать нельзя. Рай просто; *б.* и рассказать нельзя что такое... рай, просто рай с ангелами и всем. [4] По этому-то самому [5] *а.* коллежским асессором он; *б.* коллежские асессоры могут допустить его в свою беседу [6] еще хуже, пройдут его просто [7] *Вместо* «что же касается ∾ невниманием»: *а.* но статские, действительные статские советники, может быть, даже не удостоят, даже не обратят внимания... Может быть бросят ему взгляд, если не пройдут его [невниманьѐм] убийственным для автора невниманьем; *б.* Что же касается ∾ бросят презрительнейший взгляд или пройдут его, что еще хуже, убийственным для автора невниманьем; *в. Начато:* а те же, которые находят; [8] *Далее было:* Петрушке [9] с низу

Может быть к сему[1] побудила его и другая более существенная[2] причина... Слов‹ом› дело такое, которое было несравненно ближе его сердцу. Но обо всем этом читатель узнает постепенно и в свое время, если будет только иметь терпение прочесть [сию] предлагаемую повесть, очень длинную[3] и раздвинущуюся[4] потом шире и просторней, по мере приближения к концу, венчающему [всякое] дело.[5]

К ГЛАВЕ II

Чичиков иной раз, потянувши к себе воздух, особливо поутру на свежий нос, встряхивал головой и говорил ему: «Ты, брат, жестоко потеешь. Сходил бы ты в баню». На что Петрушка ничего не говорил в ответ, а старался заняться каким-нибудь делом: он подходил с щеткой к висевшему барскому фраку и чистил его или снимал с окна[6] что-нибудь, и никогда ничего не говорил. Думал ли он про себя: «Не надоело же тебе сто раз толочь одно и тоже»[7] или ничего не думал, бог весть. [Очень] Трудно знать, что думает про себя дворовый крепостной человек в то время, когда барин делает ему увещание.

К ГЛАВЕ II

Здесь автор, будучи верным историком [своего героя], должен сказать, что после сих[8] слов, произнесенных Маниловым, Чичиков почувствовал[9] такую радость, которая даже была [как-то] неприлична его несколько степенной наружности, умеренным летам и соразмерному [оным] чину. Едва ли даже[10] он не подскочил на своих креслах,[11] позабыв совершенно искусство хорошо держать себя, так что лопнула обтягивавшая подушку шерстяная материя[12] и, сильно

---

[1] к этому [2] другая какая для него очень существенная [3] *Далее начато: а.* и далеко; *б.* и не скоро; *в.* и имеющую [4] *Так в подлиннике.* [5] к концу своему, повесть. [6] *Далее начато:* какую [7] *Вместо* «Не надоело ∾ тоже»: вот уж опять пошел говорить, сто раз толчет [8] *а.* после этих; *б.* после подобных [9] он почувствовал [10] *Начато:* он даже позабыв искусство [11] не подскочил на стуле [12] так что на подушке кресла лопнула шерстяная материя, прибитая плохо, кое-как гвоздями

побуждаемый признательностью, насказал таких благодарностей Манилову, что тот опять [сконфузился] смешался, покраснел и весьма долго[1] делал какой-то жест головою и наконец уже сказал, что это решительно не стоит благодарности, что он бы хотел, точно, доказать чем-нибудь сердечное влечение, магнетизм души, но что умершие души, в некотором роде, совершенная дрянь.

К ГЛАВЕ V

«Эх, какую баню задал!»[2] произнес он, наконец, всё еще [довольно <?>] тяжело переводя дыхание,[3] назвал Ноздрева совершенно справедливо разбойником, присовокупив к тому и другие названия,[4] между которыми попались и нехорошие слова. Что ж делать? Русской человек, да еще [притом] и в сердцах — извинить нужно.[5] Притом, как бы ни было, положение такого рода, что шутить [точно] было неуместно. «[Ведь] Что ни говори, а не подоспей капитан-исправник, ведь мне бы может и на свет[6] больше не удалось бы взглянуть. И вот пропал бы ни за что, ни про что, как глупая курица, не оставивши по себе потомков и не доставивши будущим детям ни состояния, ни честного имени». Герой наш, да будет известно читателю, очень заботился о будущих своих потомках.

К ГЛАВЕ V

Как несметное множество церквей, монастырей, с блистающими главами и куполами, крестами, толпятся на святой Руси,[7] так несметное множество разных народов и племен толпится и пестреет[8] по лицу земли. И всякой народ

---

[1] смешался еще более и наконец весьма долго [2] *Далее начато:* наконец, сказал он и [3] *Далее было:* Поневоле душа уйдет подальше [4] разбойником и прочими отвечающими тому названиями [5] *Далее начато: а.* Да к тому ж; *б.* Да и как бы ни было [6] и на мир [7] церквей, монастырей, крестов [блещет] святых мечутся в очи [8] *а.* племен пестрясь мелькает; *б.* племен мелькает и пестреет

Всякой народ,[1] носящий в себе залог сил,[2] полный творящих[3] способностей души [не мелких, не ничтожного] [цветистого] характера и других резко выказывающейся особенности даров бога,[4] отличился всяким ‹?› своим метким словом, которым, выразивши какой-нибудь предмет, в выражении отразил и себя, часть собственного своего характера.

Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзывается слово британца, легким щеголем блеснет и разлетится слово у француза, затейливо выдумает свое не всякому доступное, умно-сухое слово немец. Но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, значительно, и [которое бы] вместе бы так кипело и живо трепетало, как метко сказанное русское слово.

К ГЛАВЕ VII

Проснувшись Чичиков и не вспомнил[5] о помещиках.[6] У него вылетели из головы все эти странные образы, которые постепенным появленьем, может быть, навели грусть на читателя. В голове его [ворочались] мужики, то есть те самые фантастические души, которые он приобрел. Он так был доволен приобретеньем, что прежде чем надевать халат отхватал по всей комнате какой-то танец из мазурки и трепака на цыганской образец с пришлепкой себя самого пяткой собственной своей ноги. Скоро, однако ж, почувствовал он, что делает дурачество, неприличное человеку средних лет;[7] надел тот же час халат, узорчатые сафьянные сапоги из множества кусочков всех цветов, которыми снабжает город Торжок всю Русь. Вынул из шкатулки списки

---

[1] *Далее начато:* кому [2] *Далее было:* дарованных богом, снабженный живыми способностями души [3] полный деятельных [4] и других божьих даров [5] Чичиков совсем не вспомнил [6] *Далее начато:* Все эти [7] В голове его остались только приобретенные несуществующие мужики. Он почувствовал, что у него есть что-то в роде тысячи душ. Это придало ему такую бодрость, что он вдруг вскочил с постели и еще прежде, чем надевать халат, проплясал босиком по всей комнате что-то вроде цыганского танца, весьма ловко пришлеп‹ывая› себя самого пяткой собственной своей ноги. Через минуту смекнул он, что ∾ человеку, находящемуся в чине коллежского советника

всех приобретенных мужиков,[1] купчие, словом, отработать всю канцелярскую часть, которую он знал и <*1 нрзб.*[2]>, чтобы [пришлось] поменьше платить в суде. Ему хотелось, не откладывая [дело] всё кончить в тот же<?> <день>: [повершить] совершить, занести, внести и потом вспрыснуть всю проделку[3] шипучим под серебряной головой, без которой Фемида не обходится.[4] Но как разложил он перед собою списки, как стал рассматривать весь этот народ, который готовил укрепить за собой навсегда крепостями, чувство странное [на минуту] им овладело. Ему показалось на миг, как бы этот народ действительно, к довершенью очарования, на списке, сделанном Собакевичем[5]

Половой поднес ему чай, [весь] изворот<ясь> <с> подносом[6] под самым его носом звеня чашками. Чичиков стал пить чай[7] надлежащим образом, как пьют по утрам: с кренделем и сливками, а всё думал о крепо<стных?> мужик<ах>. Стал потом бриться, но и подпирая языком <*1 нрзб.*> щеку, всё думал о крепостных мужиках.

Но не мешает уведомить читателя,[8] что это размечтался не Чичиков. Сюда несколько впутался сам <автор?> и, как весьма часто случается, вовсе некстати. Чичиков, напротив, думал вот что. Ну что, если бы эти мужики были, точно, живы. Безделица. Тогда можно навсегда остаться в деревне. При тысяче душ можно получить тысяч двадцать доходу, впрочем, какова губерния иногда. Можно усовершенствовать, завести мануфактурность. Можно получать и до пятидесяти,[9] быть в почтеньи у всего дворянства.[10] Пустить его в потомственное владение, в майорат, назвать его Павлушкино, Чичиково тож. Или же можно даже и так поступить: землю повыпродать, душ всех заложить в ломбард, а потом всё

---

[1] *Вместо* «Вынул ∾ мужиков»: и приступил к известной читателю шкатулке с тем, чтобы переписать начисто все списки всех мужиков [2] он знал хорошо [3] вспрыснуть всё это [4] без чего Фемида не может обойтись. [5] *На этом текст обрывается.* [6] *а.* чай, извивая<сь> несколько подряд и <с> подносом и звеня чашками; *б.* чай, ловко изворотясь под носом; *в.* несколько сделавши [7] *Далее начато:* совершен<но> [8] Но не мешает здесь дать знать читателю [9] Можно продать за миллион [10] в почтеньи у всей губернии.

именье пожертвовать на заведенье кадетского корпуса и за великодушный поступок получить генеральский чин! От честолюбивых покушений он, впрочем, тут же отказался, спохватясь, что души[1] были мертвые и что пора было отправляться[2] в суд. Иначе дело могло бы и не кончиться в тот же день, ибо власти губерн‹ского› города NN соразмеряли[3] время сидения [больше] с требованьями желудка, который варил у всех скоро[4] хорошо. Бумаги были собраны, и туда же, в карман, был засунут бумажник.[5] Набросил шинель на медведях, не затем, чтобы на дворе было холодно, но чтобы внушить должный страх канцелярской мелюзге. Едва только вышел он на улицу, как вдруг навстречу человек, тоже в медведях, картуз с ушами и назад откинут затыльник, как у женщин, деликатные перчатки на руках и улыбка на устах.[6] Улыбка раздвигалась более, лицо засветилось, глаза [почти] исчезнули вовсе; раздалось восклицанье: «Павел Иванович!» Это был Манилов. Оба приятеля так крепко поцеловались, что у обоих болели весь ‹день› передние зубы.[7]

В это время, когда происходила наша история, лакирова‹нных› столов и паркетов еще не было в присутствиях: Фемида принимала гостей запросто, на распашку, чуть не в халате. В коридорах воняло сторожами, у которых рубахи мылись три раза в год.[8] Во внутренних чертогах было мало чем лучше.[9] Стены приняли темноватый цвет снизу от спин канцелярских чиновников, сверху от [пауков] паутины, от пыли. Бумаги без коробок в связках одна на другой, как [старые] дрова *‹1 нрзб.›*,[10] служила только ширмой, куда заглядывал [чиновник за тем] чтобы на себе что-нибудь

---

[1] *Вместо* «От честолюбивых ∾ души»: О честолюбие! что ж делать, мы все честолюбивы, почему ж и Чичикову не быть честолюбивым. Однако ж [он почувствовал] он сей же час опомнился, тем более, что души [2] пора бы итти [3] *Вместо* «ибо ∾ соразмеряли»: Губернские власти иногда соразмеряли [4] варил у всех довольно [5] *Вместо* «Бумаги ∾ бумажник»: Чичиков тотчас же бумаги, бумажник в карман [6] *Далее начато:* По мере приближения к Чичикову [7] *На этом текст обрывается.* [8] мылись в три недели раз [9] *а.* было почти тоже; *б. Начато:* было очень [10] *Далее начато:* возвышалась стеной

поправить, если развязалось; вместо чернильниц иногда торчало дно разбитой бутылки. У иных чиновников даже и табакерок не было [вместо ее] табак держался просто в бумажке и засовывался куда-то под мышку. Взгляды у всех были какие-то косые.[1] Поджарых было немного. Все были ‹большею?› частью из семинарии, народ дюжий, точно[2] Бруты ‹?› римских времен. И у иного была такая губа, что можно из нее выкроить шесть нынешних губ. Обхождение было простое, прежних времен; слово: «изволили» не употреблялось,[3] сотоварищ сотоварищу говорил: «куда ты ‹*1 нрзб.*›», «а чорт ее ‹знает?›» отвечал товарищ. Голос начальника тоже раздавался сурово: «Вот я прикажу с тебя сапоги снять». Чичиков и Манилов прошли мимо в залу присутствия,[4] где было, по крайней мере, просторнее; стол,[5] на нем зерцало. В креслах председатель с доброй и простой наружностью и возле него плут Собакевич, совершенно закрывшийся зерцалом.[6]

Потом засели в вист. Играли, играли. Потом принялись за пунш, потом опять за вист. Потом вновь пили, потом вновь играли. Пили, пили, пили, играли, играли, играли [и в семь часов утра только кончили дело]. Давно и петухи прокри‹чали› и рынок отошел, нищие и салопницы возвращались от ранней обедни, народ успел вновь опохмелиться в кабаках. Низшие чины ‹*1 нрзб.*› по месту кругом и награждали носы паями березинского табака,[7] а они всё играли.[8] Еле-еле [около] осьми часов кончилось дело, и кучера развезли их по домам...

К ГЛАВЕ VIII

Вообще все чиновники были очень добры: и почтмейстер, и прокурор, и судья, и вице-губернатор и такие, как говорят, приятные люди и между собой в дружеских

---

[1] *Далее начато:* Худощавых [2] Всё больше был народ дюжий из семинарии, иные точно [3] *Далее начато:* Манилов услышал, как [4] *Над строкой надписано:* Манилов как человек деликатный и военный ‹*1 нрзб.*›. Чичиков как человек штатский не думал что ‹*2 нрзб.*› достигнули [5] *Далее начато:* перед ним четыре с‹тула?› [6] Собакевич, который сидел совершенно спрятавшись. *Здесь текст обрывается.* [7] награждали носы табаком [8] а высшие всё еще подвизались

отношениях. «Любезный друг Фома Фомич. Послушай брат Илья Ильич, ты добрый человек. Ну, уж ты заврался, Иван Андреевич». Словом, довольно фамилиарно и просто. Там люди даже были образованные: судья[1] читал «Людмилу» и даже очень искусно произносил мастерски, как большой‹?› одну строфу[2] «Чу! бор заснул, долина спит», так что в самом деле как будто бы долина спит; для большего сходства даже он в это время зажмуривал глаза. Почтмейстер более напирал на философию и на Юнговы ночи, но был остряк,[3] речист[4] и любил привлекать всеобщее внимание красивым рассказом, только подправлял свою речь таким ужасным количеством разных вставочных: «понимаете, знаете, судырь мой, растаканье‹?›, чорт и других: кажись на что хуже», но он, мигнувши при этом бровью или прищуривши глаз, давал им значение. Прочие тоже были люди более или менее просвещенные: кто читал Карамзина, ‹?› Московские ведомости, кто даже и совсем ничего не читал. Что касается до благовидности, то и в этом нельзя было найти в них ничего, что бы было неприлично.[5] Известное дело, что очень дурно быть [невзрачну собою] худенькому или низенькому: никогда почти не получить важного места, а толщина тоже, что чин.[6] Толстому сейчас дадут место: надежный человек.[7]

Если герой наш произвел впечатление[8] выгодное на них, то на почтенных и достойных супруг их и вообще на дам всего города едва ли еще не выгоднее. — Следовало бы, конечно, теперь сказать[9] кое-что об обществе дам и описать, как говорится, живыми красками[10] их дам подушевнее; — но автор признается, что находится в величайшем затруднении: с одной стороны, останавливает неограниченное почтение,

---

[1] *Вместо* «судья»: вице-губернатор [2] и даже очень хорошо представлял и удивительно произносил [3] *Далее начато: а.* и вместе с; *б.* и любил, как сам выражался. [4] *Далее начато: а.* и овладе‹вал›; *б.* и брал к себе [5] *В подлиннике вероятно ошибочно:* что бы не было неприлично. *Над строкой написано:* очень дурно [6] а толщина у нас иногда занимает чин. [7] *Далее начато:* Влияние нашего героя [8] произвел влияние [9] *Далее начато:* о том [10] как говорится, хорошими, отвечающими красками

которое всегда чувствовал к супругам [городских] сановников всех решительно городов — и губернских и уездных.

К ГЛАВЕ VIII

уснастить речь и уснащивал он эту речь множеством разных частиц несклоняемых и склоняемых и вроде тех, как например: судырь ты мой, эдакой какой-нибудь, знаете, понимаете, можете себе представить. Кроме[1] этих, которых он сыпал мешками на всяком шагу,[2] он уснащивал еще подмаргиванием, прищуриванием одного глаза, что всё очень помогало и придавало особое очень едкое выражение многим[3] его сатирическим намекам.[4] Другие люди эти тоже были насчет благовидности уже нечего и говорить: читатель видел, что между ними никого не было какого худенького и чахоточного,[5] а всё народ был взрачный и таки в теле... все слава богу,[6] словом, такой, как нужно для занятия хороших и надежных мест.[7]

К ГЛАВЕ VIII

Дамы находили, что Чичиков [именно] человек как следует. Точно в нем была какая-то середина. В нем было что-то и военное и штатское. Временами[8] подлетал как-то этак, ловко подшаркнувши ножкой, встряхивался [живо, бойко] как военный, или, по крайней ‹мере›, такой человек, у которого чувству‹ется›, что у него стройн‹ые› ноги[9] и штаны со штрипками. Временами же приятным наклоненьем головы на бок и мягкостью речей подобился он штатскому хорошо воспитанному человеку.[10] По образу и духу мыслей[11]

---

[1] *Далее было:* это‹го› большого уснащивания [2] *а.* сыпал количествами; *б.* сыпал точно из мешка [3] выражение разным [4] *Далее начато:* Прочие [5] насчет благовидности, уже как мы имели случай заметить, они все были очень благовидны, никого не было между ними, чтобы был худенькой и чахоточный [6] был взрачный, довольно плотный [7] для занятия солидных мест. [8] *Далее начато:* он был точно как будто военный, очень ловок [9] человек, у которого красивые ноги [10] *Далее начато:* Предметы разговоров его больше относились к 18 [11] *Далее начато:* является

почерпал он больше из 18 столетия, но образ выражения и <*1 нрзб.*> несколько к 19 столетию; выходило попури, которое губернским, особенно замужним, очень нравилось. [Притом] надобно сказать, что ни заносчивости,[1] ни насмешливости не было совсем в речах Чичикова, они были совершенно безобидны и не могли [никак] поссорить.[2] Известно, что мужчине придает больше бодрости[3] ободрительный отзыв дам насчет красоты. Это возводит в такое светлое настроение дух, что он действительно делается красавцем; как известно, утка турухтан [которая в пору], когда приходит время любви, расцветает вдруг такими яркими цветами, каких прежде не было. Мина у Чичикова сделалась гораздо прия<тнее>, чем прежде,[4] обороты и повороты развязнее и самые воротнички[5] рубашки как-то белее на нем и тщательнее прилегали к щекам. Явилась новая цепочка [к часам. Словом,] Он стал соблазнителен.[6]

«Кто что ни говори, а балы хорошая вещь», думал Чичиков. «Холод ли, неурожай, или какой иной случай, от которых,[7] а как соберешься вместе, позабудешь обо всем. Всем есть что-нибудь. Танцы для молодых. Карты для почтенных[8] людей. Можно и на танцующих поглядеть, и в вист наиграться,[9] и много значит этак общество, толпа. Всё это веселит<ся>, пестро. Притом и ужин. Губернаторский повар, я думаю <*1 нрзб.*>. Будет майонез с рябчиками. Может быть, еще холодных две осетринки свежей с трюфелями, капер-сами, кореньями и травкой <*1 нрзб.*> прочими?[10] Потом

---

[1] *Вместо* «Притом ∾ заносчивости»: *а.* Так что они после разговора с ним оставались довольны собой. Ни заносчивости; *б. Начато*: Надобно ни забыть также то, что [2] они ∾ безобидны, так что казалось, что даже невозможно поссориться. Напротив была какая-то мягкость. [3] *а.* Известно, что очень бодрость придает; *б.* Известно, что придает человеку бодрости; *в.* Известно, что человеку придает больше бодрости; *г. Как в тексте.* [4] *Далее начато:* Он сам несравненно манеры [5] и даже воротнички [6] *Далее начато:* На лбу его витал миллион [7] *В рукописи фраза не закончена.* [8] для взрослых [9] *Далее начато:* и потом хорошо поужинать. Пестро, веселятся и как-то [10] *Далее начато:* Шипучкой зальем и <*1 нрзб.*> в розовом

зальем шипучкой, выстоявшейся на льду.[1] Чорт возьми, как в жизни много есть всего. Люблю приятное, безобидное общество».

Всё жуки он хотел подобрать к мотылькам. [Наконец] продвинувшись сквозь эту черную тучу врагов, он увидел перед собой вдруг такой сверкающий из мотыльков всех цветов, что на время прижмурил глаза от этого блеска.[2] Точно как рисуют иногда на вывесках рог изобилия, из которого сыплются и башмаки, и подвязки, и конфекты, и драгоценные ка‹мни›. Точно то же было и здесь. В то время мотыльки в губер‹нии› не разнуздались, как в нынешнее разнуздавшееся время[3] и только во время танцев мешались с жуками. Отработавши дело ногами,[4] каждый пол отходил на свою сторону, и дамы все строем лепились у одной[5] стены. К ним подходил только изредка какой-нибудь служивший по особенным порученьям мужчина, блиставший благообразностью лица, и ловкой ‹*1 нрзб.*› кавалерист, сиявший победоносными эполетами, и то к такой[6] только, которая уже очень[7] хорошо говорит по-французски. Прочее всё перешептывалось между собою и даже конфузилось, если приступал[8] какой-нибудь жук. Жук тоже приступал не прежде,[9] как сочинивши [уже] и заготов‹ивши› вперед фразу, которая бросала в пот бедную неприготовленную даму.[10]

---

[1] *Далее начато:* Чичиков щелкнул от удовольствия рукой и принялся за туалет. Если только имеешь, заведешь у себя достатки. [2] перед собой столько мотыльков [3] В ту пору дамы еще не разнуздались так, как теперь [4] *Вместо* «Отработавши дело ногами»: Отплясавши [5] лепились около одной [6] *а.* К ним подходил только изредка мужчина и то к некоторым из них, и то чиновник; *б.* К ним подходил только изредка какой-нибудь служивший по особенным порученьям мужчина или же именно военный [с золотыми лепешками на плечах], носивший военные украшения, и сиял сам золотыми плечами, и то к такой; *в.* К ним подходил ∾ мущина, или военный кавалерист, который сам сиял золотыми плечами и порхал не хуже мотылька, и то к такой [7] уже совершенно [8] если подходил [9] Жук с своей стороны подходил тоже не прежде [10] фразу, которую нужно, и бросал в пот дам.

[1]Ответа никак нельзя сочинить вперед, и потому всё почти краснело и потело, имея надобность беспрерывную прохлаждаться морожеными и лимонадами. Которые были поблагоразумнее, те положили себе вперед не отвечать ничего, а забирали только усердно конфекты к себе в ридикули. Чичиков раскланялся самым ловким образом: близко[2] к тому, как раскланивается приехавший из Петербурга чиновник.[3] Обменявшись[4] приветствиями с хозяйкой, обрати‹лся› к дамам, сидевшим впереди. Председательша, почтмей‹стерша› и даже прокурорша с ним заговорили, а прочие молча обратили глаза.[5] Он думал, как бы узнать, которая [из них] была сочинительница. Трудно. Глаза у всех так были выразительны. При этом ему открылось такое множество круглых[6] плечей и полненьких рук (на многих из них даже лопнули длинные перчатки), что почти невозможно было смотреть собственно в одни глаза. А глаза всех были, точно, загадочны. — Он оглянул еще раз весь цветник. Кажется, значительнее всех[7] глядели председат‹ельша›, почтмейстерша и даже прокурорша, а впрочем, бог весть. Пахнет сильно резедой, фиалками и даже гвоздикой. Чичиков, поворотив, отправился было к жукам, чтобы засесть [за так называемый ломберный стол] за вист, как вдруг перед ним [сама хозяйка] губернаторша и с ней стройная девица, лет шестнадцати, стройная, как молодой тростник. «Павел Иванович!» сказала губернаторша с приятным потряхиваньем головы. «Вот вам моя дочь, только что [вышла] из института и [сегодня] в первый ‹раз› является в свет. Прошу принять благосклонно». Чичиков, разумеется, уже хотел подшаркнуть ножкой и отпустить ей самое поощрительное и ласковое приветствие; но, взглянувши ей в лицо,

---

[1] *На полях запись*: Ленты, цветы, платья, перья всех цветов и сортов. Духи всех запахов, начиная от резеды до гвоздики и свежего сена. Словом, всё что окружает женский пол [2] раскланялся ловко, очень близко [3] *Далее было:* Председатель‹ша?›, почтмейстерша и даже прокурорша заговорили с ним тотчас ‹?› [они были развязнее прочих] [снисходительнее прочих] Сидели впереди всех. [4] *Далее начато:* словами [5] *Далее было:* Все такие полные. Такое множество открывалось ему плеч и рук. [6] множество открытых [7] Больше всех, кажется,

вдруг остановился. Пред ним стояла та самая девченка.[1] Опять то же странное чувство. Матовое белое платьице тончайшее воздушно обнимало один ее стан: руки же, грудь, не взволнованная ни одним вздохом, и голубиная шейка, которую обнимало простое тюлевое белое ожерелье, — всё было открыто и составляло что-то единое с платьем. Он оторопел и позабыл всё и остался несколько минут совершенно неподвижен. Было ли это чувство любви? Кажется, он до сих пор насчет любви был не очень податлив. Имел, по мере надобности, обращенье с женщиною, но влюбиться не влюблялся.[2] Было что-то раз когда-то, в давней юности, что-то в роде мгновен‹ия› с какой-то[3] крепостной служанкой; но влюблять‹ся› он не влюблял‹ся›: это была игра лет молодой крови. Но теперь он коллежский советник. Ему почти за сорок. Два раза он уже наживался, два раза всё про ‹*1 нрзб.*›, два раза был под судом, два раза пострадал за правду; испытано и узнано им почти всё. Всё подвергал он благоразумному[4] Что ж это такое? Почему же он стал впервые[5] истуканом? Или есть что в чистом, ясном девичестве еще не развившейся женщины[6] что-то такое, что мимо ума и мимо искусства, мимо всех качеств,[7] действует на всех, даже инвалидов, вооруженных холодом бесстрастия, которых никакая и ‹*1 нрзб.*› не своротит и не расшевелит. И больше всего обворожительна та [женщина], которая не знает, что она обворожительна, и сокрушительней всех красавиц та, которая еще не знает, что она красавица.

---

[1] губернаторша и [держит] ведет за руку молоденькую, стройную девицу лет шестнадцати. Он услышал слова: Павел Иванович, вы еще не знаете мою [институтку дочь] единственную дочь, только что на днях вышедшую из института. Он, разумеется, уже хотел подшаркнуть ножкой, отпустить ей самое ласковое приветствие, но вдруг остановился. Пред ним стояла та самая девушка, которую он встретил, светловолосая [2] *а.* но влюбиться ему не случалось; *б.* но влюбиться еще никогда ему не случалось. [3] в роде встречи с какой-то [4] *Фраза не закончена. Вместо* «Но теперь ∾ благоразумному»: Что ж теперь? Итак, это не любовь. Зачем же он остановился и позабыл на один миг всё. [5] стал в первый раз [6] в чистой ясной девической прелести [7] *Далее было:* Или есть что-то обворожительное для всех в той женщине, которая еще не знает, что она обворожительна и

Что бы то ни было, но герой наш [не видел ничего] почти так же был поражен, как юноша.

Он видел, что ее умчал кавалерийский франт, перет‹янутый›, как оса,[1] с тонкими золотыми лепешками на плечах и рядом пуговиц на круто выгнутой ‹груди› с усами и гладко‹?› прочесанными[2] волосами. Он видел, как она, чуть упираясь атласным башмачком, летала, и белый пух ее эфирной одежды летал вокруг, как бы кружилась она в каком-то тонком облаке[3] показывая всю себя, как выточенную игрушку, в которой ни малейшего недостатка[4] во всем теле. Ножка, ручка, шея, всякая часть в такой соразмерности одна к другой и ко всему телу, что, казалось, ее фигурка чуть не пела от согласия стройности.[5] Гармония летала в виду всех. [Как вдруг] Все женщины ‹*1 нрзб.*› коровницы.[6] Взглянул он нечаянно на других женщин. На место ног и рук повсюду оказались ножищи, ручищи, плечища[7] [талии ‹?›] у одних дам стали точно толстые, выгнутые без толку круто подушки, у других неуклюжие доски, и почтмейстер понял это. Даже все и старые и толстые чиновники остановили глаза и глядели, не только почтмейстер, который был волокита, но деликатный прокурор пришел поглядеть и моргал только бровью.[8] Даже многие женатые и почтенные люди, которые были доселе уверены, что красивей их жен ничего не может быть на свете,[9] стали находить, что жены их как-то не так сложены, как следует. С ‹ее› появлением женщинам еще

---

[1] *Над строкой вписано:* с усиками; [2] и ловко прочесанными [3] *Вместо* «Он видел, как ∾ облаке»: *а.* Смотрел, как она летала чуть дотрагиваясь ножкой; *б.* Он видел ∾ башмачком, кружилась, выказывая [4] *Далее начато:* Белая, как снег, кисея индийская [5] *Вместо* «Ножка ∾ стройности»: *а.* Всё соразмеренно: рука, нога, всё рассчитано мастером. Всякая часть тела в такой ∾ телу, что, казалось, порхало перед ним олицетворение стройности; *б.* Ножка ∾ телу, что, казалось, пела от согласия. [6] *Вместо* «Как вдруг ∾ коровницы»: Все женщины сделались вдруг перед нею какие-то коровницы. Ноги у всех стали ножищи [7] *Далее начато:* Корсеты [8] *Вместо* «и почтмейстер ∾ бровью»: *а.* даже и прокурор сказал, что председательша не так хороша, как в прежние дни; *б.* и почтмейстер, который был волокита, нашел, что прокурорша не так хороша, как в прочие дни. Некоторые мужья, уверенные *Фраза не закончена.* [9] красивее их жен нет на свете

более стало заметно бревно в глазу. И редкая не сказала: какие у нас уроды в губернии, себя, разумеется, выключила. Всякой показалось, что только ‹у› одной губернаторской дочки да у нее порядочные руки и ноги, а у всех ручищи ‹*1 нрзб.*› Точно как будто бы затем пролетела по залу, чтобы все почувствовали, что такое стройность и кра‹сота›.

Через несколько минут, однако ж, чувство зависти стало входить в сердца всех, особенно когда увидали [именно][1] что всё молодое, военное и что ни было лучшего, поворотилось к [молоденькой] шестнадцатилетней девченке, и весь дамский цветник остался без всякого нюханья. Почтмейстерша показала необыкновенное искусство в танцах и, наклонив голову на бок, стар‹алась› выразить ‹*1 нрзб.*› неземного чувства,[2] но никто это не замечал. Всяк, кто был получше, танцовал с своей дамой, точно с подуш‹кой›, и глазами, как подсолнечник к солнцу, обращался к той стороне, где танцовала[3] та, которая даже и не думала[4] о том, что она хорошо танцует[5] и кружилась так потому, что ей было приятно кружиться, как стрекозе поверх ‹?›.

Он поскорей тот же час занял стул и поместился около нее. Но, странное дело, [никак] не мог завязать разговора; говорил много,[6] но как-то[7] не впал в настоящую ноту:[8] или выше, или ниже. Сначала заговорил[9] было о том, что Россия очень большое государство, что даже больше древней Римской Империи; но, заметивши, что девченка шестнадцатилетняя начинает зевать, спустился на такой разговор, который годен для тех, которые только начали играть в куклы. Известно, что человек[10] средних лет[11] и умеющий занимать с приятностью ‹дам› не находится, что говорить с девицами.[12] «Что это, в самом деле я как будто стал

---

[1] когда заметили [2] *Далее начато*: и всякой танц [3] где была [4] *Далее начато*: совершенно и очень даже [5] *Далее начато*: и только потому танцовала [6] говорил, но чувствовал сам [7] *Далее было*: не в такт [8] в настоящую середину [9] Вначале заговорил [10] Видно человек [11] *Далее начато:* годен более на разговор с дамами, чем с девицами [12] *Далее начато:* «Что он меня за дитя

дураковат», подумал Чичиков: «с дамами[1] могу говорить, даже с приятностью и даже за словом не схожу в карман, а теперь вот и голову ломаю[2] и обдумываю [даже], а всё что-то выходит похожее на глупость». Он не знал, что люди благонамеренных лет и благоразумного возраста не всегда бывают годны на разговоры с девицами и что на этом поле берут‹*1 нрзб.*› люди безумных лет и бестолковых образов мыслей.[3]

Дамы на Чичикова рассердились. Надулась председательша, почтмейстерша и даже прокурорша. Он взглянул на весь цветник. Весь цветник глядит на их обоих, но уже в глазах что-то похожее на негодование и нерасположение. «Вот еще боже сохрани», подумал со страхом Чичиков: «еще рассердятся, пожалуй. Это будет очень неприятно! Я точно в рассеянности поступил совсем неучтиво.[4] Вот что значит на один миг только увлечься и все [священные] первейшие обязанности человека, отношения, всё позабудешь.[5] Действительно, на меня сердиты, это я вижу». Только что он сказал себе эти слова, как вдруг видит, навстречу валит к нему Ноздрев. Сердце его точно предчувствовало, что не быть добру. Он хотел было ускользнуть, но тот уже увидал.

В этот вечер все дамские приготовл‹ения›, все вкусы, тонкие уменья одеваться, всё встряхнуто было на воздух; все [пропало] обдуманные [намеренья, приятные] фразы [затейливые намеренья], духи, помада, фиалка, гвоздика, резеда — всё пахнуло даром. В выигрыше остались одни только те дамы, которые, не думая ни о чем, набивали себе конфектами ридикули. Им досталось в этот вечер больше обыкновен‹ного›,[6] от досады у многих первоклассных дам пропал а‹ппетит?›.

---

[1] *Далее начато*: лет в тридцать и даже можно [2] *Далее начато:* а всё как-то не так [3] благонамеренных лет, которые уселись на местах, то есть лет, когда [человек] чиновник садится плотно на место и не виляет по особенным порученьям, уже не годится для девиц, а может услаждать одних только дам. [4] поступил грубо [5] Вот как можно преступать отношения и обязанности [6] больше конфект, потому что

Герой наш однако же совсем этого не замечал, рассказывая множество приятных вещей, которые уже случалось ему в подобных случаях в разных местах. Именно в Симбирской губернии у Софрона Ивановича Беспечного, где были на ту пору дочери его[1] Аделаида Софроновна с двумя золовками Марьей Гавриловной, Александрой Гавриловной и Адельгейдой Гавриловной.[2] У Федора Федоровича Перекроева в Рязанской губернии, у Флора Васильевича Победоносного в Пензенской губернии и у брата Петра Васильевича, где были на ту пору свояченица его Катерина Михайловна и внучатые сестры ее Роза Федоровна и Эмилия Федоровна.[3] В Вятской губернии у Петра Варсановьевича, где была [родная] сестра [его тет‹ки›] его невестки Пелагея Тривоновна с племянницами Надеждой Ростиславною, Верой Ростиславной и Софи Ростиславной, да две сводные ее сестры Софья Ив‹ановна›.[4] За обедом[5] у Александра Михайловича в Белебеевском уезде[6] в то время, когда там была сестра[7] его Анна Михайловна с племянницами[8] Катериной Григорьевной и Настасией Григорьевной и двумя сводными сестрами Прасковьей Максимовной и Севериадой Николаевной; у Мавры Антоновны, где были золовка ее Ольга Сергеевна[9] и обе мужнины невестки Катерина Ростиславовна и Надежда Ростиславна, у Григория Григорьевича Стромила, где была свояченица[10] его Анна Михаловна с двумя дочерьми Софией Ивановной и Маклатурой Ивановной.

---

[1] «дочери его» *вписано.* [2] *Вместо* «с двумя ~ Адельгейдой Гавриловной»: и [Аглая] Нимфодора Софроновна, вышедшая потом за Платона Ивановича Карчевского [3] где были сестры жены его Александра, Марья и Елисавета Михайловна [4] где была внучатая сестра его Адельгейда Гавриловна с дочерьми Розой Федоровной, Эмилией Федоровной, Верой Федоровной, Надеждой Федоровной и Любовью Федоровной. [5] «За обедом» *вписано.* [6] *Далее начато*: где невестка его [7] тетка [8] Анна Михайловна и две сводные сестры [9] Ольга Николаевна [10] *а.* где была сестра жены; *б.* где была Анна Михайловна, сестра жены

К ГЛАВЕ IX

Глава

А следствие было вот какое: одна из чиновниц, — я всё боюсь назвать именно какая, от страха и из почтения. Она очень поспешно села в коляску с лакеем сзади в ливрее, несколько похожей на военную, и покатилась по городу раньше обыкновения делать визит тоже одной довольно значительной и весьма почтенной чиновнице. [Всю дорогу] Сидя в коляске, всё ее внимание устремлено было на то, чтобы удержать[1] язык свой, который такое чувствовал желание, такой мучительный аппетит рассказать один секрет, что даже несколько раз начинал сам собою рассказывать, хотя слушать было решительно некому, кроме бутылочной ‹?› мебели.[2]

К ГЛАВЕ IX

По утру довольно рано,[3] даже раньше положенного часа, в который делаются визиты, из дверей[4] одного дома, деревянного с мезонином,[5] только что выкрашенного голубою краскою, выпорхнула в приятном манто одна дама, сопровождаемая лакеем в шинели с шитым воротником и золотым галуном на шляпе, и впорхнула тот же час с легкостью даже по откинутым ступенькам в стоявшую[6] у подъезда коляску. Лакей тут же закрыл дверцами даму и закидал ступеньками и, ухватившись, затем закричал: «пошел!»

К ГЛАВЕ IX

Наконец коляска остановилась у ворот прокурорши... Виноват, [виноват,] совершенно позабыл у ворот[7] хотел сказать некоторой чиновницы. Чтобы нам, однако ж, не сбиться, то мы будем называть ее чиновницей Гм. Гм., а приехавшая пусть будет Ихм. Ихм.

---

[1] Сидя в коляске, она не могла удержать [2] *На полях запись:* во всё время, пока коляска поворачивала из переулка в переулок и лакей трясся на запятках [3] Очень рано по утру [4] довольно рано перед дверью [5] *Далее начато:* выпорхнула одна довольно почт‹енная› дама и впорхнула в салопе [6] *Далее начато:* перед [7] *Далее начато:* чинов‹ницы›

Уж непременно найдется в каком-нибудь углу нашего государства, благо велико, какой-нибудь носящий это ‹имя› и непременно рассердится не на жизнь, а на смерть. Скажете, что ничего.[1] По чинам назвать и того хуже;[2] скажи только автор: прокурорша, то непременно все прокурорши, сколько их ни есть, всех губернских городов обидятся. Что же делать: такое уж обидчивое у нас государство. И потому, в избежание всяких личностей и разных могущих произойти тех и других[3] следствий, мы станем[4] называть приехавшую даму просто: почтенная дама, а ту, к которой почтенная дама ‹приехала›, пусть будет... пусть будет: тоже почтенная дама. Последняя не замедлила скоро выйти на встречу гостье в переднюю[5] в восклицанья и распростертые объятья, что не помешало ‹?› ей, однако ж, отгонять мосек платком. Обе дамы, заключившие друг друга в объятия, поцеловались довольно звонко, так что моськи залаяли снова, за что были хлопнуты вновь платком.

«Ах, Прасковья Петровна, сколько лет я вас не видала. А я думаю: кто такой приехал? Машка мне говорит: «вице-губернаторша». Я думаю себе: вот приехала опять дура надоедать, и уж хотела было сказать, что меня дома ‹нет›— Ну, как же я рада, что вас вижу. Садитесь. Ну, здоровы ли? [Что] Каков ваш Антип Антипович?»

«Слава богу, здоров. Я бы к вам давно приехала»,[6] говорила чиновница, едва переводя дыхание, потому что ее дергало как в лихорадке, а сердце билось так, что слышно было в углах комнаты: так было велико желание ее сообщить новость. «Я бы давно к вам приехала, Анна Григорьевна, но вы не можете представить...» Тут, еще не

---

[1] *На полях написано:* что автор нарочно приезжал [выведать] секретно и выведал, что он живет на свете. [2] По чинам назвать тоже плохо [3] произойти ‹*1 нрзб.*› дурных [4] мы будем [5] *Далее начато:* разгон‹яя› [6] *Далее начато: а.* давно не могла; *б.* говорила садясь чиновница едва дыша; *в.* говорила чиновница едва дыша; *г.* говорила чиновница, у которой

докончивши фразы, она хотела разом перейти к делу, которое приехала рассказать, но на половине слова[1] была перебита совершенно неожиданным восклицанием Анны Григорьевны, решительно давшим другое[2] направление всего разговора.

К ГЛАВЕ IX

«Сестра привезла тоже ситец очаровательный, право, полоски узкие и через клеточку всё глазки и лапки, глазки и лапки. Да так премило, то есть вы себе ничего вообразить не можете, Анна Петровна. Деликатный, деликатный, и издали это такое восхищение. Ввечеру так это просто очарованье.[3] То есть уж можно сказать решительно, что еще никогда не было подобного на свете».

«Только я не могу себе вообразить: глазки и лапки; а цвету, а цвету какого?»

[4]«Глазки и лапки, Анна Андреевна, а цвету немножко темного, называется кака-де-дофен».

К ГЛАВЕ IX

«И оборки, Анна Ивановна. Всё фестончики: и сзади фестончики и на рукавах фестончики».

«[Как, я уж тут не могу ничего придумать: всё фестончики, где ж тут может быть] Но только фестончики к кисейному платью!..»

«Да, А‹нна Ивановна›, всё фестончики. Очень деликатно и там еще что-то такое трюсидо ‹?› или шуше, я уж не умею хорошо назвать, а только[5] нашивается еще».[6]

«Ну, нашивается, тут уж я ничего не могу видеть хорошего».

«И талии уж совсем сделались низки, на поясе, почти как у мужчин».

«Как же, будто тальи так низки? Это ничего?»

---

[1] на половине вопроса [2] неожиданным замечанием Анны Григорьевны, которое решительно перебило ее речь и дало другое [3] *Вместо* «Деликатный ∾ очарованье»: Бесподобный, бесподобный [4] *Перед этим начато:* Цвету [5] *Далее начато:* очень [6] *На полях*: «Как же нашивочки?» — «Да, Анна Григорьевна, нашивочки»

«Низки, низки, совсем низки и сзади всё собирается так вот, как бывали фижмы, и даже подмащивается вата, что теперь выходит совершенно, как говорят, belle femme».[1]

«Ну уж это, уж как вы хотите себе, Анна ‹!›, уж я никак не стану подражать».

«Да и мне самой, признаюсь, тоже[2] мне не очень нравится. Я взяла, однако ж, выкройку только для курьезу. Посмотрю нарочно, как выйдет. Меланья уж моя принялась шить».

«Так у вас разве есть выкройка?»

«Как же, сестра привезла тоже и выкройку».

«Ну уж вы, пожалуйста, Анна, одолжите ее мне, сделайте милость».

«С большим удовольствием; только прежде я обещала Прасковье Федоровне, и уж после ее тотчас».

«Нет, уж как хотите, а мне прежде, не то вы меня чувствительно... Мы же с вами в родстве».

«Да и она тоже в родстве, да при...».

«Вы ей с мужниной стороны родня, а мы ведь с вами только что не родные сестры.[3] Нет, уж это только с вашей стороны будет грех совершенно».

При этом прокурорша пришла в такое положение, что и сама не знала, как ей быть. Вот тебе и похвасталась. Она бы даже готова была нашпиговать иголками свой глупый язык: и с той стороны и с другой стороны родня, и та рассердится, и другая тоже почти наплюет в глаза.

К ГЛАВЕ IX

«Ах, боже мой, Анна Григорьевна, если б вы знали, как я потревожилась сегодня поутру!» говорила почтенная чиновница, схвативши [руки] обеими руками руку тоже почтенной чиновницы... «Вот уж

«Ах, боже мой, я приехала именно с тем, чтобы вам рассказать...» говорила почтенная чиновница, встревоженная

---

[1] что этак было совершенно, как говорят, бель фам. [2] *Вместо* «Да и мне ∾ тоже»: Я, признаюсь сама, тоже [3] родня, а мне по прямой.

необыкновенным образом. Дыхание в ней одну минуту сперлось; слова стали погонять, наезжать одно на другое, и язык который всякую минуту хотел высунуться на свободу.[1] Нужно же до такой степени быть хладнокровной, безжалостной, каковою оказалась действительно тоже почтенная чиновница, чтобы решиться прервать ее.

«Как вы ни выхваляйте и ни превозносите, я скажу прямо и ему в глаза даже скажу это прямо, что он негодный человек, мерзкой человек, не знающий ни обращения, ни приличия!»...

«Да послушайте, Анна Григорьевна. Вам я... с тем, чтобы вам открыть...» говорила почтенная чиновница, от избытка нетерпения пришедши в такое[2] положение,[3] что для нее конечно было вредно, потому что она была дама совершенно нервическая.

Но тоже почтенная была безжалостна, как палач и решилась даже и тут прервать и продолжала с прежнею силою и негодованием: «Распустили, что он хорош собою, а я в нем ничего не нахожу; просто даже урод: толст, как шкаф, нос картофель...»

«Позвольте, позвольте, только рассказать [происшествие], душенька Анна Григорьевна. Вы увидите *<2 нрзб.>*», говорила бедная почтенная дама почти с выражением отчаяния и совершенно умоляющим голосом.

«Я потревожилася таки... Голубушка барыня, говорит мне Машка, посмотритесь в зеркало: вы очень бледны. — Не до зеркала, говорю, мне. Я должна непременно ехать рассказать Анне Григорьевне. Ту ж минуту Гришке говорю: заложить мне коляску. Кучер Андрюшка спрашивает меня: «Куда, барыня, прикажете!» а я ничего ему не могу говорить. Гляжу просто ему в глаза как дура. Я думаю, он просто подумал, что я сумасшедшая!.. Ах, боже мой, Анна Григорьевна, вы не можете себе представить,[4] как я потревожилась

---

[1] *Далее было:* получил даже небольшие судороги *На полях запись:* а бедной язык уж [с та<кой>], что с ним было, так не приведи бог
[2] *Далее было:* нетерпение [3] *Далее было а.* что автору даже неприлично о нем помянуть; *б.* которому дают название неусидения на месте
[4] Анна Григорьевна, если бы вы знали

Так сердце, право, и до сих пор колотится. Ах, я потревожилась. Но представьте себе, Анна Григорьевна, каково же мое было положение, когда я слышала это.[1]

И теперь Коробочка говорит протопопше:[2] «Я, говорит, не знаю, что делать: он дал мне пятнадцать рублей ассигнациями — может быть здесь обман. Я, говорит, одна, вдова беспомощная». Так вот какое происшествие! Я, признаюсь, потревожилась, как вы не можете себе представить».

На это почтенная чиновница никак не нашлась, что сказать, ибо она[3] только тревожилась в этих случаях, а чтобы составить какого-нибудь сметливого предположения никак не могла ‹*1 нрзб.*› и потому более, чем всякая другая имела совершенную необходимость в дружбе и в советах.[4]

К ГЛАВЕ IX

[— «Однако ж, по ва‹шему›]

— «Только я всё полагаю, что здесь что-нибудь другое кроется под именем мертвых душ».

— «Я признаюсь, Анна Григорьевна, сама то же думаю».

— «А что б вы, однако ж, думали?» — спросила.

— «Однако ж, как по вашему?»

— «Право, Анна Григорьевна... Это превосходит мое воображение. Конечно, можно бы предполагать, что он хотел Коробочку, понимаете... силою мужчины... но [ведь] она стара, около 60 лет и совсем, говорят, не хороша...»

— «Поверьте мне, Софья Ивановна, что и мертвые души и Коробочка, это всё больше[5] так, для примера, а настоящее его намерение — он хочет увезти губернаторскую дочку и перевенчаться с нею в первой церкви». Последние слова были произнесены тоже почтенною чиновницею очень тихо и почти таинственно.

---

[1] положение, когда мне рассказала это протопопша [2] А Коробочка, вообразите, говорит протопопше [3] *Далее начато*: в подобных [4] Но почтенная чиновница только тревожилась ~ никак не могла и потому имела совершенную необходимость в дружбе и в советах. [5] это всё только

— «Ах, боже мой! — вскрикнула, всплеснув руками, почтенная чиновница и вся побледнела, как мел. Автор должен, и действительно нужно, сказать, что она при этом случае чрезвычайно как потревожилась.[1]

— «Будьте уверены, Софья Ивановна, что это так», — сказала тоже почтенная чиновница.

— «Вот уж точно никак неожиданное раскрытие!» — продолжала чиновница: «это, точно, превосходящее всякое описание!» [Здесь] Нужно также‹?› еще ‹*1 нрзб.*› заметить, что почтенная чиновница кроме того, что тревожилась и чувствовала разные нервические волнения и была помешана[2] на всяких чрезвычайных происшествиях. Она совершенно ‹*1 нрзб.*› потерялась и только произносила: «Я бы этого уж никак не могла предположить».

— «А я, Софья Ивановна, всегда это предполагала!»

— «Но представьте себе, Анна Григорьевна, каково после ‹этого?›[3] воспитание в институтах: ведь [шестнадцатилетняя девочка, кажется] невинность!»

— «Какая невинность! Я слышала собственными ‹ушами› такие речи, что, признаюсь, не имею духу произнести».

— «И мужчины от нее без ума. Я, признаюсь, совсем не нахожу ее красавицей».

— «Манерна[4] нестерпимо».

— «Напротив, Анна Григорьевна, напротив...»

— «Вся вертится, как юла».

— «Напротив, Анна Григорьевна, она совершенная статуя, в лице никакого выражения».

— «Юла, юла. Всё жеманство! в каждом пальчике жеманство».

— «Статуя, [статуя,] Анна Григорьевна».

— «Юла, юла. Всё вертится и румянится к тому же».

— «Ах, Анна Григорьевна, напротив, она бледна совершенно; лицо бледно, как у мертв‹еца›».

— «Румянится; я сидела возле нее, румянец в палец,

---

[1] как мел и она потревожилась действительно. [2] *Над строкой написано:* необыкновенный аппетит к [3] каково же теперь [4] *Далее начато:* чрезвы‹чайно›.

так и отваливается кусками, как щекатурка, и ей вовсе не 16 лет, а целых двадцать. Мать скрадывает, чтобы самой молодиться».[1]

— «Но, Анна Григорьевна, позвольте мне сказать, что она бледна. Еще именно я говорю на бале Манилову: Ах, как, — так говорю, — что она бледна; но я не понимаю это. Нужно быть просто круглому дураку, ‹как?› наш прелестник (здесь разумелся друг наш ‹Чичиков›) чтобы влюбиться. Да уж за это и он какая противная физиогномия. А ведь нашлись же даже дамы».

— «Однако ж, и вы, Софья Ивановна, признайтесь, были немножко неравнодушны».

— «Я, Анна Григорьевна? Вот уж никогда вы не можете сказать этого. Никогда. Никогда».

— «Полно, Софья Ивановна, а кто прежде взял...»

— «Никогда, никогда, Анна Григорьевна, позвольте мне вам заметить, что я очень хорошо себя знаю. А вот с вашей стороны так может как-нибудь там было».[2]

— «Уж извините, Софья Ивановна. Уж позвольте вам сказать, что за мной подобных скандальозностей

---

[1] *В рукописи часть текста утрачена. На отдельном листе наброски:* ‹1›. Манерна страшно

«Напротив, Анна Григорьевна, напротив...»

«Вся вертится как юла».

«Напротив, Анна Григорьевна, она как деревянная статуя. Уж совершенно без выражения».

‹2› «Ну, знаете, Анна Григорьевна», сказала тоже почтенная чиновница: «это в ней уж я полагаю наследственно: ведь мать ее *‹б нрзб.›*. Этак вот как простая девушка Машка, которая сидит теперь за пяльцами».

‹3› «Только я не знаю: а лицо ее очень неприлично [манерна уж страшно]».

«Ничего нет. Уж очень румянится страшно».

«Ну, румянец пускай у ней и природный: ведь ей всего шест‹надцать› лет».

«Румянится, говорят, Анна Васильевна, на диво всем, и румянец в палец толщиною, как щекатурка, так и отваливается кусками. Ей лет вовсе не шестнадцать, а двадцать три. Мать скрывает, чтобы самой быть молодой.»

[2] А вот вы, так оно может быть

никогда не водится.[1] За кем другим разве, а уж за мной нет».

«Однако ж, Анна Григорьевна, ведь вы первая захватили стул у дверей».

Ну тут уж после этого натурально не без грому разговор нечаянно сделался[2] несколько жарким.

Обе чиновницы не на шутку стали[3] пикироваться и может быть даже вспыхнула ссора, но дело, однако ж, окончилось довольно мирно: тоже почтенная чиновница вспомнила, что может не получить выкройки для модного платья, а почтенная чиновница тоже смекнула со своей стороны, ‹что› есть вещи, которых без Анны Григорьевны одной никак нельзя состряпать, и при том новое, чрезвычайное открытие, которое она сообщила ей, тоже действительно было [уж] очень чрезвычайно и она еще не выведала совершенно никаких подробностей.[4]

К ГЛАВЕ IX

Ну, уж после этих слов, произнесенных чиновницей, как и сам читатель может естественно заключить, что никак нельзя миновать было бури,[5] но, к величайшему изумлению,[6] совершенно неожиданно для самого автора обе дамы [приутихли] и остановились и потом приутихли.

«Но, признаюсь», сказала тоже почтенная чиновница после нескольких минут молчания, в продолжение которых[7] их волнение почти совершенно утишилось. Нужно заметить, что обе дамы вообще никогда не думали друг друга обидеть, но так иногда нечаянно случалось им уколоть очень сильно дружка дружку, но так была иногда какая-то невин-

---

[1] *Далее было*: Да, позвольте мне вам это заметить

«Однако ж, [Софья Ивановна] Анна Григорьевна

[2] *Вместо* «Однако ж ∾ сделался»: «А кто прежде всех захватил стул у двери?» напом‹нила?› тоже почтенная чиновница просто. Разговор, как читатель увидел, начал становиться [3] *Далее начато:* прек [4] чрезвычайное открытие она совершенно еще не знала в его главных подробностях. [5] *а.* заключить, долженствовала грянуть буря совсем; *б.* заключить, должна была грянуть буря [6] *В подлиннике:* изумленному [7] *Далее начато* волнение грудей

ная страстишка кольнуть друг друга. Признаюсь, бывали подобные скандалы[1] вот хоть и с женой управляющего казенной пал‹атой›, но уж такого, как Чичиков, этого уж ниг‹де?›

К ГЛАВЕ IX

Почтенная чиновница хотела бы очень выведать все дальнейшие подробности насчет похищения, то есть в котором часу[2] и проч. Но просто почтенная чиновница сказала, что этого не знает. К чести почтенной чиновницы нужно сказать, что она вовсе не умела лгать и[3] прибавлять; предполагать — другое дело. И если уж в том было у ней[4] внутреннее убеждение, то так, убеждена как [*Фраза не закончена.*] Убеждалась она до такой степени сильно, что уж тут решительно никто не мог ее переспорить... И потому обе дамы убедились[5] до такой степени Но и то[6] в таком случае, когда это предположение основывалось на внутреннем убеждении, а уж если почувствовала внутри, так уж тогда точно, она умела постоять за себя. Автор очень бы желал, чтобы нашелся какой-нибудь до́ка-адвокат, владеющий даром убеждать и побеждать мнения, и пусть-ка он попробует устоять хоть, например, против тоже почтенной ‹чиновницы›, увидит он, что значат его [внутренние] убеждения против внутреннего убеждения. Что обе дамы вскоре ‹?› совершенно убедились в том, что они предложили прежде только как предположение, в этом, по нашему мнению, ничего нет необыкновенного, когда наша братья, народ умный, как мы любим называться,[7] совершенно неизвестно почему и по какой причине, поступаем иногда почти так, и в доказательство все наши ученые рассуждения. Сначала ученый подъезжает необыкновенным подлецом,[8] почти робко начинает запросом: не оттуда ли, не с того ли, например, угла[9] получила название Русь? или не принадлежит ‹ли› этот документ к другому времени позднейшему? или не нужно ли

---

[1] подобные истории [2] *Далее начато:* и когда еще б [3] лгать или ‹?› [4] есть у ней [5] убедились совершенно [6] *Далее начато:* тогда [7] как любим выражаться [8] Сначала ученый делает себя [9] *Далее начато:* проист‹екает›

под этим городом разуметь вот какой го́род? И иногда[1] ту же минуту цитует тех и тех писателей, и чуть только видит намек или показалось ему только намеком, уже он смелый и бодрится и[2] входит в такой вкус и разговаривает с древними писателями запросто и задает им вопросы и сам даже отвечает за них. Наконец, позабывает вовсе о том, что он предположил, а ему кажется,[3] что он это видит, и рассужденье заключается словами:[4] так это вот как было, так вот какой народ нужно разуметь под этим, так вот с какой точки нужно смотреть на этот предмет. При этом, разумеется, и прихвастнет, а иногда, чего доброго, шлепнет это во всеуслышанье с кафедры. Мигом сформируется ранг последователей, и мнение пошло гулять по свету.

К ГЛАВЕ IX

так что все[5] головы губернского города в первую минуту совершенно одурели[6] и были очень похожи на вскочившего с постели заспавшегося школьника, которому сонному его товарищи,[7] вставши поранее утром, подсунули в нос целую горсть табаку. Потянувши ее впросонках к себе всю со всем усердием спящего, он[8] пробуждается, вскакивает, глядит, как дурак, выпучив глаза во все стороны, и не может понять, что это с ним было и что это значит. И потом уже[9] он различает яркий смех товарищей, скрывшихся по углам, и[10] глядит на свет, наступающее ‹утро?› с проснувшимся лесом,[11] звучащим всеми голосами[12] птиц и с освещенной речкой, зовущей на купанье, где [с отразившимися] как в зеркале отразились обступившие ее нагие ребятишки, с криком плеща руками по звонкой воде, пугают заспавшихся на дне карасей,[13]

---

[1] И берет [2] *а.* и заставляет; *б.* и задает уже вопросы древним и отвечает за них [3] предположил только, а уж кажется ему [4] это видит и он заключает, наконец, рассужденье [5] *Далее было: а.* одурели; *б.* город‹ские› [6] *Далее было:* и глядели [7] похожи на заспавшегося школьника, которому товарищи [8] Потянувши к себе в нос всю эту горсть, он [9] *Далее начато: а.* мало; *б.* перед ним яснеет; *в.* он уже [10] *Далее начато:* золотое [11] *Далее начато:* кипя‹щим?› [12] *Над строкой вписаны неразборчиво два слова.* [13] *а.* где глядят как в зеркало тростники и нагие ребятишки уже пугают криком заснувших карасей и; *б.* где как в зеркале точно отражаются

и потом уже он, наконец, чувствует, что в носу его сидит табак. Таково совершенно было в первую минуту состояние городских голов. Потом уже, несколько очнувшись после первого одурения, они начали, наконец, требовать отчет и[1] стали негодуя делать запросы самим себе: Да что же это [всё], как же это и почему это?

К ГЛАВЕ IX

Бедная блондинка была призвана и выдержала такой тягостный tête-à-tête, какой когда-либо выдерживали 16-летние девушки. Посыпалось такое количество ‹?› выговоров, упреков, угроз, увещаний, допросов, расспросов, что бедная девчонка бросилась в слезы и рыдала, не будучи в состоянии отвечать что-либо, а тем менее что-либо понять.[2]

К ГЛАВЕ IX—X

Но чиновница Гм, почитая это дело решенным, начала так разговор:[3] «Что, каких вы мыслей, Анна Григорьевна, об приезжем-то нашем? Я думаю, вы туда ж за другими от него без ума».

«О, насчет этого я признаю, я просто не знаю даже, как он мог кому-либо понравиться».

«Я, признаюсь, тоже! Кричали, кричали; вот, говорят, хороший мужчина. И наши дамы все пошли наряжаться. Я в нем решительно не нахожу. Толст, как шкаф, нос картофель и этакое бог знает что,[4] просто самый пребезобразнейший».

[5] Покамест это говорила чиновница Хм, Хм, язык у чиновницы Ихм Ихм, как юла или бойкая ящерица,[6] несколько раз выплескивался изо рта и три раза по полуслову слетало[7] из уст ее.

---

[1] *Далее начато*: напря‹гать› [2] Блондинку призвали, и посыпалось такое количество выговоров, упреков, допросов, расспросов, что бедная девчонка рыдала, не будучи в состоянии решительно ничего понять. [3] Но чиновница Гм начала вдруг такой разговор [4] и чорт знает что [5] *Перед этим начато:* В это [6] как проворная ящерица [7] выплескивался изо рта и по полслова уже слетали

«Вот уж, подлинно,[1] история... Уж вот, точно, раскрытие, как говорится, необыкновенно превосходящее границы. Вообразите: протопопша... вот протопопша, отца Гаврилы жена. Ко мне приходит утром рано, почти что не запыхавшись, и рассказывает, что бы вы думали? Наш-то, смиренник-то приезжий каков-то? а?»[2]

«Как неужли он и протопопше[3] строил куры?»

«Ах, боже мой, душенька Анна Григорьевна! Какое куры. Еще бы ничего куры. Послушайте, что рассказывала мне протопопша. Приехала, говорит, к ней помещица Коробочка, вся, говорит, перепуганная и вся бледная, как полотно, рассказывает, что к ней,[4] говорит, приехал, говорит, как этот прелестник-то ночью, вообразите в 12 часов, с пистолетами в руках. Скандальезу наделал ужасного и кричит, говорит, чтобы продала ему мертвых душ; заставил, говорит, подписать ее фальшивую бумагу...»

«Представьте, какая история», — продолжала тоже почтенная чиновница.

«Ах, боже мой! но странно, что мертвые...[5] Вот муж говорит, что Ноздрев с пьяна выдумал. Только воля ваша, Прасковья Петровна, здесь что-нибудь другое, а не мертвые души».

«Я сама тоже думаю. Я думаю, что он просто хотел Коробочку изнасильничать, а так как у нее водятся душонки и деревенька, так хотел, чтобы она ему отказала в завещании...»[6]

«Нет, нет, Анна Григорьевна. Я знаю настоящую причину: не Коробочку хотел, это так только, для прикрытия. А настоящий его предмет[7] это губернаторская дочка. У него

---

[1] *Вместо* «Вот уж подлинно»: Я вам, я вам расскажу, постойте, я вам расскажу. Так это уж подлинно [2] приезжий каков [3] Так, он уж и протопопше [4] *Вместо* «Послушайте ∾ что к ней»: *а.* а то вообразите: протопопша, я говорю, прибежала ко мне и говорит, что к ней приехала помещица Коробочка; рассказывает, что перепуганная, что к ней [5] заставил, говорит, написать какую-то бумагу.

«Ах, боже! Полно, точно. Да полно. Ах, боже. Ах, боже мой, опять мертвые.

[6] изнасильничать и заставить ее отказать ему в завещании. [7] А настоящая его цель, знаете

в уме есть желание увезти ночью губернаторскую дочку и в первой, я думаю, церкви перевенчаться с нею».

«Как губернаторскую дочку», вскричала чиновница Ихм, выпучив от изумления глаза, которая хотя была тоже с своей стороны довольно быстра на догадки, но уж этого никак не предполагала.

[1] «Будьте уверены, я совершенно проникла, что всё, что он делает, это всё только, чтобы отвлечь внимание, а у них уж всё приготовлено: и лошади и коляска...»

«Ах, боже мой. Вот уж, точно, никак неожиданное,[2] чрезвычайное обстоятельство, раскрытие, превосходящее всякое описание», вскрикнула [и вся загорелась, совершенно как охотник] чиновница Гм, которая от чрезвычайных происшествий была совершенно помешана, и потому также[3] вспыхнула, загорелась, как охотник, завидевший вдали зайца.

«Только [как] неужели он отважится увезти. Ведь нужна помощь, а он человек заезжий!» .

«О, есть, есть такие люди. У него есть приятели; вот хоть и Ноздрев, например».

«Неужели и Ноздрев[4] в заговоре?»

«Что ж тут удивительного. Ведь он на всё готов. Это сорвиголова[5] известный; ему двадцать раз на дню сломать шею ничего не значит».

«Ах, боже. Вот происшествия случаются на свете!» повторила чиновница.

И вот таким образом из покупки мертвых душ, к величайшему изумлению, составился увоз губернаторской дочери со всеми обстоятельствами и даже впутался сюда Ноздрев.

‹*1 нрзб.*› в это самое время, когда дамы[6] были в экстазе, приехали дрожки прокурора, который не замедлил скоро явиться с своею неподвижною физиогномией, густыми бровями и слегка[7] мигающим[8] левым глазом.

Дамы натурально наперерыв принялись сообщать[9] ему

---

[1] *Перед этим начато:* Тем более что [2] Вот уж точно открытие [3] была просто без ума и загорелась так вся [4] Ах, боже мой, так и Ноздрев [5] на все готов. Он сорвиголова [6] когда чиновницы [7] бровями и только [8] *Далее начато:* прав‹ым› [9] натурально в ту же минуту сообщили

все эти события, рассказали ему об покупке мертвых душ, и [потом] *о намерении увезти губернаторскую дочку и сбили* его совершенно с толку, так что он[1] сколько ни продолжал стоять на одном месте и мигать еще сильнее левым глазом, но ничего решительно не мог понять. Так на этом и оставили его обе дамы и отправились, каждая в свою сторону, бунтовать город. Это предприятие им удалось произвесть с небольшим в полчаса. Город был решительно взбунтован.[2] Чиновники [решительно] ничего не могли понять, но тем не меньше были напуганы. Мертвые души, покупать мертвые души, для какой причины? Это так казалось странно, что никто не мог верить. С другой стороны, предполагаемое похищенье губернаторской дочки. Пусть бы это каким-нибудь прапорщиком, но человек такой [степенный] солидный, как Чичиков, уже в летах, получивший и надлежащую толщину и совершенную благонамеренность в мыслях и всё, не отважился бы на такое бойкое, рискованное, совершенно военное дело. Это казалось им почти невероятным. Зато дамы очень скоро признали это и убедились ‹?›, и удивлялись только, как не замечали этого прежде.[3]

Конечно, в другое время и при других обстоятельствах, может быть, всё это назвали бы просто вздором, не поверили бы[4] этому так скоро в другое время, но в то время, точно, им нельзя было никак не признать это за справедливое и не схватиться за него ‹с› жаром. В этом нельзя и винить их,[5] а нужно лучше рассмотреть их положение, ибо в самом ‹деле› в городе уже около трех месяцев не происходило никаких слухов, ни сплетней, ни историй,[6] и ни

---

[1] *Далее начато:* стоял решительно не в силах будучи произнести
[2] *Вместо* «Это предприятие ∾ взбунтован»: *а.* И точно, в продолжении одного дня им совершенно удалось взбунтовать город; *б.* И точно, в продолжении нескольких часов им совершенно удалось взбунтовать город
[3] *Далее начато: а.* Впрочем они; *б.* Хотя
[4] *Вместо* «Конечно ∾ не поверили бы»: Может быть не поверили бы
[5] *На отдельном листе запись:* Но читатель должен, в самом деле, войти совершенно в положение города и тогда, может быть, увидит, что никак нельзя было вин‹ить?›
[6] *На отдельном листе запись, зачеркнутая:* без которых, если уж столицы не могут обойтиться, то как губернской, где известно, что хоть просто хлеб, пища и благословение господне

всего того, что называют в столицах комеражами вещь [почти] неслыханная в губернском городе, но именно было так. И вдруг после этого на голодные зубы подобная новость. Это был такой лакомый кусок,[1] лучше которого натурально ничего нельзя выдумать, чем бы можно было подарить общество. Итак,[2] в несколько часов знал решительно весь город. Многие из дам, которые прежде пикировались, а иные даже давно не ездили друг к другу, в это время как-то сблизились. Губернатор тоже, как легко можно вообразить, решительно не знал, что думать.[3] Натурально, что всё это с надлежащими прибавками, переменами и комментариями было доставлено в собственные уши губернаторши. ‹Она› как мать и первая дама в городе, была приведена в негодование. Ту же минуту был дан приказ швейцару не принимать никаким образом Чичикова, если[4] вздумает явиться.[5]

Чтобы совершенно уверить мужей и сделать им, так сказать, осязательнее, дамская половина употребила какие-то средства, им одним известные, которых автор,[6] как ни старался, никогда не мог узнать и убедился в том, в чем уже издавна убежден почти весь свет, эта сторона человеческого рода совершенная задача. Ему случалось не мало видеть на свете мужчин кажется ‹?› и глубоких и довольно бойких на проницательность[7] и осмотрительность, которые, однако ж, в этом случае только пожимали плечами, и в лице их такое[8] означалось преглупейшее[9] выражение, какое только когда-либо было видано на человеческом лице. Чиновникам,

---

[1] *Далее начато:* Словом в несколько часов весь город знал [2] Словом [3] *Далее было:* тем более, что он и без того, вообще не охотник был много думать. [4] *Далее начато:* появ‹ится› [5] *Далее начато: а.* Чиновники несли; *б.* Дамская половина, чтобы уверить в этом [6] *а.* автор, признаюсь; *б.* автор сначала старался. *На отдельном листе запись:* ‹в› которое, конечно, автор очень старался [узнать] проникнуть и напрягал много внимания, чтобы проникнуть именно, в чем состоит то и то средство, но никак не ‹мог?›. [7] *Вместо* «Ему ∾ проницательность»: И сколько уж было на свете мужчин и весьма, кажется, бойких [и усмотрительных] и проницательных ‹?› [8] *Далее начато:* оставалось [9] означалось выражение такое глупое

конечно,[1] *мало было нужды до похищения*, и губернаторская дочка[2] немного могла их занимать. Но покупка мертвых душ это дело, как казалось, решительно невозможно; что здесь что-нибудь да не так, что, верно, скрывается. Председатель несколько потревожился, что купчая совершена. Капитан-исправник даже испугался [вначале], что в самом деле не другой ли кто этот приезжий и, как обыкновенно, прежде всего спохватились, не подосланный ли от генерал-губернатора. Нужно знать, что в это время получили известие сделать строгое разыскание, что показался делатель фальшивых ассигнаций. Это опять сбило с толку, впрочем, весьма почтенных чиновников. И когда, чтобы хорошенько подумать, все собрались[3] в доме господина полицмейстера, вовсе не было похоже на те очень веселые и приятные компании, которые бывали, когда [бывало] почтмейстер, щелкнув, говорил председателю: «А что, брат Петруша, как бы того, понимаешь, что ноги не моет, чорт побери».[4] На этот раз[5] беспокойство довольно натуральное, так что приличные и полные лица те, которые всегда цвели каким-то довольством, как хорошие зрелые фрукты, сделались отчасти похожи [на лимон] на сушенные фиги. Все почти уверены были,[6] что Чичиков [не Чичиков] должен быть не то, чем показывал; но кто он таков действительно, в этом произошла такая разность мнений, какие, я думаю, еще ни в каких конференциях ‹*1 нрзб.*› советах не существовало даже [во время самых] запутанных обстоятельствах всемирной истории.[7] Одни говорили, что делатель фальшивых ассигнаций. Другие, что не чиновник ли губернаторской канцелярии; иные, бывшие более материалисты, что просто Чичиков, но, вероятно, он в уме немножко тронулся. Иной даже изъявил догадки,[8] не скрывающийся ли разбойник. Как вдруг почтмейстер,[9]

---

[1] Чиновникам, впрочем [2] *Далее начато:* мало их интер‹есовала› [3] *Вместо* «И когда ∾ собрались»: и по поводу этого все собрались [4] *Далее начато:* Теперь [5] *Далее начато: а.* совершенно иное; *б.* другое [6] Всех занимало теперь [7] советах во время самых запутанных обстоятельствах не существовало в мире. [8] Иной даже надумал [9] *Далее начато:* который двинулся

которого как бы осенило каким-то откровеньем свыше; ‹сказал?›

«Знаете ли, господа, кто это?»

Голос, которым он произнес, твердый и даже некоторым образом торжественный, произвел на всех потрясение электрическое, заставил всех в одно слово вскрикнуть: кто?

«Это, господа, сударь мой, не кто другой, как капитан Копейкин».

А когда [судари] все в один голос спросили, а кто же такой этот капитан Копейкин:

«Дак вы не знаете, кто таков капитан Копейкин?» сказал почтмейстер.

Все отвечали отрицательно.

«Капитан Копейкин», сказал почтмейстер и при этом, открывши свою[1] табакерку только на половину, потому что боялся, чтобы кто-нибудь из соседей не запустил туды своих пальцев, в чистоту которых он плохо верил[2] и даже приговаривал: «Знаем, батюшка, куда вы ими наведывались!» «Капитан Копейкин!», повторил он, захвативши пальцами[3] табак и потом встряхнувши с небольшим прищелком и удовлетворивши им нос свой с обеих подъездов: «Капитан Копейкин, да ведь это, если рассказать вам, так это выдет то есть презанимательная даже для писателя какого-нибудь эдакая, понимаете, поэма целая».

Все присутствующие изъявили желание узнать эту историю, или, как выразился почтмейстер, для писателя целую поэму. —

К ГЛАВЕ IX

Судили, судили и решили на том, чтобы расспросить покупщиков,[4] у которых Чичиков торговал и купил эти загадочные мертвые души.[5] Прокурору выпал жребий [итти] переговорить к Собакевичу, а председатель вызвался сам итти

---

[1] *Далее начато:* вполовину [2] он обыкновенно не верил [3] повторил он, растирая пальцами [4] чтобы отправиться лично к покупщикам [5] *Далее начато*: Двое из них, как уже знает читатель,

к Коробочке. А потому отправимся и мы вослед за ними[1] и посмотрим, что такое там разузнали.

Глава

Собакевич квартировал с супругой в доме несколько поодаль от шумных мест. Дом[2] выбрал этакой крепкой, чтобы потолок не проломился и можно бы в нем жить благополучно.[3] Хозяин был купец Колотыркин, человек тоже прочный.[4] Собакевич был с супругой; детей при нем не было. Он начинал уже скучать и помышлял[5] об отъезде, ожидал только[6] оброка за землю, которую нанимали под репу[7] трое городских мещан, да окончанья какого-то модного капота на вате, который вздумала заказать городскому портному [его] супруга. Он уже, сидя на кресле, начинал побранивать и мошенничеством, и прихоть, а сам всё глядел на угол.[8] В это время вошел прокурор. Собакевич сказал: «Прошу», и, приподнявшись,[9] сел опять на стул. Прокурор подошел к ручке Феодулии Ивановны и, приложившись к ней, сел также на стул. Феодулия Ивановна, получивши себе на руку поцелуй, села[10] также на стул. Все три стула[11] были выкрашены зеленой масляной краской[12] с малеванными кувшинчиками по уголкам.

«Пришел с вами переговорить об деле», сказал прокурор.

«Душенька, ступай в свою комнату. Там тебя, верно, ждет портниха».

Феодулия пошла[13] в свою комнату.

Прокурор начал так: «Позвольте вас спросить: какого ‹рода?› людей продали вы Павлу Ивановичу Чичикову?»

«Как какого рода», сказал Собакевич.[14] «На это крепость есть; там означено, какого рода: один каретник».

---

[1] за ними, сначала к Собакевичу [2] в доме купца Колотыркина, и дом [3] *Далее начато*: и перед окнами [4] «Хозяин ∾ прочный» *вписано.* [5] и думал [6] *Далее начато:* чтобы [7] под огород [8] *Вместо* «а сам ∾ угол»: не глядя на жену, а на угол печки. *Слова:* «на жену ∾ печки» *остались не зачеркнуты.* [9] и, показавши себя во весь рост [10] Феодулия Ивановна, приподнявшись, по окончании этой проделки села [11] Все кресла [12] *Далее начато:* с какими [13] Супруга пошла [14] *Далее начато:* Да ведь это вы бы могли узнать

«По городу, однако ж»,[1] сказал прокурор, несколько замявшись: «по городу разнеслись [такие] [странные] слухи».

«Много в городе дураков, оттого и слухи», сказал спокойно Собакевич.[2]

«Однако ж, Михаил Семеныч, такие слухи, что просто голова кружится: что души не души, что цель совсем не та, чтобы переселить, и что сам Чичиков загадочный человек. Оказываются такие подозрения. По городу пошли такие пересуды»[3]

«Да позвольте спросить вас: вы сами баба, что ли?» спросил Собакевич.

Этот вопрос озадачил[4] прокурора. Он сам у себя никогда еще не спрашивал, баба ли он, или что другое.[5]

«Вы бы с этакими запросами посовестились даже и приходить ко мне», сказал Собакевич.

Прокурор начал извиняться.

«Вы бы пошли к каким-нибудь пряхам, что по вечерам говорят[6] об ведьмах.[7] Уж если бог не дал о чем поумней завесть[8] разговор, играли бы в бабки с малыми ребятами. Что вы в самом деле пришли смущать честного человека? Что я вам, в насмешку, что ли?[9] В службе[10] своей, как

---

1 *Вместо* «По городу однако ж»: Странно, однако ж 2 *Вместо* «Много ∾ Собакевич»: *а.* «Да ведь слух на то, чтоб дурак ему верил», сказал Собакевич спокойно; *б.* «Слухи для дураков», сказал Собакевич; *в. Начато:* «Да ведь слухи ходят для дураков»; *г Как в тексте.* 3 сам Чичиков фальшивый и совсем не то, чем кажется. В городе такие подозрения: 4 *а.* несколько озадачил; *б.* совсем озадачил; *в. Как в тексте.* 5 *Вместо* «Он ∾ другое»: тем более, что он сам себя ∾ баба или нет. 6 Вы бы уж там себе и пристали к каким-нибудь пряхам, что по вечерам тратят время на рассказы 7 *Далее начато: а.* а к порядочному; *б.* Знали бы и уж их да ребят; *в.* или к ребятам; *г.* Дела своего как видно не делаете, уж играли бы с ребятами в бабки. 8 *Над строкой:* чем речь, божий дар, на такие слова 9 *Вместо* «Что вы в самом ∾ что ли?»: Вот так бывает всегда с людьми, которые делом не занимаются. Отечеству как следует не служат. Расположенья людей благоразумных не ищут. Так себе весь век и останется чорт знает что, собакой живет, собакой и про‹падет›. Прокурор совершенно потерялся после такого красноречивого поученья *Над строками вписано:* что ж пришли ко мне в дом, да меня же дура‹чите?› Прокурор приподнялся со стула. «Помилуйте, Михал Семенович, что я вам? Разве ‹*1 нрзб.*› я вам баба ‹*2 нрзб.*› 10 *Вместо* «В службе»: Службой

следует, не упражняетесь. Чтобы отечеству как-нибудь послужить и на пользу ближнему, храня товарищей, о том не думаете. А вот только, чтобы быть подальше других. Куда дураки подтолкнут, туда и плететесь. Так себе за ничто и пропадаете, и доброго следа после вас не останется».

Прокурор совсем не нашелся, что отвечать на такое неожиданное поучение. Разбитый в прах и уничтоженный пошел он от Собакевича. А Собакевич ему вслед: «Убирайся себе, собака!» [1]

В это время вошла Феодулия. «Что это от тебя прокурор так скоро вышел?» сказала она.

«Угрызенье совести ощутил, так и вышел», сказал Собакевич. «Вот тебе, душа моя, в глазах пример. Какой старой человек, уж и волос седой в голове, а я знаю, что он до сих пор по чужим женам ходит.[2] У них уж обычай у всех; собаки все.[3] Мало того, что даром бременят землю, да еще дела такие делают, что скоту бы и [творят] такие грехи‹?› творят, что их всех бы в один мешок да в воду.[4] Весь город разбойничий вертеп. Незачем нам здесь оставаться больше, уедем!» [5]

Супруга хотела было представить, что еще не готов капот и нужно купить для праздника какие[-то] ленты на чепцы.[6] Но Собакевич сказал: «Это, душа моя, всё модные выдумки, они тебя к добру не доведут». Велел собирать всё в дорогу, сам пошел,[7] вместе с квартальным, к мещанам и взял с них оброк за репу. Потом зашел к портнихе и взял капот недошитый, так, как был в работе, с воткнутой иголкой и ниткой, с тем, чтобы дошить его в деревне, и выехал из

---

[1] *Вместо* «А Собакевич ему ∾ собака»: А Собакевич [так ему], сидя на том же стуле, говорил между тем так по его выходе: Вот и старой человек и волос седой в голове, пора бы уж и о грехах подумать, а всё чорт знает чем за‹нят?› [2] в голове, а ведь до сих пор греховодничает [3] У них уж такой обычай: друг другу [роги] ставить роги. Всяк из них ‹*1 нрзб.*› [4] бременят землю да еще... Гомора их бы всех огнем погубить. — Собаке собачья и смерть. [5] *Далее было:* из этого разбойничьего вертепа и мы [6] и нужно кое-что купить для праздничных украшений на голову [7] *Вместо* «сам пошел»: отправился сам

города, приговаривая, что опасно даже заезжать в этот ‹город›,[1] потому что мошенник сидит на мошеннике и можно легко самому погрязнуть вместе с ними во всяких пороках.

Прокурор между тем так был озадачен приемом Собакевича, что недоумевал,[2] как и рассказать об этом председателю.

Но и председатель тоже немного успел в объяснениях. Начать ‹с› того, что, поехавши на дрожках, попал он в такой грязный и узкой переулок, что[3] во всю дорогу то правое колесо выше левого, то левое выше правого.[4] От этого ударил он ‹*1 нрзб.*› самого себя весьма ‹сильно?› палкой в подбородок, потом затылком вылетел ‹?› и в заключенье [везде] забрызгался грязью. Въехал он во двор к протопопу среди чавканья, шлепанья грязи, свиного хрюканья. Оставивши дрожки и пробравшись пешком позади всяких[5] клетухов и вступил, наконец, в сени. Здесь он прежде спросил полотенце и вытер лицо. Коробочка встретила его так же, и как Чичикова, с тем же меланхолическим ‹видом?›.[6] На шее у ней было что-то наверчено, вроде фланели. В комнате было бесчисленное множество мух и какое‹-то› отвратительное для них блюдо, к которому они, казалось, уже привыкли. Коробочка попросила его садиться.

Председатель, начавши сначала тем, что знал некогда ее мужа, потом вдруг перешел к такому вопросу: «Скажите пожалуйста, точно ли к вам, в ночное время,[7] с пистолетом в руке приезжал один человек, покушавшийся вас убить, если вы не отдадите[8] каких-то душ? И не можете ли объяснить нам, какое было его намерение?»

«Да уж как не могу![9] Возьмите ведь мое положение:

---

[1] *а.* приговаривая, что нечего больше и заезжать сюда; *б. Начато:* приговаривая, что в другой раз незачем; *в. Как в тексте.* [2] что не знал даже [3] *Далее начато: а.* одно колесо на целой; *б.* одно колесо стало неизмеримо выше; *в.* на одной стороне было выше; *г.* временами на левой [4] *Над строкой:* От этого весь корпус его ‹*1 нрзб.*› [5] Въехал он среди чавканья и шлепанья грязи, среди свиного хрюканья и куриного кудахтанья и оставивши дрожки пробрался пешком между вс‹яких› [6] и как Чичикова с видом несколько меланхолическим. [7] к вам ночью [8] вы не продад‹ите› [9] *Вместо* «Да уж ∾ могу»: «Как же». Коробочка вдруг оживилась.

двадцать пять рублей бумажками! Ведь я не знаю, право. Я вдова, я человек неопытный. Меня не трудно обмануть в [таком] деле, в котором я, признаться вам сказать, батюшка, ничего не знаю. Пеньке-то я знаю цену. Сало тоже продала третье...»

«Да расскажите прежде пообстоятельнее:[1] как это? Пистолеты при нем были?»

«Нет, батюшка, пистолетов, оборони бог, я не видала.[2] А мое дело вдовье. Я не могу знать, почем ходят мертвые души. Уж, батюшка, не оставьте,[3] поясните, по крайней мере, чтобы я знала цену-то настоящую».

«Какую цену? Что цена, матушка? Какая цена?»

«Да мертвая-то душа почем теперь ходит?»

«Да она дура от роду или рехнулась», подумал председатель, глядя ей в глаза.[4]

«Что ж, двадцать пять рублей? Ведь я не знаю, может быть они пятьдесят, [сто] или больше».

«А покажите бумажку», сказал председатель и посмотрел ее против света, не фальшивая ‹ли›. Но бумажка была, как бумажка.

«Да расскажите же вы, как он у вас купил, что купил. Я в голову ничего не могу сообразить».

«Купил», сказала Коробочка. «Да вы-то, батюшка, что ж вы-то не хотите мне сказать, почем ходит мертвая душа, чтоб я знала настоящую цену мертвых душ?»

«Да помилуйте [полно мату‹шка›] что это вы говорите, где ж видано, чтобы мертвых продавали?»[5]

«Да что ж вы цены не хотите сказать?»

«Да что ж цены. Помилуйте, какая цена. Скажите мне сурьезно, как было дело. Угрожал он вам чем, хотел обольстить [что ли]?»

---

[1] Да расскажите, что он говорил [2] пистолетов я не видала никаких, оборони бог от пистолетов. [3] Уж, батюшка, вы поясните мне это. [4] «Да помилуйте ж, матушка, кому нужны мертвые души», сказал председатель и подумал он: «Она совсем [дура], кажется, дура». [5] *Вместо* «Да расскажите же ∾ продавали»: «Да как, что он у вас купил?» — «[Так] Да ведь я уж сказала вам. Да вы то что так допрашиваете. Уж вы не изволите ли сами покупать, батюшка. Право, грех вам будет, если меня обманете». — «Да что ж вас обманывать».

«Нет, батюшка; да вы, право... Теперь я вижу [сама], что вы тоже покупщик». И посмотрела подозрительно в глаза.

«Да я председатель, матушка, здешней палаты».

«Нет, батюшка, как хотите, вы это уж того изволите так, хотите сами меня обмануть. Да ведь что ж вам из того, ведь вам же хуже. Я бы вам продала и птичьих ‹перьев›: у меня о рождестве и птичьи перья будут».

«Матушка, говорю вам, что я председатель. Что мне ваши птичьи перья. Не покупаю ничего».[1]

«Да ведь торг честное дело», продолжала Коробочка. «Сегодня я тебе, завтра ты мне продашь. Что ж, если мы станем этак друг друга обманывать, да где ж и правда тогда? Ведь это [правда-то] перед богом грех».

«Матушка, я не покупщик, я председатель!»

«Да бог знает. Может быть, вы и председаете; ведь я не знаю. Что ж? Я вдова.[2] Да что ж вы так расспрашиваете? Нет, батюшка, я вижу, что вы сами, того, хотите купить их...»

«Матушка, я вам советую полечиться», сказал председатель, рассердившись. «У вас вот недостает...» сказал он, постучавши себя пальцем по лбу, и вышел [в сердца‹х›] от Коробочки.

Коробочка так на этом и осталась, что это был откупщик,[3] и удивлялась только тому, какой сердитый стал народ на белом свете и как трудно бедной вдове. Председатель изломал колесо в дрожках и забрызгался вонючею грязью. Вот всё, что приобрел он в этой неудачной экспедиции, включая сюда [также и] разбитый палкою подбородок. Подъезжая к дому, встретил он прокурора, который тоже ехал на дрожках не в духе, повесивши [голову ?].

«Ну, что[4] узнали от Собакевича?»

---

[1] *Далее было:* Да нет, отец, уж ты, пожалуйста, не обидь меня. Ведь у меня третьего года... Что ж это в самом деле, если мы эдак обижать будем друг друга да обманывать. [2] и председаете уж видно [3] *Далее начато: а.* Председатель изломал; *б.* Председатель; *в.* Из всей этой неудачной экспедиции представи‹тель› ‹sic!› [увидел] извлек для себя то, что [4] *Далее начато:* сказал

Прокурор повесил голову и сказал: [только что] «Во всю жизнь не был трактован...»

«А что?»

«[А что?] Оплевал совсем [всего]», сказал прокурор с огорченным видом.

«Как?»

«Говорит, что на службе от меня проку нет:[1] ни одного доноса не подал на товарищей.[2] В других местах прокурор, что [ни] неделя, [то и] посылает донос; я выставлял[3] «чел» на всяком листке, даже и тогда, когда иной раз следовало бы подать доносом, не задерживал ни одной бумаги».

Прокурор истинно сокрушался.[4]

«Так что ж он ‹об› Чичикове говорит?» сказал п‹редседатель›.

«Что говорит? Бабами назвал всех, обругал [всех] дураками [и сплетниками]».

Председатель задумался. В это время подъехали третьи дрожки; на них сидел вице-губернатор.

«Господа, я должен вас известить, что нужно быть осторожну. Говорят, действительно в нашу губернию назначается генерал-губернатор». И председатель и прокурор разинули рот. Председатель подумал про себя: «Вот кстати приедет на расхлебки. Заварили суп такой, что чорт и вкус в нем какой отыщет. Увидит, какая бестолочь в городе».

«Одно за другим», подумал огорченный прокурор.[5]

«Не знаете о том ничего, кто назначен в генерал-губернаторы, какого нрава, какого свойства?»

---

[1] Говорит, что и в службе не упражняюсь [и нет] За что ж. Чем же я так проступился. [2] не подал ни на кого [3] Я подписываю всегда читал [4] Прокурор совершенно огорчен. [5] *Вместо:* «Господа! ∾ подумал огорченный прокурор»: «Господа, я должен вас известить, что [получено] губернатор получил отношенье из соседственной губернии, уведомляющее, что появился делатель фальшивых ассигнаций. Нужно быть осторожну».—«Ну, если это Чичиков», подумал вдруг председатель, но замолчал [сделать догадку при кучерах]. — «Но известно. Оно бы в другое время ничего, но», сказал, «говорят, действительно в нашу губернию назначается генерал-губернатор, а потому теперь...» — «Вправду?» сказал председатель и подумал про себя: «Ну что ж, как раз кстати. Тут заварилась в городе кутерьма и бестолочь. Одурели и без того все в городе». Огорченный прокурор даже и не слышал этого.

«Ничего еще неизвестно», сказал ‹вице-губернатор›.

В это время подъехал на дрожках почтмейстер.

«Господа, могу вас поздравить с [новым] генерал-губернатором».

«Слышали, да ведь еще неизвестно», сказал вице-губернатор.[1]

«Известно даже и кто», сказал почтмейстер: «князь Однозоровский-Чементинский».

«Что ж говорят?»

«Строжайший человек, судырь мой», сказал почтмейстер. «Дальновиднейший и крутейшего нрава. Был он прежде в каком-то эдаком, понимаете, казенном большом построении. Завелись там кое-какие грехи. Всех, судырь, распушил, стер в прах, так что, понимаете, и подметать было нечего».

«А здесь в городе ‹нет› никакой надобности строгих мер».[2]

«Палата, судырь мой, сведений; человек размера, понимаете колоссального!» продолжал почтмейстер. «Случилось один раз...»

«Однако ж», сказал почтмейстер: «мы говорим на улице, при кучерах. Лучше ж заедем».

Все опомнились. А уж на улице собрались наблюдатели и глядели, разинув рты, на разговаривающих с ‹*1 нрзб.*› дрожек.[3] Кучера [хлыснули] закричали, и четверо дрожек потянулись [на двор] к председателю.[4]

«Кстати чорт принес этого Чичикова», думал председатель, снимая с себя в передней забрызганную грязью шубу.

«Я всё не могу разобрать этого дела», сказал вице-губернатор, скидая шубу.

Почтмейстер ничего не сказал, сбросил просто.

---

[1] *Вместо* «Слышали ∾ вице-губернатор»: ‹Узнали, да не знаем еще к‹то?›» [2] «Всех, судырь, распушил, растрепал, как говор‹ят›, так что...»— «Что вы», сказал [представитель] вице-губернатор, который сам был наклонностей мирных и не понимал никакой надобности строгих мер. [3] с четырех дрожек. [4] *Далее начато:* Слух о генерал-губернаторе всех смутил. Особенно слова почтмейстера: «Дальновиднейший, сведений палата объема колоссального и крутейшего нрава» поразили даже прокурора. Он очнулся от мойки, заданной ему Собакевичем. «Признаюсь, вот весело», сказал председатель. «Ну, в хорошую же минуту приедет

Вошли в комнату, где вдруг явилась закуска. Губернские власти ‹не обходятся ?› без закуски, и если в губернии хоть два чиновника сойдется, сам-третей является закуска.

Председатель подошел и налил себе самой горькой полынной водки, сказавши: «Я, хоть убей, не знаю, кто таков этот Чичиков».

«Я и подавно», сказал прокурор. «Этакого запутанного дела я и в бумагах не читывал, и не имею духу приступить...»

«А как человек между тем светского лоску», сказал почтмейстер, наливая сначала темной и розовой [и желтой] и составив себе смесь из разных водок: «очевидно был в Париже. Я думаю, что едва ли не дипломатом служил».[1]

«Ну, господа!» сказал в это время, входя, полицеймейстер, известный благотворитель города [и] любимец купечества и чудотворец в угощениях:[2] «Господа! О Чичикове я ничего не мог узнать. В собственных бумагах его порыться [никак] не мог. Из комнаты не выходит. На беду чем-то заболел. Расспрашивал людей. Лакей пришел Петрушка, кучер Селифан. Первый был не в трезвом состоянии, да и всегда быв‹ает?› таков». При этом полицеймейстер подошел к водке и составил смесь из трех водок. «Петрушка говорит, что барин как барин, водился[3] с людьми, кажется, хорошими: с Перекроевым. Назвал много помещиков, всё коллежские и статские советники [иные даже и повыше]. Кучер Селифан: неглупым человеком показывался всеми[4] за то, что службу хорошо исполнил. Был [говорит] в таможне, при каких-то казенных постройках, а в каких именно, не мог сказать.[5] Лошади три: одна куплена, говорит, три года

генерал-губернатор. Увидит, что одурел весь город. [Я не знаю] Признаюсь вам, у меня голова кружится. Кто такой этот Чичиков я, хоть убей, не

[1] «Этакого запутанного дела отродясь не слыхивал». — «Тем более что того», сказал ‹почтмейстер›, «человек светского лоску, [как видно, имел обращение] судя по поступкам, должно быть имел обращение с [высшим] политесом общества. [2] и чудотворец относительно угощений [3] *Вместо* «водился»: знаком [4] *Вместо* «Кучер Селифан ∾ всеми»: Селифан говорит, что уважался всеми [5] а в каких именно, толку не мог добиться.

назад тому. Серая, говорит, выменена на серую, третий куплен. А сам Чичиков действительно называется Павел Иванович и точно коллежский советник».

Все чиновники задумались.

«Порядочный человек, и коллежский советник», подумал прокурор: «и решиться на такое дело, как увозить губернаторскую дочку, или возыметь безумие покупать мертвые ‹души›. Пугать по ночам спокойных престарелых помещиц, это прилично какому-нибудь гусарскому юнкеру, а не коллежскому советнику».[1]

«Если коллежский советник, как же пуститься в такое уголовное преступление, как делать бумажки», подумал[2] вице-губернатор, который был сам коллежский ‹советник›, любил играть на флейте и душу [скорей] имел склонную к искусствам изящным, а не к преступлению.[3]

«Воля ваша, господа, а это дело как-нибудь нужно кончить: приедет генерал-губернатор, увидит, что у нас, просто, чорт знает что».

«Как же вы думаете поступить?»

Полицмейстер: «Я думаю, надобно поступить решительно».

«Как же решительно?» сказал председатель.

«Задержать его, как подозрительного человека».

«А если[4] он нас задержит, как подозрительных людей?»

«Как так?»

«Ну, а если он подослан?[5] Ну, что если он с тайными порученьями? Мертвые души! А бог знает, гм! Будто купить мертвые души,[6] а может быть, это розыскание

---

[1] *Далее начато: а.* Что-то то, да не то. Нет, господа, позвольте сказать, тут что-то да не то; *б.* Тут что-то да не то», подумал прокурор. [2] *Вместо* «подумал»: сказал [3] и душу имел [чув‹ствительную›] склонную к ощущениям нежным, а не законопреступлению [4] *Вместо* «Воля ваша ∾ А если»:

«Да что[-то] не то», сказал председатель.

«Поступить нужно решительно», сказал, наконец, полицмейстер. «Задержать его как подозрительного человека».

«Да, а бог весть», сказал председатель, «а если

[5] *Вместо* «Ну ∾ подослан»: А бог его знает, может быть он подослан [6] А бог знает, что это за мертвые души

обо всех [душах] тех умерших, о которых было подано от неизвестных случаев.

Эти слова погрузили всех в молчание.[1] Прокурора эти слова поразили. Председатель тоже, сказавши их, задумался. Обоим прийти. . .[2]

«Что ж, как поступить [вы полагаете] господа?» сказал полицеймейстер, благотворитель г‹орода› и благодетель купечества, и, произведши смешение водки сладкой, горькой, выпил, закусивши.

Человек подал бутылку мадеры и рюмки.

«Я, право, не знаю, как поступить», [сказал председатель].

«Господа», сказал почтмейстер, выпивши рюмку мадеры и засунувши в рот ломоть голландского сыру с балыком и маслом, «я того мненья, что это дело хорошенько нужно исследовать, разобрать хорошенько, и разобрать камерально [понимаете] сообща, собравшись всем, как в английском парламенте, понимаете, чтобы [это, так сказать,] досконально раскрылось до всех изгибов, понимаете».[3]

«Что ж, соберемся», сказал полицеймейстер.

«Да», сказал председатель, «собраться и решить вкупе,[4] что такое Чичиков».

«Это благоразумнее всего решить, что такое Чичиков».

«Да, отберем мненья у всех и решим, что такое Чичиков».

Сказавши это, в одно время все пожелали[5] выпить шампанского и разошлись довольные [по крайней мере] тем, что комитет этот всё объяснит и покажет ясно и досконально, что такое Чичиков.

---

[1] Эти слова навели облако задумчивости. [2] *Вместо* «Прокурора ∾ прийти»: *а.* Председатель задумался и прокурор задумался, полицеймейстер. Вице-губернатор, увидя, что все задумались, почел нужным задуматься и себе, хотя не знал о чем. Почтмейстер покрыл нижнею губою верхнюю и остался в размышляющем положении; *б. Начато:* Председатель задумался и прокурор задумался. Им обоим пришло на ум [3] досконально утвердить до ‹*1 нрзб.*› там, понимаете [4] и решить сообща. [5] Сказавши это, потребовали в одно время

К ГЛАВЕ X

От скуки или так уж с горя,[1] герой наш приказал подать себе чаю, хотя знал, что чай в трактирах вообще очень похож[2] бывает запахом и даже вкусом на табак. В задумчивости и в каком-то странном положении стал он разливать, хлебнул и чихнул вместе, потому чай был чистейший табак.

К ГЛАВЕ XI

Ничего, однако ж, не случилось так, как располагалось. Чичиков проснулся гораздо позже, нежели думал, это уже была первая неприятность. Вставши, он ту же минуту послал узнать, заложена ли бричка и всё ли готово, но донесли, что бричка не заложена и не всё готово.[3] Это была вторая неприятность. Он приготовился принять не очень ласково нашего друга Селифана[4] и, полный нетерпенья, ожидал там только услышать, какой предлог тот приведет в оправданье,[5] как, наконец, и сам Селифан показался в дверях и начал тот же самый разговор, который всегда с их стороны предполагается, особливо, когда нужно скоро ехать.[6]

«Да что, Павел Иванович, ведь нужно будет лошадей ковать. Оно теперь больно подгрязнило».

«Ах ты...» Тут было вставлено[7] в важных случаях необходимое кое-какое словцо,[8] без которого на Руси дела делаются как-то не так живо. «Зачем же ты мне прежде об этом не сказал? Не было времени что ли? а?»

«Да время-то было, да я не хотел вашу милость беспокоить. Да и перед-то у брички весь расшатался, уж круг нужно будет новый делать, потому она если оставить так, то она и двух станций не сделает, потому перед-то больно не надежен».

— «Подлец эдакой. Какой урод тебя дурака на свет пустил. Три бы дни бы за это ‹*1 нрзб.*› ему ждать. Да

---

[1] *Далее было:* Чичиков [2] *Далее было:* на табак [3] *Далее начато:* В дверях [4] *Далее начато:* и как только [5] *Вместо* «и полный ∾ оправданье»: и с нетерпением желал знать, какое тот приведет оправданье [6] и начал почти так [7] вставлено было [8] *Над строкой вписано:* употребляющееся в важных случаях

где[1] у тебя прежде глаза были? Нет, вот именно к последнему часу притянул, мерзавец. Когда бы вот ехать, так вот тут-то он именно и подвернулся. Что не видал что ли, рыло ты глупое».

«Да оно видел; да думал, что ничего».

«А вот теперь ступай, приведи кузнеца, и чтобы в 2 часа было всё сделано».

Селифан уже оборотился было к дверям с тем, чтобы идти выполнить приказание, но оборотился.[2]

«Да еще, Павел Иванович. Ведь серого-то коня, право, продать бы хоть бы, потому что он, Павел Иванович, подлец, право. Такое, что никуда, то есть можно сказать, только помеха другим».

«Да вот как раз стану я теперь продавать».[3]

«Ей-богу, Павел Иванович, то-есть он только что на вид... а на деле-то он такой лукавый конь. Такого коня то-есть нигде нет».

«Довезет. Об этом подумаем в другом городе, ступай за кузнецом».[4]

К ГЛАВЕ XI

И пошли писать вновь широкие, рябые, как сороки, дорожные версты, станционные смотрители, колодцы, обозы, деревни с самоварами, бабами, горшками, ребятишками. Мужик-бородач с рукавицами за поясом и сапогами на плечах, городишки с двумя лавчонками, баранками, мылом и пряниками,[5]

---

[1] «*Вместо* Подлец ∾ где»: Ах ты скотина, скотина. Что ж ты прежде не поза⟨ботился⟩ [2] Селифан готов был итти выполнить приказание, но еще раз оборотился. [3] *Вместо* «Да вот ∾ продавать»: Ну, куды ж теперь продать. Ты разве этого не видел [4] *Далее текст этого отрывка, кончающийся словами:* «Опять в дороге. И опять по обеим сторонам столбового пути» *полностью совпадает с текстом РЛ* (см. стр. 544—547). [5] *Над строкой вписано:* на живую нитку выстроенные городишки с лавчонками, сбитенщиком, лаптями

На отдельном листе записи к этому же тексту: [Солдат верхом] Городишки выстроенные живьем, с деревянными лавчонками, с сбитнем и кожей, лаптями и прочей мелюзгой, мучными бочками, калачами, лаптями, лентами мелькали по степям;

Солдат верхом на лошади, везущий зеленый ящик с свинцовым порохом и надписью: такого-то артиллерийского полка

шлахбаумы, поля неоглядные и по ту — другую сторону зеленые, желтые и черные свеже разрытые полосы, вороны, как мухи, и горизонт без[1] Эх, ты, Русь моя! Моя забубенная, разгульная, расчудесная, расцелуй,[2] люби тебя бог, святая земля. Как не родиться в тебе разгульной, беспредельной мысли, когда ты сама без конца. Как не развернуться на таком широком[3] просторе и не быть в тебе богатырю, когда есть где пройтись ему. — Дрожу и чую с слезами в очах, слышу[4] широкую силу и замашку, когда гляжу на эти потерявшие конец [моря] степи, на движущиеся, не колышущиеся моря. У, в какую в даль несет меня могучая мысль и какие чудные грезы мчатся передо мною. Засияет, сверкает [у меня] в оке. Эх, Русь!

Чуд<ная>

Эх, Русь, ты[5]

К ГЛАВЕ XI

«Держи, держи левее, дурак»,[6] кричал Селифану, который тоже с своей стороны

Вот я тебя палашом, кричал скакавший навстречу верхом с аршинными <усами> [чорт] бери чорт твою душу... Казенный экипаж, не видишь».

К ГЛАВЕ XI

Где ж, скажите, где в ином, другом месте столько божьего свету развернулось во все концы.[7] Бездонная моя! [беспредельная] Глубина и ширина ты моя![8] Найдись где-нибудь бог или человек, расскажи мне, что я чую, вперивши очи

---

[1] *Фраза не закончена.* [2] Эх ты, Русь моя матушка, что за привольная [3] *Над строкой начато:* На твоем ли да на широком просторе [4] Дрожу и забываюсь и [слушаю] и слышу [5] *Сбоку листа запись:* рыдваны с помещиками, затянутая вдали песня, сосновые верхушки в тумане, пропадающий в *<нрзб.>*. *Сверху надписано:* затянутая бог знает в какой [6] *а.* Держи, держи прямее, окаянный; *б.* Держи, держи левее, гляди<?> [7] Где столько земли и свету божьего развернулось. [8] *Далее начато: а.* Какую силу, какую широкую силу и замашку я слышу, когда; *б.* Что я чую, глядя на; *в.* Где ж возьму я слово сказать «Моя», где

на эти[1] недвижные, неколеблемые моря, на эти потерявшие конец степи? Что за сила и замашка. —

Что же движется?[2] Что говорит во мне неслыханными речами? что запевает неведомой песнью во мне, когда... когда... когда вонзаю очи в эти недвижные, неколеблемые моря, в эти потерявшие конец степи?

У! как грозно, мощно объемлет величавое пространство.[3] Какая широкая сила и замашка[4] заключилась во мне! У! как несут меня могучие мысли! Силы святые! в какую даль! [Что же я?] В какую сверкающую, чудную, незнакомую землю, даль?[5] Что же я? человек ли я? Эх.

К ГЛАВЕ XI

А ночь! Какая ночь деется в вышине и сияет, а воздух, а небо далекое, высокое, там[6] на недоступной вышине, так необъятно раскинувшееся, так ясно в отдаленной глубине своей. Как чудно дышит в лицо тебе дыхание ночи и убаюкивает тебя, и дремлешь ты, и забываешься, и храпишь[7]

К ГЛАВЕ XI

Наконец герой наш думал о том и о сем, начиная иногда и позабываться, закрывать иногда глаза,[8] склонять голову свою на угол подушки.[9] Автор очень рад, признается. Теперь, наконец, на свободе можно поговорить несколько обстоятельнее о нашем герое,[10] ибо до сих пор, нужно признаться, всё мешали.[11] Автор сомневается [душевно], чтобы избранный им герой[12] мог понравиться читателям, а особенно дамам, потому что дамы ‹требуют ?› чтобы герой был

---

[1] что я чую, глядя на эти [2] *Далее начато:* Что говорит, лепечет [3] объемлет меня всё это неоглядное пространство. И как чудна мне эта дорога. [4] *Далее начато:* Могучим [5] незнакомую миру даль. [6] *Далее начато:* необъятно раскинувшееся там в отдаленной глубине своей [7] *Вместо* «Как чудно ∾ храпишь»: Как порой оторвавшись пахнёт в лицо тебе, в очи свежий ночной воздух [8] *Далее начато:* с очень прият‹ной› и не без [9] *Далее начато:* Воспользовавшись [10] *Далее начато:* потому что автор [11] ибо до сих пор как-то всегда мешали то городские были, то покупки. [12] *Далее начато:* понравился больш‹инству?›

непременно совершенен, совершенен во всех частях: и физически и нравственно, — без пятнышка, как говорится. Автор даже предвидит уже заранее, что и самая наружность героя, [некото<рая>] полнота и средние лета будут очень не по вкусу им и они, отворотившись, даже скажут: фи, такой гадкой! Но как бы ни хотелось мне быть вежливым, на этот раз никак не могу взять в герои добродетельного человека.[1] Да если, впрочем, сказать правду, то всё, что относится к перу, бумаге и чернилу, он до сих пор еще ничего не производил по внушению дамскому, и даже если дама облокотится на письменное бюро, и то уж он чувствует какую<-то> маленькую неловкость. А впрочем, если сказать напрямик, то он не имеет обыкновения смотреть по сторонам, когда пишет. Если и подымет глаза, то разве только на висящие перед ним на стене портреты Шекспира, Ариоста, Фильдинга, Сервантеса, Пушкина, отразивших природу таковою, как она была, а не каковою угодно некоторым, чтобы была.

Итак, добродетельного человека на этот раз взять нельзя,[2] и по весьма законной причине: нужно ему, бедному, дать, наконец, отдых. Что ни говори, а ведь мы его запрягли, как коня какого-нибудь:[3] пошел, да пошел, только знай помахиваем кнутом да похлестываем. Немудрено, что, наконец, изморили его так, что он похож бог знает на что: ребра да кожа, и тени нет добродетельного человека. Нет, пора, наконец, припречь и подлеца.

К ГЛАВЕ XI

Я уж знаю вперед, дамы скажут: «фи, такой гадкой!» и отворотятся. Но как бы ни хотелось автору услужить дамам, но на этот раз никак не может,[4] — нет, извините. Что касается до того дела, к которому относятся перо и чернила, уж здесь позвольте мне быть хозяином. Уж тут я никак не намерен угождать дамским требованиям и не пущу

---

[1] *Далее начато: а.* Он и сам даже не знает почему, как; *б.* Автор точно должен признаться [2] добродетельного человека никак не могу взять [3] какого только [4] *Вместо* «Но как бы ∾ не может»: Но уж воля ваша, господа дамы, очень рад бы услужить вам в чем другом. Но уж в этом

ни одну даму к себе в кабинет. На этот раз никак не могу взять добродетельного человека героем. И я имею на это совершенно справедливую причину: в самом деле, добродетельного человека запрягли, как коня какого-нибудь. Пошел‹?› да и пошел. Только так и понукают и хлещут его по бокам. [Нужно ж, наконец, дать ему отдых] и в самом деле его так уж изморили, что теперь уж он бог знает что такое и не похож даже на добродетельного человека: инда ребра видны на боках,[1] и еле движется; нужно, наконец, дать ему отдых; пора и подлеца припречь на пристяжку

К ГЛАВЕ XI

Я, признаюсь сам, не позволю даме облокотиться на мое письменное бюро. Да если бы и облокотилась,[2] то, признаюсь, я бы этого не заметил: я не гляжу в это время по сторонам;[3] если я взгляну, то вверх, где висят передо мною стенные величавые портреты Шекспира, Пушкина, Ариоста, Фильдинга, Сервантеса, Пушкина

К ГЛАВЕ XI

Какое странное и манящее и несущее отдаленно чудесное[4] в слове дорога. Как в ясный день[5] чуден запах осенних листьев. Покрепче в шубу, в шинель, шапку на уши. Ах, как хорошо. В последний раз пробежала прохватившая дрожь. Кони мчатся. Как соблазнительно, когда предашься[6] дремоте и смежают очи и сквозь ‹сон› уж слышатся и: «Поди и поди» и «Не белы снеги». Сап лошадей и быстрый шум колес и уж храпишь, прижавши совсем к углу соседа. Проснешься: восемь ‹станций› убежало назад. Луна. Город. Ночь. Церкви с старинными грушеобразными куполами и тонкими остроконечными темными белокаменными домами. Сияние месяца там и там, как белые полотнянные платки, косяками пересекают их черные[7] тени, как уголь. Как сверкающий

---

[1] *Вместо* «инда ∾ боках»: [еле] на боках ребра [2] *Сверху надписано:* Это как-то не вежливо с да‹мой› [3] в это время и что делаю. [4] Какое чудесное [5] *Вместо* «Как в ясный день»: Какая приятная дрожь [6] Как приятно предаться [7] пересекают их темные

металл, блестит крыша и ни души нигде; всё спит; один одинешенек, разве где-нибудь в окошке[1] брежжит <?> огонек. Мещанин ли городской кому тачает сапоги, пекарь ли возится в печурке, — что до них. А ночь, ночь. Свежий <*2 нрзб.*> воздух, чистое, ясное зеркало, небесное пространство. А луна, красавица моя старинная, моя верная любовница, боже мой <?> что глядишь ты на меня с такою думою, так любовно и умильно и нежишь меня, душа моя. Твои родственнее душе моей, чем все другие ласки. И прославим, прославим, господи, молодых. Какая невидимая толпа друзей, поцелуев, речей и пенья в твоем полном обнимающем сиянии. Музыка или песня колыбельная, песня убаюкивает меня, и вот уже позабылся вновь сном[2] и храпишь, и ворочается сердито, почувствовав на себе тяжесть, бедный прижавшийся к углу сосед.[3] Проснулся вновь, и уж опять перед тобою поля и степи без конца[4] со всех <сторон?> Нигде, нигде ничего: всё открыто. Верста с цифрой летит тебе навстречу. Занимается утро: на побелевшем небосклоне золотая полоса. Свежее и жестче ветер.[5] Покрепче в шинель и шубу. Какой славный холод. Какой чудный, обнимающий вновь тебя сон. Толчёк, и проснулся. На вершине неба солнце. «Полегче, легче», — слышен голос. Телега спускается с кручи. Внизу плотина широкая и широкий, ясный пруд, сияющий, как медное дно перед солнцем. Деревня, избы рассыпались на косогоре,[6] блестящий звездою крест сельской церкви в стороне. Болтовня мужиков и чертовский апп<етит> в желудке. Боже, как ты хороша подчас далекая, далекая дорога. Сколько раз, как погибающий и тонущий, я хватался за тебя и ты всякий раз меня великодушно выносила и спасала. А сколько родилось в тебе чудных замыслов,[7] какие поэтические пережитые <?> и перечувствованные виделись грезы. Но и наш друг чувствовал в это время не поэтические грезы. Посмотрим, что он чувствовал. Сначала он не чувствовал ничего; он только поглядывал назад, как бы

---

[1] всё спит, кое-где в окошке уединенный [2] убаюкивает меня и забываешься вновь [3] ворчит сердито к углу прижавшийся сосед. [4] поля, поля без конца [5] *Вместо* «Свежее ∾ ветер»: посвежевший ветер. [6] *Далее начато:* блестит золото [7] чудных созданий

уверяясь, точно ли[1] он уехал из города и действительно скрылся от него город. Потом, когда увидел, что уж город, точно, скрылся, что уж даже ни шлахбаумов, ни кузниц и всего того, что находится вокруг губернских городов, не видно, когда уже и белые верхушки каменных церквей давно спрятались,[2] он занялся только дорогою: посматривал гораздо покойнее направо и налево, и город N как будто бы не был, как будто бог знает,[3] в какое давное время проезжал и видел. Иногда вдруг в самых странных и беглых чертах, в небольшой картине и в тесных рамках представлялось ему городское общество: губернаторский бал, почтмейстер-остряк, Собакевич подлец,[4] гостиница, вечерние висты[5] до петухов, осетрина, белуга, Ноздрев, шампанское и поклоны с объятиями и слова: почтеннейший Павел Иванович.[6] Но всё в памяти его представлялось как бледное отражение, какой-нибудь 40 или 50 оттиск, что-то похожее на те пятна, которые видим мы, [после того, как] поглядев пристально на солнце и потом зажмурив глаза: сначала они горят, круглятся ярко, потом мало-помалу темнеют и становятся, наконец, темными, как тучи.

К ГЛАВЕ XI

К сожалению, первоначальная история героя нашего очень темна. Родители его, говорят, были дворяне; но столбовые или личные, наверно никак нельзя сказать. Повидимому, кажется, герой наш не удержал в чертах лица своего фамильного сходства с своими родителями: по крайней мере одна какая-то родственница его [выразилась] по случаю его рождения выразилась известною пословицею, что родился ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца. Младенческ[их] никаких тоже воспоминаний не сохранилось из детского его возраста. Он помнил только весьма неясно, что отец

---

[1] *Далее начато:* город скрылся [2] верхушки каменных церквей скрылись [3] *Далее начато:* [едва ли] чуть ли не в детстве он проезжал его. Иногда какою-то этакой [4] Собакевич, Манилов [5] вечер, висты [6] *На полях запись:* полные [дамские талии] плотно зашнурованные талии чиновниц с жасминными и другими запахами, ясная фигурка блондинки.

его был какой‹-то› высокой, худощавый и даже чахоточный человек, который ходил по комнате в весьма длинном сертуке, плевал в песочницу, находившуюся в углу комнаты, и бил очень больно линейками по рукам нашего героя за всякую ошибку, которую он делал, упражняясь в списании вечно находившейся перед ним прописи: «Добродетель есть сама себе награда», совершенно пожелтевшую и испачканную немилосердно пятнами. Потом находился в уездном училище. Как он там учился, это тоже неизвестно. Замечательно только то, что он между товарищами своими был один из тех, которых несколько трудно было надуть, и вел себя как-то так, что почти всегда другие его угощали, а не он других. Потом был он и в губернской гимназии, и тут характер его несколько яснее стал обозначаться, и он возымел, наконец, сильное стремление к тому, к чему, как казалось

К ГЛАВЕ XI

Никаких этаких движений беспорядочных: перелезть на диво всем через забор, прочитать в скамейке какой-нибудь роман во время лекции несколько скучноватой, издержать все деньги на театр, — ничего такого, к чему молодые души влекутся иногда неумеренно. В этом отношении он был так благоразумен, как старик.

И тут оказалась заметною в характере его весьма приятная сторона: ничего не было в нем буйного или непокорного начальству, но все движения довольно кротки, ни в каких шалостях он не был никогда замешан. [Очень хорошо сидел в классе] Никогда не являлся неряхой или растрепой, садился на первой скамейке, первый подавал шляпу своего учителя и баллы в поведении получал отличные. [Но в характере его, ровном решительно во всех отношениях, стало обнаруживаться одно довольно сильное направление] И всё, однако ж, в нем не было ничего, повидимому, необыкновенного и он мог бы остаться всю жизнь свою так кое-что, что называется словом, получившим ныне необыкновенно обширный смысл, именно: хороший человек. Но так как автору позволяется иногда заглянуть несколько

поглубже в душу, чем глядят другие люди, то он никак не может пройти, чтобы не сказать, что в характере его, повидимому совершенно ровном, было одно кое-какое стремление, которое было очень сильно. Это стремление было, что называют, стремление приобресть копейку. С самого с измалу непонятно каким образом, [уже] но у него образовалось и существовало это чувство. Он уже питал нежное этакое влечение к разным движимым и недвижимым имениям, приобресть [разные] солидные блага мира сего, сделаться совершенно основательным, почтенным человеком. Владение имуществом имело для него нельзя описать какие приятности.[1] Из всего того, что ему случалось читать, ему больше всего нравилась известная историйка молочницы, несшей кувшин и замечтавшейся о том, что она купит на [это] деньги, вырученные за молоко, как купит сначала маленькую свинку, как выкормит[2] ее и эта свинка сделается свиньей, свинья наведет поросенков, как эти поросенки тоже каждый с своей стороны сделается свиньей и доставят столько деньгами, что можно купить корову и кобылу, и как потом пойдет целый завод лошадей и коров, потом дом на эти купит деньги, потом деревню, там и пошло что далее, то еще лучше. Эта постепенная прогрессия имела для него что‹-то› такое утешительное[3] в самых еще ребяческих летах. Но зато он никак равнодушно не мог читать окончания этой истории: когда молочница от радости прыгнула и разбила кувшин — это его тронуло до слез. И никогда, как сам он потом сознавался, ни одна чувствительная драма и трагедия не трогала его так, ни даже роман очень трогательный «Герцогиня Лавальер» Жанлис, который ему случилось прочитать в скучное время.

Всякой человек с порядочным капиталом и состоянием уже возбуждал в нем какое-то непостижимое, почти благоговение, которого он сам даже не мог понять, и всегда почти даже против собственной воли брался за шляпу, попадись ему таковой навстречу, хотя бы он вовсе не был с ним знаком.[4]

---

[1] *Далее начато:* Когда [2] как эта свинка [3] прогрессия [ему] тешила необыкновенно [4] брался за шляпу, если случалось с ним встретиться.

Такие сердечные движения, означавшие, впрочем, весьма основательного и благоразумного человека, побудили его, не отлагая времени, определить себе карьер и дорогу. Карьер, известное дело, один: государственная служба, и потому он определился в казенную палату,[1] присутственное место, казавшееся ему и приличною и вместе с тем не без выгоды. Определившись в казенную палату, он скоро обратил на себя внимание стараньем, большою внимательностью к делу. Ну, и надобно сказать[2] притом, что и самая наружность была как-то благообразнее, потому что[3] нечего таить правды, в тогдашнее время в казенной палате точно было несколько грязно и уж решительно ничем облагорожено. Низшие чиновники бог знает на что были похожи:[4] тот глядел волком на всех и грубил и начальнику и подчиненному, у того лицо было как дурно выпеченный хлеб: одну щеку[5] раздуло ему вдвое больше другой [или] подбородок покосило в одну сторону, нос в другую, словом, как обыкновенно бывает неудавшийся хлеб, который вместо того, чтобы подняться ровно, как прочие, перегнулся и вздулся как то болдырем с трещиной; тот издавал во всё время какой-то лошадиный сап и потчивал спиртом. Вообще как-то неопрятно было. Притом и в одежде служащее сословие было несколько неопрятно: очень плохо брилось, так что подбородки их были похожие на крупные железные напильники такого же серо-железного цвета, и потому весьма естественно,[6] что такой человек, как Чичиков, с некоторыми уже и тогда начинавшими оказываться приятными манерами, приличием во всем и,[7] наконец, тою добродетелью, которую всякой

---

[1] и потому он решился оказывать услуги [2] Ну и нужно сказать [3] *Далее начато:* сами они [4] *а.* потому что в казенной палате точно были чиновники как-то уж очень тяжеловаты; *б.* а в казенной палате в то время ничего <не> было ничем облагорожено. Чиновники, особливо низшие, были уж как-то очень тяжеловаты. [5] хлеб и вдруг которого покривило: щеку [6] нос в другую, словом, вообще, что-то плохо удавшееся. Всё это служебное сословие, нечего таить правды, и пьянствовало иногда и плохо брилось, так что подбородки очень были похожие на [дом] крупные железные напильники и так же, как и все почти без исключения серые, и потому натурально [7] *Далее начато:* тем, что называется искательностью

отец рекомендует своему сыну и которая известна под именем искательности, весьма естественно, что он мог пробить себе дорогу. Он очень скоро подбился к одному повытчику, что ли, наверное не помню,[1] человеку весьма неразговорчивому и даже не слишком расположенному оказывать кому-либо благосклонность. Но он так, наконец, об‹шел›, что и этот не устоял,[2] подался и, наконец, уж как это случилось, только герой наш переехал к нему на квартиру[3] жить с ним[4] и исправлял даже должность домовода, разливал чай.[5] Хозяин [же] сам был вдовец, впрочем, имел зрелую дочь,[6] единственную наследницу кое-какого благоприобретенного имения. Он даже готовил ее в невесты Чичикова. Из этого видно, до какой степени[7] он ‹к› нему расположился, и сам Чичиков был, как казалось,[8] не прочь: обращался с ней, как с будущей невестою, а благодетеля называл папенькой и целовал в руку.[9] Но как только получил место и сделался сам повытчиком, то[10] перестал звать папенькой, и не целовал больше в руку, а очень однако ж приятно с ним раскланивался, когда встречался, просил к себе на чашку чаю, потому что переехал тот же час на другую квартиру,[11] но о невесте не заговаривал ни слова, так что престарелый чиновник[12] очень сильно потом почесывался в затылке, но потом, однако ж, не мог убедиться,[13] что Чичиков, точно, очень приятный человек.

В ожидании дальнейших видов, если только они представятся, Чичиков решился[14] заняться на время званием повытчика по делам частных лиц, чтобы таким образом не даром, но хоть с какою-нибудь пользою для ближнего, как

---

[1] к одному начальнику, повытчику, или может быть, даже повыше наверное не помню [2] *Далее начато:* взял Чичикова [3] *Далее начато:* Хозяин [4] жить с ним и даже распоряжался его хозяйством [5] *Далее начато: а.* так что неразговорчивый чиновник при; *б.* Потом [6] *Далее начато: а.* которую даже он до такой степени; *б.* Эта дочь [7] готовился выдать за Чичикова, до такой степени [8] сам Чичиков повидимому был [9] *Далее начато:* и о женитьбе даже не упоминал. Но зато пожимал руку очень очень приятно [10] *Далее начато:* уж Чичиков [11] потому что он и на другую квартиру переехал [12] так что седовласый чиновник [13] но потом, наконец, убедился [14] герой решился

он выражался, и для себя провести время.[1] Среди разных поручений и хлопот досталось ему между прочим одно,[2] именно похлопотать о залоге в опекунский совет нескольких сот крестьян. Имение было очень расстроено: разные скотские падежи, прилипчивая болезнь, истребившая множество крестьян, приказчики и вообще плохое управление — всё принудило[3] владельца для поправления как самого имения, так и для удовлетворения кое-каких своих надобностей, ‹в› которых, натурально, у русского человека недостатка никогда не бывает,[4] прибегнуть, наконец, к залогу, который вообще тогда еще был дело новое и, натурально, решались не без страху. — Чичиков, в качестве [осторожного] поверенного, расспросил очень осторожно, и, натурально, прежде расположивши в хорошую сторону[5] председателя там или того-другого, положим, просто секретаря, так как мы уже положили прежде называть всех вообще двигающих делами, — итак, расположивши в хорошую сторону секретаря, он расспросил, что вот, мол, случилась смертность: человек нескольких недостает на лицо. — «Да ведь они в ревижской сказке числятся?» — «Числятся». — «Ну, так пусть их стоят до подачи новой сказки: [ведь] они идут за живых. Велика беда — умерли. Один умрет, другой родится, и всё в дело годится». Секретарь, как видно, и в рифму умел говорить. А между тем героя нашего осенила самая вдохновеннейшая мысль, какая когда-либо приходила в человеческую голову... «Эх я, Аким-плошина!» сказал он сам себе: «ищу рукавиц, а обе за поясом! Да накупи я всех этих душ, которые вымерли, пока не составилась новая ревижская сказка, да приобрети я[6] хоть, например, тысячу, — опекунский совет дает по 250 рублей на душу — так вот уж у меня 250 тысяч капиталу. А вот теперь время самое удобное. Недавно была война, в болезнях эпидемических недостатку не было,[7] народу вымерло немало, а приобрести их-то уж, без сомнения, легко. Помещики попроигрывались

---

[1] пользою для себя и для других прожить [2] между прочим одни хлопоты [3] всё заставило [4] которых, натурально, у русского человека много [5] *Далее начато:* что вот, мол, по имению есть несколько умерших [6] да накупи и приобрети их я [7] война, были и болезни эпидемические

почти все в карты. Закутились и прокутились изрядно, а особливо молодые; подати уплачивать трудно, так мне всякой с радостью их сбудет, уж даже потому только, чтобы не платить за них подушного.[1] Еще может даже так случиться, что я зашибу с них какую-нибудь копейку. Конечно, дурно то, что всё это в раздробь[2] и что [крестьян] не будет некоторым образом видно, чтобы крестьяне составляли одну какую-нибудь деревню, да и без земли нельзя закладывать, — но и этому можно помочь. Теперь продаются земли от казны в Херсонской и Таврической губернии по рублю десятину, только заселяй,[3] туда их всех и переселить, и переселение можно сделать законным порядком, как следует по судам. Это уж мое дело. Я знаю, как это сделать.[4] Если захотят освидетельствовать крестьян, то и я здесь не прочь. Пожалуй я представлю и свидетельство за собственноручным подписанием капитан-исправника, и всё как следует. Деревню же можно назвать или просто Чичикова слободка, или по имени, данному мне при крещении: село какое-нибудь Павловское».

И вот таким образом образовался в голове нашего героя сей странный[5] проект,[6] исключительно отныне занявший все его помышления, и за который [он не мог не благодарить судьбу, небо, и] не знаю, будут ли благодарны ему, а уж автор как благодарен, так и рассказать нельзя, потому ‹что›, что ни говори, не приди Чичикову в голову сия мысль,[7] неизвестно ‹была› бы на свете и эта поэма.[8]

Автору, пожалуй, и весьма бы хотелось[9] выбрать другого, и он даже отчасти знает, какие характеры им бы понравились, ну да поди ты, между прочим, сладь с Чичиковым. У него совершенно другие[10] потребности, и он здесь решительно хозяин, и куда он хочет поехать, туда и автор

---

[1] *Далее начато: а.* И мне даже еще, может быть; *б.* Так что, может, еще и я с них зашибу какую-нибудь деньгу. [2] *Далее начато:* чтобы не произошло [3] *Далее начато:* а переселить [4] *Над строкой вписано:* а это берусь [5] этот странный сюжет [6] *Далее начато:* который с этих пор [наполнил] может быть произвел уже некоторое изумление и [7] в голову эта мысль [8] и сия поэма. [9] Автору очень бы хотелось [10] совершенно свои

должен тащиться. Если то, что здесь выражено бледновато, и не видно всего мужества, развитой силы *<19 нрзб.>*[1] сказать и то, что никогда[2] въезд в какой бы ни было [огромный] город, хотя даже в столицы, не бывает блестящ. Сначала всё как-то серо, однообразно и мелко; тянутся какие-то стены, кузницы,[3] какие-нибудь [фабрики] заводы, закопченные дымом, а уже после[4] выглянут углы шестиэтажных домов, магазины, вывески,[5] выглянут громадные улицы с городским блеском, шумом и громом, и все дива, произведенные мыслью и руками человека, монументы и все

К ГЛАВЕ XI

Здесь герой наш начал думать сурьезно о том, чтобы, подобно всякому благоразумному человеку, извлечь, наконец, как говорят, выгоду из службы, и посредством разных увлекательных[6] преимуществ своей наружности и обхождения или чего другого, наверное нельзя сказать, но это знает лучше всякой находящийся на службе, дело только в том, что, наконец, ему удалось получить то, что называют местечко наживное.[7] Нельзя скрыть [при этом], что он ощутил при получении его такую сердечную радость, что от удовольствия посмеивался [наедине] и тогда уже начал рассматривать в зеркало довольно часто свою наружность. Но радость его уменьшилась, когда правительство приняло чрезвычайно строгие меры против всяких взятков, но так как русской человек сметлив и тут-то именно[8] и показывает изобретательность, когда его хорошенько прижмут, то в скором времени и герой наш[9] так умел найтись, что из этого извлек даже выгоду, и внутренно стал благодарить бога, что преследуют. Если являлся к нему проситель, то он принимал его так вежливо, с такими приятными, обворожительными манерами,[10] уверял, что всё будет сделано, чтобы он

---

[1] *Прочтению поддаются только отдельные слова.* [2] *Вместо* «Если ~ никогда»: Автор *<1 нрзб.>* впрочем в свое оправдание может сказать и то, что никогда [3] мелко. Заборы, стены, кузницы [4] а потом уже [5] *Далее было:* широкие улицы [6] разных приятных манеров и [7] *Далее начато:* Вероятно радость его значительно [8] и тут-то наконец [9] *Далее начато: а.* опять начал; *б.* умел [10] *Далее начато:* и если

не беспокоился ни о чем, и если тот заикался о какой-либо благодарности, то он[1] обеими руками изъявлял даже с криками совершенное отрицание: помилуйте, как можно.[2] Неужели вы думаете, [чтобы я стал брать взятки,] чтобы иметь в виду [благодарность или] корысть. Нет, сделайте милость, ничего, ничего не хочу. Это наш долг, наша обязанность. Будьте покойны совершенно:[3] всё это будет сделано самым скорейшим образом. Завтра же поутру вы получите известие. Позвольте узнать вашу квартиру, вам и беспокоиться нечего: всё это будет вам принесено на дом. Так что проситель, [решите‹льно›] очарованный такими приятными поступками и учтивым обхождением,[4] возвращался домой чуть не в восторге, приговаривая: «Вот, наконец, случился таков, каких[5] бы надобно. Как приятно встретить такого благородного и бескорыстного человека». Только ожидает он на другой день, не приносят никакого к нему на дом. Ну, сегодня, верно, занят, что-нибудь, верно, помешало. На другой день — нет известия, на третий — тоже. Проситель решается итти сам в канцелярию; расспрашивает писарей и разную мелюзгу и узнает, что еще не начиналось. Он к начальнику. «Ах, извините», говаривал Чичиков, весьма приятно и дружественно схватив за руки просителя: «у нас было столько дел. Но будьте покойны совершенно, завтра же будет сделано всё, ожидайте, к вам на дом всё это принесут и не беспокойтесь ни о чем». И всё это выражалось с такими обворожительными движениями.[6] Если при этом распахивалась как-нибудь пола его халата, то рука его в ту же минуту закутывала ‹?› и придерживала эту полу. Словом, всё[7] это пристойно. А между тем проситель у себя на дому ждет день, другой,[8] известия никакого не приносится на дом. Он берется, наконец, за ум: «да нет ли чего-нибудь здесь?» расспрашивать того-другого. «Писарям, говорят, нужно дать». — «Помилуйте, я готов. Из этаких пустяков,

---

[1] *Далее начато:* изъявлял даже очень [2] *Далее начато:* Нет, мы знаем свою [3] *Далее начато:* завтра же [4] «и учтивым обхождением» *вписано.* [5] таков, как должен быть, вот именно каких [6] обворожительными поступками. [7] *Вместо* «Словом, всё»: Так всё [8] *Далее начато:* не приносят никакого

да почему ж не дать четвертак-другой».— «Нет, не четвертак, а двадцатипятирублевую»,— отвечают.— «Как двадцати‹пяти›рублевую писарям, ведь тут всего писанья три строки». — «Да писарям-то, — отвечают, — и будет четвертак, а остальное пойдет начальнику». — «Эх, — говорит проситель, полезши рукою к себе в затылок и давши себе от души дурака,— так зачем же, чорт возьми, я сидел две недели», и ворчит ‹*1 нрзб.*› и, полный [дурного] нехорошего расположения духа бранит [как только], сколько есть слов, изменившийся порядок. Тогда, дескать, знал,[1] что принеси к правителю красную да и концы в воду, а теперь двадцатипятирублевую, да еще и недели две повозишься, чорт бы побрал все эти политичные и благородные манеры в обхождении и обращении чиновников. Впрочем, автор в этом не винит героя,[2] он поступал, совершенно соображаясь с веком, а не может однако ж не согласиться, что вследствие[3] этого действительно выиграли многие правители и начальники, потому что выгод-то прежних не потеряли, а уж взяточниками их никто не зовет, а напротив, они известны за честнейших и благороднейших людей, а только что секретари мошенники.[4] И выходит, что Мироны в стороне, как выразился Крылов. Весьма скоро открылось герою нашему еще местечко, тоже наживное и, кажется, немножко даже повыгоднее, именно, составилась комиссия постройки храма божия. К этой комиссии пристроился и герой наш[5] и оказался одним из самых деятельных членов. Комиссия, как водится, подвизаясь, ‹с› ревностью и усердием, принялась немедленно за производство.[6] Но климат что ли мешал, или огромность храма была такого рода, только целые четыре года ровняла она

---

[1] *Вместо* «Эх, говорит ∾ знал»: Почесывается проситель и говорит: «Так зачем же, чорт возьми, я сидел две недели ‹*2 нрзб.*› на преследование взятков. Тогда, по крайней мере, знал [2] не винит Чичикова [3] соображаясь с веком. Если рассмотрим преследование взятков, то вследствие [4] людей, а вот, говорят, у них только секретари мошенники. [5] *Вместо* «К этой ∾ наш»: *а.* Одним из самых деятельных членов ее очутился друг наш Чичиков; *б.* к которой он пристроился очень скоро в самые деятельные члены; *в. Как в тексте.* [6] немедленно за дело.

все места для фундамента[1] и всё еще[2] не был выведен как следует. Зато произошло другое явление, точно удивительное: фундамента не вывели, а в других частях города очутилось у каждого члена комиссии по каменному дому в три этажа, очень недурной архитектуры. Но нужно же так, что в это время[3] прислан был другой начальник, человек военный, прямой и в душе своей, действительно, враг всякого интереса, взятков и всего того, что зовется неправдой. Новый начальник принялся за всё как следует, со всею надлежащей строгостью. Потребовал отчеты, увидал недочеты, недостающие разные суммы и запутанности и не мог при этом не остановить внимания на действительно приятной архитектуре новых домов, украсивших город. Произведено тут же строжайшее следствие, по всей строгости законов. Члены отданы были под суд. Красивые дома поступили в казну, все прочие чиновники в городе были распуганы, напуганы, перепуганы и распечены, как выражаются [деловым] служебным слогом, не <?> пропало... Некоторые, а в том числе и герой наш, был отставлен с самым запачканным аттест<ат>ом и предписанием не принимать ни в какую службу. Но так как начальник был военный и,[4] стало быть, не знал всех гражданских проделок, то мало-помалу посредством разных приятных манеров и благовидной наружности, начали осторожно входить к нему в милость другие секретари, и прямодушный генерал очутился очень скоро в руках мошенников, еще хуже прежних, которых он ничуть не подозревал[5] мошенниками, а напротив, внутренно даже был доволен, думая, что вот, наконец, выбрал настоящих людей, и даже подчас хвастался прозорливостью и уменьем различать людей и истреблением многих злоупотреблений, не подозревая, что он невинно, уже совершенно без всякого намерения, наделал еще хуже, чем при его предшественнике. В это время и [друг] Чичиков, обратившись к одному из секретарей, может быть, он иначе назывался, но мы лучше будем называть всех подчиненных

---

[1] *Далее начато:* такое [2] *Далее начато:* никак не могли вывести [3] *Далее начато:* переменился [4] *Далее начато:* несмотря [5] ничуть не считал

чиновников секретарями,[1] потому что автора как раз будут упрекать и в личности и в неуважении. Бог с ними совсем. Пусть лучше они будут все секретарями. Итак, Чичиков обратился с кое-какой тысячонкой к этому секретарю, чтобы обделать и поправить свое дело. Но, однако ж, как ни сильна была доверенность начальника к своему секретарю, но здесь он решительно отказал и [2] секретарь успел [3] сделать только в этом, что [4] уничтожен был замаранный послужной список. Сказано было, что он так‹?› отставлен по своей причине; на это умный секретарь подвинул начальника состраданием, представя ему трогательную картину несчастного положения семейства Чичикова, которого у него, однако ж, не было.

Итак, герой наш возвратил только право подвизаться вновь на службе государственной, но уже не мог ни возвратить дома красивой гражданской архитектуры, ниже прочих благоприобретенностей.[5] За всеми надлежащими задабриваниями и подмасливаньями кого следует у него остался какой-то самой вздор.[6] В продолжении этого печального времени, как и во всякие другие обстоятельства критические своей ‹жизни›, он перестал вовсе заниматься своей физиогномией и похудел необыкновенно. То было уже он совершенно вошел в те солидные, приличные формы тела, в каких читатель нашел его при заключении с ним знакомства.[7] И точно,[8] вряд ли кто в городе мог быть любезнее его в обращении и, взглянувши кое-когда в зеркало, подумывал о многом очень приятном. [Мало ли о чем не подумывал?] О бабенке, о детской, о кое-каких изменениях в доме, и в ожидании дальнейших, более существенных ласк, награждал себя слегка легким потрепливаньем по щеке и всегда

---

[1] *Далее начато: а.* для избежания; *б.* потому что кто-нибудь непременно на свой счет; *в.* а то ведь назови какой-нибудь чин, буд ; *г. Как в тексте.* [2] *Далее начато:* только уж по представлениям [3] *Далее начато:* только всего сде‹лать› [4] *Далее начато:* переменен был бесчестный [5] не возвратил ни дома красивой архитектуры, ни кое-каких других благоприобретенностей. [6] *Далее начато:* [Не мешает] Нужно заметить, что в продолжении этого печального времени герой наш перестал, как и во всякие другие [7] *Далее начато:* Теперь же он в это-то время сделался более тонок, чем толст, и подумывал [8] И точно редко

уж уходил от зеркала с небольшой усмешкой.[1] И в это время из него[2] сделался совершенно другой человек: заботливое грустное выражение очень заметно стало выражаться в чертах лица его. Когда нечаянно случилось ему взглянуть в зеркало, он не утерпел, чтоб не вскрикнуть: «Мать ты моя пресвятая! Какой же я стал гадкой». Скрепившись духом и ободривши себя, как мог, он решился вновь начать поприще жизни и определился не без [малых] затруднений, однако ж, при питейных сборах, но скоро бросил[3] по причине крайнего неблагородства службы.[4] Нужно заметить, что Чичиков любил службы благородные. «Грязная должность, чорт побери», наконец, сказал: «ничего для души нет». Герой, надобно заметить, очень любил благородство во всем, а особенно в службе; он любил,[5] чтобы и поступки всех чиновников были вежливы,[6] чтобы и комнаты присутствия тоже отвечали этому: были бы украшены красивыми столами.[7] Он также был[8] враг всякого хотя немножко дурного запаху. С этой стороны у него были нервы чувствительны, как у девушки; когда Петрушка одевал его, то он весьма часто клал себе в нос небольшую гвоздику, и в табакерке его тоже в запасе была какая-нибудь фиалка. Читателю, без сомнения, очень приятно узнать, что герой наш [через] каждые два дни переменял чистые рубашки, а летом даже всякой день.[9] Впрочем, преобладала в нем сильнее всяких других страстей нежная страсть к всякого рода приращениям,[10] но особливо быстрым. Может быть[11] по этой причине он оставил службу по питейным сборам. «По откупам, еще бы[12] другое дело, он говорил, да для этого уж нужно

---

[1] *Далее начато: а.* Теперь по платью и по всему он рад; *б.* но теперь он заметил, что очень походил на чемодан, в который вложили половину [2] И в это время он [3] питейных сборах, но не мог, однако ж, долго продолжать этой службы [4] *Далее начато:* слишком уж она была грязна, а герой наш [5] *Далее начато:* и самые комнаты были [6] *Над строкой начато:* и вообще был очень строгой блюститель благопристойности [7] *Над строкой написано:* и ему очень нравилось, если в присутственных комнатах красивые столы и чистота. [8] и вообще был [9] *Далее две зачеркнутые строки (нрзб.)* [10] нежная привязанность к приращениям всяким и особенно [11] *Далее начато:* он отчасти [12] *Далее было:* он говорил, — да нет для этого таких сумм

приобресть значение». Под именем значения он разумел капитал никак не меньше 70 т‹ысяч›,[1] а потому вследствие всего этого и для приобретения значенья в свете он решил попытаться еще по таможне. Нужно знать, что этот род службы[2] издавна был предметом тайных его желаний.

Итак, вследствие всего этого, а отчасти и для приобретения значения в свете[3] Он видел очень часто, какие редкие вещицы:[4] фарфор, бронзы и разные батисты и материи получали всякого рода лизуны ‹?› и родственницы от своих родственников, служивших по таможням. И весьма[5] часто, устав от дел, забот и всякой дневной суеты, он произносил: ‹Вот бы куды[6] определиться, вот где настоящее местечко». Но всегда[7] почти что-нибудь мешало ему удовлетворить это побуждение: или представлявшиеся разные текущие, тоже в своем роде не вовсе ничтожные приращения, или, наконец, и самая благоразумная мысль, что ведь то как бы то ни было, все-таки журавль[8] в небе, которого еще нужно поймать, а здесь синица в руках уже есть. Теперь же он совершенно предался этой мысли. Он начислил с [великою] редкою аккуратностью и отчетливостью, как может совершиться процесс приращения.[9] Он увидел, что можно, допустивши[10] одни так называемые законные, т. е. позволенные доходы, в 10 лет с небольшим получить весьма порядочное значение в свете. При этом нельзя пропустить, что ему представлялись тонкие голландские рубашки, которые он уже давно хотел иметь, так же, как и один род мыла, которое, автор признается, не знает как, под каким именем, и которое будто бы очень хорошо было для щек и сообщало им особенную свежесть и [белизну]. Новый чиновник

---

[1] *Далее начато:* и потому он решился [2] что таможня [3] *Фраза не закончена.* [4] *Вместо* «Он ∾ вещицы»: Ему очень нравились разные вещицы [5] И он очень [6] часто произносил в час отдохновения от дел и городской всякой суеты: Вот бы куды нужно». [7] Но в то время *На полях две записи:* ‹I› приобрел любезность, развязность, чувствовал расположение к себе и *‹1 нрзб.›* какое-то крепкое, мужское, как говорится. ‹II› какая-то сухая *‹1нрзб.›* грустная забота сообщилась всем чертам, но что-то чертовски [8] что ведь то еще все-таки журавль [9] отчетливостью, что можно приобресть [10] что можно, приняв в уважение

едва успел определиться в должность, как уже был отличен начальством, увидевшим очень скоро необыкновенные его способности. В самом деле, казалось, сама судьба определила быть ему таможенным чиновником: подобной расторопности, [деятельности] проницательности и тонкой прозорливости [еще никогда не было видано в таможенном чиновнике, но все даже в один голос выразились, что у него было собачье чутье, все даже товарищи сознава‹лись›]. В две-три недели он так уже набил руку в таможенном деле, что знал всё: даже не весил, не мерил, а по фактуре узнавал, сколько в такой-то штуке аршин материи или сукна, взявши только в руку какой-нибудь сверток, он[1] мог сказать вдруг, сколько в нем фунтов. Подобной прозорливости, сметливости и бойкости еще не видывано в таможенном чиновнике. Что же касается до обысков, то в этом отношении у него было точно, как выражались даже его товарищи, было собачье чутье.[2] Нельзя было не изумиться, как у него, точно, могло достать столько деятельности и терпения, чтобы общупать[3] всякую пуговичку, развернуть всякую безделицу и, главное, что всё это делалось с каким-то хладнокровием, вежливым до невероятности.[4] И в то время, когда обыскиваемые бесились и выходили из себя и чувствовали злобное побуждение избить щелчками приятную его физиогномию, он, не изменяясь ни мало ни в лице, ни в вежливых своих поступках, приговаривал только: «Не угодно ‹ли› вам немножко побеспокоиться и привстать», или ‹Не угодно ли вам будет, сударыня, пожаловать в другую комнату. Там жена одного из наших чиновников осмотрит вас», или «Позвольте, вот я ножичком немножко порасспорю подкладку вашей шинели», и, говоря это, он вытаскивал там платки хладнокровно, как будто из собственного сундука.[5] Это был чорт, а не человек, ничто решительно не могло укрыться от него: он отыскивал в колесах, в дышлах, в лошадиных ушах и чорт знает где, в таких местах, куда

---

[1] он узнавал [2] *Далее начато:* а уж подобной деятельности не нужно было [3] чтобы обшарить [4] *Далее начато:* Не угодно ли вам немножко побеспокоиться и привстать [5] *Далее начато:* нигде не могли спрятать

автору не могло бы прийти в ум и куда позволено забираться[1] только таможенным чиновникам, так что переехавший через таможню всё еще не мог несколько минут опомниться и, обтирая пот,[2] выступивший от этой проделки на подобие мелкой сыпи по телу, только крестился да приговаривал: «Ну, ну, ну!» И всё его положение очень похоже на положение школьника, выбежавшего из секретной комнаты, куда начальник призвал его с тем, чтобы[3] дать кое-какое наставление, а вместо того высек совершенно неожиданным образом. Словом, в непродолжительное время[4] от чиновника не было житья контрабандистам. Это был просто гроза и отчаяние всего польского жидовства. Распоряжаясь таким образом с помощью расторопности, разных конфискованных товаров и просто разных отобранных кое-каких вещей, но не поступивших в казну для избежания излишней переписки и прочего, и прочего, словом, с помощью того-сего разного удалось ему, наконец, составить кое-какой опять капиталец, такой, что он мог даже опять[5] дать ему значение в обществе и, вероятно, увеличивать это значение понемногу. Но старый друг человеческого рода, известный под именем чорта, подвернулся опять.[6] Герою нашему показалось приращение законным порядком как-то уж очень медленным.[7] Говорят, что кто чувствует сердечное влечение к приобретениям, то ему довольно только лизнуть этого блюда языком,[8] и уж его и палкой потом не отгонишь, и[9] он хоть подавится им, а все-таки съест. И по этой-то самой причине герой наш решился войти в секретные сношения с образовавшимся вновь обществом контрабандистов. Против соблазнов не устоял то‹же› и другой чиновник, его товарищ, несмотря

---

[1] позволено рыться [2] *Далее начато:* выступивший ручьями [3] *Далее начато:* поговорить обы [4] *Далее начато: а.* Чичиков; *б.* новый друг наш [5] капиталец, который мог бы даже опять [6] *Далее начато: а.* Постепенное приращение: *б.* Герою нашему показалось вдруг, что старое приращение как-то идет [7] *Далее начато: а.* Душевное влечение его как-то увеличилось; *б.* Нужно знать, что сердечное влечение к разным приобретениям у него увеличивалось по мере успехов более и более [8] лизнуть, как говорят, языком [9] *Далее начато:* он спокойствия не знает, всё будет норовить, как бы проглотить весь кусок, потому что какая-то невидимая им

на то, что седой волос давно уже засел ему в голову. В самом деле, здесь представились ему вдруг такие выгоды, какие бы в службе, верно, им не представились и в 10 лет. Жиды прыгали от радости, что, наконец, преклонили на свою сторону неутомимейшего из своих гонителей.[1] Читатель, без сомнения, [несколько раз уже] слышал так часто повторяемую у нас историю об остроумно придуманном путешествии испанских баранов, которые, совершивши переход[2] через границу в двойных тулупчиках, провезли под этими тулупчиками[3] на несколько миллионов брабантских кружев... Это происшествие случилось именно тогда, когда наш друг Чичиков служил при таможне. Если бы он не участвовал в этом деле, то жидам никогда бы не удалось привести в исполнение подобное предприятие.[4] — Когда три или четыре раза сделали бараны такой поход,[5] то у обоих чиновников очутилось по двести[6] тысяч капитальцу. У Чичикова даже, говорят, немножко более, потому что был молодцоватей. И бог знает, до какой бы еще благословенной цифры[7] возрос этот капиталец, если бы старый друг человеческого рода, известный под именем чорта, не подсунулся весьма некстати, что он делает,[8] впрочем, всегда, и не сбил с толку обоих чиновников. Чиновники, как говорится, просто перебесились, другими словами, поссорились бог знает из чего. Как-то там в жарком разговоре, а может быть, и выпив немного, друг наш Чичиков назвал другого чиновника поповичем. А тот, хотя действительно был попович, но, неизвестно почему, обиделся этим чрезвычайно[9] и ответил ему чрезвычайно резко и сильно, и вот именно как: «Нет, врешь, я статский советник, а не попович, а вот ты так попович», и потом еще прибавил: «вот мол что!» Хотя он и срезал его совершенно, обративши таким образом на него же приданное название и хотя слово: «вот мол что!» могло,

---

[1] неутомимейшего из всех их гонителей [2] совершивши поход [3] провезли таким образом [4] привести его в действие. [5] Три или четыре раза сделавши такой поход, бараны [6] по 20 [7] *а.* и бог знает, сколько бы еще приобрели они впредь; *б.* и бог знает, до какого бы количества [8] некстати, как он делает [9] обиделся этим необыкновенно

конечно, иметь очень сильное значение, но, не удовольствовавшись этим, он послал на него донос. Впрочем, говорят, что и без того у них уже произошла сильная ссора за какую-то крепостную душу женского пола, крепкую бабенку с свежими щеками, по выражению тамошних чиновников,[1] которою, впрочем, воспользовалось совершенно стороннее лицо — какой-то штабс-капитан Чепраков... Автор признается, что не охотник вмешиваться в семейственные дела да и никогда[2] не мог в них добраться никакого ‹толку›, и поэтому оставляет их докончить или досочинить тем из читателей, которые чувствуют уж к этому особенное влечение.[3] Таким образом тайные сношения с контрабандистами сделались, наконец, явными и открытыми. Статский советник хоть сам пропал, да рад был, что упек-таки своего товарища. Обоих, как водится, под суд и отставили от службы. Статский советник, по нашему русскому обычаю, с горя запил, но надворный устоял, он пустил опять в ход оборотливость своего ума, ловкость и кое-какие запасные тысяченки, а так как люди слабы, а деньги хоть и мелкий народ, но силишка, слава богу, есть, то ему удалось, по крайней мере, сделать то, что его отставили не так бесчестно. как товарища; но уж ни капитальцу, ни разных красивых заграничных вещиц, словом, ничего не осталось нашему герою: на всё это нашлись другие охотники. Осталось у него только тысячонок десять кровных, как он называл, которые он прятал[4] на черный день в таком месте, куды никто не мог докопаться, да дюжины две голландских рубашек, да небольшая бричка, в которой ездят холостяки, да два крепостных человека: кучер Селифан и лакей Петрушка да некоторые таможенные чиновники, движимые сердечною добротою, оставили ему[5] четыре или пять кусков мыла для сбережения свежести и белизны щек,[6] и всё. Итак, вот какое обстоятельство.

---

[1] *На полях запись:* что будто даже подкуплены были люди несколько поизбить нашего героя под темный вечер на улице. [2] дела и к тому же никогда [3] *а.* которые охотники до подобных дел; *б.* которые чувствуют нежную наклонность к подобным делам [4] *Далее начато:* в платок [5] чиновники оставили ему из сердечного добродушия [6] *Далее начато:* Вот и больше

Это герой наш, впрочем, называл: потерпеть по службе за правду. — Читатель, может быть, подумает, что после таких испытаний и превратностей судьбы и тревог, и жизненного горя Чичиков нарочно удалится[1] в какое-нибудь мирное захолустье в уездном городишке и кое-как с своими кровными десятью тысячонками будет наслаждаться небольшими удовольствиями жизни:[2] выглянуть из окна низенького деревянного домика на какого-нибудь приезжего, которого бог пошлет раз в год для доставления разнообразия уездным жителям, да напиться чаю с уездным землемером и капитаном-исправником и дожить таким образом философски в каком-нибудь тулупчике или, может, и ситцевом халате век нешумный,[3] но, конечно, в своем роде тоже отчасти не бесполезный.[4] Но так не случилось. Надобно признаться, что герой наш был, точно, человек с характером. После всех этих неудач и неприятностей, которые бы могли охладить всякого, страсть к приобретению не угасла в нем ни мало. Он и в досаде был, и в горе, и роптал на весь свет, и сердился на несправедливость судьбы и негодовал на несправедливость людей, а всё, однако ж, не мог никак оставить цели, к которой неслись [все] его помышления. С этой стороны он был решительно немец и щедро одарен тою добродетелью, которой недостает у русского народа, именно терпением. Он рассуждал и, в самом деле, его рассуждения были с некоторой стороны справедливы. «Почему же», говорил он: «одному мне такое несчастие? Почему же другие, которые[5] наживают и приобретают тоже пополам с [другом] грехом, а иногда [еще хуже] и совершенно с грехом, почему же другие приобретают[6] и вес и значительность, уважение и проводят остаток дней честно в кругу семейства, в совершенном изобилии и благополучии? Чем я хуже других? За что же я несчастнее других? Ведь я приобретал

---

[1] *Далее начато:* в какой-нибудь город [2] *Далее начато: а.* смотреть в окно; *б.* смотреть скоро ли соседка [3] век без шуму [4] *Далее начато: а.* Но что страсть к приобре‹тениям›; *б.* Но автор сам должен признаться [5] *Далее начато:* приобретают вес и значительность, наживают и приобретают, бог знает, чем [6] другие получают и удачно приобретают

тоже, как и другие, конечно, другими только способами, но, однако ж, никому не причинял я вреда. Никого не сделал я несчастным, никто не пострадал от меня. Я не ограбил вдову, я не пустил кого-либо по миру в одной рубашке, как делают весьма многие. За что же я один должен испить горькую чашу, тогда как другие благоденствуют и наслаждаются всеми благами[1] мира. И что же я теперь? Куда я гожусь теперь? На что может послужить жизнь моя, лишенная значения и весу и должного уважения, так сказать, в отношении моего чина и лет[2] и самого даже звания?[3] Какими глазами я могу смотреть теперь в глаза всякому почтенному, пользующемуся уважением человеку, и как мне не чувствовать угрызения совести, что я даром бременю землю. И что скажут мои дети и потомки? Вот, скажут, отец был скотина, мерзавец, не оставил нам никакого состояния». Нужно заметить, что герой[4] наш чрезвычайно заботился о потомках,[5] несмотря на то, что ‹их?› еще не было. Эту заботу очень часто задают себе чиновники, преимущественно занимающиеся приобретением. Так уж заведено на этом грешном свете, это такая уже чувствительная статья. Иной бы, может быть, и не так глубоко запустил руку[6] если бы не вопрос, который, бог знает почему, но приходит сам собою: Что скажут дети? И будущий родоначальник,[7] как осторожный кот, покося только один глаз назад, не глядит ли из угла хозяин, хватает поспешно, что[8] на столе поближе: масло ли, свечи ли, канарейка ли попалась под лапу,[9] словом, не пропускает ничего.[10]

---

[1] всеми дарами [2] *Далее начато:* На какую пользу [3] в рассуждении к моему чину и летам и самого даже звания [4] *Далее начато:* подобно весьма [5] *Далее начато:* хотя, как читатель видел [6] *Далее начато:* да мысль [7] *а.* И почтенный будущий родоначальник неутомимо работает направо, налево; *б.* И почтенный будущий родоначальник, поймав, как рыболов ловит направо и налево, всё, что можно только поймать руками. [8] *Далее начато:* ни попало: масло [9] свечи и птичку какую-нибудь схватит лапою [10] *В конце страницы текст:* Тут герой наш, конечно, [пропустил] выпустил из виду кое-какие уроки, которые потерпел при этом разе Ну, да у нас, впрочем, составилось мнение, что *Этот текст отмечен знаком* (X), *но куда эта вставка, не ясно.*

Перекрестясь и благословясь[1] по русскому обычаю, герой наш принялся очень ревностно за исполнение задуманного им: под видом избрания места для жительства и для собственного удовольствия и для разных других предлогов, как читатель потом увидит, он[2] предпринял заглянуть в те и другие углы обширного нашего государства, и преимущественно в такие углы, которые[3] особенно более других пострадали от каких-либо несчастных случаев, неурожаев, смертностей и прочего, словом, где бы можно было и удобнее и подешевле накупить потребного народу. Он никак не адресовался наобум ко всякому помещику, а напротив, избирал по своему вкусу таких, с которыми бы можно было делать и которых он уже[4] сколько-нибудь узнал. Итак, читатели никак не должны негодовать на автора,[5] если лица и характеры,[6] доселе явившиеся[7] в нашей повести, не пришлись[8] по их вкусу. Автор здесь совершенно не виноват ни телом, ни душою. Виноват Чичиков. В начале этом по крайней мере ясно видны приступ и начало, и первые покупки читатели уже видели; как пойдет дело далее и какие будут удачи потом, увидят.[9] Еще много пути предстоит сделать всему нашему походному экипажу, состоящему из господина средних лет, брички, в какой ездят холостяки, лакея Петрушки и кучера Селифана с подведомственной ему тройкой: фаворита гнедого, почти бесхарактерного пристяжного, подлеца серого.[10] Итак, вот весь герой на лицо таков, каков он есть.

Потребуют, может быть, заключительного определения[11] одною чертою, кто он, дескать, в отношении[12] качеств нравственных. Что он не герой, исполненный всех совершенств и добродетелей, — это видно и так. Кто же он? Подлец?

---

[1] *Далее начато:* герой наш [2] *Далее начато:* вознамерился [3] *Далее начато:* вследствие [4] *Далее начато:* совершенно [5] не должны сердиться на автора [6] *Далее начато:* с которыми он должен [7] доселе являвшиеся [8] не придутся [9] *Вместо* (В начале ∾ увидят): Как сделан был приступ ∾ уже видели, что будет потом увидят. [10] Селифана и тройки четвероногих благородных животных, наших знакомцев: подлеца серого, фаворита гнедого и тоже порядочного пристяжного коня [11] заключительного изъяснения [12] *а.* чертою всего героя, характеризующую кто он; *б.* чертою в нашем герое кто он таков в отношении

Почему ж подлец? Зачем же быть так строгу. Подлецов теперь у нас нет: есть люди приятные, благонамеренные, а таких, которые бы на всеобщий позор выставили свою физиономию под публичную оплеуху, отыщется, может быть, всего на все разве каких-нибудь два-три человека,[1] да и те уж говорят о добродетели.[2] Справедливее, я полагаю, назвать нашего героя прожектер.[3] Конечно, прожект, может быть, не очень чист и весьма многим не понравится, что он составляет главное в нашем герое. Что ж делать? Зато есть много других качеств в нашем герое: опрятность, чистота, приятность в обращении и поступках, завидная ровность в характере.[4]

А что, конечно, есть в нем одна преобладающая страсть над всеми прочими, то здесь ничего нет удивительного: у всякого из нас есть какая-нибудь страсть, к которой мы влечемся почти безумно и слепо и жертвуем для нее всем. И у автора, пишущего сии[5] строки, есть [тоже] страсть, страсть заключать[6] в ясные образы приходящие к нему явления, в чудные минуты, вперивши очи в свой мир, несется мимо всего, что на земле.[7] И в оных чудных мгновеньях, нисходящих к нему в его бедный чердак, заключена вся жизнь,[8] и полный благодарных слез[9] он не ищет ничего в мире, благословляет он чудесный свой удел, любит он свою бедность, как любовник любовницу. Но читатель и этому не поверит, и он, впрочем, совершенно прав.[10] Всякой[11] есть господин и властен верить и не верить.[12] Но почему не нравится герой? Будто по-

---

[1] оплеуху, если отыщется, то разве каких-нибудь два-три человека, всего на все [2] *Далее начато:* и <*1 нрзб.*> печатают пожалуй даже об этом [3] *Далее начато:* Всякой [4] *На полях страницы запись:* изобретенных весьма недурно предлогов [5] пишущего эти [6] страсть к тем чудным мгновеньям, когда вперивши очи в свой иной мир, он заключает [7] *Далее было:* и всё это деется в бедном, неприглядном для других чердаке [8] *а.* И в оных чудных мгновеньях заключена вся жизнь; *б.* И в оных чудных мгновеньях, посещающих его бедный неприглядный для других чердак, заключена вся жизнь [9] *Далее начато: а.* за свой чудный; *б.* за всё благословляет он свой удел [10] он прав [11] *Далее начато:* властен [12] *Далее начато: а.* Но почему посыпятся упреки за избранного; *б.* Вследствие таких причин посыпятся на автора упреки за избран-

тому, что... потому что автор не удовольствовался его наружностью, может быть, не скользнул по его качествам, являющимся на показ в свете,[1] и, может быть, обнажил[2] кое-что кроющееся от не острого взгляда, что пробрался он и в комнату, где он одевается и бреется, не загляни только он поглубже в его душу и обнаружь всенародно сокровенные его мысли, которые привыкли таиться от света,[3] а покажи он его таким, каким он показал себя всему городу N. N, Манилову и многим другим помещикам, и все бы были радехоньки[4] и приняли бы его [совершенно] за добродетельного человека; дамы были бы удовлетворены, мужчины прочли бы ‹без› негодования. Нет нужды, что ни лицо, ни фигура не остались означенные в их головах, но зато они не растревоженные, не взволнованные могут обратиться опять к мирным занятиям, то-есть сесть за вист, [опять] и пошла опять попрежнему влечься жизнь ‹*1 нрзб.*› Никакого благодетельного приращения на душу и даже упрека. Право, вам бы хотелось,[5] чтобы вас убаюкивали, как ребенка, вам бы очень не желалось, чтобы обнаруживали перед вами то, где ярко выражается бедность, чтобы как можно подальше от вас всё, что можно: ничтожные страстишки,[6] и много, много того, чего так много на свете и от чего отвращаются глаза ваши.

К чему это, — вы говорите, — разве мы не знаем сами, что много есть презренного и глупого в жизни. Пусть же

ного героя; *в.* Вследствие таких причин уже недовольные автором за то, что он избрал такого героя, и это ему тоже известно; *г.* Но почему может не нравиться вдруг герой автору; *д.* Итак, вам не нравится герой?

[1] *а.* не скользнул, а заглянул несколько глубже в его душу; *б. На полях запись:* а шевельнул кое-что в глубине, всё, что кроется от неострого взгляда и что может в существе своем изрядно; *в.* а шевельнул кое-что в глубине, всё что кроется от неострого взгляда и прячется от света доверяя ‹*1 нрзб.*› не был таким же безмолвным ‹*1 нрзб.*› [2] обнажил то, что не всякому хочется видеть [3] *Далее начато:* и доверяет [4] *Далее начато:* Дамы были бы довольны, мужчины прочли бы без негодования [5] *Вместо* «но зато ∾ хотелось»: да и то не почувствовали никакого приятного чувства. Знаю я вас, мои почтенные читатели, не годилось бы вам показывать кое-какие раны людские. Вам бы хотелось [6] *а.* не желалось, чтобы показывали вам яркие человеческие ничтожные; *б.* не желалось, чтобы показывали то, что не имеет яркого и человеческие все страстишки

нам представляют одно хорошее; пусть мы забудемся.[1] Вы похожи на помещика, которому докладывает[2] прикащик, что плоха ‹?› и та и другая часть в хозяйстве, дело идет плохо, и что если барин[3] теперь-де[4] не удержит хотя части денег из принесенного оброка, так будет и совсем плохо. — «Да зачем ты, брат, мне говоришь это? Я без тебя знаю [всё это], что идет дурно, да дай мне, по крайней мере, позабыться, я гораздо более счастлив тогда». И вот те деньги, которые, может быть, немного поправили бы дело, идут на разные средства для приведения себя в забвение. А там вдруг, неожиданным образом, всё имение хлоп с аукциона и помещик потом отправится в плохой шинелишке[5] по миру позабываться. Не правда ли, чего доброго, еще меж вами, пожалуй, найдутся и так называемые патриоты, которые скажут: да ведь это всё наше, ведь это всё грехи русские. Хорошо ли выставлять это? Что скажут иностранцы? Это[6] напоминает даже двух обитателей одного уголка России: одного — отца, человека доброго[8] по характеру, решительно мирного, который весь век провел в куреньи трубки; другого — сына, тоже не злого человека, но характера [совершенно] воинственного, который никого не оставлял в покое во всем околотке.[9] — «Побранил бы сына больше, — говорил отец,[10] — да наедине-то его не пристыдишь, [а так, чтобы] заговоришь громко, все люди узнают; пусть уж его так остается собакой».

И после этого отец [по своему обычаю] закуривал трубку, вновь отправлялся ходить по комнате.[11] Я просто говорю

---

[1] *Между строк неразборчиво начат новый текст, прочтению поддаются только отдельные слова.* [2] на помещика, к которому пришел помещик‹!› [3] *Далее начато:* не воздержится [4] *Далее начато: а.* не пож‹ертвует›; *б.* не оставит [5] отправится чуть не босиком [6] *Далее начато: а.* напоминает очень доброго; *б.* доброго одного философа [7] *Далее начато:* одного в своем роде [8] одного — отца, доброго человека, всегда в халате с трубкой [9] *На обороте листа запись:* Силы двадцать лет кипели в нем слишком, только он никак не мог минуты оставаться без какого-нибудь гимнастического [10] *Далее начато:* да ведь сейчас узнают люди. Пусть уж его так остается собакой, а то ‹*3 нрзб.*› не без пользы [11] *Над строкой вписано:* насчет рождения зверя. *На обороте листа ряд записей к этому*

вам, читатель, что́ на душе, и не в силах польстить вам и сказать неправду. Кто же вам должен говорить правду, как не автор? Вы боитесь глубоко устремленного взора. Вы робеете сами устремить на что-нибудь глубокий взор; вы любите по всему скользнуть[1] недумающими глазами.[2] Вы посмеетесь, может быть, от души над [моим] Чичиковым, может быть, чего доброго, похвалите статью и автора, и каждый из вас с удвоившеюся гордостью подумает о себе, самодовольная усмешка долго сохранится в устах ваших.[3] Скажете: в самом деле, престранные[4] и смешные бывают люди, да и подлецы при этом не малые. А огорчит вас полный смирения, с которым познакомило мир [чудное] святое, божественное христианство, ни один из вас не устремит в глубину собственной души, не углубит мысленно сей тяжелый вопрос:[5] а нет ли во мне самом какой-нибудь части Чичикова? Как бы не так. Напротив, если в это время по улице пройдет какой-нибудь человек, чину нельзя сказать, чтобы большого́, однако ж не так, чтобы малого, он толкнет в ту же минуту соседа и скажет,[6] чуть не фыркнувши от смеха: Смотри, смотри, вот Чичиков, Чичиков пошел![7] и потом, как ребенок, позабывши [собственный чин, может быть тоже]

тексту: 1) *а.* Ходя по комнате и беспрестанно размышляя об одном вопросе, с давнего времени остановившем его внимание: почему-де зверь родится нагишом, а не так, как птица в яйце; *б.* Ходя по комнате и беспрестанно размышляя об одном вопросе, который один умел останавливать его внимание: почему-де зверь родится нагишом, а не так вместе с яйцом, как птица. 2) желательно знать, как толста была бы скорлупа, если бы зверь выходил из яйца. Ведь я думаю, потолще, чем в палец. 3) *а.* а ведь однако ж скорлупа для зверя должна быть куда потолще, ‹чем› на гусином яйце; *б.* а ведь однако ж скорлупа для звериного яйца должна быть очень толста, в палец толщиною по крайней мере.

[1] *Далее начато:* и пройти и не [2] *На обороте листа запись:* не думающими глазами поглядеть на божий мир, по всему скользнуть, по всему пробежать слегка [3] подумает о себе, и ни один из нов‹?› [4] Скажете: ведь этакие странные [5] ни один из вас не обратит к себе [сказавши] не углубит мысленно вопрос [6] Напротив, если в это время по улице мимо вас пройдет какой ваш знакомый, вы толкнете тут же под руку соседа. *Над строкой записано:* Попробуй, пройди только в это время по улице [7] *Далее начато:* Уж куда ‹*3 нрзб.*›

всякое приличие, надлежащее его собственному чину, побежит за ним вслед, поддразнивая его сзади и произнесши несколько раз [так, чтобы тот даже несколько услышал] <*1 нрзб.*>: Чичиков, Чичиков, Чичиков!

Но мы стали говорить довольно громко, а между тем позабыли, что герой[1] наш, который спал во всё то время, как рассказывалась его повесть, уже давно проснулся и, стало быть, очень легко может услышать так часто повторяемое его имя,[2] а обязанность наша предуведомить, что он человек очень обидчивый и всегда сердится, если о нем скажут что-нибудь [такое], которое может уронить вес и значение его в свете.[3] Читателю, конечно, с полугоря, сердится ли он или нет,[4] но что касается до автора, то он никак не должен ссориться с своим героем. Что ни говори,[5] а ведь им вместе придется[6] отхватить не малую дорогу. Две части еще впереди, это не безделица.

«Эхе, хе, хе! Что ж ты», сказал герой наш Селифану. «Ты!»[7]

«Что?» сказал Селифан как-то медленным голосом.

«Как что? Ты, гусь ты, как ты едешь? Ну ж потрогивай».

И в самом <деле>, Селифан давно уже ехал, зажмуривая по вр<еменам> глаза и изредка только потряхивая вожжами по бокам тоже, казалось, с своей стороны, дремавших лошадей; а с Петрушки уже давно слетел где-то с головы картуз, и он, покачиваясь во все стороны с своих козел,[8] наконец, почти опрокинул свою голову совершенно назад на колени к Чичикову, так что тот дал[9] ей щелчка. Селифан прибодрился и семнадцать раз сряду отшлепал кнутом по спине серого коня, после чего тот почувствовал, что наконец точно больно, и пустился рысцой. Потом Селифан, слегка приподнявшись,[10] помахивал только[11] над головою гнедого, да примолвил тонким певучим голосом: «Не бойся», да прихлыснул

---

[1] *Вместо* «Но мы стали ∾ герой»: *а.* Но лучше прекратить нам наши толки, потому что герой; *б.* Но мы заговорились неосторожно немного и позабыли, что герой; *в. Как в тексте.* [2] легко может статься, что даже что-нибудь услышал [3] уронить благоприятные о нем мнения [4] с полугоря с ним поссориться [5] *Далее начато:* а дороге [6] *Далее начато:* не малую сов<местную> [7] Ты задремал? [8] покачиваясь с козел во все стороны [9] так что он дал [10] Затем возница приподнявшись [11] *Далее начато:* коренного

для уровня пристяжного, и лошадки, расшевелившись, понесли как пух легонькую[1] Селифан только помахивал да покрикивал: «эх, эх». Так<?> тройка[2] то взлетала, то неслась духом с пригорков, которыми была испорчена столбовая дорога, стремившаяся легким накатом вниз. Чичиков только улыбался слегка [покачиваясь], приятно подлетывая на своей кожаной подушке, ибо очень любил[3] быструю езду. Да и какой же русской не любит быстрой езды,[4] если бог наградил его натурой, что <*1 нрзб.*> в ней сильно. Неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе.[5] И сам летишь, и летит всё: летят версты, летят купцы на облучках своих кибиток, летит лес с обеих сторон с густыми своими темными стройными елями и соснами, как копья, как стрелы, с топорным стуком и вороньим криком. Летят все дороги, как стрелы в пропадающую даль. И что-то чудесное в этих моргнувших и неуспевших означиться предметах и как-то не хочешь взглянуть. Эх, тройка[6]

К ГЛАВЕ XI

У всякого есть одно какое-нибудь стремление, которое деспотствует в душе[7] и мало-помалу затирает всё прочее, все другие желания. И сколько раз[8] даже незначущая страстишка к чему-нибудь [совершенно] мелкому и ничтожному разрасталась в человеке, заставляла[9] позабывать важные и святые обязанности[10] и в ничтожных побрякушках видеть великое и святое.[11]

---

[1] *Фраза не закончена.* [2] *Далее начато:* поднималась на [3] потому что любил [4] *Далее начато: а.* его ли чудной натуре, стремящейся загуляться и забыться; *б.* слышишь, несет тебя как [5] подхватила и несет тебя. [6] *Текст* «с обеих сторон ∾ тройка» *зачеркнут и между строк вписан очень неразборчиво новый текст. Прочтению поддаются только отдельные слова и окончание:* Что-то чудесное сладкое заключено в сем быстром мелькании. Весело смотреть <*1 нрзб.*> не успеет означиться пропадающий предмет. Только вверху над головою одно небо, да легкие тучи, да месяц, продирающийся сквозь них, <*1 нрзб.*> недвижно. Эх, тройка. Птица тройка [7] *а.* которое движется и неспокойно в нем; *б.* которое на счет всех других [8] *Далее начато:* мелкая ничтожная [9] *Вместо* «разрасталась ∾ заставляла»: усиливалась в человеке и мало-помалу заставляла [10] *Далее было:* и видеть одни только побрякушки [11] *Далее начато: а.* У всякого есть стремление; *б.* И у кого нет

Да, у всякого из нас есть страсть, к которой[1] и что-то есть дивно-упоительное в сем влечении.

К ГЛАВЕ XI

Разнообразны и бесчисленны возникают и образуются стремления в человеческих сердцах[2] и чем они сильнее, тем своеобразнее и невероятней понять людям.[3]

Итак, не будут довольны [моим] Чичиковым, не понравится герой поэмы нашей большинству читателей.[4] Грустно и болезненно для автора сказать следующее слово, что может быть тем же самым Чичиковым остался бы доволен читатель, не загляни только он поглубже ему в душу, не шевели он на дне ее того, что[5] ускользнуло, не видно неострому взгляду[6] и прячется от света, словом, покажи подушевнее то, что не огорчило вас,[7] не потрясло ни одного вашего нерва.

К ГЛАВЕ XI

Почему ж не иметь герою нашему одной преобладающей страсти? Конечно, страсть к приобретениям имеет в себе что-то отталкивающее,[8] то есть натурально, когда она будет сообщена какому-нибудь герою романа. В натуре другое дело, в натуре ничего. <*1 нрзб.*> и героем особенно будут негодовать те, которые сами чувствуют к приобретениям[9]

---

[1] *Фраза не закончена.* [2] *Вместо* «Разнообразны ∾ сердцах: Странные есть стремления, возникающие в человеческих сердцах [3] *Далее было: а.* и не могут постигнуть они, как можно жертвовать ему тем, что для них величайшее благо, тому, что не имеет почти никакой цены для них; *б.* Почему же герою не иметь одной страсти преобладающей? Конечно, страсть на приобретенья и имения <?> имеет что отталкивающие стороны в тех только [4] *Далее начато: а.* Уж как-то болезно, грустно сказать автору, но он знает слишком хорошо и почему не будут довольны им и почему герой; *б.* Он знает [5] *Далее начато:* прячется от [6] *Далее начато:* доверяя только кабинетно такому же <*1 нрзб.*> [7] *Далее начато:* и вам приятно, зевнув после усладительного чтения, обратиться вновь к вашим заботам. [8] *Далее начато: а.* то есть натурально если она имеется <?> в героях романов, в натуре другое дело; *б.* то есть натурально, если она будет сообщена какому [9] *Фраза не закончена.*

Да, отталкивающие и оттолкнутся, — и невольная грусть уже овладевает автором сей поэмы. Не потому грустно, не потому тяжело, что будут недовольны Чичиковым, что не понравится герой поэмы, но потому грустно и тяжело, что живет в душе его какое-то верное внутреннее убеждение, что

К ГЛАВЕ XI

Начало и происхождение героя нашего слишком скромно и темно. Жизнь взглянула на него как-то пасмурно сквозь занесенное снегом окошко. Родители его были дворяне, но столбовые или личные, бог ведает. Лицом он на них, кажется, не походил. По крайней мере, близкая родственница, бывшая при рожденьи его, коротенькая женщина, которых называют пиголицами, взявши[1] в руки ребенка, вскрикнула: «Совсем вышел такой, как я думала. Ему бы больше всего следовало пойти в бабку с матерней стороны, оно бы и приличней; а он родился просто, как говорит пословица, ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца». Жизнь вначале взглянула на него как-то кисло, неприютно, сквозь какое-то мутное, занесенное снегом окошко:[2] никакого друга [детства, ни даже] товарища. Маленькая горенка с тусклыми не отворявшимися никогда окнами — ни в зиму, ни в лето; отец, длинный, худой, больной человек в длинном сертуке, вздыхавший, ходя по комнате, и плевавший в стоявшую в углу песочницу; вечное сидение на лавке[3] с пером, чернилом на пальцах и даже на губах. Вечная пропись перед глазами: занимайся [прилежно] слушай ‹?›, не лги...[4] Вечный стук[5] однообразно раздававшихся шагов. Изредка только позади голос: «Опять задурил», раздававшийся в то время, когда ребенок, наскучивший однообразием работы, приписывал к букве какой-нибудь свой хвост или другую закавыку, внушенную праздною фантазией, за что[6] неожиданно и весьма больно был стискиваем обеими ногтями край его уха и закручиваем с варварским спокойствием за что [из глубины ду‹ши›] ребенок произносил неприязненное ‹*1 нрзб.*› — вот

[1] *Вместо* «взявши»: когда взяла [2] сквозь занесенное [3] *Далее начато:* перед прописью [4] *Далее в рукописи пропуск.* [5] *Далее начато:* тех [6] *Далее начато:* весьма больно был

вся бедная картина первоначального его детства, о котором едва осталась[1] в голове его бледная память. Наконец, в один день с весенним солнцем и разлившимися потоками была заложена в повозку мухортая пегая лошадь, какие у лошадиных барышников известны под именем сорок. [Длинный] Отец поместился в тележке с 8-летним сыном и[2] согнувшийся весь в[3] такой ‹*1 нрзб.*› кучер встряхнул вожжами, и и они выехали из дому. На сороке ехали сутки с лишком, дорогой ночевали, переправлялись через реки, закусывали холодной бараниной да пирогом и добрались утром на третий день до города.[4] Тощая сорока потащилась, как могла, по городским улицам,[5] которые поразили ребенка, всё время не раскрывавшего рта, потом бултыхнула вместе с повозкой в яму и в узкий переулок, весь запруженный грязью,[6] долго работала там всеми силами и месила ногами,[7] подстрекаемая и горбатым[8] кучером и самим отцом героя, и наконец втащила их в небольшой дворик на косогоре с двумя цветущими баргамотами, садиком, наполненным бузиной, душистым травником, и небольшой будочкой, крытой драньем. Тут жила какая-то далекая родственница героя, дряблая старушка, всё еще ходившая сама[9] ежедневно на городской рынок, несмотря на грязь. Тут должен был остаться наш ребенок, ходить ежед‹невно?› в классы городского училища. Отец переночевал и на другой день отправился в дорогу, простившись с сыном[10] (кажется, без слез), давши ему на расходы и лакомства две гривны меди и,[11] что важнее всего, отцовское[12] наставленье: «Смотри же, Павлуша, не дури и ‹не› повесничай, а больше всего угождай учителю. Коли будешь угождать начальникам, то хоть и не во всем будешь смышлен,[13] всё пойдет в лад,[14] станешь выше всех первых.

---

[1] *Далее начато:* слабая память [2] *Далее начато:* выехали они из [3] *Далее начато:* спину куче‹р› [4] добрались до города под вечер. [5] *Далее начато: а.* показавшимся потом; *б.* блеснувшим великолепно на неопытные глаза [6] *Далее начато:* Тут она долго работала и наконец [7] *Далее начато:* наконец [8] низеньким горбатым [9] ходившая сама пешком [10] *Над строкой:* хотя, конечно, без денег [11] *Далее начато:* произнесши [12] отцовское мудрое [13] *Далее начато:* ничего не пропадет [14] будешь ему угождать во всем, то хоть и не успеешь в чем-либо, а всё ты будешь первым

Не водись с товарищами: они тебя добру не научат, только разве шалостям да повесничеству. А если пошло на то, так водись с теми, которые побогаче, чтобы были тебе полезны. Не угощай и не потчевай никого, а веди себя лучше так, чтобы тебя угощали и потчевали. А больше всего береги и копи копейку: это — вещь надежнее всего в мире. Товарищ и приятель тебя надует и при случае первый тебя выдаст; а копейка не надует, копейка не выдаст тебя, хоть бы в какой нужде пришлось тебе ни быть: всё сделаешь и пробьешь [копейкой] на свете». Так говорил отец. Поцеловал Павлушу, сел в свою тележку, и сорока потащила его обратно. С тех пор уже никогда не видал его более герой наш; но слова и наставления, казалось, врезались далеко[1] ему в душу.[2] Мальчик стал ходить в классы. Способностей больших или острых[3] к какой-нибудь науке в нем не оказалось.[4] Оказал себя он более всего прилежанием, опрятностью и тихостью. Но в мальчике оказался ум совершенно с другой стороны, ум совершенно практической. Он вдруг понял свое положение и повел себя в отношении к товарищам так, что его угощали, а не он их. Уж с самых ранних пор он умел себе отказать во многом; ‹даже› из данных отцом денег он не издержал ни копейки, с тем ‹чтобы› кое-что скопить. Даже лакомства он не ел, а припрятывал и потом, под голодный час, менялся или продавал тем же самым, которые угостили его. В 9-м году оказались в нем такие таланты: он уже умел слепить ‹из› воску какого-то снегиря, выкрасил его и продал с выгодою. На рынке он покупал пряники[5] и хлебы и потом садился около товарищей своих, которые были побогаче, и ожидал очень терпеливо, пока товарищ, усталый классной тишиною,[6] выговорами и наказаньем, не почувствовал наконец волчий голод; в это время он искусно показывал ему из-под лавки хлеб или пряник[7] и, возбудя аппетит волчий, схватывал с него

---

[1] врезались глубоко [2] *Далее начато:* Ребенок [3] или слишком острых [4] *Далее начато:* но зато он отличался большим [5] он пронюхивал, где бывали пряники [6] усталый классами [7] искусно высовывал из кармана угол пряника

двойную деньгу. На вырученные деньги делались другие закупки. Около двух месяцев с лишком учил он мышь, *посадивши ее в маленькую клеточку, и выучил ее стоять на* задних лапках, пищать по желанью, и продал ее тоже очень выгодно. И зашил наглухо мешочек иголкою, когда в нем набралось более двух рублей. В отношении к начальству он повел тоже себя очень умно: сидел в классе не сдвинувшись, тетрадки свои переписывал по два раза и всякой раз, как только оканчивало <!>,[1] схватывался в ту же минуту и подавал учителю треух и палку — учитель ходил в треухе. Учитель был большой любитель тишины и хорошего поведения и терпеть не любил умных или острых мальчиков. Ему [по странному предубеж<дению>] казалось всё, что острые мальчишки непременно над ним смеются. И достаточно было мальчику,[2] который попал у него на замечание со стороны остроумия, достаточно было шевельнуться на месте, он гонял и наказывал и гонял его немилосердно. «Я, брат, из тебя выгоню заносчивость и непокорность. Я тебя знаю насквозь, как ты сам себя не знаешь.[3] Вот ты у меня постоишь на коленях, ты у меня поголодаешь». И бедный мальчик, сам не зная за что, натирал себе колени и голодал по суткам. «Способности и дарованье — вздор; поведенье [вот что][4] Я поставлю первые баллы тому, кто ни аза не знает, да ведет себя похвально; а в ком я вижу дурной дух да насмешливость, я тому нуль, хоть он Солона заткни за пояс». Так выражался учитель, как видно, совершенно противоположный мненью Крылова: «По мне уж лучше пей, да дело разумей». В подтверждение своих слов он часто рассказывал ученикам, что в том месте, где он прежде учил, такой был заведен порядок, что в классе[5] была тишина такая, что было слышно, как муха пролетала, что даже ни один ученик даже не высморкался, не чихнул ни разу во всё время его службы, и до самого звонка нельзя бы было узнать,

---

[1] *Далее начато:* бежал тот же час в угол и при<носил?> [2] бедному мальчику [3] *Далее начато:* И бедный [4] *Далее начато:* У меня ничего не знай, я ему поставлю первые баллы [5] в классе во всё продолжение часов

был ли кто в классе, или класс был просто пуст.[1] Чичиков вдруг постигнул дух начальника и в чем должно состоять настоящее поведение. Он не шевелил ни глазом, ни бровью и всё смотрел ему прямо.[2] Он даже не поморщивался, если даже в это время его кто-нибудь ущипнул. Подавши учителю треух, он выходил прежде всех из класса и старался ему попасться раза три на дороге, беспрестанно снимая шапку. Дело имело совершенный успех, и при выпуске он только один получил полные баллы [в науках] во всем, аттестат, книгу с золотыми буквами за прилежание и поведение. В это время умер отец его, какою смертью, бог ведает.[3] Он получил только от него в наследство ‹?› 2 овчинные тулупа, крытые синим сукном, сертук с старыми обшлагами, фуфайку,[4] ветхий ‹?› двор с ничтожной землишкой, которые он тут же продал за 500 рублей, и семью людей, которую он перевел в город к старухе, своей родственнице, располагаясь не выезжать из города и начать там поприще службой. В то же самое время был выгнан из училища и бедный учитель, любитель тишины и похвального поведения, за глупость или что другое, бог ведает.

Учитель с горя принялся по русскому обычаю пить. Наконец ему даже не осталось, на что и выпить. Холодный и больной исчезал он где-то на ветхой постеле.[5] Бывшие ученики его, гонимые им умники и остряки, в которых, бог ведает почему, ему виделся непокорный дух и неповиновение, узнавши как-то об жалком его положении, и как ни были бедны сами [ибо остроумие большею частью удел небогатых] решились сложиться: иные продали даже новое платье,[6] которое слишком дорого человеку, выступающему в свету ‹!›, и отправились сообщить об этом Чичикову, не сомневаясь, что он, как бывший любимец его и обязанный ему всем, будет одним из самых жарких дателей. Однако ж так не случилось. Хотя герой наш в душе и почувствовал

---

[1] нельзя бы было сказать, жив ли кто в классе или умер. [2] *Далее начато:* хотя даже [3] *Далее начато:* Ему прислали [4] фуфайку ношеную [5] *Далее начато:* Остряки и при‹шли?› [6] *Далее начато:* щегольск‹ое›

соболезнование, но отказаться и лишить себя суммы, которая была у него уже разложена на мешочки и ‹*1 нрзб.*› в порядке, показалось ему так тяжело, что он отговорился неименьем и предложил какую‹-то› малость, гривенник или что-то подобное, что́ они ему тут же бросили, сказав: «Эх ты, скалдырник» и отправились к прежнему учителю.[1] Едва отыскали они в конуре: изможденный, высохший скелет,[2] валяющийся на соломе, предстал им вместо прежнего педагога. Как ни был он изнурен, но, видя их, невольно содрогнулся. «Не бойтесь, Фадей[3] Фадеич, мы никогда против вас не замышляли недоброго, хотя вы, неизвестно почему, нас ‹*1 нрзб.*›. Мы принесли вам всё, что могли собрать. Больше бы дали, но больше нет. Возьмите, вот вам. Одного вашего Павлуши нет между нами,[4] один он отказался помочь». Закрыл лицо руками бедный педагог; слезы градом полились[5] из потухнувших его очей, как у бессильного ребенка.[6] «Вот», сказал он, едва собрав свой голос,[7] получивший даже[8] выражение и чувство, как случается всегда в потрясающую минуту: «вот при смерти на одре довелось мне раз в жизни заплакать от радости». И потом, зарыдав и вздохнув, проговорил: «Эх, Павлуша. Вот как переменяется человек. А ведь какой был. Ничего буйного, шелк! Надул, надул, сильно надул!»

Нельзя сказать однако же, чтобы[9] так черства и сурова была природа нашего героя и так ожесточены [были] его чувства. Он чувствовал сам жалость и состраданье. Он хотел бы даже помочь, но только, если бы помощь не состояла из значительной ‹суммы ?›. Словом, отцовское наставление: «копи и береги копейку», засело глубоко ему в душу. Скоро после выпуска он вступил с аттестатом на службу в Казен-

---

[1] *Далее начато:* Нашли они [его на соломе] изнуренный изможденный скелет на соломе, который [2] *Далее начато:* предстал [3] Иван [4] *Далее начато:* хоть он больше всех мог бы вам дать теперь [5] градом потекли [6] *Далее начато:* И как в потрясенную минуту всякой красноречив, он [7] собрав силы [8] *Далее начато:* красноречие, как получает он его в потрясающую [9] чтобы до такой степени жестокости было

ную палату. Но местечко досталось[1] ему самое ничтожное: жалованья 30 или 40 рублей;[2] и в городских закоулках нужна протекция. Но всё решился победить и преодолеть. Самоотверженье и ограничение нужд показал он неслыханное. С раннего утра до позднего вечера, не уставая ни духом, ни силами, писал, весь погрязнув в бумаги;[3] не ходил даже домой, спал в канцелярских комнатах[4] на столах, не издерживал копейки[5] для какой-нибудь прихоти, обедал подчас с сторожами, но при всем том, однако ж, опрятно одевался и сохранял даже в лице какое-то выражение благородства. Нужно знать, что чиновники казенной палаты как-то были особенно неблагообразны; лица у многих были[6] Говорили как-то все сурово, таким голосом, как будто бы собирались прибить, и приносили частые[7] жертвы Вакху, показав в славянском виде остатки языческого богослужения, и в иное время[8] даже приходили и в присутствие уже налимонившиеся, по тамошнему выражению, и в канцелярии было чрез то и нехорошо[9] и воздух совсем не ароматический. Чичиков представлял собою совершенную противуположность: не брал в рот ни водки, ни вина; в голосе имел всегда почти ласковое и приветливое и потому неминуемо должен был произвести благоприятное впечатление в начальство <!>. Но[10] здесь было трудно сделать. Начальник его, престарелый повытчик, был[11] образ какой-то каменной бесчувственности и непреклонности. Что-то страшное было даже в нем. Вечно тот же, равнодушный ко всему. Никогда не видал никто на лице его усмешки,[12] ни малейшего гнева или жадности или радости. Не слышали, чтобы он заговорил о чем. Никогда не видал никто, чтобы он изменился хоть раз в жизни, чтобы он хоть дома, хоть на улице, хоть раз был не тем, чем был всегда, чтобы хоть напился пьян, хоть в пиянстве бы засмеялся, хоть бы обуян был диким, грубым весельем,

---

[1] но место дали [2] *Далее начато:* словом [3] *Далее начато:* кроме того [4] спал в присутствии [5] копейки на себя [6] *Фраза не дописана.* [7] приносили весьма частые [8] и подчас [9] чрез то скверно [10] *Далее начато:* как на беду [11] *Далее начато:* был лицо какое [12] *Далее начато:* или сильного гнева или выражения

какому предается разбойник или его же братья в пьяную минуту.[1] Ничего не было в нем ни доброго, ни злого. И зрелось что-то[2] в сем страшном отсутствии всего человеческого. Самое лицо его как‹-то› поражало отсутствием всякого выражения. Даже не было в нем резкой неправильности, которая бы доставила[3] ему сходство с каким-нибудь предметом: в суровой соразмерности между собою были все черты.[4] Одно только давало им — это род каких-то рябин[5] или ухабин по всему лицу,[6] как будто бы, выражаясь русским народным слогом, чорт приходил по ночам молотить горох на его роже.

Казалось, не было сил человеческих сладить с таким человеком, но Чичиков нашел, что можно с ним сладить. Сначала он принялся во всем угождать,[7] клал перед ним чиненные перья, сметал всякую пушинку на столе перед его приходом, отыскал где-то его шапку, прескверную шапку, какая когда-либо существовала в мире, и клал[8] за минуту до окончания присутствия перед ним. Забегал на лестницу и чистил ему спину, запачканную мелом от стены. Всё оставалось без внимания. Наконец[9] втайне сделал обыски и пронюхал всю его домашнюю жизнь. Узнал, что[10] у него есть[11] зрелая дочь с лицом тоже похожим на то, как будто бы на нем происходила по ночам молотьба гороху. С этой стороны решил он произвести нападение, приступ. Стал бывать всякое воскресенье в ту церковь, куда она ходила слушать обедню, становился против них и, так как был отчасти недурен, то дело возымело успех.[12] Пошатнулся непреклонный повытчик, стал приглашать к себе и, уж как это сделалось, никто не мог понять в целой канцелярии, только что[13] Чичиков переехал к нему, стал даже распоряжаться, дочь звал невестой, повыт-

---

[1] *Над строкой:* чтобы был похож на своих же братьев [2] *Далее начато:* страшное [3] которая бы дала [4] *Далее было:* только всё оно было покрыто, вероятно, оспою [5] это рябины [6] *Вместо* «по всему лицу»: разбросанные по всей его наружности [7] *Далее начато:* приготовлял ему [8] *Далее начато:* возле [9] *Далее начато:* стал проню‹хивать› [10] *Далее начато:* в его доме [11] *Далее начато:* дочь, тоже дово‹льно› [12] *Далее было:* Наконец подался самый непреклонный повытчик [13] *Вместо* «только что»: как

чика называл папенькой и целовал в руку; о свадьбе говорили, как об решенном деле. И через несколько[1] времени Чичиков сделался сам повытчиком. Как только получил он звание повытчика, в ту же ‹минуту› отправил сундук свой и весь багаж на другой[2] съехал совершенно внезапно на другую квартиру, повытчика перестал звать папенькой и не целовал больше в руку, о невесте и свадьбе и не заикался. Однако ж, встречаясь с ним, жал всегда руку и просил к себе на чай, так что старый повытчик, несмотря на вечную неподвижность своего лица, всякой раз встряхивал головой и произносил себе под нос: «Надул, надул, чортов сын».

Это был самый трудный порог, через который переступил герой наш. С этих пор пошло легче и успешней.[3] Все невольно обратили на него внимание.[4] Такой искательности,[5] знанья в обращении со всяким ни в ком не было видимо. Всё соединилось вместе — и приятность в лице и в поступках, и способность в деловых делах. В непродолжительное время[6] очутилось у него то, что называют наживное местечко, и воспользовался он им[7] отличным образом. Нужно знать, что тогда объявлены, начались преследованья взятков. Но этого он ничуть не смутился, напротив,[8] поворотил тот же час их в свою пользу и выказал таким ‹образом› в полной форме русскую изобретательность,[9] которая и является именно во время всяких прижимок.[10] Являлся проситель и засовывал руку в карман с тем, чтобы вынуть оттуда известные рекомендательные письма за подписью князя Хованского, как выражаются [остряки] на Руси. «Нет, нет», говорил он ту ж минуту, придерживая ‹*1 нрзб.*› ему и с приятной улыбкой: «Вы думаете, что я... Нет, нет, это наш долг, наша обязанность. Мы должны это сделать без всяких вознаграждений.[11] В этом будьте покойны, завтра же

---

[1] И в непродолжительном [2] *Пропуск в рукописи.* [3] С этих пор всё было легче и пошло успешней. [4] *Вместо* «все ∾ внимание»: Никак нельзя было, чтобы не обратить на него внимания. В самом деле [5] *Далее начато:* приятности в обращении, умения [6] *Далее начато: а.* он выискал себе; *б.* достал [7] местечко, которым он воспользовался [8] напротив даже [9] *Далее начато:* во время прижимок оказывающуюся [10] *Далее начато:* Если проситель [11] *Далее начато:* Ничего

всё будет сделано. Позвольте узнать вашу квартиру, вам и заботиться не нужно, всё будет принесено к вам на дом». Очарованный проситель возвращался чуть не в восторге домой, думал в себе: «Вот наконец человек, каких нужно. Это просто драгоценный алмаз». Но ждет он день, другой — не приносят дела на дом, на третий тоже. Он в канцелярию, — дело и не начиналось. «Ах, извините», говорил Чичиков, учтиво ухватив его за обе руки: «у нас столько было дел, но завтра же всё будет сделано». И всё это сопровождалось движеньями обворожительными. Если при этом распахива‹лась› [1] Но ни завтра, ни послезавтра не несут дела. Проситель берется ‹*1 нрзб.*› узнать. Говорят: «Нужно дать писарям». — «Почему ж не дать? Я готов четвертак, другой». — «Нет, не четвертак, а по беленькой». — «По беленькой писарям!» вскрикивает проситель. — «Да чего вы горячитесь?» отвечают: «оно так и выйдет: писарям и достанется по четвертаку, а остальное пойдет по начальству». Бьет себя по лбу недогадливый проситель и бранит, на чем свет стоит, новый порядок, преследованье взятков и [2] вежливый облагороженный тон нынешних чиновников. «Прежде было — знаешь: принес правителю дел красную, да и дело, а теперь по беленькой, да еще неделю провозишься, пока догадаешься. Чорт бы побрал вежливое и бескорыстное обращение Чичикова!» [3]

Конечно проситель прав. Но зато теперь нет взяточников: все правители честнейшие и благороднейшие люди, секретари [только] мошенники. Скоро представилось Чичикову новое поле: образовалась комиссия для построения очень капитального казенного строения. В эту комиссию пристроился тот же час Чичиков и оказался одним из деятельных членов. Комиссия тот же час принялась за дело, возилась, возилась, шесть лет возилась; но климат ли мешал, или материял был такой, только никак казенное здание не пошло [4] дальше фундамента; а между тем у каждого из чле-

---

[1] *Далее в рукописи пропуск.* [2] *Далее начато:* благородный тон нынешн‹их› [3] *Далее начато:* Так [4] только никаким образом не пошло казенное здание

нов очутилось по красивому дому гражданской архитектуры в разных концах города; видно,[1] грунт земли в тех местах был лучше.[2] Чичиков завелся рысаками. Оказалось,[3] что он вовсе не чужд был наслаждений, что был охотник и покушать и даже покутить и поиграть, хоть от всего этого удержался в молодые годы, благодаря непостижимой власти[4] характера и воли, решившись на пожертвования и на ограничения, чтобы достигнуть вернее искомой возможности.[5] Чиновники начинали уже благоденствовать и многие заводили семейство, как вдруг, будто снег на голову, прислан был новый начальник на место старого, которому дали названье тюфяка.[6] Новый начальник был человек военный, строгий, прямодушный в душе, враг взяточников и всего, что зовется на свете неправдой. Пугнул тот же час всех, потребовал отчеты, увидел недочеты, недостающие на всяком шагу, заметил в ту же минуту дома красивой гражданской архитектуры, и пошла переборка.[7] Члены попали подсуд; дома поступили в казну и обращены были на

---

[1] *Далее начато:* был там [2] *Далее было:* Многие из членов начали уже заводиться семействами. [3] *Далее начато:* множество прихотей, оказалось, что любил и покушать [4] от всего этого удержался необыкновенной властию [5] решившись на самоотвержение невозможное, с тем, чтобы верней и скорее достигнуть возможности. [6] *К этому тексту имеется еще один набросок на отдельном листке:* Чиновники стали благоденствовать, и Чичиков <*1 нрзб.*> помалу стал, наконец, развертываться и свергать с себя иго поста и воздержания и ограничения в узах, которые он строго <*1 нрзб.*>. Оказалось, <*далее нрзб.*> наконец, мало-помалу, что он вовсе был не чужд разных маленьких наслаждений жизни и воздерживался только силою необыкновенного характера, умевшего отказывать себе в них в лета пылкие. Уж в доме его явились, хотя скромно, кое-какие излишества; уже завел он повара; уже тонкие рубашки голландские, уже на фрак себе он купил сукно, какого не носила вся губерния, и с этих пор стал держаться более коричневых цветов с искрой. Уже по утрам стал вытираться мокрою губкою, окунутою в воду, смешанную с одеколоном, и покупалось довольно недешево мыло для сообщения гладкости коже. Уже оказалось, что нервы в нем [сделались] были гораздо чувствительнее всякой институтки <?>. Уже проезжался он на паре добрых коней, и сам придерживал возжу, заставляя виться пристяжную кольцом, как вдруг [7] *Далее начато:* Чиновники

богоугодные заведения и школы для кантонистов. Над чиновниками тут же произведено было следствие по всей строгости законов; всё было распушено. Чиновники были отставлены с предписанием не принимать ни в какую службу, и несчастие, почему, бог знает, обрушилось более всего на Чичикова. Не понравилась ли его физиогномия или что другое, бог ведает, словом, всё было страшно и всему задана была ‹*1 нрзб.*›. Но вообще на всех был наведен страх необыкновенный, всё было распушено. Но так ‹как› начальник все-таки был военный, гражданских всех проделок не ведал, то в скором времени вошли[1] к нему в милость новые чиновники, в миг постигшие его характер. Всё, что ни было под его начальством, сделалось вдруг страшными гонителями неправды. Везде, во всех углах, преследовали,[2] как рыбаки, они неправды и преследовали с таким успехом, что у иных оказалось по несколько десятков тысяч капиталу. Генерáл радовался, что выбрал наконец чиновников, как следует, хвастался прозорливостью и тонким уменьем различать людей. В это время обратились на путь истины многие даже из прежних чиновников и были приняты в службу. Но Чичиков никак не мог попасть, как ни старался за него умный и ловкий секретарь, постигший в миг[3] водить за нос правдивого генерала, но ничего не мог сделать. У генерала были такие предметы, которые, как гвоздь, заседали, и уж никакими силами нельзя было оттуда их вытеребить. Всё, что можно было сделать для Чичикова при всех задабриваньях, было уничтожение замаранного послужного ‹списка›, и то уж было сделано как-то из уважения к несчастному семейству Чичикова, которого, к счастью, у него не было.

«Ну, что ж»,[4] сказал наш герой, встряхнувшись, как пудель, которого облили водою: «зацепил, поволок, сорвалось — не спрашивай. Не плакать же: этим рубля не добудешь,[5] этим горю не пособишь». И вот он вновь начал с начала карьер;[6] вновь вооружился терпеньем [железным],

---

[1] *Над строкой надписано:* стали [2] *Далее начато:* они с рвеньем необыкновенным. До того преследовали, что у каждого [3] в одну минуту [4] *Далее было:* зацепил, поволок, сорвалось — не спрашивай. [5] *Далее начато:* нужно дело делать [6] начал дело

вновь ограничил себя во всем,[1] как ни распустился было прежде, но как-то ‹*1 нрзб.*› неудачно клеилось дело.[2] Вновь начал вести бедную жизнь, отказывая себе в малейшей безделице. С трудом определился куды‹-то› и должен был опять переменить. Хотя, казалось, он был довольно тверд духом, но все однако ж эти несчастья имели на него влияние: он похудел. То было уже приобретал те полные и хорошие формы, в каких читатель его нашел ныне при заключении с ним знакомства, и не раз, поглядывая в зеркало, он уже подумывал бывало о многом приятном: о бабенке, о детской. Но теперь, как взглянул он на себя в зеркало, не вытерпел не сказать: «Пресвятая мать, какой же я стал гадкой!» Но нужно было крепиться духом, и Чичиков бодро всё сносил, сносил сильно и перешел[3] наконец в таможенную службу. Нужно знать, что эта служба давно составляла тайный предмет его желаний. Он видел, какими заграничными[4] вещицами заводились господа таможенные и какие фарфоры и батисты пересылали кумушкам и сестрам. Не раз говорил он со вздохом: «Вот бы куда перебраться: и граница близко, и просвещенные люди.[5] А какими тончайшими рубашками мо‹жно?›[6] Надобно заметить, что герой наш — большой любитель чистоты и опрятности и высоко уважал особенный сорт французского мыла,[7] названия которого не припомним, который сообщал необыкновенную белизну коже и свежесть и который на границе очень легко было достать. Итак, он давно бы перешел в таможню, но тогда[8] отвлекали выгоды по строительной комиссии, и он судил справедливо, что комиссия все-таки была уже синица в руках, а таможня — журавль в небе. Теперь же он решился, во что бы то ни стало, добраться до таможни, и добрался.

---

[1] *Далее начато:* облекся ‹*1 нрзб.*› [2] *Далее начато:* Несколько мест уже переменил, видя, что [3] Чичиков перенес бодро и перешел [4] какими славными [5] *Далее было:* Кроме главных доходов, ему приходили очень часто на мысль тонкие голландские рубашки (он очень любил чистоту) и особенный сорт французского мыла, сообщавший необыкновенную белизну коже и свежесть щекам. [6] *Фраза не дописана.* [7] и давал большую цену особенному французскому мылу [8] *Далее начато:* были другие

К ГЛАВЕ XI

Пист Пистович был характера самого кроткого, какой только когда-либо был видыван на свете: жизнь свою он провел в беспрестанном хождении по своей комнате в халате,[1] курении трубки и в постоянном размышлении об одном предмете, впрочем [несколько], именно: почему зверь[2] родится зверем, нагишом, а не так, как птица, вылупливаясь из яйца. Феопист Пистович был, напротив, то что называется по-русски, богатырь и плечистая натура: поминутно оказывал расположение разгуляться: кого-нибудь да прибьет.[3] В доме всё, начиная от ключницы до собаки, бежало, издали завидев. Он даже собственную кровать изломал.[4] ‹Да›, говаривал[5] всегда Пист Пистович, когда доходили до него жалобы на его сына: «Нужно бы, нужно бы пожурить Феописта Пистовича. Да ведь сделать-то как это? Наедине-то его не пристыдишь, а при другом-третьем человеке скажешь — весь город узнает. Нет, уж пусть лучше [так его и] остается собакой; ведь не он же один: у Степана Прохорыча похуже сынишка». И довольный тем отец отправлялся вновь по комнате рассуждать об рождении зверя, натурально с какими-нибудь новыми мнениями, например: а любопытно, что если бы слон, например, родился в яйце?[6] Какой толщины нужно, чтобы была скорлупа; должно быть, толста, пушкой вряд ее прошибешь.[7] Так протекала жизнь двух этих обитателей, конечно, полезная, потому что подслужилась[8] теперь автору ответить на мудрое обвинение, которое, без сомнения, произнесут кое-какие патриоты.[9]

К ГЛАВЕ XI

Но эти упреки[10] только наружны, не из души вашей они произошли. Другое под ними скрыто.[11] Я скажу его вам. Кто же, как не автор должен сказать слово[12] правды

---

[1] *Над строкой записано:* он вел большей частью ‹в› халате [2] *Далее начато:* не так [3] *Над строкой записано несколько слов, не разобранных.* [4] Он даже изломал в куски собственную кровать. [5] *Далее начато:* батюшка [6] слон, например, вылезал из яйца [7] *Вместо* «должно быть ∾ прошибешь»: ведь, я думаю, пулей вряд ее можно будет прошибить. [8] потому что прислужилась [9] *На полях:* у кого-нибудь трещит, или кто-нибудь с болдырем явится [10] Но эти вопросы [11] Другое кроется под ними. [12] сказать вам слово

Эх, тройка, птица-тройка, кто выдумал ‹тебя›?[1] Ты могла родиться, знать, только в той земле, что не любит шутить, а ровнем гладнем разметнулась,[2] да и поди считай версты. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным винтом, а наскоро топором ‹*2 нрзб.*› Не в немецких ботфортах ямщик. борода да тулуп, да рукавицы, и сидит чорт знает на чем. А взмахнул кнутом, да затянул: «Эх ты, головушка победная›. Рванулись вихрем кони, спицы смешались в колесах в один гладкий круг, пыль пошла по обеим сторонам. Вон она вдали [ступай] понеслась, понеслась, понеслась. Батюшки мои... Не так ли и ты, Русь, что бойкая, необгонимая тройка, несешься? Вихрем[3] дымится под тобою дорога,[4] гремят мосты, всё отстает и остается п‹озади?›. Эх, кони, кони, ‹что› за кони, какие вихри сидят в ваших гривах?[5] Как будто чуют лихую песню: напрягли дружно и разом медные груди,[6] пустились, и богатырский огонь летит из ноздрей — и понесли... Что перед[7] вами версты, ‹*1 нрзб.*› назад бегут они. И вот она понеслась, и только вскрикнул остановившийся по дороге пешеход, поднявши шапку. Русь, куда несешься ты? Не слышит, махнула рукой только

К ГЛАВЕ XI

Эх, тройка, птица-тройка, знать у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что ‹*1 нрзб.*›, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит в очах. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд: не железным схвачен винтом, а наскоро, живьем отработал тебя с одним топором в руках ярославской бойкой мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода, да тулуп, да рука‹вицы› и сидит чорт знает на чем, а привстал да замахнулся, да затянул песню — кони вихрем, спицы в колесах смешались в один круг. Только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге

---

[1] *Далее было:* Бойкой народ мог только выдумать тебя [2] а ровнем раскинулась на сорок сороков [3] *Далее начато:* пыль только как птица, как мысль [4] *Далее начато:* Эх, кони, кони, что за кони [5] *Вместо* какие ∾ гривах»: каким вихрем взметнули несплетенные гривы [6] *Далее начато:* прыщут [7] *Далее было:* ‹*1 нрзб.*› верст. Неслыхано

остановившийся пешеход, и вот понеслась, понеслась, понеслась. Вот это она вдали пылит и сверлит воздух. Не так ли и ты, Русь, что бойкая, необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобой дорога, гремят мосты, всё отстает и остается назади. Стоит‹?› глядит со страхом пораженный божьим чудом пешеход, не молния ли это, сброшенная с неба? Что значит это наводящее ужас движение и что это невиданное[1] Эх, кони, кони, что за кони. Вихри сидят в ваших гривах. Чуткое ухо слышит в каждом ‹*2 нрзб.*› заслышали с вышины знакомой разом и дружно напряглися ваши медные груди и, почти не тронув копытами земли, летите, обратившись в одно мгновение. Вся мчится она, вдохновенная Русь ‹*2 нрзб.*› Дай же ответ, куда несешься. Не даешь

‹РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГЕРОЯХ «МЕРТВЫХ ДУШ»›

Он даже и не задал[2] себе запроса, зачем эти люди попали ему на глаза, как вообще все мы никогда не спрашиваем себя, зачем нас окружили такие-то обстоятельства, а не другие, зачем вокруг нас стали такие-то люди, а не другие, тогда как ни малейшее событие в жизни[3] не произошло даром, и всё вокруг в наше наученье и вразумление. Но слова, что свет есть[4] живая книга, повторяются нами уж как-то особенно бестолково и глупо,[5] так что невольно хочешь сказать даже дурака тому, кто это произносит. Он даже и не задумался над тем, от чего это так, что Манилов, по природе добрый, даже благородный, бесплодно прожил[6] в деревне, ни на грош никому не доставил пользы,[7] опошлел, сделался приторным своею доб‹ротою›, а плут Собакевич, уж вовсе не благородный по духу и чувствам, однако ж не разорил мужиков, не допустил их быть ни пьяницами, ни праздношатайками. И отчего коллежская регистраторша[8] Коробочка, не читавшая и книг никаких, кроме часослова, да и то еще с грехом пополам, не выучась никаким изящным искусствам, кроме разве гадания на картах, умела, однако ж, наполнить

---

[1] *Фраза не закончена.* [2] и не сделал [3] тогда как ничто в мире [4] что есть свет [5] повторяются бестолково и глупо нашими устами [6] без пользы прожил [7] ни на грош не доставил пользы никому, [8] коллежская секретарша

рублевиками сундучки и коробочки[1] и сделать это ‹так›, что порядок, какой он там себе ни был, на деревне все-таки уцелел: души в ломбард не заложены, а церковь [на селе] хоть и не [очень] богатая была, [однако же] поддержана, и правились и заутрени и обедни исправно, — тогда как иные, живущие по столицам, даже и генералы по чину, [и] образованные и начитанные, и тонкого вкуса и примерно человеколю‹бивые?›, беспрестанно заводящие всякие филантропические заведения, требуют, однако ж, от своих управителей всё денег, не принимая никаких извинений, что голод и неурожай, — и все крестьяне[2] заложены в ломбард и перезаложены, и во все магазины до единого и всем ростовщикам до последнего в городе должны. Отчего это так, над этим Чичиков не задумался, так же, как и многие жители просвещенных городов, которые обыкновенно любят в этом случае повторить известное изречение: «Трудно даже и поверить, какие у нас живут оригиналы во многих губерниях и уездах...» [Все] помещики вылетели из головы Чичикова, даже и сам Ноздрев. Он позабыл то, что наступил ему тот роковой возраст жизни,[3] когда всё становится ленивей в человеке, когда нужно его будить, будить, чтоб не заснул навеки. Он не чувствовал того, что еще не так страшно ‹для?› молодого ретивый пыл юности, гибкость не успевшей застыть и окрепнуть природы,[4] бурлят и не дают мельчать чувствам, — как начинающему стареть, которого нечувствительно обхватывают совсем почти незаметно пошлые привычки света, условия, приличия без дела движущегося общества, которые до того, наконец, все‹го› опутают и облекут человека, что и не останется в нем его самого, а куча только одних принадлежащих свету условий и привычек.[5] А как попробуешь добраться до души, ее уж и нет. Окременевший кусок и весь [уже] превратившийся человек в страшного Плюшкина, у которого если

---

[1] *Далее начато: а.* и сделаться; *б.* и сделать это без всяких отягощений мужикам, которые взносили ей все те же деньги [2] и все души [3] Он позабыл то, что приближался сам к [пятому] [лет] другой половине жизни [4] Он даже и не знал того, что молодого еще кое-как спасет пылкое ретивое чувство юности, еще гибкая неуспевшая застыть природа [5] *Далее начато:* До души

и выпорхнет иногда что похожее на чувство, то это похоже на последнее усилие утопающего человека.

‹ЗАМЕТКИ› К 1-й ЧАСТИ

Идея города. Возникшая до высшей степени Пустота. Пустословие. Сплетни, перешедшие пределы, как всё это возникло из безделья и приняло выражение смешного в высшей степени. Как люди неглупые доходят до делания совершенных глупостей.

Частности в разговорах дам. Как к общим сплетням примешиваются частные сплетни, как в них не щадят одна другую. Как созидаются соображения, как эти соображения восходят до верха смешного. Как все невольно занимаются сплетнями, и какого рода бабичи и юпки образуются.

Как пустота и бессильная праздность жизни сменяются мутною, ничего не говорящею смертью. Как это страшное событие совершается бессмысленно. Не трогаются. Смерть поражает нетрогающийся мир. — Еще сильнее между тем должна представиться читателю мертвая бесчувственность жизни.

Проходит страшная мгла жизни, и еще глубокая сокрыта в том тайна. Не ужасное ли это явление? Жизнь бунтующая, праздная — не страшно ли великое она явленье. ‹*3 нрзб.*› жизнь. Плечи при бальном с ‹*1 нрзб.*›, при фраках, [при] сплетнях и визитных билетах никто не признает ‹?› ‹*1 нрзб.*›.

Частности. Дамы ссорятся именно из-за того, что одной хочется, чтобы Чичиков был тем-то, другой — тем-то, и потому принимает только те слухи, которые сообразны с ее идеями.

Явление других дам на сцену.

Дама приятная во всех отношениях имеет чувственные наклонности и любит рассказывать, как она иногда побеждала чувственные наклонности, и посредством ума своего, и чем умела не допустить до слишком коротких с нею изъяснений... Впрочем, это случилось само собою, очень невинным образом. До коротких объяснений никто не доходил уже [и] потому, что она и в молодости своей имела что-то похожее на будочника, несмотря на все свои приятности и хорошие качества.

«Нет, милая, я люблю, понимаете, сначала мужчину приблизить и потом удалить; удалить и потом приблизить». Таким же образом она поступает и на бале с Чичиковым. У других тоже состроиваются идеи, как себя вести. Одна почтительна. Две дамы, взявшись под руки, ходили и решили хохотать, как можно дольше. Потом нашли, что совсем у Чичикова нет манер и восп‹итания?› хороших.

Дама приятная во всех отношениях любила читать всякие описания балов. Описание венского конгресса ее очень занимает. Туалет любила дама, то есть, замечать на других, что на ком хорошо и что не хорошо.

Сидя рассматривают входящих. «Н‹адворная› совет‹ница› не умеет одеваться, совсем не умеет. Этот шарф так ей не идет. . .» «Как хорошо одета губернаторская дочка *‹2 нрзб.›*» — «Милая, она так гадко одета». «Уж если и так [ну] *‹1 нрзб.›*

— Весь город со всем вихрем сплетней — преобразование бездельности жизни всего человечества в массе. Рожден бал и все соединения. Сторона главная и бальная общества.

Противуположное ему преобразование во II ‹части?›, занятой разорванным бездельем.

Как низвести все мира безделья во всех родах до сходства с городским бездельем? и как городское безделье возвести до преобразования безделья мира?

Для ‹этого?› включить все сходства и внести постепенный ход.

ВАРИАНТЫ

Стр. 7

1 *Вместо* «города NN»: города М $РК_{II}$

2 «в какой» *РК*, *МД*; *РП*, *РЦ* — в коей

2 *Вместо* «ездят»: обыкновенно ездят *РК*

8 *Вместо* «не произвел в городе совершенно никакого шума»: не сделал совершенно никакого шума в городе $РК_{II}$

9 *Вместо* «ничем особенным»: никакими особенными обстоятельствами $РК_{II}$

11 *Вместо* «относившиеся впрочем более к экипажу, чем»: которые по обыкновению относились более к экипажу, нежели $РК_{II}$

16 *Вместо* «Да еще когда»: Да когда еще $РК_{II}$

17 *Вместо* «подъехала»: подъезжала *РК*

18 *Вместо* «весьма ~ во фраке»: в несколько узком фраке *РК*, $РП_{II}$

19 *Вместо* «с покушеньями на моду»: с чрезвычайно узенькими фалдами $РК_{II}$

22 *Вместо* «картуз»: картуз свой *РК*, $РП_{II}$

Стр. 8

1 *Вместо* «въехал»: взъехал *РК*

3 *Вместо* «живым ~ именно такая»: Этот половой был что-то такое живое, что даже весьма трудно было в первую минуту заметить лицо его. Он был весь длинен, как вьюн, и в таком же длинном демикотонном сертуке со спинкою чуть чуть не на шее. Он вышел с салфеткой на руке и, встряхнувши волосами, повел проворно господина наверх по так называемой деревянной галдарее показывать ему его аппартамент. Гостиница была такого же самого рода, как $РК_{II}$; *РК а. Начато:* существом до такой степени

12 *Вместо* «выглядывающими ~ сосед»: величиной в ржаной хлеб, какой солдаты носят на палках, и дверью в соседнюю комнату, заставленную комодом, за которою обыкновенно помещается сосед $РК_{II}$

14 *Вместо* «где устраивается»: за которою всегда помещается *РК*, $РП_{п}$; *РП* — где [почти всегда] и устраивается

16 *Вместо* «отвечал ~ этажа»: тоже не обещал очень много: он был довольно длинен, в два яруса $РК_{п}$

18 *Вместо* «еще более ~ выкрашен»: изрядно почерневших и грязноватых. Верх был покрыт $РК_{п}$

24 *Вместо* «можно бы подумать»: весьма можно было предполагать $РК_{п}$

27 «осматривал» *РП*, *РЦ*, *МД*; *РК* — обсматривал

28 «прежде всего» $РК_{п}$, *МД*; *РК* *эти слова зачеркнуты*; *РП*, *РЦ* *их нет*

29 *Вместо* «несколько поистасканный»: впрочем довольно потемневший $РК_{п}$; *РК*, $РП_{п}$ — несколько поиздержанный

29 *Вместо* «что был»: что господин был $РК_{п}$

30 *Вместо* «кучер»: кучер его *РК*

31 *Вместо* «просторном»: просторном, но $РК_{п}$

32 *Вместо* «малый немного суровый»: несколько суровый $РК_{п}$

33 *Вместо* «очень»: весьма *РК*, $РП_{п}$

34 *Вместо* «красного ~ березы»: портфель зеленого сафьяна $РК_{п}$

Стр. 9

2 *Вместо* «притащить ~ туалетом»: принесть свою шинель, имевшую какой-то странный и особенный свой запах и мешок с разным туалетом [имевший], имевшим тот же запах, так что ему нечего было и надписывать на них своего имени, ибо, вероятно, в случае пропажи всякий нашедший их принес бы прямо к нему в руки, потому что и в сертуке его был слышен тот же запах $РК_{п}$

5 «трехногую» *МД*; $МД_{2}$ — треногую

5 *Вместо* «небольшим ~ вытребовать»: какой-то потемневшей лепешкой, называемой тюфяком, [которую] который удалось ему выпросить $РК_{п}$

6 «убитым и» *нет РК*

6 *Вместо* «может быть ~ блин»: со всеми прочими свойствами блина *РК*, $РП_{п}$

9 *Вместо* «Покамест ~ отправился»: В то время, когда устроивались и хлопотали слуги, господин давно уже приказал себя проводить $РК_{п}$

11 *Вместо* «знает очень хорошо»: очень хорошо знает $РК_{п}$

13 *Вместо* «залосненные снизу спинами»: залоснившиеся внизу от спин $РК_{п}$

13 *Вместо* «а еще ~ купеческими»: и туземных купеческих $РК_{п}$

15 *Вместо* «сам-шест ~ потолок»: в немалом количестве пить чай;

15 *Вместо* «известную»: заповедную *РК*

16 *Вместо* «закопченный»: отчасти копченый $РК_{п}$

25 *После* «картинах»: писанных масляными красками $РК_{п}$

26 *Вместо* «иной ~ нашими»: может быть иногда и нашими же $РК_п$

27 *Вместо* «накупившими»: купившими *РК*

36 «неделей» *МД*; $МД_2$ — недель

37 *Вместо* «пулярку жареную»: пулярка жареная *РК*, *РП*, *РЦ*, $МД_2$

Стр. 10

2 *Вместо* «заставил»: заставил между тем $РК_п$

6 *Вместо* «Как ~ много»: Есть много $РК_п$

9 *Вместо* «а иногда ~ пошутить»: и пошутить $РК_п$; *РК*, $РП_п$ — а иногда даже весьма забавно пошутить

18 *Вместо* «расспросил»: расспросил весьма *РК*

18 «каких-нибудь» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — каких-либо

19 «так обстоятельно» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — так

23 «труба» *РК*, *МД*; *РП*, *РЦ* — трубка

36 *Вместо* «Коллежский советник»: Надворный советник $РК_п$

Стр. 11

2 *Вместо* «удовлетворен»: совершенно удовлетворен *РК*, $РП_п$

4 *Вместо* «и ~ серая»: и серая $РК_п$

9 *Вместо* «более движения народа и живости»: движения, живости и народу $РК_п$; *РП* — движения, народа, живости; *РЦ* — движения народа, живости

13 *Вместо* «Василий Федоров»: Рохманов $РК_п$

14 *Вместо* «игроками»: игравшими *РК*, *РП*, *РЦ*

14 *Вместо* «во фраках, в какие»: во фраках какого-то покроя, как $РК_п$

16 *Вместо* «Игроки»: Óни $РК_п$; *РК*, *РП*, *РЦ* — игрáвшие

17 *Вместо* «несколько ~ ногами»: вывороченными руками и ногами $РК_п$

17 «косыми» *нет РК*

19 *Вместо* «написано»: подписано *РК*

19 *Вместо* «просто»: прямо *РК*, $РП_п$

19 «стояли» *нет* $РК_п$

20 *Вместо* «похожими на мыло»: имевшими вкус мыла $РК_п$

22 *Вместо* «заметно было»: заметил *РК*

22 *Вместо* «двуглавых государственных орлов»: государственных двуглавых гербов $РК_п$; *РК* — двуглавых государственных гербов

23 «уже» *нет* $РК_п$

24 *Вместо* «была»: была отчасти $РК_п$

28 *Вместо* «хотя эти деревца»: несмотря на то, что они $РК_п$

30 *Вместо* «правителя»: правителя губернии $РК_п$

35 *Вместо* «господину градоначальнику»: доброму начальнику $РК_п$; *РК* — [г. гражданскому] господину градоначальнику

Стр. 12

9 *Вместо* «стал ~ глаз : прищуря немного правый глаз, занялся чтением $РК_п$

10 *Вместо* «Впрочем ~ афишке»: Из афиши узнал он, что $РК_п$

10 *Вместо* «немного было»: было немного *РК*

11 «Ролла» *МД*; *РК*, *РП* — Рола; *РЦ* — Роала; $МД_2$ — Роллу

12 «Поплёвин» *РК*, *РП*, *РЦ*; *МД* — Повлевин

12 *Вместо* «прочие ~ была»: Множество еще начитал он разных других лиц, впрочем, не очень интересных, и когда добрался до цены партера и разобрал внизу афиши, что $РК_п$

15 *Вместо* «потом переворотил»: переворотил $РК_п$

17 *Вместо* «свернул»: свернул ее *РК*

19 *Вместо* «День ~ государства»: Как был заключен этот день, неизвестно. Холодная ли телятина его увенчала с бутылкою кислых щей, или целый ужин, только он, по крайней мере, заснул весьма крепко $РК_п$

20 *Вместо* «завертку»: [прихрапку] захрапку *РК*

21 *Вместо* «обширного»: обширного [российского] русского *РК*

23 *Вместо* «посвящен ~ сановникам»: приезжий посвятил на обозрение внутренней стороны города, другими словами, отправился делать визиты всем сановникам $РК_п$

24 «городским» *нет РК и РП*

25 *Вместо* «как ~ Чичикову»: оказалось, так же как и Чичиков $РК_п$

32 *Вместо* «но довольно»: довольно $РК_п$

32 *Вместо* «сказать»: сказать то *РК*, $РП_п$

36 *Вместо* «кому ~ визит»: к кому бы еще заехать сделать визит $РК_п$

37 «чиновников» *РП*, *РЦ*, *МД*; *РК* — чиновника

Стр. 13

3 *Вместо* «назначают»: выбирают $РК_п$; *РК* — выбирающие

3 *Вместо* «достойны»: всегда достойны $РК_п$

13 *Вместо* «говорил»: и говорил *РК*, $РП_п$

13 *Вместо* «какими-то»: как-то *РК*, *РП*, *РЦ*

13 *Вместо* «с заметною»: и с заметною *РК*, $РП_п$

14 «и разговор ~ обороты» *нет РК*, $РП_п$

16 *Вместо* «испытал»: испытал он *РК*

17 *Вместо* «на службе»: по службе *РК*, $РП_п$

24 *Вместо* «Приготовление ~ видывано»: В небольшой комнате гостиницы происходили приготовления к этой вечеринке почти в продолжении трех часов и в приезжем господине оказалась особенная внимательность к туалету. $РК_п$

24 *Вместо* «Приготовление ~ времени»: Приготовления к этой вечеринке заняли слишком три часа. *РК*; $РП_п$ — Приготовление ~ слишком два часа

30 *Вместо* «фыркнув»: фыркнул *РК*, $РП_п$

33 *Вместо* «волоска»: волоса *РК*, $РП_п$

Стр. 14

7 *Вместо* «дети ~ собравшись»: дети все столпились *РК*

18 *Вместо* «потереть»: потереть себе *РК*

19 *Вместо* «повернуться»: взглянуть, повернуться $РК_{п}$

21 *Абзац РК*

28 *Вместо* «Многие дамы»: Дамы многие *РК*, *РП*, *РЦ*

33 «весьма чисто обдуманно» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — весьма обдуманно

34 *Вместо* «благовидные ~ лиц»: очень благовидные овалы $РК_{п}$; *РК* — благовидные, весьма гладко выбритые лица

36 *После* «в Петербурге»: смешат; иные даже заказывали себе фраки в Петербурге *РК*, *РП*, *РЦ*

Стр. 15

4 *Вместо* «они на голове»: на голове они *РК*

7 «или прилизаны» *МД*; *РК*, *РП*, *РЦ* — или приглажены и прилизаны

10 «особенным поручениям» *МД*; $МД_{2}$ — особым поручениям

11 *Вместо* «только числятся»: числятся только *РК*

12 *Вместо* «слишком ~ совсем»: очень эфирно, как-то $РК_{п}$

14 *Вместо* «сядут ~ крепко»: сядут на нем, так сядут крепко $РК_{п}$; *РП*, *РЦ* — сядут на нем, то сядут надежно и крепко

15 «затрещит и» *нет* $РК_{п}$

24 *Вместо* «и живет, и»: и, как выражаются у нас общим выражением, *РК*

32 «так ~ скажу» *нет РК*

34 «низенького человека, но» *нет РК*

35 *Вместо* «председателя ~ человека»: председателя палаты $РК_{п}$; председателя палаты очень рассудительного *РК*

38 *Вместо* «познакомился он»: познакомился *РК*

Стр. 16

7 *Вместо* «предаются занятию дельному»: принимаются за сурьезное дело $РК_{п}$; *в РК намечено карандашом исправление:* дело степенное

7 *Вместо* «Хотя почтмейстер»: Почтмейстер, который, казалось, $РК_{п}$

13 *Вместо* «если»: а если *РК*

14 *Вместо* «приговаривал»: потом говорил *РК*

15 *Вместо* «выражения: «А! была не была»: восклицания $РК_{п}$

16 «или же просто восклицания» *нет* $РК_{п}$

17 *Вместо* «черви»: черва *РК*

18 *Вместо* «и даже»: даже $РК_{п}$

21 *Вместо* «также спорил»: спорил тоже $РК_{п}$; *РК*, *РП* — тоже спорил

28 *Вместо* «Внимание»: Скоро внимание *РК*, $РП_{п}$

33 *Вместо* «расспросил ~ душ»: расспросил он, сколько у них душ *РК*; *РП*, *РЦ* — расспросил сколько у него душ

38 *Вместо* «щуривший»: жмуривший *РК*, $РП_{п}$

38 *Вместо* «когда»: как *РК*, $РП_{п}$

Стр. 17.

1 *Вместо* «просил»: просил его очень *РК*

2 *Вместо* «деревню»: его деревню *РК*

3 *Вместо* «было только»: всего только *РК*, $РП_{п}$

6 *Вместо* «почтет за священнейший»: почтет это за [самый] священнейший

10 *Вместо* «особливо ~ богатыри»: тем более, что богатырское время давно, как кажется, миновалось $РК_{п}$

10 *Вместо* «начинают»: начинают уже *РК*

29 *Вместо* «заснуть»: засыпать *РК*, *РП*, *РЦ*

30 *Вместо* «опытного светского»: опытного и светского *РК*

Стр. 18

3 «будто бы сам» *РК*, *МД*; будто бы и сам *РП*, *РЦ*

3 *Вместо* «и чиновником»: чиновником *РЦ*

4 *Вместо* «степенностью»: солидностию *РК*

5 *Вместо* «а совершенно»: и совершенно *РК*, *РП*, *РЦ*

7 *Вместо* «чиновники»: чиновники города *РК*

9 *Вместо* «он дельный»: он очень дельный *РК*

18 *Вместо* «коллежским»: надворным *РК*

25 «весь город» *РК*, *РП*, *РЦ*; *МД* — всего города

Стр. 19

6 *Вместо* «близшее к сердцу»: такое, которое было несравненно ближе к его сердцу *РК*, $РП_{п}$

9 *Вместо* «имеющую после раздвинуться»: и раздвинувшуюся потом $РК_{п}$; *РК*, *РП*, *РЦ* — имеющую потом раздвинуться

11 *Вместо* «рано поутру»: с раннего утра *РК*, $РП_{п}$

12 *Вместо* «Петрушке»: Петрушке же $РК_{п}$

14 *Вместо* «не лишним»: не лишнее $РК_{п}$

14 *Вместо* «сими»: этими $РК_{п}$

14 *Вместо* «крепостными»: крепостными человеками *РК*, $РП_{п}$

16 *Вместо* «или даже третьестепенные»: если даже не третьестепенные $РК_{п}$

17 *Вместо* «поэмы ~ утверждены»: нашего романа на них не утверждены $РК_{п}$

19 *Вместо* «и с этой стороны»: что ни есть в его поэме, и в этом отношении $РК_{п}$

20 *Вместо* «сам»: сам он $РК_{п}$

20 *Вместо* «хочет»: он хочет *РК*, $РП_{п}$

22 *Вместо* «потому ~ нужно»: ибо не много останется $РК_{п}$

Стр. 20

4 *После* «которых»: он впрочем вовсе $РК_{п}$; *РК*, $РП_{п}$ — он впрочем

5 *Вместо* «похождение ~ молитвенник»: похождение ли это какого-нибудь влюбленного героя, молитвенник или просто букварь $РК_{п}$;

РК, *РП*$_{II}$ — похождение ли влюбленного героя, молитвенник или просто букварь

12 *Вместо* «такого обстоятельства»: такого *РК*$_{II}$

13 *Вместо* «убитым и тоненьким»: убитым тоненьким *РК*, *РП*

13 *После* «лепешка»: Итак, оставаться ему где-нибудь одному вовсе не было скучно, напротив, даже поучительно. *РК*$_{II}$

15 *Вместо* «спать»: спать всегда *РК*, *РП*$_{II}$

17 *Вместо* «своего собственного запаха»: особенного запаха *РК*$_{II}$

17 *Вместо* «воздух своего собственного запаха, отзывавшийся»: воздух ~ запаха, отзывавшегося *РК*, *РП*$_{II}$

18 *Вместо* «пристроить ~ комнате»: пристроить свою кровать где-нибудь хоть в необитаемой дотоле комнате *РК*$_{II}$

20 *Вместо* «шинель»: свою шинель *РК*$_{II}$

22 *Вместо* «щекотливый ~ поутру»: деликатный, иной раз поутру на свежий нос потянувши к себе воздух *РК*, *РП*$_{II}$

24 *Вместо* «приговаривая»: и произносил *РК*$_{II}$

26 *Вместо* «старался»: а старался *РК*

28 *Вместо* «что-нибудь»: что-нибудь в комнате *РК*, *РП*$_{II}$

28 *Вместо* «Что думал он в то время»: Может быть он что-нибудь и думал в это время *РК*

31 *Вместо* «бог ведает»: бог знает *РК*

34 *Вместо* «был ~ человек»: напротив *РК*$_{II}$

34 *Вместо* «Но ~ совестится»: Но, признаться, автор очень совестится *РК*$_{II}$

35 *Вместо* «читателей ~ как неохотно»: крепостными людьми; лучше Селифана оставить на после. У нас читатели очень неохотно знакомятся *РК*$_{II}$

37 *Вместо* «Таков ~ одним»: Да и вообще у русского человека небольшая страсть познакомиться с человеком, который хотя бы одним *РК*$_{II}$

Стр. 21

1 *Вместо* «и шапошное ~ даже»: а уж никак не ниже. И приведи только ему судьба столкнуться где-нибудь с графом или князем, и говорить нечего: там просто рай. По этой-то самой причине автор очень *РК*$_{II}$

3 *Вместо* «коллежский советник»: надворный советник *РК*$_{II}$

3 *Вместо* «Надворные ~ к чинам»: Конечно, коллежские асессоры еще, может быть, решатся познакомиться с ним, но те, которые подбираются к чинам *РК*$_{II}$

7 *Вместо* «у ног ~ хуже»: у него под ногами, а может быть еще хуже *РК*$_{II}$

9 *Вместо* «Но как ~ возвратиться»: Как бы то ни было, но мы однако ж возвратимся *РК*$_{II}$

11 *Вместо* «проснувшись»: и проснувшись *РК*$_{II}$

13 *Вместо* «делалось только»: делал он всегда *РК*$_{II}$

13 *Вместо* «а в тот день случись»: а тогда было *РК*$_{и}$; *РК*, *РП*, *РЦ* — а в тот день случилось

14 *Вместо* «щеки»: щеки его *РП*$_{и}$

14 *Вместо* «щеки ~ лоска»: щеки его сделались гладки, нежны и залоснились как атлас *РК*$_{и}$

16 *Вместо* «потом»: сверх его *РК*$_{и}$

18 *Вместо* «трактирным»: бегавшим очень проворно трактирным *РК*$_{и}$

19 *После* «бричка»: которая с громом выехала из-под ворот *РК*$_{и}$

24 *Вместо* «был вдали узрет»: увидел Чичиков *РК*$_{и}$

27 *Вместо* «Чичиков»: он *РК*$_{и}$

28 *Вместо* «ушел назад город»: минул город *РК*$_{и}$

28 *Вместо* «как уже пошли»: как пошла *РК*$_{и}$; *РК*, *РП*$_{и}$ — как уже пошла

31 *После* «сосен»: [и] смешанные со всяким чапыжником *РК*; *в РП эта вставка ошибочно переписана так:* «сплетенные со всяким» *(слово* «чапыжник» *переписчик не разобрал). Гоголь все зачеркнул.*

31 «дикой вереск» *нет РК*

35 *Вместо* «висячих»: висящих *РК*

Стр. 22

5 *Вместо* «вряд ли ~ лад»: он бы был в немалом затруднении *РК*$_{и}$

8 *Вместо* «бывший ~ клином»: который был постарше и поумнее, а бороду носил клином *РК*$_{и}$

18 *Вместо* «Вот это тебе»: Вот это то *РК*; *РП* — Вот те

21 *Вместо* «Поехали отыскивать Маниловку»: Мужика не слушали и поехали отыскивать Маниловку *РК*$_{и}$

23 *Вместо* «четыре версты, кажется, сделали»: четыре версты пронеслись *РК*$_{и}$; *РК*, *РП*$_{и}$ — четыре версты [опять] пронеслись вновь мимо

24 *Вместо* «если»: когда *РК*$_{и}$

25 «то значит» *РЦ*, *МД*; *РК*, *РП* — то это значит

26 *Вместо* «верных тридцать»: верных 25 или же целых тридцать *РК*$_{и}$; *РК* — верных 25 [или же целых тридцать] [если даже не больше] тридцать [если даже не слишком] [с излишком] *(затем всё зачеркнуто, кроме:* тридцать*)*

27 «заманить» *МД*; *МД*$_{2}$ — занимать

28 *Вместо* «на юру, то-есть на возвышении»: на возвышении *РК*$_{и}$

29 *Вместо* «всем ~ подуть»: со всех сторон *РК*$_{и}$

31 *Вместо* «по английски»: по аглицки *РК*, *РП*, *РЦ*

33 *Вместо* «купами»: группами *РК*$_{и}$

33 *Вместо* «мелколистные»: узколистные *РК*$_{и}$

Стр. 23

5 *Вместо* «две бабы ~ перебранивались»: только разве три бабы, шлепавшие, стоя на деревянной жердочке, мокрым бельем по воде и перебранивавшиеся издалека между собою, да двое мальчишек,

которые, поднявши рубашонки[1] брели по пруду, разбрызгивая ногами воду, с таким спокойным видом, как будто занимались делом *РК*$_{п}$

8 *Вместо* «блестела»: блестела лыстью *РК*, *РП*$_{п}$

12 *Вместо* «весьма»: в это время очень *РК*$_{п}$

13 *Вместо* «бывает ~ мундирах»: бывает на мундирах *РК*$_{п}$

14 «этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням› *нет МД*; *РЦ — зачерк. ценз.*

18 *Вместо* «голова›: голова его *РК*$_{п}$, *МД*$_{2}$

21 *Вместо* «заметил ~ стоял›: заметил, что на крыльце стоял сам хозяин *РК*$_{п}$

24 *Вместо* «получше›: хорошенько *РК*$_{п}$

31 *Вместо* «переднюю и столовую»: переднюю, столовую *РК*, *РП*, *РЦ*

32 *Вместо* «попробуем»: попытаемся *РК*$_{п}$

32 *Вместо* «как-нибудь»: каким-нибудь *РК*$_{п}$

34 *Вместо* «подобное предприятие»: это *РК*$_{п}$

Стр. 24

8 *Вместо* «мог»: может *РК*, *РП*$_{п}$

10 *Вместо* «по словам пословицы›: как говорит пословица *РК*$_{п}$

11 *Вместо* «примкнуть»: присоединить *РК*$_{п}$

11 *Вместо* «На взгляд он был›: Он был на взгляд *РК*$_{п}$

12 *Вместо* «черты ~ заискивающее»: в выражении лица его было что-то приятное, но уж слишком сладкое; во всех приемах его видно было что-то снискивающее *РК*$_{п}$; *РК*, *РП*$_{п}$ — в чертах лица его было[2] много приятного *и т. д. как в тексте*

13 *Вместо* «в эту приятность»: всё это приятное *РП*$_{п}$

15 *Вместо* «Он улыбался заманчиво»: Он приятно улыбался *РК*$_{п}$; *РК*, *РП*$_{п}$ — Он хорошо улыбался

15 *Вместо* «был белокур»: лицом был вовсе не дурен. Блондин *РК*$_{п}$

17 *Вместо* «не можешь»: нельзя было *РК (кар.)*

20 *Вместо* «почувствуешь»: то почувствуешь *РК*, *РП*, *РЦ*

21 *Вместо* «или хоть даже›: ни даже *РК*$_{п}$

22 *Вместо* «какое»: которое *РК*, *РП*$_{п}$

23 *Вместо* «У всякого ~ пятый с желанием»: У всякого есть какое-нибудь влечение. Один имеет влечение к борзым собакам; другой мастер лихо пообедать, третий охотник сыграть роль хоть одним вершком повыше той, которая ему назначена; четвертый с талантом *РК*$_{п}$

28 *Вместо* «грезит»: «грезит только» *РК (кар.)*

30 *Вместо* «напоказ ~ сверхъестественное›: и чтоб увидели это его

---

[1] *Вместо* «которые поднявши рубашонки»: с поднятыми рубахами — *РК намечено карандашом.* [2] *РК далее начато*: видно

знакомые; пятый имеет уже такую руку, которая чувствует влечение непреодолимое *РК*$_{п}$

31 *Вместо* «сверхъестественное»: почти сверхъестественное *РП*$_{п}$

33 *Вместо* «седьмого»: шестого *РК*$_{п}$

38 *Вместо* «богу»: только одному богу *РК*$_{п}$

Стр. 25

12 *Вместо* «провести»: провели *МД*$_{3}$

16 *Вместо* «лицо»: лицо его *РК*, *РП*$_{п}$

18 *Вместо* «только одними»: одними только *РК*

21 *Вместо* «стояла»: стояла у него *РК*

23 *Вместо* «но на два кресла ~ лет»: но одно кресло было сломано и только для вида были приставлены к нему ручка и ножка, и хозяин *РК*$_{п}$

26 *Вместо* «на эти ~ не готовы»: на это кресло, оно худо»; а предостережение это делалось постоянно в продолжении шести лет, т. е. с того времени, как сломалось кресло *РК*$_{п}$

26 *Вместо* «комнате»: комнате даже *РК (кар.)*

27 *Вместо* «вовсе»: совсем *РК*$_{п}$

27 *Вместо* «и было говорено»: он и говорил *РК*$_{п}$

28 *Вместо* «женитьбы»: своей женитьбы *РП*$_{п}$

29 *Вместо* «хоть ~ мебель»: хоть какую-нибудь мебель поставить *РК*$_{п}$

30 *Вместо* «очень»: тоже очень *РК*$_{п}$

31 *Вместо* «с перламутным щегольским»: и перламутным *РК*$_{п}$

32 *Вместо* «щитом»: зонтиком *РК*, *РП*$_{п}$

Стр. 26

7 *Вместо* «на ту пору»: в то время *РК*$_{п}$

9 *Вместо* «можно ~ сигарку»: можно было прочесть небольшой листок газеты *РК*$_{п}$

14 *Вместо* «глупо и без толку готовится»: не весьма опрятно *РК*; *РП*$_{п}$ [нивесть что делается]

17 *Вместо* «всё ~ низкие»: впрочем, как же им заниматься такими низкими предметами *РК*$_{п}$

18 *Вместо* «а Манилова воспитана хорошо»: Манилова хорошо воспитана *РК*, *РП*$_{п}$

24 *Вместо* «сюрпризов»: кошельков *РК*, *РП*$_{п}$

37 «так для меня» *РК зач. карандашом*

38 *Вместо* «после»: потом *РК*$_{п}$

Стр. 27

5 *Вместо* «Нет уж ~ Манилов»:

«Нет, Павел Иванович, это обида. Вы хотите, чтобы я такому приятному гостю позволил пройти после себя».

«Ах, боже мой... Мне, право, совестно. Проходите, сделайте милость, проходите, я после», говорил Чичиков.

«Нет, никак нельзя». *РК*$_{п}$

13 *Вместо* «вам представить»: представить вам $РК_{п}$

24 *После* «не вспоминал о нем»: На что Чичиков ответствовал, поворотивши голову несколько на бок, с свойственною ему приятностью, что муж ее далеко простирает доброту свою к нему $РК_{п}$

33 «с тою же» *РК; РП, РЦ, МД* — с такою же

Стр. 28

5 *Вместо* «препочтеннейший человек»: самый почтенный $РК_{п}$

8 *Вместо* «наблюсти ~ поступках»: обворожить своим обращением $РК_{п}$

8 «деликатес» *РК; РП, РЦ, МД* — деликатность

32 *Вместо* «самыми достойными людьми»: самые достойные люди *РК, РП, РЦ*

Стр. 29

5 *Вместо* «следить ~ науку»: о какой-нибудь науке *РК*, $РП_{п}$

13 «быть» *нет РЦ*

21 *Вместо* «явя ~ пациента»: сделавши такую сладкую мину, что уж даже было приторно, как натощак $РК_{п}$

22 *Вместо* «подобно той микстуре»: как та микстура $РП_{п}$

23 *Вместо* «немилосердно»: по милосердию *РП, РЦ*

27 *Вместо* «образцовое»: редкое, которого я даже в некотором роде недостоин, то есть $РК_{п}$; *РК, РП, РЦ* — редкое, образцовое

29 *Вместо* «что ж ~ разговор»: как можно, чтобы я льстил себя $РК_{п}$

Стр. 30

6 *Вместо* «сыновья»: дети $РК_{п}$

8 *Вместо* «поклонившийся ~ улыбкою»: который очень вежливо и с улыбкою поклонился $РК_{п}$

16 *Вместо* «Фемистоклюс»: Менелай $РК_{п}$. *То же исправление имени до конца главы*

17 «высвободить» *РК; РП, РЦ, МД* — освободить

19 *Вместо* «отчасти ~ на юс»: совершенно греческое и никак не ожиданное имя *РК*, $РП_{п}$

24 *Вместо* «ему вскочить»: вскочить ему *РК*

28 *Вместо* «настроил»: насторожил *РК*

32 *Вместо* «сказал ~ Чичиков»: прибавил с своей стороны Чичиков $РК_{п}$

34 *После* «Маниловым»: В такие лета и уже такие сведения *РК, РП, РЦ*

37 *Вместо* «Алкид»: Алкивиад $РК_{п}$

Стр. 31

13 *Вместо* «открывал»: раздвигал $РК_{п}$

13 *Вместо* «с усердием ~ лицо его»: с величайшим усердием. Один раз только лицо его $РК_{п}$

16 *Вместо* «строго застучал»: стукнув *РК*$_{п}$
16 «застучал вилкою» *РЛ*, *РК*, *РП*; *РЦ*, *МД* — застучал
17 *Вместо* «устремив глаза»: устремил взгляд *РК*$_{п}$
18 *Вместо* «у места»: весьма у места *РК*$_{п}$
25 «всякий раз» *МД*; *РК*, *РП*, *РЦ* — *нет*
25 *Вместо* «Благодарю»: Благодарю, не беспокойтесь *РК*
29 *Вместо* «гость»: Чичиков *РК*$_{п}$
33 *Вместо* «повел»: повел Чичикова *РК*$_{п}$
33 *Вместо* «небольшую»: небольшую боковую *РК*
35 *Вместо* «комнатка»: комната *РК*, *РП*, *РЦ*

Стр. 32

2 «было» *нет РК*
5 *Вместо* «горки»: горшки *РЦ*
9 *Вместо* «вам будет попокойнее»: вам попокойнее *РК*, *РП*, *РЦ*; вам будет покойнее *МД*$_{2}$
21 *Вместо* «гораздо»: даже гораздо *РП*, *РЦ*
27 *Вместо* «точно ~ ума»: действительно, случается и что в натуре есть много вещей, которые даже неизъяснимы какому бы то ни было обширному уму *РК*$_{п}$
27 и [присовокупив при этом случае] что в натуре *РК*
29 *Вместо* «проговорил ~ назад»: при этом снова Чичиков огляделся вокруг, как бы желая знать, не глядит ли кто откуда-нибудь *РК*$_{п}$
30 *После* «голосом»: [до такой степени] в котором отдалось какое-то совершенно иное почти странное *РК*

Стр. 33

4 *Вместо* «цвет»: цвет и мягкость *РК*$_{п}$
6 *Вместо* «Можно ~ тотчас»: Видно было по всему *РК*$_{п}$
7 *Вместо* «все»: вообще все *РК*$_{п}$
7 *Вместо* «был прежде»: сначала был *РК*$_{п}$
9 *Вместо* «Агашке»: Акулине *РК*$_{п}$
9 *Вместо* «сделался сам»: сам сделался *РК*$_{п}$
10 *Вместо* «там»: после *РК*$_{п}$
11 *Вместо* «поступал, разумеется»: натурально, поступал *РК*$_{п}$
11 *Вместо* «все приказчики»: и все приказчики *РК*$_{п}$
12 *Вместо* «с теми»: с теми мужиками *РК*$_{п}$
12 «были» *нет РК*, *РП*$_{п}$
13 *Вместо* «победнее»: тем, которые победнее *РК*$_{п}$
13 *Вместо* «проснувшись»: и проснувшись *РК*, *РП*
14 *После* «пил чай»: заедая белым калачем *РК*, *РП*$_{п}$
15 *После* «любезный!»: сказал Манилов *РК*
25 *Вместо* «Ведь ~ считал»: Число неизвестное; человек до 80-ти будет *РК*, *РП*$_{п}$
28 «совсем ~ умерло» *нет РК*
30 «и сделай» *нет РК*, *РП*$_{п}$

31 *Вместо* «подробный»: подробней *РК, РП, РЦ*

31 *Вместо* «поименно»: по имени *РК*, $РП_{п}$

32 «поименно» *нет РК, РП, РЦ*

35 Вместо «Манилов»: Манилов Чичикова *РК*, $РП_{п}$

36 *Вместо* «Этот ~ покорное словам»: Чичиков минуты три оставался молча, не отвечая ни слова на сделанный ему запрос. Казалось, как будто ему необыкновенно тяжело было произнести какое-нибудь слово. В лице его выразилось такое затруднительное положение, и во всех чертах его выразилось что-то беспокойно-ищущее чего-то, что всякий, который бы в эту минуту поглядел на него, исполнился бы поневоле ожиданием чего-то не совсем обыкновенного и невольно отразил бы в лице своем почти то же самое затруднение. Казалось, как будто дело было, точно, головоломное $РК_{п}$

Стр. 34

2 *Вместо* «каких еще никогда»: каких без всякого сомнения никогда еще $РК_{п}$; *РК*, $РП_{п}$ — [которые] каких просто

4 *Вместо* «Вы спрашиваете ~ заикнулся»: «Я хотел вам предложить... не можете ли вы мне продать крестьян...» сказал Чичиков, да $РК_{п}$

7 *Вместо* «Но позвольте ~ крестьян с землею»: «А вы разве покупаете крестьян?» сказал Манилов. «Но позвольте вас спросить, как и какого рода вы хотите купить крестьян: с имением ли, то-есть с землею $РК_{п}$

10 *Вместо* «я не то»: я разумею не то $РК_{п}$

11 *Вместо* «я желаю ~ сказал Чичиков»: «а собственно, так сказать, мертвых душ, т. е. таких, которые уже умерли и только по ревизии считаются живыми $РК_{п}$

12 *Вместо* «я несколько ~ по ревизии»: я, кажется, ослышался». — «Я желаю приобресть мертвых, которые бы, впрочем, числились по ревизии *РК*

13 *Вместо* «слово»: *РП а.* звук; *б. Как в тексте*

14 *Вместо* «которые, впрочем, значились бы»: которые бы, впрочем, значились бы *РЛ, РЦ*

16 *Вместо* «выронил»: остолбенел, выронивши $РК_{п}$

16 *Вместо* «и как разинул ~ поднял»: и с минуту смотрел ему в лицо, выпучив глаза. Наконец, он подумал: «Да, полно, не шутит ли он?» и, поднявши $РК_{п}$

19 *Вместо* «недвижимы»: недвижны *РК*

21 *Вместо* «Манилов»: он *РК*, $РП_{п}$

22 *Вместо* «поглядел»: посмотрел *РК*, $РП_{п}$

22 *После* «в лицо»: несколько в профиль, как бы $РК_{п}$

23 *Вместо* «высмотреть»: приметить $РК_{п}$

23 *Вместо* «не пошутил ли ~ невзначай»: или, по крайней мере, небольшого движения, или желания удержать усмешку. Но в лице

Чичикова, напротив, оказывалось такое сурьезное выражение, какое даже в нем редко было видно в обыкновенном положении. Он подумал, уж не сошел ли он как-нибудь вдруг и внезапно $РК_{п}$

27 *Вместо* «глаза гостя»: глаза его $РК_{п}$

27 *Вместо* «не было ~ какой»: ничего в них не было заметно мутного, или дикого, или этого беспокойно-вращаемого беглого огня, который $РК_{п}$

29 *Вместо* «всё было»: Напротив, всё в нем было как следует $РК_{п}$ *После* «в порядке»: как у всякого благонамеренного человека; и сидел он в креслах ничего, хорошо, как сидит всякий хороший человек. Словом, ничего не было в нем необыкновенного. Правда, в лице только не замечалось того чистосердечно до простодушия ‹*дальше в рукописи оставлено место для одного слова*› и приятной улыбки, произведших такое благоприятное впечатление на всех чиновников в городе. Вместо его было заметно что-то похожее на некоторую робость, на боязливое и даже заботливое ожидание, но всё прочее решительно было на своих местах, как было и прежде $РК_{п}$

30 *Вместо* «ему»: такое *РК*

32 *Вместо* «очень»: самою $РК_{п}$

33 *Вместо* «Итак ~ лучше?»: «Так как же вы...» спросил Чичиков $РК_{п}$

35 *Вместо* «передать ~ лучше»: уступить или... *РК*, $РП_{п}$

38 *После* «на него»: и не в состоянии был пошевелить язык $РК_{п}$

Стр. 35

1 *Вместо* «Мне кажется ~ заметил»: «Я как вижу, вы затрудняетесь...» робко заметил $РК_{п}$

2 *Вместо* «нет, я не то»: нет, я не... не то *РК*

2 *Вместо* «Манилов»: он наконец *РК (кар.)*

5 *Вместо* «не имею»: не имею так сказать $РК_{п}$

7 *Вместо* «Может быть, вы»: Может быть, вы это $РК_{п}$

9 *Вместо* «Нет ~ таков»: Нет, я в существе своем разумею предмет так $РК_{п}$

10 *После* «умерли»: отвечал Чичиков $РК_{п}$

11 *Вместо* «Манилов совершенно»: Никак не нашелся на это ничего сказать Манилов и совершенно $РК_{п}$

11 *После* «растерялся»: так совершенно, как будто бы его кто в грязь посадил *РК (кар.)*

12 «что-то» *нет РК*

12 *Вместо* «предложить»: какой-нибудь *РК*, $РП_{п}$

15 *Вместо* «нет ~ можно бы»: с вашей стороны препятствия никакого нет, то я бы мог $РК_{п}$

18 *Вместо* «что они ~ сказке»: так, как будто бы это были живые $РК_{п}$

18 «живые» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — живы

20 *Вместо* «хотя ~ ответа»: исполнение обязанности всегда было для меня священно. Хотя я за это и потерпел по службе, но у меня уж такой характер. Манилов в ответ *РК*$_{п}$

20 *Вместо* «и потерпел»: я потерпел *РП*, *РЦ*

21 *Вместо* «на службе»: по службе *РК*, *РП*, *РЦ*

21 «но уж извините» *РК (авт.)*, *МД*; *РП*, *РЦ* — но извините

24 *Вместо* «не вник»: не мог ‹взять?› *РК*

25 *Вместо* «тот начал»: он начал *РК*, *РП*, *РЦ*

26 *Вместо* «будто»: будто бы *РК*, *РП*$_{п}$

27 *Вместо* «неслыханного»: еще неслыханного от сотворения мира *РК (кар.)*

28 «хрипел» *РК*, *МД*; *РП*, *РЦ* — храпел

30 *Вместо* «того»: этого *РК*$_{п}$

34 *Вместо* «эта негоция»: эта, так сказать, негоция *РК*$_{п}$

37 *Вместо* «показав»: выразив *РК*, *РП*, *РЦ*

Стр. 36

3 *Вместо* «в минуту ~ если хорошо»: когда дело касалось решения участи миллионов людей. Но Чичиков однако ж постарался объяснить, что эта негоция никак не будет несоответствующею и что правительство даже в некотором отношении останется довольно и получит сполна все следуемые за совершение купчей пошлины *РК*$_{п}$

7 «выгоду» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — выгоды

10 *Вместо* «хорошо»: будет довольно *РК*$_{п}$

13 *Вместо* «остается»: нам остается только *РК*$_{п}$

14 *Вместо* «Как ~ Неужели»: Но неужели *РК*$_{п}$

14 *Вместо* «и остановился»: остановившись *РК*, *РП*$_{п}$

15 *Вместо* «Неужели»: Неужели впрочем *РК*

17 *Вместо* «с своей ~ вам»: я с большой охотой вам их всех уступаю *РК*$_{п}$

18 *Вместо* «беру на себя»: принимаю на свой счет *РК*$_{п}$

19 *Вместо* «Великий ~ сам»: Здесь автор, как верный историк, должен сказать, что после сих слов, произнесенных Маниловым, Чичиков показал такую радость, которая была даже отчасти неприлична его несколько степенной наружности, умеренным летам и соразмерному чину. Едва ли он даже, позабывши умение хорошо держать себя, не подскочил в креслах, при каком обстоятельстве лопнула обтягивавшая подушку шерстяная материя, так что *РК*$_{п}$

20 *Вместо* «одолело»: *РК а.* обуяло; *б. Как в тексте*

23 *После* «производится»: некоторыми людьми *РК*, *РП*$_{п}$

25 *Вместо* «обтягивавшая»: обтягивающая *РК*, *РП*, *РЦ*

26 *Вместо* «некотором»: совершенном *РК*$_{п}$

27 *Вместо* «наговорил тут же столько»: насказал таких ему *РК*$_{п}$; *РК*, *РП*$_{п}$ — наговорил ему тут же столько

27 *Вместо* «благодарностей»: благодарностей Манилову *РК*$_{п}$

28 *Вместо* «производил ~ отрицательный»: очень долго производил головою какой-то отрицательный *РК*$_{п}$

29 *Вместо* «выразился ~ точно хотел бы»: сказал, что это решительно не стоит благодарности, что он бы хотел точно *РК*$_{п}$

31 *Вместо* «а умершие»: но что умершие *РК*$_{п}$

33 *Вместо* «пожав ему ~ вздох»: пожавши руку Манилову и испустивши душевный вздох *РК*$_{п}$; *РК*, *РП*$_{п}$ — пожав ему руку. При таком обстоятельстве был *и т. д. как в тексте*

34 *Вместо* «он был»: он был в это время *РК*$_{п}$

35 *Вместо* «не без ~ наконец»: по крайней мере он произнес очень выразительно и с большим чувством *РК*$_{п}$

37 *Вместо* «какую»: какую этим *РК*$_{п}$

38 *После* «и роду»: И точно, что за жизнь моя, барка без паруса, барка, носимая по волнам *РК (кар.)*

38 *Вместо* «Да и действительно»: Да, действительно *РК*

Стр. 37

1 «как барка ~ волн» *нет РК*

1 *После* «свирепых волн»: [была жизнь моя] *РП*

5 *Вместо* «сироте»: сиротине *РК*, *РП*, *РЦ*

11 *Вместо* «уже»: просто *РК*$_{п}$

13 *Вместо* «и хорошо бы ~ и стал»: да для этого не мешало бы и ему самому съездить в город. После чего, взявши в руку шляпу, стал *РК*$_{п}$

20 «мы» *нет РЦ (ошибка переписчика)*

22 *Вместо* «Сударыня! ~ вами! И»: «Поверьте, сударыня», сказал Чичиков: «что приятность времени, проведенного с вами, пребудет в глубине моего сердца и что для меня не было бы большего блаженства *РК*$_{п}$

28 *Вместо* «как было бы»: как бы было *РК*

36 *Вместо* «расстаюсь ~ дни»: не расстаюсь, как на две недели *РК*$_{п}$

Стр. 38

2 *Вместо* «Алкида и Фемистоклюса»: Алкивиада и Менелая *РК*$_{п}$ *(далее те же исправления)*

2 *Вместо* «каким-то ~ носа»: какими-то деревянными кусочками *РК*, *РП*$_{п}$

5 *Вместо* «живете ли»: есть ли *РК*, *РП*

6 *Вместо* «непременно»: то непременно *РК*, *РП*$_{п}$

10 *Вместо* «он»: Чичиков *РК*, *РП*

10 *Вместо* «наклонившись к»: поклонившись *РП*, *РЦ*

13 *Вместо* «этак»: этак только *РК*, *РП*$_{п}$

13 *Вместо* «туррр ~ та»: бу, бу, бу *РК*, *РП*$_{п}$

13 «Прощай, душенька! Прощай» *РП*, *РЦ*, *МД*; *РК* — Прощай, душенька; *РП*$_{п}$ — Прощай, душенька. Прощай, душенька.

22 *Вместо* «хочу»: хотел *РК*

26 *Вместо* «услышав»: услышавши *РК*; *РП* — услышал
26 *Вместо* «поворотить»: свернуть *РК (кар.)*
29 *Вместо* «цыпочках»: цыпочки *РК*
30 *Вместо* «удалявшуюся»: удалившуюся *РК*, $РП_{п}$
34 *Вместо* «перенеслись»: перешли *РК*; $РП_{п}$ — перенесли
35 *Вместо* «занеслись»: занесли *РК*, $РП_{п}$

Стр. 39

2 *Вместо* «даже Москву»: даже Петербург и Москву вдруг *РК*, $РП_{п}$
6 «будто бы государь ~ пожаловал»: *РП*, $РЦ_{п}$; *РК* — будто бы сам государь ~ пожаловал; *РЦ*, *МД* — само высшее начальство пожаловало *(ценз. искаж.)*
8 *Вместо* «чего»: что *РК*, $РП_{п}$
9 *Вместо* «прервала»: часто прерывала *РК*, $РП_{п}$

Стр. 40

2 *Вместо* «катившейся давно ~ усмешки»: давно катившейся по большой дороге, в самом довольном расположении духа. Казалось, повидимому, и нечем бы ему слишком обрадоваться и сделанное приобретение было не более, как пустяки, но он чувствовал какую-то особенную веселость. Самые приятные соображения и сметы, самые заманчивые какие-то предположения блуждали по лицу его и оставляли поминутно после себя приятную улыбку $РК_{п}$; *РК а. Начато:* давно катившейся по большой дороге. Никак не должно изумляться подобному расположен[ию], ибо трудно сойтись с человеком во вкусах. Из главы предыдущей уже видно из чего; *б. Набросок на полях:* Из предыдущей главы Читатель уже видел, какой странный предмет склонностей и вкуса был у нашего героя. Скоро он погрузился весь в него и телом ‹*дальше часть текста не поддается прочтению и затем*›: ибо долго после них на нем сохранились веселые следы усмешки; *в. Как в тексте*
7 *Вместо* «оставляли после себя»: означались на нем *РК*, $РП_{п}$
9 *Вместо* «довольный»: который, с своей стороны, был весьма доволен $РК_{п}$
9 *Вместо* «Манилова»: Машкова *РК*, *РП (ошибка переписчика)*
9 *Вместо* «весьма»: очень $РК_{п}$
10 *Вместо* «чубарому»: серому $РК_{п}$
10 *Вместо* «запряженному»: находившемуся *РК*; $РП_{п}$ — наложившемуся
11 *Вместо* «чубарый»: серый $РК_{п}$
11 *Вместо* «сильно»: очень $РК_{п}$
12 *Вместо* «будто бы»: что $РК_{п}$
13 *Вместо* «гнедой и пристяжной ~ трудилися»: гнедой масти с белой лысиной на лбу трудился совершенно $РК_{п}$
15 *После* «сердца»: и был охотник тянуть $РК_{п}$; *РК*, $РП_{п}$ — и были охотники тянуть
15 *Вместо* «их»: его $РК_{п}$

16 *Вместо* «ими»: им *РК*$_{п}$

16 *Вместо* «удовольствия»: довольствия *РП*, *РЦ*

18 «панталонник» *РЛ*, *РЦ*, *МД*; *РК*, *РП* — пантолошек *(ошибка переписчика РК)*

19 *Вместо* «сполняет»: исполняет *РК*, *РП*$_{п}$

20 «дам с охотою» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — с охотою дам

20 «и заседатель — тож хороший конь» *нет РК*

24 «Бонапарт ты проклятой!» *нет РЦ*, *МД (ценз. искаж)*

Стр. 41

1 *Вместо* «Потом прикрикнул»: Засим прикрикнул он *РК*$_{п}$

2 *Вместо* «по всем по трем»: по всем трем *РК*, *РП*, *РЦ*

2 *Вместо* «но чтобы показать»: но единственно, чтобы поощрить их и показать *РК*$_{п}$

3 *Вместо* «был ими доволен»: он ими был довольный *РК*$_{п}$

3 *Вместо* «Доставив»: Доставивши им *РК*$_{п}$

4 *Вместо* «чубарому»: пристяжному *РК*$_{п}$

4 «что ты скроешь» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — что скроешь

10 «отдаст» *МД*, *РП*; *РК*, *РЦ* — отдает

12 *Вместо* «он ~ советник»: и в том чине служил, да не захотел больше служить, потому что ему не понравилася таможня, он надворный советник...» *РК*$_{п}$

13 *Вместо* «Так»: Таким образом *РК*$_{п}$

13 *Вместо* «забрался ~ отдаленные»: вошел, наконец, в чрезвычайные *РК*$_{п}$

14 *Вместо* «прислушался, то узнал бы»: прислушивался, то он бы узнал очень *РК*$_{п}$

16 *Вместо* «были ~ только»: погрузились в разные приятные соображения, что только один *РК*$_{п}$

25 *Вместо* «ему в лицо»: в лицо нашему герою *РК*, *РП*$_{п}$

25 *Вместо* «задернуться ~ занавесками»: опустить сверху кожаные занавески *РК*$_{п}$

26 *Вместо* «определенными на рассматривание»: для рассматривания *РК*$_{п}$

27 *Вместо* «дорожных видов»: видов по дороге *РК*, *РП*$_{п}$

28 *Вместо* «прерванный ~ смекнул»: который тоже на самой середине речи был прерван громом и дождем, смекнул *РК*$_{п}$

29 *Вместо* «не нужно ~ схватил»: не нужно было мешкать. Он вытащил из-под козел, на которых сидел, какую-то дрянь из серого сукна, оделся в нее и схватил *РК*$_{п}$

31 *Вместо* «чуть-чуть ~ речей»: так была убаюкана и такое чувствовала приятное расслабление от его рассказов, что едва переступала ногами. Лошади пустились на рысях *РК*$_{п}$

34 *Вместо* «Сообразив»: Сообразивши все обстоятельства *РК*$_{п}$

35 *Вместо* «догадался ~ мимо»: смекнул, что, кажется, много было поворотов, которые он все проехал мимо *РК*$_{п}$

37 *Вместо* «найдется»: [всегда] найдет *РК*, $РП_{п}$

38 *Вместо* «поворотивши ~ дорогу»: он тот же час поворотил свою бричку на первую перекрестную дорогу направо и $РК_{п}$; *РК*, $РП_{п}$ — поворотивши направо на первой перекрестной дороге

Стр. 42

1 *Вместо* «прикрикнул он»: прикрикнувши *РК*, $РП_{п}$; *РП*, *РЦ* — прикрикнул

1 *Вместо* «и пустился»: пустился *РК*, *РП*

2 *Вместо* «вскачь»: в галоп *РК*, $РП_{п}$

2 *Вместо* «взятая»: взятая им $РК_{п}$

3 *Вместо* «зарядил»: зарядился *РК*, $РП_{п}$

4 *Вместо* «быстро замесилась»: мгновенно замешалась $РК_{п}$

4 *Вместо* «ежеминутно»: заметно $РК_{п}$

5 *Вместо* «тяжеле»: тяжелее *РК*, $РП_{п}$

6 *Вместо* «По расчету ~ приехать»: По его расчету, ему давно бы было пора приехать $РК_{п}$

11 *Вместо* «Погляди-ка»: Погляди $РК_{п}$; *РК* — Погляди-ка ты («ты» *кар.*)

14 *Вместо* «Туда всё вошло»: Туды всё вышло *РК*, *РП*; *РЦ* — Туда всё вышло

15 «понудительные» *РЛ*, *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — побудительные

16 *Вместо* «конца»: бесконечного конца $РК_{п}$; *РК*, *РП*, *РЦ* — конца ее

16 *Вместо* «прилагательные ~ секретарями»: Он называл их сердечными и почтенными и московскими обывателями, толоконными приятелями и много придавал всяких прилагательных без большого разбора, а что первое попадалось на язык. Таким образом дошел до того, что он начал, наконец, называть их секретарями $РК_{п}$

16 «родов и качеств» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — родов

17 *Вместо* «как»: а какие *РК*, $РП_{п}$; *РП*, *РЦ* — а как

19 «наконец» *нет РП*, *РЦ*

20 *Вместо* «стал ~ толчками»: начал примечать, что бричка стала качаться на все стороны и наделять его препорядочными толчками $РК_{п}$

21 *Вместо* «наделяла его пресильными»: наделяла его препорядочными *РК*, *РП*; *РЦ* — наделяла препорядочными

23 *Вместо* «Селифан ~ сам»: Сам Селифан, как казалось, $РК_{п}$

25 «по какой ты дороге едешь» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — по какой дороге ты едешь

27 *Вместо* «Сказавши ~ бричку»: отвечал Селифан и вслед за сим хлыснул по всем по трем и покосил так бричку $РК_{п}$

28 *Вместо* «заметил он»: он заметил $РК_{п}$

29 *Вместо* «подгулял»: немножко подгулял $РК_{п}$

31 *Вместо* «говорил»: отвечал $РК_{п}$

33 «Засим» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — Затем

34 *Вместо* «выворотил ее совершенно»: переворотил ее совсем $РК_{п}$

36 *Вместо* «впрочем ~ сильно»: это было ему и не трудно потому, что они бы сами остановились, так они были *РК*$_{п}$

37 *Вместо* «Такой»: Однако ж *РК*$_{п}$

37 *Вместо* «непредвиденный»: непредвиденный им *РК*

Стр. 43

1 *Вместо* «подперся»: подпершись *РК*$_{п}$

2 *Вместо* «силясь ~ Вишь ты»: и силился оттуда вылезть. «Ишь ты», сказал Селифан по некотором размышлении *РК*$_{п}$

5 *После* «пьян»: отвечал Селифан *РК*$_{п}$

8 *Вместо* «закусили»: закусить *РК*, *РП*, *РЦ*

10 *Вместо* «напился»: напился пьян *РК*$_{п}$

11 «произнес» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — сказал

15 *Вместо* «высеку»: высеку хорошенько *РК*$_{п}$

15 *Вместо* «как высеку»: высеку *РЦ*

15 *Вместо* «как ~ человеком»: сказал Чичиков *РК*$_{п}$

21 «почему ж не посечь» *МД*; *РК*, *РП*, *РЦ* — почему ж и не посечь

28 «качает» *МД*; *МД*$_{2}$ — катает

37 *Вместо* «в одном окошке»: в окошке *РК*

Стр. 44

1 *Вместо* «отворив ~ высунулась»: потревоженная *РК*$_{п}$

8 «видишь» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — вишь

18 *Вместо* «который»: которого *РК*, *РП*$_{п}$

23 *Вместо* «подставленную»: поставленную *РК*, *РП*, *РЦ*

23 *Вместо* «Между тем псы»: Собаки *РК*, *РП*$_{п}$

26 как понамарь *нет МД (ценз. искаж.)*

29 «старик или просто наделенный» *РК*; *РП*, *РЦ* — старик [или] и наделенный; *МД* — старик, наделенный

33 *Вместо* «порывается кверху»: подымает *РК*$_{п}$

33 *Вместо* «закидывая»: и закидывает *РК*; *РП*$_{п}$ — и закидывают

Стр. 45

7 *Вместо* «окон ~ маленькие»: окнами маленькие *РК*, *РП*$_{п}$

8 «с темными ~ листьев» *нет РК*

8 *Вместо* «свернувшихся»: завитых *РП*, *РЦ*

8 «и за всяким» *РК*, *РП*; *РЦ*, *МД* — за всяким

12 *Вместо* «как будто»: как будто бы *РК*, *РП*$_{п}$

16 *Вместо* «неурожаи, убытки»: убытки, неурожай *РК*$_{п}$; *РЦ* — неурожай, убытки

20 *Вместо* «с виду и кажется»: и кажется с виду *РК*$_{п}$

21 *Вместо* «ночных»: разных ночных *РК*$_{п}$

23 *Вместо* «праздничных ~ хламом»: куличей к пасхе или и просто поизотрется само собою *РК*$_{п}$

24 *Вместо* «пряженцами»: припеками *РК*; *РП*, *РЦ* — прижками *(ошибка переписчика)*

26 *Вместо* «а потом ~ сестры»: и достаться потом в духовной внучатной сестре *РП*, *РЦ*

33 «странным» *МД*; $МД_2$ — страшным

33 *Вместо* «так ~ было»: что Чичиков $РК_п$; *РК* — что гость

34 *Вместо* «испугался»: испугался и посторонился *РК*

34 «шум очень походил» *РМ*; *РЛ*, *РК*, *РП*, *РЦ*, *МД* — шум походил

37 *Вместо* «тотчас же последовало»: последовало тотчас *РК*; *РП*, *РЦ* — тотчас последовало

38 *Вместо* «два часа таким звуком»: десять таким звуком *РК*; *РП*, *РЦ* — десять таких звуков

Стр. 46

4 «ни о чем» *нет РК*

5 *Вместо* «ничего не требует»: не хотел бы другого *РК*, $РП_п$

6 «отсюда» *нет РК*

12 *Вместо* «Нет ~ помещика»: И эдакого помещика нет *РК*

25 *После* «расположитесь»: отец мой *РК*

26 «наслал» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — послал

30 *Вместо* «Еще ~ боков»: «Ух, матушка», сказал Чичиков, испустивши продолжительный вздох: «слава те Христос, что всего только засалился, что не отломал себе боков» $РК_п$

Стр. 47

5 *Вместо* «постилая»: настилая *РК*, $РП_п$

7 *Вместо* «Прощай»: Прощайте *РК*, *РП*

11 *Вместо* «гость»: Чичиков $РК_п$

12 *Вместо* «и он ~ также»: Чичиков поспешил разоблачиться и отдал всю, как нижнюю, так и верхнюю свою арматуру Фетинье, которая, пожелав ему $РК_п$

15 *Вместо* «он не без удовольствия взглянул»: не без удовольствия взглянул он $РК_п$

16 *Вместо* «как видно»: казалось *РК*, $РП_п$

19 *Вместо* «и перья ~ свечу»: только перья разлетелись во все стороны комнаты $РК_п$; *РК* — и перья, будучи вытеснены из пределов [такого] погрузившимся в них телом, разлетелись [вдруг] во все углы комнаты *РК*

23 *Вместо* «сквозь окно»: сквозь окна *РК*

24 *Вместо* «вчера»: вчерась $РК_п$

24 *Вместо* «спокойно»: покойно *РК*, $РП_п$

27 *Вместо* «ноздре»: ноздре его *РК*

31 *После* «Кутузова»: и еще другой портрет *РК (кар.)*

Стр 48

2 «подле» *РП (кар.)*; *РЦ*, *МД* — возле

10 *Вместо* «птицами»: птицей *РК*, $РП_п$

11 «мерным шагом» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — мерными шагами

13 *Вместо* «к чему-то»: к чему *РК*

17 *После* «за которым»: [был огород травник, примыкавший другим концом] к са‹ду› *РК*

17 просторные *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — пространные

18 *Вместо* «прочим хозяйственным овощем»: прочей хозяйственной овощью *РК*, $РП_{п}$

24 *Вместо* «из них»: из которых *РК*, $РП_{п}$

28 *После* «были»: хорошо уснащены и $РК_{п}$

29 *Вместо* «изветшавший ~ новым»: прогнившее дерево заплатано было новым $РК_{п}$

29 *Вместо* «был заменен»: сменен *РК*

30 *Вместо* «а в обращенных»: и в обращенных *РК*, *РП*, *РЦ*

32 *Вместо* «деревушка»: деревушка, впрочем $РК_{п}$

33 *Вместо* «положил ~ покороче»: положил с ней познакомиться получше и разговориться покороче $РК_{п}$; *РК*, $РП_{п}$ — положил себе тут же разговориться с хозяйкой покороче

34 *Вместо* «Он»: Он тот же час $РК_{п}$

35 *Вместо* «она ~ голову»: выглянула хозяйка $РК_{п}$

36 *Вместо* «ласковым»: весьма ласковым $РК_{п}$

38 *Вместо* «приподнимаясь»: приподнявшись $РК_{п}$

Стр. 49

2 «все-таки было» *РМ*; *РЛ*, *РК*, *РП*, *РЦ*, *МД* — всё так же

2 *Вместо* «навязано»: намотано $РК_{п}$

7 *Вместо* «повыше»: «пониже» *РК*

10 «мазала» *РМ*; *РЛ*, *РК*, *РП*, *РЦ*, *МД* — смазывала

12 *Вместо* «во фляжке»: во фляжке-то $РК_{п}$

16 *Вместо* «Надобно ~ обращаться»: Должен признаться, что если у нас на Руси не угнались еще во всем за иностранцами, зато в умении обращаться далеко их оставили за собою $РК_{п}$

20 *Вместо* «век ~ различий»: как-то вовсе не умеет взяться и никак не заметит различий и особенностей $РК_{п}$

20 «не смекнет и» *нет РК*

22 *Вместо* «станет»: станет он $РК_{п}$

27 *Вместо* «а с тем ~ существует»: и так, пожалуй, хоть восходи до миллиона — всё найдутся оттенки. Положим, даже существует, например, какая-нибудь $РК_{п}$

29 *Вместо* «словом»: и так, пожалуй *РК*; $РП_{п}$ — пожалуй

32 *Вместо* «Прошу»: А не угодно ли $РК_{п}$

33 *После* «сидит»: в своей канцелярии $РК_{п}$

34 *Вместо* «гордость ~ лицо его»: вид такой: и гордость, и благородство, и ни весть чего в нем нет $РК_{п}$

Стр. 50

2 *Вместо* «будь ~ небольшого»: то же самое: будь всё не очень далекого чина $РК_{п}$

2 *Вместо* «останется»: остается *РЦ*, *МД*$_2$
10 *Вместо* «Эхе, хе»: Эхе, хе, хе *РК*, *РП*, *РЦ*
11 *Вместо* «уж мы»: мы уж *РК*, *РП*, *РЦ*
13 *Вместо* «фруктовой»: фруктовой водки *РК*$_п$
13 *Вместо* «повел»: повел он *РК*, *РП*
17 *Вместо* «храни»: упаси *РК*, *РП*
18 *Вместо* «избенки крепкие»: и избенки всё крепкие *РК*$_п$
20 *Вместо* «время»: время и не успел *РК*$_п$
28 *Вместо* «усмехнувшись»: улыбнувшись *РК*, *РП*; *РЦ* — *нет этого слова*
31 *Вместо* «верно, его»: теперь, верно *РК*, *РП*$_п$
36 *Вместо* «скажите»: скажите, скажите *РП*, *РЦ*

Стр. 51

1 *Вместо* «умер»: умер ведь *РК*$_п$
2 *Вместо* «правда»: хоть, правда *РК*, *РП*$_п$
2 *Вместо* «что в них»: что с них *РК*
8 *Вместо* «от такой беды»: от такого горя *РК*, *РП*$_п$
12 *Вместо* «не на чем»: не в чем *РК*, *РП*$_п$
20 *Вместо* «деньги»: деньгу *РК*, *РП*
23 *Вместо* «и что ~ растолковать»: и что нужно прежде растолковать ей *РК*$_п$

Стр. 52

2 *Вместо* «Меня»: Да ведь меня *РК*$_п$
3 *Вместо* «Ну ~ крепколобая»: Эх ее, какая баба! *РК*, *РП*$_п$
9 «примите только в соображение то» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — примите в соображение только то
19 «мне продавать» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — продавать мне
20 *Вместо* «уступила»: продала *РК*$_п$
20 «Протопопу» *РК*, *РП*; *РЦ*, *МД* — Протопову; *МД*$_2$ — Протопопову
23 *Вместо* «спрашиваю»: спрашиваю у вас *РК*$_п$
28 *Вместо* «Послушайте ~ вы!»: Да помилуйте, матушка *РК*; *РП*$_п$ — Да пожалуйста, матушка
30 *Вместо* «Вы возьмите ~ фабрику»: больше ничего. Старая тряпка, которая никуда не годится, и та больше стоит, потому что тряпку, по крайней мере, на бумажную фабрику купят *РК*$_п$
37 *Вместо* «Эк ее»: эк *РК*

Стр. 53

18 «зато же» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — зато
20 в погребе *РЦ*, *МД*; *РК*, *РП* — в погребу
21 *Вместо* «Тут ~ старания»: Вы здесь не прилагали с своей стороны, так сказать, никакого труда *РК*$_п$
30 *Вместо* «маненько»: маленько *РК*, *РП*, *РЦ*

33 «На что они им» *РК, РП*; *РЦ, МД* — *нет*
35 *Вместо* «понадобятся»: понадобится *РП, РЦ*
37 *Вместо* «и смотрела»: да и смотрела *РП, РЦ*
37 *Вместо* «почти»: отчасти $РК_{п}$

Стр. 54

20 *Вместо* «загадать на картах после молитвы»: «после молитвы загадать на картах» *РК*
21 *Вместо* «наслал»: послал *РП, РЦ*
22 *Вместо* «рога-то»: роги-то *РК*
24 *Вместо* «хотел»: хотя бы $РК_{п}$
25 «пропади они» *РК*; *РП, РЦ, МД* — пропади
31 *Вместо* «закупать»: покупать $РК_{п}$
33 *Вместо* «и без ~ размышления»: хоть и не с большим умыслом $РК_{п}$

Стр. 55

3 *Вместо* «Ну, да»: Да что с тобой делать $РК_{п}$
4 *После* «только»: пожалуйста, уж $РК_{п}$
5 *Вместо* «ржаной»: оржаной *РК*
7 *Вместо* «он»: герой наш *РК*, $РП_{п}$
13 «избавить от» *РК, РП*; *РЦ, МД* — избавить
14 «сочинить» *РЦ, МД*; *РК* — сочинить его; *РП* — сочинить ее
17 *После* «задобрить»: и употчивать получше $РК_{п}$
18 «спекла» *МД*; $МД_{2}$ — испекла
19 *Вместо* «также»: так *РП, РЦ*
19 *Вместо* «загибают»: делают, а уж он был бы совсем кстати $РК_{п}$
21 *Вместо* «в исполненье ~ стряпни»: мысль в исполнение $РК_{п}$
23 «вышел тоже» *РК*; *РП, РЦ, МД* — вышел
26 *Вместо* «перины»: тюфяки $РК_{п}$
26 «накрытый» *РК*; *РП, РЦ, МД* — покрытый
27 *Вместо* «Поставив»: Поставивши $РК_{п}$
27 *После* «он»: прежде чем отпереть ее $РК_{п}$
28 *Вместо* «что был»: что он был *РЦ*
28 *После* «в реке»: В самом деле $РК_{п}$
31 *Вместо* «Автор уверен»: Я знаю $РК_{п}$
31 *Вместо* «такие»: до такой степени $РК_{п}$
33 *Вместо* «Пожалуй ~ всякие»: пожалуй, вот оно: по середине металлическая мыльница: с одной стороны ее узенькие перегородки для бритв, с другой — для чернильниц с лоточком для перьев; потом опять $РК_{п}$
35 *Вместо* «квадратные закоулки»: четвероугольные, уголки *РК*, $РП_{п}$
38 *Вместо* «крышечек»: крышек *РК, РП, РЦ*

Стр. 56

1 *Вместо* «для того что ~ верхний»: наполненные кое-какими мелочами и большим количеством всяких билетов: похоронных, теа-

тральных и разных других, которые он имел привычку оставлять на память. Весь этот *РК*$_{и}$

1 *Вместо* «наполненные»: наполненные всякими *РК*, *РП*$_{и}$

4 *Вместо* «находилось»: было *РК*$_{и}$

5 «потом ~ денег» *нет РК*

8 *Вместо* «Чичиков»: Он *РК (кар.)*, *РП*, *РЦ*

9 *Вместо* «тут же занялся»: тут же ими занялся *РК*, *РП*$_{и}$

9 *Вместо* «очинив»: взявши в руки *РК*$_{и}$

11 «ящичек» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — ящик

16 *Вместо* «сколько»: сколько-то *РК*

19 «листик» *РК*, *РП*; *РЦ*, *МД* — листок

26 *Вместо* «он ~ их»: и тут же взялась ему продиктовать *РК*, *РП*$_{и}$

28 *Вместо* «а еще более ~ останавливался»: и особенно придомками, так что он иногда подымал бровь, слыша их, и прежде на минуту останавливался *РК*$_{и}$

29 *Вместо* «всякой раз»: иногда *РК*, *РП*, *РЦ*

30 *Вместо* «поразил»: остановил *РК*, *РП*, *РЦ*

32 *Вместо* «Другой ~ к имени»: Потом какой-то другой с придомком *РК*$_{и}$

32 *Вместо* «имел»: носил *РК*

33 *Вместо* «иной»: а один *РК*$_{и}$

33 *Вместо* «оказался ~ Иван»: назывался просто Колесо *РК*

33 *Вместо* «он потянул ~ в масле»: услышавши запах чего-то горячего в масле, приятно пощекотавшего его ноздри *РК (кар.)*

36 *Вместо* «Прошу покорно»: А прошу [покорно] *РК (кар.)*

36 *Вместо* «Чичиков»: он *РК (кар.)*

37 *После* «грибки»: блинки *РК*, *РП*$_{и}$

37 *Вместо* «скородумки ~ не было»: и нивесть чего там не было *РК*$_{и}$

37 *Вместо* «скородумки ~ блины»: скородумки, сочни *РК*

Стр. 57

2 «припёкой со сняточками» *нет РК*

6 *Вместо* «пирог»: пирог уже *РК*$_{и}$

6 *Вместо* «всей»: всей этой *РК*$_{и}$

10 *Вместо* «а губы ~ вытер»: и вытер губы и руки *РК*$_{и}$

13 *Вместо* «послала»: послала с этим *РК*$_{и}$

13 *Вместо* «приказавши ~ время»: да с тем вместе приказала *РК*$_{и}$

14 «блинков» *РК*, *РП*; *РЦ*, *МД* — блинов

16 *Вместо* «принимаясь за принесенные»: принимаясь за вновь принесенные *РК*$_{и}$

19 *Вместо* «проговорила»: вскрикнула *РК*, *РП*$_{и}$

21 *Вместо* «Заложат, матушка, заложат»: Заложит, матушка, заложит *РК*

28 «еще» *РЛ*, *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — *нет*

29 *Вместо* «Филиппову посту»: Петрову дню *РК*$_{и}$

35 *Вместо* «Рассказать-то»: Рассказать *РК*, *РП*

Стр. 58

5 *После* «во дворе»: у нее, и мало-помалу совершенно переселилася в хозяйственный мир свой; пристально $РК_{п}$

6 *Вместо* «выносившую ~ да точно ли»: как будто бы хотела что-то сказать ей; обратила внимание на приближавшегося к крыльцу мужика, нетерпеливо желая знать, о чем донесет и что скажет мужик. А вот что скажет мужик... Но к чему знать нам, что скажет мужик, да и зачем так долго заниматься Коробочкой? Манилова ли, Коробочка ли, к чему в них пристально всматриваться? Хозяйственная ли жизнь, или не хозяйственная, зачем их сравнивать, лучше мимо и быстрее проходить всё. Иначе веселое мигом обратится в грустное, если только долго остановиться перед ним, и бог знает, какие тогда набредут мысли; может быть, наконец, даже станешь думать, да точно ли $РК_{п}$

9 *Вместо* «долго»: долго нам *РК*, *РП*

9 *Вместо* «Коробочкой»: ею *РК*, $РП_{п}$

11 *Вместо* «дивно»: странно *РК*, *РП*, *РЦ*

15 *Вместо* «человеческого совершенствования»: человечества $РК_{п}$

18 *Вместо* «лестницами, сияющей медью»: лестницами с сияющей медью $РК_{п}$

20 *Вместо* «умом ~ вытверженные мысли, мысли занимающие»: и объявить вытверженные мнения и мысли $РК_{п}$; *РК* — умом ~ вытверженные мысли, занимающие

23 *Вместо* «запутанных ~ дела»: запутанных управителями, приказщиками и собственным незнанием дела *РК*, $РП_{п}$ ($РП_{п}$ — *ошибка переписчика* незнакомым делом)

24 *Вместо* «какой политический ~ среди»: что делается во Франции... Но мимо, мимо! К чему наводить на то, что не пришло бы само собою?.. Но отчего же в средине $РК_{п}$

26 *Вместо* «Но мимо ~ об этом»: Но мимо такие мысли! Зачем сбивать людей с колеи, в которую они въехали, мало думая, прямо ли ведет колея, куда следует, или несется бог знает куды в сторону *РК*, $РП_{п}$

26 *После* «Но мимо»: [прочь такой вздор.] *РП*

27 «сама собою» *нет РК*

27 *Вместо* «вдруг ~ чудная»: пронесется вдруг какая-то иная $РК_{п}$

28 *Вместо* «пронесется»: проносится *РК*; $РП_{п}$ (*ошибка переписчика*) приносится; *РП*, *РЦ* — принесется

29 *После* «а уже»: иное означает лоб, как будто видят что-то глаза, и уже стал $РК_{п}$; *РК* — иное означает лоб, в один миг ока стал

29 *Вместо* «и уже ~ лицо»: и уже осветилось лицо $РК_{п}$; *РК* — и всё осветилось лицо; *РК (кар.)* — другим светом уже озарилось лицо

Стр. 59

3 *Вместо* «взлезть девчонке»: девчонке взлезть *РК*, $РП_{п}$

7 *Вместо* «был»: был отчасти *РК*, $РП_{п}$

10 *Вместо* «суров и с тем»: сурьезен и *РК*, $РП_{и}$
12 *Вместо* «когда»: как *РК*, $РП_{и}$
16 *Вместо* «был он»: он был очень *РК*, $РП_{и}$
17 *Вместо* «чубарому»: серому *РК*, $РП_{и}$
20 *Вместо* «словоохотного возницы»: его *РК*, $РП_{и}$
21 *Вместо* «угрюмых уст»: уст угрюмого возницы *РК*, $РП_{и}$
21 «на сей раз» *нет РК*
23 *Вместо* «сам ~ были»: самый саврасой и пристяжной гнедой были несколько *РК*, $РП_{и}$
25 *Вместо* «Чубарый»: Серый *РК*, $РП_{и}$
34 *Вместо* «девчонка»: девушка *РП (ошибка переписчика)*
36 *Вместо* «девчонка»: девочка *РП (ошибка переписчика)*
36 «показавши» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — показывая
37 *Вместо* «сказал»: отвечал *РК*, $РП_{и}$

Стр. 60

3 *Вместо* «экипаж»: бричку $РК_{и}$
5 *Вместо* «они не могли»: Чичиков не мог *РК*, $РП_{и}$
6 *Вместо* «было бы трудно»: весьма трудно было бы $РК_{и}$
8 «высыпят» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — высыплют
8 *Вместо* «довелось бы ~ уже»: может быть, опять пришлось бы поколесить $РК_{и}$
16 *Вместо* «ей»: девчонке $РК_{и}$
16 *Вместо* «проговорив ~ зубы»: сказав ей $РК_{и}$; *РК* — сказав сквозь зубы

Стр. 61

3 *Вместо* «закусить и подкрепиться»: подкрепиться и закусить $РК_{и}$
14 «ломоть осетра или» *нет РК*
16 *Вместо* «и стерляжья ~ молоками»: и горячие щи *РК*, $РП_{и}$
17 «заедаемая ~ плёсам» *нет РК*, $РП_{и}$
20 *Вместо* «Не один»: И не один *РК*, *РП*, *РЦ*
21 «половину» *МД*; $МД_{2}$ — половиною

Стр. 62

1 *Вместо* «ниже́ ~ приобресть»: не приобретешь $РК_{и}$
2 *Вместо* «бывает»: есть $РК_{и}$
8 *Вместо* «резко и живо»: несколько $РК_{и}$
11 *После* «сени»: озаренные светом, проходившим сквозь щели в стенах и досках $РК_{и}$
11 *Вместо* «он»: Чичиков *РК*, $РП_{и}$
11 *После* «дверь»: и вместе с нею исходивший свет *РК*; $РП_{и}$ — и вместе с нею
13 *Вместо* «попались»: встретили $РК_{и}$
15 *Вместо* «каких»: которых $РК_{и}$
15 «повыстроено» *РК*, *РП*; *РЦ*, *МД* — выстроено *(ошибка РЦ)*

21 *Вместо* «натыканные ~ степени»: образа, убранные душистыми травами и гвоздиками, которые до такой степени все высохли $РК_п$

21 *После* «натыканные»: [за образами] *РК*

31 *Вместо* «дыбилась»: дубилась *РК*, *РП*, *РЦ*

33 *Вместо* «никак нельзя»: трудно $РК_п$

Стр. 63

2 *Вместо* «мало»: немного *РК*, $РП_п$

4 *После* «узнать»: заезжают ли помещики в трактир и $РК_п$

6 *Вместо* «Чепраков полковник, Собакевич»: Чепраков, полковник Собакевич *РП*, *РЦ*

7 *Вместо* «спросил он»: спросил он с более живым участием $РК_п$

8 *Вместо* «будет»: куды $РК_п$

12 *Вместо* «подбавки»: надбавки *РК*, *РП*, *РЦ*

14 *Вместо* «он»: Чичиков *РК*, $РП_п$

14 *Вместо* «кушая ~ кусок»: кушая в то же время поросенка, которого оставался уже один последний кусок $РК_п$; *РК* — продолжая в то же время заниматься поросенком, которого уже оставался один последний кусок, поднятый на вилку и омокнутый в хрен

16 *Вместо* «подъехавшего»: какого-то подъехавшего дорожного *РК*, $РП_п$

17 *Вместо* «бричку»: бричечку $РК_п$

21 «просто» *зач. в РК, но перешло в след. рукоп. (до конца абз. исправления РК не вошли в след. рукопись и оконч. текст совпадает с* $РК_п$*)*

21 *Вместо* «полосатом»: полосатом стеганом *РК*

23 *Вместо* «изорванными»: поистертыми *РК*, $РП_п$

23 «веревочной упряжью» *нет РК*

26 *Вместо* «махая в то же время»: в то же время живо махая *РК*

30 *Вместо* «или ~ издержанный»: и несколько поиздержанный $РК_п$, $РП_п$; *РК* — несколько поиздержанный

31 *Вместо* «По ~ его»: По загоревшей физиономии $РК_п$

33 *Вместо* «на что ~ тем же»: Чичиков тоже ответил поклоном $РК_п$

35 *Вместо* «хорошо ~ начало»: познакомились, потому что начало *РК*

38 *Вместо* «и теперь ехать и прохладно»: и ехать сделалось прохладно *РК*

Стр. 64

1 *Вместо* «сбросив»: сбросил *РК (кар.)*

2 *Вместо* «молодцовато взъерошив»: и взъерошив $РК_п$

4 «как снег» *нет РК*, $РП_п$

8 *Вместо* «обе руки»: руки *РК*, *РП*, *РЦ*

8 *Вместо* «при виде»: когда увидел *РК*

15 «продолжал далее» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — продолжал

15 *Вместо* «Поздравь ~ пух»: Ну, братец, как продулся $РК_{п}$
15 *Вместо* «поздравь»: поздравь меня *РК, РП, РЦ*
18 *Вместо* «чуть не»: несколько $РК_{п}$
20 «пересел» *РК*; *РП, РЦ, МД* — перелез
20 *Вместо* «Говоря ~ пальцем на»: Здесь он указал на белокурого $РК_{п}$
21 «указал» *РК*; *РП, РЦ, МД* — показал
25 «просто всё» *РК*; *РП, РЦ, МД* — всё
25 *Вместо* «всё спустил»: которых привел было с тем, чтобы продать, но даже четверню собственную, на которой приехал, спустил $РК_{п}$
26 *Вместо* «Ведь на мне»: Ей-богу! ведь на мне $РК_{п}$; *РК* — На мне
31 *Вместо* «отыграл бы»: отыграл *РК, РП*
32 *Вместо* «сейчас»: как ни в чем не бывало $РК_{п}$
34 «однако ж» *РК*; *РП, РЦ, МД* — однако
35 *Вместо* «тут же просадил»: тот же час проиграл $РК_{п}$
36 *Вместо* «И не просадил бы! ей богу не просадил бы!»: И тогда бы выиграл, ей богу, выиграл $РК_{п}$
37 *Вместо* «право ~ утку»: ей богу, выиграл бы! Не ставь я девятку, а поставь даму, как было и хотел сделать $РК_{п}$
37 *Вместо* «право»: ей богу *РК*, $РП_{п}$

Стр. 65

2 *Вместо* «загнул ~ А ты»: я сам был виноват. Небось, ты $РК_{п}$
2 *После* «загнул утку»: [недождавшись] *РК*
7 *После* «Чичиков»: сказал он, обратившись к нашему герою $РК_{п}$
8 *После* «дни»: то-есть так покутили, что разлюли только $РК_{п}$
8 *Вместо* «Правда»: Правда, что $РК_{п}$
11 *После* «цене»: прекрасно, брат, словом, так никогда еще не продавали $РК_{п}$
11 *Вместо* «Теперь даже»: Веришь, что даже теперь $РК_{п}$
15 *Вместо* «как»: так *РК*
17 *Вместо* «брат»: братец $РК_{п}$
19 *Вместо* «можно сказать»: кутили, так можно сказать, что $РК_{п}$
20 *Вместо* «Какого вина»: Каково вино *РК*, $РП_{п}$
22 *Вместо* «в вино»: в вино он *РК*
25 *Вместо* «ну, просто ~ эмпиреях»: так просто, братец, только губки облизывай $РК_{п}$
26 *Вместо* «что пред ним ~ Вообрази»: какого у губернатора тебе не дадут $РК_{п}$
28 *Вместо* «одну»: одну только $РК_{п}$
28 *Вместо* «бутылочку»: бутылочку какого-то *РК*, $РП_{п}$
29 *Вместо* «Запах»: Запах, братец, такой: и $РК_{п}$
30 *Вместо* «Уж так»: То-есть уж как *РК*.
34 *Вместо* «семнадцать»: семнадцати *РК, РП, РЦ*
37 *Вместо* «что»: что ты *РК, РП*

Стр. 66

1 *Вместо* «выпью»: выпью, — сказал Ноздрев *РК*, *РП*$_{и}$

12 *Вместо* «копейку»: карту *РК*, *РП*, *РЦ*

13 *Вместо* «Эх, Чичиков ~ en gros»: Ну, зачем ты право, не был. Карет, веришь ли, какая гибель! и всё это такое ангро *РК*$_{и}$

13 *Вместо* «Эх, Чичиков, ну»: Эх, Чичиков, [Чичиков], душа *РК*, *РП*$_{и}$

14 *Вместо* «смерть люблю тебя»: Я тебя смерть люблю Вот *РК*

17 «брат, было» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — было, брат

19 «прокрутил» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — прокутил

20 *Вместо* «сверх»: своих *РК*, *РП*$_{и}$

20 *Вместо* «если б ты знал»: брат *РК*$_{и}$

21 *Вместо* «балах»: балах и в театре *РК*$_{и}$

21 *Вместо* «была»: была, братец *РК*$_{и}$

22 *Вместо* «рюши ~ не было»: перья на ней, газы и тюли разные *РК*$_{и}$

25 *Вместо* «простых»: что даже простых *РК*$_{и}$

26 *Вместо* «попользоваться»: пользоваться *РК*

30 *Вместо* «А я к человеку ~ к кому едешь»: «Теперь я еду... есть одно нужное дело», отвечал Чичиков

«Вздор, вздор, братец, что за дело. Едем ко мне».

«Не могу, право, не могу».

«Ей-богу, врешь».

«Нет, не шутя говорю».

«Т. е. я готов биться о чем угодно, что врешь. Ну, посмотрим нарочно: ну, скажи, куда едешь».

«Да довольно тебе того, что нужно».

«Ну, да к кому же?» *РК*$_{и}$

31 *Вместо* «поедем»: едем *РП*, *РЦ*

35 *После* «нужное»:

«Ну вот же, право, врешь, не нужное».

«Не шутя *РП*; *РЦ* *(только последняя строка)*: «Не шутя

38 *Вместо* «захохотал ~ слово, сказал Чичиков»: начал хохотать во всё горло.

«Что ж тут смешного?» сказал Чичиков, несколько недовольный таким громким смехом.

«Если б я не знал твоего характера, так мог бы подумать еще, что правда... Ну, что вы с ним будете делать?»

«Как что? я обещал его посетить, дал слово». *РК*$_{и}$

Стр. 67

1 *Вместо* «у которого»: у которого при том действии *РК*, *РП*$_{и}$

2 *Вместо* «сахар»: снег *РК*, *РП*$_{и}$

3 *Вместо* «вскидывается ~ очи»: вздрагивает спросонья, всхрапнувши на диване *РК*, *РП*$_{и}$

4 «и произнося ~ разобрало!» *нет РП*

4 *Вместо* «произнося ~ разобрало : произносит: эк его рассмеялся *РЦ*

7 *Вместо* «во всё горло»: [во всю глотку] *РК*

11 *Вместо* «жидомор»: жид *РК*, $РП_{н}$

14 «поедем-ка сейчас ко мне» *РК; РП, РЦ, МД* — поедем ко мне

14 *Вместо* «попотчую!»: поподчиваю! *РК, РП*

14 *Вместо* «попотчую»: поподчиваю! Так масло и каплет, сквозь четыре бумаги жир прошел $РК_{н}$

27 *Вместо* «ни за самого ~ ни Хвостырева»: брат! За миллион не отдавал хозяин. Я уже отдавал ему за него свою коляску и чалую кобылу, которую ты знаешь $РК_{н}$

33 *Вместо* «Впрочем, давай»: Дай уж, чорт тебя побери $РК_{н}$

33 *Вместо* «давай»: дай *РК, РП, РЦ*

37 *Вместо* «Давай уж»: дай уж *РК*

38 *После* «канарейка»: продолжал Ноздрев $РК_{н}$

Стр. 68

5 *Вместо* «сюда»: сюды *РК, РП*

7 «но ~ позамаслянней» *нет РК*

10 *Вместо* «на все»: во все *РК*; *РП* — все

14 *Вместо* «сделал»: делал *РК, РП, РЦ*

26 *Вместо* «Да, хорошая»: что хорошая *РК, РП, РЦ*

28 *Вместо* «Не желая ~ Чичиков»: Чичиков, не желая обидеть его $РК_{н}$

29 *Вместо* «сказавши»: также и сказал, что $РК_{н}$

31 *Вместо* «Настоящий мордаш»: Чистый меделян $РК_{н}$

32 *Вместо* «мордаша»: доброго меделяна $РК_{н}$

35 *Вместо* «пять»: Ведь пять $РК_{н}$

35 *Вместо* «всего»: только $РК_{н}$

37 *Вместо* «А что ж ~ дорого»: Чичиков подумал про себя таким образом: Ноздрев малый разбитной, к тому ж и помещик, да еще и проигрался, — из этого кое-что можно извлечь. «Ну, поедем», сказал он: «чур не задержать только; мне время нужно» $РК_{н}$

37 *Вместо* «заеду я»: поеду-ка я *РК; РП, РЦ* — заеду-ка я

Стр. 69

1 *Вместо* «Горазд он»: Он горазд *РК*, $РП_{н}$

2 *Вместо* «у него ~ выпросить»: горазд сбыть с рук всё, что хочешь *РК*, $РП_{н}$

2 «кое-что» *нет РК, РП, РЦ*

4 «Вот это хорошо» *нет РК, РП, РЦ*

5 *Вместо* «поцеловались»: крепко поцеловались *РК, РП*

6 *Вместо* «втроем»: втроем так $РК_{н}$

21 *Вместо* «словом ~ гадью»: И часто видел в природе давний раздор между словами: «вблизи» и «вдали», и много, очень много разницы великой между первым и вторым взглядом, обращенным на один и тот же предмет $РК_{н}$

24 *Вместо* «надел»: и надел *РК*$_{п}$

30 *Вместо* «двугривенник»: двугривенничек *РК*, *РП*, *РЦ*

30 «отвечала» *РК; РК*$_{п}$, *РП*, *РЦ*, *МД* — сказала

31 *Вместо* «полтину»: полтину и *РК*

37 *Вместо* «зять»: гость *РК*, *РП*

38 «могли очень» *РК; РП*, *РЦ*, *МД* — могли

Стр. 70

5 *Вместо* «то сделаем»: то мы сделаем *РК*$_{п}$

6 *Вместо* «скажем ~ называются»: займемся в это время характеристикою Ноздрева, лица, которое, как увидит впоследствии читатель, будет играть не маловажную роль в нашей поэме. Есть много на Руси людей, которых обыкновенно называют *РК*$_{п}$

11 *Вместо* «слывут»: которые слывут *РК*$_{п}$

12 *Вместо* «и при всем ~ поколачиваемы»: но которых, однако ж, весьма часто и даже довольно больно поколачивают *РК*$_{п}$

14 *Вместо* «Они»: Они чрезвычайно *РК*$_{п}$

14 *Вместо* «как»: так *РП*, *РЦ*

15 *Вместо* «кажется, навек»: такую, как будто на столетие *РК*$_{п}$

17 *После* «всегда»: почти бывают *РК*$_{п}$

18 *Вместо* «лихачи ~ видный»: лихачи и народ видный из себя *РК*$_{п}$

19 «и в двадцать» *РК; РП*, *РЦ*, *МД* — и двадцать

19 *Вместо* «охотник»: Веселый малый, охотник *РК*$_{п}$

21 *Вместо* «оставивши»: оставивши ему *РК*$_{п}$

22 «были ему» *РК; РП*, *РЦ*, *МД* — ему были

23 *Вместо* «Дома ~ таковым»: Будучи владетелем двух деревень, своей и жениной, он при всем том никогда не просиживал более одного дня дома. Как только где была ярмарка или какой-нибудь модный съезд, вечеринка или бал, нос ли уж у него такой был чуткой, или сама судьба это так судила по пословице: «на ловца зверь бежит», только не успеешь поворотиться, смотришь, и Ноздрев уже стоит: или спорил довольно жарко, или бился об заклад, или заводил сумятицу за зеленым столом, потому что Ноздрев, как и все почти такого рода люди, имел *РК*$_{п}$

28 *Вместо* «из первой главы»: у прокурора *РК*$_{п}$

29 *Вместо* «безгрешно ~ оканчивалась»: чисто. Он знал очень много разных фокусов, передержек и множество других тонкостей. Но удивительнее всего, что, несмотря на ловкость и живость, всегда случалось каким-нибудь странным образом (или уже такая судьба его была), что эти фокусы как-то обрывались, как будто бы сам сатана отдвигал вдруг ширмы, за которыми они творились и показывал присутствующим весь их механизм, и потому эти банчики всегда почти оканчивались *РК*$_{п}$

36 *Вместо* «бакенбарды скоро»: в непродолжительном времени бакенбарды *РК*$_{п}$

38 *Вместо* «он ~ времени»: что чрез несколько времени он, глядь, *РК*$_{п}$

Стр. 71

3 *Вместо* «Ноздрев»: Чтобы выразиться вернее, Ноздрев *РК*$_{п}$

5 *Вместо* «непременно происходила»: но непременно случалась *РК*$_{п}$.

11 *Вместо* «наврет»: врет *РК; РП, РЦ* — врал

11 *Вместо:* «вдруг расскажет»: расскажет *РК; РП*$_{п}$ — рассказать

15 *Вместо* «Есть ~ причины»: Всякой знает, что есть много на свете людей, которые имеют страстишку кому-нибудь да нагадить, хотя бы в этом и не было большой нужды, но без этого уж как-то неловко. И люди такие встретятся не только в рядах пониже, но весьма часто между самыми просвещенными, самыми образованными людьми, даже занимающими почетные должности *РК*$_{п}$

15 «нагадить» *нет РК*

17 *Вместо* «даже человек»: человек уже *РК*$_{п}$

18 *Вместо* «предметах ~ вызывающих»: материях высоких, предметах истинных, глубоких и призывающих *РК*$_{п}$

20 *Вместо* «И нагадит так, как простой»: и притом нагадит таким образом и в таком размере как *РК*$_{п}$

21 *Вместо* «вовсе не так»: не *РК*$_{п}$

22 «предметах высоких и предметах вызывающих» *РК; РП, РЦ, МД* — предметах, вызывающих

24 *Вместо* «пожимая плечами»: разинув рот *РК, РП*$_{п}$

26 *Вместо* «распускал ~ и вовсе»: наделивши обыкновенно его какою-нибудь такою небылицею, что просто уши вянули. Но так как исстари замечено, что чем глупее и нелепее дичь, тем более на нее бывает стрелков, то подобная небылица всегда имела успех. Если он узнавал, что приятель его женится, то за день до свадьбы успевал родственникам невесты наболтать про жениха столько про его неспособности и разные небывалые связи, что те захлопывали дверь под нос изумленному искателю, никак не могшему постичь причины такой внезапной перемены. Если же узнавал, что приятель его готов совершить выгодную покупку, то являлся, как снег на голову, набавлял цену, сам не покупал и расстраивал дело. И это вовсе не происходило от того, чтобы он был какой-нибудь демон и смотрел на всё черными глазами. Ничуть не бывало. Он смотрел на мир довольно веселыми глазами, и сделанная им пакость никак не доставляла ему радости, но просто было что-то необходимое, как хлеб, без которого нельзя жить. Сделавши такое дело, он вовсе *РК*$_{п}$

28 «вашим» *МД; МД*$_{2}$ — нашим

31 *После* «заедешь»: В поступках его много было завоевательного. Начнет склонять так настойчиво, что, наконец, сам не зная каким образом, наконец, соглашаешься на его просьбу. И не только люди,

в существе слабые, похожие характером на белокурого его зятя, но даже коротко знавшие его, называвшие его армейским, но удовлетворительным словом «черняк», упорно отвергавшие все его просьбы, — эти же самые чрез несколько минут садились вновь играть с ним и потом чрез несколько минут, само собою разумеется, опять угощали его сапогами $РК_{п}$

32 *Вместо* «то есть»: или по-просту $РК_{п}$; *РК* — то есть в смысле

33 *Вместо* «В ту же ~ предприятие»: Познакомившись с вами, он вам предлагал всё, что угодно: ехать, куда желаете, и прежде всего $РК_{п}$

34 *Вместо* «какое хотите»: какое-нибудь *РК*, *РП*, *РЦ*

36 *После* «выиграть»: что-нибудь $РК_{п}$

37 *Вместо* «юркости и бойкости»: деятельности и живости $РК_{п}$

Стр. 72

1 *Вместо* «напасть ~ его»: иногда и он нападал на такого молодца, которого мог обчистить кругом, оставивши ему одну только рубашку, тогда $РК_{п}$

6 *После* «сапогов»: поповских риз *РК*, $РП_{п}$

7 *Вместо* «Впрочем ~ человеком»: Две или три телеги едва вмещали всю его покупку. Однако ж редко, очень редко случалось, чтобы всё это довозил он в целости домой, но в тот же самый день спускал он их гораздо счастливейшему игроку, прибавив даже собственную трубку с кисетом и мундштуком, а иногда и всю четверку, на которой приехал, с хомутами, коляской, кучером, со всем, и отправлялся в коротеньком сертучке искать какого-нибудь приятеля, чтобы попользоваться его экипажем и доехать с ним вместе. Вот каков был Ноздрев. Еще бы можно кое-что прибавить, но, впрочем, мы с ним встретимся еще не один раз $РК_{п}$

7 *Вместо* «это»: всё это *РК*, *РП*, *РЦ*

8 *Вместо* «оно всё»: всё *РК*

13 *После* «экипажем»: и доехать с ним вместе *РК*, $РП_{п}$

13 *Вместо* «какой»: каков *РК*

15 *Вместо* «нет уже Ноздрева»: уже нет Ноздревых *РК*

15 *Вместо* «несправедливы ~ говорить так»: несправедливы читатели *РК*, $РП_{п}$

17 *Вместо* «Он ~ нами»: Он есть *РК*; *РП* — Он и то *(ошибка переписчика)*.

20 *Вместо* «подкатили ~ Ноздрева»: достигнули его деревни. Было три часа, когда они вступили в господские комнаты $РК_{п}$

21 *Вместо* «В доме»: В доме решительно $РК_{п}$

24 *После* «песню»: состоявшую из двух гласных: *а* и *о* $РК_{п}$

25 *Вместо* «козлы»: козлов *РК*

27 *Вместо* «сообразив это»: Сообразивши все эти обстоятельства $РК_{п}$; *РК* — Сообразивши это

28 *Вместо* «увидел»: увидел ясно $РК_{п}$

28 *Вместо* «они ~ за стол»: он никак не мог обедать $РК_{н}$
29 *После* «возвратившись»: тот же час $РК_{н}$
29 *Вместо* «гостей»: гостей своих $РК_{н}$
33 *Вместо* «каурую»: чалую $РК_{н}$
37 *Вместо* «одной»: одной тысячи $РК_{н}$

Стр. 73

3 *Вместо* «захотел»: хотел *РК, РП, РЦ*
5 «тоже очень хорошие» *РК; РП, РЦ, МД* — тоже хорошие
8 *Вместо* «как у себя»: как будто у себя $РК_{н}$
10 *После* «сказал он»: своим гостям $РК_{н}$
11 *После* «зверем»: После этого повел он их в амбар показывать одеяло, сшитое из натравленных им зайцев. Осмотревши одеяло $РК_{н}$
14 *Вместо* «сказал ~ игда!»: покажу теперь пару щенков самой чистой псовой породы, — сказал Ноздрев $РК_{н}$
15 *Вместо* «крепость ~ изумление»: крепости в черных мясах непостижимой *РК*, $РП_{н}$
17 *Вместо* «выстроенному ~ маленькому домику»: низенькому домику $РК_{н}$; *РК* — выстроенному ~ низенькому домику.
18 *Вместо* «на двор»: в этот двор $РК_{н}$
19 *Вместо* «всяких собак ~ здороваться»: Разбоя, Разора, Касатку, Красотку, Птицу, Змейку, которые, пустивши мельницами хвосты, побежали во весь галоп к ним навстречу и начали здороваться с ними совершенно без всякой церемонии $РК_{н}$
23 «порхай» *нет РК*
28 *Вместо* «Обругай»: Разбой $РК_{н}$
31 *Вместо* «собак ~ мясов»: щенков $РК_{н}$
32 *Вместо* «собаки»: щенки $РК_{н}$
34 *Вместо* «издохнуть»: сдохнуть *РК*
35 *Вместо* «и суку»: суку *РК*
36 Вместо «где недоставало ~ мужика»: с изломанным камнем, осмотрели и мельницу $РК_{н}$

Стр. 74

5 *Вместо* «русаков ~ что земли»: зайцев такое множество, что просто земли $РК_{н}$
6 *Вместо* «одного»: одного из них $РК_{н}$
7 *Вместо* «Ну ~ рукою»: Ну, зайца ты руками не поймаешь $РК_{н}$
8 *Вместо* «А вот же ~ Ноздрев»: «Ей богу поймал», отвечал Ноздрев. «Хочешь я тебе даже покажу, пришедши домой, с него шкурку $РК_{н}$
15 *Вместо* «Сначала ~ грязь»: Чичиков, который ступал сначала осторожно, чтобы не загрязнить своих сапогов, наконец, увидел, что это ни к чему не служит, и брёл прямо $РК_{н}$
15 *Вместо* «Сначала они»: Гости сначала *РК*, $РП_{н}$
16 *Вместо* «увидя»: увидевши *РК*, $РП_{н}$

23 *Вместо* «вон»: видим мы там *РК*$_{п}$

23 «Всё это мое» *РК; РП, РЦ, МД* — всё мое

31 *Вместо* «Эх ты ~ головою»: Ну да без меня тут мой прикащик и купил *РК*$_{п}$

32 *Вместо* «ярмарке»: ярманке *РК (авт.)*

35 *Вместо* «покачал»: качал *РК*

36 *Вместо* «в котором ~ одно в»: и небольшую в соседстве с ним комнатку, где показал им ружья, тоже с виду не очень казистые, но из которых одно стоило *РК*$_{п}$

38 *Вместо* «только сабли»: сабли *РК, РП*$_{п}$

38 *Вместо* «два ружья»: ружья *РК, РП, РЦ*

Стр. 75

2 *Вместо* «были показаны»: показал *РК, РП*$_{п}$

4 *Вместо* «Вслед ~ приятности»: За сим показал Ноздрев своим гостям шарманку и проиграл тут же перед ними несколько разных штук. Шарманка эта играла очень хорошо и имела весьма приятный голос *РК*$_{п}$

4 *Вместо* «Ноздрев ~ ними»: и тут же провертел пред ними Ноздрев *РК, РП*$_{п}$

5 *После* «Шарманка»: [была] *РК*

6 *Вместо* «кажется, что-то случилось»: тоже случилось что-то особенное *РК*$_{п}$

8 *Вместо* «неожиданно завершался»: в свою очередь тоже оканчивался *РК*$_{п}$

9 *Вместо* «перестал вертеть»: окончил играть *РК*$_{п}$

10 *Вместо* «очень»: чрезвычайно *РК*$_{п}$

10 *Вместо* «никак ~ угомониться»: которая никак не хотела перестать *РК*$_{п}$

11 *Вместо* «Потом»: после того *РК*$_{п}$

12 *Вместо* «трубки ~ кисет вышитый»: гостям трубки, не так давно выигранный янтарный му<нд>штук, кисет вышитый ему *РК*$_{п}$

14 «и кисет» *РК; РП, РЦ, МД* — кисет

16 «в него» *зачеркнуто РК, восстановлено РП*

16 *Вместо* «у которой»: и у которой *РК*

17 *Вместо* «самой ~ совершенства»: самый рассубтильный деликатес. Потом Ноздрев велел подать привезенного им балыка *РК*$_{п}$

17 «субтильной» *РК; РП, РЦ, МД* — субдительной

17 *Вместо* «слово»: выражение *РК*

18 «у него» *нет РК, РП, РЦ*

19 *Вместо* «Обед ~ на вина»: Блюда за столом не играли важной роли, и сам хозяин мало на них обращал внимания; зато очень заботился о винах *РК*$_{п}$

21 *Вместо* «кое-что и вовсе»: кое-что вовсе *РК, РП, РЦ*

22 *Вместо* «более каким-то вдохновеньем»: представившимися на ту пору обстоятельствами *РК, РП*$_{п}$

23 «под руку» *нет* *РК*, $РП_{и}$

24 *Вместо* «сыпал перец»: сыпал перцу *РК*, $РП_{п}$

24 *Вместо* «попалась»: попалась под руку *РК*, $РП_{и}$

24 «пичкал» *нет* *РК*, $РП_{п}$

31 *Вместо* «Мадера ~ желудки»: Эта мадера была нестерпимо крепка, ибо купцы, зная уже вкус обитателей того округа, заправляли ее нещадно ромом и крепкою водкой $РК_{п}$

33 *Вместо* «ромом»: родной *РК*; $РП_{п}$ — водкой *(ошибка переп.)*; *РП а.* родной; *б. Как в тексте*

36 *Вместо* «наливал»; подливал $РК_{п}$

38 *Вместо* «Чичиков заметил ~ осторожным»: но сам показывал только для виду, будто наливает и пьет. Это Чичиков заметил и решился быть осторожным $РК_{п}$

Стр. 76

4 *Вместо* «В непродолжительном ~ Ноздрева»: Ноздрев велел подать еще какую-то рябиновку, которая, по словам его, имела $РК_{и}$

6 *Вместо* «к изумлению ~ силе»: кроме сильного запаха водки ничего не было $РК_{п}$

8 «какое даже» *РК*; $РК_{п}$ — которое; *РП*, *РЦ*, *МД* — которое даже

9 *Вместо* «Обед ~ сказал Ноздрев»: Хотя обед давно кончился, но гости всё еще сидели за столом. Чичиков давно бы хотел заговорить с Ноздревым насчет предмета, о котором читатель уже знает, и разведать что̀ и как у него и в каком числе. Но казалось ему как-то неловко заговорить [об этом] при зяте, который все-таки здесь посторонний человек, хотя он уже давно был в таком положении, что только зевал да клал себе на локоть голову. Наконец, встали из-за стола. Зять почувствовал, что загулялся, и стал отпрашиваться домой, но так лениво и вяло, как будто бы надевал на лошадь хомут клещами.

«Не пущу, не пущу», говорил Ноздрев, «право не пущу!» $РК_{п}$

10 *Вместо* «были перепробованы»: перепробованы *РК*, *РП*, *РЦ*

13 *Вместо* «Впрочем»: А впрочем *РК*, $РП_{п}$

15 *Вместо* «вдоволь»: вдоволь изрядно *РК*, $РП_{п}$

17 *Вместо* «таким»: так *РК*, $РП_{п}$

19 *Вместо* «клещами на лошадь»: на лошадь клещами *РК*, $РП_{п}$

21 *Вместо* «не обижай ~ мой»: поеду, мой друг $РК_{п}$

22 *После* «говорил зять»: не обижай меня таким образом $РК_{и}$

24 *Вместо* «сооружай ~ а я»: брат, ей богу $РК_{п}$

25 *После* «право»: будет в претензии $РК_{п}$

25 *Вместо* «я должен ей»: Я ей должен еще $РК_{п}$

27 *После* «меня»: право поеду, как честный человек поеду $РК_{п}$

28 *Вместо* «Ну ее ~ Нет, брат»: Вздор, вздор! Важное дело вы с ней станете делать. — Нельзя, брат, право нельзя! $РК_{и}$

28 *Вместо* «станете»: станем *РП*, *РЦ*

30 *После* «она»: такая, право, добрая жена, уж, точно, примерная *РК, РП, РЦ*

31 *Вместо* «такие... поверишь»: такие... что даже поверишь $РК_{п}$

32 «Я тебя» *МД; $МД_{2}$* — И тебя

34 *Вместо* «Пусть его ~ Ноздреву»: Да отпусти его, — сказал Чичиков, и потом прибавил Ноздреву на ухо: — что в нем толку $РК_{п}$

37 *Вместо* «растепелей ~ вслух»: нюнь $РК_{п}$

38 *Вместо* «фетюк»: Я тебя не держу $РК_{п}$

Стр. 77

1 *Вместо* «ты не ~ фетюком»: ты не говори так $РК_{п}$

2 *Вместо* «я ей жизнью»: Я ей, можно сказать, жизнью своею $РК_{п}$

4 *Вместо* «всё»: всё подробно *РК, $РП_{п}$*

4 *После* «рассказать»: чтобы ее утешить $РК_{п}$

6 *Вместо* «тебе ~ отзываться»: ты не отзывайся так о ней $РК_{п}$

11 *Вместо* «не замечая ~ поля»: сидя в бричке, и раскланивался, не замечая, что уже давно перед ним были одни пустые поля $РК_{п}$

12 *Вместо* «и перед»: и [что] перед *РК*

12 *После* «были»: [уже] *РК*

13 *Вместо* «слышала»: услышала от него $РК_{п}$

15 «Вон» *МД, РК; $РК_{п}$* — Вишь; *РП, РЦ* — Вот

16 «Да ведь такой... с ним» *РК; $РК_{п}$* — Да ведь такая жила; *РП, РЦ, МД* — Да ведь с ним

22 *Вместо* «погнувши»: нагнувши $РК_{п}$

23 *Вместо* «Ну»: чорт возьми $РК_{п}$

25 *Вместо* «Но Чичиков ~ просьба»: Но Чичиков вовсе не был расположен ни понтировать, ни держать банку. Ему хотелось скорее кончить дело, за которым приехал, и потому он тут же сказал: «прежде позволь, у меня есть до тебя маленькая просьба» $РК_{п}$

26 *Вместо* «как бы вдруг припомнив»: вдруг как бы вспомнив *РК; РП, РЦ* — как бы вспомнив

29 *Вместо* «Дай ~ просьба»: Дай мне слово, что сделаешь то, о чем тебя стану просить.

«Да, что ж ты хочешь просить?» $РК_{п}$

35 *Вместо* «Вот какая ~ еще»: Послушай, ведь у тебя, я чай, есть довольно умерших крестьян таких, которые $РК_{п}$

35 *Вместо* «у тебя есть»: у тебя *РК, РП*

37 *Примечание* «Фетюк ~ буквою» *вписано в РК*

38 «почитаемой» [некоторыми весьма] *РК; РП, РЦ, МД* — почитаемой некоторыми

Стр. 78

6 *Вместо* «нужно ~ словом, нужно»: это мой секрет $РК_{п}$

7 *После* «затеял»: Ведь я знаю тебя $РК_{п}$

7 *После* «Признайся, что»: такое затеял $РК_{п}$

8 *Вместо* «Да что ж ~ понюхать»: Вот уж и затеял! Совсем ничего даже просто и не предполагал ничего, а так $РК_{п}$

8 *После* «из»: [этакой дряни] *РК*

11 *После* «любопытный»: [Вот] *РК*

11 *Вместо* «хотелось ~ понюхать»: нужно понюхать *РК; РП, РЦ* — хотелось бы понюхать

14 *Вместо* «да что же ~ фантазия»: Да что ж тебе сказать? Здесь и сказать нечего $РК_{п}$

14 *Вместо* «ну, просто»: просто *РК, РП, РЦ*

17 *Вместо* «вот уж и нечестно»: душа, ну, вот уж и нечестно $РК_{п}$; *РК* — вот и нечестно; *РП, РЦ* — и нечестно

21 *Вместо* «подумал ~ мертвые»: подумал про себя Чичиков и на несколько минут остановился. Он вообще затруднялся, если дело клонилось к тому, чтобы изъяснить причины сей, еще никем доселе не предпринимаемой покупки, тем более, что была, точно, несколько странна. Подумавши несколько, он сказал Ноздреву, что умершие $РК_{п}$

21 «хоть бы» *нет РП, РЦ*

24 *Вместо* «хоть бы»: хоть *РК*

25 «окончить ему» *РК*; *РП, РЦ, МД* — окончить

27 *После* «ловко»: и что приведенный им $РК_{п}$

28 *Вместо* «довольно»: отчасти $РК_{п}$

28 *Вместо* «сказал»: произнес $РК_{п}$

36 *Вместо* «Ну вот уж ~ мошенник»:

«Ну, ей же ей, правда», сказал Чичиков: «уж здесь то ни на волос не солгал».

«Ну, я просто голову свою ставлю, что врешь», сказал Ноздрев.

«Ну, да почему ж тебе кажется, что я лгу?» сказал Чичиков.

«Ну, да уж так. Ведь я знаю хорошо тебя; ведь ты такой мошенник». $РК_{п}$

Стр. 79

1 «Езуит, езуит» *РК*; *РП, РЦ, МД* — *нет*

5 «Если» *РК*; *РП, РЦ, МД* — Ежели

7 *После* «Чичиков»: совершенно *РК (кар.)*

8 *Вместо* «оскорбляющее»: оскорблявшее *РК*, $РП_{п}$

9 *Вместо* «Он даже ~ обиделся»: а тем более бранное слово и притом еще устремленное лично к нему. Он даже не любил ни в каком случае фамилиярного с собою обращения, разве в таком только, когда особа была слишком высокого звания. И потому он оскорбился замечанием Ноздрева. $РК_{п}$

13 *Вместо* «повторил»: повторял *РК, РП, РЦ*

16 *Вместо* «Всему ~ присовокупил»: «Полно, оставь глупые шутки», произнес Чичиков обиженным голосом $РК_{п}$

16 *После* «сказал»: он *РК*

17 *Вместо* «пощеголять ~ речами»: произносить подобные речи *РК*, *РП*$_{и}$

22 *Вместо* «Эх, да ~ что ли?»: «Еще бы! Как будто это брильянт какой-нибудь, что-ли» *РК*$_{и}$

25 *Вместо* «брат»: братец *РК*$_{и}$

26 *Вместо* «просто ~ их»: был подарить мне их *РК*$_{и}$

27 *Вместо* «вовсе ~ скалдырник»: не такой, как ты *РК*$_{и}$

Стр. 80

1 *Вместо* «каурую»: чалую *РК*$_{и}$

13 *Вместо* «серого»: гнедого *РК*, *РП*$_{и}$

13 *Вместо* «каурой»: чалой *РК*$_{и}$

14 *Вместо* «такую пару, просто»: таких собак, что *РК*$_{и}$

17 «зацепит» *РК*; *РП*$_{и}$ — заделит; *РП*, *РЦ*, *МД* — заденет

18 *Вместо* «Да зачем ~ охотник»: «Зачем же мне собаки?», сказал Чичиков, «я не охотник». *РК*$_{и}$

22 *После* «тысячи»: рублей, а *РК*$_{и}$

24 *Вместо* «тащася»: идти *РК*

37 *Вместо* «подумал»: сказал *РК*$_{и}$

38 *Вместо* «и решился ~ лап»: и отказался решительно от брички *РК*$_{и}$

Стр. 81

7 *Вместо* «Экой ты ~ нельзя»: «Дрянь же ты! С тобой нельзя, как я вижу, как водится *РК*$_{и}$

7 «такой, право!» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — право, такой

10 *Вместо* «Да что же ~ ненужную»: И ты, однако ж, хорош! Зачем мне приобретать ненужную вещь? *РК*$_{и}$

10 «Зачем же мне» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — зачем же

14 *Вместо* «всех ~ тоже»: все мертвые души на карту; если хочешь, то и живых еще к ним прибавлю. Метнем! Выиграешь — ведь ни по чем придутся *РК*$_{и}$

16 «взглянул» *РК*; *МД*, *РП*, *РЦ* — взглянув

19 *Вместо* «Никакой ~ так и колотит»: Ты можешь чорт знает сколько выиграть. Чорт возьми, какое счастие! — говорил он, начиная метать для возбуждения задора. —Эдакого просто я никогда не видывал. Еще, еще! так и колотит. *РК*$_{и}$

21 «она» *нет РК*

22 *Вместо* «начиная»: принявши *РК*

24 *После* «просадил»: Веришь ли? сам *РК*$_{и}$

24 *Вместо* «продаст»: предает *РК*, *РП*, *РЦ*

24 *Вместо* «да уже ~ проклятая»: каналья, ей богу, чувствовал! Что прикажешь делать: зажмурив глаза, поставил; а! думаю себе: пропадай уж, чорт тебя возьми. *РК*$_{и}$

25 *Вместо* «продавай»: предавай *РК*, *РП*

35 *Вместо* «Что ж делать ~ прежде»: Чичиков и здесь пожал плечами и сказал, что так уж его бог создал. — Колпак эдакой. Я думал, право, $РК_{II}$

37 *После* «а ты»: как я вижу $РК_{II}$

38 *Вместо* «никак»: никогда $РК_{II}$

Стр. 82

3 *Вместо* «Да за что»: Да что *РК*, $РП_{II}$

3 *Вместо* «за что ~ я, что»: ты, брат, тоже изрядный чудак. Что ж делать, если $РК_{II}$

5 *Вместо* «дрожишь ~ вздору»: жалеешь подарить такую безделицу $РК_{II}$

5 «этакого» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — этого

6 *Вместо* «даром ~ гадкой»: подарить, даром, без всего, право, хотел, но теперь ни за что не получишь! Хоть миллион давай — не продам! Такой печник гадкой! $РК_{II}$

6 *После* «было»: [подарить] [отдать] *РК*

9 «ступай, поди» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — ступай

11 *Вместо* «Последнего ~ не ожидал»: Ты себе волен делать, что хочешь, — сказал Чичиков $РК_{II}$

14 *Вместо* «такую»: эту $РК_{II}$

17 *Вместо* «которое ~ отношениях»: до такой степени кислым, что они должны были не иначе пить его, как с водою $РК_{II}$

20 «тебе твоя постель» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — тебе постель

20 *Вместо* «Не хочу ~ тебе»: И доброй ночи не хочу тебе желать $РК_{II}$

22 *Вместо* «остался»: оставался несколько минут $РК_{II}$

23 *Вместо* «бранил ~ заехал»: что заехал к нему $РК_{II}$

24 *Вместо* «Но еще ~ за то»: Еще более раскаивался он в том $РК_{II}$

25 *Вместо* «заговорил»: заикнулся *РК*

25 *Вместо* «и поступил ~ себе»: которое вовсе не было такого рода, чтоб быть разглашенным, а тем более сделаться предметом каких бы то ни было толков $РК_{II}$

25 «и поступил» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — поступил

30 *Вместо* «очень»: весьма *РК*, $РП_{II}$

36 «чтобы приказать» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — приказать

37 *Вместо* «он»: Чичиков *РК*, $РП_{II}$

Стр. 83

5 *Вместо* «вчерашнего»: вчерашнего совершенно $РК_{II}$

5 *Вместо* «точно»: как будто *РК*, *РП*, *РЦ*

6 *Вместо* «переночевал»: ночевал *РК*, $РП_{II}$

10 *Вместо* «наяву»: на самом деле $РК_{II}$

10 *После* «наяву»: это было б еще лучше *РК*, $РП_{II}$

13 *Вместо* «Нужно»: вместе позавтракаем. На минуту нужно $РК_{II}$

15 *Вместо* «Когда ~ он»: Когда он после вышел *РК*$_{II}$

18 *Вместо* «щетка ~ вовсе»: щетка вовсе не притрагивалась, потому что *РК*$_{II}$

19 *Вместо* «хлебные крохи»: крохи хлеба *РК*, *РП*, *РЦ*

19 «была даже» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — даже была

20 *Вместо* «ничего ~ халатом»: кажется ничего не имел под своим халатом *РК*$_{II}$

23 *Вместо* «не любящего страх»: которые обыкновенно не любят *РК*, *РП*$_{II}$

24 *Вместо* «подобно цирульным вывескам, или»: как цирульная вывеска или общипанных *РК*$_{II}$

32 *Вместо* «А? ~ талию»: ведь одну только талию прокинем. *РК*$_{II}$

32 А? Прокинем *РК (авт.)*, *РП*; *РЦ*, *МД* — Прокинем

36 *Вместо* «выиграешь ~ ревизии»: выиграл — будут твои души все, сколько их ни есть. Ведь у меня душ семьдесят будет таких, что нужно вычеркнуть из ревизии *РК*$_{II}$

Стр. 84

5 *Вместо* «сыграю»: сыграю я *РК*, *РП*, *РЦ*

5 *После* «с ним»: в самом деле *РК*$_{II}$

6 *Вместо* «игрывал я»: я игрывал *РК*, *РП*, *РЦ*

8 «сыграю», сказал Чичиков *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — сыграю

9 *После* «рублях!»: сказал Ноздрев, — выиграешь — твои, проиграешь — мои сто рублей *РК*$_{II}$

10 *Вместо* «Зачем же?»: Зачем же сто *РК*, *РП*$_{II}$

Стр. 85

22 *Вместо* «а ты»: и ты *РК*, *РП*, *РЦ*

30 *После* «играть»: сказал Чичиков *РК*$_{II}$

31 *После* «играть?»: сказал Ноздрев *РК*$_{II}$

32 *Вместо* «нет возможности»: нельзя *РК*$_{II}$

Стр. 86

7 *Вместо* «тем»: этим *РК*, *РП*$_{II}$

9 «В это же» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — В это

9 «за ним» *РК*, *РП*; *РЦ*, *МД* — с ним

10 *Вместо* «совсем»: очень *РК*$_{II}$

19 *Вместо* «повторил»: повторял *РК*

20 *Вместо* «с лицом, горевшим»: которого лицо горело *РК*$_{II}$

26 *Вместо* «бледен»: бледнеть *РК*$_{II}$

26 *Вместо* «полотно»: мел *РК*, *РП*$_{II}$

27 *Вместо* «чувствовал»: чувствовал сам *РК*$_{II}$

28 *Вместо* «звука»: звуков *РК*$_{II}$

29 *Вместо* «Бейте ~ таким же»: и таким же самым точно *РК*$_{II}$

32 *Вместо* «своему ~ вперед»: «ребята, вперед!» — своему взводу $РК_{п}$
38 *После* «что»: безумно запальчивым поступком $РК_{п}$

Стр. 87

1 *Вместо* «миллионы»: миллион *РК*, *РП*, *РЦ*
4 *Вместо* «свищет ~ готовясь»: свищет несясь роковая пуля *РК*, *РП*, *РЦ*
5 *После* «глотку»: не слышит ничего раззадоренный поручик. Так и Ноздрев не видел и не слышал ничего пред собою $РК_{п}$
6 *Вместо* «подступившего»: подступающего *РК*, $РП_{п}$
8 *Вместо* «Напротив, крепость»: Крепость, напротив, *РК*, $РП_{п}$
14 *Вместо* «бока, плеча»: бока и плеча $РК_{п}$
15 *Вместо* «Неожиданным ~ задребезжавшие»: никак неожиданным образом: брякнули, задребезжав вдруг как будто с неба $РК_{п}$; *РК*, $РП_{п}$ — никак неожиданным образом. Брякнули, вдруг задребезжав как будто с неба
16 *Вместо* «ясно»: явственно $РК_{п}$
21 *Вместо* «вошел он»: он вошел *РК*
24 *Вместо* «г.»: господин *РК*
24 *Вместо* «незнакомец»: он $РК_{п}$
26 *Вместо* «едва начинал»: начинал понемногу *РК*; $РП_{п}$ — стал понемногу; *РП*, *РЦ* — едва начал
32 *Вместо* «мне»: мне от суда $РК_{п}$

Стр. 89

3 *Вместо* «закрывшись ~ пригорками»: и закрылась двойною и тройною оградой полей, отлогостей и пригорков $РК_{п}$
4 *Вместо* «со страхом»: с каким-то страхом $РК_{п}$
4 *Вместо* «как бы»: как бы ежеминутно $РК_{п}$
5 *Вместо* «налетит»: налетит на него $РК_{п}$
5 *Вместо* «Дыхание ~ попробовал»: Почти с трудом переводил он дыхание и, попробовав $РК_{п}$
7 *Вместо* «билось»: просто бьется $РК_{п}$
7 *Вместо* «смотри ~ слова»: произнес он, наконец, всё еще довольно тяжело переводя дух, и назвал Ноздрева совершенно справедливо разбойником, присоединив к тому и другие отвечающие названия, между которыми попались и нехорошие слова $РК_{п}$
10 *Вместо* «К тому ж ~ нешуточное»: извинить нужно. Притом, как бы то ни было, а положение его, точно, было такого рода, что всякая шутка была вовсе не у места. Дело было очень сурьезное $РК_{п}$
13 *Вместо* «далось бы»: далось *РК*, *РП*, *РЦ*
13 *Вместо* «Пропал бы ~ следа»: Ведь вот пропал бы, ни за что ни про что, как какая-нибудь курица глупая! $РК_{п}$
14 *После* «всякого»: после себя *РК*, $РП_{п}$
14 *После* «не оставивши»: после себя *РК*, $РП_{п}$

15 *Вместо* «не доставив»: и не доставивши $РК_{II}$; *РК*, $РП_{II}$ — не доставивши

16 *Вместо* «очень заботился о»: да будет читателю известно, очень заботился о будущих $РК_{II}$

17 «Я еще никогда» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — Я еще

20 *Вместо* «его»: его то-есть *РК*, $РП_{II}$

22 *Вместо* «думали»: думали очень $РК_{II}$

23 *Вместо* «Заседатель ~ чубарый был»: саврасой, но даже сам серой $РК_{II}$

Стр. 90

3 *Вместо* «он жевал»: Всё ж таки он жевал $РК_{II}$

4 *Вместо* «какое у них»: какое и у них *РК*, *РП*, *РЦ*

5 «продовольство» *РК*, *РП*; *РЦ*, *МД* — продовольствие

7 *Вместо* «все недовольные»: все наши недовольные $РК_{II}$

7 *Вместо* «среди ~ совсем»: самым $РК_{II}$

10 *Вместо* «наскакала»: прямо наскочила $РК_{II}$

10 *Вместо* «коней»: лошадей *РК*, *РП*, *РЦ*

10 *Вместо* «почти ~ угрозы»: в одно время раздался крик сидевших в ней дам и голос $РК_{II}$

11 *Вместо* «раздалися»: раздался *РК*, *РП*, *РЦ*

13 *Вместо* «в голос»: порядком $РК_{II}$

15 *Вместо* «что он»: что он совершенно $РК_{II}$

16 *Вместо* «тут же ~ приосанясь»: он почел необходимым прибавить с своей стороны $РК_{II}$; *РК* — тут же вымолвил приосанясь

18 «осаживать» *РК*; $РК_{II}$ *РП*, *РЦ*, *МД* — отсаживать

18 *Вместо* «высвободиться»: освободить $РК_{II}$

19 *Вместо* «чужой упряжи»: объятий упряжи $РК_{II}$

19 *Вместо* «всё перепуталось. Чубарый»: лошади и упряжь обоих экипажей совершенно перемешались между собою Серой $РК_{II}$

19 *Вместо* «перепуталось»: перемешалось *РК*, $РП_{II}$

22 «страха в глазах и во всем лице» *РК*; $РК_{II}$ — страха и замешательства; *РП*, *РЦ*, *МД* — страха в лицах

23 *Вместо* «Одна»: Из них одна *РП (кар.)*

23 «была уже» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — была

25 *Вместо* «головке»: головке мадонной *РК*, $РП_{II}$

26 *Вместо* «и, подобно ~ слезы»: и в нем была также почти та же прозрачная белизна, как в яичке, когда держат его против солнца. Ее ушки почти светились; при этом испуге слезы на глазах $РК_{II}$

30 *Вместо* «также»: тоже *РК*, *РП*

30 *Вместо* «сквозили ~ теплым»: сквозившие и обнялись каким-то теплым *РК*; $РП_{II}$ — сквозившие объятым каким-то теплым

37 *После* «то же»: с своей стороны *РК*, $РП_{II}$

Стр. 91

1 *Вместо* «чубарому»: серому $РК_{II}$

2 *Вместо* «попал»: попал такими $РК_{II}$

8 *Вместо* «благодать»: благодать божья $РК_{II}$

8 *Вместо* «немца»: нас $РК_{II}$

9 *Вместо* «бездна»: столько, что $РК_{II}$

11 *Вместо* «чубарому»: серому $РК_{II}$

15 *После* «кучер»: и правою и левою рукою $РК_{II}$

15 *Вместо* «не двигались и»: никак не хотели сдвинуться с места $РК_{II}$

17 *Вместо* «совался»: сулся *РК*

25 «на пристяжного, а на коренного» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — на пристяжную, а на коренную

27 *Вместо* «похожим ~ самовар»: только втрое больше того самовара $РК_{II}$

28 *Вместо* «прозябнувшего»: озябнувшего $РК_{II}$

33 «дядя Митяй и дядя Миняй сели оба на пристяжного, потом дядя Митяй и дядя Миняй сели оба на коренного» *РК; РП, РЦ, МД* — дядя Митяй и дядя Миняй сели оба на коренного

35 *Вместо* «длинный ~ торчит»: длинной и очень вялой комар, залетающий иногда в комнату и сидящий *РК*; *РП*, *РЦ* — длинный вялый комар, залетающий иногда в комнату и сидящий

37 *Вместо* «ногу»: ноги *РК*

37 *Вместо* «в ответ на что он»: в ответ и он *РК*, *РП*

Стр. 92

2 *Вместо* «а на пристяжного посадили»: на пристяжного посадили *РК*

13 *Вместо* «Селифан»: Селифан — кучер $РК_{II}$

18 *После* «дотоле»: явление *РК*, $РП_{II}$

20 *Вместо* «поперек»: в поперек *РК*

21 *Вместо* «печалям»: горечам $РК_{II}$; *РК*, $РП_{II}$ — горям

21 *Вместо* «жизнь наша»: иногда жизнь $РК_{II}$

27 *Вместо* «не надевая»: не понадевая *РК*

27 *Вместо* «из виду»: вдали $РК_{II}$

30 *После* «Чичикова»: при этом обстоятельстве $РК_{II}$

35 *Вместо* «в даль ~ в мире»: в пожирающую всё, что ни есть на земле, даль и властительно объятый пронесшимся явлением $РК_{II}$

35 *Вместо* «ожидающие»: имеющиеся *РК*; $РП_{II}$ *(ошибка)* — имеющие

36 *Вместо* «промедление»: промедленья [и просрочку] *РК*

36 «позабыв» *нет РК, РП, РЦ*

37 *Вместо* «в мире»: на свете *РК*, *РП*, *РЦ*

Стр. 93

3 «бабенка» *РК*, *РП*; *РЦ*, *МД* — «бабешка»

9 *Вместо* «захочет»: захочется *РК (кар.)*

11 *Вместо* «и выдет дрянь!»: И она непременно будет дрянь $РК_{II}$

12 *Вместо* «бабьём»: бабьим вздором $РК_{II}$

12 *Вместо* «что сам ~ узнает»: что просто ни сам родной брат не узнает $РК_{II}$

13 *Вместо* «не узнает»: не узнал *РК*; $РП_{II}$ — не узнал бы

13 *Вместо* «Откуда»: В ней $РК_{II}$

13 *Вместо* «и чопорность ~ придумывать»: она уже будет думать вытверженные наставления $РК_{II}$

14 *Вместо* «ворочаться»: ворочать *РК*, $РП_{II}$

16 *Вместо* «как на кого»: и как какою $РК_{II}$

17 *Вместо* «чтобы не сказать больше чем нужно»: чтобы не сказать кому чего-нибудь лишнего $РК_{II}$

21 *Вместо* «богатый ли ~ на службе»: находится ли на службе государственной, или живет помещиком в собственных поместьях $РК_{II}$

23 *Вместо* «Ведь»: Ведь это $РК_{II}$

26 *Вместо* «привлекательно стали»: стали привлекательно *РК*, *РП*, *РЦ*

27 *Вместо* «внутренно ~ хлопотни»: несколько раз досадовал на себя за то, что в продолжении того, как хлопотали $РК_{II}$

31 *Вместо* «к своему ~ предмету»: к предмету постоянно их занимавшему $РК_{I}$

38 *Вместо* «Было»: очень было $РК_{II}$

Стр. 94

1 *Вместо* «зодчий ~ только три»: архитектор должен был беспрестанно бороться со вкусом хозяина. Портик состоял из четырех непомерно толстых колонн. Дверь, бывшая посередине между двумя средними колоннами, была заколочена, а на место ‹ее› была прорублена, по приказанию хозяина, другая сбоку. По одну сторону портика было шесть окон, по другую на такой же ‹стене› три, из которых одно маленькое, в виде отдушничка, на самом почти углу, потому что хозяину с этой стороны понадобился темный чуланчик $РК_{II}$

5 *Вместо* «тоже никак»: никак *РК*

8 *Вместо* «не четыре ~ три»: не шесть колонн, как следовало, а только пять *РК*; *РП*, *РЦ* — не шесть колонн, как было назначено, а только пять

10 *Вместо* «Помещик ~ прочности»: Хозяин, сам будучи состроен очень прочно, казалось, хотел, чтоб и в хозяйстве всё было прочно $РК_{II}$

11 *Вместо* «полновесные ~ спрятались»: такие толстые бревна, что, казалось, не сгнить им во веки. Деревенские избы, хозяйство — всё это было крепко, солидно и в порядке. Когда Чичиков подкатил к крыльцу, он заметил выглянувшие из окна разом два лица: одно женское в чепце, узкое и длинное, как огурец, другое мужское, круглое, широкое, несколько красноватое, как бывают хорошие молдаванские тыквы. Выглянувши, они тот же час вслед за тем спрятались $РК_{II}$

13 *Вместо* «срублены»: срубленные *РК*, $РП_{II}$

14 *Вместо* «резных узоров»: узоров *РК*

14 *Вместо* «затей»: затеев *РК*

18 *Вместо* «неуклюжем»: аляповатом, крепком *РК*; $РП_{II}$ — аляповатом

22 *Вместо* «легкие»: звонкие *РК*, $РП_{II}$

24 *Вместо* «посвистывающего»: подсвистывающего *РЦ*

25 «белошейных» *МД*; $МД_2$ — белошеих

25 *После* «девиц»: увешанных сорками, гривнами, крестами и всякими прочими *РК*, $РП_{II}$

25 *Вместо* «тихострунного»: тихого *РК*, $РП_{II}$

27 *Вместо* «серой»: какой-то необыкновенной $РК_{II}$

27 *Вместо* «стоячим»: военным $РК_{II}$

28 *Вместо* «куда»: в которые $РК_{II}$

29 *Вместо* «Увидев ~ прошу»: Собакевич, увидевши гостя, не затруднился никакими вопросами о здоровьи, а сказал только: «прошу покорнейше» $РК_{II}$

32 *Вместо* «весьма»: очень $РК_{II}$

32 *Вместо* «средней величины»: среднего роста $РК_{II}$

34 *Вместо* «рукава ~ Известно»: а обшлага рукавов были так длинны, что он должен был их поднимать поминутно, когда хотел высунуть оттуда руку. Панталоны на нем были тоже очень широки и страшно длинны; ступни его захватывали такое большое пространство, что чужим ногам всегда становилось тесно. Цвет лица его был очень похож на цвет недавно выбитого медного пятака. Да и вообще всё лицо его несколько сдавало на эту монету: такое же было сдавленное, неуклюжее; только и разница, что вместо двуглавого орла были губы да нос. Я думаю, читателю не безызвестно $РК_{II}$; *РК—а.* а обшлага рукавов были так длинны, что он должен был их поднимать поминутно, когда хотел высунуть оттуда руку. Такого же цвета были панталоны, длинные и широкие и [не] в пример всяким другим, ступая широкими ступнями своими, он производил всякой раз сотрясение половых досок и захватывал так много пространства, что чужим ногам всегда почти было не выгодно относительно мозолей. Такого здорового цвета лица Чичиков еще и не видывал, это был совершенно цвет только что выбитого медного пятака. Впрочем, даже складом и уклюжеством оно походило на эту монету, всей разницы только и было, что вместо штемпеля на нем помещались нос, губы и прочее, что бывает на человеческом лице. Всему свету известно, что есть на земле много таких; *б. Как в тексте*

35 *Вместо* «чужие ноги»: ноги *РК*, *РП*, *РЦ*

36 *Вместо* «имел»: он имел *РК*, $РП_{II}$

37 *После* «лиц»: и физиогномий $РК_{II}$

Стр. 95

5 *Вместо* «Такой же ~ неповорота»: Такое же самое лицо было у

Собакевича. Голову он держал более вниз, нежели вверх; шея не ворочалась вовсе, от чего случалось, что он $РК_{II}$

12 *Вместо* «он»: Чичиков $РК_{II}$

14 *Вместо* «тот же час»: потому спросил Чичикова $РК_{II}$

15 *Вместо* «Но Чичиков ~ прошу»: — Нет, покорнейше благодарю, — отвечал Чичиков: — хотя бы и случилось какое беспокойство, то это совершенно ничего не значит. — На это Собакевич ничего не отвечал и повел гостя далее. Когда вошли они в гостиную, Собакевич сказал гостю: — Прошу садиться. $РК_{II}$

18 *Вместо* «Садясь»: Садясь в кресла $РК_{II}$

18 *Вместо* «взглянул»: глянул $РК_{II}$; *РК — а.* поглядел; *б. Как в тексте*

19 *Вместо* «всё»: всё почти $РК_{II}$

23 *Вместо* «что»: что просто $РК_{II}$

24 *Вместо* «Между»: Между этими $РК_{II}$

26 *Вместо* «Потом»: За ним $РК_{II}$

27 *Вместо* «которой ~ гостиные»: такой богатырской величины и роста, что все эти господа, которые ходят по Невскому проспекту в узеньких сертучках и тросточках, казалось бы, не управились с ее пальцем $РК_{II}$; *РК — а.* одна нога которой казалась больше всего роста тех [франтов] людей, которые наполняют ныне модные гостиные; *б.* у которой одна нога казалась выше ростом и толще нежели всего щедушного корпуса [нынешних молодых] людей, наполняющих модные гостиные; *РП, РЦ* — у которой одна нога казалась больше всего туловища щеголей, наполняющих нынешние гостиные

29 *Вместо* «Хозяин ~ люди»: Хозяин, кажется, будучи сам крепкий и здоровый человек, хотел, чтобы и его комнату украшали люди $РК_{II}$

35 *Вместо* «хозяйка ~ высокая»: хозяйка дома, очень высокая дама $РК_{II}$

35 *Вместо* «перекрашенными»: вероятно, перекрашенными какою-то $РК_{II}$

36 *Вместо* «степенно ~ пальма»: необыкновенно важно и солидно и голову держала совершенно прямо, как бы боясь уронить ее $РК_{II}$

Стр. 96

1 *Вместо* «которую ~ губы»: которую она ему почти всунула в губы $РК_{II}$; *РК* — которую последняя почти впихнула ему в губы

7 *Вместо* «Феодулия ~ носом»: Прошу покорнейше садиться, — сказала Феодулия Ивановна очень коротко и сделавши головою движение весьма похожее на то, какое делают актрисы, представляющие на сцене королев и принцесс. Сделавши такое предложение она села на диван довольно неуклюжий, который был обтянут материей домашней выделки, цвету очень неопределен-

ного, да и узора тоже никак нельзя было разобрать. Севши на диван, она накрылась большим мериносовым платком с широкою пестрою каймою, очень умно, как рисуют на портретах, и не сдвинула во всё время ни глазом, ни бровью, ни носом $РК_{п}$

8 *Вместо* «головою»: [как на театрах актрисы, представляющие] *РК*

9 *Вместо* «накрылась своим»: накрылась вплоть *РК*, $РП_{п}$

11 «ни бровью, ни носом» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — ни бровью

15 *Вместо* «Почти ~ молчание»: Все трое почти около шести минут хранили совершенное молчание $РК_{п}$

16 «производимый» *РК*, *МД*; *РП*, *РЦ* — произведенный

18 *Вместо* «еще раз ~ на Собакевича»: еще несколько взглядов бросил на комнату и на то, что в ней находилось. Всё, на что ни глядел он, было прочно и неуклюже, в величайшей степени. Широкое тяжелое бюро стояло в углу комнаты и занимало почти осьмую часть ее. Видно было, что хозяин тут же и занимался. Оно было наполнено множеством ящиков и покоилось пренелепым образом на четырех претолстых ногах, как медведь. Словом, казалось, как будто бы всякое кресло и стул говорили: «И я тоже Собакевич», или по крайней мере: «И я тоже очень похож на Собакевича». Видя, что никто из хозяев, как казалось, не располагал прервать молчание, он решился начать первый $РК_{п}$

23 *Вместо* «каждый предмет ~ казалось»: каждый из них как будто *РК*, $РП_{п}$

27 *Вместо* «наконец ~ разговора»: он, обращаясь к Собакевичу $РК_{п}$

28 «Очень приятно» $РК_{п}$, *МД*; *РК*, *РП*, *РЦ* — приятно

34 *Вместо* «Ну, может быть, это»: это $РК_{п}$

36 *Вместо* «Чичиков ~ слабостей»: «А я, право, не предполагал, — сказал Чичиков, сначала несколько озадаченный такою отчасти резкою характеристикою; но потом, поправившись, продолжал $РК_{п}$

Стр. 97

3 *Вместо* «Губернатор ~ человек»: «Вы говорите, губернатор превосходный человек...» сказал Собакевич $РК_{п}$

5 *Вместо* «Первый»: Это первый $РК_{п}$

6 *Вместо* «и совершенно ~ мог»: который уж никак не мог предполагать, чтобы губернатор мог когда-либо $РК_{п}$

7 *Вместо* «губернатор»: он *РК*, $РП_{п}$

7 *После* «разбойники»: «У! варвар. Вы поглядите ему в лицо: в лице видно разбойничье *РК*, *РП*

7 *Вместо* «Признаюсь ~ Тут он»: «Помилуйте!» сказал Чичиков и напомнил, что поступки гражданского правителя совершенно мирные $РК_{п}$; *РК*, *РП*, *РЦ* — Но позвольте вам сказать: поступки *и т. д. как в тексте*

12 *Вместо* «отозвался ~ лица его»: даже, что самое лицо его необыкновенно ласковое $РК_{п}$

14 *Вместо* «за копейку зарежет»: ей-богу зарежет *РК*$_{II}$

16 *Вместо* «Нет, он ~ признаюсь»: Чичиков вспомнил, что Собакевич чаще всего бывал у полицмейстера, и потому подумал, что если упомянет он о нем и похвалит его, то этим уж, верно, доставит ему удовольствие. «Что касается до меня», сказал он: «то, признаюсь, мне *РК*$_{II}$

17 *После* «друг его»: [потому что часто бывает у него] *РК*

22 *Вместо* «обманет»: обманет да *РК*$_{II}$

27 *Вместо* «хотя несколько»: хотя и несколько *РК*, *РП*$_{II}$

28 «и вспомнил ~ отзываться» *нет РК*

30 *Вместо* «его супруга»: супруга Собакевича *РК*, *РП*$_{II}$

32 *Вместо* «Прошу!»: Прошу покорнейше *РК*$_{II}$

32 *Вместо* «подошедши»: приблизившись *РК*, *РП*$_{II}$

32 «к столику» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — к столу

34 *Вместо* «закусили ~ понеслась»: и закусив какой-то копченой рыбой, отправились в столовую, куда опять, как плавный гусь, поплыла вперед *РК*$_{II}$

Стр. 98

1 *После* «девица»: компаньонка или *РК*$_{II}$

3 *Вместо* «около тридцати лет»: лет тридцати пяти *РК*$_{II}$

3 *После* «платке»: поклонилось очень скоро, уместилось на свое место и, казалось, больше ни до чего ему не было нужды *РК*$_{II}$

4 *Вместо* «не как ~ ого-го»: не так, как какой-нибудь предмет, а так, как посторонние крапинки или пятнышки на каком-нибудь предмете. На них, если и остановишь взгляд, то, верно, уж глупо и ненарочно, как иногда вдруг, неизвестно по какой причине, станешь глядеть пристально на муху, лазящую на стене. В их лицах одно и то же, никогда не исчезающее выражение; сидят они на том же месте, на том же стуле, тем же образом сложены у них руки, тот же всегда поворот головы. Их готов причислить к числу мебелей в комнате, и только где-нибудь в девичьей или в кладовой окажется, что у них есть и речи и даже кое-какие страстишки *РК*$_{II}$

5 *После* «Сидят они»: [вечно на одном и] *РК*

10 *Вместо* «хлебнувши щей ~ подадут»: хлебнувши две ложки и засучив рукава своего фрака: «Вы эдаких щей не будете есть в городе», сказал он, обращаясь к Чичикову: «там вам чорт знает чего подадут» *РК*$_{II}$

11 *Вместо* «бараньего»: баранья *РК*, *РП*$_{II}$

13 *После* «няни»: [сказал] *РК а*; *б. Как в тексте*

14 *Вместо* «что»: чего *РК*

15 *Вместо* «однако ж»: впрочем *РК*$_{II}$

16 «всё это» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — это всё

17 *После* «узнаете»: Право, я вам всё это не шутя говорю *РК*$_{II}$

18 *Вместо* «Не знаю ~ превосходны»: «Я не знаю, как они там приготовлены, но на вкус были очень хороши *РК*$_{II}$

19 *Вместо* «рыба»: дичь *РК*, *РП*$_{II}$

20 *Вместо* «Ведь я»: сказал Собакевич где быть им хорошим. Я *РК*$_{II}$

21 *Вместо* «француза»: французов *РК*, *РП*$_{I}$

27 *Вместо* «его в суп»: всё в суп *РК*, *РП*$_{II}$

34 *Вместо* «и устрицы ~ похожа»: что ты там себе ни говори *РК*$_{II}$

37 *Вместо* «какая ~ четыре»: что может быть суток по три *РК*$_{II}$

38 *Вместо* «Это всё ~ не то, это всё»: Я вам скажу, что это заговор, это секта такая; нарочно для того сговорились, чтобы переморить голодом. Вот и доктора, все эти французы и немцы, — я бы их всех перевешал. Посмотрите, как едят все эти, что побывали в том Петербурге. Выдумали какой-то модный стол: налепят лепешку величиною с пуговицу, даст тебе одну на тарелку, да и ешь ее; а спрашивается: что есть? — нечем по губам помазать. Нет это всё *РК*$_{II}$

38 *Вместо* «выдумали»: вздумали *РП*

Стр. 99

1 *Вместо* «за это»: за то *РК*, *РП*$_{II}$

4 *После* «головою»: что делал очень редко, потому что шея его, как уже читатель видел, почти никогда не двигалась *РК*$_{II}$

9 *Вместо* «в меру ~ требует»: столько, сколько душа желает *РК*$_{II}$

13 *Вместо* «у этого ~ дура»: этот себе на уме *РК*$_{II}$

15 «руки» *МД*; *МД*$_{2}$ — руку

19 «чем он» *нет РК*

24 *Вместо* «Неужели как мухи?»: Скажите, как странно! *РК*$_{II}$

27 «вскликнул» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — воскликнул

27 *Вместо* «вскликнул ~ Но»: Здесь автор должен сказать, что у героя его забилось слегка сердечко. «Вот уж я никаким образом не могу понять такого рода жизни». Когда сам не хочешь пользоваться состоянием, в таком случае доставь оным удовольствие ближним, дай бедным, чтобы за тебя молились и были вечно благодарны. Как же, например, *РК*$_{II}$

29 *Вместо* «это будет»: нужно будет взять к нему *РК*$_{II}$

30 «не советую и дороги знать» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — не советую дороги знать

31 *Вместо* «Извинительней»: Гораздо извинительнее *РК*$_{II}$; *РК* — *а*. Лучше; *б. Как в тексте*

32 *Вместо* «чем»: нежели *РК*$_{II}$

33 *Вместо* «Нет ~ интересуюсь»: Чичиков извинился и сказал, что ему всё равно, а что ж о дороге спросил, только потому, что интересуется вообще *РК*$_{II}$

37 *Вместо* «гораздо»: величиною *РК*$_{II}$

37 *Вместо* «потом ~ другие блюдечки»: Этим обед и кончился; но Чичиков, вставши изо стола, почувствовал в своем животе

тяжести на целый пуд. Пошли в гостиную, где было поставлено на столе варенье двух сортов. Из чего состояло это варенье, нельзя было знать; с вида же оно было ни груша, ни слива, драло жестоким образом горло и приготовлялось руками самой хозяйки. Хозяйка на минуту вышла с тем, чтобы наложить еще и на третье блюдечко *РК*$_{п}$

Стр. 100

7 *Вместо* «ее отсутствием»: этим отсутствием ее *РК*, *РП*$_{п}$

7 *После* «обратился»: с такими словами *РК*$_{п}$

8 *Вместо* «лежа»: сидя *РК*, *РП*$_{п}$

8 *Вместо* «после такого ~ словами»: после такого сытного обеда и издавал звуки вроде икотки, закрывал поминутно рот рукою. *РК*$_{п}$; *РК* — после такого ‹сытного обеда› издавая ртом какие‹-то› невнятные звуки и в то же время крестясь и закрывая его рукою. Чичиков обратился к нему с такими словами; *РП*$_{п}$ — после такого *(пропуск переписчика)* издавал ртом какие-то невнятные звуки и в то же время крестясь и закрываясь рукою.

12 *Вместо* «об одном дельце»: очень нужном для меня деле *РК*$_{п}$; *РК*, *РП* — об одном деле

13 *Вместо* «блюдечком ~ комнату, мы» какою-то редькою в сахаре. «Хорошо, поставь ее, душенька; мы съедим», сказал Собакевич: «а теперь ступай себе в свою комнату; мы сейчас *РК*$_{п}$

16 *Вместо* «маленечко приотдохнем»: Нужно немножко отдохнуть после обеда *РК*$_{п}$

16 «маленечко» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — маленько

18 *Вместо* «Хозяйка уже ~ дело»: Хозяйка ушла. Собакевич, казалось, как будто изменил несколько свое положение в креслах, или, может быть, так только показалось, что изменил. Но в лице его не произошло никакого движения, а только слегка принагнул он голову, как будто приготовляясь слушать, в чем состоит то дело, о котором гость с ним хотел поговорить *РК*$_{п}$

21 «слышать» *МД*; *МД*$_{2}$ — слушать

22 *Вместо* «дельцо»: дело *РК*, *РП*$_{п}$

28 «в славе ~ равного» *нет РК*

29 «окончившие» *РК*, *РП*; *РЦ*, *МД* — окончивши

30 *После* «живыми»: хотя взамен того и вновь родившиеся не вносятся в подушные списки *РЦ*, *МД (вставка цензурная)*

32 «сложность» *МД*; *МД*$_{2}$ — сложности

Стр. 101

2 «душ» *РК*, *РП*; *РЦ*, *МД* — души

4 *Вместо* «попрежнему»: так же *РК*, *РП*, *РЦ*

5 *Вместо* «на выражение»: на движение или выражение *РК*, *РП*$_{п}$

5 «в лице» *РК*, *РП*; *РЦ*, *МД* — на лице

6 *Вместо* «или она у него была, но вовсе не там»: или, лучше, она у него была вовсе не там *РК*; *РП*, *РЦ* — или она у него была вовсе не там

11 *Вместо* «некоторого волненья»: кое-какого волненьица $РК_{II}$

17 *Вместо* «сказал Собакевич ~ то вам»: сказал Собакевич таким же самым голосом, но однако же с некоторою расстановкою, как будто в это время кое-что смекал. Так вам $РК_{II}$

19 *После* «избавиться»: сказал Чичиков $РК_{II}$

23 *Вместо* «Чорт возьми»: Чорт бы тебя побрал $РК_{II}$

23 *Вместо* «этот ~ странно»: «Со всего хочет содрать плеву! А поскольку вы бы взяли?» спросил он с некоторою робостию $РК_{II}$

23 «продает еще» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — продает

24 *Вместо* «проговорил»: произнес *РК*, $РП_{II}$

25 «впрочем, конечно» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — впрочем

25 «предмет ~ странно» *нет РК*

27 *После* «лишнего»: и напрасно не торговаться $РК_{II}$

29 *Вместо* «Чичиков ~ ослышался»: Чичиков, испугавшись и раскрывши рот, глядел пристально в самые глаза Собакевичу, не зная, он ли ослышался $РК_{II}$

29 *Вместо* «разинув»: раскрывши *РК*; *РП* — раскрыв

35 *Вместо* «Моя цена ~ нельзя»: Чичиков выразился очень основательно и совершенно, как говорится, резонно, что он никак даже не предполагал слышать подобные слова, и что так как это вещь, вышедшая, можно сказать, из употребления и уже по самому существу совершенно ничтожная, то, с его стороны, он полагает, положа, как говорится, руку на сердце, что по восьми гривен за душу есть уже самая большая цена, какую можно дать $РК_{II}$

36 *Вместо* «позабыли»: и забыли *РК*, *РП*, *РЦ*

37 *Вместо* «на сердце»: на сердце, что *РК*, $РП_{I}$

Стр. 102

1 *Вместо* «гривенок»: гривен *РК*, $РП_{II}$

3 *Вместо* «не лапти ~ люди»: не лапти, — сказал Собакевич.

«Однако ж позвольте и мне тоже сказать», произнес Чичиков: «рассмотрите и мое положение: с какой стати я стану платить бог знает какие деньги за людей, уже не существующих». $РК_{II}$

5 *Вместо* «думаете»: думаете, что $РК_{II}$

7 *Вместо* «Но позвольте ~ больше не могу»: Чичиков изъяснил, что почему ж она ревизская душа, что она на бумаге только стоит ревизскою, а на самом деле только в разорение владельцу, но что однако же он, чтобы не входить в дальнейшие разговоры по этой части и кончить разом дело, готов дать круглым числом по полтора рубля за душу $РК_{II}$

14 *Вместо* «Не могу ~ прибавил»: Да чего ж вам больше этого? Больше хоть бы и хотел не могу дать», сказал Чичиков, однако ж по полтине прибавил $РК_{II}$

15 *Вместо* «чего уж»: что уж *РК*, *РП*$_{II}$

15 *Вместо* «того невозможно»: того никак невозможно *РП*, *РЦ*

18 *Вместо* «Другой»: Ведь иной *РК*$_{II}$

19 *Вместо* «у меня»: у меня ведь *РК*$_{II}$

19 *Вместо* «иной»: тоже *РК*$_{II}$

20 *Вместо* «рассмотрите ~ ведь»: рассмотрите хорошенько. Каретник, например, Михеев *РК*$_{II}$

22 *Вместо* «не то»: не то что *РК*$_{II}$

23 *Вместо* «прочность»: а прочность *РК*$_{II}$

23 *Вместо* «сам»: сам ведь *РК (кар.)*

23 *Вместо* «обобьет»: обьет *РК*, *РП*$_{II}$

24 *Вместо* «Михеева ~ речи»: теперь однако ж никакого нет толку в каретнике Михееве, и что он уже не существует на этом мире, но Собакевич вошел, как говорится, в роль и не замечая этого, продолжал *РК*$_{II}$

26 *Вместо* «силу»: силу слова и *РК*, *РП*$_{II}$

26 *Вместо* «дар слова»: красноречие *РК*, *РП*$_{II}$

27 *Вместо* «А Пробка Степан плотник»: «А Авдеев Толстое брюхо, как прозвали его мужики *РК*$_{II}$

27 *После* «плотник»: [продолжал он] *РК*

27 *Вместо* «прозакладую»: прозакладываю *РК*, *РП*, *РЦ*

29 *Вместо* «вершком»: половиною *РК*$_{II}$

31 *Вместо* «и Пробки ~ Милушкин»: его нет на свете, но Собакевич не слушал и продолжал: «А Парамон *РК*$_{II}$

37 *Вместо* «Еремей Сорокоплёхин»: Минай Протрухин *РК*$_{II}$

Стр. 103

3 *Вместо* «Но позвольте ~ пословица»: «Да что ж из этого? ведь они мертвые», сказал Чичиков *РК*$_{II}$

5 *Вместо* «зачем вы исчисляете»: к чему вы мне всё это говорите, исчисляя *РК*, *РП*$_{II}$

6 *Вместо* «ведь ~ мертвые»: они мертвые *РК*, *РП*$_{II}$

8 *Вместо* «как бы ~ прибавил»: и на несколько времени остановился так, как будто бы опомнился и припомнил, что они, точно, мертвые *РК*$_{II}$

19 «по стене» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — на стене

23 *Вместо* «третьему»: третьему человеку *РК*$_{II}$

23 *После* «от которого»: очень хорошо *РК*$_{II}$

24 *Вместо* «не услышит»: не услышит на это *РК*$_{II}$

26 *Вместо* «незнакомец ~ уйти»: третий не знает, нужно ли отвечать ему и сказать что-нибудь о деле, которого он и не знает и не слышал *РК*$_{II}$

29 «прочь» *нет РК*, *РП*, *РЦ*

35 *Вместо* «Что он ~ кому нужен»: «Послушайте», сказал Чичиков, «к чему вы говорите такие суммы? Ведь вы сами очень хорошо знаете, что это тряпка и чорт знает что. Вы посудите только

на что они? кому они нужны?» $РК_{II}$; *РК* — Что он ~ довольно умный, и понимаете в чем дело, сами знаете, что предмет о котором идет речь, есть дрянцо. Ну на что? Кому они нужны?»

Стр. 104

4 *Вместо* «вы же»: вы же их $РК_{II}$

4 *Вместо* «стало быть, нужен»: стало быть они нужны $РК_{II}$; *РК*, $РП_{II}$ — стало быть нужно

6 *Вместо* «стал»: начал $РК_{II}$

8 *Вместо* «я в дела ~ дело»: это ваше дело, а не мое $РК_{II}$

12 *Вместо* «Эк, право»: Эк его. *РК*, $РП_{II}$

12 «как говорит пословица» *нет РК*

14 *После* «цену»: «Экой кулак», сказал про себя Чичиков *РК*

15 *Вместо* «Ну, уж ~ по полтине прибавлю»: Чичиков по полтине решился еще прибавить $РК_{II}$

16 «собаке» *нет РК*

21 *Вместо* «Экой кулак ~ продать; прощайте»: «Но, помилуйте, никто не станет и продавать его, а всякой, напротив, даже рад будет от него отделаться».

«Однако ж, знаете, что покупка такого рода не всегда позволительна и если б этак рассказал кто-нибудь, положим я или кто другой, то эдакому человеку может даже неприятность случиться... и никакой не будет доверенности касательно заключения контрактов, ниже вступления в какие-нибудь выгодные обязательства».

«Подлец!» проговорил про себя стиснув зубы Чичиков, однако ж не показал вида, чтобы слова Собакевича произвели на него какого-нибудь впечатления и отвечал равнодушно: «Как вы себе хотите, я этого ничего не боюсь... Я это покупал вовсе не для какой надобности, но единственно для удовольствия».

Уж что он разумел здесь под именем этого удовольствия, автор признается, что он как-то это не очень понимает. «Даю два с полтиною, не согласны — так прощайте».

«Тридцать пять ассигнациями — и бог с вами, берите их себе».

«Нет, вы не хотите, как я вижу, продать», сказал Чичиков и взял в руки шляпу $РК_{II}$; *РК* — «Экой кулак!» сказал с досадою про себя Чичиков и потом продолжал: «Да что вы в самом деле... как будто точно сурьезное ‹дело›. Да я в другом месте нипочем куплю. Еще мне всякой заплатит с тем только, чтобы избавиться от них. [Охота держать их при себе и взносить за них подать] *и т. д. как в тексте*

24 *Вместо* «избавиться»: избавиться от них *РК*, *РП*, *РЦ*

27 *Вместо* «знаете ли»: знаете *РК*

27 *Вместо* «покупки ~ позволительны»: покупка ~ позволительна *РК*, *РП*, *РЦ*

31 *После* «обязательства»: [Медведь!» заметил на это Чичиков внутренне и вслед за этим заметил наружно] *РК*

31 «как вы думаете» *нет РК*

Стр. 105

1 *Вместо* «вы не хотите»: не хотите *РК*

2 «Позвольте ~ сказал всё» *РК*; $РК_{н}$ — Позвольте ~ гостиную. «Пожалуйте сюда, я вам что-то скажу».

«Зачем же вам из пустого беспокоиться, я уже вам сказал мое последнее слово»; *РП*, *РЦ*, *МД* — *нет*

6 *Вместо* «ибо герой наш»: потому что Чичиков $РК_{н}$

7 *Вместо* «в наказанье ~ ноге»: Чичиков подскочил чуть не до потолка, вскрикнув: ай! и показавши в лице своем самое болезненное выражение $РК_{н}$

7 *Вместо* «в наказанье за что»: *РК*—*а.* и в награду; *б.* и в наказанье зато

7 *Вместо* «подскочить»: и [слегка] подскочить *РК*

9 *После* «побеспокоил»: сказал Собакевич, заметивший свою неосторожность $РК_{н}$

10 *Вместо* «в кресла»: на кресло *РК*, *РП*, *РЦ*

11 *Вместо* «который уже побывал ~ крадут»: который уже бывал в искусных руках цыгана $РК_{п}$; *РК а.* — которого уже выучили, который умеет и перевертываться и делать разные штуки на вопрос: а покажи, Миша, как бабы парятся, или: а покажи, Миша, как малые ребята горох крадут; *б. Как в тексте*

15 *Вместо* «напрасно ~ трачу»: напрасно только время трачу, говорил Чичиков $РК_{н}$

16 *После* «минуточку»: говорил Собакевич *РК*

17 *Вместо* «Собакевич подсел ~ не прибавлю»: он приблизился к нему ближе и начал говорить так тихо, как будто секрет. «Для вас по 20 рублей. Ей богу, из приязни. Пусть хоть сам потерплю, да вам, по крайней мере, докажу мое почтение».

«Два с полтиною», сказал Чичиков $РК_{н}$

20 *Вместо* «не дам ~ не прибавлю»: копейки не прибавлю больше *РК*; *РП* — копейки не прибавлю

22 *Вместо* «глядел со стены ~ покупку»: казалось, глядел чрезвычайно внимательно на эту никогда невиданную ему покупку $РК_{н}$

24 «будет ваша» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — ваша будет

27 *Вместо* «пареная репа»: репа *РК*

28 *Вместо* «Уж хоть ~ дайте»: хоть полтину, по крайней мере, прибавьте, чтоб вышло ровно 3 рубли $РК_{н}$; *РК* — [Ну, да] уж *и т. д. как в тексте*

30 «Ну, нечего» $РК_{н}$, *МД*; *РК* — Ну что; *РП*, *РЦ* — Ну нечто *(ошибка?)*

30 *Вместо* «извольте ~ ближнему»: Извольте! извольте, так уж и быть», сказал Собакевич: «убыток, ей богу, убыток! да что ж прикажешь делать, такой уже нрав: не могу, чтобы не доставить удовольствие ближнему $РК_{н}$

34 *Вместо* «Разумеется»: «Как же!» отвечал Чичиков *РК*

36 *Вместо* «Так ~ крестьян»: Оба совершившие сделку условились во времени, когда свидеться в городе для заключения купчей, как водится, что именно назначено было после завтра. Чичиков попросил выписочку вкратце всех умерших, на что $РК_{II}$; *РК* — Таким образом дело совершилось *и т. д. как в тексте*

38 *Вместо* «тут же, подошед»: подошедши тут же $РК_{II}$

Стр. 106

3 *Вместо* «А Чичиков»: В продолжении того времени, как он писал стоя за бюро, Чичиков ~ просторного его сзади оклада $РК_{II}$

4 *Вместо* «взглянул»: посмотрел *РК (кар.)*

7 *Вместо* «не мог»: не мог никак $РК_{II}$

7 *Вместо* «наградил-то тебя»: наградил-то тебя как *РК*

8 *Вместо* «как»: что $РК_{II}$

10 *Вместо* «посевы, возня»: посевы и возня *РК, РП, РЦ*

10 *Вместо* «и ты чрез ~ мужики: ты»: Нет, я думаю, уж так ты родился медведем! Конечно, если б тебя отшлифовали ‹*в рукоп. далее не заполн. полстроки*› француза, поучили бы тебя в школах тетрадкам, которые называют науками, да нравственности: сидеть смирно на лавке да подличать перед учителем — конечно, ты бы был немного половчее на вид. Может быть, пошел бы по службе, попал бы в чины, в государственные люди, а всё остался бы в душе тот же Собакевич. Только и разницы, что вот теперь какой-нибудь приехавший из Питера франт посмеется над твоею фигурою, скажет, что ты медведь, как оно и точно, а тогда бы не сказал; да теперь ты уплетешь барана, закусивши ватрушкой в тарелку, а тогда бы ел котлетку в наперсток. А ведь куда бы ты больше зла наделал! Ты теперь копаешься с мужиками $РК_{II}$; *РК — а.* Нет, я думаю уж тебе суждено прежде рожденья быть тем, что называется: кулак. Хоть тебя и пошлифуй, хоть [выучить] был выучен ты и в школе; *б.* И ты чрез них сделался то, что называют человек кулак. [Лучше ли б ты был, если б тебя пошлифовали на модный образец, дали бы тебе в учители француза, пустили в ход и жил бы] Бог ведает, если б тебя воспитали по моде, пустили в ход и жил бы ты в Петербурге, а не в захолустьи, [подъедая вместо] что толку? вся разница в том, что вместо четверти бараньего бока да ватрушки в тарелку ‹съедал бы?› котлетки не больше наперстка, да вот теперь [Вряд ли было бы лучше, ты теперь копаешься]; *в.* И ты [по тому только] чрез них сделался то, что называют человек-кулак. [Но нет, мне кажется, всё равно хоть] Но лучше ли было бы, если бы воспитали тебя по моде, пустили бы в ход и жил бы ты в Петербурге, а не в захолустье. Разница в том, что теперь съедаешь ты половину бараньего бока с кашей да ватрушку в тарелку, а тогда ел бы

какие-нибудь котлетки с трюфелями. Теперь у тебя [мужики] под ведомством мужики; г. *Как в тексте*

13 *Вместо* «пустили бы»: пустили *РК*

18 *Вместо* «а тогда бы ~ точности»: а тогда, займи-ка ты какое-нибудь значительное место, да будь в твоих руках дела государственные или казенные — у, как бы ты с ними славно распорядился. Еще бы и крест за это получил. А уж дал бы ты себя знать всему тому, что не твое. Чиновников своих ты бы так пощелкивал, что только берегись; ты бы смекнул, что они не твои крепостные. Ты вот теперь ничему не учился, не станешь и говорить о том, чего не знаешь, разве только выбранишь, да даже и знать ничего не хочешь. Ты просто теперь ломоть цельный, как выпустила тебя мать-натура, из одного, как говорится, бревна, а пошлифуйся ты да попробуй какой-нибудь науки, ты бы дал знать всем тем, которые, в самом деле, узнали какую-нибудь науку, а потом, чего доброго, сказал бы: «дай-ка, я себя покажу!» да такое бы выдумал мудрое постановление, что многим бы пришлось солоно... Ух, если бы все те Собакевичи, которых уж больше не называют Собакевичами и над которыми не смеются...» Здесь Чичиков сильно начал у себя почесывать за ухом.

«Готова записка — тут они все», сказал в это время Собакевич оборотившись.

Чичиков молча принял записку и изъявил благодарность легким наклоном головы. Пробежав ее глазами, он удивился аккуратности и точности, с какою она была составлена: *РК*$_{и}$

20 «ведь» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — *нет*

23 *Вместо* «верхушек»: вершков *РК*, *РП*, *РЦ*

24 *Вместо* «знать потом»: потом знать *РК*; *РП* — знать

25 «Да еще ~ солоно» *нет РЦ*, *МД (ценз. искаж.)*

Стр. 107

1 *Вместо* «Да, вот ~ есть»: Десятирублевая, впрочем, есть *РК*$_{п}$

4 *Вместо* «что нет»: что больше нет у него с собой денег *РК*$_{п}$

5 *Вместо* «так сказал ~ что он»: таким утвердительным тоном сказал, что у него есть деньги, что он, наконец, *РК*$_{п}$

7 *Вместо* «Пожалуй»: Ну, пожалуй *РК*$_{п}$

8,10 «расписочку» *РК (авт.)*; *РП*, *РЦ*, *МД* — расписку

9 *Вместо* «что ж»: что *РК*, *РП*, *РЦ*

20 «проданные ревижские»: *РК*, *РП*; *РЦ*, *МД* — проданные

24 *Вместо* «ну да»: ну да уж ничего *РК*$_{п}$

25 *После* «глядеть»: Очень рад, что случай мне предоставил такое приятное знакомство *РК*$_{п}$

26 «Кулак ~ в придачу» *нет РК*$_{п}$

29 *Вместо* «Нет, благодарю»: Нет, покорнейше благодарю *РК*$_{п}$

32 *Вместо* «Нет ~ не нуждаюсь»: Нет, благодарю, в женском поле я не нуждаюсь *РК*$_{п}$

36 *Вместо* «говорил Чичиков прощаясь»: сказал Чичиков $РК_п$

Стр. 108

1 *Вместо* «Прощайте»: Прощайте! прощайте! $РК_п$

2 *Вместо* «коли»: если $РК_п$

3 *Вместо* «часик»: часок *РК, РП, РЦ*

5 *Вместо* «садясь»: севши $РК_п$

6 *Вместо* «чортов кулак ~ поедет»: Поперхнулся бы ты осиновым клином! А ведь и в казенной палате не служил!

Он привстал несколько и оглянулся назад. Дом барский был еще виден и на крыльце стоял Собакевич, как казалось, приглядывавшийся, куда гость поедет $РК_п$

8 *Вместо* «был»: очень *РК, РП*

10 *Вместо* «а поступил»: и поступил *РП (ошибка переписчика)*

10 *Вместо* «за дрянь взял деньги»: дрянь продал *РК*, $РП_п$

14 *Вместо* «он ~ и велел»: он и велел $РК_п$; *РК — а.* сквозь зубы Чичиков и велел; *б. Как в тексте*

17 *Вместо* «Ему хотелось ~ на дороге»: Ему хотелось порасспросить о дороге к Плюшкину, но не хотелось, чтобы об этом догадался Собакевич. Он выглядывал, не попадется ли где мужик и, точно, скоро заметил мужика, который $РК_п$

19 «уже была» *РК (авт.)*; *РП, РЦ, МД* — была уже

21 «попавши» *МД*; $МД_2$ — поднявши

22 *Вместо* «подобно ~ муравью»: как неутомимый муравей *РК*, $РП_п$

22 *После* «избу»: Он подозвал его к себе $РК_п$

23 *Вместо* «а как ~ дома»: Куда дорога к Плюшкину? $РК_п$

25 «таким» *РК*; *РП, РЦ, МД* — сим

26 *Вместо* «Что ж не знаешь?»: что ж ты? или Плюшкина не знаешь? *РК, РП*; *РЦ — вся фраза отсутствует*

28 *Вместо* «Эх ты ~ людей»: Эх, ты борода. А еще седым волосом подернуло. Скрягу-то Плюшкина незнаешь, — того, что скуп? $РК_п$

32 *Вместо* «не употребительное»: несколько не употребительное $РК_п$

36 *Вместо* «Выражается ~ потом»: Должно признаться, что русской народ мастер метко выражаться и если наградит кого словцом, то очень бывает не рад получивший его. Да уж от словца нельзя отвязаться. Оно пойдет ему в род, прозвище и фамилию, и он утащит его с собою и в Петербург и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай эту свою фамилию, как ни вставляй в середину ерчики большие и малые, как ни прибавляй окончания на *в* и *н* — ничто не поможет. Конечно, потом, если посчастливится выйти в люди, найдутся люди, которые станут производить фамилию от древнего княжеского рода, печатать об этом брошюрки и трактовать о старинном происхождении, как об деле решенном, — но всё это не поможет: роковая фамилия постоит сама за себя и скажет ясно из какого гнезда вылетела птица. Произнесенное метко всё равно, что писанное:

не выскабливается скобелем, не вырубливается топором; его не выкурить тоже никаким куревом. А уж куды бывает весовато и сильно словцо, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких племен, а всё сам самородок, живой и бойкой русской ум, что как влепил тебе его, то и носи его на здоровье с собой, как пашпорт, и уж нечего прибавлять *РК*$_{п}$

Стр. 109

2 «прозвище ~ рода *РК*, *РП*; *РЦ*, *МД* — поприще *(ценз. искаж.)*

4 «каркнет» *РП*, *РЦ*, *МД*; *РК* — кракнет *(авт.)*; *РП*$_{п}$ — крикнет *(ошибка переписчика)*

4 *Вместо* «само ~ прозвище : сама за себя фамилия *РК*, *РП*, *РЦ*

11 *Вместо* «какой у тебя»: какой и у тебя *РК*, *РП*, *РЦ*

15 «по святой» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — на святой

16 *Вместо* «народов»: народов рассыпано *РК*$_{п}$

23 *Вместо* «отзовется»: отличается *РЦ*

25 *Вместо* «немец»: немца *РЦ*

26 *Вместо* «вырвалось ~ сердца»: сметливо бы вырвалось *РК*$_{п}$

27 *После* «сердца»: и вместе *РК*, *РП*, *РЦ*

Стр. 110

1 *Вместо* «Прежде ~ мелькнувшего»: Прежде, в лета моего детства *РК*$_{п}$; *РК*, *РП*$_{п}$ — Прежде ~ минувшего

3 *Вместо* «всё равно ~ поражало»: будь это просто бедный городишка или большое местечко, а уже в них являлась мне куча занимательного и нового. Всякое строение, всякая едва заметная особенность, словом, всё поражало и останавливало меня. *РК*$_{п}$

3 *Вместо* «то»: это *РК*, *РП*$_{п}$

8 *Вместо* «с половиною ~ кучи»: торчавший один среди *РК*$_{п}$

10 *Вместо* «мещанских, обывательских»: мещанских и обывательских *РК*$_{ч}$

14 *Вместо* «ничто ~ вниманья»: старая ли колымага, которой немазанные колеса испускали визг и свист, всё раздражало мое свежее внимание *РК*

14 *После* «ничто не» *РК* — *а.* могло ускользнуть; *б. Как в тексте*

15 *Вместо* «я глядел ~ жизнь их»: я следил глазами и невиданный дотоле покрой какого-нибудь сюртука, и ящики с гвоздями, с желтевшею вдали серою, изюмом и мылом, выставленные в дверях овощенных лавок и купеческих прикащиков, игравших в шашки *РК*$_{п}$; *РК* — я глядел и[1] на невиданной ~ с изюмом и мылом, мелькавшие из дверей мелкой овощенной лавки вместе с [двумя] банками высохших московских конфект и на шедшего в стороне пехотного офицера-постояльца, занесенного бог знает из какой губернии на скуку *и т. д. как в тексте*; *РП*, *РЦ* — я глядел ~ из дверей мелкой овощной *и т. д. как в тексте*

---

[1] *Далее зачеркнуто:* глазами

16 *Вместо* «ящики»: ящички *РЦ*

22 *Вместо* «чиновник»: чиновник какой-нибудь $РК_{п}$

23 *Вместо* «куда»: куды *РК*

Стр. 111

1 *Вместо* «сгустились»: потемнели $РК_{п}$

4 *Вместо* «или»: а может быть $РК_{п}$

6 *Вместо* «Подъезжая ~ старался я»: Когда подъезжал я к какой-нибудь деревушке незнакомого помещика, я смотрел с любопытством на какую-нибудь немножко непохожую на обыкновенные ветряную мельницу, на узкую, высокую деревянную колокольню или широко разъехавшуюся почерневшую старую деревянную церковь. Мне заманчиво мелькали через деревья белые трубы и красная крыша помещичья дома: я ожидал нетерпеливо, пока сдвинется и отойдет на сторону, по мере приближения, скрывающая его густая зелень и он наконец предстанет весь с своею тогда, увы! вовсе не пошлою наружностью и, осматривая его любопытно, я старался по нем $РК_{п}$

9 *Вместо* «Заманчиво ~ издали»: Мне издали мелькали заманчиво *РК*, $РП_{п}$

11 *Вместо* «пока разойдутся ~ стороны»: *РК* — *а.* пока он выглянет весь с; *б.* пока уйдут

12 *Вместо* «покажется весь с своею»: глянет весь своею *РК*, $РП_{п}$

16 *Вместо* «или хмурен ~ пшеницу»: или нахмурен глядит да читает один календарь $РК_{п}$

20 *Вместо* «равнодушно гляжу»: пошло гляжу $РК_{п}$

21 «неприютно» *МД*, *РК*; неприятно *РП*, *РЦ* *(ошибка переписчика)*

29 *Вместо* «произведенный бревенчатою мостовой»: происшедшей от местами попадавшейся бревенчатой мостовой $РК_{п}$; *РК* — *как в тексте*; *РП*, *РЦ* — произведенной от бревенчатой мостовой

29 *Вместо* «городская ~ ничто»: была ничто каменная городская $РК_{п}$

32 *Вместо* «или же случалось своими»: или же иногда случалось своими же $РК_{п}$

34 *Вместо* «языка»: своего языка $РК_{п}$

35 *Вместо* «на всех»: вообще на всех $РК_{п}$

36 *Вместо* «многие ~ справедливо»: крыши на иных просвечивали как решето и воробьи пролетали целыми тучами их на-пролет: впрочем, дыры были так велики, что и вороны могли пробраться. Кажется, сами хозяева разобрали с них драницы и доски на разные потребности, рассуждая, и весьма справедливо $РК_{п}$; *РК* — [на многих] Многие крыши[1] сквозили как решето; на иных [из них] оставался *и т. д. как в тексте*

38 *Вместо* «хозяева»: хозяины *РК*

---

[1] *Далее начато: а.* были вовсе с дырами; *б.* сквозили; *в.* дырявы

Стр. 112

2 *Вместо* «бабиться ~ незачем»: к тому же, незачем в ней и бабиться *РК*$_{п}$; *РК*, *РП*, *РЦ* — а бабиться в ней незачем

3 *Вместо* «словом»: словом, везде *РК*

5 *После* «перилами»: и резными украшениями *РК*$_{п}$

5 *Вместо* «для каких причин»: для какой причины *РК*; *РП*$_{п}$ — как причина *(ошибка переписчика)*

7 *Вместо* «тянулись ~ слева»: выходили во многих местах целые длинные ряды скирд хлеба и сена, застоялые, как казалось, долго, ибо цветом походили более на старый, плохо выжженный кирпич, чем на сено, и на верхушках их росла всякая дрянь и даже прицепившийся кое-где с боку кустарник. Ясно, что сено было то, что называют экономическое: у мужиков оно бы, конечно, не залежалось так долго. Во всем селе было что-то похожее на выгоревшую деревню. Через избы, крыши и улицы мелькали то с левой, то справой стороны *РК*$_{п}$; *РК*, *РП*, *РЦ* — тянулись [1] во многих местах рядами огромные клади хлеба, застоявшиеся, как видно, долго, походившие цветом на старый плохо выжженный кирпич с поросшею на верхушке всякой дрянью и даже прицепившимся с боку кустарником *и т. д. как в тексте*

11 «Из-за [2] хлебных кладей и ветхих избяных крыш» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — Из-за хлебных кладей и ветхих крыш

14 *Вместо* «церкви»: церкви, стоявшие *РК*$_{п}$

14 *Вместо* «опустевшая ~ дождей»: деревянная, которая была очень стара, и каменная, казавшаяся очень старой, ибо желтые стены ее были все в пятнах, трещинах и местами обнажены до кирпичей. Через избы, крыши и улицы стал выказываться понемногу господский дом и на несколько минут показался весь в том месте, где цепь изб обрывалась и на место их оставался пустырем какой-нибудь огород, засаженный капустой, с тянувшимся вдали частоколом. Каким-то дряхлым инвалидом глядел господский дом: он был длинен, длинен непомерно; кое-где не достроенные над ним антресоли разнообразили однообразную длину его; высокая темная крыша не везде надежно укрывала и защищала его старость; вверху были видны два бельведера, один против другого, которые пошатнулись уже на сторону; обтесанные столбики, на которых опирались их старенькие крышки, давно уже потеряли когда-то покрывавшую их краску; дождь и время отвалили местами со стен дома штукатурку и произвели на них множество пятен, из которых одно походило даже видом на Европу; штукатурная решетка выглядывала довольно часто *РК*$_{п}$

15 *Вместо* «желтенькими»: желтыми *РК*; *РП*$_{п}$ — толстыми *(ошибка переписчика)*

---

[1] *В РК далее начато:* местами

[2] *Далее начато:* кладей, крыш

17 *Вместо* «прервалась»: прерывалась *РК*, $РП_п$

18 *Вместо* «обнесенный»: огражденный *РК*, $РП_п$

19 *Вместо* «сей странный замок»: он *РК*, $РП_п$

20 *Вместо* «Местами»: Где *РК*, $РП_п$

26 «вихрей ~ перемен» *нет РК*; *РП* — вихрей и [всяких] осенних перемен

26 *Вместо* «два»: двое *РК*

32 «заглохлый» *МД*; $МД_2$ — засохлый

33 *Вместо* «освежал»: оживлял $РК_п$

35 *Вместо* «трепетолистными»: трепетнолистными *РК*

Стр. 113

3 *Вместо* «на снежной»: по снежной *РЦ*

6 *Вместо* «вверх»: наверх *РК*

10 *Вместо* «Местами ~ темноте»: Там, где расходились зелено-облачные массы, двухсотлетние липы выказывали свои седые искривленные, в обхват трем человекам, дуплистые стволы, и не освещенная солнцем виднелась промеж них дорожка, заросшая зеленью, и на ней краснели изредка красноватые, почти кровяные пятна, свидетельствовавшие, что она когда-то была убита вся мелким кирпичем или усыпана песком. С обеих сторон ее вытыкались густой щетиною седые иссохшие, вероятно, от страшной глушины, сучья кустарников; ветвь клена протягивала откуда-нибудь сбоку, из-за пней свои тонкие расплатанные листы, подобно лапам, и солнце, проскользнувши бог весть откуда и забравшись под какой-нибудь лист, превращало его вдруг в прозрачный и огненный, чудно сиявший в этой густой темноте. В других концах сада выглядывали из зелени дерев где деревянная крышка какой-нибудь старенькой беседки, где полуобрушенные перила почерневшего мостика $РК_п$; *РК* — *а*. По освещенной зеленой стене садов, где темнели ушедшие в тень уступы, местами шли темные узоры, сообщавшие ей рыхлость, где обращались они в зияющую темную пасть, всю окинутую тенью и чуть-чуть [были видны в ней] бежавшая узкая дорожка ~ вытыкавший из-за него иссохшие от страшной глушины, листья и сучья ~ солнце превращало в прозрачный и огненный, чудно сиявший в этой густой темноте; *б*. Местами расходились зеленые чащи, озаренные солнцем [и между ними] и показывали неосвещенное между них углубление, зиявшее, как темная пасть, вся окинутая тенью, и чуть-чуть заметны были в самой черной глубине [углубленья] бежавшая ~ вытыкавший из-за него иссохшие от страшной глушины листья и сучья ~ солнце превращало в прозрачный и огненный чудно сиявший в этой густой темноте

21 «В стороне ~ сада» *нет РК*

22 *Вместо* «другим»: других *РП*, *РЦ*

23 *Вместо* «огромные ~ вершины»: на трепетные вершины свои огромные вороньи гнезда *РК*, $РП_п$

24 *Вместо* «отдернутые и не вполне»: отстегнутые, но не вполне $РК_п$; *РК* — отдернутые и вполне; $РП_п$ — поддернутые и вполне.

25 *Вместо* «листьями»: листами *РК*

25 «как-то пустынно-хорошо» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — хорошо

27 *Вместо* «они»: искусство и природа *РК*

32 *Вместо* «даст»: всему даст свою *РК*; $РП_п$ — вам даст свою

32 «даст» *МД*; $МД_2$ — дает

34 *Вместо* «один или ~ замок-исполин»: еще один поворот в переулок, где видны были какие-то длинные хозяйственные строения, фабрики или запасные магазины, герой наш очутился в широкой улице, в конце которой предстал прямо в лицо ему уже описанный господский дом. Казалось, по мере приближения к нему, он становился еще печальнее. Деревянная высокая решетчатая ограда, окружавшая двор, потемнела совершенно. Время, как будто видя, что никто не старался выкрасить и поновить ее, покрыло ее во многих местах зеленою плесенью, которою любит покрывать старое дерево. Двор был наполнен множеством амбаров и кладовых, флигелями для кухни, для людских, для бани, для погребов. Под боком находился другой двор, куда вели особые ворота, и который, казалось, назначен служить рабочим двором. Всё показывало, что здесь когда-то текло хозяйство в обширном размере, но всё отзывалось теперь чем-то заглохлым. Трава и дикой бурьян росли по широкому двору, и вместо когда-то бывших прочищенных и обделанных дорог, приводивших в сообщение все строения, видны были другие, узенькие протоптанные ногами пешеходов. В средине двора, верно, был когда-то или цветник, или круглый палисадник, потому что местами еще торчали низенькие столбики маленькой деревянной решеткой, обносившей его овальную окружность, да два-три изувеченные кустарника, еще не вовсе съеденные скотом; все строения глядели как-то необыкновенно пасмурно. Нигде не видно было отворявшихся дверей, что оживляет картину, ни выходивших людей, ни живых хлопот и забот дома. Ворота одни были только растворены и то потому, что взъезжала телега с грузом, покрытым рогожею; в другое время они запирались наглухо, ибо висел огромный железный замок. Возле одного из хозяйственных строений $РК_п$

36 *Вместо* «ветхое дерево»: дерево *РК*

Стр. 114

3 *Вместо* «отворявшихся»: отворяющихся *РП*, *РЦ*

4 *Вместо* «никаких»: и никаких *РК*, *РП*, *РЦ*

5 *Вместо* «Только ~ и то потому»: Вороты однако ж были растворены потому *РК*, $РП_п$

6 *Вместо* «нагруженною»: полною *РК*, *РП*, *РЦ*

7 «показавшийся» *нет РК*

8 *Вместо* «в другое время»: в другое казалось $РП_п$

9 «У одного из строений» *нет РК*

11 *Вместо* «Долго он»: Он долго *РК*, $РП_п$

12 *Вместо* «пола»: рода $РК_п$

13 *Вместо* «совершенно»: самое *РК*, $РП_п$

14 *Вместо* «какой»: какой иногда *РК*, $РП_п$

19 *Вместо* «потому что»: ибо $РК_п$

20 *Вместо* «обсмотрела»: рассмотрела *РК*, *РП*, *РЦ*

24 «он» *нет РП (пропуск переписчика)*, *РЦ*

33 *Вместо* «Из сеней ~ тряпки»: Свет проходил узенькой тонкой струйкою сквозь ставни, закрывавшие окна, и едва давал заметить наваленные кучи какого-то хлама. Из сеней прошел он в узенькую переднюю, в которой ставни были тоже закрыты, и она освещалась несколько светом, выходившим из-под дверей другой комнаты, внизу которых оставалось большое отверстие. Вышед из нее, отворив эту дверь, он очутился, наконец, в светлой комнате, которая, однако же, его несколько поразила. Ему на несколько минут показалось, что он пришел на аукцион или в магазин каких-нибудь старинных вещей и мебелей, всегда странно поражающих взоры своею темною наружностию и темным беспорядком среди светлых, сияющих чистотою и убранством магазинов. Всё было в ней скорее нагромождено, чем расставлено. Казалось, будто в доме происходило или мытье полов или уборка комнат и сюда снесли на время как ни попало все мебели. У стены стоял стол, пред ним другой; на том и на другом часы с остановившимися маятниками, к которым пауки приладили уже свои паутины. Против дверей было бюро темного дерева, выложенное перламутровой мозаикой, которая местами выпала, и в замену ее желтели узенькие желобки, наполненные клеем. На бюро лежало несколько узеньких записочек и всяких бумажных лоскутков, накрытых пожелтелым каменным прессом с таким же яичком, колокольчик с отломленной ручкой и счеты. К самому бюро придвинут был шкаф, в котором за стеклами были видны потемневшие серебряные стаканы, старинные бокалы и подносы, хрустальные графинчики, связки каких-то бумаг, облитых кофеем, китайские фарфоровые чашки, отломленная ручка кресел, молитвенник и лимон, высохший до такой степени, что казался похожим более на лесной орех, чем на лимон. На окне, которого половина была заставлена этим шкафом, валялось несколько книг в старом кожаном переплете с красным обрезом и календарь в бумажной обвертке, похожей на те обои, которыми обклеивается на станциях перегородка, назначенная для скрытия жены станционного смотрителя от взоров проезжающих. Тут же на окне стояла рюмка с какою-то жидкостью и тремя мухами.

накрытая письмом. Тут же лежали: небольшой кусочек сургучика *РК*$_{п}$

33 *Вместо* «он попал»: попал он *РК*, *РП*, *РЦ*

Стр. 115

6 *Вместо* «желтенькие»: желтевшие *РК (авт.)*

10 *Вместо* «высохший, ростом»: высохнувший *РК*

13 *Вместо* «зубочистка»: и зубочистка *РК*, *РП*$_{п}$

16 *Вместо* «По стенам ~ картин»: На стульях и креслах были холстяные чехлы, совершенно потемневшие. Несколько картин были развешаны на стене без толка и довольно тесно *РК*$_{п}$

16 *Вместо* «бестолково»: очень бестолково *РК*, *РП*$_{п}$

19 *Вместо* «без стекла ~ в раму»: висел без стекла в рамках *РК*$_{п}$

19 *Вместо* «в раму»: в рамы *РК*

21 *Вместо* «В ряд ~ полстены»: и рядом с ним *РК*$_{п}$; *РК*, *РП*, *РЦ* — В ряд с ним занимала полстены

24 «головой» *нет РК*, *РП*, *РЦ*

24 *Вместо* «С середины потолка»: Среди комнаты *РК*$_{п}$

25 «холстяном» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — холстинном

26 *Вместо* «была навалена ~ трудно»: заметил Чичиков нагроможденную кучу, но чего, трудно было решить *РК*$_{п}$

30 *Вместо* «заметнее ~ оттуда»: заметен был угол какой-то рамы, что-то похожее на большую вазу, старая подошва сапога и даже *РК*$_{п}$; *РК* — [1] Заметнее прочего [впрочем] высовывался оттуда

32 «и старая ~ сапога» *нет РК*

32 *Вместо* «нельзя было сказать ~ колпак»: нельзя узнать, что в этой комнате обитало живое существо, если бы не старый поношенный и полинялый колпак *РК*$_{п}$

35 *Вместо* «убранство»: убранство этой комнаты *РК*$_{п}$; *РК*, *РП*$_{п}$ — убранство комнаты; *РП*, *РЦ* — ее убранство

37 *Вместо* «чем ключница ~ лошадей»: нежели ключница, ибо ключница бороды не бреет, а этот, напротив того, брил и притом довольно редко, ибо весь подбородок и вся нижняя часть щеки были очень похожи на густую скребницу из железной проволоки, которою чистят лошадей *РК*$_{п}$

Стр. 116

5 *Вместо* «сказать ему ключник»: сказать ему этот ключник *РК*$_{п}$

13 *Вместо* «вить»: ведь *РК*

17 *Вместо* «такого»: эдакого *РК*

17 *Вместо* «Лицо его ~ стариков»: В лице его, конечно, ничего не было особенного: оно было такое же, как у всех почти сухеньких стариков *РК*$_{п}$

---

[1] *Перед этим начато: а.* Резче *б.* Виднее прочего высовывался [угол] черепок вазы

19 *Вместо* «очень далеко»: уж несколько далеко $РК_{II}$; *РК* — [только] очень далеко

21 *Вместо* «чтобы»: дабы $РК_{II}$

21 *Вместо* «маленькие ~ и бегали»: а прочее всё было решительно так же: рот с тонкими цепко сжатыми губами несколько провалился в середину, ибо извнутри нечем было подпереть его; оба ряда зубов, верхний и нижний, давно убрались, оставив на место себя, в виде гарнизона, по одному зубу и то плохому. Какой-то беспокойный огонь бродил в его еще не вовсе потухнувших маленьких глазах: они бегали $РК_{II}$

25 *Вместо* «Гораздо замечательнее ~ болталось»: Замечательнее всего был костюм его: конечно можно было догадываться, что на нем был халат, но из чего состряпан был халат, этого уже нельзя было догадаться: еще на спине и боках видны было приметы бумажной материи, но обшлага, отвороты на груди и полы вверху до того были замаслены и залоснились, что походили на юфть, из которой шьют матросам сапоги, да и весь халат имел такое странное устройство, что сзади едва ли не висели $РК_{II}$

27 *Вместо* «его халат»: халат его *РК*, $РП_{II}$

33 *Вместо* «Словом»: одним словом $РК_{II}$

34 *Вместо* «принаряженного»: приодетого $РК_{II}$

34 *Вместо* «то»: он *РК*; *РП* — то он

37 *Вместо* «удержаться»: отказаться *РК*, $РП_{II}$

37 *Вместо* «медного гроша»: медный грош *РК*, $РП_{II}$

Стр. 117

1 *Вместо* «тысяча с лишком»: почти тысяча $РК_{II}$

1 *Вместо* «кто»: кто-нибудь $РК_{II}$

2 *Вместо* «зерном ~ Не довольствуясь сим»: сена, столько сукон, шерсти, холста и всех домашних произведений, которыми были завалены его кладовые. Заглянул бы кто-нибудь на рабочий двор, где под крышами, сараями лежали целые сотни поделанных на запас колес, бочек, ведер, которые никогда еще не употреблялись, ему бы показалось, что он пришел в ту широкую часть Москвы, где в воскресный день, начиная от Плющихи до Смоленского рынка, всё занято торгом деревянной посуды, навезенной мужиками окрестных деревень, где крашеное и не крашеное дерево темнеет и желтеет вплоть до самого Дорогомиловского моста, и еще долго выказывается потом урывками по всей дороге до заставы, желтея издалека между мужичьими зимними шапками, сухопарыми, бородатыми клячонками, пока, наконец, не кончится город и не покажется одна необъятная снежная равнина, вся сверкающая тонкими искрами, вся перерезанная скрипучей цепью обозов, то нагоняющей, то отстающей, и мужики подбегают вслед за телегами, похлопывая в рукавицы, замахиваясь кулаком на лошадок. Как тонкий дымок, струится пар дыхания их в морозном

воздухе, а в голове грезится расчет, почем и как продать, и где в каком месте стать со своим деревом, приехавши на многолюдный московский рынок. Всех этих произведений стало бы слишком на пять таких имений, какое было у Плюшкина, но человека трудно чем-нибудь насытить. Не довольствуясь этим *РК*$_{п}$

3 *Вместо* «сушилы»: сушильни *РК*$_{п}$

6 «двор» *нет РК*

9 «куда ежеденно» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — куда ежедневно

14 *Вместо* «прочий»: всякой *РК*, *РП*$_{п}$

18 *Вместо* «употребить»: употреблять *РП (ошибка переписчика)*, *РЦ*

19 *Вместо* «Не довольствуясь сим»: Не довольствуясь *РК*, *РП*, *РЦ*

25 *Вместо* «видели»: завидели *РК*, *РП*$_{п}$

26 *Вместо* «случилось ~ отправилась»: Какой-то проезжий офицер потерял шпору, шпора эта тот же час отправлялась *РК*$_{п}$; *РК* — случилось ~ отправлялась

30 *Вместо* «уличал его тут же»: тут же уличал его *РК*$_{п}$

31 *Вместо* «но если только»: но как только *РК*$_{п}$

37 «сытно пообедать» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — пообедать

Стр. 118

2 «валяльни» *РЛ*; *РК*, *РП*, *РЦ*, *МД* — валильни

15 *Вместо* «тетерек или уток»: уток или тетерек *РК*$_{п}$

18 «конпатриотка» *МД*; *МД*$_{2}$ — компатриотка

26 *Вместо* «обвенчалась»: перевенчалась *РК*$_{п}$

27 *После* «наскоро»: в какой-то *РК*$_{п}$

27 *Вместо* «зная»: ибо Александра Степановна знала *РК*$_{п}$

30 *Вместо* «а преследовать не заботился»: и уже не заботился о ней больше *РК*$_{п}$

31 *Вместо* «пустее»: пуще *РК*, *РП*

Стр. 119

1 *Вместо* «прося»: прося у него *РК*, *РП*$_{п}$

4 *Вместо* «очутился»: остался *РК*, *РП*, *РЦ*

14 *Вместо* «остались»: осталось *РК*, *РП*

15 *Вместо* «два»: двое *РК*

16 *Вместо* «уходили из вида»: уходили из вида его *РК*, *РП*, *РЦ*

19 *Вместо* «становился он»: становился *РК*

22 *Вместо* «клади ~ капусту»: и на скирдах и копнах смело можно было разводить капусту, потому что это был чистый навоз *РК*$_{п}$

23 *Вместо* «разводи на них»: разводи *РК*

24 *Вместо* «превратилась»: обратилась *РК*, *РП*$_{п}$

24 *Вместо* «нужно было ее»: ее нужно было *РК*$_{п}$

25 *Вместо* «холстам ~ материям»: полотнам *РК*$_{п}$

26 *Вместо* «обращались»: обратились *РК*

29 *Вместо* «чтобы ~ ее»: дабы ~ его *РК*$_{п}$; *РК* — чтобы ~ его

31 *Вместо* «собирался»: собирался всё *РК*, $РП_{II}$

32 *Вместо* «таким же ~ и всё становилось»: такое же количество ниток должна была напрясть баба, столько же полотна выткать ткачиха; — всё это сваливалось в кладовые и гибло. Всё, что ни было у него, становилось $РК_{II}$; *РК* — Таким же ~ всякая баба, такое же количество поставов ~ в кладовые и гибло. Всё, что ни было у него, становилось; $РП_{II}$ — Таким же ~ в кладовые и часто всё, что ни было у них, становилось

Стр. 120

8 «внучков *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — внуков

14 *Вместо* «Должно ~ редко попадается»: Должно однако же ~ попадается редко $РК_{II}$

15 *Вместо* «и тем ~ оно»: и оно бывает тем и чувствительней $РК_{II}$; *РК* — тем диче бывает оно; *РП* — тем разительнее бывает оно; *РЦ*, *МД* — тем поразительнее бывает оно

16 «разительнее» *РП (авт.)*; *РЦ*, *МД* — поразительнее

16 *Вместо* «подвернется ~ жизнь»: найдется помещик, черпающий наслаждение широкою чашей, сколько захватила богатырская рука, и веселящийся во всю ширину русской удали и барства $РК_{II}$

20 *Вместо* «очутился внезапно»: очутился *РК*

23 *Вместо* «окруженные»: окруженные целым *РК*, $РП_{II}$

23 *Вместо* «и всякими ~ приезжих гостей»: и домиков для приезжающих гостей $РК_{II}$; *РК* — и всякими ~ приезжающих гостей

24 *Вместо* «Чего нет ~ грозящее»: великолепные аллеи тополей приводят их в сообщение; легкий беспрерывный стук по укатанным дорогам приезжающих экипажей возвещает вечный, незаходимый праздник, с домашними театрами, балами; сияет всю ночь освещенный плошками сад, и гром музыки оглашает до зари безвременно пробужденную рощу; толпа гуляющих мелькает и веселится с радостью ребенка, видя, как прогнана так волшебно темная ночь, и только тому, кто младенческой душой любит девственную чистоту природы и дрожит за ее нежные тайны — тому одному только является что-то дикое $РК_{II}$

25 *Вместо* «оглашенный»: и оглашенный *РК*, $РП_{II}$

28 *Вместо* «выскакивает ~ ветвь»: выскакивает перед ним из гущи освещенная ветвь $РК_{II}$

31 *Вместо* «и далеко ~ дерев»: и угрюмее облекаются в непробудный плащ мрака вершины дерев, негодующих с вышины $РК_{II}$; *РК* — Негодуют, трепеща в вышине листьями и уходя глубже в непробудный мрак, суровые вершины дерев.

Стр. 121

1 *Вместо* «наслышась»: наслышась-де *РК*

2 *Вместо* «почел»: он почел $РК_{II}$

6 *Вместо* «преобразивши»: оборотивши $РК_{II}$

9 *Вместо* «принести лично свое»: принести личное свое *РК*
10 *Вместо* «лучшую причину»: причину *РК*, *РП*, *РЦ*
15 «что и скряга» *МД*; *МД*$_2$ — что скряга
22 «такая прескверная» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — низкая прескверная
22 «И труба-то совсем развалилась» *нет РК*, *РП*, *РЦ*
22 *Над словами* «начнешь ~ наделаешь» *записано в РК (кар.)*: попробуй затопить не в пору, того и гляди пож<ар>
25 *После* «Собакевича»: подкрепил себя бараньим боком да *РК*$_п$
30 *Вместо* «того и гляди»: того и гляди, что *РК*$_п$
33 *Вместо* «более тысячи»: тысяча *РК*$_п$
36 *Вместо* «тысячи душ»: тысяча душ *РК*, *РП*, *РЦ*
38 *Вместо* «здоровенный»: большой *РК*, *РП*, *РЦ*

Стр. 122

1 *Вместо* «и много выморила? ~ с участием»: И не на шутку выморила? воскликнул Чичиков, даже при этом почувствовав небольшое сердечное движение *РК*$_п$; *РК* — *а.* И много ~ даже [небольшое] легкое биение сердца; *б. Как в тексте*
3 *Вместо* «Да»: Да-с *РК*
15 *Вместо* «Он, казалось ~ соболезнует»: казалось, обидевшийся таким довольно живым восклицанием, Чичиков заметил, что с его стороны, в самом деле, неприлично такое безучастие к чужому горю, и потому скоро поправил всё дело, постарался вздохнуть поглубже и присовокупил, что он совершенно душевно соболезнует *РК*$_п$
24 *Вместо* «Верно ~ актриса»: Служа в офицерах, спустил, верно, в картишки, да театральная актерка *РК*$_п$; *РК*, *РП*, *РЦ* — верно ~ актерка
29 *Вместо* «не откладывая дела ~ принять»: не откладывая далее, готов принять *РК*$_п$; *РК* — не откладывая далее, тут изъявил готовность принять; *РП*$_п$ *(ошибка переписчика)* — не откладывая более, тут *и т. д. как в тексте*
32 *Вместо* «Предложение»: Такое предложение *РК*$_п$
33 «вытаращил» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — вытаращив
36 *Вместо* «Нет ~ лукаво»: Но Чичиков отвечал, что *РК*$_п$

Стр. 123

1 «вам-то самим» *РП*; *РК* — вам то же самим; *РЦ*, *МД* — вам самим-то
3 *Вместо* «Для удовольствия ~ убыток»: Но Чичиков отвечал, что для удовольствия его готов и на убыток *РК*$_п$
4 «благодетель ты мой!» *РК*; *РП*, *РЦ* — благодетель мой
5 *Вместо* «у него ~ некартинно»: из носа у него весьма некартинно выглянул *РК*$_п$; *РК* — из носа у него очень некартинно выглянул
6 *Вместо* «на образец»: в виде *РК*$_п$
7 *Вместо* «показали ~ для рассматриванья»: показали тоже не весьма приличное для рассматриванья платье *РК*

8 *Вместо* «Ах, господи ~ вы мои»: «Ах, господи. Ах... ах!..» *РК, РП*$_{п}$

11 «пропала» *РК*; *РП, РЦ, МД* — прошла

14 *Вместо* «стал им возить себя»: стал он долго возить им *РК*$_{п}$; *РК, РП, РЦ* — стал им долго возить себя

14 «возить» *МД*; *МД*$_{2}$ — водить

15 *Вместо* «Как же ~ всё издержки»: «Да ведь на всё это издержки», сказал он: и купчую нужно... *РК*$_{п}$; *РК* — Как же ~ вы за один год беретесь платить за них что ли? и деньги то мне *и т. д. как в тексте*

25 «Я не знаю ~ не устоишь» *РК, РП, РЦ*$_{п}$; *РЦ, МД* — Я не знаю, как никто другой не обратит на это вниманье. Ну сказал бы ему как-нибудь душеспасительное слово! Ведь словом хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а против душеспасительного слова не устоишь *(ценз. иск.)*

25 *Вместо* «как священники-то»: как это священники *РК*$_{п}$

26 *Вместо* «ведь что»: да ведь что *РК*$_{п}$

32 *Вместо* «гость ~ служил»: гость его ~ служит *РК, РП*$_{п}$

36 *Вместо* «спросив»: спросивши *РК, РП*$_{п}$

37 *После* «у него»: в самом деле *РК, РП*$_{п}$

37 *Вместо* «Подошед ~ закричал»: Он подошел к окну и постучал пальцами в стекло, закричавши тут же *РК, РП*$_{п}$

Стр. 124

1 *Вместо* «слышно, кто-то»: слышно, что кто-то *РК, РП, РЦ*

3 *Вместо* «тринадцати»: тридцати *РП (ошибка переписчика)*

4 *Вместо* «ноги»: ноги своей *РК, РП*$_{п}$

12 «взглянул на это» *РК*; *РП, РЦ, МД* — взглянул

14 *Вместо* «то бы увидел»: то он бы увидел *РК, РП*$_{п}$

14 «такие высокие скачки» *РК*; *РП, РЦ, МД* — такие скачки

14 *Вместо* «скачки ~ бойкому танцовщику»: высокие скачки, какие вряд ли когда-нибудь удавалось выделывать самому бойкому балетному танцовщику *РК*$_{п}$; *РК* — высокие скачки, какие вряд ли когда-нибудь удавалось выделывать *и т. д. как в тексте*

20 *Вместо* «Тут он ~ которое»: Здесь он сделал паузу, на которую *РК*$_{п}$

21 *После* «молчанием»: После этого Плюшкин прибавил *РК*$_{п}$

32 *Вместо* «еще был»: сделался еще *РК*$_{п}$

34 *Вместо* «он»: Плюшкин *РК*$_{п}$

35 *Вместо* «убрался»: убрался из комнаты *РК*$_{п}$

35 *Вместо* «Вслед затем»: Засим *РК*$_{п}$

Стр. 125

2 «И потому» *РК*; *РП, РЦ, МД* — А потому

6 *Вместо* «Чичиков»: Но Чичиков *РК*$_{п}$

6 «совершить ее» *РК*; *РП*$_{п}$ — совершить и; *РП, РЦ, МД* — совершить

7 «списочка» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — списка
8 *Вместо* «Это успокоило»: Это совершенно успокоило $РК_{и}$
8 *Вместо* «придумывал»: хотел *РК*, $РП_{и}$
10 *Вместо* «рылся долго»; рылся *РК*, *РП*, *РЦ*
12 «славный» *МД*; $МД_{2}$ — сливный
12 *Вместо* «выпили»: выпил кто *РК*, $РП_{и}$
13 *Вместо* «А вот ~ он»: А разве не вот-ли он где? $РК_{и}$
17 *Вместо* «было ~ туда»: нападало было $РК_{и}$
18 «чистенькой *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — чистенькая
22 «он и не ест» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — он не ест
31 *Вместо* «вытащил»: вытащил он эту *РК*, *РП*, *РЦ*
32 *Вместо* «Крестьянские ~ всякие»: и подал Чичикову. Чичиков увидел целую густую кучу крестьянских имен, всяких решительно: были там $РК_{и}$
33 *Вместо* «усыпали ее тесно»: густо унизывали ее *РК*, $РП_{и}$
35 *Вместо* «всех было»: всех их было $РК_{и}$
36 *Вместо* «Чичиков»: Он даже $РК_{и}$

Стр. 126

1 «оставить» *МД*; $МД_{2}$ — оставишь
5 *Вместо* «Все мои знакомые перемерли»: Все или перемерли *РК*
6 «вскрикнул» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — вскричал
11 *Вместо* «И конечно к нему»: Чичиков отвечал, что это будет лучше всего $РК_{и}$
16 *Вместо* «произведшему ~ пошлее»: вынырнувшего в последний раз. Напрасно столпившиеся у берега сестры и братья с глазами, полными испуга, и дрожащими открытыми устами, отчаянно бросают ему веревку и ждут, не мелькнет ли опять спина, или утомившиеся борением руки, что вдруг и разом нанесло бы радость, острым ударом хлынувшую к сердцу, и дрогнул бы ярким криком воскреснувший берег — напрасно! появление было последнее: безответна жестокая, равнодушная стихия, и после того еще становится пустыннее, еще страшнее ее недвижная поверхность. Так и лицо Плюшкина, вслед за появлением этого мгновенно озарившего его чувства, стало еще бесчувственней и еще неподвижней $РК_{и}$; *РК* — *а*. Вскрикнула радостным криком вся выбежавшая на берег толпа испуганных братьев и сестер, кидающих трепеща [сердцем] ему спасительную веревку. Но не подымаются более на поверхность воды ни спина, ни утомившиеся борением руки. Глухо всё, и еще страшнее и вдвое пустыннее становится поверхность безответной стихии. Вмиг исчезло скользнувшее выраж<ен>ие на Плюшкина лице и оно стало еще бесчувственней, еще пошлей; *б*. произведшему ~ и ждут. Появление было последнее. Глухо всё, и еще страшнее и пустыннее становится после того поверхность безответной стихии. Так и лицо Плюш-

кина после скользнувшего на нем выражения стало еще бесчувственней, еще пошлее.

26 *Вместо* «заглядывать»: засматривать *РК*, $РП_{п}$

26 *Вместо* «и на стол, шарил везде»: и на столе шарил везде *РП*, *РЦ*

Стр. 127

6 «в другой какой бабьей слабости» *РК*; *РП* — в другой какой бабьей слабостью; *РЦ*, *МД* — другой какой бабьей слабостью

12 *Вместо* «она»: он *РЦ*

14 *Вместо* «что ж»: чего ж *РК*

18 *Вместо* «да и нет»: и ничего нет *РК*, $РП_{п}$

19 «в руку» *МД*; $МД_{2}$ — в руки

22 *Вместо* «всунул»: обмакнул *РК*, $РП_{п}$

23 *Вместо* «мух на дне»: на дне мух $РК_{п}$

27 *Вместо* «останется»: остается *РК*, $РП_{п}$

28 *Вместо* «мелочности»: мелочного *РК*, $РП_{п}$

29 *Вместо* «мог»: И мог он $РК_{п}$

29 *Вместо* «И похоже ~ старости»: И это всё похоже на правду? И это возможно? — Всё возможно, всё может статься с человеком. Ужасно, страшно может измениться он, и не один ныне пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы кто-нибудь показал ему его же портрет его старости. Спешите же, спасайте же душу в жестокие годы мужества, отвердевающего всё чистое и нечистое, ожесточающего все чувства; спешите, уносите человеческие движения — идет, идет она, нерасцепимыми когтями уже вас объемлет она, как гроб, как могила, ничего не отдает назад и обратно, и еще немилосердней, сокрушительней могилы: на могиле хоть напишется: «здесь погребен человек», но ничего не прочтешь в хладных, бесчувственных морщинах бесчеловечной старости $РК_{п}$; *РК* — И похоже это на правду? ~ забирайте же с собою, выходя из юношеских лет, все человеческие движения, не оставляйте их на дороге — не подымете потом! Грозна, страшна грядущая впереди старость. Могила *и т. д. как в тексте*

Стр. 128

4 *Вместо* «А у вас ~ простыл»: Как? Так у вас есть и беглые? — и прибавил мысленно про себя: «А это тоже недурно»

«Как же, есть. Зять мой делал было выправки; говорит, будто бы нет и слуху о них, а другие умерли $РК_{п}$

6 *Вместо* «мастер»: мастер только $РК_{п}$

8 *После* «числом»: прервал Чичиков $РК_{п}$

11 «бегут» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — бегают

12 *Вместо* «больно прожорлив»: негодный $РК_{п}$

17 *Вместо* «Нет ~ объяснил»: Ну этим мы и сами воспользуемся, — подумал про себя Чичиков и затем истолковал Плюшкину $РК_{п}$

19 *Вместо* «стоить более ~ нужно»: стоить почти то же, что самые крестьяне, что уже самые хлопоты устрашат всякого, ибо от судов всякий, как известно, готов $РК_{II}$; *РК* — больше; ибо от судов нужно

22 *Вместо* «стиснут ~ что эта»: стиснут обстоятельствами, то, с своей стороны, будучи истинно подвигнут участием, он бы предложил безделицу, но это впрочем $РК_{II}$

22 «участием» *нет РК*

24 *Вместо* «спросил»: спросил, однако ж *РК*, $РП_{II}$

24 «и сам ~ ртуть» *нет РК*

26 *Вместо* «за душу»: на душу *РК*, *РП*, *РЦ*

27 *После* «чистые»: спросил Плюшкин *РК*, $РП_{II}$

30 *Вместо* «по сорока копеек»: хоть по полтине $РК_{II}$

31 *Вместо* «Почтеннейший ~ извольте»: На это Чичиков отозвался, что он не только по полтине, но даже заплатил бы настоящую цену, то есть по 500 рублей, и с удовольствием бы, с наслаждением бы заплатил, — до такой степени подвинут он к нему участием, но жаль: состояния не хватает; а по 5 копеек он для него $РК_{II}$; *РК* — Да за кого ж вы меня почитаете, — сказал Чичиков. — Да [не только] ~ старик терпит [можно сказать] по причине ~ свесив голову и слегка покачав ее.

— Да так почему ж не дать мне по 500 рублей на душу *и т. д. как в тексте*; *РП*, *РЦ* — Послушайте, почтеннейший! сказал Чичиков ~ по 500 рублей на душу *и т. д. как в тексте*

Стр. 129

3 *Вместо* «хоть по две ~ пристегну, извольте»: уж хоть по две копеечки прибавьте еще

— По две копеечки извольте, готов, — сказал Чичиков $РК_{II}$

3 «копеечки» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — копейки

8 *Вместо* «тридцати копеек за душу»: 30 копеек на душу *РК*, *РП*, *РЦ*

11 *Вместо* «Он был ~ расхлестать ее»: сказал Чичиков вдруг и не заикнувшись. Нужно отдать ему полную справедливость: он был мастер сводить счеты и всегда имел побуждение к арифметике. Плюшкин поверял и два, и три раза на счетах, а всё выходило так.[1] Заставивши его написать расписку, герой наш тут же отсчитал ему деньги, которые хозяин принял в обе руки так же бережливо, как набожная старуха принимает просфору $РК_{II}$

14 *Вместо* «ежеминутно ~ расхлестать»: боясь ежеминутно пролить *РК*, $РП_{II}$

20 *Вместо* «приписавшегося»: приписывающегося *РК*, *РП*; *РЦ* — причитывающегося

32 *Вместо* «до чаю»: чаю *РК*

---

[1] *В РЛ на полях л. 52 арифметические подсчеты (умножение) — вычисление цены мертвых душ Плюшкина.*

Стр. 130

2 «со двора» *нет РК*

7 *Вместо* «едят»: едят его *РК*, *РП*$_{п}$

10 «как бы и чем» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — как бы ему

24 «нажива» *РП (кар)*; *РЦ*, *МД* — пожива

24 *Вместо* «прибыточной»: прибыточной он *РК*; *РП* — прибытной он

25 *Вместо* «посвистывал»: насвистывал и *РК*, *РП*$_{п}$

29 *Вместо* «покачав»: покрутив *РК*; *РП*, *РЦ* — покружив

32 «перемешалися» *РК*, *МД*; *РП*, *РЦ* — перемешивалися

36 *Вместо* «начинались»: начинали *РК*

Стр. 131

8 *Вместо* «позволяла»: позволила *РК*

11 *Вместо* «когда ~ в гости»: когда мчится он возвратными улицами в санках к себе домой; он полон одного только звучного впечатления, произведенного блистательным сценическим представлением или мерещится в голове его дева за чайным столиком, с невинно-простодушными речами, открытыми плечами, тонкими пальцами и смеющимися устами, — он в небесах, закутанный в свою шубу *РК*$_{п}$;

К этому месту относится набросок (РЛ): как варом, замечтавшегося 20-летнего *<1 нрзб.>* возвращается утром рано домой, позабыв *<1 нрзб.>* мороз и вьюгу, метущую вьюгу, только полон *<2 нрзб.>* из театра или [вечера] весел [и чист] очаровательная *<1 нрзб.>* полон только одних звуков и впечатлений, произведенных блистательным [звучным] сценическим представлением произведения поэта или мерещится в голове его дева с невинно-простодушными речами *<3 нрзб.>* девица с прекраснейшими тонкими сияющими устами.[1]

Он в небесах, и вдруг раздавшиеся над ним, как гром, [вышеозначенные] вышесказанные слова пробуждают его вдруг, и видит он вдруг, что он на земле и даже на Сенной и даже близ кабака и вновь пошла по-буднишному щеголять пред ним жизнь, которую [так редко] так часто приходится [позабывать человеку] видеть нашим<?>

12 *Вместо* «чудный женский»: женский *РК*

13 «и чудными кудрями» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — и кудрями

---

[1] *Вместо* «как варом ~ устами»: которого вдруг обольют холодом в то время, когда вечером мчится, закутавшись в шубу, позабывши как мороз, так и вьюгу, метущую в очи. Полный только прекрасного созданья поэта, унесенных в душе впечатлений или очаровательного образа, обворожительно блиставшей невинно простодушными речами, как ангел, девицы [чистой шестнадца<тилетней>] семнадцати<летней> и чистой, как ангел, которой усмешка и тонкие руки и пальцы и чудные руки *<не дописано>*

16 *Вместо* «и видит он ~ жизнь»: и видит он, что он на земле и даже на Сенной и даже близ кабака ~ жизнь, которую так часто приходится видать нам *РК*$_{п}$; *РК*, *РП*, *РЦ* — и видит он, что на земле и на Сенной и даже *и т. д. как в тексте*

23 *Вместо* «Половой тоже ~ неизвестно»: и половым, который выбежал со свечою в руке и салфеткой на плече и обрадовался ему необыкновенно. Неизвестно, много ли обрадовался Петрушка *РК*

34 *Вместо* «Неизвестно какой»: Неизвестно какой-то *РК*

Стр. 132

2 *Вместо* «но уж не хотел»: да уж не хотел *РК*, *РП*$_{п}$

Стр. 133

1 *Вместо* «Счастлив ~ речей»: Хорошо после скучной длинной дороги со всеми неотлучными ее спутниками: холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися станционными смотрителями, бряканьями колокольчиков, подчинками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякого рода дорожными подлецами, хорошо, когда после всего этого мелькнет, наконец, знакомая крыша при потемневшем воздухе с несущимися навстречу огоньками и те же знакомые комнаты предстанут,[1] радостный крик выбежавших навстречу[2] людей, шум и беготня детей и тихие успокоительные речи, в один миг изгнавшие из памяти всю черствую дорогу. Счастлив тот, кто семьянин и кого целью родная крыша; горе холостяку.

Счастлив писатель, который мимо характеров скучных, противных, поражающих печальною действительностью, приближается к характерам, являющим высокое достоинство человека, навстречу которых летишь [почти] с радостным криком, как будто к родным, как будто душа уже где-то встретила в минуты святых отлучений своих от тела. Завиден удел его: сокрыв печальное жизни, он показал человекам [почти] прекрасного человека, он пробудил почти народный восторг; толпою влекутся молодые, пылкие души вслед за его торжественной колесницей; его имя произносится с огнем в очах; ему нет равного в силе — он бог. Но иная судьба и другой удел писателя, посягнувшего обнажить до глубины страшную мелочь в жизни, дерзнувшего выставить в очи весь длинный ряд холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша презрительно-горько-обыкновенная жизнь! Ему не собрать рукоплесканий, не видеть благодарных слез и признательного восторга взволнованных им душ, к нему не полетит навстречу шестнадцатилетняя девушка с закружившеюся головою

---

[1] *Далее начато:* и те же люди, выбежавшие [2] *Далее начато:* шум и

и геройским увлеченьем. Ему не позабыться и, [не скрыться] уйдя в свои создания от [то<го>, что желал бы позабыть он] того, что ежеминутно пред очами, ему не убежать оклеветанному [и опозоренному] молвою от [площадного позорного] лицемерного и бесчувственного всеобщего суда, отнимущего от него и сердце и душу, повергнущего его в ряд [позорящих] оскорбляющих человечество писателей, придадущего ему качества им же изображенных героев. Сурово его поприще и горько чувствует он свое одиночество.

Но всему черед и время! Одно сеется с тем, чтоб быть пожату ныне, другое сеется с тем, чтоб быть пожату после. И, может быть, потом, когда [несколько] много лет промчится над миром, когда истлеет и самый прах писавшего сии страницы, те же люди заговорят иначе, признают и утвердят, что равно чудны стекла, озирающие солнцы и передающие движения незамеченных насекомых; что много нужно глубины душевной, [чтобы] дабы озарить картину, взятую из мелкой презренной жизни, и возвести ее в перл созданья; что высокий восторженный смех достоин стать рядом с высоким лирическим движеньем души, и что есть разница великая между ним и кривляньем балаганного скомороха. Почему знать, может быть сии же низкие страницы предстанут потом в незамеченном ныне свете и, может быть, будущий поэт (о, какая чудная награда!) смятенный остановится перед ними; грозная вьюга вдохновенья обовьет главу его, и [неслышные] потекут одетые в блистанье песни. Еще раз освежат мир... *РК*

Перед началом гл. VII вшита верхняя часть отрезанного листа желтоватой бумаги, переписанного той же рукой, что и РП, с исправлениями Гоголя. Текст:

[Хорошо] Счастлив ездок, который после скучной длинной дороги со всеми неотлучными ее спутниками: холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися станционными смотрителями, бряканьями колокольчиков, подчинками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякого рода дорожными подлецами [хорошо, когда после всего этого] *<Далее пропуск>* [наконец знакомая крыша] видит наконец знакомую крышу при потемневшем воздухе с несущимися навстречу огоньками *<2 нрзб.>* [и те же] и вдруг [предстала пред ним] примут гостеприимно его те же знакомые комнаты [предстанут], радостный крик выбежавших навстречу людей, шум и беготня детей *<над незачеркнутой строкой:* и обнявшие его за шею прекрасные> и такие успокоительные речи, [в один миг изгнавшие из памяти всю] прерываемые новыми лобзаниями, при которых всё позабыто, что ни было. Есть у него угол, где [может он всё] может позабыть он черствую дорогу. Счастлив тот, кто семьянин и кого целью родная крыша. Горе холостяку. *На обороте этой страницы текст без всяких исправлений, зачеркнутый:* раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша

презрительно-гор‹ько› обыкновенная жизнь. Ему не собрать рукоплесканий, не видеть благодарных слез и признательного восторга взволнованных им душ, к нему не полетит навстречу шестнадцатилетняя девушка с закружившеюся головою и геройским увлеченьем. Ему не позабыться, ‹уйдя› в свои создания от того, что ежеминутно пред очами, ему не убежать оклеветанному молвою от лицемерного и бесчувственного общего суда, отнимущего от него сердце и душу, повергнущего его в ряд оскорбляющих человечество писателей, придадущего ему качеств им же изображенных героев. Сурово его поприще и горько чувствует он свое одиночество.

К началу гл. VII относятся также несколько набросков (автографов) на отдельных листках, подшитых к РК:

Счастлив писатель, который мимо характеров противных,[1] поражающих своею печальною действительностью, приближается к характерам, являющим высокое достоинство человека[2] из огромного мирского омута и ежедневно вращающихся образов ‹*1 нрзб*› нашу жизнь ‹*1 нрзб.*›, избрал одни немногие, редкие исключенья, уносящие далеко человека из его бедной жизни;[3] кто не изменил ни разу возвышенный строй своей лиры[4] и[5] не ниспускался с вышины к бедным, ничтожным братьям своим[6] и в одних звуках его ‹*1 нрзб.*›, отдаленный от жизни. Велика толпа поклонников и всеобщий почти народный восторг ему рукоплещет, ибо он окурил чудным небесным куревом земные их очи, ибо он прекрасно польстил им, сокрыв печальное жизни и показав им прекрасного. Всё рукоплеща, несется за ним и мчится вслед за победною его колесницей. Огонь загорается[7] в очах при произнесенном его ‹имени›. Дрожат и бьются молодые пылкие сердца и души, слезы признательного восторга, неподдельного и живого,[8] блещут на всех очах. Ему нет равного в силах, он бог. — Но и‹ная›

[ему не зреть признательного восторга]. Дерзнувшая взглянуть ‹*1 нрзб.*› оком на весь божий ‹мир›, не исключивши, дерзнувшая вызвать вперед ежедневно вращающийся омут, всю страшную потрясающую тину, [ничтожную] мелочь, опутавшую жизнь нашу,[9] всю глубину холодных, повседневных раздробленных характеров, выпукло выставить их на всенародные очи. Ему не собрать народных рукоплесканий; ему не зреть признательных слез и единодушного восторга взволнованных им душ. К нему не полетит навстречу шестнадцатилетняя девушка с огн[10] Ему не позабыться в сладком[11] обоняньи им же исторгнутых[12] звуков, ему не убежать

---

[1] противных, ничтожных [2] *Далее пропуск в рукописи.* [3] человека от ежедневной жизни [4] своей кисти [5] *Далее начато:* не опусти‹лся› [6] *Далее начато:* вечно впроч‹ем› [7] *Над строкой начато:* Всеобщий горит [8] *Далее начато:* орошают [9] опутавшую мир [10] *Не дописано.* [11] *Далее начато:* чаду [12] им же созданных

от лицемерного, бесчувственного современного суда, назовущего ничтожными и низкими им взлелеянные в душе создания, отведущего ему презренный угол среди писателей, оскорбляющих человеческое, придадущего ему качества им же изображаемых героев, отнимущего от него и сердце и душу, и божественную искру таланта, ибо не признает его.

который, пропустив весь огромный омут мира, все ежедневно вращающиеся образы, избрал одни прекрасные исключенья, унесущие далеко от земли. Завиден удел: всё за ним увлечено,[1] люди сладким куревом окуренные. Он польстил человеку, сокрыв печальное в жизни и показав ему грекрасного человека; и зато завиден удел: он *<1 нрзб.>* народный восторг; он пробудил<?> народный всеобщий восторг, всё стремится за ним и несется за победной его колесницей; одно имя его родит огонь в очах и признательность;[2] кипят молодые пылкие души. Ему нет равного в силе — он бог. Но не таков удел и другая судьба писателя, дерзнувшего выставить весь вращающийся ежедневный мир, всю ничтожную[3] мелочь, опутавшую жизнь, и весь длинный ряд холодных, раздробленных характеров, и наградить их живой или горькой усмешкой, и выпукло и ярко выставить их. Ему не собрать народных рукоплесканий, не зреть[4] единодушного восторга взволнованных им душ; к нему не полетит[5] Ему не позабыться[6] и не избежать лицемерного бесчувственного современного суда, назовущего его ничтожным и низким, отнимущего от него божественную искру таланта[7] отведущего ему угол[8] в ряду писателей, оскорбляющих человечество,[9] отымущего от него и сердце и душу и придадущего ему качества им же изображенных героев. Ибо не признает лицемерный современный суд, что[10] равно чудны стекла, озирающие солнцы и передающие движения незамеченных насекомых. Не признает суд, всё обратит в укоризну[11] и позор непризнанному писателю; сурово его поприще и горько[12] когда грозная вьюга вдохновенья подымется из обымущей[13] блеском

И долго еще определено мне чудной властью итти об руку с моими странными героями[14] сквозь смех и мгновенные неведомые миру слезы <?>,[15] всю проносящуюся мимо текущую жизнь озирать сквозь яркий *<1 нрзб.>* и искренние неведомые миром слезы. Далеко еще то время, когда иным ключем грозная вьюга вдохновенья подымется из облистанной[16] блистаньем главы и почуют в смятенном трепете

---

[1] *Далее начато:* он окурил [2] *Вместо* «одно ~ признательность»: его имя произносится с огнем и признательностью в очах [3] всю презренную [4] не видеть [5] *Не дописано.* [6] не скрыться [7] *Далее начато:* отнимущего от него сердце и душу, повергнущего его [8] ему место [9] *Далее начато:* придаду<щего> [10] *Далее начато:* можно стекла [11] обратит в упрек [12] *Далее пропуск.* [13] из окинутой [14] *Далее начато:* и зреть и приходить [15] *Далее начато:* зреть [16] из озаренной светом

9 *Вместо* «истребить всё печальное»: всё истребить *РП*

9 *Вместо* «семьянин, у кого»: семьянин и у кого *РП*

18 *Вместо* «весь повергался»: *РП — а.* весь был занят своими отторг нутыми; *б.* весь повергнулся; *в. Как в тексте*

Стр. 134

5 «он бог» *РП; РЦ, МД — нет (ценз. иск.)*

14 *Вместо* «взволнованных им»: взволнованных ими *РП, РЦ*

18 *Вместо* «который назовет»: назовущего *РП, РЦ*

19 *Вместо* «отведет»: отведущего *РП, РЦ*

21 *Вместо* «придаст»: придадущего *РП, РЦ*

21 *Вместо* «отнимет»: отымущего *РП, РЦ*

29 *Вместо* «и что целая пропасть»: и целая пропасть *РП, РЦ*

37 *Вместо* «неведомые ему»: неведомые им *РП, РЦ*

Стр. 135

1 *Вместо* «в святый ужас и в блистанье»: в священный ужас и блистанье *РП*

5 *Вместо* «и строгий ~ бубенчиками»: и что-то похожее на слезу. Окунемся вдруг и вновь разом в жизнь и свет *РК, РП*

10 *Вместо* «у него теперь»: им приобретено *РК, РП*

11 *Вместо* «Тут же»: В ту же минуту *РК, РП*

13 *Вместо* «ибо»: Он $РК_п$; *РК, РП* — так что

17 *Вместо* «Но теперь ~ на мужиков»: Но теперь он не занялся ни подбородком, ни туалетом; в уме его сидели мужики; ими была занята голова его. Он вытащил со дна шкатулки свои бумаги, между которыми скоро отыскал листочки, исписанные их именами. Когда разложил он эти листочки перед собой, когда взглянул на имена всех этих мужиков $РК_п$; *РК — а.* Но теперь он не занялся ни подбородком, ни туалетом, ни одеванием; мысли его были заняты мужичками. Он положил себе [немедленно] не затягивая дело совершить на них как можно скорее купчие крепости и потому, вытащивши из шкатулки все реестрики, [он] занялся в ту же ‹минуту?› рассмотрением их; *б.* Но теперь он не взглянул ~ в одной короткой рубашке произвел по комнате, что-то в роде пляски, слегка пошлепывая себя пяткой ноги. Потом в ту же минуту приступил к делу. Подошел к шкатулке, потерши сперва пред нею руки, как потирает их выехавший на следствие неподкупный земский, подходящий[1] к закуске, и занялся разбором [своих] бумаг. Ему хотелось никак не откладывать дела в долгий ящик и заняться [сейчас же] самому писаньем крепостей, чтоб не платить [за переписку] ничего подьячим, ибо не любил даром

---

[1] *Вместо* «как ~ подходящий»: с таким же удовольствием, как выехавший на следствие неподкупный земский суд потирает их, подходя

тратить копейку. Оказалось, что форма крепостей была совершенно ему известна. Бойко и красиво выставил он большими буквами: тысяча восемьсот такого-то года, потом вслед за тем мелкими: я, помещик такой-то, и всё, что следует. В полтора часа с небольшим были готовы все крепости. Потом переписал он набело все списки мужичков отдельно каждый.

Когда разложил он эти листочки перед собой, когда взглянул на имена мужиков

21 «позабыв ~ лета» *нет РК, РП, РЦ*

24 *Вместо* «перед ~ руки»: *РП — а.* подошел к шкатулке и потер перед нею руки с таким же удовольствием; *б. Как в тексте*

27 *Вместо* «и тот же час ~ бойко»: Ему хотелось тотчас же заняться разбором бумаг, никак не откладывая в долгий ящик. Он решился сам сочинить и написать крепости, чтоб не платить ничего подьячим, ибо не любил даром тратить копейку. Оказалось, что форма крепости была совершенно ему известна. Бойко и красиво *РП*

32 «я, помещик» *РК; РП, РЦ, МД* — помещик

33 *Вместо* «В два часа ~ на эти листики»: В полтора часа с небольшим были готовы все крепости, потом переписал он набело все списки мужиков отдельно каждый [Он положил себе, не затягивая дело, совершить на них как можно скорее купчие крепости и потому, вытащивши <из?> шкатулки все реестрики, занялся в ту же минуту рассмотрением их. Когда, разложив листочки перед собой, когда взглянул] Когда, переписавши, взглянул он на эти листики *РП*

37 *После* «овладело им»: Он глядел на них долго, не будучи в состоянии предаться никакой [вдохновенной] определенной мысли *РК (кар.)*

38 *Вместо* «Каждая из»: Каждая из этих *РК*, $РП_{II}$

Стр. 136

3 *Вместо* «придатками»: придомками *РК*, $РП_{II}$

4 *Вместо* «выставлены только»: выставлены одни только *РК*

7 «похвальных качеств» *РК; РП, РЦ, МД* — качеств

8 *Вместо* «приписано было»: приписано *РК*

9 *Вместо* «смыслит»: дело смыслит *РК, РП, РЦ*

13 *Вместо* «сии»: эти *РК*, $РП_{II}$

14 *Вместо* «как будто»: как будто эти *РК*, $РП_{II}$

15 *После* «живы»: как будто даже были вовсе не смертны $РК_{II}$

15 *Вместо* «он»: он, наконец $РК_{II}$

16 *Вместо* «напичкано!»: числом! *РК*

17 *Вместо* «что вы»: Что-то вы *РК*, $РП_{II}$

20 «принадлежавший ~ Коробочке» *нет РК*

21 *Вместо* «сказать»: сказать опять $РК_{II}$

23 *Вместо* «в кабаке ли»: Просто ли в кабаке *РК*, *РП*$_{п}$; *РП*, *РЦ* — в кабаке

24 *Вместо* «Пробка ~ вот тот»: Авдеев Толстое-Брюхо. А, вот, он, Авдеев Толстое-Брюхо! Вот он тот *РК*$_{п}$

24 *Вместо* «трезвости»: искусства и трезвости *РК*, *РП*

25 *Вместо* «богатырь»: силач *РК*

26 *После* «годился бы!»: Плотник. Да! Верно был добрый плотник! *РК*, *РП*$_{п}$

29 «государственную» *РК*, *РП*; *РЦ*, *МД* — ассигнацию *(ценз. иск.)*

31 «под церковный ~ потащился» *РК*, *РП*; *РЦ*, *МД* — на колокольню *(ценз. иск.)*

34 *Вместо* «в затылке»: в затылок *РП*, *РЦ*

Стр. 137

1 «по спине ремнем» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — ремнем по спине

17 «прописана» *МД*; *МД*$_{2}$ — приписана

17 *Вместо* «принять ее»: принять *РК*

18 *Вместо* «оканчивалось на букву ъ»: не оканчивалось на букву «а» *РК*, *РП*$_{п}$

18 *После* «то есть»: было написано *РК*, *РП*$_{п}$

19 *Вместо* «Однако же ~ уваженье»: Чичиков однако же этого не уважил *РК*, *РП*$_{п}$

20 *После* «Доезжай-не доедешь»: А, вот он и Доезжай-не доедешь! тут *РК*, *РП*

22 *Вместо* «от родной»: и родной *РК*, *РП*

27 «может быть» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — может

31 *Вместо* «на бумажку»: на ту бумажку *РК*, *РП*$_{п}$

37 *Вместо* «Антон»: Миняй *РК*

Стр. 138

6 *Вместо* «такого-то помещика»: такого помещика *РК*

10 *Вместо* «не давал он»: не давал *РК*

22 *Вместо* «тоже сундук»: сундук *РК*, *РП*

36 *Вместо* «Весьегонск»: Усть-Сысольск *РК*, *РП*$_{п}$; *РП* — Волоколамск; *РЦ* — [Волоколамск] Весьегонск

38 «весьегонская» *РЦ*, *МД*; *РК*, *РП* — усть-сысольская

Стр. 139

1 *Вместо* «Абакум Фыров ~ это был Манилов»: Ефрем Петякин. «Ты что за птица?...» Но здесь Чичиков взглянул на часы и увидел, что было уже несколько поздно. Собрав свои бумаги, он поспешил одеться, но желая никак откладывать дела в долгий ящик и располагая совершить хоть половину купчих крепостей того же утра. Хотя в приятельском расположении председателя он был совершенно уверен, хотя был уверен, что если дело потребует долее времени, назначенного для присутствия, то предсе-

датель прикажет продлить самое присутствие, как он захочет, подобно как у Гомера боги могли всегда приказать продлиться дню на столько, сколько нужно для драки любезных их героев, но все-таки он захотел отправиться поранее в палату, уже единственно потому, чтоб быть как-то покойнее, окончив дело, и притом же он был, как уже читатель знает, аккуратен во всем, от большого до малого. На улице он услышал позади себя произнесенное свое имя, оглянулся — пред ним стоял Манилов, очутившийся вдруг и неожиданно, будто с облаков *РК*$_{п}$

4 *Вместо* «Над чем»: Почему *РК, РП, РЦ*

7 *Вместо* «замыслит»: заслышит *РК, РП*

7 *После* «разгуле»: [вольной] *РП*

11 *Вместо* «любовницами и женами»: любовницами, женами *РК*

13 «зацепляя» *РК; РП, РЦ, МД* — нацепляя

14 «сыплют» *РК, МД; РП, РЦ* — сыплят

16 *Вместо* «в пирамиду как ядра»: как ядра в пирамиду *РК, РП*$_{п}$

17 *Вместо* «выглядывает весь»: выглядывает *РК*

18 «не перегрузится весь» *РК, МД; РП, РЦ* — не перегрузится

18 *Вместо* «не понесется гусем»: гусями понесется *РК, РП*$_{п}$

29 «с бумагами подмышкой отправился» *РК; РП*$_{п}$ — бумаги подмышкой отправился; *РП, РЦ, МД* — бумаги подмышку и отправился

31 *Вместо* «ибо»: потому что *РК, РП, РЦ*

34 «насылавшему» *МД; МД*$_{2}$ — посылавшему

35 *Вместо* «средство»: случай *РК, РП*$_{п}$

37 *Вместо* «дела»: дело *РП, РЦ*

37 «всё»: всё как-то *РК, РП*$_{п}$

38 *Вместо* «все-таки ~ с плеч»: как бы то ни было, он все-таки отчасти чувствовал, что души как-то не настоящие, и не такие, как следует, и потому скорее бы эту обузу с плеч *РК, РП*$_{п}$; *РП* — как бы то ни было, он все-таки отчасти чувствовал, что души *и т. д. как в тексте*

Стр. 110

3 *Вместо* «медведя, крытого»: медведи крытые *РК, РП, РЦ*

5 «с господином тоже» *РК; РП, РЦ, МД* — тоже с господином

7 *Вместо* «минут пять»: минут с пять *РК, РП, РЦ*

10 *Вместо* «У Манилова ~ держал он»: Манилов был решительно вне себя, от удовольствия зажмурил глаза совершенно и на лице оставались только нос да губы. Почти с четверть часа он держал *РК*$_{п}$

10 *После* «радости»: [совершенно исчезли на лице] *РК*

12 *Вместо* «В оборотах ~ с признательностью»: В самых вежливых и приятных словах рассказал он, что приехал в город только поутру и никак не мог отказать себе в удовольствии увидеть и обнять Павла Ивановича. Ко всему этому был прибавлен такой комплимент, какой разве только в воскресный день где-нибудь

на вечере какой-нибудь молодой помощник столоначальника скажет девице, с которою готовится танцовать. Чичиков уж никак не нашелся ему на это ответить: всё, что ни прибирал он, всё в сравнении с ним было мало *РК*$_{II}$

13 *Вместо* «как летел»: что летел *РК*, *РП*$_{II}$

13 *После* «Павла Ивановича»: и сердился на медленность лошадей *РК*, *РП*$_{II}$

16 *Вместо* «как благодарить»: что отвечать *РК*, *РП*, *РЦ*

17 *Вместо* «бумагу»: белую бумагу *РК*, *РП*$_{II}$

17 *Вместо* «в трубочку и связанную»: трубочку связанную *РК*

18 «и подал очень ловко двумя пальцами» *РК; РП, РЦ, МД — нет (пропуск переписчика РП)*

21 *Вместо* «пробежал»: и пробежал *РК*, *РП*

21 *Вместо* «и подивился ~ Еще»: Да как хорошо написано, — сказал он [по прочтении], не нужно и переписывать, да еще *РК*, *РП*$_{II}$

25 *Вместо* «Манилов»: Ноздрев *РК*, *РП*$_{II}$ *(ошибка)*

31 *Вместо* «что он ~ купчей»: за каким делом шел герой наш в палату *РК*$_{II}$

33 *Вместо* «под руку»: под руки *РК*

34 *Вместо* «небольшом»: маленьком *РК*

35 *Вместо* «приподнимал его»: приподнимал *РК*

37 *Вместо* «Чичиков ~ тяжеленек»: Весьма естественно, что последний не находился как благодарить, и очень совестился, ибо чувствовал сам, что немножко тяжеленек *РК*$_{II}$; *РК*, *РП*$_{II}$ — Чичиков совестился, не знал как благодарить, ибо чувствовал, что в телесном устройстве частей своих несколько тяжеленек

Стр. 141

1 «В подобных взаимных услугах» *РК; РП, РЦ, МД* — Во взаимных услугах; *РК*$_{II}$ — В подобных взаимных услугах и изъяснениях

3 *Вместо* «для изображения ~ Это были»: для того, чтобы были заметнее пятна и пачканья, которыми был покрыт нижний этаж его. Кроме трехэтажного дома украшали площадь *РК*$_{II}$

4 *Вместо* «чистоты ~ помещавшихся»: чистоты и невинности [душ] — *<1 нрзб.>* обитавших *РК*

8 *Вместо* «известными ~ на сей»: кое-какими необходимыми заборными надписями, нацарапанными школьниками и уличными шалунами, посеченными за это, без сомнения, в свое время порядочно, если только дали себя поймать на месте злодеяния, — вот всё, что находилось на этой *РК*$_{II}$

9 *После* «мелом»: [не показывавшими однако же большого дарования ни в письме, ни в живописи] *РК*

11 «иногда высовывались» *РК; РП, РЦ, МД* — высовывались

11 *Вместо* «неподкупные ~ опять»: крепкие головы жрецов Фемиды, но очень скоро прятались опять, потому что *РК*$_{II}$

11 «жрецов» *РК, МД; РП, РЦ — нет*

13 *Вместо* «Приятели ~ потому что»: Оба приятеля должны были не идти, а бежать по лестнице, ибо $РК_{п}$

17 *Вместо* «Чичикову устать»: Павлу Ивановичу устать и утрудиться *РК*, $РП_{п}$

17 *Вместо* «весьма ~ чистотою»: очень сильно, когда, наконец, вступили в коридор. И на коридоре, и на лестнице ощутительно был слышен несколько сжатый воздух, всегда бывающий в тех местах, где пребывают сторожа. Комнаты, стены, двери, — всё было несколько чернильно $РК_{п}$

18 *Вместо* «взор их»: взор *РК*

19 *Вместо* «не заботились ~ какова есть»: не заботились о чистоте, и то, что было грязно, в самом деле оставалось грязным, не принимая никакой привлекательной наружности. Фемида просто, какова у нас есть $РК_{п}$

21 *Вместо* «какова есть»: какова она есть *РК (кар.)*

22 *Вместо* «Следовало ~ комнаты»: Следуя порядку вещей, долженствовало бы заняться описанием канцелярий и комнат $РК_{п}$; *РК* — Следовало бы описать канцелярии и комнаты

23 *После* «автор»: должен признаться, что от рождения $РК_{п}$

24 *Вместо* «ко всем ~ местам»: относительно всякого рода присутственных мест *РК*, $РП_{п}$

24 *Вместо* «Если ~ не знает»: и всегда боялся правосудия, может быть, даже потому, что чувствует в сокрушенной душе своей, что весьма грешен. Если же и случилось ему проходить подобные места, даже в облагороженном виде, с лакированными полами и столами красного дерева, он всегда потуплял глаза в землю и старался пробежать их как можно скорее; по этой-то причине никогда не мог порядочно заметить $РК_{п}$

24 *Вместо* «Если и»: Если *РК*

25 *Вместо* «блистательном и облагороженном»: блистательном и облагороженном их *РП*; *РК* — облагороженном

26 *После* «столами»: [и тогда даже] *РК*

27 *Вместо* «пробежать»: пробежать их *РК*, *РП*

28 *Вместо* «потому»: потому он *РК*

29 *Вместо* «видели ~ светло-серую»: видели только мельком чернильницы, бумаги, затылки, сюртуки, фраки, и даже просто какую-то серую $РК_{п}$

30 *Вместо* «наклонившиеся»: наклоненные *РК*, $РП_{п}$

33 *Вместо* «положив ее»: положив *РК*

34 *Вместо* «какой-нибудь ~ голосом»: вероятно какое-нибудь не бездельное отношение. Да слышались урывками небольшие фразы, как-то $РК_{п}$; *РК* — [может быть] какой-нибудь *и т. д. как в тексте*

36 *Вместо* «нажившим»: нажившего *РК*, $РП_{п}$

37 *Вместо* «под его покровом»: и ожидающего только, авось бог пошлет правнучат *РК*, $РП_{п}$

Стр. 142

2 *Вместо* «Иногда»: Иногда же *РК*

5 *Вместо* «шесть суток»: сорок дней $РК_{п}$

5 *Вместо* «Шум ~ заваленный»: Шум от перьев был страшный и походил на то, как будто бы несколько телег в глубокую осень проезжали по лесу, заваленному $РК_{п}$

7 *После* «листьями»: Один из священнодействующих, тут же находившихся, который с таким усердием приносил жертвы Фемиде, что оба рукава лопнули на локтях и давно лезла оттуда подкладка, за что и получил в свое $РК_{п}$

12 «А мне ~ просьбу» *нет РК*

19 *После* «хотели»: по свойственной человеку гордости *РК*, $РП_{п}$

21 *Вместо* «он»: Чичиков *РП*, *РЦ*

Стр. 143

6 *Вместо* «как»: так, как *РК*

6 *Вместо* «слыхал»: слышал *РК*

8 *Вместо* «уже человек»: человек уже *РП*

9 *Вместо* «вертопляс»: шарамыжка *РК*, $РП_{п}$

10 *Вместо* «вся середина ~ рылом»: нижнюю часть лица имел он совершенно выступившуюся вперед вместе с носом, губами и бородою, словом то, что называют кувшинное рыло *РК*, $РП_{п}$

12 «в общежитьи» *нет РК*, *РП*, *РЦ*

15 «поворотил ~ рыло» *нет РК*

17 *Вместо* «А у меня ~ какое»: А мне вот *РК*, $РП_{п}$

21 *Вместо* «а от других»: от других *РК*

32 *Вместо* «Другие ~ Ивану Григорьевичу»: а другие, конечно, не останутся... Ну, теперь идите *РК*, $РП_{п}$

Стр. 144

1 *Вместо* «тотчас»: тотчас же *РК*

4 *Вместо* «Иван Антонович»: он *РК*, $РП_{п}$

5 «священнодействующих» *нет МД (ценз. иск.)*

8 «за что и получил» *РП*; *РЦ* — получивший за службу *(ценз. иск.)*; *МД* — получивший за ту службу

21 *Вместо* «принял»: схватил *РК*, $РП_{п}$

24 *Вместо* «что тут же было»: и изъявлено было обоюдное сожаление и *РК*, $РП_{п}$

25 *Вместо* «уже ~ о покупке»: был уведомлен о покупке *РК*; *РП*, *РЦ* — был уведомлен о покупке уже Собакевичем

26 «несколько было» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — несколько

29 *Вместо* «вместе ~ к другу»: лицом в лицо друг другу *РК*, $РП_{п}$

31 *Вместо* «спросил»: сказал *РК*, *РП*

35 *Вместо* «сформованный»: сформированный *РЦ*

37 *Вместо* «также»: тоже *РК*

Стр. 145

2 *Вместо* «если бы»: если *РК*

9 *После* «болен»: хоть бы какая-нибудь болезнь *РК, РП, РЦ*

26 *Вместо* «хотелось бы»: хотелось бы даже *РК*, $РП_{п}$

Стр. 146

1 *Вместо* «крепости»: крепости, приложите их $РП_{п}$; *РП* — крепости [приложите] их; *РЦ, МД* — крепости их.

2 *Вместо* «Да»: Да, вот *РК*, $РП_{п}$

2 «подхватил Собакевич» *нет РК*

12 *Вместо* «Еще я попрошу ~ не понравившееся»: Ай, да кулак, — подумал про себя Чичиков *РК*, $РП_{п}$

22 *Вместо* «с выражением ~ удовольствия»: с большим удовольствием *РК*, $РП_{п}$

31 *Вместо* «за либерализм ~ всех»: либерализм и поделом выбранил *РК*, $РП_{п}$

32 «всё» *нет РК*

Стр. 147

6 «они сделали? Ведь» *нет РК*

25 *Вместо* «говорю»: говорит *РК*

33 «не заселено только» *РК*; *РП, РЦ, МД — нет (пропуск переписчика РП)*

35 *Вместо* «А земли в достаточном»: И в достаточном *РК*

Стр. 148

1 *Вместо* «Сказав ~ взглянул»: сказал это и взглянул *РК, РП*

2 *Вместо* «Собакевич»: он *РК*, $РП_{п}$

4 *Вместо* «Ой»: О *РК*

6 *Вместо* «моргун»: с моргающим глазом *РК*, $РП_{п}$

11 «протопопа» *нет РК*

18 *Вместо* «и Чичикову»: а Чичикову *РЦ*

19 *Вместо* «заплатить»: заплатить какую-то *РК*, $РП_{п}$

21 «неизвестно каким образом» *нет РК*

22 *После* «просителя»: [Как это делается, неизвестно, но известно то, что для дружбы много делается на этом свете] *РК*

23 *Вместо* «Итак»: Ну $РК_{п}$

29 *Вместо* «вы не так ~ поставим»: зачем вам тратиться $РК_{п}$

32 *Вместо* «все»: вчетвером *РК, РП*

33 «чудотворец» *РК, РП*; *РЦ, МД* — чудный человек *(ценз. иск.)*

34 *Вместо* «погреба»: винного погреба *РК, РП*

36 *Вместо* «От такого ~ к дому полицеймейстера»: Гости совершенно согласились с председателем; тут же все четверо отправились к полицеймейстеру, и присутствие кончилось целым часом ранее положенного времени, на что, однако же, ни один из чиновников не рассердился: ни начальники ни подчиненные *РК, РП*.

К этому месту относится набросок (автограф) на отдельном листе, подшитом к РК:

От такого предложения никто не мог отказать<ся>. Многие из свидетелей уже при одном наименовании рыбного ряда[1] почувствовали аппетит [невыносимый] и все тот же час взялись[2] за шапки, и присутствие окончилось часом ранее. Когда проходили канцелярские комнаты, Иван Антонович кувшинное рыло, учтиво поклонившись, сказал потихоньку Чичикову: «Ведь крепостей[3] на сто тысяч совершили, а дали одну только беленькую».[4] — «Да ведь какие[5] крестьяне», сказал: «ведь вы не знаете — самый ничтожный народ, и половины не стоит».[6] Иван Антонович понял, что от этого[7] «А почем купили душу у Плюшкина?» — шепнул ему с другой стороны на другое ухо Собакевич.[8] — «А Воробья зачем приписали?»[9] сказал ему в ответ на это Чичиков. — «Какого Воробья?», сказал Собакевич. — «Да бабу — Елисавету Воробья; и ъ поставили на конце». — «Нет, никакого Воробья не приписывал я», сказал Собакевич и отошел тот же час к другим

Стр. 149

1 *После* «кончилось»: [часом раньше обыкновенного] *РП*

4 *Вместо* «одну»: одну только *РП*

7 *Вместо* «посетитель ~ не даст»: от этого больше ничего не получить *РП а*; *б. Как в тексте*

19 «чудотворец» *РК*, *РП*; *РЦ*, *МД* — чудный человек *(ценз. иск.)*

24 *Вместо* «белуга»: белуги *РК*

24 *Вместо* «семга»: семги *РК*, *РП*, *РЦ*

25 *Вместо* «сыры ~ Полицеймейстер был»: и бог знает сколько всякой всячины. Полицеймейстер *РК*, $РП_{п}$

33 *Вместо* «Вообще ~ противу»: Он повел дело как-то умно, — получал вдвое более доходов противу $РК_{п}$

Стр. 150

2 *Вместо* «подчас с них сильно»: бесчеловечно $РК_{п}$; *РК*, $РП_{п}$ — подчас изрядно

6 *После* «молодец»: как выражались купцы *РК (кар.)*

6 *Вместо* «даст порядок»: и порядок даст *РК*; $РП_{п}$ — порядок дает

13 *Вместо* «был»: был почти *РК*, $РП_{п}$

18 *Вместо* «совершенную»: некоторую *РК*, $РП_{п}$

24 *Вместо* «куда ~ в дверь»: Собакевич, несмотря на свою неподвижную и неуклюжую наружность, весьма часто заглядывал в дверь $РК_{п}$

24 *Вместо* «куда»: куды *РК (авт.)*

---

[1] при одном имени рыбный ряд [2] все взялись очень скоро [3] Ведь крестьян [4] только бумажку [5] Да ведь дрянь [6] народ, чорт знает что, половины не стоит [7] *Фраза не закончена.* [8] сказал Собакевич [9] зачем продали?

25 *Вместо* «издали»: уже оттуда $РК_{п}$

25 «в сторонке» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — в стороне

26 *Вместо* «по рюмке ~ каждый»: не без удовольствия по рюмке водки, стали каждый, как говорится, обнаруживать $РК_{п}$

33 «доехал» *МД*; $МД_{2}$ — доедал

34 *Вместо* «полицеймейстер ~ рыбку»: гости вспомнили об осетре и подошли было к нему с вилками, увидели, что на блюде лежали только голова да хвост $РК_{п}$

Стр. 151

2 *Вместо* «маленькую рыбку»: севрюшку *РК*, *РП*

7 *Вместо* «благоденствие»: здоровье $РК_{п}$; *РК* — благоденствие [земель и]

9 «Приступили ~ третий раз» *нет РК*

10 *После* «упрашивать»: [его] *РП*

14 «женим его?» *нет РК*, *РП*, *РЦ*

21 *Вместо* «как не быть? всё будет»: *РП* — *а*. Как не быть невесте, был бы жених; *б*. *Как в тексте*

36 *Вместо* «говорили ~ на которое»: не слушая один другого. Герой наш никогда не чувствовал себя в таком веселом расположении. Вообразив себя уже почти настоящим херсонским помещиком, говорил обо всем, приглашал к себе и даже начал читать Собакевичу какие-то любовные стихи, на которые $РК_{п}$

37 «время» *нет РК*

38 *После* «детей»: и весьма больно *РК*, $РП_{п}$

38 *После* «множество» [всяких дел, вопросов, над которыми весь век иной ломает голову] *РК*

Стр. 152

6 *Вместо* «ибо ~ ко сну»: потому что вина хоть и не пил, но после осетра чувствовал большой позыв ко сну $РК_{п}$

7 *Вместо* «и сам»: сам *РК*, *РП*, *РЦ*

8 *Вместо* «и воспользовался ~ доехал он»: и на прокурорских уже дрожках доехал $РК_{п}$

9 *Вместо* «Прокурорский»: у которого *РК*, $РП_{п}$

14 *Вместо* «белокурая ~ мужиков»: и какие-то херсонские деревни, даже дано было приказание Селифану собрать всех мужиков $РК_{п}$; *РК* — белокурая невеста, белая как снег, с самым свежим румянцем *и т. д. как в тексте*

18 *Вместо* «Селифан молча ~ вышел»: Селифан слушал, слушал долго и молча вышел $РК_{п}$; *РК* — Селифан молча слушал очень долго и молча вышел

20 *После* «Петрушка»: тот же час *РК*, $РП_{п}$

20 *Вместо* «снимать»: стаскивать $РК_{п}$

23 *Вместо* «скрипела»: скрипела и рыпела $РК_{п}$

28 *Вместо* «их»: его $РК_{п}$

28 *Вместо* «возвращавшегося»: который возвращался *РК, РП, РЦ*

29 *Вместо* «чутьем»: как будто чутьем $РК_{п}$

30 *Вместо* «завалился спать»: завалился так спать, что $РК_{п}$

31 *Вместо* «Петрушка»: он *РК, РП, РЦ*

33 *Вместо* «балагуря дорогою»: болтая *РК*

36 *Вместо* «низенькую ~ закоптившуюся»: потемневшую стеклянную *РК*

37 *Вместо* «приводившую»: ведшую *РК, РП*; *РЦ* — ведущую

Стр. 153

13 *Вместо* «поднявши ~ густоты»: и подняли храп неслыханный $РК_{п}$

14 *Вместо* «тонким»: особенным $РК_{п}$

15 *Вместо* «всё угомонилось и гостиница»: угомонилось всё и вся почти гостиница $РК_{п}$

21 *Вместо* «были»: были очень *РК*, $РП_{п}$

22 *Вместо* «бойко и»: весьма тщательно *РК*, $РП_{п}$

22 *Вместо* «надиво»: мастерски $РК_{п}$

23 *После* «каблук»: Наконец и там погасла свечка — и всё уснуло $РК_{п}$

Стр. 154

1 *Вместо* «Покупки ~ климату»: Совершенные Чичиковым покупки крестьян сделались на несколько дней предметом разговоров в городе. Все занялись вопросом, точно ли выгодно покупать на вывод крестьян. Это произвело множество мнений, из которых многие были дельны и основывались на совершенном знании предмета. Одни говорили, что в южных губерниях земли весьма плодородны и удобны для поселения; другие — что воды мало и крестьяне Чичикова непременно потерпят большой недостаток; утверждали, что переселения — ненадежная вещь, что мужики Чичикова разбегутся, ибо известно, что́ такое мужик: на новой земле, да занятия еще хлебопашеством, да ничего у него нет, ни избы, ни забора, убежит, как дважды два. На это возражали многие довольно основательно, что мужику русскому решительно всё равно и что он весьма скоро привыкает ко всему, что $РК_{п}$

1 «разговоров в городе. Пошли» *РК (авт.)*; *РП, РЦ, МД* — разговоров. В городе пошли

2 *Вместо* «мнения»: прения *РК*

16 *Вместо* «рубить себе»: рядить $РК_{п}$

17 *Вместо* «Но, Иван Григорьевич ~ будут»: Многие беспокоились сильно и не без причины за нравственность крестьян, говорили, что несбыточное дело, чтобы кто-нибудь решился продать порядочных крестьян без земли, что мужики Чичикова непременно должны быть пьяницы, воры и весьма буйного поведения. На это возразил кто-то, и едва ли не председатель палаты, что хотя действительно мужики Чичикова не могут быть хорошей нравственности, но, поселившись на новой земле, они могут сделаться хорошими поддан-

ными, чему уже бывало не мало всяких примеров, что всё зависит *от хорошего управления и благоразумно принятых мер*. Управляющий казенными фабриками заметил, что это однако же весьма сомнительно, тем более, что у крестьян Чичикова окажутся *РК*$_{п}$

18 «каков еще» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — еще каков

Стр. 155

8 *Вместо* «Я вас ~ враг»: второй враг *РК*$_{п}$

11 *Вместо* «Нужно ~ для мужиков»: и что нужно, чтобы Чичиков оставался бы и жил среди их сам, иначе они все будут прегорькие пьяницы и никогда не заведутся тем, что нужно для хозяйства. На это председатель отвечал, что Чичикову никакой нет надобности жить самому среди мужиков своих, что он может найти хорошего управителя. Кто-то отозвался, что все управители мошенники; но управляющий заметил, что управители потому мошенники, что господа не занимаются своим делом. С этим согласился и председатель, прибавив, что управителя очень можно найти хорошего, что для этого нужно только уметь различать людей и быть сведущим хоть сколько-нибудь самому. Но управляющий сказал, что меньше, как за пять тысяч в год нельзя сыскать хорошего управителя; но председатель сказал, что можно и за три тысячи, что он знает одного хорошего человека, именно Петра Петровича Самойлова, который совершенно такой управитель, как нужно для крестьян *РК*$_{п}$; *РК* — Нужно разве ~ гонял их за всякой вздор и не пропускал бы лично, где следует дал и зуботычину и подзатыльника... Зачем же Чичикову возиться самому и давать им зуботычины. Можно найти управителя

29 *Вместо* «стали сильно»: особливо когда они принимали в соображение то, что жизнь их должна совершенно перемениться, и скольких трудов будет стоить сбыть с меньшим убытком крестьянских лошадей, чтобы на место их накупить быков, ибо земли в южных местах, как известно, пашутся волами и что весьма можно *РК*$_{п}$

30 «каковы» *РК*, *МД*; *РП*, *РЦ* — каковые

33 *Вместо* «что капитан ~ жительства»: и земской полиции и что Чичиков, как человек основательный, вероятно примет заблаговременно все нужные меры *РК*$_{п}$

34 *Вместо* «на место»: вместо *РК*

Стр. 156

4 *После* «крестьян»: так сказать *РК*$_{п}$

9 «побуждаемые» *РК*, *РП*; *РЦ*, *МД* — побеждаемые

9 «сообщали» *РК*, *РП*; *РЦ*, *МД* — сообщили

10 *Вместо* «предлагали ~ миллионщик»: за которые он очень благодарил, примолвив, что не преминет при первом случае ими

воспользоваться, насчет же изъявленных опасений при переселении крестьян изъяснился, что хотя действительно оно сопряжено с затруднениями, но он надеется, что с божьей помощью совершится благополучно, по крайней мере без бунта. Следствие или заключение всех этих толков было весьма полезно для нашего героя: оно утвердило за ним одно из выгоднейших мнений, какое только может приобресть на этом свете человек — именно, что он должен быть очень богат. Пропустили даже слухи, что он миллионщик. Все $РК_{II}$

15 *Вместо* «характера»: характера и *РК*, $РП_{II}$

18 *К тексту* «Все эти ~ душевнее» *относится набросок (автограф) на отдельном листке, подшитом к РК:*

Чичиков, как видели в первой главе, умел совершенно очаровать всех и привязать к себе. А теперь посторонние открывались в нем достоинства, и закупки на тысячные укрепили [совершенно наглухо] связи

19 *Вместо* «каких»: какие *РК*, $РП_{II}$

22 *Вместо* «после ~ еще»: само собою разумеется, полюбили его еще $РК_{II}$

23 «если» *нет РК*

24 *Вместо* «народ добрый»: добрые люди $РК_{II}$

26 *Вместо* «короткости»: патриархальности $РК_{II}$; $МД_2$ — кротости

30 *Вместо* «семейственно. Многие»: дружественно и семейственно. Все они были люди *РК*

34 *Вместо* «Бор заснул»: «Чу! бор заснул» *РЛ*, *РК*, *РП*

Стр. 157

1 «выписки по целым листам, и в чем состояли эти выписки и какого рода» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — выписки, но какого рода

13 *Вместо* «Кто был ~ изъяснить»: Насчет благовидности нечего и говорить. Читатель уже сам видел, что они были люди такие, как нужно для занятия степенных и надежных мест, то есть люди полные и здоровые — чахоточного или молокососа между ними никого не было. Итак, расположение их к Чичикову было совершенно искреннее. Но если на них герой наш подействовал сильно, то надо признаться, что на супруг и вообще на дам подействовал еще сильнее. Впечатление это тем было удивительнее, что совершилось вдруг, едва только распространилось мнение по городу, о котором уже сказано выше. Чтобы понять, почему оно случилось вдруг $РК_{II}$; *РК — а.* Уже известно, что они все были люди надежные, чахоточного между ними никого не было. Словом, всё был добрый народ, пока, натурально, их не опутывал чорт, что, как известно, разрушает всегда согласие, [где только ни есть] где обитает человек. Стало быть расположение их к Чичикову могло быть совершенно искреннее. Но несравненно замечательнее то впечатление *и т. д. как в тексте*; *б.* Кто был то ~

чернушки, Бобо ~ качествами и оборотами, знавший в самом деле великую тайну нравиться. Они так полюбили его, что он даже был не рад, потому что не видел даже средств, как вырваться из города. Одним словом, он был носим, как говорится, на руках. Но неравненно замечательнее то впечатление *и т. д. как в тексте*; *РП*, *РЦ* — Кто был то ~ Они так полюбили его, что он даже был не рад, потому что не видел *и т. д. как в тексте.*

К этому месту относится набросок (автограф) на отдельном листке, подшитом к РК:

Черта добродушия и гостеприимства была у всех какою-то общею чертою, что́, может быть, заключается уже в самой славянской природе: человек, с которым вкусили они хлеба-соли, провели несколько вечеров за картами и бутылкою, делался уже чем-то почти родным. Любовь дошла до того, что не слышали души. Сам Чичиков отчасти даже не рад был, ибо чувствовал,[1] что трудно было ему расставаться.[2] Все уже заблаговременно[3] и на перерыв просили беспрестанно об отсрочке предполагаемого отъезда, который в угодность им он уж просрочил и без того.

34 *Вместо* «но для автора ~ просто трудно»: но здесь автор должен признаться, что это очень трудно. С одной стороны останавливает его неограниченное почтение, которое он всегда чувствовал к супругам сановников всех вообще городов, как губернских, так и уездных; с другой стороны и то, что эта сторона человеческого рода так образована непонятно, что весьма трудно найти слов, которые бы совершенно определили ее *РК*$_{II}$

38 *Вместо* «никаким образом»: право *РК*$_{II}$

Стр. 158

1 *Вместо* «Даже ~ в нем»: нет, прошу великодушно извинения у читателя: просто не подымается никак перо *РК*$_{II}$; *РК*, *РП*$_{II}$ — Даже ~ перо, как будто свинец, или сорокафунтовое ядро в нем засело

1 «странно» *РК*, *РП*, *МД*; *РЦ* — страшно

4 *Вместо* «у которого»: у которого точно *РК*, *РП*$_{II}$

5 *Вместо* «разве»: разве слегка *РК*$_{II}$

6 *Вместо* «то, что называют»: очень, как говорится *РК*$_{II}$

8 *Вместо* «Что до того, как вести себя»: Что касается до того ~ держать себя *РК*$_{II}$

9 *Вместо* «множество»: и множество *РК*, *РП*$_{II}$

10 *Вместо* «и особенно ~ в этом»: которых даже приметить нельзя простым глазом, то в этом, надобно признаться *РК*$_{II}$

10 «и особенно» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — а особенно

---

[1] потому что чувствовал [2] что расстаться будет всё <*1 нрзб.*>
[3] *Вместо* «Все уже заблаговременно»: Уже теперь, за несколько дней вперед, со всех сторон

11 *Вместо* «они опередили ~ петербургских»: они даже опередили дам и петербургских *РК*; $РП_{п}$ — они еще опередили дам и петербургских

18 *Вместо* «И уж как ~ визита»: и так сильно перессорились, что уж никак не могли потом примирить их; как ни старались мужья и родственники загладить как-нибудь дело, но нашли, что рана была совершенно неизлечима $РК_{п}$; *РК*, *РП* — Ссора была так сильна, что уж никак не могли потом примирить их, как ни старались мужья и родственники загладить дело, но увидали, что рана была совершенно неизлечима

23 *Вместо* «городского света ~ исполнены»: жители города. В нравах своих дамы города N, подобно многим петербургским, были очень строги, исполнены $РК_{п}$

26 «конечно» *нет РК*

28 *Вместо* «напакостить»: нагадить *РК*, $РП_{п}$

29 «В нравах своих» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — в нравах

31 *Вместо* «без всякой ~ слабости»: немилосердно и не прощали совершенно никаких слабостей $РК_{п}$

32 «ними» *РК*, *РП*; *РЦ*, *МД* — ими

35 *Вместо* «сохранялось»: сохранялось бы *РК*, $РП_{п}$

35 *Вместо* «достоинство и»: достоинство, строгость самая суровая и даже $РК_{п}$

35 Вместо «самый муж»: муж *РК*

Стр. 159

1 «N» *РЦ*, *МД*; *РК*, *РП* — NN

6 *Вместо* «И даже ~ этого»: И даже ничего такого, что бы могло подать хотя какую-нибудь идею об этом, а вместо того старались [обратить] заменить разговор [на другое] чем-нибудь другим: я почитала книгу или тому подобное, поехала прогуливаться и [прочее] тому подобное *РК а*; *б*. И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало идею об этом *и т. д. как в тексте*

11 *Вместо* «там, по-французски»: по-французски там *РК*

17 *Вместо* «ограничась ~ будем»: ограничимся поверхностью и будем *РК а*; *б*. *Как в тексте*

20 *Вместо* «но с тех пор ~ которое»: но они ничего не находили в нем слишком необыкновенного. Теперь же, после того, как разнеслись по городу слухи, что он миллионщик, начали находить в нем что-то не совсем обыкновенное, не потому, чтобы были сами интересанки, а потому, что уже миллионщик заключает в одном звуке этого слова, именно в звуке слова, а не в денежном мешке, что-то такое, которое действует и на хороших людей, и на людей ни сё, ни то, и на людей мерзавцев, — словом на всех людей действует $РК_{п}$

25 «ни сё, ни то» *МД*; $МД_{2}$ — ни то, ни сё

34 *Вместо* «однако же в многих гостиных»: но во многих гостиных однако же $РК_п$

34 «говорить явно» *РК (авт.)*; *РП, РЦ, МД* — говорить

35 *Вместо* «зато»: несравненно лучше, нежели красавец, потому что именно $РК_п$

37 *Вместо* «При этом ~ увидя»: Сказано было даже, что мужчина тоненький есть что-то странное, более какая-то зубочистка, а не мужчина. В дамских нарядах показались многие кое-какие прибавления. Купцы радостно изумились, увидя, как в гостиный двор начало съезжаться премножество экипажей, образовавших почти гулянье, и как $РК_п$

Стр. 150

2 *Вместо* «оказались»: оказались вдруг *РК, РП*$_п$

3 *Вместо* «сделалась»: оказалась *РК, РП*$_п$

5 *Вместо* «увидя, как»: увидя *РК*

6 *Вместо* «и не сходивших с рук»: и дотоле не могших продаться *РК, РП*$_п$

7 *Вместо* «пошли ~ нарасхват»: теперь были совершенно расхватаны $РК_п$

12 *Вместо* «измялся»: поизмялся *РК, РП*

12 *Вместо* «не мог ~ внимания»: стал замечать, что внимание к нему как будто бы увеличилось $РК_п$

14 *Вместо* «нашел»: нашел даже $РК_п$

15 *Вместо* «ничего ~ отозвался»: он ничего не мог узнать об этом; слуга объявил только $РК_п$

17 *Вместо* «я должна к тебе писать»: я должна писать *РК*; *РП*$_п$ — я должна была писать *(ошибка переписчика)*

18 *Вместо* «что есть»: что всегда есть $РК_п$

19 *Вместо* «скреплена ~ полстроки»: была скреплена целым рядом точек $РК_п$

22 *Вместо* «считаем»: мы почитаем *РК*; *РП, РЦ* — мы считаем

25 *Вместо* «омочает»: весьма часто омочает $РК_п$

25 *Вместо* «которая»: которой *РК, РП*$_п$

26 *Вместо* «как уже»: как *РК*

28 *После* «воздухом»: и следовало что-то весьма похожее на объяснение в сердечных чувствах *РК, РП*$_п$

36 *Вместо* «но это»: да это *РК*; *РП*$_п$ — до этого *(ошибка переписчика)*

37 *Вместо* «Никакой подписи»: и никакой подписи $РК_п$

Стр. 161

1 *Вместо* «postscriptum»: постскрипте *РК*

5 *Вместо* «очень его заинтересовало»: его чрезвычайно заинтересовало $РК_п$; *РК, РП* — очень заинтересовало Чичикова

6 *Вместо* «что он перечел ~ Словом, дело»: он перечел вновь

письмо, прочитал его потом и в третий раз и всё никак не мог утвердить в голове своей ни одного предположения насчет того, кто бы такая могла быть писавшая. *Дело* $РК_{п}$; *РК, РП* — что он перечел ~ письмо и всё никак не мог утвердить в голове своей ни одного предположения насчет того, кто бы такая могла быть писавшая. А любопытно бы однако ж [было] знать, кто такая, — сказал он сам в себе.— Чертовски[1] любопытно, я бы, признаюсь, много дал, чтобы узнать. Словом, дело

9 *Вместо* «более часу»: ибо более часу $РК_{п}$

10 *Вместо* «расставив ~ голову»: он расставил руки и наклоня голову несколько на сторону $РК_{п}$

10 «А письмо» *нет РК*

11 *Вместо* «Потом ~ месте»: Затем свернул он письмо и положил его в ларчик. Уложенное очень аккуратно, оно поместилось там между афишкою и каким-то пригласительным билетом на свадьбу, покоившимся несколько уже лет на одном и том же месте $РК_{п}$; *РК*, $РП_{п}$, $РЦ_{п}$ — Потом письмо было свернуто ~ билетом, уже с давних пор лежавшем на одном и том же месте; *РП (кар.)* — Вслед за тем оно, разумеется, было свернуто *и т. д. как в тексте*

19 *Вместо* «Всё ~ туалет»: Чичиков немедленно исключительно занялся приготовлением к балу; нельзя утаить, что никогда еще не было употреблено им на это столько времени, как в этот раз $РК_{п}$; *РК* — Что всё постороннее было оставлено в минуту и всё было устремлено на приготовление к балу, это может заключить всякой, потому что еще никогда не было таких побудительных и задирающих причин. На туалет еще никогда доселе не было употреблено столько времени. Почти; *РП а*, $РЦ_{п}$ — Что всё постороннее было в ту же минуту оставлено и отстранено прочь и всё было устремлено на приготовление к балу, это может заключить всякий, потому что еще никогда не было таких побудительных и задирающих причин. За то может быть еще никогда не было употреблено столько времени на туалет. Почти; *РП б. Начато:* Всё постороннее в ту ж минуту было отстранено прочь. На столе вмиг водрузилось зеркало и начался [туалет самый] пред ним туалет самый подробнейший, какой когда-либо было

23 *Вместо* «посвящен»: употреблен *РК*, $РП_{п}$

24 *Вместо* «лица в зеркале»: физиогномии $РК_{п}$

24 *Вместо* «ему»: лицу $РК_{п}$

25,26 *Вместо* «то»: иногда *РК*, $РП_{п}$, $РЦ_{п}$

25 *Вместо* «степенное, то почтительное»: сурьезное выражение, иногда сурьезное и почтительное $РК_{п}$; *РК*, $РП_{п}$, $РЦ_{п}$ — степенное выражение, иногда степенное и почтительное; *РП (кар.)*, *РЦ — как в тексте*

---

[1] *Вместо* «Чертовски»: Право *РП*

27 *Вместо* «в сопровождении»: и произнесено даже несколько *РК*, *РП*$_{п}$, *РЦ*$_{п}$; *РП (кар.)*, *РЦ* — *как в тексте*

29 *Вместо* «Он сделал ~ даже языком»: Он сделал ~ сюрпризов, каким-нибудь новым положением лица, какое и сам до того не видывал *РК*, *РП*$_{п}$, *РЦ*$_{п}$; *РП (кар.)* — Даже были некоторые движенья и губами и бровями, отчасти и языком

32 *Вместо* «притом»: внутренно *РП (кар.)*

34 *После* «Наконец»: полюбовавшись еще несколько минут своим, действительно, в своем роде недурным лицом *РК*$_{п}$

Стр. 162

7 *Вместо* «бросил»: бросал *РК*, *РП*

9 «Любезнейший» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — Любезный

13 *Вместо* «Чичиков»: И герой наш *РК*, *РП*, *РЦ*

14 *Вместо* «Не успел»: Не успел он *РК*, *РП*, *РЦ*

19 *Вместо* «и болонку»: а в другой болонку *РК*, *РП*, *РЦ*

22 *Вместо* «Не было лица»: Может быть не было ни одного лица *РК*, *РП*

24 *Вместо* «Так бывает»: Такую радость можно видеть только *РК*, *РП*$_{п}$

25 *Вместо* «управлению их»: их управлению *РК*, *РП*$_{п}$

30 «те, которые от него подалее и которые, впрочем» *РК*, *РП*; те, которые, впрочем *РЦ*, *МД*

31 «услышали» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — услыхали

37 *Вместо* «после крепкого табаку»: понюхавши крепкого табаку, и хотя малейший шум или беспорядок вмиг возвращают на лицо его прежнюю суровую власть и прежний неотразимый вид *РК*$_{п}$

38 *После* «каждому»: весьма бегло и приятно *РК*, *РП*$_{п}$

38 *Вместо* «чувствовал»: чувствовал сам *РК*, *РП*$_{п}$

Стр. 163

2 *Вместо* «очаровал»: очаровал совершенно *РК*, *РП*$_{п}$

3 *Вместо* «блистающею»: блистающею очаровательною *РК*, *РП*$_{п}$

3 *Вместо* «и нанесли»: нанесши *РК*

4 *Вместо* «облака»: облака и потока *РК*$_{п}$

4 *Вместо* «дышала»: веяла *РК*; *РП*$_{п}$ — взяла *(ошибка переписчика)*

5 «другой» *МД*; *МД*$_{2}$ — другого

6 *После* «резедой»: так что Чичиков купался и плавал по уши в жасминных и прочих запахах *РК*$_{п}$

6 *Вместо* «Чичиков ~ пропасть»: словом, Чичикову была роскошь, он купался во всяких запахах по горло,[1] как в ванне. Казалось, в нарядах их не было пропущено ничего того, что споспешествует к решительной погибели сердец наших *РК*, *РП*

---

[1] «По горло» *нет РК*

7 *Вместо* «муслины ~ красавицу»: атлас, кисея совсем неопределенно-бледных модных цветов блистали в сильном свету, оттененные и озаренные вместе кусками сверкающих лент и цветами. Легкий головной убор из блонды и цветов держался и сидел только на одних ушах, на подобие воздушных мотыльков *РК*$_{п}$

8 «были таких» *нет РК, РП*

8 «бледных, бледных» *РК*; *РП, РЦ, МД* — бледных

8 *После* «цветов»: таких тонких цветов *РП (кар.)*

10 *Вместо* «Ленточные ~ голова»: сверкали и метались в сильном свету блеском невыносимым.[1] Их легко озаряли, набрасывая на них тонкий отразительный свет, ленточные банты и цветочные букеты, которые, казалось, совершенно невзначай и без всякого умысла прильнули там и там в разных местах платья — беспорядок, над которым много трудилась порядочная голова *РК, РП*$_{п}$; *РП, РЦ*$_{п}$ — сверкали блеском необыкновенным. Их легко озаряли ленточные банты и цветочные букеты, прильнувшие как будто невзначай без умысла там и там в разных местах платья — беспорядок, над которым много трудилась порядочная голова

13 *Вместо* «и, казалось ~ красавицу»: Это были просто воздушные мотыльки, севшие на уши и расправившие крылья, чтобы унестись в неизвестные человеку страны *РП*

15 *Вместо* «обтянуты»: обтянуты, выгнуты *РК, РП, РЦ*

19 *Вместо* «предусмотрено»: обдумано *РК*$_{п}$

22 *Вместо* «свои владения»: свое добро *РК*$_{п}$

24 *Вместо* «необыкновенным»: обдуманным *РК*$_{п}$

25 «галстучек» *МД*; *МД*$_{2}$ — галстук

25 «из ленты или шарф» *РК*; *РП, РЦ, МД* — из ленты

26 «обнимал и обвивал» *РК*; *РП, РЦ, МД* — обнимал

28 *Вместо* «стенки из тонкого батиста»: из тонкого холста или батиста стенки *РК*$_{п}$

30 *Вместо* «не могло ~ погибель»: не было так заманчиво, а между тем заставляли думать, что оно было еще заманчивей *РК*$_{п}$

33 *Вместо* «возбудительные»: аппетитные *РК*$_{п}$; *РК* — [как самые] возбудительные

34 «свежестью и полнотою» *РК*; *РП, РЦ, МД* — полнотою

36 *Вместо* «надвинуться»: подвинуться *РК, РП, РЦ*

36 *Вместо* «словом, кажется ~ виноваты читатели, и прежде всего»: Словом, ни что не ушло от внимательного вкуса, которым тонко одарен прекрасный пол; всё было предусмотрено в совершенстве. Чичиков, стоя перед ними, пытался, нельзя ли по какому-нибудь особенному выражению в глазах или в лице узнать, которая из них была сочинительница таинственного письма. Но никаким образом нельзя было узнать ни по выражению в лице, ни по

---

[1] *Вместо* «невыносимым»: необыкновенным *РП*$_{п}$

выражению в глазах, которая из них была сочинительница таинственного письма. Почти в лице каждой из них он замечал такое неопределенно значительное, с таким чуть заметным лукавством, вскользь обнаруженное выражение, такое неуловимо-тонкое, — у! какое тонкое! Уж пусть за это бог простит женщинам, а нам никакими словами нельзя передать тех намеков и необъясненных выражений, которые исчезают и появляются в их лицах. А что уж такое делается в глазах их — ну, там такое бесконечное государство, которому просто конца нет. Уже чтоб изобразить один блеск их со всеми изменениями, не наберешь слов ни в каком лексиконе; поди-тка, пересчитай, каков бывает этот блеск! влажный, бархатный, острый, мягкий, томный, весь совершенно в неге, весь совершенно без неги — и у каждого, не приведи бог, какое значение, — здесь просто станешь втупик, и только после долгого и вместе очень глупого молчания, наконец, скажешь: «Да, очень галантерейная половина человеческого рода!» Сюда, кажется, вошло слово не весьма приличное и отчасти подмеченное на улице — в этом автор просит извинения у читателя: его положение бывает иногда так затруднительно, что нельзя обойтись без словца, несколько дерущего уши. Впрочем, если сказать правду, не все слова, произнесенные на улице, достойны быть пораженными всеобщим презрением; что ни говори, они сказаны нашим православным народом, а православный народ скажет иной раз и весьма определительное слово. В том же, что автор употребил его, виноваты сами читатели и особенно *РК*$_{II}$; *РК* — Словом, ни что не ушло от внимательного вкуса, которым тонко одарен прекрасный пол; всё было предусмотрено в совершенстве. Чичиков, стоя перед ними, пытался, нельзя ли по какому-нибудь особенному выражению в глазах или в лице узнать, которая из них была сочинительница таинственного письма. Но никаким образом нельзя было узнать ни по выражению в лице, ни по выражению в глазах, которая из них была сочинительница таинственного письма. В лице каждой из них он замечал такое неопределенно значительное, с таким чуть заметным лукавством, вскользь обнаруженное выражение, такое неуловимо-тонкое, у! какое тонкое! Уж пусть за это бог простит женщинам, а нам чрезвычайно трудно передать все те излучины намеков и необъясненных выражений, которые исчезают и появляются в их лицах. А что до глаз — там, говорят, такое бесконечное государство, которому нет совершенно никаких пределов и в которые человек заехав[1] Уж для того, что<бы> изобразить один блеск их, нехватит слов ни в каком [лексико<не>] словаре. [Прошу только перечесть их] Одни названия [этого блеска]:[2]

---

[1] *Фраза не дописана.* [2] *Далее начато:* И в самом деле трудно кому-либо перечислить только

во-первых, влажный, потом бархатный, острый, мягкий, томный, весь совершенно в неге, потом без неги, но пророчащий блаженство нездешних необыкновенных миров, потом — но нет, [нельзя, не в силах, просто нет выражения и после долгого молчания ‹*2 нрзб.*› сказать, что] других[1] — нельзя рассказать да и ничего нельзя сказать, только и можно сказать: галантёрная половина человеческого рода! Виноват! кажется вошло [сюда] словцо, подмеченное на улице. Что ж делать, таково на Руси положение писателя. Впрочем, если слово из улицы попало в книгу, в этом виноват не автор, виноваты читатели и прежде всего; *РП* — Словом, ни что не ушло от внимательного вкуса, которым тонко одарен прекрасный пол; всё было предусмотрено в совершенстве.[2] Только местами ~ вкусу, или платье составленное из двух платьев, еще блиставших в прошлых веках и покорившихся весьма плохо модной картинке. Но уж без этого нельзя, таково свойство губернского города, где-нибудь уж он непременно оборвется. Чичиков, стоя перед ними, пытался, нельзя ли по какому-нибудь особенному выражению в глазах или в лице узнать, которая из них была сочинительница таинственного письма, но никак нельзя было узнать ни по выражению в лице, ни в глазах, которая из них была сочинительницей письма.[3] В лице каждой из них он замечал такое неопределенно-значительное, с таким чуть заметным лукавством вскользь обнаруженное выражение, такое неуловимо тонкое, у! какое тонкое! уже пусть за это бог простит женщинам,[4] а нам чрезвычайно трудно передать все те излучины намеков и необъясненных выражений, которые исчезают и появляются в их лицах. А что до глаз[5] — там такое бесконечное государство, которому нет совершенно никаких пределов[6] и в которое человек заехав, пропадает без вести, один блеск их, во-первых, влажный, потом бархатный, острый, мягкий, томный, весь совершенно в неге, потом без неги, но пророчащий блаженства нездешних миров, потом — но нет, не приберешь сказать далее совершенно

---

[1] *Далее начато карандашом:* иной раз стоишь как дурак час целый, да тем дело и кончится, что скажешь: галантёрная [2] *Вместо* «Словом ~ совершенстве» *начато карандашом:* Словом на всем ‹*1 нрзб.*› было: это столица, а не губерния [просто] это сам Париж. [3] *Вместо* «Чичиков стоя ~ письма» *начато карандашом:* Он было хотел, посматривая на ту и на другую даму, узнать, которая была сочинительница письма, но помешал галопаду: целая вереница пронеслась мимо, задев его рукавом по носу [Это был вихорь, а не галопад] Тут было [4] *Далее начато карандашом:* Ну [уж] женщины. Поди ж расскажи, передай всё, что на их лицах, словом, просто не [5] *Далее начато карандашом:* А уж что касается до глаз, так и говорить нечего. Там, говорят, [6] *Далее начато карандашом:* Да тут ‹*1 нрзб.*› как хочешь, а попробуй один только блеск этих глаз, так

ничего, только разве после долгого размышления скажешь сглупу что-то в роде подобной фразы. Галантёрная половина человеческого рода!

К этому же месту относятся наброски на отдельном листке, вшитом в РП:

розы, жасмины, словом [сухая] душистая ванна. Чичиков поднимал только кверху нос, да вбирал в себя. В нарядах [дамских платьях<?>] тоже вкусу было пропасть. Ленточные банты и цветочные букеты, казалось, порхали по платьям, прильнувши в разных <*не дописано*> и в этом картинном беспорядке, над которым [долго] трудилась до поту порядочная голова. Легкой головной убор держался только на одних ушах: казалось, говорил: «Ей, улечу. Жаль только, что не подниму с собой красавицы».

Конечно, местами вдруг, среди этой модной кучи выказывался невиданный землею чепец или какое-нибудь перо, вроде павлин<ьего?>

Чичиков поглядывал [на них и] на тех, которые были к нему поближе, и на тех, которые стояли подалее, и пытался, нельзя ли как-нибудь по глазам узнать, которая была сочинительница письма; но только что он высунул немного нос вперед, как вдруг дернула по самому носу пролетевшая вереница [неумолимый голопад]. Он попятился и дал дорогу [почтенная сторона, каким сокровищем] которые летели во всю пропалую. Всё сорвалось. Дама с голубым пером, дама с белым пером, чиновник из Петербурга, чиновник из Москвы, грузинский <князь> Чипхайхилидзев, француз Куку, Перхуновский, Перебендовский, всё понеслось, поднялось. «Вона! пошла писать губерния!» проговорил Чичиков. А [сочинительницу всё же] между тем, ему все-таки хотелось непременно отыскать сочинительницу, и как только [увидел] разгоряченные дамы были усажены весьма ловко на места, он, подошедши ближе, устремил испытующий взгляд. В некот<орых> лицах он заметил с таким лукавство<м> обнаруженное выражение, такое тонкое! у какое тонкое! «Нет», сказал, наконец, сам себе [<1 *нрзб.*>], несколько махнув рукой: «прошу, изъясни, растолкуй, что такое женщины, это просто чорт [возьми; это ни] знает, что это женщина [попробуй, обрисуй] поди ты расскажи, что значит всё то, что делается у них. Ну, как расскажешь всё, что не <*пропуск*>. Ну, вот глаза, например, их. Ведь это просто такое государство, куда заехавши, уже никак оттуда не выедет человек. Просто служи по нем панихиду. Ну, один блеск их, ну, попробуй назвать один только блеск! [глаза] сначала бархатные, потом влажные, потом острый<?>, томный<?>, потом, что говорится, глаза в неге, потом без неги, но пророчат [больше] и уж [тогда блаженство, и уж даже не разберешь, но даже]. Стало быть, знать, что какая, так что вот зацепит [за сердце], да и

поволочет по всей душе... Потом опять так, как была, потом другая как бы... Но, нет, чорт возьми.

какой-то армейский офицер трудился и душой, и телом, и руками, и ногами и выделывал такие па, какие и не снились никому

Стр. 165

2 *Вместо* «наделят даже»: притом $РК_п$

6 *Вместо* «разве»: разве только *РК, РП, РЦ*

9 *Вместо* «взыскательность»: требовательность *РК*, $РП_п$

12 «опустился» *МД; МД*$_2$ — спустился

13 *Вместо* «им бы больше ничего как только»: им бы только $РК_п$

14 «рот» *РК; РП* — роты; *РЦ, МД* — рты

17 *Вместо* «А Чичиков ~ угадать»: Чем более Чичиков рассматривал дам, тем приходил в большее затруднение разрешить, которая из них была действительно сочинительница письма, исполненного душевных и сердечных излияний. Попробовавши устремить еще внимательнее взор, он увидел, что и с их стороны все неопределенные выражения обнаруживались яснее и становились значительнее; выражалось что-то такое, подающее вместе и надежду и в то же время наполняющее сладкими муками сердце бедного смертного, что он просто не знал, что придумать. Впрочем, он находил, что дамы были уже несколько слишком толсты, и вообразил себе неизвестно почему,[1] что писавшая таинственное письмо должна быть непременно тонее *РК; РП* — А Чичиков между тем приходил в совершенное недоумение, разрешить, которая была сочинительница письма. Попробовавши устремить немножко внимательнее взор, он увидел, что с дамской стороны тоже обнаруживалось что-то такое посылающее вместе *и т. д. как в тексте*

24 *Вместо* «непринужденно ~ словами»: разменялся[2] словами с дамами с непринужденной ловкостью *РК*, $РП_п$

25 *Вместо* «дробным ~ ножкой»: и, переменяя вдруг разговор или обращаясь на другую сторону, он произвел не один раз что-то вроде прыжка, подшаркнувши тут же ногой $РК_п$; *РК—а.* дробным мелким ~ жеребчиками [увивающиеся около дам и поправляющие галстух и воротнички манишек и] забегающие весьма проворно. Чичиков кроме того шаркнул даже раза два ногою; *б. Как в тексте*

31 *Вместо* «Дамы были»: Дамы им были $РК_п$

34 *Вместо* «что»: которое $РК_п$

35 *Вместо* «очень»: весьма $РК_п$

38 *Вместо* «одной»: одной из дам *РК, РП*

---

[1] *Вместо* «неизвестно почему»: основываясь неизвестно на чем $РК_п$

[2] разменивался $РП_п$ *(ошибка переписчика)*

Стр. 166

1 *Вместо* «и многим, желавшим себе»: многим желавшим и себе

9 *Вместо* «он об этом»: об этом он *РП*

11 «ласковым и несколько даже лукавым» *РК; РП, РЦ, МД* — несколько ласковым и лукавым

14 *Вместо* «не могу»: уж нельзя *РП (кар.)*

14 *Вместо* «слов»: слова *РК, РП*$_{п}$

15 *Вместо* «большой»: светской *РК*

15 *Вместо* «в том духе, в котором»: в духе, которым *РК*

17 *Вместо* «охотников»: любящих *РК*$_{п}$

17 *Вместо* «описывать ~ знанием»: похвастаться знанием гостиных и *РП (кар.)*

22 *Вместо* «ничем»: тоже ничем *РК*$_{п}$

23 «Лидины» *нет РК*

23 *Вместо* «всякие»: другие *РК*$_{п}$

24 *Вместо* «поднявши ~ ударом»: поднявши глаза, остановился вдруг будто пораженный электрическим ударом *РК*$_{п}$; *РК* — поднявши глаза, он остановился *и т. д. как в тексте; РП (кар.)* — поднял глаза, он заикнулся и совершенно оторопел

26 *Вместо* «Перед ~ губернаторша»: Он увидел, что губернаторша стояла перед ним не одна *РК*$_{п}$

27 «девицу» *РК; РП, РЦ, МД* — девушку

28 «с тоненькими стройными» *РК*; *РП, РЦ, МД* — тоненькими и стройными

30 *Вместо* «для мадонны»: мадонны *РК*

30 *Вместо* «только ~ на Руси»: иногда только попадается на нашей Руси *РК*$_{п}$

31 *Вместо* «любит всё оказаться»: любит оказаться *РК*

36 *Вместо* «упряжью»: упряжьми *РК, РП*$_{п}$

38 *Вместо* «ни одного ~ слова»: ответа, приготовленного, вероятно, удачно *РК*$_{п}$

Стр. 167

1 «ни Лидин» *нет РК*

4 *Вместо* «Он отвечал»: Герой наш сказал *РК*$_{п}$

4 *Вместо* «познакомиться ~ вышло»: познакомиться или встретиться и еще попробовал кое-что прибавить к этому; оно не склеилось как нужно и самые движения его сделались как-то не так развязны *РК*$_{п}$

11 «и уж тогда ~ человека» *нет РК; РП* — и уж тогда ~ быть этого бедного человека

13 *Вместо* «слетает»: слетело *РП (кар.)*

14 *Вместо* «но деньги»: деньги *РК*

16 *После* «И вот ~ растерянно» *начато*: И он стоит, хлопая глазами, как сова *РП (кар.)*

18 *Вместо* «на кивера ~ вывеску»: на вывеску, на будку перед самыми глазами $РК_{п}$

19 *После* «вывеску»: и, как сова, хлопает глазами *РП (кар.)*

19 *Вместо* «Так»: и всё стоит он неподвижно на одном и том же месте, весь исполненный полузабывшегося размышления, весь преданный бестолково-заботному ожиданию. Таким самым образом $РК_{п}$; *РК* — [чуждый всему, что не движется в круге] Так

19 *Вместо* «Чичиков вдруг»: Чичиков остановился вдруг, будто прикованный и вдруг *РК, РП*, $РЦ_{п}$

21 *Вместо* «дамских» *начато:* относились несколько раз к нему дамы *РП (кар.)*

22 *Вместо* «проникнутых насквозь»: отличавшихся $РК_{п}$

27 *Вместо* «всё»: это $РК_{п}$

28 *Вместо* «приятные»: все приятные $РК_{п}$

28 *Вместо* «до того»: так $РК_{п}$

29 *Вместо* «в другую сторону»: совершенно в другую сторону $РК_{п}$

31 *Вместо* «каждая ~ решилась»: и внутренно решились $РК_{п}$

32 *Вместо* «столь»: весьма $РК_{п}$; *РК, РП*$_{п}$ — так

33 *Вместе* «и пустить в ход всё, что было»: чтобы совершенно поразить его. Каждая втайне решила пустить в дело то, что у нее было $РК_{п}$; *РК* — пустить в ход всё, что было

37 *Вместо* «лучшая ~ глаза и»: это прежде всего нам всем и бросится в глаза, что, как только она явится $РК_{п}$

Стр. 168

5 *Вместо* «а на лицо ~ лоб»: а на прочее, то есть на лицо, волосы, нос и лоб *РК*

6 *Вместо* «то как ~ дама»: то разве как на что-то прибавочное и постороннее. Каждая из дам $РК_{п}$; *РК* — то разве как на что-то прибавочное и постороннее. Вот каким образом думают [дамы] иные дамы, [в каком деле автор впрочем ничуть не виноват] Каждая из дам

16 *Вместо* «не вытерпела однако же»: но и та однако же не вытерпела *РК, РП*

18 *Вместо* «не забрала»: не забрала уж *РК, РП*

20 *Вместо* «на круги ~ подымался»: на все те круги, которые производили дамы, а то и дело подымался $РК_{п}$; *РК, РП* — на круги, производимые ими, а то и дело подымался

23 *Вместо* «спин»: по-за спинами *РК*, $РП_{п}$

23 *Вместо* «наконец»: и наконец-таки $РК_{п}$

24 «над которою величаво колебалась какая-то восточная чалма с пером» *нет РК; РП* — над которою величаво колебалась восточная чалма с пером

28 *Вместо* «протеснялся»: выпирался *РК*, $РП_{п}$

31 *Вместо* «изумлением ~ поглядел»: изумлением, но он на них и не поглядел *РК; РП (кар.)* — изумлением, отчасти смешанным даже с тонкой [сатирой], иронией, но он не замечал

33 *Вместо* «он видел»: и видел $РК_{II}$

33 Вместо «только вдали»: только *РК, РП*

35 «А уж там ~ дочкой» *нет РК; РП* — А уж там в стороне четыре пары откалывали мазурку [Он видел только] Ему видно было, как один армейский офицер [которого] работал и душою и телом, и руками и ногами и отделывал такие па, какие даже и не снились никому. Он прошмыгнул мимо мазурки, [и прямо к блондинке и очутился] зацепивши ногою каблуки армейского офицера; *РЦ* — А уж там ~ пол, и какой-то армейский офицер работал и руками и ногами и душою и телом

38 «какие» *МД*; $МД_2$ — каких

Стр. 169

2 *Вместо* «Однако ж ~ неловкость»: Не без некоторого однако же чувства робости он подступил к ним $РК_{II}$; *РП (кар.)* — Однако же подступил он к ним весьма робко, не семенил уже так бойко *и т. д. как в тексте*

6 *Вместо* «точно ~ на картине»: точно ли пробудилось в нашем герое что-то вроде любви; даже почти сомнительно, ~ способны были влюбляться. Впрочем он чувствовал что-то такое, которое несколько трудно рассказать и которого он даже сам не мог бы себе объяснить, симпатия ли или просто влечение, только весь бал, как он сам потом сознавался, со всем своим говором и шумом ему показался на несколько минут как будто бы был где-то вдали и подернулся чем-то вроде тумана или сделался похожим на какое-то небрежно замалеванное поле на картине $РК_{II}$; *РК, РП* — точно ли пробудилось в нашем герое что-то вроде любви; даже почти сомнительно, чтобы господа такого рода, ~ способны были влюбляться, но при всем том он чувствовал что-то такое, которое несколько трудно рассказать и чего он *далее как в* $РК_{II}$; *РП (кар.)* — точно ли чувство любви в нем пробудилось, но, как он выразился потом, было здесь что-то странное, по крайней мере, ему показалось, что весь бал был где-то вдали. Скрыпки и трубы нарезывали бог знает где-то за горами, всё подернулось туманом, похожим на небрежно замалеванное поле на картине.

16 *Вместо* «кое-как»: и кое-как *РК, РП*

19 *Вместо* «выпуска»: выпуска из института $РК_{II}$

20 *Вместо* «простое платьице ~ молоденькие»: простенькое платье, небрежно, легко и ловко обхватившее везде ее молоденькие *РК*, $РП_{II}$

21 *Вместо* «которые означались»: означавшиеся *РП (кар.)*

23 *Вместо* «только одна»: одна только *РК, РП, РЦ*

24 *Вместо* «выходила ~ толпы»: казалась прозрачною среди мутной толпы *РК, РП*

26 *Вместо* «Видно ~ слишком»: Бог знает, видно на несколько минут в жизни и Чичиковы обращаются в поэтов; но слово поэт в самом деле будет уже слишком *РК*, *РП*

28 *Вместо* «По крайней мере»: Вернее то, что $РК_{п}$

30 «тот же час» *РК; РП*, *РЦ*, *МД* — тотчас

31 *Вместо* «сначала»: сначала совсем *РП (кар.)*

31 *Вместо* «начал ~ заметить»: даже начал входить в роль. Но здесь надобно заметить *РК*, $РП_{п}$, $РЦ_{п}$

34 *Вместо* «в разговорах»: в разговоре *РК*, *РП*

35 *Вместо* «капитанских чинов»: капитанского чина $РК_{п}$

36 *Вместо* «не очень мудреные»: не мудреные $РК_{п}$

Стр. 170

3 *Вместо* «ужасно»: сильно *РК*

5 *Вместо* «читатели видели»: читатели видели яснее *РК*, $РП_{п}$; *РП (кар.)* — читатель видел

6 *Вместо* «зевать»: сильно зевать *РК; РП*$_{п}$, $РЦ_{п}$ — много зевать

7 *Вместо* «Герой, однако же ~ обхождение Чичикова»: который, впрочем, не замечал и приправлял их приятными выражениями лица, помещая кое-где одну из тех действительно заманчивых улыбок, подмеченных предварительно в зеркале. Всем дамам, бывшим на бале, совершенно не понравилось такое обхождение $РК_{п}$

16 *Вместо* «Михайловна»: Михаловна *РК*

18 *Вместо* «сестра»: золовка *РП (кар.)*

26 *Вместо* «плеч»: плечей *РК*, $РП_{п}$

Стр. 171

2 *Вместо* «не только ~ свете»: всего, что ни есть на свете, и тогда мужчина со своим рассчитанным благоразумием и поддельною твердостию духа становится пред нею не более, как ребенок. Всех можно умолить, самого бесчувственного, холодного в своих жестокостях, прикрывающего свои жестокости личиною долга,— и того можно умолить, но нельзя умолить женщины, хотя в характере ее нет жестокости и хотя сердце ее дрогнет произвести холодное, обдуманное злодейство $РК_{п}$

3 *После* «Чичиковым»: может быть даже *РК*, $РП_{п}$

3 *Вместо* «почти»: совсем *РК*

4 «даже некоторое согласие» *РК*; $РК_{п}$ — некоторое согласие; *РП*, *РЦ*, *МД* — даже согласие

4 *Вместо* «бывшее ~ завладения»: угрожавшее было разрушиться после наглого завладения *РК*

6 *Вместо* «В произнесенных ~ образом»: Теперь они стали говорить о нем между собою со стороны такой невыгодной, что не дай бог никому $РК_{п}$

10 *Вместо* «были приписаны»: приписаны были *РК*, $РП_{п}$

15 *Вместо* «готовилась пренеприятнейшая неожиданность»: готовился неожиданно пренеприятнейший сюрприз *РК*$_{п}$

18 *После* «Диогена»: очень остроумно ответившего Александру Македонскому *РК*$_{п}$

19 *Вместо* «последней»: соседней *РК*

Стр. 172

1 *Вместо* «наторговал мертвых»: мертвых душ накупил *РК*$_{п}$

3 *Вместо* «он торгует ~ Чичиков»: что он покупает мертвые души! Послушай, душа Чичиков! *РК*$_{п}$

26 *Вместо* «Позволь ~ не слушали больше»: Ноздрев продолжал врать; его, разумеется, не слушали и отошли подальше *РК*$_{п}$

28 «позволь напечатлеть тебе» *нет РК*

30 *Вместо* «полетел на землю»: полетел *РК*, *РП*

31 *Вместо* «больше»: его *РК*

36 *После* «выражением»: в лице, какое только видится на карнавальных масках в ту пору, когда скрывшаяся под ними молодежь хочет безотчетно завеселиться, закружиться, потеряться в безотчетном веселии, страшась и убегая всякого вопроса, а маски со своими благообразными картонными чертами, неподвижно несясь на лицах, проникнутых движением, несут какой-то восклицательный знак и как бы спрашивают: «к чему это, на что это?» Почти такое же бесчувственное вопросительное и недоумевающее выражение отразилось на всех лицах — и вдруг во всех концах залы, по крайней мере *РК*$_{п}$

36 «Минуты ~ тишина» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — *нет*

Стр. 173

3 *Вместо* «это»: его *РК*

14 *Вместо* «это непременно»: непременно это *РК*$_{п}$

15 *Вместо* «сколько их ~ о нем говорить»: сколько их ни есть там наговорятся досыта и потом единогласно признают, что это решительно не стоит никакого внимания и не достойно того, чтобы о нем говорить *РК*$_{п}$

18 *Вместо* «Это вздорное»: Это однако ж вздорное *РК*$_{п}$

19 *Вместо* «Как ни глупы слова»: Как ни пуста болтовня *РК*

20 *Вместо* «Он стал ~ колесо»: Чичиков стал чувствовать себя совсем неловко. Как он ни старался не думать об этом и рассеяться, но в голове его сидел как будто какой гвоздь и как будто сам чорт мелькал перед ним поперек всем мыслям. Он попробовал было сесть в вист, но и тут дело шло не очень удачно *РК*$_{п}$; *РК* — Он стал чувствовать себя как-то неловко, гадко, словно как будто [он] прекрасно *и т. д. как в тексте*; *РП* — Он стал чувствовать себя неловко, неладно как будто *и т. д. как в тексте*

25 *Вместо* «сходил»: пошел *РК*, *РП*

31 «на бога» *РК*, *РП*, $РП_п$; *РЦ*, *МД* — на каменную стену *(ценз. иск.)*

34 «сердечишко» *МД*; $МД_2$ — сердчишко

Стр. 174

1 Вместо «сами даже»: сами *РК*

3 «уже было» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — было уже

18 «раньше» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — ранее

21 *Вместо* «и выглядывавшими ~ углов»: с особенным запахом и наведывавшимися иногда *РК*, $РП_п$

24 *Вместо* «Неприятно, смутно ~ был отчасти сам»: Взглянувши оком благоразумия на свое положение, он видел, что всё это вздор, глупое слово ничего не значит, дело же по милости божией обделано как следует, но неудовольствие, которое он заметил во взорах дамских, кажется, огорчало его сильнее всего, тем более, что он отчасти был сам этому причиною *РК*, $РП_п$

К этому месту относится также вставка на отдельном листке:

Выдумали балы! Чорт бы их побрал — тех, кто выдумал. На три часа сойдутся вместе, а на три года[1] пойдет потом сплетней.[2] Никто *<1 нрзб.>* дела не делает, во всем: муж дурак [сидит] в присутствии, только греет стул или дует в карты до петухов, а баба дура [сидит] зевает перед окном весь день. Ну, шила бы рубахи! по крайней мере ткала бы ковры! всё бы не пришла дурь в голову! Натурально, от безделья придут в голову балы! Чорт побери!»[3] Так думал Чичиков,[4] говоря с сердца, точно как бы и сам никогда не играл до петухов.

«Балы! Ну, что... Балы!.. сколько на платье да тряпки денег усадят![5] Сколько муж ни делает канальства, бездельничества и мерзостей из-за того, чтоб жене достать денег на наряд, а жена рядится затем, чтобы мужу же поставить рога!.. Балы![6] Чорт побери, так перепутались все, что не знаешь теперь, кто с кем живет... Всё стало родня! Балы! Подумаешь, человек разумное животное,

---

[1] *Вместо* На три часа ~ года»: Вечер один посидят вместе, а полгода [2] *Далее начато: а.* Ведь только и будет разговоров потом, как кто ступил, да какое платье на нем было. Я уверен, что шесть месяцев; *б.* Чорт побери, ведь [3] *Вместо* «Натурально ~ побери»: а то ведь ничего никто не делает *<нрзб.>* сидит на безделье, ну, и балы! Всё от безделья! ну, чорт, подумаешь, что за веселость в том, что дряг, дряг ногой. Человек разумное созданье, а так проводит время. [4] *Далее начато:* конечно, от [5] *Вместо* «Балы ~ усадят»: Делать нечего, ну и и давай балы. Денег-то сколько на платья усадят [6] *Вместо* «Сколько ~ Балы»: Известное дело, из чего наш брат берет взятки. Балы, чорт побери. В губернии голод, а тут балы. Оттого, что жене *<нрзб.>*, а там оттого, что Подстега Сидоровна нарядится, чтоб всем в соблазн, да мужу же на лоб рога насадит. Балы, чорт побери. <В> губернии голод, а тут балы.

и этак проводит время! Оденется, как прилично взрослому человеку во фрак, а ногою дряг, дряг. Видно, что весельчак.[1] Народ, по крайней мере, если веселится, так и вскрикивает и приседает, и приседает, видно, что веселится. А здесь [точно идет в присутствие], выступает мелочно‹?›. Дурак, глядит сова-совою, а ногою дряг,[2] точно как будто блохи кусают[3] его за ногу. Говорят друг с другом о сурьезном, а ногою дряг, дряг...[4] Разве это веселость... Балы. [На место того, чтоб сидеть по деревням, заботиться о крестьянах, об обрабатывании ‹*не дописано*›, разводить лес для внуков, сад, воспитывать крестьян, учить, поучать народ— они вон соберутся все в городе] [как бы то ни у кого дела нет] Балы! В губернии голод, а они балы. Ведь именья, небось ведь, или закладывает и‹ли› продает! Всяк лезет в чиновники, чтобы на счет всех жить, а не на свой. Чтобы кутить да пьянствовать». Так говорил Чичиков, как будто сам был вовсе не охотник кутить и как будто тоже не хотел пожить на счет других.

Всё балы, балы. Мужиков общипают, затем взятки берут, затем, чтобы балы или съездить на бал. ‹*1 нрзб.*› кот‹орый?› крадет, затем, чтобы давать балы. Балы затем, чтобы подобраться ‹*1 нрзб.*› всё балы, балы ‹*1 нрзб.*› [точно как будто] тысячи три-четыре бросить в один вечер — это считается как будто нужное, как будто деньги были, для этого есть лишние, а ведь [говорит, что то] кругом всё жалуется на день‹ги› и видишь, что алтынным гвоздем всякая копейка приби‹та›. Набрались добра из чужого края. Умели самое лучшее перенять, как перевести последнюю копейку». Так бранил Чичиков с досады [несколько справедливо] балы.

Стр. 175

1 «переговаривается» *РП*; *РЦ*, *МД* — переговаривает

12 *После* «знающим»: [сильно] *РП*

Стр. 176

11 *Вместо* «угощая»: и угощая *РК*

12 *Вместо* «теплилась»: топилась *РК*

14 *Вместо* «ежеминутно грозя погаснуть»: и пламя раздваивалось под черной шапкой ежеминутно грозя погаснуть $РК_{ц}$; *РК (кар.)* — вяло [обнимавшею] объятою тонким раздвоенным пламенем, ежеминутно грозившим погаснуть

17 *Вместо* «фризовая»: одна фризовая *РК*

---

[1] *Вместо* «Всё стало ~ весельчак»: Балы, чорт побери, балы. В губернии голод, а тут балы. Веселье большое. [2] *Далее начато:* говорит сам [3] блоха укусила [4] *Вместо* «Говорит ~ дряг»: Говорит я был сегодня...» а ногою тут же дряг, дряг. Что это в самом деле, ведь это просто насмешка

20 *После* «происходило событие» *начато:* заготовлено <?> подобно надвигающи<мся> на небосклонный край тучам *РК (кар.)*

21 *Вместо* «которое готовилось»: готовившееся *РК*

23 *Вместо* «наводивший ~ именем малого»: какой вряд ли где можно увидеть, кроме как разве в обширной русской империи. Он не был похож на бричку или коляску; справедливее сказать, он ни на что не был похож, зато был наполнен перинами, подушками и узелками с провизией пирогов и хлебов и увешан вязанками каких-то трехугольных домашних кренделей[1] *РК*$_{п}$; *РК* — наводивший ~ ни коляску, ни на бричку, а был скорее похож на толстощекий выпуклый арбуз, поставленный на колеса, [Щеки этого арбуза] носившие следы желтой краски,[2] затворялись очень плохо, [потому] что по причине плохого состояния ручек и замков и кое-как связаны веревками. Арбуз был наполнен ситцевыми подушками [всяких сортов и фигур в виде] в виде кисетов, валиков и просто подушек, напичкан мешками с хлебами, калачами, кокурками, скородумками и [пирогами] кренделями ~ наверх. На запятках было утверждено лицо лакейского происхождения в куртке из дом<аш>ней пеструшки, с небритой бородой, известное под именем малого[3]

37 *Вместо* «разбудили»: разбудил *РК*, *РП*$_{п}$

Стр. 177

2 *Вместо* «поймал ~ ногте»: странного экипажа, достал из сапога тавлинку и потянул из нее табаку, имевшего цвет и запах сгнившей кожи *РК*$_{п}$

4 *Вместо* «опять ~ рыцарства»: заснул вновь, как стоял, на том же месте *РК*$_{п}$

5 *После* «Лошади»: запряженные в это четвероколесие *РК*

10 *Вместо* «воротами дома»: воротами *РК*

12 *Вместо* «в телогрейке»: телогрейке *РК*

17 *Вместо* «всякими клетухами»: разными свинушниками *РК*, *РП*$_{п}$

Стр. 178

1 *Вместо* «ранее»: довольно рано, ранее *РК*, *РП*$_{п}$

2 *Вместо* «оранжевого ~ дома»: дома, выкрашенного оранжевою краскою *РК*$_{п}$

6 *Вместо* «в тот же час»: тот же час *РК*, *РП*

---

[1] *Последние слова* «и узелками ~ кренделей», *ошибочно не зачеркнутые в РК, перенесены переписчиком в РП, где Гоголь их зачеркнул.* [2] *Далее начато:* не затворялись, ручки и замки были, кажется, в плохом состоянии [3] *Окончание вставки, написанное на полях:* «Арбуз был наполнен ~ малого» *ошибочно было переписано в РП не на указанное Гоголем место. При исправлении РП Гоголь вновь вписал его в несколько измененном виде — как в тексте.*

10 *Вместо* «Дама ~ полдороги»: Сидевшая в коляске дама во всю дорогу не знала как сладить с собственным языком, чувствовавшим побуждение неопреодолимое сообщить только что полученную новость. Она поминутно выглядывала из окна и видела, что всё еще остается почти полдороги *РК*$_{п}$; *РК* — Сидевшая в коляске дама чувствовала побуждение непреодолимое сообщить только что полученную новость и не знала как сладить с своим языком, который уже несколько раз начинал заговаривать сам собою. Поминутно выглядывала она из окна и видела, что всё еще остается почти полдороги

13 *После* «дом»: в котором было не более осьми окон в ряд *РК*, *РП*$_{п}$

14 *Вместо* «белая»: ослепительной белизны *РК*, *РП*$_{п}$

18 *Вместо* «несносно»: бог знает как *РК*$_{п}$

18 *Вместо* «цель»: цель ее *РК*$_{п}$

20 «белыми деревянными» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — белыми

22 «находившиеся» *нет РК*

23 *Вместо* «побелели от»: были покрыты *РК*$_{п}$

Стр. 179

1 *Вместо* «качавшийся»: висевший *РК*$_{п}$

1 *Вместо* «две собаченки»: моськи *РК*$_{п}$

5 *После* «встарь»: во времена прежние, за «Ревизора» и множество других старых грехов и не укорили бы даже его в помещении каких-либо личностей *РК*$_{п}$; *РК* — и не укорили бы в помещении каких-либо личностей

8 *Вместо* «живот»: жизнь *РК*, *РП*$_{п}$

12 *Вместо* «Назови ~ этого будем»: Назвать по чинам — и того хуже. Скажи только автор: прокурорша — и непременно все прокурорши всех губернских городов, сколько их ни есть на свете, разобидятся ужасным образом. Такое уж обидчивое государство. И потому во избежание тех и других личностей и разных могущих произойти тех и других следствий, мы станем *РК*$_{п}$; *РК* — Назови же по чинам, то есть скажи только: какая-нибудь прокурорша — и того опасней. В России 50 с лишком губернских городов и в каждом городе сидит по одной прокурорше, [а] личности же у нас, как известно, совсем не то, что в других государствах.[1] У нас достаточно сказать только, что есть в одном городе глупый человек — это уже и личность. [Как ни скажите] Вдруг выхватится господин почтенной наружности и закричит: Ведь я тоже человек, стало быть я тоже глуп, словом, вмиг смекнет, в чем дело. А потому для избежания всего этого будем *РК*, *РП*$_{п}$; *РП* — Назови же по чинам, то есть скажи только: какая-нибудь прокурорша — и того опасней. В России 50 с лишком губернских городов

---

[1] *Далее начато:* У нас всё личность: скажи только автор, что

и в каждом городе сидит по одной прокурорше, личности же у нас, как известно, совсем не то, что в другой земле. Достаточно ~ вдруг выхватится господин почтенной наружности и закричит *и т. д. как в тексте; РП (кар.)*— Назови же по чинам, боже сохрани. Теперь все чины и сословия [у нас раздражительны] так раздражены страшно. Таково, видно, уж расположенье в воздухе. Стоит только сказать, что есть в одном городе глупый человек, и в ту же минуту вдруг *дальше исправлений карандашом нет*

17 *Вместо* «выскочит»: выхватится *РП, РЦ*

17 «закричит» *МД; МД*$_2$ — заключит

20 *Вместо* «так»: таким же образом *РК, РП*$_{п}$

22 *Вместо* «Это ~ степени»: Ибо, в самом деле, она употребляла всё, чтобы сделаться самою светскою и самою любезною в обществе дамою, и в том совершенно успела: сами дамы невольно чувствовали ее превосходство, мужчины подходили к ручке *РК*$_{п}$; *РК* — Это название она приобрела совершенно законным образом, ибо в самом деле употребила всё, чтобы сделаться в [высочайшей] достойной степени любезною в обществе [дамою], любезнее чего уже нельзя было достигнуть [никакими человеческими средствами]; сами дамы невольно чувствовали ее превосходство, мужчины подходили к ручке; *РП* — Это название она приобрела законным образом, ибо употребила всё, чтобы сделаться до такой степени любезною в обществе, любезнее чего уже нельзя было достигнуть. Сами дамы невольно чувствовали ее превосходство, мужчины подходили к ручке

24 *Вместо* «конечно»: конечно иногда *РП (кар.)*

25 *Вместо* «ух, какая ~ булавка, а»: часто сильная стремительность женского характера, и в иных случаях едкостью нескрытою вооружались ее приятные речи *РК*$_{п}$; *РК* — иногда такая юркая прыть женского характера, которой бы не сдержала никакая уздечка в мире и хотя подчас в каждом слове ее приятной речи торчало [по небольшой] по [маленькой] булавке и; *РП* — иногда такая юркая прыть женского характера, которой бы не сдержала никакая уздечка в мире, [хотя подчас в каждом слове ее приятной речи торчало по булаве<!>] и хотя в приятном слове торчала ух, какая булавка! а

27 *Вместо* «кипело»: было *РП (кар.)*

27 *Вместо* «в сердце»: в сердце ее *РК, РП*$_{п}$

28 *Вместо* «облечено ~ точно»: прикрыто светскою любезностью, тою же добротой и лаской, какую кстати умеют показать высшего общества дамы; и она достигла своей цели: все чиновники в городе и даже не чиновники, а просто люди, наслаждавшиеся приятностью жизни и визитами, словом, всё то, что называется мужчинами или кавалерами, все не могли не согласиться, что Анна

Григорьевна есть *РК*$_{п}$; *РК*, *РП*$_{п}$, *РЦ* — [1] весьма искусно одето необыкновенною обходительностью и [2] светскостью. Всякой поступок и движение в обществе производимо было с необыкновенным вкусом. Даже [3] чувство появлялось в глазах и она достигла своей цели: все чиновники в городе и люди просто наслаждавшиеся визитами не могли не согласиться, что Анна Григорьевна; *РП* — облечено ~ городе. Всё производилось со вкусом, даже самое малейшее движение *<3 нрзб.>* и мечтала и все согласились *и т. д. как в тексте*

33 *После* «приехавшая»: хотя, конечно, была тоже не без достоинств, но *РК*$_{п}$

34 *Вместо* «и потому»: а потому *РК*

35 *После* «на солнце»: [мохнатую Эсперанс] *РК*

36 *Вместо* «беспрестанно путавшуюся»: путавшуюся *РК*

37 *Вместо* «Тот и другая»: которые *РК; РП—а.* И кобелек и Адель; *б. Как в тексте*

Стр. 180

1 *Вместо* «платье ~ комнате»: ситцевом платье модного цвета и узора, натянутом без малейшей морщинки на роскошную шнуровку, выгнутую как латы, и заключившую в себе полную грудь ее, как в большом сундуке *РК*$_{п}$; *РК*, *РП*$_{п}$ — в ситцевом платье модного узора и цвета, натянутом без малейшей морщинки на роскошную шнуровку, выгнутую, как медный [4] панцырь и заключившую в себе как в большом сундуке полную грудь ее.

4 «выбежала» *РК; РП*, *РЦ*, *МД* — вбежала

5 *Вместо* «Дамы»: Обе дамы *РК; РП*$_{п}$ — где дамы

5 *Вместо* «и вскрикнули ~ потому что»: вскрикнувши с таким же радостным криком, как молодые институтки, встретившиеся между собою спустя несколько неделей после выпуска, когда еще маменьки не успели объяснить им, что неприлично кричать и слишком сильно радоваться при встречах с теми, которых отец еще неизвестно какого чина и состояния посредственного. Обе дамы, назвавши одна другую по имени, поцеловались еще раз и, как казалось, довольно звонко, ибо *РК*$_{п}$; *РК*, *РП*$_{п}$ — вскрикнувши так, как вскрикивают молодые институтки, встретившиеся между собою в свете, когда еще маменьки не успели объяснить им, что неприлично слишком радоваться при встрече с теми, которых отцы еще неизвестно [какого состояния] имеют ли вес в свете.[5] Обе дамы, назвавши одна другую по имени, поцеловались еще раз и, как казалось, довольно звонко, ибо

6 *После* «как»: [молодые институтки] *РП*

---

[1] *Перед этим начато в РК:* наброшено необыкновенно и [2] *Далее начато:* любезностью *РК* [3] *Далее начато:* томность [4] *В РП далее:* [пузырь] [5] и какое нибудь состояние *РП*$_{п}$

8 *После* «одной»: [из них] *РП*

9 *После* «собачонки»: которые, было, приутихли $РК_{п}$

10 *Вместо* «и обе»: Обе *РК*, $РП_{п}$

12 *Вместо* «вслед за ними»: за ними *РК*

13 *Вместо* «Сюда, сюда ~ дивана»: Ну, как же я рада, что вы приехали, говорила во всех отношениях приятная дама *РК*, $РП_{п}$

15 *Вместо* «угол»: [покойный] угол *РП*

15 «Вот так ~ четвероугольником. Как же я рада, что вы» *нет РК*

15 *Вместо* «Вот так ~ лестницею»: где лежали две шитые шерстью подушки. На одной из них был рыцарь, у которого нос вышел лестницею [так произошло от канвы] *РП*

19 *Вместо* «Я слышу»: Я слышу, что *РК*, *РП*

23 *Вместо* «Гостья ~ новость. Ну, как же я рада право»:

— Ах, если бы вы знали, жизнь моя, Анна Григорьевна, как я к вам спешила, — сказала просто приятная дама и почувствовала, что у ней захватилось дыханье от нетерпенья скорее приступить к делу *РК; РП* — Возьмите, вот вам моя подушка, подложите ее под себя.

— Благодарю вас, благодарю, Анна Григорьевна, вы так добры... Мне очень хорошо и так: диван у вас самой... Ах, Анна Григорьевна, если б вы только знали, с чем я к вам приехала... [Сказавши это] Выговоривши это просто приятная дама почувствовала, что у ней захватилось дыханье от нетерпенья скорее приступить к делу.

25 *Вместо* «вдруг ~ разговору»: дало вдруг другой поворот направлению, какое готовился принять было разговор $РК_{п}$

29 *Вместо* «Да, очень ~ словами»:

— Но представьте же, Анна Григорьевна, что бы вы теперь сказали, если бы увидели матерчатое, которое привезла мне сестра. Я заранее представляю себе, каково должно быть ваше восхищение $РК_{п}$; *РК* — Странно, — сказала просто приятная дама: — Прасковья Федоровна находит, что лучше если бы клеточки были помельче и что бы вместо лиловых крапинок были бы голубые крапинки. Сестре ее [привезли] прислали материйку — это такое очарованье, какого нельзя представить; *РП* — Да [очень] не правда ли что веселенький, а Прасковья Федоровна [однако же] находит *и т. д. как в тексте*

31 «Сестре ее» *РК (авт.); РП, РЦ, МД* — Сестре я *(ошибка переписчика РП)*

35 *Вместо* «полоску»: клеточка $РК_{п}$

36 *Вместо* «Словом, бесподобно»: при свечах такое волшебство! бесподобно, бесподобно *РК*, $РП_{п}$

38 *Вместо* «Милая ∾ Ах, пестро!»:

— И всё глазки и лапки?

— Всё глазки и лапки; но так распремило, что сказать нельзя.

Только мне кажется, что это уж чересчур пестро; я, по крайней мере, не могу себе представить здесь ничего особенного *РК*$_{II}$; *РК* —

— А глазки и лапки лилового цвета?

— Нет, [цвету какого-то кака̀] глазки пунцовые, а лапки цвету какого-то кака̀, я уже позабыла, как его называют, но так распремило, что рассказать невозможно.

— Но мне кажется, что это уж чересчур пестро. [Если бы лапки были лилового цвета, а глазки кака̀ или глазки лилового цвета, а лапки какие-нибудь другие, тогда бы было лучше] Если бы глазки и лапки были одного цвету, это было бы лучше или если уж так, то пусть лапки будут пунцового цвета, глазки то, что вы говорите; *РП* — *а*. Глазки и лапки лилового цвета?

— Нет, глазки пунцового, а лапки цвету какого-то, какого я уже забыла, как его называют, но так распремило, что сказать невозможно.

— Но мне кажется, что это уж чересчур пестро. Так уж лучше, чтобы [и] глазки и лапки были обое лилового цвета, а так, воля ваша, это будет совсем пестро, это нехорошо;

б. Но это однако ж [выйдет однако ж] мне кажется чересчур пестро. Не будет, [как выражаются этакой тонкости] понимаете, этакого благородства

Стр. 181

4 «склонная» *РП (кар.); РЦ, МД* — склонна

6 *Вместо* «Здесь ~ и вскрикнула»: Ах, нет Анна Григорьевна, это просто надобно видеть... *РП*$_{II}$, *РК; РП* — Но здесь приятная дама объяснила, что совсем не пестро и потом воскликнула

11 *Вместо* «Ах, это ~ фестончики»: Как фестончики? *РК; РП, РЦ* — Ах это нехорошо, если фестончики

12 «пелеринка из фестончиков» *нет РК*

12 *Вместо* «на рукавах ~ внизу»: и на рукавах фестончики, и вокруг плеч фестончики и внизу *РК*$_{II}$; *РК, РП*$_{II}$ — и на рукавах фестончики, и на плечах эполетцы из фестончиков и внизу

15 *Вместо* «Нехорошо ~ фестончики»: Да это ж выйдет прескверно, если всё фестончики *РК*$_{II}$; *РК, РП*$_{II}$ — Но это выйдет нехорошо, если всё фестончики; *РП* — Нехорошо, Софья Ивановна, [что вы ни говорите] если фестончики

16 *Вместо* «Мило ~ невероятности»: Ах, вы не можете представить себе, как мило *РК, РП*$_{II}$

16 *После* «Анна Григорьевна»: страх мило *РП*

17 *Вместо* «Но вот, вот ~ вокруг»: нашивочка.

— Зачем же нашивочка?

— Нашивочка, Анна Григорьевна, необходима: от этого происходит такое очарование, что просто изобразить себе не можно. Ах, ведь прежде вам нужно еще сказать... Уж вот когда, Анна

Григорьевна, испустите вы длинный «ах!» Я воображаю заранее, какой длинный «ах!» Вообразите себе только то, что лифчики теперь кроятся совершенно как у мужчин, и даже еще длиннее.

— Что вы говорите?

— Длинные, длинные и юбка собирается вокруг совсем так *РК*$_{II}$; *РК* — нашивочка.

— Зачем же нашивочка?

— Нашивочка, Анна Григорьевна, необходима: от этого всё происходит. Но уж если хотите, чтобы я вас точно изумила, так вот вам — изумляйтесь. Вообразите себе только то, что лифчики теперь чуть не длиннее мужских и сделаны мыском.

— Что вы?

— С одной стороны, это хорошо, потому что талия кажется никак не толще стакана, но вообразите, что юбка вся сбирается вокруг

23 «Ну, уж это ~ приятная дама› *нет РК; РП* — [— Но... это уж бог знает что.

— Очень странно]

— Ну уж это, признаюсь, — сказала дама ‹приятная› во всех отношениях, сделавши жест руками

28 *Вместо* «Уж как ~ я ни за что»: Ну, уж ~ но я ни за что *РК*, *РП*$_{II}$

29 *Вместо* «Я сама ~ шить»: Я сама тоже. Право, странно даже, как вообразишь, до чего иногда доходит мода. Иной раз такие глупости выдумают, что уж, точно, никакого подобия... Я однако же выпросила у сестры выкройку, посмотрю так только, для смеху, как оно выйдет. Меланья моя принялась уже шить *РК*$_{II}$; *РК*, *РП*$_{II}$ —

— Я сама тоже... Право странно даже, как вообразишь до чего иногда доходит мода... такие глупости выдумают, ни на что не похоже. Я выпросила у сестры выкройку, посмотрю нарочно, для смеху только. Меланья моя принялась шить. Посмотрю как будет; *РП* — Я сама... право, как ~ шить.

При этих словах в лице дамы приятной во всех отношениях изобразилась необыкновенная живость[1]

36 *Вместо* «ради всего ~ после нее»: поскорей, я попробую себе тоже, именно, не больше, как ради смеха.

— Только после Прасковьи Федоровны: я уж ей обещала *РК*$_{II}$

37 *Вместо* «Ах, я ~ слово»: Жизнь моя, я обещала *РК*, *РП*$_{II}$

37 *После* «Прасковье Федоровне»: ‹*1 нрзб.*› Софья Ивановна *РП (кар.)*

Стр. 182

1 *Вместо* «Это уже ~ своим»: Нет, я думать не хочу, чтобы вы нанесли мне такую обиду; кажется, что мы с вами в таком отношении, что просто будет с вашей стороны бессовестно *РК*$_{II}$; *РК* —

---

[1] «При этих ~ живость› *вписано в РП карандашом. В РЦ переписчик не переписал.*

[Неужели вы решитесь нанести мне такое оскорбление!] Это уже ~ если вы [предпочтете ее мне, кажется] *и т. д. как в тексте*

5 *Вместо* «я и слышать не хочу»:[1] а я слышать не хочу *РЦ*

6 *Вместо* «это выходит ~ оскорбленье»: иначе всякое знакомство между нами кончено $РК_{п}$

7 *Вместо* «такое оскорбленье»: смертельную обиду *РК*, $РП_{и}$

7 «Видно я вам ~ знакомство» *нет РК*

8 *После* «видно, вы»: [уже] *РП*

9 *Вместо* «Софья Ивановна»: приятная дама $РК_{п}$

12 «язык свой» *РК; РП, РЦ, МД* — язык *(ошибка переписчика)*

13 *Вместо* «что ж»: что *РК, РП*

15 *После* «что ж я»: в самом деле *РК*, $РП_{и}$

16 «Ведь вы не знаете» *РК, РП; РЦ, МД* — Ведь вы знаете

17 *Вместо* «Тут ~ сперлось»: вскрикнула просто приятная дама вся в волнении; дыханье ее сперлось и $РК_{п}$; *РК* — Тут дыханье [приятной] гостьи [всё пришло в волненье] сперлось

19 *Вместо* «бесчеловечной»: безжалостною *РК*, $РП_{п}$

19 *Вместо* «какова ~ приятельница»: как во всех отношениях приятная дама $РК_{п}$

19 *Вместо* «приятельница»: приятельница ее *РК*, $РП_{п}$

23 *Вместо* «в глаза скажу»: даже в глаза скажу это $РК_{п}$

23 *Вместо* «негодный человек, негодный, негодный, негодный»: человек негодный, мерзкий человек, не знающий ни обращения, ни приличий... гадкой, гадкой, гадкой человек. — Так говорила во всех отношениях приятная дама и еще раз повторила: гадкий человек, — когда уже просто приятная дама издала было какой-то начальный звук, желая произнести от себя слово $РК_{п}$; *РК*, $РП_{п}$ — человек негодный, мерзкий человек, не знающий ни обращения, ни приличий... гадкой, гадкой, гадкой человек

25 *Вместо* «что я вам открою»: что я открою *РК*

25 *После* «открою»: говорила просто приятная дама, от нетерпенья едва могшая сидеть на месте, хотя всякое волнение было ей очень вредно: она была нервическая дама. Но во всех отношениях приятная дама была просто бесчеловечна. И тут даже она решилась прервать ее, продолжая с прежнею силою и негодованием $РК_{п}$; *РК*, $РП_{п}$ — говорила бедная[2] приятная дама, от нетерпения едва могшая сидеть на месте, хотя всякое волнение было ей очень вредно: она была нервическая дама. Но приятельница[3] была просто бесчеловечна: и тут даже она решилась прервать ее, продолжая с прежнею силою и негодованием

26 *Вместо* «а он совсем ~ нос»: а он даже на урода не похож! Бог знает, что такое: толст, как шкаф, нос — картофель $РК_{п}$; *РК*,

---

[1] *В РП над этими словами запись карандашом:* если вы хотите [2] *Далее начато в РК:* гостья от [3] *Вместо* «приятельница»: Дама приятная во всех отношениях *РП*

РП$_{п}$ — а он даже на урода не похож! Бог знает что такое: толст, как шкаф, нос... уж это такой нос, какого еще и не видано, самой неприятный

28 *Вместо* «рассказать вам»: рассказать мне *РК, РП*

29 *Вместо* «душенька, Анна Григорьевна»: душенька моя *РП (кар.)*

31 *Вместо* «гостья»: бедная приятная дама *РК*$_{п}$

32 *Вместо* «в разговор ~ фразы»: почти половина разговора между дамами происходила на французском языке *РК, РП*$_{п}$

Стр. 183

1 *Вместо* «внести»: впустить *РК*$_{п}$

4 *После* «история?»: спросила, наконец, дама, приятная во всех отношениях *РК*$_{п}$

6 *Вместо* «только»: если бы когда-либо человеческое воображение могло *РК*$_{п}$

6 *После* «находилась!»: если бы вы только знали, как я перетревожилась. Уж вот, точно происшествие, которого никаким пером нельзя описать! *РК*$_{п}$

12 *После* «протопопша»: уж вот точно!.. *РК*$_{п}$

14 *Вместо* «и рассказывает ~ роман»: говорит *РК*$_{п}$; *РК* — и как рассказывает, послушайте только, совершенный роман; *РП* — и рассказывает, и как еще[1] рассказывает *и т. д. как в тексте*

22 *Вместо* «Ах»: Ах, боже мой *РК*$_{п}$

Стр. 184

1 *Вместо* «не могу и говорить»: и говорить не могу *РК*$_{п}$

10 *Вместо* «каково»: каково же *РК*$_{п}$

24 «Ну, а как» *РК; РП, РЦ, МД* — Ну, как

25 *Вместо* «Как я ~ потрясена»: спросила в свою очередь во всех отношениях приятная дама.

— Я, право, Анна Григорьевна... я не знаю... это превышает воображенье человеческое *РК*$_{п}$

25 *После* «признаюсь»: [нахожусь в] *РК*

25 «потрясена» *РК, РП; РЦ, МД* — потеряна

28 *Вместо* «Но приятная»: Но просто приятная *РК*$_{п}$

29 *Вместо* «тревожиться»: тревожиться в подобных случаях *РК*$_{п}$

33 *Вместо* «гостья ~ в слух»: при этих ‹словах› просто приятная дама вдруг обратилась, как говорится, в один слух *РК*$_{п}$

35 *Вместо* «почти не сидя»: и почти не сидела *РК*$_{п}$

36 *Вместо* «вдруг ~ дуновенья»: как будто тоже стала похожею на какой-то легкий пух, который так вот вдруг и полетит на воздух от малейшего дуновенья *РК*$_{п}$

Стр. 185

1 «собачей и иора» *РК, РП; РЦ, МД — ценз. пропуск.*

---

[1] *Слово* еще *вписано в РП карандашом.*

2 *Вместо* «вот-вот ~ заяц»: знает, что вот сию минуту выскочит заяц *РК*$_{п}$

3 «обращается» *РК; РП, РЦ, МД* — превращается

5 *После* «огонь»: Попал он в свою сферу *РП (кар.)*

5 *Вместо* «Весь ~ звезды ему»: Недвижно стоит он с дышущими очами, но сам без дыхания, стоит один среди блистающей снежной равнины, сливающейся с горизонтом, а зимний упругий, как девичьи перси, холод дразнит и колет его молодую кровь, а ветер, поднявшись из лесу, метет ему вихри снежного пуха *РК*$_{п}$; *РК — а.* Оставив далеко позади себя стремянных, недвижно стоит он, дыша очами, без дыханья. Готовый полететь на добычу своими Крушилами, Грумилами, Махурами, Черкезами, Допекаями, Распекаями, которые уже млеют и *<1 нрзб.>* места под собой не чуют.[1] Напрасно поднимается против него[2] вся метущая снеговая степь, пуская[3] [острые] колючие серебряные звезды ему; *б.* Сам не дыша, но с дышущими очами [весь] впился он весь в мутный воздух и уж его настигнет зверь, уж допечет *и т. д. как в тексте*

6 *Вместо* «допечет»: допекет *РК, РП, РЦ*

10 *После* «дама»: «есть больше ничего, как выдумка только для прикрытия, а настоящее дело вот в чем *РК*$_{п}$

11 *Вместо* «Что, что ~ волненьи»: Гостья произнесла только: что? и вся перешла в глаза к ней[4] *РП (кар.)*

12 «Мертвые ~ ради бога!» *нет РК, РП*

14 *Вместо* «Это, просто, выдумано»: Это выдумка *РК*

16 *Вместо* «неожиданно и во всех»: неожиданно и уж во всех *РК*$_{п}$

20 *После* «руками»: Вот раскрытие необыкновенное! *РК*$_{п}$

27 «Знаете ~ безнравственность» *нет РК*

33 *После* «Анна Григорьевна»: помилуйте *РК*$_{п}$

35 *Вместо* «Боже ~ Кто»: Уж я не знаю, кто *РК*$_{п}$

38 *Вместо* «Душенька! она статуя и»: Но я вас могу уверить, Анна Григорьевна, что она статуя и к тому же еще *РК*

38 *Вместо* «Душенька!»: Пощадите. *РП (кар.)*

Стр. 186

1 *Вместо* «Ах, не говорите, Софья Ивановна»: Не говорите, не говорите, Софья Ивановна, и уж этого никак не говорите, чтобы она была бледна, потому что *РК*$_{п}$; *РК, РП*$_{п}$ — Ах, не говорите, Софья Ивановна, и уж этого никак не говорите, чтобы она была бледна, потому что; *РП (кар.)* — Вот уж чего вы никогда не можете сказать, Софья Ивановна, потому что

---

[1] *Далее начато: а.* Дышут и горят его очи и видно в них, как; *б.* Настигнет он зверя, несмотря на то, что поднялась против него [2] *Далее начато:* вся метущая снеговая степь, упругий холод только [3] *Далее начато:* только ярит его *<1 нрзб.>* [4] *Над строкой начато:* перенеслась к ней

2 *Вместо* «Ах, что ~ она»: Ах, Анна Григорьевна, помилуйте: это, совершенный мел *РК*$_{п}$; *РК*, *РП* — Жизнь моя, Анна Григорьевна, она

4 *Вместо* «Милая»: Не спорьте, моя милая, румянится нестерпимо *РК*$_{п}$; *РК*, *РП*$_{п}$ — Не спорьте, милая

7 *Вместо* «Ну, позвольте ~ у ней есть»: Душенька, жизнь моя, Анна Григорьевна, она бледна! Клянусь вам всем, что только есть священного в мире, какую угодно выдумайте клятву, я готова сию минуту лишиться детей, имения и всего, что хотите, если есть у ней *РК*$_{п}$; *РК*, *РП*$_{п}$ — Душенька, Анна Григорьевна. Клянусь *и т. д. как в тексте РК*$_{п}$

7 *Вместо* «ну, положите ~ готова»: согласны вы, чтобы я сей же *РП (кар.)*

11 *Вместо* «Ах, что ~ брусника»: Милая, вы в заблуждении; я очень хорошо это знаю, что она бледна, потому что видела собственными своими глазами.

— Ах, Анна Григорьевна, какие вы. Ведь я видела тоже собственными глазами. Вот как теперь сижу, вот как теперь гляжу. Вот и вижу, клянусь, вот и вижу сию минуту, что она бледна, как чистейший мел.

Может быть, читателю покажется странным, что две дамы были так несогласны между собою в том, что обе видели почти в одно и то же время. Может быть, он даже подумает, что они нарочно так говорили из охоты поспорить или просто из упрямства. Но нужно защитить дам. Нет, они говорили потому, что уверены были обе в справедливости своих слов, а это уже нужно отнести более к феноменам в натуре: иногда точно бывает так, что дама глядит на вещь и видит, что она белая как снег, а другая дама на ту же самую вещь, но взглянет с такой стороны, что она выйдет совершенно красная, красная, красная как брусника — и видишь потом, что обе правы *РК*$_{п}$; *РК*, *РП*$_{п}$ —

— Милая, это вам так показалось, я видела собственными своими глазами.

— Ах, Анна Григорьевна, какие вы, я видела ⟨*далее как РК*$_{п}$⟩ две дамы были несогласны ⟨*далее как РК*$_{п}$⟩ слов, а это нужно отнести более к феноменам природы. Иногда точно ⟨*далее как РК*$_{п}$⟩ совершенно красная, красная, как брусника — и видишь потом, что обе правы

19 *Вместо* «взглянет»: *РП* — *а.* посмотрит; *б. Как в тексте*

20 *Вместо* «красные, красные»: красные, красные, красные *РП*, *РЦ*

22 *Вместо* «Ну, вот ~ бледна»: Как же не бледная? *РК*$_{п}$

23 *Вместо* «я помню ~ сижу»: когда я сижу еще *РК*$_{п}$

25 *Вместо* «Право»: И право *РК*$_{п}$

25 *Вместо* «до такой степени»: только так *РК*$_{п}$

30 *Вместо* «Да однако же ~ были»: Однако ж, Софья Ивановна, признайтесь, вы были немножко *РК*$_{п}$

34 *Вместо* «Да, я ~ нет»: Полно, Софья Ивановна, немножко было $РК_{II}$

37 *Вместо* «со стороны ~ недоступных»: с вашей стороны что-нибудь было $РК_{II}$

Стр. 187

1 *Вместо* «позвольте»: позвольте мне *РК, РП, РЦ*

5 *Вместо* «Отчего ~ поближе»: Однако ж, Анна Григорьевна, ведь вы первая захватили стул у дверей $РК_{II}$

6 *Вместо* «первые захватили»: захватили первые *РК*, $РП_{II}$

8 *Вместо* «Ну, уж после таких»: После подобных $РК_{II}$

9 *Вместо* «должна ~ неминуемо»: неминуемо должна была $РК_{II}$

14 *Вместо* «насчет»: чрезвычайного $РК_{II}$

14 *Вместо* «ее искреннею приятельницею»: во всех отношениях приятною дамою $РК_{II}$

18 *Вместо* «нечувствительно ~ с собою»: в разговоре, нечувствительно вдруг, само собою, родится $РК_{II}$

21 *Вместо* «вот, мол ~ Разного»: Так вот же, мол, тебе! возьми, вот тебе, на! съешь!» — Да, разного $РК_{II}$

24 *Вместо* «мог»: и мог бы $РК_{II}$

25 *Вместо* «Не может ~ нет их?»: Верно, нашлись же такие, которые взялись помогать.

— Как не найтись? Эдакие молодцы найдутся всегда, — сказала дама, приятная во всех отношениях $РК_{II}$

29 *Вместо* «Ну, да хоть»: Да хоть бы $РК_{II}$

31 *Вместо* «он родного ~ в карты : какой он сорви голова $РК_{II}$

32 «готов» *РК; РП, РЦ, МД* — хотел

33 *Вместо* «я узнаю»: узнаю *РК*

34 *Вместо* «никак»: никак, признаюсь $РК_{II}$

37 *Вместо* «Как подумаешь ~ предполагать»: Ах, боже мой! Вот уж, точно, непредвиденное... Но скажите, однако ж, по совести, Анна Григорьевна, ну, можно ли было, например, предполагать прежде $РК_{II}$; *РК* — Как подумаешь, право, чего не происходит [в этом мире] на свете. Ну, можно ли было предполагать, Анна Григорьевна, например, прежде

Стр. 188

1 *Вместо* «что он ~ в свете»: можно ли было предполагать, что произведет он подобную скандальозную историю $РК_{II}$

2 *Вместо* «как я перетревожилась»: какое это на меня произвело действие! Клянусь вам, я никогда еще в жизни не была так потревожена! *РК*, $РП_{II}$

3 *Вместо* «Если бы»: Если бы вот $РК_{II}$

4 *Вместо* «вот уже ~ куда ж?»: я бы, признаюсь... я, просто не знаю, что бы со мною было: куды ж?.. $РК_{II}$; *РК*, $РП_{II}$ — я бы вот

уж, точно, была бы, как говорится, на краю погибели. До сих пор не помню, что со мною было: куды ж?..

6 *Вместо* «как смерть»: как мел *РК, РП*$_{II}$

7 *После* «случай!»: Вот уж, точно раскрытие, превосходящее всякое описание; это уж, точно, можно сказать, что никаким пером нельзя описать *РК*$_{II}$

12 *Вместо* «Она»: Надобно сказать правду, она *РК*$_{II}$

15 *Вместо* «тогда»: тогда, конечно *РК*$_{II}$

31 *Вместо* «разговаривает»: разговаривает с тем и другим *РК*$_{II}$

31 *Вместо* «позабывая»: и позабывает *РК, РП, РЦ*

38 *Вместо* «себе»: себе кучи *РК*$_{II}$

Стр. 189

2 *Вместо* «такое»: отчасти *РК*; *РП*$_{II}$ отлично *(ошибка переписчика)*

4 *Вместо* «моргавшим»: мигающим *РК*$_{II}$

7 *Вместо* «хлопать ~ табак»: и мигать левым глазом *РК*$_{II}$

11 *Вместо* «а особенно»: и особенно *РК, РП*$_{II}$

15 *Вместо* «времени»: минут *РК, РП*$_{II}$

15 *Вместо* «Положение их в первую минуту»: положение их очень *РК; РП*$_{II}$ — и положение их так

17 *Вместо* «засунули ~ к себе»: поднесли к носу целую горсть табаку. Потянувши ее в просонках всю к себе *РК*$_{II}$

19 *Вместо* «табак к себе»: табак *РК*

21 «где он, что он» *РК; РП, РЦ, МД* — где он

23 *Вместо* «стены»: стены комнаты *РК*$_{II}$

24 *Вместо* «наступившее»: наступающее *РК*

24 *Вместо* «тысячами»: тысячью *РК*$_{II}$

25 *Вместо* «и с осветившеюся ~ чувствует»: с освещенною речкой, зовущей на купанье, где, как в зеркале, тонко отразились обступившие ее тростники, и нагие ребятишки, с криком плеща руками по звонкой воде, пугают заснувших на дне ее карасей, — и потом уже он, наконец, чувствует *РК*$_{II}$; *РК — а.* с освещенною речкой, пропадающей между тонких тростников, всю выхватывающей ‹?› там и там сверкающими загогулинами и нагими ребятишками, манящими на купанье звонкими криками, потрясающими свежий утренний воздух и потом уже, наконец, чувствует он; *б.* и с осветившеюся речкою, там, там пропадающею *и т. д. как в тексте*

28 *Вместо* «гусар»: табак *РК*$_{II}$

29 *Вместо* «было ~ минуту»: в первую минуту было *РК, РП, РЦ*

35 *Вместо* «Что ж ~ каша»: Что ж это, в самом деле? что ж это толкуют нам, что за притча такая? что же значат, чорт побери их, эти мертвые души, почему же, для чего, зачем, зачем же, — опять во второй раз кричат, — мертвые души. К чему ж такие непонятные для человеческого ума вещи? как же можно покупать мертвые души? на какой конец могут послужить эти мертвые души? статочное ли дело, чтобы нашелся кто-нибудь тратить

деньги на мертвые души, когда и на живых не всегда сыщешь покупщика? да и к чему тут, с какого боку-припеку приплелась губернаторская дочка? зачем, для каких нужд? и зачем же, решась покупать мертвые души, увозить губернаторскую дочку? Если ж он хотел, точно, увезти губернаторскую дочку, то какая же надобность покупать мертвые души? Неужели он не мог увезти ее без мертвых душ? Хотел ли он подарить ей, что ли, эти мертвые души? И что же, в самом деле, какая связь может быть между губернаторской дочкой и мертвыми душами? Не очевидный ли это вздор, нелепость, недостойная просвещения, мерзость, гнусность, подлость, гадость? Как можно выдумывать и распускать это? Но почему ж однако ж распущено? стало быть была же какая-нибудь причина, стало быть есть же что-нибудь, что-нибудь, вероятно, скрывается под этим? Что ж такое скрывается, что ж может скрываться? для чего же, почему, из каких причин, чорт побери все эти души... Словом, это повело толки, и весь город заговорил про мертвые души и губернаторскую дочку, про Чичикова и мертвые души, про губернаторскую дочку и Чичикова *РК*$_{п}$; *РК* Что ж за притча ~ и на какой конец мертвые души, на какое житейское назначение могут послужить они; и зачем вмешалась ~ по городу. Не совестно ли разносить эдакое, пусть бы еще хоть какой-нибудь смысл был. Однако ж разнесли, стало быть была какая-нибудь причина. ~ Андроны едут, это билиберда, это поношенье человечеству, это просто даже чорт побери... ~ Все те, которые прекратили давно уже всякие знакомства и знались только с Завалишиным да Полежаевым (собственные имена России, произведенные от глаголов полежать и завалиться, которые в таком же у нас ходу, как заехать к Сопикову и Храповицкому, выражение, означающее всякие мертвецкие сны и на боку, и на спине, и во всех иных положениях со всеми храпеньями, носовыми свистами и прочими принадлежностями), которых нельзя было выманить из дому пятисотрублевою ухою с аршинной стерлядью, ниже всеми тающими во рту кулебяками, словом, оказалось ~ Макдональд Карлович; и в гостинных заторчал какой-то длинный с простреленною рукою такого высокого роста, какого даже и не видано было на свете. На улицах показались крытые дрожки, неведомые линейки — и заварилась каша; *РП* — Что ж за притча ~ Макдональд Карлович, и в гостинных заторчал какой-то длинный с простреленной рукою ~ неведомые линейки — и заварилась каша; *РЦ* — Что ж за притча ~ и хоть какой-нибудь *и т. д. как в тексте.*

К этому же месту относится набросок (автограф) на отдельном листке, подшитом к РК:

которых нельзя даже выманить было тем, против чего никаким ‹образом› не устоит славянская, а именно даже ухой пяти-

сотрублевой из аршинных стерлядей и всеми тающими во рту кулебяками с головизною или с [пудовой белугой] маленькой пятипудовой белугой, против чего уж, известно, никак не устоит <*1 нрзб.*> славянская натура. Всё вылезло.

Стр. 190

26 *Вместо* «всех»: всяких *РЦ*

34 *Вместо* «и не видано было»: и не видано было на свете *РК*

38 *После* «внимания»: не сделались бы предметом таких долгих и общих разговоров. Но нужно войти в положение, в котором тогда находился город $РК_{II}$

38 *Вместо* «но город ~ как известно»: В городе N, уже в продолжении целых трех месяцев не происходило ничего такого, что называют в столицах комеражами, а это, как известно $РК_{II}$

Стр. 191

2 *Вместо* «такого»: того *РК*, *РП*

3 *Вместо* «комеражами»: комерами *РК*

4 *После* «припасов»: без которых никакой город не может существовать — и вдруг после такого продолжительного поста, да на голодные зубы, ниспошли бог так жирно разговеться — дурак разве не бросится на такую лакомую еду $РК_{II}$

5 «оказалось» $РК_{II}$, *МД*; *РК*, *РП*, *РЦ*, $МД_2$ — оказались

5 *Вместо* «вдруг»: весьма заметно $РК_{II}$

6 *Вместо* «и образовались ~ занялась»: которые образовали две противоположные партии: мужскую, которая налегла особенно на мертвые души, самую бестолковейшую, не представлявшую решительно никакого порядка, и женскую, занявшуюся $РК_{II}$;

К этому же месту относятся наброски (РЛ):

В толковне города оказалось весьма заметно два совершенно противоположных [одно другому] мнения, которые образовали две противоположных партии: мужскую и женскую.[1] Мужская,[2] самая бестолковейшая,[3] как<ая> только когда-либо существовала, налегла особенно на мертвых и предоставила[4] такой страшный беспорядок и хаос в мыслях, подобный которому мог только разве быть прежде сотворения мира. Партия женская, которая [занялась] <*1 нрзб.*> исключительно похищением губернаторской

В мнениях <*1 нрзб.*> мужская партия[5] упорствовала сильно и во всем совершенно[6] и точно не было подобной стройности

---

[1] *Далее начато:* Первая, то есть мужская, отличалась необыкновенным, особенным бестолковьем [2] *Далее начато:* партия было [3] *Далее начато:* какую только можно представить [4] *Далее начато:* столько беспорядков [5] *Вместо* «В мнениях ~ партия»: Мужская партия, несмотря на малочисленность и отпадение многих [6] *Далее начато:* *а.* было; *б.* совсем не было

и окончательности, всё было хаосом <?>, безобразно, в неопределенных сбивчивых непостижимых формах,[1] что было заметно одно только упрямство и какое-то мужское дуботольство

13 «самый определительный» *РК; РК*$_{п}$ — самый ясный; *РП, РЦ, МД* — живой, определенный

13 *Вместо* «ясные»: пластические *РК*$_{п}$

15 *Вместо* «Оказалось»: именно *РК, РП*$_{п}$; *РП, РЦ* — именно вышло

17 «давно» *РК; РП, РЦ, МД* — даже

19 *Вместо* «никому ~ ведомо»: известно одному богу *РК*$_{п}$

24 *Вместо* «что у Чичикова ~ что он»: что Чичиков *РК, РП*$_{п}$

26 «с матери» *РК, МД; РП, РЦ* — с матерью

26 *Вместо* «имел»: имел уже *РК (кар.)*

33 *Вместо* «На Руси ~ очень»: и так как у нас на Руси общества низкие особенно *РК*$_{п}$

34 *Вместо* «бывающих в обществе»: в обществе *РК*

34 *Вместо* «а потому ~ более»: то нет ничего удивительного, что появились, наконец, такие прибавления, которые изумили даже первых, распустивших слух прежде всех. Сюжет, как читатель видит, становился чрезвычайно занимателен, принимал мало-помалу совершенно *РК*$_{п}$

36 *Вместо* «и не знали»: и никогда не знали *РК, РП, РЦ*

Стр. 192

6 *Вместо* «неприятный»: неприятнейший *РК; РП, РЦ* неприятельский

13 *Вместо* «насели ~ утверждая»: употребили всевозможные усилия, чтобы склонить на свою сторону мужчин, утверждая *РК*$_{п}$

15 *Вместо* «выдумка»: решительная выдумка *РК*$_{п}$

16 *Вместо* «чтобы отвлечь»: чтобы успешнее отвлечь *РК*$_{п}$

17 *Вместо* «Многие ~ совращены»: Чтобы представить это осязательнее и очевидней, они употребили какие-то особенные средства, им одним известные, против которых многие мужья никак не могли устоять *РК*$_{п}$

19 *Вместо* «от своих»: со стороны своих *РК*$_{п}$

19 *Вместо* «обругавших их ~ обидными»: их обругавших бабами и юбками — имена, как известно, обидны<е>

22 *Вместо* «Но как ~ узнаем»: Уцелевшая мужская партия, несмотря на то, что упорствовала сильно, не представляла в своих толках той окончательности и стройности; всё было как-то хаосно, безобразно, в самых неопределенных, сбивчивых видах; похищение губернаторской дочери они называли явной выдумкой; утверждали, что невозможно, чтобы Чичиков отважился на такое рискованное дело, неприличное ни чину, ни званию, дело более военное, гусарское, нежели штатское; что в мертвых-то душах именно

---

[1] *Далее начато:* туман и беспорядок страшный, только заметно

должно заключаться что-то, несмотря на всю нелепость подобной истории. Нужно знать, что все обитатели города, и в особенности те, которые находились на службе и занимали почетные места, были в каком-то чутком и нервическом состоянии $РК_{II}$; *РК* — Но как ~ неотесанно, непригожо, неладно, нестройно, одним словом, нехорошо, в голове кутерьма, сутолока, сбивчивость, неопрятность в мыслях, — словом ~ что положат, то несет [выражаясь словами пословицы], что главный предмет, на который нужно обратить ‹внимание›, это — мертвые, которые впрочем, чорт его знает, что значат, но в них заключено однако ж весьма скверное, нехорошее, такое даже, что заставляет опасаться. Почему это казалось так мужчинам, сию минуту узнаем; *РП*, *РЦ* — Но как ~ на который нужно и обратить ‹внимание›, это — мертвые, которые впрочем ~ нехорошее, такое даже, что заставляет опасаться. Почему казалось мужчинам, что в них заключалось нехорошее и скверное, сию минуту узнаем

37 *Вместо* ‹в губернию›: В их губернию $РК_{II}$

Стр. 193

1 *Вместо* ‹приводящее чиновников›: приводящее губернию несколько $РК_{II}$

1 *Вместо* «пойдут ~ смерть»: совершенная неизвестность, каков-то будет новый начальник, будет ли он благонамерен к господам чиновникам, и как он примет, и каким образом возьмется — словом, редко кто в это время бывает покоен, и потому эти слухи, уже единственно потому только, что просто слухи, многих потревожили при мысли, что скажет новый генерал-губернатор, когда в городе их носятся вот-де какие глупые слухи $РК_{II}$

6 *После* «вскипятить»: и взъерепенить, выражаясь должностным слогом *РК*

7 *После* «управы»: неизвестно от чего $РК_{II}$

8 *Вместо* «не разумеются ли под словом мертвые души»: под словом мертвые души не разумеются ли *РК*, *РП*, *РЦ*

14 *Вместо* «и потом ~ а что»: и не может быть, но побледнел тоже при мысли, которая пришла внезапно сама собою в голову и выразилась таким вопросом: «Ну что, $РК_{II}$

16 *Вместо* «а он»: и он $РК_{II}$

16 «допустил» *МД*; $МД_2$ допускает

18 *Вместо* «Он об этом ~ нет ли здесь»: Председатель крепко задумался. Слово «мертвые души» так раздавалось неясно и неопределенно, что некоторые из занимавших правительственные места тоже задумались, подозревая, что нет ли здесь $РК_{II}$; *РК* — *а*. [Потом вдруг побледнели вслед за ним] Все прочие затем тоже стали раздумывать, отыскали в себе множество таких грехов, каких даже никогда и не было. Всё повырастало и показалось в увеличительном виде. Слово: мертвые души так раздалось не-

ясно и неопределенно, что стали подозревать, нет ли здесь: *б.* Он об этом больше ничего как только сказал тому и другому[1] и вдруг ~ каких даже и не было *и т. д. как в тексте*

23 *Вместо* «погребенные тела»: погибшие и несколько поспешно погребенные найденные тела *РК*$_{п}$

29 *Вместо* «Пирушка ~ полпальца»: на которой пирушке, от удовольствия ли сердечного, или просто спьяна, уходили на смерть приятелей своих устьсысольских купцов, хотя сии последние, с своей стороны, были тоже мужики дюжие и были одарены такими объемистыми кулаками, что сольвычегодские приятели долго носили синяки на боках и спинах *РК*$_{п}$

31 *Вместо* «ссадку»: осаду *РК, РП, РЦ*

33 *Вместо* «был вплоть»: вплоть был *РК, РП, РЦ*

36 *После* «купцы»: впрочем *РК*$_{п}$

Стр. 194

5.17,30 *Вместо* «Задирайлово»: Задирайволо *РК, РП, РЦ*

6 *Вместо* «снесли ~ земли»: уконтропошили, по губернскому выражению *РК*$_{п}$

10 *Вместо* «имея»: имел *РК*$_{п}$

11 *Вместо* «приглядывался»: и приглядывался *РК*$_{п}$

13 *Вместо* «выразились»: и выразились *РК*$_{п}$

18 *Вместо* «также оправдать»: оправдать *РК*

23 «рассужено сначала наедине» *РК; РП, РЦ, МД* сначала наедине рассужено

31 *Вместо* «Дело ~ теперь дело»: Оно, конечно, и просто и очевидно; однако ж, неизвестно почему, чиновники начали думать, что не сии ли мертвые души разумеются в оных обоих происшествиях *РК*$_{п}$; *РК* — Дело, конечно,[2] обделано было кругло. Но чиновники, однако ж, неизвестно, почему стали думать, что верно[3] об этих мертвых душах завязалась история[4]

32 «чиновники, однако ж» *РК; РП, РЦ, МД* — чиновники

Стр. 195

1 *Вместо* «Эти две ~ стороны»: Эти две бумаги сбили с последнего толка господ чиновников. Конечно, они не могли даже и подумать,

---

[1] *Далее начато:* а уж те в одну минуту побледнели, губы посинели и затряслись [2] *В РП*$_{п}$ *ошибочно переписчик переписал:* нарочно [3] *Далее начато:* это были настоящие [4] *Здесь же в РК на полях запись карандашом:* [припомнили] как на беду, память у всех очистилась необыкновенно и припомнили множество таких происшествий, [случ] бог знает каких происшествий, случавших<ся> нивесть в какие давние времена. Все они ожили и стали пугать. В глазах их больше казаться человеком в лечебнице *<4 нрзб.>* и в это самое время, когда течение сбилось в корнях <?>, в головах *<1 нрзб.>* и пошли гулять на новых просторах отправ *<не закончено>* страхом в это самое время

чтобы могло что-нибудь из этого относиться к Чичикову; однако ж всякой, как поразмыслил с своей стороны, что внутренно об этом предмете *РК*$_{п}$

8 *Вместо* «предполагать»: и подумать *РК*

13 *Вместо* «по службе»: в службе *РК*

14 «темно» *РК; РП, РЦ, МД* — неясно

20 *Вместо* «наружность благонамеренна»: имея совершенно благонамеренную наружность и мысли *РК*$_{п}$

23 *Вместо* «себе вначале»: вначале себе *РК, РП*$_{п}$

29 *Вместо* «о том ~ такой»: кто же он такой *РК, РП*$_{п}$

32 *Вместо* «тоже ставит»: ставит *РК*

36 *Вместо* «почти одного и того же»: почти того же *РК; РП*—этого же почти

38 «он готов» *РК; РП, РЦ, МД* — готов он

Стр. 196

4 «дружбы и симпатии» *РК; РП*$_{п}$ — дружбы и не многие *(ошибка переписчика); МД* — дружбы

11 *После* «дороге»: то это *РК*$_{п}$

11 *Вместо* «и в том»: а в этом *РК; РП* — во всем

23 *Вместо* «никогда ~ не приберет»: никак не вспомнит и не приберет *РК, РП*$_{п}$; *РП* — никак не вспомнит, не приберет

27 *Вместо* «открыли»: показали *РК; РП, РЦ* — сказали

31 «и что такое ~ неблагонамеренных» *нет РК*

Стр. 197

10 *После* «фамилии»: но принимавший во всем живое участие и *РК*

13 «не потеряли» *РК; РП, РЦ, МД* — не теряли

14 *Вместо* «почтмейстер ~ подобных»: Почтмейстер один, может быть, не терял никогда своего ровного и постоянного хладнокровного характера и в подобных *РК*$_{п}$; *РК, РП*$_{п}$ — Почтмейстер один никогда не изменялся в своем постоянно ровном характере и в подобных

21 «получасом» *РК; РП, РЦ, МД* — часом

Стр. 198

1 *Вместо* «пусть к тебе»: пусть-ко тебе *РК, РП, РЦ*

2 *Вместо* «так что ~ сует»: да соблазнять всяким мирским соблазном: что вот и не хочешь брать, а он сам сует в руку — тут поневоле подашься *РК*$_{п}$

2 *После* «сует»: [в руку] *РК*

3 *Вместо* «тут, брат»: здесь *РК*$_{п}$

5 *Вместо* «Петрушу»: Петрушку *РК, РП*$_{п}$

6 *Вместо* «против чорта»: против соблазна и чорта *РК*$_{п}$

7 *Вместо* «на сей раз»: на этот раз *РК*$_{п}$

8 *Вместо* «заметно было»: было заметно *РК*$_{п}$

9 *Вместо* «мы»: мы, русские, *РК*$_{п}$

12 *Вместо* «если в них ~ путаница»: присутствует препорядочная путаница, если только нет одной слишком умной головы, которая бы заправляла всем *РК*, *РП*$_{п}$

14 *Вместо* «видно»: видно, просто *РК*$_{п}$

18 *Вместо* «Мы вдруг ~ нивесть какие»: мы составим вдруг общество благотворительное, поощрительное и нивесть какое *РК*$_{п}$; *РК*, *РП*$_{п}$ — Мы вдруг словно как ветер *и т. д. как в тексте*

20 *Вместо* «прекрасна»: прекрасная *РК*, *РП*$_{п}$

32 *Вместо* «совершенно другого рода»: совершенно в другом роде *РК*$_{п}$; *РК*, *РП*$_{п}$ — в другом роде

33 *Вместо* «бедных или посторонних»: бедных людях, посторонних *РК*, *РП*$_{п}$

33 *Вместо* «шло дело ~ что такое»: но о собственной личности каждого из членов; тут по необходимости всеобщее участие сильнее *РК*$_{п}$; *РК* — шло дело, дело касалось всякого члена лично ~ стало быть всё должно было быть необходимо единодушнее *и т. д. как в тексте*

38 *Вместо* «даже непостижимая»: особенная *РК*$_{п}$

Стр. 199

10 *Вместо* «погруженным»: погруженный *РК*, *РП*$_{п}$

14 «слово» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — время

16 *Вместо* «тут же»: так же *РК*$_{п}$

19 *Вместо* «таков»: таков этот *РК*$_{п}$

24 «и даже ~ чистоты» *нет МД (вычеркн. ценз.)*

25 *Вместо* «пальцами своими»: с своими пальцами *РК*$_{п}$

27 «повторил он» *РК*, *РП*, *РЦ*; *МД* — сказал почтмейстер

27 *После* «табаку»: встряхнувши рукой и потом щелкнувши пальцем *РК*$_{п}$

28 *Вместо* «если рассказать ~ поэма»: если рассказывать вам, так это выйдет даже презанимательная для какого-нибудь писателя в некотором роде так сказать целая поэма *РК*$_{п}$; *РК*, *РП*, *РЦ* если рассказывать, выйдет даже презанимательная *и т. д. как в тексте*

Стр. 200

2 *Вместо* «только, можете вообразить»: только, сударь мой, вы можете себе представить *РК*$_{п}$

9 *Вместо* «можете представить»: можете вообразить *РК*$_{п}$

18 *Вместо* «сказочная»: как сказочная *РК*$_{п}$

25 *Вместо* «гардины ~ такое»: гардины там, шторы *РК*$_{п}$

26 *Вместо* «ковры ~ капиталы»: ковры, Персия такая, целиком съели сотней, можете представить, без счету *РК*

30 *Вместо* «десяти синюх»: четырех синеньких *РК*

32 *Вместо* «щи»: щи эдакие *РК*$_{п}$

32 *Вместо* «Видит, заживаться нечего»: Ну, заживаться, видит, нечего $РК_{п}$

33 *Вместо* «Расспросил ~ такой-то»: На другой же день, сударь мой, решился идти к министру *РК*, $РП_{п}$

37 *Вместо* «не возвращались ~ за границей»: не возвращались из-за границы $РК_{п}$; *РК*—не возвращались из Парижа *(следующие слова:* за границы *ошибочно остались не зачеркнутыми и в РП Гоголь после слова:* Парижа *вставил* всё было, *не согласовав окончание следующего).*

Стр. 201

1 *Вместо* «это составит»: всё это составит $РК_{п}$

2 *Вместо* «натащил на себя»: натянул свою $РК_{п}$; подергал метелкой *РК*

3 *Вместо* «отправился ~ к вельможе»: отправился к министру *РК*, $РП_{п}$

4 *Вместо* «Расспросив ~ указав»: Расспросил у будочника квартиру. «Вот, говорит, указал *РК*, $РП_{п}$

7 *Вместо* «так что вазы ~ на стенах»: всё это мрамор везде $РК_{п}$

13 *Вместо* «словом ~ такие»: словом, сударь мой, гебены, лаки такие, что просто $РК_{п}$

22 *Вместо* «когда генерал»: когда министр *РК*, $РП_{п}$

27 *Вместо* «Генерал»: Министр *РК*, $РП_{п}$

28 *Вместо* «А в приемной ~ А, говорит, хорошо, говорит»: А в приемной уж, понимаете, народу, как бобов на тарелке. Всё это четвертого класса, полковники, а кое-где и толстые золотые макароны блестят на эполетах — генералитет, словом, такой... Наконец, министр выходит. Ну, подошел к одному, к другому: «Зачем вы, зачем вы, что вам угодно». Наконец, к Копейкину. Копейкин собравшись с духом: «Так и так, ваше превосходительство: проливал в некотором роде кровь, лишился, так сказать, руки и ноги, работать не могу — осмелился просить монаршей милости». Министр видит: человек на деревяжке, и правый рукав пустой пристегнут к мундиру. «Хорошо», говорит, «понаведайтесь на днях». Вот, сударь мой, не прошло четырех или пяти дней, мой Копейкин является опять. Министр, понимаете, тотчас его узнал. «А, говорит $РК_{п}$

28 *Вместо* «уж народу»: уж, понимаете, народу *РК*, $РП_{п}$; *РП*—уж народу как

33 *Вместо* «Вельможа входит»: Министр входит *РК*, $РП_{п}$; *РП*—Генерал входит

36 *Вместо* «Всё ~ разумеется»: Всё разумеется *РК*, $РП_{п}$

38 *Вместо* «в некотором роде»: и в некотором роде *РК*, *РП*

Стр. 202

1 *Вместо* «Министр или вельможа»: Министр *РК*, $РП_{п}$; *РП*—Генерал или Вельможа

4 *Вместо* «превосходительство»: высокопревосходительство *РК*, *РП*

6 *Вместо* «Министр видит»: Генерал видит *РП*

8 *Вместо* «Копейкин мой выходит чуть»: Копейкин мой чуть *РК*, $РП_{н}$

9 *Вместо* «так сказать, с первостатейным вельможею»: относительно, так сказать, с министром *РК*, $РП_{н}$; *РП* — *а.* так сказать с генерал-аншефом; *б. Как в тексте*

11 *Вместо* «В духе, понимаете»: В духе он, понимаете *РК*, $РП_{н}$

14 *Вместо* «пулярку спросил»: пулярку спросил, чорт побери *РК*, $РП_{н}$

20 *Вместо* «пусть после»: после *РК*, $РП_{н}$

23 *Вместо* «Так и так ~ услышать»: Пришел, говорит, услышать *РК*, $РП_{н}$

26 *Вместо* «Вельможа, можете вообразить»: Министр понимаете *РК*, $РП_{н}$; *РП* — Генерал, можете вообразить

28 *Вместо* «сказать вам»: вам сказать *РК*, *РП*

33 *Вместо* «в положении ~ объясню»: в положении, в некотором роде, сомнительном, не получивши, так сказать, ни да, ни нет, а между тем можете вообразить себе столичная жизнь становится для него с каждым часом затруднительнее. Думает себе: пойду опять к министру: как хотите, ваше высокопревосходительство $РК_{н}$

35 *Вместо* «пей да веселись»: гуляй да веселись *РК*, $РП_{н}$

Стр. 203

2 *Вместо* «Словом ~ не принимает»: Приходит, — говорят: нельзя, министр не принимает $РК_{н}$; *РК*, $РП_{н}$ — Словом, приходит он, сударь мой, опять, — говорят: нельзя: министр не принимает

5 *Вместо* «А между тем ~ в кармане»: У моего Копейкина всего на все‹го› остается какой-нибудь полтинник $РК_{н}$

11 *Вместо* «повар ~ снегам»: повар там, собака, можете себе представить, иностранец, белье на нем чистейшее голландское $РК_{н}$

22 *Вместо* «а с другой-то ему подносят»: а ему подносят *РК*, $РП_{н}$

25 *Вместо* «пролезть штурмом, понимаете»: пролезть к министру *РК*, $РП_{н}$

28 *Вместо* «Вельможа»: Министр *РК*, $РП_{н}$

36 *Вместо* «Но, говорит сановник ~ на казенный счет»: Он-то хотел прибавить: «а носом и подавно ничего не сделаешь, только разве высморкаешься, да и для того нужно купить платок». Только министр, сударь мой, или уж он ему надоел так, или в самом деле, он может, занят был делами государственными, начал, можете себе представить, сердиться: «Ступайте же», говорит: «у меня много таких, как вы; ожидайте спокойно». А мой Копейкин, голод, знаете, пришпорил его: «Как хотите, говорит: ваше высокопре-

восходительство, не сойду с места до тех пор, пока не дадите надлежащей резолюции». И, сударь мой! Можете себе представить, министр вышел из себя. В самом деле, до тех пор, может быть, еще не было в летописях мира, так сказать, чтобы какой-нибудь Копейкин осмелился так говорить с министром. Можете себе представить, каков должен быть рассерженный министр, так сказать, государственный человек, в некотором роде. «Грубиан», закричал он: где фельдъегерь? *РК*$_{п}$; *РК — а. Начато:* Ну, министр в самом деле был занят государственными делами и; *б.* Видит: со всех сторон его [ждут] ожидают дела, может быть, что судьба человечества, а тут еще вертится такой докучайный, сказал ст‹рого›: «Ступайте же, говорит: у меня много таких как вы; ожидайте спокойно». А мой Копейкин, голод, знаете, пришпорил его: «Как хотите, говорит: ваше высокопревосходительство, не сойду с места до тех пор, пока не дадите надлежащей резолюции». Но, сударь мой, вы можете себе ‹представить›, что отвечать таким образом министру неприлично. Это нашему даже брату если бы подведомственный чиновник скажет таким образом, так и то уж грубость. Ну, а тут какой-нибудь Копейкин. Министр больше ничего, как только взглянул, [а взгляд] а глаз-то, понимаете, огнестрельное оружие, ядро пушечное: душа ушла не туды, куды следует, а в пятки. Но видя, что Копейкин не сдвигнется, говорит, и еще довольно милостиво — иной бы, понимаете, такую дал отстрастку, что дни [ворочалось] три ходило бы в голове всё вверх ногами: — Если вы говорите, что вы точно здесь проживаетесь и вам [здесь] нельзя ожидать, то я вас препровожу на казенный счет. Позвать фельдъегеря — препроводить его на место жительства.

36 *Вместо* «сановник»: министр *РК*, *РП*$_{п}$

36 *Вместо* «согласитесь»: вы сами примите, относительно так сказать, в соображение *РК а; б. Как в тексте*

38 *Вместо* «они имеют»: они тоже имеют *РК а; б. Как в тексте*

38 *Вместо* «Вооружитесь»: Погодите, вооружитесь *РК а; б. Как в тексте*

Стр. 204

4 *Вместо* «Вельможе»: Министру *РК*, *РП*$_{п}$

8 *Вместо* «неотвязчивый»: этот неотвязчивый *РК а; б. Как в тексте*

9 *Вместо* «говорит»: говорит министр *РК*, *РП*$_{п}$

10 *Вместо* «в некотором роде»: в некотором политичном роде *РК а; б. Как в тексте*

14 *Вместо* «вельможе»: министру, вельможе [человеку облеченному в сан] *РК*, *РП*$_{п}$

17 *Вместо* «так уж»: так вот уж *РК а; б. Как в тексте*

18 *Вместо* «генерал-аншеф»: министр *РК*, *РП*$_{п}$

19 *Вместо* «90 рублей»: 90 рублей, понимаете *РП а; б. Как в тексте*

20 *Вместо* «Генерал»: Министр *РК*, $РП_{и}$

24 *Вместо* «Впрочем сказать правду»: Впрочем *РК*, $РП_{и}$

26 *Вместо* «улица»: вся улица *РК а; б. Как в тексте*

28 *Вместо* «решенья вашей участи»: решения дела *РК а; б. Как в тексте*

29 *Вместо* «препроводить ~ жительства»: препроводить его, говорит, с фельдъегерем на место жительства *РК*

37 *Вместо* «генерал ~ средств»: министр, говорит, сам сказал, чтобы я поискал средств $РК_{и}$

37 *Вместо* «генерал : министр *РК*, $РП_{и}$

Стр. 205

10 *После* «другой»: как наш капитан Копейкин; набрал он из разных беглых солдат, некоторым образом, банду целую. Это было, можете себе представить, тотчас после войны: всё привыкло, знаете, к распускной жизни, всякому жизнь — копейка, забубень везде такой хоть трава не расти; словом, сударь мой, у него просто армия. По дорогам никакого проезда нет, и всё это собственно, так сказать, устремлено на одно только казенное. Если проезжающий по какой-нибудь своей надобности — ну, спросят только, зачем — да и ступай своей дорогой. А как только какой-нибудь фураж казенный, провиант или деньги — словом, всё, что носит, так сказать, имя казны — спуска никакого! Ну, можете себе представить, казенный карман опустошался ужасно. Услышит ли, что в деревне приходит срок платить казенный оброк, он уж там. Тот же час требует к себе старосту: «подавай, брат, казенные оброки и подати!» Ну, мужик видит, эдакой безногой чорт, на воротнике-то у него, понимаете, жар-птица, красное сукно — пахнет, чорт возьми, оплеухой. «На, батюшка, вот тебе, отвяжись только»; думает уж верно какой-нибудь капитан-исправник, а может еще и хуже. Только, сударь мой, деньги, понимаете, примет он как следует и тут же крестьянам пишет расписку, чтобы некоторым образом оправдать их, что деньги, точно, мол, взяты, и подати сполна все выплачены, и принял вот такой-то капитан Копейкин; еще даже и печать свою приложит — словом, сударь мой, грабит да и полно. Посыланы были несколько раз команды изловить его, но Копейкин мой и в ус не дует. Голодеры, понимаете, собрались все такие... Но, наконец, может быть испугавшись сам, видя, что дело, так сказать, заварил не на шутку, и что преследования ежеминутно усиливались, а между тем, деньжонок у него набрался капиталец порядочный, он, сударь мой, за-границу, и за-границу-то, сударь мой, понимаете, в Соединенные Штаты, — и пишет оттуда, сударь мой, письмо к государю красноречивейшее, какое только можете вообразить. В древности

Платоны и Демосфены какие-нибудь, всё это, можно сказать, тряпка, дьячек в сравнении с ним. «Не подумай, государь», говорит: «чтобы я того и того...» Круглоту периодов запустил такую... «Необходимость», говорит: «была причиною моего поступка; проливал кровь, не щадил, некоторым образом, жизни, и хлеба, как бы сказать, для пропитания нет теперь у меня. Не наказуй, говорит, моих сотоварищей, потому что они невинны, ибо вовлечены, так сказать, собственно мною, а окажи лучше монаршую свою милость, чтобы впредь, то есть, если там попадутся раненые, так чтобы, примером, за ними эдакое, можете себе представить, смотрение...» Словом, красноречиво необыкновенно. Ну, государь, понимаете, был тронут. Действительно, его монаршему сердцу было прискорбно, хотя он, точно, был преступник и достоин, в некотором роде, смертельного наказания, но, видя, так сказать, как может, невинный иногда произойти — подобное упущение; да и невозможно, впрочем, чтобы в тогдашнее смутное время всё было можно вдруг устроить; один бог, можно сказать, только разве без проступков. Словом, сударь мой, государь изволил на этот раз оказать беспримерное великодушие: повелел остановить преследование виновных, а в то же время издал строжайшее предписание составить комитет исключительно с тем, чтобы заняться улучшением участи всех, то есть, раненых — и вот, сударь мой, это была, так сказать, причина, в силу которой положено было основание инвалидному капиталу, обеспечившему, можно сказать, теперь раненых совершенно, так что подобного попечения, действительно, ни в Англии, ни в разных других просвещенных государствах не имеется. Так вот кто, сударь мой, этот капитан Копейкин. Теперь я полагаю вот что: в Соединенных Штатах денежки он, без сомнения, прожил, да вот и воротился к нам, чтобы еще как-нибудь попробовать, не удастся ли, так сказать, в некотором роде, новое предприятие. $РК_{II}$

11 *Вместо* «вдруг ~ его»: на это *РК*, $РП_{II}$

13 *Вместо* «без руки и ноги»: без руки и без ноги *РК*, *РП*, *РЦ*

15 *Вместо* «по своему лбу»: по лбу *РК*, *РП*

17 *Вместо* «ему»: к нему *РК*, *РП*

18 *Вместо* «поговорка»: пословица *РП*, *РЦ*; *РК*, $РП_{II}$ — пословица, говорящая что

19 *Вместо* «попробовал было»: пробовал *РК*

21 *Вместо* «один изобрел»: изобрел один $РК_{II}$

24 *Вместо* «отыскать его»: отыскать *РК*, *РП*

25 *Вместо* «Но все»: Все однако же *РК*, $РП_{II}$

30 «наконец одно было» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — было наконец одно

35 *Вместо* «и под»: и что под *РК*, $РП_{II}$

36 *Вместо* «если что не так»: вот только что-нибудь не так *РК*

37 *Вместо* «И вот»: и что вот *РК*, *РП*, *РЦ*

Стр. 206

1 *Вместо* «и вот он ~ будто бы Чичиков»: так вот он и пробрался теперь в Россию, представляя вид, будто Чичиков *РК; РП — а.* Будто так вот он теперь *и т. д. как в тексте; б. РЦ* — и что вот он теперь *и т. д. как в тексте*

11 *Вместо* «Может быть ~ рассказывается»: Здесь автор должен обратиться к читателю: он, право, не знает, как ему быть, и почти уверен, что назовут всё это невероятностью; сказать правду, он, с своей стороны, считает также это почти невероятным, но, как нарочно, всё это была совершенная правда $РК_{п}$

13 *Вместо* «всё»: всё это *РК, РП, РЦ*

13 «и тем ~ столиц» *нет МД (вычеркн. ценз.)*

14 *Вместо* «что город ~ недалеко»: что самый город был не так далеко $РК_{п}$; *РК* — что город был не в глуши [какой-нибудь], а напротив *и т. д. как в тексте*

15 *Вместо* «Впрочем ~ вскоре»: Нужно помнить, что всё происходило скоро *РК*, $РП_{п}$

16 *Вместо* «вскоре»: скоро *РК*

23 «мерку» *РК; РП, РЦ, МД* — меру

26 «пророка» *РК, РП,* $РП_{п}$; *РЦ, МД* — предвещателя *(ценз. иск.)*

27 «пророк» *РК, РП,* $РП_{п}$; *РЦ, МД* — предвещатель *(ценз. иск.)*

36 *Вместо* «тоже ~ об этом»: невольно подумывали тоже *РК*, $РП_{п}$

Стр. 207

2 «открыли даже» *РК; РП, РЦ, МД* — даже открыли

4 *Вместо* «спохватились»: схватились *РК*, $РП_{п}$

8 *Вместо* «и был, как говорится»: и притом как видно из слов его, был, кажется, *РК; РП, РЦ* — был, как говорится,

9 *Вместо* «стало ~ сомнения»: может быть $РК_{п}$

20 *Вместо* «изломает»: выломает и изломает *РК*, $РП_{п}$

20 «выворотит» *МД; РК, РП, РЦ — нет*

20 *Вместо* «оно»: это $РК_{п}$

23 *Вместо* «бабе ~ за плевками»: шарлатану $РК_{п}$

29 *Вместо* «что»: «в то время» *РК; РП, РЦ, МД* — в это время

29 *Вместо* «что»: что ведь $РК_{п}$

30 *Вместо* «чуть не»: слава богу, без малого $РК_{п}$

31 *Вместо* «если ~ щепку»: и едва ли не затрещит под ним четырехсаженная доска, но, однако ж, он хватается и за щепку $РК_{п}$

31 «целых» *РЦ, МД; РК, РП — нет*

31 *Вместо* «но не приходит»: не приходит *РК*

37 *Вместо* «был»: был в то время $РК_{п}$

38 *Вместо* «не выходил он»: не выходил *РК*

Стр. 208

1 *Вместо* «в окошко»: из маленького окошка *РК*, $РП_{п}$

10 *Вместо* «прочитал»: начитал *РК*

12 *Вместо* «смягчился в ту ж минуту»: несколько смягчился *РК*, $РП_{н}$

13 *Вместо* «ключом»: на ключ *РК*, $РП_{н}$

13 *Вместо* «оделся как попало и»: одевшись как попало *РК*

19 *Вместо* «твердости и уверенности»: уверенности *РК; РП* — верности *(ошибка переписчика)*

21 *Вместо* «накупил»: накупил точно *РК; РП, РЦ* накупил много

24 *Вместо* «что еще»: что и *РК*

27 *Вместо* «240»: 400 *РК, РП*

28 *Вместо* «200»: 400 *РК, РП*

33 *Вместо* «дом ~ все»: его ~ переменил *РК*

36 *Вместо* «точно ли»: правда ли *РК*, $РП_{н}$

Стр. 209

7 «находилась» *РК, РП, РЦ, МД*$_2$; *МД* — находились *(опечатка)*

17 *Вместо* «ни на что не имела»: не имела никакого *РК*, $РП_{н}$

18 *Вместо* «все отошли»: отошли *РК*

18 *Вместо* «долго ~ слушал»: наклонивши голову, продолжал еще слушать *РК*

21 *Вместо* «все ~ в том»: решили чиновники $РК_{н}$

22 «от него» *нет РК*

25 *Вместо* «какого рода созданье»: что такое *РК*, $РП_{н}$; *РП, РЦ* — что за созданье

25 *Вместо* «мудр»: как бывает он и мудр и $РК_{н}$

27 *Вместо* «твердыми»: и мудрыми $РК_{н}$

Стр. 210

6 *Вместо* «А между ~ человеке»: Еще одна жизнь убежала из мира, и всё совершилось в одну минуту. И $РК_{н}$; *РК*, $РП_{н}$ — И появление смерти ~ страшно оно и в большом мире

9 *Вместо* «часто виден между чиновников»: часто между чиновниками *РК*, $РП_{н}$

15 *Вместо* «Но это ~ заблужденьям»: И всё это могло случиться так быстро? И могли так спутаться, сбиться с толку и растеряться чиновники, могли так отдалиться от прямого дела, заехать в такую околесину, сами так напугать себя, напутать такой вздор, что и ребенок даже видит, что это вздор — и всё это правда? И не выдумка это чересчур пересоленная? И много найдется умников, которые скажут: «нет, это невозможно!» — и раздастся, и отдастся во всех прочих рядах, невинно повторяющих чужие речи: «нет, это невозможно!» И произведут бедных чиновников моих в пошлейших дураков, ибо люди от души щедры на слово «дурак» и готовы несколько раз на день прислужиться им своему ближнему. И будут довольны они, что уничтожили несообразность и обличили в ней автора, и похвалят себя — и поделом: хвала и честь остроумию!

А разверните гремящую летопись мира, что в ней? Сколько в ней предстанет очам столетий, которые бы все уничтожил и изгладил, как ненужные; видишь, как не один раз отшатнулось человечество и пошло по косвенной, неверной дороге, тогда как истина сияла яснее солнца, и, кажется, весь открыт был прямой путь, по которому должно бы было потечь оно; но отшатнулось ослепленное, не замечая, и, раз попавши на ложную дорогу, пошло столетиями блуждать и теряться, пока не очутилось вдруг в неведомой глуши, вопрошая испуганными очами: «Где выход? где дорога?» И родились, как посыпавшиеся листья, как черви в дождь, неслыханные следствия от незаконных причин, и произошли дела, которых не признали бы своими сами сотворившие их, а от которых бы со страхом отвратились отдаленные отцы их, как отвращается мать от чудовища, подкинутого на место сына. И видит всё это текущее поколение, и видит ясно, и дивится как можно было подобным образом заблуждаться, и $РК_{ц}$.

К этому месту относится набросок на отдельном листке (РК): означенных непостижимыми заблуждениями ясных ныне младенцу, которые ныне видят все, когда видит слепой, и бессмысленно вращалось часто челове‹чество›, не зря вещей,[1] доступных младенцу. Какими дальними искривленными дорогами,[2] беспутными и туманными дорогами стремилось оно к ‹истине›, тогда как в виду был к ней широкий, великий, прямой, открытый путь, подобный тому пути, который ведет к великолепным царским палатам,[3] ведущий к [храмине] блистающей чистотой, к великолепному чуду зодчества,[4] согласно воздвигнутому громадой из бесчисленных колонн, куполов, статуй, резьбы и [всяких] украшений, назначенному быть жилищем семейства царя. Всех других ширее путей и дорог, ширее и и роскошнее,[5] он огражден и сияющий всю ночь искусственными огнями, фонарями,[6] и сколько раз мимо его по искривленным закоулкам текло человечество мимо прямого пути, струились люди в вечные проселки и закоулки, не зря, не видя света, прямую дорогу, умели и тут ‹?› И сколько раз наведенные выше рожденным [умели] они с него, с прямого пути отшатнуться с широкого и свернуть почти в переулки и среди света, среди бела дня, сбиться с дороги искусства,[7] создать туман и потом блуждать и теряться, забившись, наконец, в безысходную глушь, со всех ‹сторон› окруженные тоскуют, со страхом и ужасом[8] вопрошая друг друга: «Где выход? где дорога?» И тяжко становится душе высокой,

---

[1] не видя вещей [2] *Далее начато:* заглохшими дорогами, противоположными [3] подобный просторному, широкому, озаренному блеском сияющих фонарей пути [4] *Далее начато:* громадной [5] *Далее начато:* просторнее [осеняемый] весь освещенный солнцем [6] *Далее начато:* и мутно [7] *Далее было:* туман в глаза другого напустить [8] *Далее начато:* спрашивая

болезнью объемлется, видя ‹*3 нрзб.*›, и слезы готовы хлынуть и пробегаемые[1]

Не смущается текущее поколение, не болеет болезнью, напротив посмеется над неразумием, видя так ярко и живо их заблужденья, легкомыслие, дивится, как можно было не зреть того, что было отвсюду зримо, не слышать того, что было слышно.

15 *Вместо* «однако ж»: однако *РК*, *РП*$_{п}$

23 «девяти других»[2] *РК; РП, РЦ, МД* — девяти

25 *Вместо* «делается»: делалось *РК*, *РП*, *РЦ*

35 *Вместо* «всю ночь»: ночью *РК*, *РП*$_{п}$

Стр. 211

4 *После* «где дорога? : [и родились, посыпались грозные следствия бесчисленно, как черви в дожди, как рождаются [черные наросты] в ненастное время черные наросты, зовомые спорыньем, которыми вся покрывается нива, страшные предвестники глада. Отвратились бы содрогнувшись от таких следствий отдаленные творцы их, как отвращается мать от чудовища, рожденного на место сына. И видит теперь ясно всё текущее поколенье, дивится заблужденьям *РК*

6 *Вместо* «не зря»: смеется не видя *РК*$_{п}$; *РК*, *РП*$_{п}$ — не видя

6 *Вместо* «небесным ~ в ней»: огненными письменами начертаны сии страницы, что кричит в них *РК*$_{п}$

7 *Вместо* «устремлен»: устремлен из нее *РК*$_{п}$

12 *Вместо* «в то»: в это *РК*, *РП*$_{п}$

19 *Вместо* «чем-нибудь»: как-нибудь *РК*$_{п}$

21 *Вместо* «какой-то ~ отыскавшийся»: Герцогиню Лавальер, отыскавшуюся *РК*$_{п}$

22 *Вместо* «в ларце»: даже и в ларце своем *РК*$_{п}$

24 *Вместо* «Никак»: Никаким образом *РК*$_{п}$

24 *Вместо* «что бы»: что бы это *РК*, *РП*$_{п}$

25 *Вместо* «не приехал ~ произнес»: не приезжает навестить его, тогда как прежде случалось это так часто. Наконец, он обрадовался, как бог знает чему, когда почувствовал, что можно выдти из комнаты. Выход его, как всякого выздоровевшего человека, был радостен, точно праздник; одевался он с удовольствием, еще с большим удовольствием расположился бриться, ибо любил это занятие. На сей раз пощупавши свою бороду и посмотревши в зеркало, он не мог удержаться, чтобы не сказать *РК*$_{п}$

28 «Он дивился этому не мало, и пожимал» *РК; РП*$_{п}$ — Он и пожимал; *РП, РЦ, МД* — Он пожимал

31 *Вместо* «выйти на свежий»: выдти и на *РК; РП*$_{п}$ — быть и на

31 *Вместо* «Не откладывая ~ он»: Не откладывая времени принялся *РК*, *РП*$_{п}$

---

[1] *Далее следует текст, не поддающийся прочтению; можно разобрать лишь отдельные слова.* [2] *РК — а.* других сторон; *б. Как в тексте.*

32 *Вместо* «налил ~ мыло»: начал возить щеткой по мылу *РК*, *РП*$_{п}$

34 *Вместо* «потому что»: потому что уже раз *РК*; *РП*$_{п}$ — потому что раз

35 *Вместо* «он уже»: он *РК*

35 «эк его» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — эк

37 *Вместо* «высыпал»: высыпался *РК*, *РП*, *РЦ*

38 *Вместо* «принялся ~ отправился тут же»: вымывшись, вытершись самым воскресным порядком, надев чистое белье, а потом панталоны, фрак и вычистившись со всех сторон и метлой и щеткой, отправился он прежде всего сделать визит губернатору. Идя дорогою, он несколько раз улыбался, думая кое о чем приятном, читатель, может быть, даже догадывается кое о чем; но изумление Чичикова превзошло всякие меры, когда швейцар встретил его весьма лаконическим ответом: «не принимает». Он натурально заметил ему, что не ошибся ли он как-нибудь и не принял ли его за кого-нибудь другого, и чтобы-де доложил просто, что вот-де Павел Иванович пришел; но швейцар ответил, что он-то хорошо знает и что его-то именно и не велено пускать. Это совершенно озадачило его. Он отправился в ту же минуту *РК*$_{п}$; *РК* — принялся он ~ блондинка и воображение, уже занялось даже некоторыми шалостями, так что он уже сам начинал над собою подсмеиваться слегка. В таком духе очутился перед губернаторским подъездом и уж стал он было в сенях сбрасывать ~ — Как не узнать, я вас узнал, — сказал швейцар ~ с каким прежде бежал снимать с него шинель. Казалось, он думал, глядя на него: уж коли тебя, брат, даже гоняют от крыльца, так ты видно так себе, что ни попало, шушера какой-нибудь. *И т. д. как в тексте*

Стр. 212

11 *После* «В таком духе»: [был он, когда] *РП*

26 «что ни попало» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД нет*

29 *Вместо* «наговорил ~ к другим»: что-то сказал ему такое, что Чичиков усумнился даже в здоровьи его головы. Оставив его, зашел *РК*$_{п}$

29 «наговорил ему» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — наговорил

30 *Вместо* «Уходя»: и Чичиков уходя *РК*, *РП*$_{п}$

31 *Вместо* «Чичиков ~ дорогою»: дорогою изъяснить *РК*, *РП*$_{п}$

32 «слова его» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — слова, но

33 *Вместо* «Потом»: Он *РК*, *РП*$_{п}$

34 *Вместо* «почтмейстеру»: сему-другому *РК*, *РП*$_{п}$

34 *Вместо* «или не ~ или приняли»: приняли его *РК*$_{п}$

35 *Вместо* «и непонятный»: такой непонятный *РК*$_{п}$

36 *Вместо* «так»: так смутились и *РК*$_{п}$

37 *Вместо* «что он ~ было»: этого, что герой наш, с своей стороны, чуть не потерял тоже голову. Он попробовал *РК*$_{п}$

Стр. 213

1 *Вместо* «и не»: но не $РК_{II}$

1 *Вместо* «никакой причины»: никакого толку $РК_{II}$

1 *Вместо* «Как полусонный ~ чаю»: Без цели бродил он по городу и в сумерки возвратился домой. От скуки или просто с горя он приказал подать себе чаю, хотя знал, что чай во многих губернских трактирах запахом бывает похож несколько на табак $РК_{I}$

1 *Вместо* «полусонный»: полуумный *РК*, $РП_{II}$

4 «Поздо» *МД; МД*$_2$ — Поздно

6 *Вместо* «в таком ~ духа»: в таком духе *РК*, $РП_{II}$

7 «себе подать» *РК; РП, РЦ, МД* — подать себе

9 *Вместо* «как вдруг : хлебнул и чихнул вместе, потому что чай был чистейший табак. Вдруг $РК_{II}$

11 *Вместо* «Вот говорит ~ не бываешь»:

— Здравствуй, брат Чичиков, прокричал он, а я, признаюсь, не думал тебя застать; проходя дорогой, думаю себе: дай-ка, зайду навестить приятеля; смотрю — в окошках огонь... Здравствуй, душа, как поживаешь?

Чичиков отвечал очень сухо и даже показал ясно, что совсем не обрадовался его приходу, но подобных обстоятельств Ноздрев не примечал.

— Да что ты, право, так отдалился от всех? — говорил Ноздрев $РК_{II}$

31 *Вместо* «и любит»: и охотник *РК, РП, РЦ*

35 *Вместо* «это ~ неизвестно»: нам тоже никак не понятно $РК_{II}$

36 *Вместо* «вот уж где смех был»: Карты, если бы ты увидал, просто блины; только, как говорит Кувшинников, шлепать крепостных людей по щекам; и можешь себе представить, какая была умора $РК_{II}$; *РК — а.* Я бы уж обыграл всех непременно, потому что все игравшие были тюфяки, но мешал просто смех, вообрази, карты совершенные блины; *б. Как в тексте*

Стр. 214

1 *Вместо* «ведь ты»: ведь ты тогда $РК_{II}$

3 *Вместо* «Да, брат ~ меня»: Зажилил, душа, право, зажилил $РК_{II}$

3 *Вместо* «ты, просто»: просто ты *РК, РП*

3 *Вместо* «меня»: у меня *РК, РП*

3 *Вместо* «Но»: Ну *РК, РП, РЦ*

8 *Вместо* «и, уж ~ порядочную : слил пулю порядочную $РК_{II}$

10 *Вместо* «приподнявшись»: вскочив $РК_{II}$

12 *Вместо* «Зачем ты, однако ж»: Зачем же ты, однако $РК_{II}$

13 «тебя и в разбойники» *РК; РП, РЦ, МД* — тебя в разбойники

14 *Вместо* «А прокурор»: Прокурор *РК*

16 «чтобы ~ не выиграешь» *нет МД (вычерк. ценз.)*

23 *Вместо* «Какое ~ будут мои»: увезти губернаторскую дочку: я ждал этого, ей богу, ждал. В первый раз, как увидел я вас на бале

вместе. Ну, думаю, Чичиков не даром... Послушай, брат, уж так и быть, я венца тебе подержу, и коляска будет моя, и переменные лошади *РК*$_{п}$

28 *Вместо* «родственница ~ коленкор»: только, только что развернулась, так уж это точно можно сказать: чудо *РК*, *РП*$_{п}$

32 *Вместо* «экой»: что за *РК*, *РП*$_{п}$

33 «Так и быть» *нет РК*

34 *Вместо* «венец»: венца *РК*, *РП*

35 «взаймы три тысячи» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — три тысячи взаймы

37 *Вместо* «протирал ~ во сне ли»: не знал, на яву ли, или во сне *РК*, *РП*$_{п}$

Стр. 215

5 *Вместо* «более»: далее *РК*; *РП*$_{п}$ — долее

6 *Вместо* «Он ~ тот же час»: Сбывши кое-как с рук Ноздрева, он призвал к себе *РК*$_{п}$

6 «сбыть поскорее с рук» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — сбыть поскорее

9 *Вместо* «чтобы ~ пересмотрено»: чтобы с вечера всё, что нужно, было приготовлено, всё пересмотрено *РК*; *РП*$_{п}$ — всё пересмотрено

13 «порядочною» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — порядочно

17 *Вместо* «не могло ~ задержки»: не могла случиться никакая задержка *РК*, *РП*$_{п}$

21 «толстыми сапогами мокрые следы» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — мокрыми сапогами следы

25 *Вместо* «опоясанном»: с опоясанным *РК*, *РП*$_{п}$

Стр. 216

1 «Ничего» *РК*, *РП*; *РЦ*, *МД* — Ничто

1 *Вместо* «предполагал ~ он»: предполагалось. Чичиков проснулся гораздо *РК*$_{п}$

3 *Вместо* «он ~ час»: в ту же минуту послал он *РК*$_{п}$

6 *Вместо* «рассердился ~ Селифану и»: приготовился принять не очень ласково нашего друга Селифана и, полный нетерпения *РК*$_{п}$

14 *Вместо* «чушка! ~ времени?»: Здесь было вставлено выражение, в важных случаях необходимое, без которого, как замечают, на Руси дело идет вяло как-то и лениво. «Зачем же ты прежде не вздумал об этом сказать. Не было времени что ли? *РК*$_{п}$

17 *Вместо* «теперь ~ знал это, а? а?»: оно теперь подгрязнило, да и перед, Павел Иванович, у брички совсем расшатался, так что и двух станций не сделает». Герою нашему, как читатель мог видеть, становилось час от часу не легче. «Ах ты, подлец эдакой!» сказал он, подвинутый совершенно досадным состоянием души: «Какой урод тебя, дурака эдакого, на свет пустил. Да где-то у тебя глаза были до этих пор! Ведь три недели сидели на месте — хоть бы заикнулся, а вот к последнему часу и пригнал, чушка

ты проклятая! Именно к последнему часу: тут бы вот садиться да и ехать, а он тут-то именно и нагадил! Ведь ты ж знал всё это? *РК*$_{II}$; *РК* — теперь дорога ~ перед совсем расшатался ~ Подлец ты эдакой, убийца ты [мой], — вскрикнул Чичиков, вспыхнув и подошедши к нему с кулаками так, что Селифан даже несколько попятился назад и посторонился. ~ чушка ты проклятая, страшилище мирское! [Иуда ты проклятой] ~ а ты вот тут и нагадил *и т. д. как в тексте*; *РП* — теперь дорога ~ — Подлец ты, убийца ты! — вскрикнул Чичиков ~ страшилище морское *и т. д. как в тексте*; *РЦ* — теперь дорога ~ — Подлец ты, убийца ты! вскричал Чичиков ~ страшилище мирское *и т. д. как в тексте*

Стр. 217

9 *Вместо* «тогда»: ты мне тогда *РК*$_{II}$

11 *После* «казалось»: как будто безмолвно *РК*$_{II}$

12 *Вместо* «да не сказал»: да и не сказал *РК*$_{II}$

14 *Вместо* «непременно ~ рассержен»: Сказавши эти слова, Чичиков начал откапывать всякие, какие знал, выражения, уже направленные собственно не на Селифана, но неизвестно на кого, и откопал их против ожидания такое множество, как и сам не мог предполагать *РК*$_{II}$

15 *После* «я тебя»: не обвострю вколочу в землю! *РК*

17 *Вместо* «Селифан»: Селифан уже *РК*$_{II}$

17 *Вместо* «выполнить»: выполнять данное *РК*$_{II}$; *РК*, *РП* — выполнять

18 *Вместо* «сказал»: Чичиков услышал в прибавку к прежним еще кое-какие извещения *РК*$_{II}$

19 *Вместо* «сударь, чубарого»: Павел Иванович, серого-то *РК*$_{II}$

20 *Вместо* «он такой ~ продавать»: только, можно сказать, помеха другим. — Да, как раз, вот теперь, небось, пойду продавать! *РК*$_{II}$

20 «что просто» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — просто

24 *Вместо* «а на деле»: а на деле он *РК*$_{II}$

24 *Вместо* «нигде ~ вышел»: то есть нигде не найдешь» — «Будет время подумать об этом в другом месте; ступай за кузнецами» *РК*$_{II}$

28 *Вместо* «потасовку»: дерку *РК*, *РП*$_{II}$

35 *Вместо* «Как он»: Чичиков как *РК*, *РП*$_{II}$

38 *Вместо* «характер: не только»: характер и не только *РК*, *РП*, *РЦ*

Стр. 218

1 *После* «работой»: около брички *РК*$_{II}$

3 *Вместо* «он ~ испытать»: Чичиков испытал *РК*$_{II}$

7 *Вместо* «плетущихся людей, толкующих»: плетущиеся фигуры, толкующие *РК*$_{II}$

8 *Вместо* «с каким-то»: с каким *РК*, *РП*

8 *Вместо* «поднимающих»: изредка подымающие *РК*$_{II}$

9 *Вместо* «взглянув»: взглянувши *РК*$_{II}$

12 *После* «окон»: и надоевшая вывеска $РК_{II}$
13 *После* «подходящей»: в это время $РК_{II}$
15 *Вместо* «притупленное»: противувольное $РК_{II}$
16 *Вместо* «и душит»: нельзя сказать, чтобы думая, нельзя сказать, чтобы не думая, и только с досады душит $РК_{II}$
21 *Вместо* «пересчитав»: считая $РК_{II}$
22 *Вместо* «пожелав»: пожелавши всякого $РК_{II}$
22 *Вместо* «Наконец и бричка»: Бричка наконец $РК_{II}$
23 *Вместо* «калача»: калачи *РК*
23 *Вместо* «положены туда»: были положены в бричку $РК_{II}$
25 *Вместо* «наконец»: наш $РК_{II}$
26 *Вместо* «демикотоновом»: демикотонном *РК*
28 *Вместо* «всяких ~ выезд»: разных других сопровождающих выезд обстоятельствах $РК_{II}$; *РК* — при всяких также обстоятельствах, сопровождающих выезд
31 «может быть даже» *РК*, *РП*; *РЦ*, *МД* — может быть
35 *Вместо* «усевшись»: уселся *РК*, $РП_{II}$
35 *Вместо* «заложил»: заложив *РК*, $РП_{II}$
37 *Вместо* «экипаж пошел опять»: пошел опять экипаж *РК*, $РП_{II}$

Стр. 219

2 *Вместо* «заборы»: забор *РП*, *РЦ*
2 *Вместо* «также»: тоже *РК*, $РП_{II}$
6 *Вместо* длину ее»: длину улицы $РК_{II}$
7 *Вместо* «высунувшись ~ спросить»: высунулся, чтоб рассмотреть $РК_{II}$
8 *Вместо* «и узнал ~ прокурора»: гроб был открыт и несен на траурном катафалке. С каким-то неизъяснимо странным чувством и почти даже с испугом узнал он прокурора: те же неподвижные черты, какие видны были на нем и при жизни; один нос только, казалось, сделался больше и острее. Густые брови были также приподняты над закрытыми глазами $РК_{II}$
11 *Вместо* «остановлен»: арестован $РК_{II}$
13 *Вместо* «и пеших ~ стеклышки»: и пешком и в каретах. Он сам отчасти занялся рассматриванием в стеклышко, находившееся $РК_{II}$; *РК* — и пеших и ехавших, он приказал им ~ лакеев, и сам принялся рассматривать робко сквозь стеклышко, находившееся; *РП*, *РЦ* — и пеших и ехавших, барин, приказав им ~ стеклышко, находивше-<е>ся
17 *Вместо* «Он начал»: Заметив их, он начал *РК*, $РП_{II}$
20 *Вместо* «какие ~ ведут»: которые обыкновенно плетут $РК_{II}$
28 *Вместо* «хлопотали»: говорили *РК*, $РП_{II}$
32 *Вместо* «произнесши от души»: от души произнес *РК*, $РП_{II}$
34 *Вместо* «к прискорбию»: к всеобщему прискорбию *РК*, *РП*, *РЦ*
38 *Вместо* «всего»: всего, может быть $РК_{II}$

Стр. 220

4 «поворачивала» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — поворотила

6 *Вместо* «конец»: приближавшийся конец $РК_п$

7 *Вместо* «ничего»: ничего уже $РК_п$

10 *Вместо* «и бойким ~ руке»: мужиком, несущим в руке овес, ребятишками, горшками $РК_п$; *РК*, $РП_п$ — хозяином, бегущим из постоялого двора с овсом в руке

14 *Вместо* «чинимые мосты»: подчиняемый мост *РК*

16 *Вместо* «горохом»: порохом *РП (ошибка переписчика)*

17 *Вместо* «подписью»: надписью *РК*

18 *Вместо* «мелькающие»: лентами мелькающие $РК_п$

22 «Бедно ~ дива природы» *РК*, *РП*, *РЦ*; *МД* — бедна природа в тебе ~ дерзкие ее дива *(ценз. искаж.)*

26 *Вместо* «в шуме ~ водопадов»: покрытые вечным шумом и пылью водопадов $РК_п$; *РК*, $РП_п$ — среди шума и в вечной пыли водопадов

27 *Вместо* «громоздящиеся ~ нею»: далеко пропадающие на дне $РК_п$

28 *Вместо* «не блеснут ~ них»: и сквозь наброшенные с плющами и тысячью растений громадные арки не блеснут $РК_п$; *РК* — Не блеснут сквозь наброшенные одна на другую темные арки [опутанные мхами, плющами] поросшие виноградными сучьями [дикими] плющем, розами и маком, не блеснут сквозь них

30 «плющем» *РК (авт.)*; *РП*, *РЦ*, *МД* — плющами

34 *Вместо* «не обольстит ~ взора»: не прельстит и не очарует в тебе $РК_п$; *РК*, *РП* — не обольстит и не очарует

37 «от моря и до моря» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — от моря, до моря

Стр. 221

23 «прижмешься» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — прижмемся

24 *Вместо* «члены»: тело *РК*, *РП*, *РЦ*

26 *Вместо* «слышатся»: слышится *РП*, *РЦ*

30 *Вместо* «темные бревенчатые и белые каменные»: темные и белые каменные *РК*

32 *Вместо* «будто»: как *РК*, *РП*, *РЦ*

Стр. 222

8 *Вместо* «летит тебе»: летит к тебе *РК*, $РП_п$

13 «слышишь» *РК*; *РП* — слышит *(ошибка переписчика)*; *РЦ*, *МД* — слышится

17 *Вместо* «невыносимый»: чертовский $РК_п$

18 *Вместо* «погибающий и тонущий»: погибающий, тонущий *РК*

24 «только изредка» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — только

26 *После* «скрылся»: что ни шлагбаума $РК_п$

28 *Вместо* «давно ушли»: давно спрятались и ушли $РК_п$

29 *Вместо* «посматривал только»: посматривал покойно *РК*

31 *Вместо* «давно»: когда-нибудь давно *РК*

31 *Вместо* «Наконец ~ и он»: Иногда только в необъемной картине, в сжатых рамках и уменьшенном виде носились перед ним городское общество, губернатор, бал, вист до петухов, осетрина, белуга, гостиница, странное смущение и последнее конфузное свидание с чиновниками, но и это становилось бледнее, бледнее, подобно последним оттискам какой-нибудь яркой гравюры или тем пятнам, которые мерещатся в глазах наших после того, как мы пристально глядели на понизившееся солнце. Долго еще эти пятна носятся перед нами, горячо и ярко отпечатываясь на всем, что ни видит глаз: на полях, озаренных вечерним блеском, с пробудившимся шумом насекомых и яркими звездами полевых цветов, приподнявшихся на тонких стеблях, на красноватой пыльной дороге, на старенькой крыше сельской лачуги, обросшей дикой полынью, на складываемых скирдах свежего сена, на мужиках, подымающих его на вилы, — словом, на всем круглятся и носятся эти пятна, сначала раскаленные и яркие, потом бледнее и наконец, уже потухнувши, они всё еще видятся перед глазами, как темные свинцовые пули. Наконец Чичиков перестал вовсе думать $РК_{п}$; *РК — между строк отдельные исправления.*

31 «когда-нибудь давно» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — давно

33 *Вместо* «признается»: признается, что $РК_{п}$

Стр. 223

3 *Вместо* «Очень ~ понравился»: Автор должен сказать, что он весьма сомневается, чтобы избранный герой его понравился $РК_{п}$; *РК — а.* Очень сомнительно, чтобы герой наш понравился читателю; *б. Как в тексте*

4 *Вместо* «утвердительно»: наверное $РК_{п}$

5 *Вместо* «решительное ~ цены»: чудом во всех частях, чтоб это было такое совершенство, чтобы ни душевного, ни телесного пятнышка в нем не было бы видно, и если какая-нибудь безделица — нос как-нибудь не так или иное не хорошо — тогда беда. Никакой цены не дастся автору, как глубоко ни загляни он ему в душу, хотя отрази чище зеркала его образ $РК_{п}$

7 *Вместо* «ему в душу»: в душу своему герою *РК*, $РП_{п}$

9 *Вместо* «Чичикова»: героя $РК_{п}$

12 *Вместо* «при всем ~ не уважают добродетельного человека»: он признается, что до сих пор еще не произвел ничего по внушению дамскому и даже чувствовал какую-то странную робость и смущение, когда дама облокотится на письменное бюро его. Теперь кончено всё; даже и смущение не забирается в его душу. Воспитанный уединением, суровой внутренней жизнию, не имеет он обычая смотреть по сторонам, когда пишет, и только невольно разве сами собою остановятся глаза на висящих по стенам портретах

Шекспира, Ариоста, Фильдинга, Сервантеса, Пушкина, отразивших природу таковою, как она была, а не таковою, как угодно было, чтобы она была. На упреки, почему не избран в герои добродетельный человек, можно отвечать одно только: потому, что нужно хоть на время дать роздых бедному добродетельному человеку; потому что добродетельного человека обратили в почтовую лошадь, и нет писателя, который бы не изъездил на нем, понукая ежеминутно кнутом и шпорами; потому что до того изморили его, что вышло теперь из него бог знает что: одни ребра да кожа, а уже и тени в нем нет никакой добродетели *РК*$_{II}$; *На полях набросок карандашом, трудно паддающийся прочтению.*

14 *Вместо* «предстанет»: и грянет *РК*; *РП*$_{II}$ — грянет и

16 «божескими» *РК*, *РП*, *РЦ*$_{II}$; *РЦ*, *МД* — божественными *(ценз. искаж.)*

25 *Вместо* «свежительной»: живою *РК*, *РП*$_{II}$

27 *Вместо* «все-таки»: все-таки покамест *РК*, *РП*$_{II}$

27 *Вместо* «в герои»: в герои романа *РК*, *РП*$_{II}$

29 «человеку» *нет РК*

31 «рабочую лошадь» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — лошадь

33 *Вместо* «кнутом»: кнутом его *РК*, *РП*$_{II}$

33 «чем попало» *РК*; *РП*, *РЦ*, *МД* — чем ни попало

36 *Вместо* «призывают»: прозывают *РК*, *РП*

37 «припрячь и подлеца. Итак, припряжем подлеца!» *РК*, *РП*, *РЦ*$_{II}$; *РЦ*, *МД* — припрячь и плутоватого. И так припряжем его, плутоватого человека *(ценз. искаж.)*

Стр. 224

3 *Вместо* «родственница»: близкая родственница *РГ*

4 *Вместо* «при его рождении»: при рождении *РГ*, *РП*$_{II}$

7 *Вместо* «матерней»: нашей *РП*$_{II}$

17 *Вместо* «чернилами»: и чернилом *РГ*$_{II}$

19 *Вместо* «знакомый»: и знакомый *РГ*, *РП*, *РЦ*

20 *Вместо* «отзывавшийся»: раздававшийся *РГ*$_{II}$

28 *Вместо* «потоками»: реками *РГ*$_{II}$

36 *Вместо* «добрались»: добрались они *РГ*$_{II}$

37 *Вместо* «мальчиком»: героем нашим *РГ*$_{II}$

Стр. 225

1 *Вместо* «которою начинался»: и в *РГ*, *РП*$_{II}$

2 *Вместо* «весь стремившийся вниз и»: весь *РГ*, *РП*$_{II}$

6 *Вместо* «расцветшими»: расцвевшими *РГ*

7 *Вместо* «садиком ~ маленьким»: садиком позади *РГ*$_{II}$

11 *Вместо* «всякое утро»: всякой день *РГ*$_{II}$

---

[1] *Далее вместо разночтений с РК приводятся разночтения окончательного текста с РГ. Дальнейший текст РК анализирован в разночтениях с РЛ (см. стр. 855—878).*

12 *Вместо* «мальчика ~ полюбовалась»: мальчика тут же по щеке, полюбовавшись *РГ*$_{п}$; *РГ* — мальчика полюбовавшись

15 *Вместо* «выбрался»: собрался *РГ*

15 *Вместо* «пролито»: видно *РГ*$_{п}$

16 *Вместо* «дана ~ важнее»: но, что гораздо важнее, дано было *РГ*$_{п}$

16 *Вместо* «расход»: расходы *РГ*

30 *Вместо* «вновь домой»: домой *РГ*, *РП*$_{п}$

33 «с другого же дни» *нет* *РГ*, *РП*$_{п}$

37 *Вместо* «дело»: всё *РГ*, *РП*$_{п}$

37 *Вместо* «повел себя»: повел себя точно таким *РГ*$_{п}$

38 *Вместо* «что они»: что больше они *РГ*$_{п}$

Стр. 226

1 *Вместо* «их не только ~ им же»: никогда ни в каком случае, даже подчас приберегши то, что досталось ему на долю, продавал его потом тем же самым, которые его угощали *РГ*$_{п}$

2 *Вместо* «ребенком»: ребенок *РП*, *РЦ*

3 *Вместо* «данной ~ к ней»: данной ему отцем на расставаньи полтины меди он не издержал ни копейки, напротив, тот же час сделал *РГ*$_{п}$

5 *Вместо* «показав ~ необыкновенную»:[1] показав таким образом большую оборотливость *РГ*, *РП*$_{п}$

6 *Вместо* «снегиря»: какого-то снегиря *РГ*$_{п}$

6 *Вместо* «Потом ~ съестного»: Потом пустился на другие спекуляции: накупивши на рынке [хлебов и пряников] [кое чего] съестного он *РГ*$_{п}$

10 *Вместо* «начинало тошнить»: начинало слегка тошнить *РГ*$_{п}$

11 *Вместо* «будто»: как будто *РГ*

12 *Вместо* «брал»: брал с него *РГ*$_{п}$

13 *Вместо* «он провозился»: провозился он *РГ*

15 *Вместо* «мышь становилась»: мышь наконец становилась *РГ*$_{п}$

17 *Вместо* «набралось»: набралось у него *РГ*$_{п}$

18 *Вместо* «мешочек»: мешок *РГ*$_{п}$

20 *После* «смирно»: как он, и как только раздавался колокольчик, он мигом схватывался с места и подавал учителю треух прежде всех (учитель ходил в треухе) *РГ*$_{п}$

23 «который уже» *РГ*; *РП*, *РЦ*, *МД* — который

25 «пошевельнуться» *РГ*; *РП*, *РЦ*, *МД* — пошевелиться

26 *Вместо* «Он ~ наказывал»: Гоним и наказываем он был *РГ*$_{п}$

Стр. 227

5 *Вместо* «там»: в классе *РГ*$_{п}$

7 *Вместо* «как только»: и как только *РП*, *РЦ*

---

[1] *Перед этим начато: а.* [Слепил]; *б.* Еще ребенок, он уже показал; *в.* показав уже в юные лета

13 *Вместо* «и при выпуске получил»: при выпуске он получил $РГ_п$; *РГ* — при выпуске получил

14 *Вместо* «за примерное ~ поведение»: за прилежание и поведение *РГ, РП*

16 *Вместо* «уже ~ наружности»: юношей *РГ, $РП_п$*

18 *Вместо* «оказались»: оказалось *РГ, РП, РЦ*

22 *Вместо* «землицей»: землишкой *РГ, $РП_п$*

25 *Вместо* «другую вину»: другое дело $РГ_п$

30 *Вместо* «мерещилась»: мерещилось *РП*

31 *Вместо* «узнавши»: узнали как-то *РГ*; $РП_п$ — узнавши как-то

31 *Вместо* «собрали ~ прибавя тут же»: Тут же собрали они деньги, какие могли, иные даже продали только что сделанное платье и отправились к Чичикову в твердой уверенности получить от него более чем от других как от человека, больше всего обязанного учителю и притом имеющему в наличности тысячу рублей, о которой пронюхали вдруг, но обманулись однако же в надежде: Чичиков отговорился неимением и предложил самую малость: пятак серебра или что-то в этом роде; товарищи бросили ему в глаза, сказавши: «Эх ты», и отправились к бедному педагогу,[1] которого нашли на соломе, высохшего, страшного, судорожно встрепенувшегося при их виде и отворотившего голову. «Вот вам, сказали они, всё, что могли собрать! Дали бы больше, но больше нет у нас. Один из нас только не дал ничего[2] и отказался прийти навестить вас: ваш Павлуша». Закрыл лицо руками бедный учитель, слезы градом полились из потухнувших очей как у бессильного дитяти. Собрав[3] всю силу голоса, приобревшего потрясающее выражение, он произнес: «При смерти на одре довелось заплакать от радости!» Потом тяжело вздохнул и прибавил тихим умирающим голосом *РГ*, $РП_п$

37 *Вместо* «погасавших»: болезненных *РП а; б. Как в тексте*

Стр. 228

6 *Вместо* «не знал»: не почувствовал $РГ_п$

7 *Вместо* «чтобы ~ это»: чтобы помощь не заключалась $РГ_п$

10 *Вместо*: «Но ~ было»: Он не имел даже $РГ_п$; *РГ*, $РП_п$ — Впрочем в нем [однако же] не было

14 *Вместо* «вот что ~ захолустьях»: и для достижения сих роскошных благ скупо прятал копейку, готовый отказать во всем как другим, так и себе самому. Несмотря на похвальные аттестаты, он с трудом однако же определился в казенную палату: и в отдаленном захолустьи $РГ_п$

---

[1] *Вместо* «бедному педагогу»: [учителю] [оставленному] педагогу $РГ_п$ [2] *После* «ничего»: [вам] $РГ_п$ [3] *Вместо* «Собрав»: Собрал он $РГ_п$

16 *Вместо* «вкусить»: но вкусить *РГ*, $РП_{п}$

24 *После* «отдохнуть»: [Не мог успокоиться] *РГ*

24 *Вместо* «сильно ~ службу»: хотелось ему скорее начать дело службою *РГ*, $РП_{п}$

34 *Вместо* «при всем том умел»: при всем том он еще умел $РГ_{п}$

38 *Вместо* «невзрачностию и неблагообразием»: невзрачностию лиц $РГ_{п}$

Стр. 229

2 *Вместо* «взнесло»: вздуло $РГ_{п}$

7 *Вместо* «под час ~ нализавшись»: под час и в присутствие уже налимонившись *РГ*; $РП_{п}$ — под час в присутствие уже налимонившись

11 *Вместо* «противоположность»: противоположность другим *РГ*, $РП_{п}$

16 *Вместо* «жизни»: жизнь *РГ*, *РП*, *РЦ*

17 *Вместо* «усмешки»: усмешки и $РГ_{п}$

19 *Вместо* «хоть на улице»: ни на улице $РГ_{п}$

20 *Вместо* «показал ~ участие»: обрадовался чему-нибудь $РГ_{п}$; *РГ* — показал [к чему-нибудь] участие

20 *Вместо* «хоть бы напился»: хоть бы раз напился $РГ_{п}$

22 «дикому, искаженному» *РГ*; *РП*, *РЦ*, *МД* — дикому

23 *Вместо* «в пьяную ~ ровно»: Но, казалось, в нем ничего не было, ничего ровно *РГ*

24 *Вместо* «и что-то»: словом, даже $РГ_{п}$

25 *Вместо* «Черство ~ сходство»: Лицо его походило на мраморное, никакой резкой неправильности, [или] особенности, дававшей бы ему с чем-нибудь сходство $РГ_{п}$; *РГ*, *РП*, *РЦ* — Черство-мраморное лицо его не имело даже никакой резкой неправильности, дававшей бы ему с чем-нибудь сходство

28 *Вместо* «были черты»: были все черты *РГ*, $РП_{п}$

28 *Вместо* «Одни ~ которых»: Набрасывали на него черствый характер только какие-то частые рябины и ухабины, как будто бы $РГ_{п}$; *РГ*, $РП_{п}$ — Одни только частые рябины и ухабины густо истыкали его, как будто бы

30 *Вместо* «молотить»: молотить на нем *РГ*, $РП_{п}$

32 *Вместо* «привлечь»: чем-нибудь привлечь $РГ_{п}$

32 *После* «попробовал»: и около него $РГ_{п}$

33 *Вместо* «принялся»: принялся во всем $РГ_{п}$

37 *Вместо* «для его чернильницы»: у его чернильницы $РГ_{п}$

38 *Вместо* «и всякой раз клал»: клал *РГ*, $РП_{п}$

Стр. 230

5 *Вместо* «домашнюю, семейственную»: домашнюю и семейственную $РГ_{п}$

6 *После* «дочь» *начато:* на которой тоже *РГ*

8 *Вместо* «навести»: сделать $РГ_{п}$; *РГ*, $РП_{п}$ — произвести

8 «Узнал» *МД*; $МД_2$ — Узнав

9 *Вместо* «воскресным дням»: воскресеньям *РГ*, $РП_п$

10 *Вместо* «накрахмаливши»: и накрахмаливши *РГ*, *РП*, *РЦ*

11 *Вместо* «зазвал его»: стал зазывать *РГ*, $РП_п$

13 *Вместо* «в дом»: на дом *РГ*

17 *Вместо* «Суровый ~ отправил»: Чичиков вдруг пошел и получил сам место $РГ_п$; *РГ*, $РП_п$ — Чичиков получил давно искомое и желанное место повытчика. Как только получил он повытчика, сундук был в ту же почти минуту отправлен

22 *Вместо* «на другой ~ очутился»: на другой же день очутился он *РГ*, $РП_п$

24 *Вместо* «вовсе ~ происходило»: его совсем не было $РГ_п$

26 «приглашал к себе» *РГ*; *РП*, *РЦ*, *МД* — приглашал его

31 «всё пошло» *РГ*; *РП*, *РЦ*, *МД* — пошло

32 *Вместо* «Всё ~ мира»: Искательность и уменье обращаться оказались в нем во всей силе. В одно и то же время он соединил в себе $РГ_п$; *РГ* — *а.* Искательностью и уменьем обращаться он овладел; *б.* Всё оказалось в нем, что нужно в этом мире

33 *Вместо* «в оборотах ~ делах»: в оборотах и уме, поступках и способность в деловых делах $РГ_п$

33 *После* «делах» *начато: а.* — Словом, оказался человеком; *б.* — и наконец искательность, способность чудная, которая не всякому дается *РГ*

34 *Вместо* «добыл ~ время»: он добыл себе $РГ_п$; *РГ* — добыл он себе в непродолжительное время; *РП*, *РЦ* — добыл он себе в непродолжительное время

35 *Вместо* «хлебное»: наживное $РГ_п$

37 *Вместо* «преследований ~ час»: Но он этого не испугался ничуть и тот же час обратил все преследованья *РГ*, $РП_п$

Стр. 231

3 *Вместо* «с тем, чтобы»: чтобы *РГ*, $РП_п$

7 *После* «нет, нет»: Мы ничего не берем $РГ_п$

8 *Вместо* «мы должны»: мы должны это *РГ*, $РП_п$

21 «минуту» *нет РГ (ошибка переписчика)*

24 *Вместо* «Выведывает»: выведывать *РГ*, *РП*, *РЦ*

28 «по начальству» *РГ*, *РП*; *РЦ*, *МД* — к начальству

30 «новый ~ взяток» *РГ*, *РП*, $РЦ_п$; *РЦ*, *МД* — новые обычаи *(ценз. искаж.)*

31 *Вместо* «чиновников»: нынешних чиновников *РГ*, $РП_п$, *РП (кар.)*

35 *Вместо* «чиновное благородство»: чиновную вежливость $РГ_п$

38 *Вместо* «поле гораздо пространнее»: пространнее поле *РГ*, $РП_п$

Стр. 232

2 *Вместо* «он»: Чичиков $РГ_п$

4 *Вместо* «около здания»: с зданием *РП (ошибка переписчика)*

5 *После* «мешал»: грунт земли $РГ_{п}$

6 *Вместо* «выше»: *дальше РГ, РП, РЦ*

9 *Вместо* «Члены ~ вдруг на место»: Чичиков завелся рысаками, отличным экипажем. Оказалось, что он был вовсе не чужд земных наслаждений и отказывался от них только силою необыкновенной власти над собою и непостижимой настойчивостью характера,[1] готового на все жертвы, чтобы достигнуть своего. Оказалось множество разных прихотей, которых прежде вовсе не было видно [Он был никак не прочь от хорош‹его?›] завел повара, купил на фрак такого сукна, какой не носила вся губерния, и стал с этих пор держаться больше коричневых цветов с искрой, *‹1 нрзб.›* сделался очень нерквнодушен к физиогномии своей, выписывал какое-то дорогое мыло для гладкости кожи и прочего, вытирался по утрам мокрой губкою, напитанной водою, разведенной одеколоном. Нервы и чутье сделались в нем так раздражительны, что всякой сколько-нибудь неприятной запах уже оскорблял его. По этой причине он всегда, когда Петрушка снимал с него сапоги, клал себе в нос гноздичку. Словом, чиновники начинали уже благоденствовать и многие заводились семействами, как вдруг $РГ_{п}$; *РГ* — Члены уже начинали благоденствовать [многие уже] и стали заводиться семейством.[2] С этих пор и Чичиков начал понемногу выпутываться из-под суровых жестких законов воздержанья и неумолимого себя ограничиванья. Тут только долговременный пост наконец был смягчен, и оказалось, что он вовсе не был чужд разных наслаждений, от которых умел удержаться [непостижимой [силой воли] настойчивостью и силой воли, умевшей отказать себе в них] в лета пылкой молодости, когда ни один человек совершенно не властен над собою. Оказались[3] кое-какие излишества: он завел довольно хорошего повара, [очень] тонкие голландские рубашки. Уже сукна купил он себе такого, какого не носила вся губерния, и с этих пор стал держаться более коричневых и красноватых цветов с искрою; уже[4] завел он отличную пару и сам держал одну возжу, заставляя пристяжную виться кольцом; уже завел он обычай вытираться губкой, намоченной в воду, смешанн‹ую› с одеколоном; уже покупал он весьма ‹не?› дешево какое-то мыло для сообщения гладкости коже. На месте

26 *Вместо* «строгий»: строгий прямодушный $РГ_{п}$

27 *Вместо* «На другой же день»: Вдруг и неожиданно $РГ_{п}$

34 *Вместо* «и Чичиков ~ на смерть»: и больше всех прочих потерпел Чичиков. Лицо его вдруг неизвестно почему, несмотря на

---

[1] и непостижимо-настойчивого характера [2] *Далее начато:* Чичиков понемногу нач‹ал› [3] *Далее начато*: хотя сначала он тоже очень скромно [4] *Далее начато*: *а.* покупал; *б.* начал покупать он [недешево] за дорогую цену мыла

приятность выражения, не[1] показалось начальнику и возненавидел он его до того, что даже слышать не мог о нем *РГ*$_{п}$; *РГ* — и Чичиков[2] более других. Лицо его [как то] вдруг [неизвестно почему] несмотря ~ бог ведает, иногда у начальников не бывает причин,[3] — возненавидел он его на смерть. И грозен был сильно начальник; *РП*, *РЦ* — и Чичиков более ~ не бывает причин и он возненавидел его на смерть. И грозен был сильно для всех неумолимый начальник

Стр. 233

3 «генерал» *РГ*, *РП*, *РЦ*$_{п}$; *РЦ*, *МД* — новый правдивый начальник *(ценз. искаж.)*

4 *Вместо* «он вовсе»: вовсе *РГ*, *РП*$_{п}$

6 *Вместо* «способности»: людей *РГ*, *РП*, *РЦ*

15 *После* «него»: первый секретарь *РГ*$_{п}$

16 «первый генеральский» *РГ*, *РП*, *РЦ*$_{п}$; *РЦ*, *МД* — первый *(ценз. искаж.)*

18 «Генерал» *РГ*, *РП*, *РЦ*$_{п}$; *РЦ*, *МД* — Начальник *(ценз. искаж.)*

18 *Вместо* которого ~ водили»: что если хоть и водили его *РГ*$_{п}$

20 *Вместо* «в голову ему ~ то она»: в голову его засело что-нибудь, то, что *РГ*$_{п}$

22 *Вместо* «вытеребить»: выколотить *РГ*$_{п}$

24 *Вместо* «начальника ~ состраданием»: генерала *РГ*$_{п}$

27 *Вместо* «Ну, что ж ~ решился он»: — Ну что ж? сказал Чичиков, — зацепил — поволок, сорвалось — не спрашивай. Не расшибить же лба [не жаловаться], плачась и жалуясь, этим ничего не достанешь. Нужно дело делать. — И начал это *РГ*$_{п}$

28 *Вместо* «пособить»: пособишь *РГ*, *РП*, *РЦ*

30 *Вместо* «ограничиться»: ограничить себя *РГ*

31 *Вместо* «хорошо ~ прежде»: сладко он было прежде развернулся *РГ*$_{п}$

32 *После* «известность» *начато:* В два года он *РГ*$_{п}$

36 *Вместо* «когда-либо ~ свете»: существовал когда-либо *РГ*, *РП*$_{п}$

37 *Вместо* «в грязном обществе»: с грязным обществом *РГ*, *РП*, *РЦ*

38 *Вместо* «чистоту ~ столы»: чистоту и очень любил, что в присутствии канцелярии были чистые столы *РГ*$_{п}$

Стр. 234

3 *Вместо* «отсутствие»: недостаток *РГ*$_{п}$

5 *Вместо* «всякие два дни»: всякий день *РГ*, *РП*$_{п}$

6 *Вместо* «белье»: рубашку *РГ*, *РП*$_{п}$

6 *Вместо* «всякой день»: по [три] два раза на день *РГ*; *РП*$_{п}$ — по три раза на день

---

[1] *Далее начато*: понр‹авился› [2] *Далее начато*: более достав [3] *Далее начато*: всё было ‹*1 нрзб.*›

6 «всякой сколько-нибудь ~ у девушки» *нет* *РГ*, $РП_{и}$

9 *Вместо* «скидавать»: скидать *РП*, *РЦ*

10 *Вместо* «щекотливые»: щекотливы *РП*, *РЦ*

11 «тяжело» *МД*; $МД_2$ — тяжеле

13 *Вместо* «однако же»: но даже *РГа*; *РГб*, *РП* — но однако же

14 *Вместо* «Уже начинал было»: То было уже начинал *РГ*, *РП*, *РЦ*

19 *Вместо* «взглянул»: взглянул как-то $РГ_{п}$

21 *Вместо* «И после»: И после того $РГ_{п}$

21 *Вместо* «смотреться»: смотреть в зеркало *РГ*; $РП_{и}$ — смотреться в зеркало.

22 *Вместо* «терпеливо переносил»: терпеливо *РГ*, $РП_{и}$

24 *Вместо* «помышлений»: желаний $РГ_{п}$

25 *Вместо* «щегольскими заграничными»: заграничными щегольскими *РГ*, *РЦ*

30 *Вместо* «Надобно прибавить»: нужно отметить $РГ_{п}$

33 *Вместо* «бог ведает»: бог его ведал $РГ_{п}$

33 *Вместо* «непременно»: его непременно можно $РГ_{и}$

Стр. 235

9 «Что же касается» *МД*; $МД_2$ — Что касается

16 *Вместо* «щелчками»: щелками *РГ*

16 «не изменяясь ни мало» *РГ*; *РП*, *РЦ*, *МД* — не изменяясь

20 *Вместо* «объяснится с вами»: осмотрит вас *РГ*, $РП_{и}$

21 «пораспорю» *РГ*, *РП*; *РЦ*, МД — распорю

37 *Вместо* «неподкупность его»: неподкупность *РГ*, $РП_{и}$

Стр. 236

7 *После* «средств»: чтобы ему $РГ_{п}$

7 «самому» *нет* *РГ*, $РП_{и}$

8 *Вместо* «команда и неограниченное право»: команда, неограниченное право *РГ*, *РП*

9 *Вместо* «В то»: В это $РГ_{п}$

10 *Вместо* «обдуманно-правильным»: самым правильным *РГ*, *РП*

14 *Вместо* «в ту же минуту дал»: он в одну минуту дал $РГ_{и}$; *РГ*, *РП*, *РЦ* — в ту же минуту дал он

15 *Вместо* «Тут ~ против соблазна»: тогда бы немного мог он выиграть, будучи все-таки еще простой пешкой, но теперь, имея [в своей власти] неограниченную власть, он мог предложить какие угодно условия. Он тут же расчел, что в этом деле в один год он мог получить то, чего бы не выиграл в двадцать лет самой ревностной службы. Против соблазна не устоял[1] и другой чиновник, его товарищ $РГ_{п}$; *РГ* — Тут в один год он мог получить столько того, чего не выиграл бы в двадцать лет самой ревност-

---

[1] *Далее начато*: и товар<ищ?>

ной службы. Прежде он[1] не хотел вступать ни в какие сношения с ними, потом<у> был [все-таки] не более как простая пешка *и т. д. как в тексте*

16 «самой ревностной службы» *РГ, РП, РЦ*$_{п}$; *РЦ, МД* — *нет (ценз. искаж.)*

24 *Вместо* «Действия начались»: Начались они *РГ*$_{и}$

25 «без всякого сомнения» *РГ*; *РП, РЦ, МД* — без сомнения

25 «повторяемую историю» *РГ, РП, РЦ*$_{п}$; *РЦ, МД* — повторяемую давнишнюю историю *(ценз. искаж.)*

30 «в сем» *РГ*; *РП, РЦ, МД* — в этом

31 *Вместо* «подобного дела»: подобное дело *РГ, РП*; *РГ*$_{и}$ — подобное предприятие

32 *Вместо* «бараньих походов»: походов *РГ, РП*$_{и}$

36 *Вместо* «нелегкий»: черный *РГ*$_{и}$

Стр. 237

6 *Вместо* «для большей ~ Да»: Для большего задору. Вот *РГ*$_{и}$

13 *Вместо* «что были даже»: чтобы были даже люди *РГ*$_{и}$

17 *Вместо* «досочинит»: досочинит его *РГ, РП*$_{и}$

17 *Вместо* «Главное»: Дело *РГ, РП*$_{и}$

21 *Вместо* «головами их»: головами *РГ, РП*$_{и}$

22 *Вместо* «Как»: [Тогда только] как *РГ*

22 *Вместо* «что»: что такое *РГ*$_{и}$

23 «по русскому обычаю, с горя запил» *РГ, РП, РЦ*$_{п}$; *РЦ, МД* — не устоял против судьбы и где-то погиб в глуши *(ценз. искаж.)*

24 *Вместо* «Он умел»: Он умел-таки *РГ*$_{и}$

26 *Вместо* «Употребил»: Употребил все происки *РГ, РП, РЦ*

29 *Вместо* «словом, обработал»: обработал *РГ, РП*$_{и}$

Стр. 238

6 «тысячонками» *РГ, МД*; *РП, РЦ* — тысячками

11 *Вместо* «не шумный ~ век»: век не шумный, но в своем роде тоже не бесполезный *РГ*

18 «неодолимой» *РГ; РП, РЦ, МД* — непреодолимой

20 *Вместо* «заключенное»: которое уже заключается *РГ, РП, РЦ*

23 *Вместо* «на свободе»: на воле *РГ, РП*$_{и}$

24 «рассужденьях» *РГ*; *РП, РЦ, МД* — рассуждении

26 «на должности» *МД*; *МД*$_{2}$ — по должности

30 *Вместо* «должен я»: я должен *РГ, РП*$_{и}$

Стр. 239

3 *Вместо* «глазом в бок»: глазом *РГ, РП, РЦ*

3 «не глядит ~ хозяин» *нет РЦ*

3 *Вместо* «откуда»: откуда-нибудь *РГ*

---

[1] *Далее начато*: если бы и вступил

4 «масло» *РГ, РП*; *РЦ, МД* — мыло
9 *Вместо* «во всем»: до последней безделицы *РГ*$_{п}$
13 *Вместо* «у нас»: права *РГ*$_{п}$
14 *Вместо* «самими доверителями»: самими поверившими им дела свои *РГ, РП, РЦ*
18 *После* «Имение»: по русскому обычаю *РГ, РП*$_{п}$
18 *Вместо* «было»: было по обыкновению *РГ, РП*$_{п}$
25 «остававшееся» *РГ*; *РП, РЦ, МД* — оставшееся
30 *Вместо* «всё же»: все-таки *РГ, РП, РЦ*$_{п}$
33 *Вместо* «не было каких-нибудь»: каких-нибудь не было *РГ, РП*$_{п}$
36 *Вместо* «а всё»: и всё *РГ, РП, РЦ*
38 *Вместо* «вдохновеннейшая»: самая вдохновенная *РГ*$_{п}$

Стр. 240

5 *Вместо* «двести рублей»: 250 *РГ, РП*$_{п}$
6 *Вместо* «двести тысяч»: 250 000 *РГ, РП*$_{п}$; *РП* — 200 000
7 *После* «не мало»: подати уплачиваются с каждым годом труднее — так мне с радостью уступит *РГ*$_{п}$
9 *Вместо* «Петербург»: Петербурге *РП (ошибка переписчика), РЦ*
12 *Вместо* «может, в другой раз»: а может, в другой *РГ, РП*$_{п}$; *РП* — а может, в другой раз
13 *Вместо* «зашибу за это»: зашибу *РГ, РП*$_{п}$
14 «Конечно ~ вывод; теперь» *нет РГ, РП*$_{п}$
14 *После* «чтобы» *начато:* иной раз и над *РП*
17 «совсем» *РП (авт.)*; *РЦ, МД* — всем
19 *Вместо* «земли ~ губерниях»: А земли в Херсонской и Таврической губернии *РГ*
20 *Вместо* «заселяй»: переселяй *РГ*$_{п}$
20 *Вместо* «Туда»: Туды *РГ*
21 «и переселю ~ живут» *нет РГ, РП*$_{п}$
31 «свет» *РГ, МД*; *РП, РЦ* — свете *(ошибка переписчика)*
34 *Вместо* «предпринял он»: предпринял *РГ, РП*$_{п}$
36 *Вместо* «случаев, неурожаев»: случаев или неурожаев *РГ, РП*$_{п}$
38 *Вместо* «народа»: народу *РГ*

Стр. 241

8 *Вместо* «вздумается»: вздумалось *РГ, РП, РЦ*
9 «если, уж» *РГ*; *РП, РЦ, МД* — если
13 *После* «бесконечные»: [заборы да фабрики] *РГ*$_{п}$
16 «статуях» *нет РГ, РП*$_{п}$
19 *Вместо* «какие ~ увидит потом»: и какие будут удачи потом — увидит *РГ*; *РП* — какие будут [потом] удачи ~ как двигнутся все рычаги широкой повести, раздастся далече горизонт, как вся повесть примет *и т. д. как в тексте*
26 *Вместо* «Петрушки ~ и тройки»: Петрушки и кучера Селифана с тройкой *РГ, РП*$_{п}$

35 *Вместо* «выставили»: подставили *РГ*, *РП*$_{и}$

38 *Вместо* «хозяин, приобретатель»: просто приобретатель *РГ*, *РП*$_{и}$

Стр. 242

2 «название» *МД*; *МД*$_2$ — названия

4 *Вместо* «на ~ дороге»: даже *РГ*$_{и}$

4 *Вместо* «будет водить»: водить *РГ*, *РП*$_{и}$

11 *Вместо* «жизненные соки»: соки и жизнь *РГ*, *РП*, *РЦ*

13 *Вместо* «в рожденном»: в человеке, рожденном *РГ*$_{и}$

17 «все вначале» *РГ*; *РК*, *РП*, *РЦ* — вначале

19 *Вместо* «прекраснейшую»: лучшую *РГ*$_{и}$

23 *Вместо* «с ним в минуту»: в нем в самую минуту *РГ*, *РП*

23 *Вместо* «свет»: мир *РГ*, *РП*$_{и}$

24 *Вместо* «Высшими ~ ведутся»: Для высших начертаний, ему непостижимых, обречены они *РГ*, *РП*$_{и}$

26 *Вместо* «Земное ~ свет поэме»: И у пишущего сии страницы есть страсть, страсть заключать в ясные образы приходящие к нему мечты и явленья в те чудные минуты, когда, вперивши очи в свой иной мир, несется он мимо земли. И в оных чудных минутах, нисходящих к нему в его бедный чердак, заключена вся жизнь его, и полный благодарных слез за свой небесный удел не ищет он ничего в сем мире, но любит свою бедность сильно, пламенно, как южный любовник [свою] любит любовницу *РГ*$_{и}$; *РГ* — Великое земное поприще суждено совершить им всё равно [1] в [2] образе ли злодейства [или в сияньи небесной добродетели] или явления возрадующего мир. — Одинаково вызваны они для неведомого человеком блага и [почему знать] может быть в сем самом Чичикове страсть, его влекущая, уже не от него [для иного дела] и в холодном его существовании [есть] заключено то, что [заставит потом повергнуть] в прах и на колени повергнуть перед [дивной] мудростью небес[ного промысла]. [И еще [может быть] заключена тайна в появленьи сего образа в ныне предстающей на свет поэме]. Еще [заключена великая] тайна [в том] почему сей образ предстал в ныне являющейся [поэме] на свет поэме.

27 «пронестись» *МД*; *МД*$_2$ — пронеслись

27 *Вместо* «светлым»: светлым чудесным *РП а*; *б. Как в тексте*

Стр. 243

16 *После* «что ли?»: не можешь об иных заговорить *РГ*$_{и}$

17 *Вместо* «бы поправили»: поправили бы *РГ*

19 *Вместо* «обретший»: обревший *РГ*, *РП*, *РЦ*

22 *Вместо* «сам»: он сам *РГ*$_{и}$

25 *Вместо* «посторонними»: другими *РГ*$_{и}$

---

[1] *Далее начато:* в виде ли [2] *Далее начато:* мрачном ли

32 *Вместо* «это»: ведь это *РГ*$_{п}$

33 *Вместо* «Разве ~ замечания»: Они без то<го> о нас не [совсем] хорошего мнения, [а] что же скажут [они] теперь, когда увидят, что свой заговорил вот как.[1] Да и будто в самом деле уж мы одни такие — ведь и похуже нас есть. На такое мудрое замечание *РГ; РП а.* Они *далее тот же текст, что и РГ* похуже нас есть и прочее. На такое мудрое замечание; *б. Как в тексте*

36 *Вместо* «признаюсь ~ два обитателя»: [2]другого[3] не остается сделать, как разве только привести жизнь двух [отдаленных] обитателей одного отдаленного уголка России *РГ, РП*$_{п}$

Стр. 244

1 *Вместо* «нрава кроткого»: нрава необыкновенно кроткого *РГ, РП*$_{п}$

1 *Вместо* «халатным»: более халатным *РГ, РП*$_{п}$

2 *Вместо* «существованье ~ обращено»: Вся жизнь его была обращена *РГ, РП*$_{п}$

3 *Вместо* «и занято»: и именно занята была *РГ, РП*$_{п}$

4 «как ~ философическим» *нет РГ, РЦ*

7 *Вместо* «Как, право ~ того»: Как, право, непостижимо *РГ, РП, РЦ*

8 «Так ~ главное дело» *нет РГ, РП*$_{п}$

13 *Вместо* «Ни за что»: Как-то ни за что *РГ*$_{п}$

15 *Вместо* «вскочит»: *РГ а.* покажется у кого-нибудь; *РГ б., РП* — выскочит

15 *Вместо* «В доме»: В доме всё *РГ*$_{п}$

17 *Вместо* «в спальне»: в своей спальне *РГ*$_{п}$

17 «Таков ~ в чем» *нет РГ, РП*$_{п}$; *РП (кар.)* — А впрочем он был добрая душа [но по глуп<ости?>] Таков был Мокий Кифович, но не в этом еще главное дело, а главное дело вот в чем; *РЦ* — а впрочем был он доброй души, но не в этом главное дело, а главное дело вот в чем

21 «что это» *РГ; РП, РЦ* — что

22 *Вместо* «Да, шаловлив ~ их побери, отец»: — Да, говорил обыкновенно Кифа Мокиевич, я и сам вижу, что Мокий Кифович шаловлив. Не знаю, право, как мне быть. Наедине его не проймешь, а человек он честолюбивый: укори его при другом, третьем, он уймется, да ведь то беда, скажи при двух — весь город узнает, он и без того об нем нехорошего мнения, а [Мокий Кифович] теперь заговорит пуще. А Мокий Кифович все-таки моя кровь. Что они думают, право: я не отец. Нет, я отец *РГ*$_{п}$; *РГ* — Да, Мокий Кифович шаловлив, говорил обыкновенно на это отец. Да

---

[1] *Далее начато: а.* На счет такого мудрого; *б.* В ответ на такое мудрое [2] *Перед этим начато РГ а.* и прочего; *б.* ничего [3] *Далее РГ начато:* нельзя

ведь как быть: разве пристыдить его? Конечно, человек он честолюбивый, укори его при другом, он уймется, [а] да вот город-то, город что скажет. Уж теперь он его назовет совсем собакой, [он ведь] и без того [дурно толкует о нем] колют мне глаза. Что, право, в самом деле они думают, что я вот занимаюсь философией — да у меня нет времени. Так уж я и не отец. Нет я отец

25 *Вместо* «да ведь ~ собакой»: *РП — а.* да ведь город-то что заговорит. Уж теперь он его назовет совсем собакой; *б. (кар.)* — да ведь гласность-то, вот беда, ведь город потом, а узнает, так и; *РЦ* — да ведь город-то что заговорит? Теперь он его назовет совсем собакой и

30 *Вместо* «Тут ~ азарт»: При этом отец всегда бил себя очень сильно в грудь *РГ*$_{II}$; *РГ, РП*$_{II}$ — При этом Кифа Мокиевич воспламенялся и бил себя очень сильно в грудь

30 *Вместо* «Тут ~ кулаком»: Здесь он ударял себя весьма сильно в грудь *РП (кар.)*

32 *Вместо* «так ~ оставлял»: так я по крайней мере его не выдам, уж от меня-то этого никто не узнает. — Да [что если говорить правду, ведь] впрочем есть и похуже его [есть], у первого Степана Прохорыча похуже сынишка. — Так говорил [нежный, истинный] истинный [редкий] отец и, оставивши *РГ; РП — а.* так я, по крайней мере, его не выдам, уж от меня-то этого никто не узнает. Да, вероятно, есть и похуже его, у первого Степана Прохоровича похуже сынишка. Так говорил истинный отец и, полный такого примерного чадолюбия, отец [и] оставивши; *б.* так пусть ~ выдам его. И полный такого примерного чадолюбия, показавши таким образом отеческое чувство *<1 нрзб.>* он;[1] *РЦ* — так пусть ~ выдал его. И полный такого примерного чадолюбия, оставивши

35 «а сам» *нет РГ; РП* — [Кифа Мокиевич] он; *РЦ* — он

Стр. 245

2 *Вместо* «проводили ~ делают дурное»: протекала жизнь двух обитателей, уже полезная потому, что прислужилась ответом на обвиненье, которое, вероятно, будет со стороны [так называемых патриотов] некоторых горячих патриотов до времени весьма покойно занимающихся кое-какими приращеньями на счет сумм нежно любимого ими отечества *РГ; РП* — протекала жизнь двух обитателей[2] [одного] мирного уголка [которые вдруг], которые нежданно [будто] как из окошка [выглянувшие] выглянули в конце нашей поэмы [выглянувшие скромно] выглянули для того, чтобы отвечать скромно на обвиненье со стороны некоторых горячих патриотов, которые до времени [весьма] покойно зани-

---

[1] *Последние слова* «показавши таким образом свое отеческое чувство *<1 нрзб.>* он» *вписаны в РП (кар.).* [2] *Далее начато:* теперь чем-то в роде

маются кое-какими приращениями на счет сумм нежно любимого ими отечества, [которые думают] думающих *и т. д. как в тексте*

10 *Вместо* «скрывается»: таится *РГ*$_{п}$

11 *Вместо* «сказать святую правду»: сказать его *РГ*$_{п}$

16 *Вместо* «ловко»: верно *РГ*, *РП*$_{п}$

27 *Вместо* «ни слишком»: и не слишком *РГ*

30 *Вместо* «званию»: его званию *РГ*, *РП*$_{п}$

34 *Вместо* «рассказа»: как рассказывалось *РП*$_{п}$

Стр. 246

10 *Вместо* «слетел»: слетел с головы *РП*$_{п}$

10 *Вместо* «опрокинувшись»: опрокинувшись головою *РП*$_{п}$; РП — *а.* опрокинувшись на спину с козел; *б. Как в тексте*

13 «помахнувши» *МД; МД*$_{2}$ — помахавши

22 «Его ли душе» *нет РП, РЦ*

25 *Вместо* «слышится ~ чудное»: что-то восторженно чудное слышится *РП, РЦ*

ВАРИАНТЫ К ГЛАВЕ XI

(РАЗНОЧТЕНИЯ МЕЖДУ *РЛ* И *РК*)[1]

Стр. 554

1 *Вместо* «Ни об ~ ни о чем»: Об отдаленном происхождении героя ничего не *РК*

2 *Вместо* «темная»: темна *РК*

4 *Вместо* «кажется»: кажется совсем *РК*$_{п}$

8 *Вместо* «Никаких ~ человек»: О детстве своем он мало помнил. Помнил только слегка худощавого человека *РК*

11 *Вместо* «в весьма длинном»: в длинном *РК*

13 *Вместо* «больно ~ героя»: больно его линейкою по рукам *РК*

Стр. 555

1 *Вместо* «добродетель ~ отличные»: [никогда] не лги, послушествуй старшим и носи добродетель в сердце. В училище он отличался больше поведеньем, чем науками, [опрятность и тихость составляли две главные черты его характера] ничего не было в нем замечено буйного или непокорного начальству *РК*

2 «всю пожелтевшую» *нет РК*

3 *Вместо* «замечательно только то»: замечательно то *РК*$_{п}$

7 *Вместо* «Особенно ~ поведения»: Поведения он был *РК*$_{п}$

9 *Вместо* «всё отзывалось ~ как-то»: напротив, всё отзывалось самою похвальною тихостию; никаких беспорядочных движений *РК*$_{п}$

---

[1] *См. примечание на стр. 842.*

15 *Вместо* «молодые ~ души»: молодые души $РК_{п}$

17 *Вместо* «этих ~ таким образом»: таких похвальных качествах, он бы мог остаться, как и все другие, наделенные и ими, тем, что ~ если бы не обнаружилось в нем рано одно чувство, внутренно $РК_{п}$; *РК* — сих качествах из него вышел бы не более как просто [обыкновенный] хороший человек, то есть умеющий весьма гладко выбриться и заниматься кое-какими письменными делами без всяких иных резких умственных выпуклостей, если бы не обнаружилось в нем рано одно чувство, внутренно

24 *Вместо* «мы назовем ~ означает»: было маленькое стремление приобретать копейку, означающее, как известно $РК_{п}$, *РК*

Стр. 556

2 *Вместо* «имениям ~ чувствам»: имуществам $РК_{п}$, *РК*

4 *Вместо* «ему читать ~ молочницы»: читать ему на веку, ему более всего нравилась затвердившаяся еще в детстве историйка о молочнице $РК_{п}$, *РК*

7 *Вместо* «распорядится ~ и коров»: продавши его, купит яиц, из яиц пойдут куры; продавши кур, купит теленка; как теленок вырастет и будет корова; от коровы[1] потом пойдут целый завод коров, потом завод лошадей *РК (кар.)*

13 *Вместо* «а там»: а потом $РК_{п}$, *РК*

14 *Вместо* «начинавший»: имевший обыкновение начинать $РК_{п}$, *РК*

17 *Вместо* «он никак ~ Жанлис»: никак не мог он слушать равнодушно окончание истории, когда молочница разбила кувшин. Никогда, как сам он сознавался, не был он потом растроган так даже самой «Герцогинею Лавальер» — романом г-жи Жанлис $РК_{п}$, *РК*

22 *Вместо* «оставалось только»: оставалось ему $РК_{п}$, *РК*

Стр. 557

1 *Вместо* «в казенную ~ как бывает»: в казенную палату какого-то губернского города. Нужно заметить, что палата ~ чиновников: тот ~ не грубил, но лицо имел престранное $РК_{п}$; *РК* — в надворный суд; надворный суд отличался неблагообразием чиновни‹ков›: у многих были лица точно

9 «губа треснула» *нет* $РК_{п}$, *РК*

10 *Вместо* «словом ~ треснул»: словом ~ который сам вылез из печи, вспучился на сторону каким-то пузырем и сверх того в прибавку еще треснул $РК_{п}$; *РК (начато исправление карандашом)* — верхняя губа вздулась пузырем и в прибавку треснула совсем некрасиво

12 *Вместо* «к тому же весьма плохо»: плохо $РК_{п}$, *РК*

---

[1] *Далее начато: а.* родятся; *б.* продавши корову

13 *Вместо* «походили ~ железно-серого»: были похожи на железные напильники такого же серожелезного *РК*$_{п}$, *РК*

17 «своей наружности» *нет* *РК*$_{п}$, *РК*

18 *Вместо* «известна ~ искательности»: называется искательность *РК (кар.)*

20 *Вместо* «очень скоро»: скоро *РК*$_{п}$, *РК*

Стр. 558

1 *Вместо* «весьма суровому»: суровому *РК*$_{п}$, *РК*

3 *Вместо* «кому-либо»: кому-нибудь свою *РК*$_{п}$, *РК*

6 *Вместо* «даже исправлял иногда»: исправлял *РК*$_{п}$, *РК*

7 *Вместо* «принимал ~ сына»: сек сына кухарки *РК*$_{п}$, *РК*

9 *Вместо* «Хозяин сам был»: Хозяин был *РК*$_{п}$, *РК*

18 *Вместо* «приветливо»: приятно *РК*$_{п}$, *РК*

18 *Вместо* «просил»: запрашивал *РК*$_{п}$, *РК*

19 *Вместо* «хотя ~ потом»: хотя и *РК*$_{п}$, *РК*

Стр. 559

1 *Вместо* «как говорят»: что называется *РК*$_{п}$, *РК*

2 *Вместо* «увлекательных ~ лучше»: увлекательной наружности или чего другого, о котором лучше знает *РК*$_{п}$, *РК*

5 «то, что называют» *нет* *РК*$_{п}$, *РК*

6 *Вместо* «вследствие ~ выражение в лице»: после этого присутствовало в лице его самое праздничное выражение *РК*$_{п}$, *РК*

9 *Вместо* «Радость ~ несколько»: Радость однако была *РК*$_{п}$, *РК*

10 *Вместо* «мерами ~ всяких»: мерами правительства против *РК*$_{п}$, *РК*

12 *Вместо* «русской»: что русской *РК*$_{п}$, *РК*

13 *Вместо* «тогда-то»: в таком случае *РК*$_{п}$, *РК*

13 *Вместо* «изобретательность»: свою изобретательность *РК*$_{п}$, *РК*

14 *Вместо* «Вскоре»: Скоро *РК*$_{п}$, *РК*

17 *Вместо* «с самым ~ обхождением»: даже обворожительно *РК*$_{п}$, *РК*

21 *Вместо* «Следовали»: сопровождали *РК*$_{п}$, *РК*

22 *Вместо* «слова и выражения»: выражения *РК*$_{п}$, *РК*

23 *Вместо* «какую»: какую-нибудь *РК*$_{п}$, *РК*

25 *Вместо* «покойны совершенно»: покойны *РК*$_{п}$, *РК*

26 «и завтра ~ известие» *в РК зачеркнуто*

27 *Вместо* «вам беспокоиться нечего»: вам и беспокоиться незачем *РК*$_{п}$, *РК*

29 «приятными ~ обхождением»: *нет* *РК*$_{п}$, *РК*

Стр. 560

1 *Вместо* «приговаривая ~ тоже»: но ожидает он день — ничего не приносят к нему на дом. — Ну, думает: сегодня он, верно, занят. — Но на другой день тоже, на третий — тоже *РК*$_{п}$, *РК*

8 *Вместо* «расспрашивает»: расспросить $РК_{п}$, *РК*

9 *Вместо* «Он к начальнику»: Он к Чичикову *РК*

11 *Вместо* «за руки просителя»: просителя за руки $РК_{п}$, *РК*

12 *Вместо* «покойны совершенно»: покойны $РК_{п}$, *РК*

13 *Вместо* «выражалось»: сопровождалось $РК_{п}$, *РК*

14 *Вместо* «при этом ~ как-нибудь»: распахивалась какая-нибудь $РК_{п}$, *РК*

15 *Вместо* «придерживала эту полу»: поспешно придерживала ее $РК_{п}$, *РК*

16 *Вместо* «всё было»: всё $РК_{п}$, *РК*

17 *Вместо* «у себя ~ ждал»: ждет у себя на дому $РК_{п}$, *РК*

18 *Вместо* «известие не приносится»: не приносится дело $РК_{п}$, *РК*

18 *Вместо* «берется, наконец»: берется $РК_{п}$, *РК*

20 *Вместо* «Помилуйте, помилуйте»: Помилуйте $РК_{п}$, *РК*

21 *Вместо* «я готов ~ секретарям»: я давно готов, четвертак другой $РК_{п}$, *РК*

23,24,32 *Вместо* «беленькую»: по беленькой $РК_{п}$, *РК*

24 *Вместо* «Да, ведь ~ строки»: За три писанных строки! $РК_{п}$, *РК*

26 «скребя ~ в голове и» *нет* $РК_{п}$, *РК*

30 *Вместо* «стоит свет»: свет стоит $РК_{п}$, *РК*

31 *Вместо* «что принес-де»: принеси $РК_{п}$, *РК*

33 *Вместо* «провозишься»: провозился $РК_{п}$, *РК*

33 *Вместо* «все ~ обращения»: облагороженное обращение $РК_{п}$, *РК*

Стр. 561

1 *Вместо* «в этом ~ Крылов»: в этом ~ сообразно с мнениями других; не один ~ ибо оказались две выгоды: доходов ничуть не меньше, если не больше, но взяточником уже никто не назовет, а, напротив, всякой скажет: «О! он известный добряк, честнейшая душа, но секретари мошенники» $РК_{п}$; *РК* — Чичиков был не виноват,[1] многие так[2] действовали и[3] утвердили за собой даже отличное мнение: «О, он добряк, честнейшая душа! но секретари мошенники!», говорит обыкновенно народный слух.

10 *Над словами* «и герой наш» *в РК карандашом начато:* и он

10 *Вместо* «весьма ~ деятельных»: одним из деятельных *РК*

13 *Вместо* «храма»: божия храма $РК_{п}$; *РК* — храма

14 *Вместо* «всё еще ~ выведен»: место для фундамента и никак его не вывели $РК_{п}$, *РК*

19 *Вместо* «уже начинали»: начинали $РК_{п}$, *РК*

20 *Вместо* «многие заводиться»: многие уже заводились *РК*

22 «прямой» *нет* $РК_{п}$, *РК*

22 *Вместо* «точно»: истинный *РК*

---

[1] Чичиков не совсем был виноват [2] многие с тех пор также [3] *Далее начато:* получили движ<имое?>

23 «взяток» *нет* $РК_{п}$, *РК*

23 «в обширном смысле» *в РК зачеркнуто*

25 «как водится» *в РК зачеркнуто*

25 *Вместо* «надлежащею строгостию»: строгостию $РК_{п}$, *РК*

27 *Вместо* «при этом не остановить»: не остановить при этом $РК_{п}$; *РК* — не остановить

28 *Вместо* «новые здания ~ украшавшие»: новых зданиях ~ украсивших $РК_{п}$, *РК*

Стр. 562

5 *Вместо* «наш герой»: герой наш $РК_{п}$, *РК*

6 «самыми» *в РК зачеркнуто*

9 *Вместо* «посредством ~ в милость»: начали входить осторожно к нему в милость, посредством умения угождать и правдивой наружности $РК_{п}$, *РК*

12 *Вместо* «очутился скоро»: скоро очутился $РК_{п}$, *РК*

13 *Вместо* «не подозревал никак»: никак не подозревал $РК_{п}$, *РК*

14 *Вместо* «напротив, даже»: но еще $РК_{п}$, *РК*

15 *Вместо* «хвастался не на шутку»: хвастаясь не на шутку $РК_{п}$; *РК* — хвалясь не в шутку [подчас]

16 *Вместо* «и совершенным ~ войти»: и совершенным истреблением всяких злоупотреблений. И не подозревал добрый генерал, что он неумышленно наделал их более, чем все предшественники. В три или четыре недели все чиновники совершенно применились к нему и все без исключения сделались жестокими гонителями неправды. В это время и Чичиков, несколько оправившись, употребил все старания войти $РК_{п}$; *РК* — В три или четыре недели все чиновники применились к нему и всё, что ни было под его начальством, сделалось преследователями неправды, накопляя капиталы. Многие из выгнанных чиновников обратились тоже на путь истины и были вновь приняты в службу. В это время и Чичиков умел войти

27 *Вместо* «Может быть ~ состраданием»: употребив, может быть, то, что называют рекомендательными письмами за подписью князя Хованского. Но однако ж при[1] всем сильном влиянии своего секретаря достиг только[2] уничтожения замаранного послужного списка, и на это уже подвигнул он начальника не иначе, как *РК*

27 *Вместо* «сей ~ другой»: он имел какой другой чин $РК_{п}$

28 *Вместо* «будем»: станем $РК_{п}$

29 *Вместо* «подчиненных чиновников»: чиновников прямо $РК_{п}$

31 *Вместо* «свое ~ как»: дело; но как $РК_{п}$

Стр. 563

2 *Вместо* «состраданием»: уже состраданием $РК_{п}$

---

[1] *Далее начато:* своем влиянии [2] *Далее начато:* того, что

7 *Вместо* «ни прочих ~ у него»: ни прочего. За всеми задабриваниями и угощениями, кого следует, остался у него $РК_п$; *РК* — ни мест. Остался у него

10 *Вместо* «В продолжении ~ входить»: В это время он даже похудел и упал духом; то было начинал он[1] полнеть и входить *РК*

10 *Вместо* «времени»: периода своей жизни $РК_п$

12 «что случалося ~ критических» *нет* $РК_п$, *РК*

15 *Вместо* «в первой главе. И уже»: то есть в первой главе поэмы, и уже $РК_п$; *РК* — Уже

16 «о многом весьма приятном» *в РК зачеркнуто*

17 *Вместо* «о кое-каких ~ сильно»: о кое-каких изменениях в доме, причем всегда долго сохранялась приятная усмешка в лице. Но после описанного нами печального события из него вышел совершенно другой: заботное и грустное выражение означилось сильно $РК_п$; *РК* — но теперь это был совершенно другой человек: грустное выражение означилось

22 *Вместо* «случилося ~ не утерпел»: взглянул он как-то в зеркало, то никак не вытерпел $РК_п$; *РК* — взглянул он как-то в зеркало, не вытерпел

23 *После* «сказать»: Мать ты моя пресвятая $РК_п$, *РК*

24 *Вместо* «Нужно ~ было»: Но нужно было однако же $РК_п$, *РК*

25 *Вместо* «он пристроился»: пристроился он $РК_п$, *РК*

Стр. 564

2 *Вместо* «крайнего ~ для души нет»: неблагородства службы, сказавши: «Грязная должность, чорт побери; ничего не вынесешь для души» $РК_п$, *РК*

6 *Вместо* «были ~ чиновники»: все чиновники были вежливы $РК_п$, *РК*

7 *Вместо* «были непременно»: были $РК_п$, *РК*

8 *Вместо* «нервы его»: нервы у него $РК_п$, *РК*

10 *Вместо* «к себе»: себе $РК_п$, *РК*

11 *Вместо* «Читателям»: Читателю $РК_п$, *РК*

11 *Вместо* «приятно будет»: приятно $РК_п$, *РК*

14 *Вместо* «по питейным сборам»: по питейной части $РК_п$, *РК*

14 *Вместо* «совершенно не понравилась»: не понравилась $РК_п$; *РК* — не могла не понравиться

16 *Вместо* «конечно ~ сей род»: другое дело, можно бы попытаться, но надобны деньги и залоги, и потому он решился попытаться еще[2] по таможенной части. Нельзя утаить, что этот род $РК_п$, *РК*

23 *Вместо* «служа еще в палате»: находясь еще в палате $РК_п$; *РК* — находясь еще в надворном суде

---

[1] *Далее начато:* приходить

[2] $РК_п$ — попытаться послужить

24 *Вместо* «а иной ~ со вздохом»: а иногда просто и от виста, ибо бывают такие неслыханные случаи, что устают даже и от виста, итак, устав от подобной суеты, он произносил бывало со вздохом $РК_{п}$, *РК*

Стр. 565

1 *Вместо* «Вот бы куда»: Вот куда бы $РК_{п}$; *РК как РЛ*

4 *Вместо* «разные ~ ничтожные»: текущие тоже не ничтожные $РК_{п}$; *РК* — текущие тоже хорошие

8 *Вместо* «не останавливали»: не останавливала его более $РК_{п}$, *РК*

11 *Вместо* «значительного приращения»: приращения *РК*

13 *Вместо* «доходы»: доходы по таможне $РК_{п}$, *РК*

15 *Вместо* «тончайших ~ сообщало»: тонких голландских рубашках и об особенном сорте французского мыла, которое Чичиков очень уважал за то, что оно сообщало $РК_{п}$; *РК* — тонких ~ ‹*далее как* $РК_{п}$› которое очень уважал он за то, что сообщало

18 *Вместо* «которого ~ не припомнит»: и которого названия мы, право, не припомним $РК_{п}$, *РК*

19 *Вместо* «успел определиться»: вступил $РК_{п}$, *РК*

20 *Вместо* «Скоро ~ В самом»: И в самом $РК_{п}$, *РК*

25 *Вместо* «В три ~ руку»: Не более как в три—четыре недели он набил так руку $РК_{п}$, *РК*

27 *Вместо* «материи или сукна»: сукна или иной материи $РК_{п}$, *РК*

Стр. 566

2 *Вместо* «сами даже»: даже сами $РК_{п}$, *РК*

5 *Вместо* «с самым убийственным»: с убийственным $РК_{п}$, *РК*

10 *Вместо* «своих поступках»: поступках $РК_{п}$, *РК*

11 *Вместо* «вам»: будет вам $РК_{п}$, *РК*

16 *Вместо* «как будто бы из»: как из $РК_{п}$, *РК*

18 *Вместо* «и что ~ укрыться»: и от него решительно ничто не может укрыться $РК_{п}$; *РК — всё это окончание фразы зачеркнуто*

21 *Вместо* «а куда ~ таможенным»: и куда[1] позволено только забираться одним таможенным $РК_{п}$, *РК*

22 *Вместо* «бедный»: бедный путешественник $РК_{п}$, *РК*

23 *Вместо* «таможню»: границу $РК_{п}$, *РК*

27 *Вместо* «и его ~ было»: И всё положение его весьма походило $РК_{п}$, *РК*

32 *Вместо* «решительная гроза»: гроза $РК_{п}$, *РК*

33 *Вместо* «Распоряжаясь ~ контрабандистов»: Неподкупность и честность его были непреодолимы и почти неестественны. Даже не составил он себе никакого капиталу из разных конфискованных товаров и отбираемых кое-каких вещиц, но не поступающих

---

[1] *Далее начато:* могут

в казну во избежание лишней переписки. Такое рвение и бескорыстная служба не могла не быть предметом общего удивления и [вместе] не могла не заслужить внима<ния> начальства. Он получил чин и повышение и[1] как только получил он чин и повышение, представил проект изловить всех контрабандистов и просил только средств[2] исполнить ему самому. Ему тот же час вручена была команда и неограниченная власть. Этого только ему хотелось. В то время образовалось сильное общество контрабандистов, на миллионы обещало выгод дерзкое, но верное предприятие. Он давно уже слышал обо всем этом и даже отказал подосланному стороною <?> подкупить его,[3] сказавши сухо, что[4] не пора, он[5] и отказался. Он слишком верно действовал. Теперь же в одну минуту дал он знать обществу, что[6] теперь пора. Расчет был слишком верен, он видел, что тут в один год получить можно то, что нельзя выиграть в двадцать лет самой ревностной службы *РК*

Стр. 567

2 *Вместо* «мог доставить ему»: мог бы ему доставить $РК_{II}$

3 *Вместо* «в обществе»: в свете $РК_{II}$

4 *Вместо* «вышесказанным ~ почему»: означенным порядком показалось Чичикову $РК_{II}$

6 *Вместо* «Говорят ~ войти»: Говорят, кто попробовал только, что такое приобретение, то уже не успокоится до тех пор, пока или проглотит весь кус, или подавится им. Поэтому решился, не пропуская случая, войти $РК_{II}$

10 *Вместо* «не устоял также»: не устоял $РК_{II}$, *РК*

12 *Вместо* «В самом деле здесь»: И точно $РК_{II}$

12 *Вместо* «В самом деле ~ гонителей»: и оба заключили тайные условия с обществом, которое немедленно приступило к действиям и начало их, точно, блистательным образом *РК*

13 *Вместо* «год ~ не представляются»: год, каких по службе не представилось бы $РК_{II}$

14 *Вместо* «что»: когда $РК_{II}$

17 *Вместо* «часто у нас»: часто $РК_{II}$, *РК*

19 *Вместо* «провезли»: пронесли $РК_{II}$, *РК*

20 *Вместо* «на несколько миллионов»: на полмиллиона $РК_{II}$; *РК* — на миллионы

22 *Вместо* «Если бы ~ удалось»: Не участвуя он в сем предприятии, никаким жидам в мире не удалось бы *РК*

24 *Вместо* «четырех ~ похода»: четырех бараньих походов $РК_{II}$, *РК*

---

[1] *Далее начато:* вслед за тем [2] *Далее начато:* изловить [3] *Далее начато:* Теперь в ту же минуту [4] *Далее начато:* тёперь еще [5] *Далее начато:* и в самом деле [6] *Далее начато:* могут войти в сношения

26 *Вместо* «едва ли ~ капитальцу»: едва ли не по двести тысяч капиталу $РК_{п}$; *РК* — почти по пятисот тысяч капиталу

27 *Вместо* «немного ~ молодцеватее»: оказалось и поболее, потому что он был побойчее $РК_{п}$, *РК*

28 *Вместо* «еще ~ капиталец»: страшной и ужасающей громадностью цыфры не возрос бы, если бы вдруг впоперек <?> всему не пробежала какая-то черная кошка *РК*

29 *Вместо* «если бы ~ не сбил»: если бы чорт не сбил $РК_{п}$, *РК*

31 *Вместо* «как говорится ~ поссорились»: говоря попроету, перебесились и поссорились $РК_{п}$, *РК*

Стр. 568

1 *Вместо* «отчасти»: несколько $РК_{п}$, *РК*

3 *Вместо* «но неизвестно»: неизвестно *РК*

3 *Вместо* «чрезвычайно»: жестоко *РК*

4 *Вместо* «очень резко и сильно»: тут же сильным и необыкновенно резким образом *РК*

6 *Вместо* «И потом еще прибавил»: да еще прибавил [для] потом ему в пику слова *РК*

6 *Вместо* «срезал ~ на него»: отбрил таким образом его кругом, обратив на него же *РК*

10 *Вместо* «этим»: сим $РК_{п}$, *РК*

10 *Вместо* «тот же час»: еще $РК_{п}$, *РК*

11 *Вместо* «произошла ~ крепкую»: была у них же ссора за какую-то *РК*

13 *Вместо* «как ~ чиновники»: по выражению таможенных чиновник<ов> *РК*

15 *Вместо* «под вечер»: под темный вечерок $РК_{п}$; *РК как РЛ*

16 *Вместо* «но что будто ~ Таким образом»: что оба-де были в дурачках, потому что бабенкой попользовался какой-то штабс-капитан Шамшарев. Как было дело в самом деле, бог их ведает, пусть лучше читатель охотник досочинит сам. Дело только в том, что *РК*

17 *Вместо* «воспользовалось лицо»: лицо $РК_{п}$

20 *Вместо* «семейных»: семейственных $РК_{п}$

20 *Вместо* «Впрочем ~ влечение»: а оставляет на волю читателям досочинить, как кому лучше нравится сообразно с собственным *<фраза не дописана>* $РК_{п}$

26 *Вместо* «открытыми»: явными $РК_{п}$, *РК*

27 *Вместо* «но рад ~ товарища»: но рад был, что упек товарища $РК_{п}$; *РК* — но таки упек своего товарища

28 *Вместо* «Обоих ~ службы»: Чиновников взяли под суд, конфисковали *<1 нрзб.>* и всё это разрешилось, как гром над головами, и чиновники, как после чаду и хмеля, вдруг опомнились и увидели с ужасом, что наделали *РК*

30 *Вместо* «надворный»: коллежский *РК*

30 *Вместо* «он пустил ~ с таким»: Он[1] умел затаить часть денежек. Все происки, все тонкие извороты ума, уже сильно напракти‹кованного›[2] опытного, знающего слишком хорошо людей, где подействовал просто приятностью оборотов, где трогательною речью, где всунул денежку кстати и[3] где кстати покурил лестью, которую, как известно, очень любят[4] всякие началь‹ники›. Словом, умел подействовать и обработать по крайней мере дело так, что оставили не с таким *РК*

32 *Вместо* «хоть и ~ довольно»: сильны, хоть и мелкая вещица по весу $РК_п$

35 «словом» *зачеркнуто в РК*

36 *Вместо* «нашему герою»: ему *РК*

37 *Вместо* «Удержалось ~ докопаться»: *РК а.* Удержались у него только уже секретные десять тысячонок, которые были запрятаны таким образом, что никакой пройдоха в мире не нашел бы их; *б.* Удержались у него тысячонок десять всего, припрятанных про черный день

37 *Вместо* «десять ~ прятал на»: десять, которые он скрывал про $РК_п$

Стр. 569

7 *Вместо* «какого рода»: каково *РК*

7 *После* «героя»: Вот какая гроза несчастия обрушилась ему на голову *РК*

8 *Вместо* «Читатель ~ подумать»: Теперь можно бы заключить *РК*

9 *Вместо* «таких ~ превратностей»: [стольких] испытаний, бурь, превратностей *РК*

10 *После* «удалится»: с оставшимися кровными десятью тысячонками *РК*

12 *Вместо* «и кое-как ~ из окна»: и там заклекнет навеки в ситцевом халате у окна *РК*

15 *Вместо* «в ситцевом халате подчас»: подчас в ситцевом халате $РК_п$

16 *Вместо* «на какого ~ жителю»: [5] разбирая[6] по воскресеньям подчас драку мужиков, происшедшую перед окном, и, для освежения пройдясь в курятник пощупать [несущуюся] курицу, назначенную в суп *РК*

19 *Вместо* «может быть»: также $РК_п$, *РК*

---

[1] *Далее начато:* употребил все деньги, какие не успели отобрать [2] *Далее начато:* словом, подействовал на всех, производивших следствие и приятностью [поступков] оборотов и раскаянием, трогательными речами, известными письмами князя Хованского и пока, словом, он обработал дело, по крайней мере [3] *Далее начато:* где следует подкупил [4] которую любят [5] *Перед этим начато:* заглядываясь иногда [6] *Далее начато: а.* по дер‹евне?›; *б.* происшедшую

20 *Вместо* «Чичиков ~ к приобретению»: непреклонной силе его характера. После всего того, что бы достаточно было, если не убить, то охладить и усмирить навсегда человека, не потухла в нем душевная жажда и неизъяснимая страсть к приобретениям *РК*

23 *Вместо* «в досаде, в горе»: в горе, в досаде $РК_{п}$, *РК*

26 *Вместо* «не мог ~ в самом деле»: не мог [угомониться и] отказаться от попыток. Словом, он показал терпенье, перед которым было[1] ничто дубинное [бесчувственное] терпенье немца, которое [уже] всё заключается в медленной крови его. Кровь его, напротив, играла сильно, и много нужно было силы воли набросить узду на всё то, что хотело бы выпрыгнуть и погулять на воле [тут были не немецкие бледные страстишки, которыми ничего не не стоит править] *РК*

31 *Вместо* «Почему же ~ званию»: почему ж я, зачем на меня обрушилась беда? Кто же зевает теперь на должности, все только приобретают.[2] Несчастным я не сделал никого, я не ограбил вдову, я не пустил никого по миру в одной рубашке. Никто не пострадал через меня. Пользовался [брал] я только с богатых, от избытков. Брал я там, где всякой брал бы.[3] Не воспользуйся я, другой воспользывается. Зачем же другие благоденствуют и почему должен пропасть червем? И что я теперь? Куда я гожусь? *РК*

Стр. 570

3 *Вместо* «разве ~ однако ж»: иногда только иными средствами. Но я $РК_{п}$

8 «Герой ~ богата»: *нет* $РК_{п}$, *РК*

15 *Вместо* «я могу»: я стану $РК_{п}$, *РК*

16 *Вместо* «пользующемуся ~ человеку»: отцу семейства *РК*

17 *Вместо* «чувствуя ~ даром»: зная, что даром *РК*

19 *Вместо* «Читатели ~ струна»: Читатель ~ имел ‹*и т. д. как РЛ*› $РК_{п}$; *РК* — Уже известно читателю, что Чичиков заботился сильно о потомках. ‹*1 нрзб.*› такой чувствительный предмет [на этом свете]

24 *Вместо* «нивесть»: неизвестно *РК*

28 *Вместо* «масло, свечи»: масло ли стоит, свечи ли, сало *РК*

29 *Вместо* «Так плакал ~ хотело»: Таким-то образом жаловался и плакал герой наш, а деятельность, между тем, никак не умирала в голове: там всё хотело что-то $РК_{п}$, *РК*

32 *Вместо* «казалось ~ плана»: ожидало только нового плана $РК_{п}$; *РК* — ждало только плана

33 *Вместо* «В ожидании ~ русской человек»: В ожидании ~ не приобревшее право гражданское, толкаемое со всех сторон, дурно

---

[1] перед таким терпением [2] *Далее начато:* Ведь я никому [3] *Далее было:* не я — другой, верно бы, попользовался

уважаемое мелкою приказною тварью и даже самими поверившими им дела свои, осужденное на беспрестанное пресмыкание в передних, грубые слова и прочее; но нужда заставила решиться на всё $РК_{II}$; *РК* — Вновь съежился, вновь принялся вести трудную жизнь, ограничивая себя во всем до последней безделицы и[1] из чистоты и благопристойности положения опустился в грязь и низменно‹сть?› и в ожиданьи лучшего принужден был даже заняться званием поверенного, званием, еще не приобревшим гражданства, толкаемым со всех сторон, плохо уважаемым мелкою приказною тварью и даже самими поверившими им дела свои, осужденное на пресмыкание в передних, грубости и прочее; но нужда заставила решиться на всё

Стр. 571

5 *Вместо* «Среди разных»: Из *РК*

6 *После* «между прочим»: одно *РК*

8 *После* «Имение»: по русскому обычаю *РК*

8 *Вместо* «разные ~ страху»: в последней степени: расстроено скотскими падежами плутами-приказчиками, неурожаями, повальными болезнями и совершенным бестолковьем в хозяйственных делах помещика, убиравшего в Москве дом в последнем вкусе, на который употребил он всё, что ни было у него: так ‹что› не осталось рубашки [на нем]. ‹*2 нрзб.*› понадобилось, наконец, заложить последнее оставшееся у него. Заклад в казну было тогда еще дело новое, на которое решались не без страху *РК*

13 *Вместо* «натурально ~ человека»: у русского человека никогда не бывает недостатка $РК_{II}$

14 *Вместо* «который ~ еще»: бывшему тогда еще делом $РК_{II}$

17 *Вместо* «потому что ~ взята»: ибо без надлежащего расположения не может быть даже взята $РК_{II}$; *РК* — без предварительного расположения, как известно, не может быть даже взята

20 *Вместо* «влить ~ непременно»: придется влить во всякую глотку $РК_{II}$, *РК*

21 *После* «всех»: кого следует $РК_{II}$, *РК*

22 *Вместо* «спросил»: спросил он $РК_{II}$; *РК* — объяснил он

22 *Вместо* «не без боязни ~ вымерло»: не без боязни, что вот-де какое обстоятельство между прочим, что половина крестьян почти вымерла $РК_{II}$; *РК* — что вот какое, между прочим, обстоятельство: половина крестьян вымерла

25 *Вместо* «какой-нибудь придирки»: как-нибудь не сделали привязки $РК_{II}$; *РК* — каких-нибудь привязок

25 *Вместо* «они же в ревизской»: они по ревижской $РК_{II}$, *РК*

---

[1] *Далее начато:* покамест могли относиться иначе, чтобы‹?› в ожиданьи другого

27 *Вместо* «что же вы?»: что же вы оробели? $РК_{п}$; *РК* — чего же вы оробели

28 *Вместо* «хоть»: не велика важность, хоть $РК_{п}$, *РК*

31 *Вместо* «вдохновеннейшая»: вдохновенная $РК_{п}$, *РК*

33 *Вместо* «всех этих душ»: вон этих всех *РК (кар.)*

Стр. 572

1 *Вместо* «да приобрети ~ тысячу»: приобрети их, положим, тысячу $РК_{п}$, *РК*

3 *Вместо* «250»: 250 тысяч $РК_{п}$, *РК*

3 *Вместо* «Теперь ~ нарочно»: А теперь же время для того самое $РК_{п}$, *РК*

4 *Вместо* «еще была»: была $РК_{п}$, *РК*

6 *Вместо* «закутились и прокутились»: закутили и прокутились $РК_{п}$; *РК* — закутили и промотались, как следует

7 *Вместо* «кем как»: как $РК_{п}$, *РК*

9 *Вместо* «всякой уступит»: уступит их всякой $РК_{п}$, *РК*

10 *Вместо* «даром»: подушных денег $РК_{п}$, *РК*

11 *Вместо* «Вот беда ~ переселю»: Теперь, как нарочно, продаются ~ губернии по рублю ~ переселю я $РК_{п}$; *РК* — а земли в Херсонской и Таврической губернии продают даром, только заселяй, я их туда всех и переселю

17 «я это сделаю» *нет* $РК_{п}$, *РК*

20 *Вместо* «Деревне ~ Павловское»: Деревню назвать можно Чичикова Слободка или именем, данным мне при крещении: какое-нибудь сельцо Павловское $РК_{п}$, *РК*

25 *Вместо* «сюжет»: проект $РК_{п}$, *РК*

26 *Вместо* «помышления его»: помышления $РК_{п}$, *РК*

27 *Вместо* «что и сказать ~ не приди»: как и выразить трудно, ибо что ни говори, не приди $РК_{п}$, *РК*

29 *После* «поэма» *набросок карандашом:* плод неутомимого [далекого] уединения, строгих размышлений, [горемычного скитания по свету] многого самоотвержения и *<2 нрзб.>* странствия по свету и любви *<1 нрзб.>* [предметом любви к близким, неотразимым, родным] неотразимой к тому, чего не ведает влекомый предметом, составляющим любовь его сердца *Далее на полях:* любви неотразимо, той любви [к тому] [которой нет имени и на земле] которой не знает свет, любви к тому, для чего призван в мир писавший сии строки. Ее же имени нет на свете. Ею же объята душа писавшего сии строки *РК*

30 *Вместо* «Перекрестясь и благословясь»: Перекрестясь $РК_{п}$, *РК*

30 *Вместо* «герой ~ плана»: он приступил к исполнению плана *РК*

31 *Вместо* «очень»: весьма $РК_{п}$

32 *Вместо* «а иногда ~ удовольствия»: просто из удовольствия $РК_{п}$; *РК зачеркнуто*

33 *Вместо* «разными другими»: другими *РК*

35 *Вместо* «обширного государства»: государства $РК_{п}$, *РК*
35 *Вместо* «в такие углы»: в такие $РК_{п}$; *РК* — в те
36 *Вместо* «которые особенно»: которые $РК_{п}$, *РК*
36 «каких-нибудь» *зачеркнуто РК*

Стр. 573

2 *Вместо* «можно ~ подешевле»: можно и удобнее и дешевле $РК_{п}$, *РК*
3 *Вместо* «никак не адресовался»: не обращался *РК*
4 *Вместо* «а напротив»: но *РК*
5 *Вместо* «таких»: или таких $РК_{п}$, *РК*
5 *После* «можно было»: с меньшими затруднениями $РК_{п}$, *РК*
6 *Вместо* «которых ~ узнал»: которых уже он заблаговременно несколько узнал $РК_{п}$; *РК* — [и всегда] стараясь прежде познакомиться, расположить к себе, чтобы [посредством этого] если можно дружбою, а не покупкою приобрести мужиков, [потому что был бережлив и не любил тратить даром копейку]
8 *Вместо* «доселе»: доныне $РК_{п}$, *РК*
9 *Вместо* «автор ~ хозяин»: *РК а. Начато:* Здесь он; *б. Начато:* Всему виноват; *в.* Это вина Чичикова [а ему] Здесь он полный хозяин, [а не автор] и *РК*
10 *Вместо* «избрать»: выбрать $РК_{п}$
12 *Вместо* «ну, да ~ сладь»: ну, да прошу сладить с Чичиковым $РК_{п}$
14 *Вместо* «вздумается поехать»: ему вздумалось $РК_{п}$, *РК*
15 *Вместо* «Автор ~ стороны»: С нашей стороны $РК_{п}$, *РК*
15 *Вместо* «на него сильное»: на нас $РК_{п}$; *РК зачеркнуто*
16 *Вместо* «за невзрачность»: за бледность и невзрачность $РК_{п}$, *РК*
16 *Вместо* «может ~ течения»: можно привести только, что никогда вначале не видно широкого течения $РК_{п}$; *РК* — [приведем] скажем только то, что никогда вначале не увидишь дела во всем его объеме. Никогда ‹*1 нрзб.*› да не приметишь вначале широкого теченья
20 *Вместо* «всё ~ серо»: сначало всё серо *РК*
20 *Вместо* «какие-нибудь ~ заборы»: бесконечные заборы *РК*
21 *После* «заводы»: и фабрики $РК_{п}$, *РК*
23 *Вместо* «улиц с городским»: улиц, все в колокольнях, [фронтонах] колоннах, башнях со всем своим городеким *РК*
24 *После* «шумом»: [трескотней] *РК*
24 *Вместо* «и всё»: и всем *РК*
25 *Вместо* «По крайней мере ~ Чичиков»: Как произвелись первые покупки, читатель уже видел *РК*
27 *Вместо* «пойдут ~ потом»: будут удачи ~ потом увидит $РК_{п}$; *РК* — будут удачи ~ увидит

К окончанию биографии Чичикова (к стр. 563—573*) относится набросок на отдельном листе, вшитом в РЛ (между стр.* 138 *и* 139 *рукописи):* встряхнувшись немного, как добрый пудель, которого облили водой,[1] герой наш увидел, что нужно отправиться и поискать такого места, где было бы можно высушиться. Лучше всего высушиться ему казалось около таможни. Он уже давно слышал рассказы о том, какими редкими вещами и капиталами заводятся господа чиновники и какие богатые сервизы,[2] тонкий и голландский холст посылают в подарок своим зятьям, шуринам и даже самым дальним родственникам. Словом, он сделался таможенным.[3] Как это дело было сделано, автор об этом ничего не знает, но только на нем уже был мундир с зеленым воротником и шпага.[4] В три месяца он успел так примениться и войти, как говорится, в должность, что все контрабандисты, аматеры запрещенных брабантских кружев, пришли в совершенное отчаяние.[5] Он так набил руку в таможенном деле, что[6] даже не мерил, не весил, но по фактуре узнавал, сколько-то в такой штуке аршин сукна или материи,[7] взявши в руку сверток, [он] уже узнавал, сколько в ней <!> фунтов,[8] а запрещенный товар слышал обонянием.[9] «Не угодно ли вам немного привстать, или побеспокоиться, или маленько поотстегнуть ваше исподнее», говорил он и вытаскивал очень хладнокровно руками шали так, как будто бы из собственного сундука. Нигде не могло укрыться. Отыскивал он в дышлах, оглоблях, в колесах, в подкладке плащей и, наконец, в таких местах, куда даже автору на бумаге неприлично забраться. Так как тогда еще не было наставления, чтобы[10] половина контрабанды принадлежала нашедшему, то чиновники распоряжались таким образом, чтобы оставлять при себе всё, тем более, что зачем же утруждать казну излишней перепиской. Это доставляло изрядный доход, и,[11] продолжая таким образом выгодно службу, Чичиков мог составить в течение 10 лет изрядный капиталец, сотняшки две-три тысячи по крайности. Но здесь нужно сказать, что у героя нашего было неопределенное и самое неугомонное желание разбогатеть сколько возможно скорее и ускорить [таким образом] медленность обыкновенного и протяжного хода вещей. Он решился войти в половину с контрабандист<ами>,[12] пригласивши для лучшего успеха другого таможенного чиновника. Все польские жиды услышали об этом

---

[1] *Далее начато:* Чичико<в> [2] *Далее начато:* посылают [3] *Далее начато:* И не прошло [4] *Далее начато:* В этом звании он оказал просто чудеса [5] *Далее начато:* Герой н<аш> [6] *Далее начато:* по одному виду, по фактуре [7] *Далее начато:* сколько [8] *Далее начато:* и, кажется, слышал носом всё, что есть запрещенное [9] *Далее начато:* Здесь говорите [10] *Далее начато: а.* товары; *б.* контрабанду делить [11] *Далее начато:* уже посредством [12] войти в общество контрабандистов

по секрету и обрадовались страшным образом. Весь Бердичев, Краков и все, кто носил ермолку и[1] бороду[2] соединились в одно, и в том же году перешло через границу штук[3] баранов. Это бы еще ничего, потому что пошлина за барана была заплачена, но главное то, что на каждом баране была двойная шкура, а под шкурой[4] переехало на полмиллиона кружев да на столько же шелковых платков [и материй]. Когда[5] три раза случилась эта перегонка баранов, у таможенных чиновников по полтораста тысяч очутилось в кармане,[6] только дивились, как подешевели[7] заграничные товары.[8] Весьма может быть, что в непродолжительное время возросла бы эта сумма и до пятисот тысяч, если бы чиновники сами себе не нагадили. Как-то Чичиков неосторожно, или с умыслом, или рассердясь, я, право, не могу наверно сказать,[9] назвал другого таможенного чиновника[10] поповичем (NB этот чиновник уже был статский советник). А так как всякий[11] попович, который перевалил уже за статского советника, уже не называет себя поповичем и всегда умалчивает о своем отце, то это название попович было для него то же, что оплеуха,[12] и с этого будто бы началась у них ссора. Другие рассказывают, что ссора произошла за дворовую девку Акульку, которою будто бы очень интересовался Чичиков и в то же время означенный таможенный чиновник, а что будто бы ею больше всех пользовался Чепраков, уланский ротмистр. Я, признаюсь, не люблю мешаться в семейственные дела и потому не могу сказать наверно, как это было. Дело только в том, что Чичиков и Никитенков поссорились на смерть, и чиновник донес на Чичикова[13] всю историю об баранах. Хотя он сам и попал в эту историю, но был доволен тем, что нагадил своему сослуживцу. Оба были взяты под суд, и пошло производство дела, и всё то, что ни удалось накопить обоим чиновникам расторопностью и умением, всё пошло[14] в воду. Их собратья же [другие] таможенные чиновники помогли облегчить их со всех сторон от всяких тяжестей, так что они выбежали из суда[15] на под<обие?> тех петушков, которые <*1 нрзб.*> зудимые романическою страстью,[16] понаведались было в другие курятники,[17] да попались под такие сильные клювы других петухов, что только и унесли с собою одни перья и, сопровождаемые куриным хохотом, улепетывали куда глаза глядят. Чичикову удалось всего-навсего унести

---

[1] *Далее начато:* узенько [2] *Далее начато:* составили [3] *Очевидно, пропущена цифра, но места для нее не оставлено.* [4] *Далее начато:* кружева [5] *Далее начато:* или два и<ли> [6] *Далее начато:* На Руси [7] *Далее начато:* русские тов<ары> [8] *Далее начато:* Бараны [9] *Далее начато:* до меня так дошло неясно и бе<столково?> [10] *Далее начато:* который [11] *Далее начато:* стат<ский> [12] *Далее начато:* и он ре<шил?> [13] *Далее начато:* что [14] *Далее начато:* к [15] *Далее начато:* как общипанные петушки, которые [16] *Далее начато:* забрались было [17] *Далее было:* да встретили петушьи носы посильнее

с собою тысячонок десять рублей и запачканный послужной список, в котором прописано, что он отставлен с чином, но вместе с тем, чтобы не злоупотреблять ни у каких дел... Такое несчастие испытал герой наш. Это герой наш называл обыкновенно пострадать за правду, [за отечество] по службе.[1] Но на этом дело не могло остановиться, как без сомнения знает и сам читатель. Подумал он: неужели нет уже совершенно никаких средств разбогатеть,[2] пути, конечно, заперты в службу. В это самое время пришла ему та мысль, которая внушила автору этот роман.[3] Мысль эта состояла вот в чем. Так как[4] из ревизии не выключаются умирающие крестьяне до самой перемены новых списков, что продолжается несколько лет, и души считаются как бы живые, так накупить таковых душ и заложить их в ломбард. За это само‹е› можно взять сто — двести тысяч. Этого капитала будет достаточно, чтобы прожить порядочно весь век, как прилично доброму [и] гражданину. От этого ближним вреда никакого, а казна — богатый человек, ей[5] убыли немного, ведь ее и без того общипают разные подрядные начальники благодетельных заведений, патриоты, подрядчики и прочие. Таким образом думал Чичиков и считал, что он думал совершенно справедливо. И принялся за дело.[6] Он вовсе не наезжал на помещиков без всякого разбора и говорил им: продайте мне вымерших крестьян.[7] Совсем нет, он очень знал, к какого рода владетелям нужно обращаться.[8] Он искал по темным захолустьям и, как мы уже видели, искал или скряг или промотавшихся и, как Мефистофель или тот [самый] искуситель вечный, который был еще недавно в моде в Европе, как и то таинственное лицо, [он] посещал тюрьмы, жилища нищеты и где люди были более готовы решиться на грех.[9] Подобно и ему герой наш решился исходить менее освещенные закоулки[10] нашего грешного света. Каковы были его первые подвиги, читатель уже видел.

32 *Вместо* «где красуется ~ конь»: которых уже всех читатель знает поименно: фаворита гнедого, подлеца серого и пристяжного $РК_{II}$; *РК* — уже знакомой читат‹елю› и связанных уже навсегда‹?› Заседателя, гнедого, подлеца Чубарого

33 *Вместо* «вот, наконец»: вот $РК_{II}$, *РК*

34 *Вместо* «таков, как есть»: каков есть $РК_{II}$, *РК*

34 *Вместо* «Может быть еще»: Может быть $РК_{II}$; *РК* — Но

---

[1] *Далее начато:* Однако же, чорт возьми [2] *Далее начато: а.* В это самое время. *б.* В слу‹жбе› ‹*1 нрзб.*› нет, туды нет, все пути [3] внушила это-то автору [4] *Далее начато:* в ревизии числятся [5] *Далее начато:* что [6] *Далее начато: а.* Ему казалось лучше; *б.* Он выбирал нарочно где-нибудь в глуши, в темном закоулке [7] *Далее начато:* Нет, он [8] *Далее начато:* Как мы уже видели [9] *Далее начато:* Так и чорт [10] *а.* менее заметные углы; *б.* менее освещенные углы

Стр. 574

1 *Вместо* «Это видно ~ разве подлец»: Что он не герой, исполненный совершенств и добродетелей, это видно. Стало быть, он подлец? *РК*$_{II}$, *РК*

7 *Вместо* «да и те»: но и те *РК*$_{II}$, *РК*

7 *Вместо* «Может быть ~ души»: неприятно, конечно, покажется только иному читателю, что проект составляет главное в характере его; но у кого же нет одного какого-нибудь стремления, резко оставляющего отпечатление на всем характере и обдуманно, подобно холодному, бесчувственному деспоту, истребляющему *и т. д. как в тексте РК*$_{II}$; *в РК этот текст зачеркнут и карандашом вписано на полях:*[1] конечно, прожект, страстно увлекающий прожект. Страсть к приобретению виною все<го> того, что, может быть, он произвел некоторые дела не совсем чистые. Конечно, в этой страсти есть уже что-то <что> отталкивает, — читатель винить рад; встретив такого человека, и когда даже сам знает, что он не очень чистый человек, и подружится с ним, а в книге не любит встречать. Так странно на свете. Но мудр тот, который не чуждается никаких характеров, но следит глубокомысленно, нисходя до первоначальных причин. Как часто нечувствительно не успел оглянуться человек и уже поселился внутри и стал великаном ужасный червь, обратив к себе все жизненные его соки.[2] Прекрасное приобретается сначала произвольно, по желанию и там уже становится [страшным] деспотом и властителем, и счастлив тот, чей разум и воля изберут прекраснее и выше всех других.[3] Но есть страсти, которые даются свыше, и не властен человек ни приобрести, ни отказаться от ней <!>, и есть что-то восторжен<ное>, вечно зовущее в сем влечении

Сюда же относится набросок на отдельном листе: Да у каждого из нас есть страсть, и что-то есть дивно-упоительное в сем влечении. Уже родились они с ним в [самую] минуту рождения его [в мир] в свет, и не дано ему сил отклониться от них. Высшими начертаниями они ведутся[4] и есть в них что-то вечно зовущее, не умолкающее во всю жизнь. Земное [ли] великое [ли] поприще суждено совершить — всё равно, в мрачном ли образе или [чудесным] прелестно-светлым явлением, возрадующим мир[5]

15 *Вместо* «или смелая»: широкая *РК*$_{II}$, *РК*

17 *После* «в человеке»: и в человеке, казалось бы рожденном на великие дела *РК*

---

[1] *Перед этим начато:* который [2] *Далее начато:* Все они приобретаются сначала произвольно [3] *Далее начато:* глубже и глубже будет он входить [4] *Вместо* «Высшими ~ ведутся»: Для высших начертаний, ему непостижимых — обречены они [5] всё равно в образе ли злодейства или явления, возрадующего мир

19 *Вместо* «Безумно ~ влечении»: Бесчисленны, как морские пески, человеческие страсти, и все непохожи одна на другую *РК (кар.)*

25 *Вместо* «очи ~ иной»: очи свои в иной $РК_{п}$, *РК*

26 *Вместо* «чудесных»: чудных $РК_{п}$, *РК*

28 *Вместо* «в сем мире»: в земном мире *РК*

30 *Вместо* «Но читатель ~ в душе»: Но читатель и сему ~ и не верить. Лучше поверит читатель одной страсти, преобладающей всеми, не чувствуя, что она просто мода, деспотски разлетевшаяся и в то же время для того же читателя будет вечно что-то отталкивающее в страсти к приобретениям, то есть, конечно, если эта страсть будет сообщена герою поэмы; в натуре другое дело: в натуре ничего. Множество читателей оттолкнутся от нашего героя ~ недовольны Чичиковым, но потому *и т. д. как в тексте* $РК_{п}$; *РК начато исправление предыдущего текста*: *а*. Скорее поверит читатель тому, что общее всем, что просто одна только мода, разлетевшаяся над миром, а не страсть; *б*. Но не то тяжело [автору], что читатели будут недовольны [его] героем, тяжело то, что живет в душе

Стр. 575

9 *Вместо* «такая верная»: неотразимая $РК_{п}$, *РК*

12 *Вместо* «на дне ее»: на дне *РК*

12 *Вместо* «невидимо и прячется»: и невидимо прячется $РК_{п}$; *РК* — и прячется

15 *Вместо* «городу NN»: городу $РК_{п}$, *РК*

16 *Вместо* «многим другим»: другим $РК_{п}$, *РК*

18 *Вместо* «ни фигура»: ни [весь] образ его *РК*

18 *Вместо* «отточенными ~ что он»: бы надолго в их памяти, что он $РК_{п}$; *РК* — в памяти, и он

19 *Вместо* «не мечется ~ человек»: не метался бы вечно пред ними, как живой человек $РК_{п}$; *РК* — не метался бы [он], как живой перед глазами

20 *Вместо* «они не растревожены ~ много на свете»: не встревожена ничем душа, не возмущена, и покойно они могут, совершенно покойно обратиться[1] к мирным занятиям, то есть обратиться к вечному карточному столу, тешащему всю Россию, или неразвлекаемо заняться тонким разбором, что из принесенной кучи необходимого добра будет гармонировать более с цветом волос.[2] И знает вас много, мои добрые читатели, сей неведомый вами автор *и т. д. как в тексте* $РК_{п}$; *РК* — душа не встревожена и

---

[1] *Далее вписано и зачеркнуто:* вновь [2] *Над строками с текстом* «неразвлекаемо ~ волос» *вписано:* показать тонкий ‹вкус?› в разборе дрязга, созданного великою модою, мудрым делом девятнадцатого века, развившего ее в полном совершенстве, счастие великое, подаренное им человечеству в награду, за трудные и бедственные его странствия

можно обратиться вновь к карточному столу, тешащему всю Россию. Да. Вам бы не хотелось, добрые читатели мои, видеть обнаруженную пред[1] собой человеческую бедность

30 *Вместо* «изображать ~ строки»: выводить всё это внаружу и обращать ‹*и т. д. как в РЛ*› $РК_{п}$; *РК зачеркнуто*

33 *Вместо* «не утешительно видеть»: не утешительно *РК*

33 *Вместо* «Лучше ~ хорошее»: Лучше же представляйте нам прекрасное, увлекательное $РК_{п}$, *РК*

34 *Вместо* «мы позабудемся»: позабудемся мы *РК*

35 *После* «позабудемся»: хоть на малое время $РК_{п}$

35 *Вместо* «и вы похожи ~ именье»: Что ты, брат, говоришь мне,[2] что дело в хозяйстве идет скверно? — говорит помещик приказчику: — я, брат, знаю это без тебя. Дай мне, по крайней мере, позабыть‹ся›.[3] Да у тебя разве язык не поворотится сказать что-нибудь иное? что зачем ‹*1 нрзб.*› ты о другом деле? Я хочу не знать это, хочу позабыться: я тогда счастлив. — И вот те деньги, которые поправили бы сколько-нибудь дело, идут на разные средства для приведения себя в забвение. Спит ум, может быть обревший бы внезапный родник великих средств, а там бух имение *РК*.

К этому же отрывку относится набросок на отдельном листке, подшитом к РК, почти полностью совпадающий с приведенным текстом.

Стр. 576

3 *Вместо* «он сам не обратит»: он не обратит, наконец $РК_{п}$

4 *После* «поправление»: хотя часть времени и $РК_{п}$

5 *Вместо* «будет»: будет ничем $РК_{п}$

6 *Вместо* «я и без»: я без $РК_{п}$

11 *Вместо* «неожиданным ~ имение»: всё имение $РК_{п}$

12 *Вместо* «в одном ~ забываться»: в одном сертучке позабываться $РК_{п}$; *РК* — позабываться

13 *Вместо* «готовой ~ низости»: от крайности готовою на все низости $РК_{п}$; *РК* — от крайности готовою на низости

14 *Вместо* «Еще ~ найдутся»: Автор предчувствует, что еще с одной стороны упадет на него обвинение $РК_{п}$; *РК* — Еще с одной стороны будет обвинение на автора

16 *После* «да ведь это»: всё, что ни помещено здесь $РК_{п}$, *РК*

17 *Вместо* «а что скажут и»: Что же $РК_{п}$, *РК*

18 *Вместо* «Ну ~ подобного»: против такого $РК_{п}$, *РК*

18 *Вместо* «автор ~ привести»: трудно даже найтиться, как отвечать. Ничего другого нельзя сделать, как разве привести только вместо ответа жизнь $РК_{п}$, *РК*

---

[1] *Далее начато:* вами бедность людской [2] *Над строкой:* Зачем ты, брат, говоришь это‹?› [3] *Далее было:* я тогда счастлив, я не слышу ничего этого

24 *Вместо* «состоявшую»: то есть $РК_{II}$, *РК*
25 *Вместо* «в курении трубки»: с трубкою в зубах $РК_{II}$, *РК*
26 *Вместо* «хотя, конечно»: конечно $РК_{II}$, *РК*
30 *Вместо* «называется»: называют $РК_{II}$, *РК*
31 *Вместо* «натура его»: его натура $РК_{II}$, *РК*
32 *Вместо* «Как-то ~ он»: Ничего он не мог $РК_{II}$, *РК*
36 *После* «даже»: в своей комнате $РК_{II}$, *РК*

Стр. 577

2 *Вместо* «на его сына»: на Феописта Пистовича $РК_{II}$, *РК*
3 *Вместо* «сделать-то как это»: как это сделать $РК_{II}$, *РК*
3 *Вместо* «Наедине ведь»: Наедине-то $РК_{II}$, *РК*
4 «уже я пробовал» *нет* $РК_{II}$, *РК*
5 *Вместо* «при другом ~ так его»: при другом-третьем, он бы унялся; да то беда, скажешь при одном-третьем, а уж весь город узнает и упреками глаза выедят. Пусть уж нелегкая не возьми $РК_{II}$, *РК*
7 *Вместо* «похуже»: будет похуже $РК_{II}$, *РК*
8 *Вместо* «отец»: Пист Пистович $РК_{II}$, *РК*
9 *Вместо* «разнообразя ~ запросами»: предаваясь беспрестанно остроумным новым догадкам $РК_{II}$, *РК*
12 *Вместо* «скорлупа яйца»: скорлупа $РК_{II}$, *РК*
13 *Вместо* «должна ~ толста»: я чай $РК_{II}$, *РК*
14 *Вместо* «а лучше ~ выдумать»: а нужно будет изобресть $РК_{II}$, *РК*
16 *Вместо* «сих двух»: двух $РК_{II}$, *РК*

К этой части главы относятся следующие наброски на отдельных листках:

‹1› Разве весело слышать дурное мнение о себе? Думают: «Разве это не больно, разве мы не патриоты!»[1] На такие мудрые замечания,[2] особенно насчет мнения иностранцев, признаюсь, ничего нельзя прибрать в ответ. А разве вот что: жили в одном отдаленном городке России два обитателя;[3] ‹2› *(вшит в РК)*: Еще будет обвинение на автора со стороны так называемых патриотов. Есть род патриотов, которые спокойно себе сидят по углам, занимаясь коплением капитальца, и спокойно занимаются упроченьем собственной судьбы насчет других. Но если что-нибудь произойдет, по мнению их, оскорбительное для отечества, они выбегут вдруг на свет как пауки, завидевшие, что шевелится муха, вдруг окажутся и будут говорить: «Помилуйте,[4] зачем всё это выводить на свет и провозглашать это? Ведь что̀ написано ‹в› этой книге, всё наше.

---

[1] *Вместо* «Разве ~ патриоты»: Нет, и без того о нас нехорошего мнения. Что же скажут теперь, когда увидят, что свой заговорил вот как! Да и будто в самом деле мы одни такие: ведь и похуже нас есть! и прочее. [2] *Над строкой надписано:* и мне не надо их [3] ничего другого не остается сделать, как разве только привести жизнь двух обитателей одного отдаленного уголка России [4] *Далее начато:* ведь это

Хорошо ли это? А что скажут иностранцы? Ведь они и без этого о нас нехорошего мнения, а[1] что ж они подумают теперь, когда свои да еще вот как заговорили?» Ну, признаюсь, против такого мудрого обвинения не найдешься, как и отвечать. Придется, видно, вместо всякого ответа, привести в пример жизнь двух обитателей одного отдаленного уголка.

Один был отец Мокий Иванович,[2] человек довольно кроткий,[3] проводивший жизнь более халатным образом. На хозяйственные дела он немного обращал[4] Вся жизнь обращена была в умозрительную сторону. *Ходя по комнате, он задавал себе вопрос:*[5] «*Вот*, например, зверь», говорил он сам себе:[6] «зверь родится нагишом. Почему ж он[7] нагишом? Почему не так, как птица? не из яйца?[8] Как, право, непостижимо! Совсем не поймешь натуры, как больше в нее углубишься!» Другой, Иван Мокиевич, был то, что называют на Руси богатырь. И в то время, когда отец занимался[9] рождением зверя, двадцатилетняя плечистая натура так и стремилась развернуться, и он ни за что не мог[10] взяться легко: всё или рука у кого-нибудь, или волдырь. В доме всё, от дворовой девки до дворовой собаки, бежало, его завидев; в спальне своей он даже собственную кровать изломал. «Помилуй, батюшка, Мокий Иванович», говорила вся дворня, его и соседняя: «что это у тебя Иван Мокиевич? Никому покоя нет, такой притерпень». — «Да», говорил ‹Мокий› Иванович, выведенный из своего дельного размышления: «[Хорошо] Я и сам вижу, что Иван Мокиевич шаловлив. Не знаю, право, как с ним быть. Наедине [меня] он не послушает; а есть средство: человек он честолюбивый, укори его при другом, третьем, он уймется. Да ведь как же это сделать? Нельзя. Скажи я, а весь город-то что заговорит? Ведь он и так уж нехорошего об нем мнения,[11] а Иван Мокиевич все-таки моя кровь.[12] Если я сам заговорю о нем худо, так что ж другие? Они подумают еще хуже. Нет уж ‹пусть› его так остается, авось выйдет не совсем собака. Да и»[13] И довольный таким решением, отец говорил: «Ну, если бы слон родился в яйце, ведь скорлупа, чай, очень бы толста, пушкой не прошибешь, нужно другое выдумать огнестрельное орудие». Так протекала[14]

---

[1] *Далее начато:* тут [2] Мокий Павлович [3] человек весьма кроткий [4] *Фраза не дописана.* [5] *Над строкой:* и занят был следующим [6] *Далее начато:* Странно, почему [7] он родится [8] *Далее было:* Ведь яйцо может быть и большое. Любопытный вопрос, право. Ну, вот, найдется много в натуре вещей, совершенно непостижимых. Право, в натуре вещи совсем, совсем непостижимы; вот просто непостижимы [9] *Далее начато:* вопросом о рождении [10] не умел [11] *Далее начато:* А [все таки] ведь это мое дет‹ище?›, [мне] моя [12] *Далее начато:* Уж лучше, говорит, что узна‹ют› [13] *Фраза не дописана.* [14] *На этом текст наброска обрывается.*

«Что, видно, они думают, что я не отец. Я отец.[1] Даром, что я занят и тем и другим, и самому некогда,[2] но у меня Иван Мокиевич сидит вон тут, в сердце». И оставался Иван Мокиевич продолжать свои богатырские подвиги. Обращик Мокиевича — <Еруслан?> Лазаревич[3]

При этом Потап Мокиевич бил себя весьма сильно кулаком в грудь. «Нет, уж по крайней мере из моих-то уст об этом никто не услышит. Уж пусть лучше остается собакой, да остается тихомолком.[4] Да будто нет хуже, что ли? У Степана Прохорыча похуже сынишка

19 *Вместо* «будет»: будет сделано $РК_{п}$, *РК*

20 *Вместо* «причиною ~ автор»: суть причины подобного обвинения: другое скрывается под ними. К чему таить слово? Я вам прямо говорю, мои читатели, ибо кто же, как не автор, должен сказать вам святую правду $РК_{п}$; *РК* — суть причины подобного обвинения: другое скрывается под ними. К чему таить слово? Кто же, как не автор, должен сказать его святую правду

25 *Вместо* «по всему скользнуть»: скользнуть по всему $РК_{п}$, *РК*

28 *Вместо* «плут ~ схватил»: плут ~ подметил $РК_{п}$; *РК* — этот плут кое-что верно подметил, должно быть веселый человек

29 *Вместо* «этого»: таких слов $РК_{п}$, *РК*

30 *Вместо* «усмешка ~ усмехнувшись»: улыбка покажется на лице его, и с усмешкой $РК_{п}$, *РК*

35 *Вместо* «допрос»: запрос $РК_{п}$, *РК*

Стр. 578

1 *Вместо* «во мне»: и во мне самом $РК_{п}$, *РК*

2 *Вместо* «вас»: его $РК_{п}$, *РК*

3 *Вместо* «ваш же»: его же $РК_{п}$, *РК*

3 *Вместо* «ни очень ~ вы»: ни слишком большой, ни слишком малый, он $РК_{п}$, *РК*

5 *Вместо* «соседа ~ Смотри»: своего соседа и, чуть не фыркнув от смеха, скажет: «Смотри, смотри $РК_{п}$, *РК*

7 *Вместо* «вашим»: его $РК_{п}$, *РК*

8 *Вместо* «его ~ вполголоса»: сзади и приговаривая $РК_{п}$, *РК*

10 *Вместо* «и позабыли»: позабыв о том $РК_{п}$, *РК*

11 *Вместо* «который спал ~ услышать»: который спал ~ легко может статься, как-нибудь услышит $РК_{п}$; *РК* — спавший во время рассказа его повести, уже проснулся и легко может услышать

14 *Вместо* «его»: свою $РК_{п}$, *РК*

14 *Вместо* «Автор ~ герой наш»: а он, не мешает еще раз предуведомить $РК_{п}$; *РК* — Он же [как читателю известно]

15 *Вместо* «очень ~ недоволен»: обидчивый и недоволен *РК*

---

[1] *Далее начато:* у меня вот тут [2] Даром, что я занимаюсь предметом умозрительным [3] *Далее текст (несколько слов) не поддается прочтению.* [4] пусть лучше он себе тихомолком остается собакой

16 *Вместо* «как-нибудь ~ в свете»: неуважительно, или просто даже скажут что-нибудь роняющее вес или значение в свете *РК*$_{п}$; *РК* — неуважительно

18 *Вместо* «Читателю, конечно»: Читателю *РК*

19 *Вместо* «он на него»: на него Чичиков *РК*$_{п}$, *РК*

20 *Вместо* «никак»: ни в каком случае *РК*$_{п}$,

20 *Вместо* «Как бы ~ впереди»: Что ни говори, пути и дороги не мало еще придется им пройти вдвоем рука в руку, две части еще впереди *РК*$_{п}$; *РК* — Еще не мало пути — дороги придется им пройти вдвоем рука в руку; две части впереди

28 *Вместо* «потряхивал он с просонков»: потряхивая в просонках *РК*$_{п}$, *РК*

31 *Вместо* «он ~ назад»: он сам опрокинулся с козел своих совершенно назад *РК*$_{п}$; *РК* — он сам опрокинулся с козел назад

32 *Вместо* «свою голову»: голову *РК*$_{п}$, *РК*

34 *Вместо* «серого»: Чубарого *РК*

Стр. 579

5 *Вместо* «мягким»: чуть заметным *РК*$_{п}$, *РК*

9 *Вместо* «позабыться»: сказать иногда: чорт побери всё *РК (кар.)*

10 *Вместо* «не любить. Что»: не любить ее, когда что-то *РК*$_{п}$; *РК* — не любить ее! Не любить ее, когда что-то

17 *Вместо* «мелькании ~ успевает»: мелькании, где не успевает *РК*$_{п}$, *РК*

18 *Вместо* «над головой небо»: небо над головою *РК*$_{п}$, *РК*

26 *Вместо* «ярославский»: ярославский расторопный *РК*$_{п}$ *(кар.)*

26 «только всего»: *нет РК*$_{п}$, *РК*

28 *Вместо* «замахнул рукой»: замахнулся *РК*$_{п}$, *РК*

32 *Вместо* «вдали видно только»: видно вдали *РК*$_{п}$, *РК*

Далее до конца РК$_{п}$ *и РК совпадает с окончательным текстом.*

КОММЕНТАРИИ

I

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

а. Печатные

МД — Похождения Чичикова или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. М., 1842.

МД$_2$ — Похождения Чичикова или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Издание второе. М., 1846.

б. Рукописные

РМ — Первая сохранившаяся редакция (главы II—VI). Автограф. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве.

РЛ — Копия с многочисленными авторскими исправлениями. Почти полный текст поэмы; отсутствуют бо́льшая часть первой главы и отдельные листы из других глав. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

РК — Текст поэмы, написанный в большей своей части под диктовку Гоголя, с многочисленными авторскими исправлениями. Ряд листов — автографы. Текст почти полный; отсутствуют лишь отдельные листы. Библиотека Академии наук УССР в Киеве.

РГ — Глава XI (начиная с биографии Чичикова). Автограф. Редакция, близкая к печатной. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

РП — Копия с рукописи *РК*, с поправками Гоголя. Полный текст поэмы. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

РЦ — Цензурный экземпляр. Копия с поправками Гоголя и цензурными искажениями. Научная библиотека им. М. Горького при Государственном университете в Москве.

«Повесть о капитане Копейкине». Запрещенный цензурой текст (четыре листа, вырезанные из рукописи *РЦ*). Копия с поправками Гоголя. Главное архивное управление в Москве.

Отрывки. Из бумаг А. А. Иванова. Черновые наброски к главам II, V, VI, VIII — XI и неполный текст гл. VIII. Автографы. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве.

Отрывки. Черновые наброски к главам VII—VIII, IX, размышления о героях «Мертвых душ», заметки к 1-й части. Автографы. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

Отрывок. Черновой набросок к главе VIII. Автограф. Областной архив в г. Горьком.

Отрывок. Черновой набросок к главе IX. Автограф. Библиотека Академии наук УССР в Киеве (среди рукописей «Тараса Бульбы»).

В настоящем издании печатается по первому изданию поэмы 1842 г., с поправками по всем рукописям.

II

Работа над «Мертвыми душами» была начата осенью 1835 г. Рукописи первоначальной стадии работы не сохранились. Хронологически наиболее ранняя из дошедших до нас рукописей *(РМ)* находится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (из собрания А. А. Иванова; шифр 10-го издания:[1] *ИМ*). Она содержит часть поэмы от половины второй главы по шестую. После текста шестой главы написан карандашом заголовок: «Глава 7». Это тетрадь формата почтовой бумаги, без переплета, в сероватой обложке. Первые семнадцать листов вырваны и текст начинается со слов: «...крепко головою в кузов». Всего в рукописи 130 страниц. Она относится к 1836—1839 гг. В «Воспоминаниях» Анненкова имеется указание, что осенью 1839 г. Гоголь читал в Петербурге первые четыре главы по «тетради почтовой бумаги в осьмушку, мелко-на-мелко исписанную».[2] Очевидно эту рукопись он и имел в виду. Затем весной 1840 г. автор читал «Мертвые души» в Москве. По свидетельству С. Т. Аксакова, Гоголь прочитал в этот раз уже и пятую и шестую главы.[3] Именно шестой главой заканчивается рукопись Ивановского собрания. В ней не сохранились ни первая глава, ни начало второй, нет последних пяти глав. Но можно предположить, что к началу работы над следующей рукописью были написаны еще какие-то не дошедшие до нас главы. Подтвер-

---

[1] Томы I—V десятого издания, под редакцией Н. С. Тихонравова, вышли в 1889 г., а томы VI и VII, под редакцией В. И. Шенрока, в 1896 г.

[2] П. В. Анненков, «Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года» (последнее издание в книге: П. В. Анненков, «Литературные воспоминания», Л., 1928, стр. 28).

[3] С. Т. Аксаков, «История моего знакомства с Гоголем», М., 1890, стр. 34.

ждается это двумя соображениями. Первое: бо́льшая часть следующей рукописи является копией с предшествующей, т. е. копией с Ивановской рукописи, причем в эту копию вошел текст не только сохранившегося автографа, но и других глав поэмы. Второе: среди отрывков, находящихся в том же собрании, имеется восьмая глава (неполная), написанная на такой же бумаге того же формата, как и *РМ*, и разрозненные листы, часть которых имеет пагинацию, связанную с пагинацией тетради.

Эта рукопись дает текст первой известной нам редакции «Мертвых душ»; она печатается полностью, вместе с восьмой главой, в разделе «Другие редакции». Воспроизводится последний слой рукописи, а первоначальный слой — в вариантах под строкой.

Дальнейшая работа Гоголя над «Мертвыми душами» протекала значительно интенсивнее. Непосредственно вслед за окончанием первой сохранившейся редакции *(РМ)* поэма стала переписываться начисто переписчиками. Создалась следующая по времени рукопись *РЛ* (шифр 10-го изд.: *ИБ*), хранящаяся в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Рукопись размером в четверть листа в переплете с кожаным красноватым корешком. На нем тиснение золотом: «Н. В. Гоголь. Мертвые души. т. 1»; марка библиотеки: И. Б. На обороте переплета шифр: XV Q 46. Всего в рукописи нумерованных 154 листа, в действительности же листов 166, так как двенадцать листов занумерованы дважды одной цифрой (вторая с литерой). Книга открывается двумя вшитыми листами (автографами), относящимися к первой главе; 1-й лист начинается: «Между тем, как приезжий господин осматривал...», 2-й лист: «Вошедши, Чичиков зажмурил глаза...» Основной текст рукописи обозначен по первоначальной пагинации л. 13, следовательно, первые двенадцать листов начала поэмы в этой рукописи не сохранились. Первые слова ее: «‹весе›лыми разговорами расположил к себе почти всех». Дальше текст сохранился до конца, лишь с несколькими пропусками. Окончание рукописи, начиная с л. 106, — автограф. В рукопись вшиты в разных местах листы с отдельными набросками (тоже автографы).

Текст *РЛ*, соответствующий шести первым главам поэмы, является в основном копией *РМ*. Следует, однако, учесть, что между этими двумя рукописями встречаются разночтения; иногда они незначительны и их можно объяснить обычными ошибками переписчика; иногда же разночтения существенные и дают основание предположить, что *РЛ* переписывалась в какой-то мере при участии автора, в процессе создания копии изменявшего текст (быть может, он частично диктовал, а возможно, делал предварительные наброски на отдельных листках, впоследствии утраченных). Общий объем разночтений настолько невелик, что ставить вопрос о существовании полной промежуточной рукописи едва ли имеется основание. Рукопись *РЛ* начата в 1840 г., закончена в начале 1841 г. Она является почти полной редакцией «Мертвых душ». Гоголь подверг всю рукопись серьезнейшей

правке. Во время этой работы он писал: «Я здоров, чувствую даже свежесть, занимаюсь переправками, выправками». «Я теперь приготовляю к совершенной очистке первый том „Мертвых душ“. Переменяю, перечищаю, многое перерабатываю вовсе и вижу, что их печатание не может обойтись без моего присутствия. Между тем дальнейшее продолжение его выясняется в голове моей чище, величественней, и теперь я вижу, что может быть современем кое-что колоссальное, если только позволят слабые мои силы. По крайней мере, верно, немногие знают, на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначащий сюжет».[1]

Творческая работа отразилась на всем тексте; рукопись испещрена большим количеством собственноручных исправлений, записей на полях, переработками на отдельных листах, подшитых к этой книге. На протяжении всей рукописи появился второй слой текста — новая редакция поэмы.

Наиболее значительной переделке подверглась вторая глава: расширено описание комнат Манилова, введен новый текст об отношениях Манилова с женой; краткий диалог Чичикова с Маниловым о покупке мертвых душ переработан, и, наконец, более подробно описано впечатление, которое произвела на Манилова необычная просьба Чичикова. В главе пятой окончание сильно изменено и дополнено размышлениями автора о том, что «русский народ мастер метко выражаться» и «нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так сметливо бы вырывалось и вместе так бы кипело и живо трепетало, как метко сказанное русское слово». Совершенно заново написано начало шестой главы. Первые страницы текста этой главы утрачены. Сохранившаяся часть начинается с описания усадьбы Плюшкина. Вся глава подверглась большой правке, особенно в местах, посвященных описанию внешности Плюшкина и его комнаты. Для контраста со скупостью Плюшкина введен образ помещика, который «веселится во всю ширину русской удали и барства». Этот последний отрывок несколько раз перерабатывался Гоголем на отдельном листе (вшит в *РЛ*).

Главы седьмая, девятая — одиннадцатая появляются в *РЛ* впервые. Начало седьмой главы характеризуется большим количеством исправлений; текст восьмой главы сильно отличается от первоначального текста сохранившейся части этой главы, примыкавшего, очевидно, к *РМ*. Промежуточный вариант, повидимому, утрачен, и установить последовательность правки не представляется возможным; однако видно, что некоторые выражения первоначального текста полностью перешли в *РЛ*. Много работал Гоголь над описанием бала у губернатора; отдельные места этого текста переделывались несколько раз. Глава девятая вся подверглась чрезвычайно большим исправлениям; кроме вписанного между строк нового текста, в рукописи есть записи на полях, наброски на отдельных листах. Написано новое начало десятой главы; этот авто-

[1] Письма М. П. Погодину и С. Т. Аксакову от 28 декабря 1840 г.

граф заменил не сохранившиеся листы с предыдущим текстом. Довольно много исправлений внесено в «Повесть о капитане Копейкине»; в конце десятой главы на отдельном, вклеенном в тетрадь, листе рукой Гоголя написан несколько измененный текст окончания этой главы, но предыдущий остался незачеркнутым. Приводим его в вариантах под строкой.

В последней, одиннадцатой, главе большое внимание уделил Гоголь лирическому обращению к Руси: «Русь! Моя пустынно раздольная родная Русь... Что слышится мне в тоскливой твоей песне, несущейся по тебе от моря до моря. Что слышится в ней и зовет и хватает меня за сердце, какие лобзающие звуки несутся мне в душу и вьются около моего сердца... Чего ты хочешь от меня, какая непостижимая связь, что глядишь ты мне в очи, и всё, что ни есть в тебе, вперило на меня очи». Этот отрывок, кроме исправленного вписанного между строк текста, сохранился в автографе на отдельном листе, вклеенном в *РЛ*. Много исправлений внесено в первоначальную историю Чичикова, а также в текст объяснений автора с читателями о том, почему «не избрал он в герои совершенного и добродетельного человека».

Текст *РЛ* печатается полностью. Под строкой приведены зачеркнутые места, т. е. первый слой, являющийся в основном копией *РМ*, и все авторские исправления, сделанные в процессе работы над *РЛ* и тогда же отвергнутые.

Зачеркнутый первоначальный слой (необходимый в данном случае для восстановления всего творческого процесса) печатается без особого обозначения. Чтобы не дублировать в подстрочных вариантах больших отрывков первого слоя, совпадающих с публикуемой в этом же томе рукописью *РМ*, вместо полного текста этих отрывков приводятся только их начальные и последние слова со ссылкой на соответствующие страницы. Исправления, сделанные в процессе создания *РЛ*, приводятся с литерой *а*; если же к одному месту имеется несколько вариантов, то последовательно с литерами: *а*, *б*, *в* и т. д.

Переработанная рукопись, по мысли автора представлявшая законченный текст произведения, потребовала переписки набело, и в марте 1841 г. стала создаваться следующая рукопись *РК* (шифр 10-го изд.: *НР*), законченная в августе того же года (даты указаны в воспоминаниях Анненкова).

Эта рукопись находится в Библиотеке Украинской Академии наук в Киеве (до 1934 г. принадлежала Нежинскому историко-филологическому институту). Она представляет собою тетрадь в синем кожаном переплете с золотым тиснением: «Рукопись Гоголя. Мертвые души. 1». На форзаце круглая печать Гоголевского музея при Историко-филологическом институте кн. Безбородко и печать Библиотеки Историко-филологического института кн. Безбородко. В правом верхнем углу наклеен ярлык: «Библиотека И.-Ф. института кн. Безбородко. Рукописн. отд. 59». Там же шифр: $\frac{\text{А.28 I 2}}{3303}$.

Первые три листа чистые и ненумерованные, но один из них в общий счет страниц вошел. С четвертого начинается первая глава «Мертвых душ» (заглавия нет; начало рукописи: «Глава 1»). Всего в рукописи 406 страниц (занумеровано 383). Первые 154 написаны рукою В. А. Панова, следующие рукою П. В. Анненкова. Стр. 197—202, ненумер. стр. после 300 и стр. 359—383 — автограф. Несколько стр. рукой неизвестного. В нескольких случаях вшиты листы с переработанным текстом. Рукопись содержит полный текст поэмы, нехватает лишь нескольких страниц. В конце подшиты 16 листов разного формата. Это разрозненные черновики, появившиеся в результате переделки отдельных мест.

Третья по счету рукопись «Мертвых душ» в первоначальном своем виде является уже не механической копией предыдущей, а новой редакцией произведения: переписчик писал под диктовку Гоголя, значительно изменявшего текст в процессе этой работы. Сначала Гоголь диктовал Панову. Вскоре Панова сменил приехавший в Рим Анненков, который продолжал писать под диктовку автора. Анненков вспоминает: «‹Ежедневно после завтрака› отправлялись мы в разные стороны до условного часа, когда положено было сходиться домой для переписки поэмы. Тогда Гоголь крепче притворял внутренние ставни окон от неотразимого южного солнца, я садился за круглый стол, а Николай Васильевич, разложив перед собой тетрадку на том же столе подалее, весь уходил в нее и начинал диктовать мерно, торжественно, с таким чувством и полнотой выражения, что главы первого тома „Мертвых душ“ приобрели в моей памяти особенный колорит. Это было похоже на спокойное, правильно разлитое вдохновение, какое порождается обыкновенно глубоким созерцанием предмета. Николай Васильевич ждал терпеливо моего последнего слова и продолжал новый период тем же голосом, проникнутым сосредоточенным чувством и мыслию. Превосходный тон этой поэтической диктовки был так истинен в самом себе, что не мог быть ничем ослаблен или изменен. ... Случалось, что он прекращал диктовку на моих орфографических заметках, обсуживал дело и, как будто не было ни малейшего перерыва в течении его мыслей, возвращался свободно к своему тону, к своей поэтической ноте». Далее Анненков вспоминает, как он при некоторых сценах разражался хохотом. Гоголь обычно останавливал его, хотя иногда и сам не выдерживал и вторил Анненкову «сдержанным полусмехом». «Когда по окончании повести ‹о капитане Копейкине› я отдался неудержимому порыву веселости, — пишет Анненков, — Гоголь смеялся вместе со мною и несколько раз спрашивал: „Какова повесть о капитане Копейкине?“... Еще гораздо сильнее выразилось чувство авторского самодовольствия в главе, где описывается сад Плюшкина. Никогда еще пафос диктовки, помню, не достигал такой высоты в Гоголе, сохраняя всю художническую естественность, как в этом месте. Гоголь даже встал с кресел (видно было, что природа, им описываемая, носится в эту минуту перед глазами его) и сопровождал диктовку гордым, каким-то повелительным

жестом. По окончании всей этой изумительной VI главы я был в волнении и, положив перо на стол, сказал откровенно: „Я считаю эту главу, Николай Васильевич, гениальной вещью". Гоголь крепко сжал маленькую тетрадку, по которой диктовал, в кольцо и произнес тонким, едва слышным голосом: „Поверьте, что и другие не хуже ее"».[1]

Прямые указания о переписке под диктовку имеются только со стороны Анненкова. Есть данные утверждать, что и Панову Гоголь диктовал (смысловые расхождения между *РЛ* и *РК* убеждают в этом), но в то же время следует заметить, что часть текста Панов переписывал механически с *РЛ*; доказательством служит то обстоятельство, что в нескольких местах Панов, не разбирая текста, оставлял пробелы. Бо́льшая часть текста *РК* создана под диктовку, и таким образом прямого перехода из *РЛ* в *РК*, т. е. такого перехода, при котором первый слой новой рукописи соответствует последнему слою предыдущей, — нет. Создалась следующая редакция «Мертвых душ» в процессе диктовки ее Панову и Анненкову.

На протяжении всей творческой работы над «Мертвыми душами», отразившейся в рукописях, внимание автора было сосредоточено главным образом на зарисовках дополнительных эпизодов и характеристик, а также на стилистической отделке. Особенно существенны были эти дополнения в рукописи *РК*, не механически переписывавшейся, а создававшейся при участии автора. В этой рукописи впервые появляется начало первой главы, которого нет ни в *РМ*, ни в *РЛ* и ранний текст которого неизвестен. В *РК* впервые встречаем характеристики Петрушки и Селифана, приказчика Манилова, родственницы Собакевича, отступление о воспитании во II главе, «размышления» Чичикова в главе V, картину сада Плюшкина и т. п. Появляются размышления Чичикова о Собакевиче в то время, пока Собакевич составлял список проданных душ (в *РЛ* в соответствующем месте Гоголем проставлен знак, отсылавший, повидимому, к утраченной вставке на отдельном листе). Впервые в *РК* находим начало шестой главы, утраченное в двух предыдущих рукописях. Значительно отличается от текста *РЛ* описание комнаты Плюшкина; введен новый текст — сравнение рабочего двора Плюшкина с видом торга деревянной посудой в Москве от Плющихи до Смоленского рынка. Много разночтений с *РЛ* в описании бала у губернатора, в начале «Повести о капитане Копейкине», в описании состояния Чичикова, не подозревавшего о толках в городе, и в эпизоде, рассказывающем о приходе Ноздрева к Чичикову. Лирическое отступление в главе одиннадцатой, обращение автора к Руси, дважды переделывавшееся в предыдущей рукописи, вновь расширено и стилистически отделано при диктовке. Рассуждение автора о причинах выбора в герои несовершенного и недобродетельного человека Гоголь опять сильно изменил. Много исправлений, главным образом стилистических, внесено в описание детства Чичикова.

---

[1] П. В. Анненков, «Литературные воспоминания», стр. 80—82.

Творческая работа Гоголя не закончилась на обработке рукописи *РЛ*, она продолжалась и при диктовке *РК* и позднее. Множеством различных поправок, дополнительных мелких, а иногда и больших вставок изменил и дополнил Гоголь продиктованную редакцию поэмы. Перерабатывались преимущественно последние главы. В седьмой главе переделано начало, расширен эпизод встречи Чичикова с Маниловым в городе; в восьмой главе введена дополнительная характеристика городских дам. Много исправлений сделано в главе девятой: в характеристиках дамы приятной во всех отношениях и просто приятной дамы, а также в их диалоге. Этот текст неоднократно переделывался Гоголем и в самой рукописи и на отдельных листах, один из которых находится среди рукописей «Тараса Бульбы». Отдельные места, относящиеся к выросшим в городе толкам о Чичикове, Гоголь переделывал несколько раз, стараясь ярче показать, как «всё повырастало и показалось в увеличительном виде».

Совершенно переработаны в конце десятой главы размышления автора о заблуждениях в жизни и в истории. Всё это место в *РК* зачеркнуто и вписан новый текст, вошедший в окончательную редакцию. Много переделок в первоначальной истории героя (глава одиннадцатая). К этой части относится сохранившийся в бумагах Н. В. Гербеля фрагмент — рассказ о детстве и жизни Чичикова, — поступивший в Публичную библиотеку в Ленинграде (шифр: *РГ*). В ней восемнадцать сшитых писчих листов без водяных знаков; заполнены только первые пятнадцать. По инвентарю поступлений рукописей 1902 г. № 127. Начало рукописи: «Темно и скромно происхождение...» Конец: «...Но мы стали говорить довольно громко».

Эта рукопись заполняет пробел между *РК* и следующей рукописью *(РП)*. Но всё же прямого перехода из *РГ* в следующую рукопись нет. Можно предположить, что по окончании работы над *РК* биография Чичикова переделывалась, но черновые рукописи этого этапа работы не сохранились, и имеется лишь начисто переписанный автором текст *РГ*. Разночтения между этой рукописью и окончательным текстом введены в «Варианты», а соответствующий текст *РК* приведен в вариантах не к окончательному тексту, а к предыдущему, т. е. к *РЛ* (см стр. 855—878).

Над этой главой Гоголь думал и много лет спустя. 16 мая 1849 г. он писал одесскому книгоиздателю В. И. Белому в ответ на его замечания о «Мертвых душах»: «О детстве Чичикова я думал уже сам, предполагая напереть особенно на эту сторону при третьем (исправленном) издании».[1]

Рукопись *РК* была приведена в такой вид, что пришлось заново переписывать ее. Появилась следующая рукопись, обозначенная нами

---

[1] О. А. Назаревський, «З епістолярної спадщини Гоголя». Радянське Літературознавство, 1940, кн. 5—6, стр. 321.

№ 109. 3 марта 1842.

№ 3

Похождения Чичикова
или

Мертвыя души

поэма

Н. Гоголя

Печатать на моей бумаги 2400.
делать вторуюю. в задатокъ положить.
Н. Гоголь

№ 109 цензурного комитета

Титульный лист цензурной рукописи «Мертвых душ». Автограф (уменьшено). Номер, дата и добавление к заглавию — рукой цензора.

Научная библиотека Московского государственного университета.

РП (шифр 10-го изд.: *ДП*). Начало ее относится к октябрю 1841 г., окончание — к началу 1842 г.

РП хранится в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это — книга размера f°, в желтом переплете с кожаным корешком и золотым тиснением на нем: «Н. В. Гоголь. Мертвые души. Из Древлехранилища Погодина». В верхнем правом углу двусторонняя пагинация карандашом, а также имеется архивная пагинация внизу (не сквозная, а с обозначениями карандашом через каждые десять листов и чернилами через пятьдесят листов). Между стр. 200—201, 248 — 249 и 268—269 вшиты добавленные к рукописи листы, первые два — автографы. В этой рукописи имеется полностью весь текст поэмы. Рукопись переписана двумя писцами. Почти на каждой странице имеется авторская правка, но ее значительно меньше, чем в *РК*. Начиная с главы седьмой, количество исправлений резко увеличивается, причем в некоторых местах появляются два слоя: набросок (иногда не законченный) карандашом и вариант, твердо вписанный чернилами. По большей части карандашные наброски в следующую рукопись не вошли. Наиболее значительные исправления коснулись начала и конца седьмой главы, середины и конца восьмой, начала и середины девятой, «Повести о капитане Копейкине» и отдельных мест одиннадцатой главы.

Кем переписана эта рукопись, неизвестно. С. Т. Аксаков рекомендовал своего знакомого, бывшего воспитанника Межевого института,[1] но Гоголь поручил работу, повидимому, недостаточно грамотным и неопытным переписчикам, которые плохо разобрались в трудной рукописи *РК* и при копировании ее допустили большое количество искажений, пропусков, перестановок слов. Некоторые из них автор замечал и исправлял, а в тех случаях, когда переписчик, не разобрав, оставлял место, он вписывал текст, иногда уже в измененной редакции. Но в то же время, не корректируя, а творчески просматривая рукопись и останавливаясь только на тех местах, которые его, как автора, занимали, он часто не видел этих искажений. Качество текста «Мертвых душ», созданного в *РК*, в некоторых своих частях снизилось в *РП* из-за ошибок переписчика, а в тех частях, которые не подверглись большой авторской переработке, эти ошибки вошли в печатный текст.

Вслед за *РП* Гоголь заказал переписку нового экземпляра, предназначенного для цензуры *(РЦ)*. Законченная для печати рукопись была передана в Московский цензурный комитет. Заседание комитета состоялось 12 декабря 1841 г. Комитет постановил передать «Мертвые души» цензору И. М. Снегиреву. Цензор сначала нашел произведение «совершенно благонамеренным» и потребовал только самых незначительных изменений, но, смущенный кем-то, не решился самостоятельно разрешить к печати и передал рукопись на рассмотрение цензурного комитета. О мытарствах в комитете подробно рассказывает Гоголь в письме к П. А. Плетневу. «Как только занимавший место президента Голохвастов

[1] С. Т. Аксаков, «История моего знакомства с Гоголем», стр. 52—53.

услышал название „Мертвые души", — закричал голосом древнего римлянина: „Нет, этого я никогда не позволю: душа бывает бессмертна; мертвой души не может быть, автор вооружается против бессмертья"».[1] Разъяснение, что речь идет о ревизских душах, не успокоило цензоров. «Это значит против крепостного права», — заявляли они. Возражение, что поэма — «ряд характеров, внутренний быт России и некоторых обитателей, собрание картин самых невозмутительных», тоже не помогло: «цензоры-азиатцы» боялись, что пример Чичикова может других толкнуть на уголовное преступление. «Цензоры-европейцы» тоже восставали. «Цена два с полтиною, которую Чичиков дает за душу, возмущает душу. Человеческое чувство вопиет против этого. Хотя, конечно, эта цена дается только за одно имя, написанное на бумаге, но всё же это имя душа, душа человеческая; она жила, существовала. Этого ни во Франции, ни в Англии и нигде нельзя позволить. Да после этого ни один иностранец к нам не приедет». Кончилось тем, что рукопись объявили запрещенною, хотя комитет «прочел три или четыре места».

Узнав об этом, Гоголь взял рукопись из Московского цензурного комитета и через В. Г. Белинского послал ее князю В. Ф. Одоевскому с просьбой хлопотать о ней в Петербурге. В середине февраля он получил от Плетнева первое известие о благоприятном повороте дела в цензуре. 9 марта 1842 г. цензор А. В. Никитенко сделал разрешительную надпись. Кроме отдельных искажений текста, цензура изменила заглавие «Мертвые души» на «Похождение Чичикова или Мертвые души», а главное, вовсе запретила «Повесть о капитане Копейкине». Сам Никитенко писал Гоголю 1 апреля: «Сочинение это, как видите, прошло цензуру благополучно; путь ее узок и тесен и потому неудивительно, что на нем осталось несколько царапин и его нежная и роскошная кожа кой-где поистерлась... Совершенно невозможным к пропуску оказался эпизод Копейкина — ничья власть не могла защитить его от его гибели».[2] 5 апреля Гоголь получил рукопись из цензуры. Запрещение «Повести» он пережил очень тяжело. Этот эпизод «для меня очень нужный, более даже, нежели думают они», — жаловался Гоголь Н. Я. Прокоповичу.[3] Он решил отстаивать «Повесть» и переделал ее так, что «никакая цензура не может придраться: генералов и всё выбросил».[4] Посылая новый вариант, Гоголь 10 апреля написал лично Никитенко, убеждая его разрешить «Повесть о капитане Копейкине» в переделанном виде. Разрешение было получено.

Листы с запрещенной «Повестью» были вырваны из рукописи и вместо них вшиты другие с новым вариантом. Никитенко подписал эти листы, после чего рукопись поступила в набор. Ныне она хранится в Научной библиотеке Московского государственного университета. Руко-

---

[1] Письмо П. А. Плетневу от 7 января 1842 г. Следующие цитаты из того же письма.

[2] «Русская старина», 1889, № 8, стр. 384—385.

[3] Письмо от 9 апреля 1842 г.

[4] Из того же письма

пись в переплете с кожаным корешком, на котором вытиснено: «Гоголя Мертвые души». Форзац чистый. На первой странице — рукой Гоголя: «Мертвые души. Поэма Н. Гоголя». Внизу его же рукой: «Печатать на моей бумаге 2400. Деньги сто рублей в задаток положил. Н. Гоголь». На этой же странице пометки канцелярии цензурного комитета: «№ 109. 3 марта 1842 г., по жур. п. № 101». Над заглавием Никитенко вставил красными чернилами добавление, исказившее заглавие поэмы: «Похождения Чичикова или». На обороте этого листа печать и разрешительная надпись цензора. Рядом с его печатью поставленная позднее печать Московского университета. Шифр МГУ в конце книги: 1 R у 39⁰в. Подпись Никитенко имеется на каждом листе. Рукопись написана двумя переписчиками. Все цензурные пометки сделаны красными чернилами.[1] С конца страницы 311 зачеркнут запрещенный цензурой текст, относящийся к «Повести о капитане Копейкине». Оборот этого листа тоже зачеркнут и заклеен бумагой (впоследствии почти полностью отклеенной). Следующие четыре листа с текстом «Повести» были вырезаны и сравнительно недавно обнаружены в Красноярске. Весь текст «Повести» Гоголь исправил карандашом, дав на тех же листах новую, смягченную для цензуры редакцию «Повести о капитане Копейкине». Новый текст был начисто переписан на четырех листах другого формата, вшитых затем в *РЦ* взамен вырезанных. Доцензурная редакция «Повести» опубликована в третьем томе десятого издания Сочинений Гоголя по копии, так как местонахождение подлинника не было известно. Расхождения с текстом найденного теперь подлинника незначительны.

Цензурная рукопись является механической копией предыдущей, но искажений текста, вызванных ошибками переписчиков, в ней значительно меньше, чем в *РП*. К тому же, особенности цензурной рукописи позволяют выставить предположение, что некоторые части ее, преимущественно во второй половине, если не диктовались, то переписывались под наблюдением автора. Так, например, некоторые поправки *РП* (большей частью карандашные) не перенесены в *РЦ*. Ряд смысловых отличий между *РП* и *РЦ* тоже может свидетельствовать об авторском вмешательстве во время переписки.

С цензурного экземпляра «Мертвые души» были набраны. Корректуры держал сам автор. Они не сохранились, но разночтения с последней (цензурной) рукописью свидетельствуют, что в процессе печатания творческая работа не прекращалась. Это подтверждает и С. Т. Аксаков, вспоминая день 1 мая 1842 г.: «Гоголь у нас обедал, после обеда часа два сидел у меня в кабинете и занимался поправкою корректур, в которых он не столько исправлял типографические ошибки, сколько занимался переменою слов, а иногда и целых фраз».[2]

---

[1] Неполная сводка их дана в статье О. М. Бодянского, напечатанной в «Чтениях в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1866, кн. 3. Отдел: Смесь, стр. 240—246, и в томе VII 10-го издания Собрания сочинений Гоголя.

[2] С. Т. Аксаков, «История моего знакомства с Гоголем», стр. 61.

Издание проходило без задержек. В то время как книга набиралась, Гоголь сам рисовал обложку для нее, — с этой обложкой она и вышла из печати 21 мая 1842 г.

Отличия второго прижизненного издания «Мертвых душ» (1846 г.) от первого незначительны: они введены в варианты с следующим обозначением: текст *МД; МД*$_2$ — текст. Предисловие Гоголя ко второму изданию печатаем вслед за текстом других редакций. Оно перепечатывается со второго издания «Мертвых душ»; местонахождение автографа неизвестно.

Кроме основных шести рукописей первого тома «Мертвых душ», имеется большое количество черновых набросков почти ко всем главам на отдельных листах, написанных, очевидно, в разное время. Небольшая часть листов подшита к переплетенным рукописям *РЛ*, *РК* и *РП*. Остальные сохранились в двух собраниях. В собрании А. А. Иванова (шифр Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: № 2205) — 30 листов разных размеров, исписанные большею частью с обеих сторон неразборчивым почерком. Они относятся к главам II, V, VI, VIII — XI. Некоторые из них трудны для прочтения, так как очень обрывочны, содержат несколько слоев правки и не всегда дают связный текст. Второе собрание было обнаружено среди бумаг Гоголя, находившихся в распоряжении родственников. Эти автографы (28 листов, из них 13 чистых) хранятся тоже в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (шифр: № 3212). Среди них отрывки к главам VII—IX, размышления автора о героях «Мертвых душ» и заметки «К 1-й части».

Особо следует остановиться на отрывках из второго собрания. Вскоре после обнаружения два из них были опубликованы как неожиданная находка: Заметки — в «Сочинениях и письмах Н. В. Гоголя», изд. Кулиша, СПб., 1857, т. IV, стр. 546—548, вариант IX главы — в «Русском вестнике», 1856, кн. I. Размышления о героях «Мертвых душ» и остальные отрывки опубликованы в 10 издании Сочинений Н. В. Гоголя, т. VII, стр. 435—445.

Отрывки не датированы; делались различные попытки их датировки. М. Н. Катков, опубликовавший вариант девятой главы, утверждал, что автограф найден среди первоначальных рукописей и относится к раннему периоду работы. Н. Г. Чернышевский в своей рецензии на эту книжку «Русского вестника» высказал такое же утверждение, мотивировав его тем, что «сами по себе страницы этого отрывка своим достоинством не совершенно соответствуют другим страницам поэмы, и Гоголь, с своим тонким вкусом, вероятно, заметил, что довольно подробные сцены, первоначально им написанные, содержат как бы повторение тех положений и описаний, которые уже даны читателю в предыдущих главах, и потому значительно сократил этот эпизод в окончательной редакции, отбросив все черты, уже достаточно раскрытые в других сценах. Сравнение отброшенного автором и напечатанного ныне отрывка с соответствующими местами „Мертвых душ“ интересно для того, кто хочет удостовериться, как строг сделался Гоголь к себе после издания „Ревизора“».[1] Наоборот,

Н. П. Трушковский, перепечатавший этот отрывок во втором издании «Сочинений» Гоголя, впервые выдвинул предположение, что, «судя по почерку», отрывок написан после первого издания «Мертвых душ». На эту позицию стали и редакторы десятого издания (тт. 3 и 7) Тихонравов и Шенрок, уже в отношении всех отрывков второго собрания. Они припомнили высказывавшееся Гоголем недовольство изданными «Мертвыми душами», его мысли о какой-то переработке поэмы в духе его новых настроений, и тематическая изолированность найденных отрывков дала им повод предположить, что это-то и есть новая стадия работы над «Мертвыми душами». Они пытались датировать каждый отрывок и привели пространные доводы в пользу своих утверждений, оговорившись, что точных доказательств нет.

Можно признать правильным предположение Тихонравова в отношении заметок «К 1-й части» («Идея города — возникшая до высшей степени пустота...»), которые он относит к 1846 г., периоду работы над вторым томом. Касаясь в наибольшей своей части не второго, а первого тома поэмы (предназначавшегося тогда, как видно из письма к Жуковскому от 16 марта 1846 г., к переизданию в исправленном виде), отрывок, однако, в его заключительной части от первого тома переходит ко второму: «Весь город со всем вихрем сплетней — преобразование бездельности жизни всего человечества в массе... Противуположное ему преобразование во II части, занятой разорванным бездельем». В том же письме Гоголь высказывает мысль о возобновлении работы над обоими томами сразу («первая часть мне потребна при писании второй и притом нужно ее самое значительно выправить»).

В отношении же других отрывков их аргументация не убедительна. Если бы эти отрывки относились к новой стадии работы — к коренной переработке поэмы в новом плане, то это должно бы было отразиться и на содержании самих отрывков. Однако новых веяний в них незаметно; наоборот, как указал еще Чернышевский, в этих текстах видно несовершенство формы первоначальных набросков. Нельзя также не заметить странности создавшегося положения: Гоголь приступает к радикальной перестройке всего произведения, а в его рукописном наследстве обнаруживается лишь несколько листочков из разных частей поэмы, к тому же, не из тех, которые по своему идейному содержанию могли в первую очередь остановить на себе внимание автора.

Нам думается, что причины всех этих построений чисто внешние. Если бы наброски оказались среди других отрывков или были бы подшиты к рукописи и не привлекли бы особого внимания как неожиданная находка, то, может быть, и не возникло бы вопроса об их позднейшем происхождении. Если бы, наконец, найдены они были в наше

---

[1] Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. III, М., 1947, стр. 631.

время, то едва ли возникли бы такие же заключения о необычности этих черновиков. На этом вопросе и в таком разрезе приходится останавливаться только в порядке обзора и критики возникших ранее гипотез.

Отметим, что в недавно обнаруженном и цитированном выше письме Гоголя к Белому говорится о третьем (исправленном) издании как о далеком, неопределенном предположении и никаких намеков в нем на проводимую работу нет. Построение Тихонравова и Шенрока отпадает как недоказанное, но указать точное хронологическое место этих вариантов среди известных нам рукописей очень трудно. С немалой долей вероятности можно предположить, что они написаны в период до создания *РП*, когда естественнее всего было набрасывать план и в процессе исканий делать попытки отхода в сторону от вырабатывавшейся фабулы. Приурочить эти отрывки к последующим рукописям, где поэма не столько перерабатывалась, сколько подвергалась отделке, оснований еще меньше, — тем более нет их для подтверждений гипотезы Тихонравова и Шенрока: она слишком бездоказательна для выводов настолько же важных, насколько и неожиданных.

Недавно был обнаружен в Горьковском областном архиве небольшой отрывок (набросок), относящийся к главе VIII. Отрывки, кроме указанных выше публикаций, напечатаны в томах III и VII 10-го издания Сочинений Н. В. Гоголя.

В настоящем издании черновые наброски, подшитые к рукописям, публикуются в вариантах — подстрочных к соответствующим рукописям или же в разделе «Варианты». Только один из подшитых в *РК* отрывков, содержащий историю Чичикова, публикуется в разделе «Другие редакции». Наброски на разрозненных листах публикуются главным образом в разделе «Другие редакции» (отрывки из собрания А. А. Иванова — стр. 591—597, 600—602, 611—628, 640—675, отрывки, обнаруженные позднее в бумагах Гоголя, — стр. 597—600, 602—609, 628—639, 690—693; один из них — часть «Повести о капитане Копейкине» — почти полностью совпадающий с окончательным (доцензурным) текстом, не публикуется; отрывок из Областного архива в г. Горьком — стр. 610 (публикуется впервые).

Все отрывки расположены последовательно по ходу произведения. Отрывок, находящийся среди рукописей «Тараса Бульбы», и еще несколько небольших отрывков на разрозненных листах приведены в вариантах.

III

В настоящем издании внесено большое количество исправлений в текст первого прижизненного издания, положенного в основу. Кроме восстановления по *РЦ* цензурных искажений, совершенно ясных и бесспорных, восстанавливается подлинный авторский текст и по другим рукописям, ошибочно измененный в процессе многократной переписки. После первой рукописи *(РМ)* началось копирование текста переписчи-

ками. Каждая копия исправлялась автором и вновь переписывалась. И с первой же копии начались невольные искажения текста переписчиками: они пропускали слова, целые фразы, неправильно копировали их. Приводим два примера. Первый — эпизод с часами в главе третьей. Текст *РМ:* «Взглянувши в угол, он тот же час успокоился, смекнувши, что стенным часам пришла охота бить. За шипением последовало скоро хрипение и наконец, натужась всеми силами, пробили они *три* таким звуком, как будто бы кто колотил палкой по глиняному горшку». Переписчик *РЛ* пропустил несколько слов, и у него получилась такая бессмыслица: «Взглянувши, что стенным часам пришла охота бить. За шипением последовало скоро хрипение. И наконец, звуком, как будто бы кто колотил палкой по глиняному горшку». Обрабатывая рукопись *РЛ*, Гоголь не обратил внимания на это место и не внес никаких исправлений. Только уже диктуя текст *РК*, он заметил это искажение и дал новый текст, близкий к окончательному. Второй пример из той же главы: разговор Чичикова с Коробочкой. На стр. 52 Коробочка говорит: «Живых-то я уступила, вот и третьего года *Протопопову* двух девок по сту рублей каждую». Так печаталось на протяжении ста лет, а это явная ошибка. Уже то обстоятельство, что Протопопов нигде больше не фигурирует, а вместе с Коробочкой неоднократно упоминается протопоп, должно поставить под сомнение эту фамилию, анализ же рукописей бесспорно доказывает ошибку. Происхождение ее: в *РК* написано: Протопопу, так же переписано в *РП;* переписчик *РЦ* исказил: Протопову, так напечатано в первом издании; во втором издании появилось: Протопопову.

Ошибки переписчиков в какой-то мере повлияли на выработку окончательного текста. Гоголю навязывался новый искаженный текст, и автор не замечал ошибки, если она не была разительной или данный отрывок не попадал в орбиту творческой переработки. Даже при напряженной работе, которая отразилась в рукописи *РЛ*, искажения переписчика этой рукописи часто не замечались Гоголем, и те места, которые остались без изменений в *РЛ*, вошли и в следующую рукопись с искажениями. Диктуя текст поэмы по рукописи *РЛ*, Гоголь также не обнаруживал иногда ошибок переписчика. Но поскольку эта рукопись *(РК)* не является копией в буквальном смысле, а имеет характер авторской рукописи, текст которой в большей части продиктован Гоголем, мы считаем возможным возвращаться к автографу *РМ* и *РЛ* только в случаях совершенно бесспорных искажений. Совершенно иначе обстоит дело со следующей рукописью, *РП*. Она представляет собою механическую копию, сделанную малограмотными и мало опытными переписчиками. Копируя испещренную поправками предыдущую рукопись — *РК*, они допустили большое количество ошибок, а многих слов совсем не разобрали и оставляли для них пробелы в тексте.

Отношение Гоголя к ошибкам переписчиков во всех рукописях было трех видов. В одних случаях он замечал искажение и, дословно помня текст, восстанавливал его; есть несколько примеров, когда Гоголь,

пропуская сначала ошибку, в следующей рукописи или в корректуре ее замечал и восстанавливал опять-таки дословно. В других случаях, исправляя ошибку или заполняя оставленное место, Гоголь вписывал новый текст, более или менее отличающийся от предыдущего, и таким образом ошибка переписчика вызывала новую редакцию этого места. В-третьих, ошибка переписчика не замечалась автором. Текст, появившийся в результате исправления ошибок второго типа, сохраняется нами в окончательной редакции, а предыдущая редакция этого текста (до ошибки переписчика) отражена в вариантах. Не замеченные автором ошибки в настоящем издании исправлены.

Приводим несколько примеров видоизменений текста, когда переписчик, не разбирая слов, оставлял место, в которое Гоголь вписывал новые слова.

В *РК* читаем: «Чичиков был встречен Петрушкою и половым, который выбежал со свечою в руке и салфеткой на плече и обрадовался ему необыкновенно. Неизвестно, много ли обрадовался Петрушка». Переписчик *РП* пропустил: «половым, который», а также: «обрадовался ему необыкновенно. Неизвестно, много ли». Гоголь, не заполняя оставленных переписчиком мест, заново переделал эти фразы: «Половой тоже выбежал со свечою в руке и салфеткою на плече. Обрадовался ли Петрушка приезду барина, неизвестно» (стр. 131, строка 23).

Второй пример. В *РК* было написано: «Степан Пробка, вот тот силач». Переписчик не разобрал слова «силач» и в оставленное им место Гоголь вписал «богатырь» (стр. 136, строка 25).

Другой, более сложный, случай. Текст *РК:* «Тут он весьма кстати выбранил либерализм и поделом выбранил молодых людей». Переписчик *РП* не разобрал слова «либерализм», и Гоголь в оставленное место вписал «за либерализм», а вторично упоминающееся «выбранил» заменил словом «всех». Изменился смысл фразы: до пропуска переписчика Чичиков выбранил и либерализм и молодых людей, а в новой редакции — выбранил молодых людей за либерализм: «Тут он весьма кстати выбранил за либерализм, и поделом, всех молодых людей» (стр. 146, строка 30).

Еще пример, свидетельствующий об изменении текста, вызванном такой же причиной. В окончательном тексте читаем (стр. 215, строка 9): «чтобы всё было пересмотрено». Первоначально же, до переписки, т. е. в *РК*, было: «чтобы с вечера всё, что нужно, было приготовлено, всё пересмотрено». Произошло это изменение потому, что переписчик внес в свою копию только последние два слова: «всё пересмотрено», и Гоголь не восстановил пропущенное, а лишь связал вписанные переписчиком слова со всей фразой, и получился новый текст.

Последний пример из рукописи *РГ*. В *РГ:* «И после долго не хотел смотреть в зеркало». Переписчик *РП* написал: «смотреться в зеркало». Исправляя, Гоголь вычеркнул «зеркало» и осталось навязанное переписчиком «смотреться» (стр. 234, строка 21).

Кроме изменений текста, вызванных пропусками не разобранных слов, имеются изменения, причина которых заключается в искажении переписчиком текста предыдущей рукописи. Они тоже относятся в подавляющем большинстве к *РП*, т. е. к искажению текста *РК*. Их можно разделить на несколько категорий. Самая распространенная: искаженное переписчиком слово автор заменяет совершенно новым или только видоизмененным.

Примеры: «с желтыми стенами» *(РК)*. Переписчик ошибся: «с толстыми стенами». Гоголь вернул прежнее, но несколько измененное: «с желтенькими стенами» (стр. 112, строка 15). «Обе дамы так удачно и остроумно решили отчасти запутанное обстоятельство» *(РК)*. Переписчик вместо «отчасти» написал «отлично» («отлично запутанное»), и Гоголь исправил «отлично» на «такое»: «обе дамы так удачно и остроумно решили такое запутанное обстоятельство» (стр. 189, строка 1). «Дело, конечно, обделано было кругло» *(РК)*. Переписчик вместо «конечно» написал «нарочно» («Дело нарочно обделано было кругло»). Гоголь исправил по-новому: «Дело, казалось бы, обделано было кругло» (стр. 194, строка 31).

В других местах в процессе авторской правки искаженных мест исчезли отдельные слова и целые детали. Например, в *РК* читаем: «‹постель› опустилась под ним почти до самого пола, и перья, будучи вытеснены из пределов погрузившимся в них телом, разлетелись». Переписчик не разобрал слов «будучи ~ телом», оставил для первых четырех место, а дальше переписал: «погрузившись вниз телом». Гоголь зачеркнул эти слова, а в оставленное место вписал: «вытесненные им из пределов» и получилась уже измененная фраза: «опустилась под ним почти до самого пола, и перья, вытесненные им из пределов, разлетелись» (стр. 47, строка 18).

Совсем иначе следует рассматривать те искажения переписчиков, которые бесспорно не были замечены Гоголем. То, что это именно ошибки, а не исправления, сделанные по указаниям автора, — совершенно очевидно. Нигде в первоначальном тексте *РП* (т. е. в копии *РК*) не видно вмешательства Гоголя; огромное количество неразобранных слов свидетельствует, что этот экземпляр переписывался механически, а не создавался под диктовку; искажения таковы, что их можно отнести только к неграмотности или рассеянности переписчика. Логически отсюда вытекает, что пропуски отдельных слов и даже целых фраз произошли исключительно по вине переписчика. Один только факт просмотра копии автором недостаточен для того, чтобы признавать текст копии авторизованным. В тех случаях, когда нет следов авторской работы, когда очевидно, что автор, хорошо помня текст, не замечал ошибок копии, необходимо восстановить именно созданный автором текст. Исходной авторитетной рукописью является рукопись *РК*, продиктованная и внимательно просмотренная Гоголем. Допущенные в *РП* ошибки третьей категории (т. е. не замеченные автором), восстанавливаются по тексту *РК*. В ряде случаев для подтверждения того, что восстанавли-

ваемые слова не случайны, а твердо введены Гоголем, делаются ссылки на предыдущие рукописи *РМ* и *РЛ*, где они сохранялись неприкосновенными.

Разночтения между *РГ* и *РП* введены по тому же принципу. В данном случае *РГ* выполняет роль *РК*. Есть искажения и в *РЦ*, но их гораздо меньше, так как копировать *РП* было значительно легче; они тоже исправлены.

В конце статьи приведен полный список тех исправлений, которые внесены в первое издание «Мертвых душ» по рукописям *РК*, *РГ*, *РП*, *РЦ* и в нескольких случаях по *РМ* и *РЛ*. В этом списке учтены только искажения переписчиков, а цензурные искажения отмечены в вариантах ссылкой *(ценз.)*. В левой колонке списка дан восстановленный, т. е. подлинный текст «Мертвых душ», в правой — текст первого издания. При исправленном тексте указан шифр рукописи, по которой текст восстановлен. Если нет особой оговорки, то это означает, что дошедшая до первопечатного текста ошибка допущена переписчиком в рукописи, следующей за указанной (когда проставлен шифр *РК* или *РГ* — значит ошибка в *РП;* при указании шифра *РП* — ошибка в *РЦ*). В нескольких случаях текст восстановлен по первоначальным рукописям *РМ* и *РЛ*. Пропущенные или искаженные слова, исправленные в настоящем издании, печатаются в списке курсивом. В ряде случаев вслед за шифром поставлено *(авт.)*; это указывает на то, что в данной рукописи спорное место написано Гоголем собственноручно, чем еще больше подтверждается правильность наших исправлений.

«Повесть о капитане Копейкине» печатается по цензурной рукописи — доцензурный ее вариант (в рукописи *РЦ* сохранилось только начало «Повести», а продолжение — в найденных в Красноярске вырезанных из *РЦ* листах). Написанный же Гоголем специально для цензуры новый вариант «Повести» печатается в разделе «Другие редакции».

В вариантах приведены разночтения окончательного текста с текстом рукописей *РК*, *РГ*, *РП*, *РЦ*, а также со вторым изданием «Мертвых душ». Поскольку *РК* в основе своей не является механической копией *РЛ*, в вариантах приведены разночтения и с первоначальным текстом (т. е. еще не исправленным автором) этой рукописи с шифром $РК_п$.

В вариантах приводятся часто шифры рукописей с прибавлением буквы *п*, т. е. первоначально: $РП_п$, $РЦ_п$. Так сделано в тех случаях, когда необходимо обозначить правильный переход текста из одной рукописи в другую; например, если у текста даны обозначения: *РК*, $РП_п$ — это значит, что данное место без искажения перешло из *РК* в *РП* и исправлено автором в *РП*. В ряде случаев есть добавление к шифру *(кар.)*. Оно относится к карандашным наброскам, сделанным Гоголем в данной рукописи, но не использованным в окончательном тексте ее. Если в рукописи имеется несколько слоев правки, они отмечаются последовательно литерами *а*, *б* и т. д.

IV[1]

Письмо Гоголя к Пушкину от 7 октября 1835 г. из Петербурга в Михайловское — самое раннее свидетельство о работе Гоголя над «Мертвыми душами». В начале письма Гоголь просит Пушкина вернуть ему рукопись «Женитьбы» с замечаниями; в конце письма просит у Пушкина сюжета для новой комедии. Между этими двумя просьбами и заключено сообщение о «Мертвых душах». «Начал писать Мертвых душ. Сюжет растянулся на предлинный роман и, кажется, будет сильно смешон. Но теперь остановил его на третьей главе. Ищу хорошего ябедника, с которым бы можно хорошо сойтиться. Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь». Письмо в целом говорит об очень интенсивном литературном общении двух писателей. Строки Гоголя имеют характер продолжения какого-то недавнего разговора (если так, то разговор этот мог произойти между 1 и 7 сентября 1835 г., когда и Пушкин и Гоголь были в Петербурге).

Содержание этого разговора изложено самим Гоголем в его «Авторской исповеди» (1847). Вслед за объяснением веселости своих первых произведений Гоголь продолжал: «Но Пушкин заставил меня взглянуть на дело серьезно. Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и, наконец, один раз, после того как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое однако ж поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: „Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение, — это просто грех!“ Вслед за этим начал он представлять мне слабое мое сложение, мои недуги, которые могут прекратить мою жизнь рано; привел мне в пример Сервантеса, который, хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но, если бы не принялся за Донкишота, никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями, и в заключенье всего отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет „Мертвых душ“. (Мысль „Ревизора“ принадлежит также ему.)»

Гоголь переходит затем к вопросу о новом качестве своего смеха, который в «Ревизоре» проникся общественно-значительным содержанием, и, возвращаясь к «Мертвым душам», пишет далее: «После „Ревизора“ я почувствовал, более нежели когда-либо прежде, потребность сочиненья полного, где было бы уже не одно то, над чем следует смеяться. Пушкин находил, что сюжет „Мертвых душ“ хорош для меня тем, что дает полную свободу изъездить вместе с героем всю Россию

---

[1] Для данной части комментария (раздел IV) в значительной мере использована работа В. В. Гиппиуса, написанная в 1940 г. для настоящего издания.

и вывести множество самых разнообразных характеров». Вслед за этим Гоголь говорит об эволюции первоначального замысла «Мертвых душ».

Первые главы нового произведения в их первоначальном виде Гоголь еще успел прочитать Пушкину, и поэт, привыкший смеяться при чтении Гоголя, «начал понемногу становиться все сумрачнее, сумрачнее, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: „Боже, как грустна наша Россия!“»[1] Пушкину не пришлось услыхать продолжения. Под впечатлением известия о смерти Пушкина Гоголь писал М. П. Погодину 30 марта 1837 г.: «Моя жизнь, мое высшее наслаждение умерло с ним. Мои светлые минуты моей жизни были минуты, в которые я творил. Когда я творил, я видел перед собою только Пушкина... мне дорого было его вечное и непреложное слово. Ничего не предпринимал, ничего не писал я без его совета. Всё, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему. И теперешний труд мой есть его создание. Он взял с меня клятву, чтобы я писал, и ни одна строка не писалась без того, чтобы он не являлся в то время очам моим. Я тешил себя мыслью, как будет доволен он, угадывал, что̀ будет нравиться ему, и это было моею высшею и первою наградою». Он утверждал тогда же, что труд этот он рассматривает как «священное завещание» Пушкина.[2]

В основе гоголевского, а первоначально пушкинского, замысла «Мертвых душ» были действительные случаи спекуляции мертвыми душами. Непосредственным источником мог быть случай, переданный П. И. Бартеневым в примечании к воспоминаниям В. А. Сологуба: «В Москве Пушкин был с одним приятелем на бегу. Там был также некто П. (старинный франт). Указывая на него Пушкину, приятель рассказал про него, как он скупил себе мертвых душ, заложил их и получил большой барыш. Пушкину это очень понравилось. „Из этого можно было бы сделать роман“, сказал он между прочим. Это было еще до 1828 г.».[3]

Случай, рассказанный Бартеневым, был далеко не единичным; не одиноким был и литературный отклик Гоголя на это бытовое явление. Аналогичный эпизод встречается в повести Даля «Вакх Сидоров Чайкин», напечатанной, правда, позже «Мертвых душ» (в «Библиотеке для чтения», 1843 г., № 3). Отмечено несколько подобных спекуляций на Украине (см. «Обоз к потомству», из записок Н. В. Сушкова, в сборнике «Раут», 1854 г., кн. III, стр. 382 и сообщение в журнале «Киевская старина», 1902, № 3, стр. 155). Любопытно, что один из подобных же рассказов исходит от дальней родственницы Гоголя, М. Г. Анисимо-Яновской,[4] причем, по ее словам, самую мысль „Мертвых душ“ дал Гоголю ее дядя,

---

[1] «Выбранные места из переписки с друзьями» (Четыре письма о «Мертвых душах» — письмо 3-е).

[2] Письмо к В. А. Жуковскому от 6/18 апреля 1837 г. Ср. также письмо к П. А. Плетневу от 16 марта 1837 г.

[3] Русский Архив, 1865, стр. 745.

[4] В. А. Гиляровский, «На родине Гоголя», М., 1902, стр. 47—49.

Харлампий Петрович Пивинский, накупавший мертвых душ, чтобы приобрести ценз для винокурения (с той же целью приобретал мертвые души владелец незаселенной земли, о котором рассказано в воспоминаниях Сушкова). По словам Анисимо-Яновской, Гоголь бывал в имении Пивинских, «да кроме того и вся Миргородчина знала про мертвые души Пивинского». Сам по себе этот поздний рассказ, в котором вовсе отсутствует хронология, не обязывает нас к радикальному пересмотру творческой истории «Мертвых душ», но вполне, конечно, возможно, что на первоначальную пушкинскую мысль могли наслоиться и собственные воспоминания Гоголя. Однако в замысле Гоголя предприятие Чичикова изображалось не как заурядный, а, напротив, как необычайный случай. Это видно из самого развития сюжета, из таинственности, которою замысел Чичикова окружен, а также из нежелания Гоголя заранее оповещать, «в чем состоит сюжет» (письмо к Жуковскому от 12 ноября 1836 г.).

В общем идейно-художественном замысле «Мертвых душ» мотив предприятия Чичикова не имел решающего значения; как сказано в «Авторской исповеди», этот мотив («сюжет») и по мнению Пушкина был хорош для Гоголя тем, что давал ему «полную свободу изъездить вместе с героем всю Россию и вывести множество самых разнообразных характеров». На эту же основную творческую мысль Гоголя есть указание и в письмах его к литературным друзьям, написанных в 1835—1836 гг., т. е. в начале работы над «Мертвыми душами». В приведенном письме к Пушкину от 7 октября 1835 г. сказано: «Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь». А в письме В. А. Жуковскому через год (12 ноября 1836 г.) уже нет оговорки «хотя с одного боку», там сказано решительнее: «Вся Русь явится в нем».[1] Там же он называет свой сюжет «огромным» и ясно намекает на его общественно-обличительное содержание: «Еще восстанут против меня новые сословия и много разных господ; но что ж мне делать! Уже судьба моя враждовать с моими земляками». «Новые сословия», по сравнению с «чиновниками», «купцами» и «литераторами», враждовавшими с Гоголем после «Ревизора» см. письмо к Щепкину от 29 апреля 1836 г.), — это, конечно, помещики-душевладельцы, сравнительно мало затронутые в прежних произведениях Гоголя, но занявшие центральное место в новом его широком обличительном замысле.

Решение этой художественной задачи методом углубленного реализма, методом, к которому Гоголь все больше подходил в своей творческой эволюции, требовало, конечно, знания русской жизни — в тех ее чертах, которые стали предметом изображения и обобщения.

---

[1] В том же письме Гоголь признавался: «Мне совершенно кажется как будто я в России: передо мною всё наше, наши помещики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, — словом, вся православная Русь. Мне даже смешно, как подумаю, что я пишу „Мертвых душ“ в Париже».

В письме к М. П. Погодину от 28 ноября 1836 г. Гоголь тоже утверждал: «Вся Русь отзовется в нем».

Творческие тенденции Гоголя, несомненно, эволюционировали на протяжении семилетней работы над первым томом «Мертвых душ» и именно в направлении усиления бытовой конкретности. Об этом свидетельствует также записная книжка Гоголя 1841—1842 гг., материал которой отразился на переработке текста. В эту записную книжку включены данные народного быта и языка: материал по сельскому и домашнему хозяйству, ремеслам, промыслам, по губернской административной системе и чиновничьему быту, бытовые сценки и анекдоты, охотничьи и карточные термины, названия животных и растений. Социально-бытовой материал записных книжек Гоголя широк и разнообразен, и отражение материала этих записей в «Мертвых душах» несомненно.

Переписка Гоголя с С. Т. Аксаковым показывает, что на последних этапах работы Гоголь пользовался его указаниями для устранения фактических неточностей и что по выходе книги он интересовался отзывами «людей бывалых» в этом именно отношении; об этом же, о намерении исправить фактические недочеты первого тома и, главное, избегать их в работе над вторым, говорят предисловие Гоголя ко второму изданию первого тома и многочисленные данные его переписки.

Общий характер гоголевского замысла определился, повидимому, в течение первого года работы, хотя и не без некоторых колебаний. Об этих колебаниях говорят показания самого Гоголя, причем позднейшие свидетельства «Авторской исповеди» (1847) в общем согласны с данными гоголевских писем, относящихся ко времени самой работы над поэмой. В «Авторской исповеди» Гоголь писал: «Я начал было писать, не определивши себе обстоятельного плана, не давши себе отчета, что́ такое именно должен быть сам герой. Я думал просто, что смешной проект, исполненьем которого занят Чичиков, наведет меня сам на разнообразные лица и характеры; что родившаяся во мне самом охота смеяться создаст сама собою множество смешных явлений, которые я намерен был перемешать с трогательными». Дальше следует: «Но на всяком шагу я был останавливаем вопросами: зачем? к чему это? что должен сказать собою такой-то характер? что должно выражать собою такое-то явление?» И дальше: «Я увидел ясно, что больше не могу писать без плана». К какому этапу работы относятся эти оговорки, мы точно не знаем; соответствия им в гоголевских письмах появляются уже после отъезда Гоголя за границу. Показание же о работе без плана, над «смешным» сюжетом, подтверждается письмом к Пушкину от 7 октября 1835 г.

О дальнейшей эволюции замысла говорит письмо к Жуковскому из Парижа от 12 ноября 1836 г.: «Всё начатое переделал я вновь, обдумал более весь план и теперь веду его спокойно, как летопись». Существенно меняется и общий тон Гоголя в отношении к своему труду: «Если совершу это творение так, как нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжет! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится в нем! Это будет первая моя порядочная вещь». И далее: «Огромно велико мое творение, и не скоро конец его». О том же можно

заключить и из «Авторской исповеди» (появление «плана», углубление самого замысла), но дальнейшими показаниями «Авторской исповеди» пользоваться трудно, так как о разных творческих моментах, вплоть до замысла второго тома, в них часто говорится суммарно; кроме того, необходимо учитывать и полемический характер исповеди. Есть и еще одно свидетельство Гоголя, правда, также позднейшее, в котором изменение первоначального замысла изложено с некоторыми дополнительными данными. Это — третье письмо из цикла «Четыре письма к разным лицам по поводу „Мертвых душ“» (гоголевская дата третьего письма — 1843). Здесь рассказано о чтении первых глав «Мертвых душ» (в первой, не известной нам редакции) Пушкину. Эту раннюю редакцию Гоголь характеризует так: «Если бы кто видел те чудовища, которые выходили из-под пера моего вначале для меня самого, он бы точно содрогнулся»

Изменение замысла, по словам Гоголя, сводилось к тому, чтобы смягчить тягостное впечатление от первоначальных «чудовищ» и «карикатур»: «Я увидел, что многие из гадостей не стоят злобы; лучше показать всю ничтожность их...» В процессе дальнейшей работы над «Мертвыми душами» сатирическая резкость не дошедшей до нас первоначальной редакции уступила место юмору: пафос злобы сменился пафосом разоблачения *ничтожности*. Следов этой работы Гоголя нет ни в одной из сохранившихся редакций. Рукописи показывают, что ни в общий план, ни в развитие сюжета, ни в характеристики существенных изменений внесено не было. Работа велась очень значительная, но это была работа преимущественно над стилем, а также над дополнительными эпизодами и характеристиками.

В конце 1839 г. в Петербурге, в доме своего товарища по Нежинскому лицею Н. Я. Прокоповича, Гоголь впервые прочитал несколько глав своего произведения в уже измененной редакции. Присутствовавший на этом чтении П. В. Анненков вспоминает: «Мы уже узнали, что он собирался прочесть нам новое свое произведение, но приступить к делу было не легко. Гоголь, как ни в чем не бывало, ходил по комнате, добродушно подсмеивался над некоторыми общими знакомыми, а об чтении и помину не было. Даже раз он намекнул, что можно отложить заседание, но Н. Я. Прокопович, хорошо знавший его привычки, вывел всех из затруднения. Он подошел к Гоголю сзади, ощупал карманы его фрака, вытащил оттуда тетрадь почтовой бумаги в осьмушку, мелко намелко исписанную, и сказал по-малороссийски, кажется, так: „А що се таке у вас, пане?“ Гоголь сердито выхватил тетрадку, сел мрачно на диван и тотчас же начал читать, при всеобщем молчании. Он читал без перерыва до тех пор, пока истощился весь его голос и зарябило в глазах. Мы узнали таким образом первые четыре главы „Мертвых душ“. Общий смех мало поразил Гоголя, но изъявление нелицемерного восторга, которое видимо было на всех лицах под конец чтения, его тронуло».[1]

---

[1] П. В. Анненков, «Литературные воспоминания», стр. 28.

Несколько месяцев спустя, в марте 1840 г., чтение было в Москве, у С. Т. Аксакова и у других знакомых Гоголя. Везде, где читал Гоголь, «все слушатели приходили в совершенный восторг, но были люди, которые возненавидели Гоголя с самого появления „Ревизора". „Мертвые души" только усилили эту ненависть».[1]

Гоголь читал свою поэму по рукописи, первая половина которой почти полностью дошла до нашего времени *(РМ)*. Копию с нее автор творчески переработал, внеся огромное количество исправлений и вставок. «Вижу, что предмет становится глубже и глубже», — писал он тогда.[2]

Объем гоголевского романа в течение первого же года работы: вся Русь. Значительность замысла в собственном сознании отражена в одновременных и позднейших письмах. Содержание его Гоголь так определил в «Авторской исповеди»: «Мне хотелось сюда собрать одни яркие психологические явления, поместить те наблюдения, которые я делал издавна сокровенно над человеком, которых не доверял дотоле перу, чувствуя сам незрелость его, которые, быв изображены верно, послужили бы разгадкой многого в нашей жизни».

Задания Гоголя не могли найти полного выражения в форме романа. Нужно было создать особый жанр — большую эпическую форму, более широкую, чем роман. Гоголь и называет «Мертвые души» *поэмой*. Не случайно на обложке «Мертвых душ», рисованной самим Гоголем, слово «поэма» выделено крупными буквами.

Определение «Мертвых душ» как *поэмы* появилось у Гоголя рано. В письме от 7 октября 1835 г. к Пушкину еще говорится: «Сюжет растянулся на предлинный *роман*». Но в заграничных письмах 1836 г. уже появляется слово «поэма». Жуковскому Гоголь пишет 12 ноября 1836 г.: «Каждое утро... вписывал я по три страницы в мою *поэму*». В письме к Погодину от 28 ноября 1836 г. Гоголь особо останавливается на вопросе о жанре «Мертвых душ»: «Вещь, над которой сижу и тружусь теперь..., не похожа ни на повесть, ни на роман, длинная, длинная, в несколько томов... Если бог поможет выполнить мне мою поэму так, как должно, то это будет первое мое порядочное творение. Вся Русь отзовется в нем».

Гоголь не ошибался, придавая своему труду исключительное значение и выделяя его из всего написанного им раньше. Художественный метод поэмы Гоголя был неотделим от ее общественно-обличительного замысла; тем самым полемика вокруг «Мертвых душ» приобретала характер *идеологической борьбы, наглядно вскрывшей в русском обществе* различные, враждебные друг другу направления. Борьба вокруг «Мертвых душ» была еще интенсивнее, чем вокруг «Ревизора», — прежде всего потому, что с ростом общественных противоречий обострился идейный антагонизм в обществе и в литературе. «Беспрерывные толки и спо-

---

[1] С. Т. Аксаков, «История моего знакомства с Гоголем», стр. 38; И. И. Панаев, «Литературные воспоминания», Л., 1928, стр. 283—284.

[2] Письмо М. П. Погодину, 28 декабря 1840 г.

ры» вокруг «Мертвых душ» — это, по словам Белинского, «вопрос столько же литературный, сколько и общественный».

Гоголь предвидел нападения реакционеров, лжепатриотов, обывательского «лицемерно-бесчувственного современного суда», и он не ошибся.

Устные суждения современников о «Мертвых душах» пытались систематизировать С. Т. Аксаков и А. И. Герцен. Аксаков разделил читателей Гоголя на три части: 1) «образованная молодежь и все люди, способные понять высокое достоинство Гоголя»— они приняли книгу с восторгом; 2) люди «озадаченные», смущенные «карикатурой» и «неправдоподобием»; 3) явные враги: «Третья часть читателей обозлилась на Гоголя: она узнала себя в разных лицах поэмы и с остервенением вступилась за оскорбление целой России».[1] Четкую дифференциацию общественных направлений дал Герцен в дневнике (запись 29 июля 1842 г.): «Славянофилы и антиславянисты разделились на партии. Славянофилы № 1 говорят, что это апофеоз Руси, „Илиада" наша и хвалят след[ственно]; другие бесятся, говорят, что тут анафема Руси, и за то ругают. Обратно тоже раздвоились антиславянисты. Велико достоинство художественного произведения, когда оно может ускользать от всякого одностороннего взгляда. Видеть апофеоз — смешно, видеть одну анафему несправедливо».

Еще до появления «Мертвых душ» в печати, когда главы их были известны только из чтений Гоголя (в Петербурге — у Прокоповича, в Москве — у Аксакова и др.), граф Ф. И. Толстой («Американец») говорил в обществе, что Гоголь «враг России, и что его следует в кандалах отправить в Сибирь». Вспоминая об этом, Аксаков прибавлял: «В Петербурге было гораздо более таких особ, которые разделяли мнение гр. Толстого»[2]. Несколько аналогичных мнений привел Н. Я. Прокопович в письме к Гоголю от 21 октября 1842 г.[3] Из сравнительно близких Гоголю людей на этой позиции стоял Ф. В. Чижов; он писал Гоголю 4 марта 1847 г.: «Я восхищался талантом, но как русский был оскорблен до глубины сердца».[4]

В печати эта реакционная точка зрения была выражена в статьях Н. Полевого (в «Русском Вестнике», 1842 г., № 6), К. Масальского (в «Сыне Отечества», 1842 г., № 6), Н. Греча (в «Северной Пчеле», 1842 г., № 137) и О. Сенковского (в «Библиотеке для чтения», 1842 г., № 8). Из этих четырех враждебных Гоголю критиков Полевой был самым непримиримым. Масальский и Греч, повторяя нападки Полевого, делали оговорки о верности, живости и комизме отдельных мест;[5] Сенковский

---

[1] «История моего знакомства с Гоголем», стр. 66—67.

[2] Там же, стр. 38.

[3] См. «Материалы для биографии Гоголя» В. И. Шенрока, М., 1898, т. IV, стр. 54—55.

[4] «Русская старина», 1889, № 8, стр. 279.

[5] Журнал Министерства народного просвещения (1842, т. XXXVI, отд. VI, стр. 31 и 248—249), резюмируя полемику, выделил критику Масальского из числа враждебных отзывов, заметив, что Масальский «излагает свои мнения эклектически».

ограничился вышучиванием Гоголя в обычном своем издевательском тоне не брезгуя даже подтасовками в цитатах.[1]

На защиту Гоголя от нападок враждебной критики выступил критик «СПб. Ведомостей» М. Сорокин (1842, №№ 163—165). Признавая и сам в поэме Гоголя «промахи распаленной фантазии», Сорокин всё же сумел ответить на упреки в «утрировке» и в «грязных» картинах указанием на особенности гоголевского метода типизации и на характер самой изображаемой им действительности. Общественное значение поэмы не было им раскрыто.

Сочувственной Гоголю была и статья Плетнева, скрывшегося под инициалами С. Ш. и под маской корреспондента «Современника» из Житомира. Плетнев сделал много тонких наблюдений над особенностями реалистической эстетики Гоголя. Но смысл поэмы он видел в развитии чисто психологической идеи, делая при этом оговорки о незавершенности поэмы: «На книгу Гоголя нельзя иначе смотреть, как только на вступление к великой идее о жизни человека, увлекаемого страстями жалкими, но неотступно действующими в мелком кругу общества».[2]

В выступлениях славянофильской критики (Шевырев в «Москвитянине» и К. Аксаков в отдельной брошюре[3]) борьба вокруг Гоголя переходила уже в борьбу за Гоголя; смысл статей Шевырева и особенно К. Аксакова был в тенденциозном переосмыслении «Мертвых душ». Делая верные наблюдения над одними сторонами поэмы, они замалчивали другие и, не находя всего им нужного, пытались дополнить и поправить Гоголя. Так, Шевырев, сказав немало верного о жизненности и типичности гоголевских характеров и об эстетической роли автора в поэме, упрекает Гоголя в том, что «комический юмор автора мешает иногда ему обхватывать жизнь во всей ее полноте и широком объеме».[4] В толковании К. Аксакова «Мертвые души» полностью утрачивали свой обличительный характер.

Совершенно иначе подошли к поэме Гоголя Белинский и Герцен. «Мертвые души», по Белинскому, «творение чисто-русское, национальное, выхваченное из тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патриотическое, беспощадно сдергивающее покров с действительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовию к плодовитому зерну русской жизни; творение необъятно-художественное по концепции и выполнению, по характерам действующих лиц и подробностям русского быта, — и, в то же время, глубокое по мысли, социальное, общественное и историческое».[5] Белинский первый понял

---

[1] Рукописную редакцию статьи Сенковского, еще более издевательскую, и комментарий к ней см. в сборнике «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. 1, изд. Академии Наук СССР, 1936, стр. 226—242.

[2] «Современник», 1842, т. 27.

[3] «Несколько слов о поэме Н. В. Гоголя „Похождения Чичикова или Мертвые души“», М., 1842.

[4] «Москвитянин», 1842, № 7 и 8.

[5] «Отечественные записки», 1842, № 7.

самое существенное в поэме Гоголя: ее общественно-историческое значение, неотделимое от значения художественного. Белинский первый оценил и обличительное содержание поэмы («беспощадность»), неотделимое от любви к родине.

Оценка Белинского была им развита и углублена в том же году в его полемике с К. Аксаковым.[1] Белинский говорит прямо, что пафос поэмы «состоит в противоречии общественных форм русской жизни с ее глубоким субстанциальным началом», или в другом месте: «Мы именно в том-то и видим великость и гениальность в Гоголе, что он своим артистическим инстинктом верен действительности, и лучше хочет ограничиться, впрочем, великою задачею — объективировать современную действительность, внеся свет в мрак ее, чем... изображать русскую действительность такою, какой она никогда не бывала». «Тем-то и велико создание „Мертвых душ", — говорит Белинский, — что в нем сокрыта и разанатомирована жизнь до мелочей и мелочам этим придано общее значение».[2]

Близок Белинскому в своей оценке «Мертвых душ» был и Герцен. Под непосредственным впечатлением гоголевской поэмы он записал в дневнике 11 июня 1842 г.: «Удивительная книга, горький упрек современной Руси, но не безнадежный». С этой точки зрения оценивал он и споры о «Мертвых душах» в приведенной выше записи от 29 июля 1842 г. «Есть слова примирения, — писал он там же, — есть предчувствия и надежды будущего, полного и торжественного, но это не мешает настоящему отражаться во всей своей отвратительной действительности». Это обличительное значение «Мертвых душ» было раскрыто Герценом позднее в брошюре «О развитии революционных идей в России». Резкими чертами характеризует Герцен «Россию дворянчиков»: «Благодаря Гоголю мы наконец увидели, как они вышли из своих жилищ, из своих барских домов, без масок, без прикрас, вечно пьяные и ненасытные: рабы власти без достоинства и безжалостные тираны своих крепостных, сосущие жизнь и кровь народа с невинностью и простодушием ребенка, сосущего грудь матери. „Мертвые души" потрясли всю Россию. Подобное обвинение необходимо было современной России. Это — история болезни, написанная мастерской рукой». Выписки из книги Герцена, в том числе и приведенная здесь, были сообщены Гоголю в подлиннике, в письме М. С. Скуридина от 13 сентября 1851 г., т. е. за несколько месяцев до смерти Гоголя.[3]

---

[1] См. «Отечественные записки», 1842, №№ 8 и 11.

[2] Обличительное значение и «глубоко-национальный пафос» поэмы отмечал рецензент Н. М<азко> («Голос из провинции о поэме Гоголя» — «Отечественные записки», 1843, № 4). Компромиссной была позиция анонимного критика «Литературной газеты», 1842, № 23: сочувственно оценивая общественное содержание поэмы, критик не одобрял ее «грязных шуточек».

[3] См. «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. 1, стр. 133—138 и 145—149.

6 октября 1843 г. Гоголь поручил Шевыреву приступить ко второму изданию «Мертвых душ», причем от переработки написанного отказывался. «Поправок не нужно, — писал он, — кроме разве в языке и слоге, что ты можешь сделать лучше моего. Если же я теперь к чему-нибудь прикоснусь, то многое не останется на месте и займет это не мало времени. Поправки могут быть произведены только тогда, когда я буду умней».

Новым письмом к Шевыреву от 2 февраля 1844 г. Гоголь приостановил печатание. Как видно из письма к Плетневу от 20 марта 1846 г., он еще рассчитывал подготовить второе переработанное издание первого тома. В связи с теми настроениями, которыми были вызваны «Выбранные места из переписки с друзьями», замысел этот приобретает новую форму: переработка откладывается, но выпускается в свет второе издание с прежним текстом и в сопровождении предисловия — обращения к читателям всех званий и сословий, с признанием своих недостатков («в книге этой многое описано неверно») и с просьбой о «поправках» и других замечаниях. Сам Гоголь указывал на тесную связь предисловия с «Выбранными местами» и даже пытался — в письме к Шевыреву от 20 января 1847 г. — приостановить издание до выхода в свет «Выбранных мест» («потому что предисловие может быть понятно читателям только по прочтении моей „Переписки", а без этого всё это будет дико...»). Еще до получения этого письма второе издание «Мертвых душ» вышло в свет — одновременно с «Выбранными местами». Второе издание вызвало рецензию Белинского, отмеченную глубокой тревогой за новое направление Гоголя.[1]

Переработка первого тома не была Гоголем осуществлена, и первый том при жизни Гоголя больше не переиздавался.

---

[1] «Современник», 1847, № 1.

ИСПРАВЛЕНИЯ, ВНЕСЕННЫЕ В ПЕРВОПЕЧАТНЫЙ ТЕКСТ ПО РУКОПИСЯМ

Стр.	*Строка*	*Исправленный текст*	*Первопечатный текст*
10	18	*каких-нибудь* лихорадок *РК*	каких-либо лихорадок
10	19	всё так *обстоятельно* и с такою точностию *РК*	всё так и с такою точностию
14	33	весьма *чисто*, обдуманно *РК*	весьма обдуманно
17	10	и на Руси начинают *уже* выводиться богатыри *РК*	и на Руси начинают выводиться богатыри
18	25	почти *весь* город *РК, РП, РЦ*	почти всего города
27	33	*тою же* приятною улыбкою *РК*	такою же приятною улыбкою
28	8	наблюсти *деликатес* в своих поступках *РК(авт)*	наблюсти деликатность в своих поступках
		Слово деликатес, характерное в устах Манилова, встречается и дальше.	
30	17	старался *высвободить* свой подбородок *РК(авт)*	старался освободить свой подбородок
31	16	строго застучал *вилкою* по столу *РЛ, РК, РП*	строго застучал по столу
35	18	Мы напишем, что они *живые РК(авт)*	Мы напишем, что они живы
36	7	Казна получит даже *выгоду РК(авт)*	Казна получит даже выгоды
40	19	Я ему *дам с охотою* лишнюю меру *РК*	Я ему с охотою дам лишнюю меру
41	4	Ты думаешь, что *ты* скроешь свое поведение *РК*	Ты думаешь, что скроешь свое поведение
42	14	все ободрительные и *понудительные* крики *РЛ, РК*	все ободрительные и побудительные крики
42	16	прилагательные всех родов *и качеств РК(авт)*	прилагательные всех родов

Стр.	Строка	Исправленный текст	Первопечатный текст
42	25	по какой *ты дороге* едешь *РК*	по какой дороге ты едешь
42	33	*Засим* начал он *РК*	Затем начал он
43	11	*произнес* Чичиков *РК*	сказал Чичиков
44	8	*Видишь*, с дороги сбились *РК*	Вишь, с дороги сбились

Переписчик, вероятно, по инерции написал только что встретившееся ему выше слово: вишь («Вишь ты какой востроногой»)

44	29	может быть старик *или просто* наделенный дюжею собачьей натурой *РК*	может быть старик, наделенный дюжею собачьей натурой
45	8	*и* за всяким зеркалом *РК*, *РП*	за всяким зеркалом
45	34	шум *очень* походил *РМ*	шум походил
46	26	Какое-то время *наслал* бог *РК*	Какое-то время послал бог
47	28	заставило его *очень* крепко чихнуть *РМ*	заставило его крепко чихнуть
48	11	расхаживал петух *мерным шагом* *РК*	расхаживал петух мерными шагами
48	17	тянулись *просторные* огороды *РК*	тянулись пространные огороды
49	1	но на шее *все-таки* было что-то навязано *РМ*	но на шее всё также было что-то навязано
49	10	*мазала* свиным салом *РМ*	смазывала свиным салом
52	9	А теперь примите *только в соображение* то *РК*	А теперь примите в соображение только то
52	19	не случалось *мне продавать* покойников *РК*	не случалось продавать мне покойников
52	20	Живых-то я уступила, вот и третьего года *протопопу* двух девок по сту рублей каждую *РК*	Живых-то я уступила, вот и третьего года Протопопову двух девок по сту рублей каждую

Происхождение этой ошибки: в *РК* написано — Протопопу; в *РП* переписано правильно: Протопопу; переписчик *РЦ* исказил: Протопову; так и напечатано в первом издании. Во втором издании, очевидно, исправили на обычную фамилию: Протопопову. Восстанавливаем первоначальное слово: «протопоп»; оно не один раз упоминается при Коробочке, тогда как случайно появившийся Протопопов нигде не встречается.

53	18	Так зато *же* это мед *РК*	Так зато это мед
53	33	Кто ж станет покупать их! *На что они им? РК*, *РП*	Кто ж станет покупать их!

Стр.	Строка	Исправленный текст	Первопечатный текст
54	25	да пропади *они* и околей *РК*	да пропади и околей
55	13	чтобы избавить *от* лишних затруднений *РК*, *РП*	чтобы избавить лишних затруднений
55	23	Чичиков вышел *тоже* в гостиную *РК*	Чичиков вышел в гостиную
55	26	стоял *накрытый* стол *РК*	стоял покрытый стол
56	11	Хорош у тебя *ящичек* *РК*	Хорош у тебя ящик
56	19	Хоть бы мне *листик* подарил *РК*	Хоть бы мне листок подарил
57	14	горячих *блинков* *РК*, *РП*	горячих блинов
57	28	понадобится *еще* птичьих перьев *РК*	понадобится птичьих перьев
59	36	отвечала девченка, *показавши* рукою *РК*	отвечала девченка, показывая рукою
60	8	когда их *высыпят* *РК*	когда их высыпают
62	11	он встретил отворившуюся со скрипом дверь *и вместе с нею исходивший свет* и толстую старуху *РК*	он встретил отворившуюся со скрипом дверь и толстую старуху
62	14	в небольших деревянных трактирах, каких немало *повыстроено* по дорогам *РК*, *РП*	в небольших деревянных трактирах, каких немало выстроено по дорогам
64	14	не дождавшись ответа, продолжал *далее* *РК*	не дождавшись ответа, продолжал
64	20	Я уже *пересел* вот в его бричку». Говоря это, Ноздрев *указал* пальцем *РК*	Я уже перелез вот в его бричку». Говоря это, Ноздрев показал пальцем
64	25	не только убухал четырех рысаков — *просто* всё спустил *РК(авт)*	не только убухал четырех рысаков — всё спустил
64	34	Ты *однако ж* и тогда *РК(авт)*	Ты однако и тогда
66	17	А сколько, *брат, было* карет *РК(авт)*	А сколько было, брат, карет
66	19	опять поставил один раз и *прокрутил*, канальство, *РК*.	опять поставил один раз и прокутил, канальство,

Ноздрев в фортунку «крутнул» и прокрутил, а о кутеже в данном случае речи нет.

67	14	*поедем-ка сейчас* ко мне *РК*	поедем ко мне

Стр.	Строка	Исправленный текст	Первопечатный текст
69	30	*отвечала* старуха *РК*	сказала старуха
69	38	могли *очень* свободно *РК*	могли свободно
70	19	каким был в осьмнадцать и *в* двадцать *РК*	каким был в осьмнадцать и двадцать
70	22	решительно *были ему* не нужны *РК*	решительно ему были не нужны
71	22	разговаривающий о предметах *высоких и предметах*, вызывающих на размышление *РК*	разговаривающий о предметах, вызывающих на размышление
		Переписчик механически после встретившегося в первом случае слова: «предметах» перескочил к продолжению текста после второго упоминания этого же слова, пропустив таким образом текст: высоких и предметах.	
72	2	хомутов, курительных *смолок, ситцев, свечей РЛ*	хомутов, курительных свечек
73	5	тоже *очень* хорошие лошади *РК*	тоже хорошие лошади
74	23	всё *это* мое *РК*	всё мое
75	14	*и* кисет, вышитый *РК*	кисет, вышитый
75	17	самой *субтильной* сюперфлю *РК(авт)*	самой субдительной сюперфлю
76	7	носивший такое имя, *какое* даже *РК(авт)*	носивший такое имя, которое даже
77	16	Да ведь *такой*... с ним нельзя никак сойтиться *РК*	Да ведь с ним нельзя ни как сойтиться
77	37	почитаемой неприличною буквою *РК*	почитаемой некоторыми неприличною буквою
		Переписчик, не заметив, что слово «некоторыми» зачеркнуто автором, переписал его в следующую рукопись.	
78	25	не давши окончить *ему РК*	не давши окончить
79	1	«*Езуит, Езуит!* Голову ставлю, что врешь» *РК(авт)*	Голову ставлю, что врешь
79	5	*Если* бы я был *РК*	Ежели бы я был
80	17	земли не *зацепит РК(авт)*	земли не заденет
81	7	Экой ты *такой, право! РК (авт)*	Экой ты, право, такой!
81	10	зачем же *мне* приобретать *РК(авт)*	зачем же приобретать
82	5	дрожишь из-за *этакого* вздору *РК(авт)*	дрожишь из-за этого вздору
82	9	ступай, *поди* скажи конюху *РК*	ступай, скажи конюху
82	20	Вот тебе *твоя* постель *РК*	Вот тебе постель

Стр.	Строка	Исправленный текст	Первопечатный текст
82	25	*и* поступил неосторожно *РК (авт)*	поступил неосторожно
82	36	*чтобы* приказать Селифану *РК*	приказать Селифану
83	19	табачная зола видна *была даже* на скатерти *РК*	табачная зола видна даже была на скатерти
84	8	«Изволь, так и быть, в шашки сыграю», *сказал Чичиков РК*	«Изволь, так и быть, в шашки сыграю».
86	9	В это *же* самое время вошел Порфирий и *за* ним Павлушка *РК* и *РП*	В это самое время вошел Порфирий и с ним Павлушка

Восстановлены: первая ошибка (пропуск частицы *же*) по *РК* (ошибка переписчика *РП*); вторая (предлог *за* вместо *с*) — по *РК* и *РП* (ошибка переписчика *РЦ*).

89	17	я еще *никогда* не видал *РК*	я еще не видал
90	4	поотведать, какое у них было *продовольство РК, РП*	поотведать, какое у них было продовольствие

Переписчик написал общеупотребительное слово, вместо характерного в устах Селифана слова: продовольство.

90	18	он принялся *осаживать* назад бричку *РП*	он принялся отсаживать назад бричку
90	22	с выражение страха *в глазах и во всем лице РК (авт)*	с выражением страха в лицах
90	23	Одна была *уже* старуха *РК*	Одна была старуха
91	25	на *пристяжного*, а на *коренного РК*	на пристяжную, а на коренную

Во всем тексте «пристяжной» и «коренной», так же как и здесь, приведены в мужском роде.

91	32	Но, увидевши, что дело не шло, и не помогло никакое накаливанье, *дядя Митяй и дядя Миняй сели оба на пристяжного, потом* дядя Митяй и дядя Миняй сели оба на коренного, а на пристяжного посадили Андрюшку *РК*	Но, увидевши, что дело не шло, и не помогло никакое накаливанье, дядя Митяй и дядя Миняй сели оба на коренного, а на пристяжного посадили Андрюшку
93	3	Славная *бабенка РК, РП*	Славная бабешка
95	21	*Колокотрони*, Миаули, Канари *РЛ*	Миаули, Канари

Ср. стр. 103, строка 19, где опять встречается имя Колокотрони.

Стр.	Строка	Исправленный текст	Первопечатный текст
96	10	не двигнула более ни глазом, ни бровью, *ни носом* *РК (авт)*	не двигнула более ни глазом, ни бровью
97	32	к *столику*, где была закуска *РК*	к столу, где была закуска
98	16	из чего *всё это* готовится *РК*	из чего это всё готовится
99	27	*вскликнул* Чичиков *РК (авт)*	воскликнул Чичиков
99	30	не советую *и* дороги знать *РК*	не советую дороги знать
100	16	*маленечко* приотдохнем *РК(авт)*	маленько приотдохнем
100	29	ревизские души, *окончившие* жизненное поприще *РК, РП*	ревизские души, окончивши жизненное поприще
101	2	не назвал *души* умершими *РК, РП*	не назвал души умершими
101	5	показалось *в* лице его *РК*	показалось на лице его
101	23	продает *еще* прежде *РК (авт)*	продает прежде
101	25	хотя впрочем, *конечно*, это такой предмет *РК(авт)*	хотя впрочем это такой предмет
103	19	обратившись к висевшим *по* стене портретам *РК*	обратившись к висевшим на стене портретам
105	1	«Нет, я вижу, вы не хотите продать; прощайте!» *«Позвольте, позвольте! — сказал Собакевич, взявши его за руку и ведя в гостиную. — Прошу, я вам что-то скажу».* *«К чему беспокойство, я сказал всё».* «Позвольте, позвольте! — сказал Собакевич, не выпуская его руки *РК(авт)*	«Нет, я вижу, вы не хотите продать; прощайте!» «Позвольте, позвольте! — сказал Собакевич, не выпуская его руки

Переписчик машинально перескочил через два абзаца на следующий, тоже начинающийся словами: «Позвольте, позвольте». Из-за этого пропуска в напечатанном тексте было логически неоправданное выражение «не выпуская его руки», так как в пропущенном абзаце предварительно сказано: «взявши его за руку».

105	24	Какая ж *будет ваша* последняя цена *РК*	Какая ж ваша будет последняя цена
106	20	смекнувши, что *ведь* они не твои же крепостные *РК(авт)*	смекнувши, что они не твои же крепостные

Стр.	*Строка*	*Исправленный текст*	*Первопечатный текст*
107	8	Пожалуйте только *расписочку РК*	Пожалуйте только расписку
107	6	лучше *расписочку РК*	лучше расписку
107	20	за проданные *ревижские* души получил *РК, РП*	за проданные души получил
108	19	Когда бричка *уже была* на конце деревни *РК (авт)*	Когда бричка была уже на конце деревни
108	25	затруднился *таким* вопросом *РК*	затруднился сим вопросом
109	15	рассыпано *по* святой благочестивой Руси *РК*	рассыпано на святой благочестивой Руси
112	11	ветхих *избяных* крыш *РК*	ветхих крыш
113	25	Словом, всё было *как-то пустынно*-хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству *РК*	Словом, всё было хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству
115	25	люстра в *холстяном* мешке *РК*	люстра в холстинном мешке
117	9	куда *ежеденно* отправляются *РК (авт)*	куда ежедневно отправляются
117	37	сосед заезжал к нему *сытно* пообедать *РК*	сосед заезжал к нему пообедать
118	2	двигались мельницы, *валяльни РЛ*	двигались мельницы, валильни
120	8	приласкал обоих *внучков РК*	приласкал обоих внуков
120	16	тем *разительнее* бывает оно *РП (авт)*	тем поразительнее бывает оно
121	21	а кухня у меня *такая* прескверная *РК*	а кухня у меня низкая, прескверная
122	33	Он *вытаращил* глаза, долго смотрел *РК*	Он, вытаращив глаза, долго смотрел
123	1	Ведь это *вам-то самим* в убыток *РП*	Ведь это вам самим-то в убыток
123	4	ах, благодетель *ты* мой *РК*	ах, благодетель мой
123	11	так же мгновенно и *пропала РК*	так же мгновенно и прошла
123	16	платить за них *что ли РК (авт)*	платить за них подать
124	12	взглянул *на это* из окошка *РК*	взглянул из окошка
124	14	такие *высокие* скачки *РК*	такие скачки
124	25	эхва, дурачина! *О, какой же ты дурачина!.. чего улепетываешь?* Бес у тебя в ногах *РМ*	эхва, дурачина! Бес у тебя в ногах

Стр.	Строка	Исправленный текст	Первопечатный текст
125	2	*И* потому *РК*	А потому
125	6	совершить *ее* хоть сию же минуту *РК*	совершить хоть сию же минуту
125	7	*списочка* всем крестьянам *РК*	списка всем крестьянам
125	18	и теперь вот *чистенькой* я вам налью *РК*	и теперь вот чистенькая, я вам налью
125	22	он *и* не ест, а сыт *РК*	он не ест, а сыт
126	6	*вскрикнул* он *РК*	вскричал он
127	6	*в* другой какой бабьей *слабости РК*	другой какой бабьей слабостью
128	11	у меня что год, то *бегут РК*	у меня что год, то бегают
129	3	хоть по две *копеечки* пристегните *РК*	хоть по две копейки пристегните
130	10	подумал о том, как бы *и чем РК*	подумал о том, как бы ему
131	13	с гитарой и *чудными* кудрями *РК*	с гитарой и кудрями
135	32	*я*, помещик такой-то *РК (авт)*	помещик такой-то
136	7	одно из *похвальных* качеств *РК*	одно из качеств
137	1	бил *по спине ремнем РК*	бил ремнем по спине
137	27	может *быть* и сам *РК*	может и сам
139	13	*зацепляя* крючком *РК (авт)*	нацепляя крючком
139	29	и *с бумагами под мышкой* отправился *РК*	и бумаги под мышку и отправился
140	5	столкнулся *с господином тоже* в медведях *РК*	столкнулся тоже с господином в медведях
140	18	связанную розовою ленточкой *и подал очень ловко двумя пальцами РК (авт)*	связанную розовою ленточкой
141	1	*В подобных* взаимных услугах они дошли *РК*	Во взаимных услугах они дошли
144	26	сначала несколько *было* смешало нашего героя *РК*	сначала несколько смешало нашего героя
145	1	«Вот возьмите, Иван Антонович, все эти крепости...» *РП*	«Вот возьмите, Иван Антонович, все эти крепости их...»

Происхождение ошибки: текст *РП* (эта часть текста *РК* не сохранилась): «все эти крепости, приложите их». При просмотре *РП* Гоголь зачеркнул слово: «приложите», а местоимение «их» осталось случайно незачеркнутым и перешло в следующую рукопись *РЦ*, а затем и в первопечатный текст.

Стр.	*Строка*	*Исправленный текст*	*Первопечатный текст*
147	33	отличные земли, *не заселено только РК*	отличные земли!
150	25	осетра, лежавшего в *сторонке РК*	осетра, лежавшего в стороне
154	2	Покупки Чичикова сделались предметом разговоров *в городе. Пошли* толки *РК (авт)*	Покупки Чичикова сделались предметом разговоров. В городе пошли толки
154	19	ты не спросил, *каков еще* мужик у Чичикова *РК*	ты не спросил еще, каков мужик у Чичикова
156	8	многие, *побуждаемые* участием, *сообщали* даже Чичикову *РК, РП*	многие, побеждаемые участием, сообщили даже Чичикову
157	2	выписки *по целым листам и в чем состояли эти выписки и* какого рода *РК*	выписки, но какого рода
158	10	*и* особенно наблюсти моду *РК (авт)*	а особенно наблюсти моду
158	29	В нравах *своих* дамы *РК (авт)*	В нравах дамы
158	32	между *ними РК, РП*	между ими
159	34	стали говорить *явно РК (авт)*	стали говорить
162	9	*Любезнейший* Павел Иванович *РЛ, РК*	Любезный Павел Иванович
		Ср. ниже следующее обращение тоже в превосходной степени: Почтеннейший	
162	30	смеются от души те, которые *от него подалее и которые*, впрочем, несколько плохо *услышали* произнесенные им слова *РЛ, РК, РП*	смеются от души те, которые, впрочем, несколько плохо услыхали произнесенные им слова
163	8	таких бледных, *бледных* модных цветов *РК (авт)*	таких бледных модных цветов
163	24	какой-нибудь легонький галстучек из ленты *или шарф* легче пирожного *РК*	какой-нибудь легонький галстучек из ленты легче пирожного
163	26	эфирно обнимал *и обвивал* шею *РК*	эфирно обнимал шею
163	34	дышали завидною *свежестью и* полнотою *РК*	дышали завидною полнотою
165	14	только разинуть *рот* да выставить его *РК*	только разинуть рты да выставить его
		Происхождение ошибки: переписчик *РП* вместо: рот написал: роты (ъ принял за ы); переписчик следующей рукописи *(РЦ)* исправил грамматическую ошибку, написал: рты. Построение всей фразы требует единственного числа.	

Стр.	*Строка*	*Исправленный текст*	*Первопечатный текст*
166	11	произнесла *ласковым и* несколько *даже* лукавым голосом *РК*	произнесла несколько ласковым и лукавым голосом
166	27	шестнадцатилетнюю *девицу*, свеженькую блондинку с тоненькими стройными чертами *РЛ, РК*	шестнадцатилетнюю девушку, свеженькую блондинку с тоненькими и стройными чертами
169	30	он *тот же час* его занял *РК*	он тотчас его занял
171	4	даже *некоторое* согласие *РК*	даже согласие
171	5	*после наглого* завладения стулом *РК*	по случаю завладения стулом
172	36	*Минуты на две настала какая-то непонятная тишина*, Чичиков заметил *РК*	Чичиков заметил
174	3	что *уже было РК*	что было уже
174	18	несравненно *раньше РК*	несравненно ранее
175	1	*переговаривается* с другим *РП (авт)*	переговаривает с другим
178	21	с белыми *деревянными* барельефчиками *РК (авт)*	с белыми барельефчиками
180	4	*выбежала* в переднюю *РК*	вбежала в переднюю
180	31	*Сестре ее прислали* материйку *РК*	Сестре я прислала материйку
182	11	готова была исколоть за это иголками глупый язык *свой РК*	готова была исколоть за это иголками глупый язык
182	15	Ведь вы *не* знаете *РК, РП*	Ведь вы знаете
184	24	Ну, *а* как вы думаете *РК*	Ну, как вы думаете
184	25	Я, признаюсь, совершенно *потрясена РК (авт)*	Я, признаюсь, совершенно потеряна
185	3	*обращается* весь *РК*	превращается весь
187	31	он родного отца *готов* продать *РК (авт)*	он родного отца хотел продать
189	21	где он, *что он РК*	где он
191	13	приняло *самый определительный* вид *РК*	приняло живой, определенный вид
191	16	губернатор *давно* бы отдал за него дочку *РК*	губернатор даже бы отдал за него дочку
194	23	*рассужено сначала наедине РК*	сначала наедине рассужено

Стр.	*Строка*	*Исправленный текст*	*Первопечатный текст*
194	32	чиновники, *однако ж*, неизвестно почему стали думать *РК*	чиновники неизвестно почему стали думать
195	13	всё это как-то *темно РК*	всё это как-то неясно
195	38	всегда *он готов* ручаться *РК*	всегда готов он ручаться
196	4	насчет дружбы *и симпатии РК*	насчет дружбы
197	14	не *потеряли* присутствия духа *РК*	не теряли присутствия духа
197	22	заперши присутствие *получасом* раньше *РК*	заперши присутствие часом раньше
199	14	заставил вскрикнуть всех в одно *слово РК*	заставил вскрикнуть всех в одно время
205	31	*наконец одно было РК*	было наконец одно
206	23	продали *мерку* овса *РК*	продали меру овса
207	2	многие *открыли даже* в нем *РК*	многие даже открыли в нем
207	29	в *то* время *РК*	в это время
210	23	мимо девяти *других* хороших *РК (авт)*	мимо девяти хороших
211	28	он *дивился этому немало и* пожимал только плечами *РК (авт)*	он пожимал только плечами
211	35	эк *его*, какие пошли *РК*	эк какие пошли
212	26	ты, видно, так себе, *что ни попало*, шушера какой-нибудь *РК (авт)*	ты, видно, так себе, шушера какой-нибудь
212	29	наговорил *ему* такую дрянь *РК (авт)*	наговорил такую дрянь
212	32	могли относиться слова *его*, ничего не мог понять *РК (авт)*	могли относиться слова, но ничего не мог понять
213	7	велел *себе подать* чаю *РК (авт)*	велел подать себе чаю
214	13	нарядили тебя *и* в разбойники[1] *РК*	нарядили тебя в разбойники
214	35	дать *взаймы три тысячи РК*	дать три тысячи взаймы
215	6	сбыть поскорее *с рук* Ноздрева *РК*	сбыть поскорее Ноздрева

[1] В основном тексте ошибочно напечатано вместо «и в разбойники» «и зря в разбойники».

Стр.	Строка	Исправленный текст	Первопечатный текст
215	13	покрывшийся уже *порядочною* пылью *РК*	покрывшийся уже порядочно пылью
215	20	отпечатывая своими *толстыми* сапогами *мокрые* следы *РК*	отпечатывая своими мокрыми сапогами следы
216	2	*Ничего* однако же *РП*	Ничто однако же
217	20	он такой конь, *что* просто не приведи бог *РК*	он такой конь, просто не приведи бог
		Смазанное чернилами слово «что» переписчик счел за зачеркнутое.	
218	31	может быть, *даже* надоела читателю *РП*	может быть, надоела читателю
220	4	Бричка между тем *поворачивала РЛ, РК*	Бричка между тем поворотила
220	29	опутанные виноградными сучьями, *плющем РК (авт)*	опутанные виноградными сучьями, плющами
		Переписчик, видимо, машинально написал после «сучьями» тоже во множественном числе — «плющами».	
220	36	несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря *и* до моря, песня *РК*	несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня
221	23	тесней и уютней *прижмешься* к углу! *РК*	тесней и уютней прижмемся к углу!
		Ср. ниже: и уже храпишь, прижавши к углу своего соседа.	
222	13	*слышишь* голос *РК*	слышится голос
222	24	и поглядывал только *изредка* назад *РК*	и поглядывал только назад
222	31	проезжал он его *когда-нибудь* давно *РК*	проезжал он его давно
223	31	обратили в *рабочую* лошадь *РК (авт)*	обратили в лошадь
223	32	понукая и кнутом и всем, *чем попало РК*	понукая и кнутом и всем, чем ни попало
		Ошибка переписчика *РП*, видимо машинально добавившего обычное в таких выражениях *ни*.	
223	35	*и* остались *РК (авт), РП*	а остались
226	23	который *уже* попал на замечание *РГ*	который попал на замечание
226	25	только *пошевельнуться РГ*	только пошевелиться
229	21	предался дикому, *искаженному* веселью *РГ*	предался дикому веселью
230	26	приглашал *к себе* на чай *РГ*	приглашал его на чай
230	31	С этих пор *всё* пошло легче и успешнее *РГ*	С этих пор пошло легче и успешнее

Стр.	*Строка*	*Исправленный текст*	*Первопечатный текст*
231	28	остальное пойдет *по* начальству *РГ*, *РП*	остальное пойдет к начальству
235	16	не изменяясь *нимало* ни в лице *РГ*	не изменяясь ни в лице
235	21	вот я ножичком немного *пораспорю РГ*, *РП*	вот я ножичком немного распорю
236	25	без *всякого* сомнения *РГ*	без сомнения
236	30	Не участвуй он сам в *сем* предприятии *РГ*	Не участвуй он сам в этом предприятии
238	13	отдать справедливость *неодолимой* силе *РГ*	отдать справедливость непреодолимой силе
238	23	Он рассуждал, и в *рассуждениях* его *РГ*	Он рассуждал и в рассуждении его
239	4	*масло* ли стоит, свечи ли, сало *РП*	мыло ли стоит, свечи ли, сало
239	25	последнее *остававшееся* имение *РГ*	последнее оставшееся имение
240	17	покажется *совсем* невероятным *РГ (авт)*	покажется всем невероятным
241	9	если *уж* точно падет *РГ*	если точно падет
242	17	все они, низкие и прекрасные, *все* вначале покорны человеку *РГ*	все они, низкие и прекрасные, вначале покорны человеку
244	21	что *это* у тебя за Мокий Кифович? *РГ*	что у тебя за Мокий Кифович?

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стр.

Н. В. Гоголь. Рисунок художника К. Мазера. 1840 г. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

Обложка первого издания «Мертвых душ». По рисунку Н. В. Гоголя 16

Начало второй главы. Автограф второй редакции. Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде 336

Набросок к главе восьмой. Автограф. Областной архив в г. Горьком 464

Наброски к главе одиннадцатой. Автограф. Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина в Москве . . . 568

Титульный лист цензурной рукописи «Мертвых душ». Автограф. Номер, дата и добавление к заглавию рукой цензора. Научная библиотека Московского государственного университета 888

СОДЕРЖАНИЕ

Стр

Мертвые души, том первый

Глава I 7
Глава II 19
Глава III 40
Глава IV 61
Глава V 89
Глава VI 110
Глава VII 133
Глава VIII 154
Глава IX 178
Глава X 197
Глава XI 216

Другие редакции

<Первая сохранившаяся редакция> 251
<Вторая редакция> 333
Повесть о капитане Копейкине. <Цензурная редакция> 581
<Предисловие ко второму изданию>. К читателю от сочинителя 587
<Сохранившиеся разрозненные черновые отрывки> 591

Варианты 695

Комментарии 879

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

РЕДАКЦИЯ

Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ, Н. И. МОРДОВЧЕНКО,
Б. В. ТОМАШЕВСКИЙ

Текст и комментарии подготовили
В. А. ЖДАНОВ и *Э. Е. ЗАЙДЕНШНУР*

*

Редактор издательства *А. И. Корчагин*
Оформление художника *Н. В. Ильина*
Технический редактор *А. А. Киселева*
Корректор *Н. С. Родина*

*

РИСО АН СССР № 4153 Т-00045. Изд. № 2610.
Тип. заказ № 1708. Подп. к печ. 8/III 1951 г.
Формат бум. 60 X 92 1/16. Печ. л. 57,75 + 6 вкл.
Уч.-изд. л. 57,75. Бум. л. 28,375. Тираж 6000

Цена в переплете 25 руб.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР.
Ленинград, В. О. 9 линия, д. 12.